Пролетарии всех стран, соединяйтесь !

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЕРВЫЙ — ВТОРОЙ
(ПЯТЬДЕСЯТЫЙ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ)

1932

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТ[illegible]
МОСКВА 193[illegible]

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

★

Уполномоченный Главлита В-30582.
Тираж 2 250 экз. Заказ № 1041.
Сдано в производство 19/IV 1932 г.
Подписано к печати 23/VII 1932 г.
Форм. 72×105 1/16. Объем 14 3/4 п. л.
В 1 печ. л. 40 000 п. зн.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—95 г.г.

Публикуемые ниже документы из эпохи японо-китайской войны 1894—95 г. г. раскрывают один из ранних этапов захватнической политики тогда еще молодого японского капитализма. Япония, которая в предшествующий период едва не оказалась прямым объектом колониальной эксплоатации европейско-американского капитала и только что проделала свою далеко не завершенную буржуазную революцию в форме своеобразного приспособления проникнутого феодальными элементами строя к требованиям развивающегося капитализма, выступает теперь в роли крупного капиталистического хищника.

Слабая емкость внутреннего рынка Японии и невозможность его расширения иначе как путем решительного выкорчевывания многочисленных, еще сохранившихся феодальных остатков, с неизбежностью толкала японские правящие классы на лихорадочные поиски внешних рынков — на путь военных авантюр.

Формозская экспедиция 1874 г., японо-корейское соглашение 1876 г., провозглашавшее принцип корейской независимости и направленное против Китая, установление в 1879 г. японского владычества над островами Лиу-Киу, организация восстания в Корее в 1894 г., приведшего к вмешательству Японии, расходы по которому должна была платить Корея, Тяньцзинское соглашение 1886 г. с Китаем, установившее фактическое равноправие обеих держав в Корее и, по существу, их совместный протекторат над нею, — таковы факты активизации японской политики, направленной в первую голову на Корею.

В течение последующих 10 лет в Японии ведется деятельная систематическая подготовка к войне с Китаем за корейскую территорию.

Японии приходилось торопиться со своим выступлением: в 1891 г. начата была постройка Сибирской железной дороги как на ее западных, так и на восточных участках, а в 1894 г. должно было начаться временное частичное движение по ней.

Перед Японией выростала реальная угроза, что Россия может опередить ее в деле захвата Кореи.

Захват Кореи Россией означал бы такое усиление позиций царской России на Дальнем Востоке, которое было совершенно неприемлемо для Англии. Напомним, что, когда в результате Тяньцзиньского соглашения встал вопрос о приглашении в Корею русских инструкторов, в связи с чем Россия должна была получить незамерзающий порт Лазарева, Англия реагировала на это немедленным занятием порта Гэмильтон (1885 г.). Правда, назревавший тогда англо-русский конфликт на Дальнем Востоке был

на этот раз скоро ликвидирован, но основные англо-русские противоречия остались.

Не случайным является тот факт, что в момент назревания японо-китайского конфликта был заключен англо-японский договор 16 июля 1894 г., согласно которому отменялась экстерриториальность английских подданных в Японии и объявлялся принцип японской таможенной автономии.

Таковы основные моменты накопившихся к рассматриваемому времени международных противоречий вокруг корейского вопроса, моменты, дальнейшее развитие которых получает отражение в публикуемых документах.

Эти документы приобретают особый интерес в связи с происходящими в настоящее время событиями на Дальнем Востоке, бросая свет на ту эпоху, когда страна, теперь ведущая развернутую империалистическую политику в Манчжурии, будучи только что втянутой в орбиту развивающегося империализма, делала первые и еще неуверенные шаги по кровавому пути империалистического грабежа.

Публикуемые документы извлечены из дел японского стола фонда б. министерства иностранных дел, хранящегося в Архиве Революции и Внешней Политики.

Документы подготовили к печати Б. Г. Вебер и С. Р. Дамант.

I. Отношение посланника в Токио Хитрово на имя поверенного в делах в Корее К. И. Вебера.

21 (9) февраля 1894 г., № 50.

Мне сообщают из частного источника и тайным образом, что будто бы в Корее приготовляется серьезное восстание, что во главе заговора стоит отец короля; что восстание это должно вспыхнуть будущим летом и, во всяком случае, не позже осени; что агенты заговорщиков закупают в Японии и в Китае оружие, что уже четыре тысячи купленных ружей сложены в какой-то кладовой в Канагаве; что закуплены три парохода, из которых один будто бы уже прибыл в Японию и на него набирается команда из японцев и корейцев; что японскому правительству об этом заговоре ничего не известно; что некоторые японцы в нем участвуют и ему потворствуют; что корейские заговорщики уверяют их, что восстание будет в пользу Японии, но что это обман и революция замышляется в пользу Китая с его помощью; что Тай-вэнь-кун [1]) снабжает заговор деньгами, частью получаемыми из Китая, частью из своих собственных средств, впрочем значительно уже истощившихся; что отец короля для увеличения средств на восстание обратился к иокогамскому банкиру Уокеру, предлагая ему взять под залог принадлежащие ему в Корее золотые прииски; что Уо-

[1]) Отец короля Кореи.

кер посылает в скором времени в Корею инженеров для осмотра этих приисков; что исходной точкой будущего восстания предполагается Железный остров, куда будто бы уже свозится разный инсуррекционный материал, и где будто бы уже находится некоторое число завербованных японцев. Сообщаю вам эти сведения, отнюдь не ручаясь за их верность.

Хитрово.

2. Депеша посланника в Пекине Кассини министру ин. дел.

10 марта (26 февраля) 1894 г., № 9.

Известия, которые за последнее время получаются из Кореи, явно указывают на то, что господствующее в этой стране с некоторого времени возбуждение умов принимает все более и более крупные размеры, о чем, по всей вероятности, уже и доводил до сведения вашего высокопревосходительства наш поверенный в делах в Сеуле. Не далее как в минувшем декабре крупные беспорядки возникли в г. Кай-чэнь-фу, где как местные власти, так и проживающие в городе японцы вынуждены были спасаться бегством от жестокого преследования взбунтовавшихся жителей. Бессильное корейское правительство, обладающее слишком ничтожными средствами для подавления беспорядка, оказалось вынужденным войти в сделку с бунтовщиками и заместить новыми чиновниками прежних городских властей, которых население обвиняло во всевозможных злоупотреблениях. Недовольство корейского народа и враждебное настроение его по отношению к правительству, по всем признакам, начинает охватывать всю страну и невольно привлекает на себя внимание держав, заинтересованных в том, что делается на полуострове. Я позволяю себе ввиду этого представить вашему высокопревосходительству прилагаемый при сем перевод донесения китайского министра-резидента в Сеуле Юана [1]), с которым он обратился на днях к Ли-хун-чжану и которое мне удалось добыть из весьма секретного источника. Таинственность, которой китайское правительство облекает все то, что касается корейских дел, придает известное значение этому документу, подлинность коего не подлежит ни малейшему сомнению. Очевидно, что возбуждение и беспорядки, совершающиеся в Корее, сильно тревожат китайское правительство, которое более всего боится, чтобы беспоряд-

[1]) Т. е. Юан-ши-кай, впоследствии президент Китайской республики. См. ниже приложение.

ки эти, приняв широкие размеры, не послужили предлогом для вмешательства третьей державы. Представитель Японии в Сеуле недавно поручил японскому консулу в Тяньцзине осведомиться у Ли-хун-чжана, какого он мнения относительно корейских событий, и что думает предпринять китайское правительство, если в Корее вспыхнет восстание, которого в настоящую минуту легко ожидать. Ли-хун-чжан дал консулу уклончивый ответ, объяснив, что, в случае серьезных беспорядков, китайское правительство примет меры для защиты живущих в Корее иностранцев, и что, по возвращении с юга эскадры адмирала Тина, ей будет дано предписание отправиться в корейские воды. По той или другой причине Ли-хун-чжан не счел однакоже удобным высказаться консулу вполне откровенно, — ибо я знаю из безусловно достоверного источника, что уже 1 (13) марта он послал адмиралу Тину телеграмму с приказанием немедленно и с величайшей поспешностью направиться в корейские порты. Как ни незначителен на первый взгляд этот факт, но он может, мне кажется, служить указанием на то, что соглашение, которое, по моему мнению, существует между Китаем и Японией на тот случай, если бы Корее грозила опасность со стороны иностранного государства, не распространяется на случаи внутренних волнений в самой Корее, при которых китайское правительство признает за собой исключительное право вмешательства. С другой стороны, однако же, я сильно сомневаюсь, чтобы Япония, у которой в Корее есть весьма серьезные интересы и большое количество водворившихся там подданных, согласилась быть безучастным зрителем событий, непосредственно затрагивающих ее интересы и добровольно вверила их защиту китайскому правительству. Едва ли взаимное доверие обоих союзников будет простираться так далеко.

До сих пор нам еще нет оснований серьезно опасаться, чтобы тревожные события на Корейском полуострове возникли в близком будущем; но, во всяком случае, мы не можем отрицать факта, что вся Корея с некоторого времени охвачена глухим, но постоянно возрастающим возбуждением, которое легко может перейти в открытые беспорядки и неминуемо вызвать вмешательство Китая, а, может быть, и Японии.

Само собой разумеется, что мы не можем относиться к этому равнодушно. Более чем когда-либо нашим дипломатическим представителям на Дальнем Востоке и нашему высшему начальству на Амуре надлежит следить за тем, что совершается в соседней с нами стране и заботиться о том, чтобы не быть застигнутыми врасплох в ту минуту, когда события примут нежелательный для нас оборот.

Кассини.

Перевод секретного донесения китайского министра-резидента в Сеуле чжилийскому генерал-губернатору.

8 марта (24 февраля) 1894 г.

Во вторую половину первой луны я имел честь послать вашему высокопревосходительству письмо, которое теперь вы, вероятно, уже получили. В нем я докладывал о беспорядках в Корее: спешу добавить, что в настоящее время не вырешилось ничего особенного для успокоения их. По наведенным мной секретно справкам узнаю, что внутри страны официальные лица и богатые купцы ведут заговоры и в настоящее время трудно сказать, будут ли на этом смуты остановлены или возгорится новое восстание.

Япония послала уже военное судно для защиты своих купцов и подданных, но ведь и наших купцов, подданных и служащих здесь тоже немало: все они живут неспокойно (опасаясь в душе). За последнее время у меня в ямыне получаются отовсюду заявления и просьбы о защите торговых дел. Ныне в корейских водах мы имеем одно маленькое военное судно, и, если оно уйдет на восток, ему трудно смотреть за западом. Все суда северной эскадры находятся теперь, к сожалению, на юге, и, может быть, у вашего высокопревосходительства есть известия, когда суда эти вернутся обратно. Не найдете ли возможным послать адмиралу Тинь-юй-тину телеграмму, приказав ему скорее итти на север или прямо в Корею, чтобы он, находясь в корейских водах, мог обезопасить наших подданных?

В недавнее время я получил письмо от нашего консула в Чемульпо Люиень-няня, где он передает то же самое и хлопочет о помощи. Поэтому я доношу о вышеизложенном вашему высокопревосходительству и покорнейше прошу почтить меня скорейшим ответом о распоряжениях ваших по этому поводу.

Юан-ши-кай.

3. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле [1].

1 июня (20 мая) 1894 г.

Волнение в южной Корее принимает более серьезный оборот возможно вмешательство Китая. Будет полезно послать военное судно, следить за движением [2].

Вебер.

4. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

5 июня (24 мая) 1894 г.

Опасения, высказанные в моей депеше от 10 марта № 9 [3], к сожалению, оправдались. Известия из Кореи принимают решительно угрожающее значение. Главный очаг восстания — провинция Цюаньло. Правительственные войска, посланные из Сеула, потерпели поражение и, по сведениям из Тяньцзина, корейское правительство обра-

---

[1]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

[2]) Последняя фраза подчеркнута красным карандашом. Внизу надпись рукой Александра III: «Передайте управл. морским мин.».

[3]) См. № 2.

тилось к Китаю за помощью, которая, несомненно, будет ему оказана. По достоверным сведениям, отправлено уже 1 500 китайских солдат. Японское правительство, с своей стороны, не замедлит озаботиться защитой своих интересов в Корее. При таких условиях вряд ли можно будет Веберу выехать в Пекин. Я же, несмотря на болезненное состояние, считал бы несвоевременным воспользоваться высочайше разрешенным мне отпуском, и, если бы вы находили необходимым, я, в крайности, мог бы остаться до половины августа. Ожидаю приказаний вашего высокопревосходительства.

Кассини.

5. Телеграмма директора азиатского деп. министерства ин. дел Капниста секретарю миссии в Сеуле.

8 июня (27 мая) 1894 г., № 52.

Reçu télégramme du 20 [1]).

Лодка «Кореец» отправляется в Чемульпо. Благоволите уведомить о степени важности беспорядков.

Капнист.

6. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

8 июня (27 мая) 1894 г.

Вследствие посылки Китаем войск для усмирения корейского восстания японское правительство, на основании Тяньцзинского договора [2]), поспешно отправило в Корею отряд в тысячу пятьсот человек, по уверению министра иностранных дел, для защиты миссии и японских подданных. Морские японские силы сосредоточиваются

---

[1]) См. № 3.

[2]) Имеется в виду тяньцзинская японско-китайская конвенция о выводе китайских и японских войск из Кореи, заключенная между Ли-хун-чжаном и Ито 18 апреля 1886 г. В основном договор сводится к следующему: «Сим условлено, что Китай выведет свои войска, ныне расположенные в Корее, и что Япония выведет свои (войска), расположенные там для охраны ее миссии. Точный срок для осуществления сего определяется в четыре месяца, начиная со дня подписания... сей конвенции, втечение какового срока каждая из сторон по принадлежности осуществит вывод всей совокупности своих войск с целью фактически избежать каких-либо осложнений между подлежащими странами...

Обе названные державы взаимно соглашаются пригласить короля Кореи инструктировать и обучить достаточную вооруженную силу, дабы она могла сама обеспечить общественную безопасность... Обе державы обязуются... впредь не посылать никаких своих офицеров в Корею с целью инструктирования.

В случае возникновения в Корее серьезных беспорядков, которые вынудят обе державы или одну из них послать войска в Корею, сим условлено, что они

у корейских берегов. Японский посланник в Корее [1]) вчера выехал из Екоки в Сеул на военном судне в сопровождении советника министерства иностранных дел Мотоно и двадцати полицейских с офицером. По слухам, англичане заготовили для своей эскадры провиант на месяц в Гамильтоне. От Вебера никаких сведений не имею.

Хитрово.

7. Депеша посланника в Токио министру ин. дел.

8 июня (27 мая) 1894 г., № 31.

Среди мирного и спокойного течения здесь дел на этих днях неожиданно корейский вопрос вновь выступил на первый план политического положения на крайнем востоке. Все, что относится до этого жгучего вопроса, коего внезапное возбуждение всегда может угрожать самыми серьезными и непредвиденными осложнениями, носит характер особенной важности. Вот почему я счел долгом обстоятельной моей секретной телеграммой от вчерашнего числа [2]) предуведомить ваше высокопревосходительство о совершающихся здесь событиях.

Тревожные известия о развитии вспыхнувшего еще в прошлом году в Корее восстания так называемых Тогакуто не переставали за все это время питать здешнюю прессу и волновать общественное мнение. Однако же, в виду сообщенного мне в копии нашим поверенным в делах в Сеуле донесения его вашему высокопревосходительству от 10 (22) марта, за № 42 [3]), из которого можно заключить, что все эти известия в большинстве случаев значительно преувеличены и что, по крайней мере, в то время в Корее никаких серьезных опасений не существовало, я, хотя и продолжал следить внимательно за известиями из Кореи в здешних газетах, но относился к ним крайне разборчиво и осторожно. С этого времени я от действительного статского советника Вебера никаких известий не получал. Посланник наш в Пекине, как видно из телеграммы, мной от него полученной, равным образом, не имеет непосредственных известий из императорской миссии в Корее.

На этих днях, именно с неделю тому назад, известия из Кореи начали принимать все более и более тревожный характер. Восстав-

---

предварительно сделают, каждая другой, письменное сообщение о таковом их намерении, и что по улажении дела они выведут свои войска и не будут держать их там».

[1]) Отори.

[2]) Имеющаяся в делах б. мин-ва ин. дел копия телеграммы Хитрово датирована 8 июня (27 мая). См. выше № 6.

[3]) В делах б. мин-ва ин. дел этот документ не обнаружен.

ших Тогакуто уже насчитывали десятками тысяч; сообщалось, что восстание пользуется большим сочувствием в среде населения, что оно быстро растет и распространяется из провинции в провинцию; что инсургенты угрожают уже самому Сеулу и что высланные против них войска повсеместно потерпели полное поражение. Вслед затем появилось известие, что корейское правительство обратилось с просьбой о помощи к китайскому, и что Ли-хун-чжан высылает в Корею войска для усмирения восстания; что Япония, равным образом, высылает войска в Корею, и что в Иокосука и Хиросима идут усиленные приготовления для их посадки на военные суда. Все это совпало с неожиданным поспешным отъездом находившегося здесь в отпуску японского посланника в Китае и Корее г-на Отори, выехавшего третьего дня из Иокосука в Сеул на крейсере «Яе-яма-кан», в сопровождении советника министерства иностранных дел г-на Мотоно и 20 полицейских солдат с офицером. Вслед за появлением этих известий последовало строжайшее от министра внутренних дел газетам запрещение печатать известия о событиях в Корее и о военных действиях или приготовлениях. Несколько газет были приостановлены за нарушение этого запрещения.

Ввиду всех этих столь крупных фактов, я однако же не решался о них донести, не получив предварительно по их поводу надлежащих объяснений от министра иностранных дел. Вчера я имел продолжительную беседу с г-ном Муцу, после которой отправил мою телеграмму [1]); теперь считаю долгом представить на благоусмотрение вашего высокопревосходительства подробный отчет о разговоре моем с министром иностранных дел.

Г-н Муцу сказал мне, что именно лишь сегодня он может дать мне полные объяснения по поводу принятых решений; что уже с неделю начали приходить самые тревожные известия о быстрых успехах восстания Тогакуто и полном поражении 3 000 высланных против них корейских войск; что три дня тому назад японский поверенный в делах в Пекине телеграфировал, что корейское правительство обратилось к китайскому с просьбой о посылке войск для усмирения мятежа, и что Ли-хун-чжан отправил из Таку в Корею 1 500 солдат и еще некоторое количество войска из Шанхай-гуана; что тогда же японским правительством было принято решение о посылке, равным образом, войск в Корею и были начаты необходимые для сего приготовления, но что осуществление этой меры становится гласным лишь с сегодняшнего дня, с получением официального извещения китайского правительства о посылке в Корею китайских войск. Г-н Муцу пояснил, что,

---

[1]) См. выше № 6 и прим. 2 на стр. 9.

по договору их с Кореей 1883 года, Япония имеет всегда право послать войска в Корею, когда найдет это необходимым для безопасности своих подданных, а что по Тяньцзинскому договору между Китаем и Японией [1]) каждая из этих держав обязалась уведомлять другую в случае посылки ею войск в Корею, и что ныне уже таковое уведомление со стороны Китая последовало. «Раз Китай отправил войска в Корею, — прибавил г-н Муцу, — Японии не остается ничего другого, как сделать то же самое, и в настоящее время уже все приготовлено к отправлению войск». При этом г-н Муцу особенно обращал мое внимание на различие целей посылки в настоящем случае войск в Корею Китаем и Японией; китайские войска посылаются для подавления мятежа, японские же, по заверению министра иностранных дел, единственно для охраны жизни и имущества пребывающих в Корее японцев и японской там миссии и консульств. Г-н Муцу пояснил, что в Корее в настоящее время проживает до 20 тысяч японско-подданных, преимущественно занимающихся торговлей и по торговым делам своим странствующих внутри страны.

На мой вопрос о количестве войска, ныне посылаемого Японией, г-н Муцу отвечал уклончиво, объяснив мне, что Тяньцзинский договор не определяет количества войск, которое Китай и Япония могут отправить в Корею.

Далее г-н Муцу распространился о характере нынешнего корейского восстания Тогакуто и сообщил мне по этому поводу довольно интересные подробности. Восстание, без сомнения, вызвано прежде всего отвратительной администрацией, непомерными поборами и разнузданностью алчных чиновников и их тиранией. Но, помимо этих причин успеха, нынешнее восстание, повидимому, не лишено некоторой религиозной подкладки, что и придает ему особенное значение. В Корее существует предание, основанное на каких-то пророчествах китайских классиков, что после четырех или пятисот лет своего существования ныне царствующая династия Ли должна быть свергнута некиим Теи. Рассказывают, что во главе нынешнего движения Тогакуто поставлен 15-тилетний юноша, носящий именно фамилию Теи. Об этом загадочном юноше ходят в народе разные сказочные рассказы, представляющие его каким-то предопределенным гениальным отроком. В Корее, стране, исполненной суеверий, все эти рассказы имеют громадное социально-нравственное значение. Помимо этого, вожди восстания сумели приобрести себе среди загнанного и порабощенного населения громадную популярность рассылаемыми прокламациями, в которых они строго воспрещают своим последователям всякое насилие над безоружными, грабежи и вымогательство и предписывают

[1]) См. стр. 8, прим. 2.

им итти лишь против чиновников, избегать напрасного кровопролития и уважать частную собственность. Неизвестно, насколько эти прокламации будут выполнены на практике, но, судя по редакции этих документов, можно заключить, что предводители Тогакуто — люди образованные, а отнюдь не безграмотные бунтари. Движение, повидимому, замечательно дисциплинировано. Однако же в основании этого движения — в настоящее, по крайней мере, время — поставлен принцип протеста против допущения в страну иностранцев; но, по мнению г-на Муцу, это ровно ничего не доказывает. «В наших странах, — прибавил г-н Муцу, — все с этого начинается и оканчивается совсем иначе». «Я сужу, — сказал он, — по собственному примеру: немного больше 25-ти лет тому назад я сам дрался в рядах восстания, поднятого в то время против допущения в Японию иностранцев, и вы видите, что из этого вышло».

Втечение нашего долгого разговора г-н Муцу не скрыл от меня своих опасений по поводу предстоящих одновременных действий в Корее китайских и японских войск ввиду антагонизма, существующего между этими двумя народами. Действительно, хотя г-н Муцу и уверяет, что японские войска посылаются в Корею лишь для охраны там пребывающих японцев и миссии, едва ли можно допустить, чтобы войска эти могли остаться вполне нейтральными между тамошним инсуррекционным движением, которому в душе всякий японец сочувствует, и кровопролитным подавлением этого движения китайцами. Еще столь недавно вековая ненависть японцев к китайскому и корейскому правительствам была так сильно возбуждена по поводу убийства в Шанхае корейского эмигранта Ким-ок-кюна и покушения в Токио против другого корейского эмигранта Боку-ей-ко. Ким-ок-кюн, еще при жизни пользовавшийся значительной популярностью в Японии, теперь уже превращается в легендарного героя. По слухам, его родственники и, в особенности, его младший брат играют выдающуюся роль в движении Тогакуто. Более этого, уже сложилась и распространилась, как в Корее, так и среди простонародья в Японии легенда, будто дух убитого Кима является корейским инсургентам и предводительствует их до сих пор непобедимыми полчищами. При таких условиях и при исконной взаимной враждебности японцев и китайцев, кровавое столкновение между их войсками в Корее по поводу самого ничтожного инцидента представляется случайностью, весьма правдоподобной. Г-н Муцу настолько признает основательность таковых опасений, что он не скрыл от меня, что перед китайским посланником он особенно настаивал на необходимости самых строгих предписаний, как из Пекина, так и из Токио, о взаимном уважении между китайскими и японскими войсками.

Независимо от этого, японское правительство опасается, чтобы корейские инсургенты не столкнулись с китайцами, которые, во всяком случае, едва ли удовольствуются подавлением или усмирением мятежа, а, по всей вероятности, захотят остаться и хозяйничать в Корее. Г-н Муцу мне прямо высказал эти опасения, прибавя: «Можем ли мы ввиду этого не послать войск в Корею, дабы следить там за действиями Китая?»

В заключение министр иностранных дел сообщил мне, что он телеграфировал всем представителям Японии при иностранных дворах, чтобы они, в случае обращения к ним запросов, отвечали, что Япония посылает войска в Корею исключительно для охраны там пребывающих японцев и японских миссий и консульств.

Представляя вышеизложенные факты на благоусмотрение вашего высокопревосходительства, я на этот раз воздержусь от всяких комментариев. Императорское министерство, конечно, само оценит всю их важность ввиду возможных осложнений и сопредельного положения нашей восточной окраины с Кореей, Японией и китайской Манчжурией.

Хитрово.

8. Депеша посланника в Токио министру ин. дел.

8 июня (27 мая) 1894 г., № 32.

Во вчерашней секретной телеграмме моей вашему высокопревосходительству [1]) я, между прочим, сообщаю известие о том, что в порте Гамильтон заготовлен провиант на три месяца для всей английской Тихоокеанской эскадры. За достоверность этого сведения я, разумеется, поручиться не могу, но оно дошло до меня с разных сторон из источников, заслуживающих доверия. Наш консул в Нагасаки, равным образом, получил это сведение, и я ожидаю от него подробностей. Сегодня же здешний французский поверенный в делах сообщил мне, что и он получил это сведение от командиров французских военных судов, ныне находящихся в корейских водах. Г. Дюбаль сообщил мне тоже, что он получил от французского военного агента из Тяньцзиня телеграмму, коею он извещает его, что Ли-хун-чжаном отправлено в Корею из Таку и Шанхай-гуана всего три тысячи человек. По сведениям здешнего французского военного агента, японцами сосредоточено в Хиросима для отправления в Корею 4000 человек войска. Но будут ли они все отправлены, еще неизвестно. Как кажется, японское правительство выжидает точных сведений о количестве

[1]) См. стр. 9, прим. 2 и № 6.

отправленных и отправляемых Китаем войск, дабы сообразовать с этим численность своей экспедиции.

В этом, вероятно, заключается объяснение уклончивого ответа министра иностранных дел на вопрос о количестве войска, которое Япония посылает в Корею.

Хитрово.

9. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

9 июня (28 мая) 1894 г.

По слухам, японцы посылают 4 000, тщательно скрывая настоящую цифру. Газетам запрещено сообщать сведения.

Хитрово.

10. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле [1]).

9 июня (28 мая) 1894 г.

Волнение в южной Корее продолжается. По просьбе корейского правительства, из Китая высылают солдат для усмирения бунтовщиков.

Японский правитель [2]) извещен телеграммой о высылке японских солдат. Говорит, для охраны миссии, хотя пока здесь опасности нет. Одновременно едет сюда Отори.

Керберг.

11. Депеша посланника в Токио министру ин. дел.

9 июня (28 мая) 1894 г., № 34.

В сегодняшних газетах появилось правительственное сообщение следующего содержания:

«В виду того, что возмущение в Корее приняло серьезные размеры, японское правительство отправляет туда войска для защиты миссии, консульств и проживающих в Корее японских подданных».

Хитрово.

---

[1]) Адресат не указан.

[2]) Очевидно, имеется в виду чиновник японской миссии, заменявший бывшего в отпуску посланника.

12. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

11 июня (30 мая) 1894 г.

Вчера прибыл сюда Отори, 300 матросов и 4 пушки. Президент [1]) сообщил представителям, что волнение уменьшается, и в Сеуле нет опасности, вероятно, опасаясь, чтобы другие представители не вызвали также матросов сюда.

Керберг.

13. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

15 (3) июня 1894 г.

Президент известил представителей, что волнение кончено. Японские матросы ушли, но 800 солдат пришли сюда. Отори торжественно объявил мне, что солдаты — только для защиты миссии и японцев в Сеуле. Здесь пока спокойно.

Керберг.

14. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

18 (6) июня 1894 г.

Сведения Отори: в Чемульпо прибыло 3 000 японских войск пехоты, кавалерии и артиллерии. В Фу-сане два столкновения. Король сегодня частно известил меня: очень взволнован.

Керберг.

15. Всеподданнейшая записка министра ин. дел.

22 (10) июня 1894 г.

Поспешаю повергнуть при сем на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества только что полученную мной телеграмму от находящегося в Тяньцзине, на пути, вследствие разрешенного ему отпуска, посланника нашего в Пекине [2]).

Доводя до сведения министерства о серьезном обороте, который принимают дела в Корее вследствие одновременного присутствия там китайских и японских войск, гофмейстер граф Кассини сообщает о ходатайстве, с которым обратился к нему Ли-хун-чжан, о посредничестве нашем для предотвращения неминуемого столкновения с японцами. Ли уверен, что, если мы настоим пред японским правительством

---

[1]) Президент (Président du Conseil d'État), по данным Готского альманаха за 1894 г., — Ким-ионг-со.

[2]) См. ниже № 16.

об отозвании японских войск из Кореи, заверив его, что китайское правительство одновременно отзовет свои, в чем он ручается, столкновение будет отвращено. Посланник наш прибавляет, что Ли-хун-чжан не скрыл от него, что англичане уже предложили ему свое посредничество, но что он предпочитает обратиться за этой услугой к нам.

Разделяя мнение графа Кассини, что посредничество наше в этом деле могло бы усилить наше влияние на Дальнем Востоке, и что необходимо предупредить возможность вмешательства Англии, я полагал бы поставить немедленно в известность посланника нашего в Токио о содержании телеграмм графа Кассини и поручить ему употребить все усилия для склонения японского правительства к соглашению с китайским об одновременном отозвании войск [1]), на что приемлю смелость испрашивать всемилостивейшее соизволение вашего императорского величества.

Гирс.

16. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

22 (10) июня 1894 г.

Проездом через Тяньцзин, я посетил Ли-хун-чжана. Он сделал мне чрезвычайно важное сообщение. Положение дела в Корее крайне серьезно. Хотя мятеж почти прекратился, но присутствие китайских и японских войск грозит, по словам Ли, почти неминуемым вооруженным столкновением Китая с Японией. Ли от имени китайского правительства обратился ко мне с просьбой передать императорскому правительству ходатайство Китая, чтобы Россия приняла на себя посредничество в этом вопросе, дабы побудить Японию одновременно с Китаем немедленно вывести войска из Кореи. Ли заявил, что китайское правительство признает за Россией, как непосредственно заинтересованной страной, исключительное право быть посредником. Он убедительно просит телеграфировать вашему высокопревосходительству просьбу Китая, чтобы мы побудили Японию немедленно отозвать войска из Кореи, причем Китай с своей стороны дает торжественное обязательство одновременно с Японией вывести свои войска. Считаю, что нам ни в коем случае не следует упустить представляющегося ныне случая принять на себя роль посредника, о чем ходатайствует Китай, что, без всяких с нашей стороны жертв, высоко поднимет наше влияние в Корее и на всем Дальнем Востоке, устранив возможность неминуемого и крайне неудобного для нас вооруженного

[1]) Телеграмма соответствующего содержания была отправлена в Токио 23 (11) июня за № 60, о чем тогда же был извещен Кассини телеграммой за № 61.

столкновения в Корее. Ли заявил, что Англия уже предложила свое посредничество, но Китай, признавая в этом случае первое право за Россией, счел долгом обратиться к нам. Дело принимает острый и угрожающий характер. Ли просит немедленного ответа. Буду ждать ваших указаний в Тяньцзине до 16 июня.

Кассини.

17. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

22 (10) июня 1894 г.

Президент снова сообщил: конец волнения в Корее. Однако теперь здесь и в Чемульпо около 8 000 японских воинов, ожидают больше. Министры и даже королевские принцы начинают оставлять Сеул. Китайский представитель уверил меня, что объявил японскому командиру готовность выслать войска, но одновременно с японскими. Отори не отвечает. Подозревают желание произвести революцию.

Керберг.

18. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

23 (11) июня 1894 г.

Наш консул из Иокогамы мне телеграфирует: английская эскадра получила приказание приготовиться в двадцать четыре часа к отплытию по первому приказанию.

Хитрово.

19. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

24 (12) июня 1894 г.

Reçu télégramme du 23 (11) Juin [1]).

Ли официально заявил, что Япония неоднократно делала Китаю предложения совместно с ним завладеть внутренним управлением Кореею. Основательно усматривая в этом решительное намерение Японии окончательно водвориться в Корее и честно соблюдая принятые им в 1886 году по отношению к России словесные обязательства, Китай ответил Японии решительным отказом. Ныне Япония объявила, что пока вышесказанные предложения не будут приняты, она не выведет своих войск из Сеула. Положение крайне натянуто, и Китай с нетерпением ожидает решения России, как единственной надежды на мирный исход. В ожидании высочайших указаний, я настаиваю, чтобы Китай безусловно избегал вооруженного столкновения.

Кассини.

---

[1]) См. стр. 16, прим.

20. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

25 (13) июня 1894 г.

Reçu télégramme du 23 (11) [1]).

Употреблю все усилия склонить японское правительство к одновременному с Китаем отозванию войск из Кореи для достижения согласно августейшей воле государя императора миролюбивого разрешения корейского инцидента. Предвижу большие затруднения, так как дело зашло уже далеко, и Япония быстро мобилизирует войска. При этом должен заметить, что Ли-хун-чжан, повидимому, скрыл от графа Кассини предложения Японии и, с другой стороны, телеграфировал здешнему китайскому посланнику, что граф Кассини ему обещал, без его просьбы, наше посредничество, на чем особенно настаивал китайский посланник в разговоре со мной, переданном в моей телеграмме от 11 июня [2]). Имею причины сомневаться в уверении Ли-хун-чжана о предложениях Англии, которая, очевидно, выжидает и легко может оказаться на стороне Японии, если в каком-либо виде обозначится с нашей стороны поддержка Китаю.

Хитрово.

21. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

25 (13) июня 1894 г.

Имел длинный разговор с министром иностранных дел. Считая осторожным не сразу вполне высказаться, я дал ему пока понять, что императорское правительство, озабоченное корейскими событиями, в миролюбивых видах своих желает, чтобы дело не дошло до войны, и чтобы последовало скорейшее соглашение Китая с Японией об отозвании их войск, и при этом я не могу не упрекнуть г-на Муцу за то, что, принимая серьезные решения, японское правительство не дало себе труда предупредить обстоятельно императорское правительство, которое дало ему столько доказательств бескорыстного благорасположения. Г. Муцу, высказывая длинные жалобы на вероломство китайского правительства, которое, по его словам, и теперь хотело лишь вновь подчеркнуть присваиваемые им сюзеренные права над Кореею, дал мне самые положительные уверения, что Япония отнюдь не помышляет утвердиться в Корее и готова во всякое время отозвать свои войска совместно с Китаем под условием хотя каких бы то ни было ручательств, что там будут приняты серьезные меры против возобно-

---

[1]) См. стр. 16, прим.

[2]) Соответствующей телеграммы в делах б. мин-ва ин. дел не обнаружено.

вления причин к новому вмешательству; что невозможно допустить, что восстание окончательно прекращено, и что оно, несомненно, вновь вспыхнет тотчас по уходе войск, если не будут приняты благоразумные административные меры; что с этой целью Япония предложила Китаю составить смешанную комиссию с временным характером для серьезного расследования истинного положения дела и преподания советов корейскому правительству, но Китай высокомерно ответил на это предложение; что без всякого ручательства Японии увести войска ныне невозможно, — но что ни в каком случае она не начнет военных действий, если не будет прямо вызвана Китаем. Мое личное убеждение, что нынешний кабинет, зайдя слишком далеко в этом столь жгучем в Японии корейском вопросе, не может отступить без какого-нибудь благовидного предлога или хотя мнимого успеха. Войны же, как кажется, никто не хочет, и можно надеяться, что она будет избегнута и без постороннего посредничества. С другой стороны, по многим признакам, другие державы весьма желали бы видеть нас занятыми в Дальнем Востоке. Посему и ввиду возможных последствий прошу инструкций, должен ли я продолжать настаивать и должен ли изложить наши советы письменно или ограничиться одними словесными внушениями.

Хитрово.

22. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле.

25 (13) июня 1894 г.

По приказанию короля, президент официально просил иностранных представителей известить свои правительства, ввиду окончания волнения на юге, о возможности беспорядков вследствие присутствия иностранных войск, желательной высылки их обоюдным соглашением Японии и Китая; надеется, дружественные державы содействуют такому мирному разрешению положения. Представители американский, французский, английский и я коллективно известили об этом Юана и Отори.

Керберг.

23. Всеподданнейшая записка министра ин. дел.

28 (16) июня 1894 г.

Повергаемые у сего на высочайшее воззрение секретные телеграммы представителей наших в Китае, Японии и Корее [1]) содержат

[1]) Повидимому, имеются в виду-телеграммы, напечатанные выше за №№ 19, 20, 22.

в себе сведения о положении дел в Корее и могущем возникнуть по этому поводу конфликте между Китаем и Японией.

Ввиду сложности и неясности взаимных их притязаний, мне казалось более осторожным пока ограничиться в ответных телеграммах к графу Кассини и гофмейстеру Хитрово [1]), у сего в копиях прилагаемых, поддержанием ходатайства сеульского правительства [2]) об очищении корейской территории китайскими и японскими войсками. Что же касается официального нашего посредничества, на которое, повидимому, рассчитывает Ли-хун-чжан, то таковое могло бы последовать лишь в случае согласия на оное обеих спорящих сторон.

Вышеизложенные соображения принимаю смелость повергнуть на всемилостивейшее усмотрение вашего величества.

Гирс.

24. Всеподданнейшая записка министерства ин. дел.

29 (17) июня 1894 г. [3]).

Японский посланник сообщил директору азиатского департамента по поручению своего правительства, что Япония имеет в виду лишь воспользоваться настоящими обстоятельствами, чтобы обеспечить независимость и, по возможности, благоустройство Кореи. Японское правительство, однако, полагает, что оно не может вывести войск из Кореи, не условившись первоначально с Китаем либо о смешанной комиссии для разработки необходимых местных реформ, либо о том, чтобы Китай не вмешивался впредь в попытки Японии улучшить внутреннее положение Корейского королевства.

Граф Капнист спросил г. Нисси, что Япония предполагает делать, если китайцы отвергнут решительно ее условия? Ввиду ответа г. Нисси, что он этого не знает, директор азиатского департамента высказался в том смысле, что мы также желаем независимости и благосостояния Кореи, но не думаем, чтобы эти цели могли быть достигнуты посредством совместного занятия страны китайцами и японцами. Такое занятие создает весьма щекотливое положение, которое уже обращает на себя всеобщее внимание Лучше всего, казалось бы, очистить Корей-

---

[1]) Содержание телеграмм в Пекин и Токио от 28 (16) июня за №№ 57 и 58, а также телеграммы на имя Кассини от 29 (17) июня с указанием: «дополнение к тел. от 16» изложено в публикуемом документе, за исключением содержавшегося в телегарме на имя Хитрово предложения «внушить японскому правительству, что оно примет на себя серьезную ответственность, если затруднит очищение Кореи совместно с Китаем».

[2]) См. выше № 22.

[3]) На черновике, по которому здесь воспроизводится записка, имеются пометы: «Переписана 17 июня 1894 г.» и «Доложена 18 июня 1894 г.».

ское королевство и затем уже вести переговоры дипломатическим путем. Весьма тяжелая ответственность падает на тех, которые своим образом действий создадут корейский вопрос и даже, может быть, вызовут столкновения.

Гирс.

25. Записка директора азиатского департамента.

30 (18) июня 1894 г.

Посетивший меня английский посол сообщил, что китайский посланник в Лондоне сделал лорду Кимберлею сообщение, идентичное тому, с которым китайский посланник в Петербурге уже обращался сюда от имени Ли-хун-чжана, относительно местностей, куда должны быть оттянуты китайские и японские войска для того, чтобы удалиться друг от друга, эвакуируя Сеул. Ли-хун-чжан [1]) счел однако нужным прибавить в Лондоне, что Кассини в то же время побуждал Хитрово объявить японскому правительству, что державы договариваются между собой о принятии соответствующих мер [2]) на тот случай, если токийский кабинет отвергнет их советы.

Лорд Кимберлей ответил, что Англия ни в малейшей степени не склонна прибегнуть к какой бы то ни было угрозе. Он находит, равным образом, предложение Ли-хун-чжана, касающееся расположения вооруженных сил обеих сторон, несправедливым, поскольку порт Фузанг, предназначаемый японцам, отстоит на значительно большем расстоянии от корейской столицы, чем Пиньянг.

Не входя в рассмотрение этих деталей, я счел себя в праве заверить английского посла, что мы со своей стороны никому не собираемся угрожать.

Китайский посланник, беседовавший со мной во время своих посещений об этом деле, ничего подобного не говорил; равным образом, и телеграммы Кассини не упоминают о такого рода предложении, делать которое, помимо всего прочего, он не уполномачивался. Все это не может быть ничем иным, как только сплетнями Ли-хун-чжана, предназначенными для британского правительства и рассчитанными на то, чтобы запутать нас.

Одновременно сэр Франк Лассель просил меня передать вам, что термином, которым сэр Э. Грей воспользовался в парламенте применительно к совместному вмешательству (intervention commune) в корейский вопрос, было выражение «сотрудничество держав» (coopera-

---

[1]) Вся эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Это слово в подлиннике подчеркнуто карандашом.

tion des Puissances), а не «содействие держав» (assistance des Puissances), как об этом упомянуто в газетах [1]).

Каппист.

26. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Положение критическое. Намерение Японии захватить внутреннее управление Кореи стало очевидным. Китайское правительство с нетерпением ожидает результата представлений, сделанных нами в Токио. Китай явно желает избежать войны, тогда как Япония, видимо, ищет ее, основательно рассчитывая, что успех будет за ней. Опасность грозит со стороны Японии, а не Китая. Ли объявил, что Китай сознает необходимость реформ во внутреннем управлении Кореи и согласен, чтобы вопрос об этих реформах был обсужден и решен в форме конвенции между уполномоченными России, Китая и Японии либо в Сеуле, либо в Тяньцзине. Означенная уступка Китая дает нам неоспоримые преимущества. Япония, видимо, стремится устранить участие России. Прошу указаний вашего высокопревосходительства по сему предмету. Крайне важно настоять на отозвании Японией своих войск. Китай выведет свой отряд одновременно. Первый вероятный успех японцев сделает их окончательно несговорчивыми. Ввиду особой важности положения буду весьма признателен за возможно скорое сообщение мне решения императорского правительства. Англия и Германия усиленно интригуют против предоставления посредничества России.

Кассини.

27. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел [2]).

1 июля (19 июня) 1894 г.

Министр иностранных дел сегодня в долгой беседе старался меня уверить, что Китай не чистосердечен, что, заявляя теперь о намерении отозвать войска, их вновь введет тотчас по уходе японских, что восстание не прекращено, что китайские войска двинулись внутрь против инсургентов, что Китай посылает новые войска, тогда как будто бы Япония не увеличила первоначального контингента своих войск, в чем сомневаюсь. На мой вопрос, какой он видит исход настоящему положению, министр ответил: «Мы сделали предложения Китаю,

---

[1]) На записке имеется помета карандашом, сделанная рукой Гирса: «Доложено государю».

[2]) На подлиннике знак рассмотрения, поставленный Александром III.

которые он отверг, теперь ожидаем его предложений». Министр кончил уверением, что, если только китайское правительство проявит искреннюю готовность на введение некоторых реформ, то Япония готова отозвать войска. Вообще выношу впечатление, что всякие словесные убеждения японцев бесполезны; опьянены самомнением, их отрезвит только урок, который они неминуемо получат от Китая [1]). Успех они могут иметь разве кратковременный, в конце одолеют китайцы. Так как японцы обещают не начинать военных действий без вызова, китайцы будут иметь полное время подготовиться. Если же желателен непременно мирный исход инцидента, то, по моему убеждению, разрешение вопроса не в Пекине и Токио, а в Сеуле [2]). Пусть корейское правительство, требуя удаления японских войск, само предложит внутренние реформы под надзором комиссаров китайских, японских и русских [3]). Тогда у Японии будет отнят предлог.

Хитрово.

28. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г., № 81.

Reçu télégramme du (29) 17 в пятницу вечером[4]). Мог видеть министра лишь в субботу в 5 часов. Обстоятельно развил ему внушения о серьезной ответственности, которую примет на себя Япония, если затруднит очищение Кореи совместно с Китаем. Он сказал, что должен посоветоваться с кабинетом прежде, чем ответить окончательно, для чего я, сверх словесных объяснений, во избежание недоразумений, вручил ему вербальную ноту. Пока он уверял, что еще не имел сведения об обращении корейского правительства к иностранным представителям, что, если действительно волнения прекращены, то, разумеется, нет необходимости долее оставаться войскам. Однако, он возвращался к прежним аргументам, настаивая, что восстание не прекратилось, и что японские войска находятся в Корее на основании японо-корейской конвенции 1882 года [5]). Он сообщил мне конфиденциально, что английский поверенный в делах сделал заявление о желании его правительства, чтобы нынешний японо-китайский инцидент окончился миролюбиво, и что О'Коннор делал в Пекине японскому поверенному

---

[1]) Эта фраза отчеркнута на полях карандашом.

[2]) Тоже.

[3]) Слова «и русских» подчеркнуты карандашом.

[4]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Гирса от 28 (16) июля за № 58. См. стр. 20, прим. 1.

[5]) Слова «конвенции 1882 года» отчеркнуты в подлиннике карандашом, и против черты поставлен знак вопроса.

в делах заявление об изыскании способов миролюбивого соглашения между Китаем и Японией. Осмелюсь выразить мое крайнее убеждение, что было бы полезно теперь дать японцам возможность благовидного отступления, например, обсуждением, по отзыве войск, [1]) воздействовать на корейское правительство для введения некоторого улучшения в действительно безобразном управлении этой несчастной страны.

Хитрово.

29. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Имел продолжительный разговор с министром-президентом. Граф Ито подтвердил мне все, что я уже слышал от министра иностранных дел. Он заключил положительными заверениями, что Япония отнюдь не имеет намерения завладеть внутренним управлением Кореи, что цель ее — ограждение фактической независимости Кореи от Китая, и что она готова отозвать свои войска совместно с Китаем, если только получит какие-либо ручательства, что корейское правительство предпримет необходимые реформы для предупреждения возобновления беспорядков и вмешательства Китая.

Хитрово.

30. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Обещанного ответа Муцу после совещания кабинета еще не получил. Военные приготовления продолжаются. О числе посланных войск японцы упорно секретничают. По моим сведениям, должно быть до сих пор послано около восьми тысяч человек. Некоторые из зафрахтованных коммерческих пароходов вооружены и вооружаются для пригодности к крейсерству. Позволяю себе повторить мое крайнее убеждение, что мирный исход может быть достигнут только при помощи какого-нибудь видимого предлога, который дал бы возможность Японии отступить без крайнего ущерба для национального самолюбия [2]). Без этого правительство, если бы и хотело, едва ли может отступить, ввиду крайнего возбуждения в стране. Таким предлогом могла бы быть, предложенная в моей телеграмме от семнадцатого, комбинация о смешанных комиссарах в Корее [3]). Здешний корейский

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Ср. выше №№ 21, 28.

[3]) Предложение о комиссарах содержится в телеграмме Хитрово от 1 июля (19 июня). См. выше № 27.

министр-резидент отправился в Корею, по уверению Муцу, с целью советовать своему правительству принятие рекомендуемых Японией реформ.

Хитрово.

31. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

Руководствуясь моим советом избегать вооруженного столкновения, Китай остановил посылку подкреплений в Корею. Тем временем японцы уже высадили туда более 1 200 человек и продолжают посылку войск. Положение единственного двухтысячного китайского отряда близ Чемульпо критическое. Действия японцев крайне вызывающие. Ли официально объявил мне, что Япония предъявила корейскому королю ультиматум, требуя удаления китайской миссии из Сеула и признания японского протектората. Ли сообщил, что английский посланник в Пекине усиленно предостерегает китайское правительство против нашего посредничества, настойчиво внушая, что Россия тайно одобряет действия Японии. Положение становится почти безвыходным. Убедительнейшее прошу сообщить мне, в дополнение к телеграмме вашей от [24] 12 июня [1]), указания относительно дальнейших намерений императорского правительства.

Кассини.

32. Письмо военного министра министру ин. дел.

1 июля (19 июня) 1894 г.

М. г. Николай Карлович.

Из доставленной вашим высокопревосходительством копии с высочайше одобренного журнала Особого совещания 26 апреля 1888 года по корейскому вопросу [2]) усматривается, что для производства в Корее предположенной сим совещанием сухопутной демонстрации потребуются, быть может, сравнительно значительные вооруженные силы, для сосредоточения коих необходимо известное время.

Хотя, как вы изволите указывать в письме вашем от 14 июня [3]), ныне нет основания опасаться со стороны Китая вызывающих действий,

---

[1]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Гирса от 23 (11) июня за № 61. См. стр. 16, прим.

[2]) Упоминаемый в тексте журнал Особого совещания подготовляется в данное время к опубликованию. — *Ред.*

[3]) В письме Гирса Ванновскому от 26 (14) июня 1894 г. за № 134 указывалось, что занятие русским гарнизоном пункта на корейском побережьи является несвоевременным, так как пока нет никаких оснований подозревать китайское правительство в намерении прочно утвердиться в Корее.

но, имея ввиду, что обстоятельства могут измениться, и что, судя по донесениям нашего военного агента в Китае и Японии, положение дел в Корее в настоящее время представляется, повидимому, весьма серьезным, я имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство не отказать в заблаговременном уведомлении меня, если производство помянутой демонстрации признано будет желательным, как о пункте, который будет избран для занятия нашим гарнизоном, так и вообще о получаемых в министерстве иностранных дел сведениях касательно положения дел в Корее, дабы своевременно можно было обсудить вопрос о численности потребных войск и сделать необходимые распоряжения по их сбору и снаряжению.

Ванновский.

33. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

3 июля (21 июня), № 65 [1]).

Reçu les télégrammes du 1 Juillet (19 Juin) [2]).

Опасаемся, что реформы в Корее служат только предлогом для вмешательства. Недоразумения между Китаем и Японией угрожают весьма нежелательным столкновением на крайнем Востоке. Япония могла бы гораздо удобнее действовать дипломатическим путем после очищения Кореи войсками обеих сторон. Советуйте держаться этого пути.

Гирс.

34. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

3 июля (21 июня) 1894 г.

Китай торжественно обязуется вывести свой отряд одновременно с японскими войсками. Получены ли мои телеграммы от (24) 12-го [3]) и (29) 17-го июня? [4])]

Кассини.

35. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

3 июля (21 июня) 1894 г.

Réponse télégramme (29) 17 Juin [5]).

Из переговоров моих с Ли-хун-чжаном явствует, что Китай понимает наше посредничество в смысле побуждения нами Японии к уда-

---

[1]) На отпуске, с которого телеграмма здесь воспроизводится, имеется вторая дата: «4 июля (22 июня)».

[2]) См. выше №№ 29, 30.

[3]) См. выше № 19.

[4]) Повидимому, имеется в виду телеграмма, напечатанная выше под № 26.

[5] Повидимому, имеется в виду телеграмма Гирса от 28 (16) июня за № 57 (см. стр. 20, прим. 1).

лению ее войск из Кореи одновременно с китайскими, считая это единственным средством избежать войны. За оказанную нами услугу Китай формально признает за Россией право участия в решении вопросов внутреннего устройства Кореи совместно с Китаем и Японией. Лихун-чжан просит, чтобы мы оказали содействие к склонению Японии дать согласие на решение вопроса о реформах в Корее совместно с Россией и Китаем, что должно иметь место немедленно после удаления китайских и японских войск из Кореи. Считаю безусловно важным, чтобы Хитрово приложил все старания к склонению Японии на принятие этого столь выгодного как для нас, так и для нее предложения, коим обеспечивается на будущее время сохранение порядка в Корее, устраняется преобладающее влияние Китая, и которое представляется единственной прочной гарантией против новых покушений какой-либо державы на целость королевства.

К а с с и н и.

36. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле.

4 и ю л я (22 и ю н я) 1894 г.

На мой взгляд, известия о волнении в Корее были сильно преувеличены китайцами, которые, под предлогом опасности и беспомощности корейского правительства, послали войска, чтобы показать свои якобы верховные права. В действительности волнение вызвано притеснением со стороны местных властей и не направлено против самого правительства; требования населением современных реформ вполне справедливы; я поэтому всегда предостерегал корейцев, что всякая попытка умиротворения оружием вызовет недовольство против короля и ухудшит положение. Если канцлер Ли утверждает, что иностранные представители в Сеуле просили Юана поддержать просьбу короля о присылке войск, то это — выдумка для оправдания произвольных действий Китая; в Тяньцзине я указал Ли, что отправка войск повлечет серьезные осложнения, но он будто бы не хотел верить в возможность посылки войск японцами. Первого июня на свидании с министрами они заявили, что волнение утихло. Полагаю, что Китай отступается ввиду серьезных мер Японии.

В е б е р.

37. Записка директора азиатского департамента.

5 и ю л я (23 и ю н я) 1894 г.

Французский посол заявил мне, что китайское правительство обратилось к Франции, Англии и Америке с просьбой о содействии

в корейском вопросе. Граф Монтебелло присовокупил, что ему поручается осведомиться о нашей точке зрения.

Я изложил французскому послу сущность инструкций посланникам нашим в Китае и Японии, состоящих в том, чтобы побудить обе стороны отозвать свои войска из Кореи и затем уже вести переговоры дипломатическим путем.

Граф Монтебелло согласился, что этим способом, казалось бы, удобнее всего устранить опасность весьма нежелательного столкновения на Дальнем Востоке и что всем державам надлежало бы воздействовать на Японию в вышесказанном смысле.

Капнист.

38. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле министру ин. дел.

5 июля (23 июня) 1894 г.

Положение делается критическим. Отори решительно отказывается выслать войска до согласия короля отдать в руки Японии реформы правлением Кореею. Без помощи иностранных правительств есть опасность, что король сдастся.

Керберг.

39. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

6 июля (24 июня) 1894 г.

На сделанное мной от имени императорского правительства внушение министр иностранных дел в самых почтительных выражениях письменно ответил, что моя нота [1]), в виду ее важности, была самым тщательным образом рассмотрена японским правительством; что заявление корейского правительства [2]), на которое она ссылается, по последним сведениям японского правительства, оказывается преждевременным, так как не только причина смут не устранена, но и самое восстание не совсем подавлено; что поэтому необходимо принять должные меры, иначе, без устранения причины, беспорядки постоянно будут возобновляться; что японское правительство действует не с агрессивными целями, а только по необходимости, вызванной нынешним положением, и что, ввиду этого, министр, не задумываясь, заявляет, что Корея была бы очищена японскими войсками, как только японское правительство убедилось бы, что спокойствие в Корее восстановлено и нет опасности нового возмущения и беспорядков. В заключение министр изъявляет от имени японского правительства

[1]) См. выше № 28.
[2]) См. выше № 22.

глубокую признательность за любезные и дружеские советы императорского правительства и выражает надежду, что оно отнесется с доверием к искренности настоящего заявления.

Хитрово.

40. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

7 июля (25 июня) 1894 г., № 72.

Reçu télégramme du 21. [1])

Усилия наши направлены к тому, чтобы устранить возможность столкновения между китайцами и японцами. Воздействие наше на Японию относительно удаления войск из Кореи носит характер дружеских советов: вполне ценя доверие Ли-хун-чжана к нам, мы однако считаем неудобным непосредственное вмешательство наше в корейские реформы, так как за этим предложением, очевидно, скрывается желание втянуть нас в корейские замешательства и заручиться нашим содействием. Благоволите заверить, вместе с тем, что мы относимся самым дружеским образом к Китаю и сделаем все зависящее от нас, чтобы поддержать его мирные намерения.

Гирс.

41. Телеграмма директора азиатского департамента секретарю миссии в Сеуле.

7 июля (25 июня) 1894 г., № 71.

Reçu télégramme du 23 [2]).

Мы советуем в Токио и Пекине мирное соглашение и совместное по возможности очищение Кореи. Англия, повидимому, действует в таком же направлении. Но японцы утверждают, что волнения еще не улеглись. Сообщите ваши сведения на этот счет.

Капнист.

42. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

7 июля (25 июня) 1894 г.

Хитрово конфиденциально сообщил мне ответ японского правительства на наше представление в Токио [3]). Из этого ответа усматриваю, что Япония вежливо, но решительно отклоняет наше представление. Сегодня получено известие о новой посылке Японией в Корею десяти пароходов с войсками.

---

[1]) См. выше № 35.
[2]) См. выше № 38.
[3]) См. выше № 39.

Китай имеет в Корее лишь двухтысячный отряд, и Ли-хун-чжан готов теперь же дать приказание об отозвании его, если мы полагаем, что это новое доказательство миролюбия и лойяльности Китая будет способствовать успеху наших настояний в Токио.

Несмотря на сделанные нам там мирные заверения, образ действий Японии ясно указывает, что она твердо намерена устранить участие России и Китая и самовольно распорядиться судьбой Кореи. Китай объявляет, что решил сопротивляться этому во что бы то ни стало и что воздерживается пока от начала военных действий только потому, что не теряет надежды на успех нашего заступничества.

По моему глубокому убеждению, ныне наступил для нас момент определенно решить, можем ли мы допустить водворение в Корее исключительного влияния Японии и вероятный захват ею полуострова; при ясно обнаруживающихся беспокойных стремлениях японской политики и ввиду многих других политических причин, Япония, несомненно, является нежелательным для нас соседом на материке.

Как бы то ни было, по моему мнению, нам невозможно долее оставлять в неопределенности китайское правительство, которое настойчиво требует от нас теперь же ответа, намерены ли мы твердо настаивать на очищении Кореи от японских войск, и какое положение мы займем по отношению к Китаю, если наши настояния в Токио окажутся безуспешными, и между Китаем и Японией возникнет неизбежная в таком случае война. Убедительно прошу возможно скорых указаний.

Кассини.

43. Всеподданнейшая записка министра ин. дел.

8 июля (26 июня) 1894 г.

Повергаемая при сем на высочайшее воззрение вашего императорского величества секретная телеграмма посланника нашего в Китае [1]), возвращаясь к вопросу о нашем непосредственном участии в деле внутренних реформ в Корее, указывает на уступки, будто бы сделанные нам Ли-хун-чжаном и настаивает на принятии оных.

В ответной телеграмме моей, у сего в копии прилагаемой [2]), я счел полезным разъяснить графу Кассини нашу точку зрения на китайский вопрос, стараясь придать воззрениям нашим наиболее любезную для Китая и для самого Ли-хун-чжана форму. Цель министерства иностранных дел заключалась в том, чтобы отказом нашим принять участие в деле корейских реформ и втянуться таким образом во внутренние корейские замешательства не побудить китайское правительство обратиться к советам Англии.

[1]) См. выше № 42.

[2]) См. ниже № 48.

44. Телеграмма секретаря миссии в Сеуле министру ин. дел.

8 июля (26 июня) 1894 г.

По слухам, отдельные малые шайки бродят еще в южных провинциях. Но это не оправдывает присутствия около 15 000 японских войск в Сеуле и Чемульпо, каковое, очевидно, имеет другую цель.

Керберг.

45. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

9 июля (27 июня) 1894 г., № 73.

На наши представления Япония ответила письменно,[1]) в самой положительной форме, что заявление корейского правительства о том, что порядок уже восстановлен, оказывается преждевременным, так как не только причина смут не устранена, но самое восстание не совсем подавлено; что поэтому необходимо принять должные меры, иначе без устранения причины, беспорядки будут возобновляться. Японское правительство утверждает, что оно не преследует агрессивных целей и, не задумываясь, может заявить, что Корея была бы очищена японскими войсками, как только японское правительство убедилось бы, что спокойствие восстановлено, и нет опасности новых беспорядков.

Гирс.

46. Телеграмма министра ин. дел послу в Лондоне Стаалю.

9 июля (27 июня) 1894 г., № 75.

Благоволите осведомиться, обратился ли Китай к услугам Англии для разрешения своих разногласий с Японией по поводу Кореи и, какой прием встретил этот шаг. Мы желали бы предупредить конфликт и посоветовали обеим сторонам разрешить вопрос дипломатическим путем, отозвав свои войска. Япония ответила [1]), что, по ее мнению, спокойствие в Корее окончательно еще не установлено и что причины беспорядка еще не устранены.

Гирс.

47. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

9 июля (27 июня) 1894 г., № 76.

Reçu télégramme du 24 [2]).

Благоволите заявить японскому правительству, дружеским образом, что мы с удовольствием усматриваем из его сообщений отсутствие

[1]) См. выше № 39.
[2]) См. выше № 40.

агрессивных целей у Японии и готовность очистить Корею, как скоро японское правительство убедится, что спокойствие восстановлено, и нет опасности новых беспорядков. Японии надлежало бы, по нашему мнению, немедленно вступить в переговоры с Китаем на этих общих основаниях. Не упуская из виду, что мы не можем относиться равнодушно к корейским событиям вследствие нашего соседства с Кореей, мы руководствуемся, однако, исключительно искренним желанием устранить возможность столкновений между китайцами и японцами.

48. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

10 июля (28 июня) 1894 г., № 77.

Reçu télégramme du 25 [1]).

Мы отнюдь не желаем вмешиваться в настоящие корейские замешательства вслед за китайцами и японцами, имея возможность всегда оградить наши интересы. Не теряйте из виду, что наши представления Японии имели характер дружеского, хотя весьма настоятельного совета прийти к соглашению с Китаем относительно очищения Кореи, чтобы избежать столкновения. Из ответа Японии усматривается некоторая готовность притти к соглашению, и мы желали бы, чтобы Китай воспользовался этим обстоятельством. Имеем основание полагать, что Англия действует пока в одинаковом приблизительно направлении [2]).

Гирс.

49. Телеграмма посла в Лондоне министру ин. дел.

11 июля (29 июня) 1894 г.

Китай непосредственно не обращался к услугам английского правительства, но последнее дало соответствующие нашим советы как Японии, так и Китаю. Китай весьма расположен им следовать, равно как и Япония, но эта империя настаивает на том, что инициатива переговоров должна исходить от Китая, который отклонил первоначальные предложения Японии. Согласно известиям, полученным Кимберлеем, Китай приветствовал бы совместное выступление пяти держав, [3]) что вам было предложено английским кабинетом [4]).

Стааль.

---

[1]) См. выше № 42.

[2]) На отпуске имеются две пометы карандашом: первая — зачеркнутая: «Не отправлять» и вторая: «Отправить».

[3]) Слова «пяти держав» (des cinq Puissances) подчеркнуты и на полях против этого места поставлен знак вопроса.

[4]) На подлиннике помета Александра III: «Очевидно, что англичане хотят забрать все это дело в свои руки и играть первую роль».

50. Телеграмма посла в Париже министру ин. дел.

11 июля (29 июня) 1894 г.

В прошедшее воскресенье [1]) английский посол предложил французскому правительству «совместное вмешательство» (intervention commune) в Корее, высказав просьбу ответить немедленно. На следующий день, приступив к исполнению своих обязанностей, Ганото ответил, что правительство, будучи недостаточно осведомленным о ситуации и не имея непосредственных серьезных интересов в Корее, оставляет за собой право притти к тому или иному решению по получении более полной информации. Позавчера он телеграфировал Монтебелло.

В то же время китайский посланник осведомился о том, имеется ли у Франции договоренность (accord) с Англией, Россией и Соединенными Штатами. Ганото, повторив свой ответ, подчеркнул значение интересов России, как граничащей с Кореей державы. Доброжелательного отклика, как мне доверительно сообщил Ганото, он не встретил. Китайский посланник тотчас же отбыл в Лондон, не вручив до сих пор верительных грамот. Известия, получаемые из Токио, становятся, как будто, все тревожнее. Ганото прежде всего запросит Англию, что понимается ею под «совместным вмешательством» (intervention commune). Если бы оказалось, что имеются ввиду только Франция и Англия, он отнесся бы к этому отрицательно, видя тут желание изолировать Россию. Если же речь идет о коллективном вмешательстве (intervention collective), на которое намекал китайский посланник, он будет ждать для того, чтобы сделать соответствующий шаг, отзыва императорского правительства. Слова «посредничество» он не слышал. Счел благоразумным сказать ему, принимая во внимание, по меньшей мере, двусмысленную роль Китая, что я также до сих пор не слышал этого слова. Ждет сегодня ответа от Англии [2])... Отправление сегодняшней почты не позволит мне узнать дальнейшее ранее завтрашнего дня.

Моренгейм.

51. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

11 июля (29 июня) 1894 г.

Французское министерство иностранных дел телеграфировало своему здешнему поверенному в делах, что, уведомленное о том, что Россия ведет переговоры в Пекине и Токио для достижения мирного разрешения корейского инцидента, французское правительство иск-

[1]) Т. е. 8 июля (26 июня).

[2]) В конце фразы речь идет о Конго.

ренно желает успеха сих переговоров, и ему поручается, не делая официального заявления, поставить о сем в известность японское правительство, что г. Дюбайль исполнил вчера и мне сообщил.

Хитрово.

52. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

12 июля (30 июня) 1894 г.

До и после получения истощил все советы, указываемые в телеграмме вашего высокопревосходительства от 22 июня [1]). Сегодня Муцу мне хвастался успехом японских непосредственных переговоров с корейским правительством, которое, по его словам, склоняется произвести требуемые Японией реформы и принять другие ее предложения. На мой вопрос, думает ли Япония закрепить свое соглашение с Кореей каким-либо международным актом, министр отвечал весьма уклончиво. Очевидно, японское правительство желает избежать чьего-либо участия и надеется, помимо Китая, непосредственно согласиться с Кореей продлить свою оккупацию до фактического осуществления этого соглашения. Дабы воспрепятствовать сему, полагаю, было бы полезно либо осуществить высказанную мной в телеграмме от 17 июня мысль о комиссарах [2]), либо настоять на заключении конвенции между Китаем, Японией и Россией, о которой мне конфиденциально сообщил Кассини телеграммой от 20 июня [3]). Во всяком случае, переговоры вести, полагаю, было бы всего удобнее в Сеуле, откуда известий не имею.

Хитрово.

53. Перевод телеграммы из Токио, сообщенной японским посланником. [4])

12 июля (30 июня) 1894 г.

Китайское правительство объявило, что оно не желает вступить в переговоры по корейскому вопросу. Мы ответили официально через нашего поверенного в Пекине, что, принимая во внимание то, что часто происходящие беспокойства в Корее имеют своим источником беспорядок внутренней администрации, японское правительство нашло лучшим оказать содействие корейскому правительству в иско-

---

[1]) Повидимому, имеется в виду № 33.

[2]) Предложение о комиссарах содержится в телеграммах Хитрово, публикуемых выше под №№ 27, 30.

[3]) См. № 26. Телеграмма Кассини Хитрово от 2 июля (30 июня) в делах мин-ва ин. дел не обнаружена.

[4]) Заголовок подлинника, на котором помета: «Сообщено пребывающим здесь японским посланником 15(3) июля 1894 г.».

ренении этих причин введением внутренних административных реформ, и для достижения этой цели не может быть лучше, как совокупная помощь Китая и Японии, имеющих общий жизненный интерес в этой стране. В этих видах было предложено совокупное оказание помощи Корее, но, к нашему удивлению, китайское правительство окончательно отказало в этом, ограничиваясь только требованием вывести наши войска из Кореи, и нисколько не высказывает расположения к признанию нашего взгляда. Можно вывести единственное заключение из настоящего положения, — это то, что китайское правительство расположено к ускорению усложнений [1]), и в этом случае японское правительство считает себя освобожденным от всякой ответственности за те случайности, которые, при стечении обстоятельств, могут быть в будущем.

54. Телеграмма министра ин. дел послу в Париже.

13 (1) июля 1894 г.

Получил телеграмму от 29 июня [2]).

Монтебелло, посетив меня только что, выполнил возложенное на него поручение по корейскому вопросу. Я ему ответил, что мы искренно стремимся к тому, чтобы было достигнуто соглашение между Китаем и Японией во избежание конфликта, и действуем в этом смысле. Поэтому мы продолжаем настаивать на одновременном отозвании обеими сторонами своих войск. Мы можем только приветствовать, если другие державы действуют в том же направлении. Мы однако не решаемся высказаться определенно в пользу сделанного, наряду с Францией также и нам, английского предложения, не узнав предварительно, в какой форме могло бы быть оказано давление на оба втянутых в конфликт правительства. Наши интересы в Корее, как граничащей с нею державы, слишком серьезны, чтобы мы не пытались, в предвидении всегда могущей наступить случайности, сохранить за собой полную свободу действий.

Помимо этого, я не дам определенного ответа английскому кабинету, пока не испрошу высочайших указаний [3]).

Гирс.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) См. выше № 50.

[3]) В телеграмме Гирса Стаалю от 14 (2) июня за № 81 сообщалось: «Мы не можем дать ответа лондонскому кабинету, не получив предварительно соответствующих указаний от пребывающего в данное время в Финляндии императора, и не решаемся высказаться по этому вопросу категорически, не зная, в какой форме предполагается осуществить давление держав на Японию и Китай».

55. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

13 (1) июля 1894 г.

Réponse télégramme 28 juin [1]).

Китайских фактически нет. Китайский отряд находится в местности, где было возмущение. Начальник отряда донес Ли-хун-чжану, что волнение прекратилось, и что достаточно самой небольшой вооруженной силы для поддержания в стране спокойствия.

Кассини.

56. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

14 (2) июля 1894 г.

Глубоко признателен вашему высокопревосходительству за столь ясные и точные указания, заключающиеся в телеграммах 25 [2]) и 28 июня [3]). Впрочем с самого начала моих переговоров с Ли-хун-чжаном я отклонял мысль об активном вмешательстве России в корейские замешательства и заверял только то, что нами будут приложены все зависящие от нас усилия, дабы устранить возможность войны между Китаем и Японией. Ныне, в видах избежания всякого недоразумения, я вновь ясно и определенно высказал канцлеру взгляд русского правительства на настоящий вопрос и подтвердил нежелание наше вмешиваться во внутренние дела Кореи. Ли-хун-чжан просил меня передать императорскому правительству его искреннюю благодарность за наши добрые услуги и не скрыл от меня своего взгляда по поводу нашего отказа воспользоваться предложением Китая принять участие в обсуждении и проведении реформ в Корее, ибо эта экстренная уступка, которую Китай считал себя обязанным сделать в пользу России, вызывала, по его словам, крайнее неудовольствие английского правительства. Что же касается до миролюбивых намерений Японии, то канцлер заявил мне, что таковые внушают ему крайне мало доверия в виду постоянно продолжающейся отправки в Корею японских войск. Вследствие сего Китай считает себя вынужденным начать деятельные приготовления к войне, которая отныне считается почти неизбежной. Так как особенные мотивы, важность коих, без сомнения, была взвешена императорским правительством, побуждают Россию отказаться от принятия на себя преобладающей роли в разре-

---

[1]) В телеграмме Гирса от 10 июля (28 июня) сообщалось, что советовать из Петербурга — «оставить или удалить китайские войска из Сеула» — невозможно.

[2]) См. выше № 40.

[3]) См. выше № 48.

шении корейского вопроса, то не признаете ли вместе своевременным и полезным указание нашему посланнику в Токио возбудить [1]) вопрос о коллективных миролюбивых представлениях японскому правительству со стороны представителей всех держав, заинтересованных в сохранении спокойствия на Дальнем Востоке, дабы побудить Японию войти в скорейшем времени в соглашение с Китаем относительно мирного улажения корейского инцидента [2]). Полагаю, что в этом случае мы можем твердо рассчитывать на полную готовность со стороны Франции, и, по всей вероятности, Англия также присоединится к этому.

Кассини.

57. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел [3]).

14 (2) июля 1894 г.

Ли-хун-чжан только что передал мне, что английский посланник в Пекине стал именно настойчиво уговаривать цзун-ли-ямынь [4]) уступить Японии и предоставить ей полную свободу распоряжаться внутренними делами Кореи [5]), указывая, что в руках Японии Корея явится сильным оплотом против поползновений России расширить свои владения и свое влияние на Дальнем Востоке, что главным образом важно для самого Китая [6]).

Кассини.

58. Великобританский посол в Петрограде министру ин. дел.

9 июля (27 июня) 1894 г. [7]).

Господину Говарду поручено его правительством осведомиться у императорского правительства, расположено ли оно присоединиться

---

[1]) Начиная отсюда до конца предложения отчеркнуто карандашом. Слово «коллективных» подчеркнуто.

[2]) К этому слову рукой Гирса сделано следующее примечание карандашом: «Вопрос этот может быть рассмотрен лишь по получении все еще ожидаемого ответа из Лондона».

[3]) На подлиннике — знак рассмотрения, поставленный Александром III.

[4]) Китайское мин-во ин. дел.

[5]) Слова: «распоряжаться внутренними делами Кореи» отчеркнуты карандашом и против черты поставлен вопросительный знак.

[6]) Далее помета рукой Александра III: «Не сомневаюсь, что это так».

[7]) На хранящемся в делах б. мин-ва ин. дел подлиннике публикуемого документа на верху, в левом углу, против входящего № имеется помета: «2 июля 1894 г.», что, повидимому, указывает на несколько запоздалую регистрацию документа во входящем журнале. Ср. указание в № 54, из которого видно, что 13 (1) июля английское предложение было уже получено. Это косвенно подтверждается также тем, что, согласно № 50, в Париже аналогичное предложение было сделано 8 июля (26 июня).

к совместным действиям (intervention commune) в целях добиться разрешения спорного между Китаем и Японией вопроса [1]).

Лассель.

59. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел [2]).

15 (3) июля 1894 г.

Исполнил возложенное на меня телеграммой от 27 июня поручение [3]). Министр иностранных дел выразил глубокую признательность за доверие [4]), оказываемое императорским правительством его заявлению, и сказал, что немедленно передаст императору содержание моего сообщения. Относительно переговоров с Китаем оказывается, что Китай не входит ни в какие соглашения, настаивая на простом очищении Кореи японскими войсками.

Хитрово.

60. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

15 (3) июля 1894 г., № 84.

Мы осведомились из секретного источника, будто бы между Китаем и Японией начались какие-то переговоры. Здешний китайский посланник не передавал нам предложений по корейскому вопросу, которые вам делал Ли-хун-чжан, и вообще не обращался к нам. Будем ожидать известий ваших, по возможности, из Пекина.

Гирс.

61. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

17 (5) июля 1894 г.

Узнал из достоверного источника, что английское правительство предполагает сделать в Петербурге, Париже, Берлине и Вашингтоне предложение — действовать сообща с Англией с целью мирного улажения китайско-японского столкновения. Так как Китай уже обратился к посредничеству России, как державы, непосредственно заинтересованной в этом вопросе, мне кажется, что мы сделали бы

---

[1]) На подлиннике к последнему слову рукой Гирса сделано примечание: «Смею думать, что нам следует подождать отзыва Стааля на наш запрос» (см. № 46), под чем рукой Александра III написано: «Да».

[2]) На подлиннике — знак рассмотрения, поставленный Александром III.

[3]) См. выше № 47.

[4]) К этим словам рукой Гирса сделано примечание: «Телеграмма эта, заключающая наши миролюбивые советы, была повергнута на высочайшее воззрение».

политическую ошибку, уступив благодарную роль мирного посредника другой державе, а тем более Англии, и не поручив нашему посланнику в Токио пригласить иностранных представителей в Японии к совместным с нами действиям в смысле, высказанном в моей телеграмме от 30 июня [1]).

Кассини.

62. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел [2]).

17 (5) июля 1894 г.

Отори назначил трехдневный срок для обсуждения введения следующих реформ: в десять дней приступить к реорганизации администрации, постройке железных дорог, телеграфов, в шесть месяцев упорядочить финансы и морские таможни, в два года преобразовать судопроизводство, войско, полицию, народное просвещение. Король, сознавая в принципе необходимость реформ, не дал положительного ответа ввиду краткости времени и присутствия японской армии. Трехдневный срок истек [3]).

Вебер.

63. Всеподданнейшая записка министерства ин. дел.[4]).

Повергаемая при сем на высочайшее воззрение вашего императорского величества секретная телеграмма посла нашего в Лондоне служит ответом на запрос министерства иностранных дел относительно газетного известия об официальном посредничестве Англии в корейском вопросе и принятии сего посредничества Японией и Китаем [5]). Д. т. с. Стааль отрицает самым положительным образом верность этого известия. Лорд Кимберлей утверждает, по его словам, что Великобритания ограничивалась до сих пор в корейском деле преподанием советов, подобных нашим, обеим противным сторонам. Ввиду отказа

---

[1]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Кассини от 14 (2) июля. Ср. № 56.

[2]) На подлиннике рукой Александра III поставлен знак рассмотрения.

[3]) К этим словам рукой Гирса сделана сноска: «Мне кажется, что это фантастическое требование доказывает, что японцы не желают никакого соглашения с Китаем.» Под сноской рукой Александра III написано: «Да».

[4]) На черновике, по которому публикуется документ, имеется помета: «Переписана 6 июля 1894 г.» Дата доклада царю не указана.

[5]) Имеется в виду телеграмма Гирса от 16 (4) июля за № 83, которой Стаалю поручалось проверить правильность сообщения агентства Гаваса, будто Англия предложила свое посредничество Китаю и Японии, на что Япония ответила согласием. Упоминаемая в тексте публикуемого документа ответная телеграмма посла в Лондоне от того же числа исчерпывающим образом изложена в первой части всеподданнейшей записки.

Японии очистить Корею, он полагал бы в нужную минуту полезным посоветовать сим последним притти, по крайней мере, к соглашению относительно совместной оккупации, с размещением войск каждой стороны на некотором расстоянии друг от друга, во избежание столкновения. Соглашение между Россией и Англией по сему предмету является лорду Кимберлею тем более желательным, что Франция и Германия, склоняясь к тому, чтобы поддержать воздействие наше на японское и китайское правительства, предоставляют почин этого дела нам и Великобритании. Из телеграммы посла нашего в Лондоне вытекает, что Соед. Штаты Северной Америки, также заинтересованные в корейском вопросе, предпочитали бы воздержаться однако от общих дипломатических представлений.

Осмеливаюсь высказать мнение, что вследствие вышеизложенного с нашей стороны, казалось бы, не встречается препятствий предписать посланникам нашим в Пекине и Токио снестись с английскими представителями в смысле предложения лорда Кимберлея, присовокупив в то же время выражение общего желания держав, чтобы корейские недоразумения были улажены посредством дипломатических переговоров. Мы могли бы обратиться вместе с тем к Франции и Германии с просьбой поддержать нас. Соответствующие проекты телеграмм к представителям нашим в Японии и Китае, а также в Лондоне, Париже и Берлине повергаются при сем на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества [1]).

Гирс.

---

[1]) В телеграмме от 22 (10) июля Гирс предписывал Кассини договориться с его английским коллегой по вопросу о «преподании [Китаю] совета за неимением лучшего войти в соглашение относительно продления оккупации с условием размещения японских и китайских войск так, чтобы устранить всякую возможность столкновения. Одновременно предлагалось возобновить... выражение общего желания разрешить вопрос дипломатическим путем». Тогда же идентичная телеграмма на французском языке была отправлена Хитрово.

В телеграмме под той же датой за № 98, адресованной в Париж и Берлин (поверенному в делах Чарыкову) и излагавшей предложение Кимберлея в редакции, почти совпадающей с только что цитированной телеграммой, передавалось приглашение правительствам Франции и Германии присоединиться к предпринимаемому Англией и Россией шагу и снабдить своих представителей «инструкциями, аналогичными нашим».

Телеграммой в Вашингтон от того же числа за № 96 Гирс поручал посланнику Кантакузену: 1) высказаться в том смысле, что «мы желали бы мирного исхода корейских недоразумений между Китаем и Японией», и 2) присовокупить, что «воздействие других заинтересованных держав в таком же направлении желательно». Представляя эту телеграмму Александру III на утверждение, Гирс в особой всеподданнейшей записке, переписанной 18 (6) июля, докладывал, «что сообщение взгляда нашего на корейский вопрос посланнику нашему в Вашингтоне казалось бы желательным, невзирая на то, что великобританское прав-во утверждает,

64. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел [1]).

18 (6) июля 1894 г.

Дружеское посредничество без успеха. Японские войска заняли городские ворота, начинается осадное положение, недостаток, паника, бегство. Король, население возлагают единственную надежду на заступничество России. Дальнейшее бездействие [2]) уничтожит наш престиж.

Вебер.

65. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

19 (7) июля 1894 г., № 89.

Благоволите осведомиться, каких уступок Япония требует от корейцев, и обратить внимание японского правительства на то, что никакие уступки не могут быть действительны, если они противны трактатам, заключенным с самостоятельным корейским государством [3]). Мы руководствуемся желанием не возбуждать в будущем излишних затруднений и надеемся, что Япония признает наши дружеские намерения.

Гирс.

66. Записка директора азиатского департамента.

19 (7) июля 1894 г.

Все известия из Сеула, как официальные, так и газетные, указывают на весьма тревожное положение вещей, которое заслуживает полного внимания с нашей стороны.

будто бы Соед. Штаты Сев. Америки уклоняются от всякого общего воздействия на Китай и Японию в корейских делах».

О том, что предприняты соответствующие шаги в смысле изложенных выше телеграмм, 22 (10) июля телеграфно сообщалось Стаало за № 97.

На всех упоминаемых в данном примечании документах (равно как и на публикуемом в тексте документе — ср. стр. 39, прим. 4) имеется помета: «Переписана 18 (6) июля».

[1]) На подлиннике рукой Александра III поставлен знак рассмотрения.

[2]) Слова: «дальнейшее бездействие» в подлиннике подчеркнуты карандашом и на полях поставлен знак вопроса. Рукой Гирса к этому месту сделано примечание: «До сих пор бездействия не было. Мы усиленно действуем, в границах благоразумия, на обе спорящие стороны и сносимся по этому вопросу с другими державами. Мы будем продолжать такое действие, пока не достигнем очищения Кореи от военной оккупации. В этом смысле Вебер должен был бы говорить корейцам».

[3]) То же предлагалось иметь ввиду Веберу, причем ему разрешалось «высказываться лично от себя в этом смысле» (тел. от 19 (7) июля № 90).

Имеющиеся ввиду общие с другими державами представления распадаются на две части:

1) Совет, предложенный лордом Кимберлеем, расположить японские и китайские войска на таком расстоянии друг от друга, чтобы между ними не могло произойти столкновения, и

2) Возобновление державами представлений наших в пользу мирного разрешения корейского вопроса дипломатическим путем.

Первый пункт может быть принят Японией, главной виновницей происходящих замешательств, беспрекословно, так как японские войска уже занимают Сеул, а китайские стоят, повидимому, в довольно большом расстоянии от столицы, в той местности, где произошло восстание. Предложение лорда Кимберлея клонится, таким образом, лишь к тому, чтобы, так сказать, узаконить существующее расположение военных сил в пользу Японии.

На второй пункт токийское правительство, вероятно, даст такой же уклончивый ответ, как и на наши предшествующие изолированные представления.

Ввиду вышеизложенных соображений, казалось бы, необходимым, по возможности, ускорить воздействие держав с тем, чтобы в случае уклончивого образа действий Японии перейти с нашей стороны к необходимым охранительным мерам. Меры эти могли бы состоять в следующем:

1) В охране нашей миссии в Сеуле посредством небольшого вооруженного отряда, с полным обеспечением свободы ее сношений как по телеграфу извне, так и с самим корейским правительством;

2) Во временном занятии порта Лазарева и дипломатическом заявлении, что мы готовы очистить этот пункт, как скоро Япония и Китай придут к соглашению относительно отозвания своих войск из Кореи и приведут в исполнение это соглашение.

Чем более открыто будут приняты подобные решения и чем откровеннее мы объяснимся по сему предмету, преимущественно с Англией, тем целесообразнее и безопаснее будет наш образ действий.

Капнист.

67. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

20 (8) июля 1894 г.

Здесь распространился слух, и всюду разосланы телеграммы, будто, в виду разрыва, китайская миссия выезжает из Японии. Китайский посланник сообщил мне сегодня, что, действительно, так как, в виду почти потерянной надежды на мирный исход, Китай был вынужден послать в значительном количестве новые войска в Корею, он

на всякий случай готовится к отъезду, но что никаких еще инструкций в этом смысле не получал. Япония отправила еще войска в Корею, теперь там их должно быть около 13 000.

Хитрово.

68. Записка, переданная великобританским послом [1]).

21 (9) июля 1894 г.

Лорд Кимберлей опасается, что, если не будет немедленно оказано давление на китайское и японское правительства в отношении урегулирования корейского вопроса, вспыхнет война.

Благоволите высказать императорскому правительству просьбу, чтобы оно как можно скорее послало своим посланникам в Пекине и Токио инструкции содействовать посланникам ее британского величества в их усилиях, направленных к избежанию войны.

69. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

21 (9) июля 1894 г.

Reçu télégramme 15 (3) Juillet [2]).

Ли-хун-чжану предоставлено самое широкое полномочие для ведения корейского дела. Сегодня китайскому посланнику в Петербурге будет дано по телеграфу приказание сделать заявление в этом смысле нашему правительству и подтвердить, что Китай обратился к России о посредничестве. Япония, предостерегаемая Англией против посредничества России, обратилась с своей стороны к посредничеству Англии. Ли-хун-чжан формально заявил мне, что, если японское правительство обратится к Китаю с предложением, чтобы и он принял посредничество Англии, то Японии будет отвечено, что Китай уже ранее обратился к посредничеству России, и что, так как последняя не отклонила этой просьбы и направила уже свои усилия к мирному улажению вопроса, Китай не признает возможным принять посредничество другой державы. Канцлер заявил, равным образом, что, если предложение о посредничестве Англии будет сделано Китаю самим английским правительством, то будет отвечено в том же смысле. Следуя настойчивым внушениям О'Конора, который всячески старается навязать Китаю посредничество Англии, японский поверенный в делах

---

[1]) На хранящемся в делах б. мин-ва ин. дел подлиннике публикуемого документа рукой тов. министра Шишкина написано: «Вручено мне новым великобританским послом, который завтра собирается посетить вас. 9 июля 1894 г.». Перед текстом надпись на французском языке: «Лондон. 19 июля 1894 г.».

[2]) См. № 60.

в Пекине сделал на-днях попытку завязать переговоры помимо Ли-хун-чжана непосредственно с цзун-ли-ямынем, но эта попытка не привела ни к какому результату. Других переговоров между Японией и Китаем не было. Китай твердо стоит на том, чтобы Корея сперва была очищена от японских и китайских войск и чтобы затем уже вопрос о реформах был решен дипломатическим путем между Китаем и Японией. Если Япония будет продолжать отказываться вывести свои войска из Кореи, то война, по мнению Ли-хун-чжана, неминуема в самом близком будущем. Так как корейское дело ведется и должно быть решено в Тяньцзине, то полагаю необходимым остаться здесь, имея полную возможность поддерживать отсюда постоянные сношения с цзун-ли-ямынем.

Кассини.

70. Телеграмма нештатного консула в Шанхае директору азиатского департамента.

22 (10) июля 1894 г.

Télégraphe Shanghai—Pékin interrompu [1]).

Война Японии с Китаем считается неизбежной. Китайцы намерены, в случае войны снять в море створные знаки и заградить вход к Шанхаю. Английский консул телеграфирует в Лондон предложить китайскому и японскому правительствам объявить Шанхай нейтральным.

Рединг.

71. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

22 (10) июля 1894 г.

Reçu télégramme du 7 [2]).

Сегодня исполнил возложенное на меня поручение: вчера министр был в отсутствии. Он просил время подумать и обещал дать письменный ответ.

В последовавшем разговоре, так как министр сказал, что Япония не имеет причин держать в тайне предъявленные Корее требования, отнюдь не противоречащие ее самостоятельности, я ему заметил, что, если бы Отори, предъявляя их в Сеуле, содержал о своих действиях в известности Вебера, то через это был бы избегнут ныне столь естественный со стороны императорского правительства запрос. Муцу обещал дать немедленно Отори инструкции в этом смысле.

---

[1]) «Телеграф Шанхай — Пекин прерван».

[2]) См. выше № 65.

Далее в разговоре Муцу меня спросил, известно ли мне о циркуляре [1]) Англии своим представителям при великих державах по корейскому вопросу, утверждая, что он сам будто бы получил об этом лишь частное и не имеет никакого официального известия [2]). Я ответил, что в Китае недавно разнесся слух, что Япония обратилась к посредничеству Англии. Муцу горячо протестовал против этого, говоря, что, если кто прибег к посредничеству Англии, то, конечно, не Япония, а Китай, но что, впрочем, он думает, что Англия действовала по собственной инициативе, впервые проявленной О'Конором в Пекине.

Хитрово.

72. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел.

22 (10) июля 1894 г.

Отори предложил здешнему правительству доказать независимость требованием убрать китайские войска. Указывая на сдержанность Китая, отозвание Юана, отсутствие опасности японским подданным, убеждаю Отори делать уступки, отсылая пока часть войска.

Вебер.

73. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

23 (11) июля 1894 г.

Reçu télégramme du 9 [3]).

Сведения, сообщенные Ли относительно обращения Японии к посредничеству Англии, неверны. Япония вообще не ходатайствовала ни о каком посредничестве.

Гирс.

74. Телеграмма посла в Берлине министру ин. дел.

23 (11) июля 1894 г.

Получил вчерашнюю телеграмму [4]). Передал содержание барону Ротенгану. Последний ответил: германское правительство 4 дня тому назад предписало своим послам в Токио и Пекине присоединиться ко

---

[1]) В подлиннике слово «циркуляр» подчеркнуто карандашом.

[2]) К этому слову рукой Гирса сделано примечание: «Это, вероятно, тот циркуляр, о котором упоминается в прилагаемой у сего записке». К имеющемуся экземпляру документа никакой записки не приложено. Ср. № 77.

[3]) См. выше № 69.

[4]) Телеграмма Гирса от 22 (10) июля за № 98. См. стр. 40, прим.

всякому шагу, который был бы предпринят представителями великих держав в целях поддержания мира. Эта инструкция покрыла бы данный случай. Берлинский кабинет продолжает, как будто, проявлять отсутствие интереса к корейскому вопросу, несмотря на попытки, которые, кажется, были сделаны здесь Англией. Ему неизвестен проект соглашения, за неимением лучшего, о продлении оккупации, и он не придает значения морским силам Японии.

Чарыков.

75. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

23 (11) июля 1894 г.

Вебер телеграфирует: «Дружеское посредничество без успеха; японские войска заняли городские ворота; начинается осадное положение, недостаток, паника и бегство. Король, население возлагают единственную надежду на заступничество России». Китай, с своей стороны, не теряет еще надежды, что благодаря нашему энергичному дипломатическому содействию удастся избежать войны. Тем не менее, в виду последних чрезмерно вызывающих и дерзких действий Японии в Корее, Китай вынужден принять меры на случай решительной невозможности отвратить столкновение. Завтра будут отправлены отсюда в Корею 10 000 человек. Китайским начальникам строго предписано отнюдь самим не давать повода к столкновению. В северных портах наготове еще 10 000 человек. Эскадра в 9 военных судов конвоирует войска. Более, чем когда-либо держусь мнения, что необходимо употребить все зависящие средства, чтобы побудить Японию отказаться от принятого ею вызывающего направления, которое исключает всякую возможность мирного согласия и неминуемо ведет к войне, во всяком случае, для нас нежелательной и последствия коей могут отразиться самым неблагоприятным образом на всем ходе нашей политики на Дальнем Востоке. Ожидаю с нетерпением указаний вашего высокопревосходительства.

Кассини.

76. Донесение военного агента в Китае.

23 (11) июля 1894 г.

№ 196/234.

Китай решил теперь отозвать свои войска из Кореи и ожидать переговоров, между тем усиленно приготовляется к войне. Ныне готовы: 5 тысяч близ Тяньцзина, 9 тысяч в Порте Артур, 10 тысяч в Шанхае. Намерены собрать до 50 000, занять 3 милл. таэлей. Китай

считает Японию слабее. Решено право на Корею не уступать. В случае неудачи переговоров осенью начнет войну. Вероятный план — занятие северной Кореи; база — Манчжурия. Япония уверяет, что согласна отозвать войска и вести переговоры, лишь восстание будет усмирено, между тем она усиливает войска в Корее, где ныне до 16 тысяч. К осени Япония будет готова к серьезной кампании. Обширные приготовления указывают на желание достичь существенного результата в Корее. Англия старается убедить Китай, что Россия заодно с Японией. Английская эскадра в порте Гамильтон.

Общее мнение, что войну трудно избежать.

Полковник В о г а к.

77. Записка министерства ин. дел.

24 (12) и ю л я 1894 г.

Английский посол передал следующее сообщение: «Лорд Кимберлей имел в виду, делая свое предложение, не то, чтобы китайские и японские войска оставались на своих теперешних позициях в Корее, но чтобы японцы отступили к югу, эвакуируя Сеул и Чемульпо, а китайцы — к северу, во избежание враждебного соприкосновения». Английское предложение было сделано в форме циркуляра, адресованного заинтересованным державам.

Великобританское правительство полагает, что изложенный план, в случае его принятия, позволил бы выиграть время для переговоров.

Сэр Франк Лассель прибавил, что его правительство очень признательно нам за согласие участвовать в совместных действиях. Он думает, что последние должны были бы быть предприняты как можно скорее и на основе полного равенства, чтобы иметь некоторые шансы на успех [1]).

78. Письмо посла в Лондоне министру ин. дел.

24 (12) и ю л я 1894 г.

Я получил письмо от 18 (6) июля [2]) вместе с собранием дипломатических документов, любезно препровожденных мне вашим высокопревосходительством, с последней почтой. Досье, посвященное корейским делам, в одинаковой степени полно и интересно. По этому вопросу

---

[1]) В подлиннике к последнему слову рукой Гирса сделано примечание: «Это сообщение передам я по телеграфу представителям нашим в Пекине, Токио, Париже и Берлине».

[2]) В делах б. мин-ва ин. дел упоминаемое письмо не обнаружено.

мне почти нечего добавить к тому, что содержалось в моей позавчерашней телеграмме [1]).

Как я там вкратце указывал, лорд Кимберлей был очень признателен за сообщение, которое мне было поручено ему сделать. Он с большим удовлетворением отметил единство взглядов, установившееся в данном деле, и не окончательно еще потерял надежду, что сообща выработанные меры окажут свое действие в смысле устранения опасности теперешнего положения в Корее. Он так же, как и мы, полагал, что советы умеренности и благоразумия, данные в Пекине и Токио, могли бы оказаться достаточными для избежания конфликта, последствия которого чрезвычайно тяжело отозвались бы на интересах, связанных с Дальним Востоком. С этой целью он пригласил непосредственно заинтересованные в этом деле державы принять участие в нашем дипломатическом выступлении. Я был удивлен, когда услышал, что среди последних лорд Кимберлей назвал Италию, которая первоначально не была включена в число держав, к содействию которых он обращался. Мой собеседник разъяснил мне, что присоединение Италии последовало в результате запроса итальянского посла, который, казалось, был несколько недоволен тем, что римский кабинет был забыт. Первому статс-секретарю по иностранным делам не трудно было доказать ему, что он (Кимберлей) обратился к державам, либо по их географическому положению, либо по значительности их торговых отношений, непосредственно и сильно затронутых китайско-японской распрей; но что тем самым ни для кого не исключалась возможность присоединиться, и что сотрудничество Италии, способствующее разрешению общей задачи, встретило бы благожелательный прием. Рассказав мне об этом инциденте, лорд Кимберлей прибавил, что он потому, в частности, считал себя вправе так ответить, что, согласно недавно высказанному английским посланником в Пекине мнению, совместное давление держав является единственным средством воздействия, которое, быть может, еще могло бы удержать Китай и Японию на краю пропасти, предотвратив кровавый конфликт.

К несчастью, эта возможность не осуществилась. Положение со дня на день становится все серьезней, и вчерашние вечерние газеты сообщили, что столкновение, которого боялись, произошло. Японские канонерки бомбардировали один из корейских портов, а в Сеуле имела место стычка между двумя отрядами враждующих наций.

[1]) Судя по содержанию телеграммы, частично повторенной публикуемым в тексте документом, имеется в виду телеграмма, копия которой, хранящаяся в делах б. мин-ва ин. дел, датирована 24 (12) июля. Телеграмма эта заканчивается следующим сообщением: «Со своей стороны [лорд Кимберлей] также послал приглашение кабинетам: парижскому, берлинскому и, кроме того, римскому, который повидимому, желает принять участие в разрешении этого вопроса».

В форейн оффисе до сегоднешнего утра не было получено никаких известий, подтверждающих данные прессы, но, по всей вероятности, последние основаны на имевших место фактах,

Если это действительно так, то единственно, что остается, это — принимать меры для локализации конфликта.

Стааль.

79. Телеграмма посла в Париже министру ин. дел.

26 (14) июля 1894 г.

Сегодня, до получения мною вашей телеграммы [1]), Ганото указал мне на различие между нашей точкой зрения, предполагающей сохранение статуса кво совместной оккупации, и английским предложением об отводе войск обеих враждующих сторон с целью установления нейтральной зоны. Франция будет продолжать воздействие на обе стороны в примирительном духе, не оказывая ни одной из них предпочтения, за исключением того случая, когда императорское правительство сочтет нужным высказаться за предпочтение одной из сторон. Он считает враждебные действия неизбежными. Он желал бы быть более полно осведомленным о возможных намерениях императорского правительства. Япония обратилась к Франции с просьбой взять на себя на время войны защиту японских подданных в Китае. Министр расположен ответить в положительной форме. Совершенно доверительно запросил меня о нашем отношении к этому. Я обещал запросить ответ.

Моренгейм.

80. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

26 (14) июля 1894 г.

Получил телеграмму от 10 июля [2]).

Китай согласен на временное занятие Кореи японскими и китайскими войсками, расположенными на расстоянии, требует эвакуации Сеула Японией [3]), обязуясь не занимать его. Сообщил Хитрово [4]).

Кассини.

---

[1]) В делах б. мин-ва ин. дел телеграмм в Париж, начиная с 23 (11) июля, не обнаружено; повидимому, в Париж была передана одна из идентичных телеграмм либо на имя Кассини, либо на имя Хитрово от 25 (13) июля за № 101 и 102, излагавших точку зрения Кимберлея, содержащуюся в док. № 77.

[2]) См. прим. стр. 40, прим.

[3]) В подлиннике слова: «требует эвакуации Сеула Японией» отчеркнуты карандашом.

[4]) К концу документа рукой Гирса сделано примечание: «Требование Китая мне кажется весьма умеренно, о чем я полагал бы уведомить Хитрово». Несколько ниже рукой Александра III написано: «Да»

81. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

26 (14 июля) 1894 г.

Три китайских военных судна подверглись вчера атаке со стороны японцев при входе на Ассанский рейд [1]) без предварительного объявления войны. Одно судно было захвачено. Другое, равно как и торговое судно под английским флагом, на борту которого находилось 1 500 китайских солдат, были пущены ко дну. Третье судно, доставившее эти сведения, с серьезными повреждениями вернулось в Вейхай-вей. Необходимы, как мне кажется, энергичные совместные выступления в Токио [2]).

Кассини.

82. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

27 (15) июля 1894 г.

Получил телеграмму от (22) 10 июля [3]).

Английский поверенный в делах уже несколько дней тому назад сделал предложение о разделении, во избежание столкновений, японских и китайских войск, настаивая, чтобы японцы эвакуировали Сеул и Чемульпо, перебросив свои войска на юг, в то время как китайцы будут на севере. Относительно эвакуации столицы и ее порта японцы ответили уклончиво и сослались на трудность менять расположение войск, поскольку в данное время японцы находятся на севере, а китайцы на юге. Поверенный в делах передал этот ответ в Лондон; он ждет ответа. Лишь вчера он получил инструкцию сговориться со мной, в результате чего я сегодня видел товарища министра — министр был болен. Хаяси обещал мне дать ответ, переговорив с Муцу. Он присовокупил, что наряду с английскими предложениями о разделении войск имеются другие, а именно: О'Коннора из Пекина, сводящиеся к изменению первоначальных предложений Японии Китаю в направлении сохранения в них всего того, что относится к организации хозяйства и торговли Кореи и отказа от их политической части. Хаяси сказал, что Япония вынуждена была отклонить эту комбинацию, которая равнялась бы признанию суверенитета Китая над Кореей. Мой итальянский коллега сообщил мне, что он получил предписание от своего правительства поддержать английские предложения о разделении, во избежание столкновений, японских и китайских войск в Корее.

Хитрово.

---

[1]) В подлиннике против слова: «Ассан» (Assan) поставлен знак вопроса, а на полях карандашом написано «Газан».

[2]) Эта фраза отчеркнута карандашом и к последнему слову рукой Гирса сделано примечание: «Об этом я не замедлю сообщить Хитрово. (Было ли сделано какое-либо заявление англ. прав. по этому предмету?)»

[3]) См. стр. 40, прим.

83. Записка директора азиатского департамента.

28 (16) июля 1894 г.

Китайский посланник [1]) сообщает о следующем, по поручению Ли-хун-чжана.

Граф Кассини, исполнив полученные им приказания относительно общих с Англией представлений по корейскому вопросу, между прочим, спросил, куда именно, по мнению китайского правительства, китайские и японские войска могли бы быть удалены из Сеула так, чтобы не произошло случайного столкновения? Ли-хун-чжан отвечал, что японцы могли бы быть удалены в Фусан (порт Южной Кореи), а китайцы в Пиньян или Пхинян (главный город провинции того же наименования, к северо-западу от Сеула). Граф Кассини сообщил это сведение Хитрово по телеграфу.

На мое замечание, что вышеизложенное указывает на принятие Китаем предложений, сделанных нами совместно с Англией, посланник отвечал утвердительно [2]).

Каппист.

84. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел [3]).

29 (17) июля 1894 г.

Японцы атаковали 10 июля дворец в Сеуле. Король, наследник, семья — пленники в японской миссии.

Кассини.

85. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

29 (17) июля 1894 г.

После полуночи получил ноту министра иностранных дел вкратце следующего содержания: «На Тай-вэнь-куна, отца короля, возложено управление королевством и осуществление реформ по советам Отори; Япония неоднократно предлагала Китаю совместное осуществление сих реформ, но Китай отверг эти предложения; ныне есть надежда на осуществление желательных улучшений, и волею короля и усилиями Тай-вэнь-куна вопрос о независимости Кореи ныне не нуждается в обсуждении, равно как и вопрос о равноправности Японии с Китаем в их коммерческих и политических сношениях с Кореей, ибо он будет разрешен непосредственно между Японией и Кореею; японское правительство получило достоверные сведения о вступлении

[1]) Шю-кинг-шенг.

[2]) На подлиннике рукой Гирса сделана помета: «Доложено государю».

[3]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

25 июля китайских войск в Корею через сухопутную границу с явно враждебными целями против Японии и Кореи; кажущаяся готовность Китая внимать советам иностранных держав лишь уловка для выигрыша времени на военные приготовления; китайские военные суда стреляли по японским близ Я-шаня; в этих обстоятельствах японское правительство вынуждено взять назад им сделанные Китаю предложения по внушению дружеских держав». Нота заканчивается выражением прискорбия о том, что упорство Китая сделало бесполезными миролюбивые усилия держав, и уверением в миролюбии нынешнего японского правительства, во всякое время расположенного внимать мирным предложениям, не противным нынешнему положению дел и чести и достоинству империи.

Хитрово.

86. Телеграмма посла в Вашингтоне министру ин. дел.

29 (17) июля 1894 г.

Reçu aussitôt communiqué télégramme du 10 [1]).

Министра удалось видеть только вчера. Он соглашается с нашим взглядом, но, по просьбе Кореи, американское правительство обратилось в Пекин и Токио с настоятельными советами умеренности. Тем удовольствуется. Грешам [2]) опасается, что ввиду угрожающих внутренних усложнений в Японии правительство, дабы отвлечь внимание, решится на все.

Кантакузен.

87. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

30 (18) июля 1894 г.

Телеграмма от 13 июля [3]) получена по отправлении моей вчерашней экспедиции.

Должен предупредить ваше превосходительство, что наряду с переговорами о расположении в Корее японских и китайских войск на расстоянии во избежание конфликта, в которых мы собираемся участвовать по просьбе Кимберлея, подготовляются несравненно более важные переговоры. Посетивший меня сегодня утром товарищ министра иностранных дел [4]) сообщил мне, что итальянский посланник и английский поверенный в делах явились к нему вчера со следующим предложением: для достижения непосредственного соглашения между

---

[1]) См. стр. 40, прим.

[2]) Статс-секретарь по ин. делам САСШ.

[3]) См. стр. 49, прим. 1.

[4]) Хаяси.

Китаем и Японией Япония должна была бы изменить свои первоначальные предложения Китаю и добиваться: 1) чтобы были назначены китайские и японские делегаты для согласования вопроса о реформах, подлежащих введению в Корее; 2) чтобы их работа была утверждена корейским королем; 3) чтобы реформы проводились в жизнь под контролем упомянутых делегатов. Английский поверенный в делах и итальянский посланник не сочли нужным посвятить меня в это дело. Итальянский посланник, как я телеграфировал [1]), ограничился тем, что сообщил мне о получении им предписания поддерживать английские предложения, и с этого момента подвизается с характерным для итальянской дипломатии рвением. По словам г. Хаяси, японцы будто бы ответили де Мартино [2]) и Пажету, не высказываясь по существу их предложений, что они желают, чтобы предложения эти предварительно были сообщены Китаю, и что они согласятся обсуждать их лишь после того, как они будут приняты Китаем.

Хитрово.

88. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

31 (19) июля 1894 г.

Посетивший меня китайский посланник [3]) сообщил, что получил сегодня утром приказание своего правительства, так как японцы открыли военные действия, выехать. Он уже послал в этом смысле ноту японскому министру и с первым пароходом выезжает.

Хитрово.

89. Телеграмма министра ин. дел поверенному в делах в Италии Мейендорфу.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Из парламентской декларации Грея мы осведомились, что Англия просила содействия Италии в корейском деле. Благоволите поставить итальянское правительство в известность о том, что мы предписали нашим представителям в Пекине и Токио привлечь к участию в их выступлениях по корейскому делу итальянских представителей в том случае, если последние получат инструкции, соответствующие инструкциям английских, французских и германских представителей [4])

Гирс.

---

[1]) См. выше № 82.

[2]) Итальянский посланник.

[3]) Ванг-сенг-цао.

[4]) В ответной телеграмме от 2 августа (21 июня) Мейендорф сообщил, что итальянские представители в Токио и Пекине получили распоряжение действовать совместно с представителями Англии и других держав.

90. Сообщение японского посланника [1]).

31 [19] июля все иностранные представители в Токио получили от министра иностранных дел следующее извещение: японское правительство истощило все возможные с своей стороны справедливые старания, чтобы добиться правильного и продолжительного урегулирования недоразумений [2]), существующих между Японией и Китаем, но так как эти старания оказались совершенно ни к чему не ведущими, то, во исполнение возложенной на него обязанности, он, министр, имеет честь объявить, что военное положение существует между Японией и Китаем.

91. Телеграмма посла в Лондоне министру ин. дел.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Кимберлей только что получил от английского поверенного в делах в Токио телеграмму, сообщающую об официальном уведомлении японским правительством иностранных представителей о том, что Япония и Китай находятся в состоянии войны. Кимберлей высказал пожелание, чтобы установившееся между нашими правительствами согласие продолжалось и при изменившихся обстоятельствах. Он считает своевременным осведомиться о вашей точке зрения на сложившуюся в данный момент ситуацию и собирается в этом смысле телеграфировать Лассселю. Он думает, что мы могли бы совместно предпринять некоторые шаги с тем, чтобы попытаться достигнуть скорейшего окончания войны, и полагает, что обмен мнениями между двумя правительствами не может не быть полезным.

Стааль.

. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Réponse télégramme 17 Juillet [3]).

Присутствие «Корейца» в Чемульпо необходимо. Население в Тяньцзине сильно возбуждено, необходимо прислать судно в Таку.

---

[1]) На подлиннике ниже заголовка имеется подзаголовок: «Перевод телеграммы из Токио от 1 августа (20 июля) 1894 г.»; на полях слева рукой Александра III поставлен знак рассмотрения.

[2]) Начиная со слов: «японское правительство» до слова: «недоразумений» отчеркнуто красным карандашом, которым поставлен и знак царского рассмотрения. Против отчеркнутого — вопросительный и восклицательный знаки.

[3]) Телеграммой от 29 (17) июля за № 106 Капнист, сообщая о нахождении канонерки «Корейца» в Чемульпо, запрашивал Кассини, нужно ли ее присутствие в Ханькоу.

Прошу телеграфировать адмиралу, так как сообщение между Тяньцзинем и Владивостоком прервано. Касательно Ханькоу крайней необходимости посылки пока нет.

Кассини.

93. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

1 августа (20 июля) 1894 г.

Suite télégramme d'hier [1]).

Известие о морском сражении вполне подтвердилось [2]). По японской версии, 25 июля близ острова Хото китайские суда, не отвечая на салют японских, открыли огонь. Японцы потопили транспорт с тысячью пятьюстами солдат и захватили канонерскую лодку «Цаоцзян», три тысячи ружей и двадцать орудий, 82 человека экипажа, в том числе трех иностранцев. Два другие китайские конвоира бежали.

Хитрово.

94. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел [3]).

1 августа (20 июля) 1894 г.

Сегодня ночью получил циркулярную ноту министра иностранных дел, извещающую, что война с Китаем началась.

Хитрово.

95. Записка директора азиатского департамента.

2 августа (21 июля) 1894 г.

Согласно вашему распоряжению я посетил сегодня утром английского посла, чтобы обратить его внимание на непосредственные переговоры, которые, по слухам, имели место между Китаем и Японией без ведома наших представителей и при поддержке английских представителей в Пекине и Токио. Я не преминул подчеркнуть активную роль, которую в этом случае, как будто, играл итальянский посланник в Японии.

Сэр Франк Лассель признал без обиняков, что мы имели основание быть удивленными упомянутым обстоятельством. Он обещал это выяснить.

Мне однако кажется, что этот инцидент уже потерял свое значение вследствие окончательного разрыва между китайцами и японцами.

---

[1]) См. выше № 88.

[2]) Слух о морском сражении между китайцами и японцами Хитрово передавал телеграммой от 28 (16) июля.

[3]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

Одновременно с этим посол сделал мне три важных сообщения:

1) Английское правительство предполагает опубликовать декларацию о нейтралитете. Это — не более, чем обычная формальность.

2) Командующий английской эскадрой получил приказание направиться с находящимися в его распоряжении судами в Чемульпо для охраны торговли и британских подданных. Англичане надеются, что мы дадим начальнику нашей морской станции в Чемульпо распоряжение поддерживать наилучшие отношения с британским адмиралом.

3) Лорд Кимберлей запрашивает, какого вы мнения о совместном выступлении держав на предмет объявления в Пекине и Токио об их неодобрении войны, которую можно было избежать.

Сэр Франк считает, что последнее предложение слишком запоздало и, вследствие этого, ни к чему не приведет. Я не скрыл от него, что лично я разделяю это мнение.

Капнист.

96. Телеграмма поверенного в делах в Сеуле министру ин. дел.

3 августа (22 июля) 1894 г.

Dernier télégramme du 7 Juillet [1]).

Корейцы отказались выслать китайские войска и уничтожить китайские конвенции. Японцы заняли город и, после стычки, дворец, где король под стражей. Вчера аудиенция. Король убедительно просил представителей оказать помощь.

Télégraphe interrompu. Canonnière française attend réponse Chefoa [2].

Вебер.

97. Записка директора азиатского департамента [3]).

4 августа (23 июля) 1894 г.

Японский посланник сообщил мне следующее:

Морское сражение, в котором погиб китайский транспорт, было начато китайцами, неудачно пустившими мину. Начальник транспорта хотел сдаться, но китайские войска принудили его вступить в бой.

29 (17) произошло столкновение между китайцами и японцами у Ассана, несколько южнее Чемульпо, и китайцы принуждены были удалиться в свои укрепления. 30 (18) Ассан был взят японцами.

Капнист.

---

[1]) См. стр. 41, прим. 3.

[2]) «Телеграф прерван. Французская канонерка ждет ответа в Чифу».

[3]) На подлиннике Александром III поставлен знак рассмотрения.

98. Телеграмма посланника в Пекине министру ин. дел.

4 августа (23 июля) 1894 г.

Война объявлена. Враждебные действия начаты. Посредничество держав временно приостановлено. Китайское правительство тем не менее заверяет, что оно готово в любую минуту возобновить мирные переговоры, предложенные державами, как только Япония изъявила бы согласие на эвакуацию Сеула, восстановление короля, расположение японских войск на юге, китайских — на севере Кореи, после чего корейские реформы подлежали бы обсуждению в Пекине или Тяньцзине между Китаем, Японией и представителями русским, английским, французским, германским и итальянским.

Кассини.

99. Телеграмма посланника в Токио министру ин. дел.

4 августа (23 июля) 1894 г.

Reçu télégramme du 21.

Пока Англией официального заявления не сделано. По получении известия Муцу уведомил английского поверенного в делах, что, если окажется, что виноваты японцы, Япония готова дать должное удовлетворение. Пажет (Paget) телеграфировал лорду Кимберлею, но еще ответа не получил.

Хитрово.

100. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

7 августа (26 июля) 1894 г.

Препровождаем через судно, отправляемое вторым стационером в Чемульпо, следующую инструкцию Веберу, которую можете принять к руководству. Наш посланник в Японии уведомил о возложении управления корейским королевством на Тай-вэнь-куна. Считая этот порядок лишь временным, мы не вмешиваемся однако в войну между японцами и китайцами. Можете высказываться в этом смысле, обращая внимание на необходимость относиться с должным уважением к нам и, в особенности, избегать всего, что могло бы подать повод к недоразумениям в прилегающих к нашей территории округах Кореи.

Гирс.

101. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Токио.

7 августа (26 июля) 1894 г., № 118.

По получении вашей телеграммы от 18 июля [1]) я поспешил указать великобританскому послу на всю неправильность и неуместность шага, предпринятого без вашего ведома г. Пажетом и итальянским посланником. Лорд Кимберлей, которому Лассель немедленно передал наш разговор, не колеблясь, безоговорочно осудил поведение Пажета и со всей строгостью предписал ему не предпринимать впредь никаких шагов без предварительного согласования с вами.

Гирс.

102. Письмо министра ин. дел посланнику в Пекине.

8 августа (27 июля) 1894 г., № 192.

Направление политики нашей в корейском вопросе достаточно ясно вытекает из телеграмм императорского министерства, уже полученных вашим сиятельством. Считаю нелишним присовокупить к сим последним несколько общих соображений, не поддающихся сообщению по телеграфу, требующему краткости изложения.

Недоразумения между Китаем и Японией по поводу Кореи были вызваны внутренними волнениями в этой стране. Мы непричастны непосредственно ни к тем, ни к другим. Но корейский вопрос, возникший, так сказать, у нашего порога, в соседстве с нашей Приморской областью, близко касается нас самих. Мы однако преследуем в оном лишь две цели:

1) Умиротворение распри между правительствами Китая и Японии;

2) Охрану наших собственных интересов.

Первая цель может быть достигнута либо нашим прямым дипломатическим воздействием, без участия других заинтересованных держав, либо — в совокупности с сими последними; достижение второй цели стоит в зависимости от нашего собственного усмотрения.

Содержание полученных вами по телеграфу инструкций указывает вам на высочайшую волю государя императора исчерпать все возможные средства в первом направлении. Мы не преминули в этих видах обратиться к китайскому и японскому правительствам с дружеским советом очистить Корею и приступить затем к разрешению корейских затруднений дипломатическим путем. Когда, вследствие

[1]) См. выше № 87.

уклончивого ответа токийского кабинета, выяснилась решимость Японии не выводить свои войска впредь до получения требуемых ею гарантий против возобновления беспорядков в Корее, мы поспешили предписать вам и гофмейстеру Хитрово снестись с представителями Англии и других заинтересованных держав в Китае и Японии для совместных представлений в пользу [мира. Результаты] представлений этих еще не вполне известны нам в настоящее время, хотя мы, к сожалению, осведомились уже из достоверных источников о происшедших между китайцами и японцами столкновениях.

Как бы то ни было, императорское правительство постоянно руководствуется задачей не увлекаться односторонними предложениями той или другой из двух враждующих между собой на крайнем Востоке держав и не втягиваться, вслед за ними, в пристрастную оценку положения вещей. Подобный образ действия являлся бы не только несогласным с нашим достоинством, но мог бы даже связать наши руки в будущем. Мы вовсе не сожалеем вследствие сего о том, что мы отклонили сделанное нам Ли-хун-чжаном] через вас предложение] вмешаться непосредственно в вопрос о внутренних реформах в Корее и принять на себя, так сказать, авторитетное посредничество в пользу существующего status quo, т. е., как это естественно понимал Ли-хун-чжан, в пользу Китая. Министерство иностранных дел ясно сознавало, что реформы служат только предлогом столкновения между китайцами и японцами и что, вследствие неофициального посредничества нашего, мы легко очутились бы, помимо нашей воли, открытыми противниками Японии под знаменем Китая и хитрого печелийского вице-короля.

Вообще мы не теряем из виду, согласно с высочайшими указаниями его императорского величества, что роль, которая, быть может, выпадет на нашу долю в Корее, будет находиться в зависимости от развития последующих событий, а никак не от более или менее дружелюбных отношений к нам Китая или Японии, как бы впрочем мы ни ценили на дальних окраинах наших добрые отношения наши к обоим из этих двух государств.

Гирс.

103. Депеша поверенного в делах в Берлине министру ин. дел.

8 августа (27 июля) 1894 г., № 49.

Во время вчерашнего дипломатического приема барон Ротенган коснулся корейских дел, сказав, что теперь начинают прибывать по почте донесения германских представителей на крайнем Востоке, относящиеся к первым фазисам нынешних осложнений.

Из донесений этих между прочим видно, что китайское правительство не ожидало, что дело дойдет до войны. Ли-хун-чжан не сделал заблаговременно достаточных военных приготовлений, и война застала китайцев врасплох. Со стороны же Японии война, по мнению и. д. статс-секретаря, была подготовлена «de longue main» и объясняется не только теперешним парламентским положением министерства Ито, но и давнишними завоевательными стремлениями Японии по отношению к Корее.

Японский посланник в Берлине, аккредитованный в то же время в Англии, выехал недели три тому назад в Лондон для переговоров об англо-японском торговом трактате, который и был им там условлен и подписан за несколько дней до начала военных действий. Содержание этого договора точным образом берлинскому кабинету не известно. Виконт Аоки [1]), по мнению барона Ротенгана,—человек выдающихся способностей. Он был, как известно, министром иностранных дел и лишился своего поста вследствие покушения на жизнь его императорского высочества наследника цесаревича. Китайское правительство, за отъездом посланника в С.-Петербург, не имеет в Берлине представителя. Здесь живет только переводчик в качестве повереннного в делах.

На мое замечание, что китайцы, хотя и пользуются услугами европейских офицеров, в том числе и немецких, для организации технической части военного дела, не предоставляют однако иностранцам командования воинскими частями, барон Ротенган сказал: «Тем лучше; это избавляет нас от многих чрезвычайно деликатных вопросов, касающихся нейтралитета. Таких вопросов, — продолжал он, — теперь возникнет множество. Так, например, в деле покупки оружия и снарядов. Между тем единственная выгода, которую европейские страны могут извлечь из войны между восточными народами, заключается в продаже им предметов военного снабжения».

Из дальнейшего разговора я мог заключить, что германское правительство не будет противиться закупке военных припасов в Германии обеими воюющими сторонами. Две миноноски, как известно, заказаны здесь китайцами.

Насколько я мог заметить, состоявшееся со времени моего последнего свидания с бар. Ротенганом официальное объявление войны между Японией и Китаем, обнародованное также в здешней официальной газете, не изменило решимости германского правительства воздерживаться от всякой активной роли в событиях, происходящих ныне на крайнем Востоке. Вместе с тем однако Германия, как мне кажется, более расположена к Китаю, чем к Японии.

[1]) Японский посланник в Берлине.

Общественное мнение здесь относится к корейским делам бесстрастно. На берлинской бирже объявление войны отразилось общим подъемом курсов и усилением преобладающего за последнее время твердого настроения.

Обстоятельство это объясняется в печати следующими соображениями.

Война, начатая Японией против Китая, будет непродолжительной, дабы не подать повода к иноземному вмешательству. Насколько обе стороны опасаются последнего, видно из их решения не распространять военных действий на порты, открытые для европейской торговли.

Благодаря опыту этой войны Китай, несомненно, усвоит себе необходимость распространения западно-европейской культуры и, прежде всего, приступит к усиленному сооружению железных дорог и пароходов и к перевооружению армии. Без сомнения, большая часть подобных заказов перепадет Англии. Но и германская промышленность и торговля приобрели много симпатий в Китае. Поэтому и Германия может рассчитывать на некоторую часть выгод, проистекающих из означенных заказов.

Усиление спроса на серебряную монету в Китае должно послужить к общему поднятию цены серебра. Наконец, финансовое положение обоих противников, с точки зрения исполнения их международных обязательств, не оставляет желать ничего лучшего.

По этому поводу позволяю себе, в заключение, привести следующее замечание бар. Ротенгана: по его мнению, и Китай и Япония должны будут прибегнуть к внешним займам, и деньги будут даны и той и другой стране безразлично европейскими капиталистами.

Чарыков.

104. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

9 августа (28 июля) 1894 г., № 114.

Получил телеграмму от 4 августа (23 июля) [1]).

Искренне сожалеем, что войны не удалось избежать. Мы согласились с Англией продолжать наши усилия, чтобы достигнуть заключения мира [2]). Я сообщаю Хитрово о мирных намерениях китайского правительства.

Гирс.

---

[1]) См. выше № 98.

[2]) Излагая указанную в предыдущем примечании телеграмму Кассини, Гирс в телеграмме от 9 августа (28 июля) на имя поверенного в делах в Лондоне

105. Телеграмма министра ин. дел ген.-губернатору Приамурского края Духовскому.

9 августа (28 июля) 1894 г.

Императорское правительство считает излишним особое заявление о нейтралитете [1]) ввиду войны между китайцами и японцами вследствие корейских замешательств, но не желает вмешиваться в эту войну. Инструкции в сказанном смысле препровождены нашим дипломатическим представителям; министерство ин. дел вместе с тем предписывает сим последним внушать уважение к нашим интересам и, в особенности, обратить внимание на необходимость избегнуть всего, что может подать повод к недоразумениям в соседних с нами округах Кореи.

Гирс.

106. Телеграмма министра ин. дел русскому посланнику в Пекине.

10 августа (29 июля) 1894 г., № 117.

Дополнение к вчерашней телеграмме [2]).

В корейском деле мы, со своей стороны, в соответствии с устным соглашением 1886 г., значение которого, согласно вашей телеграмме от 12 июня [3]), признано Ли, руководствуемся чувством полнейшего бескорыстия.

Благоволите высказаться в доверительной форме в указанном смысле перед китайцами.

Гирс.

107. Телеграмма посла в Париже министру ин. дел.

10 августа (29 июля) 1894 г.

Ганото сообщил мне телеграмму Монтебелло, излагающую предложение императорского кабинета относительно начала переговоров между воюющими странами при посредничестве держав. Он телеграфировал в Лондон, что Франция к этому присоединяется. Но сказал мне, что принципиально поддерживает всякое от нас исходящее предложение и в вопросах азиатской политики ни в чем не будет отмеже-

---

Бутенева-Хрептовича, вместе с тем, передавал помещенный в тексте документ. Идентичная телеграмма одновременно была отправлена Хитрово за № 115.

[1]) Такое заявление было сделано Англией, о чем сообщал английский посол в Петербурге в частном письме на имя министра от 8 августа (27 июля) 1894 г.

[2]) См. выше № 104.

[3]) См. выше № 19.

вываться от нас, но при данных условиях он не видит, каким образом, не нарушая нейтралитета, можно было бы требовать от Японии отказа от занятого ею выгодного положения. Это значило бы оказывать предпочтение Китаю, тогда как следует добиваться прекращения военных действий на основе принципа «uti possidetis», требуя от Японии точного формулирования подлежащих совместному обсуждению реформ. Франция весьма удивлена созданным Италией в Азии положением, где у нее нет ни реальных интересов, ни прав. Гаюто получены доказательства того, что статья газеты «Matin» от 8 исходит из английского, и притом официозного источника.

Моренгейм.

108. Записка директора азиатского департамента.

11 августа (30 июля) 1894 г.

Французский посол в Лондоне уведомил лорда Кимберлея о мирных намерениях Китая, готового, несмотря на враждебные действия, начать переговоры на основе эвакуации Сеула, оккупации севера Кореи китайцами, юга — японцами и т. д. Лорд Кимберлей удивлен нашим молчанием по этому вопросу. Я сказал сэру Франку Лasселю в ответ на это сообщение, что наша телеграмма, вероятно, скрестилась с телеграммой первого статс-секретаря. Я счел возможным, по ходу беседы, прибавить, что совместные действия в этом деле наших и английских представителей не могут иметь своим результатом ничего, кроме пользы.

Капнист.

109. Телеграмма министра ин. дел посланнику в Пекине.

5 августа 1894 г., № 122.

Одна из наших канонерских лодок отправится на станцию в Таку[1]).

Гирс.

---

[1]) 15 (3) августа главный морской штаб сообщил мин-ву ин. дел о том, что «по усмотрению начальника эскадры в Тихом океане лодка «Сивуч» может быть направлена на станцию в Чемульпо, а в Таку послана лодка «Бобр». «Бобр» назначался в Чемульпо в качестве второго стационера.

К истории первой Гаагской конференции 1899 г.

Публикуемые ниже материалы к истории первой Гаагской так называемой «мирной» конференции 1899 г. представляют особый интерес именно в настоящий момент, когда на открывшейся 2 февраля 1932 г. в Женеве генеральной конференции по ограничению и сокращению вооружений явно обнаружилось все лицемерие империалистических держав, отвергнувших предложение советской делегации о полном всеобщем разоружении и стремящихся под прикрытием пацифистских резолюций свести к нулю самую идею разоружения, ссылаясь на то, что политические условия еще не достигли той ступени, при которой возможно разоружение, а также на «особые условия» отдельных государств, «определяющих необходимый для них уровень вооружений». Те же заявления и аналогичную мотивировку встречаем мы и в печатаемых ниже документах 1898 г., позволяющих вместе с тем с полной очевидностью вскрыть соображения, которыми руководилось царское правительство, явившееся тогда инициатором созыва международной конференции. Далекое от мысли добиться действительного разоружения царское правительство, как показывают эти документы, своим знаменитым обращением к державам от 24 (12) августа 1898 г. преследовал цель, с одной стороны, ослабить своих противников в военном отношении, а с другой стороны, создать для себя наиболее благоприятную международную обстановку, которая позволила бы ему продолжать политику захватов и экспансии на Дальнем Востоке.

До настоящего времени в литературе существовал ряд версий о подготовке первой Гаагской конференции: инициатива ее приписывалась то лично Николаю Романову, находившемуся будто бы под влиянием пресловутой книги Блоха о мире, то отдельным чиновникам министерства иностранных дел — А. Базили и Приклонскому, принимавшим участие в межпарламентской мирной конференции в Будапеште в 1896 г. [1]), то, наконец, влиянию министра финансов Витте [2]). Сам Витте в своих мемуарах сообщает, что идея созыва конференции была внушена им министру иностранных дел Муравьеву

---

[1]) Ср. «Grosse Politik», Bd. XV, S. 349 и сл., где версия эта передается герм. послом в Петербурге Радолиным со слов чиновника министерства ин. дел Комарова, а также статью герм. проф. Веберга в сборнике «Das Werk des Untersuchungsausschusses 1919—1930», herausg. im Auftrage des D. Reichstages, Bd. V, 2, S, 6, ссылающегося на сообщение, сделанное ему бывш. сотрудниками министерства ин. дел бар. Нольде и Таубе.

[2]) См. «Gr. Pol.», Bd. XV, S. 144, прим.

в противовес представленному ему последним проекту военного министра Куропаткина о заключении русско-австрийской конвенции, запрещающей этим государствам перевооружать втечение определенного срока свои армии.

Посвященный специально Гаагским мирным конференциям 1899 и 1907 г.г. пятый том издания германского рейхстага «Die Vorgeschichte des Weltkrieges», Berlin, 1929, содержит ряд статей представителей германской исторической науки (Веберга, Монжеласа, Тиме, Цорна и Криге) по вопросу о роли Германии на этих конференциях. Все они касаются также вопроса и о происхождении первой конференции и сходятся в основном мнении, что причиной, послужившей для созыва ее царским правительством, было тяжелое финансовое положение России, не позволявшее ей итти на дальнейшие ассигнования на военные нужды, вызывавшиеся введением в армиях других стран нового образца скорострельной пушки. Публикуемые нами документы, подтверждая эту точку зрения, в то же самое время свидетельствуют о том, что как самое обращение царского правительства с предложением созвать конференцию, так и все последующие планы его по этому поводу обусловливались не только тяжелым положением русской казны, но и общей политической обстановкой того времени, создавшейся в результате крайнего обострения англо-русских отношений в связи с продвижением России на Дальнем Востоке и попытками Англии образовать блок держав, враждебный франко-русской группировке, путем сближения с Германией, Соединенными Штатами и Японией.

Все эти документы, за исключением письма Куропаткина от 13 (1) марта 1898 г. (см. № 1), хранятся в специальных делах политического архива б. министерства иностранных дел, посвященных Гаагской конференции 1899 г. [1]). Письмо Куропаткина, наряду с литографированными копиями записки министерства иностранных дел от 5 апреля (24 марта) и запиской в. кн. Алексея Александровича, хранится в секретном архиве министра, и самый факт нахождения этих документов в общем деле подтверждает рассказ Витте. Что касается записки министерства иностранных дел (№ 2), то в архиве она сохранилась только в виде литографии, а черновик ее, действительно, написан рукой Приклонского, бывшего в то время делопроизводителем 1 отд. I департамента, и имеет значительные поправки тов. министра Ламздорфа. Несомненно, эта записка в известном смысле явилась ответом на предложение Куропаткина, о чем свидетельствуют содержащиеся в ней фразы, что «Австрия не решится заключить отдельного помимо Германии соглашения с державой, стоящей вне Тройственного союза, по вопросу о взаимных боевых средствах» и что необходимо добиваться международного соглашения «между всеми великими державами, так как частичное соглашение, если бы оно и было возможно, поставило бы заключившие его державы в военном отношении в крайне невыгодное положение сравнительно с оставшимися вне его, ничем не связанными державами». Тем не менее сама записка особенно подчеркивает тот факт, что момент ее составления, когда Россия «достигла, наконец, веками преследовавшуюся ею цель, приобретя на Дальнем Востоке незамерзающий порт в открытом море», был признан наиболее бла-

[1]) Архив Революции и Внешней Политики.

гоприятным для созыва международной конференции по сокращению вооружений, так как это облегчило бы для России возможность закрепить ее новые приобретения на Дальнем Востоке. Как известно, за 9 дней до этого было заключено 27 (15) марта 1898 г. соглашение между Россией и Китаем об аренде Ляодунского полуострова, вызвавшее бурю негодования в Англии, которая в конце февраля прервала начатые в начале января переговоры с царским правительством о разделе сфер влияния в Китае и на Ближнем Востоке.

Не высказывая окончательного мнения по вопросу о форме сокращения вооружений, записка отдает предпочтение соглашению о постепенном пропорциональном сокращении количества войск, так как последнее «было бы особенно выгодно для России, ввиду численного превосходства, пропорция которого осталась бы неизменной». Иными словами, автор записки откровенно настаивает на неравных условиях разоружения, как это делают и теперешние женевские миротворцы. Эту же мысль с еще большим цинизмом повторяет дядя Николая Романова генерал-адмирал Алексей Александрович, фактический глава русского флота, которому эта записка была послана царем на заключение: «Если соглашение о прогрессивном и пропорциональном сокращении должно нам дать численное превосходство сравнительно с армиями соседей, то, конечно, против этого ничего нельзя возражать». За исключением этого письма Алексея Александровича в архиве не сохранилось никаких документов о дальнейшей судьбе записки министерства иностранных дел, на одной из литографий которой имеется помета «non avenu».

Следующим моментом в этом деле является докладная записка Муравьева от 11 июля (29 июня) 1898 г. с приложением проекта обращения к державам, который повторяет в несколько измененной редакции первую часть записки 5 апреля (24 марта). Проект этот также имеет помету «non avenu». И только 24 (12) августа, т. е. через 5 месяцев, проект созыва международной конференции получает движение. Возможно, что он подвергся длительному обсуждению между главами отдельных ведомств (ср. мемуары Витте, стр. 131). Но невольно возникает вопрос, почему именно в августе месяце было признано своевременным пустить его в ход. К этому моменту политическая обстановка сложилась следующим образом. Начавшаяся в апреле 1898 г. испано-американская война отвлекла до известной степени внимание великих держав, и в частности Англии от Дальнего Востока. Тем не менее английское правительство, оккупировав в апреле Вей-ха-вей, не переставало подготовлять политическую обстановку на случай возможного столкновения с Россией на почве китайских дел, стремясь заручиться союзниками в лице Германии, с которой в июне начинаются переговоры о разграничении сфер влияния в португальской Африке, и с С. А. Соединенными Штатами, которые английское правительство, по словам Муравьева, пытается «вовлечь в орбиту своих интересов и сделать из них оружие своих политических целей» [1]).

В конце июля по ст. ст. отношения между Россией и Англией достигают резкого обострения по вопросу о Шанхай-Гуанской железной дороге [2]). Об этом свидетельствует

---

[1]) Письмо послу в Вашингтоне Кассини от 10 августа (29 июля) 1898 г.

[2]) См. статью А. Л. Попова «Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.», «Красный архив», т. XXV, стр. 111.

письмо поверенного в делах в Лондоне Лессара от 17 (5) августа 1898 г., в котором он, указывая, что «положение действительно серьезно», сообщал следующее: «Нет основания придавать большого значения уверениям, что Англия готова решиться на войну и что ей обеспечен союз с Японией и поддержка Соединенных Штатов. Все это очень мало вероятно, но напротив, если нынешнее настроение продолжится, то почти неизбежно правительству, под давлением прессы и шовинистов, придется принять в Китае меры, которые вызовут с нашей стороны соответствующие действия и обострят еще более положение». В качестве выхода из положения Лессар, советовавший не итти на уступки англичанам в китайском вопросе, рекомендовал следующую линию поведения: «щадить самолюбие англичан и дружественными разъяснениями давать лондонскому кабинету материал для защиты от нападков». Одновременно с этим английский посол в Петербурге Скотт в беседе с Муравьевым 18 (6) августа заявил, что упорство России в вопросе о Шанхай-Гуанской железной дороге «может привести к серьезным международным осложнениям» [1]). В своей всеподданнейшей записке Муравьев, указывая, что общественное мнение Англии «может решиться, дабы дать удовлетворение народному чувству на вызывающий уже прямо против России шаг в такой отдаленной области, где трудно было бы дать англичанам надлежащий отпор», ставил перед Николаем прямо вопрос, может ли Россия настаивать на своей точке зрения, «рискуя подорвать занятое ею ныне на Дальнем Востоке положение», или ей следует пойти на соглашение с Англией. В заключение он отмечал, что «если наступит пора остановить свой выбор на том или ином из указанных двух направлений, казалось бы необходимым иметь в виду всю государственную важность предстоящих нам на Дальнем Востоке задач, осуществление коих может быть достигнуто лишь при условии сохранения нормальных отношений со всеми соперничающими в Китае державами до той поры, когда Россия станет вполне твердой ногой на берегах Тихого океана». На этой записке имеется помета Николая: «Мир важнее всего, если честь не затронута» (4 августа 1898 г.).

Таким образом, не только для закрепления достигнутых результатов, но и для дальнейшей политики захватов на Дальнем Востоке, царское правительство во что бы то ни стало должно было избежать в этот момент войны с Англией, и не случайно, что в день, когда Николай утвердил проект циркулярного письма о мирной конференции, т. е. 23 (11) августа, посланнику в Пекине была послана следующая инструкция: «...Но такой гигантский шаг на пути к осуществлению исторической задачи [2]) был сделан нами в такое время, когда предпринятое дело устройства и укрепления наших дальних окраин еще далеко не закончено; когда сооружение великого пути через всю Сибирь, долженствующего связать окраины эти с сердцем империи, еще требует нескольких лет упорного и неустанного труда и, наконец, когда, в виду общего тревожного положения вещей на Крайнем Востоке, следовало всего более опасаться нежелательных осложнений, которые могли бы в корне подорвать достигнутый нами успех. Таковая неподготовленность наша естественно побуждает ныне к крайней осмотрительности и осторожности,

[1]) Пам. записка англ. посольства от 14 (2) сент. 1898 г.
[2]) Имеется в виду занятие Порт-Артура.

тем более, что, добившись заветной цели наших стремлений, мы стоим теперь лицом к лицу с новою трудною задачей — связать только что сделанные приобретения с восточно-сибирскими областями, установить на вполне прочных основах наше политическое влияние в соседней Манчжурии и затем создать из занятых портов такую военно-морскую базу, которая во всех отношениях отвечала бы требованиям жизненных интересов отечества на Крайнем Востоке. Не подлежит затем сомнению, что обеспечить достижение всех этих результатов возможно лишь при непременном условии нормального течения событий вне всяких осложнений, могущих на долгие годы задержать предпринятую Россиею великую созидательную работу, завершение коей даст ей возможность, став вполне твердою ногою на берегах Тихого океана, занять на Дальнем Востоке положение, во всем отвечающее величию нашего отечества, природной его мощи и всесильным заветам истории».

Тревога русского правительства еще более увеличивалась полученными от посла в Берлине Остен-Сакена сведениями, что за англо-германскими переговорами о португальской Африке [1]) скрывается возможность более общего соглашения, направленного против России, что находило себе подтверждение в усилении германских вооружений (см. № 4).

Циркулярная нота от 24 (12) августа 1898 г. была неожиданною для всех держав, но особенную тревогу она вызвала во Франции, где даже заподозрили, что она внушена Николаю Вильгельмом II и что она заставит Францию отказаться от лелеемой ею мечты отвоевать у Германии Эльзас и Лотарингию. Царское правительство не замедлило успокоить своего союзника через посла в Петербурге Монтебелло: ни о каком разоружении нет и речи, никаких политических вопросов конференция касаться не будет.

Но этого показалось недостаточным, и для успокоения французского правительства были посланы со специальной миссией в Париж ген. Куропаткин и Муравьев. Печатаемый нами отчет Куропаткина о беседе его с французским военным министром Шануаном превосходит все остальные документы по своей циничной откровенности. Куропаткин постарался успокоить как Шануана, так и президента Фора, что царское правительство далеко от мысли о разоружении, что конференция не затронет существующую между Россией и Францией военную конвенцию, что она не будет касаться достигнутых во французской армии успехов и, наконец, что на ней не будут обсуждаться политические вопросы. В ответ на это Шануан, по словам Куропаткина, повторял несколько раз: «Теперь я понял, в чем дело, и совершенно успокоился», а Фор в конце беседы заявил: «Относительно целей конференции я успокоен и надеюсь, что великому человечному делу — уменьшению вооружений — будет положено доброе начало. Но мы во Франции имеем свои задачи, и конференция, конечно, не будет иметь одной из своих целей помешать достижению наших сих задач». Одновременно с этим он предложил Куропаткину пересмотреть франко-русскую конвенцию 1892 г. в целях увеличения выставляемых против Германии сил.

---

[1]) Соглашение было подписано 30 (18) августа 1898 г.

В докладе Николаю Романову от 31 (19) октября 1898 г. о поездке за границу Муравьев писал следующее о своей беседе с Фором по поводу мирной конференции: «Почти в тех же выражениях, что и Делькассе, он (т. е. Фор) заявил мне о полной готовности французского правительства способствовать успеху великого дела. При этом г. Ф. Фор выразил некоторое сомнение об искренности согласия по сему делу великобританского правительства. Видимо, увлеченный настоящими затруднениями между Францией и Англией, он в пылу откровения сказал мне, что настоящий враг Франции не Германия, а Англия. Что, как Англия является в Африке повсюду врагом Франции, таким же врагом является она по отношению к нам на Дальнем Востоке, — ни России, ни Франции не следует этого забывать, и мы должны руководиться этим сознанием в нашей политике».

К половине октября ст. ст. были получены ответы всех правительств на ноту 24 (12) августа [1]), причем официальный ответ Англии последовал только 24 (12) октября. Несмотря на это, обращение к державам оставалось без движения до ноября 1898 г. Сентябрь — ноябрь 1898 г. были весьма тревожным периодом в области международных отношений. Русско-английские переговоры по китайскому вопросу, которые в сентябре, казалось, близились к компромиссному разрешению, были все же прерваны. Это совпало с крайним напряжением англо-французских отношений в октябре 1898 г. на почве Фашодского кризиса, который рассматривался русскими дипломатами, как попытка Англии изолировать Россию на Дальнем Востоке [2]). Наибольшего напряжения тревога русского правительства достигла в начале ноября ст. ст., когда, несмотря на мирное разрешение англо-французского конфликта, Англия продолжала свои вооружения. В ответ на запрос Куропаткина по поводу целей английских вооружений Муравьев 17 (5) ноября сообщил, что «нынешнее неопределенное политическое положение указывает на необходимость соблюдать бдительность и крайнюю осторожность, избегая столкновений с Англией во всех пунктах, где обоюдные интересы наши приходят в соприкосновение и, по преимуществу, на Дальнем Востоке». Это указание Муравьева было расценено военным ведомством как предложение принять некоторые подготовительные меры на случай войны с Англией, о чем Куропаткин известил Муравьева письмом от 19 (7) ноября за № 3998, в котором сообщал, что в Туркестане и Закаспийской области им предложено проверить мобилизационные соображения и «принять секретные меры по наблюдению за Афганской границей», и что в Квантуне «предписано составить план временной постановки всех орудий и мортир, прибывших уже в Порт-Артур, для обороны его как с суши, так и с моря». Муравьев на это ответил, что с общеполитической точки зрения эти меры не встречают возражений (письмо от 1 декабря (19 ноября), а Николай Романов на докладе Куропаткина по этому поводу написал 6 декабря (24 ноября) следующее: «Вполне одобряю принятые уже меры и изло-

[1]) Сообщая о впечатлении, произведенном в Австрии циркуляром 24 (12) августа, русский военный агент Воронин передал между прочим следующее заявление начальника австр. ген. штаба Бека: «Все это хорошо, но Россия имеет попрежнему полную возможность продолжать вооружения, а мы от парламента не получим ни гроша».

[2]) Письмо Урусова от 19 (7) января 1899 г.

женные предположения. Я сам намеревался писать вам именно по этому предмету. Некоторые видимые приготовления с нашей стороны, по моему, были бы совсем не бесполезны. Почему Англия одна имеет право так дерзко вооружаться среди всеобщего мира?» [1]). За несколько дней до этого 30 (18) ноября англичане предложили в Петербурге возобновить переговоры по китайским делам, но выставили ряд новых требований, признанных русским правительством совершенно неприемлемыми [2]).

К этому моменту относится печатаемый ниже новый проект обращения к державам (см. № 9), в котором, признавая несвоевременность созыва конференции, русское правительство пытается возложить ответственность за ее неудачу на Англию. В связи с опасением, что Англии удастся добиться соглашения с Германией, и имея сведения о новых германских проектах вооружения, Муравьев 12 декабря (30 ноября) предложил царю обратиться непосредственно к Вильгельму по поводу мирной конференции, рассчитывая, что это «произвело бы сильное впечатление в Англии и, быть может, убедило бы Сен-Джемский кабинет к бесполезности усилий достигнуть содействия Германии в политических планах Великобритании» и «могло бы только облегчить предстоящие нам переговоры с Англией по китайским делам» (см. № 10).

Последний из публикуемых здесь документов относится к тому периоду, когда англо-русские недоразумения уже утратили свою остроту. В не получившем осуществления проекте докладной записки мы прямо находим мысль о ненужности конференции и о желательности заменить ее предварительным совещанием, которое Россия могла бы использовать в своих политических целях, формулированных в записке следующим образом: «Наглядное выяснение антагонизма между интересами, особенно колониальными, средне-европейских держав и англо-американской политикой будет иметь, несомненно, могущественное влияние при новой, ныне все ярче обнаруживающейся группировке мировых политических сил, позволив нам вместе с тем на этой почве оказать наиболее существенную поддержку Франции и привлечь к общему делу Германию, отнюдь не становясь при этом во враждебное отношение к Англии» [3]).

Проект этот не получил осуществления, и министерство иностранных дел сочло все же нужным представить Николаю Романову новый проект обращения к державам, о созыве конференции, который и был вручен представителям их в Петербурге 11 января 1899 г. (30 декабря 1898 г.).

Л. Телешева.

I. Письмо военного министра Куропаткина министру ин. дел. Муравьеву.

13 (1) марта 1898 г.

Весьма секретно.

Милостивый государь граф Михаил Николаевич.

Препровождаю при сем сведения по вопросу о принятии в германской, нашей и австрийской армиях скорострельных полевых пушек.

---

[1]) Дело секретного архива министра 1898 г.

[2]) См. «Красный архив», т. XXV.

[3]) Как известно, франко-русско-германский блок был излюбленной идеей Витте.

Из этих сведений видно, что Германия уже остановилась на известном образце (фотография сего образца прилагается), а в Австрии и у нас лишь производятся обширные опыты над разными образцами, но эти опыты до сих пор не привели к вполне удовлетворительным результатам. Необходимо однако иметь в виду, что в Германии хотя образец найден, принят, и уже 5 корпусов перевооружены новыми полевыми скорострельными пушками, но и там далеко не довольны всеми свойствами этой новой пушки.

Трудности, встречаемые в техническом отношении, при проектировании полевых скорострельных пушек, заключаются в поставленных отдельным изобретателям и заводам требованиях относительно начальных скоростей, с коими снаряды должны вылетать из орудий, общего веса системы и, главное, относительно быстроты действий из проектируемых скорострельных пушек. Так, из принятого у нас ныне полевого орудия возможно сделать в минуту один выстрел и лишь при крайне благоприятной обстановке, в ущерб меткости, довести скорость стрельбы до двух выстрелов в минуту. Из вновь введенной в Германии и проектируемой к введению у нас скорострельной полевой пушки возможно будет делать шесть выстрелов в минуту, снарядами около 15 фунтов весом каждый.

Такая скорость стрельбы огромна и тревожна. Ибо, если, с одной стороны, противник будет осыпан массою снарядов, то, с другой стороны, весь комплект снарядов при увлечении этою быстротою действия может быть израсходован в один час времени.

До сих пор положение главных держав относительно средств разрушения, принимаемых одною из держав, было таково, что какие бы расходы принятие того или другого из сих средств не вызывало, великие державы лихорадочно хватались за возможность первыми принять у себя эти новые средства разрушения. Сделанный же в этом направлении какою-либо державою шаг роковым образом вызывал подражание у соседей. За главными державами шли второстепенные, и вся Европа, хотя со стонами под бременем непосильных расходов, вынуждена была усиливаться все новыми средствами разрушения.

В самое короткое время в Европе переменили несколько систем ружей, переменили системы орудий, ввели полевые мортиры, ввели фугасные снаряды, изменили систему постройки крепостей (бетонные своды, металлические башни и пр.), усложнили и несколько раз меняли типы крепостной и береговой артиллерии, установили новые типы пулеметов, видоизменили осадные парки, усложнили минную часть, ввели воздухоплавательные парки и т. д.

Надо прибавить, что все державы, беря пример одна с другой, лихорадочно развивают свои силы, совершенствуют их организацию

и увеличивают путем постройки массы железных дорог и образования еще в мирное время колоссальных запасов разного вида — их боевую готовность. Эта готовность ныне доведена до небывалой и чудовищной степени. Не подлежит сомнению, что в двухнедельный период со дня объявления мобилизации уже могут столкнуться на главных фронтах Европы — западном и восточном — сотни тысяч войск, и в месячный срок Европа может представить невиданное с сотворения мира зрелище кровавой борьбы армий в несколько миллионов людей.

Расходы, кои несет Европа на этот так называемый «вооруженный мир», огромны. Невольно приходит многим на ум опасение, что такой порядок долго продолжаться не может и что из него лишь два исхода: или война или великий почин одной из наиболее сильных держав приостановит дальнейшее расходование тяжелым путем добываемых казною денег на дальнейшее принятие все новых средств разрушения. Глубоко убежден, что ныне настала весьма благоприятная минута сделать этот важный почин именно нам и австрийцам.

Не сомневаюсь, что какие бы технические трудности ни представляло принятие нами и австрийцами нового образца полевой скорострельной пушки, эти трудности будут побеждены, и мы, даже и неудовлетворенные своим новым орудием, вынуждены будем, чтобы не отставать от соседей, принять его.

В наши сметные соображения на пятилетие 1899—1904 г. уже занесена сумма в 90 000 000 руб. на перевооружение нашей артиллерии новыми полевыми скорострельными пушками. Все же расходы по подобному перевооружению должны составить 120 000 000 руб. В таком, как мы, положении находится и Австрия. Ее расходы на перевооружение полевых скорострельных пушек тоже должны исчисляться суммою около 100 000 000 руб.

Руководимый глубоким сознанием важности для России возможно беречь, особенно в ближайшие годы, свои силы и средства для выполнения исторических современных задач, я взял смелость доложить вчера государю императору о желательности сделать попытку заключить с Австрией военную конвенцию, имеющую целью не вводить втечение десяти лет в нашей и в австрийской армиях полевых скорострельных пушек.

Государь император признал эту идею заслуживающею внимания и поручил мне переговорить с вами, что я исполнил вчера же.

В развитие нашего разговора, позволяю себе высказать предварительное мнение, что основными пунктами этой конвенции, казалось, могли бы стать следующие:

1. Военная конвенция между Россией и Австрией заключается на десять лет.

2. Втечение означенного срока ни в русской, ни в австрийской армиях не введятся полевые скорострельные пушки.

3. В крепостях сухопутных и приморских, а также в осадных парках обе державы сохраняют право заводить крепостного и осадного типа скорострельные пушки.

4. Такое же право сохраняется Россиею и Австриею и относительно вооружения своих флотов.

5. Скорострельными полевыми пушками признаются все типы полевых пушек, дающие возможность делать из них более трех выстрелов в минуту.

6. Скорострельные пушки, принятые для крепостей, осадных парков и флота, по своему весу не должны быть пригодны для полевой войны. Определение для сих пушек веса орудия и лафета подлежит совместному решению военных министров: русского и австрийского, через особо назначенных военных представителей.

7. Россия и Австрия сохраняют право продолжать опыт над образцами полевой скорострельной пушки.

8. Австрия сохраняет право на введение в состав полевой артиллерии полевых гаубиц.

Приложение: А) Записка 27 февраля ген.-лейт. Костырко по вопросу о перевооружении германских и австрийских армий скорострельными пушками, с двумя фотографическими снимками, и Б) рапорты военного агента в Вене от 7 и 16 февраля за №№ 16 и 19 [1]).

Два приложенных фотографических снимка прошу по миновании надобности возвратить мне.

А. Куропаткин.

2. Записка министерства ин. дел.

5 апреля (24 марта) 1898 г. [2]).

Скоро минет четверть столетия со времени последней войны в Европе. С тех пор великие державы, во имя мира, с целью, насколько возможно, затруднить его нарушение и оградить вместе с тем свои существенные интересы, сплотились в могущественные союзы и не щадят средств для наибольшего усиления своей военной мощи как опоры мира.

Создавшийся таким образом вооруженный мир, ныне тяготеющий над Европой, может однако повести к совершенно иным последствиям, чем те, которые имелись ввиду при его установлении.

---

[1]) Указанные приложения хранятся в секр. архиве министра при письме Куропаткина и, как представляющие чисто военный интерес, нами не воспроизводятся.

[2]) Печатается с литограф. копии.

Военно-морские расходы всех великих держав, не переставая возрастать, в корень расшатывают народное благосостояние, достигают чудовищных размеров, грозя принять еще большие.

Ибо несомненно, пока государства, между которыми ведется это изнурительное соревнование, будут сознавать себя великими державами, до тех пор они не допустят, чтобы одно из них в средствах государственной обороны опередило другое, как бы ни были тяжелы жертвы, этим вызываемые. Следовательно, каждое новое усиление боевой готовности одного из них послужит лишь сигналом для соответственного увеличения военного бюджета всех других. Трудно вместе с тем предвидеть конец беспрерывного возрастания издержек на изобретения новых средств разрушения. Гигантские успехи практической науки постоянно приносят разные усовершенствования в технике военно-морского вооружения, и предметы такового, сегодня приобретенные путем колоссальных затрат и крайнего напряжения платежных сил населения, на завтра теряют всякую цену и значение.

Вследствие этого военно-морские расходы поглощают все большую и большую долю их общих бюджетов, выражаются в сотнях миллионов рублей. Парализуя этим производительность и развитие народного труда, лишая его необходимых ему средств, заставляя народы приносить непосильные жертвы, нецелесообразность которых уже проникает в общественное сознание, новейший милитаризм дает мощное орудие в руки растлевающей пропаганде социализма, охватившей весь Запад.

Таким образом для всех цивилизованных государств дело идет не о торжестве над другими одного из них, хотя бы сильнейшего, но об ослаблении всех как в экономическом, так даже и в политическом отношении.

Поэтому их общие важнейшие интересы повелительно требуют, пока еще есть время, прекратить такое положение, тяжкое в настоящем и еще более гибельное в будущем.

Нынешнее перевооружение германской артиллерии служит новым доказательством неотложности положить предел этой разорительной и опасной системе бесконечных вооружений, впервые введенной той же Германией, и которая, в конце концов, неминуемо должна привести к небывалой по своим ужасающим последствиям всеобщей войне.

Необходимо заблаговременно прибегнуть к средствам, могущим предотвратить это бедствие. Необходимо избрать новый лучший путь для прочного и благотворного утверждения вселенского мира. По видимому, России, миролюбие, а равно и военно-финансовое могущество которой всеми признается, надлежало бы взять на себя почин

в этом святом деле и тем вновь запечатлеть свою историческую миссию, как носительницы идеи правды и мира, — идеи, нашедшей себе столь совершенное выражение в лице великого царя-миротворца и ныне последовательно с такой славой осуществляемой.

Высокая идея всеобщего мира уже давно служит предметом исследования лучших представителей европейской интеллигенции, приобретая все более и более последователей. Конгрессы мира и междупарламентские мирные конференции [1]) являются следствием этого благотворного течения и вместе с тем его влиятельными двигателями. Деятельность их при всем своем интересе и значении не имела однако до сих пор практических результатов, для достижения которых необходимо, чтобы вопрос этот, выйдя из области академических прений, стал предметом суждения между самими правительствами.

Руководствуясь, повидимому, такими соображениями, английское правительство уже сделало в 1894 г. самым секретным образом попытку предложения России о созыве конференции представителей великих держав с целью выяснения мер, необходимых для обеспечения и уменьшения расходов на вооружения. При этом лорд Розбери, вполне признавая значение России, как самой могущественной поборницы европейского мира, находил возможным приступить к созыву конференции лишь в том случае, если Россия возьмет на себя в этом почин [2]).

Однако предложение Англии оказалось тогда несвоевременным. Настоящая минута представляется, повидимому, для сего как нельзя более благоприятной. Новые вооружения Германии, которых неизбежным последствием должно быть принятие соответственных мер не только Россией, Францией и Англией, но и теми державами, которые

---

[1]) Имеются в виду «мирные» конференции парламентских деятелей, первая из которых заседала в Париже в 1889 г. Последняя перед этим межпарламентская конференция заседала в Будапеште в сентябре 1896 г.

[2]) Переписка российского посла в Лондоне Стааля с министром иностранных дел Гирсом по поводу этого обращения английского министра иностранных дел Розбери опубликована в выдержках в «Correspondance diplomatique du Baron de Staal (1884—1900)», Paris, 1929, pp. 241, 242, 243, 246, 249. На подлинниках этих документов, хранящихся в Архиве Вн. Пол. (дело П. А. 4679) имеются следующие пометы Александра III: 1) «Мы не раз говорили с вами об этом, но практического результата я положительно не вижу. Конечно, это было бы великим благом человечества, и я бы радовался более всех, но думаю, что пока это утопия» (письмо Стааля от 2 мая (20 апр.) 1894 г.); 2) «Это все весьма симпатично, но до сих пор очень рискованно и, по-моему, время не наступило еще сделать подобное предложение» (письмо Стааля от 12 июня (31 мая) 1894 г.) и 3) «Выгадает от этого только одна Англия, у которой армия самая незначительная, а флот громадный, который, конечно, никогда Англия не согласится уменьшить» (письмо Стааля 3 авг. (22 июля) 1894 г.).

входят в состав предводимого ею же самой союза [1]). Между тем одна из них — Италия — страшно разорена экономически и едва выносит бремя своего настоящего военно-морского бюджета. Другая — Австро-Венгрия — переживает смутное время с точки зрения внутренней политики и столь же мало расположена к дальнейшему отягощению своих и без того в высшей степени обложенных плательщиков новыми налогами на военные нужды. Нет сомнения, что несмотря на столь неблагоприятное положение ни одна из них, особенно Австрия, не решится заключить отдельного помимо Германии соглашения с державой, стоящей вне Тройственного союза, по вопросу о взаимных боевых средствах. Но можно смело рассчитывать, что мысль о всеобщем соглашении для уменьшения военно-морских расходов найдет в них обеих самую горячую поддержку. Столь же сочувственно, можно думать, отнесутся к мысли о созыве для сего международной конференции и Англия, и Франция. Россия же может считать для себя, помимо прочих соображений, особенно удобным настоящее время, когда она достигла, наконец, веками преследовавшуюся ею цель, приобретя на Дальнем Востоке незамерзающий порт в открытом море [2]), и достигла этого, не нарушив ничьего права.

Таким образом, следует полагать, что теперь настало самое удобное время для установления международного соглашения, направленного к уменьшению военно-морских расходов, но, конечно, между всеми великими державами, так как частичное соглашение, если бы оно и было возможно, поставило бы заключившие его державы в военном отношении в крайне невыгодное положение сравнительно с оставшимися вне его, ничем не связанными, державами.

Что касается до самой сущности такого соглашения, то на первый взгляд наиболее естественным представлялось бы остановиться на настоящем вооружении, признать его за нормальное, с обязательством не заменять его другим, более совершенным. Однако помимо того, что подобное соглашение было бы крайне невыгодным и несправедливо по отношению к тем государствам, которые ныне оказались бы наименее подготовленными, оно было бы прямо неисполнимо, ибо история указует на чрезвычайную затруднительность, почти невозможность, задержать научный прогресс, даже если он вредоносен. Если бы такое соглашение было принято, то самая сила вещей была бы причиной постоянных его тайных нарушений и было бы вряд ли возможным

---

[1]) Так в подлиннике. В черновике это место читается так: «Шаг, сделанный Германией, должен иметь неизбежным последствием принятие соответственных мер не только Россией...»

[2]) Имеется в виду соглашение между Россией и Китаем от 27 (15) марта 1898 г. об аренде Ляодунского полуострова.

уследить за таковыми. Пример подобного явления может доставить нынешнее англо-индийское столкновение [1]). Факты удостоверили, что в употреблении у английской армии имеются разрывные пули, а с другой стороны, кто мог бы поручиться, что в европейский войне не станут пользоваться какими-либо новыми, столь же разрушительными орудиями, в самую последнюю минуту открытыми.

Ввиду этого было бы, может быть, осторожнее поставить во главе соглашения вопрос не о качестве вооружения, а о количестве войск, т. е. согласиться не увеличивать и даже прогрессивно сокращать или количество теперь имеющихся у различных государств войск или сумм, ежегодно на содержание и вооружение их ассигнуемых.

В этом последнем случае само собою вызывалось бы и сокращение численности войск и особая бережливость, особая осторожность при их перевооружении. Кроме того, такое соглашение, при строгой отчетности, особенно конституционных стран, легче всего можно было бы контролировать.

Следует также заметить, что соглашение о прогрессивном и пропорциональном сокращении количества войск было бы особенно выгодно для нас ввиду численного превосходства, пропорция которого осталась бы неизменной.

Но остановить рост вооруженных сил еще недостаточно. Необходимо предотвратить по возможности опасность их столкновения. С этой точки зрения особенно удобным являлось бы установление соглашения между государствами: предоставлять решение взаимных недоразумений не силе оружия, а постановлению ими же выбранных третейских судей. Очевидно, к такому способу государства обязались бы прибегать лишь в случаях, где не затронуты их жизненные интересы, причем выяснение этого вопроса, т. е. о степени важности того или другого международного спора, принадлежало бы решению самих заинтересованных стран.

Таковы соображения, говорящие в пользу своевременности и благотворности для всего мира постепенного разоружения и установления международного третейского суда на вышеизложенных началах.

Если бы соображения эти удостоились всемилостивейшего одобрения его императорского величества, представлялось бы целесообразным запросить представителей наших при великих державах и при президенте Соединенных Штатов Северной Америки о мнениях по настоящему вопросу правительств, при коих они аккредитованы.

---

[1]) Имеется в виду восстание индийских племен на персидской границе в январе 1898 г. и мятеж в Бомбее в марте 1898 г.

3. Письмо вел. кн. Алексея Александровича Николаю II [1]).

Предложение министра иностранных дел, которое угодно было мне передать и приказать выразить мое мнение по этому поводу, приводит меня к следующим заключениям. Ничего не может быть более радостно и более достойно России как подобный благородный почин, но только при полной уверенности на благополучный результат. Россия не может и не должна рисковать неудачей, в особенности в подобных, позволю себе выразиться, мировых политических переворотах. К сожалению, я весьма сомневаюсь в таковом результате. На моем веку я помню столько благородных порывов у разных государственных людей, которые, увы! всегда оказывались, что называется, несвоевременными. Думаю, что современность [2]) настанет не скоро, ибо государства похожи на людей, в которых эгоизм берет большею частью верх над другими чувствами, хотя и под другой личиной. Переходя к подробностям записки, я, конечно, присоединяюсь к мысли, что ничего не может быть серьезнее, как те, часто непосильные, жертвы, которые государства несут на военные и морские потребности, но позволяю себе думать, что, с другой стороны, военно-морская сила есть гарантия мира, что доказывают нам те продолжительные промежутки между серьезными войнами конца 19 столетия. Не усовершенствованное оружие дает победу, но люди, им управляющие, и только недостаток финансовых средств заставляет заключать невыгодный мир. Мне кажется потому: русские армия и флот, не бросаясь на всякие усовершенствования потому только, что другие их приняли, могут, не торопясь и не жертвуя всеми ресурсами государства, постепенно заменять вооружение настоящее более современным. Я не вполне ясно себе уясняю, что надо понимать в этой записке под соглашением о прогрессивном и пропорциональном сокращении количества войск. Если суммы на содержание войск сокращать ежегодно, то, конечно, настанет время, когда оно не будет больше существовать, и это, разумеется послужит к всеобщему миру. Если же соглашение о прогрессивном и пропорциональном сокращении должно нам дать численное превосходство сравнительно с армиями соседей, то, конечно, против этого ничего нельзя возразить. Что касается соглашения между государствами предоставлять решение взаимных недоразумений третейскому суду, я полагаю, что это может быть применимо или во всех случаях или ни в каких.

Позволяю себе повергнуть на твое благоусмотрение эти мысли насчет бумаги министерства иностранных дел.

---

[1]) Печатается с литографии. Дата отсутствует.

[2]) Так в подлиннике. Следует, очевидно, «своевременность».

4. Всеподданнейшая записка министра ин. дел Муравьева[1]).

21 (9) августа 1898 г.

Военным министром получено известие, что германский император намеревается потребовать от парламента нового весьма значительного усиления личного состава имперской армии. Примеры прошлых лет указывают вместе с тем на то, что если предположение это осуществится в Германии, от союзников последней тотчас же потребуется соразмерное увеличение их военных сил, что, в свою очередь, должно будет вынудить и нас на дальнейшее развитие наших боевых средств и на новое обременение государственного бюджета на этот предмет.

Нет сомнения, что принимаемые по инициативе Вильгельма II мероприятия вызовут большое неудовольствие в Австро-Венгрии и в особенности в Италии, уже изнемогающих от гнета военных расходов. Можно думать, что и в самой Германии они не встретят общего сочувствия.

Настоящая минута является, — казалось бы, — наиболее благоприятной, чтобы заявить свету о великодушном намерении вашего императорского величества упрочить мир иными средствами и облегчить народам бремя бесконечных вооружений, к коим вынуждает их политика Германии. Такой шаг будет, конечно, противоречить видам императора Вильгельма, но, по общему политическому положению, смею полагать, что он будет тем более своевременным.

Повергая посему ныне на высочайшее воззрение проект уже изготовленного по ранее данным мне указаниям вашего императорского величества сообщения державам с предложением созыва конференции и испрашивая всемилостивейшего разрешения передать сообщение это пребывающим в С.-Петербурге иностранным представителям, дерзаю думать, государь, что, каков бы ни был исход предполагаемой меры, уже одно то, что Россия во всеоружии своей необоримой боевой мощи выступила первая на защиту вселенского мира, послужит лучшим залогом успокоения народов, осязаемо укажет им на высокое бескорыстие, величие и человеколюбие политики вашего имперского величества и на рубеже истекающего железного века запечатлеет августейшим именем вашим начало грядущего столетия, которое с помощью божией да окружит Россию блеском новой мирной славы.

---

[1]) На подлиннике помета Николая II: «С[огласен]» и далее другой рукой: «Петергоф, (23) 11 августа 1898 г.». При этой записке был представлен Николаю Романову проект циркулярного обращения к державам, который был утвержден им 23 (11) августа и вручен представителям иностранных держав в Петербурге 24 (12) августа 1898 г. В тот же день циркуляр был препровожден при депеше российскому представителю при Ватикане Чарыкову для вручения его папе. Циркулярное сообщение было опубликовано в «Правительственном вестнике» 28 (16) августа 1898 г. (Ср. «Grosse Politik», Bd. XV, S. 142.)

5. Письмо посла в Париже Урусова министру ин. дел Муравьеву [1]).

8 сентября (27 августа) 1898 г.

Сегодня утром меня посетил г. Делькассе, прочитавший мне депешу, полученную от графа де Монтебелло, в которой посол давал ему отчет о беседе с вашим сиятельством.

Граф де Монтебелло пишет, что он получил от вас самые сердечные заверения о намерениях его императорского величества по отношению к Франции. Вы ему, якобы, сказали, что, по мнению нашего августейшего монарха, предложение о разоружении не могло ни в коем случае и ни в малейшей степени нанести ущерб интересам и еще менее встревожить дружественную и союзную нам нацию; что мыслью, продиктовавшей императору его великодушный шаг, было поставить не столько вопрос о разоружении, сколько вопрос о приостановке вооружений; что ни в какой форме, наконец, политические вопросы не должны быть подняты на конференции, созыв которой предлагает его императорское величество.

Министр иностранных дел был глубоко удовлетворен сведениями, полученными от графа де Монтебелло, и он пришел сообщить мне об этом ввиду того, что последние имели непосредственное отношение к разговору, который у нас был с ним по тому же самому вопросу [2]). Мне удалось, говоря лишь от своего имени и частным образом, сказать ему то же самое, что ему официально сообщено из С.-Петербурга.

Министр иностранных дел сказал мне, что при этих условиях вся Франция будет счастлива принять участие в таком прекрасном деле и что правительство внесет в это дело самый искренний пыл.

Успех, — прибавил г. Делькассе, — будет зависеть в значительной степени от ясности предварительной программы, и именно к этому надо приложить все усилия. В Германии уже надеются, что этот во-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Свою предшествующую беседу с Делькассе Урусов изложил в депеше от 1 сент. (20 авг.) за № 33. Делькассе, заявив Урусову, что французское правительство «вполне готово последовать за его императорским величеством по указанному им пути, как только будет определена программа будущего международного совещания», указал ему в то же время, что Франция, «какое бы чувство ни питала к Франкфуртскому трактату, тщательно его соблюдала и доказала тем бесспорно и явно свое миролюбие. Но более того требовать от нее было бы несправедливо. Она не может вновь подтвердить и одобрить похищение части ее территории, от которого она не переставала страдать. Все нации, и сами немцы, вынуждены уважать ее за ее образ действия и за выказанное ею достоинство. Это уважение уменьшилось бы, если бы она добровольно подчинилась возобновлению и напоминанию перенесенных ею оскорблений и унижения». В ответ на это Урусов заявил, что «самый здравый рассудок не допускает, чтобы какие-либо затруднения для нее (т. е. Франции) могли быть возбуждены Россией».

прос приведет к охлаждению отношений между Россией и Францией, и не преминут употребить все усилия, чтобы достигнуть этого результата. Г. Делькассе высказал мне также удовлетворение французского правительства тем, что граф де Монтебелло был поставлен в известность [1]) о намерениях вашего императорского величества несколько ранее своих коллег [2]).

[Урусов.]

6. Всеподданнейшая записка военного министра Куропаткина [3]).

Болье (близ Ниццы), 31 (19) октября 1898 г.

Ваше величество.

22 сентября с.г., во время моего доклада по содержанию правительственного сообщения 12 августа относительно ограничения вооружений, вашему императорскому величеству угодно было разрешить мне в бытность в Париже переговорить с французским военным министром относительно возможных предположений по военной части на предполагаемой к созыву конференции.

При этих переговорах мне надлежало прежде всего совершенно определенно разъяснить, что указанное выше правительственное сообщение отнюдь не имело в виду разоружения, как то толкуется большинством европейской прессы.

Опираясь на текст сообщения 12 августа, представлялось вполне возможным указать французскому военному министру, что задачею конференции должно быть поставлено:

1) положить предел непрерывным вооружениям,

2) изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастья (в случае европейской войны).

Наконец, дабы не было места неосновательным надеждам одних и опасениям других на слишком быстрые результаты работ конференции, надлежало напомнить строки правительственного сообщения 12 августа, в коих с осторожностью указано, что конференция может стать «добрым предзнаменованием для грядущего века».

Возможные предложения на обсуждение конференции по военной части, которые я дозволил себе доложить вашему императорскому величеству 22 сентября, заключались в следующем:

---

[1]) Ср. Grosse Politik, Bd. XV, S. 163. — В беседе с германским послом в Вене Муравьев заявил, что Монтебелло был извещен о циркуляре только двумя часами ранее германского посла Радолина.

[2]) Конец письма, посвященный англо-испанским отношениям, нами не печатается.

[3]) Печатается с копии.

1) воспрепятствовать принятию в армиях всех стран нового ружья автоматической системы;

2) ограничить употребление в полевой войне взрывчатых составов (например, воспретить бросание сих составов с воздушных шаров и т. п.);

3) кроме того мне представлялось желательным включить в программу конференции на будущее время определение на известный период численности армий и размера военных бюджетов.

Ваше императорское величество, выразив милостивое предварительное одобрение сим предложениям, вместе с сим приказали мне в переговорах с французским военным министерством отнюдь не затрагивать политических вопросов, а касаться лишь вопросов военных, финансовых и гуманитарных.

В Париже я провел неделю с 24 сентября по 1 октября. За это время я видался почти ежедневно с нашим послом в Париже, посетил французского военного министра генерала Шануана, начальника главного штаба генерала Ренуара, военного губернатора Парижа генерала Цурлиндена, представлялся президенту Французской республики, а на другой день представления был приглашен им к обеду. — С Шануаном, Ренуаром и с генералом Баллу, начальником военной канцелярии президента, я виделся несколько раз. Я выслушал также мнение о впечатлении, произведенном во Франции правительственным сообщением 12 августа, французского военного агента в Петербурге полковника Мулена и нашего военного агента в Париже генерал-адъютанта барона Фредерикса.

Из всех сведений, собранных мною, и из личных наблюдений выяснилось следующее.

Правительственное сообщение 12 августа произвело на французскую армию тягостное впечатление. Как мне говорили, «офицеры французской армии опустили головы». Неожиданность сообщения и некоторая неясность французского перевода истолковывались во французской армии в неблагоприятном для нее смысле. Как мне объясняли, слова французского текста «les armements» (вооружения) смешивались с «désarmement» (разоружение).

Разоружение после затраченных втечение 27 лет огромных усилий и средств отнимало у них надежду на возвращение Эльзаса и Лотарингии, ибо с разоружением тесно связывалось и предположение о возможном закреплении конференциею тяжких для Франции условий Франкфуртского трактата [1]). Расстаться с надеждою на возвращение Эльзаса и Лотарингии французы не могут еще и потому, что эта надежда о б ъ е-

[1]) Имеется в виду Франкфуртский мирный договор от 10 мая 1871 г., завершивший франко-прусскую войну.

д и н я е т лучшие силы Франции независимо от принадлежности к различным политическим партиям.

Неожиданность объявления для французского правительства сообщения 12 августа породила даже подозрение: не сделан ли этот шаг русским государем по предварительному соглашению с Вильгельмом? Отсюда, повидимому, и возникло весьма трудно скрываемое у представителей власти во Франции опасение в прочности ныне военной конвенции, существующей между Россиею и Францией [1]).

Французов затем беспокоила мысль, что мы, не желая по соображениям финансовым нести огромные расходы, связанные с принятием новой полевой пушки, будем стараться, чтобы на конференции отказались от принятия этой пушки в полевых войсках. Между тем французы довольны принимаемым ими ныне образцом и признают значительное превосходство его перед германским.

Угнетенное состояние начальствующих во французской армии лиц увеличивалось печальным делом Дрейфуса. Огромная стачка рабочих, достигшая в дни моего пребывания в Париже наибольшего развития, вызов в Париж войск, ежедневное ожидание вооруженной борьбы с десятками тысяч рабочих, наконец, обидные для самолюбия французов результаты предприятия Маршана у Фашоды — все это способствовало увеличению беспокойства французских властей.

Позволю себе поэтому выразить уверенность, что объяснения, сделанные мною с соизволения вашего императорского величества военному министру, а затем и президенту республики относительно истинного значения правительственного сообщения 12 августа и возможных результатов в ближайшем будущем сего сообщения, были как нельзя более своевременны, ибо послужили к успокоению представителей французской нации и армии.

9 октября (27 сентября) я передал в присутствии нашего военного агента в Париже генерал-адъютанта барона Фредерикса генералу Шануану две записки (копии с коих представляются при сем), заключающие в себе: записка № 1 — разъяснения значения правительственного сообщения 12 августа и записка № 2 — предложения по военной части, кои могли бы быть представлены на обсуждение конференции. Записки эти ранее передачи Шануану были прочитаны мною нашему послу в Париже кн. Урусову и вполне им одобрены [2]).

Дабы сохранить большую свободу действий, я придал предложениям, переданным Шануану, значение личного мнения русского военного министра. В пункте первом предложений относительно препятствования принятию в армиях всех держав нового (автоматического)

[1]) Имеется в виду франко-русская военная конвенция от 18 (6) августа 1892 г.

[2]) Обе записки в архиве б. мин-ва ин. дел не обнаружены.

ружья, дабы облегчить проведение этой меры, предположено в случае возражений ограничить действие этой меры примерно десятью годами.

По второму вопросу представилось возможным указать на воспрещение употребления сильно действующих разрывных составов не только с воздушных шаров, но и в минах в полевой войне. Высказано также пожелание, чтобы в будущем было оставлено принятие новых, более разрушительных сортов пороха.

Генерал Шануан, ознакомившись с сущностью моих предложений, выразил большую радость. По его словам, он ожидал от нас тяжелых требований, которые могли оказаться невыполнимыми для Франции. В особенности его тревожит вопрос о новой полевой пушке, ибо у него, как и у других представителей французской армии, являлась мысль: не захотим ли мы препятствовать принятию новой пушки во французской армии.

Он спрашивал затем меня: имею ли я сделать какие-либо предложения и относительно флота? Я ответил, что не имею полномочий касаться морской части, но что наши заявления по флоту могут быть сделаны впоследствии.

В заключение я просил Шануана дать мне письменный ответ на мои заявления, не стесняясь для сего сроком. Шануан ответил, что он немедленно доложит весь наш разговор президенту республики, посоветуется со своими товарищами по кабинету и тогда ответит.

Во время нашего разговора Шануан несколько раз повторял: «Теперь я понял, в чем дело, и совершенно успокоился».

В тот же день я отправил письмо графу М. Н. Муравьеву с изложением сущности разговора с Шануаном и приложил копии с переданных мною Шануану записок.

Такие же копии, ввиду отсутствия министра иностранных дел из Петербурга, я отправил графу Ламздорфу [1]). По приезде графа Муравьева в Париж он был подробно ознакомлен с веденными мною переговорами и просил кн. Урусова уведомить меня депешею, что он вполне и безусловно им сочувствует. Депеша эта получена мною (20) 8 октября — (25) 13 октября я получил представляемый при сем ответ генерала Шануана (писанный по-французски им лично и переведенный на русский язык генерал-адъютантом бароном Фредериксом [2]).

В ответе этом заслуживает внимания, что генерал Шануан, не касаясь вовсе вопроса о ружье новой системы, высказывает мнение, что удобное для ограничения вооружений время наступит, когда все вели-

[1]) Письма Куропаткина Муравьеву и Ламздорфу в архиве б. мин-ва ин. дел не обнаружены.

[2]) См. ниже.

кие державы будут вооружены приблизительно одинаково в отношении полевой и осадной артиллерии.

Признавая затем большие трудности в изучении вопроса об ограничении употребления сильнодействующих веществ, генерал Шануан, опираясь на благодетельный пример Брюссельской конференции [1]), надеется на возможность достигнуть по этому вопросу некоторых результатов.

Президент Французской республики, выслушав доклад Шануана о веденных мною переговорах, выразил желание выслушать меня лично и назначил день приема на 29 сентября.

Во время продолжительного разговора моего с президентом, выяснилось, что его наиболее тревожили следующие вопросы.

Имеют ли какие основания непрерывные суждения всей прессы о разоружении?

Будут ли на конференции затронуты вопросы об ограничении уже достигнутых во французской армии технических успехов?

Будут ли на конференции касаться вопроса о новой скорострельной пушке, принимаемой во Франции?

Наконец, г. Фор задал мне вопрос: насколько правительственное сообщение 12 августа может касаться существующей между Россией и Францией военной конвенции?

В ответ на вопросы г. президента я изложил ему, что возложенное на меня вашим императорским величеством поручение заключается в предварительном обмене мнений с французским военным министром по вопросу об ограничении вооружений. Как и в разговоре с генералом Шануаном, я особенно определенно указал, что вашим императорским величеством мне воспрещено касаться политической стороны сего важного вопроса.

Я изложил затем г. президенту, что ваше императорское величество были удивлены возникшими разговорами о разоружении; что ни о каком разоружении не могло быть и речи; что задачи конференции отнюдь не будут затрагивать существующей военной конвенции, не будут касаться уже достигнутых во французской армии успехов технических, не будут касаться вопроса о принятии во Франции новой скорострельной пушки.

На заданный мне г. Фором вопрос: почему Франция не была предупреждена о готовящемся важном и в военном отношении шаге, я позволил себе дать следующее объяснение, как личное свое мнение.

Всемилостивейший государь наш, не имея ввиду изменять в чем-либо военную конвенцию или уменьшить достигнутые Францией ре-

---

[1]) Имеется в виду Брюссельская конференция 1874 г.

зультаты в военном отношении, признает поэтому, что вопрос о созыве конференции есть совершенно особый вопрос, независимый от наших отношений к Франции и ни в чем не ослабляющий их. Дабы великое слово, раздавшееся с царского трона, было принято всеми правительствами и народами, как бескорыстное желание общего блага, необходимо было не выделять какую-либо из держав, а сделать предложение об ограничении вооружений одинаково объективно для всех.

Если бы наше правительство вошло по сему вопросу ранее в переговоры с французским, то этим самое предложение неизбежно сделалось бы подозрительным для держав Тройственного союза.

Эти державы, приняв с основанием, что предложение идет от держав Двойственного союза, искали б средств противиться этому новому соглашению. При этом возможность успеха конференции была бы уменьшена.

Наоборот, предложение, сделанное с равною для всех держав неожиданностью, может возбуждать даже неудовольствие, но ни одна из держав не в праве сомневаться в отсутствии партиальности в сем предложении [1]).

Выслушав меня, президент Французской республики в общем ответил следующее.

Он рад был услышать от меня вышеизложенные объяснения. У них во Франции успокоятся, когда узнают, что в числе задач конференции не будет содержаться закрепление постановлений Франкфуртского трактата, что армии оставят принимаемые ныне пушки и не будут касаться вопроса о численности армии.

В частности, по предложениям, сделанным мною генералу Шануану, г. Фор высказал следующее.

Новое автоматическое ружье еще не изобретено, поэтому относительно сохранения армиями существующего образца ружья время еще не упущено, но ограничить употребление взрывчатых веществ будет трудно — все делается в секрете.

Во всяком случае, Франция примет участие в конференции, и г. президент надеется, что совместная с Россией работа во время конференции еще более сблизит Францию с нами. Все ныне знают, что сближение это не формальное, а основано на действительном тяготении русского и французского народов одного к другому. «Надо поэтому, — заключил г. Фор, — надеяться, что и на конференции мы пойдем

---

[1]) Я был приготовлен, что президент, вероятно, задаст мне вопрос: почему Франция не была предупреждена о готовящемся правительственном сообщении 12 августа? Этот вопрос у всех французов невольно вырывается наружу. Приведенное объяснение я сообщил предварительно кн. Урусову и получил полное его одобрение. [Прим. в подлиннике.]

дружно и пройдем с успехом первый этап по пути, указанному великим сердцем русского государя».

Кроме вышеизложенного г. президент в разговорах со мною советовал познакомиться с высшим персоналом французской армии. Указал особенно на начальника французского главного штаба Ренуара и на его работы, говорил о важности совместной с нами подготовки на случай войны. Высказал мнение, что нашим и французским высшим чинам надо чаще сообщаться между собою. Наконец, им высказано желание, чтобы я познакомился с некоторыми их мобилизационными работами. Весь разговор с г. президентом записан мною тотчас по окончании аудиенции.

Некоторые из приведенных выше выражений г. Фор повторял несколько раз.

30 сентября президент Французской республики пригласил меня на обед в Рамбулье. В числе приглашенных были: наш посланник [1]) в Париже, французский посланник [1]) в Петербурге, французский военный министр, начальник французского главного штаба, начальник военной канцелярии при президенте, начальники частей войск, расположенных в Рамбулье.

Перед обедом, уведя меня в отдельную комнату, г. президент передал мне, что генерал Ренуар должен был мне сказать, что они переменили план сосредоточения армии в зависимости от достигнутой у них большей готовности войск. Так как, по мнению г. Фора, мы тоже за последнее время сделали успехи в том же направлении, то, по его мнению, необходимо будет пересмотреть военную конвенцию, заключенную между Россией и Францией, и составить к ней дополнение.

Я высказал мнение, что основания конвенции не следует менять, ибо они удовлетворяют обе стороны. Г. Фор возразил на это, что в конвенции содержатся некоторые цифровые данные и что изменения и должны касаться только этих цифровых данных [2]). С таким мнением я признал возможным согласиться. Повидимому, г. президент, настаивая в разговоре со мною на необходимости пересмотра военной конвенции, желал прежде всего убедиться фактически (после получения согласия нашего на пересмотр этой конвенции), что правительственное сообщение 12 августа действительно ни в чем не изменило наших взаимных с Францией обязательств. В общей зале в разговоре со мною

---

[1]) Так в подлиннике. Следует: «посол».

[2]) Имеется в виду ст. 3 русско-французской военной конвенции от 18 (6) августа 1892 г., начало которой читается: «Все имеющиеся в распоряжении силы, которые должны быть направлены против Германии, составят со стороны Франции 1 300 000, а со стороны России от 7 до 8 000 000 чел.».

г. Фор между прочим с особой энергией говорил о необходимости для России и Франции быть осторожными в китайских делах.

После обеда президент Французской республики, расставаясь со мною, произнес следующие слова: «Передайте государю императору мои уверения, повторяемые еще раз, что пребывание его величества во Франции [1]) оставило глубокие и неизгладимые следы. Передайте мой сердечный привет их императорским величествам и чувства глубокой неизменной благодарности за оказанный мне, представителю Франции, прием в России [2]). Я твердо верю, что ничто не может изменить чувств французского народа к России и ее монарху. Передайте государю императору мою уверенность в прочности существующего ныне соглашения. Повторите государю сказанное мною вам ранее. Я отношусь с полным доверием к начинаниям руского государя. Относительно целей конференции я успокоен и надеюсь, что великому человечному делу — уменьшению вооружений будет положено доброе начало. Но мы во Франции имеем свои задачи, и конференция, конечно, не будет иметь одной из своих целей помешать достижению наших сих задач».

Все вышеприведенные слова были немедленно записаны мною.

А. Куропаткин.

7. Примечания генерала Шануана к записке ген.-лейт. Куропаткина [3])

Вопросы, подлежащие разрешению:

1. Положить предел постоянным вооружениям.

2. Выискать средства предупредить несчастия, могущие постигнуть человечество.

3. Международная конференция озаботилась бы разрешением этих важных вопросов.

4. Конференция эта была бы с божьей помощью счастливым предзнаменованием для наступающего века.

Желательно действительно ограничить вооружения, выбрав тот момент, в который все великие державы Европы будут вооружены приблизительно одинаково в отношении материальной части полевой и осадной артиллерии. Десятилетний период, и даже менее, повидимому, достаточен для достижения этой цели.

Возможно будет при помощи международной конференции совместно изыскать средства ограничить в будущем применение в полевой войне могущественных современных взрывчатых веществ, а также и

---

[1]) Николай Романов приезжал во Францию в 1896 г.

[2]) Президент Фор посетил Россию в 1897 г.

[3]) Заголовок подлинника.

тех, которые могут быть изобретены впоследствии. Возможно будет также возбранить бросание снарядов с воздушных шаров. Воспретить в случае необходимости принятие новых образцов пороха. Изучение этой части предполагаемой задачи представляет особые затруднения, однако следует заметить, что решение Брюссельской конференции, воспрещающей употребление разрывных пуль, обусловлено было высоко гуманным почином его императорского величества государя императора Александра II и в данное время приобрело значение законов во всех цивилизованных государствах. Необходимо будет, в частности, выяснить, в какой мере изучение означенного вопроса может касаться морских сил.

В данное время, расширив применения решений Женевской конвенции [1]), можно было бы достигнуть нейтрализации судов-госпиталей, плавающих под флагом конвенции и в таком случае являющихся международными морскими госпиталями. Последняя испано-американская война воочию доказала целесообразность таковой меры.

Конференция, которую предполагается собрать, имела бы целью, во-первых, выяснить оба вышеприведенные пункта. Вместе с тем она, вероятно, нашла бы возможным изучить, в какой мере ее решения могли бы быть распространяемы на неевропейские нации, которые в настоящее время так быстро воспринимают изобретения современной науки и организуют армии, вооруженные усовершенствованным оружием, с дисциплиной и общей организацией, тождественной с существующей в Европе.

Было бы легко приблизительно вычислить экономию, вызванную уменьшением контингентов и вооружения, а также преимущества, которыми воспользовались бы земледелие, промышленность и торговля различных народов. Конференция могла бы предпринять статистическую разработку этих важных вопросов.

8. Всеподданнейшая записка министра ин. дел Муравьева.

Петербург, 23 (11) ноября 1898 г. [2]).

Вследствие поступающих от иностранных представителей постоянных запросов о времени и месте собрания конференции, к участию в которой их правительства приглашены циркулярным сообщением от 12 минувшего августа, я полагал бы полезным, ввиду настоящего

---

[1]) Имеется ввиду Женевская конвенция 2 сентября (21 августа) 1864 г.

[2]) На подлиннике помета Николая Романова: «Да» и далее рукой Муравьева: «Ливадия 16 ноября 1898 г.». Эта всеподданнейшая записка и приложенный к ней циркуляр хранятся в обложке с надписью «Проект циркулярной депеши, 16 ноября 1898 г. Не состоялось».

неопределенного политического положения и если того потребуют обстоятельства, обратиться к державам с новым циркуляром, у сего в проекте повергаемым на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение.

Если бы проект этот удостоился всемилостивейшего одобрения, то, смотря по ходу дела, я мог бы предварительно сообщения оного всем державам довести в доверительной форме о содержании циркуляра до сведения как посла нашего в Лондоне, так равно французского и германского представителей при высочайшем дворе.

Граф Муравьев.

9. Проект циркулярного обращения к державам [1]).

Когда в августе с. г. мой августейший повелитель приказал мне вручить всем правительствам, представители которых аккредитованы в С.-Петербурге, циркуляр, предлагавший созыв конференции, которой предстояло изыскать наиболее действительные средства для обеспечения всем народам благ реального и продолжительного мира и прежде всего положить предел дальнейшему развитию современных вооружений, ничто, казалось, не препятствовало осуществлению в более или менее близком будущем этого гуманного проекта.

Горячий прием который встретил этот шаг императорского правительства со стороны почти всех держав, мог только оправдать эти ожидания.

Высоко ценя дружеские выражения, в которых большинство правительств заявили о своем согласии, императорской кабинет имел в то же время возможность ознакомиться с теми заверениями о самом горячем сочувствии, с которыми к нему обращались и не перестают обращаться все классы общества с различных концов земного шара [2]).

Оставалось только договориться о месте и времени конференции и в общих чертах установить программу вопросов, которые должны составить предмет ее обсуждения [3]).

---

[1]) Перев. с франц.

[2]) В Архиве Внешней Политики имеется два специальных дела, содержащих обращения отдельных частных лиц и обществ к Николаю Романову и русскому правительству по поводу предполагавшейся мирной конференции. На одном из проектов письма Стаалю по поводу намерения известного английского журналиста Стида направить в Россию международную делегацию под руководством Англии и Америки, Николай написал: «Вообще я ни от кого не желаю принимать личных проявлений благодарности по поводу циркуляра 12 августа, тем менее от самозванной англо-американской депутации». 26 декабря 1898 г.

[3]) 26 (14) ноября Муравьев запросил Куропаткина, Витте и упр. морским ведомством Тыртова о желательной программе будущей конференции, предста-

К несчастью, политическое положение в Европе за последнее время совершенно изменилось.

Инцидента второстепенного значения [1]) и мирное разрешение которого было заранее вполне обеспечено благодаря исключительной мудрости французского правительства, было достаточно, чтобы мотивировать со стороны Англии чрезвычайные вооружения и воинственные демонстрации, продолжающиеся в момент полного мира и постоянно подчеркиваемые громкими декларациями, имеющими целью провозгласить принцип политического превосходства, который обеспечил бы преобладание британских интересов над интересами всех остальных наций или при помощи применения материальной силы или путем коалиций, ставящих своей целью привлечь на свою сторону державы, которые согласились бы принять те же принципы.

При наличии явления, столь противоречащего желанию обеспечить победу великой идеи всеобщего мира над элементами, вносящими смуту и раздор, и противопоставить всеобщее признание священных принципов справедливости и права исключительному применению силы,— императорское правительство невольно ставит перед

вив на их заключение составленную по этому поводу записку Мартенса, в которой, последний в качестве мер по сокращению вооружений предлагал: 1) не увеличивать втечение 5 лет существующего личного и материального состава вооруженных сил, и 2) установить процентное отношение между численностью населения и численным составом армий, а также между государственным и военным бюджетами. Он считал также желательным «торжественно заявить» об уменьшении в 1899 г. обычного рекрутского набора. Соглашаясь с основными положениями Мартенса, Куропаткин и Тыртов возражали против последней меры (письма от 13 декабря (30 ноября) и от 28 (16) декабря). Что касается Витте, то он считал желательным заменить эту меру предоставлением более широких льгот по образованию; — с другой стороны, он не признавал возможным установить процентное отношение между государственным и военным бюджетом. В том же письме 6 декабря (24 ноября) по поводу ограничения морских вооружений Витте писал следующее: «В настоящее время центр политических стремлений и взаимного соперничества держав находится вне Европы, где активное проявление защиты прав и законных интересов держав должно прежде всего выразиться путем морских военных действий. Континентальные державы, соперничая между собою, довели свои армии до грандиозных размеров и несут на содержание их тяжелые расходы. Между тем Англия и Соединенные Штаты Северной Америки, не нуждаясь благодаря своему географическому положению в содержании значительного контингента сухопутных сил, не участвуют в громадных затратах на организацию и расширение армий. Благодаря этому названные державы развивают свой флот и пользуются значительными преимуществами перед континентальными государствами. Ограничение в усилении флота может закрепить это преимущество и поставить некоторые государства в затруднение охранять свои внеевропейские права и интересы». Ср. Grosse Politik, Bd. XV, S. 165.

[1]) Имеется в виду англо-французский конфликт из-за Фашоды.

собою вопрос, сочтут ли державы благоприятным настоящий момент для созыва предполагаемой конференции.

Сохраняя во всей их неприкосновенности соображения изложенные и пожелания, высказанные в циркуляре 12 августа, императорское правительство ни в коем случае не отказывается от великого дела служения миру, в котором державы высказали намерение принять участие, но оно хотело бы узнать их мнение по вопросу о своевременности, на который в настоящий момент должно быть обращено самое серьезное внимание всех кабинетов.

10. Всеподданнейшая записка министра ин. дел Муравьева.

12 декабря (30 ноября) 1898 г. [1]).

В повергаемой у сего на высочайшее воззрение вашего императорского величества секретной телеграмме [2]) посол наш в Берлине сообщает о желании императора Вильгельма заявить в своей тронной речи о живейшем сочувствии к человеколюбивым намерениям, побудившим ваше величество обратиться к иностранным государствам с предложением участвовать на мирной конференции, — и высказывает мысль о желательности, чтобы со стороны императорского правительства по сему поводу выражено было полное удовлетворение официальным путем.

Вполне разделяя высказанное графом Остен-Сакеном соображение, смею думать однако, что письма моего к послу в Берлине в желаемом смысле было бы далеко недостаточно, чтобы произвести на императора Вильгельма надлежащее впечатление и достигнуть тех благотворных результатов, которые могут быть желательны для высших интересов России при настоящих, весьма сложных политических обстоятельствах [3]).

По моему глубокому убеждению, в минуту, когда со стороны Сен-Джемского кабинета употребляются все усилия, чтобы склонить Гер-

---

[1]) На подлиннике помета Николая Романова: «Согласен». Далее рукой Муравьева: «Ливадия, 30 ноября 1898 г.».

[2]) Имеется в виду телеграмма Остен-Сакена от 6 декабря (24 ноября) 1898 г.

[3]) В депеше от 9 декабря (27 ноября) 1898 г. за № 73 Остен-Сакен сообщил, что «одним из главных вопросов, поставленных на очереди нынешней сессии рейхстага и упоминаемых в тронной речи, является законопроект об увеличении численности войска в мирное время». Далее Остен-Сакен указывал, что германское правительство мотивирует это «географическим положением Германии, внушающим серьезные опасения, особенно в виду вооружений, предпринимаемых ее соседями. Несмотря на великодушный почин государя императора, — добавлял посол, — являющийся залогом к тому, что нападения со стороны России не последует, признаков общего разоружения нигде не замечается и едва ли при нынешнем положении вещей оно вообще может быть применимо на практике».

манию к союзу с Англиею, лишь непосредственное обращение вашего императорского величества к императору Вильгельму могло бы укрепить в его величестве чувство расположения к России и отклонить его от весьма нежелательного участия Германии в англо-американской коалиции. В случае всемилостивейшего одобрения изложенных соображений, быть может, вашему императорскому величеству благоугодно будет оказать императору Вильгельму лестное внимание высочайшею телеграммою, из коей он убедился бы, что ваше императорское величество цените дружбу его и усматриваете в словах, произнесенных германским императором, свидетельство о тех чувствах, которые издавна связуют оба родственные императорские дома неразрывными узами и служили втечение многих лет лучшим обеспечением всеобщего мира и добрых соседственных отношений [1]).

Осмеливаюсь полагать, что столь милостивое внимание вашего императорского величества в ответ на дружественное заявление императора Вильгельма привело бы к желаемым нами политическим результатам. Известие о дружественном обмене мыслей между вашим императорским величеством и императором Вильгельмом, несомненно, произвело бы сильное впечатление в Англии и, быть может, убедило бы Сен-Джемский кабинет в бесполезности усилий достигнуть содействия Германии в политических планах Великобритании, — а это обстоятельство, в свою очередь, могло бы только облегчить предстоящие нам переговоры с Англией по китайским делам, способствуя укреплению нашего положения на Д. Востоке, где германское правительство изъявило готовность действовать в полном единомыслии с императорским правительством.

II. Проект всеподданнейшей записки министра ин. дел Муравьева.

Декабрь 1898 г.

Немедленно по возвращении своем в С.-Петербург я осмелился испросить всемилостивейшего соизволения на отправление российским представителям за границей циркуляра, предлагающего им запросить соответствующие правительства, признают ли они своевременным, ввиду вооружений Англии, созвание в ближайшем будущем конференции, о коей упоминалось в сообщении от 12 августа с. г. [2]).

Между тем со времени изготовления проекта вышеупомянутого циркуляра обнаружилось, что не только Англия, но и другие державы, в особенности Германия, стремятся увеличить свои боевые средства. С своей стороны Англия оставила свой вызывающий тон и снова стала

[1]) Ср. Grosse Politik, Bd. XIII, № 3529.

[2]) См. выше № 8.

выказывать готовность вступить с нами в соглашение по делам Дальнего Востока.

Полагая, что ввиду этих соображений редакция вышеозначенного циркуляра не будет ныне вполне соответствовать обстоятельствам, приемлю смелость испрашивать высочайших указаний, не надлежит ли внести в оный некоторые изменения, вычеркнув те места его, которые направлены исключительно против Англии, сохранив однако общий смысл его о неблагоприятности настоящей минуты, ввиду вооружений важнейших государств Европы и Америки, для созыва конференции.

Если бы вашему императорскому величеству благоугодно было, отменив совершенно отправление этого циркуляра, повелеть ныне же приступить к обмену мыслей с иностранными правительствами по содержанию сообщения 12 августа 1898 г., то это могло бы быть исполнено следующими двумя способами.

Можно было бы, не ожидая времени более благоприятного, теперь же предложить иностранным представителям, пребывающим в С.-Петербурге, собраться на конференцию, но с тем, чтобы не затрагивая пока принципиальных вопросов о мерах к предупреждению войны, например, международного третейского разбирательства и т. п., заняться на этой конференции обсуждением лишь наиболее насущного вопроса об ограничении современных вооружений в смысле неувеличения настоящего количества войск и невведения нового усовершенствованного вооружения, по крайней мере, на определенный срок.

Осмеливаюсь однако полагать, что независимо от того, какие результаты могла бы иметь подобная конференция, самое созвание ее неминуемо встретило бы немалые затруднения. Одно из таких затруднений состоит в том обстоятельстве, что ни Швейцария, ни папа римский не имеют своих представителей в Петербурге и таким образом не могли бы иметь их и на конференции, что вряд ли бы было желательно, раз в конференции приняли бы участие представители всех держав.

Другое затруднение, притом гораздо более существенное, состояло бы в том, что аккредитованные в С.-Петербурге представители не могли бы принять приглашение на конференцию, не испросив предварительно у своих правительств инструкций и специальных полномочий; в этом же случае весьма неудобно было бы оспаривать право этих правительств назначить на конференцию уполномоченных по их собственному выбору, а не исключительно находящихся в Петербурге их дипломатических представителей.

Если бы даже и удалось собрать конференцию из одних этих представителей, то нельзя упускать из виду и того, что тревожное состояние политического мира, о котором выше было упомянуто, может по-

вести к тому, что конференция не будет иметь практических результатов, а это, ввиду решающего ее характера, может в значительной степени затормозить естественный ход великого дела, поднятого вашим императорским величеством.

Приемлю поэтому смелость упомянуть также о другом способе, посредством коего можно было бы ныне же войти в сношение с иностранными державами по предмету циркулярного сообщения 12 августа 1898 г. Способ этот состоит в том, чтобы пригласить не на конференцию, а на подготовительное частное совещание пребывающих в С.-Петербурге представителей одних лишь великих держав и предложить на их обсуждение вопрос, который предполагалось сделать нашим представителям за границею, о своевременности созыва в настоящее время конференции на основании сообщения 12 августа и равным образом заняться в оном разработкой программы конференции на основании проекта, при сем прилагаемого. Ввиду того, что по первому вопросу участникам совещания предложено было бы лишь осведомиться о мнении по оному их правительств, а по второму — занятия совещания имели бы чисто подготовительный и частный характер, то вопрос о специальных полномочиях и инструкциях устранялся бы совершенно, и результат, к какому пришло бы совещание, каков бы он ни был, не мог бы ни в чем повредить конечному успеху высокой задачи, к разрешению которой, по слову вашего величества, был призван мир в достопамятный день 12 августа 1898 г.

Вместе с тем возможность предвидеть ответы правительств некоторых из держав, коих уполномоченные были бы приглашены на это совещание, представила бы для нас существенные политические выгоды.

Можно именно предполагать, что Англия, отнесясь равнодушно к вопросу о сухопутных войсках, не захочет взять на себя какие-либо обязательства по отношению в своему морскому вооружению. Равным образом, и Америка не преминет, по всей вероятности, сослаться на сравнительную вообще незначительность своих военных сил, с тем, чтобы иметь возможность развивать их в согласии с усвоенными ею после испанской войны новыми взглядами на свою мировую задачу.

Раскрыв таким образом своекорыстную политику Сен-Джемского кабинета, столь мало соответствующую тому взрыву горячих симпатий, с которыми повсюду в самой Англии было встречено великодушное начинание вашего императорского величества; отметив вместе в тем опасные замыслы правительства заокеанской республики, предполагаемое совещание вызовет, быть может, более критическое отношение общественного мнения вообще всего образованного мира и в частности в Англии и Америке, к политике, преследуемой правительствами этих двух стран.

Во всяком случае, обстоятельство это оттенит еще более уже теперь чувствуемую общность интересов континентальных держав в их противодействии морской гегемонии, к которой так настойчиво стали стремиться англо-саксонские нации. Кроме того оно создаст для России особо выгодное положение между этими двумя враждебными лагерями, ни с одним из которых нас не разделяют непримиримые противоречия интересов.

Наглядное выяснение антагонизма между интересами, особенно колониальными, средне-европейских держав и англо-американской политикой будет иметь несомненно могущественное влияние при новой, ныне все ярче обнаруживающейся, группировке мировых политических сил, позволив нам вместе с тем на этой почве оказать наиболее существенную поддержку Франции и привлечь к общему делу Германию, отнюдь не становясь при этом во враждебное отношение к Англии.

Содействуя таким образом восстановлению политического равновесия, нарушаемого в свою пользу Англией и Америкой, предполагаемое совещание расчистит путь для успешного разрешения столь важного для всего мира вопроса об ограничении современных вооружений, согласно предначертаниям вашего императорского величества [1]).

---

[1]) В таком виде эта докладная записка не была представлена Николаю Романову. В окончательную редакцию доклада вошла только первая часть ее, кончая словами: «... готовность вступить с нами в соглашение по делам Дальнего Востока». После этого представленная Николаю записка читается следующим образом: «Полагая, что ввиду этих обстоятельств отправление означенной депеши ныне не вполне соответствовало бы политическому положению, приемлю смелость испрашивать высочайших указаний, не благоугодно ли будет вашему императорскому величеству всемилостивейше разрешить мне, вместо сего, вручить иностранным представителям в С.-Петербурге циркуляр, проект коего у сего повергается на благовоззрение вашего императорского величества. Изложенные в этом сообщении главные положения, которые могли бы послужить предметом обсуждения конференции на основании циркуляра 24 (12) августа с.г., выработаны по предварительном обмене взглядов с подлежащими ведомствами. Осмеливаюсь думать, что сей первый шаг на пути, предначертанном вашим императорским величеством, был бы удобнейшим в настоящее время и, нисколько не связывая свободы действия России, лучше всего обеспечил бы естественный спокойный ход разрешения великой задачи, указанный миру вашим императорским величеством». На подлиннике имеется помета Николая II: «При докладе во вторник в Петербурге я желал бы лично переговорить с вами». «Царское Село, 20 декабря, 1898 г.» — Приложенный к этой записке циркуляр, опубликованный тогда же в «Правительственном вестнике», был вручен представителям держав в Петербурге 11 января 1899 г. (30 декабря 1898 г.).

Интервенция и северная контрреволюция.

Что без интервенции гражданская война в России не приняла бы того размаха и той напряженности, которую мы имели в 1918—1920 гг., давно стало общепризнанным.

«Все знают, — писал В. И. Ленин, — что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты»...

Сама периодизация гражданской войны в Советской России давно строится по основным этапам интервенции: первый поход Антанты, второй поход Антанты, третий поход Антанты — так характеризовал т. Сталин соответственно колчаковщину, деникинщину и польский поход еще в 1920 г.

Признали это и сами интервенты. Правда, более по нужде: разоблачая друг друга, империалистские политики и генералы опубликовали столько материала, что истинная роль интервенции в гражданской войне уже не представляла тайны. «Я сомневаюсь, — открыто писал недавно генерал Гревс, командовавший американскими войсками в Сибири, — чтобы без поддержки иностранных войск Колчак или его правительство когда-либо обладали достаточной силой для осуществления верховной власти». («Американская авантюра в Сибири», предисловие, стр. XXI.)

Оказывается теперь, что меньше всего тайну составляло это для тех, кто стоял во главе контрреволюции — достаточно просмотреть только публикуемую ниже телеграфную переписку генерала Миллера за короткий период эвакуации англичан.

Первые же известия об уходе англичан вызвали буквально панику в белом лагере. «Перед нами стоит вопрос, — телеграфировал Миллер Колчаку, — об эвакуации области одновременно с уходом английских войск»... Доходили до того, что генерал Марушевский, до Миллера командовавший белыми войсками на севере, предлагал... силой заставить англичан остаться в области.

Просили, уговаривали на месте, сыпали награды — бывали заседания правительства, на которых раздавалось англичанам 50 орденов сразу. Не помогли просьбы на месте, обратились ко всем возможным инстанциям за границу.

«Необходима отсрочка начала отвода английских войск с фронта, назначенного на первое сентября, до половины сентября, по крайней мере», — умоляет генерал Миллер английское высшее командование. Но английское военное министерство, встревоженное нарастанием революционного движения в тылу, ответило отказом.

Миллер снова умоляет:

«Убедительно прошу настоять, чтобы увод военныхс удов происходил постепенно, растянув его хотя бы до половины октября»...

Через день новая телеграмма:

«Английские войска покидают Архангельск между 27 и 29 сентября... Прошу выхлопотать распоряжение... отсрочить вывод войск из Архангельска хотя бы на одну неделю»...

На какие авантюры шли белые, уверенные, что без англичан не продержатся ни одного дня, можно судить по попытке создать оккупационную армию из иностранцев-добровольцев. Миллер обращался с просьбой о наборе добровольцев в Сербию, Швецию, Данию, Финляндию, в САСШ, в Англию и т. д. Самый набор происходил зачастую по методам «Тридцатилетней войны»: безработную молодежь, демобилизованных солдат спаивали водкой и в пьяном виде заставляли подписывать контракты о найме. Из 30 таким образом завербованных в Дании солдат в Тромсэ (Норвегия) прибыло только 17, из них 1 бросился в море, 3 бежали, а остальные рассыпались в Тромсэ. Факт этот попал в печать, и дело приняло такой скандальный характер, что представитель Колчака в Дании умолял Миллера даже не присылать ему телеграмм с упоминанием о датских добровольцах.

Заменить англичан оказалось некем, и белая армия на севере осталась с глазу на глаз с Красной армией. Чем кончилось это единоборство — известно: Миллер оказался прав — белые пережили англичан только на 4 месяца.

Без интервенции русская контрреволюция была бы разгромлена гораздо быстрее и с несравненно меньшими для нас жертвами, — этот общий вывод гражданской войны подтверждает и сама контрреволюция [1]).

И. Минц.

Ген. Миллер — министру ин. дел «российского правительства» в Омске Сукину.

Телеграмма. 28 июня 1919 г.

Прошу доложить адмиралу Колчаку на № 1218. Сегодня члены временного правительства обсуждали положение Северной области совместно с английским главнокомандующим в связи с отходом сибирских войск за Урал и выяснившимся усилением большевистской [пропаганды] в войсках области.

Первое [2]): английские войска будут отозваны до зимы. Второе [3]): в некоторых наших войсках обнаружены заговоры против офицеров и переход людей к большевикам. Третье: обеспечить оборону изолированной области втечение зимы одними молодыми русскими,

---

[1]) Настоящая публикация представляет собой извлечение из подготовленного Центрархивом РСФСР сборника «Интервенция на севере»; подлинники публикуемых документов хранятся в Центр. Архиве Октябрьской Революции.

[2]) Далее зачеркнуто: «следует ожидать».

[3]) Далее зачеркнуто: «вследствие большевистской пропаганды».

недостаточно прочными, войсками расчитывать нельзя. Перед нами стоит вопрос об эвакуации области одновременно с уходом английских войск, что явится катастрофой не только для населения области, а громкой победой большевиков. Лучшей попыткой оздоровить наши войска и использовать английские — это переход в наступление, что временно, по соответствию сил, возможно. Длительное влияние, решающее значение и благоприятный конечный исход наступление может иметь только, если оно не будет изолированным, иначе с уходом англичан, при возможности сосредоточить против нас превосходные силы и малочисленности наших войск, успехи будут быстро ликвидированы. Единственным выходом из критического положения, создающегося с уходом англичан и изолированностью [области] от прочих противобольшевистских войск — это немедленное выступление Финляндии, за которое нужно заплатить [1]) поставленными ею условиями, без принятия коих Маннергейм не может двинуть финнов. Принципиальной стороной признания независимости и незначительными территориальными уступками, не имеющими жизненного значения для России, нужно пожертвовать ради спасения целого. Маннергейм был уведомлен, что, признавая выступление Финляндии своевременным и в ожидании такового, члены временного правительства Северной области будут всем своим авторитетом поддерживать признанные верховным правителем условия ее выступления при достижении намеченных целей. Иного выхода не вижу, вследствие чего задержал телеграмму вашу Юденичу № 1218. В случае неодобрения прошу сообщить, какой план действий намечен для борьбы с большевиками в связи с Деникиным и какие меры предполагается принять для избежания необходимости эвакуации области с уходом англичан.

Миллер.

Командующий войсками Мурманского района—ген. Миллеру.

Телеграмма 3504/4730. Кемь, 1 августа 1919 г.

1323. При британском авиаотряде на Медвежьей горе организована школа авиации, куда уже собраны русские летчики.

Прошу командировать прибывших из заграницы капитанов Оленникова и Галенковского, ротмистра Белолипского, штабс-капитана Семенова и штабс-ротмистра Фессина для назначения в эту школу.

Ген.-майор Скобельцын.

---

[1]) Так в подлиннике.

Ген. Миллер—послу в Лондоне Набокову и в Париж Маклакову, Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1346 и 1347. 9 августа 1919 г.

Архангельск имеет для нужд Северной области и союзных сил сорок тысяч тонн угля. Прибывающие английские угольные транспорты отсылаются неразгруженными обратно в Англию. Минимальная потребность Северной области исчисляется до начала весенней навигации [1]). Эвакуация английских войск и уход их боевых и транспортных судов поглотит тридцать процентов или сорок процентов наличного угля, тогда Северная область окажется в катастрофическом положении. Это лишь одно из проявлений [2]) лишает область возможности жить и обороняться после ухода английских войск. На-днях с полпути вернули транспорт муки 300 000 пудов, необходимый для обеспечения населения продовольствием до 1 февраля. Убедительно прошу воздействия на английских властей здесь.

Генерал Миллер.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову и послу в Париже Маклакову.

Телеграмма № 1363. 11 августа 1919 г.

Приехавший сегодня генерал Роулинсон передал мне о полученном им приказании вывезти из Архангельска все боевые припасы и сообщил, что русские ледоколы, находящиеся ныне в Англии, будут направлены в Ревель вместо Архангельска. Прошу проверить справедливость [сообщения] и срочно телеграфировать, ибо без боевых припасов и ледоколов оборона в Архангельском районе невозможна.

Миллер.

Посол в Лондоне Набоков—ген. Миллеру.

Телеграмма № 531. Лондон, 15 августа 1919 г.

На № 1362. Военный министр сказал Чайковскому, что генералу Роулинсону даны самые широкие полномочия. Чайковский и я полагаем, что вы могли бы попытаться представить ему убедительные доказательства опасности для края увоза боевых припасов и побудить его взять на себя распоряжение этими припасами в соответствии с здравым смыслом и интересами края. Я сделал представление министру иностранных дел, но живое слово на месте более убедительно.

Набоков.

---

[1]) Так в подлиннике.

[2]) Конец телеграммы, со слов: «это лишь одно...», приписан от руки ген. Миллером.

Сазонов—ген. Миллеру.

Телеграмма № 1978. Париж, 16 августа 1919 г.

Вернувшийся из Лондона Чайковский сообщает, что из личных переговоров с Черчиллем он убедился в окончательности решения англичан покинуть Архангельск, который, по свидетельству вашему, нам одним не удержать. При таких условиях считаем необходимым приступить к перевозу из Архангельска в Мурман ценных грузов, для которых подготовить там помещение, эвакуировать наиболее угрожаемую часть населения, раздать оставшемуся населению запасы для его защиты, перевезти остальные на фронт Юденича вместе с военными грузами, которые удастся. Выполнение должно быть согласовано с Роулинсоном и проведено, по возможности, избегая сеяния паники. Телеграмма эта составлена по соглашению с Чайковским и Щербачевым.

Копия в Омск.

Сазонов.

Посланник в Швеции Гулькевич — ген. Миллеру.

Телеграмма № 465. Стокгольм, 19 августа 1919 г.

..... 14 [1]). 5-го июля дан приказ банку в Христиании держать в вашем распоряжении 5 000 крон. Пожалуйста, держите торговцев.

Шифром. «Генерал Марш, представитель генерала Гофа, 10 августа в Риге пригласил к себе по составленному им списку 12 человек и объявил им, в присутствии военных миссий Америки и Франции, что, ввиду критического положения северо-западной армии, он предлагает, не выходя из комнаты, к 7 часам вечера — через (два слова не расшифрованы)—образовать правительство Северо-западной области России, которое тут же подписало бы соглашение с эстонским правительством о совместных действиях. Если это не будет исполнено, то союзники (слово не расшифровано) прекратят всякую помощь армии. Генералу Маршу было заявлено, что, ввиду сделанного заявления, приглашенные им лица берут на себя ведение русских дел и образование правительства. Приглашенные министры эстонского правительства заявили о невозможности подписать соглашение без обсуждения вопроса в их государственном совете. В тот же день вечером указанная группа лиц на заседании решила просить приехать в Ревель с фронта меня и, с моего разрешения, старших начальников для выяснения создавшегося положения. Прибыв в Ревель, при свидании с ге-

[1]) Пропуск в подлиннике.

нералом Маршем (несколько слов не расшифровано), мне было предъявлено требование признать правительство стоящим выше меня, как главнокомандующего, и войти в него со званием военного министра и оставаясь главнокомандующим. Я, не видя исхода для продолжения русского дела на Северо-западе и получив заверение, что помощь армии будет усилена и будут приняты все срочные меры для завершения операции по обладанию Петербурга, согласился. Правительство Северо-западной области России образовано из местных общественных деятелей и русских, живущих в Финлянции, в составе 12 лиц, и пока можно считать окончательным [избрание следующих лиц:] — премьер, [министр] финансов и временно иностранных дел — Лианозов, военный и главнокомандующий — я, внутренних дел Александров, другие портфели еще окончательно не закреплены. Состоявшее при мне Политическое совещание закончило свою деятельность. Об изложенном доношу. № 702. Юденич».

Копия в Париж.

Гулькевич.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову и послу в Париже Маклакову для Чайковского.

Телеграмма № 1452. 24 августа 1919 г.

Не считая возможным без сопротивления отдать Северную область большевикам, что вызвало бы сильный подъем духа у большевиков и совершенное разложение наших солдат, способных, в лучшем случае, защищать свои очаги, делаю попытку удержаться, независимо от ухода англичан. Дабы принятые меры усиления войск возымели свое действие, необходима отсрочка начала отвода английских войск с фронта, назначенного на первое сентября, до половины сентября, по крайней мере, и активное действие в предстоящих на-днях операциях по улучшению нашего положения. Эвакуация потребует один месяц, порт открыт до конца октября, следовательно — времени достаточно. Убедительно прошу настоять срочно на соответствующих распоряжениях генералу Роулинсону, дабы сроки отхода войск с позиций не были установлены независимо от нашего военного положения и приноравливались к нему, с оказанием нам необходимой помощи, хотя бы и ценой некоторого промедления эвакуации. Среди офицеров и солдат английских и австралийских войск есть желающие остаться. Английские военные власти [им это] запрещают, ссылаясь на приказание военного министра. Прошу содействия благоприятному разрешению вопроса.

Миллер.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову для Чайковского.

Телеграмма № 1470. 27 августа 1919 г.

Ссылаюсь на мою телеграмму 9 августа 1346.

Вопрос об угле все более внушает беспокойство. Имеющихся запасов — к 15 августа значилось 34 000 тонн — по самому экономному рассчету, должно хватить не долее, как до середины ноября. По мнению же англичан, уголь будет израсходован даже ранее, к концу октября. Если до закрытия навигации запасы угля [не] будут пополнены настолько, чтобы его оказалось достаточным до возобновления морского сообщения весной, деятельность железной дороги, Архангельской электрической станции и, самое главное, ледоколов окажется парализованной, не говоря уже о многих частных предприятиях.

Английские власти на делаемые по этому поводу представления заявляют, что подвоза угля в Архангельск производить будто бы не предполагается и что едва ли Англия могла бы уделить теперь нужное нам количество угля.

Ввиду бесполезности каких-либо настояний здесь, необходимо убедить английское правительство в полной возможности доставления потребного количество угля если не в самый Архангельск, то, для выигрыша пространства и времени, в Мурманск, откуда он может быть перевозим исподволь.

Существенно необходимо также заблаговременно разрешить вопрос о ледоколах. Ввиду колебания английского правительства взять на себя возмещение стоимости ремонта находящихся в Англии русских ледоколов, исчисляемой в 200 000 фунтов, ремонт до сих пор не производится и на прибытие их к концу навигации рассчитывать трудно. Желательно окончательно выяснить, могут ли эти ледоколы быть использованы для зимней кампании без ремонта, и если нет, то просить спешно урегулировать финансовую сторону дела.

Во всяком случае, без ледоколов Архангельск, а следовательно, и весь северный фронт будут отрезаны от моря с начала ноября и, будучи лишены возможности получать единственно доступным путем все необходимое, рискуют стать легкой добычей врага, который сам, быть может, находится накануне необходимости капитулировать.

Миллер.

Посол в Лондоне Набоков — ген. Миллеру.

Телеграмма № 556. 29 августа 1919 г.

Английское военное министерство определенно заявило о невозможности задержать эвакуацию ввиду враждебности общественных

кругов и передает необходимость следовать советам Роулинсона, который примет меры сохранить в наших руках Мурман и до конца сентября согласует эвакуацию с вашими оперативными соображениями. Волонтеры не могли нами быть допущены вследствие той же операции. Геруа. № 226. Копия Щербачеву и Юденичу.

Набоков.

Объявление главнокомандующего всеми русскими вооруженными силами на северном фронте.

Предупреждаю всех, имеющих претензии к союзному командованию, о необходимости поспешить с их предъявлением в союзную комиссию по рассмотрению претензий (Банковский переулок, № 4), так как с 10 сентября с. г. прием претензий комиссией прекращается.

С 10 сентября с. г. заявления о претензиях к союзному командованию будут приниматься ликвидационной комиссией Северной области (Соборная ул., д. № 2) для дальнейших сношений по ним с союзными властями.

Генерального штаба генерал-лейтенант Миллер.

Объявление главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами северного фронта.

6 сентября 1919 г.

5 сентября, за подписью «Эвакуационное бюро», по городу были расклеены синие объявления, которыми население предупреждалось об угрожающих ему бедах и последствиях, могущих произойти после ухода британских войск.

В Архангельске проживает много семейств, случайно сюда попавших, спасаясь от большевиков, и естественно таким лицам воспользоваться возможностью сравнительно легко и дешево доехать до таких городов России, откуда они смогут добраться до своих родных городов и сел. Ныне половина Европейской России, весь юг и запад, уже освобождены от большевиков.

Это предупреждение однако взволновало все мирное население города, которое было вправе предполагать, что от него скрывают тревожные сведения о степени обеспеченности порядка в городе.

Это совершенно неверно.

Несомненно, в Архангельске, как и во всяком большом городе, имеются беспокойные, а частью преступные элементы, ускользающие от наблюдения милиции, особенно [если] они ютятся в пригородах, но население может быть уверено, что мною принимаются и будут приниматься все меры для того, чтобы обезвредить их.

Недавняя неудавшаяся забастовка и спокойный ход этого само по себе преступного в отношении нашей обороноспособности выступления доказал, что и в рабочих средах голос рассудка не затемнен окончательно агитаторами. При этих условиях, опираясь на здоровые элементы населения, готовые спокойно и твердо нести службу по охране внешнего порядка в городе, я не вижу никаких оснований для беспокойства среди населения ни теперь, ни в то время, когда английские войска покинут территорию Северной области.

Генерал-лейтенант Миллер.

Ген. Миллер — послу в Лондоне Набокову.

Телеграмма № 1519. 6 сентября 1919 г.

Прошу убедить английское правительство в необходимости оставить [в Архангельске] хотя бы небольшой отряд в одну — две тысячи человек на октябрь, преимущественно для обеспечения тыла, пока не подойдут отряды добровольцев из других государств, к формированию которых приняты меры.

Миллер.

Ген. Миллер — в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1557. 13 сентября 1919 г.

2178. Благодаря одержанным за последнее время успехам военное положение на северном фронте упрочилось. Удержание занятого положения, а тем более развитие операций находится в прямой зависимости от того, будут ли обеспечены продовольствием армия и гражданское население, будет ли область располагать достаточным запасом угля, без которого поддержание сношений Архангельска с внешним миром невозможно.

Армия в настоящее время обеспечена рационами всего на несколько недель — до ноября-декабря. Для прокормления населения до открытия навигации будущей весной, помимо урожая сего года, ожидающегося из Сибири хлеба и некоторых запасов, все же необходимо еще 8—9 тысяч тонн хлеба. Кроме того, надо иметь ввиду, что при продвижении вперед на нас ложится обязанность оказания помощи изголодавшемуся населению. Было бы поэтому желательно иметь некоторый запас хлеба и на эту надобность. Наличный уголь будет израсходован к октябрю, возобновление его запасов требуется немедленно.

С наступлением зимы в начале ноября Архангельск с тяготеющими [к нему] местностями, чтобы не быть отрезанным от всего мира, должен обслуживаться целой флотилией ледоколов для обеспечения до-

ступа кораблям из открытого моря. Между тем из общего числа имевшихся 12 ледоколов и ледокольных пароходов в нашем распоряжении находится всего один. Один ледокол погиб; два ледокола были взяты французами и один англичанами без всяких условий вскоре после прибытия союзников в Северную область и до сего времени не возвращены, несмотря на то, что, ввиду прекращения военных действий с Германией и предстоящего ухода союзных войск, они, казалось бы, им совсем более не нужны. Что касается остальных семи, то они были сданы в эксплоатацию британскому адмиралтейству по чартеру, срок которого ныне истек. В настоящее время все семь судов находятся в английских портах в ремонте, который может сильно затянуться, так что суда не будут готовы к нужному времени. Возникают также затруднения по вопросу о производстве расчетов за ремонт.

Так как наличие ледоколов имеет первостепенное значение для области, скорейшая передача всех ледоколов в русские руки существенно необходима, о чем прошу ваших настояний перед английским и французским правительствами. Если бы Архангельску не удалось сохранить связь свою с открытым морем, население без подвоза было бы обречено на чрезвычайные лишения, а для фронта создалось бы катастрофическое положение независимо от военных успехов.

В отношении продовольствия армии и населения, а также угля надеемся, что при обещанной вами поддержке удастся получить необходимое от союзников, с отнесением стоимости этих продуктов в счет русского государства обычным порядком.

Ввиду того, что потребного количества угля, исчисляемого примерно в 60 000 тонн, до будущей весенней навигации может не оказаться в Англии, рассчитываем на получение его из Америки, в каковом смысле уже сделаны сношения с посольствами в Вашингтоне и Лондоне и здешним американским представительством.

Без твердой уверенности в том, что все перечисленные нужды будут своевременно удовлетворены, повеление верховного правителя продолжать энергичную борьбу с большевиками может оказаться неосуществимым, а Северной области будут угрожать испытания, выпавшие на долю Советской России.

Генерал Миллер.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1559. 13 сентября 1919 г.

569. При настоящих условиях мы не рассчитываем на какие-либо коренные изменения принятых английским правительством решений об эвакуации. Для нас однако весьма важно, чтобы желающим здесь остаться английским военным была дана эта возможность. Кроме того,

отсрочка увода английских войск, хотя бы до начала октября, несомненно, имела бы самые благоприятные результаты в смысле упрочения военного положения Северной области. Это возможно без всякого риска для эвакуации, ибо порт открыт до конца октября. Прошу настоять.

Генерал Миллер.

Ген. Миллер—послу в Лондоне Набокову и в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1582. 17 сентября 1919 г.

По взаимному соглашению союзных правительств, предположено одновременное отплытие с архангельского рейда всех английских и французских военных кораблей с уходом последнего судна, увозящего английских солдат. Такое одновременное очищение рейда и города от посторонней вооруженной силы может иметь самое неблагоприятное влияние на настроение жителей и даже на возможность поддержания порядка в городе.

Рабочие и праздные большевистские элементы могут легко увидеть в этом удобный случай для вооруженного выступления в городе, имеющем лишь слабые ополченские части для поддержания порядка. Убедительно прошу настоять, чтобы увод военных судов происходил постепенно, растянув его хотя бы до половины октября. Этот срок необходим также, чтобы успеть вывезти из Архангельска опасные элементы из числа военнопленных, осужденных и передаваемых нам англичанами полубольшевиков, участников заговора и бунта 8 июля.

Миллер.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и в Париж Чайковскому.

Телеграмма № 1590. 18 сентября 1919 г.

Английские войска покидают Архангельск между 27 и 29 сентября. Такая поспешность ставит меня в невозможность закончить все мероприятия, необходимые для обеспечения порядка в городе ко времени ухода. Порт свободен до конца октября. Прошу выхлопотать распоряжение генералу Роулинсону отсрочить вывод войск из Архангельска хотя бы на одну неделю.

Миллер.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1592. 18 сентября 1919 г.

Вопреки полученному разрешению оставить здесь все танки, генерал Роулинсон из пяти танков оставил только два. Несмотря

на сведения о готовности сербского батальона из Мурманска прибыть на помощь в Архангельск для поддержания порядка в городе, Роулинсон настаивает на отправке его на родину 2 октября. Вопреки моей настоятельной просьбы, чтобы, по крайней мере, суда союзного флота покинули Архангельск не одновременно, а постепенно, втечение хотя бы 2 недель, весь флот и войска уходят завтра, 27-го, на 2 дня раньше намеченного срока 1 октября. Во всем видно полное нежелание пойти нам навстречу, чтобы хотя чем-нибудь облегчить трудное положение, создаваемое поспешным уходом всех союзных сил из города Архангельска. Если в Архангельске произойдут на этой почве беспорядки, ответственность в большей мере ляжет на генерала Роулинсона.

Миллер.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1595. 19 сентября 1919 г.

Просил номером 1490 принципиального согласия английского правительства на оставление в Архангельске английских офицеров и солдат, подлежащих демобилизации и желающих оставаться в области, с поступлением добровольцами на русскую службу. Для обеспечения спокойствия в области весьма важно присутствие иностранного контингента. Отъезд английских войск назначен на 27 сентября, потому необходимо получить срочно ответ.

Миллер.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1663. 20 сентября 1919 г.

Пять танков прибыли в Архангельск. Генерал Роулинсон получил их под непременным условием увезти их одновременно с войсками. Ввиду громадного морального значения для населения и серьезного усиления войска с радостью узнали о прибытии танков. Прошу настоятельно срочно испросить у английского военного министра разрешения оставить танки в моем распоряжении. Увоз их будет истолкован войсками и населением как предательство в трудную минуту, тем более, что генерал Айронсайд обещал их дать. Русские офицеры, умеющие управлять, имеются. Вопрос первостепенной важности и срочности.

Миллер.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1599. 20 сентября 1919 г.

Одновременный уход всех английских сухопутных и морских сил 28—29 сентября создает крайне тревожную обстановку в городе, где преступные и большевистствующие элементы, несомненно, готовятся к вооруженному выступлению в связи с нажимом на фронте. Необходимо иметь в городе прочную войсковую часть, ничем не связанную с местным населением. Сербский батальон предположен к увозу из Мурманска 2 октября. Прошу срочного распоряжения доставить его в Архангельск до ухода английских войск и оставить его здесь до конца октября исключительно для гарнизонной службы.

Миллер.

Ген. Миллер — в Париж Сазонову и Чайковскому.

Телеграмма № 1661. 20 сентября 1919 г.

На № 2348. Сведения об угле совершенно неверны. Угля хватит лишь до конца октября. Генералу Роулинсону это хорошо известно. Ледоколы необходимо предоставить в полное наше распоряжение. Муки нужно не только для Мурманска: Архангельский, Холмогорский Пинежский, Онежский и Шенкурский уезды обеспечены были мукой до 1 октября; на дальнейшее время имеется всего 170 000 пудов и урожай, то-есть, всего около 4 месяцев. Сибирь дает всего 150 000 пудов. Масса военного имущества потоплена и уничтожена зря. Генерал Роулинсон во всех распоряжениях руководствуется одной идеей — оставить возможно меньше, из опасения, что оставленное имущество попадет в руки большевиков, и увезти войска возможно скорее, не считаясь совершенно с нашим военным и внутренне-политическим положением. Содержание сербских войск, в крайнем случае, можно взять на счет русского правительства. Скорейшее их прибытие в Архангельск крайне важно.

Миллер.

Приказ главнокомандующего всеми русскими вооруж на северном фронте № 293 [1].

1. Для пресечения в самом зародыше возможности всяких большевистских выступлений в связи с уходом союзников, объявляю г. Архангельск на осадном положении с 6 часов вечера 26 сентября с сохранением за собою чрезвычайных полномочий коменданта укрепленного района.

[1]) Заголовок подлинника.

2. Лица, имеющие огнестрельное оружие или разрывные снаряды, обязаны их сдать:

а) в г. Архангельске — коменданту города не позже 20 сентября сего года;

б) в Архангельском, Онежском, Холмогорском и Шенкурском уездах — ближайшим участковым начальникам милиции (для последующей передачи уездному коменданту) или непосредственно уездному коменданту; в Архангельском уезде — не позже 2 октября с. г., в других поименованных уездах — до 5 октября с. г.

Примечание: Распоряжение это не относится: к оружию, составляющему вооружение военно-служащих, национального ополчения, милиции; оружия, на хранение какового получены специальные разрешения от начальника губернии или начальников уездов, и к гладкоствольным охотничьим ружьям.

3. За несдачу оружия, вопреки пункта 2 настоящего приказа, в качестве высшей меры наказания устанавливаю смертную казнь. Производство по этим делам возлагаю на особые военные суды по назначению начальника гарнизона (ст. 90 кн. 22 свода военных постановлений по редакции, объявленной в Собрании узакон. и распор. всероссийского правительства от 10 марта 1919 г. № 1).

4. Воспрещаю всем (в том числе и военнослужащим, за исключением чинов союзных войск) хождение по г. Архангельску (с Соломбалой) в ночное время от 9 часов вечера до 5 час. утра без особых удостоверений от коменданта города на право хождения в г. Архангельске в ночное время.

5. Театральные и кинематографические представления и иные всякого рода общественные и народные увеселения должны прекращаться не позднее 8½ час. вечера, за исключением особо уважительных случаев, в которых может быть испрашиваемо специальное разрешение начальника губернии на продление срока до более позднего часа.

6. Рестораны, кафе и кухмистерские должны прекращать торговлю не позже 8½ час. вечера.

7. Пункты 4—6 настоящего приказа вступают в силу с 26 сентября с. г. и заменяют ст. 13—15 обязательного постановления от 11 октября 1918 г. «о ночном времени в г. Архангельске».

8. Виновные в нарушении пунктов 4—6 настоящего приказа будут подвергаться в административном порядке штрафу до 3 000 рублей или аресту на срок до трех месяцев или заключению в тюрьме на тот же срок.

Генерального штаба генерал-лейтенант Миллер.

Саблин — ген. Миллеру.

Телеграмма. Лондон, 27 сентября 1919 г.

Министр иностранных дел уведомил, что предоставление английским офицерам и солдатам права оставаться добровольцами в Северной области противоречило бы [намерению] английского правительства, решившего вывести свои войска полностью. Ввиду вышеизложенного английское правительство, к своему сожалению, не может согласиться на демобилизацию на месте английских военных, изъявляющих желание сражаться в качестве добровольцев.

Саблин.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и военному агенту ген. Ермолову.

Телеграмма № 1657. 28 сентября 1919 г.

Я просил английское командование оставить нам пятнадцать тысяч шинелей. Английское командование обещало при отъезде из Архангельска передать нам 2 500 шинелей. В действительности передано около 500. Наши войска ощущают в шинелях крайне острую нужду; все шинели уже выданы солдатам новых призывов, и потребность в шинелях далеко еще не удовлетворена. Убедительно прошу принять все исчерпывающие меры, чтобы союзники немедленно выслали в Архангельск до закрытия навигации не менее пятнадцати тысяч шинелей, без чего значительная часть нашей армии останется неодетой.

Генерал-лейтенант Миллер.

Саблин — ген. Миллеру.

Телеграмма № 648. Лондон, 30 сентября 1919 г.

Угольный голод, наблюдающийся здесь в результате недоразумений с углекопами, начинает приобретать характер национального бедствия. Пока правительство воспретило вывоз из Кардифа за границу. Между тем Архангельск ощущает сильную нужду в угле. Думаю, что надежды на англичан в этом отношении не оправдаются. Не найдете ли возможным найти в Америке для Архангельска уголь, который, повидимому, обещан Миллеру американской организацией в Северной области?

То же относительно хлеба. Имейте ввиду, что железнодорожная забастовка, если она продолжится даже недолго, дезорганизует страну и вызовет общий кризис. Правительство предпринимает целый ряд драконовских мер в стране. Трудно допустить, что при таких условиях она могла помочь хотя бы предметами продовольствия, в коих она ныне гораздо больше нуждается, чем когда бы то ни было во время войны.

Саблин.

Ген. Миллер — в Лондон Саблину и военному агенту Ермолову.

Телеграмма № 1672. 30 сентября 1919 г.

Английским командованием оставлено в Архангельске недостаточное для армии количество продовольственных припасов. Для обеспечения армии в зимний период необходимо до закрытия навигации получить в Архангельске 100 тысяч пудов муки или галет, 3 миллиона фунтовых банок мясных консервов, 36 тысяч пудов крупы, 12 тысяч пудов масла, 10 тысяч пудов керосина и 500 тысяч пудов овса. Особенно острая нужда в овсе, который уже теперь на исходе, и неполучение его до закрытия навигации грозит нам остаться без конского транспорта; убедительно прошу оказать полное содействие высылке союзниками в Архангельск требуемого количества продуктов, необходимых для жизни армии. Потребность эта известна главнокомандующему союзными войсками Северной области генералу Айронсайд.

Миллер.

Председатель эмиссионной кассы в Мурманске — зам. председателя временного правительства Зубову.

Мурманск, 2 октября 1919 г.

Многоуважаемый г. Зубов.

Ликвидация северной валюты — насколько [это] касается Мурманска — будет закончена через несколько дней. Затем останутся билеты, выкупленные фирмою Барклей и норвежскими банками, и также билеты, принятые государственным банком и казначействами Северной области. Когда эти билеты будут инкассированы, то мы будем иметь возможность выяснить окончательное состояние резерва и обсуждать, как с ним поступить.

Желаю воспользоваться этим случаем, чтобы изложить мои взгляды, которые я представляю на рассмотрение британского правительства. Как вам известно, обеспечение северных рублей состоит, частью, из фунтов стерлингов (почти целиком представленных британским правительством) и, частью, обязательств правительства Северной области. Последние соответствуют «достоянию государства», напечатанному на билетах, совместно с «особым запасом в английском банке», которые служат обеспечением этой валюты.

При настоящем положении дел эти обязательства не могут быть реализованы, и поэтому резерв кассы должен считаться несостоятельным в отношении тех 29 000 000 рублей, которые не покрыты фунтами стерлингов. Однако пока британское правительство, которое держит около 50 000 000 рублей против фунтов стерлингов, согласится оставить 29 000 000 рублей не инкассированными, то касса будет в состоя-

нии удовлетворить все требовани со стороны прочих держателей северных рублей.

Совершенно ясно, что при настоящих условиях обмен северных рублей на фунты стерлингов следовало бы прекратить, так как, если большевики будут продолжать свое продвижение, то они скоро завладеют значительным количеством северных рублей, — если же они будут иметь возможность обменять эти деньги на фунты стерлингов, то это дело дало бы им средства для финансирования своей пропаганды и для других целей за границей.

Британское правительство, если оно сочло бы нужным, могло бы совершенно предотвратить эту возможность путем немедленного представления к обмену всех имеющихся у него северных рублей. В таком случае касса была бы вынуждена выдать все остающиеся в резерве фунты стерлингов, а все остальные рубли не могли бы быть выкуплены.

Однако я предполагаю посоветовать британскому правительству не принимать этой меры, но чтобы резерв продолжал существовать, приостанавливая однако обмен на фунты.

По восстановлении в России устойчивых условий все обязательства временного правительства перед кассой и, следовательно, перед держателями северных рублей, естественно, перейдут к всероссийскому правительству. Если, до утверждения такого правительства, резерв кассы будет использован так, чтобы способствовать быстрому возрождению русской торговли по водворению внутреннего мира, то бремя этих обязательств облегчится, что и подымет кредит всероссийского правительства.

Ю н г.

Посол в Париже Маклаков — ген. Миллеру.

Телеграмма № 2495. Париж, 8 октября 1919 г.

«Для адмирала Иванова. № 674. Ледоколы на-днях кончают ремонты; нам их передают, но англичане, считая положение Архангельска непрочным, протестуют против передачи ледоколов для посылки в Архангельск. Англичане назначили 3 ледокола с английскими командами. Принимаю все меры для снятия запрета англичан. — П о г у л я е в. № 181».

М а к л а к о в.

Председатель эмиссионной кассы в Мурманске — управляющему отделом финансов Зубову.

Телеграмма № 378. 3 октября 1919 г.

Ввиду эвакуации кассы невозможно действовать здесь после четвертого октября. Собранные согласно § 3-б постановления от 30

августа рубли должны быть посланы мне при первом надежном случае по адресу банк Барклей, иностранный отдел, Лондон. Известите меня телеграфно по тому же адресу о размере собранной суммы. Обращаюсь к Ермолову с тем же.

Ю н г.

Долговое соглашение между командующим союзными военными силами в Мурманском районе и начальником Мурманского района Ермоловым [1].

[7] октября 1919 г.

1. Союзные военные власти передали военным и гражданским властям Мурманского края продовольствие, военные склады, лошадей и другое имущество, согласно писем за № 271 /2/0/ от 2 сентября 1919 г., № 271 /2/0/ от 13 сентября 1919 г. и письма № 7955 от г. Ермолова, датированного 10 сентября 1919 г.

Г. Ермолов при сем подтверждает, что временное правительство Северной России принимает ответственность по уплате за ценность вышеуказанного материала, согласно срокам, указанным в вышеприведенном письме.

Таким образом, устанавливается, что согласно прилагаемого счета № 2 [2]) общее количество переданного военного материала исчисляется на войска силою в 7 тысяч человек (что составит приблизительное количество войск Мурманского района), содержание складов, обнимает как продовольствие, так и военное снабжение на период, по крайней мере, 6 месяцев.

2. При передаче всего вышеуказанного г. Ермолов согласен, если того пожелает британское командование, регулировать все претензии, счета и т. д., предъявляемые союзному командованию в Мурманском крае, по нижеследующим срокам и условиям.

а) Частная претензия. Претензии частного характера все, еще не урегулированные, помещенные в счете № 3, прилагаемом к сему. Эти претензии, с согласия союзного командования, будут урегулированы г. Ермоловым в указанном на счете № 3 порядке.

Ввиду того, что союзным командованием было объявлено, что претензии должны быть издаваемы [?] до 22 сентября, оно считает себя не ответственным за несвоевременное предъявление претензии.

Если же, несмотря на это, по отъезде союзников, будут возникать претензии из-за событий, происшедших после 22 сентября, или, если претензии не были предъявлены ранее 22 сентября по уважительным

---

[1]) Заголовок подлинника.

[2]) Счета в деле отсутствуют.

причинам, Ермолов будет поступать с таковыми претензиями согласно следующему порядку.

Г. Ермолову надо будет на месте устанавливать справедливость претензии, класть свою резолюцию на представленный иск и отсылать все бумаги по почте по адресу T. O. C. Murmansk Force c/o War Office London.

Если союзным командованием будет решено удовлетворить претензию, оно известит г. Ермолова, кто сделает нужную уплату русской валютой.

в) Претензии государственных ведомств (исключая ж. д.), правительственные контракты или официальные иски, указанные под этим параграфом, поименованы в счете № 4, прилагаемом к сему.

Ответственность, принятая союзным командованием, тоже указана в счете. Таким образом, эта ответственность рассматривается, как ответственность перед временным правительством Северной России, и погашается за счет материалов, упомянутых в параграфе 1 настоящих условий.

с) Претензия управления Мурманской ж. д. Хотя многие вопросы еще не получили принципиального решения, но общий характер урегулирования счетов по пользованию союзным командованием ж. д. должен быть следующий:

наличного расчета произойти не может, а все счета будут уплачены при окончательном рассчете с всероссийским правительством.

д) Уплата за поставленное различным ведомствам продовольствие в настоящее время является затруднительной для последних, а потому г. Ермолов, как представитель временного правительства Северной России, берет ответственность по уплате за таковое на себя.

Ген. Миллер — Саблину в Лондон.

Телеграмма № 1731. 7 октября 1919 г.

657. Несмотря на мои настоятельные просьбы оставить здесь все три легких танка и один тяжелый, генерал Роулинсон оставил всего один легкий и один тяжелый, мотивируя, что танки погружены в трюм под другими предметами, и разгрузка их может задержать пароход на целые сутки. Вообще с его стороны было проявлено полное безразличие к наилучшему обеспечению населения и войск, выразившееся в уничтожении и потоплении массы ценных грузов вместо передачи их нам. Поспешность ухода войск была такова, что все пулеметы городской охраны были брошены на произвол судьбы, ибо английские войска ушли ночью раньше часа, назначенного для смены их русскими; вообще оружия, патронов оставлено разбросанным по квартирам и

дворам большое количество, с явной опасностью для населения. Попутно увезена и часть русского имущества, как, например, бывшие в таможне 6 тракторов, привезенных в Архангельск еще в 1917 году. Не считая своевременным поднимать эти вопросы теперь, когда не только мы вполне зависим от снабжения англичан, но главным образом армии Деникина и Колчака, сообщаю для вашей ориентировки. В боевом отношении со дня приезда генерала Р[оулинсона] оказывалась минимальная помощь, вопреки мнению других подчиненных английских генералов.

Миллер.

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.

У «Прогрессивного» блока буржуазно-помещичьих фракций и групп Госуд. думы и Госуд. совета 1915—1917 гг. в прошлом были свои предшественники. «В переломные моменты, во время глубоких, потрясающих всю страну кризисов буржуазия создавала объединение, закрепляла либерально-монархический центр с его правым (октябристы) и левым (кадеты) флангом» [1]. В обстановке войны, огромного подъема революционного движения, усиления расстройства хозяйственной жизни и воздействия англо-французского империализма объединение буржуазии получило несколько иной характер и по составу и по программе.

Громадным прибылям буржуазии и помещиков, их горячим надеждам получить новые территории для порабощения и эксплоатации и самому существованию их грозили опасности. Надо было спешно спасать положение. В стране развивался протест против войны и политики самодержавия, росло революционное движение. «Теперь мы снова идем к революции, — писал В. И. Ленин в 1915 г. — Это все видят. Сам Хвостов (мин. внутр. дел) говорит о настроении крестьян, напоминающем 1905—1906 гг.» [2]. Пролетариат и его партия вели упорную борьбу с царизмом. С другой стороны, поражение за поражением на фронте свидетельствовали о неспособности царского правительства справиться с задачами, возложенными на него русской буржуазией и англо-французским империализмом. Необходимо было найти выход. Последний диктовался всей природой русской буржуазии и ее партий. «Буржуазный либерально-монархический центр, который еще больше боится последовательной демократии, чем так называемой «реакции», очень давно появился на русской политической сцене» [3]. «Мы, большевики, всегда говорили, особенно с весны 1906 года, что ее (либеральную буржуазию) представляют кадеты и октябристы, как е д и н а я сила. Десятилетие 1905—1915 гг. подтвердило наш взгляд. В решающие моменты борьбы кадеты вместе с октябристами изменяли демократии и «шли» помогать царю и помещикам. «Либеральная» линия русской революции состояла в «успокоении» и раздроблении борьбы масс, ради примирения буржуазии с монархией, и международная обстановка русской революции и сила русского пролетариата делали такое поведение либералов неизбежным» [4].

---

[1]) Ленин, Сочинения, 1 изд., т. XII, ч. 1, стр. 50.
[2]) Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 212.
[3]) Ленин, Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 50.
[4]) Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 211.

Помимо этого, главного условия, у буржуазии и обуржуазившихся помещиков была и другая причина стремиться к объединению. «Мы подошли к порогу, за которым или лестница или обрыв», говорил Шингарев на заседании президиума блока. Ему вторил Гучков, характеризуя современное положение: «Ведь в тылу идет полный развал, ведь власть гниет на корню... Мы в тылу бессильны или почти бессильны бороться с этим злом» [1]). В царской России, в стране, «наиболее отставшей в экономическом отношении, в которой новейше-капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических», империалистическая война произвела особенно большое разрушение. Хозяйство страны с каждым годом, с каждым новым месяцем войны разрушалось. Особенно сильно разрастался продовольственный кризис, который наиболее ярко выражал дезорганизацию всей хозяйственной жизни страны. Он свидетельствовал о неспособности царского правительства, особенно в условиях войны, организовать тыл, обеспечить снабжение фронта, наладить снабжение всей страны. Не могло оно собственными силами разрешить проблему финансирования, а это основной вопрос экономики, тесно связанный, как и везде, с организацией промышленности. Весной 1915 г. оказалось, что армия не имеет достаточного боевого снаряжения — орудий, артиллерийских снарядов, винтовок, патронов. Заказы в Америке сделаны были очень поздно и, кроме того, часто заказывалось не то, что в данный момент нужно было военному командованию. Казенная военная промышленность работала плохо, с громадным дефицитом, а частная промышленность на первых порах не была привлечена к работе по обслуживанию военного ведомства.

Колоссальные военные неудачи весны и лета 1915 г., грозившие потерей Киева, Риги, Пскова и т. д., заставили царизм пойти на ряд уступок буржуазии. Было организовано Особое совещание по обороне, в которое вошли виднейшие представители буржуазии; частной промышленности была предоставлена широчайшая возможность, пользуясь огромными субсидиями, связаться с работой на «оборону». Был организован ряд и других подобных совещаний, задачей которых было приспособление всего хозяйства страны к потребностям военного времени. Но буржуазию это уже не могло удовлетворить целиком, и ее недовольство правительством так однажды выразил Гучков: «То обстоятельство, что мы целый год, буквально год, первый год войны потеряли — это и есть самое тяжелое преступление власти» [2]).

Разумеется, не мог безучастно отнестись к создавшейся обстановке в России и англо-французский империализм, который — в интересах продолжения и усиления войны — принимал меры к устранению старого правительства и изменению всей системы управления и толкал в этом направлении буржуазные группировки.

Правительство не сумело и не хотело сплотить вокруг себя буржуазию, считая достаточным, что его налоговая политика, его мероприятия по субсидированию частной промышленности носили явно покровительственный характер буржуазии и помещикам. Буржуазия выросла и хотела большего. Это был «новый класс, поднявшийся к политической власти в России, класс капиталистических помещиков и буржуазии, который давно

[1]) В. Семенников. «Монархия перед крушением. 1914—1917 гг.», стр. 282.

[2]) «Падение царского режима», т. VI, стр. 294.

правит нашей страной экономически, и который как за время революции 1905—1907 гг., так и за время контрреволюции 1907—1914 гг., как, наконец, и притом с особенной быстротой за время войны 1914—1917 гг., чрезвычайно быстро организовался политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д.» [1]). Этот новый класс, чувствуя свою экономическую силу и возраставшую политическую роль, считал себя способным руководить внутренней и внешней политикой, самому отстаивать и обеспечивать и свои собственные интересы и интересы англо-французского империализма. Когда «поражения расшатали весь старый правительственный механизм и весь старый порядок, озлобили против него в с е классы населения», когда выявилась неспособность царизма справиться с сложнейшими задачами, этот новый класс должен был принять меры к ограждению себя и союзников, должен был заставить правительство пойти на дальнейшие уступки. «Нужна власть, которой бы верили... мы должны найти то, что должны н а в я з а т ь всякому (правительству), даже теперешнему», заявил помещик Оболенский на первом заседании президиума «парламентского» блока.—«Нужна реформа власти».— «Это правительство стало уже невозможным». —«Найти людей, которые не имели бы на себе клейма недоверия».— Такие речи стали все чаще и чаще раздаваться среди буржуазно-помещичьих кругов.

Но буржуазия, как выше указывалось, больше боялась «последовательной демократии, чем так называемой «реакции». Буржуазия не в состоянии была вести активную борьбу. Теснейшим образом связанная с поместным землевладением и бюрократией, буржуазия «стала контрреволюционной после 1905 года и получила «местечко» в третьеиюньской системе» [2]). Буржуазия целиком поддерживала царское правительство. «Русский либерализм выродился в национал-либерализм. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда охотно вотирует за милитаризм и т. п. Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции. Точка зрения РСДРП в этом вопросе целиком подтвердилась. Разбит жизнью тот взгляд наших оппортунистов, будто русский либерализм является еще движущей силой революции в России» [3]). Буржуазия, несмотря на свое стремление устранить правительство Горемыкина, Штюрмера, Протопопова, устранить влияние Распутина, царицы Александры Федоровны и подчинить себе «черный блок», не могла итти на вовлечение масс в свою борьбу с этими силами. Поэтому у нее был единственный путь — путь взаимных уговоров и советов.

Встретившись в первый раз и нащупывая почву для соглашения, представители всех вошедших в блок партий прежде всего поставили вопрос об отношении к верховной власти и правительству. Оказалось, что язык у всех один и тот же. «Сперва надо договориться, что сделать, чтобы уменьшить число врагов. К сожалению, мы все делаем, когда нам набьют морду» (Олсуфьев). Нужна «не петиция о смене, которую предлагает Ефремов, а обращение к патриотизму теперешней власти» (Васильев). «Надо, чтобы правительство во всем составе могло переговорить с участниками (блока), не надо, чтобы попало

---

[1]) Ленин, Сочинения, т. XIV, ч. 1, стр. 9—10.

[2]) Ленин, Сочинения, т. XII, ч. 1, стр. 54.

[3]) Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 111.

в печать» (Оболенский). «Мы согласны с Оболенским и Олсуфьевым, что программа не должна носить ультимативного характера. Мы поступаемся многим — переходим к либерализму. Встать на путь парламентской борьбы, когда война, мы не вступим. Надеемся, что этот блок будет настолько силен, что убедит правительство стать на новый путь» (Львов). [1]). Если же правительство не пойдет на это, то станет необходимостью петиция к верховной власти о создании «министерства общественного доверия», не ответственного министерства, а именно «министерства доверия», на чем настаивали и целесообразность чего особенно доказывали кадеты вместе с националистами.

Итак, переговоры с существующей властью, давление на нее с целью заставить изменить свою внутреннюю и внешнюю политику, компромисс в случае удачи и в другом случае смена правительства при содействии верховной власти и замена его «объединенным» правительством из лиц, «пользующихся доверием» страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы [2]). Цель — 1) организовать победу и 2) борьба с революционным движением.

На таких условиях сошлись представители буржуазно-помещичьих партий Госуд. совета и Госуд. думы в июле 1915 г. Так создался «парламентский», «прогрессивный» блок. В блок вошли «прогрессивные» националисты, центр, левые октябристы, прогрессисты и кадеты. В нем не было представителей крайнего правого крыла думы и совета. Не вошли в него буржуазные демократы (трудовики) и соц.-демократы. Но со стороны меньшевиков и трудовиков создание блока было встречено приветствиями и пожеланиями блоку успешной работы (известен, например, отзыв Плеханова о блоке).

Появлению блока предшествовал, начиная с весны, ряд попыток, направленных к организации соглашения отдельных думских фракций. Так, например, 15 июня 1915 г. фракция прогрессистов, во главе с Ефремовым, организует обсуждение проекта об организации военно-промышленного комитета с участием представителей от остальных фракций думы, за исключением правых и с.-д. 23 июня на совместном заседании кадеты и прогрессисты обсуждают вопрос о тактике в заседании представителей фракций. 18 июля происходит совещание из представителей большинства фракций Госуд. думы. Эти попытки, наконец, привели к созданию блока.

Из партий Госуд. совета примкнули к блоку центр, группа беспартийных и группа академическая. Представители всех упомянутых партий и групп смотрели на свое объединение как на временную меру, вызванную грозными событиями в стране и на фронте. Каждая из этих партий и групп представляла интересы определенного крыла буржуазии и капиталистических помещиков и, при общности классовой основы, имела свои оттенки, порой совсем ничтожные, или, как В. И. Ленин по другому случаю такого же почти объединения выразился: «Одни потоньше, другие погрубее, а делают одно и то же дело». Тем не менее эти оттенки давали себя знать при обсуждении всех вопросов, поднимавшихся блоком, за исключением одного основного — задушить революционное движение в стране. И только грозная опасность последнего удерживала объединившиеся партии и группы от разрыва. По мере того, как в отдельные моменты на фронте и в продовольствен-

[1]) См. ниже текст.

[2]) Из декларации блока.

ном снабжении наступало некоторое улучшение, «самостоятельность» поведения той или иной группы становилась более явной и настоящее лицо умеренного либерала или черносотенца-помещика бывало виднее. Характерно было поведение представителей Госуд. совета, которые не скрывали, что определенная часть членов совета, — та, которая находилась в нем по назначению, — не свободна в своих высказываниях и действиях, особенно когда приближалось 1 января — день назначения новых членов и увольнения, если это потребуется верховной власти, неугодных.

Вся история деятельности блока представляет собой яркую картину сговора «прогрессивной» буржуазии с царизмом и реакционерами за счет трудящихся масс путем компромиссных уступок друг другу. Деятельность блока — показательная страничка в истории контрреволюционного поведения буржуазии и обуржуазившихся помещиков. Эта сущность блока сказывалась не только в период царизма, она ярко сказалась и в 1917 г., когда деятели блока взяли в свои руки руководство государством; сказалась она, наконец, когда государственная власть перешла к пролетариату, и «прогрессивная» буржуазия вместе с помещиками и интервентами вела борьбу с пролетариатом. «Прогрессивный» блок своей деятельностью дал трудящимся Советского Союза яркий образец действительных стремлений буржуазии. С другой стороны, деятельность блока еще раз показывает, насколько права была партия большевиков, все время подчеркивавшая контрреволюционный характер работы буржуазии и буржуазно-помещичьих партий и ее лакеев — меньшевиков, насколько права была партия большевиков, руководившая пролетариатом втечение всего периода до империалистической войны и в годы войны и приведшая рабочий класс к победоносной пролетарской революции.

Велико ли было значение блока? Добился ли он того, для чего был создан его инициаторами (кадеты, прогрессисты)? Результаты деятельности блока были ничтожны. Было много шума, но он не только не смог, даже при помощи меньшевиков, предотвратить пугавшую его революцию, он не смог повернуть и правительственный курс в другое русло. Правительство Распутина, царицы и придворной шайки не пошло навстречу пожеланиям, советам блока. П. Н. Милюков во время своей заграничной поездки в 1916 г. везде в беседах, докладах, под аплодисменты западно-европейских империалистов, рассказывал о значении и силе блока, о его влиянии на внутреннюю и внешнюю политику царизма. На самом деле, влияние блока было чрезвычайно мало. И не потому оно было мало, что были в нем соединены разные группы и партии, а потому, что пролетариат и крестьянство и даже мелкая городская буржуазия шли другой дорогой; царизм, конечно, учитывал это и соответственно с этим поступал.

Публикуемый текст представляет собой записи, сделанные во время заседаний президиума блока и других совещаний одним из лидеров блока П. Н. Милюковым. Последний чрезвычайно тщательно и подробно, как увидит читатель, записывал речи выступавших. Поскольку других материалов в нашем распоряжении не имеется, установить точное число заседаний президиума блока и организованных им совещаний очень трудно; лишь отчасти для этой цели могли служить газетные заметки. Выступления самого блока в Госуд. думе и в Госуд. совете в свое время печатались и известны; о заседаниях президиума блока пресса говорила очень скупо.

Записи сделаны Милюковым карандашом, — только запись беседы с Харитоновым, составленная вероятно, позднее, — сделана чернилами. Текст этих записей публикуется без купюр и изменений. Слова и фразы, подчеркнутые в подлиннике, набраны разрядкой.

Записи хранятся в фонде П. Н. Милюкова. Этот фонд до 1929 г. был частью в рукописном отделении Академии наук СССР, частью в Ленинградской публичной библиотеке. В настоящее время, в объединенном виде, он хранится в Особом отделе Московского центр. истор. архива.

Н. Лапин.

1 [1])

Крупенский. — Идея собрания: открыть Госуд. думе двери вниз в Госуд. совет. Читает из «Речи», из «Колокола». Из речей Бобринского и Маркова 2-го. Какое правительство? Бюрократическое или общественное? Ответственное или выбор председателя, который сам подбирает министров? Третья: три министра без портфеля. Мешает «черный блок» [2]). Они уже провалились. Мешают неведомые силы: Распутин — субсидированная печать — объединенное дворянство (пошло по ложному пути: правительство в правительстве). Посылает только крайних правых и создает искусственное большинство; закрыть субсидированную печать («Голос Руси»).

Ермолов. — Встреча между нами в высшей степени важна. Вредные элементы — согласен, кроме субсидированной прессы. Гадость, но влияния не имеет. «Новое время» важнее и вреднее.

Стахович. — Основной вопрос: согласны ли мы, что оставить правительство собственным силам — разумно и патриотично? Все согласны, но необходимы какие-нибудь силы: в первую голову — палаты. Возможно ли единение двух большинств? Верховная власть — вне нашего влияния; надо влиять на правительство, надо уговориться, как воздействовать.

Гурко. — Нас объединила мысль о победе. Как изыскать способы победы? Толпа нетерпелива. Если бы был месяц назад назначен Гучков [3]), пала бы и его популярность, как падает популярность законодат. учреждений. Что лежит мертвым бревном на пути к победе? Техническая неподготовленность? Несомненно. Но армия этим уже обладала. Если останется прежний командный состав, останется то же. Нужна колоссальная перетряска. Нужно влить новые принципы. Не за тридевять земель от боя. Корпусные командиры в 50 верстах. Войну ведут прапорщики. Какой способ? От военных властей не достигнем. Гражданская власть вынуждена вмешаться в военное дело. Французская республика

прошлого века. Нам нужна такая власть и настолько сильная. Следовательно, наша общественная власть должна обладать исключительной силой. Она должна принять ответственность. Теперь ответственность перекидывается со ступеньки на ступеньку. Эта сильная власть — власть лиц, а не учреждений и законов. Дело в некоем лице, которое возьмет полную ответственность и выберет себе лиц. Надо остановиться на одном лице, популярном. Затем определить способы проведения этого лица. Беда не в том, что пресса субсидируется, а что она глупа. Объединенное дворянство — микроскопическая величина, раздутая противниками. «Ответственный», «полуответственный» — вопросы теории. Единственно, что нас может объединить — определить пути и способы дойти до цели — поставить у руля правления подходящего человека.

Крупенский. — Это возможно только революцией, а не эволюцией. Это антагонисты.

Гурко. — Законодательные учреждения могут, сговорившись, всякое лицо. Решить, что не можем пройти, значит ставить крест. Наметим второе лицо, и будем его проводить. Власть, которая опустит железный занавес, может верховной властью и его [4]).

Оболенский. — На этом пути не будет разногласия, но не будет способов и найти пути. Надо подумать о непосредственных задачах власти. Нужна власть, которой бы верили. Но нужно, чтобы вера оправдалась. Надо знать, что это правительство должно делать. Если все согласны, что центр тяжести в области управления, мы должны найти то, что должны навязать всякому, даже теперешнему. Разберем, что нужно. Возник вопрос о положении евреев в России. Надо настоять, чтобы было сделано. Вероисповедный вопрос в Западном крае. Мы в силах их остановить личным воздействием, запросами. Мне некогда: надо воздействовать на любую власть. Конечно, когда сидит Горемыкин [5]), — увидит волю палат, не останется. Но когда не говорят, в чем дело, — ему неясно.

Гурко. — Совершенно не согласен от А до Z. Путем суфлера управлять нельзя.

Оболенский. — Дело не в суфлерстве. Еврейский вопрос, есть и вопрос законодательный.

Ковалевский. — Расходится с многим, что слышал. Вопрос гораздо сложнее. Дело не в том, чтобы найти провиденциального человека, а поставить на настоящее место настоящего человека. Диктатура, кроме Наполеона и Кромвеля, никогда не спасала. «Организаторы победы» — Ревьель, торговавший Францией, Карно. Надо отправляться от существующего? Есть ставка. Нас глава правительства на-

правлял туда, пожимая плечами. Ружья и снаряды зависят и от министра финансов. Вопрос еврейский. Надо изменить. Есть три месяца, если не будут приняты все возможные меры, то поражение обеспечено. Надо убедить военное министерство, чтобы считалось с Гучковым. В меньшей степени препятствовать спасению отечества, чем теперь.

Я. — О программе.

Ермолов. — Согласен, что надо говорить о программе, а не о лице. Не проваленные проекты должны стать на первую очередь.

Крупенский. — Надо программу-декларацию, чтобы народ не волновался. Но надо предрешить, насколько дума будет заседать [6]). Я был сторонником перерыва, но теперь понял, что это — сигнал спешки. Мы должны сказать правительству: будьте осторожны. Надо, чтобы этого легкомысленного шага не было сделано. У меня сведения по телефону тревожные. Через три недели Россия скажет, что мы пережили черные дни. Не разделяет пессимизма Ковалевского. Законодательные палаты ответственны за то, что говорят: вредное влияние на массы.

Дмитрюков. — Верно сказал П. Н. [7]), что время не терпит. Затронуты многие вопросы, но ближайший — один. Нужна реформа власти. Коренной вопрос в «железной завесе». Как бы мы ни перестраивали власть, нам не отмахнуться от верховной власти. Министерство общественного доверия сможет ли сделать? Оно может уйти. Но есть ли уверенность, что второе правительство будет собрано по тому же образцу? Нужно наделение правительства особыми полномочиями. Диктатура правительства. Нужна ли петиция? Поездка к Горемыкину? Возвещать с думской кафедры программу, чтобы успокоить народ? Да мы сами неспокойны. Вопрос о путях, как этого достигнуть, как довести до верховной власти. Относительно вопроса, чтобы действовали палаты, можно бы и к Горемыкину съездить. Во втором вопросе — петиция Госуд. думы и совета к верховной власти.

Маклаков. — С этих вопросов не стоит начинать. Надо сговориться о вопросах, которые нас разъединяют.

Гурко. — Это гораздо лучше.

Ефремов. — Это меняет положение. Отказывается.

Олсуфьев. — Присоединяется к более умеренной постановке Обленского, Милюкова и Ковалевского. Нужно исполнить то, что нам отмежевано. Нужно сговориться о программе. Без этого странно говорить о лице и требовать продления законодательных учреждений. Мы должны заботиться о победе, но как правители внутренние. Надо приготовить страну даже и к поражению, чтобы неудача не повлекла внутреннего потрясения. Надо уменьшить очаги опасности, внутренних врагов, — тех, с которыми можно помириться. Не можем согласиться

с к.-д., чтобы устраивать земство по законам. О т р и ц а т е л ь н о е: уничтожить ограничения; это посильно (ссылка на Столыпина). Л у ч ш е — в р е м е н н ы й р о с п у с к и статья 87. Сделать исподтишка, без шума. Во всяком случае, это второстепенный вопрос: сперва надо сговориться, что сделать, чтобы уменьшить число врагов. К сожалению, мы все делаем, когда нам набьют морду. Я предлагал амнистию. Кривошеин: это мы сделаем после первой победы, Маклаков — молчал. Польская автономия, когда нас погнали [8]). Если расколотят, — еще больше прав получат эти элементы. Вопрос о с в о б о д е с о в е с т и и а м н и с т и я б е з ш у м а.

Оболенский. — Громадное значение, как будет принята в России государственная тайна. Не осуждайте наперед. Внесите [9]) не пессимистическое отношение.

Шингарев. — Мы подошли к порогу, за которым или лестница или обрыв. Если осуществится, это — беда для России. Все рассыплется. Это факт роковой. В армии обаяния нет. Последнего человека убрали [10]) Приведет к катастрофе, так как ждать улучшения нельзя. Мы не переломим. Мы бессильны. Мы не будем окончательно поражены. Мы должны иметь организованную страну. Уничтожить отрицательные явления — это отрицательная программа. Нужна положительная. Надо сохранить здоровую организацию экономическую. Поток беженцев надо расселить по селам, а там ничего нет. Спешное проведение волостной реформы предупредит анархию. Отрицательная программа должна итти сначала, чтобы очистить атмосферу. Помириться с Финляндией.

Крупенский. — Приветствую заявление Оболенского. Если уедет в ставку [11]), роспуск думы будет катастрофой.

Ефремов. — Новое испытание — все меняет. Если отъезд на-днях, трудно говорить о смене правительства. При этом составе правительства нельзя говорить не только о победе, но и длительном спокойствии. Не о программе, а надо вернуться к с м е н е п р а в и т е л ь с т в а. Настроение по письмам — напряженное. Начнутся взрывы. Виновных называют с величайшей определенностью. «Провиденциального человека» надо з а м е н и т ь к о л л е к т и в о м (Гучков). Тут встанет вопрос о программе. Где гарантии? Обещаний мало: после 17 октября им не верят, надо [12]) подписанная бумага. Смена правительства.

Ковалевский. — Катастрофическое обстоятельство. Но, может быть, облегчит исполнение наших желаний. Отъезд в ставку облегчает требование, чтобы была созвана, с роспуском законодательных учреждений — комиссия н а п о м о щ ь г р а ж д а н с к о й в л а с т и. Нужен состав министерства — почти все на языке.

Гримм. — Это меня удручает еще больше. Безответственный фактор нашей конституции — психология власти — традиции министерской власти. Нет элементарного понятия о программе. Петиция — ничто.

Васильев. — Два пути: законодательная и организационная власти. Соглашается со второй. Не петиция о смене, которую предлагает Ефремов, а обращение к патриотизму теперешней власти. Кто скажет: не можем, уйдут. Уже когда переговоры не приведут... [13]).

Гурко. — Цель — сговориться с Гос. советом — бесполезна: все будет принято, если правительство пожелает. Если поражение будет, ничего организовать не сможем. Должно организовать победу. Техническая задача. В лицах — центр тяжести. Можно дать все свободы — и получить поражение. Правительство проведет реформу — это приложится; вопрос о правительстве объясняет вопрос о программе. Я имею в виду отрицательные меры. Сейчас получите глубочайший раскол, если зададитесь положительной программой. Правительство даст местным силам развернуться. Земский союз силен, — и что не регулируется никакими конституциями, никаких формальностей не нужно будет. В каждом месте силы организуются по своему, как им понадобится. Стать на партийную борьбу.

Маклаков. — Петиция о невозможности отъезда. Надо принять отставку. Если Н. Н., не хочет отпустить Янушкевича и Данилова. Петиция о смене правительства — начало революции. Гос. дума не может указать на лицо. Популярность общественных деятелей потухнет сразу в министерстве, и очень сильна в Гос. думе. Но это правительство стало уже невозможным. Найти людей, которые не имели бы на себе клейма недоверия. Сохранить некоторых, которые еще сохранили доверие (Сазонов, Поливанов) [14]).

2.

Первое заседание у Меллера 14 августа 1915 г. [15])

АМНИСТИЯ [16])

Гр. Олсуфьев. — За исключением террористических актов и изуверных сект.

Гурко. — Гос. совет не признает возможным выпуск на свободу бомбистов. Это бросит в страну бродильный элемент. Как пожелание, не возражает, но исключает уголовные преступления с политической целью. Религиозная амнистия — все то, что касается политическо-религиозных преступлений (пропаганда — принадлежность к учениям).

Гримм. — Амнистия: 1) отбывающих, 2) отбывших, но лишившихся политических прав. Надо последние восстановить (и финляндцы, лишенные на 10 лет права занимать должности в крае, выборжцы, преступления печати).

Оболенский. — Надо поставить: «по возможности», чтобы иметь возможность согласиться с правительством. Не подвергать преследованию безвредных и даже полезных. В зависимости от общественного состояния. В начале войны, даже 19 июля — было бы безопасно. Теперь — трудно предсказать последствия, и правительство должно осмотрительно относиться к последствиям. Поэтому надо изложить довольно неопределенно. Могут наступить такие минуты подъема, при которых все можно забыть (даже и уголовных). Мы должны рассмотреть каждый частный случай. Но заколдованный круг: чтобы мы поверили правительству, оно должно дать амнистию. Известный объем амнистии опоздал, а может быть, опять придет момент.

Савенко. — Присоединяется к Гурко. Процесс 5-ти с.-д. — возмутительная глупость, и глупость, что не амнистированы до созыва. Полное восстановление всех выборжцев.

Я. — Обращаю внимание на судьбу террористов, на моральное действие амнистии; не выкидывайте категории.

Гурко. — Мы не можем говорить в темную с правительством и потом его обвинять, что оно сделало не то, что от него требовали. Отдельные террористы превращаются в святых и в редакторов, и в изобретателей, но это — исключения. Я против «по возможности»; это есть предоставление усмотрению власти. Решать будут десятистепенные чиновники.

Шидловский. — Можем подходить к амнистии, как к акту политическому или акту справедливости. «По возможности» — значит ничего не сказать. Правительству надо раскрыть скобки, и надо иметь более определенную формулу. Всякая неполная амнистия будет понята, как нарушение обещания. По существу, я — сторонник амнистии: две категории — административная и по суду. Первая вся, а во второй — ограничения (общеуголовные преступления). Не ставьте в программу, но при переговорах.

Олсуфьев. — Ближе ко мне, чем к Гурко. Это — прерогатива государя, и всякое зыкание — политическая неделикатность. Это точка зрения политической целесообразности, а не справедливости. Несомненно, что честного фанатика надо убрать; но иногда и террорист, пришедший в дряхлость, — молодой бедовый будет опасен [17]). Никаких формальных признаков. Правительство обязано учредить комиссию для пересмотра всех дел. Можно облег-

чить участь — выпустить на поселение. «Возможно широкая» лучше, чем просто «амнистия».

Оболенский. — Мы ставим общее условие, а его исполнение зависит от момента.

Гримм. — Необходимо выделить депутатов — тут время не терпит. Далее, необходимо соблюдать и справедливость. Оставить в неопределенном виде технически нежелательно. Сохранить формулу (возможно широко), но прибавить: «в частности» и ввести обязательную категорию), «без лишенных прав», «приговоренных к поселению» и т. д.

Ростовцев. — Разделить декларацию (дума, пресса) — детализации не надо — и переговоры с детализацией.

Гурко. — Прекратить прения.

Савенко. — «Выборжцы» не амнистия; нужно специальный указ.

Оболенский. — Если все это будет распространено в прессе, это получит характер ультимативного требования. А это база для переговоров.

Я. — «Коренное» изменение.

Оболенский и *Олсуфьев.* — Возражают: страшное выражение, ослабление власти в военное время.

Шидловский. — Это ходячее выражение в Госуд. думе.

Я. — Надо балансировать части программы; здесь упор, в чем центр программы.

Олсуфьев. — Желал бы либерализма не в русском сентиментальном, а в западно-европейском понимании. Консерваторы – всех хватай, либералы — никого не трогай. Это — обывательский либерализм.

Гурко. — «Коренное» — все знают, все «порядки» известны; присоединяетея к термину. Но важно привлечь больше людей; если термин встретит недовольство в Гос. совете, то потом можно и устранить. С Олсуфьевым согласен, но это вопрос другой: строжайшее соблюдение закона и властью и обывателями. Это есть тоже коренное изменение приемов.

Я. — Согласен изменить потом.

Шидловский. — Мысль совершенно правильная и не дает места возражениям Олсуфьева; во имя усиления власти мы требовали коренного изменения приемов.

Гримм. — Вопрос об устранении двоевластия (ставка и гражданские власти). Предлагает: «с целью создания твердой и закономерной власти».

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС.

Оставить заголовок, как есть, но отдельный пункт в виде оговорки.

Гурко. — Теперь принять о черте — мера временная и исключительная. По совести не может принять ответственности за допущение в Петрограде (по военным соображениям). Шпионство питается этим элементом. Относительно деревень — безразлично.

Оболенский. — Я хочу, чтобы цель правительства была — уничтожение 8 миллионов париев и возможность управлять государством, население возбуждено. Почему не указана отмена ограничительных законов для евреев? Отмена майского закона должна быть сразу (в пределах черты); вопрос о процентной норме сразу разрешить нельзя. Нужно знать, что правительство идет в определенную сторону. «Отмена, по возможности, неразумных ограничений».

Гурко. — Глубочайшая наша ответственность — мы ставим правительство в невозможное положение. Все засилия — русская слабость. Но сейчас мы — в исключительном положении. Надо весьма подробно обсудить всякую отдельную меру. «Россия» говорит разно. Черта оседлости поневоле улетела к чорту. О Москве согласен, но Петроград — вопрос обороны.

Савенко. — Для моих друзей это — центральный вопрос. В настоящее время «черта» переживает пароксизм антисемитизма, особенно в армии. Революция будет сопровождаться еврейскими погромами. Надо стать на путь уступок в еврейском вопросе, нельзя иметь 8 миллионов врагов, надо искать примирения. Нынешнее правительство понимает это и сделало первый шаг. Опасается распространить на деревенскую Россию, боится сразу.

Олсуфьев. — Мы не должны детализировать. Петербург, Москва, Псков — не только евреи, но все беженцы. Признаю оговорку, но стою за общую формулу: вступление на путь дарования общегражданских прав («постепенное уравнение»).

Гурко. — Против восстановления еврейской печати. Предлагает «дальнейшее» и т. д. Какая непременная надобность бежать в столицы? Против сельских местностей не возражает. О процентной норме — уже циркулярами отменена. «Дальнейшие облегчения поступления в школу». «Жаргон» — вопрос особенный. Никто не понимает —цензора плохо понимают, из худших евреев. Только в области военных действий; о чем же говорим? В порядке обороны присоединиться не могу. Это — мелочь.

Оболенский. — Надо указать вехи, и верить правительству, которое скажет: я вступаю на путь отмены ограничений.

ФИНЛЯНДИЯ.

Оболенский. — Общая формула: примирение с Финляндией. Средства — назначение лица, которое бы благоприятно относилось, выбор сената, избегать при применении.

Шидловский. — Не упоминать имени и не советовать неприменение закона.

УКРАИНА.

Савенко. — Мы спорим с Милюковым об «измене». «Украинского движения» нет в Малороссии со времени войны. Есть кружки, «Союз освобождения Украины». Даже в пределах Галичины многие переменились. Но П. Н. поставил вопрос умеренно: не возражаю против печати... [18]).

Гурко. — Согласен с восстановлением печати, но возражает против освобождения заложников и униатов: это среди мер, принятых неправильно.

Шидловский. — Убрать слово «украинский».

Оболенский. — У нас только малороссы. Почему печать была уничтожена. Восстановление украинского государства — чуть не программа мирного договора.

3.

Второе заседание у Меллера-Закомельского 15 августа 1915 г.

ПОЛЯКИ ЗАПАДНОГО КРАЯ.

Гурко. — Четыре основных ограничения + 5-е римско-католическое: 1) служебные права — не допускаются на должности. Война, военные академии — процентная норма; русские служащие — процентная прибавка до 50% оклада; 2) нет земства в 3 губерниях и нет дворянских учреждений; 3) язык — по циркулярам — публичные надписи, на бланках, преподавание в частных школах, вопреки закону; 4) землевладение (1865—1905 — только по наследованию) — только от поляков, — до 60 десятин для промышленных целей. Покупка и аренда казенных земель, оброчных статей, запрещены заповедные имения, Дворянский банк не распространяется, перечисление в другие губернии из Царства польского затруднено или даже запрещено; 5) римско-католическое исповедание.

Оболенский. — Единственно трудный пункт — землевладение. Можно отменить запрещение Дворянского банка. Лучше не поднимать вопроса о запрещении покупки русских земель. Введение земства,

отмена кур. системы — во время войны нельзя. Дворянские собрания и служебные права дать.

Савенко. — Особенно чувствителен, как представитель Юго-западного края. Господствующее течение: это часть большого польского вопроса. Надо решать одновременно, во всем объеме, не выделяя Западный край. Там даем все, в пределах этнографической черты, но чтобы признали Западный край русским. Между тем есть непримиримые поляки: Украина — провинция Польши. Их большинство: — Польша по Днепр. Не возражает против отмены служебных ограничений, дворянских выборов (желательны), но решительно затрудняется относительно землевладения. Среди поляков большое движение к распространению (60 десятин — фиктивные сделки) [19]). Не возражает против уничтожения религиозных ограничений, языка.

Гурко. — Это тоже — мера для социального мира. Как мы формулируем? Кроме землевладения, все остальное — на неправильном или распространенном толковании закона или на циркулярах. Можно сказать, чтобы соблюдался закон. Служба — безопасно: от правительства зависит. Военные академии — после восстания 1863 года. Упразднять привилегии русских — нельзя. Дворянские учреждения — согласен. Земский вопрос — только в порядке законодательном — перенести туда. Изменение положения несвоевременно. Язык — незаконное правительственное распоряжение. В 1905 г. не существовало. Землевладение — нельзя изменить привилегии русских; нельзя изменить и положение поляков. Польша независима, но польско-литовский край в русских руках. Русское землевладение теперь несколько превышает. Нельзя отказываться от результатов. Даже при автономии поляки русских землевладельцев из Польши выкинут. Надо пропустить совокупно, на принципе do ut des.

Оболенский. — Мы не видим и не знаем автономной Польши. Обязана ли Россия обещать все права по землевладению? Есть основания не отменять, ссылаясь на «крепостной район». Возможна фигура умолчания.

Гримм. — Вопрос о землевладении сложный. (Земство — 87 статья). Обще-политические и военные соображения затрудняют. Нельзя применять do ut des. Насколько целесообразно игнорирование?

Я.— А язык и религия? Автономия?

Гурко. — Согласен со мной: надо вставить автономию. Землевладение дает политическую силу. Прусская колонизационная политика не удалась, а нам и думать нечего. Ограничения языка — бессмысленно; религиозные стеснения — пережиток.

Олсуфьев. — Наши враги в Балтийском крае не терпят тех ограничений, которые мы не хотим устранить для наших друзей. Почему мы не боимся там германизации, а здесь боимся полонизации?

Савенко. — «Классового» момента нет. Наоборот: именно многие представители крупного землевладения (Балашов) за польское землевладение. Религиозные ограничения — мы же живем в европейском государстве. Каждое польское имение — цитадель полонизма. Край русский в Киевской губернии 80 г.? Поляки отвечают: а культура польская — это их имения. Надо списать с империи Габсбургов и списать с Галичины автономию.

Гримм. — Нужно объединяющее резюме.

Я. — Относительно Балтийского края — демократизация населения, а в Западном крае — «помещики».

Олсуфьев. — «Облегчение приобретения земельной собственности».

Гурко. — Русские не в силах были бороться с баронами, хотя и опирались на латышей. Надо неприменение ограничений, введение земства, а о землевладении не упоминать.

Оболенский и *Меллер.* — Вы не определите, что такое поляк.

Соглашаются на предложение Оболенского — «пересмотреть законоположения» о землевладении.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ.

Олсуфьев. — Выразиться сильнее.

Оболенский. — Не вводить при помощи толкований («порядок перехода в католичество»).

Савенко. — Не возражает.

Гурко. — «И упразднение циркуляров, последовавших в ограничение и извращение смысла указа 17 апреля 1905 года».

МЕРЫ О РАБОЧИХ. — Приняты.

Гурко. — Разделите программу на две части — немедленно осуществимую и начатую рассмотрением, связанную с войной и победой — и независимо от сего тотчас же приступить.

Шидловский. — Несогласен с явочным порядком организации волостных земств. Разделение на две категории не принесет желанных результатов. Важный факт победы — настроение населения. Разделение не будет понято. Занесение в программу есть доказательство, что признана потребность.

Гурко. — Скажите во введении, что хотите организовать тыл как для ведения войны, так и для удовлетворения сознанных потребностей.

Савенко. — Хотя волостное земство имеет отдаленное отношение к победе, но нужно подчеркнуть внутренний мир. Кадеты говорят: дайте нам это, как оружие, чтобы вести за собой массу. Надо сказать окраинам, что ими заняты.

Я. — Согласен ввести в мотивировку аргументы Гурко.

Ростовцев. — Делить — неудобно с тактической точки зрения.

Оболенский. — Гурко сказал, что члены совета все пропустят. Но, если будут проекты, при войне ненужные,— другое дело. Основной вопрос — во время войны — широкая законодательная программа — и скорее об участниках волостного схода.

Гурко. — Порядок: 1) объединенная власть, 2) облегчение деятельности общественных сил, 3) социальный мир (и национальные вопросы и амнистия), 5) необходимо уничтожение двоевластия, 5) законодательство (помощь правительственному прохождению).

4.

Программа блока [20])

Нижеподписавшиеся представители фракций и групп Гос. совета и Гос. думы, исходя из мысли, что 1) только сильная, твердая и деятельная власть может привести отечество к победе и 2) что такой может быть лишь власть, опирающаяся на народное доверие и способная организовать активное сотрудничество всех граждан, пришли к единогласному заключению, что только соблюдение нижеследующих (минимальных) условий может дать власти эту силу и обеспечить это сотрудничество.

Оболенский. — Подипломатичнее, для переговоров с властью.

Ковалевский. — Без «соблюдения».

Гурко. — Ничего условного: наша мысль должна быть ясна; за «только», но против «минимальных».

Шебеко. — «Без согласования деятельности правительства с нижеследующей программой».

Шульгин. — Привести к единению власти со страной и...

1) Создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы.

2) Решительное изменение применявшихся до сих пор приемов управления, основывавшихся на недоверии к общественной самодеятельности, в частности: а) строгое проведение начал законности в уп-

равлении. б) Устранение двоевластия военной и гражданской власти в вопросах, не имеющих непосредственного отношения к ведению военных операций. в) Обновление состава местной администрации. г) Разумная и последовательная политика, направленная на сохранение внутреннего мира, и устранение розни между национальностями и классами.

Для осуществления такой политики должны быть приняты следующие меры, как в порядке управления, так и в порядке законодательном.

1) В путях высочайшего милосердия освобождение от наказания и восстановление в правах лиц, осужденных за чисто политические и религиозные преступления (не отягченные преступлениями общеуголовного характера), и смягчение участи остальных осужденных за политические и религиозные преступления [21]).

Крупенский и *Олсуфьев*. — «Ходатайство перед высочайшей властью о частичной амнистии».

Савенко. — Это не соответствует решению комиссии.

Оболенский. — Мы в думе имели в виду частичную амнистию. Если хотите дела, то скажите: «ходатайство о частичной амнистии», не детализируйте статей уложения. Бомбистам — некоторым — смягчение участи.

Гурко. — С условием, что здесь убийцы и экспроприаторы не включаются. Против слова «частичная» амнистия, которая может иметь значение не категорий, а выбора отдельных лиц и против «ходатайства», лицо монарха вне суждения. Предлагает: «за исключением лиц, осужденных за то-то и то-то».

Гримм. — Поясняет цель формулировки.

Дмитрюков. — Сказать «частичная амнистия» и точка.

Я. — Крайний предел. Точно отвечает решению комиссии (*Оболенский* подтверждает).

Гурко. — «Перечисленные в таких-то главах», а не в скобках и притом осужденные.

Ефремов. — Амнистия — акт примирения; мы не можем пойти дальше формулы А. Ф. Кони. И то сомнительно, достигнет ли эта формула результатов — т. е. впечатления.

Я. — Документ направлен к массе, а не к правительству.

2) Возвращение высланных в административном порядке за дела политического и религиозного характера.

3) Полное и решительное прекращение преследований за веру, под какими бы то ни было предлогами, и отмена циркуляров, последовавших в ограничение и извращение смысла указа 17 апреля 1905 года.

4) Одновременно с разработкой законопроекта об автономии Царства польского и его немедленным внесением в законодательные учреждения устранение ограничений в правах поляков и пересмотр действующих узаконений о польском землевладении.

Мейштович. — Разделить автономию и уравнение в правах. Ограничения введены «до усиления русского землевладения», которое усилилось теперь достаточно, а кроме того поднялось сознание населения. Поляки — граждане II-го разряда. Ограничение конкурентов уменьшает цену русских имений. Русско-польское соглашение делает неизбежным уравнение в правах.

Шебеко. — Отмена всех ограничительных распоряжений и циркулярных постановлений относительно поляков на всем пространстве России.

Шульгин. — Нельзя разъединять. Поляки себя не разделяют, и мы понимали целиком весь польский вопрос. Взаимные уступки у вас и у нас.

Оболенский. — Все стеснения во всей России отменить, а о землевладении — единственный вопрос, к которому относятся сомнения, пересмотреть. Против немедленного внесения, но не дожидаясь конца войны, чтобы не было международного вопроса. «Пересмотр» покрывает разногласия.

Шебеко. — Если ограничить права русских в пределах автономии, то можно отвечать так же, но мы не думали ограничивать.

Мейштович. — Не может быть «примирения» (воззвание главнокомандующего), если не будут отменены исключительные законы.

5) Вступление на путь отмены ограничительных законов для евреев, в частности, дальнейшие шаги к отмене черты оседлости, процентной нормы в учебных заведениях и стеснений в выборе профессии. Восстановление еврейской печати [22]).

В. Львов. — Надо потихоньку указывать правительству, а не открыто. Принимаем условно, может быть, согласимся.

Крупенский. — Несвоевременно. Фракции не было.

В. Бобринский. — Согласны, но не можем подписать.

Шульгин. — Черта снята, процентная норма допустима, но человек 12 нашей фракции не согласились. Тут не толпа; невозможно, когда люди умирают с чувством антисемитским. Ответим в целом, не связывайте сейчас.

Гурко. — Не подводите правительства, говорите открыто, если верите в то, что говорите.

Оболенский. — В этом $^3/_4$ значения всей программы — это нужно для кредита, для значения России.

Дмитрюков. — Фракция согласна. Замалчивать нельзя. Теперь этот вопрос неопасен. В стране отлично уживаются.

Шидловский. — Фракция принимает весь документ, как minimum.

Я. — После моего заявления: разойдемся.

Бобринский. — Если мы не согласимся, то не все пропало. По этому пункту согласны такие-то фракции, которые составляют большинство. Мы не возражаем, и, если правительство внесет, vi coactus мы стоим нейтрально, может быть, мы еще убедим фракцию.

Гримм. — Это maximum уступок и conditio sine qua non. Мы желаем вступления России на путь правового государства. Неупоминание — есть непризнание этого принципа.

Гурко. — Несогласен на частичное присоединение графа Бобринского. Это сгубит все дело. Молчание — cum tacent clamant. Их откол в этом деле — есть крушение всего.

Ковалевский. — Приехал из русско-американской палаты. Американцы ставят условием свободный приезд американских евреев и ряд других вопросов.

6) Примирительная политика в финляндском вопросе, в частности перемены в составе администрации и сената, прекращение преследования против должностных лиц.

7) Восстановление малороссийской печати, освобождение из тюрем и возвращение из ссылки духовных лиц, сосланных за принадлежность к униатству и пересмотр дел о сосланных жителях Галиции.

8) Восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследований представителей рабочих в больничных кассах по подозрению в принадлежности к нелегализированной партии. Восстановление рабочей печати.

9) Соглашение правительства с законодательными учреждениями относительно скорейшего проведения следующей программы законодательных работ, направленных к организации страны для содействия победе и к поддержанию внутреннего мира: изменение Земского положения 1890 года; изменение Городского положения 1892 г., введение волостного земства, введение земских учреждений на окраинах, как-то: в Сибири, Архангельской губернии, Донской области и на Кавказе, Прибалтийском крае и т. д. Закон о кооперативах. Отдых торговых служащих. Улучшение материального положения почтово-телеграфных служащих. Утверждение трезвости навсегда. О земских и городских союзах. О переходе из одного вероисповедания в другое. Устав о ревизии. Введение местного суда в тех губерниях, где введение его приостановлено по финансовым соображениям. Осуществление законодательных мер, в которых может встретиться необходимость при выполнении намеченной выше программы деятельности.

НАЗНАЧЕНИЕ ДОКУМЕНТА [23]).

Стахович. — Затвердить, проведя через фракции и группы. Потом передать председателю Совета министров, или ответ на его декларацию, или что-нибудь в этом роде.

Шидловский. — У Горемыкина возник вопрос, и я ответил, что по окончании разработки доставлю. Отклоняю от себя полномочие говорить с Горемыкиным (с кабинетом, весь блок, быстрота).

Оболенский. — В каком качестве Госуд. совет? Важен успех. Надо, чтобы правительство во всем составе могло переговорить с участниками; не надо, чтобы попало в печать.

Крупенский. — Не стоит Горемыкину, а говорить с объединенным кабинетом или с новым главой, или в виде депутации, или ответ на декларацию.

Гурко. — Не осведомлять частным образом Горемыкина. Может быть предпринято давление на некоторых членов Гос. совета, чтобы не обсуждать. Надо обсудить вне внешнего давления.

Оболенский. — Лучше, если бы действовал Гос. совет с Гос. думой. Многие, не входящие в блок, могли бы присоединиться. Лучше ли присоединить большее количество, но с изменениями?

Гурко, Львов, Крупенский. — Это невозможно; никогда не кончим.

Оболенский. — Спорные два пункта: амнистия и... [24])

Ковалевский М. — Мы потеряем время, если через 4—5 дней не решим. В Гос. совете — вавилонское столпотворение.

Шингарев. — Мы должны рассчитывать не на Гос. совет, а на правительство.

Ефремов. — Фракция решила: не к председателю Совета министров, а непосредственно путем депутации к монарху. Мы не подпишем документ для подачи Горемыкину.

Стахович. — Важно большинство Гос. думы и чтобы дошел до правительства. Все остальное приложится. К монарху нельзя итти мимо правительства.

Васильев. — Передать вопрос на решение фракций.

Гурко. — Документ должен быть передан правительству, а не верховной власти. Это не петиция царю, а шаг законодательных учреждений.

Я. — Мы в первой думе смотрели так же.

Львов. — Это основание для блока, и документ есть акт большинства к правительству — не к сведению. Если будет отказано, большинство будет в резкой оппозиции к празительству.

5.

Заседание 22 августа у Меллера-Закомельского.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ФРАКЦИЙ.

Дмитрюков. — (Земцы — октябристы). Снято «ограничительный закон», а — «ограничений». «Лиц»; исключить последний абзац.

Львов. — Все пункты мы считаем нашими, за исключением 1, 5, 7, 8, но не возражаем в силу необходимости (мотив голосования). Под условием, чтобы программа не носила ультимативного характера правительству, а только пожелания. 1 п. только — не предпосылки, а следствие всего исполнения программы. Не для оглашения в печати (чтобы не имело характера декларации). Если будет оглашено, не можем присоединиться. Для предъявления правительству, на предмет соглашения. Чтобы не было официально объявлено от блока в печати (а частным образом может появиться в печати).

Крупенский. — Мы можем и изменить после беседы с объединенным правительством и тогда можно опубликовать от имени блока. Имею полномочие от Горемыкина: просить от объединенного правительства, чтобы вошли в разговоры. Официально: кабинет делает предложение блоку. Окончательное решение (амнистия), мы не можем дать ответа. В субботу государь вернется, кабинет обсудит и будет готов нас слушать. На некоторые пункты скажут: без санкции государя не можем.

Савенко и *Бобринский.* — Мы примыкаем.

Капнист. — «Ограничительных распоряжений».

Я, Гурко, Дмитрюков. — Возражают.

Оболенский. — Меня защищает, понимая, что тут намек на 87 статью.

Гримм. — (В пунктах 3—6.)

Оболенский. — Поставить после пункта 8.

Дмитрюков. — Особый пункт 10.

Решают поставить 9-м пунктом. Октябристы, посоветовавшись: оставить на последнем месте, переставив последние слова: «При выполнении в порядке управления».

Меллер. — На соединенном заседании трех групп (довольно немногочисленном) рассмотрели. Возражают против «нижеподписавшиеся и т. д.». Подписей отдельных лиц много не соберем вследствие определенного характера (двойного) Госуд. совета. Члены по назна-

чению, в громадном большинстве, не считают возможным принимать личное участие в петициях и других выступлениях. Но в безличной форме «программа за подписями многих членов Гос. думы, рассмотренная в таких-то группах, принята».

Все. — Это и сказано.

Оболенский. — (Назначенный). Мы должны действовать от своей коллегии (тожественную бумагу), но не подписывать совместный акт, так как единицы «соединенных учреждений» не существует легально. Мы не должны при этом придерживаться словесного выражения.

Я. — Это тот же самый текст?

Оболенский. — Мы, может быть, изменим ту или другую постановку вопроса. Известная перефразировка не только не роняет значения документа, но поднимает.

Я. — Вы говорите только от назначенных или всех?

Оболенский. — Следовало бы всем.

Гурко. — Я ушел в убеждении, что большинство идейно приняло всю программу. Оказывается, я ошибался. Вопрос 1-й о большинстве, которое поддерживает, 2-й о немедленности присоединения. Гос. совет в периоде переизбрания. Многие, которые входят в правительственный центр, и правые будут заменены более левыми к октябрю. Сейчас большинство не соберете, но это не имеет значения. Правительство должно знать, что имеет группу, которая всецело примыкает. Надлежало бы, чтобы соединенные совещания трех групп, приняв, уполномочили одного председателя совещания подписать. В группе беспартийных председатель по назначению, но там большинство примыкает к программе. «Соединенное совещание, обсудив ...., к ней примкнуло значительным большинством» [25]). Следующий шаг: кого-нибудь делегировать для разговора с правительством, отдельно или вместе. Признает ли Оболенский допустимым?

Оболенский. — Не могу различать назначенных от выборных: по закону мы менее сменяемые. Благодаря «1 января» я и независим. Я не связан, меня можно устранить. Если мы желаем то же, что дума, можем заявить; но явиться вместе с Гос. думой — неудобно относительно товарищей, так как действие всетаки антиконституционно. Способ присоединения — за язык не тяните. Для успеха вашего дела... [26]) не нужно. У нас рассматривали en bloc.

Васильев. — Способ присоединения — широкий, но в документе ничего нельзя менять.

Ковалевский М. — Мое общее впечатление согласно. Это было «вавилонское столпотворение», но, по мере ухода, в связи с усталостью, это привело к решению не рассматривать по пунктам. Не приставайте с формальностями: терпеть не могут подписывать фамилии. Для них нет сомнений, что то, что прямо не сказано, — не разрешено. Препятствий не встретите, но тоже и деятельной поддержки. Вместе с вами к Горемыкину не пойдут. Неудобно сказать — уходите. Совместное действие — беззаконие. Но «высокое собрание» на вашей стороне. Скрепа преседателя объединенного собрания хороша, но и ограничьтесь этим.

Меллер. — Не сомневаюсь, что получу полномочия подписать.

Ковалевский. — Нас попросит правительство притти — именно председателя.

Гурко. — Программа не должна быть изменена. Надо решить, кто будет представителем. Нужно нескольких.

Бобринский. — Если Гос. совет изменит, наша подпись недействительна. Значит, договор не совершился.

Меллер. — Не беспокойтесь, но нельзя говорить, чтобы ни одной иоты не изменяли.

Гримм. — Мы согласны подписать, но если будет признано удобным подписать председателю блока, согласны. Но ни один пункт не может быть исключен.

Крупенский. — Есть первые шаги — С. И. Шидловский, — но если и члены Госуд. совета согласны, то мы одновременно соберемся. Совместно будет сильнее. Полномочия получат фракции [27]).

Олсуфьев. — Согласен с характеристикой Ковалевского. Это была «сходка», по выражению Коковцова. С 35 человек упало до 15—20. «Мы нижеподписавшиеся» — будет самозванством. Относительно совместного выступления — против. Дума и Госуд. совет должны выступать отдельно. Совместное выступление не совсем законно. Отпора не встретит. Поддержки деятельной — тоже. Все зависит от соглашения с правительством.

Ефремов. — Что есть этот документ? Надо сперва решить, а потом, что с ним делать? Если это протокол совещаний, я подписываю. К резолюции присоединяюсь. Весь текст обсуждался дважды: не все нравится, не все, от слова и до слова, фракция приняла. Мы считаем обязательным поддерживать, но не можем поддерживать все проекты дословно. Детали подлежат новым обсуждениям. Что с ним делать? Напомню, что еще в мае прогрессисты настаивали на созыве Гос. думы, чтобы обратиться к государю, как мы понимаем; не к правительству, а непосредственно к верховной власти.

И у Контана — я сказал это. Для нас принятие программы есть условие для кабинета, нужна его смена и ответственность перед нижней палатой. Только министерство, пользующееся доверием, но и оно не будет пользоваться в кредит. Нужна заранее вера, что лица обещающие способны осуществить. Мы согласны на величайшую мягкость, имея ввиду обращение к верховной власти, и под этим условием считали возможным отделиться от левых. Но мы считали необходимым пригласить их и от них самих выслушать отказ. Вчера фракция решила: если это документ, направленный к правительству, то фракция своих подписей не даст.

Оболенский. — Это есть основание для соглашения с правительством, а не ультиматум. Гос. совет должен воздействовать на правительство ввиду грозного положения. Безумие — отвергать обеспеченное положение, которое вам дают думцы. Для этого надо действовать отдельно.

Стахович. — Правительство ответственно перед обеими палатами (ссылка на Ковалевского). Монарх дал конституцию; зачем же вы обращаетесь к нему, а не к правительству? Вы изобретаете предлог.

Крупенский. — Мы решили притти к результатам сегодня. Госуд. дума уже решила, а в Гос. совете — не так. Если правительство не сойдется, то Госуд. совет, может быть, не пойдет совсем. Поддержка 10 каких-нибудь членов для нас меняет дело. Я внесу во фракцию, и она, может быть, скажет: нет, мы не идем. От прогрессистов большой удар: у Контана мы говорили. На петицию я не пойду. Если прибавить опубликование, то это полный крах.

Ковалевский. — Я придавал большое значение нашим собраниям, и часто еще в I Думе я проектировал блок, сходящийся в ближайшем, в платформе. Палаты всегда будут выступать отдельно. В Англии ни одного акта совместного. Мы признаем эту программу, и общий дух отвечает нашему направлению. Если хотите достигнуть очень важного результата, то обратитесь с актом соглашения к правительству, причем можем сказать, что соглашение вызывает сочувствие весьма значительной части верхней палаты. Это обращение к правительству, а не к монарху: the king can do no wrong [28]). Не могу придумать менее конституционного акта, чем обращение к монарху. Монарх может отослать к ответственному и солидарному правительству. Вы напишите заголовок: «Соглашение». Лица, входившие в переговоры, по вашему полномочию внесут этот акт правительству. Если правительство пожелает убедиться, мы получим полномочия от значительного большинства наших товарищей.

Ефремов. — Не предлагаю теперь ответственного министерства, а объясняю нашу точку зрения. Сегодня мы были свидетелями передачи записки государю. И под «соглашением» я подписываюсь. Но препроводительную бумагу мне фракция запретила подписывать.

Ковалевский. — На что нужна препроводительная записка?

Шингарев. — Записку передавал я; как будто это в порядке петиции. Это не так. Были заявления комиссии, что надо довести до сведения государя о непорядках, где монарх является вождем армии. Через военного министра я получил разрешение, а не помимо власти обратился.

Львов. — Мы представители политических партий, которые имеют дело с правительством.

Я. — Документ теперь существует, независимо от употребления.

Бобринский. — Ефремов согласен подписать, но не хочет итти. Согласен ли он, чтобы было предъявлено?

Ефремов. — Дальнейшее меня не касается. Подлинник должен храниться у нас.

Бобринский. — Мы должны говорить все солидарно, от имени всех. Мы должны сказать: вот, что мы требуем. Если вы чувствуете силу, попробуйте осуществлять; если нет, то нет.

Шидловский. — Мы против обращения к монарху. У Горемыкина мы говорили, что программа — в работе. Я не возражал против осведомления его. Горемыкин спросил: желаете ли вы пленум Совета министров? Мы отвечали, что не сглазу на глаз. Необходимо подписать документ. И без членов Гос. совета. Должно быть доставлено правительству. От него зависит, какое назначение. Если захотят устных объяснений, то первое объяснение касается их самих. Самый факт написания этих пунктов освобождает нас от деликатного разговора. Мы от них очной ставки не требуем, потому что считаем неподходящими,— но не отказываемся.

Крупенский. — Горемыкин сказал мне сегодня, что соединенный кабинет желал бы говорить. Мы считаем возможными уступки и даем подписи provisoirement для переговоров с правительством. Мы не хотим, чтобы было напечатано, что центр и к.-д. так-то мыслят. «Уходите вон», когда вы приходите с программой,— не реальная политика. Я теперь должен сказать фракции, что гарантировать участие Гос. совета не могу.

Савенко. — Не так понимал документ, как Милюков. «Соглашение» — пусть. Но всякое соглашение налагает обязательства. Мы принимаем массу их на себя. А другие — левее земцев — октябристов? Никаких. П. Н. Милюков не откажет в поддержке Керенскому или

Чхеидзе. На время войны или дольше — оно должно связывать обе стороны. Они принимают обязательства — не поднимать других вопросов. Иначе — соглашения нет. Нам открыто говорят: нет будем поддерживать революционные выступления.

Оболенский. — Соглашение относительно способа управления относится к 3-му. Это не внутренний факт. Это обязательство поддерживать правительство, если оно на этом остановится. Правительство, которое условится действовать так, будет поддержано думой. Или нужно правительство известного калибра? Мы говорили вначале о всяком данном правительстве. Вопрос, годитесь ли вы, — позднейший. Если Горемыкин скажет: это моя программа, мы можем спросить: как совершится этот внезапный переворот? Они могут предложить программу, покрывающую на лучшую. Нельзя ставить ультимативно, хотя бы для того, чтобы говорить. Мы должны убедить правительство ухватиться за это, иначе харакири. Если мы не сплотимся с правительством, немцы нас победят. Достигнуто некоторое среднее понимание Гос. думы, которое будет поддержано Гос. советом.

Ефремов. — Мы предпочитаем обратный путь. Пусть правительство создаст свою программу и обратится к законодательным палатам. Совершенно бесполезны всякие переговоры с теперешним правительством. Горизонты Милюкова заманчивы: я бы согласился пойти и сказать: вон, очистите место для общественных деятелей! Я согласился бы смотреть, как на ультиматум. Но предъявлять ультиматум, а потом—..? Нет, бесцельно и вредно итти. Пусть соглашение скорее получит огласку.

Ковалевский. — Возникли вопросы тактики в думе. В них я не вправе входить. Но так как действуем согласно, то скажу, как мне рисуется выступление, к которому мы можем присоединиться. Нет примера, чтобы притти к правительству и сказать: убирайтесь! Возможно в парламентарных странах. Мы можем сказать: если будете проводить, не встретите противодействия; иначе мы всегда будем вотировать против вас.

Шульгин — расходится с Крупенским. Мы исходим из предположения, что правительство никуда не годится. Мы должны давить на него блоком в 300 человек. Если же Крупенский говорит, что мы только тогда мы, когда сговоримся с правительством—у вас во фракции работает правительственная рука. Мы должны познать себя. 1-й вопрос: что такое мы? Мы не знаем взаимных отношений. Есть ли право vet o?

Крупенский. — У нас левое крыло.

Шульгин. — Имеем ли право предпринять важный шаг без предварительного согласия? Если мы — прочное соглашение, тогда идем к правительству.

Савенко. — Мы принимаем независимо от отношения правительства, но как добрый совет, а не ультиматум. Если правительство не внемлет, мы пойдем своей дорогой. Но если не ультиматум, не может быть опубликовано до соглашения с правительством. Нужно расшифровать, что значит не поддерживать черногоблока и не поддерживать революцию.

Шингарев. — Если дело стоит, как сказал Крупенский, то не знаю, можем ли мы разговаривать. Боюсь, что и политические партии обречены на опоздание, как правительство. Мы должны сказать правительству, и это должен быть ультиматум. «Добрых советов» — правительство не слушает.

Львов. — Соглашение будет обязательно, раз подпишем. Но другое дело: практический результат. Для внутридумской работы — это хорошо. Но управление не от нас зависит? Мы согласны с Оболенским и Олсуфьевым, что программа не должна носить ультимативного характера. Мы поступаемся многим — переходим к либерализму. Встать на путь парламентской борьбы, когда война, мы не вступим. Надеемся, что этот блок будет настолько силен, что убедит правительство вступить на новый путь. Иначе — перед нами пропасть, в которую мы не пойдем, и блока не будет.

Шидловский. — Вы, следовательно, в минуту опасности выходите из блока?

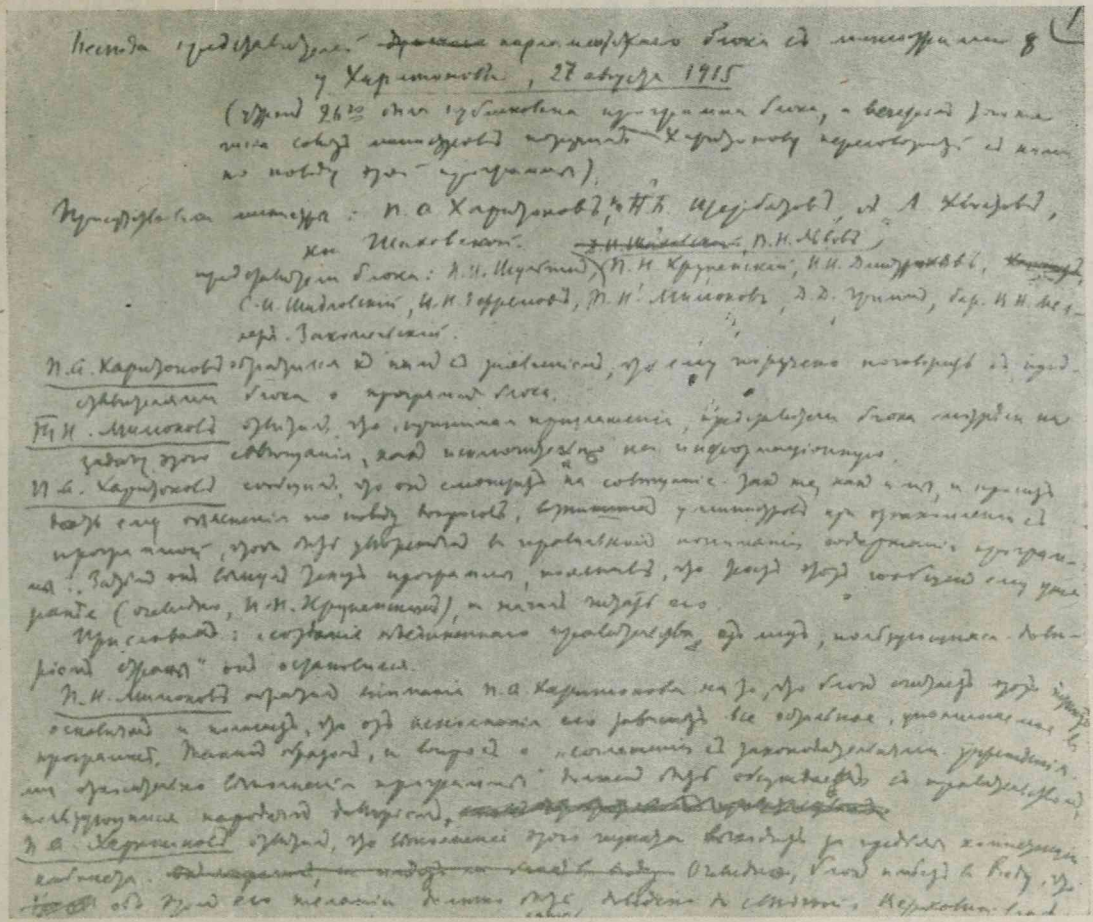
Стахович. — Зачем мы 4 вечера говорим для какой-то petit jeu?

Львов. — Уступки должны быть коллективно обсуждены. С правительством вступает в переговоры блок. Если компромисс будет неприемлем, то... Если чисто общественное министерство, то вся программа; иначе — компромисс.

Олсуфьев. — Мы фактически проводим парламентское министерство. Отсюда секрет. Если правительство не примет, — никаких революционных последствий. Пусть правительство распустит думу. Но 5-я дума будет радикальнее.

Бобринский. — Они обойдутся без думы.

Олсуфьев. — Это уже их дело.



Запись беседы представителей парламентского блока с министрами 27 августа 1915 г.

6.

Беседа представителей парламентского блока с министрами у Харитонова 27 августа 1915 года [29]).

(Утром 26 была опубликована программа блока, и вечером того же числа Совет министров поручил Харитонову переговорить с нами по поводу этой программы).

Присутствовали министры: *П. А. Харитонов, кн. Н. Б. Щербатов, А. А. Хвостов, кн. Шаховской.*

Представители блока: *В. В. Шульгин, В. Н. Львов, П. Н. Крупенский, И. И. Дмитрюков, С. И. Шидловский, И. Н. Ефремов, П. Н. Милюков, Д. Д. Гримм, бар. В. В. Меллер-Закомельский.*

П. А. Харитонов [30]) обратился к нам с заявлением, что ему поручено поговорить с представителями блока о программе блока.

П. Н. Милюков ответил, что, принимая приглашение, представители блока смотрели на задачу этого совещания, как исключительно на информационную.

П. А. Харитонов сообщил, что он смотрит на совещание так же, как и мы, и просит дать ему объяснения по поводу вопросов, возникших у министров при ознакомлении с программой, чтобы быть уверенным в правильном понимании содержания программы. Затем он вынул текст программы, пояснив, что текст этот сообщен ему уже ранее (очевидно, Крупенским), и начал читать его. При словах: «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны», он остановился.

П. Н. Милюков обратил внимание Харитонова на то, что блок считает этот пункт основным и полагает, что от исполнения его зависит все остальное, упоминаемое в программе. Таким образом и вопрос о «соглашении с законодательными учреждениями относительно выполнения программы» должен быть обсужден с правительством, пользующимся народным доверием.

П. А. Харитонов ответил, что выполнение этого пункта выходит за пределы компетенции кабинета. Очевидно, блок, имеет ввиду, что об этом его желании должно быть доведено до сведения верховной власти.

П. Н. Милюков и *И. Н. Ефремов* подтвердили, что именно так они и смотрят.

П. А. Харитонов заявил, что он доложит Совету министров об этом желании блока, и продолжал читать программу.

Кн. Н. Б. Щербатов [31]) при словах «строгое проведение начала законности в управлении» заметил: русский народ по существу беззаконник. К нему, Щербатову, постоянно обращаются с просьбами об

изъятиях и о нарушении закона. Последние постановления земств и городов также несомненно выходят из рамок закона.

П. Н. Милюков отметил в словах министра отражение славянофильского взгляда, по которому, согласно словам поэта Алмазова, широкая натура русская не признает юридических начал. Во всяком случае, власть ничего не делает для приучения населения к законности. Напротив, коренное зло русской жизни заключается в усмотрении и произволе, которые тем более давят слабого и услуживают, не считаясь с законом, сильному, чем ниже мы спускаемся по лестнице администрации. Такой режим беззакония поддерживает анархическое начало русской жизни, и не население виновато, если для выражения его законных желаний не находится строго законных форм. До резолюций съездов общество доведено теми «приемами управления», на отмене которых настаивает программа блока. Но, в отличие от 1905 года, теперь в русской жизни имеется среда, которая может противопоставить соблюдение законности — как беззаконию справа, так и беззаконию слева. Программа блока впервые в русской жизни объединила все общественные течения, стоящие за законность. Но цели своей парламентский блок не может достигнуть выполнением одной законодательной программы. Суть вопроса о восстановлении внутреннего мира все-таки находится в сфере управления. Говорят, например, много «о свободах». Но что может сделать законодательное проведение «свобод», когда даже существующие «временные правила» о них совершенно не соблюдаются? По поводу «устранения двоевластия» П. Н. Милюков, поддержанный другими депутатами, заявил, что при жалобах думы на злоупотребления она постоянно принуждена выслушивать ответ, что то или другое не зависит от них, а от военных властей. В эту сферу входит ряд вещей, составляющих неотъемлемую принадлежность гражданского управления. «Двоевластие» перепутывает установившиеся отношения и содействует расстройству внутреннего порядка.

Кн. Щербатов по поводу «обновления состава местной администрации» заметил, что правительство уже встало на этот путь, и что десяток министров [?], уволенных в течение месяца, кажется, цифра немалая.

Депутаты отвечали, что они впервые слышат о такой цифре смененных, что некоторые из вновь назначенных не удовлетворяют назначению и что вообще для политического эффекта меры надо бы было отставлять не потихоньку, а демонстративно и не пересаживать в Сенат, а отпускать с внешними знаками немилости. Демонстративная отставка одного губернатора может сделать больше, чем распыленная таким образом мера.

Кн. Щербатов ссылался на трудность выбора кандидатов в губернаторы.

Переходя к списку мер, необходимых для осуществления политики внутреннего мира и устранения розни между национальностями и классами, *П. А. Харитонов* остановился на статье 1-ой. Прежде всего он заметил, что здесь, очевидно, подразумеваются в ы б о р ж ц ы.

Дмитрюков, Шидловский, Гримм ответили, что далеко не одни выборжцы устранены от политических и сословных выборов, потому что «судом не оправданы». В таком же положении находится Колюбакин. Пользование этой статьей является оружием политической борьбы в руках правительства, особенно в предвыборное время. Уголовные преступники исключены из помилования, равно и изуверные секты; исключены и террористы и экспроприаторы.

А. А. Хвостов [32]) заметил, что он каждую неделю по частным ходатайствам представляет к помилованию до 10 осужденных.

Депутаты ответили, что здесь разумеется не частная мера, а общая, не в порядке ходатайства, а в порядке политического акта забвения, каковой обыкновенно сопровождает крупные общественные переломы. Словом, речь идет о б а м н и с т и и.

П. А. Харитонов подчеркнул, что министрам важно знать, что здесь разумеется общая амнистия.

Депутаты поправили: не общая, а частичная, но в качестве коллективной меры.

И. Н. Ефремов заметил, что в программе блока, видимо, по ошибке выпала часть этого отдела, говорившая о помиловании 5 депутатов с.-д. и восстановлении их в правах депутатов. Это надо было сделать еще до созыва думы.

П. Н. Милюков подтвердил, что пункт этот был и оказался выпущенным по ошибке.

А. А. Хвостов сообщил, что у него был А. Ф. Керенский и грозил ему скандалом с кафедры Гос. думы, если в три дня он не решит дела в пользу депутатов. Он рассмотрел, вместе с Керенским, его черновые заметки и подробно ознакомился с подлинным делом. Его впечатление после всего этого, что суд не совершил ошибки. Он основывается на тексте, принятом депутатами, который, по его мнению, уже заключает в себе криминал. Однако он готов был ходатайствовать о помиловании и просил лишь Керенского, чтобы осужденные прислали телеграфное заявление, что в самом деле осуждают «пораженчество». Керенский от этого отказался.

П. Н. Милюков обращает внимание на трудное моральное положение, в которое министр поставил депутатов своим требованием. Купить помилование путем формальной ретрактации хотя бы таких взглядов, которых осужденные не разделяют, — политически невозможно: это равнялось бы для депутатов с.-д. политическим самоубийством, кото-

рого нельзя от них требовать. Притом амнистия по существу не есть пересмотр приговора по каким-нибудь новым обстоятельствам, а прощение вины.

Депутаты поддерживали эти заявления П. Н. Милюкова.

Пункт 2-й о возвращении административно высланных не вызывает возражений. Министры даже говорят, в неопределенной форме, что к этому приступлено.

П. А. Харитонов по пункту 3-му (прекращение преследований за веру) напоминает, что члены Гос. думы и Гос. совета получили записку Скирмунта о католиках.

П. Н. Милюков. — Здесь разумеется еще и преследование штундистов, о которых я говорил в Гос. думе. Преследование это не прекращается, а усиливается. Необходимо этому положить конец.

Кн. Щербатов. — Штундисты последнее время, особенно по близости к западной границе, занялись пропагандой антимилитаристических идей. У нас имеются об этом донесения, которые мы не можем игнорировать. Здесь видно прямое германское влияние.

П. Н. Милюков. — Во-первых, часть сектантов уже давно, т. е. независимо от германских воздействий, держалась антимилитаристских идей. Но это не мешало им занимать военные должности нестроевого характера. Донесения на сектантов пишут обыкновенно миссионеры, и мы знаем, какую цену имеют эти донесения. Штундисты, в частности, служат в войске и проливают кровь за родину.

П. А. Харитонов по поводу 4-го пункта замечает, что об автономии Царства польского уже заявлено Горемыкиным, и отмена ограничений в правах (служба, дворянские организации) возможна. Но что разумеет блок под «пересмотром узаконений о польском землевладении»? Собственно, переход земли уже облегчен.

В. Н. Львов. — Мы хотим в государственных целях не допустить полонизации Западного края путем расширения польского землевладения и постановили — разрешить этот вопрос вместе с вопросом о даровании автономии, чтобы мирно сговориться с поляками и покончить с польским вопросом сразу во всей его совокупности.

П. Н. Милюков. — Так как В. Н. Львов высказал мнение, представляющее отголосок прений, происходивших между нами до заключения блока, то я позволю себе указать, что было и другое мнение, противоположное, и принятый в заключение текст носит на себе следы компромисса. Под «пересмотром» я и В. Н. Львов, конечно, разумеем различные вещи: я разумею снятие ограничений, а он их закрепление и, может быть, усиление. Помимо невозможности в данную минуту говорить о новых ограничениях прав поляков, для нас это — принципиальный вопрос. Мы не можем допустить различия в гражданских правах между

двумя категориями граждан. Точно также мы не можем говорить о каких-нибудь договорах с поляками на тему: мы уступим в одном, вы уступите в другом. И в том и в другом дело решается не сделками, а государственным интересом. Ввиду этого мы разумеем «одновременность» реформ статьи 4-й не в смысле их взаимной обусловленности, как В. Н. Львов и в особенности А. И. Савенко, но в смысле одинаковой «немедленности». Мы настаиваем на немедленном внесении законопроекта об автономии, как я говорил правительству еще в январе, с той целью, чтобы изъять этот вопрос из сферы международных соглашений, разрешив его немедленно внутренним законодательным порядком. По этой же причине мы не считаем обсуждение этого вопроса несвоевременным. Подготовив закон ко времени нашего нового наступления, мы будем распространять его действие по мере занятия территорий, населенных поляками.

Харитонов. — Я так и полагал, что под формулировкой статьи 4-й скрывается внутреннее разногласие. О «пересмотре», конечно, можно говорить только в смысле снятия ограничений по землевладению. К этому уже приступлено допущением перехода польских земель не только полякам, по наследству.

П. Н. Крупенский высказывается по пункту 5-му об «отмене ограничительных законов для евреев». Я — прирожденный антисемит, но пришел к заключению, что теперь необходимо для блага родины сделать уступки для евреев. Наше государство нуждается в настоящее время в поддержке союзников. Нельзя отрицать, что евреи — большая международная сила и что враждебная политика относительно евреев ослабляет кредит государства за границей. Теперь в особенности, когда Барк поехал заграницу для заключения займа, необходимо обеспечить успех его поездки. Наши отношения с Америкой также улучшатся с переменой политики относительно евреев. Таким образом я сознательно отказался от своих прежних взглядов и согласился с требованием к.-д., от которых они не могут отступиться.

Кн. Щербатов. — Собственно правительство уже вступило на почву отмены черты оседлости. Но на этом примере я вижу, как трудно для правительства итти дальше.

Но ведь Гос. дума имеет законную возможность доводить до сведения монарха о своем неудовлетворении деятельностью того или другого министра.

П. Н. Милюков заявил, что, конечно, ст. 60-я учреждения о думе дает право по постановлению 2/3 доводить до сведения монарха о неудовлетворительных ответах отдельного министра на запрос о незаконномерности того или другого отдельного его действия. Но Гос. дума систематически избегала пользоваться этим параграфом, находя, что

не следует вмешивать лицо государя в споры думы с правительством. К тому же такой шаг не шел бы дальше осуждения отдельного лица за отдельный акт прямого нарушения закона. Гос. дума избрала другой путь для выражения недоверия всей политикой министерства. Она выносила, иногда именно большинством 2/3, неодобрительную формулу перехода после бюджетных прений. Такую формулу она вынесла, еще до войны, по поводу политики недавно ушедшего министра. Если бы Гос. думу послушали тогда, то мы перенесли бы войну с иным общественным подъемом, чем теперь. К сожалению, на вотумы думы не обращали ровно никакого внимания, и это поставило вопрос о необходимости иметь министерство не бюрократическое, а общественное.

С. И. Шидловский подтвердил, что Гос. дума имеет свой взгляд на статью 60-ю, и требует, чтобы в вотуме думы имелись налицо определенные сакраментальные слова, которые бы вызывали применение статьи 60-й.

И. Н. Ефремов подтвердил, что представители блока имеют ввиду, требуя смены министерства, что об этом будет доведено до сведения верховной власти.

П. А. Харитонов продолжал читать программу.

7.

29 августа у Меллера-Закомельского.

Я. — Делаю доклад о первых шагах блока и ставлю вопросы (опубликование, боевое крещенье, ратификация Гос. совета, поляки и Путткамер, подпись с оговоркой); о внутренней организации; о дисциплине блока (моральные обязательства); о кандидате блока в министерство доверия.

Крупенский. — Организация и дисциплина — думское дело. О кандидате может быть только обмен мнений.

В. Бобринский. — Обсуждение имен попадет в печать и будет использовано против нас. Рано и опасно.

Шидловский. — Общих вопросов два. 1) Подписание с о г о в о р к о й. Решительно против. Это был бы смертельный удар блоку. 2) О л и ц а х — м ы н е в е л и политику личную. Необходимость обменяться вызывается тем, что вдруг нас спросят. Мы должны быть готовы ответить. Не вопрос с п и с к а, а л и ц а, которое могло бы составить этот список.

Шингарев настроен пессимистически. Мы встретим жестокое сопротивление со стороны сфер, враждебных общественности. Отговорят государя. Засилие немецких аргументов (поражение). Не возражаю против предусмотрительности, но долго еще будет академической.

Капнист. — Возможность благоприятного исхода не исключена, и обменяться можно, но пускать имена нельзя.

В. Львов. — Прежде чем касаться имен, надо решить о роли председателя Совета министров. Столыпин был действительно главою, ответственною за действия объединенного кабинета. После началось разрушение: идея — что объединение — верховная власть. Идея кабинета расстроена. Коковцову указано — не играть роль Столыпина. Нужно остановиться на указании лица, твердого и сильного. Такое лицо встретит оппозицию у самого. Частое председательство его в Совете министров — нежелательно. Тогда превращается в Совет при верховной власти, безответственный. Таким образом согласен с Милюковым и Ефремовым.

Милюков. — Чем мы останемся удовлетворены? Кривошеин? Поливанов? Общественный деятель во главе (не называя лица)?

Ковалевский. — Я писал, что разумею под министерством народной обороны — не лица — но выдвинул союз земств и городов, военно-промышленные организации, в Думе имена более или менее популярные. Но я не позволял себе говорить об одном лице, которое составит министерство. Это — либо великий визирь, либо английский премьер: первый — без ответственности перед палатами, второй — с ответственностью. Так как я боюсь визиря, то не употреблял мысли о провиденциальном человеке — вышучивал его и в статье. Тогда решайте вопрос не об одном, а о списке. А если не будет поставлен вопрос об ответственности и одно лицо составит список, как хочет, могут последовать неожиданные результаты. Создавать власть безответственного премьера при русской солидарности — дело довольно страшное.

Д. И. Шаховской. — Согласен с Ковалевским. Непрактично называть кого бы то ни было. Это был минус даже для Кривошеина, который ездил полечиться. В правительстве сложился взгляд, что блок нежизненен, а потому — переживем как-нибудь тяжелое время. Создадим объединенный кабинет на борьбу с народными представителями. Назовем лиц, которых не желаем: наверно, не попадут [33]).

Крупенский. — Согласен, что очень опасно, медвежья услуга. Если вы наметите, смерть кандидату.

В. Бобринский. — В газетах пишут (наши враги), что мы — за парламентаризм. Но мы за него не боремся. Он не существует теперь ни во Франции, ни в Англии.

Шидловский. — Страшно смущен тем, что сказал М. М. Это несогласно с подписанным нами документом. Мы не требуем ответственного министерства. Мы должны остановиться на визирате.

Опочинин. — Мы [не просим ответственное министерство, но известный usus выростет в юридический институт. Сейчас не говорим, но потом, может быть, создастся. Сделаем ошибку, если не станем на путь названия имени. Если не выставим имени, а будет назначено не удовлетворяющее нас лицо, то будет длительный кризис. Надо назвать имена, а не имя, дать возможность выбрать. Указывая ряд имен, мы никого не опорачиваем. Но до этого дело дойдет; мы можем оказаться неподготовленными.

Ковалевский. — Боясь визирата, я и хотел выставить несколько имен для занятия других портфелей. Вы вашим соглашением положили начало ответственного министерства. Кабинет общественного доверия будет встречать поддержку возникшего блока.

Шидловский. — Горемыкин нам говорил о диктатуре. Мы возражали: на кого же будет опираться?

Я. — Какого типа должен быть глава министерства? Вопрос о списке зависит от лица.

Годнев. — Логически вытекает, что надо выполнять все, на чем согласились. Мы можем выжидать: никто из теперешнего состава министерства не может быть премьером. Мы можем решить, кто пользуется доверием. Если откажемся, сделаем соглашение мертвой буквой. Спросят: кто же пользуется доверием? Верховная власть может решить, что ее выбор и соответствует общественному доверию. Я категорически против. Кривошеина: это то же, что и было. Надо, чтобы лицо руководило к.-н. из более крупной общественной организации. Указывать одно лицо невозможно. Потом можем указать и сотрудников. Не полагайтесь на вашего избранника: там его могут обойти, и вы получите такую компанию! Может быть, наилучшее лицо вас и погубит ...[34]) нами. Это дело темное. Может быть, власть соблазнит.

Ефремов. — 6 и 8 сентября предполагаются всероссийские съезды Земского и Городского союзов. Надо сговориться раньше и сказать от нашего блока.

Ковалевский. — Мы не занимаемся выбором военного и морского, может быть, и иностранных дел. Но из этих никто не может быть премьером. Желательны главы городской и земской организаций. Кн. Львов (Челноков), Гучков — ввести его в комбинацию. Партийных симпатий между нами нет, но А. И. Гучков настроен более боевым образом (настаивал вместе с Фальборком, чтобы не было изменений в городской резолюции), из среды думы.

Я. — (Из редакции). Горемыкин едет в ставку с отставкой Щербатова, Кривошеина, Харитонова, Игнатьева и назначением Крыжановского [35]).

Меллер-Закомельский — резюмирует. Тактичнее не называть лица. Но интересно осветить вопрос не с точки зрения оптимистической, а и с точки зрения п е с с и м и с т и ч е с к о й. Что делать, если получим Крыжановского и роспуск думы?

Шингарев. — Я имел ввиду информацию, что Горемыкин настаивает на Крыжановском. Вопрос парламентской борьбы отпадает. Мы можем обсуждать способы непарламентских действий.

Годнев. — Не думаю, чтобы распустили без срока. Но как должны поступить члены совещаний? Кто-нибудь уйдет.

Ковалевский. — Сегодня Крыжановский обнаруживал нервность, свойственную людям накануне их назначения. Слух идет и о Воейкове.

Крупенский. — И о Маклакове есть слухи.

Опочинин. — Теперь не до смеха. Я из армии получил сведения, что армия возлагает надежды на Гос. думу. Если слухи вероятны, то в интересах армии и государства мы должны п р и н я т ь м е р ы: д е п у т а ц и я к в е р х о в н о й в л а с т и. Иначе входим в такой тупик, который перевернет все.

Крупенский. — Если бы верховная власть п о ж е л а л а, депутация только п о д о л ь е т масла. Вы только п о р т и т е.

Шингарев. — Идея обращения к власти, когда н е т в ы х о д а. Но дальше только конфликт с с а м о й верховной властью. Пока мы этого не сделали, конфликта нет. Иначе, мы с а м и п о с т а в и м в о п р о с. Я не вижу возможности предотвратить катастрофу собственными силами.

Меллер. — Крыжановский неукоснительно посещал заседания правых. Стали гнать проект о беженцах (для роспуска); повестку на сегодняшнее заседание получили утром и настояли на проведении б е з п о п р а в о к.

Шидловский. — Едва ли государь согласится по единоличному докладу Горемыкина.

Капнист. — Согласится распустить думу, отставки не примет, удалит Горемыкина.

Ковалевский. — Роспуск без рассмотрения подоходного налога. Нам важно, чтобы осталось впечатление, что дума достигла единения на умеренной программе. Мы выиграем, если в печать проникнет, что блок в ы р а з и л ж е л а н и е с о з д а т ь м и н и с т е р с т в о н а р о д н о й о б о р о н ы и н а м е ч а л и п р е д с т а в и т е-

лей общественных организаций (лиц, стоящих во главе общественных организаций).

Шидловский. — Не будем первые петь себе панихиду.

8.

После роспуска у Меллера [36]).

Начало не записано — после речи Ефремова.

Я — рассказываю о нашей уступке блоку — под условием компромисса. Надо быть последовательными — блок обязывает выйти.

Оболенский. — Мы можем сыграть громадную роль, показать зрелость народного представительства для оборудования конкретных задач. Один англичанин сказал, что русские предпочитают прекрасный жест реальному результату. Это наше свойство — желание быть принципиально правым в момент опасности для родины. Если немцы нами завладеют, и мы будем возлагать ответственность на правительство — скажут: мы дети. До роспуска я колебался, но теперь — мы единственное соединение, которое может обмозговать все положение. Приветствую сообщение П. Н. Милюкова. Нам нужны две конкретные вещи: 1) то, что сделано Горемыкиным, чтобы не разгорелось в пожар, 2) по существу осуществить то, что нужно для блага государства. Последствия меры Ефремова (выход) — пожар разгорится: забастовки, отказы Городского и Земского союзов и т. д. В настоящее время не может быть никакого общения с Горемыкиным, но если другие министры — министр внутренних дел просто нас пригласил, как граждан: давайте обдумывать, как лучше устроить, — это можно. Другой вопрос — осуществление самой программы. Прежде всего надо устранить Горемыкина. Для этого доклад государю, который представит Родзянко. Созыв думы должен быть ускорен.

Шебеко. — (Отвечает *Ефремову*). Одной уверенности, что правительство стремится расколоть блок, для меня достаточно. Но я приведу и другие аргументы. Нужно ускоренное снабжение армии, и нельзя давать повода сказать, что мы пренебрегли. Большие круги, армия, возлагают на нас большие надежды и дорожат нашим присутствием.

Шидловский. — Возможно возразить Ефремову (на случай обсуждения во фракции): вы выставили условия победы, несоблюдение которых дает поражение; вы ставите себя в положение — доказать, что вы правы поражением, ибо условия не соблюдены.

Опочинин. — Во фракции прогрессистов до созыва думы вы стояли на точке зрения совещаний и приветствовали их. Теперь образовался блок с программой, мы стали в лучшие условия для проведения

контроля, а вы находите, что теперь нельзя участвовать. Наша программа вас смущает, потому что мы в лучшем положении.

Ефремов. — Хотелось бы иметь надежду на отклик и признание среди блока. Чтобы говорить с товарищами, я хотел бы услышать доказательства моей неправоты. До сих пор не слыхал. Армия надеется на думу, а не на совещание. Вероятно, не узнает, состоим ли в совещании. Но то, что мы остались работать с теми же министрами, произведет тяжелое впечатление. Я говорил о смене целого министерства, но министров военного, морского, иностранных дел нежелательно менять: их только надо вновь пригласить. Дорожу не доказательством правоты нашей, а победой, — но для нее нужна смена правительства. Если примиримся с роспуском, значит, говорили на ветер. Первым средством борьбы — уход из совещаний всех членов блока. Тогда ушел бы Горемыкин.

Ратьков-Рожнов. — Крестьяне говорили мне, что рады образованию совещаний. Если забастуем в отместку Горемыкину, дискредитируем думу в глазах крестьян.

Меллер. — Нет большей победы для Горемыкина, чем раскол блока. Нет больше поражения, как восстановление блока при созыве Гос. думы.

Маклаков. — Психологическая связь с предложением об уходе — есть. Логической связи не вижу. Участие в совещаниях не равняется акту доверия. Если бы мы верили, тогда бы не надо итти. Роспуск — удар не только по думе, но и по общественности. Мы тогда должны будем настаивать, чтобы прекратилась работа союзов и погибала Россия. Это было бы страшно. Если бы забастовала Россия, власть, может быть, уступили бы, но этой победы я не хотел бы. Лучшее реагирование — в том, что мы промолчали. Горемыкин уже в эту думу не придет. Мы его победили тем, что сказали, что мы служим стране. Если бы мы могли сказать еще стране — будь спокойна, еще больше убили бы: но не понадеялись друг на друга. Шаг наш был бы либо смешон, либо...

Я. — Первый шаг — свалить Горемыкина, а это возможно политикой сдержанности.

Ковалевский. — Не понимаю позиции ухода. С уходом ничего не изменится, но явится возможность нового поклепа на патриотизм: для счетов со стариком готовы жертвовать обороной. Такое предположение могут сделать враги, союзники, нейтральные государства, особенно если это подорвет мобилизацию промышленности. Главная задача — удержать соглашение. Все участники переживают одинаковое недовольство, и соглашение выйдет из испытания более прочным. Нельзя допустить, что

Горемыкин будет связывать свой шаг с какими-нибудь успехами. Напротив, предстоят тяжелые испытания, и если они будут приписываться непатриотическому поведению, — это нехорошо. Вы заняли в совещаниях положение контролеров. Этой позиции нельзя сдавать.

Ефремов. — Убежден, что фракция, выслушав доводы, затруднилась бы немедленно отменить решение. Но, может быть, возможно на некоторое неопределенное время отсрочить. Но другие фракции должны признать, что могут наступить обстоятельства, когда все выйдут.

Крупенский. — Да, если победит Горемыкин, а все министры выйдут.

Бобринский. — Наша фракция постановила оставить вопрос открытым.

Шидловский. — Шидловский подтверждает. Другие — тоже.

Шингарев. — Вернемся к основному предложению блока: всем стать на общую позицию, а не убеждать друг друга в нецелесообразности основной позиции выхода.

Гримм. — У нас было тоже заседание президиума с представителями групп. Голубев предложил заявление и телеграмму государю, что до полной победы не будет мира и все силы страны будут объединенно действовать. Куломзин обратился к Нейдгарту, не полагает ли он сделать такое заявление? Нейдгарт отказался. Икскуль обратился к Кауфману, чтобы редактировать. Пошли за ним. Голубев указал на члена по выборам Меллера. В это время пришел Кауфман — (неловкость). Меллер обещал подумать и после перерыва прочитал проект заявления, между прочим, надежду, что правительство сумеет объединить и направить общественные силы к победе. Куломзин затруднился: здесь даются директивы. Коковцов: как можно надеяться, что это правительство объединит? Тогда Меллер отказался. Никто не пожелал и решено: без заявлений.

Крупенский. — Что предлагала правая группа (программа)?

Меллер. — Я делал некоторые шаги. Третьего дня говорили о пятом сентября, как дне роспуска. Правые решили составить контрпрограмму, которая бы кончалась пожеланием роспуска, чтобы показать, что победило одно из двух течений, а Горемыкин — непричем. Но распустили 3-го, и их рассчеты лопнули. Вопрос о предложении Родзянко — участвовать в составлении доклада. Пусть он нам даст проект доклада.

Олсуфьев. — Как вести себя на московских съездах? Рекомендовать держаться выжидательной точки зрения.

Крупенский поддерживает. Пусть Шингарев, Маклаков...

Я. — Нельзя душить, а направить в канал поддержки Гос. думы.

Ефремов. — Надо дать свободу городским и земским деятелям, пусть будут энергичнее и определеннее наших. Они не призваны непосредственно делать политику.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ.

[1]) Подлинник этой записи не имеет даты; поставлена она первой, потому что, судя по содержанию, запись относится к первой встрече тех представителей фракций и групп Госуд. совета и Госуд. думы, которые вошли в блок. Не представляется возможным точно установить и место, где происходил совещание блока. Состав этого совещания почти целиком представлял основное ядро президиума блока до конца его существования, т. е. до Февральской революции. В него входили следующие фракции: а) фракции Госуд. думы—прогр. националисты: Бобринский, Вл. Ал., Савенко, Ан. Ив., Шаховской, Дм. Ив., Шульгин, Вас. Вит.; центр: Крупенский, Пав. Ник., Львов, Вл. Ник.; октябристы (земцы): Варун-Секрет, Сер. Тим., Годнев, Ив. Вас., Дмитрюков, И. И., Каплист, Дм. Пав., Ростовцев, Н. А., Стемпковский, В. И., Шидловский, Сергей Илиод.; прогрессисты: Ефремов, И. Н.; кадеты: Маклаков Вас. Алекс., Милюков, П. Н., Шингарев, А. Ив. Фракции Госуд. совета — правые: Гурко, Вл. И., центр: Ермолов, А. С., Меллер-Закомельский, В. В., Оболенский, А. Д., Олсуфьев, Дм. А. Шебеко, Игн. А.; академическая группа: Гримм, Д. Д., Ковалевский, М. М.; внепартийные — Стахович, М. А.

[2]) Подавляющая часть членов Госуд. совета и значительная часть Госуд. думы, представлявшая помещика-крепостника, крупную финансовую и торговую буржуазию и защищавшая их интересы, теснейшим образом была связана с правительством и придворными кругами. Эта сплоченная группа черносотенцев играла активную и ведущую роль в борьбе с революционным движением за реставрацию политического положения, существовавшего до 1905 г., и проводила во всех областях хозяйственно-политической жизни реакционную политику.

[3]) Гучков, Александр Иванович, виднейшая фигура в буржуазно-помещичьих кругах, глава крупной торговой фирмы; был членом и одно время председателем 3-ей Госуд. думы; председатель Ц. К. партии октябристов. В годы войны был председателем Центр. Военно-промышленного комитета. Во Временном правительстве до 20 апреля был военным и морским министром.

[4]) Так в подлиннике. В «темных силах», т. е. в тех лицах, которые, не занимая каких-либо должностей в правительстве, оказывали на характер правительственных органов большее влияние, чем официальные представители власти (Распутин, кн. Андронников, Вырубова, банкиры, всякие дельцы и шантажисты вроде Манасевича-Мануйлова), буржуазно-помещичьи круги видели основную причину всех «бедствий». Весь строй, вся система были для них незыблемы, и вся их «борьба» направлялась против этих «темных сил». Поэтому-то так высоко ценился в этих кругах Столыпин, сумевший, по их мнению, обеспечить свою самостоятельность и независимость в своих сношениях с царем, опустив «железный занавес» между верховной властью и «темными лицами».

[5]) Горемыкин, Ив. Лог., помещик, ярый крепостник, виднейший царский сановник, два раза бывший председателем Совета министров (1906 г., когда ца-

ризму нужно было разогнать I Госуд. думу, и в 1914—1915 гг.). Летописи революционного движения знают его, как одного из убежденнейших инициаторов и проводников самой жестокой расправы с революционным движением.

[6]) Очередная сессия думы собралась 19 июля и продолжалась до 3 сентября. Слухи о роспуске думы возникли с первого же дня ее занятий; подписанный Николаем II бланк указа о роспуске думы лежал в портфеле Горемыкина и только военные неудачи и давление «союзников» заставили его вставить определенное число — 3 сентября.

[7]) Т. е. Павел Николаевич ~~Милюков~~. (нет — Крупенский!)

[8]) В июне — июле 1915 года происходило паническое отступление русских войск из Галиции и Польши, в результате которого немецко-австрийские войска не только освободили все земли, входившие в состав Германии и Австрии, но заняли всю Польшу, часть Литвы, Латвии и Белоруссии.

[9]) Так в подлиннике.

[10]) Имеется ввиду б. вел. кн. Николай Николаевич, отстраненный от верховного командования в августе 1915 г. Николаем Романовым, который заменил его на этом посту.

[11]) Речь идет о Николае Романове.

[12]) Так в подлиннике.

[13]) В подлиннике окончание речи не записано.

[14]) На этом заканчивается запись первого совещания президиума блока.

[15]) С этого времени начинаются регулярные заседания блока, происходившие в 1915 г. и отчасти в 1916 г. на квартире Меллера-Закомельского.

[16]) Заседания 14 и 15 августа были посвящены установлению основных положений будущей «программы» блока, разделявших отдельные группы помещиков и буржуазии. Набросок этих положений был первоначально выработан Милюковым; он и лег в основу проекта платформы блока. Среди материалов, относящихся к выработке декларации блока, имеется документ с заголовком: «Программа министерства общественного доверия (минимум условий, необходимых для восстановления доверия страны и власти); средина августа 1915 г.». Вот текст «программы»:

1. Амнистия лиц, осужденных за политические и религиозные преступления, возвращение с.-д. депутатов.

2. Коренное изменение приемов управления:

а) Обновление состава местной администрации.

б) Введение губернаторского произвола в рамки законности.

в) Меры в области национальной политики:

1. В еврейском вопросе: отмена черты оседлости, отмена процентной нормы в учебных заведениях, восстановление еврейской печати.

2. В финляндском вопросе: отставка Зейна, изменение состава сената, фактическое неприменение закона о равноправии.

3. В украинском вопросе: восстановление украинской печати, освобождение «заложников» и униатских духовных лиц, заключенных и сосланных в Сибирь.

4. Меры в области вероисповедной политики: соблюдение законов о веротерпимости.

3. Законодательная программа организации страны для победы:

а) Законопроект III Госуд. думы о волостном земстве.

б) Законопроект о введении земства в Сибири, Архангельской губернии, Донской области и на Кавказе.

в) Пересмотр земского положения по законодательному предположению прогрессистов.

г) Закон о кооперации, внесенный пятью фракциями Госуд. думы.

д) Законопроект об отдыхе торговых служащих, проведенный III Гос. думой.

е) Законопроект об увеличении содержания почтово-телеграфных служащих (внесено правительством).

ж) Пересмотр исключительных положений, временных правил о свободах и полицейского устава.

з) Законопроект о переходе из одного вероисповедания в другое.

4. Меры для поддержания социального мира:

а) Восстановление деятельности профессиональных союзов и прекращение преследований рабочих представителей в больничных кассах. Восстановление рабочей печати.

Редакция платформы была поручена особой комиссии; на состав ее указывает приписка Милюкова на обороте документа: «Гурко, Гримм, Оболенский, Шидловский, Савенко, Милюков, Олсуфьев, Ростовцев и Меллер — хозяин и председатель».

[17]) Так в подлиннике.

[18]) Так в подлиннике.

[19]) Под словами: «фиктивные сделки» подписано: «пережитки».

[20]) Приводимая ниже программа дается в той редакции,которая была принята президиумом блока. Эта программа, как видно из текста, подверглась дальнейшим изменениям. Первоначальные варианты программы здесь не приводятся. В отношении отдельных мест, вызвавших наибольшие прения, делается ссылка на другие варианты. Выработанный президиумом блока проект был подвергнут дальнейшему обсуждению во фракциях думы и уже после этих исправлений был опубликован в газетах.

[21]) Пункт об амнистии первоначально был изложен в таких выражениях: «Амнистия лиц, осужденных за политические и религиозные преступления (гл. II, III и V угол. ул.). В частности: а) пяти депутатов с.-д. фракции Госуд. думы, б) всех лиц, как отбывших, так и отбывающих» и т. д. Затем в начале было добавлено: «исходатайствование». После прений принята приводимая здесь редакция.

[22]) Пункты по польскому и еврейскому вопросу вызвали со стороны членов Госуд. совета и помещиков из Госуд. думы наибольшие возражения, но, в конце концов, после заявления Милюкова о расколе блока, редакция этих пунктов почти полностью сохранила свой первоначальный характер.

[23]) После принятия проекта программы на президиуме блока был решен вопрос и о том, кому она должна быть представлена; большинством голосов решено подать ее Совету министров в целом.

[24]) Окончание речи не записано.

[25]) Членами Госуд. совета, вошедшими в блок, было составлено и опубликовано следующее постановление (печатается по подлиннику): «Рассмотрев программу ближайших мероприятий по порядку управления и законодательству, объединившую значительное большинство Госуд. думы, и одобряя общие основания, намеченные в этой программе, группа центра Госуд. совета и примыкающие к ней члены кружка внепартийного объединения и группа академическая с примыкающими к ней беспартийными в соединенном заседании 24 августа 1915 года постановили: присоединиться к программе, объединившей Госуд. думу.»

[26]) Одно слово написано неразборчиво.

[27]) Так в подлиннике.

[28]) The king can do no wrong — король не может быть неправ.

[29]) «Беседа» записана Милюковым после 27 августа, поэтому и характер изложения ее иной, чем всех других материалов. Полного изложения беседы не сохранилось: нет одного отрывка в середине и нет окончания. Самое расположение текста, написанного на маленьких и прежде склеенных, а теперь разрозненных листках, не имеет логической последовательности; это особенно относится к пункту о применении ст. 60 учр. о думе; но на этих листках рукой Милюкова поставлена нумерация. Все вместе взятое и заставляет дать материал в определенной автором последовательности.

[30]) Харитонов, П. А. в это время был государственным контролером.

[31]) Щербатов, Н. Б. — с 5 июня по 26 сентября 1915 г. был управляющим министерством внутр. дел и главнонач. отд. корп. жандармов.

[32]) Хвостов, А. А. — министр юстиции.

[33]) Так в подлиннике.

[34]) Неразборчиво.

[35]) Крыжановский С. Е. — ст.-секр., сенатор, в молодости выделялся либеральными взглядами, позднее, особенно с 1906 г., выдвигается, как яркий реакционер и преданный слуга самодержавия.

[36]) Роспуск думы был объявлен с 3 сентября 1915 г. и продолжался до 9 февраля 1916 г.

Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг.

I.

Публикуемые ниже письма Николая Романова к матери составляют непосредственное продолжение публикации, помещенной в XXII томе «Красного архива». Обе публикации связывают не только даты составления, но и тематика. И те и эти письма насыщены внутриполитической злободневностью и густым бытом «семейства». То, что отличает эти письма от тех — это внешняя обстановка, в которой они писались, что и наложило на них свою печать. «У нас покамест все довольно тихо». Печать этой «тишины» лежит почти на всей переписке, изредка нарушаемая такими опасными для царизма «революционерами», как этот «идиот Гагарин». Короткая полоса времени, отделяющая даты тех и других писем Николая II, — это время наивысшего революционного шквала в России, когда, по собственному его выражению, «ни на кого я не мог опереться, кроме честного Трепова». Тогда «исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все хотят». Тогда Витте помог ему сманеврировать и принять «страшное решение». «Мы находимся в полной революции, при дезорганизации всего управления страною... Мы прожили здесь годы, а не дни, столько было мучений, сомнений, борьбы!» Еще полгода тому назад «мы сидели здесь почти запертые в Александрии, такой стыд и позор говорить об этом!» Все это уже было позади. То время, когда «стыд и позор», эти невесомые вещи, приходилось отодвинуть в сторону и бежать на яхту, когда «мерзавцы-анархисты приехали в Петергоф охотиться на меня, Николашу, Трепова, Орлова и толстого князя Орлова», постепенно вытеснялось из убогой головы «самодержца всероссийского», чувствовавшего себя, по определению матери, только «хоть немного на свободе — на «Штандарте» [1]).

Эти страшные для династии Романовых времена уже миновали. «Дубасов молодец и «бедный Мин» укротили революционную Москву. Вернувшиеся из Манчжурии войска и «хорошие и честные губернаторы» укротили на время всю Россию. Печатью последних событий окрашены письма 1907—1910 гг. Вряд ли эти письма внесут что-либо новое в уже прочно утвердившуюся историческую характеристику Николая Кровавого. Но тем не менее они представляют большой исторический интерес. Мимо них не пройдет ни историк народов СССР, ни историк революции и подготовки империалистической войны. Они также бросают яркий свет на отношения «семейства». Вдумчивый историк заметит,

[1]) «Красный архив», т. XXII, стр. 168, 198, 199.

читая те и другие письма, что между «семейством» и его «собственностью» — Россией последний царь не делал никаких различий. В основе управления тем и другой — «семейством» и Россией — лежала одна и та же идеология «квартального поручика» доброго старого времени, когда еще не было и участковых приставов [1]). За один и тот же проступок нынешнего «императора» Кирилла и Николая Николаевича он лишает первого — великокняжеского звания, а другому помогает сам устроить свои любовные дела. Причина ясна. Отец Кирилла, Владимир Александрович, только перед тем был отставлен от командования гвардией за то, что не сумел в 1905 г. водворить порядок в Петербурге, а «Николаша» успешно его водворил. Тот был, следовательно, тогда не нужен, а этот... «он мне так нужен!» Какая ирония судьбы! Лишенный одно время Николаем Романовым великокняжеского титула, а посему и права на престол, Кирилл ныне сам «императорствует» и возглавляет исчезнувшее «семейство» в зарубежных салонах.

Историю борьбы классов в России Николай II умел воспринимать через свою классовую философию.

Юмористически звучит то, что пишет этот лишенный юмора монарх: «Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина и Коковцова». Портят дело только «подлецы Кутлеры». Можно бы, наконец, на этом и успокоиться. Кадеты в 1907 г. не бог весть какая уже опасность для этого «конституционного» монарха. Беда только в том, что все то, что говорится в Думе, становится достоянием всех. «Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает».

Если бы все книги и газеты начиная с 1 марта до знаменитого переворота 3 июня 1907 г. исчезли, историю бытия и смерти II Думы можно было бы восстановить во всей исторической неприкосновенности по этому письму Николая Романова. Ее судьба была уже решена.

Надо было только подождать удобного момента, договориться с иностранными финансистами и найти удобный предлог. «Но это еще рано, нужно дать ей [Думе] договориться до глупости или до гадости и тогда хлопнуть».

Заставить II Думу договориться «до гадости» было вещью не легкой, во всяком случае, довольно длительной. Ждать не было никакой охоты, а надобности ждать еще меньше. Провокаторы Столыпина могли ускорить развязку. Уже через неделю Николай спешит уведомить мать об «удачных арестах 1 апреля в Петербурге 26 очень серьезных анархистов», которые замышляли не больше и не меньше как «покончить с Николашей, Столыпиным, Дурново, Орловым и со мною». По приказу свыше департамент полиции и прокуратура спешно оформляли «заговор» и готовили по всем правилам свода законов требование о выдаче социал-демократической фракции жандармам. Другой заплечных дел мастер, звезда которого только начинала восходить, сенатор Крыжановский в это время готовил новый закон о выборах в Думу. Как только эти работы были закончены, и существование II Думы также было окончено.

---

[1]) М. Н. Покровский, там же, стр. 153.

Годы проходили, а Николай Романов оставался верен себе и показывал даже признаки роста. Революция 1905 г. все меньше его тревожит. Неприятного Головина — председателя II Думы — сменил во всех отношениях приятный Хомяков. В 1908 г. Николай уже титулует «идиотами» не только тех, которые, подобно старому аристократу Гагарину, возмущались явными провокациями николаевской полиции. «На-днях идиот гр. Олсуфьев в Госуд. совете сказал, что Госуд. дума оказалась патриотичной»... Николай Романов в этом видит большую для себя опасность, чем в том, что говорят и пишут революционеры.

Реакция завершала свой порочный круг. Не только классы занимали свои боевые позиции, но и внутриклассовая дифференциация быстро определяла каждому свое место. Вокруг трона сгрудилось густопсовое дворянство и черная сотня. Пришлось даже удалить военного министра Редигера. Его вина состояла в том, что он публично признал, что не все командующие войсками военных округов и генерал-губернаторы стоят на высоте своего призвания.

И чем «спокойнее» становилось в России, тем большее отражение находит в письмах внешняя политика, тем больше Николай Романов уделяет внимания и международной революции. В этом отношении прямо замечательны его суждения о революции в Португалии, о конгрессе II Интернационала в Копенгагене, о событиях в Греции и т. д.

«Какая гадость произошла в Португалии!» Испытав на своей спине удары революции, ненавидя и преследуя ее, он не научился понимать ее. Он воображал, что нанесет революции удар, не признав или признав попозже республику в Португалии. Как раз про «гадость» в Португалии Вл. Ильич немного раньше писал: «Мы жалеем о том, что в происшествии с королем португальским явно виден еще элемент заговорщического, т. е. бессильного в существе своем, не достигающего цели, террора при слабости того настоящего, всенародного, действительно обновляющего страну террора, которым прославила себя Великая французская революция». По оценке Ленина, «до сих пор в Португалии удалось только напугать монархию убийством двух монархов, а не уничтожить монархию» [1]).

И революция 1905 г., руководимая нашей партией, как раз так и понимала свои задачи на первом этапе. Для нее было важно потрясти до основания трехсотлетнюю монархию, «чтобы тем легче было... перейти как можно скорее к новой и высшей задаче — революции социалистической» [2]).

Когда испуг у Николая Романова прошел, он и впрямь вообразил, что его монархии уже не грозит опасность. Роль укротителя российской революции ему пришлась по вкусу. Получив свободу передвижения, он начинает наблюдать над рабочим движением заграницей.

Мимо его внимания не проходят и конгрессы II Интернационала. Насколько царизм был анахронизмом в начале XX века, свидетельствует сам его носитель. Он серьезно жаловался матери на то, что ее дядя допустил у себя в столице конгресс II Интернационала.

[1]) В. И. Ленин. Сочинения, т. XII, изд. 3, стр. 151.

[2]) В. И. Ленин. Сочинения, т. VIII, изд. 3, стр. 187.

«В республике это еще понятно, но в королевстве странно», — поучает он через мать своего дядю в Копенгагене. Опытный глаз «квартального поручика» правильно оценивает рабочее движение в Германии и Франции. «Во всем этом пахнет нехорошим духом революции!» Но революцию он понимает по-своему: «Больно за бедного дядю Вилли — какая награда за сорок лет царствования!» И монархическую идею он оценивает с точки зрения оставленных должностей бежавшими заграницу братьями «дяди Вилли». Надо ли после этого удивляться, что греки теперь ему «совершенно опротивели». Хотя в Греции обошлось благополучнее, чем в Португалии,—там было обычное офицерское pronunciamento, тем не менее Николай Романов, как мы знаем из последующей истории, и ей этого никогда не простил. И у этого человека был свой стиль.

Смерть Льва Толстого у него вызывает одно целеустремленное замечание: «К счастью, его похоронили очень скоро», — иначе, труп великого художника и непротивленца злу насилием мог сделаться опасным для живущего ничтожества.

II.

Письма, посвященные внешнеполитическим вопросам, а именно, пресловутому боснийскому кризису, заслуживают исключительно пристального внимания. Они не только говорят о том, какими глазами Николай Романов смотрел на инцидент и как он его воспринимал, они много дают и для понимания последующей, после марта 1909 г., политики царской России (ультиматум Германии от 10 (23) марта о безоговорочном признании Россией аннексии Боснии и Герцеговины).

Мнения и высказывания Николая Романова в данном случае подсказаны ему его советниками. Это легко доказать сравнением этих писем, которые он писал матери, с «личными» его письмами того же времени и по этому же вопросу австрийскому императору Францу-Иосифу, но которые составляли товарищ министра Чарыков и министр иностранных дел Извольский. Печатаемые письма, наконец, представляют большой интерес и для характеристики уровня царской дипломатии и осведомленности Николая Романова в важнейших государственных вопросах и тайнах. Вопросы, связанные с аннексией Боснии и Герцеговины, уже достаточно полно освещены в германской, австрийской и британской публикациях дипломатических документов. Кое-что было также напечатано по этому вопросу в I и X тт. «Красного архива». Когда Комиссия при ЦИК СССР по изданию дипломатических документов в эпоху империализма обработает материал и дойдет до этого периода, ее публикация, несомненно, даст много новых и важных документов, которые внесут существенные коррективы в установившуюся по этому вопросу схему.

Николай Романов утверждает, что Эренталь «подвел Извольского и теперь говорит совсем другое, чем при их свидании. Это ясно видно из писем и телеграмм Извольского». Воздержимся от суждения о телеграммах Извольского до их опубликования. Что же касается писем, то сам Извольский постарался их изъять из дела 29 октября 1908 г., и вряд ли они когда-либо будут найдены [1]).

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, л. 2.

Содержание разговора в Бухлау достаточно известно [1]), и поэтому небезынтересно будет остановиться на другом факте, о котором последний Романов ничего не пишет своей матери, но который ему был хорошо известен.

В начале 1908 г. барон Эренталь объявил в австро-венгерских делегациях о намерении построить в Новобазарском санджаке железную дорогу, которая должна была соединить австро-венгерские дороги с турецкими, что давало Австро-Венгрии выход через Салоники к Эгейскому морю. Русская печать всех направлений приняла этот план «наследственного врага славянства» в штыки, а русская дипломатия выдвинула свой план Дунайско-Адриатической дороги. Несмотря на ожесточенную травлю газетами Австро-Венгрии, русское правительство после длительных переговоров отправило 2 июля (н. ст.) 1908 г. в Вену ноту, в которой предлагало договориться по балканским вопросам на следующих началах: 1) Россия не будет препятствовать постройке Австро-Венгрией дороги Ушац-Митровица для выхода к Эгейскому морю. За это Австро-Венгрия «поможет» России получить концессию у Турции на Дунайско-Адриатическую дорогу, соединяющую Адриатику с русской железнодорожной сетью. 2) Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину и Новобазарский санджак; венское же правительство обязывается поддержать требование России на открытие прохода ее военным судам через Босфор и Дарданеллы.

Австро-венгерское правительство ответило 27 августа, что ему предлагают неравноправные условия, а именно: по вопросу о железных дорогах Россия требует от Австрии взамен пассивного действия (не препятствовать) активной помощи с ее стороны. Оно со своей стороны предложило другой план: Россия получает концессию на Дунайско-Адриатическую дорогу, а Австро-Венгрия на Эгейскую и Далматинскую дорогу через Черногорию на Скутари, причем должна быть обеспечена взаимная поддержка обоих правительств по интересующим их вопросам. «Что касается Боснии и Герцеговины, — говорилось далее в ноте, — мы их рассматриваем, как территории, которыми мы обладаем в течение 30 лет, в которые мы вошли на основании международного мандата и которые мы завоевали нашим оружием» (sic!).

Если Австро-Венгрия будет принуждена аннексировать Боснию и Герцеговину, то она тотчас эвакуирует Новобазарский санджак и надеется на дружелюбное отношение со стороны России. Константинополь и проливы нельзя связывать с аннексией Боснии и Герцеговины, но австро-венгерское правительство «соглашается при удобном случае вступить в дружественный обмен мнений по этому вопросу» [2]).

Этот «удобный случай» был создан через 20 дней. Извольский в то время только что удачно закончил первый этап своей политики. С Японией были урегулированы все вопросы на Дальнем Востоке, и Россия себя обеспечила с этой стороны. С Англией было достигнуто в августе 1907 г. соглашение по всем спорным вопросам в Персии и Афганистане. В начале июня произошло в Ревеле знаменитое свидание Николая Романова с Эдуардом VII, на котором обсуждались в благожелательном для России духе все балканские

---

[1]) Oesterreich-Ungarns Aussenpolitik, I, № 79 и № 935.

[2]) Там же, №№ 2, 3, 9 и 48.

вопросы. Там же Извольскому пришлось услышать от помощника статс-секретаря по иностранным делам Чарльза Гардинга следующие многозначительные слова:

«...Тем не менее, — сказал мне сэр Ч. Гардинг, — нельзя закрывать глаза на то, что, если Германия будет продолжать тем же напряженным темпом увеличивать свои морские вооружения, чрез семь или восемь лет в Европе может наступить весьма тревожное и натянутое положение; тогда арбитром положения будет, несомненно, Россия; и вот почему в интересах сохранения равновесия и мира мы самым искренним образом желаем видеть русское государство как можно более сильным на суше и на море». Мысль эту сэр Ч. Гардинг повторил несколько раз, как бы давая понять, что он выражал не личное свое мнение, а определенное политическое убеждение лондонского кабинета» [1]).

Ждать 7—8 лет, когда Россия сделается «более сильной на суше и на море», Извольскому вовсе не хотелось. Он сгорал жаждой активной политики на Ближнем Востоке. С этой целью он и отправился в европейское турне после лечения в Карлсбаде. Там-то его «перехватил» австро-венгерский посол в Петербурге граф Берхтольд и повез в свой богемский замок Бухлау, куда приехал и барон Эренталь. Однако еще за месяц до этого, 19 августа, австро-венгерский совет министров, не ожидая возражений со стороны России, решил аннексировать Боснию и Герцеговину [2]).

Извольский в Бухлау обязывался от имени России не поднимать возражений против аннексии Боснии и Герцеговины, взамен чего Австро-Венгрия должна была обязаться содействовать открытию проливов для прохода русских военных судов, для чего даже была согласована предложенная Извольским формула. Австро-Венгрия получала право провести Далматинскую дорогу до Скутари. Были выторгованы некоторые поблажки и для «братьев-славян». Было договорено, что Извольский изложит на бумаге результаты соглашения и пришлет их Эренталю. После утверждения этих соглашений они примут обязывающий для обеих сторон характер [3]). Извольский только возражал против даты аннексии. Он предлагал вместо начала средину октября, когда он будет в Петербурге и сможет парализовать кампанию в печати. Обо всем этом Николай II прекрасно знал, так как Извольский ему послал доклад о результатах переговоров 3 (19) сентября, т. е. за 22 дня до отправки Николаем матери письма, из которого мы взяли цитату о том, что Эренталь «подвел» Извольского. И не просто знал, а как мы увидим ниже, даже восторгался достигнутыми в Бухлау результатами. Что заставляло последнего царя лгать своей матери? Мы думаем, что мотивы у него были те же, что и в 1905—1906 гг., и которые отметил в свое время М. Н. Покровский [4]). Это не случайная, а строго обдуманная ложь. Письмо писалось 14 дней спустя после аннексии Боснии. В русской печати поднялся тогда страшный вой. Ругали не столько Австро-Венгрию, сколько русскую дипломатию и в первую очередь Извольского. Нежное сердце коронованного погромщика сжималось от боли за «несчастного Извольского». И недаром. Престиж

[1]) Архив Революции и Внешней Политики. Секр. архив, д. № 757, л. 46.

[2]) Там же, № 74.

[3]) Там же, № 79.

[4]) «Красный архив», т. XXII, М. Покровский, Предисловие к «Переписке Николая и Марии Романовых», стр. 157—158.

Николая Романова был основательно потрепан, особенно за границей. Эренталь грозил разоблачениями о предательстве славян Россией, о неудачной продаже ею Австро-Венгрии сербских земель. Лживая информация Николая Романова через копенгагенские каналы, если принять во внимание родственные связи датского двора, могла как раз попасть куда следует и рассеять тяжелое впечатление от убийственных разоблачений.

Совсем уже курьезом, только другого характера, звучит утверждение Николая Романова, что он никогда не слыхал о том, что Босния и Герцеговина были уже несколько раз проданы той же Австро-Венгрии. В данном случае мы склонны думать, что Николай не лгал. При той системе тайной дипломатии, которая практикуется всеми капиталистическими правительствами и особенно практиковалась предками Николая и им самим была унаследована от них, такие вещи были вполне возможны. Нам из дневника Ламздорфа известно, что на первом докладе министра иностранных дел Гирса 4 (16) ноября 1894 г. Николай заявил ему: «Я ничего не знаю. Покойный государь не предвидел своего конца и не посвятил меня ни во что». Когда Гирс передал ему секретные соглашения с Францией, то оказалось, что он о них и представления не имел. Тут же Николай узнал от Гирса о секретных государственных делах, в которые «посвящены только 1½ человека: Ламздорф, с которым я занимаюсь, и наполовину — Шишкин [товарищ министра. — *Ф. Н.*], которому пришлось сообщить кое-что во время моей болезни» [1]).

Прошло два с лишним месяца. Гирс умер, а секретные дела оставались попрежнему у Ламздорфа, что его даже заставило 15 января 1895 г. записать в своем дневнике: «Странное положение у меня в этот момент. Мои секретные архивы содержат ключ ко всей политике последнего царствования. Ни молодой император, ни честный Шишкин, назначенный временно управляющим, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных исключительно и бесконтрольно мне на хранение на протяжении многих лет. Я работал в самой глубокой тени рядом с моим бедным старым начальником; никто меня не знал, и вот теперь... я оказался один хранителем государственных тайн, которые служат основой наших отношений с другими государствами».

Случилось однако так, что уже через два дня необходимо было познакомить Николая Романова с секретной перепиской, сопровождавшей разрыв переговоров с Германией в 1890 г. по поводу возобновления договора с «двойным дном». Николай Романов на это согласился, будучи к этому вызван излишней откровенностью Вильгельма II во время прощальной аудиенции русского посла в Берлине Павла Шувалова. И вот что записано по этому поводу у Ламздорфа под 21 января: «В 4 часа мы отправляем пакет с секретным досье по поводу переговоров 1890 г. Уже в 9 часов вечера император возвращает это досье с пометой: «Теперь мне многое представляется ясным и в другом для меня свете» [2]).

Вот и все, что мы пока знаем о знакомстве Николая Романова с секретным архивом. Однако в этом досье не могло ничего быть относительно Боснии и Герцеговины. Николай Романов прав, говоря, что Гирс ему ничего не говорил. Он ему и не мог сказать, так как вскоре после смерти Александра III он сам умер. Если принять во внимание отношения между Лобановым-Ростовским, с одной стороны, и «династией» Гирсов и Ламздорфом,

[1]) Дневник В. Н. Ламздорфа. «Красный архив», т. XLVI, стр. 10.

[2]) Там же, стр. 27.

с другой стороны, и те великокняжеские интриги, при помощи которых этот кретин сделался министром, то очень правдоподобно предположение, что и сам Лобанов не ведал про существование этих документов. Гирс, по случаю смерти, а Лобанов по неведению ничего не сказали Николаю Романову.

Из другого источника мы знаем, что все важнейшие секретные документы, а также относившиеся к Боснии, находились у Ламздорфа до его смерти. Николай Романов узнал об этом от Витте только перед уходом Ламздорфа в 1906 г. в отставку [1]). Однако он не проявил к секретным документам никакого интереса. Мы поэтому вполне допускаем, что не только последний царь, но и Извольский и Чарыков не знали о существовании этих секретных соглашений до того момента, как стряслась беда с аннексией. В пользу этого предположения говорят следующие веские данные.

Уже тогда было известно, что занятие Боснии и Герцеговины было обеспечено Австрии соглашениями Рейхштадским и Будапештским, т. е. еще до войны России с Турцией. И только из послевоенных публикаций стало известно, что Россия согласилась на Берлинском конгрессе вторично признать права Австрии над этими провинциями взамен поддержки с ее стороны притязаний России на Бессарабию и территории на Кавказе. Там же Россия обязалась не возражать против аннексии Новобазарского санджака. Договоры 1881 и 1884 гг. опять таки закрепляли уже в третий раз за Австрией эти провинции [2]).

Письмо Франца-Иосифа об аннексии Боснии и Герцеговины Николай Романов получил 22 сентября (5 октября), а Чарыков получил в тот же день копию с него [3]).

И только, повидимому, это письмо, содержащее ссылки на старые соглашения, подало повод заместителю Извольского Чарыкову произвести розыски в архиве. Секретные бумаги, которые Чарыков прислал Романову, это и есть результаты этих розысков. Это — телеграммы Шувалова и Горчакова Гирсу. Телеграммы эти — числом 13 — хранятся в особой папке. На них имеется знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым, а рукой Чарыкова сделана помета: «Яхта «Штандарт». 3 октября 1908 г.» [4]). На основании этих телеграмм составлена телеграмма-резюме, которая и была послана Чарыковым Извольскому в Мюнхен 29 сентября ст. ст. Эта телеграмма настолько интересна для понимания интересующего нас вопроса, что мы ее приводим целиком:

«Переписка 1878 г. содержит интересные указания следующего рода. Андраши просит 10 июня о том, чтобы «если в дальнейшем будет достигнуто соглашение с турками о полной уступке» области (санджак), мы бы не противились этому». Шувалов телеграфирует 15-го: «Если император разрешит нам войти в соглашение с Андраши, мы будем вынуждены подписать обязательство не противиться в будущем аннексии санджака в случае, если Австрия договорится по этому вопросу с Турцией. Так как это соглашение проблематично, это уменьшает значение обязательства». Австрийское предложение от 16-го гласит также, что «если в дальнейшем будет достигнуто соглашение об аннексии, чему

[1]) С. Ю. Витте. Воспоминания, т. II, стр. 305. Изд. «Слово», Берлин, 1922 г.
[2]) «Красный архив», т. I, стр. 133 и 145.
[3]) Oesterr. Aussenpolitik, I. № 144.
[4]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 201.

сочувствует Европа, Россия не должна противиться этому. На этих условиях Австрия не будет оспаривать Бессарабию и Азию». Вот ответ от 17-го: «Что касается предложения, сделанного Андраши Черногории, то его величество принимает его и соглашается не возражать против возможной аннексии санджака, если позиция («будущая») Австрии в отношении нас оправдает эту большую уступку».

Шувалов телеграфирует 20-го: «Обещали Андраши заключить письменный договор» и 23-го: «Европа единодушно согласилась на оккупацию Боснии и Герцеговины и на [ввод] гарнизона в санджак, имея в виду, в конечном счете, аннексию этих территорий. Салисбюри повторил мне сегодня, что, не признавая эту аннексию, Англия считает ее неизбежной и не будет возражать против нее, в конце концов, не будучи непосредственно заинтересована в вопросе. Бисмарк, который всегда был сторонником этой аннексии, не поможет нам предотвратить ее».

Поиски в архивах продолжаются, но уже сейчас ясны три момента: 1) Теперешняя позиция непротивления, в которой упрекает правительство русская пресса, вытекает из обязательства, навязанного ему в 1878 г. 2) Это обязательство было обусловлено предварительным заключением соответствующего соглашения между Австро-Венгрией и Турцией и «будущей» позицией по отношению к нам венского кабинета, т. е. было построено на принципе компенсации. 3) Поскольку Турция опротестовала аннексию перед державами, вопрос должен быть урегулирован путем соглашения между всеми державами, подписавшими Берлинский договор» [1]).

Отсюда вытекает, что Извольский, Чарыков и Николай Романов в момент отправки последним письма Марии Романовой, т. е. 8 (21) октября, еще ничего точно не знали о содержании секретных договоров 1881 и 1884 гг. Николай Романов выражается о них в письме к матери таким же общим языком, почти в тех же выражениях, что и Франц-Иосиф [2]), не называя определенных дат.

И в ответном письме последнему от 22 октября (4 ноября) он также обходит этот щекотливый вопрос молчанием. Ссылка на Гирса и Лобанова — это опять таки повторение слов из письма Франца-Иосифа от 16 (29) сентября.

«Розыски», о которых говорит Чарыков, надо полагать, имели успех, так как в представленном Извольским Николаю Романову материале для письма Вильгельму II, уже 9 (22) января 1909 г. фигурируют не только эти [3]) тайные договоры, но и причины их прекращения. Все эти данные дают нам право говорить, что руководители русской дипломатии не подозревали до самой катастрофы, что их юридическая и моральная позиции были незащитимы. Оттого и ярость на «коварного» Эренталя: «он просто подлец». Правда, было время, когда царь иначе отзывался о нем. И не так давно. Два года назад он писал той же Марии Федоровне: «Эренталь уезжают, — что жалко, — мы им даем обед завтра» [4]). «Подлецом», по терминологии Николая Романова, он сделался после того, как «Фердинанд поступил глупо и невпопад». Еще бы впопад! Он, можно сказать, испортил

[1]) Там же.

[2]) «Красный архив», т. X, стр. 42—43.

[3]) Переписка Вильгельма II с Николаем II, стр. 149.

[4]) «Красный архив», т. XXII, стр. 206.

во всех отношениях великолепно налаженную игру. 8 (21) сентября Чарыко в докладывал Николаю Романову о результатах свидания в Бухлау и в тот же день телеграфировал Извольскому в Мюнхен: «Его величеству понравилась мысль о замене доброй памяти Берлинского трактата другим актом о русском почине в предложении о независимости и королевском титуле Болгарии».

Мы знаем теперь не только из тогдашних газет, но и из официальных документов, что Болгарию Петербург долго не хотел простить за провозглашение независимости. А оказывается, что он был против независимости только потому, что Болгария ее получила не из рук Романовых.

Интересна еще одна деталь. У последнего Романова было такое же отвращение к Берлинскому трактату, как у его отца и деда к этому же и Парижскому акту. Сообщение Извольского о разрешении вопроса о проливах прямо-таки привело Николая Романова в восторг. Из того же документа мы узнаем, что он даже разразился такой тирадой: «В таком случае, нам нечего хлопотать о Константинополе». При последнем приеме Турхан-паши в Ливадии он поручил ему передать лично султану его желание «вернуться к отношениям времен Ункиар-Эскелессийского договора». И тут мы сталкиваемся опять с неискоренимой чертой Романовых. Последний их отпрыск лелеял мечту пращура и не мог забыть периода 1833—1841 гг., когда, по названному договору, султан играл роль привратника России у проливов, договору, который закрывал вход в Черное море для иностранных военных судов и открывал широко ворота русскому флоту для выхода в Средиземное море. Что Николай Романов по слабоумию мог мечтать о подобных химерах в 1908 г. — это никого не удивит. Но любопытно, что и дипломаты его считали эту цель достижимой. Николай Последний до того уже уверовал, что он сможет свободно перебрасывать свой флот из Черного в Балтийское море и обратно «до» ликвидации Турции, что воскликнул даже, прощаясь с Чарыковым: «Я буду помнить день 8 сентября» [1] (день доклада Чарыкова о соглашении в Бухлау).

Радость была велика, тем горше было наступившее через несколько дней разочарование.

III.

Приведенные выше факты в достаточной степени опровергают утверждения тогдашней прессы и «историков» о «коварстве» Австро-Венгрии и о неожиданной для России аннексии Боснии и Герцеговины. Истинным инициатором и подстрекателем во всей этой авантюре было само одураченное царское правительство. «Подлец» Эренталь был, таким образом, по отношению к царизму виноват, пожалуй, разве в том, что, будучи втечение нескольких лет persona grata в придворных и реакционных кругах Петербурга, был прекрасно осведомлен о тяжелом положении царской России, потрясенной до основания русско-японской войной и революцией, и об ее неспособности к военному испытанию. Это и вселило в него бодрость и решимость поставить царское правительство перед совершившимся фактом, отказав ему в маклерских, которых оно требовало за свое согласие

[1] Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204.

на аннексию [1]). Министерство иностранных дел и сам Николай Романов тщательно готовились к «аннексии». Был заранее выработан целый план обуздания и подкупа печати как своей, так и заграничной. Первая не должна была поднимать общественных вопросов и не выпячивать австрийско-сербских взаимоотношений, вторая должна была «разумно» обсуждать факт нарушения Берлинского трактата и подсказывать будущей международной конференции решения в духе принятых в Бухлау. Дело было не из легких. Уже 8 (21) сентября Николай Романов обратил внимание Чарыкова «на трудность подготовить нашу печать к надлежащему отношению к этому вопросу». Во время этой аудиенции Чарыков уже мог сообщить своему владыке некоторые утешительные данные, а именно, что «Егоров и Пиленко уже в достаточной степени в наших руках». А. Пиленко, профессор международного права и сотрудник «Нового времени», получил в тот же день на чай. Николай Романов утвердил его кандидатуру на конференцию в Берлине по литературной собственности. Донося об этом Извольскому в Мюнхен, Чарыков, захлебываясь от радости, писал: «Пиленко нам будет там технически очень полезен; он крайне польщен этим назначением; он будет стоить нам простой курьерской дачи в Берлин — и Пиленко будет нас слушаться». Иметь «своего» Пиленко в «Новом времени» в такой ответственный момент для Извольского и, пожалуй, Николая Романова было чрезвычайно важно еще и потому, что П. А. Столыпин имел там постоянно «своего» А. А. Столыпина.

Ведомство Извольского смотрело очень просто и на щепетильность иностранной печати. «Сладить с печатью (я включаю и иностранную через Гирса и здешних корреспондентов «Times», «Associated Press», «New-York Herald», коими мы вполне располагаем) будет в тысячу раз легче на почве пересмотра Берлинского трактата» [2]) и т. д.

После этой предварительной работы кампанию в печати открыл сам Извольский. 11 (24) сентября появилась во всех газетах телеграмма, составленная им самим и присланная 10 сентября из Берлина в Петерб. тел. агентство. В этой телеграмме говорилось, что, по достоверным сведениям, в Бухлау была «установлена общность взглядов по отношению к внутреннему положению Турции», а вопрос о Боснии и Герцеговине «был оставлен покуда открытым». Далее в сообщении говорилось, что боснийский вопрос будет поднят на собирающихся делегациях в Будапеште. 12 (25) сентября «Новое время» уже притворно рычало: «речь идет уже не об изменении status quo, а о нарушении такой основы европейского мира, как Берлинский трактат». Ненавистный немецко-английский Берлинский трактат мог иногда, когда этого требовала высшая политика, служить и «основой мира» для патриотического «Чего изволите?»

Поведением печати министерство в те дни было довольно. Чарыков 12 (25) сентября по этому поводу писал: «После доверительного совещания Гирса с редакторами газет «Новое время», «Слово» и «Речь» этому предприятию положено, повидимому, благоприятное начало, выразившееся в серьезных, но и достаточно умеренных заметках в сегодняшних номерах первых названных газет» [3]).

---

[1]) С. Ю. Витте, Воспоминания, т. II, стр. 399—403.

[2]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, лл. 4—5.

[3]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 104, л. 65.

Открывая газетную кампанию, Извольский, повидимому, не очень надеялся на полную послушность подкупленной его заместителем печати. Он все время тормошит Чарыкова и преподает разные советы. Письмо от 11 (24) сентября в этом отношении настолько замечательно и бросает так много света на взаимоотношения между министерством иностранных дел и печатью, в том числе и либерально-демократической, и взаимоотношениями между им же и правительством в целом, что мы не можем устоять перед искушением привести из него довольно длинную цитату. Примечания к нему сделаны рукой Чарыкова:

«...Еще раз с особенной настойчивостью считаю долгом обратить ваше внимание на необходимость подготовить общественное мнение и печать [1]). Необходимо воздействовать не только на «Новое время», но и на другие органы. Хорошо бы переговорить с Гучковым [2]), и, если возможно, то и с Милюковым, который только что был на Балканском полуострове и, судя по донесениям Сементовского, весьма здраво рассуждает о болгарских делах [3]). Советую вам также заранее посвятить в наши предположения Столыпина и главнейших министров: финансов, военного и морского [4]). Все они, конечно, согласятся с нами, что обострять наши отношения к Австрии (а, следовательно, и с Германией) и рисковать войной из-за Боснии и Герцеговины было бы безумием и что мы предполагаем единственный практический выход. Я воспользовался тем, что здесь в Эгерне оказался под рукой Шелькинг, которому я прочел длинную лекцию и который пошлет на-днях длинное письмо в «Новое время» за подписью «Инсаров». Предупредите об этом Гирса, дабы он мог направить немного полемику, которую должно будет возбудить это письмо. Шелькинг ничего не просит за эту услугу, но надо будет дать ему какую-нибудь подачку» [5]).

IV.

Однако Столыпина и «главнейших министров» посвятили во все тайны лишь тогда, когда царизм уже находился в западне и нужно было спасать престиж «покровительницы» в глазах преданных ею балканских славян. И тут сразу выяснилось, что для Столыпина не проливы, а укрощение революции было на первом месте.

Преданный слуга реакции и порядка, Столыпин понимал куда лучше классовые интересы монархии и крепостников, чем их глава Николай Романов. Ущемленный престиж ничего не стоил в глазах этого полицейского гения, и его ради он уже никак не был намерен подвергать укрощенную им страну возможным потрясениям и своими руками открывать настежь с таким трудом закрытые ворота революции. Только 19 сентября (2 октября), по приказанию Николая, Столыпину, министру финансов Коковцову, военному министру Редигеру и морскому — Дикову открыли тайну. Тут же

[1]) «Это дело подвигается, пока, очень успешно».

[2]) «Я это сделаю тотчас по возвращении Гучкова в Петербург».

[3]) «Милюков был при мне профессором в Софийском университете, и я могу возобновить с ним знакомство».

[4]) «О сем я излагаю ходатайство в сегодняшней всеподданнейшей записке».

[5]) «Д. с. с. Гирс предупрежден и для Шелькинга будет сделано что-либо».

«Столыпин и Коковцов высказали прежде всего крайнее огорчение по поводу того, что они и объединенное правительство так поздно узнали о деле столь громадного национально-исторического значения, затрагивающего интересы внутреннего состояния империи и угрожающего возможными затруднениями предстоящему и необходимому заграничному займу» [1]). А это были решающие моменты. Боязнь революции и отсутствие денег, которые этот несносный Коковцов еще и без Думы доставать не хотел для личных дел «семейства», должны были убедить Николая Романова в необходимости покориться неизбежному. Момент был ответственный. И Столыпин тут же показал, на что он способен. Он не пустил Чарыкова одного к царю на доклад, а отправился с ним 21 сентября сам [2]).

Позиция Столыпина в этом вопросе вырисовывается весьма четко. А. М. Зайончковский ошибался, высказывая предположение, что и Столыпин приложил руку к боснийской авантюре. Как раз наоборот. Резолюция Николая на копии письма Франца-Иосифа от 29 сентября — «Надо будет зрело обдумать проект моего ответного письма императору, вдохновляясь мыслями, высказанными в разговоре с вами и со Столыпиным 21 сентября» — говорит как раз о противоположном. Чарыкову, при составлении ответного письма австрийскому императору, конечно, приходилось вдохновляться не указаниями Николая Романова, а тем, что Столыпин говорил Николаю в тот день и за день до того самому Чарыкову. Неверно и то, что будто бы эту директиву Николай дал Извольскому [3]). Последний в те дни еще находился заграницей. В связи с скандалом, поднятым действиями «подлеца» Эренталя, он 1 (14) октября меланхолично писал из Лондона Чарыкову: «Но лично для меня обстоятельства, конечно, сложились очень невыгодным образом, и мне приходится серьезно думать о возможности оставления моего поста» [4]). Напрасная трата энергии. Столыпин уже об этом подумал раньше. Не надо было только торопиться. А пока, что ликвидацию боснийского скандала он взял в свои руки. Не будучи сам сведущ в международной политике и не желая расставаться с полицейской нагайкой, он начал подыскивать министра иностранных дел, на которого он мог бы положиться и быть уверенным, что тот не спутает его карт укротителя революции. Через короткое время в министерстве уже сидел в качестве товарища министра зять Столыпина Сазонов. Чарыков был назначен послом в Константинополь. Столыпин гарантировал себя от всяких сюрпризов. Спешить не было нужды. Так тянулось почти два года. Извольскому все-таки пришлось свой пост уступить Сазонову.

Умеренные мысли, высказанные Николаем Романовым в письме к матери от 4 марта 1909 г. по поводу войны, предотвращенной вмешательством Столыпина, с одной стороны, и Вильгельма II, с другой, продиктованы одержавшим верх курсом Столыпина и Коковцова. Этот инцидент, повидимому, и послужил исходным моментом для проявления Столыпиным большого интереса к делам внешней политики. Этот урок не прошел даром и для Коковцова, который во время своего премьерства также не переставал интересоваться ведомством Сазонова. Восстановленная связь между департаментом полиции, кредитной

[1]) Архив Революции и Внешней Политики, К. 104, л. 36.
[2]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, лл. 93—96.
[3]) «Красный архив», т. X, стр. 44.
[4]) Архив Революции и Внешней Политики, К. № 204, л. 120.

канцелярией и внешней политикой, как и в дни Витте, крепко держалась до тех пор, пока промышленные интересы капиталистических элементов помещичьего класса, объединенные с интересами банковского и промышленного капитала, не начали постепенно брать верх над интересами чистых крепостников и умеренной буржуазии. Эта эволюция совершалась постепенно. Как известно, перегруппировка — соответственно изменившемуся реальному соотношению сил на верхах — произошла только в 1914 г.

V.

«Раз вопрос поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться» (письмо от 18 марта 1909 г.). Эти строки, написанные под свежим впечатлением ультиматума Германии 10 (23) марта 1909 г., несомненно искренни, если вообще это слово может быть применимо к Николаю II. Но уже через одну строчку он опять лицемерит и лжет, говоря о «жертве» ради спасения Сербии.

Антантофильские историки установили своего рода «периодизацию» истории Антанты: первая попытка Германии «разорвать» Антанту обнимает период Биорке—Алжезирасская конференция; вторая попытка была сделана во время боснийского кризиса; третья — во время нашумевшего Агадирского инцидента и т. д. [1]). И само собой понятно, что злокозненность немцев разбилась, по утверждениям этих историков, только в силу нибелунговой верности защитников «цивилизации и свободы малых наций». И как раз в этой связи чрезвычайно поучительно читать у Николая Романова такие слова: «Я думаю, что этим еще раз хотели нас отделить от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы действий приводят скорее к обратным результатам». Этим лишний раз устанавливается связь между «независимой» исторической наукой в руках известного сорта историков и теми классовыми интересами, которые она обслуживает. Для многих, может быть, покажется довольно неожиданным узнать в лице Николая Романова творца этой «периодизации» истории Антанты.

«Правда, что форма или прием германского правительства — их обращение к нам — был груб, и мы этого не забудем!!» Эти два восклицательных знака кольями торчали в мозгу Николая Романова. Крепко помня столыпинскую полицейскую философию, что «в настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в полной дружбе», Николай Романов не умел прощать нанесенных ему обид. Он всю жизнь не мог простить С. Ю. Витте, дважды спасшего его трон и монархию, за вырванное им для его же, Николая, спасения «страшное решение» в октябрьские дни 1905 г. «Нет, никогда, п о к а я ж и в, не поручу я этому человеку самого маленького дела», — исповедывался он своей матери 2 (15) ноября 1906 г., после того, когда «с таким трудом мне и Столыпину удалось ослабить»... «жидовскую клику» [2]). Он его всю жизнь за это преследовал и мстил ему по-мелочному, как это может делать только ограниченно-злобная натура.

---

[1]) Е. Тарле. Европа в эпоху империализма, стр. 193.

[2]) «Красный архив», т. XXII, стр. 168 и 208.

...«Мы этого не забудем!!» С этими чувствами он отправлялся в октябре 1909 г. на заранее подготовленный флирт с итальянским королем в Ракониджи, тщательно объезжая «врага» славянства. «Поездка выходит длинная, но иначе нельзя, так как я ни за что не проеду через Австрию», — пишет он матери.

Оглядывавшаяся всегда на Англию и связанная с 1902 г. с Францией Италия соглашением в Ракониджи по балканским и триполитанским делам связалась с третьим членом Антанты — с Россией. Николай и его советники твердо помнили, «что еще раз хотели отделить нас от Англии и Франции». Наука пошла впрок. Россия применила другие средства для отделения Италии от Тройственного союза: она и вся Антанта заплатили ей турецкой провинцией в Африке.

Тем не менее действовать надо было осторожно. Внутриполитическая ситуация еще не совсем определилась, тяжелая рука Столыпина еще давила всей своей увесистостью и «самодержец всея Руси» принужден был через год отправиться к «дорогому Вилли» — и не просто на свидание, как всегда в море, а к нему на дом, в Потсдам. Да и не один, а под наблюдением Сазонова, преданного тогда «династии» Столыпина человека. Ничего нельзя было поделать! Не все еще было готово для того, чтобы показать или дать почувствовать Вилли, что «мы этого не забудем!!» Интересы высшей политики требовали сугубой осторожности, так как «в настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в полной дружбе».

Ф. Нотович.

Царское село[1].
1 марта 1907 г.

Моя милая, дорогая мама,

Мы все были счастливы, когда ты благополучно достигла Лондона. Приятно, что переход через канал был тихий — это редко в теперешнее время года. Теперь очень забавно читать все, что английские газеты пишут про твое пребывание.

Вы удивительно много делаете каждый день. Наверное, ты наслаждаешься ездить с т. Аликс [2] в motor-car по тамошним чудным дорогам. Мы радуемся за тебя, милая мама, что ты, наконец, можешь отдохнуть и жить в новой обстановке.

Как хорошо, что ты бываешь в театрах!

Вероятно, из семейства никого нет в Лондоне, кроме Georgie [3] and May [4], что тоже, думаю, для тебя удобно.

---

[1]) Подлинники публикуемых писем хранятся в Особом отделе Центр. ист. архива. — Тексты писем подготовил к печати А. А. Сергеев.

[2]) Александра, жена англ. короля Эдуарда VII; сестра имп. Марии Федоровны.

[3]) Георг, принц уэлльский, насл. англ. престола.

[4]) Виктория Мария, жена принца уэлльского Георга.

У нас покамест все довольно тихо. Конечно, ты уже знаешь, как открылась Дума и какую колоссальную глупость и неприличие сделала вся левая, не встав, когда кричали «ура» правые!

Я получаю с того дня телеграммы изо всех углов России с выражением глубокого возмущения истинно русских людей — этою непочтительностью Думы. До сих пор члены занимаются внутренними вопросами, а главное — проверкой собственных полномочий, т. е. правильно ли каждый из них выбран. Кажется, завтра или в субботу — Столыпин [1]) будет читать свою речь, и тогда скоро станет ясно, пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом или начнет терять время и свой небольшой престиж болтовней и ругательствами [2]).

Поживем — увидим.

Головин — председатель [3]) представился мне на другой день открытия.

Общее впечатление мое, что он — une nullité complète! [4]).

Ты помнишь мерзкую историю с лабораторией бомб и всякого оружия в Политехникуме. Представь себе, что этот идиот Гагарин [5]) осмелился заявить протест на действия полиции и кроме того клевету— будто все найденное в его заведении есть дело рук той же полиции. Тогда я приказал Столыпину уволить его от должности и предать суду с другими профессорами. Надеюсь, что этот пример отрезвит немного остальных ректоров. Пишу тебе нарочно так подробно, потому что уверен, что на тебя посыплются письма и прошения за Гагарина.

Жалко бедной старушки княгини, но что же делать! Не могу выразить, насколько я возмущен этой дерзостью — и кого? Человека с таким именем!

К нам приехали на три дня — Мари и Дмитрий [6]). Завтра в Павловске маленький folle journée для Татьяны Константиновны [7]), на который они тоже приглашены. Кажется, будет человек 150 приглашенных.

Мы все здоровы, много бываем на воздухе. Все дети тебя обнимают, особенно Татьяна [8]).

---

[1]) Столыпин, П. А., министр внутр. дел и председатель Совета министров (1906—1911).

[2]) Так в подлиннике.

[3]) Головин, Ф. А., председатель II Госуд. думы; член Ц. К. кадетской партии.

[4]) «Полное ничтожество!»

[5]) Гагарин — директор Петерб. политехнического института.

[6]) Мария Павловна, вел. кн., и ее брат вел. кн. Дмитрий Павлович.

[7]) Татьяна Константиновна, дочь вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.).

[8]) Татьяна Николаевна, вел. кн., дочь Николая Романова.

Нежно целую тебя моя дорогая, горячо любимая мама. Очень целую а. Alix. Христос с тобой! Всей душой тебя любящий

Ники.

Царское село.
8 марта 1907 г.

Моя милая, дорогая мама,

Ты меня так обрадовала твоим добрым письмом; я не ожидал получить его так скоро. От всей души благодарю тебя за твои милые строки. Жаль, что в доме а. Alix холодно, тебе надо быть осторожной, чтобы не простудиться или получить lumbago.

За последние дни один за другим умерли — Вердер [1]), гр. Ламздорф [2]) и добрый Густав Иванович Гирш [3]) — старый и верный друг нашей семьи. Для него это — избавление от мучительного состояния, так как втечение нескольких недель он, бедный, не мог дышать без помощи кислорода. Его вдова спокойна и терпелива, а дочери более грустны. Сегодня вечером у них в доме будет панихида, а послезавтра похороны в Петербурге, на Волковом кладбище.

Ты, конечно, прочитала в газетах о речи Столыпина в Думе и об ответе его на разные дерзости в том же заседании.

Все слышавшие, как он говорил, остались довольны; я очень рад за него, что он имел такой успех, это его подбодрит и всех хороших и даст ему самому энергию и уверенность в себе.

Обвал потолка в Таврическом дворце — громкое дело, в котором, по-моему, виноваты прежде всего архитекторы. Работы там будут окончены через два дня, так что Дума снова переедет к себе.

У маленьких певчих скарлатина и потому у нас поют конвойные казаки. Они знают все службы и отлично справляются с преждеосвященной обедней и с трио «Да исправится». В субботу мы причащаемся все вместе, Миша, Ольга и Петя [4]). Мысленно буду с тобой, моя дорогая мама. Крепко обнимаю тебя и а. Alix. Христос с тобой!

Горячо любящий тебя твой старый

Ники.

---

[1]) Повидимому, ген.-ад. Вердер, б. военный уполном. Германии в России с 1869 по 1886 г., в 1894 г. — герм. посол в Петербурге.

[2]) Ламздорф, В. Н., гр., министр ин. дел (1900—1906).

[3]) Гирш, Г. И., лейб-хирург.

[4]) Михаил Александрович, вел. кн., брат Николая Романова; Ольга Александровна, сестра Николая Романова, жена принца Петра Александровича Ольденбургского.

Царское село.

15 марта 1907 г.

Моя дорогая мама,

Эти последние дни здесь настала настоящая весна, чудная ясная погода при 8° в тени! Как видишь, недалеко отстали от погоды в Англии!

Надеюсь, ты себя отлично чувствуешь и много бываешь на воздухе. Видела ли ты дом Maud и Carl? [1]).

Я получил телеграмму из Portsmouth от Русина, командующего гардемаринским отрядом, о радушном приеме, оказанном в Англии нашим морякам.

Когда они хотят обворожить, они умеют это сделать.

Вчера праздновали 100-летний юбилей Константиновского артиллерийского училища. Был отличный парад в манеже, затем обед юнкерам в большой зале, как прошлый раз 1-му кадетскому корпусу. Мы завтракали с начальством и бывшими воспитанниками. Твой внук был тоже на параде.

Грустная смерть старика Победоносцева [2]) последовала довольно неожиданно. Крупный государственный человек сошел со сцены! Даже заграницей много заговорили о его кончине, что видно из газет.

Мы не знаем твоих планов вперед, но слышали, что а. Alix едет в апреле к д. Берти [3]) и потом в Италию.

Некоторые думают, что ты заедешь в Биарриц и потом с Ксенией [4]) вернешься сюда. Но это одни догадки.

Теперь начинается весенняя серия полковых праздников — с Драгунского 19-го марта. Это будет происходить, как в прошлом году, на дворе Большого дворца. Завтра я принимаю sir D. Meckenzie Wallace [5]), который в Петербурге со дня открытия Думы. Извини за скучное письмо, моя милая мама. Нежно обнимаю тебя, а. Alix и Toria [6]).

Христос с тобой! Горячо любящий тебя твой старый

Ники.

---

[1]) Карл, принц датский, в 1905 г. был избран норвежским стортингом на норвежский престол (после отделения Норвегии от Швеции), по вступлении на престол принял имя — Гаакон VII; Maud — его жена.

[2]) Победоносцев, К. П., обер-прокурор синода бессменно с 1880 г.; лидер придворной камарильи, один из ближайших закулисных советников Николая Романова.

[3]) Эдуард VII, английский король.

[4]) Ксения Александровна, жена вел. кн. Александра Михайловича; сестра Николая Романова.

[5]) Уоллес, сэр Дональд Мэкензи, английский писатель и путешественник; автор книги о России — «Russia», вышедшей в свет в 1877 г. и переизданной в 1905 г.

[6]) Виктория, принц., дочь англ. короля Эдуарда VII.

Царское село.
22 марта 1907 г.

Моя дорогая мама,

То, что мы предполагали, случилось: вместо Гатчины ты отправилась в Биарриц к Ксении! Это вышло так просто и кстати ко дню ее рождения. Там ты, наверно, найдешь все в полном цвету; как приятно, должно быть, пожить около океана!

С тех пор, что я тебе писал, у нас настает ранняя весна, дни стоят теплые и ясные, почти весь снег стаял, осталось его немного в лесу. Такое наслаждение гулять и ездить верхом!

Дела у меня много, но все-таки больше времени быть на воздухе, чем в прошлом году. 19-го был отличный парад лейб-драгун, сегодня Пажеского корпуса. Завтра праздник Сводно-гвардейского баталиона, а 25-го, как всегда, Конной гвардии.

Недавно у меня был митр. Антоний по некоторым делам. Между прочим я его спросил, что он думает по вопросу возможности Николаше [1]) жениться на Стане? [2]).

Он мне сказал, что он переговорит с прочими членами синода и затем сообщит их общее мнение. Через неделю он приехал с ответом, что так как такие браки постоянно разрешаются епископами в разных епархиях, то они ничего не имеют против этой свадьбы, лишь бы она состоялась в скромной обстановке и вдали от Петербурга.

Признаюсь, такой ответ меня очень обрадовал, и я сообщил его Николаше вместе с моим согласием. Этим разрешается трудное и неопределенное положение Николаши и в особенности Станы. Он стал неузнаваем с тех пор, и служба его сделалась для него легкой, он м н е так нужен!

Крепко, крепко обнимаю тебя, моя милая мама, и Ксению тоже. Христос с тобой! Горячо тебя любящий твой старый

Ники.

Царское село.
29 марта 1907 г.

Дорогая моя мама,

Вот уже неделя, что ты находишься с Ксенией. Слава богу, что путешествие было удачное. Надеюсь, у вас погода поправилась, досадно жить на юге без солнца.

---

[1]) Николай Николаевич, вел. кн., главноком. войсками гвардии и петерб. военного округа.

[2]) Анастасия Николаевна, дочь черногорского короля Николая, 10 ноября 1906 г. развелась с своим мужем герц. Георгием Макс. Лейхтенбергским, 29 апреля 1907 г. вышла замуж за вел. кн. Николая Николаевича.

Здесь поразительно ранняя и теплая весна, что очень приятно и радостно. 25-го был великолепный парад Конной гвардии перед Большим дворцом.

Опять умерло два хороших знакомых и оба вчера: добрый Олсуфьев в Аббазии и Гри. Гри. Голицын. Он недавно почти совсем поправился и уехал в город на три недели, думая вернуться сюда на дачу Мальцева! Олсуфьев умер скоропостижно от болезни сердца; Юрка был при нем.

Вероятно, ты читаешь в газетах о том, что делается или, скорее, болтается в Думе.

Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова [1]). С ними никто в Думе не может справиться, они говорят так умно и находчиво, а главное — одну правду. Кутлер [2]) — подлец совсем провалился. Но все было бы хорошо, если бы то, что говорится в Думе, оставалось в ее стенах. Дело в том, что всякое слово, сказанное там, появляется на другой день во всех газетах, которые народ с жадностью читает. Во многих местах уже настроение делается менее спокойным, опять заговорили о земле и ждут, что скажет Дума по этому вопросу. Отовсюду мне посылают телеграммы и адресы с просьбою распустить ее. Но это еще рано, нужно дать ей договориться до глупости или до гадости и тогда—хлопнуть.

До свидания, моя милая мама. Аликс[3]), все дети и я тебя нежно обнимаем. Христос с тобой! Всем сердцем тебя любящий старый твой

Ники.

Царское село.

5 апреля 1907 г.

Дорогая моя мама,

От души благодарю тебя за твое милое доброе письмо, которое я получил в прошлое воскресенье. После двух недель настоящей весны погода испортилась, сделалось холодно, раз выпал снег, а теперь идет дождь, что впрочем хорошо для зелени. Жаль, что у вас погода не поправляется!

Сегодня я в особенно хорошем настроении духа — утром в манеже был смотр Морскому корпусу, которым я остался весьма до-

---

[1]) Коковцов, В. Н., министр финансов (с 26 апр. 1906 г.).

[2]) Кутлер, Н. Н., б. главноупр. землеустройством и земледелием (окт. 1905—март 1906); выйдя в отставку, вступил в кадетскую партию и по ее списку прошел во II Госуд. думу (от Петербурга).

[3]) Александра Федоровна, жена Николая Романова.

волен. Гардемарины и кадеты глядят молодцами, очень подтянуты, веселы и здоровы. Всецело приписываю такое состояние корпуса нашему доброму Воеводскому [1]), которого я поздравил контр-адмиралом. Потом во дворце был стоячий завтрак для кадет и сидячий для начальства. Идя на нашу станцию, я сказал, чтобы кадеты прошли через сад мимо дома, и мы смотрели на них с подъезда.

Корпус громадный — 650 человек.

Завтра первый праздник нового Сводно-казачьего гвардейского полка и день праздника Уральской сотни. Любопытно будет видеть малиновые, голубые, красные и оранжевые мундиры вместе и лошадей всевозможных пород. Ничего нового не имею тебе сообщить, кроме удачных арестов 1-го апреля в Петербурге 26 очень серьезных анархистов: у них нашли много бомб и оружия и предположения покончить с Николашей, Столыпиным, Дурново [2]), Орловым [3]) и со мною. На все воля божия, и все мы под его милостью ходим.

До свидания, милая моя мама. Мы все тебя и Ксению крепко обнимаем. Христос с тобой! Горячо тебя любящий твой старый

Ники.

Петергоф.

13 июля 1907 г.

Милая, дорогая мама,

Не могу выразить, как мне тяжело и досадно, что мы с тобой не виделись столько времени. У Анастасии [4]) все еще появляются палочки через 3 или 4 дня, так что, действительно, рискованно приезжать в Гатчину. Она помещена в отдельной комнате и встречается с сестрами и братом на веранде и в саду — только на воздухе.

Я решился тебе написать по следующему делу. Несколько недель тому назад имп. Вильгельм дал мне знать, что был бы рад, если бы мы могли с ним встретиться на море. Так как очередь отдать визит была за мною — он предложил мне местом свидания Свинемюнде около Штетина с 21-го по 24-ое июля, позже этих чисел ему было неудобно. Я согласился, хотя как раз 22-го мне придется не быть дома. Надеюсь,

---

[1]) Воеводский, С. А., начальник морской академии и директор морского кадетского корпуса, с 1908 г. тов. морского министра, с января 1909 г. до 18 марта 1911 г. морской министр.

[2]) Дурново, П. Н., управляющий мин. внутр. дел в 1905—1906 гг.

[3]) Орлов, А. А., ген.-м. свиты его вел., ком. Уланского им. имп. Александры Федоровны полка, прославившийся зверскими расправами с револ. движением в Лифляндии в 1905 г.

[4]) Анастасия Николаевна, вел. кн., дочь Николая Романова.

милая мама, ты не рассердишься на меня, но не я выбирал эти дни для свидания. Мне нужно уйти в море 19-го июля утром; надеюсь быть назад через неделю. Иду на «Штандарте» с четырьмя минными крейсерами отряда Эссена. Раньше не писал тебе об этом предположении, так как был уверен, что расскажу тебе все на словах. Вильгельм желал, чтобы все дело оставалось неизвестным до его возвращения из северного плавания, поэтому прошу тебя никому пока не говорить о нем!

Слава богу, что дорогая Ксения совсем поправилась и что маленький здоров — это, по моему, особая милость божия, что он остался жив! Петя рассказал нам о твоем вчерашнем посещении кавалергардов на биваке, я очень порадовался за них.

Крепко обнимаю тебя, моя милая душка мама. Целую всех. Христос с тобой! Всей душой любящий тебя твой старый

Ники.

Ц. С.

28 февраля 1908 г.

Дорогая моя мама,

Каждый день я читаю в «Daily Graphic» о том, что ты делаешь в Лондоне. О встрече в Берлине мне написал Татищев. Какой шум наделало в Англии письмо императора lord Twedmouth! [1]). Хорошо, что эта история так кончилась, а то из-за пустяка могли возникнуть серьезные последствия.

У нас здесь все идет недурно. На-днях я принимал Хомякова [2]) и имел с ним очень длинный и приятный разговор. Желание работать у них большое, но у м е н ь я, к сожалению, мало!

А бюджет рассмотреть необходимо поскорее, в этом главная задержка. Масляницу мы провели, как и остальные недели; только в пятницу устроили катанье с санками для детей в Павловске.

Мы пригласили многих офицеров Гвардейского экипажа, Миша и Ольга тоже приехали. Было весело и удачно, день был совершенно весенний. С началом поста сделалась вторая зима, ночью морозы доходят до 15, днем теплее, потому что солнце очень греет. Все-таки

---

[1]) Первый лорд адмиралтейства. В начале 1908 г. Вильгельм II послал ему частное письмо, в котором пытался в довольно наивной форме рассеять опасения англичан относительно германской морской программы. Письмо получило огласку и вызвало дебаты в англ. парламенте и в рейхстаге. См. Die Grossse Politik, XXIV, стр. 32—40, и Willy Becker, «Furst Bülow und England», стр. 337—338.

[2]) Хомяков, Н. А., председатель III Госуд. думы; октябрист.

лучше, чтобы теперь было холодно, а потом весна наступила бы сразу. На-днях William [1]) приехал из Москвы и завтракал у нас. Он и Мари просят, чтобы свадьба их состоялась в воскресенье 20-го апреля. Ella [2]) предлагает им после этого переехать в ее дом в городе до их отъезда. Irène [3]), пробывшая в Москве больше месяца, приезжает к нам завтра на 10 дней. Ernie [4]) и его жена хотят посетить Ella в середине марта; может быть, позже они приедут к нам. Извини за это неинтересное письмо. Крепко обнимаю тебя, моя милая мама, и, так как завтра исповедь, прошу простить мне мои вольные и невольные прегрешения. Очень целую а. Alix, Toria, Georgie и May. Христос с тобой! Горячо любящий тебя твой старый

Ники.

Ц. С.
27 марта 1908 г.

Милая моя, дорогая мама,

От души благодарю тебя за твое милейшее длинное письмо, которое мне доставило огромное удовольствие. Ты так хорошо описываешь все, что ты и а. Alix делаете вместе. Меня не удивляет, что дочери Louise [5]) не так красивы, как на фотографии, — это можно было ожидать, когда я их видел маленькими! У них уже тогда было какое-то старческое выражение лиц.

Ты спрашиваешь про маленького Алексея [6]), — слава богу, шишка и синяки у него прошли без следа. Он весел и здоров, как и его сестры. Я с ними постоянно работаю в саду, мы очищаем дороги от последних остатков снега. Он очень скоро сходит, осталось еще только в тенистых местах в лесу. Вся последняя неделя была чудная солнечная погода с маленьким морозом по ночам. Дни понемногу становятся все более теплыми, птички поют, появились первые голубые цветы — вообще поэзия полная. А у вас, к сожалению, дожди и ветры, то же самое пишет Ксения!

Мишу и Ольгу мы видим довольно часто по случаю парадов или завтраков или обедов. 25-го был отличный парад Конной гвардии;

---

[1]) Вильгельм, герцог зюдерманландский; 20 апреля 1908 г. женился на вел. кн. Марии Павловне («Младшей»).

[2]) Елизавета Федоровна, вдова вел. кн. Сергея Александровича, убитого с.-р. И. Каляевым 4 февраля 1905 г.

[3]) Ирен, жена принца Генриха прусского; сестра имп. Александры Федоровны.

[4]) Эрнст-Людвиг, вел. герцог гессенский; брат имп. Александры Федоровны.

[5]) Луиза, жена датского короля Фредерика.

[6]) Алексей Николаевич, наследник.

все дети присутствовали с Аликс. Днем Миша и Ольга уехали верхом в Гатчину. Очень хорошо, что она опять полюбила верховую езду. Я начну ездить, как только дороги высохнут, а то возвращаешься домой сам и лошадь — как свиньи!

Вчера приехал князь черногорский [1]), он очень постарел и потолстел, а ноги сделались совсем кривые. Сегодня мы даем ему большой обед. Сколько времени он остается здесь, я не знаю. Он мне сказал, что ни о чем просить не будет, но все-таки привез с собою несколько министров. — Давно уже князь Васильчиков [2]) говорил мне, что он желает уйти из министерства земледелия. Я его все удерживал. Теперь он настойчиво просит об этом, и мне пришлось согласиться. Он объясняет свое желание уйти тем, что его недостаточно поддерживают Столыпин и его товарищи. Но это не так. По моему, ему просто надоело служить и хочется заняться своими собственными делами и сделаться свободным. Это жаль, потому что он хороший человек, с настоящим именем. А их становится все меньше, так как на службу смотрят иначе, чем прежде смотрели. Теперь, как стало спокойнее, дворянство начало жаловаться на разные нововведения и реформы,— но спрашивается, как и чем о н о помогло правительству в страшную осень 1905 г. Ровно ничем. Все попрятались и приумирели, думая, что настал конец.

На-днях идиот гр. Олсуфьев[3]) в Госуд. совете сказал, что Госуд. дума оказалась п а т р и о т и ч н о й тем, что она хочет отказать в деньгах на флот. Я нахожу, что это гораздо хуже и опаснее, чем то, что говорят и пишут революционеры. Неправда ли?

Но мне пора кончать. Нежно обнимаю тебя, моя дорогая мама. Целую а. Alix. Христос с тобой! Горячо любящий тебя старый твой

Ники.

П е т е р г о ф.
8 о к т я б р я 1908 г.

Милая, дорогая мама,

От души благодарю тебя за письмо-карточку с фотографией твоего прибытия в Копенгаген.

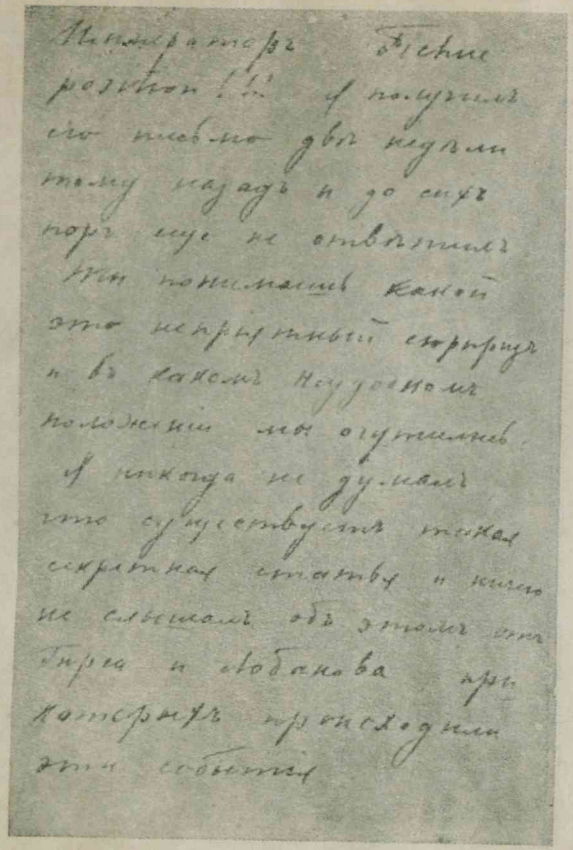
Вчера кончилось наше спокойное и приятное плавание: мы вернулись при хорошей тихой, но прохладной погоде.

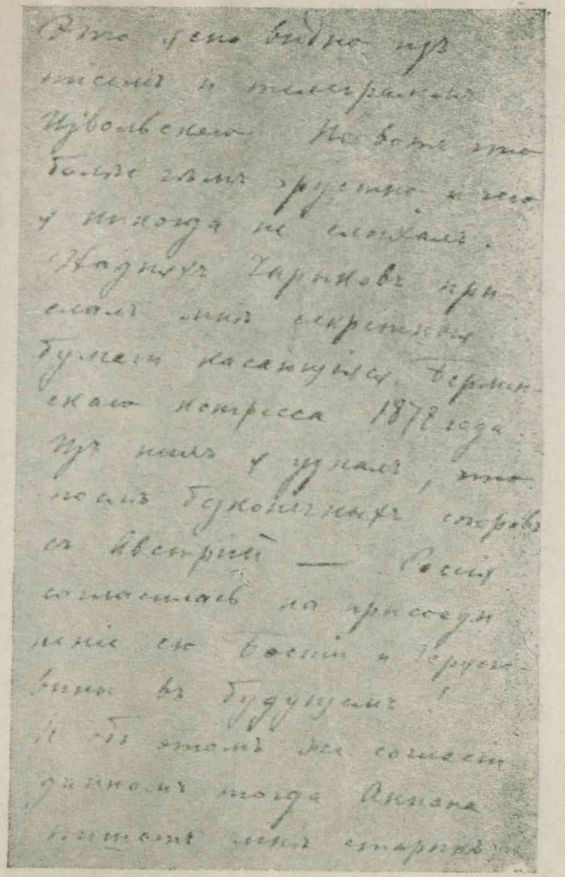
---

[1]) Николай (Петрович) Негош, князь черногорский.

[2]) Васильчиков, Б. А., кн., главноупр. землед. и землеустр. в 1906—1908 гг., один из крупнейших земельных магнатов царской России.

[3]) Олсуфьев, Д. А., гр., член Госуд. совета (от Сарат. губ. земства), октябрист.





Письмо Николая Романова Марии Романовой 8 октября 1908 г.

(См. стр. 185 — 186)

Здесь в Петергофе все так напоминает о бедном Орлове!

Ужасно больно и грустно потерять такого честного и верного друга! Когда мы прощались на «Штандарте», у меня было предчувствие, что я его больше не увижу, но всегда хочется надеяться на лучшее, и поэтому его быстрая кончина так поразила всех.

Несчастные Маша Стенбок, его мать и оба сына отправились за ним в Египет, но не доехали. Мы получили от них такие грустные ответы. Его тело прибудет в Царское село около 25-го. Странно, что известие о его смерти пришло вместе с донесением о снятии «Олега» с мели. И хорошее и дурное вместе.

Смотрами в Биоркезунде я остался очень доволен. Там было собрано все, что у нас теперь есть на воде. Суда стояли так:

«Имп. Александр III».	«Макаров».	Миноносцы
«Рюрик».	«Петр Великий».	адмирала
«Богатырь».	«Европа».	Эссен.
«Слава».	«Николаев».	
«Цесаревич».	«Рига».	
«Олег».		

Два целых дня я ездил по судам, подробно их осматривал и на каждом говорил командам по несколько слов. С отрядом Литвинова я простился, так как он ушел тотчас после нас в море. В первый день была гребная гонка, в которой приняло участие 130 шлюпок. На другой день происходила парусная гонка. Чтобы не терять времени, я поехал на «Рюрик» и осматривал его втечение трех часов, пока шла гонка. Так как было совсем тихо, то она вышла не особенно интересною; зато я основательно осмотрел «Рюрик». Им командует маленький Стеценко — очень строгий и лихой командир.

В тот же день, 25-го сентября, мы вернулись на наш рейд «Штандарт» — три с половиною часа хода из Биоркэ. Немножко покачало при чудной ясной погоде. За все время у нас был мороз только раз ночью, и тоже раз шла крупа, и палуба побелела, но в особенности острова.

Ты верно пишешь, милая мама, что «нахалам» все позволено и все им удается. Фердинанд поступил глупо и невпопад. Очевидно, Австрия, где он находился до этого, подтолкнула его на этот шаг. Но главный виновник, конечно, Эренталь. Он просто подлец. Он подвел Извольского и теперь говорит совсем другое, чем при их свидании. Это ясно видно из писем и телеграмм Извольского. Но вот что более чем грустно и чего я никогда не слыхал. На-днях Чарыков прислал мне секретные бумаги, касающиеся Берлинского конгресса 1878 года. Из них я узнал, что после бесконечных споров с Австрией Россия согласилась на присоединение ею Боснии и Герцоговины в будущем!

И об этом же согласии, данном тогда аннапа [1]), пишет мне старик император [2]). Fichue position!!! [3]) Я получил его письмо две недели тому назад и до сих пор еще не ответил. Ты понимаешь, какой это неприятный сюрприз и в каком неудобном положении мы очутились. Я никогда не думал, что существует такая секретная статья и ничего не слышал об этом от Гирса и Лобанова, при которых происходили эти события.

9 октября.

Скоро уезжает фельдъ-егерь, и я хочу написать тебе два слова о Мише.

Как раз в то время, что я начал мое письмо, пришло письмо от Миши. Он говорит, что думает вернуться домой в начале ноября, а что теперь поедет с а. Alix и Toria в Англию. Я боюсь, что «о н а» [4]) — там. Не можешь ли ты попросить а. Alix следить за Мишей и не отпускать его надолго из дома? Я ужасно боюсь с «ее» стороны какого-нибудь решительного шага, который может сразу все испортить. Мне известно, что отсюда переписка продолжалась все время между Мишей и ею. Прости, милая мама, что я тебе надоедаю этим несносным вопросом; меня он все время беспокоит.

Сегодня чудный солнечный день; надеюсь, у вас такая же погода. Но всетаки осень идет вперед, не найдешь ли возможным отпустить яхты, главное — «Царевну»? Теперь я должен кончить. Крепко обнимаю тебя, моя дорогая мама. Христос с тобой! Всем сердцем тебя любящий твой старый

Ники.

Царское село.
4 марта 1909 г.

Моя милая, дорогая мама,

Ровно две недели прошло с твоего отъезда.

Каждый день мы читаем court circular в «Daily Graphic», из них мы видим, что вы делаете.

К сожалению, вы почти не выезжаете вследствие нездоровья а. Alix, что очень скучно. Надеюсь, что она скоро поправится и Toria

---

[1]) Дед Николая Романова — имп. Александр II.

[2]) Франц-Иосиф, имп. австрийский.

[3]) «Скверное положение!»

[4]) Вульферт, Н. С., ур. Шереметевская, на которой Михаил Романов тайно женился заграницей в 1912 г. Этот брак повлек за собой назначение опеки над личностью, делами и имуществом Михаила Романова и лишение его звания флигель-адъютанта; в 1915 г. опека была снята, а жена его получила титул графини Брасовой.

тоже. Как твой кашель? Наш отряд теперь в Портсмуте и наших моряков чествуют там очень любезно. Надеюсь, ты увидишь кого-нибудь из них на улицах Лондона — это было бы так забавно!

Мы живем здесь тихо и хорошо. Слава богу, за последнюю неделю здоровье Аликс значительно поправилось, и благодаря этому я нравственно успокоился. Даст бог, осенью удастся поехать в Крым, от солнца и перемены нужно ожидать большой пользы.

Болезнь Столыпина теперь проходит, но один день она всех встревожила. Оказывается, у него сердце не в порядке, что, разумеется, представляло опасность при воспалении легких. Он заболел в ту самую ночь, когда вернулся с доклада у меня.

Тетя Мари [1]) завтракала у нас сегодня; она в духе и разговаривала как всегда. Она помогает т. Михен [2]) разбирать бумаги д. Владимира и каждый вечер прочитывает массу его писем и бумаг. По ее словам, между т. Михен и д. Павлом [3]) было одно недоразумение из-за андреевской бриллиантовой звезды анмама [4]), которая сначала попала в Эрмитаж с коллекциями табакерок д. Алексея [5]). Теперь они все уладили, разделив все бриллиантовые вещи между собою. Остается его дом, который она желает иметь для Кирилла [6]), и тут возникает трудность, как отделить этот дом от остального имущества. К счастью, это меня вовсе не касается!

Австрийские дела продолжают причинять всем большие беспокойства. Последние два дня как будто стало немного лучше.

В пятницу вечером у меня собирается Совет министров. Нужно потолковать о тех мерах, которые будет нужно принять у нас в случае войны между Австрией и Сербией, например — не позволять добровольцам ехать на войну, крепко держать газеты в руках, чтобы они не агитировали. Конечно, если на нас не нападут, то мы драться не будем. Ужас как все это надоело и как продолжается долго — скоро полгода.

5 марта.

Сегодня тепло, но целый день шел снег, даже глазам больно смотреть в окна. Сейчас пойду в сад и буду работать с Алексеем на катке.

---

[1]) Мария Александровна, сестра имп. Александра III, вдова принца Альфреда-Эрнеста-Альберта великобританского, герц. саксен-кобург-готского.

[2]) Мария Павловна («Старшая»), вдова вел. кн. Владимира Александровича.

[3]) Павел Александрович, вел. князь.

[4]) Мария Александровна, жена имп. Александра II, бабка Николая Романова.

[5]) Алексей Александрович, вел. князь.

[6]) Кирилл Владимирович, вел. кн., нынешний бутафорский «император всероссийский Кирилл I».

Аликс и дети тебя обнимают. Извини за неинтересное письмо. От души обнимаю тебя, моя дорогая мама. Целую a. Alix и Toria. Христос с тобой! Всем сердцем любящий тебя старый твой

Ники.

Царское село.
18 марта 1909 г.

Милая и дорогая моя мама,

От всей души благодарю тебя за твое доброе письмо, глубоко меня тронувшее и обрадовавшее.

Так спокойно — знать тебя здоровою и довольною твоим пребыванием в Лондоне.

У меня было много и пренеприятных дел. Пришлось сменить военного министра Редигера [1]) за то, что он два раза в Думе не только не ответил против речи Гучкова [2]), но согласился с ним и этим не защитил честь армии. Я взял на его место Сухомлинова [3]), которого знаю уже 20 лет; надеюсь, что его выбор будет удачен. Одновременно переменились и начальники генерального и главного штаба. Так что все высшее военное управление стало новым. Также на прошлой неделе у меня состоялось заседание Совета министров по несносному вопросу о Сербии и Австрии. Это дело, тянувшееся 6 месяцев, сразу осложнилось для нас тем, что Германия дала нам знать, что мы можем помочь делу и предотвратить войну, если мы дадим согласие на знаменитую аннекцию, а если мы откажемся, то последствия могут быть серьезные и непредвиденные. Раз вопрос был поставлен ребром — пришлось отложить самолюбие в сторону и согласиться. Единогласно всеми министрами это и было высказано. Если эта жертва с нашей стороны спасет Сербию от того, чтобы быть раздавленной Австрией, по моему, стоило принести эту жертву. Тем более, что нам со всех сторон было известно, что Германия совершенно готова к мобилизации. Против кого? Очевидно, не против Австрии. И этого никак у нас в о б щ е с т в е не хотят понять, что вопрос стоял так грозно несколько дней тому назад. Теперь очевидно ругают и бранят несчастного Извольского еще хуже, чем прежде!

19 марта.

Продолжаю сегодня чем кончил вчера. Кроме дурных людей в России н и к т о теперь не желает войны, а по моему, она была очень близка. Как только опасность ее прошла, сейчас же начинают кричать, что мы унижены, оскорблены и т. п.

---

[1]) Редигер, А. Ф., военный министр (1905—1909).
[2]) Гучков, А. И., член III Госуд. думы; лидер партии октябристов.
[3]) Сухомлинов, В. А., военный министр (1909—1915).

Из-за слова «аннекция» наши патриоты готовы были пожертвовать Сербией, так как в случае нападения на нее Австрии мы не могли ей ничем помочь! Правда, что форма или прием германского правительства — их обращение к нам — был груб, и мы этого не забудем!! Я думаю, что этим еще раз хотели отделить нас от Англии и Франции, но опять это не удалось. Такие способы действий приводят скорее к обратным результатам.

В этом письме я тебе посылаю письмо тети Мари и две телеграммы к ней от княг. Юрьевской [1]). Все та же история о дневниках аннапа, которые, она думает, находятся почему-то в Аничкове. Я сказал т. Мари, что до твоего возвращения не может быть речи, чтобы кто-либо мог их искать без твоего разрешения. Она вполне поняла это, но не знает, что отвечать той.

За прием наших моряков я благодарил дядю Берти; может-быть, ты будешь добра, когда увидишь доброго адм. Фишера, поблагодарить его от меня за его личное внимание к Литвинову и другим офицерам.

Они благополучно вернулись в Либаву, но я никого еще не видел. Сегодня был отличный смотр 1-му кадетскому корпусу в манеже. В субботу тоже морскому корпусу. За последние дни стало очень тепло, снег быстро начал таять.

Прощай, моя дорогая мама. Крепко обнимаю тебя, а. Alix, Toria, Mau и Georgie. Аликс тебя нежно целует. Христос с тобой! Всей душой горячо тебя любящий старый твой

Ники.

Ливадия.

27 сентября 1909 г.

Моя дорогая мама,

Завтра месяц, что мы приехали в Крым; время незаметно летит. Погода все время стоит чудесная, каждый день я возвращаюсь с прогулки пешком или верхом — мокрый насквозь. Это мне так напоминает дорогого папа, как он любил потеть от движения — и я это теперь тоже люблю. Дети, Дмитрий и я купаемся каждое утро в море — такое наслаждение — вода теплая — почти всегда 18°. — Добрый Хассан бодр и здоров и попрежнему несется впереди экипажа на собственных иноходцах.

---

[1]) Юрьевская, Е. М., кн., урожд. кн. Долгорукова, жена имп. Александра II, с которой он тайно обвенчался в 1880 г.

Последние три дня здесь гостило турецкое посольство, присланное султаном. Оно имело скверный переход, и их всех страшно закачало. Сегодня утром они прошли мимо Ливадии, возвращаясь обратно как раз во время купанья, команда стояла во фронте и кричала что-то! Погода тихая, так что, вероятно, переход будет удачный.

Ксения и Сандро уехали приблизительно на месяц. Я у них завтракал недавно и затем работал с ними на раскопках. Они находят интересные вещи, когда меня там нет.

Несколько дней тому назад Миша мне прислал письмо, которое меня удивило. Он просит разрешения поехать в отпуск, чтобы совершить путешествие по Италии о д н о м у? Я ответил, что в н ы н е ш н е м г о д у он уже довольно ездил и должен остаться при полку, и сделал ему на эту тему подобающее нравоучение, заключив письмо тем, что в будущем году он, конечно, может поехать куда хочет! Надеюсь, он, наконец, понял, что нельзя смотреть на службу, как на забаву, и что ему надо быть самому примером для других!

Здоровье дорогой Аликс поправилось настолько, что я решил поехать в Италию и покончить с этим скучным визитом. Думаю 6-го октября итти на «Штандарте» в Одессу и через Варшаву, Франкфурт и кусочек Франции на Mont Ceni в Racconiggi около Турина. Если я пробуду у короля и королевы два полных дня, то я могу быть дома 17-го утром. Поездка выходит длинная, но иначе нельзя, так как я ни за что не проеду через Австрию. В вагоне я много читаю и чувствую себя почти как на судне. В эту минуту вошел Алексей после своей ванны и потребовал, чтобы я написал тебе, что он крепко целует бабушку! Он сильно загорел, как впрочем и сестры его и я тоже. Сегодня Извольский показал мне телеграмму Кудашева, посланную по твоему желанию по делу Andersen. Я отправил ее Столыпину, который знает весь вопрос и считает, что нужно его решить справедливо для Датского общества.

Трудно одно — это убедить Коковцова достать деньги без Думы. Но мы это сделаем — будь покойна.

Надеюсь, здоровье о. Hans [1]) не внушает более опасений. Пожалуйста, передай ему мой сердечный поклон.

Часто ли ты видишь Georgie [2]) и его жену?

Он, должно быть, сильно расстроен этими мерзостными событиями в Афинах.

Грустно подумать о всех его братьях, которые должны были оставить свои должности и поехать заграницу!

---

[1]) Повидимому, принц датский Иоганн.

[2]) Георг, принц греческий.

Что он будет сам делать? Больно за бедного дядю Вилли [1]) — какая награда за сорок слишком лет царствования! Никогда я не мог терпеть греков, теперь же они мне совершенно опротивели. Неужели они так глупы, что не могут понять, что без их династии они пропадут? Кто станет тогда поддерживать Грецию — конечно, никто!

Сделается у них республика, случится скандал, и, конечно, турки их заберут легко при первом удобном случае. Теперь мне пора кончать. Крепко обнимаю тебя, моя милая мама. Христос с тобой! Всем сердцем любящий тебя твой старый

Ники.

[Burg Friedberg.]

4 октября 1910 г.

Милая, дорогая моя мама,

От всей души благодарю тебя за твое доброе письмо.

Мы с тобой, должно быть, думали и чувствовали то же самое в одно и то же время, потому что немного более недели тому назад я писал Мише об этом же предмете. Начав с того, что теперь нигде невозможно сохранить инкогнито, я объяснил ему, какое скверное впечатление получится для всех, если узнают, с кем он путешествует. Я не приказываю, а даю добрый совет не ехать с ней в поезде и не жить в одной гостинице вместе. В конце я прибавил, что уверен, что она согласится со мною, что, если она так его любит, как он думает, то она будет стараться причинять ему как можно меньше зла и ущерба. Написал я письмо как можно ласковее и получил от него ответ по телеграфу, в котором он очень благодарит.

Надеюсь, что он послушается совета. Я ничего не говорил ему про адъютанта, думая, что он совсем один не поедет. Все это более чем грустно и тяжело; мне больно слишком часто затрагивать с тобою эту неприятную тему, зная, сколько она причиняет тебе страданий. Ольга писала мне то же самое, что и тебе. Не знаю, где теперь Ксения. Не вернулась ли она уже в Россию!

У нас здесь все идет хорошо. Проходит, можно сказать, целый калейдоскоп родственников, приезжающих и уезжающих. Sophie [2]) с детьми сегодня окончательно уезжает в Грецию, где она не была уже полтора года. Mossy [3]) и Fischy с сыновьями бывали здесь — я был у них два раза в Friedrichshof.

---

[1]) Георг I, король греческий, б. принц датский, брат имп. Марии Федоровны.

[2]) София, жена греческого принца Константина; сестра герм. имп. Вильгельма II.

[3]) Маргарита, жена принца Фридриха Карла гессенского.

Он очень постарел, очень похож на мать, но развернулся и даже сделался довольно веселым и разговорчивым. Там же я видел их сестру Vicky, такая же милая и добрая, какою она была и прежде. Henry [1]) недавно приехал из Англии, которую он всю проехал на своем автомобиле. Она приезжает на этой неделе, она часто меняла дни своего прибытия, и из-за этого тут происходили недоразумения, даже боялись одно время, что она не приедет. Лечение Аликс приходит к концу; она уже приняла 16 ванн — осталось еще четыре, т. е. восемь дней, после чего мы все переедем в Wolfsgarten.

21-го октября я уезжаю в Potsdam с визитом — останусь там два дня и вернусь 24-го утром. В последний раз мы были у императора [2]) в 1899 году, после этого встречались с ним на море или в Wiesbaden, так что у него в его «home» я не был уже давно. Уверен, милая мама, что ты одобряешь мое решение ехать к нему, в настоящее время нам нужно жить с нашими соседями в полной дружбе — что вовсе нетрудно avec un peu de bonne volonté de part et d'autre [3]).

Какая гадость произошла в Португалии, я так же возмущен этой революцией, как и ты. Очень не хочется признать там республику, мы сделаем это после всех остальных и — попозже. Очень жаль, что допустили этот конгресс в Копенгагене всех социалистов; в республике это еще понятно, но в королевстве — странно.

Конечно, меня оно не касается, пишу только свое мнение, которое, я уверен, и ты разделяешь. Здесь количество социалистов очень большое, и это многих серьезных людей сильно беспокоит. Беспорядки в Берлине доказывают, насколько движение пошло глубоко, также и стачки железных дорог во Франции — во всем этом пахнет нехорошим духом революции!

Вот уж я заболтался, прошу извинения, милая мама.

Четыре дня в неделю я бываю занят бумагами с фельдъегерями, а в свободные часы много читаю для собственного удовольствия.

Николай Михайлович [4]) написал новую книгу и посылал мне это время корректурные листы ее — это переписка Александра I с сестрою — Екатериною Павловною. В конце приложены: отрывок из воспоминаний княг. Ливен в Лондоне, еще разные письма Марии Федоровны, принца Ольденбургского и завещание Екатерины Павловны. Все очень интересно, и я прочел книгу с большим удовольствием. Зимою она будет издана и, наверное, тебе очень понравится.

---

[1]) Вер., Генрих, принц прусский, муж Ирины гессенской, сестры имп. Александры Федоровны.

[2]) Т. е. у герм. имп. Вильгельма II.

[3]) «Если есть немного доброй воли с той и другой стороны».

[4]) Николай Михайлович, вел. князь, историк.

Кроме чтения тут по вечерам мы тоже делаем puzzles; так как нас много, то обыкновенно складывание их идет скоро, на следующее утро после breakfast puzzle кончают и вечером начинают новый. От 10 ч. до 12 ч. я делаю свою прогулку с Боткиным [1]) и Дрентельном [2]), а днем бывает общая прогулка или lawn-tennis в Наугейме. Я несколько раз видел Ольгу Гейден в Гомбурге за обедней. Теперь мне пора кончать. Прощай, моя дорогая душка мама. Нежно тебя обнимаю. Храни тебя господь!

Всем сердцем любящий тебя старый твой

Ники.

Царское село.

11 ноября 1910 г.

Дорогая моя мама,

От всего сердца поздравляю тебя с днем твоего рождения и желаю тебе здоровья, радостей и тишины душевной! Сожалею чрезвычайно, что не можем провести этот день вместе.

Вот уже полторы недели, что мы вернулись из Wolfsgarten.

К несчастью, Аликс устала от дороги и снова страдает от болей в спине и ногах, а по временам и в сердце. Они проходили совсем, но после железной дороги возобновились с новой силой. Ни она, ни я — этого не ожидали. Она нарочно поехала на гусарский праздник, но не к завтраку, и всетаки вернулась домой с такою головною болью, что должна была лечь. А после этого другие боли становятся еще сильнее, и все это делается вроде cercle vicieux! При таких условиях мне кажется, что нечего думать о переезде в Петербург.

Как ты слышала, Толстой [3]) умер, об этой смерти говорят и пишут много, слишком много. К счастью, его похоронили очень скоро, поэтому сравнительно немного народа успело наехать в Ясную Поляну, и там было все хорошо, спокойно. Но все ожидали демонстраций и беспорядков и теперь удивлены, что их не случилось.

Погода стоит странная: пока лежал снег — таяло, когда он сошел, начался мороз. Вчера была первая охота за Гатчиной — в Туганицах — очень хорошая. Но теперь я должен кончать. Нежно обнимаю тебя, милая моя мама, и благодарю за твое письмо. Христос с тобою! Всею душою тебя любящий твой старый

Ники.

---

[1]) Боткин, Е. С., лейб-медик.

[2]) Дрентельн, А. А., флигель-адъютант.

[3]) Толстой, Л. Н., знаменитый писатель (умер 8 ноября 1910 г.).

Из записной книжки архивиста.

Из офицерских писем с фронта в 1917 г.

Ниже публикуются письма офицера родным с фронта империалистической войны, охватывающие период с Февральской революции по конец «знаменитого» июньского наступления на юго-западном фронте, в котором автор принимал участие в качестве младшего офицера одного из гвардейских полков.

Находясь, как младший офицер, в самой гуще действующей армии, автор писем непосредственно на себе ощущал все проявления развертывавшейся классовой борьбы в армии, и его письма, ярко отражающие, в преломлении офицерского сознания, эту борьбу, развал царской армии, психологию и настроения офицерства и солдат в тот период, являются чрезвычайно интересным документальным памятником эпохи. Надо отметить, что, судя по письмам, перед нами не обычный тип офицера царской армии. Это — офицер-интеллигент, с высшим образованием, но это обстоятельство усиливает интерес к публикуемым документам.

Автор писем — умный, расчетливый классовый враг, способный трезво оценивать обстановку и в соответствии с ней действовать. Через все его письма красной чертой проходит мысль о восстановлении пошатнувшегося господства офицеров над солдатами. Он старается втереться в доверие солдат. «Необходимо лавировать», пишет он. Учитывая настроение солдат, он либеральничает, участвует в «политпросветработе» среди солдат, ведя занятия с ними «так сказать, по государственному праву в связи с русской историей». При этом, — как сознается сам автор, — он «часто лицемерит и кривит душей», что ему, «впрочем, удается».

Расценивая партию с.-р.,как «лучшее средство против ленинизма и большевизма» и пропагандируя среди солдат с.-р. идеи, он работает над организацией офицеров и избирается председателем исполнительного комитета общества офицеров полка.

Письма ярко отражают обострение и углубление классовой вражды между офицерами — этими носителями буржуазно-помещичьей власти в армии — и солдатами. Несмотря на все ухищрения офицерства, пытавшегося расположить к себе солдат, чтобы постепенно восстановить былую власть, солдаты шли своим путем. Солдаты не доверяли офицерам. Автор это констатирует сам: «Между нами [офицерами] и ими [солдатами], — пишет он, — пропасть, которую нельзя перешагнуть. Как бы они ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами. Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы. В их глазах произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли. При новом строе им будет лучше, а нам — хуже, чем было раньше, в этом они убеждены. Поэтому они не верят искренности нашей приверженности к солдатам. Раньше правили мы — теперь они хотят править сами».

Отдавая себе отчет в происходящем, автор восклицает: «Нужны немедленные и решительные меры, иначе власть ускользнет из наших рук».

Письма рисуют, как протекало движение солдатских масс гвардейских полков за демократизацию, как осуществлялись лозунги: «долой всех баронов, фонов и прочих шпионов», «долой белую кость», как проводились в жизнь смена и выборы командного состава. Инициатива, энергия и решительность, с которой проводилась демократизация армии, привели автора, в конце концов, к выводу, что «руководить событиями уже нельзя, им просто надо подчиняться».

Автор сообщает весьма характерный штрих при описании того, как были восприняты известия о Февральской революции на фронте. Солдаты встретили известие из уст офицеров о революции в Петрограде и образовании Временного правительства многозначительным молчанием. Молчанием встретили они сообщение о назначении верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича. Классовое чутье подсказывало им, что состав правительства из князей, капиталистов и помещиков и назначение во главе армии великого князя не сулит рабоче-крестьянским и солдатским массам ничего хорошего. Солдаты не видели революционных перемен в армии. Власть попрежнему оставалась в руках буржуазно-дворянского офицерства. Солдаты молчали перед офицерами, но это молчание было «себе на уме». Начавшийся в недрах царской армии стихийный процесс самоорганизации солдат и высвобождения их из-под власти офицерства и влияния контрреволюционных партий с.-р. и меньшевиков, и усиление влияния партии большевиков вскоре дали себя знать.

Временно, в период подготовки к июньскому наступлению, буржуазии с помощью с.-р. и меньшевиков, сыгравших на «добросовестном оборончестве», удалось затормозить этот процесс. Но уже со второго дня наступления этот процесс пошел еще интенсивней. Солдаты во всей свой массе пошли за большевиками.

Автор обходит молчанием роль большевиков в борьбе за армию. Только в одном месте он говорит о «коммунисте-террористе», которого он старается обрисовать в мало привлекательных тонах. Между тем работа большевиков и влияние их среди солдат гвардейских полков, как и в других частях юго-западного фронта, были значительны. Достаточно указать на такой факт, как увод с фронта в тыл под руководством офицера-большевика целого гренадерского полка, батальона Павловского и части Финляндского полка. Это событие вызвало сильное брожение в остальных частях I гвардейского корпуса. В результате весь I гвардейский корпус оказался совершенно небоеспособным, что вынудило командование вывести все полки этого корпуса в тыл.

Чрезвычайно любопытна запись разговора, который автор имел с офицером-поляком. В этом разговоре очень ярко отразился махровый шовинизм обоих собеседников.

Автор, видя настроение солдат, не верит в наступление и предсказывает падение правительства Керенского. «К самой идее наступления, — пишет он, — я отношусь отрицательно. Я не верю, что с такой армией можно победить. Если же наступление будет неудачно, то правительство и весь командный состав полетят к чорту». Оценивая же перспективы, автор пишет: «Все-таки, думаю, что окончательно Россия не может погибнуть, но сомневаюсь, уцелеем ли мы?» Его сомнения относительно судьбы его класса империалистической буржуазии — оправдались. Октябрь смел буржуазию и ее прихвостней — эсеров и меньшевиков, с помощью которых буржуазия

пыталась одурачить рабочие и крестьянские массы и в тылу и на фронте.

Л. Андреев.

4 марта 1917 г. Фольварк Блудов [1]).

Вот уже неделя, что я ничего не писал вам. И теперь мне опять трудно писать. Я должен отвлечься от мыслей и чувств, которые всецело мною владеют — они заключаются в ужасной тревоге за вас, которая совершенно обессиливает меня. Сообщите обо всем, как можно скорее и как можно подробнее. Я постараюсь взять себя в руки и с обычной подробностью попытаюсь рассказать обо всем, что было со мною за это время.

Я благополучно досидел свой срок в лисьей норе. Рота потеряла только одного убитым и двух раненых. Два раза звал себе на помощь артиллерию — немецкий бомбомет обстреливал участок, в пределах которого находилась спасающая разве только от дождя землянка, а в ней жило два отделения. Если бы немцы попали в эту землянку, то рота потеряла бы человек двадцать. Поэтому я и глушил их бомбомет нашей батареей, что быстро удавалось делать. Особенных происшествий за время моего сидения не случилось, но работать приходилось много — рота очень скверно несла службу, и надо было решительно во все входить самому. Это доставляло мне удовольствие и скучно не было. Хотя я в лисьей норе совершенно потерял правильное понятие о времени — казалось, что всегда ночь, — однако чувствовал себя очень хорошо. Ложился около 5 час. утра, вставал около одного часу дня, даже в два часа. Одиночество также было мне приятно — нельзя постоянно быть на людях, даже если они очень милы. Читал очень мало — я взял с собой «Rome» Золя. Вообще все было бы отлично, если бы я имел от вас или хоть от кого-нибудь письма.

В ночь с 1-го на 2-е марта нас сменили гренадеры, и полк отошел в дивизионный резерв. Наш баталион опять стоит в фольварке Блудов. Мы, офицеры — а к прежним присоединились прибывшие из отпуска Асташев и Карпов, — поселились в доме графа Ротермунда, уже старого человека, бывшего польского повстанца, долгое время проведшего в сибирской ссылке, никогда ни перед чем не склонявшего голову и, видимо, считавшего неприличным и унизительным для себя обращать внимание на войну — он все время оставался в своем имении, скрываясь в дни жестоких обстрелов в громадном, темном, сыром, сводчатом подвале. Повидимому, на том месте, где стоит занимаемый нами дом графа, стоял замок, под которым находился этот подвал — подземелье. А теперешний дом, окруженный парком, теперь испорченным войной, а некогда прекрасным, не представляет собой ничего интересного. Но для нас он сущий клад. Высокие потолки, настоящие печи, большие, светлые окна, паркетный пол, мебель, зеркала — боже мой, как хорошо! У нас — три комнаты. Одна — столовая, в другой живут Карпов, Жибер, Щеляков, Пилсудский и Арронет, в третьей — Морозов, Асташев, Чистяков, Крестов, Блажевич и я. Нам очень просторно и очень хорошо.

День второго марта был полон событий. Утром я получил трогательную открытку от дяди Арсюши — я очень обрадовался, что могу читать хоть чьи-нибудь строки, обращенные ко мне. День был чудесный, снег подмерз, небо было темно-синим, чудесным. Я с Марченко пошел погулять.

Нам весело было следить, как рвутся наши шрапнели, бившие по немецкому аэроплану, — безрезультатно, конечно. Потом вернулись к завтраку и тут узнали из газет, что Дума распущена. Мы стали подозревать недоброе, но особенных ужасов еще не предполагали.

[1]) Подлинники публикуемых писем хранятся в ЛОЦИА.

Днем я наслаждался в бане в Бискупиче. Вернувшись, застал в нашем баталионе подпоручика Анисимовича, проведшего у нас два дня и назначенного затем в третий баталион. Он рассказал, что в Петрограде большие беспорядки, что много стрельбы, что, повидимому, войска передрались между собой, но что, в общем, они склоняются на сторону восстающих. О павловцах он ничего не знал, но говорил, что при нем они не стреляли. Больше всего обеспокоило меня известие, что Костя охраняет Протопопова, завтракает и обедает у него. Но так как он говорил о беспорядках только с чужих слов и так как я знаю, как слухи искажают действительность, то не придал всему этому особенного значения, думая, что все обойдется так, как уже не раз обходилось в случаях, когда я наряжался на охрану. Да и все отнеслись к этим слухам слишком легко, только настроение несколько приподнялось.

На другой день должен был уезжать Марченко — он эвакуируется по причине нервной болезни, и в его честь давался обед. Были приглашены Раудсей, Осипов, Чекмарев, Леонтьев, позже пришли Юрка и Петранди. Было оживленно, дружно, задушевно. Пили много, но все собой владели. Был струнный оркестр. Говорили речи, даже на политические темы (командир баталиона поднял тост за русское освобождение), пили «на ты» все, кто был еще «на вы», между прочим и с Морозовым. Об этом вечере у меня сохранится хорошее воспоминание.

Встав утром 3 марта в самом беззаботном настроении, мы услышали подтверждение слухов о восстании в Петрограде. Об этом говорил, между прочим, Легатович, передавший мне ваши фотографии и письма от вас троих, Александра Николаевича и Гинзберга. Я забыл сказать, что накануне Анисимович передал мне письмо от папы. Таким образом, я мог на вас смотреть и читать ваши письма. Счастье было мне отравлено сознанием того, что эти письма устарели, что теперь у вас, может быть, все другое и ужасное. Пока мы слушали рассказы Легатовича, приехал Морозов, бывший на освидетельствовании миномета в Финляндском полку. Он сказал, что Родзянко — премьер-министр и что какой-то Бубликов — министр путей сообщения. Вместе с тем подтвердились слухи о больших беспорядках в Петрограде, и о том, что с фронта уже отправляют первые эшелоны преображенцев, московцев и стрелков императорской фамилии. Настроение у одних очень поднялось, у других — и у меня в том числе — совсем упало. Я рисовал себе в воображении самые отчаянные ужасы.

После завтрака положение ухудшилось. Морозов был вызван на совещание командиров баталионов в штаб полка в колонию Уманцы. Он вернулся часов в 5 страшно взволнованный, приказал собрать все роты баталиона, вызвал всех офицеров, и мы пошли к людям. По дороге он сообщил, что Экстен убит, что четвертая рота нашего полка восстала, что учебная команда под начальством Чистякова стреляла, но что, кроме Экстена, потерь в офицерах нет. Далее он сказал, что наш запасный баталион запятнал себя в общественном мнении, оцеплен Егерским полком, что солдатам перекрашивают петлицы, чтобы спасти их от побоев толпы. Часть войск, якобы, восстала и разбила полицию. Было уже заготовлено по 50 вагонов на каждый из находящихся здесь гвардейских полков для постепенной отправки их в Петроград, но теперь их отправка отменена. Отчего — этого он нижним чинам не сказал. Им он сообщил только, что Родзянко прислал телеграмму о том, что он премьер-министр, что из членов Думы образовано министерство, что оно перед Думой ответственно и что армия ни в чем нуждаться не будет.

Далее он сказал, что это явилось следствием беспорядков в Петрограде, которые теперь уже прекратились. Солдаты молчали. Потом я разговаривал с некоторыми из них и вынес впечатление, что сознательное меньшинство довольно, но хочет отомстить вождям павшего режима, большинство же относится ко всему происшедшему с полным безразличием и хочет только одного — мира. Я не могу выразить, как больно и страшно мне было вчера за вас и особенно за Костю. Мы все были подавлены и удручены безмерно. Главное то, что все сведения такие запоздалые и такие неверные. Обрадовало только, что вывоз гвардии в Петроград отменен, а отправленные уже эшелоны возвращены.

Вечером пришли еще худшие известия. Их привез Качуровский, бывший днем в Луцке. Он сообщил, что разгромлен орудийный завод и арсенал, что на улицах было побоище, что погибло много офицеров. Стреляли, по слухам, не только пулеметы, но и бомбометы, бросали ручные гранаты. Офицеры, понурые, убитые страхом за будущее, ходили один к другому, нервничали, строили планы и тут же сами их опровергали. Я не запомню такого тяжелого дня. Полумертвый я заснул.

Сегодня утром пришло известие, что Николай Николаевич назначен верховным главнокомандующим. Я сообщил это солдатам. Они опять молчали. Сегодня я спокойней за вас, чем был вчера. Я уверен, что мы бы уже знали, если бы что-нибудь случилось с кем-нибудь из наших офицеров. Ко мне хоть в некоторой степени вернулось спокойствие. Затем, я думаю, что слухи все-таки очень преувеличены, и мне кажется, что переворот прошел сравнительно благополучно. Днем мы окольным путем узнали состав нового кабинета, а к вечеру пришла телеграмма Алексеева, посланная им по приказу Николая Николаевича. Из этой телеграммы мы уже официально узнали, кто у нас министры. Среди офицеров общее ликование. В телеграмме Алексеева говорится, что в ночь на 4-е будет опубликован манифест, значит, завтра мы его прочтем. Все уверены, что Николай II отрекся от престола. Я не совсем уверен в этом и чувствую большой страх «за своих» — сумеют ли? Хватит ли патриотизма, ума и таланта? Выпадет ли на их долю удача? Я ни в чем этом не уверен. Главное, не перессорятся ли, сумеют ли забыть о партийных платформах? А потом, что делаете вы, папа, мама, Костя? И думать не смею. Неужели есть жертвы среди близких и любимых? Я не должен давать воли своим чувствам и больше не буду об этом писать.

А у немцев — ликование. Выставляют плакаты, салютуют, играют оркестры. Попытались наступать на VII корпус (не знаю, где это), но были отбиты. Наше высшее командование растеряно — дивизионный, корпусные и т. п. не знают, что им делать. Надо бы было устроить парад, самим салютовать, выставлять победные плакаты, заставить играть оркестры, воспользоваться моментом для подъема духа солдат. Но разве есть что-нибудь на свете бездарней, безличней, трусливей, чем военная бюрократия? И жизнь рот течет так, будто ничего не случилось. Это ужасно, но я надеюсь, что после манифеста у нас что-нибудь сделают...

11 марта 1917 г. Фольварк Блудов.

...Мне трудно передать последовательно, как текли события. Моя память была затуманена болезнью, страхом за вас, тревогой за будущее нас самих. Все время входили и выходили офицеры, то возбужденные каким-нибудь радостным известием, то удрученные вновь обнаружившимся затруднением. Все волновались, говорили, злились на тупость начальства и внезапно переживали припадки самых

радужных надежд. Этот резерв измотал и утомил нас больше всякого окопного периода. Слава богу, теперь стало несколько проясняться, все же возможность кровавых событий не совсем исключена. Надо помнить, что положение гвардии особенно тяжело — ведь это ее запасные батальоны сделали историческое дело. С другой же стороны, ее старое офицерство и генералитет имеют определенную репутацию. Наконец, каждый полк имеет роту величества, в связи с чем возник вопрос о вензелях. Вообще было очень смутно.

Вот каким представляется мне положение. Во-первых, ни одну воинскую часть так не волновали петроградские новости, как гвардейцев. А сведения из Петрограда приходили запоздалые, преувеличенные, часто нелепые. Верили всему, и ничего нельзя было опровергать. Во-вторых, когда пришло известие об установлении нового порядка, то офицеры стали подозревать солдат, а солдаты офицеров. Мы не знали, как отнесутся нижние чины к событиям, поймут ли они происходящее, а главное — не заразятся ли они петроградским примером, не вздумают ли и у нас сменять начальников и заводить собственные порядки; не знали мы также, не захотят ли они прекратить войну, не предпримут ли они какого-либо насилия для ее прекращения; наконец, мы не знали, одинаково ли воспримут новые вести все части или полк пойдет на полк и батальон на батальон, а ведь от нас до немцев — несколько верст, случись что-нибудь, и фронт будет прорван, может быть, прорван в нескольких местах и что тогда? И мы томились и не знали, как лучше исполнить свой долг.

А солдаты в то же время не доверяли офицерам. Они не знали, на стороне какого строя мы стоим и одинакового ли мы направления; они боялись, что с нашей стороны будут попытки сдать позиции немцам; они были уверены, что от них скрываются какие-то новые приказы, они также боялись, перейдут ли все части на сторону нового порядка; они мучились тем, что свободу отнимут, что отечеству изменят; они верили каждому нелепому слуху самого темного происхождения; они постоянно хватались за винтовки, и несколько раз могло случиться побоище.

В третьих (боюсь, вы уже забыли, что было во-первых и во-вторых), нельзя было вести себя глупей нашего начальства. Оно ничего не поняло и считало возможным возврат к старому. Оно не сделало ничего для смягчения положения. Временно командующий полком полковник Христофоров кричал в телефон (его слышали все телефонисты, и это тотчас стало всем известно), что сволочь получила свободу и что, вернувшись с войны, мы отомстим им. Генерал Гольтгоер, командир дивизии, сказал, между прочим и нашим солдатам, речь, в которой говорил, что горд своими вензелями (он — свитский), которых он не снял, что теперь на престол взойдет Михаил, и призывал служить ему так же верно, как Николаю. Продолжали петь «боже, царя храни». Старшие начальники не сделали ничего для вселения к ним доверия, а бездействие было истолковано, как приверженность их к павшему порядку. Атмосфера получилась ужасная.

Конечно, сейчас необходима особенно тесная спайка между офицерами и солдатами. Но достичь ее очень трудно. Во-первых, далеко не все офицеры способны на это. Сколько среди нас желторотых кадетов, ничего не смыслящих! Сколько людей пустых, ленивых и беспринципных, которые ничего не понимают и которым ни до чего нет дела! Сколько глупцов и невежд, которые, даже имея добрые намерения, не умеют их осуществить! В результате получается расслоение между офицерами, в одном батальоне они ведут себя так, в другом — иначе. А отсюда идут разговоры — офицеры

такого-то полка составляют заговор, на такой-то батарее офицеры отомкнули у всех орудий замки, там-то приказано зарыть лисьи норы, велено отнять у нас винтовки, надо итти и разгромить такой-то батальон. Мы узнали, что одна батарея обещала нашим людям по первому требованию разгромить фольварк, в котором мы живем, если подтвердится дошедший до них слух о нашей измене новому строю. В батальоне люди хотели охранять нас, так как услышали, будто решено арестовать Блажевича и Крестова. Они слышали какой-то спор в нашем собрании о национализации земли, во время которого Крестов высказывался в ее пользу, другие же ее оспаривали — и у них явилось убеждение, что он (и почему-то Блажевич) за народ, другие же против него. Они говорили о том, что надо убить офицеров с немецкими фамилиями. Так как в эти дни я не был с ними и они не могли знать моих убеждений, то я очень беспокоился за вас, почти уверенный в том, что они меня убьют. Здесь передавался лист для подписки на полковой жетон кому-то, а такой лист могут подписывать только офицеры, прослужившие в полку 5 лет, а солдаты утверждали, что рассылалась какая-то бумага политического содержания, которую некоторые офицеры отказались подписать. Солдаты чувствуют, что не все офицеры одинаковы, по своему это объясняют, и легко может случиться, что они начнут на этой почве сводить личные счеты. Влиять на своих солдат еще можно, но с солдатами других частей ничего поделать не можем.

Между нами и ими пропасть, которую нельзя перешагнуть. Как бы они не относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами. Когда мы говорим о народе, мы разумеем нацию, когда они говорят о нем, то разумеют демократические низы. В их глазах — произошла не политическая, а социальная революция, от которой мы, по их мнению, проиграли, а они выиграли. При новом строе им будет лучше, а нам хуже, чем было раньше, — в этом они убеждены. Поэтому они не верят искренности нашей приверженности к солдатам. Раньше правили мы — теперь они хотят править сами. В них говорят невымещенные обиды веков. Общего языка нам не найти — вот проклятое наследие старого порядка.

Пропасть между ними и высшим начальством еще бездонней, из нее вылетают зловещие слухи. Нам говорят, что генерал Гольтгоер открыл фронт немцам. Сегодня ночью была страшная, ураганная канонада правее нас. Оказалось, что немцы наступали на семеновцев, но были отбиты. Солдаты рассказывали, что офицеры говорили, что ничего не будет и приказывали людям спать в своих норах, что солдаты им не поверили, всю ночь простояли у бойниц, а к утру пошли три немецких цепи — и наклали же им они! Полевой интендантский склад перевозится из Несвижа в Блудов — движение замечается немцами, которые открывают артиллерийский огонь — солдаты уверены, что генералы хотят уморить их голодом и нарочно устраивают склад на обстреливаемом германцами месте. В пулеметной команде был почти бунт — солдаты утверждали, что дивизия украла пулеметы; с трудом доказать удалось, что два пулемета отправлены в учебную команду для обучения стрельбе из них. Солдаты просили разрешения брать с собой на работы винтовки — иначе их у них своруют. Они повсюду выставляют свои караулы, непомерно большие — у винтовок, у пулеметов, у складов. Они всюду подозревают измену и черносотенство. Их успокоить ничем нельзя. За каждым шагом Христофорова и Гольтгоера, — вероятно, и за другими генералами, — следят их агенты, все передающие частями.

В основе всех этих нелепостей, обнаружить которые перед ними иногда все-таки удается, лежит одно соображение, которое нельзя опровергнуть. Переворот свершился в тылу, а у нас все осталось по-старому; высшая власть вверялась при павшем правительстве его приверженцам, а они все на местах. Надо немедленно сместить всех генералов с немецкими фамилиями и других, которые навлекут на себя подозрение. Надо сделать это скорее, иначе начнется солдатская самоуправа. Если будет убит хоть один, он не останется единственным, а ведь перед нами немцы — что же тогда будет? Недоверие так велико, что сегодня 1-й батальон отказался принести присягу, подозревая ее подложность вследствие того, что в приказе она не имела подписи Гучкова. Они грозили захватить пулеметы и расстрелять другие батальоны, если они присягнут.

Нужны немедленные и решительные меры — иначе власть ускользнет из наших рук, инициатива преобразований перейдет от нас к ним, армия начнет разлагаться, и поражение будет неизбежно.

Главнокомандующий подписывается «генерал-адъютант Николай», Брусилов пишет: «мы должны безропотно подчиниться воле монарха об отречении» и т. п. Эти люди ничего не понимают, надо предотвратить ужасы революции на фронте.

Кроме замены старших начальников новыми лицами необходимо издать приказ об упразднении свиты и вензелей, об отмене пения «боже, царя храни», о немедленном разрешении отпусков и командировок — мы сидим как в тюрьме, солдат и офицеров не пускают даже в Луцк — можете себе представить, какие это родит слухи!

Надо осуществить солдатский контроль над ротным и, частью, полковым хозяйством. Надо установить обмен посланцами между частями хотя бы одной дивизии с целью взаимной информации, иначе может случиться, что вследствие недоразумений одна часть будет стрелять в другую. Надо открыть широкий доступ газетам в армию, надо издаваемые в самой армии и главным образом обслуживающие ее газеты реформировать. Эти идиотские официальные издания обо всем молчат, надо прогнать весь состав их сотрудников. Надо, чтобы сюда приезжали делегаты от вас, которым все бы верили и которые бы все говорили. Надо оздоровить военную цензуру. Все это надо сделать немедленно, пока еще не поздно, пока старая военная власть не довела еще армии до того, до чего вообще наша старая власть довела страну. Необходима тесная спайка между офицерами полков хотя бы одной дивизии, а мы не можем даже у себя в полку добиться общего собрания. Необходимо сплочение генералитета с офицерством — ведь только от нас старшие начальники могут узнать об истинном положении дел. А какое тут сплочение, когда Гольтгоер утешал офицеров по поводу падения монархического режима — он думал, что этим все огорчены.

Я часто вспоминаю теперь положение профессуры между министерством и студенчеством во время университетских беспорядков. Так и мы, младшие офицеры-интеллигенты, все понимаем и совершенно бессильны — и снизу и сверху гибель.

Еще хорошо, что я во втором батальоне. Мы дружны и в эти дни сблизились окончательно. Морозов все понимает, и полк многим обязан ему за то, что он сделал в эти дни. Уже хватались за ружья в наших ротах, но он сумел предотвратить кровопролитие. Чистяков, Крестов, Блажевич также вполне на высоте положения. С остальными не стоит считаться — они зависят от нас. До сих пор в нашем батальоне все сходило благополучно — вывесили красные флаги, кричали «ура». Вчера у нашего окна был парад

вновь награжденных георгиевских кавалеров. Я лежал на койке и смотрел в окно. Все — в голубоватых французских стальных шлемах, оркестр играет марсельезу (удалось уговорить Христофорова), солнце, голубоватый снег. Я взволновался — было так необычайно, так хорошо. И верилось, что все обойдется.

В смысле боевом настроение войск удивительное. В атаку пойдем, как один человек, как ходили в начале войны. Но пусть нас ведет не Гольтгоер. Иначе солдаты опять скажут, что он хочет от них отделаться, что он выбирает участок потруднее, что он хочет подарить немцам русские трупы.

Только что узнал, что в окно дома начальника нашего обоза 1-го разряда барона Штемпеля сейчас три раза стреляли, но, к счастию, не причинили ему вреда. Сейчас посылаем за ним человека, чтобы он переночевал у нас. Не убьют ли в пути?

Не знаю, как отправлю это письмо и когда оно придет. Если ты, папа, найдешь это возможным, передай Гучкову все, что касается положения у нас на фронте. Может быть, ему еще не известны наши обстоятельства. Надо пользоваться, по моему, всем для информирования его об условиях, сложившихся здесь в связи с последними событиями. Но, может быть, мои сообщения запоздают.

12 марта 1917 г.

Сегодня положение ухудшилось. Утром солдаты произвели обыск у графа Ротермунда, — конечно, ничего не нашли, но все же предписали ему к 6-ти часам вечера выехать из имения. Обыск явился следствием ночного совещания фельдфебелей всех рот, а также ночного совещания солдатских депутатов в Черном лесу. Фельдфебеля, несомненно, хотят занять наши места. В ротах 1-го батальона уже начали смещать офицеров и выбирать себе новых. Смененным офицерам не хотят, повидимому, позволить уехать отсюда. Полковника Адамовича и случайно бывших с ним в это время Чекмарева и Анисимовича арестовали, но теперь, кажется, выпустили. Присягать сегодня, повидимому, опять не будут — оказывается, их смущает имеющееся в тексте присяги слово «государство»; они думают, что это что-то такое, где обязательно должен быть государь, а государь в их понятиях непременно самодержец.

Сколько бы мы с ними ни говорили, сколько бы ни разъясняли им последние приказы немедленно по их получении, сколько бы ни старались предотвратить столкновения, они не верят нам. Некоторым офицерам они прямо говорили, что в гвардии все офицеры — дворяне и что поэтому офицеры не могут быть сторонниками новой власти.

Конечно, надо надеяться до самой последней минуты, но я считаю солдатские бунты вполне возможными. Еще вчера они качали Тимохина, говорили, что верят ему, что ничего без его согласия не предпримут. А сегодня, когда он пришел в роту, они кричали ему «вон» и объявили затем, что выбрали себе нового ротного командира. Изменений и колебаний их настроения ни предугадать, ни направить нельзя.

Впрочем, сегодня произошли два отрадных факта. Во-первых, приехали делегаты из Луцка, во-вторых, пришел приказ об отставке командира Финляндского полка барона Клодта фон Юренсбурга. Кажется, сейчас делегаты будут говорить с солдатами нашего батальона. Я не буду, к сожалению, при этом присутствовать — не хочу без крайней нужды выходить из дому. Может быть, они сумеют благотворно повлиять на солдат. Что касается Клодта, то говорят, что он отличный генерал. Но имея такую фамилию, он не должен был оставаться командиром полка — хорошо, что это сообразили.

Говорят, солдаты очень довольны офицерством 2-го батальона, и между ними ходит слух, что решено всех сменяемых офицеров заменить офицерами нашего батальона. Таким образом, нам грозят обе беды — и смещение и избрание. Уж не знаю, что хуже.

Вчера к вечеру положение казалось прояснившимся, сегодня оно ухудшилось. Мы все время переходили из одной полосы в другую. У некоторых начинают опускаться руки, до того эти волнения утомляют. Некоторые говорят: хоть бы скорее на позицию, там все же будет лучше, поневоле люди сдержат себя. Существует мнение о необходимости послать офицера в Петроград для информирования Гучкова. Но все равно он приехал бы поздно. Кроме того, запрещены отпуска и командировки, так что вряд ли такая посылка оказалась бы возможной.

Вообще положение безвыходно — руководить событиями уже нельзя, им просто надо подчиняться.

Всех очень волнует вопрос об организации участия армии в выборах в Учредительное собрание. Недоумевают, как возможно это осуществить. Почти все офицеры не имеют никакого понятия об избирательном праве, надо объяснять, что такое прямое, равное и т. д. Вообще мы удручающе незрелы...

Большой Корытницкий лес, 28 апреля 1917 г.

Вы удивляетесь, почему я давно не писал? Сейчас объясню.

23-го утром меня уведомили телефонограммой, что я выбран делегатом полка в дивизионную комиссию офицеров, имеющую установить порядок выбора представителей от дивизии на всероссийский офицерский съезд в Петроград. Мне пришлось отправиться пешком в штаб дивизии, так как все лошади были заняты. Кроме меня был избран Морозов. Исполнив работу, я уже в окопы не вернулся, а поселился в Блудове в халупе пулеметчиков, так как предполагал, что меня выберут в комиссию дивизионных выборщиков. Это предположение сбылось на другой день. Кроме меня были избраны Морозов, Клейнман и Клобуков. С другого же дня, т. е. с 24-го, мы приступили к выработке наказа, который был готов к трем часам ночи 25-го. Работали дружно и хорошо. Мы кооптировали по одному представителю от баталионов, не имевших представителей в нашей среде. От 4-го баталиона явился Легатович. Наш наказ состоял из двух частей — политической и деловой. В деловой части Легатович был с нами, но в политической мы резко разошлись. Он оказался крайним реакционером.

Так как 25-го на нас нехватило обедов в штабе полка, где мы работали, то я повез Легатовича в штабной бричке к себе пообедать. По дороге произошел такой разговор.

Легатович. — Нет, у нас в Польше все будет иначе.

Я. — Как же именно?

Л. — У нас сильный клерикализм и сильная аристократия, вместе мы создадим настоящее государство, без этого демократизма.

Я. — Боюсь, вы ошибаетесь. Вы забываете, что у вас развитая городская жизнь, что холопы не пойдут с панами, что у вас много евреев.

Л. — О, нет! Евреев мы выселим, как испанцы мавров. Сила будет принадлежать земле, а не городам. Батраков не так много. А крестьяне пойдут за духовенством. На съезде в Ровно мы уже решили, что наименьшей административной единицей у нас будет приход, во главе которого автоматически будет стоять ксендз. А на этом съезде было много солдат и крестьян.

Я. — Вы забываете, что, давая вам свободу, мы, демократические государства, не захотим создавать себе угрозу в лице клерикально-аристократической монархии и свяжем вас

международным обязательством, гарантирующим осуществление вами демократического режима.

Л. — Мы дадим за свободу какие угодно обязательства, только вы потом демобилизуйте вашу армию.

Я. — Значит вы, как немцы, считаете договоры между государствами клочками бумаги?

Л. — Ну, конечно же, это единственно правильная точка зрения.

Я. — Но только что на совещании вы говорили, что Россия была бы обесчещена, если бы она не исполнила своих союзных обязательств. Или Польшу уже ничем нельзя обесчестить?

Л. — О, нет! Все дело в том, что Россия поступила бы глупо, вызвав международный скандал, а мы сумели бы поступить умно.

Я. — По-моему, умную и глупую измену надо оценивать одинаково. Но в чем же вы проявили бы свой ум?

Л. — Очень просто. Мы сказали бы, что внешним принуждением изнасилована наша свобода и что сделали это те государства, которые лицемерно кричат о свободе. Мы свергли бы навязанный нам демократизм и предоставили бы все реальному соотношению сил. А я уже докладывал, что мы сумели бы использовать обстановку в свою пользу.

Я. — А вы не считаете лицемерием во имя свободы уничтожать свободу?

Л. — Я считаю, что в вопросах политики нравственные принципы имеют цену только в той мере, в какой соответствуют осуществлению поставленных себе целей. А эти цели неизбежно утилитарны.

Я. — Но ведь, если стать на совсем практическую точку зрения, то надо признать, что демобилизованную армию можно опять мобилизовать.

Л. — Ну, что же, это не страшно, вас-то мы победим.

Я. — Вы ошибаетесь. Мы снова поделим вас между собою — Германия и Россия, только уже навсегда.

Л. — Нет, нам помогут Англия и Франция.

Я. — Англия и Франция не опозорят себя союзом с изменнической монархией попов и панов. Весь мир будет приветствовать уничтожение государства, которое не умеет вести себя порядочно. Но я лучшего мнения о вашей родине, чем вы. Я надеюсь увидеть Польшу цветущей демократической республикой и нашей союзницей, а не врагом. Вам же искренно желаю, чтобы первый польский президент был еврей и чтобы вы салютовали ему на параде вашей имперской саблей.

Л. — Нет, этого никогда не будет. Тогда я попрошу моего старшего товарища по корпусу, принца Сиамского, благоволить принять меня на службу в рядах его гвардии.

Я. — Да, вы правы, с вашими азиатскими идеалами вы будете чувствовать себя в Сиаме, как дома. Может быть, вам могло бы еще найтись место на королевской службе владетельных домов Африки.

Л. — Вот хорошо, Иван Давыдович, что мы не служим с вами в одном баталионе!

Я. — Я снова несогласен с вами — вы слишком преувеличиваете неудобства нашей совместной жизни — они были бы очень невелики, так как я очень скоро перестал бы с вами разговаривать.

Л. — Поверьте, и я не был бы настолько назойлив, чтобы разговаривать с вами.

На этом мы, действительно, замолчали.

Кроме этой гадости мы работали хорошо, как я уже говорил. И у меня было приятное сознание, что без меня работа шла бы хуже. 26-го состоялся съезд выборщиков от всех частей дивизии. На нем мы потерпели сперва жестокое поражение. Наши политические резолюции провалились. Мы голосовали за них вшестером против 15-ти. Большинство делилось на две группы —

крайне реакционную и несколько более умеренную. Мы помогли своими голосами умеренным провалить резолюции правых. Все же принятые резолюции оказались совершенно неприемлемыми.

По отношению к правительству решено, что, раз мы ему присягнули, то ни о каком доверии говорить нечего. По отношению к Совету солдатских и рабочих депутатов решено, что это — одна из общественных организаций, представляющая интерес определенного класса и долженствующая иметь не большее влияние на политическую жизнь, чем всякая другая общественная организация. По вопросу о войне резолюция отклоняется от точки зрения правительства, признавая необходимость присоединения к нам Галиции и Армении и фактического господства над проливами. Я выступал «лидером» левых, говорил очень много, но совершенно зря — наши гвардейцы произвели на меня удручающее впечатление своей общественной неподготовленностью и даже просто тупостью.

Затем мы перешли к деловой части наказа. Здесь наша подготовительная работа очень пригодилась — целые страницы моих писаний включались в наказ. Опять пришлось много говорить и убеждать. Резкие прения возникали по вопросу о дисциплине. Я доказывал, что дисциплина, заключающаяся в повиновении начальству, возможна только, если начальство авторитетно, но что наше политически невежественное офицерство авторитетным быть не может. Я предлагал меры для поднятия политического уровня офицерства, как ведущие к поднятию дисциплины, т. е. боеспособности армии, и требовал, чтобы съезд своим авторитетом подействовал на безучастное большинство офицерства, побуждая его к политическому образованию. Это возбудило горячие прения, так как офицеры не хотели признать своей несостоятельности в вопросах умственного, в частности — политического, развития, но все же нам удалось одержать в этом вопросе победу, отстранив резолюцию противников, понимавших дисциплину в самом архаическом смысле слова, в том смысле, в каком это слово употреблялось нашими нелепыми старыми уставами.

Завершение съезда получилось эффектное. Сперва голосовали кандидатов в депутаты от нашей дивизии — каждая пехотная дивизия избирает двух представителей. 12 голосов получил поручик Зигель, Финляндского полка, «лидер» умеренной группы наших противников, 10 голосов — я, следующий кандидат получил 3 или 4 голоса. Тогда я заявил, что снимаю свою кандидатуру. Началась настоящая буря — видимо, шансов пройти у меня было очень много. Быть признанным всегда лестно, особенно быть признанным противниками, так что, сознаюсь, это пощекотало мое тщеславие, впрочем, не сильно. Мне пришлось мотивировать свой отказ. Я сказал, что не могу взять на себя проведение идей наказа, когда я в главных политических вопросах с этими идеями борюсь, а что уклонение от наказа признано невозможным. Тогда с моим отказом примирились, и начались поиски другого кандидата. Окончательно оказались выбранными Зигель и гренадер Насонов, также умеренный. Но последний получил только 9 голосов. Таким образом, наше меньшинство одержало моральную победу, вынудив от большинства признание несостоятельности его личных сил, им самим признанных негодными для представительства дивизии. Домой я вернулся поздно и последний раз переночевал в Блудове, в уютной халупе пулеметчиков.

Чрезмерные занятия политикой требуют много терпения и много выдержки, так как приходится иметь дело с чрезвычайно неподатливым эле-

ментом, к тому же очень неуравновешенным. На положение армии, не только в том, что касается солдат, но и в том, даже особенно в том, что касается офицеров, я смотрю очень мрачно. Может быть, только удачное наступление еще способно исцелить армию. Но не верится в возможность удачного наступления. Кажется, мы окончательно проиграли войну.

Большой Корытницкий лес, 5 мая 1917 г.

...Армия погибает. Теперь вид войск такой же, как в Петрограде. Офицеров не слушаются, службу перестали нести исправно, очень возбуждены и очень недоверчивы. Собираются митинги и утром, и днем, и вечером — говорят, говорят и постепенно укрепляются в мысли, что никому нельзя верить, даже собственным комитетам. Наступать решили только по приказанию Совета солдатских и рабочих депутатов. Войну продолжать не хотят — братаются с немцами. Офицеры в пришибленном состоянии духа, и никто ни на что хорошее не надеется. Боевых действий нет никаких — фактическое перемирие. Обстановка действует угнетающе, и радостно на душе не бывает. Но не исполнять долга нельзя — надо каждому на своем посту делать, что может. Только почти никто не умеет делать то, что сейчас требуется. Да и самый даровитый человек почти ничего не смог бы здесь теперь сделать.

Я лично работаю в двух направлениях: во-первых, стараюсь завоевать доверие роты. Для этого веду повзводно занятия, так сказать, по государственному праву в связи с русской историей. причем веду их так, как раньше обучал людей уставам—повторяю, спрашиваю, словом — вколачиваю в голову. Это очень тяжело, но не совсем безуспешно. Приходится часто лицемерить и кривить душой, что, впрочем, мне удается. Так, например, пришлось поступать во время трехчасового диспута перед ротой с террористом-коммунистом. Мне удалось заставить его публично отказаться от некоторых тезисов, запутать споры по другим вопросам так, что рота уже перестала понимать, кто из нас то говорит, и значит помешать ему в доступной форме изложить свои очень вредные взгляды, оставшиеся для роты тайной. Вместе с тем, я кокетничал с ним напропалую, так что рота, к большой выгоде для меня, стала считать меня с ним единомышленниками, а он был пленен. Затем он пошел в 6-ю роту, там его выступления были, вероятно, больше вредными, и он, между прочим, сказал, что резать офицеров еще рано. В доказательство он привел мои достоинства и сказал, что у таких людей есть чему поучиться, но, когда они передадут солдатам все, что знают, то уже не будет причин не убить их, так как офицеры все-таки всегда враги. Человек он замечательный — умный, властный, жестокий и бесстрашный.

Другое поприще моей работы — офицеры. Во-первых, стараюсь разными путями развивать офицеров нашего батальона, затем пытаюсь организовать офицерство всего полка. Вчера на общем собрании успешно прошел мой проект офицерской организации, излагать который неинтересно. Батальон избрал меня в предполагаемый исполнительный комитет общества офицеров, который, думаю, будет определять поведение всего офицерства полка.

Позиция у дер. Пустомыты, 10 мая 1917 г.

Пока живу вот как. Устроил офицерскую организацию и избран председателем исполнительного комитета с чем связано председательство и на общем офицерском собрании. Дела очень много, и работать очень трудно. Я боюсь, что и эта организация окажется бумажной. Все же не унываю. До вчерашнего вечера жил в Корытницком лесу, дубовые листочки пах-

нут чудно, и приятно было гулять. С сегодняшнего дня заделался в окопы.

Через неделю рота сменится с передовой линии и уйдет в резерв полка. Службу несут неважно, но кое-как дело идет. Придется уезжать время от времени с позиции для работы в исполнительном комитете. Это утомительно. Положение мое в роте упрочилось, отношения пока что недурные. Морозову сказал, что если он будет мало посещать солдат, то ему не будут верить, и если ротный, т. е. я, скажет, что такого-то его распоряжения не надо слушаться, то все пойдут за мной, и даже как-то намекнул, что в случае чего батальонным могу оказаться я.

Решили обороняться, но наступать не будут.

На фронте тихо. Живу в блиндажике с Щелоковым, очень приятным сожителем. Цынга стала в нашем полку разрастаться, и справиться с нею не могут. У финляндцев дошло до того, что полк сведен в два батальона неполного состава и потому не может занять всего участка. Поэтому наш полк растянут еще больше, занимая по воздушной линии около семи верст. Имея ввиду слабый состав рот, надо признать такую линию обороны эфемерной. Сильных резервов вблизи нет. Досидим, как бог даст. На участке много работ, но слишком мало людей, чтобы их делать, — на наших глазах все разваливается. Если бы не союзники и угроза с Востока, я стоял бы за немедленный мир на каких угодно условиях.

Физически совершенно здоров и не голоден. Занят так много, что не скучаю, но все так безнадежно, что, со стыдом признаюсь, иногда унываю. Ну, целую вас всех. Вряд ли скоро напишу друзьям. Крепитесь все-таки.

26 мая 1917 г.

Хочу рассказать о переходе под Дубно.

Нас должен был сменить 6-й Туркестанский полк 20 мая. С нашей стороны были сделаны все приготовления. 19-го офицеры пришли ознакомиться с нашими окопами. Утром 20-го их телефонисты сменили на позиции наших, днем на место наших стали их пулеметчики. Все шло как следует. Вдруг узнали, что туркестанцы сошлись на митинг и не желают нас сменять. Они говорят, что у них пулеметов, пушек и людей меньше, чем у нас, и что они будут легко немцами прорваны. Уверениям, что участок совершенно пассивен и без вреда для обороны может быть ослаблен, они не верили, а убеждения не задерживать нас, идущих под Тарнополь для нанесения удара, на них не действовали. Только их 8-я рота пришла сменить нашу около 10 часов вечера, прочие не пришли. Обозы, кухни и некоторые команды, уже отправленные нами, пришлось вернуть с пути. Их офицеры — трое 8-й роты и командир баталиона — провели ночь у нас. Офицеров их третьего баталиона, хотевших без солдат уйти на позицию, туркестанцы арестовали. Вообще же их офицерство раскололось — частью и офицеры не пожелали итти нам на смену. Ночь я провел отвратительно — спал, подложив под голову маску и накрывшись кожаной курткой. Шинель, как и другие вещи, уже была отправлена. Свеча скоро догорела, и я пребывал в полной темноте. Кроме того, мы не были уверены, что на другой день нам будет что поесть.

День 21-го прошел в большом волнении — наконец, оказалось, что туркестанцев удалось уговорить, и они нас сменили. Но 7-й полк, которому приказано было сменить наших соседей — 2-й Царскосельский стрелковый полк, категорически отказался итти на позиции, и я так и не знаю, чем этот кризис разрешился. Как бы то ни было, мы тронулись. Сборный пункт был назначен в Блудове у церкви, где

я причащался. Мы пришли туда часов в 11 вечера и ждали часов до 2-х ночи. Оказалось, что один из туркестанских баталионов заблудился, и наш 1-й баталион все еще остается на позиции. Мы ушли одни, не дождавшись его, а потом он догнал нас.

22-го пришли в чудный лес у кол. Нива (я писал вам оттуда), 23 пришли в дер. Радомысль (оттуда я вам также писал), где прожили до ночи 24 го в мазанке очень чистой и приветливой. Утром 25-го пришли в фольварк Рудка, где провели день вместе с офицерами 1-го баталиона в большом, опустошенном барском доме, в котором оказалась рояль, доставившая нам много удовольствия. Ночь на 26-е опять шли и сегодня прибыли в дер. Софиевка-вторая, расположенную в прелестной лощинке верстах в 20-ти от Дубно.

Мы прошли всего верст 75—80. Солдаты недовольны, дивизионный комитет постановил не делать больше 15-ти верст в сутки, а итти приходилось верст по 20. 1-й баталион запретил своим офицерам ехать верхом, чтобы заставить их почувствовать тяжесть переходов и тем побудить заботиться об их сокращении. Разговор об этом велся в нашем присутствии и велся в грубом тоне, до какого в нашем баталионе еще не доходили. Но когда-нибудь и у нас дойдет до этого

3 июня 1917 г.

Посылаю это письмо с солдатом, который отвезет вам мои вещи, оказавшиеся излишними после того, как полковой комитет постановил не возить на казенных двуколках свыше 3-х пудов на каждого офицера. Впрочем и раньше я всегда находил, что многие вещи мне вовсе не нужны. Дайте солдату на чай.

Мы стоим с 29-го в лесу около деревни «Зеленая комнатка». Задержали нас в лесу потому, что в районах, в которые нам теперь надлежит вступить, не оказалось продовольствия. Дни в лесу прошли отлично в отношении погоды, ландшафта и здоровья, а также в отношении питания, несомненно, улучшившегося. Но в политическом отношении они были полны тревог, так как полк был готов отказаться от наступления. Однако в последние дни положение улучшилось — на митингах выступали делегаты Черноморского флота и доктор Некрасов, сумевшие переубедить солдат. Митинги происходят теперь ежедневно, утомляют и раздражают. Офицеры также утомляют и раздражают, так как мало что понимают. Зато командир полка Цитович — обворожителен. Вероятно, он сумеет овладеть положением, и в наступление мы все-таки пойдем. Некрасов, теперь с.-р., имеет большой успех и очень мил. Считая из всех социалистических партий партию с.-р. наиболее разумной, особенно в том, что касается войны и поддержания престижа власти, и полагая, что солдаты непременно будут социалистами, я исподволь работаю над ротой, обращая ее в с.-р. Это лучшее средство против ленинизма и большевизма. Вместе с тем самого себя я за с.-р., конечно, не выдаю,—это ни на что не было бы похоже. Вообще в последние дни стало несколько лучше, и я стараюсь надеяться. Мое положение в роте сносно.

Нам осталось сделать еще три перехода. Мы остановились в 12-ти верстах от Тарнополя. Сколько времени мы там простоим, не знаю. Мы назначены для развития удара. Но когда будет нанесен удар, никто не знает. Я стою седьмым в очереди отпускных. Но, пожалуй, в отпуск не приеду, если скоро нам надо будет наступать.

К самой идее наступления я отношусь отрицательно. Я не верю, что с такой армией можно победить. Если же наступление будет неудачно, то правительство и весь командный состав полетят к чорту. Они играют опасную игру. По-моему, наступление — легкомысленная авантюра, неудача

которой погубит Керенского. Ну, впрочем, там видно будет. Бывают ведь на свете чудеса.

Как видите, настроение мое безотрадно. Поэтому пишу редко и неинтересно. Пусть друзья не обижаются на то, что не отвечаю на их письма, и, если могут, пусть пишут как можно чаще.

3 июля 1917 г., дер. Оприковце.

Последнее письмо я написал вам 26 июня и отправил его с Купреяновым, который, конечно, расскажет вам обо мне и о наших делах. С 26 июня до 2 июля наш батальон продолжал стоять в резерве в бывшей первой немецкой линии.

Наш батальон поставлен сзади всех потому, что считался единственным боеспособным батальоном полка, силы которого надо было сберечь для атаки. Этой атаки мы ждали со дня на день, люди изнервничались, но атака так и не состоялась. И хорошо, что не состоялась, так как успеха мы не могли бы добиться. Дело в том, что между нами и немцами была слишком большая дистанция, оказавшаяся роковой для Московского полка, — первоначально свыше $1^1/_2$ верст. Но когда батальонам первой линии отдавались приказы выходить вперед и вырывать новые линии окопов ближе к неприятелю, то они от исполнения этих приказов отказывались. Поэтому на ночные работы впереди наших укреплений высылались поочередно роты нашего батальона. Я тоже дважды водил роту работать в этой нейтральной зоне между нами и немцами. Выходили, когда начинало темнеть. Минуя первую линию, выставляли впереди охранение и возвращались с таким расчетом, чтобы к рассвету вернуться домой. Передвижение туда и назад было неприятно: все дороги и подступы обстреливались шрапнельным огнем через каждые четверть часа. Идешь и не знаешь, успеешь ли миновать лощину раньше, чем по ней швырнут шрапнелью. Рота нервничает и теряет порядок, лишь только заслышит щелканье близких шрапнельных разрывов. Однако оба раза все обошлось благополучно. На работе люди также нервничают, особенно потому, что в темноте трудно определить расстояние и трудно понять, откуда и кто стреляет. С противоположной стороны нейтральной полосы работали немцы. Когда на работах была 7-я рота, то она слишком сблизилась с немцами, они испугались друг друга и друг от друга побежали. Однажды ко мне на работы пришли Морозов и Крестов. Мы решили подойти к немцам поближе, чтобы разузнать о них что-нибудь и посмотреть, нет ли впереди подходящей позиции. Команда пеших разведчиков охраняла работавшие роты, и, можете себе представить, она запротестовала против того, чтобы мы, офицеры, пошли вперед, так как стали подозревать нас в намерении сдаться немцам в плен.

Вообще с разведкой дело было плохо. Разведчики отказывались близко подходить к немцам, а потому в случае атаки мы ничего не знали бы о расположении противника и о подступах к нему. Поэтому мы решили, что сами должны произвести разведку, так как именно наш батальон должен был итти в атаку. Впереди пошла бы моя рота и рота Плещеева. Это побудило Плещеева и меня просить назначить в разведку именно нас. Но разведка не состоялась, так как вследствие сильного дождя среди солдат итти почти не нашлось охотников.

30-го июня полку был нанесен сильный удар — был тяжело контужен при обходе окопов наш командир полковник Цитович. В командование вступил Потоцкий, человек глупый и склонный к интригам. Враждуя с Морозовым и завидуя тому, что батальон Морозова лучше других, он решил немедленно же перевести нас в первую линию, где мы очень бы устали и потому атаковали бы гораздо хуже. Мы за-

ступили в ночь на 2 июля. Погода испортилась — три дня шел дождь и было холодно, как в сентябре. Первая ночь на позиции была очень тяжела. От роты выставлялась застава в окопике, где не было устроено никаких прикрытий. При заставе должен находиться офицер. Сперва я послал туда Косякова, а сам остался в месте расположения роты, на бывшей австрийской батарее. Я сидел на нарах, поджав ноги, так как все помещение было залито водой — около трех часов утра я сменил Косякова, а когда стало светать, пошел с одним человеком связи бродить в сторону к немцам, к которым подходил довольно близко. Тихо, сумерки раннего утра. Кое-где лежат убитые, распространяющие зловоние. За спиной — наши, а впереди и сам не знаешь точно, где противник. Нашел их батарею, расположенную в нейтральной полосе, одна пушка там еще стоит до настоящего времени — так близко к немцам, что нельзя вывезти. Осмотрел все устройство батареи и опять позавидовал германскому гению.

Немцы тоже стали выносить вперед свои линии, так что постепенно мы стали сближаться. Началась охота из винтовок за отдельными людьми, так как, за отсутствием окопов, все ходят поверху. Когда Крестов и я пошли днем с биноклями рассмотреть все, что только было возможно, то нас обстреляли. Я рассердился, пошел в передовой караул и тоже стал стрелять в немцев. Правда, я ни в кого не попал — было далеко до тех, кого я видел, но заставил побегать тех, кто услышал свист моих пуль.

Все же сиденье было тяжелое. Я жил с Косяковым и 12-ю солдатами, которые все время шумели и икали, но были очень милы. Вообще сейчас у меня хорошее положение в роте — ко мне солдаты приходили в гости, некоторые рассказывали очень интимные вещи из своей жизни, так что жили мы дружно. Но плохо было то, что двое суток я не просыхал, все вещи, и сапоги в том числе, были насыщены водой. Кроме того я не спал сряду три ночи, а днем мне тоже не удавалось заснуть как следует. Поэтому я очень устал, но, к удивлению и удовольствию, не простудился.

В ночь на 4 июля нас сменили финляндцы, смена прошла благополучно, а мы, уйдя с позиции, опять начали поход. Нас уводят в тыл, так как признали окончательно небоеспособными. А навстречу идут части в бой. По отводе в тыл будет произведена «чистка», но насколько решительная — не знаю. Днем прорвали наш фронт (вы об этом, вероятно, уже знаете), потому что два полка самовольно ушли с позиции. За нами слышались взрывы и виднелись пожары — это наши отступающие полки уничтожали склады военного имущества, в частности — снарядов.

Сейчас мы стали в очень живописной деревне и наслаждаемся чудной погодой. Кажется, нам осталось сделать всего только один переход. Сколько времени мы уделим «оздоровлению» полка, еще неизвестно, а также не знаем, на какой фронт нас затем пошлют. Вообще снова наступило время полнейшей неопределенности.

Чистка комсостава царской армии в 1906 г.

С подъемом пролетарской революции в ноябрьско-декабрьские дни 1905 года тесно связано усиление революционного движения в царской армии и флоте. Именно на эти месяцы падает наибольшее число активных выступлений против царизма и эксплоататорских классов революционно-настроенных матросов и солдат.

Жестоко расправившись с последними, царизм, естественно, должен был вновь поставить вопрос о мероприятиях, которые могли бы оградить от «революционной заразы» военный аппарат самодержавия. Из опубликованных в XLIV томе «Красного архива» записок военного министра той эпохи А. Ф. Редигера мы знаем о ряде произведенных им улучшений в области материально-бытового обслуживания солдатской массы, имевших целью сделать для последней более сносным пребывание на «службе царю и отечеству». Вместе с тем был предпринят ряд мер для соответствующей «идеологической» обработки офицерского состава. Так, например, в военно-учебных заведениях, готовивших командный состав армии, в 1906 г. были организованы курсы «общего учения о праве и государстве», имевшие целью подготовить будущих офицеров для борьбы с революционной пропагандой, проникавшей в солдатскую массу. К чтению этих лекций были привлечены высоко квалифицированные силы из состава махрово-монархической университетской профессуры, напр., С. Ф. Платонов, Сергеевич, Кассо и т. п. [1]).

Одновременно с этим высшему военному командованию пришлось поставить вопрос о пересмотре командного состава тех воинских частей, которые приняли участие в революционном движении. Как видно из публикуемых ниже документов, вопрос о таком пересмотре возник по частной инициативе, но нашел немедленный отклик в верхах.

В конце декабря 1905 г. в военном министерстве было получено анонимное письмо, обратившее внимание военного министра Редигера на вопрос о соответствии командиров занимаемым ими должностям.

«Бунты частей пехоты вызывают большое горе», — писал автор письма. «Еще в недавнее время, будучи в действующей армии, я слышал определенное мнение, что в войсках могут быть замешаны в беспорядках отдельные лица, но никак не целая часть, так как надзор ближайшего начальства не допускает пропаганду в казармах. Между тем в последнее время в Киеве 4, 5-й понтонные батальоны, 14 саперный батальон, в Москве — Ростовский полк взбунтовались полностью». «Казалось бы, что бунтовавшие части немедленно должны понести наказание, а начальство их должно быть отдано под суд за попустительство, а до суда удалено от командования». «Между тем не только начальники частей и генералы, командующие частями, но даже и ротные командиры оставлены на своих местах...»

Военный министр Редигер положил на этом письме следующую резолюцию: «Гл. штаб. Много истины. Желательно пересмотреть начальство бунтовавших частей. Редигер. 24/XII». На письме имеется также помета, повидимому, Поливанова, адресованная дежурному генералу: «Прошу составить список».

Таким образом, после опыта полугодовых волнений в армии правительству пришлось поставить вопрос о том, кто же собственно находится на командных должностях одного из важнейших элементов государственного аппарата — армии.

[1]) См. «Красный архив», т. LXIV, Из истории «идеологической» борьбы с революционным движением в армии.

Вопрос, как и следовало ожидать, в условиях бюрократической машины затянулся почти на год, медленно продвигаясь, несмотря на личное давление Редигера.

Толчок делу был дан в начале апреля. На имя Редигера поступило письмо министра внутренних дел Дурново от 31 марта 1906 г. за № 5155 [1]) о росте революционной пропаганды в армии, работе военных организаций РСДРП, партии с.-р., Бунда и т. д. В связи с этим письмом в Главном штабе были изготовлены 2 проекта письма к командующим войскам в округах. Оба проекта были отклонены. На упомянутом письме Дурново имеется помета: «Проект письма составлен лично военным министром. 10/IV. Г.-м. Мышлаевский» [2]).

Ниже печатается проект этого письма, собственноручно написанный Редигером 8 апреля. 10 апреля г.-м. Мышлаевский, набросав текст всеподданнейшей записки и переписав проект Редигера, пишет: «16 отд. В. спешно. Прилагаемые проекты прошу переписать к 12 ч. дня 11-го. Относительно понесенных начальниками наказаний прошу доложить завтра, 11-го, обязательно. 10/IV. Г.-м. Мышлаевский» [3]).

14 апреля редигеровский проект письма был одобрен царем. Письмо было отправлено командующим войсками округов 15 апреля 1906 г. Помимо него в округа были направлены отношения, за №№ 813—821 от 5 мая, в которых, ссылаясь на указанное письмо, дежурный генерал запрашивал аттестации ряду лиц. [1]) С мая по август поступали эти аттестации от высших военных учреждений.

Последние ответы были получены 24 и 26 августа от штабов Кавказского и Варшавского округов после напоминания от 10 августа за №№ 1447 и 1448.

14 сентября Редигер написал записку начальнику штаба о задержке вопроса. За той же датой был представлен доклад по Главному штабу с приложением ведомости частям войск, в которых произошли беспорядки, с аттестациями их начальников.

Эта ведомость и печатается ниже. Из нее видно, что большинство командиров частей, в которых произошли «наиболее крупные беспорядки», благополучно отделались от нависшей, было, над ними угрозы. Аттестации, данные им их высшим начальством, вполне реабилитировали их в глазах военного министра.

Комсостав царской армии, комплектовавшийся главным образом из дворянско-помещичьих слоев, в революции 1905 года показал себя верным слугой своего класса.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Военно-историческом архиве. (Дело № 161, 1906 года: «О частях войск, в коих произошли наиболее крупные беспорядки, и о положении командиров этих частей» и дело № 299, 1905—1908 гг.—«О праве участия военно-служащих в предвыборных собраниях и выборах в Госуд. думу и о воспрещении примыкать к политическим партиям»).

Т. Рахманова.

1.

Анонимное письмо, полученное в военном мини-

[1]) ВИА, д. 299, лл. 358—364.

[2]) Такого же характера пометы и на проекте. Этим обстоятельством, между прочим, объясняется, почему письмо Редигера названо письмом «о принятии мер против агитации», хотя ставит вопрос только о начальниках. Отклоненные проекты говорили именно о революционной агитации в войсках.

[3]) ВИА, д. 299, лл. 365—367.

[1]) ВИА, д. 161.

стерстве в конце декабря 1905 г. [1]).

Ваше высокопревосходительство!

Бунты частей пехоты вызывают большое горе, а также и вопрос, как с бунтующими частями поступить. Еще в недавнее время, будучи в действующей армии, я слышал определенное мнение, что в войсках могут быть замешаны в беспорядках отдельные лица, но никак не целая часть, так как надзор ближайшего начальства не допустит пропаганду в казармы. Между тем в последнее время в Киеве 4, 5 понтонные батальоны, 14 саперный батальон, в Москве — Ростовский полк взбунтовались полностью. Присяга, долг пред государем и родиной этими частями нарушены; сделан не проступок, а тяжкое преступление, которое требует тяжкого наказания как виновных в возмущении, так, в особенности, начальства, допустившего этот бунт. В части, где есть постоянное общение офицеров с подчиненными им нижними чинами, при условии, что офицерский состав стремится к порядку и поддержанию дисциплины, не может быть общего возмущения, так как нижние чины, видя постоянно своих офицеров, невольно к ним обратятся за разъяснением вопросов, которые их занимают. Найдется немало в ротах людей, которые сразу разберутся, выяснят, что их подговаривают к бунту, и непременно заявят своим офицерам об этом. Но если офицеры не посещают своих рот или же посещают только в часы занятий, не входят в жизнь людей и держат себя далеко от них, то возможно, что нижние чины не знают, к кому обратиться, а потому, большинство с неохотой, присоединяются к беспорядкам, может быть, даже только ввиду угроз главарей, которые отлично знают, что офицерский состав своей небрежностью, своим нерадением и полным невниманием к солдату заслужил не только нелюбовь, но и потерял всякое уважение и доверие среди нижних чинов.

Казалось бы, что бунтовавшие части немедленно должны понести наказание, а начальство их должно быть отдано под суд за попустительство, а до суда удалено от командования. Это так думаю я, так думает вся армия, в особенности та, которая билась за родину, за царя, и которая не может допустить, чтобы из среды ее явились не только части, но даже отдельные люди, идущие против того, что она защищала своей грудью. Между тем не только начальники частей и генералы, командующие бунтовавшими частями, но даже и ротные командиры оставлены на своих местах и продолжают служить с таким видом, как будто бы они сделали должное дело. Неужто в самом деле нет людей? Это неверно. Пробыв год на войне, я познакомился с большей частью командного состава действующей армии и узнал много энергичных людей, которые, думаю, взяли бы части, оставшиеся в Европейской России, в руки в очень короткое время и заставили бы подчиненных служить по правде и в духе дисциплины. Если между ними есть раненые, то раны этих людей, может быть, расстроившие им нервы, вместе с тем вложили в них то беззаветное, что ничего не боится, ничего не страшится а заставляет служить по правде и разуму. Чем скорей теперешнее начальство бунтовавших частей

---

[1]) Подлинник — рукопись на почтовых листах обыкновенного формата. На подлиннике следующие резолюции и пометы: «Гл. штаб. Много истины. Желательно пересмотреть начальство бунтовавших частей. Редигер. 24/XII». — «Деж. ген. 24/XII. Прошу составить список».— «Деж. генералу доложено — приказано составить список частей, где были беспорядки, и передать его в 14 отделение». «Прошу В. В. переговорить. 25/XII. Г.-м. Мышлаевский». «56 отд. гл. шт. 28 дек. 1905 г. № 8661».

будет сменено, тем будет лучше, а главное, даст уверенность армии, непричастной к бунту, что высшее наше начальство не растерялось и действует так, как нужно. Граф Витте для нас не начальство, на него мы смотрим, как на человека, севшего не в свои сани и недальновидностью своей, чтобы не сказать хуже, губящего почти намеренно нашу родину. Наш военный министр — наше начальство, и — что бы ни было дальше, — во всяком случае, командовать армией будет военный министр, а не Витте и ему подобные.

Что же касается бунтовавших частей, то вот что мне пришлось слышать: «Часть взбунтовавшаяся не должна существовать в русской армии, ее следует уничтожить и чтобы имя ее в армии не существовало». Может быть, это слишком. А не лучше ли эти части отправить на восток на границу в кадровом составе, а оттуда взять полки, заслужившие своей беззаветной храбростью и исполнением долга славу? Между ними есть и бывшие резервными, но война их воспитала, дала им взгляд зрелый, и едва ли эти полки пойдут на приманку пропаганды.

Не подписываюсь потому, что, в силу правил нашей службы, к вам прямо не имею права писать. Да и не к чему. То, что я сказал, скажет вам каждый военный. Простите, что беспокою, но душа болит, видя крайнюю ненормальность.

А Тукум! За каждого солдата, погибшего от руки убийц, должно быть убито сотни, иначе потом придется хуже.

2.

Записка ген. Редигера начальнику Главного штаба 8 апреля 1906 г.

Государь приказал заготовить письма к командующим войсками (кроме Петерб.):

Беспорядки в войсках, вырождавшиеся даже в мятежи, зависили от смуты в империи, разброски войск и недостатка офицеров, причем однако даже в это тяжелое время части, бывшие в хороших руках, оставались твердыми и непоколебимо верными присяге.

Ныне, с улучшением всех этим условий, повторения подобных явлений не должно иметь места.

Его величество попрежнему верит своей армии и тому, что, при должном влиянии офицеров, никакая агитация не может вновь сбить с толку нижних чинов. Он требует от всех начальствующих лиц работы в этом отношении от сердца и по присяге, и за всякое проявление внутреннего беспорядка перед ним ответят все начальники, не только ближайшие, но и высшие, до главных начальников включительно.

Проект этого письма представить на высочайшее одобрение.

Редигер[1]).

Государь спрашивает: понесли ли наказание (напр. в Киеве) начальники бунтовавших частей? Я сказал, что почти никто.

Прикажите составить список этим частям (где были крупные беспорядки) со справкою о судьбе командиров частей.

Редигер.

8/IV.

---

[1]) Записка написана Редигером от руки на 2 листах почтового формата с печатным заголовком: «Начальнику Главного штаба». На подлиннике пометы: «Дело спешное». — «Получено 9-го в 6 ч. вечера». — «16 отд. Прошу подготовить к докладу в понедельник 10-го к 12½ ч. дня. 9/V. 2 ч. дня. Г.-м. Мышлаевский». — «16 отд. Гл. шт. 10 апреля. № 3174».

ВЕДОМОСТЬ[1])

частям войск, в коих произошли наиболее крупные беспорядки, с показанием командиров этих частей, высших над ними начальников и аттестаций на тех и других.

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Петербургского	В Электротехнической школе 12 ноября 1905 года.	В предъявлении незаконных требований.	Генерал-майор Павлов, остается в занимаемой должности.	По заключению августейшего генерал-инспектора по инженерной части, бывшие в Электротехнической школе беспорядки не могут быть отнесены к недостаточному надзору или к каким-либо упущениям со стороны генерал-майора Павлова; напротив, этот генерал проявил особую энергию и распорядительность в принятии мер к прекращению беспорядков; генерал-майор Павлов — начальник знающий, энергичный и способный, и происшедшие беспорядки не могут быть поставлены ему в вину. *Считать не виновным.* Редигер.
Виленского	Во 2-м железнодородном батальоне в декабре.	В соединении с забастовщиками.	Полковник Алтуфьеф, остается в занимаемой должности.	Согласно заключению начальника железнодорожной бригады о полном несоответствии полковника Алтуфьева занимаемой должности командующий войсками признает (необходимым) теперь же уволить его от службы. *Уволить.* Редигер.

[1]) На подлиннике резолюция ген. Редигера: «Некоторые лица, согласно отзыву от начальства, вовсе невиновны в происшедших беспорядках; в отношении же других этот вопрос и степень их пригодности для командования частями остаются не вполне выясненными, почему их пока приходится оставлять в должности до окончательного выяснения их служебных качеств дальнейшими аттестациями начальства или результатами следствий; во всяком случае, для всех этих лиц надо иметь в виду бывшие в их частях беспорядки; относительно некоторых из них, повидимому, наименее пригодных, вопрос об их дальнейшем участии желательно решить скорее, по аттестациям сего года. 16/IX. Редигер.»

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Виленского	В Усть-Двинской крепости саперной роте 14 ноября.	В отказе итти в караул и в предъявлении незаконных требований.	Полковник Заславский, начальник инженеров Усть-Двинской крепости, остается в занимаемой должности.	Полковник Заславский, аттестуемый выдающимся, вполне соответствует занимаемой должности, а бывшие в подведомственной ему части беспорядки не могут быть отнесены к его вине. *Считать не виновным.* Редигер.
	В Бобруйском дисциплинарном баталионе 22 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Шанский остается в занимаемой должности.	Полковник Шанский хотя и обладает вследствие продолжительной службы в дисциплинарных частях опытом в своем деле, но зато сильно отстал от требований строевой службы, почему и не может успешно руководить воспитанием заключенных в духе воинской дисциплины. Этим и могут быть объяснены бывшие в баталионе беспорядки, почему признается необходимым полковника Шанского теперь же заменить другим соответствующим лицом. *Уволить.* Редигер.
	В Гродненском крепостном пехотном баталионе 12 декабря.	В неповиновении 1 роты начальству, рота раскассирована.	Полковник Туров, остается в занимаемой должности.	Полковник Туров, состоящий в должности только с 9 октября 1905 года, кавалер ордена св. Георгия, вполне соответствует занимаемому положению, а бывшие в баталионе беспорядки не могут быть даже косвенно отнесены к его вине. *Считать не виновным.* Редигер.
	В 238 Клязминском резервном полку 21 апреля сего года.	В выражении недовольствия на плохую пищу.	Полковник фон-дер Ховен. Умер.	Полковник фон-дер Ховен — командир полка слабый и бездеятельный. Несмотря на многократные требования командующего войсками поставить офицеров ближе к нижним чинам, таковых не исполнил. Офицеры полка к своим обязанностям отно-

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
				силились формально, сторонились нижних чинов. Дисциплина в полку слабая несмотря на хороший состав последнего призыва. Командующий войсками считает полковника фон-дер-Ховена несоответствующим своему назначению.
Вилинского	В 16 пехотном Ладожском полку 17 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Мельников, остается в занимаемой должности.	Командующий войсками признает полковника Мельникова по его деятельности за прошлый год удовлетворительным по деятельности с полком в Москве. Полковник Мельников заслужил благодарность и от Московского округа представлен к награде. По деятельности же полка в Прибалтийском крае генерал-лейтенант Сологуб свидетельствует о выдающихся качествах этого штаб-офицера. *Оставить в должности.* Редигер.
Варшавского	В 21 пехотном Муромском полку 24 ноября.	В сходках, в предъявлениях незаконных требований и в шествиях по городу.	Полковник Руденко, остается в занимаемой должности.	Полковники Руденко и Сорнев признаются начальником 6 дивизии и командиром 15 корпуса соответствующими занимаемым должностям. Полковник Руденко за время командования полком значительно улучшил его материальное состояние и достиг заметного успеха в строевом деле. *Оставить в должности.* Редигер.
	В 22 Нижегородском и в 24 Симбирском пехотных полках 24 ноября.	То же	Полковник Сорнев остается в занимаемой должности. Полковник Кванишевский, уволен от службы.	Полковник Сорнев при неутомимой деятельности пользуется большим авторитетом у подчиненных, имеет благотворное на них влияние. Полковник Кудрявцев аттестуется командиром 2-го Кава-

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Варшавского	В 16 драгунском Глуховском полку 24 ноября	То же	Полковник Кудрявцев, остается в занимаемой должности.	лерийского корпуса хорошим и соответствующим должности, но проявляющим недостаточность силы воли и твердости характера. Ввиду таких аттестаций и незаконченности производящихся следствий о беспорядках командующий войсками, не имея оснований считать кого-либо из указанных лиц несоответствующими занимаемым должностям, выскажет окончательное о них заключение по окончании следствий. *Обождать.* Редигер.
	В Брест - Литовской крепостной артиллерии 24 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Генерал-майор Иванов, остается в занимаемой должности.	Генерал-майор Иванов бывшим комендантом крепости генералом-от-инфантерии Лазаревым признается деятельным, усердным, весьма заботливым начальником и вообще соответствующим занимаемой должности. По мнению генерала Лазарева, происшествие 24 ноября не дало указаний, что оно имело какую-либо связь с внутренними порядками в крепостной артиллерии. *Спросить ген.-инспектора.* Редигер.
	В 10 саперном батальоне 24 ноября.	В сходках, в предъявлении незаконных требований и в шествии по городу.	Полковник Буланов, уволен от службы 13 января.	
Киевского	В 127 пехотном Путивльском полку 25 ноября.	В неповиновении начальству.	Полковник Орлов, остается в занимаемой должности.	По заключению ближайшего начальства, отличный строевой офицер, основательно знакомый с хозяйством, энергичный, с сильной волей и твердым характером, в общем — выдающийся. Командующий войсками своего мнения, по незнанию полковника Орлова, не высказал. *Оставить в должности.* Редигер.

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Киевского	Во 2 конно-горном артиллерийском дивизионе 17 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Юзвицкий, остается в занимаемой должности.	Командующий войсками признает полковника Юзвицкого вполне соответствующим своему назначению, в общем — выдающимся. *То же.* Редигер.
	В 69 пех. Богодуховском полку 23 ноября.	В неповиновении начальству, в шествии по городу и в предъявлении незаконных требований.	Полковник Пригоровский 7 августа сего года перемещен на должность командира 112-го пех. Уральского полка.	Командующий войсками признает полковника Пригоровского только удовлетворительным. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
	В 202 пех. Старобельском полку 23 ноября.	То же.	Полковник Гоштовт, остается в занимаемой должности.	Бывшие в полку безпорядки должны быть объяснены общими причинами и в особенности большим числом запасных, которые ослабили дисциплину. Полковника Гоштовта командующий войсками аттестует хорошим. *Оставить в должности.* Редигер.
	В 201 пех. Лебединском полку 23 ноября.	То же.	Полковник Долженков, командовал полком во время беспорядков за болезнью командира полка.	Командующий войсками аттестует полковника Долженкова удовлетворительным. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
	В 51 артиллерийской бригаде 28 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник Ползиков, остается в занимаемой должности.	Аттестации полковника Ползикова командующим войсками не дано за незнанием этого штаб-офицера, а начальством аттестован хорошим. *Спросить ген.-инспектора.* Редигер.

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Одесского	В 49 пех. Брестском полку 12 ноября.	В присоединении к мятежной толпе.	Полковник Думбадзе, остается в занимаемой должности.	Полковник, ныне генерал-майор, Думбадзе аттестован командующим войсками с наилучшей стороны. *Считать не виновным.* Редигер.
	В Севастопольской крепостной саперной роте 12 ноября.	В присоединении к мятежной толпе.	Подполковник Жданов, остается в занимаемой должности.	Согласно заключению ближайшего начальства, вполне разделяемому командующим войсками, подполковник Жданов, ввиду отсутствия должной самостоятельности и личной инициативы, не соответствует занимаемой должности; штаб-офицер этот отчислен от должности командира роты и прикомандирован в Главному инженерному управлению.
	В 277 пех. Ингульском полку 5 декабря.	Заперлись в казармах и не желали оставить их, почему пришлось прибегнуть к силе.	Подполков. Ятельницкий, 5 марта произведен в полковники с оставлением в полку.	Служебная деятельность полковника Ятельницкого характеризуется ходатайством командующего войсками округа о назначении его командиром Ингульского полка, что изложено в надписи от 22 февраля к вашему превосходительству, производством его в полковники за труды военного времени и пожалованием ему ордена св. Владимира 4-й степени за отличия при подавлении беспорядков. *Считать не виновным.* Редигер.
	В 52 пех. Виленском полку 18 декабря.	В предъявлении незаконных требований и в неповиновении начальству, почему пришлось прибегнуть к силе.	Полковник Герцик.	Произведен за отличие по службе в генерал-майоры. *Считать не виновным.* Редигер.

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
Московского	В Воронежском дисциплинарном баталионе 18 ноября.	В открытом возмущении и в сожжении казарм баталиона.	Полковник Александровский, состоит в занимаемой должности.	О полковнике Александровском производится следствие по обвинению его в бездействии власти. *Обождать.* Редигер.
	Во 2 гренадерском Ростовском полку 30 ноября.	В открытом мятеже.	Полковник Симанский, остается в занимаемой должности.	О полковнике Симанском производится следствие по обвинению его в бездействии власти. *Обождать.* Редигер.
	В 3 пех. Нарвском полку 15 ноября.	В неповиновении начальству.	Полковник барон Таубе, остается в занимаемой должности.	О действиях 1-го баталиона 3 пех. Нарвского полка производится следствие в Сибирском военном округе. Командующий войсками полковника Таубе не знает. Командиром же корпуса он аттестуется вполне соответствующим занимаемой должности и в общем хорошим. До окончания следствия командующий войсками не находит возможным дать заключение о служебной деятельности начальников вышеназванных частей войск. *Обождать.* Редигер.
Казанского.	В Казанском пех. инженерском училище в октябре месяце.	Среди юнкеров распространилась противоправительственная пропаганда, виновные частью исключены, частью подвергнуты взысканию.	Полковник Геништа, остается в занимаемой должности.	По заключению командующего войсками, полковник Геништа вполне соответствует занимаемой должности, как энергичный и опытный штаб-офицер. *Оставить в должности.* Редигер.
Кавказского.	В 49 Майкопском резервном баталионе 10 ноября.	В сходках и в незаконных требованиях.	Полковник Кутлоев, 30 августа сего года перемещен командиром 256 Гунибского резервного баталиона.	По заключение вр. командовавшего 2-м Кавказским корпусом, с каковым заключением согласился и главнокомандующий войсками, полковник Кутлоев вполне соответствует занимаемой должности, весьма

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
				энергичен, твердой воли, в общем—выдающийся. За бывшие в баталионе беспорядки ответственность отнюдь не может пасть на него. *Считать не виновным.* Редигер.
Кавказского	В 252 пех. Анапском резервном баталионе 16 ноября.	В предъявлении незаконных требований и в открытом неповиновении.	Полковник Лучинский, остается в занимаемой должности.	Полковник Лучинский аттестован вр. командовавшим 2-м Кавказским корпусом выдающимся, знающим службу, усердно к ней относящимся, энергичным и строгим. *Оставить в должности.* Редигер.
	Во 2 Урупском полку Кубанского казачьего войска 16 декабря.	В самовольном уходе на льготу.	Войсковой старшина Котрохов, остается в занимаемой должности	Ввиду болезненного состояния, происшедшего от переутомления, нервных волнений и малярии, и по собственному желанию переведен в 1 Лабинский полк того же войска на должность помощника командира полка с отчислением от командования Урупским полком.
	Во 2 Черноморском полку Кубанского казачьего войска 23 ноября.	В предъявлении незаконных требований 6 сотни.	Полковник Орлов, остается в занимаемой должности.	Вина полковника Орлова, признанного командиром 1-го Кавказского корпуса ответственным за беспорядки в полку, значительно умаляется теми обстоятельствами, что полк был вызван со льготы в самом конце 1904 года, а в январе 1 и 5 сотни полка были командированы уже в Батум, где произошли затем упомянутые беспорядки. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
	В Екатериноградском дисциплинарном баталионе 1 декабря.	В самовольном уходе из помещения баталиона.	Полковник Дидебулидзе, остается в занимаемой должности.	Происшедшие в Екатериноградском дисциплинарном баталионе беспорядки только благодаря распорядительности и энергии

Название округов	В какой части были беспорядки	В чем выразились	Кто командовал частью и где ныне состоит	Заключение командующих войсками о служебных качествах тех начальников, в частях коих произошли беспорядки
				полковника Дидебулидзе были прекращены без употребления оружия, и названный штаб-офицер по своим качествам не только соответствует занимаемой должности, но и будет отличным командиром полка. *Признать не виновным.* Редигер.
Кавказского.	В 250 Ахульгинском резервном баталионе 17 ноября.	В предъявлении незаконных требований.	Полковник князь Макаев, перемещен на должность командира Грозненского баталиона	Полковник Макаев, ныне командир 253-го Грозненского резервного баталиона, аттестуется хорошим, энергичным и усердным, но несколько суетливым. Происшедшие в баталионе беспорядки в вину ему поставлены быть не могут. *Обождать аттестации сего года.* Редигер.
Туркестанского.	В 7 Туркестанском стрелковом баталионе 16 июня.	В насильственном освобождении арестованных.	Полковник Ивашинцев.	Полковник Ивашинцев уволен от службы по домашним обстоятельствам 20 июня.
Иркутского.	В 1 Сибирском запасном баталионе 29 ноября.	В вооруженном восстании, в насильственном освобождении арестованных и в предъявлении незаконных требован.	Начальник гарнизона генерал-майор Ласточкин, состоит в должности команд. 1-й бригады 43 пехотной дивизии.	Поведение и служебная распорядительность генерал-майора Ласточкина во время беспорядков в Иркутске заслужили полное одобрение командовавшего войсками округа генерала-от-кавалерии Сухотина, выразившееся в такой аттестации: блестяще вышел из критической обстановки, в коей находился как начальник гарнизона г. Иркутска во время беспорядков в конце 1905 года, вообще очень хороший. *Признать не виновным.* Редигер.
	Во 2 Сибирском запасном бат. 29 ноября.	То же.		
	В Иркутском казачьем дивизионе 29 ноября.	То же.		
	В Иркутской учебной и конв. команд. 9 ноября.	То же.		

Генерал-майор Мышлаевский.
Полковник Бонч-Осмоловский.

3.

Докладная записка деж. генерала [1]).

12 апреля 1906 г. № 69.

Вследствие приказания вашего превосходительства Главный штаб представляет при сем сведения [2]) о командирах частей войск, в коих в конце минувшего года произошли беспорядки.

Подверглись ли указанные в представляемом списке командиры этих частей каким-либо взысканиям за допущение среди нижних чинов беспорядков, кроме командира 1-го Ташкентского резервного баталиона полковника Горбунова, сведений в Главном штабе нет.

Нет сведений о том же, в частности, о командирах частей инженерных войск, по отношению к которым состоялось особое высочайшее повеление.

Генерал-майор Мышлаевский.
Полковник Бонч-Осмоловский.

[1]) На подлиннике резолюция Редигера: «Доложено его величеству. Высочайше повелено: ввиду бывших в этих частях беспорядков, запросить о деятельности командиров частей и высших над ними начальников. Виновные из них, а равно и непригодные, уже должны были выясниться; спросить, насколько упомянутые командиры и высшие их начальники соответствуют своему назначению.

Его величество не изволил помнить беспорядков в Виленском полку; представить донесение при всеподд. записке. 15 апреля 1906 г. Г.-л. Редигер.» Далее пометы: «Деж. ген.». — «Спешно. Прошу В. В. во вторник переговорить. 15/IV. Г.-м. Мышлаевский». «Деж. ген. доложено. Указания получены. 25/IV». «16 отд. Гл. штаба. 17 апреля 1906 г. № 341».

[2]) Приложенная ведомость опущена. Выше стр. (215—223) печатается ведомость, составленная в сентябре.

4.

Всеподданнейшая записка ген. Редигера [1]).

При сем повергаю на высочайшее вашего императорского величества благовоззрение проект письма военного министра командующим войсками округов о принятии мер против агитации в войсках.

Генерал-лейтенант Редигер.

5.

Письмо ген. Редигера командующим войсками военных округов.

15 апреля 1906 г. № 737 [2]).

Милостивый государь.

Беспорядки в войсках, выразившиеся минувшею зимою даже в нескольких мятежах, зависели от общей смуты в империи, разброски войск и недостатка офицеров. Однако и в то тяжелое время войсковые части, бывшие в хороших руках, оставались твердыми и непоколебимо верными присяге.

Ныне, с улучшением перечисленных выше условий, повторение подобных явлений не должно иметь места.

Его величество государь император попрежнему верит своей армии и тому, что при должном влиянии офицеров никакая агитация не может вновь сбить с толку нижних чинов. Его величество требует от всех начальствующих лиц работы в этом отношении от сердца и по присяге. За всякое проявление внут-

[1]) На подлиннике резолюция Николая II: «Одобряю» и пометы: «Собственною его величества рукою написано: «Одобряю». 14 апреля 1906 г. Генерал-лейтенант Редигер». «В. В.... Прошу заготовить по возможности сегодня же в 25 экз. 15/IV. Г.-м. Мышлаевский».

[2]) Воспроизводится с отпуска (напечатан типографским способом), находящегося при всеподд. записке Редигера. На документе пометы: «В собствен. руки» и «3 410».

реннего беспорядка пред государем императором ответят все начальники, не только ближайшие, но и высшие — до главных начальников включительно.

О таковых высочайших указаниях довожу до сведения вашего...

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

6

Записка ген. Редигера начальнику главного штаба.

14 сентября 1906 г. [1])

Почему я не получаю ответа на мой вопрос: получены ли заключения командующих войсками относительно командиров тех частей, которые бунтовали и делали беспорядки?

Редигер.

14/IX.

7.

Докладная записка дежурного генерала.

14 сентября 1906 г. № 750 [2]).

На докладной записке Главного штаба от 12 апреля сего года, при которой были представлены сведения, в каких частях войск в конце минувшего года произошли беспорядки и кто командовал этими частями в то время, вашему превосходительству угодно было положить резолюцию:

«Доложено его величеству. Высочайше повелено: ввиду бывших в этих частях беспорядков, запросить о деятельности командиров частей и высших над ними начальников. Виновные из них, а равно и непригодные уже должны были выясниться, спросить, насколько упомянутые командиры и высшие их начальники соответствуют своему назначению,».

Приказание вашего превосходительства было тогда же исполнено, и от штабов военных округов стали поступать ответы на сделанные запросы.

Ныне получен последний ответ от штаба Кавказского военного округа, почему Главный штаб и представляет вашему превосходительству прилагаемую при сем ведомость с показанием частей войск, в коих произошли беспорядки, и заключений о служебных качествах, по данным аттестациям, как командиров этих частей, так и высших над ними начальников, расположив части войск в этой ведомости по округам.

Ген.-майор Мышлаевский.
Полковник Кондзеровский.

---

[1]) На подлиннике помета: «Н. Г. ш. доложено. 15/IX. Г.-м. Мышлаевский.

[2]) Воспроизводится с подлинника, на котором имеются следующие пометы: «Отметки в списке. 16/IX. Редигер».— «Деж. ген. Сообщить командующим войсками резолюции военного министра относительно намеченных к увольнению. Потребовать представления об увольнении, относительно отмеченных «Обождать» — доложить их первые аттестации. Вообще всем начальникам, у коих были беспорядки, составить алфавит, внести отметки и докладывать при всех представлениях. Эверт. 16/IX».

Ответственная редакция: { В. Адоратский, В. Максаков. М. Покровский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА «КРАСНЫЙ АРХИВ»

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. — Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым. — К истории партии Народного Права. — Новое о зубатовщине. — Воспоминания о «еврейской независимой рабочей партии». — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта. — Некрасов и цензура. — Из неизданной переписки Н. А. Некрасова. — Достоевский о Пушкинских торжествах. — Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Цензура и Л. Толстой. — Александр III о Л. Толстом. — К биографии В. Г. Короленко. — Цензорский отзыв о рассказах В. Г. Короленко. — Библиография.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны. — Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — М. Е. Салтыков-Щедрин и цензура. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Неизданные письма И. А. Гончарова. — Письма И. А. Гончарова к П. А. Вяземскому. — А. Мицкевич. — Из записной книжки архивиста: «Обуздание революционной деятельности» столичной и провинциальной периодической печати 1906 г.» — С. В. Зубатов и А. И. Спиридович. — Генерал Алексеев и М. В. Родзянко. — Подкуп китайских сановников Ли Хун-чжана и Чжан Ин-хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову в 1910—1912 гг. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцова. — Бакунин перед австрийским судом. — М. А. Бакунин по отчетам III отделения. — К биографии Н. П. Огарева. — Из материалов о П. А. Лаврове. — А. И. Герцен и цензура в 1890 гг. — Прокламация Н. В. Шелгунова. — «Причина пожаров». — Письма С. Л. Перовской. — Воспоминания А. Г. Достоевской. — Из записной книжки архивиста: Завещание Николая I. — III отделение и Крымская война. — К биографии крестьянина П. А. Мартьянова. — К биографии Н. Г. и О. С. Чернышевских. — К каракозовскому процессу. — Судьба одной пародии Достоевского. — Бальзак в России. — Письма В. Гете. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Зарубежное издание писем быв. имп. Александры Федоровны.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г. — Дневник А. А. Половцова. — Переписка В. Н. Коковцова с Нецлиным. — Семейная переписка Романовых. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Отзвуки польского восстания 1863 г. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма К. П. Победоносцева к Александру III. — Из материалов о Л. Н. Толстом. — Два письма Ф. М. Достоевского к М. Н. Каткову. — Два письма А. И. Гончарова к К. Н. и Р. И. Посьет. — Из материалов о Ф. И. Тютчеве. — Из записной книжки архивиста: Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда». — Достоевский в Твери. — Забастовка крепостных суконщиков. — В 50-х годах. — Речь А. П. Щапова после панихиды по убитым в с. Бездне крестьянам. — Письмо Я. В. Стефановича к В. К. Плеве. — К истории манифеста 17 октября. — Революционное движение в войсках во время мировой войны. — К истории убийства Гр. Распутина. — Материалы по истории живописи в России.

ПЯТЫЙ ТОМ.

Автографы В. И. Ленина. — Русско-германский договор 1905 г. — Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка). — Дневник А. Н. Куропаткина (с 14 февраля по 25 марта 1904 г.). — Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письма И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. — С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. — Верховное командование в первые дни революции. — Из переписки Николая I в декабре 1825 г. — Письма Д. И. Писарева из крепости. — Два письма П. Ф. Якубовича. — Из записной книжки архивиста: Г. В. Плеханов и «шпионские забавы». — Казнь П. П. Шмидта, Частника и др. — В. Чернов в июльские дни. — Распутин в освещении охранки.

ШЕСТОЙ ТОМ.

Портсмут. — Константинополь и проливы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Из архива Л. Тихомирова. — Временное правительство после Октября. — Из записок Николая I о 14 декабря 1825 г. — Три письма Л. Н. Толстого к декабристу П. Свистунову. — Л. Толстой и помощь голодающим. — Из записной книжки архивиста: Два письма Карла Маркса. — Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой. — К иконографии декабристов. — Адрес рабочих Н. В. Шелгунову.

СЕДЬМОЙ ТОМ.

Портсмут (окончание). — Константинополь и проливы (окончание). — Из дневника А. Н. Куропаткина. — Автобиографическая записка и письма С. Ширяева. — М. Бакунин и экспедиция на пароходе «Ward Jackson». — Достоевский. «Преступление и наказание». (Материалы к роману). — Омские события при Колчаке. — Из записной книжки архивиста: Неизданный манифест Исполнительного Комитета «Народной Воли». — Неизданные письма Л. Толстого Исславиным и др. — Крепостной конституционалист в 1837 г. — Стихотворение Я. П. Полонского «Простая быль».

ВОСЬМОЙ ТОМ.

№ 1 1925

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. — Записки А. С. Ермолова Николаю II в 1905 г. — Из дневника Куропаткина (декабрь 1905 г. — март 1906 г.). — Переписка Александра III с гр. М. Т. Лорис-Меликовым (1880—1881 гг.). — Заседание совета министров 8 марта 1881 г. (из дневников Е. А. Перетца и вел. кн. Константина Николаевича). — Октябрьский переворот в ставке.— Омские события при Колчаке (окончание). — Указы Пугачева и его коллегии. — Литература 60-х годов по отчетам III отделения. — Ф. М. Решетников и «Северная Пчела». — Неизданная сказка А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Революция 1848 г. и франц. подданные в Москве. — В годы реакции. — Письмо В. Г. Короленко к С. Ф. Шарапову. — Николай Романов 28 февраля — 4 марта 1917 г.— Пенсионная практика Временного правительства. — Казнь Афанасия Матюшенко.

ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

№ 2 1925

Дипломатическая подготовка Балканской войны 1912 г. (окончание). — Отражение событий 1905 г. за границей. — Вильгельм II о русско-японской войне и революции 1905 г. — Крестьянское движение 1905 г. — Волнения во флоте в 1905 г.— Из дневника ген. В. И. Селивачева.—Показания А. Д. Протопопова.— Октябрьский переворот и ставка (окончание). — Вокруг Гатчины. — Записка А. К. Бошняка. — Марксистская периодическая печать 1896—1906 гг. — Из записной книжки архивиста: «План убийства» Вильгельма II. — Письмо Балашова к Столыпину. — Письмо Гапона. — Охранник об аресте участников 1 марта 1887 г. — Похороны Н. В. Гоголя.

ДЕСЯТЫЙ ТОМ.

К переговорам В. Н. Коковцова о займе 1905—1906 гг. — С. Ю. Витте, франц. печать и русские займы. — Вокруг аннексии Боснии и Герцеговины.— Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана. — Экономическое положение России перед революцией: 1) записка М. В. Родзянко, 2) записка В. Степанова. — Протоколы заседаний ЦИК С. Р. и С. Д. I созыва после Октября. — Из дневника ген. В. И. Селивачева. — Из дневника А. Д. Протопопова. — Буташевич-Петрашевский в Сибири. — Из дневника в. кн. Константина Николаевича. — 14 декабря 1825 г. в письмах гр. М. Д. Нессельроде. — Памятная записка о рабочих газетах в Петербурге. — Из записной книжки архивиста: Письмо Е. Н. Трубецкого Николаю Романову по поводу роспуска I Госуд. думы. — К. П. Романов в характеристике Д. Х. Ливен. — М. Корф в полемике с Герценом. — Стихотворение декабриста. — Песня декабриста. — Инструкции по Алексеевскому равелину. — Григорий Гольденберг в Петропавловской крепости. — Рептильный фонд 1914 — 1916 гг. — Увольнение Н. Н. Романова от должности верховного главнокомандующего.

ОДИННАДЦАТЫЙ — ДВЕНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Начало пролетарской революции в России. Статья М. Н. Покровского. — 9 января 1905 г. — Проект манифеста о событиях 9 января. — Манифест 17 октября. — Из архива С. Ю. Витте. — Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — Хро-

ника вооруженной борьбы в 1905 г. — Аграрное движение 1905 г. по отчетам Дубасова и Пантелеева.—Флот в 1905 г.: а) Восстание броненосца «Потемкин Таврический», б) «Георгий Победоносец». — Прибалтийский край в 1905 г. — Движение в войсках на Дальнем Востоке. — Штурм Пресни. — Карательная экспедиция Римана. — Заем 1906 г. в донесениях русского посла.—Из записной книжки архивиста: Николай II в 1905 г. — Письма Николая II к Дубасову. — К убийству Н. Э. Баумана. — Подвиги барона Меллера-Закомельского. — К истории 9 января 1905 г. — Из бумаг Д. Ф. Трепова. —Самоубийство Н. П. Шмидта.

ТРИНАДЦАТЫЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Статья. — Восстание Черниговского полка. — Записка Н. И. Тургенева. — М. Ф. Орлов и 14 декабря. — «Практич. начала полит. экономии» Пестеля. — К истории освобождения крестьян И. Д. Якушкиным. — Заговор в Зерентуйском руднике. — Из записной книжки архивиста: П. И. Пестель. «Конституция Госуд. завет». — Рассказ И. Я. Телешова о 14 дек. 1825 г. — Солдаты Московского полка о 14 дек. 1825 г. — Казнь моряков-декабристов. — Из писем и записок В. Ф. Раевского. — О лошади, на которой Николай I разгонял восстание декабристов.—Месяцеслов на 1827 г.— Завещание П. И. Пестеля.

ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Боксерское восстание. — Бакунин в 40-е годы. — Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд.— Запрещенная цензурой статья Н. В. Шелгунова. — Новое о Нечаеве. — Автобиограф. заявление А. А. Квятковского. — Письмо Баранникова. — Аграрное движение в 1917 г. — К истории последних дней царского режима. — Из записной книжки архивиста: Письмо Эртеля об убийстве Сидорацкого. — Москва в марте 1881 г. — Отклики моск. промышленников на антиеврейские беспорядки в 1881 г.— Письмо ген. Буланже Александру III. — К истории манифеста 6 авг. 1905 г. — Хиромант Перен и русский министр.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Первая Балканская война. — Март — май 1917 г. — Февральская революция и европейские социалисты. — Гирш Леккерт и его покушение. — Из архива Щегловитова. — К истории «хождения в народ». — Новое о Нечаеве.— Имущественное положение декабристов. — Из записной книжки архивиста: Из правительственных настроений в эпоху I Госуд. думы. — К истории аграрных мероприятий 1906 г. — Из писем ген. Левашова Куропаткину. — К истории покушения А. Ульянова и др. — Вокруг поездки Вивиани и Альбера Тома. — Неосуществившееся издание сочинений Л. Толстого под цензурой Николая II. — Неопубликованные статьи Добролюбова.

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Ф. Э. Дзержинский по архивным материалам. — Первая Балканская война (окончание). — Февральская революция и европейские социалисты (окончание). Романовы и союзники в первые дни революции. — К истории восстания киргизов

в 1916 г. — К истории ареста и суда над с.-д. фракцией II Госуд. думы. — Записки современника о 1861 г. — П. И. Пестель по письмам к нему родителей. — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Из записной книжки архивиста: О локализации празднования 1 мая на фабриках и заводах. — Экономические перспективы франко-русского союза после мировой войны. — Письмо ген. Стесселя ген. Глазову. — Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностранных дипломатов. — Один из замыслов Ф. М. Достоевского. — Казни на Лисьем Носу в годы реакции.

СЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении. — Революционная пропаганда в армии в 1916—1917 гг. — Доклад П. Л. Барка Николаю II о росписи доходов и расходов на 1917 г. — Безобразовский кружок летом 1904 г. — К истории аграрной реформы Столыпина. — Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. — Бакунин (новые материалы). — Отголоски декабрьского восстания 1825 г. — Из записной книжки архивиста: Николай I и начальник его штаба в дни казни декабристов. — К истории демонстрации-панихиды по убитым в с. Бездне в 1861 г. — Письмо Ф. Яцевича. — Донесения С. С. Татищева В. К. Плеве в 1904 г. — Письма Медникова Спиридовичу. — Из переписки Николая Романова с В. А. Романовым. — «Расстреливать или вешать». — Экспедиция ген. Иванова на Петроград.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ТОМ.

№ 5 1926

Царская дипломатия о задачах России на Востоке в 1900 г. — Письма С. Ю. Витте к Д. С. Сипягину. — Китайская революция 1911 г. — К истории Ясского совещания. — Продуголь. — Автобиографические показания М. Ф. Грачевского. — Марксистская периодическая печать (окончание). — Из записной книжки архивиста: А. И. Желябов в Александровске. — Первый транспорт литературы группы «Освобождение труда». — Письмо В. К. Плеве к А. А. Кирееву. — Из черновых бумаг К. П. Победоносцева. — «Записка, достойная внимания». — ВЦИК в июльские дни 1917 г. — Учет департаментом полиции опыта 1905 г.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ТОМ.

К истории французской интервенции на юге России. — Англичане на Севере. — Английская политика в Индии и русско-индийские отношения в 1897—1905 гг. — Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина в 1904—1905 гг. — Дневник ген. Г. О. Рауха. — Записки Ф. А. Головина. — Письмо А. П. Щапова Александру II в 1861 г. — К истории «Земли и Воли» 70-х гг. — Из показаний Н. И. Рысакова. — Из записной книжки архивиста: Из переписки С. М. Кравчинского. — Извещение о разгроме типографии в Саперном переулке. — Первомайские речи в Одессе в 1895 г. — Ответ «Рабочей газеты» (1898 г.) Г. В. Плеханову. — Два документа из истории зубатовщины. — 20 лет назад. — П. А. Столыпин и смертная казнь в 1908 г.

ДВАДЦАТЫЙ ТОМ.

Дипломатия Временного правительства в борьбе с революцией. — Конференция союзников в Петрограде в 1917 г. — Из дневника А. Н. Куропаткина. —

Бухара в 1917 г. — Дневник Николая Романова. — «Работа» эсеров в 1918 г. — Записка Ф. Ф. Мартенса «Европа и Китай». — Письма Г. Ф. Здановича. — Из народовольческих автобиографических документов. — Из записной книжки архивиста: Французский агент о русском правительстве в 1802—1803 гг. — Петиция литераторов Николаю II в 1895 г. — Треповский проект речи Николая II к рабочим после 9 января 1905 г. — Программа союза русского народа перед Февральской революцией.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. — Дневник Николая Романова (продолжение). — Союз земельных собственников в 1917 г. — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Начало врангелевщины. — Царская дипломатия в эпоху Тайпинского восстания. — Общество «Священной дружины». — Из записной книжки архивиста: Как буржуазия готовилась к Октябрю. — Письмо генерала Д. Г. Щербачева ген. А. И. Деникину. — Подкуп «Нового времени» царским правительством. — «Студенческий союз» и казнь 8 мая 1887 г. — Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — Ф. М. Достоевский — «член тайного общества».

ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Февральская революция 1917 г. (окончание). — Дневник Николая Романова. — Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. — Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905—1906 гг.). — Записка А. Н. Пыпина по делу Н. Г. Чернышевского. — Из записной книжки архивиста: Побег Ярослава Домбровского. — К истории «нечаевщины». — Л. Н. Толстой в Моск. архиве мин. юстиции. — Последние Романовы о «либерализме» и конституционном строе.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

М. Н. Покровский. Предисловие. — Июльские дни в Петрограде. — Московский Военно-Революционный Комитет. — Октябрь на фронте. — Накануне перемирия. — Из дневника ген. В. Г. Болдырева.

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Июльские дни в Петрограде (окончание). — Октябрь на фронте (окончание). — Иностранные дипломаты о революции 1917 г. — Запрещенный рассказ В. Короленко. — Из записной книжки архивиста: Подготовка к наступлению на Петроград. — Романовы в первые дни революции.

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

Финансовое положение России перед Октябрьской революцией. — Октябрьская революция в Балтийском флоте (из дневника И. И. Ренгартена). — «Демократическое» правительство Грузии и английское командование. — Англо-русское соглашение о разделе Китая (1889 г.). — Решенный вопрос (экспертиза по делу Н. Г. Чернышевского). — Из записной книжки архивиста:

Иностранная цензура о «Коммунисте» в 1916 г. — Эпизод из истории Балканской войны. — Солдатское письмо о «9 января». — Из истории иностранного капитала в России. — Синод в борьбе с революцией. — Перлюстрация писем в России в начале XIX в.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел. — Аграрная политика Врангеля. — Письма И. И. Воронцова-Дашкова Николаю Романову. — Дневник А. А. Бобринского. — Вокруг смерти Н. Г. Чернышевского. — Из записной книжки архивиста: Заговор монархической организации В. М. Пуришкевича. — Из дневника А. В. Романова за 1916—1917 гг. — Диспозиция «Комитета народного спасения». — Спиридович и его «История революционного движения в России».

ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ.

№ 2 1928

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября. — Дневник Николая Романова (окончание). — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Бакунин и Дрезденское восстание. — Письма Ф. М. Достоевского. — Из записной книжки архивиста: Речь ген. Скобелева в Париже в 1882 г. — Николай Романов и Финляндия. — Неизвестный отклик на процесс 193.

ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ.

Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Московская городская дума после Октября (окончание). — Временное правительство и Учредительное собрание. — Крым в 1918—1919 гг. — Конец русско-японской войны. — Из отчета о перлюстрации департамента полиции за 1908 г. — Из записной книжки архивиста: Из истории колчаковщины. — Стихотворение Д. И. Писарева на открытие памятника Николаю I. — Новое о Пушкине.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Автографы Н. Г. Чернышевского. — Ставка и министерство иностранных дел (продолжение). — Крым в 1918—1919 гг. (окончание). — Временное правительство Автономной Сибири. — Неизданные записки Л. Тихомирова. — Н. Г. Чернышевский и III отделение. — Юлиан Мархлевский. — Из записной книжки архивиста: Французская военная миссия и карательные отряды особого назначения. — К характеристике Якова Стефановича. — К биографии Д. И. Писарева. — Новые материалы о Пушкине.

ТРИДЦАТЫЙ ТОМ.

60-летие М. Н. Покровского. — Ставка и министерство иностранных дел (окончание). — Из истории национальной политики Временного правительства. — Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым. — Переписка С. Ю. Витте с К. П. Победоносцевым. — «Исповедь» Григория Гольденберга. — Финал процесса 193. — Из записной книжки архивиста: Письма Дмитрия Романова к отцу. — Разгром «Южно-русского рабочего союза». — Два письма С. И. Муравьева-Апостола.

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг.—Развал колчаковщины (из дневника В. Н. Пепеляева). — Борьба С. Ю. Витте с аграрной революцией. — П. Л. Антонов в Петропавловской крепости. —Конституционные проекты 80-х гг. XIX в. — Московский адрес Александру II в 1870 г. — Новые пушкинские рукописи и материалы. — Поэма А. С. Пушкина «Монах». — Факсимиле первой песни поэмы А. С. Пушкина «Монах». — «Монах». Песнь первая. — Из записной книжки архивиста: Автографы членов Уфимского совещания. — В церковных кругах перед революцией. — К истории освобождения Н. Г. Чернышевского. — Побег Сергея Дегаева. — Из истории борьбы с социалистическим движением в царской России. — Неопубликованное письмо А. И. Герцена.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник министерства иностранных дел за 1915—1916 гг. (окончание). — Февральская революция в Балтийском флоте. (Из дневника И. И. Ренгартена). — Из истории внешней политики правительства Врангеля. (Экономические отношения с Францией). — Мобилизация реакции в 1906 г. — «Монах». Поэма А. С. Пушкина. Песнь вторая и третья. — Письма И. С. Тургенева к П. В. Анненкову. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и французская пресса в 1911 г. — Русская металлопромышленность и международные тресты. — Из истории борьбы с революцией в 1905 г. — Пародии на царские манифесты 1856 и 1857 гг.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 г. — Апрельские дни 1917 г. в Петрограде. — Колчак и Финляндия. — Совещание губернаторов в 1916 г. — Из дневника А. А. Половцова (1877—1878 гг.). — Из записной книжки архивиста: «Социалист», орган юго-западной группы партии «Народной воли». — Прокламация С. Г. Нечаева к студентам. — Ишутинцы в тюрьме и ссылке. — Новые материалы о дуэли и смерти А. С. Пушкина.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914—1917 гг. (окончание). Восстание 1916 г. в Средней Азии. — Борьба со стачечным движением накануне мировой войны. — К истории интервенции в Сибири. — К истории возникновения мировой войны. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины. — Из записной книжки архивиста: Александр III о «социалистической заразе». — В тылу «Вооруженных сил Юга России». — Стихотворная пародия на обвинительную речь Желиховского по делу 193-х.— Кн. П. В. Долгоруков и М. К. Элпидин. — Покушение Каракозова.

ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ ТОМ.

В. М. Фриче. — Балтийский флот накануне Октября — Временное правительство Автономной Сибири (окончание). — Из истории национальной политики царизма. — Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху сто-

лыпинщины (окончание).— «Союз 17 октября» в 1906 г.— Восстание в Бездне.— Из записной книжки архивиста: Николай Романов об убийстве П. А. Столыпина. — Тактика высшего командования в Февральскую революцию. — Л. Н. Толстой под ударами цензуры.

ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ ТОМ.

Из переписки В. А. Маклакова с Национальным Центром. — Временное правительство Автономной Сибири. — Из истории национальной политики царизма (окончание). — «Союз 17 октября» в 1906 г. (окончание). — К истории процесса 21. — Бездинское восстание 1861 г. — Из записной книжки архивиста: Петербургское духовенство и 9 января. — Новые материалы о Л. Н. Толстом. — Из истории крестьянских восстаний против «воли» 1861 г. — Из отголосков восстания декабристов.

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ТОМ.

Царская Россия и Монголия в 1913—1914 гг.— Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. — К истории процесса 21 (продолжение).— Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. — Из архива А. П. Чехова. — Из записной книжки архивиста: Приказ № 2. — № 2 рабочего листка «Зерно». — К биографии А. А. Красовского. — А. С. Пушкин под надзором полиции.

ТРИДЦАТЬ ВОСЬМОЙ ТОМ.

«9 января» в Петербурге. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова). — К истории процесса 21. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. (окончание). — Соединенные Штаты в эпоху гражданской войны и Россия — Из записной книжки архивиста: Морские карательные батальоны в Прибалтийском крае. — Неопубликованное письмо Н. П. Огарева. — А. С. Пушкин и гр. М. С. Воронцов. — Новый рассказ о казни декабристов.

ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Врангелевщина. — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова) (продолжение). — Из истории аграрного движения 1905—1906 гг. — «Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова). — К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др.— Из записной книжки архивиста: «Кровавое воскресенье» в Петербурге. — Из истории «мирного проникновения» европейцев в Абиссинию.

СОРОКОВОЙ ТОМ.

Врангелевщина. — Из истории аграрного движения 1905 — 1906 гг. (окончание). — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихомирова). — «Князья церкви». (Из дневника А. Н. Львова) (окончание). — Доклады ген.-ад. А. Р. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: Вокруг 1 марта 1881 г. — С. Г. Нечаев и тульские оружейники. — К истории побега Ярослава Домбровского.

СОРОК ПЕРВЫЙ — СОРОК ВТОРОЙ ТОМ.

Россия и Алжезирасская конференция. — Февральская революция в Петрограде (28 февраля — 1 марта 1917 г.). — 25 лет назад. (Из дневников Л. Тихоми-

рова). — В штабе адм. Е. И. Алексеева. (Из дневников Е. А. Плансона). — Из записной книжки архивиста: Проект протеста русской политической ссылки в 1888 г. — «Красная гвардия» в Риге в 1906 г. — Николай Романов о революционном движении в армии в 1905—1906 гг.

СОРОК ТРЕТИЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Разгон II Государственной думы. — Из дневника Константина Романова. — К истории нечаевского процесса. (Донесения и письма Н. Д. Горемыкина). — Из записной книжки архивиста: Казнь участников кронштадтского восстания 1906 г. — Из истории революционного движения в армии накануне 1905 г. — Н. Н. Романов и американская концессия на железную дорогу Сибирь — Аляска в 1905 г.

СОРОК ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Турецкая революция 1908—1909 гг. — Керченские каменоломни в 1919 г. — Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции. — Из дневника Константина Романова (продолжение). — Из записной книжки архивиста: Русские солдаты на Западном фронте в мировую войну. — Новые документы об Алжезирасской конференции и займе 1906 г. — Из истории «идеологической борьбы самодержавия с революционным движением в армии. — Письмо рабочего П. А. Алексеева.

СОРОК ПЯТЫЙ ТОМ.

Парижская коммуна 1871 г. — Турецкая революция 1908—1909 гг. (окончание). — Из истории французской интервенции в Одессе. — Запрещенная цензурой статья М. Горького. — Записки А. Ф. Редигера о 1905 г. — Из дневника Константина Романова (окончание). — Показания Ф. М. Достоевского по делу петрашевцев. — Из записной книжки архивиста: После первого марта 1881 г. — К истории суда над лейт. П. П. Шмидтом. — Письма В. В. Верещагина Николаю Романову в 1904 г. — Из истории либеральной общественности шестидесятых годов.

СОРОК ШЕСТОЙ ТОМ.

Дневник В. Н. Ламздорфа. — Кадеты в 1905—1906 гг. — Балтфлот в июльские дни 1917 г. — Из дневника А. А. Половцова. — Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1831—1832 гг. — Показания Ф. М. Достоевского (окончание). — Из записной книжки архивиста: Записка И. Нелидова в 1882 г. о занятии проливов. — Неизвестный сатирик 60-х годов.

СОРОК СЕДЬМОЙ — СОРОК ВОСЬМОЙ ТОМ.

Николай I и европейская реакция 1848—1849 гг. — Проект захвата Босфора в 1896 г. — Заграничное путешествие М. Н. Муравьева. — Польша и южнорусская контрреволюция. — Кадеты в 1905—1906 гг. (окончание). — Записки Н. М. Романова. — Из записной книжки архивиста: Самодержавие и Ватикан накануне империалистической войны.

СОРОК ДЕВЯТЫЙ ТОМ.

Испанская революция 1873—1874 гг. — К истории разгрома вооруженных сил Колчака. — Записки Н. М. Романова. — Доклады ген.-лейт. Селиверстова и ген.-ад. Дрентельна Александру II. — Из записной книжки архивиста: П. А. Столыпин и Свеаборгское восстание. — К истории эмиграции 1860-х годов.

ПЯТИДЕСЯТЫЙ — ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВЫЙ ТОМ.

Из эпохи японо-китайской войны 1894—1895 гг. — К истории первой Гаагской конференции 1899 г. — Интервенция и северная контрреволюция. — Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. — Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907—1910 гг. — Из записной книжки архивиста: Из офицерских писем с фронта в 1917 г. — Чистка комсостава царской армии в 1906 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Из эпохи японо-китайской войны 1894–95 гг. 3–63

К истории первой Гаагской конференции 1899 г. С предисловием *Л. Телешевой* 6–16

Интервенция и северная контрреволюция. С предисловием *И. Минца* . . . 97–116

Прогрессивный блок в 1915–1917 гг. С предисловием *Н. Лапина* 117–160

Из переписки Николая и Марии Романовых в 1907–1910 гг. С предисловием *Ф. Нотовича* 161–192

Из записной книжки архивиста

Из офицерских писем с фронта в 1917 г. С предисловием *Л. Андреева* . . . 194–210

Чистка комсостава царской армии в 1906 г. Сообщила *Т. Рахманова* 211–225

Цена 5 р.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 ГОД НА ЖУРНАЛ

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ГОД ИЗДАНИЯ 11-Й

6 КНИГ В ГОД

Отв. редакция: В. В. Адоратский, В. В. Максаков, М. Н. Покровский

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции, истории фабрик и заводов и гражданской войны.

Особенное внимание в 1932 г. будет посвящено опубликованию материалов по истории Октябрьской революции гражданской войны и интервенции.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ И МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ, ЕГО УПОЛНОМОЧЕННЫМИ И ВСЮДУ НА ПОЧТЕ

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ

СОДЕРЖАНИЕ:

Несколько документов из царских архивов о М. Н. Покровском.—Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке. — Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 90-х гг. XIX в.— Прогрессивный блок в 1915-1917 гг. — Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке. — Из истории интеллигенции 60-х годов.

ЦЕНТРАРХИВ

1932

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 г

НА ЖУРНАЛ

Центрархива РСФСР

АРХИВНОЕ ДЕЛО

В 1932 ГОДУ ВЫЙДЕТ 4 ВЫПУСКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 4 р. 50 к. **на полгода 2 р. 50 к.**

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

„АРХИВНОЕ ДЕЛО" ставит своей задачей научную разработку, на основе марксистско-ленинской методологии, основных проблем архивной теории и практики и освещение опыта советского архивного строительства в центре и на местах.

Журнал необходим в качестве руководящего пособия всем работникам центральных и местных органов ЦАУ СССР и РСФСР, а также работникам государственных, профессиональных и кооперативных учреждений и организаций. Журнал ставит своей целью привлечение передовых архивистов-ударников и актива архивной молодежи к глубокому изучению архивного дела, к наиболее полному овладению техникой архивных процессов, к преодолению нашей технической отсталости. Журнал должен стать для архивистов научно-технической энциклопедией, восполняющей недочеты их архивно-технической учебы и практики. В программу журнала, помимо научной проработки актуальных проблем текущего архивного строительства, входит всестороннее освещение положения архивного дела в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и организациях, методическая разработка вопросов архивной техники и рационализации производственных процессов, освещение деятельности Центрархивов союзных республик и состояния архивного дела за границей, вопросов архивного образования и общественно-профессиональной жизни архивных работников. В журнале широко поставлен отдел о работе местных органов ЦАУ, а также отдел библиографии (отзывы о книгах по архивоведению).

Подписка принимается: Москва, Центр, ул. 25 Октября, Центральное архивное управление РСФСР.

Редакционно-издательский отдел.

Тел. ре[illegible]ции 3-72-91.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

Проверено
год

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ТРЕТИЙ (ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРОЙ)

1932

Б-ка Истфака
М. Г. У.
Каб. Ист. С.С.С.Р.

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

ПЕРВАЯ
ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28

★

Уполномочен. Главлит № В-39303
Тираж 2950 экз. Заказ № 2251.
Сдано в производство 20/VI-32 г.
Подписано к печати 7/XII-32 г.
Формат 72×105 1/16. Объем 13 п. л.
В 1 п. л. 40 000 п. зн.

им. ГОРЬКОГО
Инв. № 2
М. Г. У.
17/174

Михаил Николаевич
ПОКРОВСКИЙ
(1868—1932)

(Снимок относится к 1924 г.)

10 апреля, в 23 ч. 30 м., скончался Михаил Николаевич Покровский, заведующий Центрархивом СССР и РСФСР, основатель и бессменный руководитель исторического журнала Центрархива «Красный архив».

Партия, рабочий класс и советская наука потеряли в лице Михаила Николаевича виднейшего представителя старой большевистской гвардии, активного участника революции 1905 г. и Октябрьской Пролетарской революции, непримиримого борца за генеральную линию партии, одного из основоположников марксистской исторической науки, виднейшего организатора и руководителя на теоретическом фронте.

Глубоко скорбя по поводу кончины Михаила Николаевича, редакция «Красного архива» в своей дальнейшей научно-публикаторской работе будет твердо следовать пути, указанному Михаилом Николаевичем, всемерно используя архивные документы, это могучее политическое оружие борющегося пролетариата, для достижения победы рабочего класса во всем мире.

РЕДАКЦИЯ «КРАСНОГО АРХИВА».

Несколько документов из царских архивов о М. Н. Покровском [1].

Отношение Московского охранного отделения на имя пристава 3 участка Сущевской части от 1 июня 1907 г. № 8516 о производстве обыска в квартире М. Н. Покровского.

Вследствие приказания градоначальника и на основании § 21 высочайше утвержденного в 14 день августа 1881 года положения об усиленной охране, охранное отделение просит ваше высокоблагородие, с получением сего, произвести, в порядке ст. 258 уст. уг. суд., самый тщательный и всесторонний обыск у приват-доцента Московского университета Михаила Николаева Покровского, проживающего в д. быв. Фидлера, кв. № 24, по Долгоруковской.

Причем надлежит обратить особое внимание на бесцензурные издания, переписку, фотографические и визитные карточки и адреса; все эти предметы, по просмотре, должны быть опечатаны и с протоколом обыска препровождены в отделение.

Обыскиваемый же подлежит безусловному задержанию.

Справка: Циркуляр московского градоначальника от 14 декабря 1906 г. № 17448.

За начальника отделения помощник ротмистр Колоколов.

Протокол обыска в квартире М. Н. Покровского в Москве 2 июня 1907 г.

1907 года, июня 2 дня, в г. Москве, я, помощник пристава 3 участка Сущевской части губернский секретарь Бунар, по распоряжению г. московского градоначальника, переданному в отношении охранного

[1] Публикуемые документы извлечены из хранящихся в Архиве революции и внешней политики дел Московского охранного отделения (№ 1217, 1907 г., «О приват-доценте М. Н. Покровском»), Московской судебной палаты (№ 4490 за 1910 г., №№ 14 и 62 за 1913 г.), Московского комитета по делам печати (№ 118 за 1912 г.). Документы подготовлены к печати бригадой научных работников Архива революции и внешней политики.

отделения от 1 июня 1907 года за № 8516, прибыв в 4 часа утра в дом № 56, бывший Фидлер, по Долгоруковской улице, в квартиру № 24, занимаемую приват-доцентом Московского университета Михаилом Николаевичем Покровским, произвел в присутствии ниже подписавшихся понятых, в порядке ст. 258 уст. уг. суд., тщательный и всесторонний обыск во всей квартире Покровского. Квартира состоит из 5 комнат, кухни, передней и коридора и ватерклозета. Ко времени моего прибытия для производства обыска в квартире находилась жена Покровского Любовь Николаевна Покровская, спавшая в своей комнате и прописанная, прислуга — волоколамская мещанка Васса Аполлонова Дятлова, спавшая в отдельной комнате и прописанная, и студент Московского университета Леонид Александрович Плавтов, 24 лет, непрописанный, прибывший в Москву, по его словам, два дня тому назад из Кунцево, из дачи Бухбендера, близ станции, постоянно живет в Уфимской губернии, едет в Крым, не прописан потому, что в Москве проездом, у Покровских остановился только для того, чтобы пойти в университет и возвратить туда входной билет. Все находящиеся в квартире лица были также обысканы, но у них ничего подлежащего отобранию не обнаружено.

Подлежащий задержанию Покровский в доме бывший Фидлер, ныне страхового общества «Россия», не прописан и по домовой книге значится выбывшим заграницу 25 апреля сего года. Спрошенная по этому поводу жена Покровского Любовь Николаевна Покровская объяснила, что она не знает, где в настоящее время проживает ее муж. По другим сведениям, Покровский из заграницы возвратился и дней 10 тому назад заезжал в свою квартиру на 1 час.

Плавтов предъявил в удостоверение своей личности свидетельство, выданное Московским университетом 3 февраля 1907 года, за № 7159, сроком по 1 сентября 1907 года, явлен 15 февраля сего года по дому Пенкина 2 уч. Тверской ч. и 18 марта по дому Румянцева-Смирнова 2 уч. Арбатской ч. О чем и составлен сей протокол.

Помощник пристава 3 уч. Сущев. части Бунар.

Понятые: швейцар дома страхового общества «Россия» кр. Курмышевского у., Чембелеевской вол., с. Чембелей, Арифулла Ибраимов и проживающий по Бахметьевской улице в доме Карлович кр. Новосильского у., Понинской вол., сельца Рахнинского, Грачев.

Любовь Николаевна Покровская.

Леонид Александрович Плавтов.

126

ВѢДОМОСТЬ

о лицахъ, подлежащихъ розыску

Составлена марта 20 дня 1908 года

1. Фамилія, имя, отчество и званіе.	1) Николай Александровичъ ПОКРОВСКІЙ
2. Мѣсто жительства, а для иностранцевъ также и подданство.	2) Студентъ Московскаго Университета, адресъ квартиры не извѣстенъ.
3. Примѣты.	3) Примѣтъ не имѣется.
4. Время и мѣсто рожденія.	
5. Имѣющіяся фотографическія карточки.	5) Имѣются.
6. Подробныя свѣдѣнія о преступленіи, въ которомъ обвиняется.	Обвиняется: 1) по ст. 126 Улож. о нак. по прод. 1885 г. 2) по ст. 129 п. 1 Улож. о нак. по прод. 1885 г.
7. Какими судебными или административными учрежденіями и когда выданы приказъ или предписаніе.	Московскимъ Губернскимъ Жандармскимъ Управленіемъ предписаніе въ Волковысскій жандармскій дивизіонъ отъ 20 марта.
8. Какими мѣрами или по какимъ статьямъ задержанъ.	Арестованъ по 102 ст. Улож. Улож.
Что надлежитъ сдѣлать и сообщить увѣдомившему по розыскѣ?	Долженъ быть конвоированъ въ г. Волковыскъ Гродненской губерніи.

Генералъ-Лейтенантъ

Начальникъ Губернскаго Жандармскаго Управленія.

№ 3238

Въ департаментъ Полиціи

По регистраціонному отдѣлу.

Ведомость о лицах, подлежащих розыску.

Составлена марта 20 дня 1909 г.

	№ по порядку, имя, отчество и фамилия	Михаил Николаевич Покровский.
а	Подробное звание, год, месяц, число и место рождения, вероисповедание, профессия и последнее место службы.	Приват-доцент Московского университета. Остальные сведения не известны.
б	Звание, имя, отчество и фамилия отца и матери (также ее девичья фамилия), а если незаконнорожденный или усыновленный— отмечается особо, и находятся ли в живых и где проживают?	Сведений не имеется.
в	Братья, сестры и прочие известные родственники и где они проживают?	Тоже.
г	Приметы.	Роста ниже-среднего, полный, лицо чистое, носит пенснэ, цвет волос светлорусый.
д	Имеется ли фотографическая карточка и не подвергался ли антропометрическому измерению или дактилоскопическому исследованию, где и когда?	Не имеется.
е	Последнее местожительство и преступная специальность или принадлежность к партии, напр., социал-революционер, анархист и т. п.	Город Москва, был делегатом на Лондонском социал-демократическом съезде от Московской окружной организации Р. С.-Д. Р. П. под фамилией Домов, социал-демократ.

ж	Каким жандармским управлением или судебным учреждением или должностным лицом и где именно привлечен?	Московскимгубернскимжандармским управлением привлечен к формальному дознанию в качестве обвиняемого.
з	В чем именно или по каким статьям закона обвиняется?	Обвиняется по 102 ст. угол. улож.
и	Что надлежит сделать и кого именно уведомить по розыскании?	Подвергнуть обыску и аресту, о чем уведомить начальника Московского губернского жандармского управления.

Верно. Ротмистр Зотов.

Генерал-лейтенант

От начальника Московского губернского жандармского управления.

№ 3238.

В департамент полиции.

По регистрационному отделу.

Постановление судебного следователя Московского окружного суда по особо важным делам от 25 марта 1910 г. о привлечении М. Н. Покровского в качестве обвиняемого по делу о Московской организации Р. С.-Д. Р. П.

1910 года, марта 25 дня, судебный следователь Московского окружного суда по особо важным делам Вольтановский, рассмотрев дело о Московской организации Р. С.-Д. Р. П., по ликвидациям 1906 и 1907 гг., нашел: у привлеченного по этому делу и ныне уже осужденного Грецова, среди конспиративных адресов Московской социал-демократической организации, в том числе и таких, какие оказались и у его сопроцессницы Елены Соколовой, был обнаружен написанный почерком обвиняемого и также уже осужденного Леонида Покровского следующий адрес: «Долгоруковская, д. Фидлер, кв. 24. Спросить Михаила Николаевича. От Степана. Покровский.» По указанному адресу оказался на жительстве приват-доцент императорского Московского университета Михаил Николаевич Покровский. Произведенный

у него в свое время обыск не дал положительных результатов, почему Покровский к следствию в качестве обвиняемого вместе с другими, ныне уже осужденными, лицами привлечен не был. Из дела видно, что означенный Михаил Николаевич Покровский был сотрудником социал-демократической газеты «Светоч», каковое обстоятельство он признал сам при допросе его на следствии в качестве свидетеля, не говоря уже о том, что имя его значится в заголовке названной газеты в числе сотрудников. Привлеченный к формальному дознанию, производившемуся при Московском губернском жандармском управлении по делу о Московской окружной организации, Григорий Алексеев Саминин, чистосердечно сознавшийся в участии в названном преступном сообществе, выдал некоторых других членов названной организации и, между прочим, оговорил Михаила Покровского, который, по его словам, состоял членом Московского комитета социал-демократической партии и в качестве такового был, во-первых, делегатом на партийном съезде, происходившем весною 1907 года в Лондоне, а во-вторых, принимал участие в конференциях окружной организации, между прочим на происходившей 17 июня 1907 года в г. Москве, близ Шаболовской больницы.

Привлеченный к формальному дознанию Михаил Покровский розыскан не был, а, по сведениям Московского охранного отделения, он скрылся за границу.

Принимая во внимание, что по всем приведенным данным приват-доцент Михаил Николаевич Покровский вполне изобличается ныне в участии в преступном сообществе, членами коего состояли указанные выше Грецов, Леонид Покровский и Соколова, на основании 296 и 386 ст. ст. уст. уг. суд., постановил: означенного Михаила Николаевича Покровского привлечь в качестве обвиняемого по делу о Московской организации Р. С.-Д. Р. П., по ликвидациям 1906 и 1907 гг., представив вместе с тем Московской судебной палате о сыске его через публикации и сообщив департаменту полиции о повсеместном его розыске.

С подлинным верно.
Судебный следователь В о л ь т

Сообщение Московского охранного отделения о М. Н. Покровском судебному следователю Московского окружного суда по важнейшим делам от 18 октября 1910 г. № 257475.

Бывший приват-доцент Московского университета и преподаватель некоторых среднеучебных заведений в Москве дворянин Михаил Николаев Покровский, родившийся 17 августа 1868 года, известен

отделению как имевший сношения с лицами политически неблагонадежными с 1902 года.

23 декабря 1905 года названный Покровский был безрезультатно обыскан вследствие имевшихся негласных сведений о прикосновенности его к хранившемуся будто бы в доме Курникова, по Долгоруковской ул. (где он проживал), оружию.

15 июля 1906 г. Покровский вновь без дальнейших последствий был обыскан по адресу его, обнаруженному у Алексея Грецова, члена «Комитета вольного состава военных организаций», причем по обыску у Покровского была обнаружена брошюра «Манифест анархистов-коммунистов».

Затем в 1907 году, вследствие сведений, что делегатом от московской организации на Лондонском съезде Р. с.-д. рабочей партии был под псевдонимом «Домов» приват-доцент Московского университета Михаил Николаев Покровский, он подлежал аресту, но до обыска (2 июня сего года) успел скрыться, в квартире же, где оставалась проживать жена его, ничего относящегося к делу обнаружено не было.

В настоящее время, согласно розыскному циркуляру департамента полиции от 12 июня 1909 года № 151379—47 ст. 84, в случае обнаружения Покровского, надлежит его обыскать и арестовать и уведомить Московское губернское жандармское управление, разыскивающее его по делу о московской окружной организации Р. с.-д. р. партии.

О местопребывании Покровского в делах отделения имеется сообщение начальника финляндского жандармского управления от 18 сентября 1909 года, № 1230, что Покровский 26 августа того же года выехал из Финляндии в Швецию через Торнео, предполагая затем поехать в Берлин.

За начальника отделения ротмистр Турчанинов.

Сообщение Московского охранного отделения о М. Н. Покровском судебному следователю Московского окружного суда по важнейшим делам от 23 ноября 1911 г. № 307017.

Дополнительно сообщения от 18 октября 1910 г. за № 257475 отделение уведомляет ваше высокородие, что выехавший в 1909 году заграницу разыскиваемый департаментом полиции бывший приват-доцент Михаил Николаев Покровский, по сведениям за 1911 г., состоял лектором пропагандистской школы социал-демократов в Болонье.

Других сведений к выяснению местожительства названного Покровского в отделение не поступало.

За начальника отделения помощник подполковник Турчанинов.

Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московской судебной палаты от 17 июля 1906 г. об утверждении ареста, наложенного на брошюру М. Н. Покровского «Экономический материализм» [1]).

Копия.

Господину прокурору Московской
судебной палаты.

Главное управление по делам печати при предписании от 2 сего июля за № 5968 препроводило в Московский комитет по делам печати, в числе других изданий, брошюру под заглавием «Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии. Выпуск III. М. Покровский. Экономический материализм. Москва. 1906 г. Типография торгового дома А. Печковский, П. Буланже и К-о (Москва, Пантелеевский переулок, соб. дом, № 53). Цена 10 коп.», и предложило комитету рассмотреть эту брошюру по существу ее содержания и, поступив в дальнейшем согласно требованиям закона, о последующем донести Главному управлению.

Рассмотрев означенную брошюру в заседании 15 сего июля, комитет нашел в ней нижеследующее.

В брошюре этой идет речь о том, что «нам» будто нужна демократическая республика, потому что, якобы, «только она одна приближает час окончательной развязки» со старым строем. «Сладкие рассуждения о благодетельной роли монарха, стоящего «над классами», «примиряющего» борющиеся экономические интересы и созидающего таким образом общественную гармонию», — говорит автор, — «будет», будто, «держать нас в застое», «у мертвой точки классовой борьбы» (стр. 31, 32). Домогаться же такой республики, будто, следует при посредстве насильственного переворота, «ибо, — говорит автор, — Маркс и Энгельс вовсе не были мирными эволюционистами», а призывали своих последователей (в «Коммунистическом манифесте») к социальной революции, к насильственному перевороту самых громадных размеров, какой только видело человечество. Они представляли себе историю не как мирное развитие, а как «борьбу, жестокую, непрерывную борьбу между общественными классами» (стр. 3). «Идеи «Коммунистического манифеста», — говорит автор, — глубоко коренятся в самых основах того нового миросозерцания, которое пришло на смену средневековому католицизму в XVII—XVIII вв. Противоположность классовых интересов, в частности — противоположность интересов буржуазии и пролетариата», будто «была уже обоснована» еще «Сен-Симоном (1760—1825), лет за двадцать до «Манифеста» (стр. 7). «Динамика марксизма, —

[1]) ЛОЦИА.

утверждает автор, — выражается в теории классовой борьбы, как движущего начала истории» (стр. 22). Словом, только будто экономический материализм да демократическая республика обеспечивают прогресс человечества и в частности, значит, нашего государства. «Всякий же раз, — уверяет автор, — как в европейской истории мы встречаем вновь монархическую власть, мы можем быть уверены, что мы стоим у мертвой точки классовой борьбы, где два класса, одинаково утомленные продолжительной и бесплодной схваткой, ищут посредника, который бы помог им заключить временное перемирие до новой схватки». История Франции, будто, «полна примерами этого» и т. д. (стр. 32).

Находя в изложенном признаки преступления, предусмотренного п. п. 2 и 6 ст. 129 угол. улож., Московский комитет по делам печати постановил: на брошюру М. Покровского «Экономический материализм» наложить арест согласно ст. 3 отд. VI временных правил для неповременных изданий от 26 апреля 1906 года, а против ответственных по настоящему делу лиц возбудить судебное преследование по указанной выше статье уголовного закона.

Сообщая об этом, комитет имеет честь покорнейше просить ваше превосходительство об утверждении ареста, наложенного комитетом на означенную брошюру, и о привлечении виновных по сему делу лиц к судебной ответственности по п. п. 2 и 6 ст. 129 угол. улож.

Об аресте инкриминируемой брошюры, а также о доставлении вашему превосходительству сведений об ответственных по настоящему делу лицах комитетом сделано надлежащее распоряжение отношением на имя старшего инспектора книгопечатания и книжной торговли в г. Москве от 15 июля текущего года за № 2520.

Экземпляр брошюры при сем прилагается.

Подлинное за надлежащим подписом.

С подлинным верно: секретарь [подпись].

Экстренная телеграмма московского градоначальника всем приставам и начальникам жандармских железнодорожных полицейских отделений от 11 сентября 1912 г.

Копия Московскому комитету по делам печати.

Предлагаю немедленно конфисковать в книжных магазинах и везде, где будут обнаружены, и доставить в мою канцелярию арестованное по постановлению Московского комитета по делам печати издание под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. По-

кровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том пятый, издание т-ва «Мир», Москва, 1912 г., тип. «т-ва И. Н. Кушнерев и К-о.»

Вр. и. д. московского градоначальника полковник М о д л ь.

Прошение товарищества «Мир» на имя московского градоначальника от 13 сентября 1912 г.

12 сентября с. г. нам была предъявлена телеграмма вашего превосходительства с распоряжением конфисковать «Русскую историю с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, т. 5-й, причем была взята у нас подписка в том, что нам объявлено о наложении Московским комитетом по делам печати ареста на вышеозначенную книгу. Так как в действительности арест наложен лишь на девятую книгу 5-го тома, а в последний входят еще книги, то благодаря опущению слов «девятая книга» распоряжение вашего превосходительства будет толковаться распространительно, т. е. что должны быть конфискованы все книги, входящие в 5-й том этого издания, что может нам причинить очень значительный материальный ущерб. Ввиду этого мы настоящим имеем честь покорнейше просить ваше превосходительство о дополнительном распоряжении с указанием, что конфискации подлежит девятая книга 5-го тома «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровского, а также о замене взятой у нас подписки другой с соответствующей поправкой.

Т-во «Мир».

Член-распорядитель Л у р ь е.

Сообщение Московского комитета по делам печати в канцелярию московского градоначальника от 24 сентября 1912 г. № 3511.

Вследствие прошения т-ва «Мир» на имя московского градоначальника от 13 сего сентября по поводу ареста, наложенного Московским комитетом по делам печати на издание названного т-ва под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, комитет уведомляет канцелярию градоначальника, что аресту действительно подлежит не весь пятый том означенного издания, а одна только девятая книга пятого тома.

Председатель

Секретарь

Экстренная телеграмма московского градоначальника всем приставам и начальникам жандармских железнодорожных полицейских отделений от 27 сентября 1912 г.

Копия Московскому комитету по делам печати.

Дополнительно к телеграмме от 11 сего сентября о конфискации пятого тома издания под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, изд. т-ва «Мир», 1912 г., тип. Кушнерева, даю знать, что арест, наложенный Московским комитетом по делам печати, относится лишь к девятой книге пятого тома названного издания.

Градоначальник свиты его величества генерал-майор
Адрианов.

Заключение товарища прокурора Московской судебной палаты от 28 сентября 1912 г.

12 сентября 1912 года Московский комитет по делам печати, наложив арест на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, просил возбудить судебное преследование против лиц, издавших таковую, по обвинению в преступлении, предусмотренном 129 ст. угол. улож.

В подтверждение этого комитет излагает нижеследующее: названная книга открывается цитатой из книги маркиза Кюстина «Россия в 1839 году» с резким отзывом о «всепоглощающем деспотизме русского императора» (стр. 2): «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение — пишет Кюстин. — Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности?» (стр. 1). Личность императора Николая I рисуется в предлежащем выпуске такими штрихами: среди всего своего антуража «тот, кто казался господином всего, играл роль первого актера»... «раболепную толпу» нужно было занять, как ни мало доставляло это удовольствия самому «живому богу» (стр. 3); «мыслительный аппарат Николая Павловича был не так устроен, чтобы видеть на большое расстояние вперед» (стр. 6); «легенда» о его железной воле объясняется командирским тоном, выработавшимся у государя на разводах (стр. 8); в действительности, 14 декабря, напр. — «он с беспомощным видом расхаживал по площади и, вместо того, чтобы распоряжаться, растерянно обнимал

и целовал подходивших к нему офицеров» (стр. 9). В революцию 48 года «весть о новой республике так подействовала на Николая, что он потерял способность к членораздельной речи» (стр. 44), и манифест, от первой до последней строчки написанный императором, «свидетельствовал о совершенном нарушении душевного равновесия у писавшего» (стр. 43). При определении отношения императорской власти к классам населения говорится, что для купечества это была «сильная рука, не очень деликатно — за шиворот — но все же помогавшая ему держаться на поверхности» (стр. 19); что касается крестьян, то «Николай носился с освобождением крестьян, но мало у него из этого вышло» (стр. 1). Вообще же, «главное свое достоинство Николай Павлович видел в том, чтобы делать ружейные приемы, «как лучший ефрейтор», и ничего так не желал своим подданным как того, чтобы каждого из них можно было произвести в ефрейторы» (стр. 129). Недопустим также тон книги и в отношении преемника Николая Павловича, императора Александра II: так, по поводу подготовительных работ по освобождению крестьян, говоря, что «с помещиков велено было взять честное слово, что они заботятся в самом деле об интересах крестьян, а не своего кармана», автор замечает: «это был грубый окрик, выражавший лишь настроение кричавшего и не имевший никакого практического значения; но если бы окрик дошел до крестьянской массы, она, конечно, с приятностью почувствовала бы, как о ней заботятся» (стр. 71).

По соображении изложенного я нахожу, что отмечаемые комитетом места книги относятся к событиям эпохи императора Николая I, обсуждая его деятельность во время этих событий и отчасти пытаясь дать общую характеристику его личности и деятельности. Если в некоторых допускаемых автором выражениях и обнаруживается критическое отношение к практиковавшейся в ту эпоху системе управления, то, во всяком случае, в них нельзя усмотреть выражения дерзостного неуважения к верховной власти вообще и, в частности, — к современной верховной власти в России.

По этим основаниям я полагал бы: не возбуждать уголовного преследования по содержанию изданной в Москве в 1912 году книги, озаглавленной «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского и др., том 5-й, книга 9-я, отменив арест, наложенный на означенную книгу комитетом по делам печати.

Настоящее заключение подлежит рассмотрению Моск. судебной палаты.

Составлено сентября 28 дня 1912 года в г. Москве.

Исп. об. товарища прокурора судебной палаты **Бируков.**

Определение Московской судебной палаты от 6 октября 1912 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента Л. Б. Шадурского, в составе членов палаты Г. Д. Вельсовского и Н. Л. Шкотта, при товарище прокурора палаты А. Ф. Микулине и при помощнике секретаря И. П. Левашеве, слушала: внесенную прокурором Московской судебной палаты при предложении от 30 сентября 1912 года за № 62—12 с заключением о дальнейшем направлении переписку об издании книги, озаглавленной «Русская история с древнейших времен», том 5-й, книга 9-я.

Рассмотрев настоящую переписку и выслушав словесное заключение товарища прокурора судебной палаты, находит, что в упомянутой книге помещены следующие выражения: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение» (1), «Кюстин иллюстрирует свои размышления о всепоглощающем деспотизме русского императора»; (2), «ему принадлежит знаменитое определение русского образа правления, как абсолютной монархии, умеряемой убийством» (3), «положение сильнее человека и нельзя делать людей свободными при помощи абсолютизма» (80), «отеческое самодержавие давало буржуазии все, что ей было нужно: его лозунгом на берегах Невы, как и на берегах Сены, было: «обогащайтесь», — заключающие в себе дерзостное неуважение верховной власти, а также: «Император ли (Александр II), который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина» (129), — заключающее в себе оскорбление памяти усопшего царствовавшего деда царствующего императора, т. е. признаки преступления, предусмотренного 128 и 107 ст. угол. улож.

Ввиду изложенного судебная палата, не считая возможным отменить наложенный на означенную книгу арест и руководствуясь 1213—14 ст. уст. угол. суд., определяет: наложенный 12 сентября 1912 года Московским комитетом по делам печати на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, оставить в силе, заключение же прокурорского надзора оставить без утверждения при делах судебной палаты. Копию настоящего определения вместе с упомянутой книгой и перепиской на 4 листах возратить для исполнения прокурору с удебой палаты.

Шадурский. Шкотт.

Помощник секретаря Левашев.

Заключение товарища прокурора Московской судебной палаты от 8 декабря 1912 г.

12 сентября 1912 года Московский комитет по делам печати, наложив арест на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, просил возбудить судебное преследование против лиц, виновных в издании этой брошюры, по обвинению в преступлении, предусмотренном 128 ст. угол. улож.

Наложенный на означенную книгу комитетом по делам печати арест утвержден определением Московской судебной палаты от 6 октября 1912 года (л. 7).

На возникшем по этому поводу предварительном следствии осмотром упомянутой книги установлено, что она начинается выдержкой из книги путешествовавшего по России в 1839 году маркиза де Кюстина, следующего содержания: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение. Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики, и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности?.. Мне кажется, что передо мной какой-то ветхозаветный народ, и с ужасом и любопытством в одно и то же время я стою у ног этого допотопного чудовища» (стр. 2).

По поводу этой выдержки автор говорит: «На самом деле тот, кому принадлежат эти строки, смотрел на чудовище сверху и видел не его ноги, а его спину. Живая сценка, которою Кюстин иллюстрирует свои размышления о всепоглощающем деспотизме русского императора, показывает нам петербургский «большой свет», собравшийся в чудный летний вечер на острове не для того, чтобы насладиться прогулкой, а для того, чтобы видеть пароход императрицы — удовольствие, которое никогда здесь не надоедает».

Отмечая далее, что Кюстин мог делать свои наблюдения только среди высшего круга русского общества и среди него заметил проявления «раболепства» по отношению к императору, автор высказывает: «Верхний слой дворянства был окончательно приручен, очевидно. По старой памяти Кюстин еще говорит об «ужасных антрактах», какими прерывался иногда этот «сплошной спектакль»; ему принадлежит знаменитое определение русского образа правления, как «абсолютной монархии, умеряемой убийством», и т. д. (стр. 3).

По существу дальнейшее содержание книги представляется изложением событий царствований императоров Николая I и Александра II, причем, помимо тенденциозности в описании событий и стремления

им. ГОРЬКОГО БИБЛИОТЕКА
Б-ка Истфака

представить деятельность императоров в отрицательном освещении, — автор нередко подкрепляет свою мысль рассуждениями общего свойства, среди которых обращают на себя внимание следующие: касаясь деятельности Милютина по отношению к депутатам «второго приглашения», автор говорит, что Милютин «не хотел быть орудием камарильи, но роль такого орудия он, помимо своей воли и сознания, все же сыграл. Положение сильнее человека, и нельзя делать людей свободными при помощи абсолютизма» (стр. 80).

Описывая настроение русского общества в период, последующий за подавлением польского восстания, автор, между прочим, высказывает: «Буржуазный либерализм, казалось, так же «крепко умер», как в свое время император Павел. «Отеческое самодержавие» давало буржуазии все, что ей было нужно: его лозунгом на берегах Невы, как и на берегах Сены, было «обогащайтесь» (стр. 153).

К рассуждениям такого рода относится и приводимая автором нижеследующая выдержка из сочинений Герцена. Отмечая, что Герцен «ликовал» по случаю манифеста 20 ноября 1857 года, автор говорит, что даже после того, как стало ясно, что ...вместо эмансипации вышла экспроприация, он (Герцен) не совсем утратил свои надежды. «Кто же будет суженый? спрашивал он после 19 февраля, читая, как народ, в ответ на «волю» дошел чуть не до открытого мятежа. «Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина? Новый ли Пестель, опять ли Емельян Пугачев?» (стр. 129).

Осмотром типографской книги типо-литографии т-ва «И. Н. Кушнерев и К-о» и показанием заведующего этой типографией свидетеля Щипанова установлено, что упомянутый выше выпуск «История России» был напечатан в количестве 5 000 экземпляров, и заказ на его напечатание был сделан издательством товарищества «Мир» в лице его представителя и участника лекаря Лейбы Ароновича (Льва Аркадьевича) Лурье, который являлся в названную типографию и вел все переговоры по поводу напечатания упомянутой книги (л. л. 9—10).

Из сообщения старшего инспектора книгопечатания и книжной торговли в г. Москве видно, что указанная выше книга распространения не получила (л. л. 11 об.).

Ввиду изложенного названному Лурье было предъявлено обвинение в преступлении, предусмотренном 1 п. 132 ст. угол. улож., причем он, будучи допрошен в качестве обвиняемого, не признал себя виновным и объяснил, что хотя и обязан был наблюдать за выходом в свет «Русской истории с древнейших времен», но редакторский труд на нем не лежал, и он не ознакомлялся с содержанием упомянутого выше выпуска этого издания. Отпечатанные гранки «Русской истории» посылались на просмотр проживающему безвыездно заграницей автору

этого сочинения, бывшему приват-доценту Московского университета Михаилу Николаевичу Покровскому, и, по присылке от него обратно, печатались без всякого изменения (л. л. 29—30, 12—13).

Это последнее объяснение обвиняемого нашло себе подтверждение в показании свидетеля Фитермана (л. л. 16). Свидетель же Сторожев показал, что в книгоиздательстве «Мир» для «Русской истории» особого редактора не имеется, а каждый автор сам проверяет присылаемую ему из конторы корректуру (л. 24).

Названный выше Михаил Николаев Покровский также был привлечен к следствию в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 51 и 1 ч. 132 ст. угол. улож., но остался недопрошенным на следствии, так как местожительство его обнаружено не было и лишь получены были сведения о том, что он с 1909 года проживает заграницей и что он розыскивается согласно циркуляра департамента полиции от 12 июня 1909 года и, в случае розыска, подлежит задержанию по делу об участии его, Покровского, в Московской окружной организации Российской социал-демократической рабочей партии (л. л. 33, 39 и об.).

По соображении вышеизложенного, я нахожу, что имеющие преступный характер места данной книги почти все заимствованы из сочинений, относящихся к эпохе императора Николая I и первых годов царствования императора Александра II, и притом рассеяны в книге среди изложения событий названного исторического периода, а потому представляется недоказанным, чтобы издатель, отдавая в печать означенную книгу, руководствовался при этом специальным умыслом оказать дерзостное неуважение верховной власти или же оскорбить память усопшего императора Александра II.

Сверх того, объяснение обвиняемого Лурье о том, что он не принимал участия в редактировании данной книги, осталось по делу неопровергнутым, а потому виновность названного Лурье, как издателя книги, нельзя признать установленной.

Принимая затем во внимание: 1) что обвиняемый Михаил Николаев Покровский скрылся за границу и действительное его местопребывание осталось необнаруженным и 2) что Московская судебная палата в определении своем от 6 октября 1912 года признала в содержании настоящей книги признаки преступления, предусмотренного 128 и 107 ст. угол. улож., я полагал бы: 1) уголовное преследование лекаря Лейбы Аронова Лурье по настоящему делу за недостаточностью улик дальнейшим производством прекратить, отменив принятую в отношении его меру пресечения способов уклоняться от следствия и суда — отобрание подписки о неотлучке из определенного местожительства, 2) суждение об уголовной ответственности дворянина Михаила Ни-

колаева Покровского отложить до явки или задержания его, с соблюдением правил, изложенных в 852 ст. уст. угол. суд., и 3) на основании 1213—16 ст. уст. угол. суд., 36 и 38 ст. угол. улож. постановить в судебном порядке приговор об уничтожении издания напечатанной в Москве книги под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, в содержании которой усматриваются признаки преступлений, предусмотренных 128 и 107 ст. угол. улож.

Настоящее заключение подлежит рассмотрению Московской судебной палаты.

Составлено декабря 18 дня 1912 года в г. Москве.

Исп. об. товарища прокурора судебной палаты Бирукоев.

Определение Московской судебной палаты от 13 июля 1913 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента Л. Б. Шадурского, в составе членов палаты В. И. Грекова и Н. Л. Шкотта, при товарище прокурора палаты И. Н. Бирукове и при помощнике секретаря А. И. Адельфинском, слушала: дело о дворянине Михаиле Николаеве Покровском, обвиняемом по 1 ч. 132 ст. угол. улож., по вопросу о применении высочайшего указа правительствующему сенату 21 февраля 1913 года.

Рассмотрев дело, судебная палата находит: 1) что вменяемое в вину подсудимому Покровскому преступление погашается статьей 5 отдела XVIII высочайшего указа правительствующему сенату, как предусмотренное ст. 1 ч. 132 ст. угол. улож., и 2) что настоящее дело еще не разрешено судебной палатой по существу, вследствие чего, на точном основании 4 п. 16 ст. уст. угол. суд., начатое против подсудимого судебное преследование подлежит прекращению с отменой сыска Покровского и с отнесением судебных издержек на счет казны согласно 976 ст. уст. угол. суд.

Принимая затем во внимание, что гражданского иска по делу не заявлено, а вещественные доказательства — книга под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книга 9-я, ввиду неразрешения вопроса об уничтожении издания названной книги, надлежит оставлению при деле, судебная палата, руководствуясь XXIX отделом названного высочайшего указа, определяет: уголов-

ное преследование дворянина М. Н. Покровского по сему делу прекратить, судебные издержки принять на счет казны, вещественные доказательства оставить при деле и сыск Покровского прекратить.

Копию сего определения передать прокурору судебной палаты для сведения и распоряжения об исполнении.

Шадурский.
Шкотт.

Заключение товарища прокурора Московской судебной палаты от 21 марта 1913 г.

19 февраля 1913 года Московский комитет по делам печати, наложив арест на изданную в Москве в феврале 1913 года книгу под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир», просил прокурора Московской судебной палаты возбудить судебное преследование против лиц, издавших означенную книгу, по обвинению в преступлении, предусмотренном 2 п. 129 ст. угол. улож.

В подтверждение этого обвинения комитет ссылается на нижеследующие основания: книга десятая 5-го тома «Русской истории», издания т-ва «Мир», занята главным образом изложением революционных движений в России конца минувшего и начала настоящего столетия при прямом сочувствии революционерам. Полиция «натаскивалась» на революционеров (стр. 206), а «казней было гораздо более, чем покушений — неизмеримо более, чем убийств. С августа 1878 года по декабрь 1879 года было казнено семнадцать революционеров, а со стороны правительства за этот промежуток времени пали только двое: харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин и шеф жандармов Мезенцев. Тут уже не «смерть за смерть», а смерть за десять смертей. Желябов правильно резюмировал положение, сказав: «Мы проживаем капитал». Сосредоточение, наконец, всех покушений на одном лице народовольцы считали поэтому при данных условиях неизбежным» (стр. 199). И через страницу мы находим (в примечании) перечень всех покушений на императора Александра II — как картину, живописующую всю энергию деятельности революционеров, причем выше в тексте (стр. 201) встречаем симпатизирующие отзывы о революционном энтузиазме Желябова (величаемого по имени и отчеству). Политика Лорис-Меликова определяется, между прочим, так: «Он понимал, что у него не отвалится язык от лишней либеральной фразы; ну, а затем — человек, действительно порядочный, мысль, действительно независимая — трепещи» (стр. 204). От начала XX века достаточным представляется привести такие выдержки: «Только приведение в действие диких «временных правил» 1899 г. вынудило московскую сходку 9 фев-

раля принять такую резолюцию: «считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований» (стр. 359); наличность же «революционного рабочего движения сделала движение студенческое окончательно и бесповоротно революционным» (стр. 360). Но зато «буржуазия» теперь «сомкнулась в одну сплошную реакционную массу; когда крестьянское движение обнаружило явную тенденцию взяться сначала не за политическую вершину дворянского государства, а за его экономическое основание, единственный буржуазный попутчик революции быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного «воспособления», арендуя, на льготных условиях, казенные пулеметы для защиты своих имений от тех самых, на ком строила все свои надежды народническая революция» (стр. 365). При таком положении вещей едва ли только исторический интерес можно признать и за народовольческой прокламацией к «земским людям», помещенной на стр. 202 предлежащего выпуска: «Нам ли одним предстоит вынести на своих плечах задачу переживаемой родной страной минуты? Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть только одно средство — террор. Не с легким сердцем мы к нему прибегаем, нас вынуждает к тому сила обстоятельств и бессилие людей. Будет еще кровь — будем мы казнить. Ответственность за эту кровь падает не только на обезумевшее правительство, а и на тех, кто, сознавая неотложную потребность родины (как сознают ее либеральные земские люди) и имея в руках другие, мирные и легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут: «Молчать! руки по швам!».

Затем в дополнительном сообщении от 7 марта с. г. комитет просил возбудить против лиц, издавших настоящую книгу, судебное преследование по 1 параграфу 129 ст. уг. улож. ввиду помещения в книге упомянутой выше фразы из прокламации к «земским людям»: «Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть только одно средство — террор».

По соображении изложенного я нахожу, что инкриминируемая книга посвящена изложению событий русской истории последней четверти XIX столетия, а потому представляется естественным, что автору приходится касаться революционных движений, проявившихся в России в этот период времени, и в частности — движения, возникшего среди студенчества (стр. 359, 360 и др.). При этом перечисление отдельных выступлений революционеров (как, например, покушений на императора Александра II (стр. 201), являющихся, по большей части, фактами общеизвестными, не может иметь преступного характера. Из числа

воззваний, исходивших от партийных организаций, в книге приведена лишь прокламация партии «Народной воли» к земским людям (стр. 202), причем хотя прокламация эта могла бы сама по себе иметь преступный характер, но, относясь к довольно отдаленному периоду революционного движения в России и будучи приведена в виде исторического документа, она утрачивает значение воззвания, могущего возбуждать к ниспровержению современного государственного и общественного строя или к учинению бунтовщического деяния. Наконец, прочие отмеченные комитетом места книги представляют лишь отчасти тенденциозные рассуждения о деятельности правительства в борьбе с революционным движением (199, 206), о деятельности отдельных правительственных деятелей (напр., графа Лорис-Меликов на стр. 204) или же об отношении буржуазии к революционному движению, в особенности — крестьянскому (стр. 365).

При этом нельзя не иметь ввиду, что отмечаемые комитетом места рассеяны среди многих десятков страниц, имеющих характер вполне объективного исторического исследования, и что они помещены в составе обширного издания, которое, по своему свойству, предназначено к обращению среди довольно узкого круга читателей.

По этим основаниям я полагал бы: не возбуждать уголовного преследования по содержанию изданной в Москве в феврале 1913 г. книги, под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир», отменив арест, наложенный на эту книгу комитетом по делам печати.

Настоящее заключение подлежит рассмотрению Московской судебной палаты.

Составлено марта 21 дня 1913 г. в г. Москве.

Исп. об. товарища прокурора Бируков.

Определение Московской судебной палаты от 29 апреля 1913 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством председателя департамента Л. Б. Шадурского, в составе членов палаты Н. Л. Шкотта и В. В. Терзиева, при товарище прокурора палаты А. М. Лопатине и при помощнике секретаря И. П. Левашеве, слушала: заключение исполняющего обязанности товарища прокурора Московской судебной палаты от 21 марта 1913 года о прекращении уголовного преследования по содержанию изданной в Москве в феврале 1913 года книги под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир».

Рассмотрев настоящую переписку и выслушав словесное заключение товарища прокурора, судебная палата находит, что в упомянутой книге помещены следующие выражения: Полиция «натаскивалась» на революционеров (стр. 206), а «казней было гораздо более, чем покушений — неизмеримо более, чем убийств. С августа 1878 года по декабрь 1879 года было казнено семнадцать революционеров, а со стороны правительства за этот промежуток времени пали только двое: харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин и шеф жандармов Мезенцев. Тут уже не «смерть за смерть», а смерть за десять смертей. Желябов правильно резюмировал положение, сказав: «Мы проживаем капитал». Сосредоточение, наконец, всех покушений на одном лице народовольцы считали поэтому при данных условиях неизбежным» (стр. 199). «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований» (359). Наличность же «революционного рабочего движения сделала движение студенческое окончательно и бесповоротно революционным» (стр. 360). Но зато «буржуазия теперь сомкнулась в одну сплошную реакционную массу; когда крестьянское движение обнаружило явную тенденцию взяться сначала не за политическую вершину дворянского государства, а за его экономическое основание, единственный буржуазный попутчик революции быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного «воспособления», арендуя, на льготных условиях, казенные пулеметы для защиты своих имений от тех самых, на ком строила все свои надежды народническая революция». При таком положении вещей едва ли только исторический интерес можно признать и за народовольческой прокламацией к «земским людям», помещенной на стр. 202 предлежащего выпуска: «Нам ли одним предстоит вынести на своих плечах задачу переживаемой родной страной минуты? Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть только одно средство — террор! Не с легким сердцем мы к нему прибегаем, нас вынуждает к тому сила обстоятельств и бессилие людей. Будет еще кровь — будем мы казнить. Ответственность за эту кровь падает не только на обезумевшее правительство, а и на тех, кто, сознавая неотложную потребность родины (как сознают ее либеральные земские люди) и имея в руках другие, мирные и легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут: «Молчать, руки по швам», — т. е. признаки преступления, предусмотренного 129 ст. угол. улож.

Ввиду изложенного судебная палата, не считая возможным отменить наложенный на означенную книгу арест и руководствуясь 1213—14 ст. уст. угол. суд., определяет: наложенный арест 19 февраля 1913 г.

Московским комитетом по делам печати на изданную в Москве книгу под заглавием «Русская история», том 5-й, книга десятая, издание т-ва «Мир» оставить в силе, заключение же прокурорского надзора оставить без утверждения при делах судебной палаты. Копию настоящего определения вместе с упомянутой книгой и перепиской на 5 листах возвратить для исполнения прокурору судебной палаты.

С подлинным верно. За секретаря [подпись].

Прошение товарищества «Мир» в Московскую судебную палату от 6 июня 1913 г.

В настоящее время, вследствие наложения ареста, из многочисленных изданий нашей фирмы подверглись задержанию два последних выпуска «Русской истории», составляющих последний — 5-й том обширного, стоящего 25 рублей, издания «Русской истории с древнейших времен». Этим арестом поставлена в чрезвычайно затруднительное положение фирма, которая по изданию «Русской истории», тесно связанному с другими, не менее объемистыми и даже еще более дорогими изданиями, состоит в договорных отношениях с целым рядом лиц, подписчиков на издания, которые, как можно судить уже по довольно высокой цене наших изданий, принадлежат к наиболее состоятельным слоям русской читающей публики и которые, уплатив нам значительную часть подписной суммы, весьма настойчиво требуют окончания этих изданий. Ввиду этого при настоящем положении дела фирма находится под страхом предъявления к ней целого ряда исков, а это в свою очередь, не может не отразиться не только на материальном благосостоянии фирмы, но и на ее престиже в условиях русского рынка.

Все это заставляет фирму вновь почтительнейше ходатайствовать перед Московской судебной палатой о незамедлительном по возможности рассмотрении вопроса о задержании двух означенных выпусков «Русской истории» и об освобождении их из-под ареста.

Настоящее прошение верю подать поверенному фирмы присяжному поверенному Николаю Константиновичу Муравьеву.

Т-во «Мир». Член-распорядитель Л у р ь е.

Приговор Московской судебной палаты от 18 октября 1913 г.

1913 года, октября 18 дня, при товарище прокурора А. И. Галиновском и при и. д. секретаря Е. М. Хмелевском, приговор сей объявлен, на основании 829 ст. уст. угол. суд., с соблюдением порядка, указанного в 832—842 ст. ст. того же устава.

При объявлении приговора из участвующих в деле лиц никого не было.

Член палаты Т е р з и е в.

Приговор.

1913 года, сентября 19 дня, по указу его императорского величества, Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в судебном заседании, в составе: председателя департамента Л. Б. Шадурского, членов палаты: С. Е. Громова и В. В. Терзиева, при и. д. секретаря Е. М. Хмелевском, в присутствии товарища прокурора палаты А. И. Галиновского, слушали: дело об уничтожении издания книг «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, издание т-ва «Мир», Москва, том V, книги девятая и десятая.

Определениями Московской судебной палаты от 6 октября 1912 года и 29 апреля 1913 года утверждены аресты, наложенные на вышеуказанные книги Московским комитетом по делам печати.

Выслушав доклад, прения сторон и обсудив все обстоятельства дела, судебная палата находит: I) что книга 9-я, том V, «Русская история с древнейших времен» начинается выдержкой из книги путешествовавшего по России в 1839 году маркиза де-Кюстина, и в ней говорится: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение. Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики, и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности?.. Мне кажется, что передо мной какой-то ветхозаветный народ, и с ужасом и любопытством в одно и то же время я стою у ног этого допотопного чудовища» (стр. 2). По поводу этой выдержки автор говорит: «На самом деле тот, кому принадлежат эти строки, смотрел на чудовище сверху и видел не его ноги, а его спину. Живая сценка, которою Кюстин иллюстрирует свои размышления о всепоглощающем деспотизме русского императора, показывает нам петербургский «большой свет», собравшийся в чудный летний вечер на острове не для того, чтобы насладиться прогулкой, а для того, чтобы видеть пароход императрицы — удовольствие, которое никогда здесь не надоедает». Отмечая далее, что Кюстин мог делать свои наблюдения только среди высшего круга русского общества и среди него заметил проявления «раболепства» по отношению к императору, автор высказывает: «Верхний слой дворянства был окончательно приручен, очевидно. По старой памяти Кюстин еще говорит об «ужасных антрактах», какими прерывался иногда этот «сплошной спектакль»; ему принадлежит знаменитое определение русского образа правления, как «абсолютной монархии, умеряемой убийством», и т. д. (стр. 3). По существу дальнейшее содержание книги представляется изложением событий царствований императоров Николая I и Александра II,

причем, помимо тенденциозности в описании событий и стремления представить деятельность императоров в отрицательном освещении, автор нередко подкрепляет свою мысль рассуждениями общего свойства, среди которых обращают на себя внимание следующие: касаясь деятельности Милютина по отношению к депутатам «второго приглашения» автор говорит, что Милютин «не хотел быть орудием камарильи, но роль такого орудия он, помимо своей воли и сознания, все же сыграл. Положение сильнее человека, и нельзя делать людей свободными при помощи абсолютизма» (стр. 80). Описывая настроение русского общества в период, последующий за подавлением польского восстания, автор, между прочим, высказывает: «Буржуазный либерализм, казалось, так же «крепко умер», как в свое время император Павел. «Отеческое самодержавие» давало буржуазии все, что ей было нужно: его лозунгом на берегах Невы, как и на берегах Сены, было — «обогащайтесь» (стр. 153). К рассуждениям такого рода относится и приводимая автором нижеследующая выдержка из сочинений Герцена. Отмечая, что Герцен «ликовал» по случаю манифеста 20 ноября 1857 года, автор говорит, что даже после того, как стало ясно, что... вместо эмансипации вышла экспроприация, он (Герцен) не совсем утратил свои надежды. «Кто же будет суженый?» спрашивал он после 19 февраля, читая, как народ, в ответ на «волю», дошел чуть не до открытого мятежа. «Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина, новый ли Пестель, опять ли Емельян Пугачев?» (стр. 129);

II) что в книге 10-й, том V, «Русская история с древнейших времен» говорится главным образом о революционных движениях в России в конце минувшего и начале настоящего столетия при прямом сочувствии революционерам: полиция «натаскивалась» на революционеров (206 стр.), а «казней было гораздо более, чем убийств. С августа 1878 г. по декабрь 1879 г. было казнено 17 революционеров, а со стороны правительства за этот промежуток времени пали только двое: харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин и шеф жандармов Мезенцев. Тут уже не «смерть за смерть», а смерть за десять смертей. Желябов правильно резюмировал положение, сказав: «Мы проживаем капитал». Сосредоточение, наконец, всех покушений на одном лице народовольцы считали поэтому при данных условиях неизбежным (199 стр.). Далее находится перечень всех покушений на императора Александра II (стр. 201), цитируются воспоминания об убийце императора Александра II Желябове, в коих о Желябове, именуемом Андреем Ивановичем, говорится в сочувственных выражениях, приводится цитата из «Народной воли». Политика Лорис-Меликова определяется, между прочим, так: «Он понимал, что у него не отвалится язык от лиш-

ней либеральной фразы, ну, а затем — человек, действительно порядочный, мысль, действительно независимая — трепещи» (стр. 204), приводится цитата из «Общественного движения»: «только приведение в действие диких «временных правил» 1899 г. вынудило московскую сходку 9 февраля 1902 г. принять такую резолюцию: «Считая ненормальность существующего академического строя лишь отголоском общего русского бесправия, мы откладываем навсегда иллюзию академической борьбы и выставляем знамя общеполитических требований» (стр. 359); говорится, что наличность рабочего революционного движения сделала студенческое движение окончательно и бесповоротно революционным (360 стр.), утверждается, что «когда крестьянское движение обнаружило явную тенденцию взяться сначала не за политическую вершину дворянского государства, а за его экономическое основание, единственный буржуазный попутчик революции — буржуазия — быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного «воспособления», арендуя на льготных условиях казенные пулеметы для защиты своих имений от тех самых, на ком строила все свои надежды народническая революция» (стр. 365). ... и что охваченному кольцом «усмиренных деревень» городу ничего другого не осталось как сдаться; приводится народовольческая прокламация к «земским людям» (стр. 202), где значится: «Нам ли одним предстоит вынести на своих плечах задачу переживаемой родной страной минуты? Так пусть же помнят земские люди, что в наших руках есть одно только средство — террор. Не с легким сердцем мы к нему прибегаем, нас вынуждает к тому сила обстоятельств и бессилие людей. Будет еще кровь — будем мы казнить. Ответственность за эту кровь падает не только на обезумевшее правительство, а и на тех, кто, сознавая неотложную потребность родины (как сознают ее либеральные земские люди) и имея в руках другие мирные, легальные средства борьбы, прячутся по норам, как только на них прикрикнут: «Молчать, руки по швам!».

Таким образом, в 9-й книге «Русская история с древнейших времен» хотя и встречаются места, позаимствованные из сочинений относящихся к эпохе императора Николая I и первых годов царствования императора Александра II, но в ней рассеяны тенденциозные описания исторических событий с стремлением представить деятельность императоров в отрицательном освещении, и кроме того, в этой книге заключаются дерзостное неуважение к верховной власти, оскорбление памяти усопшего царствовавшего деда царствующего императора, о котором говорится: «Император ли, который, отрекаясь от петровщины, совместит в себе царя и Стеньку Разина», — т. е. заключает в себе признаки преступления, предусмотренного 128 и 107 ст. угол. улож.

Содержание 10-й книги того же 5-го тома носит характер сочувствия революционерам и призыв к террору для ниспровержения существующего в России государственного строя, т. е. заключает в себе признаки преступления, предусмотренного 2 п. 129 ст. угол. улож.

Независимо от сего, в помещенных к тексту листках содержится в обеих книгах тенденциозное объяснение рисунков, так, например, в тексте «Памятник императору Александру III в Петербурге» говорится: «Император Александр III открыто и решительно выступил абсолютным сторонником самодержавно-бюрократического строя. Тяжелая десница первобытного строя, политически переставшего дышать, должна была давить зарождавшееся общественное сознание, не давая ему развертываться согласно естественному ходу вещей. Такого свойства исторические моменты неблагодарны для художественного резца и если не посчастливилось Москве, то удалось однако справиться с своей задачей Паоло Трубецкому для Петербурга: его замысел не только величественно прост, не только правдиво и ярко говорит о герое, но и в блистательной форме выразительно отчеканивает всю внутреннюю природу политики тринадцатилетия в ее целом... На громадном гранитном пьедестале, тяжело и грузно придавившем землю, покоится конная фигура императора, тяжело сидящего на коренастой массивной лошади... Лошадь властно и резко задержана в своем движении, она не двинется в места. Всадник сидит крепко на страже устоев, которые ему представляются исконными, единственно терпимыми и долженствующими пребывать в неподвижности; он исполнен веры в правоту своей позиции».

Ввиду изложенного и согласно 36 ст. угол. улож. и 1213—16 ст. уст. угол. суд. означенное издание подлежит уничтожению.

Переходя затем к обсуждению вопроса, подлежит ли уничтожению все издание или частью, судебная палата признает, что все вышеуказанное издание книги 9 и 10 «Русская история с древнейших времен», т. V, должно быть уничтожено во всем его объеме, за исключением лишь рисунков, так как общий характер издания находится в тесной связи с вышеприведенными местами преступного содержания а также и с содержанием листков, приложенных к рисункам. Рисунки же, как не содержащие в себе ничего преступного и имеющие значительную стоимость, могут быть сохранены.

Имеющиеся при деле вещественные доказательства надлежит препроводить в Московский комитет по делам печати.

По изложенным основаниям Московская судебная палата определяет: издание книг под заглавием «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, том 5-й, книги девятая и десятая, издания т-ва «Мир»,

уничтожить, за исключением находящихся в этих книгах рисунков, помещенных вне текста. Вещественные доказательства препроводить в Московский комитет по делам печати.

С. Громов.

Терзиев.

Определение Московской судебной палаты от 23 ноября 1913 г.

По указу его императорского величества Московская судебная палата, по 3 уголовному департаменту, в распорядительном заседании, происходившем под председательством члена судебной палаты Г. Д. Вельсовского, в составе членов палаты С. Е. Громова и В. В. Терзиева, при товарище прокурора палаты А. Ф. Микулине и при и. д. секретаря Е. М. Хмелевском, слушала: доклад по делу о бывшем приват-доценте Московского университета Михаиле Николаеве Покровском, обвиняемом по 102 ст. угол. ул.

Выслушав означенный доклад и словесное заключение товарища прокурора, судебная палата находит, что поименованный обвиняемый Михаил Николаев Покровский, скрывшийся от следствия и суда, не мог быть отыскан ни по произведенным чрез полицию розыскам, ни после публикации, последовавшей в «Сенатских объявлениях» 7 октября 1910 года, а потому и на основании 852 ст. уст. угол. суд. определяет: приостановив суждение о Михаиле Николаеве Покровском впредь до явки или задержания его, с имуществом его поступить по правилам, предписанным в отношении безвестно отсутствующих, и копию сего определения для исполнения в чем следует сообщить прокурору палаты.

Вельсовский.

Терзиев.

И. д. секретаря Хмелевский.

Статья о сыске.

На основании 846, 847, 848 и 851 ст. уст. угол. суд., согласно определению Московской судебной палаты, розыскиваются приват-доцент императорского Московского университета Михаил Николаев Покровский в качестве обвиняемого в преступлении, предусмотренном 102 ст. угол. уложения.

Приметы обвиняемого: рост ниже среднего, полный, носит пенснэ, лицо чистое, волосы светлорусые.

Всякий, кому известно местопребывание Михаила Николаева

Покровского, обязан указать суду, где он находится, установления же, в ведомстве коих окажется имущество обвиняемого, обязаны немедленно отдать таковое в опекунское управление.

Член судебной палаты [подпись].

Секретарь [подпись].

Указ сената Московской судебной палате от 11 января 1914 г.

По указу его императорского величества правительствующий сенат в судебном заседании слушал дело по апелляционному отзыву поверенного торгового дома Л. А. Лурье и М. Я. Фитермана, торгующего под фирмой т-во «Мир», на приговор Московской судебной палаты об уничтожении издания книги «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского, при участии Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева, издания т-ва «Мир», в Москве, том 5-й, книги девятая и десятая [1]).

На этот приговор судебной палаты принесен был присяжным поверенным Муравьевым апелляционный отзыв, в коем он ходатайствует об отмене приговора судебной палаты или об исключении из обоих выпусков инкриминируемого пятого тома «История России» указанных в отзыве цитат, объяснений к картинкам и других мест сочинения.

Выслушав доклад дела и прения сторон, правительствующий сенат, разделяя доводы и соображения, приведенные в приговоре Московской судебной палаты, — определяет: приговор Московской судебной палаты утвердить, а апелляционный отзыв оставить без последствий, о чем названной судебной палате, с возвращением подлинного дела, послать указ. Января 11 дня 1914 г.

Обер-секретарь [подпись].

Прошение товарищества «Мир» в Московский комитет по делам печати от 3 мая 1914 г.

Т-во «Мир» издает «Русскую историю с древнейших времен» М. Н. Покровского с участием Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. Издание должно было состоять из 10 книг, из коих выпущено восемь книг, а на 9 и 10 книги, по предложению комитета по делом печати, наложен был арест, и по постановлению суда книги подвергнуты уничтожению. Так как распространение «Русской истории» происходило по подписке и издательство обязалось дать подписчикам все 10 книг, оно, выну-

[1]) Опускаем следующее далее изложение приговора Московской судебной палаты об уничтожении 9-й и 10-й книги 5-го тома «История России с древнейших времен» от 18 октября 1913 г.

жденное выполнить свои обязательства перед подписчиками, приступило к переработке последних 2-х книг и в настоящее время отпечатало девятую книгу в измененном и переработанном виде. Представляя при сем 2 экземпляра 9-й книги, издательство честь имеет обратиться с покорнейшей просьбой о просмотре означенной книги и об указании, может ли т-во в таком измененном виде выпустить 9-ю книгу «Русской истории» в свет.

Т-во «Мир».

Член-распорядитель Лурье.

Отношение Московского комитета по делам печати на имя прокурора Московской судебной палаты от 7 мая 1914 г. № 1925.

Копия.

Т-во «Мир» издает «Русскую историю с древнейших времен» М. Н. Покровского, с участием Н. М. Никольского и В. Н. Сторожева. Издание это должно было состоять из 10 книг, из коих выпущено восемь книг, а на 9-ю и 10-ю книги, по распоряжению Московского комитета по делам печати, был наложен арест, и по приговору суда обе эти книги подвергнуты уничтожению.

Так как распространение «Русской истории» происходило по подписке и издательство обязалось дать подписчикам все 10 книг, то оно, вынужденное выполнить свои обязательства перед подписчиками, приступило к переработке двух последних книг и, отпечатав в настоящее время девятую книгу в измененном виде, представило в комитет два экземпляра этой книги в новой редакции при прошении, в котором ходатайствует о просмотре означенной книги и об указании, может ли т-во в таком измененном виде выпустить 9-ю книгу «Русской истории» в свет.

Рассмотрев названную книгу в заседании 5 сего мая по докладу члена комитета действительного статского советника Генца, комитет нашел, что те места, которые отмечены были в отношении комитета на имя вашего превосходительства от 12 сентября 1912 года за № 3340, ныне исключены, а в сделанных добавлениях оснований для судебного преследования не усматривается.

Ввиду же того, что приговором Московской судебной палаты от 19 сентября 1913 года постановлено было 9-ю книгу, том 5-й, названной «Истории» уничтожить полностью, за исключением рисунков вне текста, комитет признал необходимым просить отзыва вашего превосходительства по вопросу о возможности выпуска этой книги в свет в новой, измененной редакции.

Сообщая об изложенном, с приложением одного экземпляра названной книги, комитет имеет честь покорнейше просить о последующем не оставить своим уведомлением.

Отношение прокурора Московской судебной палаты в Московский комитет по делам печати от 12 мая 1914 г. № 3444.

Вследствие отношения от 7 сего мая за № 1925, с возвращением приложения, имею честь уведомить, что разрешение вопроса о том, представляет ли собой вновь выпущенная 9-я книга «Русской истории» новое издание или представляет собой перепечатку книги, которая согласно приговору судебной палаты подлежала уничтожению, зависит не от прокурорского надзора, а от комитета по делам печати.

За прокурора судебной палаты [подпись].

Выписка из журнала заседания Московского окружного народного суда 9 августа 1918 г. о прекращении дела Московской судебной палаты о М. Н. Покровском.

Московский окружный народный суд, по 1-му уголовному отдел., в распорядительном заседании 9 августа 1918 г. выслушав дело Московской судебной палаты о приват-доценте Московского университета Михаиле Николаеве Покровском, обв. по 102 ст. уг. ул., постановил: на основании п. 2 указа Временного правительства от 17 марта 1917 г., настоящее дело производством прекратить, розыск отменить, передать в Революционный архив, уведомить об этом подсудимого.

Старший секретарь.

Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.).

В L—LI томе «Красного архива» опубликована дипломатическая переписка, посвященная японо-китайской войне 1894—1895 гг., т. е. тому периоду, который характеризуется, с одной стороны, первым выступлением незаметно и быстро выросшего на японских островах нового капиталистического хищника, с другой — деятельной подготовкой к новому дальне-восточному дебюту царизма, только что стяжавшего себе достаточно громкую «славу» в средне-азиатских делах. Значение опубликованной переписки заключается в изображении той международной обстановки, с которой встретилась на Дальнем Востоке царская дипломатия.

Среди тех же материалов Китайского стола царского министерства ин. дел, которые послужили источником для упомянутой документации, хранятся также протоколы Особых совещаний, созывавшихся в ту пору для обсуждения вопросов дальне-восточной политики. Совещания эти имели своим непосредственным назначением дать для определенного момента тем или другим вопросам русской политики на Дальнем Востоке общую установку и наметить ее основные линии.

Те специальные проблемы, которым посвящены эти журналы, теснейшим образом, органически, связаны с рядом других, вырастивших в ту пору перед царизмом на Д. Востоке политических и экономических проблем. Поэтому, кладя эти журналы в основу настоящей публикации, мы не сочли возможным ограничиться воспроизведением их одних и дополнили их рядом документов, хранящихся в смежных делах того же Китайского стола и освещающих основные линии царской д. восточной политики 90-х и начала 900-х гг. Формально между собой не связанные, документы эти дают однако достаточно выразительную иллюстрацию основных тенденций этой политики и намечают определенную эволюцию, какой подверглась за период 1888—1903 гг. русская д.-восточная программа, от старых целевых установок, унаследованных от феодально-крепостнической эпохи, через их индустриализацию приходящая к типично империалистической практике.

Если первоначально мы встречаемся с преобладанием в ней мотивов незамерзающего порта и частичного захвата корейской территории, в дальнейшем, с определенным разрешением вопроса о направлении Сибирской железной дороги, корейский вопрос заслоняется манчжурским — вопросом о закрытии манчжурских дверей, об эксплоатации естественных богатств Манчжурии, о южных ответвлениях Китайско-восточной железной дороги и, наконец, о вооруженном захвате манчжурских территорий, с превращением временной военной оккупации в постоянную. Публикуемые документы касаются, таким

образом, тех основных тенденций русской дальне-восточной политики 90-х — начала 900-х гг., которые привели царизм к вооруженному конфликту с Японией и в дальнейшем, — через оказавшуюся не «маленькой» и далеко не «победоносной» войну, — к ускорению его вооруженного конфликта с народом. Касаясь той международной обстановки, в которой приходилось действовать в ту пору царизму, только попутно, публикуемые документы выдвигают на первый план вопрос о тех целях, какие преследовал царизм на Дальнем Востоке, о тех методах, с какими он подходил к достижению этих целей; они ставят перед читателем вопрос об общем характере внешней политики, проводимой царизмом на рубеже XX века, а также вопрос о природе субъекта этой политики.

К 1885 году, датирующему заключительный акт Текинской экспедиции, царская Россия, обогатившись новым колониальным приобретением и упершись в афгано-памирский тупик, завершала предпринятое ею дело завоевания средне-азиатских рынков, дело, торгово- и промышленно-капиталистический смысл которого не вызывал никаких сомнений [1]).

Вызванная действиями ген. Комарова военная тревога скоро улеглась. Начались англо-русские переговоры о размежевании, закончившиеся в следующее десятилетие соглашением о разграничении сфер влияния на Памирах. Это была последняя на азиатском материке территория, остававшаяся, по выражению географа Супана, «незанятой» и, во всяком случае, «бесхозяйной» [2]).

Памирским соглашением сигнализировался в контексте азиатских дел тот факт, что наступало время «перехода от колониальной политики, беспрепятственно расширяемой на незахваченные ни одной капиталистической державой области, к колониальной политике монопольного обладания территорией земли, поделенной до конца» [3]). Касаясь вопроса о «разделе мира великими державами» и отмечая происходивший в течение последних десятилетий процесс «нивеллировки мира, выравнивания условий хозяйства и жизни в различных странах под давлением крупной промышленности, обмена и финансового капитала», Ленин считал вместе с тем необходимым не упускать из виду индивидуальных особенностей участников этого раздела, особенностей, определяемых не только степенью их экономического развития, но и соотношением классовых сил. Вопрос о том, с какими данными своего экономического и политического развития вступала в этот новейший этап капиталистических отношений царская Россия, имеет, как мы знаем, не только научно-исторический интерес: неправильная постановка вопроса об империализме в дооктябрьской России и о темпах его развития ведет к ошибкам в оценке практики революционной борьбы пролетариата в капиталистических странах, она же приводит к ложной оценке всей практики нашего социалистического строительства.

В результате критики троцкистских и полутроцкистских тенденций в концепциях Ванага, Ронина, Гольмана достигнута, как мы знаем, твердая общность в определении

[1]) М. Н. Покровский, «Русско-японская война», стр. 518.

[2]) A. Supan, «Die territoriale Entwicklung der europäischen Kolonien», 1906.

[3]) В. И. Ленин. Сочинения, (изд. 1-е) т. XIII, стр. 305.

природы русского империализма, каким он сложился к Октябрю. Этим сделано уже много, но впереди предстоит еще большая работа, но исчерпывающий марксистско-ленинский анализ тенденций развития русского империализма, характеристика основных этапов его развития, не ограничивающаяся выявлением статистических данных, даваемая на основании многогранного конкретного исторического материала, — задача, ожидающая дальнейшей углубленной разработки.

Достаточно указать на имеющиеся в нашей литературе разноречия по вопросу о том, дает ли основания свойственный 80-м 90-м гг. бурный процесс концентрации производства считать к концу 90-х гг. всю систему русского капитализма вступившей в законченную монополистическую стадию [1]). Достаточно указать на разноречия по вопросу о динамике сращивания капитала банкового и промышленного [2]). Достаточно указать на то, что вопрос о вывозе русского капитала в 90-х гг. (а в эту пору мы стоим перед фактом вывоза его в Персию и Китай) не подвергся в литературе достаточной разработке. Между тем вопрос этот — вопрос исключительной важности ввиду того политического значения, какое приобретает факт экспорта капитала, хотя бы экспортирующей стране самой приходилось прибегать к усиленному ввозу чужого капитала [3]). «Вопрос о рынках для вывоза капитала представляет, — по словам т. Сталина, — характернейшую черту империалистического этапа» [4]).

Особенно большая работа предстоит впереди в освещении марксистско-ленинской теорией империализма вопросов царской внешней политики последнего десятилетия прошлого века. Именно освещение этих вопросов приобретает особенно важное значение в связи с происходящим в ту пору интенсивным процессом сращивания иностранного банкового капитала с капиталом промышленным; именно углубленная разработка этой стороны дела дала бы ответ на многие, оставшиеся до сих пор темными, вопросы о природе русского капитализма в 90-х годах и вскрыла бы диалектику нарождения империалистических тенденций в недрах отсталого хозяйственно-политического организма царской России.

Доказывая народникам «исторически прогрессивную миссию» капитализма и свойственный ему путь «неравномерного» развития, Ленин считал необходимым для характеристики экономического развития России с особенной силой подчеркнуть, что «ни в одной капиталистической стране не уцелели в таком обилии учреждения старины, несовместимые с капитализмом, задерживающие его развитие, безмерно ухудшающие положение производителей, которые «страдают и от капитализма и от недостаточного развития капитализма» [5]).

---

[1]) Сравн. Е. Грановский, «Монополистический капитализм в России», стр. 9—53; Л. Эвентов, «Иностранные капиталы в русской промышленности», стр. 94; также Н. Рожков, «Русская история», т. XI, стр. 243—244.

[2]) Сравн. И. Гиндин, «Банки и промышленность в России до 1917 г.», стр. 58—80, и Е. Грановский, op. cit.

[3]) Л. Эвентов, op. cit., стр. 7.

[4]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 410.

[5]) В. И. Ленин, Сочинения, т. III, стр. 490.

Свой труд «Развитие капитализма в России», откуда мы цитировали приведенные выше слова, Ленин писал в 1896—1898 гг., в те годы, когда, именно, происходил бурный процесс развития русского промышленного капитализма, несшего с собой концентрацию производства, рост учредительской деятельности банков и практику личной унии. И русский исторический процесс остался бы нами совершенно непонятым, если бы из одних цифр, доказывающих факт концентрации производства, из одних данных экономической статистики, мы стали бы делать непосредственные заключения о природе тех или иных политических фактов, о характере русской политической системы, игнорируя расстановку классовых сил и всю объективную обстановку, в которой эти силы действовали [1]).

Процесс промышленного развития России протекал, как известно, в условиях господства «полу-средневековых форм земледелия» [2]), в условиях системы монопольного владения помещиками огромными земельными пространствами, в условиях той мертвой хватки помещика-крепостника, от которой пауперизировались крестьянские массы, в условиях прогрессирующего обмеления внутреннего рынка. Той мертвой крепостнической хваткой, в тисках которой нищала деревня, был зажат весь государственный аппарат — так же, как и земля, он был монополизирован помещиком-дворянином. Как разрешалось это противоречие между стремительным развитием русской промышленности и упорной задержкой в развитии производительных сил русской деревни? В какие формы выливались отношения между дворянско-феодальной реакцией и представителями промышленного капитала?

Либеральная оппозиция в течении последних трех десятилетий прошлого века рекрутировалась преимущественно из среды представителей буржуазии аграрно-капиталистической. Как отмечал в свое время Ленин, «русские предприниматели», пользовались всеми «выгодами до-капиталистических приемов хозяйства», которые «задерживают развитие капитализма и которые держатся во многих случаях силой закона» [3]). Разоряя крестьянское хозяйство, феодально-дворянское самодержавие создавало для промышленности неисчерпаемый резервуар дешевой рабочей силы. Сбрасывая налоговую тяжесть с буржуазии на плечи народных масс, правительство тем самым, через ограбление внутреннего рынка, ставило промышленность на путь зависимости от казенных заказов, прививая ей казеннокоштные навыки.

Превратив Госуд. банк в свое покорное политическое орудие, открывая широкую дорогу взяточничеству всевластного чиновничества, дворянско-феодальное самодержавие выступало в глазах буржуазии как главный источник экономической благодати. Отсюда же вытекало то обстоятельство, что русские промышленники, по признанию одного из их представителей на страницах журнала «Промышленный мир» за 1900 г., «издавна» были приучены к «сосанию соски» и до сих пор «не вышли из состояния младенчества» [4]).

---

[1]) М. Покровский, «Ответ т. Томсинскому», «Вестник Ком. академии», № 15 стр., 284 — 299.

[2]) В. И. Ленин. Сочинения, т. III, стр. 285.

[3]) В. И. Ленин. Сочинения, т. III, стр. 401.

[4]) Цитируем по книге П. Берлина «Русская буржуазия в старое и новое время», стр. 141.

Политическая отсталость и дряблость — характерная черта русской промышленной, а тем более торговой буржуазии того времени. Известно, что даже в 1903 г. Витте приходилось убеждать представителей биржевых комитетов в необходимости и пользе «организованных» и «сплоченных» действий. Мы хорошо знаем, что у буржуазии с 70-х гг. были свои классовые организации в виде съездов фабрикантов и заводчиков. А во время Всероссийской Нижегор. ярмарки 1896 г. газ. «Волгарь», увлекаясь ролью аббата Сийэса, воспевала доблести русского «третьего сословия», заявляя, что «оно единственно сильное в наше время», что «оно все может»... Политическую дряблость и отсталость русской буржуазии не следует принимать за политическое бессилие, а тем более за политическое небытие. Но и констатируемое купеческой газетой «всемогущество» надо понимать также условно. «Практика такова, — говорил в 1905 г. в Совете по горно-пром. делам один из крупнейших представителей буржуазии Н. Авдаков, — что до сих пор нас никто никогда ни в чем не стеснял, и даже, напротив, мы всегда пользовались широким простором». Имея в лице промышленности дружественную державу и пользуясь выгодами роста ее, поскольку представители помещичьего землевладения, в свою очередь, превращались в держателей промышленных бумаг, самодержавие, действительно, по словам члена совета министерства финансов Кобеко, «всегда чутко прислушивалось к голосу промышленников и купечества», предоставляя к их услугам организацию переселения крестьян, легальные формы хищнической эксплоатации рабочей силы, надлежащее устройство фабричной инспектуры, блага протекционизма во всех областях производства и, наконец, когда внутренний рынок оказывался исчерпанным и выжатым, как лимон, предпринимая его расширение за счет внешнего.

К 80-м гг. аппарат самодержавной власти, сохраняя свою феодально-крепостническую природу, мирно и вместе с тем крепко срастался с развивающимся промышленным капиталом, и, если в дальнейшем между ними навремя и образовывались более или менее глубокие трещины, то на проблемах расширения рынка обе стороны всегда находили общий язык и забывали старые распри.

Говоря об условности понятий внутреннего и внешнего рынков, Ленин отмечал: «Капитализм не может существовать и развиваться без постоянного расширения сферы своего господства, без колонизации новых стран и втягивания некапиталистических старых стран в водоворот мирового хозяйства. И это свойство с громадной силой проявлялось и продолжает проявляться в пореформенной России»[1]).

Не подпуская буржуазию непосредственно к самому аппарату власти, дворянско-феодальное самодержавие работало в области внешней политики за двоих. Здесь, в этой области, и русская военщина и русская дипломатия феодального типа пользовались всей полнотой поддержки буржуазии. Здесь, в этой области, политика царского самодержавия консервировала лучше всего старые военно-феодальные традиции, облекая их, по мере надобности, в форму защиты «общенациональных» интересов и осуществления «общенациональных» задач, — облекая их в эти формы даже тогда, когда речь шла о самых неприкрытых захватах того, что плохо лежит, и—тем более тогда, когда дело

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. III, стр. 485.

доходило до участия в империалистическом соревновании с прочими капиталистическими хищниками.

Говоря о необходимости различать специфические особенности капиталистических стран, участвующих в разделе мира, Ленин из числа этих участников особо выделял царскую Россию и характеризовал ее, как «страну, наиболее отставшую в экономическом отношении, в которой новейший капиталистический империализм оплетен, так сказать, особенно густой сетью отношений докапиталистических» [1]). Необходимо подчеркнуть, что Ленин давал такую характеристику царской России, исходя из сравнения ее с передовыми капиталистическими странами. По степени экономического ее развития с точки зрения всего мирового хозяйства он относил Россию к категории «средне-слабых», средне-отсталых. Касаясь того же вопроса в своей брошюре «Социализм и война», Ленин в 1915 г. писал: «В России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии, но вообще в России преобладает военный и феодальный империализм» [2]). Этот диалектический подход Ленина к конкретным историческим фактам дает нам твердую отправную точку и надежный ключ к пониманию тех противоречий, которыми характеризуется эпоха зарождения русского империализма, а вместе с тем и тех противоречий, которые столь свойственны нашей не только экономической, но и исторической литературе, посвященной этой эпохе.

Те военно-феодальные черты, о которых говорил Ленин, как о преобладающих в русском империализме предвоенного периода, являются безусловно господствующими во всей внешней политике царизма 80—90 -х гг. Это относится, разумеется, прежде всего к ближне-восточному театру, но распространяется в значительной мере также и на Дальний Восток. «Ему (русскому государству — *А. П.*) тем легче было вести здесь (на Востоке — *А. П.*)» буржуазную политику, что для этого оно вовсе не должно было изменять своей феодальной природы.» [3]) Возьмем несколько общеизвестных эпизодов из истории этой политики. Если русскую политику 80-х гг. в Болгарии рассматривать, согласно концепции М. Н. Покровского [4]), не только как определенный этап в борьбе за проливы, но и как политику железнодорожную, а, следовательно, как определенную политику вывоза русского капитала в Болгарию (борьба Полякова и Гинсбурга с бар. Гиршем в этом смысле, действительно, весьма показательна), то вместе с тем приходится констатировать, что этот вывоз собирались проводить в таких архаических политических формах, и он оказывался в условиях данной международной обстановки настолько и экономически и политико-дипломатически неуместным, что все предприятие отходит скоро в историю с недвусмысленной квалификацией «авантюры». Обычно считают, что эта «авантюра» закончилась в 1886 г. с отъездом миссии ген. Каульбарса из Болгарии. Однако теперь на основании свежих архивных материалов мы можем сказать, что втечении и 1887 и 1888 и 1889 годов Нелидов — в Константинополе, Хитрово —

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 299.

[2]) Там же, стр. 99.

[3]) См. М. Н. Покровский, «Дипломатия и войны царской России в XIX в., стр. 321.

[4]) Там же, стр. 345—355.

в Одессе настойчиво продолжают взятый царским правительством ранее курс, не покладая рук работая над организацией восстаний в Восточной Румелии, организуя, вдохновляя, наставляя и субсидируя болгарскую эмиграцию, снабжая повстанцев оружием, посылая террористов в пределы Болгарии и укрывая их [1]).

В те же 1887—1889 гг. мы имеем еще одну красочную «авантюру» — экспедицию пресловутого Ашинова в Абиссинию. Субсидируемая старообрядческим купечеством, поддерживаемая Катковым, покровительствуемая синодом, эта военно-духовная миссия, как известно, занимает на берегах Красного моря по виду беспризорную территорию и торжественно закладывает здесь станицу «Новая Москва». Захваченная, по невежеству руководителей, как «бесхозяйная», территория эта оказывается принадлежащей французам, не желающим уступить ее пришельцам. Дело завершается артиллерийским разгромом «духовной» миссии и международным скандалом, грозящим расстроить налаживающуюся франко-русскую дружбу [2]).

Через несколько лет, в 1896 г., в Петербурге на Особом совещании всерьез обсуждается нелидовский проект немедленного захвата Босфора русскими военными судами [3]). Проект этот встречает сочувственное отношение со стороны Николая II и одновремя получает косвенную поддержку со стороны Витте. Усилия творцов этого проекта разбиваются о сопротивление Франции, без согласия которой немыслимо было осуществление плана, и вся попытка становится достоянием истории, как один из «авантюрных» эпизодов царской политики того времени.

Немногим раньше, в 1893 г., список русских дипломатических «авантюр» пытается пополнить придворный аферист Бадмаев, обхаживающий Александра III со своим проектом овладения Китаем, Монголией и Тибетом. Получив от казны 2 милл. рублей на организацию частного коммерческого товарищества в Чите, долженствовавшего служить главным штабом всего начинания, Бадмаев оказывается вынужденным свернуть свое предприятие и временно сходит со сцены перед лицом надвигающихся на Д. Востоке событий [4]).

Участие царизма в этих последних, не только заканчивающееся для него неудачей, но подводящее его к краю гибели, получает также в нашей историографии общую характеристику «авантюры», а иногда даже «авантюры в квадрате».

Разумеется, у всех этих «авантюр» есть нечто общее. И не только в том, что каждая из них имеет свою длинную историю. Если исторические корни «дальне-восточной авантюры» лежат в относящихся к 1858—1860 гг. послекрымских захватах левого берега Амура, то «абиссинская авантюра» своими корнями уходит в тот же период, ибо еще в 1888 г. в министерстве ин. дел трактовался вопрос о необходимости для России обза-

[1]) Архив револ. и вн. политики, фонд мин. ин. дел, «Бухарест», 1887 г. № 27, № 113 № 114; 1888 г., №№ 31—35; 1889 г. №№ 36—39.

[2]) Материалы об экспедиции Ашинова подготовляются к печати и будут опубликованы в одном из следующих томов «Красного архива».

[3]) См. «Красный архив», т. XLVII—XLVIII, «Проект захвата Босфора в 1896 г.», стр. 50—70, а также С. Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 80—84.

[4]) См. «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева», стр. 47—87.

вестись собственной угольной базой на берегах Красного моря [1]). Об историческом прошлом проекта овладения Босфором говорить не приходится. Общим для всех перечисленных «авантюр» является их неудачный исход, что и делало их «авантюрными» в глазах не только современников, но также и некоторых историков.

Это же последнее обстоятельство подводит нас к тому общему, что было свойственно всей внешней политике царской России второй половины 80—90-х гг. и что неизменно приводило к тождественным результатам все попытки царской России, направленные к продолжению в новых исторических условиях традиционной политико-экономической экспансии.

Вывоз капитала в Болгарию принял грубо-военные формы обращения Болгарии в «Задунайскую губернию», столкнулся с противодействием Англии и уперся в стену тройственного англо-австро-итальянского средиземноморского соглашения. Искание порта на берегах Красного моря приняло формы захвата пьяной ордой казаков и монахов территории, принадлежащей одной из великих держав, в районе, где заканчивалась обостренная борьба за раздел черного материка. Под флагом элементарного до глупости босфорского проекта реставрировался давний проект Екатерины II — он непредвиденно натолкнулся на факт существования сложной, неприемлемой для царской дипломатии, организации международного контроля над турецкими финансами, осуществляемого Советом оттоманского долга. Когда, в конце 90-х гг. царская Россия подошла к вопросу о незамерзающем порте, она взяла курс на захват новых территорий на Д. Востоке, и встретила здесь мощную англо-японо-американскую коалицию, в образовании которой она долго не могла разобраться, сил которой она не дооценивала, интересов которой не учитывала, методов действий которой не понимала.

В эпоху, когда заканчивался прямой раздел мира и речь шла о его переделе, в эпоху, когда капитализм достигал своей высшей, империалистической, стадии, царская Россия вступала хотя и с зарождающимися империалистическими устремлениями, но также со всем грузом своей экономической отсталости, со всеми своими феодальными методами эксплоатации и военно-феодальными навыками в политике, унаследованными от эпохи раздела мира, и теперь, в новой, империалистической, обстановке, получающими новую питательную силу. Только тому, кто боится диалектики, с ее законом единства и борьбы противоположностей, может показаться парадоксом утверждение, что сугубо агрессивный характер русского империализма был тесно связан именно с относительной экономической и исключительною политической отсталостью царской России.

Нет никакой нужды для доказательства теоретически и политически неоспоримого тезиса о самостоятельной политике русского империализма, стараться во что бы то ни стало доказывать факт сугубо раннего его созревания и утверждать, что к рубежу XX в. царская Россия как к старту подошла в стадии законченного монополистического капитализма. Такой досрочный во что бы то ни стало выпуск русского империализма на мировую арену, как и меньшевистско-троцкистская обрисовка его, как недоноска или

[1]) Архив рев. и вн. пол., фонд мин. ин. дел, полит. архив, записка Хитрово от 1858 г.

мертворожденного, искажая историческую действительность, ничего, кроме политического вреда, принести не может. Нет сомнения в том, что самый факт существования передовых империалистических стран, что самый факт образования мирового империализма стимулировал темпы его развития.

Всем хорошо известно, что импорт иностранных капиталов в Россию в форме инвестиций и займов не только освобождал русский капитализм от необходимости начинать с азов, но уже с 70-х годов обеспечивал ему бурные американские темпы. Однако Ленин недаром, как мы видели, из числа всех «великих» или впоследствии империалистических держав, даже в 1915 г., отводил России особое, но не особенно «почетное» место. Недаром, подтверждая ленинскую характеристику русского империализма, т. Сталин говорил так: «Царская Россия была очагом всякого рода гнета — и капиталистического, и колониального, и военного, взятого в его наиболее бесчеловечной, варварской форме. Кому не известно, что в России всесилие капитала сливалось с деспотизмом царизма, агрессивность русского национализма — с палачеством царизма в отношении нерусских народов Турции, Персии, Китая — с захватом этих районов царизмом, с войной за захват. Ленин был прав, говоря, что царизм есть военно-феодальный империализм... Царизм был средоточием наиболее отрицательных сторон империализма, возведенных в квадрат».

Говоря о русском империализме 90-х — начала 900-х гг., надо брать его таким, каким он был тогда на самом деле, надо брать его in statu nascendi, со всей ему в ту пору свойственной «отсталостью» и «оплетенностью», со всем его неприглядным военно-феодальным лицом. Только в такой связи станет понятной и относительная зависимость его от иностранного капитала и относительная самостоятельность его политики, определяемой специфическими интересами, им преследуемыми. Совершенно несомненно, что специфичность этих интересов находилась в теснейшей связи с его «отсталостью» и получала свое выражение и в методах политики, ему присущих, в тех «самобытных» (в условиях «капиталистического империализма новейшего типа») путях, которыми он стремился итти — иногда «вопреки рассудку» международного империализма и «наперекор его стихии». А если так, то не должно казаться странным и утверждение, что самостоятельность политики русского империализма следует рассматривать не только в связи с его внутренней силой и той или иной степенью его зрелости, но также в связи с чертами его сугубой отсталости.

Эта самостоятельная политика нарождающегося империализма, «оплетенного» густою «военно-феодальною» сетью, чрезвычайно яркое выражение получает на Дальнем Востоке в период, предшествующий русско-японской войне. Очень часто события всей той эпохи рисуются в тонах психологического романа с изменой, среди главных действующих лиц которого самодержцу всея Руси отводится чисто пассивная несамостоятельная роль, причем, согласно разыгрываемой им роли, из одной зависимости он попадает в другую.

Как явствует из переписки Вильгельма с Николаем II, первая психологическая атака Вильгельма на Николая II, первое выступление Вильгельма в роли библейского дальне-восточного змия относится к 26/IV 1895 г., когда он обещал «сделать все», что

в его «власти», чтобы «охранить тыл России» [1]). Дальнейшая психологическая обработка слабоумного царя должна была, по распространенной концепции, сделать последнего активным японофобом и энтузиастом русско-германского союза. Более пристальное изучение документов показывает однако, что активности у царизма и до его романа с Берлином было достаточно, и только все та же международная империалистическая конъюнктура не дала ему возможности проявить ее до конца. Вопрос о захвате части корейской территории с незамерзающим портом на побережье стоял перед царизмом еще с 1885 г. И теперь, в обстановке 1895 г., еще 23/IV, т. е. до цитированной телеграммы Вильгельма и через неделю после японского симоносекского торжества, Хитрово сообщал из Владивостока, что «без войны заставить Японию отказаться от Ляодунского полуострова... не остается никакой надежды». Хитрово советовал примириться с создавшимся положением, потребовав лишь себе в компенсацию северную Манчжурию [2]). Совет Хитрово был для российского правительства неприемлем. Еще с февраля морское министерство держало суда Тихоокеанской эскадры «в готовности ко всяким случайностям, с полными запасами», и предлагало Тыртову «наметить себе порт корейского архипелага или Китая», как опорную базу [3]). И теперь Тыртов стал готовиться к нападению на японский флот без объявления войны [4]). Приморский генерал-губернатор минировал владивостокскую гавань и отдал распоряжение о немедленном выселении из области всех японских подданных «ввиду предстоящих военных действий» [5]). Воинственный пыл царизма был погашен временным уходом Японии с симоносекских позиций под согласованным дипломатическим давлением трех держав. Однако инициативная роль в этом деле царской России была настолько ясна, что за свое участие в нем французское правительство подверглось жестоким нападкам печати, и газ. «Autorité» в номере от 26/IV не стеснялась писать: «У России на Дальнем Востоке свои интересы, которые не имеют ничего общего с нашими... Действовать там совместно с ней неблагоразумно. Быть другом, союзником России — хорошо, но мы превращаемся в ее раба». Используя по возможности обоих героев своего романа, самодержец всея Руси умел в нужный момент давать своим поклонникам и нужный отпор. Так, на интимнейшем свидании в октябре 1901 г. в Спале с принцем Генрихом Прусским Николай II, в ответ на перешедшую все границы германскую навязчивость, дал понять, что для него окончание постройки Сибирской железной дороги это все, и что в связи с этим разрыв с Францией невозможен [6]).

Вместе с тем было бы преувеличением думать, что столь тесно сжившаяся с парижской биржей, столь многим ей обязанная, в частности, в своих дальне-восточных похождениях, царская Россия выполняла здесь безынициативную роль alter ego своего политического партнера: достаточно напомнить о том, что, основывая в 1895 г. Русско-китай-

[1]) «Переписка Вильгельма II с Николаем II», изд. Центрархива, 1923 г., стр. 7—8.
[2]) Арх. рев. и вн. пол., Кит. ст., секр. тел. Хитрово от 23/IV 1895 г.
[3]) Арх. рев. и вн. пол., Кит. ст., письмо адм. Чихачева к Шишкину от 18/II 1895 г.
[4]) См. М. Павлович «Русско-японская война», изд. 1925 г., стр. 57.
[5]) Арх. рев. и вн. пол., Кит. ст., письмо Шишкина Ванновскому от 1/V 1895 г., № 1866.
[6]) См. «Die Grosse Politik», B. 18, T. 1, №№ 5393—5399.

ский банк при помощи французских миллионов, царское правительство обеспечивало себе, при большинстве русских голосов в правлении банка, достаточное влияние на общее направление его работы. Когда, в 1897 г., в шанхайском отделении банка между французским и русским директорами банка обострились отношения, и французы стали выражать недовольство действиями русских, влиятельный агент министерства финансов Покотилов советовал русскому правительству «категорично заявить французам, чтобы они оставили нас в покое, и, если они недовольны деятельностью Русско-китайского банка, то пускай основывают свой собственный» [1]).

В период подавления боксерского движения Николай II в своих пометах любил распространяться о самостоятельных путях русской политики на Дальнем Востоке, отличных от путей западно-европейских держав [2]) . Нужно признать, что русская дипломатия, последовательно отказываясь от всяких связывающих ее свободу действий соглашений с Францией, Англией и Германией, по разным причинам искавшими в ту пору такого соглашения, именно, с Россией, в значительной мере действительно выдерживала эту самостоятельную линию [3]). И это не было только лицемерной фразой или красивым жестом — это была борьба за интересы русского империализма в манчжурском вопросе, за закрытие манчжурских дверей, за захват манчжурской территории и превращение ее в заамурскую губернию со всеми вытекающими отсюда последствиями культурно-политического и хозяйственного порядка. История русской политики на Дальнем Востоке втечении всего периода, предшествовавшего русско-японской войне, отличается, разумеется, вместе с тем и обилием таких самостоятельных, претендующих на известную самобытность акций, которые являлись характерными для методов всей русской политики этого времени: достаточно вспомнить хотя бы факт сепаратных переговоров с Китаем, строившихся на личной заинтересованности Ли хун-чжана и сорванных смертью последнего, или, картину «блестящей» военной манчжурской кампании 1900 г., так похожей на средне-азиатские кампании 60-х годов [4]).

Но самым интересным моментом во всей международной конъюнктуре того времени и характерным для русской внешней политики являлся тот факт, что после завершения расхвата великими державами китайских портов в разгорающейся вслед за тем на Дальнем Востоке империалистической борьбе за концессии царская Россия бьет рекорд в области всех выставленных притязаний и идет, не взирая на сопротивление выступающего под флагом открытых дверей империалистического блока трех держав, по кратчайшему и много раз ею испытанному пути военных захватов.

История русской политики на Дальнем Востоке интересна тем, что, как мы сказали выше, в процессе назревания и развития империалистических тенденций в обстановке происходящей «смены» старого «мирного капитализма» «немирным воинствующим ката-

---

[1]) Тел. Покотилова от 20/X 1897 г. См. Б. Романов, «Россия в Манчжурии», стр. 91.

[2]) См. подготовляемый Центрархивом к печати сборник документов «Боксерское восстание и европейские державы».

[3]) См. Б. Романов, op. cit., стр, 240—253.

[4]) М. Н. Покровский, «Русско-японская война», стр. 560—562 и «Дипломатия и войны царской России», стр. 320—345.

строфическим империализмом»[1]) происходит особое возбуждение военно-феодальных элементов.

Торжество «безобразовщины», т. е. «авантюра в квадрате», — верное тому доказательство. Но, разумеется, нет более убогого взгляда на вопрос, чем взгляд старых буржуазных радикалов, сводивших все дело к концессионной авантюре на Ялу.

Вопрос о завязавшейся в определенный момент вокруг трона борьбе противоречивых интересов различных общественных групп имеет особый интерес и особое значение. Подробный марксистский анализ этой борьбы необходим, во-первых, в плане разрешения проблемы о природе самодержавия. Но сейчас, говоря прежде всего о постигшем русский империализм на Дальнем Востоке фиаско, отбросившем царскую дальне-восточную политику в категорию авантюрных, можно смело сказать, что дело здесь, разумеется, не в одном Безобразове, как представителе придворных крепостнических групп, и дело, разумеется, не в одном Витте, как выразителе интересов промышленного капитала, и дело не в борьбе двух представлявшихся ими фракций буржуазно-феодального блока, — дело во всей той политической системе, которая проводилась всей конкретной совокупностью буржуазных и помещичьих тенденций, диалектически сплетавшихся и уживавшихся в буржуазно-феодальном блоке с его феодально-помещичьим исполнительным комитетом — царским самодержавием во главе, дело в столкновении в районе Манчжурии интересов этой системы с интересами мирового, водворявшегося на Дальнем Востоке, империалистического механизма.

Если верно то, что дело прежде всего в «военном происхождении» Сибирской железной дороги, нужной для успешного продолжения англо-русской борьбы и для новых колониальных захватов, то не менее верным становится в дальнейшем и то, что дело в той служебной роли, какую играло железнодорожное строительство с точки зрения интересов тяжелой индустрии, как не менее верно, наконец, и то, что в конечном итоге дело оказывается в диалектическом объединении этих двух моментов, получающем в лице прокладываемой трансманчжурской хорды и южно-манчжурских ответвлений в определенную эпоху определенное империалистическое выражение вывоза капитала.

В августе 1901 г., во время сепаратных переговоров России с Китаем о Манчжурии, царское правительство вырабатывает проект «частного» соглашения с Русско-китайским банком, о «преимущественном праве банка на получение в Манчжурии промышленных концессий». При этом, по мысли Витте, китайское правительство должно было взять перед банком на себя обязательство, что оно не предоставит в Манчжурии никому никаких железнодорожных и промышленных концессий, не предложив их ранее банку. Узнав об этом, видавший многие виды, Ли хун-чжан не мог удержаться от того, чтобы не сделать своему собеседнику сцены и не заявить в раздражении, что соглашение это «отдает в руки банка всю Манчжурию»[2]). Он правильно угадывал суть дела. В Манчжурии стремился развернуть свою деятельность финансовый капитал, тот самый, который уже строил Китайско-восточную железную дорогу с ее южно-манчжурским ответвлением.

---

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. XIX, стр. 335.

[2]) См. Б. Романов, op. cit., стр. 318—329.

Дело Русско-китайского банка было делом вывоза русского капитала, хотя, по справедливости говоря, это было дело капитала французского. Оно было заключено в русскую военно-феодальную оболочку. То противоречие, которое существовало между природой этой оболочки и капиталистическим содержанием дела, диалектически разрешалось взаимопроникновением свойственных им тенденций, их сращиванием в единую систему русского военно-феодального империализма в Манчжурии, которая не могла выросшие между царской Россией и японо-англо-американским империализмом противоречия разрешить иначе, как в форме войны — этой последней колониальной [1]) и первой империалистической [2]) войны царской России.

Чтобы убедиться в том, что концепция об авантюризме различных придворных клик, а тем более отдельных политических деятелей является для объяснения русской дальневосточной политики не только недостаточной, но и убогой, чтобы убедиться в том, на сколько тенденции этой политики имели глубокие социально-политические корни, достаточно бросить хотя бы самый беглый взгляд на отношение к дальне-восточной проблеме непосредственно с троном не связанных и далеких от него буржуазных и мелкобуржуазных кругов. Отношение это отразилось прежде всего в повременной печати, в газетах и «толстых» журналах того времени. Оставим в стороне официозную и правую печать. Занимаемая ею в дальне-восточном вопросе позиция очень ярка и выразительна, но всякому ясно, что органы реакционных помещичьих группировок должны отличаться сугубой воинственностью, и что официозы должны отстаивать известную нам из опубликованных документов официальную правительственную линию. И «Гражданин», и «Свет», и «Новое время», и «Московские ведомости» в период японо-китайской войны проникаются в равной мере воинственными настроениями. «Гражданин» жаждет захвата незамерзающего порта в Корее, «Новое время» требует установления над последней протектората, а «Свет» — присоединения, помимо Кореи с незамерзающим портом, также и части Манчжурии.

Во время симоносекских переговоров из того же лагеря слышатся даваемые адм. Тыртову советы не медлить с вооруженным выступлением, и даже («Свет») выдвигается проект вооруженного занятия острова Иезо [3]).

Не менее активистски настроены и русские биржевые круги. В передовой «Новостей» от 20 января 1895 г. речь идет о необходимости вмешательства держав в японо-китайскую войну с целью «парализовать» успехи Японии. «Китайский вопрос, — замечает автор передовицы, — имеет несомненную аналогию с восточно-европейским вопросом. Если оказалось возможным разделить значительную часть Турции и создать из некоторых ее провинций самостоятельные государства, то тем более это возможно относительно Китая». «Теперь-то и представляется вполне удобный случай, — читаем

---

[1]) Ср. М. Н. Покровский, «Русско-японская война», стр. 606, В. И. Ленин. Соч., т. VI, стр. 39.

[2]) Ср. Е. Грановский, op. cit., стр. 149; С. Томсинский, «К вопросу о социальной природе русского самодержавия», «Вестник Ком. ак.», № 15, стр. 255—283; Ленин, Сочинения, т. XIII, стр. 99.

[3]) См. М. Павлович, op. cit., стр. 58.

в передовице той же газеты от 28 января 1895 г., — разом и без хлопот покончить с Китаем, разделив его между главными заинтересованными европейскими державами». Упускать такой момент, — по мнению газеты, — непростительно: «China delenda est!»

Значительно больший интерес представляют для нас взгляды буржуазно-либеральной печати. Если мы обратимся хотя бы, например, к такому выдержанному органу либеральной буржуазии, как «Русская мысль», то не найдем здесь, разумеется, той алармистской крикливости и экспансивности, какая характерна для всей правой печати, мы встретимся здесь с тем «профессорским» отношением к вопросу, которое требовало возникающие вопросы внешней политики разрешать в конъюнктурной связи с вопросами внутренне-политическими.

«Твердая и благоразумная политика нашего отечества и европейских держав, — писал В. Гольцев в мартовской книге журнала за 1895 г.[1]),—дает основания думать, что новорожденному японскому шовинизму не будет предоставлено широкое поле действия... Европейским государствам, вообще, а нашему отечеству, в особенности, необходимо зорко наблюдать за тем, что будет происходить в Японии и Китае. Великая Сибирская дорога усилит, конечно, наше военное положение, но важно, чтобы своевременные реформы оживили Сибирь, подняли в ней законность и охраняемую ею общественность и частную предприимчивость». В апрельской книжке того же журнала тот же обозреватель, анализируя положение, создавшееся на Д. Востоке в результате Симоносекского мира, приходит к мысли о «вероятности и желательности» вмешательства держав и о неизбежности военного столкновения с Японией в случае нежелания последней сойти с симоносекских позиций[2]). Можно было бы признать, по его мнению, независимость Кореи только в том случае, если бы это не повело к решительному преобладанию в ней японского влияния. Но признание независимости Кореи неприемлемо, так как рост японского влияния при этом в ней неизбежен, а «в таком случае исчезла бы надежда приобрести незамерзающий порт на Великом океане». «Коллективный шаг России и Франции вместе с Германией увенчался полным успехом, — пишет В. Гольцев в майской книжке «Русской мысли». Нашему отечеству представляется теперь возможность путем дипломатических переговоров приобрести незамерзающий порт на Великом океане и укрепить вполне наше политическое и военное положение»[3]).

Совершенно тождественная линия проводится социально-политическим аналогом «Русской мысли» — «Русскими ведомостями». В передовой газеты от 15/IV 1895 г. приветствуется согласованное выступление трех держав против Японии и намечаются стоящие перед царской Россией на Дальнем Востоке общие задачи: «путем реформ и ряда экономических мер поднять промышленные силы нашей тихоокеанской окраины и тем прочнее установить свой престиж в Азии и облегчить путь своей культурной задаче». Наряду с крупными задачами культуртрегерства на Дальнем Востоке газета не забывает также и о скромной задаче приобретения незамерзающего порта. В номере от 7 апреля, в статье «Результаты японо-китайской войны», мы читаем: «Вообще, был один момент,

[1]) «Русская мысль», март 1895 г., ст. В. Гольцева: «Иностранное обозрение», стр. 210—219.

[2]) «Русская мысль», апрель 1895 г., стр. 152—158.

[3]) «Русская мысль», май 1895 г., стр. 201—209.

когда Россия могла получить значительное влияние в Корее (1888 г. — *А. П.*), но этот момент, повидимому, был упущен... Во всяком случае, для нашей окраины было вполне уместным и желательным сохранить с Кореей мирные дружественные сношения, развить по возможности торговый обмен и получить, может быть, удобный незамерзающий порт на ее берегах. Необходимость такого порта для России, особенно в виду Сибирской железной дороги, признается даже иностранцами»... И автор ссылается при этом на книгу германского исследователя, признающего законность стремлений России занять не только северную часть Кореи, но и Гириньскую провинцию Манчжурии. [1])

Если русский либерализм второй половины XIX века принято рассматривать, как либерализм преимущественно аграрно-капиталистической буржуазии, то и голос либеральной печати не может, конечно, претендовать на роль выразителя взглядов русской буржуазии в целом и тем более — мелкой городской и сельской буржуазии, втечении предшествовавших десятилетий сумевшей выделить из себя отряды, решительно выступившие на борьбу с дворянско-феодальным режимом.

90-е годы, как известно, характеризуются притуплением мелкобуржуазного радикализма, с позиций революционного народовольчества сползающего на плоскость «либерального народничества».

Но, так как ни одна социальная группа не может дать больше того, чем она располагает, нам приходится при выяснении точки зрения мелкобуржуазной демократии по интересующему нас вопросу обратиться к журналу «Русское богатство», этому органу народничества «периода упадка».

Вопросам внешней политики русская радикальная печать 80—90-х гг. уделяла, как известно, мало внимания. Здесь сказывалась не только система цензурных репрессий, с особой бдительностью оберегавшая работу царской дипломатии, здесь отражались также унаследованные от предшествующих десятилетий политические традиции мелкобуржуазного революционаризма, неспособного выйти за пределы своей национальной ограниченности. Происходящая же в 90-х гг. смычка интересов мелкобуржуазной интеллигенции с интересами бурно развивающейся промышленной буржуазии, разумеется, росту политической принципиальности эпигонов народничества способствовать не могла.

Втечении всего 1895, даже 1896 года иностранный обозреватель «Русского богатства» вопросы Дальнего Востока почти обходит молчанием или ограничивается голой констатацией фактов, не выявляя своего отношения к ним. Здесь мы имеем дело с определенным «отставанием» редакции народнического органа в вопросах международной политики.

В то время, когда русский феодально-буржуазный блок делал на Д. Востоке первые шаги в своей империалистической практике, идеологи мелкой буржуазии продолжали жить внешне-политическими темами, унаследованными от предыдущей эпохи. Вопросы Бл. Востока оказываются в центре внимания иностранного обозревателя журнала втечении всей второй половины 90-х гг. И здесь находятся у журнала достаточно яркие слова и точные формулировки. Возбужденный армянскими событиями ино-

[1]) E. von Hesse-Wartegg «Korea, 1895».

странный обозреватель приходит к мысли о «необходимости» произвести «общеевропейскую оккупацию Турции, достаточно богатой для того, чтобы оплатить издержки общеевропейской оккупации» [1]). Вопросу о разделе «турецкого наследства» отдает обозреватель все свое внимание и весь свой литературный темперамент. Турки у него не что иное, как «варвары», Турция — «азиатская орда», которую Европа призвана «укротить». Этим турецким вопросом вопрос дальневосточный у него заслоняется совершенно. «Упразднение турецкого владычества, — говорит он, — едва ли не важнее всего Д. Востока» [2]). Только в конце 1898 г., когда захват Порт-Артура стал давно совершившимся фактом, когда в Китае стали обнаруживаться явственные признаки роста национального движения, народнический обозреватель решает высказаться по китайскому вопросу. Рассматривая происходящие в Китае волнения как «бунты», угрожающие «международному положению и интересам держав», он приходил к следующему заключению: «Гниение такого громадного трупа может заразить все окружающее и надолго парализовать нормальное течение дел. Интерес всей Европы, всего существующего мира — притти на помощь этому больному гиганту и, впредь до выздоровления, взять под общую опеку и охрану» [3]).

Отметим попутно одно замечание Южакова, характерное для внешне-политической ориентации мелко-буржуазных кругов в 90-х годах. Говоря о совершающемся разделе мира и о назревающем англо-германском конфликте, Южаков намечает перспективы «англо-франко-русского сближения» [4]). Образованием такой политической комбинации, по концепции Южакова, разрешится всецело и д.-восточный вопрос: «Соединенных англо-франко-русских сил на Д. Востоке совершенно достаточно для встречи всяких случайностей... Только действительно прочное соглашение между Россией, Англией и Францией может явиться комбинацией, солидно гарантирующей интересы этих держав».

В приведенной цитате для нас важно не то, что, намечая выход из дальне-восточного кризиса, Южаков попадал пальцем в небо. Здесь важно констатировать тот факт, что мелкая буржуазия того времени кладет свои симпатии на сторону одной из возможных группировок империалистических держав, на сторону будущей англо-франко-русской Антанты. Народнический публицист не был пионером в этом деле. В. Гольцев еще в 1885 г. развивал эту идею на страницах «Русской мысли». Он повторял ее теперь, в 1895 г., когда писал: «Крепкое сближение Великобритании и России было бы великим благом не только для русского и английского народов, но и для всего человечества» [5]). А более непосредственные «Новости» тогда же расшифровывали эти идеальные возможности так: «Азия велика, и России и Англии хватит на ней места» [6]).

---

[1]) «Русское богатство» 1896 г., № 4, С. Южаков, «Дневник журналиста», стр. 145—170.
[2]) «Русское богатство» 1898 г., № 10, С. Южаков, «Политика», стр. 147—166.
[3]) «Русское богатство» 1898 г., № 2, С. Южаков, «Политика», стр. 107—131.
[4]) «Русское богатство» 1895 г., № 1, С. Южаков, «Из современной хроники», стр. 186—213.
[5]) «Русская мысль» 1895 г., № 1, В. Гольцев, «1894 г. в полит. отношении», стр. 185—194.
[6]) «Новости», 1895 г., 25/II, № 55.

Какой же вывод может быть сделан из всего сказанного? В 90-х гг., в период зарождения мирового империализма, русская буржуазия начинает уже говорить словами, звучащими явно империалистически, — объективно приобретающими иногда, независимо от желания их произносящих, прямой империалистический смысл. Мелко-буржуазные политики, не идущие с пролетариатом по его последовательному революционному пути, который мог бы создать им твердую базу в крестьянских массах, объективно заинтересованных в борьбе с нарождающимся империализмом, оказываются во внешне-политических вопросах плетущимися в хвосте буржуазии.

В 90-х годах русская буржуазия во внешне-политических вопросах от мала до велика выступает в общем и целом единым фронтом с самой реакционной частью помещичьего класса. М. Н. Покровский в свое время правильно отметил, что «незамерзающий порт гвоздем сидел» в голове Николая II, положившего немало резолюций на эту тему. Теперь мы можем сказать, что мысль о незамерзающем порте была также одной из «лейтмыслей» всей русской буржуазии 90-х гг., что идеи территориальных приобретений в Корее и Манчжурии, идея участия в разделе Китая и даже план превентивного нападения на Японию носились в воздухе. Убогой голове Николая II не приходилось в данном вопросе испытывать ни малейшего напряжения: ему нужно было лишь повторять много раз слышанное.

Допуская на минуту недопустимое, мы можем сказать, что в 90-х гг. воинственный редактор газеты «Свет» Комаров мог, в случае нужды, с успехом заменить в деле нападения на японский флот адмирала Тыртова, что редактор либеральной «Русской мысли» Гольцев мог с успехом наложить за Николая II ряд резолюций о незамерзающем порте, что даже народнический публицист Южаков мог с успехом заменить Муравьева при подписании англо-русского соглашения о разделе Китая на сферы влияния.

Русская либеральная и особенно «радикальная» буржуазия, как известно, изменила в дальнейшем на время свое отношение к царской политике в дальне-восточных делах. Но это относится только к началу 900-х гг., ко времени нарастания промышленного кризиса, толкающего буржуазию в условиях подъема рабочего и крестьянского движения к временной половинчатой оппозиции всему политическому режиму. Тогда началась, как известно, буржуазная критика себестоимости царской дальне-восточной политики, и, после исторических неудач царизма 1904—5 годов, той же либеральной и радикальной буржуазией, которая не так давно принимала посильное участие в обосновании, защите и развитии царской дальне-восточной политики, с легкой руки Витте, была пущена в оборот легенда об особых специальных виновниках войны.

Рассмотрение вопроса об отношении различных фракций буржуазии к царской дальне-восточной политике в этот интересный предреволюционный период лежит за пределами настоящего краткого очерка. Ограничимся в заключение несколькими замечаниями.

Выше мы говорили о характерной для русской промышленности 90-х годов бурной концентрации производства. Мы отмечали также свойственный той же эпохе факт обнищания деревни, оскудения внутреннего рынка, роста эксплоатации наемного труда.

Что же из этого следовало?

Это приводило, как известно, к бурному численному росту промышленного пролетариата, к быстрому развитию его классового самосознания и организованности, к интенсивному процессу оформления его классовой идеологии, к закалке его партийного руководства, это приводило к стремительному превращению в эти годы русского пролетариата из класса «в себе» в класс «для себя», способный вести за собою миллионные крестьянские массы. Выше мы указывали на то, что, пользуясь всеми выгодами докапиталистических приемов хозяйства, русская буржуазия мирно уживалась с дворянско-феодальной властью. Теперь мы можем сказать что «политическая дряблость» русской буржуазии, «зависимой от казенных заказов», усугублялась «революционностью пролетариата» [1]), что это толкало буржуазию непосредственно в объятия феодальной реакции, что, многократно усиливаясь, последняя с тем большей энергией проводила общую для буржуазно-феодального блока монополистическую программу в Манчжурии и тем ускоряла свой большой выход на мировую империалистическую арену.

Что же из этого вытекало?

Отсюда должен был вытекать тот общеизвестный факт, что, когда, во время японской войны, пролетариат поднял знамя восстания против самодержавия, восстание это стало перерастать в восстание против империализма. Отсюда должна была вытекать и вся та роль, какую в дальнейшем развертывании революции сыграла либеральная буржуазия с ее «программой измены», с ее «жаждой сделки со старой властью» [2]). Популярная в буржуазных кругах концепция о виновниках неудачной войны, своего рода теория «Kriegsschuldfrage» в национальном масштабе, объективно играла роль прикрытия власти от ярости рабочего класса. И нужно сказать, что концепция эта пользовалась не меньшей популярностью среди радикальной мелкой буржуазии в лице н.-с., с.-р. и меньшевиков, т. е. тех социальных групп, которые впоследствии составили, по выражению т. Сталина, «крайнюю левую фракцию империалистической буржуазии» [3]).

Так, на оселке дальне-восточной проблемы на рубеже XX века, русская буржуазия — и либеральная и радикальная, каждая в меру своих сил, — выявляла свою потенциальную империалистическую сущность, ту сущность, которая в развернутом виде выявилась в делах и днях их достойных потомков.

Русско-японская война, как первый англо-германский конфликт, являлась, по выражению М. Н. Покровского, прологом большой империалистической войны 1914—1917 гг. [4]).

Это же означало наступление такой эпохи, в условиях которой «кто хотел бить по царизму, неизбежно замахивался на империализм», в условиях которой «революция против царизма» должна была «перерастать в революцию против империализма» [5]).

Много позднее, говоря о возможностях прорыва «мирового фронта империализма», т. Сталин, на основании закона о неравномерности развития капиталистических

[1]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 48.
[2]) В. И. Ленин, Сочинения, т. VII, ч. I, стр. 269 и 284.
[3]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 50.
[4]) М. Покровский, «Русско-японская война», стр. 607.
[5]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 10.

стран, намечал следующее положение: «Этот прорыв вероятнее может произойти в тех пунктах и в тех странах, где цепь империалистического фронта слабее, т. е. где империализм менее всего подкован, а революции легче всего развернуться»[1]). Таким пунктом в начале XX в. могла оказаться только Россия.

Царизм уцелел... Революция 1905 г. явилась, по выражению т. Сталина, «прологом пролетарской революции».

90-е годы прошлого века были годами подготовки этого двойного пролога. 90-е годы прошлого века были той исторической мастерской, где выковывались элементы русского империализма, сохранившего до конца своих дней «военно-феодальные» черты. Можно, пожалуй, сказать, что 90-е годы были беременны империализмом. Но методологически было бы не только не нужно, но и ошибочно — и это была бы механистическая ошибка — стремиться во что бы то ни стало к установлению «акушерских» сроков перехода некогда «экономически отсталой» России к законченной системе монополистического капитализма.

Мы начали с ленинской характеристики царской России, как «экономически отсталой» страны, хотя бы и «средне-отсталой», а кончаем признанием факта зарождения в 90-х годах империалистических тенденций, хотя бы и «военно-феодального» типа.

Нет ли противоречия между нашим началом и нашим концом? Есть безусловно. Но не по нашей вине. Это — противоречие, свойственное природе исторического развития, свойственное конкретной диалектике исторической жизни. «То, что впервые начинает быть, — вспомним слова Гегеля, — еще не существует и тем не менее уже существует, потому что начинает быть».

И в этом противоречии находила свое выражение та неравномерность экономического и политического развития, которая, по выражению Ленина, является «безусловным законом развития капитализма».

Прошло около трех десятилетий с того времени, когда военно-феодальный аппарат царской России, осуществляя захватническую манчжурскую программу, совершал свой первый большой империалистический рейд.

Дальне-восточный вопрос снова поставлен историей в порядок дня. Китайские территории снова стали центром противоречий между хищниками мирового империализма, Манчжурия — объектом жадных притязаний одного из них.

Но, если 27 лет тому назад молодой японский капитализм, подчинивший уцелевшие в стране феодальные пережитки интересам своего развития, выступая тогда против отсталой страны царизма, выполнял тем самым исторически прогрессивную миссию [2]), теперь, переходя снова в открытое наступление по всему дальне-восточному фронту, в условиях принципиально отличной от прошлого исторической обстановки, он выполняет миссию, приобретающую диаметрально противоположный политический смысл и значение. Исторический путь, пройденный в течении трех последних десятилетий мировым капитализмом, привел его к небывалому обострению свойственных ему противо-

[1]) И. Сталин, там же, стр. 103.

[2]) В. И. Ленин, Сочинения, т. VI, стр. 35.

речий внешних и внутренних и, подняв его на высшую империалистическую стадию, подвел его к той грани, у которой в неизбывных кризисах начинается процесс его загнивания, где в неминуемых и неразрешимых конфликтах расшатываются устои его.

Если и прежде японский капитализм страдал от недостатка сырьевой базы, если и прежде господствовавшая в стране политическая система, консервируя узость внутреннего рынка, стимулировала агрессивную внешнюю политику Японии, теперь, в условиях мощного развития в стране финансового капитала, японская внешняя политика бьет мировой рекорд агрессивности.

Выросшая из неравномерности капиталистического развития и попавшая в полосу острого промышленного кризиса, испытывающая общую для капиталистического мира судьбу загнивания, Япония с тем большей силой, возрождая уцелевшие в правящих классах остатки военно-феодальных тенденций, рвется к новым захватам, выступая в роли застрельщика нового передела Китая, развязывая антагонистические силы капиталистического мира для новых столкновений.

Исторический путь, пройденный мировым капитализмом втечении трех последних десятилетий, привел также к тому, что те самые, хорошо знакомые японскому империализму, земли азиатского материка, где он развертывает снова свою захватническую программу, теперь не являются уже тем удобным объектом эксплоатации, какими они были раньше, — что теперь «миллионы и сотни миллионов колониальных и полуколониальных народов выступают как самостоятельные, активные, революционные факторы» [1]).

То же пройденное капиталистическим миром тридцатилетие привело его еще и к тому, что осуществлять свою империалистическую программу ему приходится на многократно усиливающейся эксплоатации народных масс, на костях того класса, который на наших глазах вырастает в мощную фигуру его могильщика. С первого дня японо-китайского военного столкновения японская коммунистическая партия заняла непримиримую большевистскую позицию, подав свой голос за поражение японского империализма. Катастрофическое понижение жизненного уровня японских народных масс неизбежно усиливает рост их революционной энергии, стимулирует их мобилизацию под знаменем японской компартии, действующей не одиноко, связанной тесными узами с другими революционными отрядами мирового пролетариата. И, наконец, то же пройденное капиталистическим миром тридцатилетие привело к созданию совершенно нового фактора, который росту международного рабочего движения дает исключительную питательную силу и который принципиально изменил ту историческую обстановку, в какой японский капитализм действовал 27 лет тому назад,— на том самом месте, где стояла прежде отсталая царская Россия, выросла новая система хозяйства, в корне отличная от капиталистической, ей противостоящая, которая «самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы» [2]), которая сейчас создает для Японии непреодолимое препятствие на пути ее империалистической экспансии.

---

[1]) В. И. Ленин, Сочинения, т. XVIII, ч. I, стр. 323.

[2]) И. Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 633.

В новой исторической обстановке, в какой протекает теперь военная агрессия японского империализма, происходит таким образом процесс созревания тех объективных и субъективных исторических факторов, сочетание которых должно привести к созданию той «революционной ситуации», которой, как указал XII пленум ИККИ, в «непосредственном» виде «в важнейших и решающих капиталистических странах» мы еще не имеем, но в которую перерастает нынешний период «конца относительной стабилизации капитализма». Если о царской России 90-х гг. можно было с оговоркой — ибо там речь шла о структурных изменениях, происходящих в системе капитализма, — сказать, что она была беременна империализмом, о нынешней исторической обстановке, характеризующейся накоплением неразрешимых в рамках капитализма противоречий, можно безоговорочно утверждать, что она чревата элементами пролетарских революций, призванных завершить всю эволюцию буржуазного общества.

Выступление японского империализма, являющееся симптомом переживаемого капитализмом кризиса, — одна из попыток капиталистического мира найти выход из этого кризиса. От силы и энергии международного пролетариата, идущего под руководством своих компартий, от его уменья использовать существующую обстановку будут зависеть сроки освобождения капитализма от этих бесплодных исканий — через освобождение мира от капитализма.

А. Попов.

Журнал Особого совещания 8 мая (26 апреля 1888 г. [1]).

Вследствие признанной как министерством иностранных дел, так и приамурским генерал-губернатором необходимости выяснить взгляд правительства на политическое положение наше на Крайнем востоке с тем, чтобы объединить образ действий как местной русской власти, так и представителей наших в соседних с нашими владениями азиатских странах ввиду возможных в этой части Азии событий, означенные вопросы были подвергнуты 26 апреля 1888 года совместному обсуждению генерал-адъютанта барона Корфа [2]) и начальника азиатского департамента тайного советника Зиновьева.

Как доказал опыт последних лет, политические интересы наши в этих краях группируются преимущественно около Кореи, ввиду занимаемого ею географического положения, почему выяснение нашего образа действий в вопросах, относящихся до этой страны, должно преимущественно способствовать рациональному направлению нашей политики.

---

[1]) Архив революции и внешней политики. Публикуемые тексты подготовили к печати А. Л. Попов и С. Р. Димант.

[2]) Приамурский ген.-губернатор.

По мнению как генерал-адъютанта барона Корфа, так и тайного советника Зиновьева, основанием наших отношений к Корее должны служить нижеследующие соображения.

I. Желательно ли приобретение Россией Кореи и каких можно ожидать от этого последствий?

Приобретение Кореи не только не обещало бы нам никаких выгод, но и не преминуло бы повлечь за собой весьма неблагоприятные последствия.

Будучи страной весьма бедной, Корея не может служить для нас выгодным торговым рынком, в особенности ввиду отсутствия промышленности в наших собственных владениях на Тихом океане. Существует предположение, что Корея обладает значительными минеральными богатствами, но если бы предположение это и оправдалось, то эксплоатация означенных богатств потребовала бы значительных пожертвований, которые, во всяком случае, не скоро окупились бы.

Находясь на фланге Манчжурии, Корея, при известных условиях, могла бы быть обращена нами в важную стратегическую позицию, но выгоды этой позиции теряют свое значение ввиду неудобств и затруднений, с коими была бы сопряжена ее оборона. Корея слишком удалена от центров, где мы располагаем достаточными боевыми силами, а, при ограниченности средств в Приамурском военном округе, всякое расширение нашей территории было бы для нас обременительным, в особенности, если бы на нас выпала обязанность оборонять обширную береговую линию Кореи, которая с трех сторон окружена морем.

Наконец, завладение Кореей нарушило бы наши отношения не только к Китаю, но и к Англии, которая также имеет виды на означенную страну. Наше положение ввиду китайско-японской коалиции сделалось бы во всех отношениях крайне затруднительным.

II. Может ли грозить нам опасность со стороны Кореи?

Будучи сама по себе ничтожна, Корея, благодаря своей слабости, могла бы обратиться в орудие враждебных нам целей, если бы она подпала владычеству одного из своих соседей.

Как Китай, так и Япония простирают на Корею виды, основанием коим служат их исторические отношения к этой стране.

Что касается Японии, то энергетическое противодействие, которое честолюбивые замыслы ее встречают со стороны Китая со времени

смут, происшедших в Сеуле в 1884 г. [1]), заставило уже ее изменить свой взгляд на Корею. Недоразумения, возникшие, было, между Китаем и Японией по поводу означенного столкновения, были устранены состоявшимся в том же году в Тянь-цзине соглашением, в силу коего обе стороны обещались вывести свои отряды из Кореи и не вводить вновь в оную без взаимного предупреждения. С тех пор правительство микадо, не считая благоразумным подвергать себя опасности столкновения с Китаем, не только отказалось от всяких личных замыслов на Корею, но одно время показывало даже полное равнодушие к будущей судьбе страны этой и только недавно стало вновь обнаруживать заботливость о средствах обеспечить означенную страну от захвата китайцами. Такое направление японской политики совершенно согласно с нашими взглядами, и нам следует стараться поддерживать токийский кабинет в этом направлении.

Более сильное влияние на судьбу Кореи может иметь Китай, связи коего с страной этой освящены веками. Обаяние, которым Китай, благодаря своей сравнительно высокой цивилизации и своему могуществу, пользуется в глазах своих слабых соседей-вассалов, всесильно и в Корее, население коей тем искреннее благоговеет перед империей богдыханов, что оно никогда не испытывало на себе его гнета и что неоднократно китайцы спасали Корею от внешних покушений со стороны Японии. Правда, корейский король и его приближенные не разделяют этих взглядов; дабы избавиться от сделавшейся в последнее время слишком назойливой опеки пекинского правительства, они желали бы добиться обеспечения за их страной полной независимости, но стремления короля не находят поддержки в народе, а материальные силы, коими он может располагать, слишком ничтожны для осуществления такого предприятия, в особенности ввиду равнодушия, с коим большинство великих держав относится к судьбе Кореи.

Если бы опека Китая над Кореей ограничивалась заботами об охранении существующих между обеими странами традиционных связей, то мы не только не имели бы поводов восставать против этого порядка вещей, но могли бы, напротив того, ему сочувствовать, так как означенные связи представляются до известной степени задатком неприкосновенности Кореи, опасение войти в столкновение с Китаем будет всегда удерживать державы от посягательств на его бессильного соседа-вассала. К сожалению, китайское правительство не доволь-

[1]) В 1884 г. в Сеуле произошло восстание, организованное сторонниками японской ориентации. Втечении 7 дней город был в руках восставших. Присланные для восстановления порядка японские войска оставались в Корее втечении года (до 1885 г.), в связи с чем возникли «недоразумения» между Японией и Китаем.

ствуется охранением еще недавно существовавших отношений, но, под влиянием как внушаемых ему нашими мнимыми помыслами опасений, так и пробудившегося в нем в последние годы самомнения, видимо, стремится подчинить своему контролю даже внутреннюю политику Кореи с тем, конечно, чтобы со временем обратить страну эту в китайскую область. Если только замысел этот когда-либо осуществится, то положение наше в Южно-уссурийском крае сделается крайне опасным, так как вместо слабого и безобидного соседа на фланге нашем очутится Китай, располагающий разнообразными и значительными материальными средствами, на развитие коих уже обращено серьезное внимание в Пекине, и владеющий, между прочим, по близости окраины нашей прекрасными портами. Притом, вследствие благополучного для него исхода столкновения с Францией, Китай проникся сознанием своей собственной неуязвимости и убеждением, что пример Франции побудит другие державы с крайней осмотрительностью относиться к вопросам, в коих замешаны китайские интересы. Все эти симптомы заслуживают тем более серьезного с нашей стороны внимания, что большинство держав, разочаровавшись в своих расчетах на выгоды, которые могли бы быть извлечены из торговли с Кореей, относится совершенно безучастно к опасности, грозящей ее независимости со стороны Китая, и более всего дорожит поддержанием дружественных отношений с пекинским правительством. С другой стороны, Англия, которая смотрит на империю богдыхана, как на своего естественного и надежного союзника в случае столкновения с Россией, видимо, поощряет самомнение и честолюбивые замыслы китайских сановников, будучи притом убеждена, что Китай не в состоянии будет извлечь из обладания Кореей тех выгод, кои извлекла бы из нее Россия, если бы ей удалось стать твердой ногой на полуострове. Выражением такого направления политики Англии служит между прочим англо-китайская периодическая пресса, упорно поддерживающая в китайцах опасения относительно замыслов России.

III. В чем должны заключаться меры, которые нам предстоит принимать в видах противодействия замыслам китайцев против Кореи?

Хотя и трудно сомневаться в существовании в Пекине замысла современем обратить Корею в китайскую провинцию, тем не менее нельзя также упускать из виду, что случаи резкого вмешательства Китая во внутренние дела означенной страны являлись, по большей части, последствием обстоятельств, которые, если принять в соображение отличающую китайцев крайнюю недоверчивость и систематические подстрекательства извне, действительно, могли подать повод к по-

дозрению, что между нами и корейским королем существуют тайные сношения. Так случилось, когда король передавал представителю нашему в Сеуле письмо, заключавшее его ходатайство о принятии его под покровительство России. При всем самомнении, к которому склонны правящие сферы в Пекине, опасение возможности войти в открытое столкновение с Россией продолжает удерживать китайцев от мер, непосредственно направленных к порабощению Кореи, как доказал это, между прочим, в 1886 г. образ действий чжилийского наместника Ли хун-чжана. Понимая трудности предложенной ему задачи, последний не решился приступить к выполнению предписанных, было, ему из Пекина крутых мер и предпочел объясниться с нашим поверенным в делах в Пекине с целью выяснения будущих отношений России и Китая к Корее. Следствием объяснений этих и было состоявшееся в октябре 1886 г. в Тянь-цзине соглашение, на основании коего как Россия, так и Китай должны были принять на себя обязательство воздерживаться от посягательств на неприкосновенность Кореи. Хотя обязательство это и не было облечено в окончательную, письменную форму ввиду заявленного из Пекина домогательства о включении в оное пояснений, гарантирующих вассальные отношения Кореи к Китаю, тем не менее с тех пор мы не имели повода обвинить китайцев в явном нарушении означенного соглашения.

В июне прошлого года посланник наш в Пекине, на основании доверительно переданных ему германским посланником сведений, сообщил, что правительство богдыхана сознает затруднения и опасности, к коим может повести попытка обратить королевство в провинцию, не думает пока о приведении в исполнение этого плана и не желает возбуждать смут в Корее.

Такое отношение пекинского правительства к Корее не исключает однако с его стороны других мер, направленных к упрочению китайского влияния в стране этой. Меры эти выражаются во вмешательстве представителя Ли хун-чжана в Сеуле Юаня в дела внутренние, в стремлении привязать к Китаю высшие классы населения, в частных захватах корейской территории в верховьях Тумынь-Цзяна и, наконец, в стремлении Китая путем соглашения с Кореей проложить себе чрез ее территорию путь к бухте Гошкевича с тем, чтобы связать Манчжурию с Японским морем.

Прямое вмешательство наше во все эти частные вопросы вовлекло бы нас в бесконечные пререкания с китайским правительством и в то же время едва ли остановило бы попытки последнего к упрочению своего влияния в Корее мирными средствами, почему нам предстоит ограничиваться недопущением посягательств на территориальную неприкосновенность Кореи в смысле Тяньцзинского соглашения 1886 г.

Но, так как при всем этом открытая борьба с Китаем представляется случайностью, в высшей степени нежелательной, которая потребовала бы от нас громадных жертв и притом подвергла бы опасности нашу собственную территорию, то средства к побуждению китайцев к соблюдению означенного соглашения должны заключаться преимущественно в устранении с нашей стороны, — с сохранением, конечно, нашего достоинства, — каких бы то ни было вызывающих действий и в нравственном воздействии наших представителей в Пекине и Сеуле на правительства, при коих они аккредитованы.

Мы должны стараться поколебать в китайцах поддерживаемое в них нашими недоброжелателями подозрение, что мы сами имеем виды на Корею, и вселить в них убеждение, что точное соблюдение Тяньцзинского соглашения вполне нас удовлетворяет.

Имея ввиду, что в самоуверенности заключается средство внушить к себе уважение в азиатцах, мы не должны подавать китайцам повода думать, что мы опасаемся их замыслов; ввиду этого нам следует относиться с возможно меньшей придирчивостью к отношению Китая в Корее, поскольку отношениями этими не нарушается означенное соглашение.

Хотя вопрос о вассальных отношениях Кореи к Китаю, о существовании каковых отношений сам корейский король заявил нам по подписании Сеульского договора 25 июня 1884 г., и остается невыясненным, тем не менее ни под каким видом не следует возбуждать его, дабы не подать китайскому правительству повода заявить чрезмерные притязания, которые не преминули бы повлечь за собой бесплодные пререкания. Даже в том случае, если бы сами китайцы обратились к нам в видах выяснения означенных отношений, казалось бы нужным уклониться, по возможности, от объяснений по этому щекотливому вопросу и отвечать китайским сановникам, что мы не отвергаем традиционных связей, существующих между Кореей и Китаем, но, под условием сохранения в целости преимуществ, обеспеченных за Кореей ее договорами с европейскими державами и Северо-Американскими Штатами, первые из каковых договоров заключены были при содействии китайского правительства.

Хотя в настоящее время и нет основания опасаться в ближайшем будущем явного нарушения со стороны Китая Тяньцзинского соглашения, тем не менее, при переговорах, предшествовавших этому соглашению, Ли хун-чжан высказал, между прочим, что пекинское правительство может быть вынуждено временно отправить войска свои в Корею для прекращения внутренних смут, подавить каковые корейское правительство было бы не в силах за неимением в своем распоряжении достаточных военных сил. Состоявшиеся в 1884 г. в Тяньцзине между ки-

тайскими и японскими уполномоченными условия, равным образом, допускают, при известных обстоятельствах, временную посылку китайских отрядов. Необходимо всячески отклонить китайское правительство от принятия такой меры, но, если бы представления наши не возымели желаемого успеха, следует, основываясь на обеспеченном за нами Тяньцзинским соглашением праве, потребовать от означенного правительства объяснений относительно цели его вмешательства и дать понять ему, что мы рассчитываем на немедленное очищение Кореи его войсками, по выполнении ими возложенной на них задачи.

Если бы, за всем этим, обнаружилось, что временное вмешательство есть не более как предлог, за которым скрывается намерение китайского правительства оставить войска свои в Корее и прочно утвердиться в крае этом, то, в таком случае, предстоять будет прибегнуть к мерам давления на Китай. Средства к такому давлению, если бы таковое соответствовало нашему общему политическому положению, могут легко быть приисканы на нашей обширной границе с Китаем, в особенности на западной ее части, где китайское владычество еще шатко. Но так как война с Китаем из-за Кореи представляется во всех отношениях случайностью нежелательной, то крайней мерой с нашей стороны может быть или морская демонстрация в китайских водах или же занятие нами на корейском побережье какого-либо пункта, по возможности близкого к границе нашей, причем нам предстоять будет заявить китайскому правительству, что занятую местность мы очистим, как только и оно, с своей стороны, выведет войска свои из Кореи.

Одновременно представителю нашему в Сеуле надлежит в сношениях своих с корейским правительством руководствоваться следующими соображениями.

Помня то, что Корея сама по себе совершенно бессильна, необходимо удерживать корейское правительство от предприятий, направленных к изменению его отношений к Китаю, и советовать ему тщательно избегать всего того, что может послужить поводом к вмешательству Китая.

Так как принятие корейских интересов под нашу исключительную защиту, не обещая нам никаких выгод, может вовлечь нас в затруднения, то корейскому правительству, в случае встреченной им потребности во внешней поддержке, надлежит советовать прибегать к содействию всех вообще иностранных представителей в Сеуле.

Вмешательство наше во внутренние дела Кореи должно быть крайне осторожно и строго ограничено лишь теми случаями, когда оно может помешать внутренним осложнениям и смутам.

Наиболее надежное средство к обеспечению международного по-

ложения Кореи заключается в ее жизненном развитии, и на этот предмет следует преимущественно обращать внимание ее правительства.

Из всех иностранных держав только Северо-Американские Штаты обнаруживали до сих пор нежелание поощрять честолюбивые замыслы Китая на Корею, почему мы не имеем основания считать американское влияние враждебным нашему. При корейском короле состоит в качестве советника по внешним сношениям американец Денни, который с замечательными добросовестностью и настойчивостью защищал интересы Кореи пред китайскими сановниками, но, ввиду затруднительного своего положения, он намерен покинуть свой пост, и, как явствует из донесений нашего поверенного в делах в Сеуле, есть основание предполагать, что его заменит нынешний американский резидент в Сеуле г. Динсмор. С другой стороны, корейское правительство вступило в сношения с правительством Соединенных Штатов по предмету высылки американских инструкторов для организации корейского войска. Мы не имеем повода противиться этим мерам, но в то же время не должны и слишком явно поощрять их, дабы опять таки не возбудить подозрений в китайском правительстве. Сдержанность в этом случае обязательна для нас уже потому, что нам неизвестно, в какой степени правительство Соединенных Штатов расположено будет оказать Корее свое содействие, если бы она очутилась в затруднительном положении.

Ко всему этому следует присовокупить, что было бы несогласно с нашими интересами поощрять корейское правительство к развитию его военных сил в размерах, превышающих потребность поддержания порядка внутри страны. Армия, превышающая эти размеры, не будет служить залогом безопасности Кореи от внешних покушений, а между тем, при бедности страны этой, она может легко оказаться для нее бременем и, в таком случае, перейти на иждивение Китая и образовать авангард китайской армии.

Существующий в Токио взгляд на положение Кореи, как сказано выше, вполне отвечает нашим интересам, почему нам следует стараться окончательно убедить правительство микадо в бескорыстном отношении нашем к этому вопросу с тем, чтобы, в случае затруднений, воспользоваться его содействием.

Одно из наиболее существенных условий успешного выполнения вышеизложенных соображений заключается, между прочим, в постоянных сношениях представителей наших в Пекине, Токио и Сеуле как между собой, так и с приамурским генерал-губернатором.

Генерал-адъютант барон К о р ф.
Тайный советник З и н о в ь е в.

Всеподд. записка министра ин. дел (27) 15 августа 1894 г.

Беру смелость повергнуть при сем на всемилостивейшее воззрение вашего императорского величества журнал Особого совещания, состоявшегося вследствие высочайшего повеления 9 сего августа для обсуждения образа действий, коего нам следовало бы держаться в виду возникшей между Японией и Китаем войны [1]).

Гирс.

Журнал Особого совещания (21) 9 августа 1894 г. [2])

В совещании принимали участие: министр иностранных дел, военный министр, управляющий морским министерством, министр финансов, товарищ министра иностранных дел и директор азиатского департамента [3]).

Министр иностранных дел заявил, что, по высочайшему государя императора повелению, совещанию предстоит обсудить вопрос, какого образа действий нам следует ныне держаться ввиду возникшей между Японией и Китаем войны и какое решение нам следовало бы принять в том случае, если бы одна из воюющих держав, оставшись победительницей, вознамерилась нарушить территориальную неприкосновенность Кореи.

Статс-секретарь Гирс объяснил, что недоразумения между Японией и Китаем из-за Кореи возникли вследствие происшедших в стране этой внутренних волнений [4]), побудивших обе державы послать туда свои отряды, и что когда недоразумения эти приняли серьезный оборот, то чжилийский генерал-губернатор Ли хун-чжан, имеющий от своего правительства самые широкие полномочия на ведение корейских дел, обратился к нам с просьбою о посредничестве, дав заверение, что, если мы настоим пред японским правительством на отозвании из Кореи

---

[1]) Формально объявление войны Японией Китаю относится к 1 августа (20 июля) 1894 г., но военные действия против Китая начались несколько ранее, и уже в телеграмме от 26/14 июля Кассини (посланник в Китае) сообщал Гирсу о нападении японцев на китайские суда в Ассане.

[2]) Печатается по копии.

[3]) Мин. ин. дел — Гирс, военный министр — Ванновский, упр. морским мин-вом — Чихачев, мин. финансов — Витте, тов. министра ин. дел — Шишкин, директор азиатского департамента — Капнист.

[4]) «Конфликт между Китаем и Японией составляет естественный результат уже давно начавшейся дипломатической борьбы этих государств из-за политического и экономического влияния в Корее... Япония в 1876 году заключила трактат с Кореей, решительно указав Китаю, что не признает его сюзеренитета над ней (Кореей)... Со времени заключения трактата Японией с Кореей в 1876 г. китайское правительство стало зорко следить за поведением японцев в Корее.

японских войск, то правительство богдыхана одновременно отзовет оттуда свои войска.

Ввиду такого ходатайства, мы не преминули поручить посланнику в Токио употребить усилия склонить правительство Японии к соглашению с китайским правительством об одновременном отозвании войск.

Токийский кабинет заявил гофмейстеру Хитрово [1]) письменно, что японское правительство не имеет никаких агрессивных целей в Корее, что он надеется, что императорское правительство отнесется с доверием к искренности этого заявления, но что при всем том он не признает возможным вывести из Кореи японский отряд до тех пор, пока не убедится, что спокойствие в стране восстановлено и нет более опасности возникновения новых беспорядков.

Вместе с тем Ли хун-чжан сделал нам предложение принять участие в решении вопроса о внутреннем устройстве Кореи совместно с Китаем и Японией.

Так как за этим предложением, повидимому, скрывалось желание китайского правительства втянуть нас в корейские замешательства и заручиться нашим содействием, то мы сочли неудобным принять на себя непосредственное вмешательство в корейские реформы и отклонили означенное предложение Ли хун-чжана, заявив однако, что приложим все зависящие от нас усилия, дабы устранить возможность войны между Китаем и Японией.

В то же время, видя безуспешность наших стараний склонить токийский кабинет вывести японские войска из Кореи, мы вошли в сношения сначала с лондонским кабинетом, как наиболее заинтересованным в делах Дальнего Востока, а затем с кабинетами парижским, вашингтонским, берлинским и римским, с целью обменяться с ними взглядами на китайско-японскую распрю и выяснить, какого образа действий они намерены держаться по отношению к враждующим сто-

---

Усиление японского влияния... вызвало со стороны китайцев слишком привязчивый и подозрительный надзор за действиями корейцев и способствовало усилению в Корее национальной партии Тон-хак. Японцы старались содействовать усилению партии Тон-хак... В 1893 г. произошли восстания... Весной настоящего года вспыхнуло новое восстание, более грозное, чем в прошлом году. Королевское войско оказалось бессильным..., король... обратился за помощью к китайцам, и те, зная, что восстание руководится дружественной Японии партией, послали войска. Воспользовавшись посылкой китайских войск в Корею, японское правительство отправило туда и свой отряд, гораздо больший китайского, который, вместо усмирения бунтовщиков, прямо занял Сеул и укрепился в нем. Одновременно японцы предъявили китайцам ультиматум признать Корею независимой и ввести в ней сообща японские реформы». (Из записки мин-ва ин. дел: «Война между Китаем и Японией, ее причины и возможные последствия»).

[1]) Российский посланник в Японии.

ронам. Из сношений этих выяснилось, что взгляды упомянутых кабинетов на корейский вопрос тождественны с нашими.

Лорд Кимберлей [1]) сообщил, что, ввиду отказа Японии очистить Корею, великобританское правительство признавало бы полезным преподать Китаю и Японии совет прийти, по крайней мере, к соглашению относительно такой совместной оккупации, при которой устранялась бы возможность столкновений, и что, по его мнению, в этих видах следовало бы посоветовать, чтобы японцы, очистив Сеул и Чемульпо, перевели свой отряд на юг, китайцы же отодвинули свои войска на север. При этом лорд Кимберлей просил поручить нашим представителям в Пекине и Токио условиться с их британскими коллегами для преподания китайскому и японскому правительствам совета в вышеизложенном смысле.

Кабинеты парижский, берлинский и римский выразили полную готовность действовать в корейском вопросе совместно с нами и Англиею; вашингтонский же кабинет, хотя и разделил наш взгляд на японско-корейскую распрю, тем не менее предпочел держаться в корейском вопросе отдельно от европейских держав, дав в Пекине и Токио советы умеренности, по просьбе самой Кореи.

Между тем вскоре после того, как посланникам нашим в Токио и Пекине было поручено преподать совет японскому и китайскому правительствам в смысле предложения Англии, последовало формальное объявление войны между Японией и Китаем, и открылись военные действия.

По мнению министра иностранных дел, нам не следовало бы вмешиваться в возгоревшуюся войну или каким-либо способом оказывать предпочтение той или другой из воюющих держав, но надлежало бы употреблять усилия, совместно с великобританским и другими заинтересованными правительствами, к тому, чтобы склонить противников прекратить военные действия и прийти дипломатическим путем к скорейшему мирному соглашению по корейскому вопросу, положив в основание соглашения сохранение status quo в Корее. Корея, будучи сама по себе ничтожна, могла бы, благодаря своей слабости, обратиться в орудие враждебных для нас целей, если бы она подпала под владычество одной из воюющих держав. Помимо этого, если бы Япония завладела южною частью Корейского полуострова, то пролив Броутон, отделяющий ныне японскую территорию от корейской и служащий почти единственным выходом из наших восточно-сибирских портов в открытый океан, оказался бы в руках Японии, что нам, в видах сохранения свободы плавания по Японскому морю, трудно было бы допу-

[1]) Статс-секретарь по иностранным делам Великобритании.

стить. Сохранение status quo в Корее представляется тем более осуществимым, что ни Япония, ни Китай, по заверению их правительств, не желают нарушать территориальную неприкосновенность Кореи.

Статс-секретарь Гирс присовокупил, что действия министерства иностранных дел в этом вопросе сообразовались с указаниями государя императора.

Министр финансов заявил, что он также полагает, что нам следует пока оставаться безучастными к японско-китайской распре. Но нельзя упускать из виду, что по окончании этой распри, когда одна из сторон окажется победительницею и пожелает воспользоваться плодами своих побед, в дело может вмешаться Великобритания, никогда не упускающая случаев воспользоваться обстоятельствами, чтобы усилить свое положение на Дальнем Востоке. Вмешательство это не должно бы быть допущено, а потому нам следовало бы приготовиться дать отпор Англии в случае проявления ее честолюбивых замыслов.

Управляющий морским министерством высказал, что в случае вмешательства Англии для нас не представилось бы затруднительным занять лежащий у Корейского материка и принадлежащий Корее остров Гончарова, обладающий прекрасною якорною стоянкою к чему однако, по мнению ген.-адъютанта Чихачева, без особых побудительных причин приступать не следовало бы, так как всякое расширение наших владений на счет корейской территории едва ли принесло бы нам большую пользу, между тем потребовало бы значительных денежных жертв на укрепление занятых позиций.

Военный министр признает, что сохранение status quo в Корее должно служить главною задачею нашей настоящей политики на Дальнем Востоке. Для нас особенно невыгодно было бы завоевание Кореи японцами. Япония, обладающая армиею, обученною по-европейски, и значительным военным флотом, сделалась бы тогда опасным для нас соседом, в особенности в союзе с какою-либо европейскою державою. Между тем, повидимому, японцы в нынешней борьбе с китайцами одерживают верх, каковое обстоятельство может заставить Китай, в конце концов, искать союза с Англиею. Ввиду возможности этой случайности генерал-адъютант Ванновский полагал бы принять заблаговременно для ограждения наших интересов некоторые военные предосторожности, усилив, между прочим, войска на нашей южно-уссурийской границе в смысле подготовки войск Южно-уссурийского края к быстрому сосредоточению и активным действиям. Эта мера казалась бы тем более необходимою, что всякие военные приготовления на нашей тихоокеанской окраине потребуют значительного времени.

Министр иностранных дел, с своей стороны, высказал, что если бы Англия действительно вознамерилась оказать поддержку одной из

воюющих держав, то мы, конечно, не могли бы тогда остаться равнодушными зрителями. Впрочем, пока нет оснований предполагать, чтобы великобританское правительство изменило свой образ действий в корейском вопросе, так как оно, несомненно, желает лишь скорейшего заключения мира между воюющими и сохранения существующего порядка вещей на берегах Тихого океана. Не менее расположено прийти как можно скорее к заключению мира и правительство богдыхана, предложившее в последнее время составить для выработки требуемых Японией реформ в управлении Кореею особую международную комиссию из представителей Китая, Японии, России, Англии, Франции, Германии и Италии. На образование такой комиссии, быть может, удастся склонить и японское правительство.

Управляющий морским министерством полагает, что, в случае каких-либо осложнений в будущем, не представится препятствий к усилению нашего флота в Тихом океане, для чего могут быть туда направлены суда нашей эскадры Средиземного моря.

Министр финансов, не усматривая в усилении войск на корейской границе особенной необходимости в настоящее время, полагал бы, что нам лучше было бы иметь оное лишь в виду, не прибегая к этой мере преждевременно, в видах избежания непроизводительных расходов. К этому однако тайный советник Витте присовокупил, что, в случае действительной надобности, он не встретит препятствий к открытию потребного кредита на материальное приготовление войск Уссурийского края к действию.

После обмена мыслей по этому предмету совещание пришло к следующим заключениям:

1) Признавая активное вмешательство России в китайско-японскую войну не отвечающим нашим интересам, совещание полагает, что нам следует продолжать держаться в корейском вопросе образа действий, совместного с другими заинтересованными державами, и употреблять усилия к тому, чтобы склонить воюющие стороны к скорейшему прекращению военных действий и к разрешению корейского вопроса дипломатическим путем.

2) Особого заявления о нейтралитете не делать. Продолжать внушать японскому и китайскому правительствам уважение к нашим интересам и в особенности обращать их внимание на необходимость избегать всего, что могло бы подать повод к недоразумениям на нашей границе с Кореею.

3) Иметь в виду, как желательный исход китайско-японской войны, сохранение status quo в Корее.

4) По возбужденному военным министром вопросу об усилении, на случай непредвиденных обстоятельств, войск в местностях, приле-

гающих к корейской границе, предоставить генерал-адъютанту Ванновскому войти в соглашение с министром финансов на предмет открытия потребного на то кредита, когда сие окажется необходимым.

и 5) заключения эти повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора [1]).

Журнал Особого совещания (1 февраля) 20 января 1895 г. [2]).

Председательствовал великий князь Алексей Александрович.

Принимали участие: военный министр, управляющий морским министерством, министр финансов, временно управляющий министерством иностранных дел, начальник главного штаба, начальник главного морского штаба и директор азиатского департамента [3]).

По открытии совещания великий князь генерал-адмирал заявил, что, согласно высочайшему повелению, совещанию предстоит обсудить те меры, которые нам следовало бы принять для ограждения наших интересов на Крайнем Востоке, как ввиду настоящего хода китайско-японской войны, так и ввиду предстоящих переговоров Китая с Японией о заключении мира. После особого совещания 9 августа минувшего года, на коем был выработан наш образ действий в корейском вопросе, обстоятельства значительно изменились, и постоянные военные успехи Японии заставляют ныне опасаться таких последствий китайско-японского столкновения, коих никак не могло предвидеть предшествующее совещание. По мнению августейшего председателя, в связи с вышеупомянутыми мерами рассмотрению совещания должен был бы подлежать и вопрос о том, следует ли нам и в настоящее время продолжать держаться в корейском деле образа действий, совместного с другими державами, как то было постановлено высочайше одобренным журналом означенного совещания, или нам следует теперь перейти к самостоятельному образу действий.

Военный министр высказал, что ему была сообщена министерством иностранных дел, для сведения, записка, в которой проводится мысль, что в случае, если бы основания мирных переговоров между Китаем и Японией нарушили явным образом наши интересы на Крайнем Востоке, то нам следовало бы для ограждения этих интересов и для приобретения гарантии свободного плавания по проливу Броутон занять

---

[1]) На подл. помета Александра III: «Одобряю заключение совещания. А».

[2]) На подлиннике пометы — Николая II: «Читал», — другим почерком: «В С.-Петербурге. 31 января 1895».

[3]) Военный мин. — Ванновский, упр. морским мин-вом — Чихачев, мин. фин. — Витте, вр. упр. мин-вом ин. дел — Шишкин, нач. гл. штаба — Обручев, нач. гл. морск. штаба — Кремер, директор азиатского деп— Капнист.

один из островов, расположенных на южной оконечности Корейского полуострова у самого входа в упомянутый пролив, примерно остров Каргодо (Ко-ие-до), и устроить там русский «settlement» наподобие английской военной станции Гон-Конг. Ген.-ад. Ванновский признает, с своей стороны, меру эту целесообразной, но полагает, что она могла бы быть приведена в исполнение лишь в крайности, которой, впрочем, он пока не усматривает, так как, согласно полученным им из министерства иностранных дел сведениям, до сих пор и японское правительство относится, повидимому, с полным уважением к нашим интересам, и Англия держится в корейском вопросе корректно. При всем том нельзя упускать из виду, что японцы, одержав ряд побед над китайцами, едва ли будут умеренны в своих требованиях к последним, а потому предположение о занятии о. Каргодо заслуживало бы серьезного внимания.

На предложенный великим князем генерал-адмиралом временно управляющему министерством иностранных дел вопрос о том, какого взгляда держатся в настоящее время на китайско-японское столкновение Англия, Франция, Германия и другие державы, а также о том, следует ли нам занимать о. Каргодо в том случае, если Япония, при заключении с Китаем мира, примет во внимание наши интересы, тайный советник Шишкин объяснил, что, сколько министерству иностранных дел известно, все европейские державы, имеющие интересы на Дальнем Востоке, а также и Северо-Американские Соединенные Штаты желают скорейшего окончания китайско-японской войны. Весьма возможно однако, что при заключении между Китаем и Японией мира некоторые из них предъявят воюющим свои требования, характер коих пока трудно предугадать, тем более, что мы еще не знаем точно мирных условий японского правительства, которое их упорно скрывает.

По мнению временно управляющего министерством иностранных дел, если Япония и наиболее заинтересованная в делах Крайнего Востока Великобритания будут действовать и впоследствии так же корректно, как теперь, то нам не следовало бы занимать ни острова Каргодо, ни других каких-либо территорий, дабы тем показать, что мы не преследуем на тихоокеанском побережье никаких агрессивных целей и чрез то сохранить прежние дружественные отношения как с Японией, так и с другими заинтересованными державами.

Управляющий морским министерством выразил желание узнать, будут ли наши интересы затронуты, если такие порты, как Артур и Вей-хай-вей, оказались бы в руках японцев, и чем вообще, по мнению министерства иностранных дел, могли бы быть нарушены интересы России на Крайнем Востоке.

Тайный советник Шишкин высказал, что, так как Печелинский

залив входит более или менее в сферу влияния России, то, само собой разумеется, утверждение японцев на берегах этого залива, в портах Артур и Вей-хай-вей, должно до известной степени затрагивать наши интересы. Но более всего наши интересы были бы задеты, если бы Япония завладела Кореею, чего, впрочем, опасаться пока преждевременно ввиду данных нам японским правительством заверений, что оно не намерено посягать на независимость Кореи.

Августейший председатель признал полезным выяснить, что было бы выгоднее для нас, в случае крайности, занять остров Каргодо или какую-либо другую часть корейской территории. Его императорское высочество полагает, что, заняв о. Каргодо, мы должны были бы для удержания его иметь значительные военные и морские силы.

Управляющий морским министерством находит, что занятие о. Каргодо представляло бы уже то важное преимущество, что оно, по всей вероятности, не повлекло бы за собой никаких пререканий с Японией, тогда как занятие такого пункта корейской территории, как напр., порта Лазарева, вызвало бы, наверное, протесты со стороны Японии ввиду стратегической важности этого пункта. Лучше всего, конечно, было бы занять часть Манчжурии, тогда взятие японцами портов Артура и Вей-хай-вея не представляло бы для России значения.

По мнению военного министра, занятие части Манчжурии представляет до проведения Сибирской железной дороги некоторые затруднения, с которыми нужно будет считаться. Во всяком случае, вопрос этот еще впереди и в настоящее время не возбуждается.

Начальник главного штаба признает, что делать какие-либо захваты пока не следовало бы, чтобы не дать повода Англии к еще большим захватам, но необходимо употребить усилия к сохранению независимости Кореи.

Министр финансов полагает, что в настоящее время трудно иметь суждение о мерах, кои нам предстоять будет принять для ограждения наших интересов на тихоокеанском побережье, потому что, судя по бумагам, доставленным министерством иностранных дел по случаю настоящего совещания, мы не только не знаем, какие требования предъявит Япония Китаю при переговорах о мире, но даже не имеем точных сведений о военных успехах Японии. Равным образом, нам неизвестны намерения европейских держав. Ввиду всего этого, нам следует пока попрежнему держаться в китайско-японской борьбе политики невмешательства, хотя в то же время мы должны быть готовыми встретить всякие случайности, для чего желательно еще увеличить наши морские силы в Тихом океане. Нельзя также упускать из виду, что Англия имеет громадные торговые интересы на Дальнем Востоке, что торговля вообще нелегко переносит военные замешательства и риски, а потому

усиление нашей эскадры на Востоке, ввиду возможных компликаций, без сомнения, будет еще в большей степени побуждать великобританское правительство действовать в духе скорейшего прекращения войны. Активное вмешательство наше могло бы иметь место разве только в особой крайности, которая еще не наступила и которую покуда нет оснований ожидать.

Директор азиатского департамента сообщил совещанию, что так как высочайше одобренным журналом Особого совещания 9 августа минувшего года было постановлено не вмешиваться в китайско-японское столкновение и иметь ввиду, как желательный исход этого столкновения, сохранение status quo в Корее, то министерство иностранных дел сообразовало свой образ действий в корейском вопросе с постановлениями названного совещания. Ввиду сего мы старались склонить воюющих к миру и выяснить условия, на коих они согласны были бы прекратить военные действия. Нам не удалось однако до сих пор узнать требований Японии. В настоящее время мы сделали новую к тому попытку при содействии Англии и Франции. Казалось бы, если требования Японии будут умеренны, то нам следует продолжать держаться прежней политики невмешательства; если же требованиями ее будут затронуты наши существенные интересы, то нам трудно будет остаться равнодушными, а придется действовать сообразно с обстоятельствами. Но, принимая в соображение, что едва ли мы располагаем в настоящее время достаточными средствами для авторитетного воздействия на Японию, являлось бы осторожнее войти в соглашение с другими державами, в особенности с Англией, как наиболее заинтересованной вместе с нами на Дальнем Востоке. Для Великобритании, как справедливо заметил министр финансов, не менее желательно, чем нам, восстановление мира между Китаем и Японией, вследствие чего совместный образ действий с этой державой казался бы возможным, хотя ее интересы и наши на Тихом океане не одинаковы. Япония ныне уже напрягла все свои военные силы, а потому едва ли решится упорствовать в принятии советов умеренности, если таковые будут преподаны ей двумя державами, обладающими наиболее значительными эскадрами в китайских водах. Надлежало бы воспользоваться настоящим моментом, чтобы теперь же попытаться войти в соглашение с лондонским кабинетом. Само собой разумеется, что в таком случае нам пришлось бы дать заверение, что мы не имеем намерения делать каких-либо захватов и стремимся только к сохранению, по возможности, существующего равновесия на Дальнем Востоке. Тождественное заверение не делать никаких захватов должно быть дано и нам со стороны Англии. Быть может даже, что для достижения полного соглашения относительно общего действия придется допустить гарантию относительно независи-

мости Кореи всеми державами, кои будут солидарны с нами и Англией в корейском вопросе. Только действуя в вышеозначенном направлении, представляется, по мнению графа Капниста, некоторая возможность предупредить пагубные последствия китайско-японского столкновения и выиграть время, необходимое для окончания Сибирской железной дороги, когда мы будем в состоянии выступить, наконец, во всеоружии наших материальных средств и занять соответствующее положение в делах Тихого океана.

На сделанное великим князем генерал-адмиралом замечание, что для великобританского правительства занятие Кореи японцами не имеет существенного значения, тайный советник граф Капнист отвечал, что лишение Японией Кореи самостоятельности представляется, как уже заявил о том временно управляющий министерством иностранных дел, маловероятным ввиду данного нам японским правительством обещания не нарушать независимости Кореи. Что же касается временного занятия японцами страны этой, то, в случае совместного действия с другими державами, мы, быть может, могли бы добиться назначения известного предельного срока японской оккупации. Как бы то ни было, настоящие обстоятельства таковы, что необходимо теперь же выяснить: можем ли мы вести самостоятельную политику в корейском вопросе и захватить в крайности некоторые пункты на корейской территории или же нам следует пока действовать сообща с Европой, на что министерство иностранных дел должно иметь определенное полномочие, если на него будет возложена ответственность.

По мнению военного министра, для России было бы полезно войти в соглашение с Англией по корейскому вопросу, если только это можно сделать, не отступая от наших требований, а главное, если можно надеяться, что это не отзовется неблагоприятно на наших будущих отношениях к Японии.

Начальник главного штаба полагает, что нам не следует итти в корейском вопросе сообща с одной только Англией, но надо склонить к тому же Францию, а будет можно, и другие державы. Генерал-адъютант Обручев высказывается в особенности против всякого совместного с Англией действия, которое имело бы целью остановить успехи японцев, так как, по его мнению, чем больше ослаблен будет Китай, тем для России будет выгоднее; в скорейшем же восстановлении торговли нуждается более Англия, чем Россия. Затем, если бы Япония захотела оставить за собой некоторые китайские порты, с их территорией, то, по мнению генерал-адъютанта Обручева, нам пришлось бы или совместно с другими державами воспротивиться сему занятию или искать для себя самостоятельных территориальных гарантий. При этом генерал-адъютант Обручев счел долгом высказать, что заня-

тие каких-либо корейских островов, отрезанных и удаленных от континентальных русских владений, а следовательно, и крайне затруднительных для упорной защиты в случае войны, не даст надежного обеспечения нашим интересам. Последние требовали бы существенного изменения всей нашей приамурской территории, но очевидно, это вопрос, о котором в данную минуту суждения были бы еще преждевременны.

Тайный советник граф Капнист заявил, что добиться содействия всех европейских держав было бы весьма трудно и что подобная попытка могла бы, по его мнению, увенчаться успехом только, если бы удалось предварительно заручиться положительным обещанием Англии, как наиболее сильной морской державы.

Министр финансов, с своей стороны, присоединился к мнению директора азиатского департамента, что при настоящих обстоятельствах нам ничего пока не остается, как действовать сообща с Англией.

Управляющий морским министерством находит, что все державы, а в том числе и Англия, будут довольны, если Япония захватит Корею и разовьет ее, так как это было бы выгодно для их коммерческих интересов. Установить общий протекторат европейских держав над Кореей представлялось бы тем неудобным, что, быть может, корейские порты понадобятся для стоянки наших военных судов, которые, согласно недавно изданным японским правительством новым правилам, могут стоять в Нагасаки в числе не более двух одновременно. Не следует упускать из виду, что Англия с нами не откровенна, чему доказательством отчасти служит то, что, оставив остров Гамильтон, она, по неизвестной для нас причине, не убрала весь телеграфный кабель, соединявший этот остров с материком, и части этого кабеля были указаны корейскими рыбаками одному из наших военных судов. Англия охотно согласится защищать интересы Китая, но никак не независимость Кореи, в каковой независимости она прямо не заинтересована.

Директор азиатского департамента возразил, что пока нет достаточных причин заподозрить Англию в неискренности. Англия могла бы, например, по конвенции ее с Китаем 1846 года, занять, при нынешних обстоятельствах, острова Чусан, при всем том она этого не делает до сих пор, хотя интересы ее на реке Ян-цы-киане, у устья которой лежат названные острова, весьма обширны.

По мнению августейшего председателя, если министерство иностранных дел находит достижение соглашения с Англией в корейском вопросе возможным, то следовало бы поручить министерству попытаться достигнуть этого соглашения. В случае же, если попытка

соглашения с Англией окажется бесплодной, дальнейший образ действий наш в корейском вопросе может быть рассмотрен в новом совещании. При этом однако надлежит иметь в виду, что, если бы даже нам и удалось добиться совместных с Англией действий в корейском вопросе, все таки нельзя рассчитывать наверное, что Япония согласится принять русско-английские советы. В предвидении подобной случайности, не следует ли нам теперь же приступить к дальнейшему усилению нашей тихоокеанской эскадры? Усиление это было бы полезно в интересах мира и заставило бы Японию с бóльшим вниманием относиться к заявлениям России.

Генерал-адъютант Чихачев полагает, что нам необходимо довести свои морские силы в Тихом океане до таких размеров, чтобы быть сильнее Японии.

Министр финансов, признавая усиление нашей эскадры на Крайнем Востоке необходимым для поддержания влияния и чести России, не встречает с своей стороны препятствий к ассигнованию на означенный предмет особого кредита, размер коего может быть определен по соглашению морского министерства с министерством финансов. Что же касается общего увеличения состава нашего флота, то это может быть предметом обсуждения при определении нормального бюджета по морскому министерству в нынешнем году на следующее пятилетие.

Остальные члены совещания вполне присоединились к мнению августейшего председателя о необходимости увеличения наших морских сил в Тихом океане, но генерал-адъютант Обручев высказал, что едва ли было бы удобно брать для того суда из Балтийского моря.

После обмена мыслей совещание пришло к следующим заключениям: 1) увеличить нашу эскадру в водах Тихого океана до таких размеров, чтобы наши морские силы в тех водах были по возможности значительнее японских. Предоставить управляющему морским министерством войти в соглашение с министром финансов по предмету открытия потребного на то кредита. 2) Поручить министерству иностранных дел попытаться войти с Англией и другими европейскими державами, преимущественно же с Францией, в соглашение относительно коллективного воздействия на Японию в том случае, если бы японское правительство при заключении мира с Китаем предъявило требования, нарушающие наши существенные интересы. При этом министерство иностранных дел должно иметь ввиду, что главная цель, которую мы должны преследовать, — это сохранение независимости Кореи. 3) Если бы попытка соглашения с Англией и другими державами на вышеизложенных основаниях не увенчалась успехом и потребовалось бы допустить, примерно, совместную гарантию корей-

ской независимости иностранными державами, то подвергнуть вопрос о нашем дальнейшем образе действий, ввиду происходящих на Крайнем Востоке событий, обсуждению в новом совещании, и 4) заключения эти повергнуть на всемилостивейшее воззрение государя императора.

Алексей, Петр Ванновский, Н. Чихачев,
С. Витте, Н. Шишкин, Обручев, Кремер,
Граф Дмитрий Каппист.

Всеподд. записка министра ин. дел (6 апреля) 25 марта 1895 г.

Представляя на воззрение вашего императорского величества полученные из Лондона и Парижа телеграммы, осмеливаюсь приложить краткую записку об отношениях наших к Японии и Китаю.

Не подлежит сомнению, что из предложенных японцами условий мира окончательное занятие ими полуострова, на котором находится Порт-Артур, вызывает наиболее замечаний; оно было бы постоянною угрозою против Пекина и даже против Кореи, коей независимость предполагается провозгласить; в то же время, с точки зрения *наших* интересов, оно было бы фактом крайне нежелательным. Но если мы решимся требовать от японцев, чтобы они отказались от этого условия, то возникнет вопрос: а если они отвергнут наше требование, должны ли мы прибегнуть к принудительным мерам и можем ли мы в таком случае рассчитывать на содействие других держав?

В разговоре с английским послом я поставил ему этот вопрос. Он чистосердечно ответил, что, хотя английское правительство и разделяет наш взгляд на занятие Порт-Артура, тем не менее оно, *по всей вероятности*, не решится на какие-либо принудительные меры или враждебные Японии демонстрации, потому что в последнее время общественное мнение в Англии все более и более склоняется на сторону японцев.

Французское правительство было бы противно уступке Пескадорских островов Японии, но неизвестно, в какой мере оно было бы готово поддержать как свои, так и наши требования.

Положение, которое Германия намерена принять в этом вопросе, также не выяснено.

При таких обстоятельствах казалось бы, что в настоящую минуту ничего другого не остается, как указать японскому правительству в самых дружелюбных выражениях на то, что завладение Порт-Артуром было бы вечным препятствием к восстановлению добрых его отношений к Китаю и поводом к нарушению мира на Востоке. Но, предварительно подобного сообщения японскому правительству, над-

лежало бы удостовериться в том, что другие державы выразят ему те же опасения.

На приведение этого предположения в исполнение всеподданнейшим долгом считаю спросить разрешение вашего императорского величества.

Статс-секретарь Лобанов.

25 марта 1895 г.

Всеподд. записка министра ин. дел (6 апреля) 25 марта 1895 г.

Выбор между Китаем и Японией, как союзниц России в будущем, совершенно зависит от того, какой политики мы предполагаем держаться по окончании китайско-японской войны: пассивной или более или менее наступательной.

Если настоящее положение наше на Дальнем Востоке нас удовлетворяет и мы стремимся лишь к тому, чтобы закрепить оное за собою, то, конечно, мы не найдем лучшего союзника, чем Китай, с которым у нас никогда не было вооруженных столкновений, не взирая на совершенно открытую сибирскую границу нашу и часто возникавшие недоразумения. Китайская империя едва ли так скоро оправится от настоящего разгрома и сделается опасной для нас, даже если пекинское правительство приступит к необходимым внутренним реформам. Более удобного соседа с нашей стороны нельзя желать.

Но, в случае, если бы мы были вынуждены искать удовлетворения наших насущных потребностей на Крайнем Востоке посредством наступательных действий, то постановка дела совершенно изменится. Цель наша может быть двоякая: [1]) приобретение нами незамерзающего порта на Тихом океане и присоединение к нам некоторой части Манчжурии, необходимой для более удобного проведения Сибирской железной дороги. Китай, утратив Корею, не обладает однако никаким портом, который мог бы быть уступлен России, и он, конечно, не откажется добровольно от части манчжурской территории. Вообще едва ли возможно смотреть на него, как на деятельного и полезного союзника в критическую минуту. С другой стороны, Япония, несмотря на быстрое развитие своих сил, будет, по всей вероятности, нуждаться некоторое время в нашей опоре, если не против Китая, то против преобладающего влияния Великобритании на море, и соглашение с возникшею на Востоке великою державою представляется не совершенно невозможным.

---

[1]) На полях против слов: «Цель наша» рукой Николая II написано: «Именно».

Главный и самый опасный противник наш в Азии— бесспорно Англия [1]). Чувства недоброжелательности и зависти, с которыми она смотрит на каждый шаг наш вперед на Дальнем Востоке, не подлежат сомнению. Как скоро возникали какие-либо азиатские затруднения, друзья Англии всегда были нашими врагами, и наоборот. При столкновении с Россиею Великобритания привыкла рассчитывать на посильное воздействие Китая в ее пользу. Япония, напротив того, как преимущественно морская держава, не может не вступить рано или поздно в соперничество с англичанами, по крайней мере, в своих собственных водах.

Отношения наши к Японии являлись жгучей задачей нашей политики каждый раз, как нам угрожал разрыв с Англией. Мы прилагали все наши старания к тому, чтобы Япония, провозглашая свой нейтралитет, не закрывала, по крайней мере, своих портов для воюющих сторон и держала их открытыми для всех. Эти порты, не представляя особенного значения для такой державы, как Англия, обладающей превосходной морской станцией на Тихом океане в Гон-Конге, имеют для наших эскадр первостепенную важность не только в мирное время, но еще более во время войны, так как Владивостокский порт наш покрывается льдом втечении четырех зимних месяцев. Без японских гаваней борьба с Англией едва ли мыслима.

Таким образом, вопрос о большей или меньшей важности для нас Китая или Японии стоит в прямой зависимости от большей или меньшей предприимчивости нашей политики и замешательств, могущих возникнуть на Крайнем Востоке помимо нашей воли.

Как бы то ни было, из вышеизложенного вытекает следующее заключение.

Мы, конечно, можем заботиться вместе с другими державами, и преимущественно с Великобританией, о том, чтобы Япония не усилилась чрезмерно вследствие настоящей войны; но в то же время мы должны тщательно воздерживаться от всякого враждебного Японии воздействия помимо других держав, чтобы не повредить в будущем нашим хорошим отношениям к японскому правительству [2]).

25 марта 1895 г.

---

[1]) На полях против этой фразы помета Николая II: «Конечно».

[2]) На подлиннике помета Николая II: «России безусловно необходим свободный втечении круглого года и открытый порт. Этот порт должен быть на материке (юго-восток Кореи) и обязательно связан с нашими прежними владениями полосой земли. Также сообщить в. к. генерал-адмиралу».

Всеподд. записка министра ин. дел (14) 2 апреля 1895 г. [1]).

Осмеливаюсь довести до сведения вашего императорского величества, что французский посол, вернувшийся сюда из отпуска ранее срока, заявил мне, что его правительство, ввиду весьма близкого истечения перемирия между Китаем и Японией (в будущую субботу, 8(20) апреля), с крайним нетерпением ожидает решения вашего величества по вопросу об окончательном мире между этими двумя государствами, дабы сообразовать свои действия с нашими.

По его мнению, положение сделалось тем более затруднительным, что невозможно предвидеть, как Англия будет дальше поступать после того, что она с нами разошлась во взгляде на условия, предъявленные Японией.

Сущность нашего разговора заключалась в следующем:

1) Так как для России занятие японцами Ляотонгского полуострова (с портом Артур), а для Франции занятие Пескадорских островов представляются весьма нежелательными, то, если бы Япония не согласилась от них добровольно отказаться, можно было бы приступить к принудительным мерам. Но, — заметил гр. Монтебелло, — нельзя при этом упустить из виду, что подобные меры могли бы побудить Англию окончательно перейти на сторону Японии и оказать ей против нас необходимую помощь.

2) Если же оба наши правительства согласятся между собою не противиться исполнению японо-китайского мирного договора, то рождается вопрос: не следует ли нам требовать себе вознаграждения? Гр. Монтебелло указал на китайский островок, лежащий в близости от острова Генан (Hainan) по направлению к с.-з., как на вознаграждение, которым Франция могла бы довольствоваться. Что же касается до нас, то казалось бы, что главным образом от нашего морского ведомства зависело бы определить ту местность, которая была бы нам наиболее подходящею.

Всеподданнейшим долгом считаю присовокупить, что, по сведениям, полученным английским послом, уступка, сделанная Японией относительно Ляотонгского полуострова, весьма незначительна: новая граница, предлагаемая Японией, проходила бы от Анпинга, на р. Ялу, через Фен-чунг, и упиралась бы в Нью-чанге.

Статс-секретарь Лобанов.

---

[1]) На подлиннике помета Николая II: «Согласен со 2-м предположением, т. е. чтобы, по согласии с Францией, не противиться исполнению японо-китайского мирного договора, но во что бы то ни стало получить желаемые нами вознаграждения в виде свободного порта».

Всеподд. записка министра ин. дел (15) 3 апреля 1895 г. [1]).

Всеподданнейшим долгом считаю повергнуть на воззрение вашего императорского величества журнал совещания, бывшего 30 марта по китайско-японским делам.

Перед тем, чтобы произнести окончательное свое решение, не благоугодно ли будет вашему величеству, согласно вами выраженному намерению, выслушать членов, принимавших участие в этом совещании? Обстоятельства в настоящую минуту такого рода, что не терпят долгого отлагательства.

Статс-секретарь Лобанов.

Журнал Особого совещания (11 апреля) 30 марта 1895 г.

Принимали участие: его императорское высочество великий князь Алексей Александрович, министр иностранных дел, военный министр, управляющий морским министерством, министр финансов, товарищ министра иностранных дел и начальник главного штаба.

Министр иностранных дел изложил в коротких словах, на основании полученных за последнее время телеграмм, настоящее положение дела о китайско-японской распре.

На сделанный нами, через представителей наших в Лондоне, Берлине и Париже, запрос о том, какого взгляда держатся Англия, Германия и Франция на происходящие ныне между Китаем и Японией переговоры о мире [2]), великобританское правительство ответило, что оно не видит для себя оснований вмешиваться в эти переговоры; напротив того, Германия, относившаяся до начала переговоров совершенно безучастно к китайско-японской распре, заявила ныне о своей готовности присоединиться ко всякому шагу, который мы сочли бы необходимым сделать в Токио с целью побудить Японию отказаться не только от занятия южной части Манчжурии с Портом Артур, но и от занятия Пескадорских островов. Такую внезапную перемену во взглядах германского правительства наш поверенный в делах в Берлине

---

[1]) На подлиннике публикуемого документа помета Николая II: «Журнал я оставляю у себя».

Журнал Особого совещания 11 апреля (30 марта) был представлен на утверждение Николаю II 15 (3) апреля. Задержка эта объясняется колебаниями Лобанова в вопросе о постановлениях совещания. Предложение Витте об устранении Японии с материка вело, по его мнению, к немедленной войне с ней; хотя он и не верил в возможность друж. отношений с Японией, но не хотел иметь в ее лице враждебную силу. Поэтому журнал был им представлен только после того, как Николаем II была положена резолюция о том, чтобы не противиться исполнению японо-китайского мирного договора.

[2]) Договор о мире был подписан в Симоносеки 17 (5) апреля 1895 г.

объясняет коммерческими интересами Германии на Дальнем Востоке, которые могли бы пострадать от усиления влияния Японии в Китае. Возможно также предположить, что означенная перемена произошла под влиянием недавно приехавшего в Берлин бывшего германского посланника в Пекине г. Брандта, прожившего в Китае около 20 лет и прекрасно знающего положение дел на Дальнем Востоке. По мнению г. Брандта, обладание Пескадорскими островами и Портом Артур создаст Японии преобладающее положение и над Китаем и над интересами европейских держав в Китайской империи.

Что касается Франции, то она изъявила согласие сообразовать свои действия с нашими.

Великий князь генерал-адмирал высказал, что мы должны выйти мирным путем из того затруднительного положения, в которое поставило нас китайско-японское столкновение. По мнению его императорского высочества, нам необходимо сохранить хорошие отношения с Японией, так как она является сильной морской державой и по своему положению в Тихом океане всегда будет естественным врагом нашего врага — Англии. При настоящих условиях для нас было бы наиболее выгодным негласно перейти на сторону Японии и, не мешая ей итти вперед, вступить с ней в соглашение относительно соблюдения наших интересов. Таким путем, ничего не теряя, мы приобретем сильного союзника на случай могущих возникнуть в будущем осложнений с Англией.

Вопрос о приобретении незамерзающего порта чрезвычайно важен. До окончания Сибирской железной дороги занять порт Лазарева и полосу Манчжурии по Амуру, без соглашения с Японией, было бы в высшей степени затруднительно. У нас в Амурском крае всего около 30 тысяч войск, достаточных для отражения нападения, а не для наступательных действий. Притом порт Лазарева невыгоден в том отношении, что представляет огромную оборонительную линию. В более выгодных условиях находится бухта Шестакова.

Военный министр, признавая, что из предложенных Японией Китаю мирных условий наибольшее значение для нас имеют независимость Кореи и занятие японцами южной части Манчжурии, полагает необходимым потребовать от Японии обязательство, что она действительно очистит Корею, так как, пока Сеул и некоторые корейские порта заняты японскими войсками, независимость этой страны будет призрачной.

Занятие же Японией южной части Манчжурии составляет, по мнению генерала-адъютанта Ванновского, прямую угрозу России, ибо местность эта представляет базу для действий Японии против нашего Приамурского края. Заняв ее, японцы приблизятся к нашей границе и создадут нам величайшие затруднения в деле необходимого для на

исправления Амурской границы. Было бы даже выгоднее уступить Японии южную часть Кореи, а самим занять какой-либо порт на корейском побережьи, чем допускать японцев в Манчжурию. Необходимо поэтому попытаться дипломатическим путем убедить японское правительство отказаться от Манчжурии; если же такая попытка окажется безуспешной, то прибегнуть к силе. Настоящее положение японской армии таково, что пока для действий против нее достаточно и 30 тысяч наших войск, а не более чем через шесть месяцев число это может быть доведено до 50 тысяч.

Великий князь генерад-адмирал, заметил, что, действуя против Японии, мы наживем в лице ее вечного и притом сильного врага на Дальнем Востоке и заставим японцев, силой обстоятельств, быть заодно с англичанами.

По мнению министра иностранных дел, на дружбу Японии ни в каком случае рассчитывать нельзя. Предпринятая ею война направлена не столько против Китая, сколько против России, а затем и всей Европы. Заняв южную часть Манчжурии, японцы не остановятся на этом, а несомненно будут развивать свою колонизацию далее, по направлению к северу.

Министр финансов заявил, что вопрос о том или другом образе действий нашем при настоящих обстоятельствах непосредственно и более всего касается финансового ведомства, так как, в случае неудачного решения этого вопроса, мы рискуем потерять все, что с таким трудом было сделано до сего времени для упорядочения наших финансов.

Тайный советник Витте полагает, что предпринятая Японией война является последствием начатой нами постройки Сибирской железной дороги. Все европейские державы, а также и Япония, повидимому, сознают, что в недалеком будущем произойдет раздел Китая, и в Сибирской дороге видят значительное увеличение наших шансов в случае такого раздела. Враждебные действия Японии направлены главным образом против нас. Предполагаемое японцами занятие южной части Манчжурии будет для нас угрозой и, вероятно, повлечет за собой впоследствии присоединение к Японии всей Кореи. Получив с Китая контрибуцию в 600 миллионов рублей, японцы укрепятся в занятых ими местностях, привлекут на свою сторону весьма воинственных монголов и манчжур, а затем начнут новую войну. При таком положении вещей не будет невероятно, что через несколько лет микадо сделается китайским богдыханом. Если мы теперь допустим японцев в Манчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской дороги потребуются сотни тысяч войск и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем к столкновению

с японцами. Отсюда вытекает вопрос: что для нас лучше — примириться с занятием Японией южной части Манчжурии и вознаградить себя за это после окончания Сибирской дороги или теперь же решиться активно воспрепятствовать таковому занятию? По мнению министра финансов, для нас представлялось бы более выгодным перейти к активному образу действий теперь же и, не стремясь пока к исправлению нашей амурской границы и вообще к каким-либо захватам, дабы не иметь против себя одновременно и Китай и Японию и быть корректными по отношению к Европе, заявить решительно, что мы не можем допустить занятия Японией южной Манчжурии и что, в случае неисполнения нашего требования, мы будем вынуждены принять соответствующие меры. Имеется значительная вероятность предполагать, что дело и не дойдет до войны, когда Япония, а равно и европейские державы убедятся, что мы действительно готовы, в случае, если к тому нас вынудят, действовать энергично. Если же, сверх ожидания, Япония не послушает наших дипломатических настояний, то следует предписать нашей эскадре, не занимая никаких пунктов, начать враждебные действия против японского флота и бомбардировать японские порта. Мы приобрели бы при этом роль спасителя Китая, который оценил бы нашу услугу и согласился бы потом на исправление мирным путем нашей границы.

Тайный советник Витте полагает, что победы японцев над китайцами еще не доказывают силы первых. В действительности, насколько известно, действующая японская армия не превышает 70 тысяч человек, причем она разбросана в Корее, в Манчжурии и на юге. Если бы, паче чаяния, дело дошло до войны, то, вероятно, оказалось бы достаточно с нашей стороны и тех сил, которыми мы можем располагать в данную минуту. Притом можно было бы рассчитывать и на некоторое содействие китайцев, а также и корейцев, которые попрежнему относятся враждебно к японцам.

На запрос министра иностранных дел о том, действительно ли мы располагаем достаточными сухопутными и морскими силами для начатия военных действий против Японии, военный министр заявил, что в данную минуту мы можем выдвинуть не более 12 или 15 тысяч человек, но что и японские сухопутные войска для нас в настоящее время безвредны, так как, не имея ни достаточного обоза, ни кавалерии, они не могут сделать ни шага вперед. Во всяком случае, по мнению генерал-адъютанта Ванновского, первые военные действия должны начаться со стороны флота, с тем, чтобы сухопутные войска в это время готовились и собирались.

Управляющий морским министерством выразил мнение, что предложенное великим князем генерал-адмиралом соглашение с Японией

возможно лишь в том случае, если японцы будут искренни. На искренность же и дружбу их, как заметил министр иностранных дел, рассчитывать трудно. Мы могли бы потребовать от Китая, чтобы он не соглашался на предъявленные Японией условия, заявив, что, в противном случае, мы займем северную Манчжурию, но так как Япония, вероятно, не остановится пред этим, то мы должны будем оказать Китаю помощь. Наша тихоокеанская эскадра сильна и имеет нравственное превосходство над японским флотом, тем более, что она еще не тронута. Не рискуя вдаваться в большие морские операции, она может однако ныне же прервать японские сообщения. Генерал-адъютант Чихачев думает, что и при настоящих условиях мы могли бы твердо предъявить наши требования, не делая теперь никаких захватов.

Великий князь генерал-адмирал заявляет, что нам ни в каком случае не следует начинать враждебных действий против Японии. Если мы впутаемся в войну, то на стороне Японии, несомненно, окажется Англия, а быть может, и Германия. Наша эскадра достаточна для японцев, но не для англичан.

По мнению начальника главного штаба, для нас в высшей степени важно ни под каким видом не впутываться в войну. Необходимо иметь ввиду, что нам пришлось бы воевать за десять тысяч верст с культурной страной, имеющей 40 миллионов населения и весьма развитую промышленность. Все предметы военного снаряжения Япония имеет у себя на месте, тогда как нам пришлось бы доставлять издалека каждое ружье, каждый патрон для наших войск, расположенных на огромной некультурной территории с населением не более полутора миллиона. Ближайшие войска могут прибыть к месту военных действий лишь через три месяца, а из Омска и Иркутска только через пять. Генерал-адъютант Обручев высказывает убеждение, что необходимо действовать дипломатическим путем; впутаться же ныне в войну, на которую нас будут, вероятно, наталкивать европейские державы, было бы для нас величайшим бедствием, тем более, что мы не обеспечены ни на западе, ни на Кавказе.

Военный министр возразил на это, что, если даже предположить, что мы неготовы на западе, то мы всетаки не можем отказаться от действий на Дальнем Востоке, хотя у нас там только полтора миллиона жителей. Нельзя вести твердой политики с ручательством, что до войны дело не дойдет.

Генерал-адъютант Обручев заявляет, что мы могли бы достигнуть всего, что нам нужно, в согласии с Японией, а Китай нам не страшен. По соглашению с Японией мы могли бы занять северную Манчжурию.

Министр финансов находит, что, если мы возьмем какую-либо часть Китая, то и другие державы сделают то же самое. Таким образом

начнется дележ Китайской империи, который поведет к новым столкновениям. Война чрезвычайно нежелательна, но если требования Японии будут существенно угрожать нашему спокойствию, нам выгоднее решиться на войну теперь, ибо иначе России придется в будущем нести гораздо бóльшие жертвы. Можно предоставить Японии, как победительнице, взять Формозу, Рыбачьи острова, даже Порт-Артур и, в крайности, южную часть Кореи, но только не Манчжурию. Тайный советник Витте полагает, что Япония согласится добровольно на наши требования, если мы скажем решительное слово, но что, тем не менее, нельзя поручать министерству иностранных дел вести решительные переговоры, не имея ввиду возможности столкновения.

Статс-секретарь князь Лобанов-Ростовский выразил сомнение в успехе мирных переговоров с Японией и в возможности вступить с ней в соглашение относительно Манчжурии.

После окончательного обмена мыслей члены совещания пришли к следующим заключениям:

1. Добиваться сохранения status quo ante bellum на севере Китайской империи и в этих видах посоветовать Японии, сначала дружелюбным образом, отказаться от занятия южной части Манчжурии, так как таковое занятие нарушает наши интересы и будет служить постоянной угрозой спокойствию на Дальнем Востоке; в случае же решительного отказа Японии последовать нашим советам, объявить японскому правительству, что мы оставляем за собой свободу действий и будем поступать сообразно с нашими интересами. 2. Сообщить официально европейским державам, а также и Китаю, что, не стремясь с своей стороны ни к каким захватам, мы считаем необходимым для охраны своих интересов настаивать на отказе Японии от занятия южной части Манчжурии. 3. Повергнуть заключения эти на всемилостивейшее воззрение государя императора.

Алексей, Лобанов, Ванновский, Чихачев, Обручев, Сергей Витте, Шишкин.

Записка приамурского генерал-губернатора Духовского.

С.-Петербург (23) 11 января 1896 г.

Посланный гофмейстеру графу Кассини проект концессии железных дорог по Китаю составлен в общих чертах. Из него не видно: заменяет ли собой Манчжурская линия магистраль Великой Сибирской дороги или Амурская линия останется неизменной; не видно, какие именно ветви имеются ввиду в числе упоминаемых в § 12 проекта; не видно подробностей, гарантирующих наши строительные работы

и впоследствии защиту пути. Первоначальный проект концессии, имеющий целью получить лишь принципиальное согласие Китая, и не мог быть составлен иначе.

Несомненно, по получении согласия китайского правительства на этот проект, или даже и ранее, придется приступить к более обстоятельной разработке условий концессии, с участием представителей от министерств: кроме финансов, еще иностранных дел, военного, путей сообщений, а также от приамурского генерал-губернаторства.

Затем разработка должна пополниться данными, на собрание коих придется посвятить, по меньшей мере, все предстоящее лето, с посылкой на место инженеров, офицеров генерального штаба и других лиц. Только зимой 1896—97 года, вероятно, в Пекине или в одном из пунктов на Дальнем Востоке, придется все собранные материалы согласовать между собой и с данными от китайского правительства, дабы весной или летом 1897 года концессия могла утвердиться.

В то же время придется выяснить постепенность работ, связь их на заграничных линиях с внутренними, способы и средства как для самых работ, так и для охраны дороги, также способы и средства для обеспечения спокойствия и порядка во всем крае, как на первое время, так и для будущего, когда русской силе придется итти далее для выполнения указываемых судьбой исторических задач наших на Дальнем Востоке.

На концессию в таком виде, как она редактирована в проекте, Китай, надо полагать, беспрепятственно согласится. Дело для него слишком выгодное: без всяких затрат облагодетельствуются миллионы китайских подданных, в случае новой опасности от Японии облегчится помощь России, если же поколеблются дружеские отношения России с Китаем, последнему представляется много шансов прервать деятельность железной дороги.

Но едва ли тот же Китай отнесется вполне благосклонно к тому же делу, как только при выполнении концессии проявятся шаги для более существенного водворения в Манчжурии русской силы. И не поспешат ли указать на это Китаю наши тихоокеанские соперники; не вынудят ли даже они его вместе с ними подставить неотъемлемому и естественному ходу событий в будущем — ногу? Как предотвратить такой оборот дел и приготовиться дать достойный отпор, буде понадобится? Это также необходимо сообразить при разработке проекта.

Посланный графу Кассини первоначальный проект редактирован лишь с экономической стороны. Но громадное дело, им начинаемое, есть честь и достоинство России, будущая ее сила и мощь на Дальнем Востоке. Это не концессия для линии внутри государства. Здесь сооб-

ражения политические, военные и административные стоят выше экономических.

На Приамурский округ ляжет в значительной степени содействие этому крупному делу и ответственность за благополучный ход его. Потому да будет мне дозволено заявить просьбу о приступе к совокупному обсуждению, для этого обсуждения потребуется много времени и труда.

В основание обсуждений должны быть положены данные о современном состоянии наших сил и средств в Приамурье и о положении дел вообще на Дальнем Востоке. Это налагает на меня долг выставить их.

Еще не минуло 30 лет со времени открытия Суэзского канала, а тихоокеанские прибрежья уже обратились из неведомых и сказочных стран в животрепещущую международную арену. На глазах живущего еще поколения окрепли и развились: Западная Канада, Калифорния, Япония, колонии французов и других наций, крупные торговые интересы Англии и Германии. Результаты японско-китайской войны и позиции, занятые Россией с постройкой Сибирской железной дороги, усугубляют кипение местной жизни. Успехи науки и техники облегчили и ускорили появление в недавно безжизненных морях и краях главных проводников человеческой деятельности, множества пароходов-гигантов и длинных линий железных дорог. Даже неповоротливый Китай проявляет готовность прорезать свои недра теми же железными путями и приступил к закреплению и развитию своего могущества в соседних с нами провинциях.

События на прежде мало кого интересовавшей половине земного шара идут быстрым и шагами. То, что несколько лет назад не стоило внимания или было немыслимо, становится на первой очереди и неотвратимо.

Давно ли мы принялись за колонизацию русским населением Приамурья, за благоустройство здешних военных сил; давно ли явилась первая мысль о Великой сибирской дороге, мысль, казавшаяся смелой и широкой? Не успела еще дорога осуществиться, как приходится итти далее: заводить речь о дальнейшем развитии военных сил и усилении на нашей окраине русской жизни. Давно ли мы смотрели спокойно на свойства нашей китайской границы, а теперь сильно чувствуем не только невыгоды, но опасность ее и очутились в необходимости серьезнейше отнестись к исправлению, памятуя по историческим примерам, что легко достижимое сегодня через запоздание требует иногда необычайных напряжений, громадных расходов и даже пролития крови, с тяжкой ответственностью предыдущего поколения перед

последующим. И все это весьма естественно, идя в параллель с тем, что совершается вообще на тихоокеанских прибрежьях.

Небольшое внимание к совершающемуся приводит к мысли, что в ближайшие десятилетия мы или дети наши, несомненно, увидят соединение центра Сибири с океанскими побережьями несколькими железными линиями, причем все более обрисовываются направления: а) через Кяхту в недра Китая, б) из Забайкалья чрез Манчжурию к Владивостоку, Посьету и Ню-чуану и в) Амурская линия, третья часть коей (от Владивостока до Хабаровска) вскоре будет уже готова. Относительно границы все более становится очевидной неизбежность выдвинуть ее ближе к пределам застенного Китая.

Необходимость Кяхтинской линии станет очевидной, как только решится вопрос об отдаваемых для постройки германцам дорогах внутри Китая. Манчжурская линия, очевидно, важна по ее короткости и экономическому значению. О значении ветки к Ню-чуану и об Амурской линии скажу несколько ниже.

Необходимость усиления мер по колонизации и благоустройству Приамурского края, также для усиления местных военных сил и снабжений, уже привела нас ко многим важным решениям. К сожалению, эти меры не могут осуществиться столь быстро, как требуют обстоятельства; пришлось рассрочить их на несколько лет.

Невозможность поспевать за совершающимися событиями делает нашу Приамурскую окраину временно очень слабой.

Мобилизация 1895 года дала нам полезный урок. При силах, с коими могла предстать перед нами в ту пору Япония, можно было не беспокоиться за малочисленность войск. Русская доблесть и хорошие качества наших войск давали нам смелость бодро итти вперед, особенно опираясь на сильную морскую эскадру. Но воочию обнаружились серьезные опасения в вопросах снабжений при дальних и бездорожных операционных линиях, при полной отрезанности театра войны от всего мира, при младенческой слабости базы. При мобилизации 1895 года мы не формировали ни парков, на транспортов войска, не трогались с места и спустя 21 день демобилизовались. Тем не менее крошечное неокрепшее население базы сильно пострадало, и я уже испрашивал для прокормления его пособие более чем в полмиллиона рублей. А если дело повернуло бы к настоящей войне, вся наша колонизационная работа рухнула бы, железнодорожные подвозки и работы остановились бы, и для поправки испорченного понадобилось бы долгое время, громадные трудности и расходы.

Освободившаяся от операций в Китае и все усиливающаяся Япония в ближайшие годы может вызвать нас на большие жертвы, и не столько в смысле боевой силы, как в смысле расходов на всякого ро-

да снабжения и на исправление потрясений в быте молодого края и в железнодорожных работах, вследствие чрезмерного напряжения всей полосы нашего океанского побережья. А можно ли ручаться за то, что злящаяся на нас ныне Япония из-за какого-нибудь простого предлога не ринется очертя голову, мня себя всемогущей? Слабость нашего положения отлично известна нашим тихоокеанским соперникам, и они хорошо сознают, что, если они пропустят ближайшие годы, перевес слишком резко пойдет склоняться на нашу сторону. Не касаясь Франции и Германии, можно ли ручаться и за то, что Англия все эти годы будет, как ныне, отвлекаема канадским или иными вопросами? Наконец, можно ли ручаться и за самый Китай с его слабым и вероломным правительством; ведь даже не явное, а глухое, по принуждению Японии с Англией, противодействие наделает нам много хлопот. Благодарность за благодеяние легко может обратиться в ненависть.

Великую услугу оказала бы России дипломатия, тщательно устраняя малейшие поводы к взбаломучению Дальнего Востока в ближайшие к нам 4—6 лет. Упоминаю про этот срок потому, что только в течение оного военные силы наши войдут в новую норму снабжения, подготовятся, а главное железный путь из Сибири пододвинется. По прошествии этого срока мы сможем заговорить уже иным языком [1]).

Таковые условия современного состояния Приамурского края необходимо иметь в виду при дальнейшей разработке концессии.

Какими же способами нам следует обеспечить себя на критические годы от всяких случайностей?

Прежде всего, конечно, иметь наготове: на Тихом океане — грозную эскадру, а в Туркестане самую чувствительную угрозу главному сопернику нашему, Англии, силы и средства для действий на Индию [2]).

Затем — не бросать прежде намеченной русской по Приамурью железной дороги. Если бы вся Манчжурия перешла в нашу власть легко и немедленно, если бы мы смогли, возводя манчжурский железный путь, одновременно крепко-на-крепко охранить его не только военной силой, но и русскими поселениями, с водворением во всем крае русской власти, то и в таком невероятном случае Амурская линия сохранила бы за собой ее великое колонизационное, базоустроительное значение. Крайне тяжелый удар нанесется Приамурью, если блеснувший на него луч света померкнет. Колонизация, золотопромышленность, могучий подъем русской жизни — все повернет назад. Никакие усиления кратколетнего пароходства по Амуру не вознаградят этого поистине несчастья. А так как быстрое обрусение Манчжурии немыслимо, то нашей домашней, чисто-русской Амурской линии на многие

[1]) Против этого абзаца помета Николая II: «Это верно».

[2]) Этот абзац отчеркнут Николаем II.

годы предстоит служить нам и важную военную службу. Недаром же комитет Сибирской железной дороги столь хлопотал и расходовался на водворение вдоль пути к Тихому океану чисто русского населения с православными церквами и школами. Будет ли путь по Манчжурии той гордостью и надежей русского национального знамени, которое поднято великим предприятием императоров Александра III и ныне благополучно царствующего? Не будет ли крупной исторической ошибкой проложение участка Великой сибирской дороги в 2000 верст длиной по району, который долгое время будет для нас чужеземным? [1]). Две тысячи верст равны расстоянию от Петербурга поперек всей Европейской России до Астрахани; это не 250 верст, проходящих по Бухаре. Опыт Уссурийской дороги указывает, сколь трудно прочно обеспечить движение на огромных расстояниях даже в безлюдной местности, где бродят лишь ничтожные шайки хунхузов.

Для верного закрепления чести и достоинства России, будущей ее силы и мощи на Дальнем Востоке весьма рискованно, увлекаясь экономией сегодняшних дней, удовольствоваться одной Манчжурской линией. Амурскую линию можно низвести до возможно дешевой стоимости, без дорогих постоянных мостов чрез Амур, но бросить ее, особенно на ближайшее к нам время опасно.

Но в то же время нельзя упускать из виду важности для нас скорее взять в свои руки ветвь от Владивостокской дороги чрез Гирин и Мукден к пределам застенного Китая с отраслями от нее к портам Посьету и Ню-чуану. Возведение линии Шанхай-гуан — Мукден — Гирин давно решено в принципе китайским правительством, остановилось за неимением денег, и ныне уже являются на нее конкуренты. Сохрани бог, чтобы эта линия не очутилась в руках иностранцев, особенно англичан! Нельзя откладывать включение ее в нашу концессию, и следует настоять, чтобы она вышла от Гирина не прямо к Посьету, как мечтали проектировавшие ее несколько лет назад иностранные инженеры, а непременно на соединение с нашей владивостокской линией, например, чрез Нингуту и Полтавский караул к Никольскому.

С другой стороны, часть Амурской линии между Сретенском и Благовещенском столь трудна в техническом отношении и столь невыгодна по своей выгнутости к северу и бесплодности берегов верховья Амура, что ее, во всяком случае, совершенно необходимо спрямить чрез Даурию. Есть основания полагать, что в техническом отношении для начала Манчжурской дороги выгодно взять направление Сретенск — Мэргень (или около). От Мэргеня (или около), во всяком слу-

---

[1]) Помета Николая II: «Нет».

чае, крайне желательна ветвь к Благовещенску. Таким образом, линия Сретенск — Мэргень войдет в состав и Манчжурской и Амурской линии. Совершенно необходимо возможно прочнее и скорее обеспечить этот участок, приобретя хотя бы дорогой ценой, широкую полосу земли, где можно бы водворить русские поселения. Здесь доселе страна пустынна, китайское правительство этим куском не может особенно дорожить, и не только покупка широкой полосы, но, может быть, даже и полное приобретение всего отрезанного дорогой пространства в изгибе Амура, надо полагать, не возбудит международных осложнений.

Таковая относительная важность разных частей железной дороги, казалось бы, должна быть непременно принята в соображение при дальнейшей разработке концессии.

Этот же взгляд приводит к тому, что начать постройку лучше всего с двух концов, — с линий а) Никольское — Нингуга — Гирин, откуда можно повернуть к Бодунэ, и б) Сретенск — Мэргень с ветвью к Благовещенску. Это же соответствует и удобству в строительном отношении, в смысле подвозок материалов.

Будущее трудно предвидеть. Может случиться, что ко времени окончания двух только что упомянутых участков политические и местные обстоятельства сложатся настолько благоприятно, что мы сможем без всякого риска поспешить замкнутием линии Мэргень — Бодунэ, чем короткий выгоднейший в экономическом отношении путь сам собой достигнется. Но гораздо более вероятия, что придется сначала замкнуть линию по Амуру, имея которую мы уже явимся в состоянии действовать в Манчжурии с полным спокойствием и уверенностью в своей силе.

Затем при разработке концессии следует, по взаимному соглашению ведомств, имеющих участвовать в обсуждениях, включить условия, облегчающие строительные работы, подробности охраны линии и обеспечения спокойствия в крае, с соображением видов на будущее. Но это требует производства сначала основательных технических и других изысканий, до чего можно их лишь наметить.

Выше было сказано, что усиление мер по колонизации и благоустройству Приамурского края, также по усилению местных военных сил и снабжений уже привели нас к многим важным решениям, но, к сожалению, их пришлось рассрочить на несколько лет. Было бы весьма важно на критические 4—6 лет иметь ввиду несколько дополнительных временных мер [1]).

При ежегодной переверке мобилизационных и стратегических соображений Приамурского округа легко могут обнаруживаться нужды,

[1]) Эта фраза отчеркнута Николаем II.

ныне непредвидимые, в смысле дислокации, службы войск передвижений, заготовок и устройства разного рода снабжений, даже состава войск. Нужды эти будут зависеть, главным образом, от того, что будут делать наши соседи. Эти нужды, разумеется, будут удовлетворяться средствами, уже предположенными к ассигнованию. Но если явится неизбежность переступить такие пределы, то да отнесется к ним министерство финансов с участием.

На первом плане в числе подобных мер представляется командирование теперь же из Европейской России, примерно на 4 года, бригады пехоты из восьми батальонов военного состава на Забайкальскую железную дорогу, с тем чтобы эти войска, по возможности без стеснения строевого образования, приняли участие в железнодорожных работах, а лишь только потребуется, могли бы выступить боевой силой.

Еще в 1866 году, в бытность мою начальником штаба 14 пехотной дивизии, я принимал участие в полезных работах этой дивизии на Киево-Балтийской железной дороге и был свидетелем возможности вести это дело без ущерба строевой специальности. При нынешнем коротком сроке службы солдата понятна несочувственная сторона такой меры с точки зрения военных властей, но исключительные условия, казалось бы, должны допустить исключение. Работы на Уссурийской дороге в значительной доле выполнены войсками, что не мешало им совершенствоваться в своем прямом назначении. Между тем, независимо значения, как военная сила, для строителей дороги это было бы чрезвычайно важное русское знамя и регулятор заработных цен среди масс работающих китайцев и других иноземцев. Опыт показывает, что, не имея вперемежку с иноземными рабочими благоустроенной крепкой русской силы, очень трудно справляться и с порядком на работах и с повышением цен. К тому же желательно, чтобы заработок достался и русскому солдату. С другой стороны, работы на Забайкальской дороге лишь начались, для полного же хода их в наступившем году требуется огромная масса рук. Между тем до меня уже доходят жалобы золотопромышленников на ущерб от приманки людей на чугунку. Усиленная потребность в рабочих, если не принять мер, несомненно и много послужит в ущерб всем сторонам быта малолюдного Приамурского края и как раз в ту пору, когда под светом лучшего будущего он стремится к всестороннему развитию.

На Уссурийскую дорогу прибыл 1-й Уссурийский железнодорожный батальон. Не успев еще установиться на эксплоатации, он уже принес пользу постройке: часть его была мной прямо направлена на укладку рельсов, и, если бы не она, едва ли к 1 января сего года рельсы дошли бы до реки Бикина, как это достигнуто. Может быть, признается удобным некоторые из батальонов просимой бригады постепенно пре-

образовывать в железнодорожные? Ведь без новых железнодорожных батальонов не только на Манчжурской, но и на других дорогах Дальнего Востока не обойтись. Ввиду того, что прибытие частей войск из Европейской России требует времени, не признается ли возможным этот последний вопрос выяснить неотлагательно?

Изложенными мерами мы в значительной степени обеспечим себя на критические годы от всякого рода случайностей. Исход будет тот же, намеченный первоначальным проектом, между тем ведение дела получит более осторожную форму.

Приамурский генерал-губернатор
генерал-лейтенант Духовской.

Записка министра финансов Витте.

(12 апреля) 31 марта 1896 г.

По поводу приведенной записки приамурского генерал-губернатора [1]) министр финансов считает необходимым объяснить нижеследующее.

Безусловно признавая и с своей стороны, что железная дорога, проектируемая для соединения Забайкальской области с Владивостоком, имеет не только экономическое, но также политическое и стратегическое значение, и что поэтому направление ее должно быть обсуждаемо не только с экономической, но и с других точек зрения, тайный советник Витте не может согласиться с тем мнением генерал-лейтенанта Духовского, что приложенный к концессии на Манчжурскую железную дорогу меморандум составлен министерством финансов по соображению исключительно с экономической стороной дела. Назначение сего меморандума заключается в выяснении того значения, которое проектированная через Манчжурию железная дорога представит собственно для китайского правительства, причем в нем указаны экономические и стратегические выгоды для Китая означенной дороги; меморандум имел целью облегчить нашей миссии в Китае ведение переговоров с китайским правительством относительно предоставления русской компании концессии на постройку и эксплоатацию названной железнодорожной линии. Ввиду такой цели меморандума, в нем невозможно было затронуть другую сторону дела — то значение, которое данная линия будет иметь для интересов России: экономических, политических и стратегических. Эта же последняя сторона дела, конечно, и послужила ос-

[1]) 1-я часть записки Витте, опущенная здесь, представляет собой краткое изложение публикуемой выше записки приамурского генерал-губернатора Духовского.

нованием к возбуждению вопроса о проведении железной дороги по означенному направлению.

С политической и стратегической сторон дорога эта будет иметь то значение, что она предоставит России возможность передвигать во всякое время по кратчайшему пути свои военные силы к Владивостоку и сосредоточивать их в Манчжурии, на берегах Желтого моря и в близком расстоянии от столицы Китая. Одна возможность появления значительных русских сил в названных пунктах чрезвычайно усилит престиж и влияние России не только в Китае, но и вообще на Дальнем Востоке, и будет способствовать более тесному сближению подвластных Китаю народностей с Россией.

С финансовой точки зрения направление через Манчжурию будет иметь следующие существенные преимущества перед другим, проектированным для той же дороги, направлением вдоль Шилки и Амура.

а) Линия от Сретенска до Хабаровска, проектированная по направлению вдоль Шилки и Амура, представит на большей части своего протяжения огромные технические трудности как по характеру тех долин, где она пройдет, в особенности между Сретенском и Покровской (около 400 верст), так и по суровости климата и полной безлюдности местности на большей части ее протяжения. Направление же от Сретенска через Манчжурию к Владивостоку представляется в техническом отношении более выгодным, а в климатическом отношении гораздо более благоприятным, ибо линия пройдет в более южных широтах; наконец, здесь железная дорога прорежет местность населенную и, следовательно, будет более обеспечена необходимой рабочей силой, нежели в районе вдоль Шилки и Амура. Хотя изыскания для Манчжурской линии еще не окончены, и точная длина ее еще не определилась, но уже по одному взгляду на карту можно сказать, что манчжурское направление, как более прямое, будет значительно короче направления на Покровскую, которое, следуя вдоль по течению Шилки и Амура, делает изгиб к северу. Ввиду приведенных данных, при избрании манчжурского направления стоимость постройки линии значительно сократится по сравнению с направлением линии вдоль течения Шилки и Амура.

б) В эксплоатационном отношении манчжурское направление также представит существенные выгоды для Сибирской дороги, ибо по сему направлению от Читы до Владивостока будет приблизительно 2 100 верст, тогда как по направлению через Покровскую и Хабаровск расстояние между теми же пунктами составит около 3 080 верст, т. е. более на 980 верст. Такое значительное сокращение эксплоатационной длины имеет существенное значение для транзитной линии.

Равным образом, направление через Манчжурию на Владивосток представит выгоды также и по сравнению с другим, рекомендуемым генерал-губернатором, направлением на Мергень и Благовещенск, — это последнее проходит по менее плодородной и в некоторых местах совершенно пустынной местности и, кроме того, потребует устройства двух огромных мостов через Амур: в Благовещенске и Хабаровске, ибо оставлять транзитную линию без мостов в таких условиях, что движение по ней прерывалось бы на продолжительное время весной и осенью, едва ли возможно; с принятием же направления на Владивосток, необходимость в устройстве двух означенных мостов через Амур и связанные с сим весьма значительные расходы отпадают. Кроме того, при избрании направления на Мергень — Благовещенск, общая эксплоатационная длина транзитной линии Чита — Благовещенск — Владивосток (3 000 верст) будет на 900 верст больше, чем по прямому направлению с Читы через Цицикар на Владивосток (2 100 в.).

Возбужденный генерал-губернатором вопрос о приобретении в Манчжурии полосы земли.

Как бы в предвидении всех этих возражений, в записке генерал-губернатора указывается, в виде довода в пользу направления из Забайкалья на Мергень и Благовещенск, то обстоятельство, что в таком случае было бы возможно и необходимо купить, хотя бы дорогой ценой, широкую вдоль линии полосу земли, чтобы на ней водворить русские поселения, или даже приобрести все отрезанное дорогой пространство в изгибе Амура, что, по мнению генерал-лейтенанта Духовского, не возбудит международных осложнений. Вместе с сим генерал-лейтенант Духовской указывает на невыгоды и опасность нашей китайской границы и на необходимость серьзнейше отнестись к исправлению ее.

Отзыв по сему делу гофмейстера графа Кассини.

По поводу означенных мнений генерал-лейтенанта Духовского, сообщенных им также и нашему посланнику в Китае, граф Кассини, в донесении к министру иностранных дел, высказывает то соображение, что при нынешних обстоятельствах всякие попытки к расширению наших владений на счет Китая должны быть избегаемы нами самым тщательным образом, и что нам особенно следует остерегаться возбуждать такие вопросы, в которых мы рискуем наткнуться на почти несомненный отказ, могущий самым неблагоприятным образом отозваться на нашем только что укрепившемся престиже в этой стране. По убеждению графа Кассини, весь наш кредит и все наше влияние мы должны полностью приберечь для достижения одной, главной,

ясно намеченной цели, коей и является проведение нашей железной дороги через всю Манчжурию к Владивостоку. Эта цель настолько существенна и важна для нас, что крайне неблагоразумно было бы компрометировать успех предстоящих нам по этому предмету переговоров одновременным возбуждением других вопросов, конечно, так же серьезных и важных, но таких, которые, в случае благоприятного решения главного вопроса о железной дороге через Манчжурию, в более или менее близком будущем, без всякого сомнения, разрешатся сами собой.

Высочайшая отметка, последовавшая на донесении графа Кассини.

По мнению министра финансов, нельзя не согласиться с таковым мнением графа Кассини. Мнение это удостоилось и высочайшего одобрения. На означенном донесении российского посланника вашему императорскому величеству благоугодно было собственноручно начертать: «Верно».

Если же отпадает главный довод, приводимый генерал-губернатором в пользу направления через Мергень на Благовещенск — возможность приобретения в пользу России полосы земли, прилегающей к означенному направлению, — то засим это направление представит значительно менее выгод, нежели прямое направление через Цицикар на Владивосток.

Экономическое значение проектируемой через Манчжурию линии. Соперничество иностранных держав в Китае. Опасность, угрожающая интересам России в Китае в том случае, если ее экономическая политика в этой стране будет иметь пассивный характер.

С экономической стороны направление через Манчжурию на Владивосток будет иметь следующее значение: с проведением железной дороги по этому направлению, Владивосток сделается главным портом для большей части Манчжурии, за исключением самой южной ее части, непосредственно прилегающей к Желтому морю. Соединение через посредство означенной линии Манчжурии, с одной стороны, с русским портом, а с другой—с Сибирью и Европейской Россией представит условия, чрезвычайно благоприятные для русской торговли, которая засим, с закрытием порто-франко в Уссурийском крае, получит возможность прочно утвердиться в Манчжурии и в прилегающих к ней провинциях Китая. По проведении названной магистрали сама сила вещей заставит в скором времени проводить ветви от сей линии вглубь Китая, что будет способствовать тесному экономическому сближению последнего с Россией. Конечно, таковые боковые ветки сибир-

ской магистрали будут когда-нибудь построены даже и в том случае, если сия последняя пройдет исключительно в пределах России, но можно наверно сказать, что в сем последнем случае осуществление их отдалится на очень продолжительное и притом совершенно неопределенное время. Между тем, при современном положении дел на Дальнем Востоке, между главнейшими европейскими державами, а также и Японией идет напряженное соперничество из-за экономического и политического влияния над странами Востока, и наши соперники (Англия, Франция, Германия и Япония) напрягают все усилия к тому, чтобы прочно утвердить свое влияние в Китае и распространить его на возможно большую часть сей страны.

В этих видах они стремятся к получению от пекинского правительства различных привилегий. Хорошо сознавая, что одним из могущественных средств к обеспечению экономического влияния в Китае служит захват в свои руки сооружения рельсовых путей, европейские державы стараются о получении железнодорожных концессий, а также подрядов на поставку железнодорожных материалов.

Так, Япония еще в период войны проектировала сооружение железной дороги по северному берегу Корейского залива и на полуострове Ляо-дуне. Германия, в лице одного из своих подданных, старшего инженера китайских железных дорог Киндера, является уже теперь распорядительницей постройки Тянь-цзинь — Пекинской линии, причем в ее руки поступают подряды на поставку рельсов, паровозов и вагонов. Франция, по статье V франко-китайской конвенции 8(20) июня 1895 г., получила право постройки железной дороги от аннамской границы внутрь провинции Юнь-нань, а французская компания Five-lille хлопочет уже в Пекине о получении концессии на постройку линии от Лун-чжоу вглубь провинции Гуанг-си. Для Англии, статьей IV последней декларации с Франций, признано со стороны Франции право на те же привилегии, которыми пользуется Франция по отношению к южному Китаю. В силу этого в Лондоне уже деятельно обсуждается проект Бирмано-китайской железной дороги по Рангуна через Каренни в Юнь-нань.

Кроме того синдикат гонконгских английских капиталистов стремится обеспечить за собой возможность деятельного участия в постройке Шанхай — Су-чжоуской железной дороги и, вероятно, добьется этого при помощи пользующегося огромным влиянием в Пекине главного инспектора морских китайских таможен сэра Роберта Харта.

При таком положении дела Россия по необходимости должна следовать образу действий своих экономических соперников; в противном случае она рискует, что другие европейские государства приобретут преобладающее экономическое влияние в Китае, и в их руки попа-

дут главнейшие железнодорожные линии северных провинций Китая, не исключая и Манчжурии. Сего последнего Россия, конечно, допустить не может и потому должна всемерно стремиться к переходу в ее руки сети дорог в северном Китае, и прежде всего магистрали, имеющей прорезать Манчжурию по направлению от Забайкалья к Владивостоку.

Из изложенного видно, что, прежде возбуждения вопроса о проведении сибирской магистрали по направлению через Цицикар на Владивосток, министерством финансов вопрос сей был обсужден всесторонне, причем министерство пришло к заключению, что означенное направление наиболее удовлетворяет экономическим, политическим и стратегическим требованиям.

Те опасения, которые высказывает генерал-губернатор относительно направления на Цицикар и Нингуту, должны бы иметь место также и по отношению к рекомендуемому им направлению на Мергень и Благовещенск.

С мнением генерал-губернатора о том, что китайцы всегда будут в состоянии воспрепятствовать правильному движению поездов по Манчжурской дороге, едва ли можно согласиться, ибо от нас будет зависеть принять меры к тому, чтобы этого не случилось и чтобы движение по названной дороге совершалось так же правильно, как на дорогах, проходящих исключительно по русской территории.

Во всяком случае, если бы таковые опасения могли иметь место относительно железной дороги, проектируемой по направлению из Забайкалья через Цицикар на Владивосток, то, казалось бы, они сохраняют свою силу также и относительно линии Сретенск — Мергень — Благовещенск, между тем в записке генерал-губернатор не высказывает опасений относительно возможности перерыва движения на этой последней линии. Ввиду сего представляется непонятным, почему не может быть обеспечена безопасность движения по линии, проектированной по китайской же территории, по направлению к Владивостоку. К тому же эта линия будет вовсе не так длинна, как полагает генерал-губернатор: она составит в пределах Китая не 2000 верст, как указывает генерал-лейтенант Духовской, а 1100—1300 верст (точная цифра определится лишь по окончании производства изысканий).

С проведением Манчжурской линии уже не будет настоятельной надобности в железной дороге вдоль Амура. Естественная база для наших войск на Дальнем Востоке находится не в Амурекой, а в Забайкальской области.

Далее генерал-лейтенант Духовской высказывает мнение о том, что хотя бы вся Манчжурия перешла к нам в руки, все таки не следует бросать намеченной по Приамурью железной дороги, как имеющей колонизационное, базоустроительное значение. «Крайне тяжелый удар нанесется Приамурью, — говорит генерал-лейтенант Духовской, — если блеснувший на него луч света померкнет. Колонизация, золотопромышленность, могучий подъем русской жизни, — все повернет назад. Никакие усилия кратколетнего пароходства по Амуру не вознаградят этого поистине несчастия».

Так как Хабаровск будет в непродолжительном времени соединен железной дорогой с Владивостоком, то вышеприведенные слова генерал-губернатора относятся, очевидно, к Благовещенску и его окрестностям, ибо, согласно предлагаемому генерал-лейтенантом Духовским направлению, железная дорога в пределах Амурской области прошла бы только между Благовещенском и Хабаровском, выше же Благовещенска она следовала бы по манчжурской территории. Благовещенск же и прилегающая к нему часть Амурской области расположены по прекрасным водным путям — Амуру и его притокам,из коих некоторые, как, например, Зея и Бурея, представляют собой большие многоводные реки. Период навигации по Амуру составляет от 188 до 210 дней [1]). Для заселения края Амур и его притоки служат отличными путями, столь же удобными, как и железная дорога. Известно, что бассейны многоводных рек Европейской России заселили задолго до проведения сети железных дорог, которые сооружались вовсе не в видах колонизации. Кроме того, дабы железные дороги принесли наибольшую сумму пользы, их обыкновенно проводят не параллельно течению рек, а по возможности перпендикулярно к ним, дабы железная дорога не конкурировала с водным путем, а, напротив, эти два пути взаимно друг друга дополняли бы. С таким именно расчетом были проектированы все многочисленные железнодорожные линии, идущие к Волге. При проведении же железной дороги по Приамурью она, проходя параллельно реке и притом в близком от нее расстоянии, взаимно конкурировала бы с ней; между тем край этот, при современном его экономическом состоянии, дает очень мало грузов реке; поэтому проведение в нем железной дороги оправдывалось бы не местными потребностями, а исключительно потребностями транзитного движения. Но этой цели еще в большей степени удовлетворяет линия железной дороги, направляющаяся из Забайкалья через Манчжурию к Владивостоку, как более короткая по своему протяжению.

[1]) Волга от Рыбинска до Нижнего бывает открыта для судоходства 183—195 дней в году, Волхов — 195, Западная Двина до Витебска — 202—210, Днепр до Смоленска 205—215. [Прим. подлинника].

Таким образом, в отношении колонизации и в отношении подъема русской жизни проведение железной дороги по Амурской области между Благовещенском и Хабаровском не представляется безусловно необходимым. Оно не требуется также пока и для развития в крае золотопромышленности, ибо, во 1-х, такая линия железной дороги вовсе не захватила бы золотопромышленного района, который значительно удален к северу и к северо-востоку, а во 2-х, как показал опыт того же Амурского края, золотопромышленность успешно развивается здесь и без железной дороги, доставляя в последнее время около 425 пудов золота в год.

Наконец, если в настоящее время к числу пунктов нашей базы на Дальнем Востоке и относят Благовещенск с прилегающей к нему местностью, то еще сомнительно, сохранит ли эта база свое значение с проведением железной дороги по направлению из Забайкалья на Владивосток. Напротив, казалось бы, что, в силу изменившихся условий, база тогда передвинется из Амурской области в Забайкальскую, которая гораздо более населена, чем Амурская, и более производительна: она и теперь считается житницей Амурской и Приморской областей. Поэтому содержание войска в ней должно обходиться дешевле, нежели в других областях Приамурского генерал-губернаторства. К тому же она вскоре будет соединена рельсовым путем с Европейской Россией, откуда таким образом будет обеспечена доставка резервных войск. В случае же осуществления железной дороги из Забайкалья через Манчжурию во Владивосток, будет также обеспечена быстрая доставка войск из названной области к берегам Японского и Желтого морей. Таким образом, находясь из всех частей Приамурского генерал-губернаторства в наиболее благоприятных условиях в отношении содержания и снабжения войск, Забайкальская область, с проведением сибирской магистрали по проектированному направлению (Цицикар — Владивосток), будет поставлена в весьма выгодное положение и в отношении сосредоточения наших войск в тех пунктах Дальнего Востока, где того будут требовать наши интересы [1]).

Ввиду приведенных соображений, министр финансов не может согласиться с мнением приамурского генерал-губернатора о том, что интересы государственные требуют соединения Забайкальской железной дороги через Манчжурию с Благовещенском и далее с Хабаровском, и полагает, что в интересах государственных железную дорогу от Забайкалья следует вести через Манчжурию на Цицикар и ст. Ни-

[1]) База, по всей вероятности, передвинется из Амурской области в Забайкалье и в том случае, если бы сибирская магистраль была проведена по предлагаемому генерал-лейтенантом Духовским направлению на Мергень и Благовещенск. [Прим. подлинника].

кольское Уссурийской железной дороги, для кратчайшего соединения с Владивостоком.

Возбуждаемый генерал-губернатором вопрос о постройке самостоятельной ветки от Уссурийской железной дороги в южную Манчжурию к пределам застенного Китая.

В своей записке генерал-лейтенант Духовской указывает на необходимость для нас скорее взять в свои руки ветвь от Уссурийской железной дороги чрез Гиринь и Мукден к пределам застенного Китая, с отраслями от нее к портам Посьет и Ню-чжуань. «Возведение линии Шанхай-гуань — Мукден — Гиринь, говорит — генерал-лейтенант Духовской, — давно решенное в принципе китайским правительством, остановилось за неимением денег, и ныне уже являются на нее разные конкуренты. Сохрани бог, чтобы эта линия не очутилась в руках иностранцев, особенно англичан. Нельзя откладывать включение ее в нашу концессию, и следует настоять, чтобы она вышла от Гирина не прямо к Посьету, как мечтали проектировавшие ее несколько лет назад иностранные инженеры, а непременно на соединение с нашей Уссурийской линией, например, через Нингуту и Полтавский караул к Никольскому». В виду сего генерал-лейтенант Духовской признает необходимым, одновременно с постройкой железной дороги с запада на восток от Сретенска через Мерген ь к Благовещенску, приступить к постройке железной дороги с востока на запад и от ст. Никольского Уссурийской железной дороги через Нингуту и Гиринь на Бодунэ. Затем эту последнюю линию генерал-лейтенант Духовской полагает возможным, если политические и местные обстоятельства сложатся благоприятно, соединить с первой линией, построив участок Мергень — Бодунэ, если же условия не будут благоприятны, то сначала замкнуть линию по Амуру.

Из изложенного видно, что генерал-лейтенант Духовской полагает необходимым ветвь Никольское — Нингута — Гиринь — Бодунэ включить в концессию и строить во всяком случае, из опасения, чтобы постройка и эксплоатация этой ветви не была передана Китаем в руки наших соперников; затем, если условия сложатся благоприятно, то, по мнению генерал-лейтенанта Духовского, эту ветвь следует соединить с проектируемой им линией из Забайкалья через Мергень в Благовещенск; в противном же случае — оставить ее на некоторое время без прямого соединения с названной линией.

По мнению министра финансов, усилению нашего политического и экономического положения в Манчжурии могут способствовать только линии, которые будут находиться в прямом и непосредственном соединении с нашей естественной базой — Забайкальем, откуда должно

распространяться на Манчжурию наше экономическое и политическое влияние и откуда всего легче могут быть двинуты наши военные силы, если бы в том встретилась надобность. Что же касается линии или ветвей, которые были бы проведены из Приморской области в Манчжурию, но остались бы несоединенными с упомянутой базой, то подобные линии не только не принесут пользы русскому делу в Манчжурии, но могут нанести ему прямой ущерб. Если бы, например, в случае открытия военных действий, неприятель стал угрожать Владивостоку и ст. Никольскому [1]), то вместе с тем опасность стала бы грозить и всей ветви Никольское — Бодунэ. Таким образом эта ветвь, вместо оказания содействия русским войскам в деле обороны Владивостока и Южно-Уссурийского края, могла бы только затруднить их задачу.

Забота генерал-губернатора о том, чтобы, ветви, проектируемые на север от Пекина, не попали в руки наших соперников, имеет чрезвычайно важное значение, но цель эта могла бы быть достигнута усилением русского влияния в Китае, а ничто не в состоянии в большей мере способствовать усилению сего влияния, как сооружение русской линии от Забайкальской железной дороги через Манчжурию к Владивостоку. Раз эта линия будет находиться в русских руках, можно быть уверенным, что засим никакая другая линия или ветвь в северном Китае не будет построена без согласия России. При избрании же направления для сих последних линий или ветвей надо иметь ввиду, что, как это выше объяснено, наша база будет находиться в Забайкалье, поэтому означенные ветви должно примыкать к магистрали таким образом, чтобы расстояние от Забайкалья тех главнейших центров Манчжурии, через которые пройдут ветви, было по возможности кратчайшим. Этому условию не удовлетворяет проектируемая генерал-лейтенантом Духовским ветвь Никольское — Полтавская — Нингута — Бодунэ, ибо, пока Мергень останется несоединенным с Бодунэ, означенная ветвь (Никольское — Бодунэ) будет иметь только очень кружное соединение с Забайкальем — через Хабаровск и Благовещенск; с постройкой же участка Мергень — Бодунэ хотя и образуется транзитный железнодорожный путь Чита — Мергень — Бодунэ — Гирин — Нингута — Никольское, но путь этот соединяет лежащие на нем пункты с Забайкальем не по прямой или слабо изогнутой линии, а по линии ломанной, несколько раз круто меняющей направление, что искусственно отдалит главные центры Манчжурии от нашей естественной базы (Забайкалья).

Независимо от сказанного, при сооружении железной дороги в Манчжурии с точки зрения торговых интересов России необходимо

[1]) Ст. Никольское представляет собой важный военный пункт в Южно-Уссурийском крае. [Прим. подлинника].

иметь ввиду все более и более усиливающееся влияние порта Нючжуань, как ввозного и распределительного пункта иностранных товаров в стране. При проведении проектируемой генерал-лейтенантом Духовским линии от ст. Никольского на Гиринь и Бодунэ, в расчете продолжить ее к застенному Китаю, с ветвью к Ню-чжуаню, открывался бы самый широкий доступ в Манчжурию товарам Западной Европы и Японии. Наступление такового момента Россия должна всеми силами не приближать, а по возможности отдалять, впредь до упрочения в Манчжурии своего экономического влияния. Представляется более вероятным, что линия Никольское — Гиринь, если бы она велась изолированно, как предлагает генерал-лейтенант Духовской, а не магистралью через Манчжурию, замкнулась бы гораздо скорее на юге с Ню-чжуанем, нежели на севере с Мергенем, и в таком случае явилась бы опасность упустить Манчжурию навсегда из-под русского экономического влияния.

Вопрос об условиях, облегчающих строительные работы и обеспечивающих охрану Манчжурской линии во время постройки и эксплоатации, может быть окончательно выяснен лишь по получении подробных результатов изысканий на месте. Применение для сей цели железнодорожных батальонов.

Что касается условий, облегчающих строительные работы и обеспечивающих охрану линии и спокойствие в крае, который она прорежет, то таковые подлежат выработке в связи с данными, добытыми при производстве изысканий. На одно из таких условий обращает внимание и генерал-лейтенант Духовской, высказываясь за необходимость командирования в Забайкалье на работы по сооружению железной дороги пехотных батальонов, которые впоследствии могли бы быть преобразованы в железнодорожные и оставлены на соответственном участке Сибирской дороги при его эксплоатации.

Министр финансов, признавая и с своей стороны, что участие известного количества нижних чинов в работах по сооружению Манчжурской линии могло бы оказать благоприятное влияние на успешный ход работ по постройке, считает однако необходимым оговорить, что дело привлечения нижних чинов к означенным работам представляется обоюдоострым, и что, если только оно будет проведено недостаточно осмотрительно, то оно может внести в названное дело большие осложнения и даже совершенно затормозить проведение русской железнодорожной линии через Манчжурию. Действительно, если один или несколько батальонов были бы двинуты из Забайкалья в Манчжурию для принятия участия в работах по сооружению линии, то, очевидно, этот

факт не может остаться в тайне, а раз он будет оглашен в печати, то можно быть уверенным, что дело проведения нашей линии через Манчжурию значительно усложнится. По мнению министра финансов для того, чтобы возможно менее привлекать внимание иностранных государств и самого Китая к сему делу, следовало бы, раз только правительство остановится на сказанной мере отпустить для сего потребное число нижних чинов из военных округов, удаленных от пределов Манчжурии, — например, из Европейской России, — зачислив сих нижних чинов как бы в запас и составив им особые списки; затем означенные запасные нижние чины, как во время своего переезда к границам Манчжурии, так и при переходе через границу и во время пребывания на работах в Манчжурии, не должны, по наружному виду, ничем отличаться от простых рабочих и могут иметь при себе только такое вооружение, которое не изобличало бы в них солдат, для чего оно должно состоять, главным образом, из ножей или револьверов, принадлежащее же им как нижним чинам той или другой воинской части оружие должно храниться где-либо по близости манчжурской границы в полной тайне, но при таких условиях, чтобы оно могло быть, в случае надобности, без замедления доставлено в места будущего нахождения этих лиц в Манчжурии. Только при принятии такого рода мер, которыми действительно было бы обеспечено сохранение в полной тайне факта присутствия наших нижних чинов на работах по сооружению Манчжурской линии, было бы, по мнению министра финансов, возможно допустить таковое участие их без риска погубить самое дело проведения русской железной дороги по китайской территории.

Министр финансов Сергей Витте.

Записка Николая Романова министру ин. дел.

(23) 11 ноября 1897 г.

Вполне разделяя заключительные мысли этой записки [1]) и находя, что времени терять нельзя, я назначаю совещание на пятницу, 14-го ноября, в 2 часа. Прошу вас уведомить о том и пригласить от моего имени: военного министра, управляющего морским министерством и министра финансов. Разошлите им предварительно копии с этой записки и план местности. Я всегда был того мнения, что будущий наш открытый порт должен находиться или на Ляодунском полуострове или в с.-в. углу Корейского залива.

Николай.

---

[1]) См. ниже.

Всеподд. записка министра ин. дел (23) 11 ноября 1897 г.

Возникшие в 1895 году осложнения на Крайнем Востоке побудили наше морское ведомство озаботиться изысканием в Тихом океане прочной базы для судов нашего военного флота, пользовавшихся до того для зимовок, временных стоянок и иных надобностей исключительно портами Японии.

По мнению командовавшего в то время нашими соединенными эскадрами в Тихом океане вице-адмирала Тыртова 2-го, таковой пригодной во всех отношениях базой представлялась бухта Киао-чао, расположенная на юго-восточном берегу Шандунского полуострова.

Несмотря на то, что Киао-чао, как неоткрытый порт, был недоступен для продолжительных стоянок иностранных флотов, нам удалось, после долгих переговоров, достигнуть намеченной цели: местные власти в Киао-чао получили приказание цзун-ли-ямыня свободно допускать заход и стоянку русской эскадры в названном порте и оказывать командам судов наших всяческое содействие.

Тотчас же поставленный об этом в известность вице-адмирал Тыртов 2-й не воспользовался однако во всей мере этой льготой: в письме своем командующий эскадрами уведомлял нашего посланника в Пекине, что ходатайство его об открытии Киао-чао «было сделано только на случай» и что он ограничится посылкой туда одного лишь судна и притом всего на несколько дней.

Из последующих сообщений нашей миссии в Пекине выяснилось, что к началу 1896 года германское правительство, имея ввиду, с одной стороны, значительно увеличить состав своей тихоокеанской эскадры, а с другой, упрочить положение германской торговли в Поднебесной империи, в свою очередь, озабочено было приисканием для себя у берегов Китая благоустроенного военного и коммерческого порта. Первоначально имелась для этого в виду бухта Киао-чао; однако, как откровенно сознался германский посланник в Пекине, после объяснений его по этому вопросу с графом Кассини, который довольно ясно установил права России на эту бухту, мысль о Киао-чао была окончательно оставлена, и германское правительство, признав более выгодным приобрести порт в одной из южных провинций Китая, обратило свое внимание на островок Ку-эмой, лежащий при входе в Амойскую гавань.

Если вслед затем Германия снова вернулась к первоначальной мысли и столь решительно добилась осуществления ее, то это легко объясняется теми положительными заверениями, которые барон Гейкинг получил от Ли хун-чжана, разъяснившего германскому представителю истинный смысл переговоров, происходивших между гра-

фом Кассини и цзун-ли-ямынем в 1895 г. относительно Киао-чаоской бухты.

Нет сомнения, что на образ действий германского правительства не меньшее влияние имело и то обстоятельство, что мы с 1895 года выказали полное равнодушие по отношению к бухте Киао-чао, ни разу не послав туда своих судов и продолжая попрежнему пользоваться исключительно портами японского побережья.

Как бы то ни было, совершившиеся в Шандуне события не оставляют более никаких сомнений насчет целей, преследуемых Германией на этом побережье, и ввиду сложившихся обстоятельств мы ныне находим неудобным командировать нашу эскадру в Киао-чао. Впрочем, и наше морское ведомство, отстаивавшее с начала недоразумений с Германией права и преимущества наши на Киао-чао, высказалось ныне в отрицательном смысле по этому вопросу, а именно, в недавнем сообщении управляющего морским министерством говорится, что «бухта Киао-чао в мирное время нам не нужна, и, если бы даже была возможность овладеть ею навсегда, то для устройства в ней нашего порта она непригодна, как по отдаленности от Владивостока, так и по совершенной отрезанности от России».

Столь решительное и определенное мнение, высказанное лишь в последнюю минуту вполне компетентным ведомством по вопросу о Киао-чао, указывает, таким образом, на полную бесплодность и бесцельность наших дальнейших притязаний на эту бухту.

Но, если в силу этих соображений, мы отныне можем равнодушно относиться к действиям, предпринимаемым Германией на юго-восточном побережье Шандунского полуострова, то для нас представляется совершенно невозможным примириться с фактом полного отсутствия в Тихом океане вполне удобного и оборудованного порта для надобностей нашей эскадры.

Если тот острый кризис, который в 1895 году побудил вице-адмирала Тыртова 2-го добиваться открытия Киао-чао и миновал, — миновал настолько, что наши суда, как сообщает управляющий морским министерством, могли снова провести зиму 1896—97 гг. в Нагасаки и других портах Японии, то общее положение дел на Крайнем Востоке, созданное последствиями китайско-японского столкновения и нашего вмешательства в пользу Китая, не только не изменилось, но все более и более принимает определенный характер, указывающий на безусловную необходимость для России быть готовой ко всяким неблагоприятным случайностям. Для достижения же этой цели нам необходимо содержать в Тихом океане значительный флот и иметь в своем полном распоряжении удобный для зимних стоянок, вполне оборудованный и обильно снабженный, порт.

Отсюда сам собой возникает вопрос — где искать этот порт, раз на нашем собственном побережье такового не имеется: в Корее ли — и на восточном или западном берегу ее, либо на китайской береговой полосе, и где именно?

На этот настоятельный, существенной важности вопрос пока не имеется вполне определенного ответа со стороны наиболее заинтересованного ведомства.

Правда, в самое последнее время морское ведомство просило заключения министерства иностранных дел касательно предполагаемого им приобретения участка земли с береговой полосой в пределах Фузанского порта с целью устройства на этом участке склада с пристанью для надобностей наших судов.

Нет сомнения, что к скорейшему осуществлению этого предположения морского ведомства не может быть никаких препятствий, но таковое территориальное приобретение не отвечает еще тем насущным потребностям нашего флота, о которых говорилось выше.

Действительно, трудно допустить, чтобы, приобретая участок земли в Фузане, мы могли создать этим надежную опору для нашей эскадры в юго-восточной части Кореи.

При оценке значения Фузана, как операционной базы для нашего флота, нельзя терять из виду следующих соображений.

Порт Фузан, соединенный с Сеулом японской телеграфной линией, охраняемой японскими войсками, давно является предметом затаенных вожделений Японии: заручившись, еще до войны с Китаем, обещанием корейского короля на предоставление постройки железной дороги от Сеула до Фузана японским концессионерам, токийское правительство употребляет ныне все усилия к тому, чтобы достигнуть осуществления этого важного для Японии в стратегическом отношении предприятия. При наличности таковых условий следует опасаться, что, вслед за приобретением земельного участка, всякая дальнейшая попытка наша к более прочному утверждению в Фузане не только будет встречена враждебно Японией, но может легко повести к серьезным столкновениям с ней.

Это обстоятельство, казалось бы, в свою очередь, указывает на то, что порт Фузан, столь близко соприкасающийся с военно-морской сферой влияния Японии и, наоборот, являющийся отрезанным от нашего главного операционного базиса на Крайнем Востоке, каковым должен служить в будущем магистральный Сибирский путь, не может быть твердой опорой для нашей тихоокеанской эскадры.

За неимением другого подходящего порта в Корее, который находился бы к тому же в недалеком расстоянии от нашей операционной базы, казалось бы, нам надлежит обратить внимание исключи-

тельно на китайское побережье и там искать опоры для нашей эскадры.

Действительно, согласно недавно сообщенным нашим консулом в Чифу подробным сведениям, на юго-восточном берегу Ляодунского полуострова, в обширном Таляньваньском заливе имеются четыре отдельных прекрасных бухты: Victoria Bay, Yunk Bay, Hand Bay, Odin Cove. Все четыре названные бухты пригодны для якорной стоянки судов с осадкой в 22 фута, и даже более, причем бухты Yunk Bay, Hand Bay и Odin Cove и особенно удобны в зимнее время, когда в Печелийском заливе господствуют сильные северные ветры, бухта же Victoria Bay представляет надежное место стоянки летом при южных ветрах. По сведениям, собранным на месте нашим консулом, бухты Таляньваня никогда не замерзают. Об означенных удобствах Таляньваня и о преимущественном положении его сравнительно с Портом Артуром, над коим он легко может господствовать, министерству доставлены были сведения и другими, вполне компетентными в этом деле, лицами.

Помимо сего, Таляньвань, бесспорно, имеет за собой и некоторые стратегические преимущества сравнительно со всяким другим портом, расположенным на восточном берегу Кореи.

Действительно, в случае разрыва сношений наших с Японией и весьма естественного немедленного занятия ею порта Фузана и блокирования корейского пролива, суда нашего флота, при обладании единственной опорой на восточном корейском побережье, оказались бы совершенно запертыми в пределах Японского моря и совершенно отрезанными от главной операционной базы.

Тогда как, при тех же враждебных действиях Японии, но при условии владения портом на Ляодунском полуострове, судам нашей эскадры оставался бы совершенно открытым выход чрез Желтое море. В данном случае нельзя не принять во внимание и того обстоятельства, что Таляньвань находится и в менее отдаленном, сравнительно с корейскими портами, расстоянии от нашей Сибирской магистрали, если иметь ввиду, что главную артерию эту предполагается связать особой железнодорожной ветвью с Гирином и Мукденом.

Как бы то ни было, не имея до настоящего времени других более определенных указаний компетентного ведомства по вопросу о приобретении нами надежной опоры в Тихом океане, нам, казалось бы, надлежит, особенно ввиду совершившихся событий в Шандуне, приступить, не теряя времени, к занятию судами нашей эскадры (если таковая ныне представляет из себя внушительную силу, достаточную как для достижения намеченной цели, так и для предотвращения могущих возникнуть осложнений) Таляньваня, т. е. того порта, который

в данную минуту, по имеющимся в м. и. д. данным, представляет несомненные видимые преимущества, или же иного порта, по указанию нашего морского ведомства.

Благоприятно для нас сложившиеся обстоятельства служат до известной степени гарантией успешного исхода этого предприятия.

По телеграфным известиям надв. сов. Павлова, китайское правительство смущено, обеспокоено решительным образом действий Германии в Киао-чао и просит нашей защиты и покровительства. Занятие нами Таляньваня мы поэтому легко могли бы объяснить в Пекине желанием нашим иметь твердую опору для нашей эскадры, на случай возникновения в Тихом океане дальнейших неблагоприятных для Китая событий.

К указанному выше решительному образу действий должны, казалось бы, склонить нас и следующие соображения.

Опыт истории учит нас, что восточные народы более всего уважают силу и могущество; никакие представления и советы, расточаемые пред властителями этих народов, не достигают цели. И поведение китайского правительства за весь последний период времени как нельзя более подтверждает указания истории. Несмотря на неоднократные серьезные представления нашего поверенного в делах в Пекине и самые торжественные обещания и заверения китайских министров, мы до сих пор не достигли благоприятных результатов ни по одному из предъявленных нами требований: 1) вопрос о южном направлении конечной части Сибирской дороги, через Нингуту и Бодунэ, до сего времени остается открытым; 2) по отношению к постройке нами соединительных и др. ветвей на Гиринь и Мукден, китайское правительство проявило уже намерение отступиться от данных нам заверений; 3) выработанные нами правила касательно судоходства по Амуру и Сунгари еще не приняты цзун-ли-ямынем; наконец и 4) вопрос, о предоставлении инструкторского дела на севере Китая исключительно нам, по последним сообщениям надв. сов. Павлова, принимает весьма неблагоприятный для нас оборот.

Все эти обстоятельства, повидимому, ясно указывают, что мы впредь не можем и не должны рассчитывать на дружеские заверения центрального китайского правительства, которое, как свидетельствует последняя телеграмма надв. сов. Павлова, бессильно пред самовластием своих могущественных генерал-губернаторов и начальников провинций. И в то время как мы будем бесполезно и бесцельно тратить время на представления и дружеские увещания в цзун-ли-ямыне, довольствуясь многоречивыми обещаниями китайских министров, все прочие европейские державы будут достигать намеченных целей

тем способом, которым так удачно воспользовалось германское правительство в деле приобретения удобного для своих судов порта на юге Шандуньского полуострова [1]).

Проект договора между Русско-китайским банком и российским и китайским правительствами [2]).

(8 октября) 26 сентября 1901 г.

Между русским министром финансов, с одной стороны, и Русско-китайским банком, с другой стороны, состоялся договор нижеследующего содержания.

Исключительно в силу содействия и покровительства русского правительства Русско-китайский банк заключил ..... октября сего года с китайским правительством соглашение о преимущественном праве банка на получение в Манчжурии промышленных концессий. Ввиду сего Русско-китайский банк берет на себя перед русским правительством следующие обязательства.

1. Русско-китайский банк обязуется о всякой концессии, предложенной ему китайским правительством, немедленно ставить в известность министра финансов.

---

[1]) На подлиннике помета Николая II: «Вполне справедливо». Предложения, изложенные в публикуемой записке, встретили на созванном Николаем II по этому поводу 26 (14) ноября совещании протест со стороны Витте и возражения морского министра, склонившие Николая II к решению не занимать Таляньвань. Тем не менее вопрос о занятии порта на Ляодуне продолжал служить предметом дальнейшего обсуждения. Отмечая преждевременность предпринятого Муравьевым шага, Витте указал на возможность приобретения незамерзающего порта на Тихом океане средствами, доступными ему как министру финансов. В июне 1887 г. Ли хун-чжан обращался к Витте с просьбой о предоставлении Россией гарантий по новому займу, так как подходил срок уплаты японской контрибуции. В то время указанный заем не состоялся. 14 (2) декабря Ли хун-чжан вторично обратился к Витте, и тогда Витте изъявил свое согласие на заем, обставив его условиями, совершенно не соответствующими тому заявлению, которое он сделал на совещании 26 (14) ноября. Он потребовал от китайского правительства «выдачи концессий Обществу Китайской Восточной жел. дороги на железнодорожную ветвь от магистрали до той гавани, которая для сего будет избрана правлением на берегу Желтого моря, к востоку от порта Инцзы, и предоставления России возможности устроить порт в этой гавани с правом входа туда всех судов под русским флагом». (Телеграмма Витте Покотилову 16(4) декабря 1897 г.)

[2]) Договор обсуждался в конце сентября. 6 октября (24 сентября) Ли хун-чжан просил представить ему проект банковского соглашения. Проект встретил решительные возражения со стороны китайцев. Текст договора приводится в книге Б. Романова «Россия в Манчжурии» в примечании к стр. 326.

2. Русско-китайский банк обязуется представлять министру финансов на предварительное одобрение проект всякой концессии, которую он предполагал бы получить с китайского правительства на основании вышеуказанного соглашения с названным правительством. Равным образом, банк будет представлять на предварительное одобрение министра финансов проекты всяких договоров, какие банк имел бы ввиду заключить с китайским правительством по поводу означенного соглашения. Банк будет иметь право получить от китайского правительства только те концессии и заключить с сим правительством только те договоры, относительно коих последует согласие министра финансов.

Примечание. На основании высочайше утвержденного устава, Русско-китайский банк имеет право приобретать в Китае концессии на постройку железных дорог и проведение телеграфных линий. Ввиду этого, буде возникнет вопрос о выдаче Русско-китайскому банку, на основании вышеуказанного соглашения с китайским правительством, какой-либо другой промышленной концессии в Манчжурии, банк предварительно получения такой концессии обязан будет ходатайствовать в установленном порядке перед русским правительством о соответствующем дополнении своего устава.

3. Русско-китайский банк обязуется, если сие не будет сопряжено с расходами для банка, принимать, по требованию министра финансов, всякую предложенную китайским правительством концессию, равно ходатайствовать перед названным правительством о выдаче банку всякой концессии, которую укажет банку министр финансов.

4. Эксплоатацию концессий, полученных Русско-китайским банком на основании вышеуказанного соглашения с китайским правительством, банк обязуется передавать акционерным компаниям, образованным по русским законам, или солидным частным лицам, по усмотрению министра финансов. Устав подобных компаний вырабатывается Русско-китайским банком согласно указаниям министра финансов; при передаче же концессий частным лицам банк должен будет ставить последним такие условия относительно организации предприятия, какие будут указаны министром финансов.

5. Всякая концессия, от которой откажется Русско-китайский банк в силу вышеуказанного соглашения с китайским правительством, может быть передана последним тем лицам и учреждениям, которые при эксплоатации этих концессий будут пользоваться исключительно услугами Русско-китайского банка или банкира.

6. Русско-китайский банк обязуется вообще по всем вопросам, так или иначе связанным с вышеуказанным соглашением между банком и китайским правительством, действовать по указаниям министра финансов.

Журнал Особого совещания (7 февраля) 25 января 1903 г. [1]).

Председательствовал:

Министр иностранных дел, действительный тайный советник статс-секретарь граф Ламздорф.

Участвовали:

Министр финансов, действительный тайный советник, статс-секретарь Витте.

Управляющий морским министерством генерал-адъютант Тыртов.

Товарищ министра иностранных дел, шталмейстер высочайшего двора, князь Оболенский-Нелединский-Мелецкий.

Старший советник министерства иностранных дел, тайный советник Аргиропуло.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Японии, в звании камергера высочайшего двора, действительный статский советник барон Розен.

Чрезвычайный посланник и полномочный министр в Китае, действительный статский советник Лессар и директор первого департамента министерства иностранных дел, в должности гофмейстера высочайшего двора, действительный статский советник Гартвиг.

Для составления журнала совещания были приглашены: вице-директор первого департамента министерства иностранных дел действительный статский советник Сементовский-Курилло.

Делопроизводитель того же департамента статский советник Нератов и первый секретарь канцелярии министерства иностранных дел, в должности церемониймейстера высочайшего двора, надворный советник Савинский.

По открытии заседания министр иностранных дел объяснил, что, ввиду приближающегося, по силе соглашения с Китаем от 26 марта 1902 года, срока эвакуации Мукденской и Гиринской провинций и первостепенной важности решений, которые надлежит принять по этому предмету в связи с общим направлением русской политики на Крайнем Востоке, им испрошено было высочайшее соизволение на образование особого совещания при участии министров финансов и военного и управляющего морским министерством с целью всестороннего обсуждения необходимых мероприятий и с тем, чтобы ре-

[1]) 23 (11) января 1903 г. состоялось созванное по инициативе Витте совещание по тому же вопросу с участием Ламздорфа, Тыртова, Розена, Лессара и Павлова.

зультаты совещания были представлены на всемилостивейшее благовоззрение государя императора.

Вслед затем статс-секретарь граф Ламздорф сообщил, что, по предварительном обмене взглядов относительно стоящего на очереди вопроса, 11 сего января, при участии российских посланников в Токио, Пекине и Сеуле, действительному статскому советнику Лессару было поручено выработать соответственный проект инструкции российскому поверенному в делах в Пекине коллежскому советнику Плансону, каковой проект был препровожден на рассмотрение министров финансов и военного и управляющего морским министерством. В предложенных указаниях коллежскому советнику Плансону проводится та мысль, что для обеспечения государственных интересов России на Дальнем Востоке императорское правительство, предварительно эвакуации Манчжурии, принимает решение потребовать от китайского правительства обязательства по изложенным в изготовленном проекте инструкции пунктам.

По предложению министра иностранных дел, совещание приступило к обсуждению означенного проекта в соображении с общим политическим положением на Крайнем Востоке.

Прежде всего совещание должно было установить тот факт, что по мере развития интересов России и усиления ее могущества на почве дел Дальнего Востока создавались постепенно новые условия в ее отношениях с Японией, как страной, особливо заинтересованной в спокойном течении событий. Прежние, вполне дружественные отношения островной империи к России приняли мало по малу характер недоверчивости, и токийское правительство, заподозревая нас в затаенных агрессивных замыслах, стало прилагать все старания к ограждению своих интересов от неблагоприятного для него влияния русского поступательного движения, обратив преимущественное свое внимание на корейские дела. После заключения соглашений 1896 и 1898 годов, Япония, в упомянутых целях, неоднократно возбуждала вопрос о дополнении и изменении означенных соглашений и особенно настойчиво делала к сему попытки в последние годы, намекая даже на то, что, в случае предоставления ей новых преимуществ в Корее, она была бы готова отказаться от всякого вмешательства в нашу деятельность на Квангуне и в Манчжурии. Предъявленные Японией при этом притязания в отношении корейских дел представлялись однако же столь чрезмерными, что русское правительство не считало возможным согласиться на просимые уступки, ввиду весьма серьезного значения, которое в будущем Корея должна неминуемо иметь для русских государственных интересов. С другой стороны, и положение, занятое Россией на Квантуне и в Манчжурии, получило уже свою само-

стоятельную важность и достаточную определенность, и поэтому дальнейшее упрочение оного едва ли вызывало надобность в каком-либо особом соглашении с Японией по этому предмету. Тем не менее совещание не могло не признать, что существующее взаимное недоверие между обоими государствами не может не отразиться на успешном разрешении различных международных вопросов на Дальнем Востоке, имеющих существенное значение для России, и вследствие сего полагало бы желательным установление с Японией возможно дружественных отношений.

Министр финансов, с своей стороны, отметил, что путем соглашений с названной страной можно было бы установить известный modus vivendi, который облегчил бы достижение общего успокоения, столь важного для русских экономических интересов и способствовал бы сосредоточению наших сил на деле дальнейшего укрепления нашего могущества на Крайнем Востоке. В этом последнем отношении России предстоит еще весьма серьезная работа. Нет сомнения, что приведение Восточной Китайской железной дороги в обеспеченное и безопасное положение должно потребовать еще немало времени, так как только для окончательного сформирования охранной стражи нужно, по крайней мере, полтора года. К сему статс-секретарь Витте добавил, что, если сделанное прошлой осенью через посредство японского посланника в С.-Петербурге предложение заключает в себе чрезмерно притязательные условия, то это обстоятельство не исключает все же возможности притти к соглашению на удобоприемлемых для России основаниях, ибо выступающая с предложением сторона должна, естественно, предвидеть необходимость известных уступок. По мнению министра финансов, одним из желательных для нас условий такового соглашения была бы нейтрализация Корейского пролива.

Военный министр, присоединяясь к изложенному взгляду по существу, высказал в свою очередь, что одна уже возможность ожидать ухудшения отношений с Японией, а тем более столкновения с ней вызывает напряженную деятельность в подготовительных военных мерах и вследствие сего серьезные и нежелательные в настоящее время материальные жертвы со стороны казны. Что же касается вопроса о нейтрализации Корейского пролива, то генерал-адъютант Куропаткин считает таковое условие уже обеспеченным, ввиду выражаемой японцами готовности установить взаимное между Россией и Японией обязательство не пользоваться территорией Кореи для военных или стратегических целей.

С таковыми мнениями согласился вполне и управляющий морским министерством, указавший однако, что для охранения достоинства и

престижа русского флота в водах Дальнего Востока необходимо избегать таких уступок Японии, которые могли бы быть истолкованы в смысле признания Россией за Японией открыто преобладающего положения. Генерал-адъютант Тыртов обратил при этом внимание совещания на постоянно высказываемое японцами не только недоверие, но и враждебное отношение к русским морякам. С особенной силой проявляется таковой вызывающий их образ действий в корейских водах, где они весьма ревниво следят за деятельностью русских, опасаясь преследования нами завоевательных целей на корейском побережье. Между тем открытые для японцев порты на полуострове не могут считаться недоступными для русских судов, и мы не должны быть стеснены в пользовании приобретенными нами правами, как, например, стоянкой в Мозампо, которая имеет большое значение, ввиду некоторых присущих портам Квантунского полуострова недостатков и необходимости в зимнее время производить морские учения в более подходящих климатических условиях. Образ действий японцев должен служить предостережением против слишком значительных уступок с нашей стороны в случае заключения нового соглашения.

Посланник в Токио барон Розен устанавливает, в свою очередь, единогласно признаваемую необходимость для нас избегать, втечении ряда лет, всякого риска вооруженного столкновения с Японией. Оставляя в стороне вопрос о неизбежности такового столкновения в случае, если мы очутимся в вооруженной борьбе с европейской коалицией, в которую входила бы союзница Японии — Англия, оставляя также в стороне вопрос о возможности столкновения с Японией из-за манчжурского вопроса, весьма к тому же невероятного ввиду начатой эвакуации Манчжурии, нельзя однако не признать, что риск вооруженного столкновения с Японией на почве корейского вопроса действительно существует. Такое столкновение могло бы быть вызвано либо попыткой японцев завладеть Кореей или каким бы то ни было пунктом на полуострове, либо такой же попыткой с нашей стороны. Со стороны японцев означенная попытка представляется невероятной, за исключением, конечно, случая, когда мы будем заняты военными действиями в Европе. Но, с другой стороны, можно быть убежденным в неизбежности вооруженного столкновения с Японией в случае серьезной попытки нашей завладеть Кореей или каким-либо пунктом на ее территории, как, например, портом Мозампо, потому что иначе пришлось бы признать громадные вооружения Японии лишенными всякого смысла. В этом отношении от нас будет вполне зависеть избегать этой опасности или же итти на этот риск.

Но помимо этого, очевидно, в высшей степени желательно положить предел периодически повторяющимся обострениям наших отно-

шений с Японией, вызвавших постепенное усиление ее вооружений и, наконец, вступление ее в союз с Англией, как, равно, и тому напряженному у обеих сторон настроению, на почве которого во всякое время может произойти осложнение, грозящее разрывом сношений, по самому пустому даже поводу, как это чуть, было, не случилось в 1899 году из-за простой уличной драки в Фузане.

Нельзя же закрыть глаза на тот несомненный факт, что обострение наших отношений, громадные японские вооружения и возникновение англо-японского союза находятся в причинной связи с враждебным Японии направлением, принятым нашей политикой в 1896 году, и с нашими преждевременными начинаниями в Корее, ныне отчасти оставленными, к которым нельзя не причислить и приобретения большого земельного участка в Мозампо, под разными более или менее призрачными предлогами, и состоявшегося в последнее время решения устроить там угольную станцию и стоянку эскадры для военных упражнений. Истинный смысл подобных мероприятий, разумеется, не может быть скрываем от проницательности японцев никакими дружественными объяснениями и предупреждениями. Подобные меры подрывают таким образом доверие к искренности наших заявлений и, находясь в противоречии с нынешним желанием императорского правительства достигнуть возможно полного дружественного соглашения с Японией, создают такой политике немаловажные затруднения.

Наиболее настоятельной потребностью нашей политики по отношению к Японии представляется: 1) установление твердой программы политики нашей в Корее и 2) полное единство образа действий всех ведомств и их местных представителей и агентов.

Отмечая полное единомыслие членов совещания относительно желательности соглашения с Японией на почве наиболее интересующего ее корейского вопроса, министр иностранных дел указал, что возможность такового соглашения отнюдь не исключается состоявшимся в начале 1902 года заключением союзного договора между этой страной и Великобританией. Доказательством сему служат как разъяснения, сделанные в этом смысле нам японцами, по собственному их почину, так равно и последние предложения токийского правительства, переданные г-ном Курино. Соглашаясь с тем, что означенные предложения, хотя и не могут быть приняты целиком, ввиду скрывающейся за ними цели Японии обеспечить за собой полное хозяйничание в Корее, но представляют известную почву для дальнейших переговоров, статс-секретарь граф Ламздорф полагал бы однако предпочтительным воздержаться пока от таковых переговоров, дабы не подать японцам повода предполагать о нашем настоятельном желании притти с ними к соглашению. Для достижения наилучших результатов, казалось бы,

целесообразнее ожидать от токийского правительства почина в возобновлении переговоров, хотя бы и принимая исходной базой для них последние японские предложения.

Ввиду последовавшего общего согласия с таковым предложением, министр иностранных дел пригласил членов совещания высказаться относительно тех инструкций, коими надлежало бы снабдить российского поверенного в делах в Пекине по вопросу об эвакуации занятых еще нашими войсками провинций Манчжурии.

Министр финансов заявил, что он, с своей стороны, не встречает особых возражений по существу предположенных инструкций, но полагал бы, что при предъявлении китайскому правительству требований о гарантиях, как средстве обеспечения русских интересов в Манчжурии, едва ли является надобность настаивать, чтобы означенное правительство обязалось ограничивать заселение китайцами местностей вдоль линии Восточно-Китайской железной дороги. Если при этом имеются ввиду местности, расположенные в значительном (например, 25-верстном) расстоянии от рельсового пути, то наблюдение за исполнением упомянутого обязательства представилось бы на деле крайне затруднительным, так как охранная стража лишена была бы всякой возможности исполнять свои нелегкие обязанности на столь широком пространстве, и для означенной цели пришлось бы разредить стражу на линии, переведя ее части в сравнительно отдаленные поселения. Таковая мера вызвала бы, несомненно, неудовольствие китайского правительства и могла бы подать повод к столкновениям с местным населением. Было бы во всех отношениях удобнее ограничиться надзором за полосой отчуждения, как входящей и ныне в сферу деятельности русской стражи. В настоящее время прилагаются всяческие старания к тому, чтобы по возможности расширить вдоль линии пространство земли, включаемой в полосу отчуждения. Вместе с тем принимаются меры, в видах предохранения этих земель от беспорядочного заселения элементами случайными и нежелательными, для надлежащей постановки дела; ныне приступлено уже к разработке правил, которые будут затем подвергнуты обсуждению заинтересованных ведомств. В этом случае будет обращено преимущественное внимание на вопрос об усилении русского элемента вдоль линии. Но отсюда едва ли следует заключить, что мы должны теперь же подготовлять мероприятия к расширению русской колонизации на всем пространстве Манчжурии. Нужно иметь в виду, что на пути из Европейской России встречаются доныне еще обширные пустующие пространства Сибири, вполне пригодные для поселения, вероятно, 80 миллионов, и что их заселение должно, естественно, предшествовать упрочению русской оседлости в китайских пределах. При этом жертвы, которые пришлось бы при-

нести для заселения Манчжурии, были бы неисчислимы, так как опыт переселения в Сибирь уже указал, что для устройства водворившихся в ней двух миллионов человек потребовалось около 30 миллионов руб.

С другой стороны, нельзя ожидать, чтобы китайское правительство отнеслось равнодушно к мерам, к которым мы признали бы необходимым в этих видах прибегнуть. Даже если и допустить, что мы добьемся от него обязательства ставить преграды переселению китайцев в Манчжурию, трудно думать, чтобы в действительности такое переселение не осуществлялось. При чрезмерной густоте народонаселения в Китае потребность к расширению оседлости сказывается в значительной степени. Переселенческое движение началось в Китае не в последние годы, и южная часть Манчжурии уже значительно заселена пришлыми китайцами. В силу естественных, стихийных причин означенное движение будет распространяться к северу на свободные земли, и едва ли есть возможность рассчитывать, чтобы какие-либо запретительные меры могли положить предел этому явлению, вызываемому условиями общего экономического характера. Весьма серьезные затруднения представились бы в этом отношении даже в случае радикального разрешения вопроса о судьбе Манжчурии в смысле окончательного присоединения ее к России.

Принимая во внимание, что всякие меры с нашей стороны к ограждению занятых нами областей от наплыва китайцев, несомненно, побудят богдыханское правительство к усилению, в свою очередь, охраны собственной территории от иноземного элемента и к поощрению китайской колонизации, статс-секретарь Витте полагал бы более осторожным покуда при переговорах с китайским правительством вовсе не касаться вопроса о воспрещении заселять Манчжурию и монгольские земли природными китайцами. Не будучи вынуждено к тому извне, богдыханское правительство, в силу присущей ему косности и вследствие отсутствия денежных средств, едва ли прибегнет к каким-либо энергическим мерам в этом отношении по собственному почину.

Посланник в Пекине действительный статский советник Лессар указал, что вопрос об ограничении прав Китая заселять Манчжурию, действительно, может представить непреодолимые затруднения на практике. Получить на это согласие богдыханского правительства невозможно, так как оно никогда не откажется от своих верховных прав добровольно. Заселение Манчжурии началось уже издавна, как противовес нашей колонизации прилегающих частей Сибири. Но после волнений 1900 года китайское правительство занялось им, главным образом, как источником для получения столь необходимых ему денежных средств. Привлечение колонистов без субсидий, несмотря

на уверения китайцев в противном, оказывается однако невозможным тем более, что, кроме местных жителей, предполагается отдавать участки земледельцам из застенного Китая, пострадавшим от неурожая и наводнений, то-есть людям без средств. Действительно, на объявленные торги почти никто не явился, и, ввиду недостатка денег в Пекине на субсидии, заселение шло бы попрежнему очень медленно, если бы наши местные власти не стали громогласно объявлять о предстоящем заселении всего края русскими. Встревоженное китайское правительство прибегло к фиктивной продаже участков без торгов, как оно это делает и относительно концессий в Манчжурии, чтобы иметь возможность, в случае требований наших властей об уступке земель для русских поселенцев, ответить, что они уже все принадлежат частным лицам. Конечно, таковые меры указывают на недоверие к нам, но, с другой стороны, нельзя лишать Китай совершенно законного источника доходов. Мы же должны принять только те меры, которые необходимы для безопасности железной дороги. Поэтому, не говоря об остановке заселения всей Манчжурии, что совершенно невыполнимо, его можно бы ограничить лишь в ближайшей к линии и возможно менее широкой полосе, притом только на время, пока спокойствие в крае не докажет, что в этой предосторожности уже более нет надобности. Это вполне выяснится уже при самой эвакуации. На такое требование есть надежда добиться согласия от Китая, который не менее нас заинтересован в поддержании спокойствия в крае и не может не сознавать, что пришлый элемент, пока не устроит своих хозяйств, не будет вполне благонадежным. Полное же прекращение переселения китайцев возможно только путем присоединения северной Манчжурии к нашим владениям, и в этом случае, оставляя пустовать земли на десятки лет, ранее чего не может явиться русской колонизации, мы возбудим против себя все местное население.

Военный министр, признавая за китайским переселением стихийный характер, заявил, с своей стороны, что именно это обстоятельство и должно побуждать нас прибегнуть к решительным мерам, дабы предотвратить неблагоприятные для нас в будущем последствия означенного переселенческого движения. По мнению генерал-адъютанта Куропаткина, нельзя упускать из виду, что постепенное развитие местной жизни, благодаря в особенности существованию железной дороги, может привести к тому, что без противодействий с нашей стороны, все наиболее важные части Манчжурии будут через короткий срок заселены китайцами и вся местность до реки Амура из пустынной станет населенной. Тогда сдержать наплыв желтой расы в Приамурский край станет весьма трудно. Ныне Приамурский край может признаваться русским, но, если мы не остановим переселения китайцев в Манчжу-

рию, то, проникнув и в наши пределы, они и в Приамурьи составят преобладающее, по численности, китайское население. Развитие и оборона этой окраины затруднятся. При этих условиях Восточно-Китайская железная дорога будет служить, главным образом, интересам китайцев, и затрата Россией 400 миллионов рублей станет мало производительной. Поэтому мы должны добиваться приостановки заселения Манчжурии китайцами. Затем нам надлежит приступить к устройству русских поселений в прилегающих к железной дороге местностях, по крайней мере, в 15 верстной полосе. Между тем поступающие из Манчжурии сведения свидетельствуют о том, что мероприятий в этом направлении на месте еще нами не подготовляется и что даже существуют препятствия к приобретению русскими подданными земельной собственности. Вследствие сего военный министр с удовольствием принимает к сведению сделанное статс-секретарем Витте заявление о том, что ныне уже разрабатываются правила о заселении полосы отчуждения.

Вслед затем генерал-адъютант Куропаткин изложил свои соображения относительно общих целей, которые Россия должна преследовать в вопросе о Манчжурии, указав, что он, как военный министр, обязанный блюсти интересы России в отношении ее внешней безопасности и военной готовности, не может иначе смотреть на Манчжурию, как на край, который в известной своей части должен современем стать достоянием России. С этой точки зрения первостепенную важность представляет для нас железнодорожная магистраль от сибирской границы к Владивостоку, являющаяся единственным звеном между Россией и побережьем Тихого океана и обладание коей составляет насущную для нас потребность. Полное обеспечение за нами этой железнодорожной линии безусловно необходимо. Иначе военное министерство должно будет настаивать на скорейшем сооружении нового рельсового пути по русской территории от Сретенска к Хабаровску. При этом следует иметь в виду, что на протяжении нынешней нашей границы по Амуру, достигающей 2 400 верст длины, оборонительные меры представляются крайне затруднительными для военного ведомства и обременительными для казны. Направление же оборонительной линии по Манчжурской магистрали имеет уже ту выгоду, что требующая охраны полоса составляет лишь 1 200 верст.

Равным образом, стратегическое значение представляет, как показал опыт последних военных действий, безопасное сообщение по Сунгари и по сухому пути между Цицикаром и Благовещенском. По этому последнему пути в прошлом году двигались и переселенческие партии.

Полная обеспеченность в военном отношении возможна лишь в том случае, если местность, прилегающая к поименованным путям сообще-

ния, будет всецело в наших руках, в виде ли составной части империи, либо как полунезависимое, наподобие Бухары, владение, поставленное под непосредственный контроль русского правительства. В означенную местность должна быть включена вся Хейлундзянская (Цицикарская) провинция и северная часть Гиринской, по условную линию, проведенную от места слияния Нонни с Сунгари, близь Бодунэ до устья Тумыни. Сохранение за нами этой территории имеет огромное государственное значение, ибо, распоряжаясь этой территорией, мы можем создать естественную преграду к наплыву китайцев в Манчжурию. В то же время в пустынной северной Манчжурии мы получим обширные земли для заселения их современем русским элементом.

Далеко не одинаковое значение имеет для нас южная Манчжурия. При существующей в ней густоте китайского населения, нельзя рассчитывать на возможность, хотя бы в отдаленном будущем, появления в ней оседлого компактного русского элемента. Сохранение ее в наших руках было бы даже в известной степени опасно, так как русские войска, оставленные в южной Манчжурии, оказались бы разобщенными и окруженными враждебной китайской массой. Необходимость же обеспечения сообщения с Порт-Артуром не является крайне настоятельной, так как крепость Порт-Артур снабжена необходимым довольствием по рассчету на полтора года.

Наконец, совершенно особо должен стоять вопрос о Хунчуне Расположенный в узле границ трех территорий — России, Китая и Кореи, пункт этот имеет определенное стратегическое значение и, оставаясь в руках китайцев, может служить постоянной угрозой для Южно-Уссурийского края, подобно тому как это было до волнений 1900 года. Поэтому мы не должны соглашаться на возвращение его Китаю.

В том случае однако, если бы состоялось решение очистить Манчжурию, военный министр полагает, что при нынешнем состоянии Восточно-Китайской железной дороги и ее подвижного состава быстрая перевозка войск очень затруднительна. Ввиду зимнего времени перевозка была бы сопряжена при этом с крайними неудобствами, и войска были бы поставлены в весьма тяжелые условия не только в пути, но и по прибытии в Приамурский край, где для них не могли быть еще приготовлены необходимые помещения. При отправке морем встретились бы не меньшие препятствия, так как большая часть войск сосредочена в центре Манчжурии, а затем и Квантунская область не приспособлена для их приема.

Помимо таковых технических препятствий, военный министр, руководствуясь вышеизложенными общими соображениями, полагал бы желательным не спешить с эвакуацией, а ограничиться очищением

с половины наступающего февраля до 26 марта лишь Мукденской провинции, на что потребуется около месяца времени, и затем приступить к очищению южной части Гиринской, с таким рассчетом, чтобы выводимые войска могли прибыть в Приамурский военный округ летом 1903 года для лагерного расположения.

Что же касается северной части Гиринской и всей Цицикарской провинции, то, по мнению генерал-адъютанта Куропаткина, следует сохранить в них наши войска до выяснения результатов очищения юга, не предрешая времени их эвакуации. Для охраны же путей сообщения надлежит, после окончательной эвакуации всей Манчжурии, не только оставить военные части вдоль магистрали железной дороги, но и сохранить небольшие посты по берегам Амура и Сунгари.

На основании всего вышеизложенного военный министр считает намеченные к предъявлению китайскому правительству требования о гарантиях лишь весьма скромными и не исчерпывающими всех целей, к достижению коих мы должны стремиться. Вследствие сего надлежит, по его мнению, не препятствовать проявлению со стороны Китая и других держав недоброжелательного по отношению к нам образа действия и даже прямому нарушению выговоренных нами прав, дабы на этом основании иметь полную возможность к невыполнению наших обязательств в манчжурском вопросе.

Но если бы совещание признало все же необходимым, при преподании российскому поверенному в делах указаний, настаивать на означенных требованиях, то генерал-адъютант Куропаткин полагал бы целесообразным внести в выработанный проект инструкции колл. сов. Плансону нижеследующие поправки.

Исключить обозначение второго срока эвакуации — 26-м марта сего года.

Обусловить очищение не только Хейлундзянской, но также и северной части Гиринской провинции требованием о сохранении на линии железной дороги и по рекам Амуру и Сунгари известного количества войск и, как уже предположено, определенно указать в означенной инструкции об ограничении заселения китайцами местностей вдоль железной дороги.

По поводу соображений, изложенных военным министром, статс-секретарь Витте заметил, что образ действий, предлагаемый генерал-адъютантом Куропаткиным, носит весьма решительный характер и что, как ни желательно было бы прийти к указанным результатам и конечным целям, трудно согласиться с тем, чтобы мы достигли оных при помощи вышеизложенного способа действия. На занятие нами северной Манчжурии ни Китай, ни другие державы добровольно не согласятся. Всякая мера, принятая нами в этом направлении, вызовет несомненное

и упорное противодействие китайцев. Мы на долгие годы создадим себе врагов в наших соседях, не обеспечив в то же время и своего собственного положения в Манчжурии, ввиду неизбежных и продолжительных смут, к которым приведет таковая политика. Упрочение могущества России на Крайнем Востоке находится, по глубокому убеждению министра финансов, в ближайшей зависимости от спокойного и последовательного течения событий, возможного только при правильном отношении нашем к собственным обязательствам. Всеобщее успокоение единственно отвечает нашим истинным интересам, призрак же войны грозит большими осложнениями, помимо тех неисчислимых жертв, которые явятся последствием несвоевременного агрессивного образа действий.

Статс-секретарь Витте не считает ввиду этого возможным присоединиться к принципиальному мнению военного министра, а в частности замечает, что уподоблять Манчжурию Бухаре едва ли есть основание. Бухарское ханство было всегда обособленной и самостоятельной единицей и, как таковая, могло, не встречая ниоткуда поддержки, всецело отдаться под покровительство могущественной соседней державы. Манчжурия же, являясь лишь провинцией обширного государства, находится в полной зависимости от центрального своего правительства, придающего ей к тому же весьма большую цену, и не может поэтому быть выделена в отдельную единицу, располагающую собственной судьбой, без самого упорного противодействия со стороны центра.

По поводу же приведенных военным министром соображений о значении путей сообщения в Манчжурии министр финансов высказал, что в экономическом отношении развитие железнодорожной сети к югу этой провинции отразилось уже неблагоприятным образом на нашем Уссурийском крае, создав возможность проникновения с юга в эту область товарам китайским и другим иностранным, под видом китайских, в силу договорного условия о беспошлинном пропуске китайских товаров на нашу территорию в пределах 50 верст от границы. В видах ограждения экономических интересов Приамурского края, быть может, представится вследствие сего неизбежным либо отказаться от означенных договоров и ввести полностью протекционную систему на китайской границе, либо, напротив, объявить все русские владения у Восточной Азии портофранко.

Ввиду этого создание новых безопасных путей проникновения китайских произведений на Амур по Сунгари и сухопутно через Цицикар с экономической точки зрения не является желательным. Тем не менее, принимая во внимание соображения военного характера, казалось бы необходимым согласиться с мнением генерал-адъютанта

Куропаткина относительно предложения об учреждении военных постов на означенных путях сообщения.

Министр иностранных дел, в свою очередь, заявил, что предположения генерал-адъютанта Куропаткина о сохранении за нами северной Манчжурии представляются в настоящее время трудно осуществимыми. Возбуждая против нас китайцев, таковая политика вызвала бы в то же время столь сильное противодействие со стороны Японии, что едва ли можно было бы рассчитывать на установление совершенно правильных и спокойных отношений с этой страной, являющихся, между тем, по единогласному признанию всех членов совещания, в том числе и военного министра, в высшей степени желательными для наших общих интересов на Дальнем Востоке.

На поставленный статс-секретарем графом Ламздорфом посланнику в Пекине вопрос о том, насколько, по близкому его знакомству с местными условиями, представляется возможным следовать предложенному военным министром образу действия, действительный статский советник Лессар заявил, что продолжение занятия нашими войсками Манчжурии встретит, конечно, упорное сопротивление китайского правительства и приведет в самом непродолжительном времени к необходимости присоединения этого края. Такой результат будет иметь все недостатки и ни одной из выгод присоединения всей Манчжурии. При одинаковом сопротивлении со стороны держав, при тех же действиях Японии в Корее, при той же непримиримой вражде к нам Китая, столь выгодной для наших противников, мы не достигнем экономических выгод, на которые мы могли бы рассчитывать при обладании богатыми и густонаселенными Гиринской и Мукденской провинциями, включение коих в нашу таможенную черту одно может обеспечить нам развитие нашей торговли. Едва ли может быть сомнение, что от продолжения занятия, в конце концов, нам придется отказаться, но тогда это будет иметь вид вынужденной уступки и вместо улучшения наших отношений с Китаем, на которое мы могли бы расчитывать при прямодушном выполнении своих обязательств, мы получим в наследие от нашей попытки только их обострение.

Способ ведения намеченных ныне переговоров с Китаем будет при этом крайне затруднен. При решении эвакуировать Манчжурию и заявлении об этом китайцам мы могли многого добиться от них, в случае же отсутствия определенного плана действия и недомолвок, неизбежно сопряженных с этим, на уступки китайцев рассчитывать нельзя, и богдыханское правительство едва ли добровольно согласится на что бы то ни было и особенно на имеющий для нас столько важное значение третий пункт предположенных нами требований — об обязательстве Китая, в случае приглашения иностранцев для заведы-

вания каким-либо отделом своей администрации, выделять заведывание делами северного Китая в совершенно особые учреждения и управление ими поручать русским.

Министр иностранных дел обратил засим внимание совещания на предположение потребовать от Китая обязательства урегулировать вопросы, касающиеся Квантунской области и Восточно-Китайской железной дороги. При этом граф Ламздорф заметил, что, быть может, представлялось бы целесообразнее не поручать ныне же российскому поверенному в делах в Пекине предъявление китайскому правительству требований по этому предмету, предоставив улажение интересующих названную железную дорогу вопросов усмотрению министра финансов, а в отношении дел Квантунской области, ввиду отсутствия надобности в изменении фактически установившегося положения вещей в области, войти в сношения с китайским правительством по означенным делам лишь в случае, если китайцы сами возбудят переговоры.

Приняв во внимание высказанные по манчжурскому вопросу взгляды, совещание в заключение признало, что, во избежание недоразумений как с китайцами, так и в определении компетенции прочих русских учреждений, остающихся в области, желательно было бы, чтобы наши военные власти были освобождены от участия в управлении краем и не были отвлекаемы от прямых своих обязанностей.

В отношении же инструкций, коими надлежало бы ныне же снабдить российского поверенного в делах в Пекине, совещание, не встречая препятствий к принятию предположенных военным министром поправок к выработанному действительным статским советником Лессаром проекту, полагало бы внести в последний соответственные изменения и повергнуть затем проект инструкции российскому поверенному в делах в Пекине, в окончательной форме, на высочайшее благовоззрение государя императора.

Пред закрытием заседания министр иностранных дел заявил, что китайский посланник в С.-Петербурге обращался уже к нему с запросом о времени предполагаемого нами очищения г. Инкоу и что по этому предмету можно было бы иметь в виду, что названный город, как входящий в состав Мукденской провинции, будет возвращен китайцам в условленный срок, в зависимости [1]) от принятия ими трех первых из изложенных в проекте инструкций колл. сов. Плансону требований, намеченных к предъявлению китайскому правительству в ближайшем же времени.

Таковой образ действий совещание признало вполне целесообразным.

---

[1]) При подписании журнала военным министром добавлено: «по очищении тех или других местностей сего края нашими войсками». [Прим. подлинника]

При всем прилагается проект инструкций для российского поверенного в делах в Пекине, кои были подвергнуты рассмотрению Особого совещания.

Граф Ламздорф, Сергей Витте,
Алексей Куропаткин, Павел Тыртов,
Кн. В. Оболенский.

Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 90-х гг. XIX в.

Публикуемые здесь «инструкция» царскому дипломату гр. А. П. Кассини, при назначении его посланником в Вашингтон, и два письма его министру иностранных дел гр. М. Н. Муравьеву и товарищу министра гр. В. Н. Ламздорфу представляют собою ценный материал для понимания истинного характера русско-американских отношений в конце XIX столетия. Инструкция датирована январем 1898 г., иными словами — составлена в те самые дни, когда вашингтонское правительство добилось от мадридского кабинета согласия на посылку в Гаванну северо-американского крейсера «Мэн», трагическая судьба которого послужила ближайшим внешним поводом для испано-американской войны. Таким образом, над «инструкцией Кассини» уже веет призрак войны, явившейся поворотным пунктом в истории международных отношений Соединенных Штатов, вышедших с захватом островов Кубы, Порто-Рико, Филиппин и Гуама на путь колониальной политики вне Америки. С другой стороны, два письма Кассини руководителям царского министерства иностранных дел М. Н. Муравьеву и В. Н. Ламздорфу дают яркое представление о настроениях, преобладавших в конце девяностых годов XIX в. в правящих русских кругах в связи с блестящими успехами северо-американского империализма. В этом отношении печатаемые ниже письма Кассини являются чрезвычайно показательным материалом, и вполне правы были руководители царской дипломатии, выделившие их из общей массы донесений из Вашингтона за 1898 г. и заключившие их в Секретный архив министра.

Мы не станем здесь останавливаться на истории русско-американских отношений в XIX в., отсылая читателей к существующей по этому поводу русской и иностранной литературе. Напомним лишь, что «узы, сложившиеся историческим путем», о которых говорит инструкция Кассини и которые были основаны главным образом на соперничестве России и Соединенных Штатов с более сильной в военно-морском отношении Англией, в определенные годы XIX в. достигают такой близости, что в Петербурге считают возможным даже говорить о союзе. В таком положении находится вопрос в начале семидесятых годов, когда Россия признает для себя необязательным Парижский трактат 1856 г. Укажем здесь на один яркий пример, до сих пор, поскольку это известно нам, не цитировавшийся в специальной литературе. Это отрывок из дневника близкой к семье Александра II А. Ф. Тютчевой об ее беседе с им. Марией Александровной в Москве в ноябре 1870 г. «Императрица сказала мне в течение беседы, — записывает в своем днев-

нике Тютчева под 27 ноября, — что нам (т. е. России) обеспечен союз с Америкой, которая готова привести свой флот в боевую готовность при первом проявлении враждебности со стороны Англии. Это такого рода вещи, — добавила она, — о которых не публикуют в газетах» [2]).

Официальный «список благодеяний», оказанных царской Россией Соединенным Штатам, мы находим и в инструкции Кассини. «В Америке не забывают,— читаем мы здесь,—поддержки, оказанной императорским правительством в тяжелую годину междоусобицы в Соединенных Штатах, во время восстания в Южных Штатах». Уступив Аляску и «сочувственно» отнесясь к захвату Гавайских островов Соединенными Штатами, царская Россия, по словам инструкции, засвидетельствовала свое доброжелательное отношение «к усилению могущества Соединенных Штатов в противовес Великобритании» и дала им возможность «сделать важнейший шаг вперед для осуществления доктрины Монроэ».

Но совершенно ясно, что эфемерное здание русско-американской дружбы должно было поколебаться при первом же серьезном столкновении русского и северо-американского империализма в области колониальной политики. Именно с таким фактом столкновения интересов мы и встречаемся в конце девяностых годов XIX в., когда, оправившись от последствий тяжелой и продолжительной «сецессионной войны», явившейся прямой катастрофой для американского торгового флота, Соединенные Штаты вступили в полосу экономического расцвета. Вывоз в конце девяностых годов XIX в. достиг таких размеров, что почти на половину превысил ввоз. Увеличение особенно сильно оказалось на вывозе продуктов фабричной промышленности. Продукты северо-американских фабрик начали конкурировать на Дальнем Востоке и даже на берегах Средиземного моря с продуктами европейской промышленности. Из страны-должника Соединенные Штаты постепенно превращаются в страну-кредитора. Одновременно с этим они стремятся завоевать новые рынки для излишков продукции своей промышленности. Правда, Соединенные Штаты в девяностых годах XIX в. еще слишком слабы в чисто военном и военно-морском отношениях, чтобы вмешаться с выгодой для себя в соперничество великих океанских держав из-за колоний, хотя бы в то же «растаскивание китайских земель». Внешне они все еще сохраняли «усвоенную ими линию поведения, классическую для буржуазного государства». «Не стремясь к захвату ни клочка территории в свою собственность на азиатском континенте (типично феодальная форма завоевания)», Соединенные Штаты «требовали доступа всюду для своих товаров на условиях наиболее благоприятных, какие могли быть в данном месте доступны» [2]).

Но у них уже был свой, — правда, сравнительно небольшой, но вполне активный, — флот, способный, как это показали военно-морские события 1898 г., вести наступательную морскую войну. Недаром же осенью 1897 г. вашингтонское правительство решило создать особую «китайскую эскадру» адм. Дьюя (Dewey), сыгравшую столь важную роль в деле захвата стратегического ключа на морских путях к Китаю — Филиппин, к которым в этот момент тянулись вожделения почти всех держав, заинтересо-

---

[1]) А. Ф. Тютчева, При дворе двух императоров. Дневник 1855—1882 гг., т. I, стр. 216.

[2]) М. Покровский, «Дипломатия и войны царской России», 1924, стр. 367.

ванных в экономическом и военном преобладании на Дальнем Востоке (Англии, Японии, Германии и России).

Чрезвычайное усиление Соединенных Штатов в конце XIX в. не могло не встревожить промышленные и торговые государства Европы. Ярким примером этих тревожных настроений является беседа, которую имел Вильгельм II с русским министром финансов С. Ю. Витте, во время пребывания своего в Петербурге в августе 1897 г., т. е. почти накануне составления публикуемой нами «инструкции Кассини» и в момент, когда Германия добивалась (и добилась) согласия России на захват «опорного пункта в Китае» (Киао-Чао). Император Вильгельм, читаем мы в мемуарах Витте [1]), — сказал, что «Америка представляет для Европы большую конкуренцию, конкуренцию всему европейскому земледелию; что Америка наживается насчет Европы, а потому он находит, что следовало бы в отношении Америки принять особливые меры, т. е. относительно таможни; не почитать ее страной, наиболее благоприятствуемой, т. е. не трактовать ее, как все остальные европейские страны, а держать для нее совершенно особливые пошлины, дабы Америка не могла наводнять Европу своими продуктами». На возражения Витте, указавшего на опасность для Европы со стороны Англии, Вильгельм заметил, что «Англия не наводняет Европу сельскохозяйственными продуктами, между тем именно Америка понижает цены всех сельскохозяйственных продуктов Европы». «На это я, — пишет Витте, — заметил, что, мне кажется, России будет трудно встать на такую точку зрения уже потому, что Россия находится с Америкой со времен освободительной войны Северо-Американских Штатов в самых прекрасных отношениях и России нет повода вдруг изменять свои отношения к Америке».

После отъезда Вильгельма Николай II передал Витте «маленькую записку, данную ему германским императором». В этой записке, по словам Витте, было изложено то, что ему говорил Вильгельм. «В ней говорилось, — пишет Витте, — об установлении боевых пошлин против Северо-Американской республики. Я доложил его величеству [т. е. Николаю II], что об этом со мною говорил германский император и что я держусь такого-то мнения. Государь император приказал мне составить на эту записку ответ в том самом духе, в котором я говорил германскому императору, причем император сказал, что он мнение мое разделяет. Я составил ответ в виде ноты без подписи и передал государю императору. Государь император сказал мне, что отошлет этот ответ германскому императору при собственноручном письме» [2]).

Если царская Россия не находила нужным для себя итти на прямой враждебный акт по отношению к Соединенным Штатам, на чем, как мы видели, настаивал Вильгельм, то экономическое усиление северо-американского капитала «на всем западном побережье Тихого океана (т. е. в Китае и Корее) серьезно волновало русские правящие верхи. К тому же и в области англо-американских отношений в 1897 г. стал наблюдаться сдвиг в направлении наиболее нежелательном для России. 6 января 1898 г. (25 декабря 1897 г.) депешей за № 77 предшественник Кассини на посту посланника в Вашингтоне Де-Вол-

[1]) С. Ю. Витте, Воспоминания, т. I, стр. 98—101.

[2]) Ср. также беседу Вильгельма II с Муравьевым в январе 1897 г., «Красный архив», т. LXVII—LXVIII, стр. 88.

лан сообщил в министерство иностранных дел, что им получены из достоверного источника сведения о возобновлении английским послом в Вашингтоне переговоров с федеральным правительством о «заключении трактата о третейском суде (Arbitration treaty)». «Этот трактат,— писал Де-Воллан, — заключенный англофильскою администрацией Кливленда, был, как известно вашему сиятельству, отвергнут сенатом в прошлую сессию конгресса. Заключая подобный трактат, Англия развязывает себе руки относительно Америки и получает свободу действий там, где это требуется ее интересами». Правда, Де-Воллан утверждал, что «американцы это очень хорошо понимают и смотрят на трактат о третейском суде, как на союз с Англией, который может вовлечь Соединенные Штаты в разные осложнения с другими державами», и заявлял, что, «несмотря на существующие в стране симпатии к родственной нации, большинство американцев относится с недоверием и неприязнью к английской политике и не желает усиления могущества Англии» [1]). Тем не менее самый факт сдвига в области англо-американских отношений, достигших большей степени напряженности в венецуэльском деле (в 1895 г.), был налицо, и русскому правительству приходилось торопиться с пересмотром основных линий своей американской политики.

Такой попыткой ревизии и является публикуемая нами инструкция Кассини [2]). Какие же моменты особенно характерны для этой инструкции? Прежде всего то, что несмотря на частые упоминания о дружеских отношениях к северо-американскому правительству, о «плодах добрых семян, посеянных Россией», и т. д., инструкция проникнута плохо скрываемым чувством вражды к Соединенным Штатам, в которых петербургские верхи видят возможного конкурента для русского капитала на Дальнем Востоке. Мы не должны в этом случае забывать, что инструкция Кассини менее чем на два месяца предшествует соглашению об аренде Ляодунского полуострова (27(15) марта 1898 г.), а этой последней «русский капитал гарантировал себе монополию» (М. Н. Покровский) [3]). Инструкция Кассини начинается с указания на то, «какое близкое и важное для русских интересов значение представляет развитие американской промышленности на Дальнем Востоке», и с предписания «строго отличать предприятия, для нас [т. е. для русского капитала] желательные, от тех, кои прямо задевают сферу нашего влияния». «Относясь сочувственно к первым,—говорит инструкция Кассини,—вы будете энергично воздействовать против вторых, пользуясь со свойственным вам тактом и осторожностью симпатиями к нам федерального правительства».

Не менее характерной с точки зрения своих настроений представляется и заключительная часть инструкции. «Вам предстоит с особенным вниманием отнестись к этому вопросу и определить, насколько отпадение Канады от Англии представляется с точки зрения наших интересов желательным? Может ли подобное усиление могущества Соединенных Штатов явиться для нас помехою и даже более — угрозою существующих добрых отношений? Соединенные Штаты, ныне уже выступающие в роли великой державы, сохранят ли после расчленения Великобритании ту же пассивно-доброжелательную по

[1]) Архив революции и внешней политики, «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.

[2]) Инструкции Де-Воллану в Архиве революции и внешней политики не обнаружено.

[3]) Указ. соч., стр. 366.

отношению к нам политику или же могут обратиться в конкурента, с которым нам придется считаться, как ныне с Великобританией?» Но инструкция Кассини ценна не только тем, что она свидетельствует о той неприязненной тревоге, с какой петербургские правящие круги следили за успехами северо-американского империализма. Она принадлежит к числу тех откровенных документов, которыми изобилует муравьевский период управления министерством. Муравьев много писать не любил, но зато уж если писал, то называл вещи их именами без всякой дипломатической утайки. В инструкции Кассини мы находим ряд таких заявлений, вскрывающих истинные побуждения, которыми руководилось в том или ином случае царское правительство. Так, из нее мы узнаем, что уступка Аляски в 1867 г. «за ничтожное вознаграждение» была сделана для того, чтобы «усилить могущество Соединенных Штатов на материке в противовес стремлениям Великобритании». Не менее откровенным представляется заявление инструкции по поводу отношения царских дипломатов к пресловутой доктрине Монроэ. «Находясь по нашему географическому положению вне всяких прямых соприкосновений с Соединенными Штатами, — говорит инструкция, — и не имея на американском материке колоний, нам представляется весьма удобным пользоваться доктриною Монроэ там, где эта популярнейшая в Америке теория становится вразрез с интересами наших естественных противников, каковым является Англия через свою наиболее значительную по географическим размерам колонию — Канаду». Характерна в инструкции и та часть ее, где говорится о соображениях, побудивших царское правительство согласиться на захват и аннексию Гавайских островов Соединенными Штатами. «Видеть образование новой Мальты в Тихом океане или же предоставить в руки японцев столь существенное звено для укрепления их морского могущества было бы для нас одинаково нежелательно. Ввиду невозможности самостоятельного существования, являлось более желательным чтобы Гавайские острова составляли часть территории Соединенных Штатов и оставались таким образом для нас навсегда верным и дружественным пристанищем и угольною станцией, а не сделались бы вражеским гнездом и опасной западней». «Мы вполне понимаем,— пишет автор инструкции, — что, заботясь о своем будущем, федеральное правительство обратило должное внимание на постепенные захваты Англии в Тихом океане и решилось опередить ее в данном случае, равно как и нарастающую в Тихом океане — Японию».

Если теоретические рассуждения царского правительства проникнуты чувством нескрываемой тревоги и откровенно говорят об узко эгоистических побуждениях «русской дружбы», то такими же показательными являются и те настроения, с которыми прибыл в Вашингтон исполнитель этих предначертаний, «пекинский» Кассини. Между его письмами из Вашингтона и данной ему инструкцией протекло пять месяцев, крайне богатых в политическом отношении. Мы считаем необходимым напомнить читателю политический календарь первой половины 1898 г. в той мере, в какой это представляется нужным для понимания настоящих документов.

15 (3) февраля на рейде Гаванны взорвался северо-американский крейсер «Мэн». 25(13) марта испанское правительство обратилось к великим державам с просьбой о посредничестве в их конфликте с Соединенными Штатами. 28(15) марта между китайским

и русским правительством был подписан договор об аренде Россией Ляодунского полуострова с гаванью Порт-Артуром, после чего русско-английские отношения достигли большой степени напряженности.

10 апреля (29 марта) Соединенные Штаты потребовали от Испании увода сухопутных и морских сил с острова Кубы. 21(9) апреля между обеими державами были прерваны дипломатические отношения, вслед за чем последовало открытие военных действий. 1 мая (19 апреля) испанские морские силы адм. Монтохо, стоявшие в бухте Маниллы, были уничтожены северо-американской эскадрой адм. Дьюя; 13(1) мая английский министр колоний Чемберлен произнес в Бирмингаме речь, в которой настаивал на союзе Англии с Германией и Соединенными Штатами для противодействия замыслам России. 19(7) мая испанская эскадра адм. Серверы прорвалась в Сантиаго. 3 июля (21 июня) она была уничтожена американскими силами. 16(4) июля произошла капитуляция Сантиаго. 26(14) июля после оккупации американцами Пуэрто Рико испанское правительство через посредство французского посла в Вашингтоне Камбона просило вашингтонский кабинет о прекращении военных действий. 30 (18) июля федеральное правительство формулировало свои требования. 12 августа (31 июля) капитулировала Манилла, и был подписан предварительный мирный протокол.

Англо-американские отношения за тот же период времени продолжали неуклонно улучшаться. Депешей за № 26 от 28(16) апреля 1898 г. Де-Воллан, управлявший миссией в ожидании приезда Кассини, сообщил в министерство об успехах «английской агитации» в Соединенных Штатах в пользу «сближения двух англо-саксонских народов [1]). В той же депеше он доносил о том, что английский посол в Вашингтоне Джулиан Паунсфот получил предписание своего правительства принять участие в выступлении шести великих держав в пользу мира только в том случае, если он убедится, что «оно будет хорошо принято» федеральным правительством, хотя самая идея такого выступления была предложена Англией. «Многие признаки указывают, — писал Де-Воллан, — на то, что Англия относится очень сочувственно к Америке и всячески поощряет ее к войне, которая, в сущности, не в интересах Англии. Усиление Америки на этом материке, изгнание испанцев из Кубы, как сказал один хорошо осведомленный англичанин, приведет впоследствии к тому, что очередь настанет за Англией, и ей придется рано или поздно померяться с Америкой из-за Канады. Но англичане не задаются такими далекими перспективами, и, если они так настойчиво стремятся к сближению с Америкой, то это делается ради ближайшего будущего, а именно с надеждою заручиться поддержкою федеративного правительства на Крайнем Востоке».

Так же как Де-Воллан расценивал положение и царский посол в Лондоне барон Г. Г. Стааль [2]). По мнению, выраженному им в депеше за № 30 от 26(14) мая 1898 г., стремление Англии сблизиться с Соединенными Штатами было вызвано: 1) тем, что северо-американский рынок представлял исключительную важность для английской торговли, и 2) тем, что «теперь более, чем когда-либо, в связи с развитием событий на Дальнем Востоке, Англия нуждалась в добрых отношениях с Соединенными Штатами».

[1]) Архив революции и внешней политики, «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.

[2]) Там же, «Переписка с Лондоном» за 1898 г.

Стааль относился с недоверием к возможности англо-американского союза, вопрос о котором поставила речь Чемберлена в Бирмингаме, но признавал и бесспорным факт сближения между обеими странами (депеша за № 46 от 8 июня (27 мая) 1898 г.). Доказательство этому он видел в учреждении в Квебеке особой согласительной комиссии для разрешения всех спорных вопросов между Канадой и Соединенными Штатами (между прочим и вопроса о ловле котиков), тогда как незадолго до этого вашингтонским правительством было отвергнуто аналогичное предложение канадских министров (дело о ловле в Беринговом море).

В конце мая ст. ст. российский генеральный консул в Нью-Йорке В. Теплов сообщил следующие данные об успехах английской агитации в Соединенных Штатах. «Английские газеты, — писал он, — неустанно измышляют всевозможные известия, чтобы рассорить Америку с Францией [1])... Все это, конечно, было затем опровергнуто, так как все это были конкретные факты, лживость которых доказать легко. Но Англия, оставивши конкретную почву, очень искусно стала тогда внушать, что вообще не только Франция, но и все прочие европейские державы стоят за Испанию и питают самые пагубные намерения относительно Америки. Английские журналы стали доказывать ежедневно, что одна лишь Англия является причиною, что континентальные державы Европы не вмешались в войну с целью помочь Испании. «Times» прямо говорил, что Англия не примет участия в коалиции, направленной против Америки, и, при некоторых обстоятельствах, будет готова активным образом противодействовать подобной коалиции. Таким-то образом создалась легенда, что проект враждебной коалиции держав был действительно подготовлен, но не осуществился исключительно благодаря Англии, которая, следовательно, является единственным и лучшим другом Америки. Все эти уверения пали на благодарную почву» (донесение № 789 от 3 июня (22 мая) 1898 г.). «Раздувая вражду американцев к европейским континентальным державам вообще, — писал в том же донесении Теплов, — Англия старается внедрить в умы американцев убеждение, что, пока еще есть время, им необходимо заключить соглашение с Англией; под влиянием английских же газет, здесь начинают верить, что Великобритания и Япония заключили между собою соглашение, предусматривающее не только различные случайности на Крайнем Востоке, но и те, которые могут возникнуть втечение испано-американской войны».

Такова была политическая обстановка к моменту появления Кассини в Вашингтоне. С одной стороны, имелось налицо бесспорное сближение между Англией и Соединенными Штатами на почве испано-американской войны и обострения русско-английских отношений на Дальнем Востоке, заставлявшего царское правительство, опасавшееся за судьбу своих новых приобретений в районе Печелийского залива, относиться с особой тревогой к возможности вооруженного конфликта с коалицией держав, возглавляемой Англией. С другой стороны, в самой испано-американской войне еще не наметился переломный момент. Эскадра адм. Серверы еще не была уничтожена американскими

[1]) Следует перечисление различных известий, распространявшихся английской печатью. «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.

морскими силами, а испанский гарнизон острова Кубы удачно отражал атаки ген. Шефтера.В вашингтонских правящих кругах царила некоторая растерянность, усугублявшаяся развалом в армии. И в этот тяжелый для федерального правительства момент посланник дружественной Соединенным Штатам державы — России не нашел ничего лучшего, как предложить своему правительству пересмотреть вопрос о будущей судьбе Филиппин в невыгодном для «американских друзей» смысле. Такова была истинная цена бескорыстию и дружбе царской России!

В публикуемом нами письме к Муравьеву Кассини хвастается тем, что у него хороший музыкальный слух, и эта уверенность его не обманула. Кассини, как это явствует из его писем к Ламздорфу и Муравьеву, вообще не верил в возможность англо-американского союза. Действительность как будто оправдала его скептицизм. 2 сентября 20 августа) 1898 г. депешей за № 16, сообщая о назначении на пост статс-секретаря по иностранным делам северо-американского посла в Лондоне Хэя, являвшегося убежденным сторонником англо-американского сближения, Кассини уже счел возможным успокоить Муравьева. «Несмотря на шум, произведенный с обеих сторон Атлантического океана по поводу англо-американского сближения, я продолжаю думать, — писал Кассини, — что оно не должно вызывать чрезмерных опасений с нашей стороны и что оно ограничится платоническими уверениями в симпатии и дружбе со стороны Англии, весьма желающей внушить убеждение о существовании тесного соглашения между обеими странами и поднять этим престиж своего могущества и сил, которыми она может располагать в каждую данную минуту... Идея дружеского сближения между обеими странами, без сомнения, симпатична значительной части американского народа, но от этого до согласия следовать в свите Великобритании и рисковать таскать для сей последней каштаны из огня, будь то на Дальнем Востоке или в другом месте, весьма далеко. Испано-американская война окончилась блестяще и с выгодой для американцев. Химерические опасения европейского вмешательства, внушенные ей и тщательно поддерживаемые Англией, рассеялись. Покончив с войной, жертвы и опасности которой Соединенные Штаты могли оценить несмотря на одержанные блестящие успехи, эта страна не имеет никакого желания вступить с Великобританией в союз, который мог бы вовлечь ее в серьезные затруднения, может быть, даже в войну, никоим образом не желательную для Соединенных Штатов. Тем не менее мы должны зорко следить за интригами английской дипломатии в этой стране и не упускать ни одного случая, чтобы не раскрывать их перед глазами наших американских друзей, временно отдаленных от нас довольно грубой игрой наших политических соперников [1]».

Публикуемые здесь документы должны покончить с легендой, еще продолжающей держаться в некоторых северо-американских кругах, о характере той дружбы, которую питала к Соединенным Штатам царская Россия.

Ф. Кельин.

---

[1]) «Переписка с Вашингтоном» за 1898 г.

Инструкция министра иностранных дел Муравьева посланнику в Вашингтоне Кассини [1]).

10 февраля (29 января) 1898 г.

При вступлении в управление посольством нашим в Вашингтоне ваше сиятельство обратите внимание на то, какое близкое и важное для наших интересов значение представляет развитие американской промышленности на Дальнем Востоке.

В этом отношении присутствие ваше в Вашингтоне, как испытанного знатока Востока, является особенно ценным для императорского министерства.

Вам хорошо известно по Китаю, какого рода вожделениями руководятся американцы в своих коммерческих и торговых предприятиях на всем западном прибрежье Тихого океана. Нет сомнения, что, будучи хорошо осведомлены с характером этих отношений, вы будете строго отличать предприятия для нас желательные от тех, кои прямо задевают сферу нашего влияния. Относясь сочувственно к первым, вы будете энергично воздействовать против вторых, пользуясь со свойственным вам тактом и осторожностью симпатиями к нам федерального правительства. Связь между Россией и Соединенными Штатами несомненно существует и имеет историческое основание. В Америке не забывают поддержки, оказанной императорским правительством в тяжелую годину междуусобицы в Соединенных Штатах во время восстания в Южных Штатах. Это чувство признательности за оказанную услугу, кроме многочисленных проявлений в повременной печати, резко показало себя в Америке в наш голодный год (1891 г.), когда изо всех концов Соединенных Штатов посылались пожертвования хлебом и деньгами. В бозе почивающий император Александр III отнесся милостиво к подобному проявлению симпатий граждан дружеского государства. Как известно, его величеству благоугодно было послать роскошные подарки главным жертвователям и лицам, принимавшим деятельное участие в отправке хлеба.

Особенным выражением благоволения его величества следует считать командирование эскадры в Атлантические порты Соединенных Штатов в 1893 году для принятия участия в морских празднествах по поводу открытия Всемирной Колумбийской выставки в Чикаго. Суда наши, совершив довольно продолжительную стоянку, встретили в Соединенных Штатах самый радушный прием. Всем еще памятно, какой восторг среди населения Нью-Йорка вызвало прохождение наших моряков на параде на следующий день после морского смотра.

---

[1]) На подлиннике пометы — рукой Николая II: «Согласен»; другим почерком: «С.-Петербург. 29 января 1898 г.»

Уступка нами Аляски в 1867 г. за ничтожное вознаграждение свидетельствует о том, как доброжелательно относились мы к усилению могущества Соединенных Штатов на материке в противовес стремлениям Великобритании.

В то же самое время мы дали этой уступкой Америке возможность сделать важнейший шаг вперед для осуществления доктрины Монроэ.

Находясь по нашему географическому положению вне всяких прямых соприкосновений с Соединенными Штатами и не имея на американском материке колоний, нам представляется весьма удобным пользоваться доктриной Монроэ там, где эта популярнейшая в Америке теория становится вразрез с интересами наших естественных противников, каковым является Англия через свою наиболее значительную по географическим размерам колонию — Канаду.

В вопросе о Гавайских островах императорское правительство явило новый знак дружелюбного отношения к Соединенным Штатам. Когда четыре года тому назад, при помощи американского влияния, произошел переворот на Сандвичевых островах и была провозглашена Гавайская республика, императорское правительство было едва ли не первым, поспешившим признать новое правительство молодой республики.

Ныне, когда федеральное правительство, ввиду возрастающей иммиграции Японии на Гавайские острова и также вследствие других причин, сочло своевременным совершить окончательное присоединение островов к Соединенным Штатам, императорскому правительству предоставляется новый случай оказать дружескую услугу федеральному правительству, поддержав и сочувственно отнесясь к этому приобретению, отвечающему и нашим интересам. Гавайские острова, находясь в центре Тихого океана, представляют, по своему географическому положению, настолько важную станцию среди больших водных путей, что самостоятельное существование маленького государства среди океана было бы, во всяком случае, непрочно и недолговечно. Рано или поздно Гавайские острова должны сделаться достоянием Великобритании, Японии или Соединенных Штатов. Видеть образование новой Мальты в Тихом океане или же предоставить в руки японцев столь существенное звено для укрепления их морского могущества было бы для нас одинаково нежелательно. Ввиду невозможности самостоятельного существования является более желательным, чтобы Гавайские острова составляли часть территории Соединенных Штатов и оставались таким образом для нас навсегда верным и дружественным пристанищем и угольною станциею, а не сделались бы вражеским гнездом и опасною западнею. Мы вполне понимаем, что, заботясь о своем будущем, федеральное правительство обратило должное внимание на постепенные

захваты Англии в Тихом океане и решилось опередить ее в данном случае, равно как и новую, нарастающую в Тихом океане — Японию.

В самом деле, если бросить в згляд на захваты Англии за последние годы, то окажется, что в Тихом океане не осталось больше ни одного свободного клочка земли, кроме Гаваи (и Самоа).

В 1888 году англичане завладели группой в 13 островов Гильберт, другой группой в 5 островов Эллис, пятью островами Эндербюра, тремя группы Кингсмен, Фаннинг, Вашингтон, Пальмира, Кристмас, Жарвис, Мальден, Старбук, Дудоза, Пеприн, Восток, Флинт и Каролинскими островами. В 1889 г. островами Руль (Rule) и Суворова, равно как и Коралловыми острова ми (в 900 милях расстояния от Гаваи). В 1891 г. островом Джонстон в 600 милях от Гаваи. В 1892 г. островами Гарднер и Данжер (Danger — острова опасности). В 1893 г., наконец, англичане подошли и к Гавайским островам, сделав попытку занять остров Неккер, крайний в Гавайской группе. К счастью, гавайскому правительству, узнавшему об этом, заблаговременно удалось отстоять остров поспешной посылкой судов под гавайским флагом. Конечно, поспешное присоединение к Соединенным Шгатам островов, расположенных в 2 000 миль от материка Америки, не вполне отвечает доктрине Монроэ, но федеральное правительство поступает благоразумно, приобретая этот важный стратегический пункт, который вместе с тем имеет и большое экономическое значение для Соединенных Штатов.

Одним из главных вопросов, связывающих наши интересы с интересами Соединенных Штатов,является вопрос о котиковом промысле.

Из находящихся в архиве вверенного вам посольства материалов по сему предмету ваше сиятельство изволите усмотреть, какого образа действий придерживалось императорское правительство в различные фазисы, через которые проходил вопрос. За четыре года до собрания конференции в Вашингтоне в октябре прошлого года императорское правительство, в постоянной заботе о сохранении котиковой породы, запретило русским подданным охотиться на этого зверя в открытом море. И ныне Вашингтонская конференция, состоявшая из представителей России, Соединенных Штатов и Японии, высказалась на основании сделанных прекрасных научных исследований и наблюдений в пользу необходимости приостановки морской охоты на котиков ради сохранения породы. Это благое намерение заинтересованных держав не будет однако иметь практического значения без признания Великобританиею того же положения относительно морской охоты. Как известно, однако, эта держава не только отказалась от участия в конференции, но даже до сих пор не выказывает намерения примкнуть к ее постановлениям. Такая несговорчивость Сен-Джемского кабинета объясняется мотивами чисто политическими довольно сложного характера.

Метрополия в данном случае поддерживает колонию (Канаду), которая, в свою очередь, имеет счеты с федеральным правительством.

Канада же не хочет уступить Соединенным Штатам в котиковом вопросе не столько ради опасения потерять известные выгоды (промысел за последние годы так упал, что даже не окупается), сколько вследствие обострившихся вообще между федеральным правительством и канадским за последнее время отношений (новый американский протекционный тарифный вопрос о рыбном промысле, столкновения по поводу разграничения и проч.).

Итак котиковый вопрос остается неразрешенным, и вашему сиятельству предстоит трудная задача, явившись элементом примирительным среди враждующих сторон, добиться в возможно скорейшем времени единства действий в котиковом вопросе всех заинтересованных держав.

В этом отношении недавняя конференция в Вашингтоне показала, что, несмотря на то, что интересы Японии в котиковом вопросе тождественны с интересами Канады, с той лишь разницей, что морской котиковый промысел в Японии гораздо менее развит, чем в Канаде, тем не менее представители японского правительства готовы были согласиться на приостановку морской охоты и, после некоторого давления со стороны федеративного правительства, подписали акт, коим этот промысел в открытом море признавался безусловно губительным для породы. Итак задержка — исключительно за Канадой, и задержка, надо надеяться, временная. Чем скорее разрешится вопрос в смысле общего международного соглашения о запрещении морской охоты на котиков, тем больше является шансов сохранить эту породу, промысел на островах Берингова моря, средство существования и пропитания туземцев, ценный мех и статью государственного дохода.

С точки зрения научных исследований котиковый вопрос не представляет разногласий. Трудами профессоров Стар, Жордани, Леонарда Стейнегера, равно как и рапортами правительственных агентов, напечатанными в актах 54 (Senate document 137—54-th Congress I-st Section), установлено, что котиковые стада ежегодно в одно и то же время притягиваются на острова Берингова моря инстинктом воспроизводства, что все самки свыше трех лет являются на последних днях беременности и почти тотчас же после появления на свет щенков снова оплодотворяются. Щенки более шести недель питаются исключительно молоком своих матерей и совершенно неспособны держаться на воде. Факты эти имеют важное значение для запрещения морской охоты на котиков, так как матки, принужденные в поисках за пропитанием переступать запретные зоны, подвергаются избиению охотников. С убиением каждой матки пропадает сразу три котика: сама матка,

щенок на берегу и плод в ней находящийся, щенок будущего сезона. Кроме того морская охота на котиков представляется еще в том отношении несостоятельной, что только одна пятая (если не менее того) часть попадает в руки охотников. Раненые котики часто уплывают, прежде чем до них доберется охотник, погибают впоследствии на стороне, убитые захлебываются и тонут, и только сонные котики являются по преимуществу добычей морских котоловов.

Усмотрено было также, что запретные зоны (30 миль вокруг наших Командорских островов и 60 миль вокруг американских Прибыловых) являются далеко недостаточными, чтобы уберечь маток от убиения. Этим обстоятельством объясняется главным образом несостоятельность как нашего временного соглашения (modus vivendi), так и Парижских правил, принятых Соединенными Штатами. Федеральное правительство, с своей стороны, делает все возможное в сфере его компетенции, чтобы остановить пагубную для котиков морскую охоту. После конференции, созванной по инициативе вашингтонского правительства, конгресс одобрил закон относительно запрещения американским гражданам охотиться на котиков в открытом море. Недавно федеральное правительство прибегло к новой мере, направленной прямо против канадских морских охотников: через конгресс прошел закон, в силу которого только шкурки котиков, добытые на островах и снабженные правительственным клеймом, будут допускаться в пределы Соединенных Штатов. Таким образом закрывается совершенно возможность сбыта в эту страну котикового меха, добытого канадскими охотниками. Закон этот, собственно говоря, является последствием первого; запрещая своим гражданам заниматься морской охотою на котиков, федеральное правительство, после тщетных усилий добиться того же по отношению к канадским охотникам, отнюдь не желает оставить за этими последними свободное поле действий. Закрытие столь важного рынка несомненно повлияет на цену котикового меха и заставит, быть может, канадское правительство пойти на уступки, весьма для нас желательные.

Итак, сводя воедино связующие нас с Америкой пункты, ваше сиятельство изволите усмотреть, в чем именно заключается задача императорского посланника в Вашингтоне.

Поддерживая и укрепляя узы, сложившиеся историческим путем, вам надлежит осторожно, но неукоснительно пользоваться для наших интересов плодами добрых семян, нами посеянных.

Оставаясь на почве доброжелательства России к Соединенным Штатам, вы с особенным вниманием будете относиться ко всем могущим возникнуть столкновениям федерального правительства с Англией и Японией.

Проявляя ввиду изложенного полное сочувствие к интересам американцев, вам надлежит однако бдительно следить за отношением Соединенных Штатов к Великобритании и Японии.

В этом отношении особенного внимания заслуживает обострившиеся ныне между Соединенными Штатами и Канадой отношения. Действующий ныне в Соединенных Штатах таможенный тариф протекционного характера является серьезною помехою в деле улучшения отношений их с Канадой. Следует, впрочем, ожидать, что федеральное правительство, стоя на страже своих интересов, будет действовать в таком смысле, чтобы слияние Канады с Соединенными Штатами произошло как бы само собой и имело бы в своем основании взаимные выгоды американцев и канадцев. Отпадение Канады от своей метрополии представляется для нас событием чрезвычайной важности.

Вам предстоит с особенным вниманием отнестись к этому вопросу и определить, насколько отпадение Канады от Англии представляется с точки зрения наших интересов желательным? Может ли подобное усиление могущества Соединенных Штатов явиться для нас помехой и даже более — угрозою существующих добрых отношений? Соединенные Штаты, ныне уже выступающие в роли великой державы, сохранят ли после расчленения Великобритании ту же пассивно-доброжелательную по отношению к нам политику или же могут обратиться в конкурента, с которым нам придется считаться, как ныне с Великобританией?

Посланник в Вашингтоне Кассини товарищу министра иностранных дел Ламздорфу.

В. секретное письмо.

Вашингтон. 23(11) июня 1898 г.

Дорогой граф.

Я прибыл в минувшую субботу, 18 (6) текущего месяца, в Соединенные Штаты после полного приключениями путешествия на борту германского парохода «Кайзер Фридрих», совершавшего свой первый пробный рейс.

В Нью-Йорке я только сошел на берег и тотчас же направился в Вашингтон. Я слишком недавно еще высадился в Новом Свете, чтобы составить себе точное и заслуживающее передачи вам мнение об общем положении и преобладающих здесь общественных течениях. Единственно, что я могу констатировать, это то, что в идеях и политических тенденциях правительственных сфер царит большая неясность, а в руководстве военными операциями невероятный развал. И несмотря на это, поскольку речь идет о первом из этих двух вопросов, для меня совершенно несомненно, что Соединенные Штаты твердо, повидимому, ре-

шили порвать с традициями прошлого и вступить на путь новой политики с более широкими горизонтами, — политики, которая, если только они будут преследовать ее с упорством, характеризующим их расу, не замедлит оказать значительное влияние на политические судьбы всего мира. Будущее покажет, в какой мере этот поворот в политике способен увеличить могущество, степень влияния и богатства Соединенных Штатов, имевших до сего времени только друзей. Вступив на путь политики захватов, — политики, может быть, не всегда разборчивой в средствах, они не замедлят создать себе многочисленных врагов и подать повод для серьезных осложнений.

Что касается сближения, происшедшего между Соединенными Штатами и Великобританией, — то это сближение не подлежит сомнению. Великобритания, побуждаемая желанием заручиться союзником в лице Соединенных Штатов, которых она с полным основанием опасается, прибегнула к тысяче мелких средств, чтобы завоевать расположение американского правительства и народа, относящихся с большой чуткостью ко всем этим дружеским проявлениям, особенно с момента настоящей войны. Сближение является бесспорным, но вопрос в том, как далеко способно оно итти. Вот вопрос, который интересует нас прежде всего. По моему мнению и судя по всему тому, что я смог здесь увидеть и услышать, этому сближению не суждено выйти за пределы взаимных любезностей и дружеских заверений, и вряд ли оно достигнет тревожных для нас размеров союза, где почти все выгоды были бы на стороне Англии. Американский народ обладает слишком практическим умом, чтобы дать себя вовлечь в невыгодную сделку. Рисковать установлением враждебных отношений с большинством европейских держав ради чести служить английским интересам — перспектива, мало для него соблазнительная, и я не думаю, чтобы он дал себя обмануть.

Рядом с этим сближением между Соединенными Штатами и Великобританией, за развитием коего мне придется следить с неукоснительной бдительностью,— другой вопрос, и этот вопрос непосредственного интереса должен приковать к себе все наше внимание. Я имею в виду вопрос о Филиппинах. Судя по всем доходящим до меня сведениям, правительство Соединенных Штатов твердо решило довести захват этой богатой добычи до благополучного конца и окончательно себе ее присвоить. Я вынужден признать, что, с точки зрения цивилизации и чувства гуманности, эвентуальное уничтожение испанского владычества на этом архипелаге, столь важном по своему географическому положению и исключительному богатству своей почвы, конечно, не сможет ни в ком породить ни малейшего сожаления. Благодаря жалкому управлению и пагубному влиянию господствующих здесь религиозных

орденов, которые она терпит и поощряет, Испания сделала все, чтобы убить симпатии туземцев и толкнуть их на путь периодических восстаний. Из источника богатства, которым могли и должны были явиться для нее Филиппины, Испания сделала предмет финансовых жертв, становящихся с каждым днем все более обременительными. Но если, как я только что сказал, нельзя скорбеть, с точки зрения цивилизации и чувства гуманности, по поводу утраты Филиппин для Испании, то совершенно иначе обстоит дело в отношении политическом, и вопрос о том, кто по окончании войны овладеет Филиппинами, представляет чрезвычайную важность как для нас, так и для остальных держав, заинтересованных на Дальнем Востоке. Если бы Соединенные Штаты, наши старые и добрые друзья, стремясь заручиться опорным пунктом на Дальнем Востоке, сочли бы после победоносной войны с Испанией подходящими для себя в качестве такового Филиппинские острова, то нам, в крайнем случае, пришлось бы ограничиться простым констатированием появления нового фактора на дальне-восточном театре, властно привлекающего к себе за последнее время столько честолюбивых вожделений. Но бесспорное сближение, происшедшее с момента испано-американской войны между Соединенными Штатами и Англией, сближение, которое, несмотря на все, может привести к более тесному соглашению между этими двумя великими морскими державами, заставляет нас отнестись к окончательной оккупации Филиппин Соединенными Штатами с гораздо меньшей благожелательностью.

Мне говорят, что вализа будет отправлена через несколько минут, и я вынужден, дорогой граф, закончить эти беглые строки, к которым прошу вас отнестись с полным снисхождением.

Примите, дорогой граф, уверение в сердечной моей преданности.

Кассини.

Посланник в Вашингтоне Кассини министру иностранных дел Муравьеву.

В. секретное письмо.

Вашингтон. 22(10) июня 1898 г.

Мой дорогой и добрый друг.

Только по приезде своем в Соутгэмптон, где я сел на пароход, долженствовавший отвезти меня в Нью-Йорк, я узнал из газет о жестокой и неожиданной потере, которой небу было угодно поразить вас. Я был глубоко ею потрясен, так как я знаю, как горячо вы были привязаны к графине вашей матери и как болезненно должно было это роковое известие поразить вас среди тысячи различных забот и волне-

ний, которыми вы и без того обременены. Ах, как бывает тяжело, как бывает грустно, когда видишь, как исчезают один за другим все, кто нам дорог, все, с кем мы делили наши радости и скорби!

Я убежден, зная вас так хорошо, как я вас знаю, что, среди ваших блистательных успехов и достигнув вершины заветных мечтаний, вашей самой большей радостью было делить с той, кого уже нет, чувство испытываемого вами удовлетворения. Скажите же себе, дорогой друг, что я принял самое искреннее и глубокое участие в вашем большом горе. Ведь вы знаете, каким живым представляется чувство моей сердечной дружбы к вам, а к тому же я по личному опыту знаю, что значит потерять мать, т. е. утратить лучшую, самую надежную и прочную привязанность, которую дано изведать человеческому сердцу.

Я здесь всего только несколько дней и стараюсь разобраться в том политическом и военном хаосе, картину которого мне являет эта совершенно новая для меня страна. Я сегодня же посылаю письмо гр. Ламздорфу, чтобы поделиться с ним моими первыми впечатлениями, которые, признаюсь, носят далеко не радостный и не утешительный характер. Не так давно произошел полный поворот в идеях и политических принципах этой страны. Недовольная прошлым, сделавшим ее богатой, счастливой и почитаемой, она хочет испытать будущее, которое, весьма возможно, таит для нее многочисленные поводы для разочарования и серьезные трудности. Я не верю в англо-американский союз. Ум янки — слишком практичен, слишком расчетлив, чтобы завести вещи так далеко. Но что касается до сближения, происшедшего между обеими нациями с момента настоящей войны, то оно не подлежит сомнению, и одного этого вполне достаточно, чтобы нам встревожиться. Вследствие этого я считаю, что мы должны фиксировать все наше внимание, всю нашу бдительность на двух вопросах: 1) следить с неослабным вниманием за малейшим успехом в сближении между обеими англо-саксонскими странами, не упуская ни одного случая, чтобы раскрывать глаза нашим американским друзьям на те невыгоды, которые представляет для них та обманная сделка, куда их хотят вовлечь, 2) второй вопрос, который может иметь для нас еще более непосредственное значение, это вопрос о том, что американцы намерены сделать с Филиппинами. Если верить им, то они просто-на-просто хотят их аннексировать. Мы могли бы еще, так и быть, примириться с переходом Филиппин в руки наших старых друзей американцев в том виде, в каком мы их любим и ценим. Но переход тех же самых Филиппин в руки американцев, друзей и возможных союзников в будущем Великобритании, — совершенно меняет вопрос, и нам следовало бы об этом подумать.

В ожидании, все, что может быть сделано, чтобы убедить здешнее правительство и нацию в том, что их лучшим другом всегда была, есть и будет Россия, будет сделано. Я, как мне кажется, обладаю хорошим музыкальным слухом и могу, как мне кажется, заверить вас, что сумею избежать всякой фальшивой ноты.

Позвольте мне, дорогой и добрый друг, обнять вас и крепко и сердечно пожать вашу руку.

Кассини.

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг.

Продолжение *).

Записи о заседаниях бюро блока, которые печатаются в настоящем томе «Красного архива», относятся к концу 1915 и началу 1916 г. Эти записи далеко не полны и не охватывают всех заседаний блока, но других каких-либо материалов о блоке за этот период до нас не дошло.

То, что говорилось в предисловии в предыдущем томе относительно программы и выступлений блока, остается в силе и для настоящего периода. Но поскольку обстановка изменилась, постольку буржуазия должна была на некоторые вопросы обратить больше внимания, чем раньше. В тылу положение с каждым месяцем становилось все хуже, в особенности с продовольствием. Война затягивалась, и конца ей не было видно. Революционное движение в стране безостановочно разрасталось.

Самодержавию явно грозил крах. Стремясь спасти себя, оно прибегает к обычному средству — усилению репрессий. Правительство Горемыкина уже кажется ему слабым, слишком мягким. И настоящие распорядители правительственной политики — Распутин и царица — заменяют Горемыкина другим, человеком посвежее и поэнергичнее — Штюрмером. Наступала «эпоха расцвета распутинского самодержавия», как характеризовал этот период М. Н. Покровский **).

Как реагировала на это буржуазия? Ее представители высказывались довольно определенно. «Изменилось настроение в самой толще общественных масс... Мы остались наверху, а почва уходит, и мы все это чувствуем. Слои внизу испытывают к нам ненависть и раздражение», говорил на заседании блока представитель московской буржуазии Астров и с горечью добавил: «Гнев населения обрушивается на общественные управления» ***). Другие приходили к таким же безрадостным выводам. Но раз дело дошло до этого, надо было принимать соответствующие меры. Революция? Но революции буржуазия боится больше чем реакции. Это — путь, «которого мы боимся», подтверждает снова Маклаков ****). Остается, таким образом, другой путь — держаться теснейшего союза с правительством, с самодержавием. Сюда и

*) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 117—160.

**) «Переписка Николая и Александры Романовых», т. IV, предисловие М. Н. Покровского.

***) См. стр. 145.

****) См. ниже, стр. 150.

склоняются все помыслы и вся «деятельность» блока. Но правительство не обеспечивает в должной мере интересов ни своей отечественной, ни иностранной буржуазии; оно не обеспечивает и сохранности монархии. Так буржуазия приходит к выводу о необходимости дворцового переворота. «После всего предыдущего надо делать революцию, — говорит Шингарев, — или дворцовый переворот, а они невозможны или делаются другими. Это состояние тяжелого политического раздумья» *). Другой кадет — Маклаков, — тоже надеется лишь на «deus ex machina — 11 марта», т. е. на насильственное освобождение Николая II от престола и замену его более подходящим кандидатом. Это решение, высказанное сначала в очень тесном кругу, постепенно становится для буржуазии единственным выходом из грозного положения.

Для проведения своих решений буржуазно-помещичий блок еще более сплочивает свои ряды. Этим объясняется, почему на заседаниях блока этого периода такое большое внимание уделяется Земскому и Городскому союзам, военно-промышленным комитетам и т. д., вплоть до организации объединяющего их центра. Блок об этом центре пока говорит очень глухо, но мысль уже брошена. В этот именно период (март 1916 г.) съехавшиеся в Москве представители указанных выше организаций, рассматривая новое положение о союзах, выдвигают ряд предложений, которые в речи кадета Некрасова нашли себе наиболее яркое выражение: «Перед нами, — говорил он, — задача создания целого ряда новых всероссийских союзов — рабочего, кооперативного, торгового и др., и, когда они возникнут, тогда все они вместе с Всеросс. Городским и Земским союзами должны из своей среды выделить высший орган, который бы явился для всех их единым направляющим, координирующим центром. Это будет как бы штаб общественных сил всей России» **).

Контрреволюция объединяла свои силы, «собиралась в поход».

Н. Лапин.

У Меллер-Закомельского 25 октября [1915 г.] [1]).

Г. Е. Львов, ссылаясь на А. И. Гучкова, кандидата на инициатора предложения о новом съезде Земского и Городского союзов во второй половине ноября, просит его изложить свою точку зрения [2]).

А. И. Гучков. — Хотели придать съезду политический характер — мысль возникла на другой день после назначения Хвостова. Вопрос о созыве Думы — была идея совсем не созывать. Теперь отказались: 25 ноября будет созвана. Мы созовем съезд торгово-промышленный.

---

*) См. ниже, стр. 146.

**) Из доклада о работах Общеземского и Общегородского съездов, происходивших в марте 1916 г.—Ос. отд. ЦИА, ф. № 155 д. № 5.

Хотели бы поддержки. Русское общество должно ответить резким, определенным протестом. То же и в законодательных учреждениях (отвержение бюджета).

Я. — Готовы ли? Есть ли настроение? Я замечаю колляпс; общество вяло реагирует.

Гучков. — Надо его готовить.

Щепкин. — Падение настроения есть и принимает грозные размеры. Намечаются два течения: 1) замолчать до окончания войны, 2) нельзя молчать и уступить окрику. Надо решить, как смотреть и что делать и потом решать вопрос о созыве съездов. Общество ждет от блока и организаций, чтобы подняли голос. Постановления съездов — не слова, а то, чем были и раньше. Нужно найти слова, чтобы это не был призыв к революции. Наша работа — фундамент.

Астров. — Союз городов два воскресения обсуждал вопрос, как реагировать на отвержение депутации. Решено — съезд созвать; время определить по соглашению с другими организациями. Тема — вопрос питания населения, но и вопрос об исполнении поручений. Представим «акт» — последовательное изложение событий, затем сообщить меморандум и проект речи.

Львов. — Мы разослали протокол, на правах рукописи, участникам съезда.

Астров. — Мы решили показать, что остаемся при том же. Но оказывается, изменилось настроение в самой толще общественных масс. Все признаки реакции налицо, различной от 1905 года — без насильственных действий: один жест сверху. Мы остались наверху, а почва уходит, и мы все это чувствуем. Слои внизу испытывают к нам ненависть и раздражение. Политика резвого министра — новые приемы борьбы с обществом — производит свое действие. Прием дискредитирования имеет успех. Гнев населения обрушивается на общественные управления. Первой подвергается сомнению Москва: мы с Михаилом Васильевичем не знаем, представляем ли что-нибудь (*Челноков*: «Говорите за себя»). Я говорю за всех. Забастовки — дело ловких рук. Мы должны быть готовы, что встретим материал иной.

Шингарев. — Резкое падение настроения в гуще населения. Правительство ведет к поражению: неудачи и слабость власти. Не растерялся Горемыкин. Произвели учет и оказались победителями. Тут не только уверенность в безнаказанности, а коррупция общественности (Хвостов). Отказ в приеме депутации произвел впечатление, которое я предсказывал (в Москве я считал, что это — средство последнее). Разговоры кончены, должны начаться действия. Но на них или неспособны или они не назрели. Люди остановились в нерешительности—

перед крупными событиями. Радикальные городские головы в растрепанных чувствах (уфимский). Хвостов учел историческую минуту и ловко пользуется. После всего предыдущего надо делать революцию или дворцовый переворот, а они невозможны или делаются другими. Это состояние тяжелого политического раздумья. В блоке Крупенский говорит о банке с пауками; пусть Хвостов свалит Горемыкина, а Бобринский: что тревожитесь, вы же добивались спокойствия. Как начать вновь? Можно и нужно — паралич недопустим. Но обстановка неблагоприятна. Нужно изменить тему. Правительство негодно для победы, потому что у него в тылу неблагополучно. С этим они не справятся. Надо возвращать правительству его нападения на самоуправление. Надо подготовить съезды агитацией в центре. У нас отнимают печать (не печатать о бюджетной комиссии).

Маклаков согласен с Шингаревым. Мы тогда говорили, что нас ведут к поражению. Мы пришли тогда к требованию общественного министерства. Если будет полная победа, не воскресим злобу против Горемыкина, будем без резонанса. Ввиду нового настроения предостерегаем против возвращения к воспоминаниям прошлого. Если захотим не посрамить прошлого, его не исправим, но сделаем ошибку. Хорошего выхода мы не найдем. Мы получили обиду, но я бы не поднимал счетов. На чем можем поднять общественность? На эффектном лозунге. Конфликт с короной. Но это — временная популярность, интерес к Думе и затем... разрыв. Выявив конфликт, оправдаем поступки власти против нас. У нас больше бурлит верхушка, чем низы, которые оказались обывателями. Демагогические приемы на них действуют. Тенденция против нас с более левой стороны — отрицательная позиция к союзам. Левые элементы поведут идейную атаку. В «Речи» отчет о заседании, в котором я присутствовал; я не ожидал отвратительного отношения к «цензовым» элементам. Надо себя привести к взаимному пониманию. Боюсь обнаружения коренного разногласия с левыми, с их деловой частью. Это надо исправить и наладить.

М. М. Федоров. — Упадок настроения несомненен, но естественен. В широких кругах связывалась с депутацией надежда, что это даст такой же результат, как предшествовавшие шаги. Неудача должна была вызвать реакцию. У большинства связывается с необходимостью действия. Но подсознательно чувствуется, что нельзя итти на конфликт с властью. Прошлое воскресенье 22 представителя губернских голов (другие люди, чем посылавшие депутацию) все понимают, что без ответа оставить нельзя, без урона для достоинства и значения учреждения. Власть тоже решилась не сразу. Пытались создать общественные течения, которые бы шли вразрез с большинством съездов. Выдвинули Татищева в торгово-промышленный комитет — лицо,

близкое к жене Мих. Ал-ча [3]), вели беседу о современном положении. М. А. говорил, что отлично понимают неправильность и опасность пути, на который вступил царь с Горемыкиным. Он говорил с государем: там готовы итти до несозыва Думы: А. Ф., Горемыкин и Распутин. «Опасность династии грозит из армии» — «Армия теперь народ». М. А. ответил (один из претендентов): «Да минует меня чаша! Конечно, если бы, к несчастью, это свершилось, я сочувствую английским порядкам. Не понимаю, почему царь не хочет быть спокоен». Правительство играет на том, что низы не поддержат; что течение налево против нас не совсем верно. Подтасованные выборы в Военно-промышленный комитет.

Челноков. — Федоров боится, что мы потеряем лицо, если не созовем съезд и не повторим прежнего. Я вообще не верю в слова. Что мы будем делать? Настроение, действительно, упало, но по другим причинам. Нельзя поднимать настроение для того, чтобы поднимать. Постановление городской думы вызвало огромный отклик. То же и съезды. Из этого подъема вышел Хвостов. Это не обидно, потому мы этого и ожидали. Если начнем опять поднимать настроение, и если удастся, то не будет никакого результата. Львов премьером не будет. Но наши союзы работают в тяжелых условиях. Надо быть чрезвычайно осторожным. Пресса чрезвычайно нам вредит: на нас нападать можно. Резкая и мало справедливая критика в Москве получила угрожающие размеры. Бюллетени забастовки, издаваемые думой, останавливались Климовичем [4]) — ни одна газета не изложила объективно. То же с вопросом о топливе и продовольствии. Забастовки — по всякому случаю. Бесполезно выражать обиду и поднимать для этого настроение. Союзы могут добиться прямых результатов: работать в своем направлении. Серьезный разговор с Горемыкиным — только после войны. Все энергичное там, и нам приходится поднимать настроение среди элементов неподходящих. По возвращении почувствуют, что шутки плохи. В лучшем случае, съезды подтвердят то, в чем никто не сомневается. Не переменились же наши взгляды после отказа. Раз объявим, что мы против революции, все будут знать, что дальше слов не пойдем. Не против городского съезда по дороговизне, если будет подготовлен хороший материал центральным комитетом. Нужно вооружиться терпением и ждать.

Меллер-Закомельский. — Нельзя так легко относиться к настроению всей России. Это настроение — не упадка, а политического маразма, потеря всякой надежды. Лучшие элементы сказали: для победы нужно то-то, монарх сделал обратное. Все заключают: значит, теперь не смена Горемыкина, а революция. Неужели теперь, когда 15 губерний заняты неприятелем? Допустить, чтобы Горемыкин заклю-

чил мир, нельзя. К а к выступать? Все общественные элементы сделали последний выстрел. Н а т о м ж е п у т и дальше итти некуда. Нужно быть уверенными в успехе, чтобы решиться на выступление. Конфликт со всей Россией — надо делать в и н о й плоскости. Созывы съездов — уже испытанный путь: тут наша артиллерия расстреляна. Возможность явится, когда будет созвана Госуд. дума. Н о в о е с л о в о м о ж е т я в и т ь с я в н а ш и х п а л а т а х съезды будут резервом для поддержания парламента. Надо оставить в о п р о с о д а л ь н е й ш е й т а к т и к е о т к р ы т ы м д о э т о г о в р е м е н и.

Мой ответ. — Не бояться левых: нас уважают, пока мы действенны. Надо созвать до Думы, остаться на месте, н е с п у с т и т ь с я н и ж е, подготовить материал для самооправдания. Менажировать [6]) социальный элемент.

Гучков. — В каждой борьбе риск есть. Но его преувеличивают. Прострация есть, но есть и выигрыш — в выяснении положения. Все иллюзии исчезли и все разногласия отпали. Разногласия в диагнозе нет. Почему кажется, что общественное мнение апатично. Оно достигло пределов отчаяния. Пациент признан moribundus [7]). Тут замерли, потому что предстоит акт великой важности. В выставленных лозунгах мы найдем небывалое единодушие и в тылу и в армии. Я выставил бы боевой лозунг и шел бы на прямой конфликт с властью. Все равно, обстоятельства к этому приведут. Молчание будет истолковано в смысле примирения. Мы никогда не присутствовали при кучке безответственных людей. Режим фаворитов, кудесников, шутов. Э т о н о в а я н о т а, к о т о р а я д о л ж н а б ы т ь с к а з а н а. А это — разрыв мирных сношений с властью. Я готов бы ждать конца войны, если бы он был обеспечен — благоприятный. Но нас ведут к полному внешнему поражению и к внутреннему краху. Правительство — «пораженческое». Возымеют ли слова влияние? Может быть. Власть дряблая и гнилая. Т а м нет железных, сильных, убежденных людей, которые сознают свою слабость. Печать отнята; остаются съезды и законодательные учреждения. Надо отчитаться, покаяться в ошибках и показать большой объем работы.

Щепкин. — Я не сторонник резких выступлений и интересуюсь линией поведения русского общества. Ждать неудач — средство отчаяния. Наши организации сейчас несут ответственность, — мы о б я з а н ы найти выход. У всех одно: на нас в с е с м о т р я т. О т н а с ждут указаний. Все возражавшие смотрели на съезд, как на аппарат для резкой резолюции. Для меня это — средство поднять и объединить настроение. Всегда уезжают удовлетворенными. Нет «обиды» и «провала», а правильный исторический ход событий. Чтобы

осуществить сказанное 5 сентября, нужен долгий процесс. Если принять предложение Челнокова — замолчать до конца войны, то и это есть серьезное решение, которое должно быть принято собранием. Очень много и деловых вопросов. И резолюция должна быть результатом этой работы. Опасности раскола поэтому нет: есть деловая программа, и если есть разнобой, то политики можно просто не ставить. Отношение левых не связано со съездом. «Ликвидация прошлого»: даже если сделали ошибку и провалились, все-таки молчать нельзя; надо ликвидировать с честью. Съезды и резолюции — не «словоизвержение», как думает Челноков. Должны определить позицию определенно и ясно.

Федоров. — Надо созвать съезд не для подъема настроения; вам придется справляться с настроением. Если промолчим, дискредитируем себя. Население ждет, что мы сделаем. Безусловно за созыв и не боится разноголосицы (может быть, только на Городском слишком левое настроение). Надо созвать три съезда, незадолго до созыва Гос. думы (нужен контакт). Конечно, нужно дать материал для самозащиты. Надо поставить продовольственный вопрос — снабжение заводов и армии. Положение на театре войны будет печальное.

Астров. — Отчетный съезд должен быть, но не раньше декабря. Продовольственный съезд должен быть раньше. Совещания — мертвое место, продовольствие — очередное дело. Политическая сторона, как видно из сегодняшнего обмена, должна быть поставлена. Содержание — нужно не впасть в ошибку, что это «последнее предупреждение», — мы существуем непрерывной жизнью. Я считал депутацию ошибкой, теперь считаю приобретением. Надо сковать новое звено. Надо еще договориться о форме проявления. Разноголосицы на съездах и выступлений левых не боюсь; места последним не будет.

Маклаков. — Съезд не может быть деловым. Он должен будет реагировать на вопросы высшей политики, и деловая часть пропадет. Съезды первые заговорят от имени страны. Единственный лозунг — выявление конфликта с короной. Мы не сможем выдерживать прежней фикции. Желательно ли эту функцию передать съездам, а не Думе, которая обязательно должна это сделать? Милюков требует, чтобы подтвердить прежнее. У него есть оптимизм и нет нервности. Телеграммы государю вызовут оскомину. Нельзя удержаться на позиции лояльности. Съезды, может быть, не пойдут на это. Судьба этих съедов на этом прекратится, и вы испортите музыку Госуд. думе. Города недостаточно авторитетны для поднятия этого вопроса. Позиция левых ждет капитуляции перед

ними. Обращение к государю провалилось. С того момента, как идете на это, мы отказались от нашей позиции, тогда я не боюсь левых. Приготовлены ли мы к этому конфликту? Скажем ли, что не нужно хранить спокойствие? Поднять забастовки, заставить страну итти путем брожения — мы идем путем, которого боимся. Если бы я был убежден, что не можем победить (*Гучков* «При современной власти») — я надеюсь на deus ex machina — на 11-е марта [7]). Либо перестать бояться всеобщей забастовки. Я понимаю П. Н. Милюкова и Шингарева, но считаю, что созванные первые должны объявить конфликт с властью. Итти на это съездам — нас распустят — невозможно. Додумаем до конца: 11 марта, забастовка? Мы тогда не додумали: П. Н. был уверен, что отказать в депутации не посмеют. Теперь герой — Стамбулийский. Не знаю, сделает ли Дума, но придется сделать.

Челноков. — П. Н. намекал на меня, говоря, что не следует говорить рабочим, что они «хулиганы». Действовали они хулигански. Я боюсь, что «подъем» будет тоже неврастенический. Приглашали к походу против власти, но для этого средств у нас нет. «Резолюции» сказаны: как часто надо их повторять? Каждый месяц давать честное слово? В провинции нам верят и ждут; что ЦК скажет, что делать. А мы только предложим резолюцию, которая встретит частью сочувствие, частью осуждение. Деятельность союзов мы поставим в трудное положение *(Гучков* «Денег не даст»). Деньги не получали по собственной вине (когда не обосновывали). Мы держимся на «казенных» — поправляется: «народных» — средствах, они могут нас дискредитировать очень скоро.

Шингарев. — На чем держится власть, спрашивает Гучков. На многом. На инерции, на заинтересованных кругах, на государственной машине. На отсутствии мужества и даже понимания. Для 11 марта нужен не съезд. Я считаю сомнительным готовность к удару в лоб. Особенно у земцев. Я предпочитаю конфликт на съездах конфликту в Госуд. думе, так как исчезновение Думы превращает общество в пыль. Нужен отчетный съезд до Госуд. думы.

Гучков. — Конфликт с короной не нужно создавать, а надо зафиксировать. Каждая группа найдет формулу для выражения этого конфликта. Даже правые — овации Самарину и выбор Джунковского. Важен или неважен для Думы целый хор-концерт?

Львов. — Не согласен отлагать съезда до конца войны, но созыв высоко ответственен. Надо бороться с полной уверенностью, что будет успех. Я сомневаюсь относительно земцев: может быть даже провал, если поведем прежний цикл; зафиксировать то, что хочет Гучков

нельзя. Та дорога, которой мы шли, кончена. Мы пойдем назад. Даже, чтобы спуститься ниже, и здесь многие найдут подкрепление своим интимным мыслям. Мы их не обойдем: это наполовину чиновники. Другое дело — работа, важная в результатах политических. Здесь рисковать неправильно. Если дадим повод, работу нашу легко подкосить. Здесь наша ответственность больше, чем перед политическим моментом. Тут есть более призванные учреждения. И в городах Хвостов за месяц успеет многих развратить. Мы соединяем деньгами и шкурными интересами. Это не малодушие, а просто трусость. Союза нет, есть комитет. Одно обязательно — вопрос отчетности. Н е б о р ь б а, а с а м о з а щ и т а.

Меллер. — Я за съезд без политических резолюций, но он невозможен, потому что с нами шли в предположении, что их поддержат сверху.

У Меллер-Закомельского 28 октября [1915 г.].

Крупенский говорит о дворянских выборах, которые объясняет как успех [8]). О созыве Думы министр внутр. дел ничего не знает, а Горемыкин интересуется.

Шингарев. — Как встретят? Гарантируйте, встретят тепло.

Крупенский. — Я ему указал на результат выборов. Лозунг: долой крайних правых! Дума может заниматься д о к а н и к у л.

Стахович. — А потом «не позднее ноября 1916 г.»

Олсуфьев. — 1 января будет чистка «блока» (Оболенский и т. д.), и все полетит.

Стахович. — Если будет такая перетасовка, то вопрос, грустно или желательно? По моему, желательно. Пусть в открытую. Доверяю Куломзину и его определенному отношению.

Я ставлю общий вопрос: как относится блок к событиям? Будет ли действовать?

Ковалевский Е. — Мы считали бы нужным от имени блока оценить: 1) роспуск Думы, 2) отношение блока к переменам кабинета и 3) отношение к бюджету — итти ли сокращенным путем или сообразно естественному ходу дела без торопливости? Все это в первых заседаниях Думы, но с е г о д н я может быть преждевременно. Мы накануне у ж а с н ы х перемен в министерстве (относительно Поливанова). Общее мнение: с 25 — 27 ноября до каникул, его и высказал Горемыкин [9]).

Ефремов присоединяется ко мне. Образование блока произвело благоприятное впечатление. Его учли, как новую силу, и были удручены, что блок себя не проявляет. Некоторые нашли, что роспуск—крушение блока и доказательство несостоятельности всей затеи. Эти го-

лоса единичны, но не единичны голоса, что за два месяца блок себя не проявил. Не реагировали ни на роспуск, ни на отвержение нашей программы (неприем депутации). Нам надо оживить и проявить деятельность. Большой вопрос, нужно ли реагировать на перемену лиц — нужна перемена системы. Нам надо было реагировать на видимую безрезультатность появления блока. Обращение блока — причина прекращения сессии. Нужно показать, что мы не признали свои заявления неправильными, когда нам дали понять, что программа несвоевременна. Не должны давать возможность так истолковывать. Срок до созыва Думы не так велик: надо добиваться скорейшего созыва. Это будет п е р в о е проявление. Важно подробно выяснить отношение к п е р в о м у дню возобновления сессии. Придется сказать не только о факте перерыва, но и раскрыть многое из того, что стало известным нам в совещаниях: не тайны, а заявление, что без изменения двойственной системы невозможно себя усилить. Сессия должна быть длительной, но нельзя добиваться этого смирением и послушанием. Мы никого не надуем, если будем изображать финансовое благополучие.

В. Львов. — Милюков верно сказал, что блок должен действовать независимо от созыва Думы. Понятно, почему бездействовал. Мы присутствуем при полном крушении надежд, из-за которых блок основался. Изменение фронта должно выразиться в некоторой с о с р е д о т о ч е н н о с т и п е р е д а к т и в н о с т ь ю. Милюков осветил отношение л е в ы х к б л о к у. Я тоже н е о ж и д а л и был поражен с о ч у в с т в и е м с п р а в а. Сочувствие к к а б и н е т у д о в е р и я чрезвычайно широко. Бездействие блока при этих условиях основательно. Действия блока должны быть осмотрительны, чтобы сохранить доверие в с е й страны. Сочувствуя мысли, что блок должен действовать, призываю к осмотрительности. Положение будет гораздо труднее при открытии сессии. Перед нами глухая стена, которую можно взять только фронтальной атакой.

Шидловский. — Мы все на местах вынесли известные впечатления, но они субъективны. Каждый ищет подтверждения своих взглядов. Я не буду петь дифирамбы блоку, он не произвел впечатления, но неимоверно в о з в ы с и л а в т о р и т е т Д у м ы. Блок сыграл роль служебную. Поддерживать это уважение к Думе вопрос серьезный. Если бы сводить счеты с правительством, нам учиться нечему: д л я э т о г о материала много. Но нам нужно будет считаться с состоянием войны и, не теряя физиономии, не меняя отношения к правительству, не ослабить единения для борьбы с внешними врагами. Ближайшая тема наша — выдумать этот путь; сразу тактики не определишь. Единичные смены для нас не имеют значения: имеет значение намерение

итти обратной дорогой, чем мы, и должно вызывать отрицательное отношение. Пока не имеется парламента, должно пропагандировать свои взгляды путем печати (*Я* — даю справку: «Если мы будем иметь мнения, они просочатся»). Надо проводить в публику и долбить всеми мерами наши взгляды. Надо подготовиться основательно к сессии и достигнуть полного единства выступления — совместного. Вот две очередные задачи.

Васильев. — Первый предмет обсуждения — может ли блок ускорить созыв Госуд. думы?

Шидловский. — Я считал этот вопрос предрешенным, но какими способами? Кто противодействует?

Олсуфьев. — Вопрос П. Н. Милюкова о необходимости новой ориентации вполне своевременен. Как правый, выскажусь откровенно, а потом сделаю уступки. Действия блока вне парламента были бы нарушением программы блока. Вначале страна отнеслась с громадным сочувствием, но с тех пор большие перемены. Тогда мы защищали Россию от возможного вторжения — общее сочувствие: все для войны. Мы относились трагически к перемене командования. Катастрофа. Все мы ошиблись; государь видел дальше. Перемена повела к лучшему. Идол оказался пустым идолом. Блок — и общество — в самом коренном вопросе ошибся и потерпел крушение. Затем мы предлагали для войны сместить министров. Самый нежелательный остался, и война пошла лучше. Прекратился поток беженцев, не будет взята Москва — это важнее бесконечно, чем — кто будет министром и когда будет созвана Дума. В коренном вопросе мы потерпели поражение. Нужно изменить тактику. Воинственность блока теперь не будет отвечать положению, а некоторая сдержанность, «вооруженный нейтралитет», а если будем махать руками, уроним авторитет. Важна не программа, а единение: потенциальная сила в запасе, скоро потребуется выход на сцену. Торопиться не следует. Раньше созывать Думу — наивно. Если опять будет поражение — опять закричим, что нужно волостное земство. Теперь блок должен признать перемены на политической сцене (*Шидловский*: «Блок не касался командования».). Нет, это в связи. Правительство всех раздразнило; когда-нибудь ему припомнится это. Но это грубое обращение, которое искупается общим положением на театре войны. Во внепарламентское время блок не обязан действовать. «Фронтальной атаки» не советую; ничего не останется; весь автомобиль полетит в пропасть.

Стахович. — Одинаково несогласен с Ефремовым и Олсуфьевым: они со мной расходятся в самом понимании блока. Он не мог реа-

гировать: это не входит в его задачи. Несогласен с оптимизмом Олсуфьева. Что лучше? Войска увели с восточного фронта на южный? кто знает? На Балканах все хуже: оттяжка на год. Блок был прав в своем скептицизме. Тогда мы не знали, что будут Балканы. Но я расхожусь в том, что представляю блок, не как Ding in sich, а как мобилизационный и организационный момент. Когда нет войны, мобилизационный отдел не может действовать. Блок — организация многих партий. Никаких упреков не приму. Скользят по 2½ [?] вопроса, а это главное: мы можем в междусессионное время не смущаться сменой министров, а когда соберутся палаты, надо сделать все. Мы должны так подготовиться, как германский штаб, к 25 ноября — 18 декабря: беспощадная война.

Шульгин. — Задело, что сказал Олсуфьев. Это не так. Говорят, наша ошибка относительно командования. Чем опровергается наше мнение? Пожалование «георгия» есть удар. Случилось, что было хорошо, когда он поехал на фронт. Могло быть иначе. Мы говорили: это последняя ставка династии. Так и смотрел государь. Произошло лучше, потому что убрали Янушкевича, но это наше дело: Алексеев — думский кандидат. Здесь ошибки не вижу. Острое положение с беженцами успокоилось; но ведь мы вопили с утра до вечера. Ошибка наша, что сами себе не верим: мы успокаивали и удивляемся, что спокойно. (*Олсуфьев*: «Я говорю о том, что «кажется»). Мы предполагали, что это процесс длительный (заказы до июля 1917 г.) Но согласен, что единство было единством политического мышления, но не было соглашения для немедленных мер (помимо смены правительства). Требуются рецепты (дороговизна, пути сообщения). Делового единства нет. При открытии Думы страна будет говорить: вот Хвостов делает, а вы? Если делает хорошо, надо сказать: хорошо. Мало сказать, что дурно. Надо сказать, что делать. Это подводный камень. Мы не выработали практических мер. Блок не работал, потому что нас растыкали по комиссиям, а совещания не оправдывают своего назначения. Затем придется готовиться к дальнейшему. Надо предвидеть дальнейшее: никто не думает об основных вопросах войны: план, подготовка. По отношению к правительству: деловая оппозиция (*Олсуфьев*: «Не политическая, а деловая»). Готовиться и к бедам и к победам.

Меллер-Закомельский. — Вопрос важный и опасный и чреват последствиями. Скорейший созыв и более длительная сессия не возбуждают двух мнений. Последующий вопрос — об общей тактике — вызовет большие разногласия. Теперь же надо употреблять все силы,

чтобы согласиться о тактике. Легко соскользнуть с почвы борьбы с правительством на конфликт с короной. В провинции — Земский и Городской союз понес афронт [10]). Настроение приподнятое. Надо избрать подготовительную комиссию «лидеров» для выработки тактики.

Львов. — Картина Олсуфьева может быть где-нибудь в Царевококшайске. Если это мысли Олсуфьева, я повергнут в полное изумление. Я смотрю на происходящее крайне мрачно. Военные авторитеты мне говорят: не раньше года. На театре с пунктуальной точностью исполняется план генерального штаба германцев. На Балканах — последняя точка войны. Если Германия расщепит Сербию, она сделает, что хотела (*Бобринский* протестует, *Стахович* подтверждает). Полное поражение, крушение монархии, анархия в России — вот что нас ожидает. Что у вас будет на сердце, когда скажут, что Алексеев никуда не годится? Я, как страус, прячу голову в карман, чтобы не притти в нервное настроение. И все люди сведущие делают то же самое. Блок не разбит. Критикуйте, но будьте справедливы. Блок говорил: нужна нравственная атмосфера, которая облегчит задачу. Я слышу справа: о, если бы было другое правительство, какая бы энергия развилась! «Для победы вводить волостное земство», это — возражение врагов. С общественным министерством страна бы знала, что рано или поздно эта программа будет осуществлена. То, что случилось, это — сумасшедший дом. Возможна была уступка блоку или — status quo. А правительство раздражило все общественные силы России. Разве это — оздоровление тыловой атмосферы? Громаднейшая ошибка правительства, а не блока. Никто не может сказать, что будет через месяц. Блок хотел принести жертву, разделить тяжелую ответственность, а не сидеть спокойно, критикуя. Это было продиктовано гражданским чувством. Тупые люди, которые ничего не понимают: все объясняли стремлением к какому-то захвату власти. Блок ни в чем не ошибся. Вся Россия висит на воздухе. Смена Совета министров, непосредственное вмешательство короны поставило всю Россию в конфликт с короной.

Бобринский. — Мы не должны вдаваться в крайности. Олсуфьев верно обрисовал положение. Оно совершенно другое, чем когда образовался блок. 23 августа была паническая эвакуация Киева. Иванов к середине сентября ждал эвакуации юго-западного края. Никто не верил в сохранение Риги и Двинска, опасались за Псков. Теперь положение улучшено. Появились снаряды, мы остановили неприятеля. Правда, Сербия. Но поход немцев вызвал потери от сербской армии; наши союзники пустили в ход незанятые войска и бороться [11]) с немцами на более широком фронте. Как немцы справятся с этим коридором, увидим. Осенью нам нужно было остановить наступление на Петроград и Москву, чтобы получить р у ж ь я. В августе месяце мы

бы перекрестились, если бы нам это сказали. Россия отнеслась спокойно несмотря на ухудшение правительства. Роковой вопрос — когда в июне мы требовали созыва Думы — мы говорили при теперешних министрах теперь нельзя — надо убрать — теперь положение другое. Правительство стало хуже. Что будет при встрече? Смета св. синода. Не речи Керенского, а что мы скажем? Подослали меня спросить: кого в товарищи обер-прокурора, чтобы мог говорить в Думе? Я сказал: место не вакантно. Мы говорили 3 сентября: Думу нельзя будет собрать с Горемыкиным. Как будем теперь? Нельзя сказать: это не наше дело. Я ответа не нахожу, и меня созыв Думы страшит.

Стахович. — Вне сессии блок не должен действовать. Во время сессии должен. Наша задача — сейчас же приняться за разработку не только нашего плана, но и возможных комбинаций. Кто будет говорить, в каком порядке? Со следующего заседания рассмотрим: только бюджет или и другие вопросы? Соотношение Думы и Совета изменилось. Больше поддержки для законодательных работ.

Ржевский. — О бюджете речи не может быть. Он не будет готов.

Ковалевский М. М. — Меньше опасности для столиц и больше опасности проиграть всю кампанию. Не вижу, что блок провалился. Он одержал победу в Госуд. совете, ослабив запруду. Сдвиг произошел. Все значение блока сводится к тому, что создано большинство в Госуд. думе, в Госуд. совете блок против рассеивается[12]). Никто не будет так наивен, чтобы ожидать, что старики сами уступят. Но раз вы приняли борьбу, то должны не ограничиваться заявлениями, а приступить к деятельности, которая покажет, что есть в Думе большинство, которое его не поддерживает. Оппозиция короне — не дело Думы. Это дело Городского и Земского союзов, которые могут не соображаться с блоком. Вы должны вести борьбу во-всю, пользуясь законами. Делайте запросы (уход Самарина), шельмуйте, раскрывайте. Законопроекты. Можно задеть интересы обороны: воздержитесь. Стоустая молва говорит, что председатель Совета министров говорит: вешают собак, я руковожусь высшими соображениями, когда я уйду, будет заключен мир. Очевидно, чувствует неловкость положения. Найдите средство доказать, что он не на месте. Практически: перейти к подготовке сессии. Если от имени блока будете требовать скорейшего созыва, — отложат. Сделайте вид, что блоку нежелательно и трудно разобраться.

Гурко. — Основное положение не в вопросе об «ошибках», а достигнута ли основная цель. Цель была — обеспечить победу. Мы решили, что при современном правительстве победа

немыслима. Изменилось ли это? Можем ли верить, что это правительство — в состоянии. Другого ответа, кроме отрицательного не может быть. Улучшение военного положения — хронологический инцидент. Ни победы, ни внутреннего мира. Медем (гос. прокурор) хуже кретина (племянник Горемыкина). Пути сообщения — Марченко — ближайшие отношения с Гришкой (*Олсуфьев*: «Назначен Ронжин».). Цель остается та же: сменить правительство или обеспечить в нем более толковые элементы. Обращение к улице? Может быть, в крайнем случае. Лучше сейчас, с патриотическим настроением, чем потом, когда всех потопит. Что же действует? Только страх. Надо его напугать до белой горячки. Все спокойно — будем гнать. Если будем молчать, сам Гришка будет премьером. Молчать нельзя. Дело блока — инсценировать. Ни в Думе, ни в Совете никаких действий, которые дали бы право закрыть Думу. Речи должны быть спокойными — первый день — строго в пределах. Перенес бы в комиссии, где приступил бы к напугиванию (нельзя распустить Думу): если не будут приняты меры, то меры решительные, вплоть до отказа в кредите, и соответствующие выступления в первый — второй дни не только в Думе, но и в Госуд. совете. Блок должен проявить жизнь. Единение, которое не действует, атрофируется. Надо конкретно говорить о тех или иных действиях блока.

У Меллер-Закомельского 30 октября [1915 г.].

Продолжение прений об общей тактике.

Крупенский. — Не нужно комиссий. Решим сами.

Другие возражают. Нужен доклад, канва.

Шидловский. — Меня спрашивали члены бюджетной комиссии: принял ли блок меры для ускорения бюджета?

Меллер. — Говорили, что, напротив, затягивать.

Крупенский. — Бюджетная комиссия высказалась: рассматривать обычным порядком.

Я. — Предлагаю схему беседы: 1) до Думы (немедленный созыв, агитация в печати, продолжительная сессия), сговариваться ли с правительством? 2) первые дни Думы (политические выступления: роспуск, министерства, наша программа, съезды); 3) отношение к бюджету (темп, отказ или нет); 4) законодательство блока (по программе).

Ефремов. — 5) Отношение к особым совещаниям.

Олсуфьев. — 6) Вопросы внешней политики. Нужно и в верхней палате. Начать с этого.

Львов В. — Теперь этот вопрос зависит от военных действий. Касаться славянского вопроса — несвоевременно. Русские интересы должны превалировать. В зависимости от исхода балканской кампании нужно решить и путь внешней политики.

Я. — Против.

Гурко. — Тоже. Нельзя все ставить в зависимость от военных действий. Надо иметь постоянную цель. Достижение, темы могут быть оппортунистически сужены, но цель должна оставаться. Страна незнакома. Народное представительство считает это своим долгом. Но выступать от блока нельзя: вопросы слишком сырые. Предоставить отдельным ораторам и лишь поставить на рельсы.

Ковалевский М. — Еще в первой Думе стоял за занятие внешней политикой в палате. В принципе согласен. Но исключительные условия: нельзя итти дальше Англии. О Греции и Румынии нельзя говорить. Выступления от блока были бы весьма действительны. Заявление, что желают продолжения войны. Англичане побаиваются предварительного мира. Французы не боятся, пока германские войска в пределах России. Если бы было ясно в Германии, что на мир не идем, могло бы иметь последствия.

Васильев. — Блок будет иметь огромное значение, подходя к миру. Надо готовиться. Выступления в общих чертах должны быть известны блоку. Это даст им авторитет.

Олсуфьев. — Не знаю, опасно ли в Думе. Но, по крайней мере, в среде блока надо ориентироваться. Военные события зависят от целей политики. Мир ближе, чем думают. Надо составить мнение о Болгарии: печальное недоразумение, которое скоро разрушится; выступление династическое, а не всего народа, который остался верен освободителям. Если ругать Болгарию, лучше не выступать. Смешно, что теперь происходит в Болгарии. Может быть, придется сказать об уступке Румынии из Бессарабии. Румыния давно бы выступила. Правительство без Думы не решится. Надо подчеркнуть, что центр — на Балканах, а не около Риги. Надо обменяться этими мыслями. Германия теперь уже обсуждает вопрос о мире. Назначить специальное заседание в блоке, не предрешая, говорить ли в Думе.

Ефремов. — Подробнее развивает п. 5-й. В связи с возобновлением сессии надо обсудить: 1) выходить ли из совещаний, 2) сделать ли в Думе доклад о деятельности совещаний, 3) вывод Думы: такие совещания вредны, отозвать членов, 4) предложить принять закон в порядке законодательных предположений, 5) вопрос о суточных не кончен. Совет министров изменил статью законов.

Прения по программе.

П. I. До Думы. Требование созыва Думы.

Меллер-Закомельский. — Бюджетная комиссия, как таковая, не действует. Роспись не внесена. Бурное заседание и циркуляр.

Шульгин. — Ничего нельзя больше сделать, кроме печати. Лучше стоять не на том, чтобы скорее созвать, — это будет подогрето — но очень сильно о продолжительности сессии. Можно представить примеры: была бы Дума, не было бы провинциальных запрещений.

Ефремов. — Согласен: поднимать нервный крик после двухмесячного молчания — неловко. Но своевременно говорить, что возможный срок уже наступил. Но можем и сделать: повторить настойчивый созыв фракции. Когда все в сборе, ясно, что интерес возбужден. Отвергать мысль о возможности кратковременной сессии. Повторение газетчиков, которым нечего писать. Надо установить отношение к законодательной работе (волостное земство — очень распространено, что только о войне). Если бы мы победили в вопросе о правительстве, то тогда бы было не так нужно законодательствовать.

Ковалевский М. — Разговоры о Думе должны вестись сотрудниками газет. Мы — внушители. Если бы блок настаивал, Думу бы созвали позднее. Но теперь же можем шельмовать правительство по вопросу о кратковременности, тем более, что роспись не внесена. Согласен, что с бюджетом спешить не следует. Английский парламент уже сто лет назад — вотировать в предпоследнем заседании. Обнаруживать рвение, чтобы сейчас же заняться, — но настаивать, что роспись не может быть рассмотрена в 3 дня.

Гурко. — Присоединяется, но думает, что надо говорить и о скорейшем созыве. Право существовало с 4 сентября. Существуют конкретные причины желать созыва. Соединить с длительностью сессии. Конкретный вопрос — эмиссионное право — остается 123 миллиона рублей, а предполагалось до 1 февраля. Выдумали трюк: золотой запас заграницей. Выпускать бумажки под отрицательную стоимость нельзя.

Крупенский. — Согласен со всеми пунктами.

Меллер. — Резюмирует. Распределяется между членами пресса (Шульгин — «Вечернее время», Шидловский — «Русское слово»). Вопрос о выступлениях — трагический. Правительство Горемыкина везде выставляет монархию. Надо найти тон, чтобы не было конфликта с короной. Это главная задача комиссии. Выбор комиссии.

Львов В. — У нас, бесспорно, конфликт с короной.

Ефремов. — Надо больше расчленить, о чем говорить в первом заседании. Оценка происшедшего — хозяйственная разруха — финансовые перспективы — неисполнение нашего главного условия — личная политика — формула осуждения и, в «мотивах» — «привела к безысходной финансовой разрухе», — из патриотических побуждений нельзя не осудить.

Ковалевский М. — Не раз в других странах депутаты, при конфликтах с короной, сознательно лгали, — фикция ответственных за Совет министров. Сделать козлом отпущения Горемыкина. Расчленить на два дня, а если все в первое заседание, то второго не будет.

Гурко. — Нельзя отрицать конфликта с короной, но теперь, к счастью, премьер тот же, а на него были все нападки. Но в комиссионной деятельности не скрывать: единственный способ воздействия — страх. Слова Vergniard.

Шульгин. — Первый день — должен быть финальный аккорд. Формула перехода. К ней нужно располагать всю пьесу. Начать с армии и войны, вести до конца, никакого мира (какая-то записочка ходит из московских кругов «светлейший государь, молим тебя»). Мы должны предвидеть, что нас скоро разгонят, надо сразу сказать, что надо сделать: все для усиления армии, призреть увечных, — война будет долгая, поэтому подготовлять организованность страны, провести ряд законов (кооперативы), коснуться насущных вопросов (дороговизна): удержать правительство от рискованных шагов, государственный социализм. Единение всех. Разгонять будет труднее (*Олсуфьев*:— «Законодательное урегулирование Земского и Городского союзов».)

Олсуфьев. — Размазывать на много дней критику правительства нежелательно. Надо все сконцентрировать в первый день. Перейти к вопросам делового характера. Иначе, через два-три дня разгонят. Надо помнить о враге.

Шидловский. — Было бы лучше — в первый день; вопрос в качестве ораторов. Нужно включить в резолюцию фразы и мысли патриотические, которые бы страховали Думу. Если будем перечислять вопросы, затянем. Лучше установить общие основания. Отсутствие нападок на корону. Строго конституционный путь. Хотим ли кивать толпе или сохранять удивительное спокойствие и достоинство. И Дума должна принять со спокойствием. Последнее заседание. Придать характер не демонстрации, а строгой, деловой, беспощадной критики.

Бобринский. — А какой повод для прений?

Шингарев. — Если старец придет, нельзя ручаться за спокойствие.

Гримм. — Ввести в резолюцию наше указание на отношение к правительству. Личный режим можно осветить указанием на неконституционный образ действий правительства, создающего опасность конфликта. Правительство подрывает основы строя. Обойти нельзя. Опора на революционеров справа есть косвенное недоверие стране. В Госуд. совете никакой формулы — не удастся. Будет обезличенная, которая затемнит дело.

Меллер. — У нас maximum — разрешение сказать политическую речь.

Львов В. — Несогласен, что можно избегнуть указания на конфликт с короной, критикуя правительство. Правительство не объединенное, прямое вмешательство короны в управление, хаос. Перед страной говорить: правительство во всем виновато, никто не поверит.

У Меллер-Закомельского 2 ноября [1915 г.].

Меллер. — Резюмирует предложения, сделанные относительно содержания резолюции Думы.

Стахович. — Ставится вопрос, возможна ли общая резолюция?

Меллер. — Невозможна.

Крупенский. — Тогда нет пользы от блока в Госуд. совете; вы нам хотите за наш счет давать советы, а сами не помогаете. Лучше тогда совещаться нам между собой.

Меллер. — Госуд. совет не будет плотиной, но требовать повторения политической декларации нельзя.

Стахович. — Не подразумевал слово в слово повторения. Но надо поставить боевым вопросом солидарность с Думой. Если этого вопроса не поставим в виде резолюции, речей мы говорить не будем, иначе придется повторять. А обсуждение аналогичной резолюции — советское дело: определится, к т о з а солидарность.

Ковалевский. — Члены по назначению не хотят расходиться с правительством. Бывшие министры говорят: мы гораздо левее вашей программы.

Дмитрюков. — Если все возлагать на Думу, а Совет будет помалкивать, то где же единение? Распустить и кончено. Госуд. совет начинает н е с подавляющего большинства, как и мы 5 лет назад. Резолюция провалится, но как? Подсчет такой, что не получите большинства. Не может быть 70 и 80 [13]). Д о л ж н о повторять то, что в Думе; язык, манера — разные, но дух один. С вами вместе — нас скорее не разгонят.

Гурко. — Или существует блок и надо громко сказать с трибуны или вы должны встать и уйти. Под лежачий камень вода не бежит.

Если будем продолжать играть в молчанку, погубим. Должны начать с первого дня.

Крупенский. — Вынести резолюцию можно. Говорите и вы о внешней политике, чтобы ошибка была сделана вместе. О церкви — в Госуд. совете иерархи церкви — важнее. О бюджете — если в указе срок — начало и конец — если Дума скажет: нельзя, пусть скажет и Госуд. совет. Если за это нас разгонят, чтобы были обе палаты.

Ефремов. — Не было заданием сегодняшнего дня выработать резолюцию. Теперь только обменяемся общими вопросами, а детали — по докладу комиссии.

Олсуфьев. — Между Думой и Советом — существенное различие. Блок нельзя официально вынести на трибуну. И среди Думы оговорки. Тем более нельзя в Госуд. совете обязываться поддерживать солидарность. Тогда лучше распустить верхнюю палату, акт не конституционный. Практически — присоединяюсь к заявлению о трудностях. «Группы» Госуд. совета ничем не обязываются («беспартийные»). Как Гурко рассчитывает тут поддержку? А центр — мы... [14]). Нас уполномочили ходить и рассказывать. Подписали, но с оговоркой — reservatio mentalis [15]). Блок важен не по формальным основаниям, а по внутренним соображениям, внутреннему единению.

Меллер. — Вопрос о взаимном отношении палат — не на очереди. Все члены Госуд. совета сделают все зависящее, но ответственность за большинство не возьмут.

Стахович. — Вопрос — блок из двух палат или это недоразумение — впереди. Надо решить.

Гримм. — «Неконституционно» — если сходятся на минимальной программе? Нравственное обязательство говорить в духе блока. Вопрос о резолюции — тактический, насколько целесообразно вносить. Резолюция наша вызовет контррезолюцию, которая пройдет — и при закрытой баллотировке еще лучше пройдет. У нас соглашение часто на взаимном воздержании.

Опочинин. — Согласен со Стаховичем: идем вместе или нет? Говорилось, что и упоминать не надо: брак незаконный. Не понимаю, зачем мы совместно работаем.

Гурко. — Олсуфьев видит конституцию в раздоре. Идеал порядка — в единомыслии. Но нечего опасаться такого единомыслия. Вопрос об обеспечении прохождения известной программы в ее основных очертаниях. Я «тонкий» член в качестве «беспартийного». Вопрос в том, чего вы ждете. Если заявления от фракции, — то кроме левых не найдете. А совместная резолюция не формально, но фактически блоковаая — возможна. Но ни один беспартийный не назовет себя членом

блока, а программу принимают. Нужна резолюция не однозвучная, а однородная. Важен факт произнесения речей, приучить стены к живым речам. Подавляющего большинства против нас не будет, и контррезолюция не пройдет; против нее подавляющее большинство, и они ее не выставят.

Шидловский. — Никто не требовал заявления о блоке, но голоса, подходящего к думскому.

Бобринский. — Надо выработать проект резолюции врозь, а потом сойтись.

Ковалевский М. — В Госуд. совете есть принципиальная разница: вы предпочитали административную деятельность, а Госуд. совет предпочитает разделение властей и законодательство. Так и в еврейском вопросе. Госуд. совет не за 87 статью. Многие вопросы решаются путем советов министрам: находили (в «центре») программу очень робкой. Если хотите большего меньшинства, усильте законодательный элемент.

Олсуфьев. — Было говорено о формальном провозглашении блока. (*Я*: — «Вы подписались, хотя и с reservatio»). Нет, не подписывал. Неконституционно — всегда соглашаться или никогда не соглашаться.

Я. — Не спускаться ниже резолюции 19—20 июля.

Шульгин. — Должно быть две резолюции: одна, если будет срок роспуска, и другая, если не будет. Отношение должно быть совсем иное: короткая и энергичная резолюция, как и сессия.

Шидловский. — Все указанное П. Н. принято. Единственное предложение Крупенского. Единственно не обсужденный вопрос —отношение к совещаниям. Должна быть одна комиссия, которая представит проект того, что будет затронуто в резолюции.

Ефремов.— Может быть, в случае осуществления предположения Крупенского — никакой резолюции!

Я. — Комиссия не режиссирует, не сочиняет речей: невозможно заранее.

Меллер. — Угодно одну комиссию?

Крупенский. — Я за две.

Предварительное обсуждение кончено. Решено — одну. 9 членов: 6 от Госуд. думы, 3 от Госуд. совета.

О бюджете.

Шульгин. — Недопустимо во время войны. Даст почву противникам войны.

Дмитрюков. — Против отвержения бюджета. Никто так и не ставил (А. И. Гучков условно). Покушение с негодными средствами.

Отвергать можно смело, потому что он фиктивный, сокращенный: мы выбирали статьи, которые механически не восстановлялись. Теперь таких нет. Повод для роспуска хороший. Но бюджет заслуживает исключительного внимания с точки зрения сведения баланса. Ошибок — миллионов на 500. В какой срок уместится, неизвестно. Главное значение — доходная часть. Вопрос всей налоговой системы. Заслуживает подготовки. Потребует времени. Не будет рассмотрен в этом году, но не из протеста, а из добросовестности.

Ефремов. — Не будем говорить по существу. Комиссия должна представить суждение, что законодательные палаты не должны впрягаться в этот срок, а рассматривать нормальным порядком. Допустимо ли отвержение? Нужно ли отложить до предпоследнего дня сессии, как доказывал М. М. Ковалевский? Какое иное отношение к указу, включающему срок роспуска? Обсудить отказ в бюджете в этом случае. Нужно ли касаться английских займов? Союзные отношения, бережение кредита — пройти молчанием или указать, что мы ведемся к банкротству.

Шидловский. — Это вопрос принципиальный, который должен быть решен в общем собрании. Партии делились: некоторые допускали — и мы. Но в данную минуту вопрос академический. Не придется отвергать. Ни один из моментов не наступит: ни переход к постатейному чтению, ни окончательный вотум. До рождественских каникул не пройдет: не будет доклада к декабрю, а только к концу января. Зачем принципиальное постановление, когда оно не понадобится?

Опочинин. — Либо соберут на 10 дней, либо нормальное обсуждение. Общего доклада не может быть раньше конца декабря. Если срока не будет, то против отвержения бюджета. Это не исключает необходимости указать, что не отвергаем из патриотизма, а в мирное время обязаны бы были отвергнуть при данных действиях правительства.

Я. — Присоединяюсь к Шульгину, Дмитрюкову и Опочинину. Надо сразу указать, что бюджет не отвергается.

Ковалевский М. — Тоже присоединяется.

Гурко. — Тоже, но надо с места сказать, что не отвергаем, и мотивировать необходимость длительной сессии; указать, что в срок неисполнимо. Вам укажут, что правительство было поставлено в тяжелые условия. Надо указать на позднее внесение: ответственность перелагается на правительство.

Ржевский. — В этом году бюджет особый: ни разу не было. Доходная часть — громадный интерес. Фантазии в исчислении. 87 статья (жел. дороги). Отвергая бюджет, мы лишили бы себя воз-

можности критики. В данном случае я против отвержения: было бы вырвано могучее оружие борьбы. Сейчас война, и широкое население не поймет.

У Меллер-Закомельского 5 ноября [1915 г.].

Комиссия о резолюции.

Я. — Предлагаю не готовить текста, а перечислить содержание ее.

Ефремов. — Сперва наметить рамки речей, а потом более узкое содержание резолюции. Хозяйственная разруха? Финансовые перспективы? Или представить пределы речей свободному усмотрению?

Львов. — Согласен со мной. Предоставить партиям обсуждать наш проект. Наметить только канву.

Шульгин. — Обнять все — невозможно, а в речах должно быть все. Надо избегать повторений. Лучше избрать, в зависимости от вкуса каждого, ряд специальных тем, а остального коснуться вскользь. Порядок ораторов координировать с предметом их речей. Читает программу предметов, что Дума хотела сделать: 1) война до конца, нет мира; 2) привет армии — нашей и союзникам; 3) все для армии, ее снабжения и нужд — забота об армии; 4) увечные; 5) «все для войны»; 6) война будет длительная, нельзя убаюкиваться временными успехами; 7) необходима для длительной войны организация страны; 8) «внутренний мир» — у кого революция в столице, тот первый скажет: мир; 9) осуждение правительства, которое не понимает этого; 9а) необходимость длительной сессии; 10) в чем организация страны? 11) ближайшие меры — анархия на дорогах, дороговизна, переполнение городов, холера, беженцы, финансовая политика (Барк); экономическая политика (губернаторский социализм); 12) дальнейшие меры: кооперативы и другая законодательная деятельность Думы: волость и все остальное; опять вернуться к Думе: ее сохранение. Memento: Сухомлинов. Страховка от ошибок.

Я. — Привожу примеры резолюций. Указываю пробелы в проекте Шульгина сравнительно с Земским и Городским союзами.

Дмитрюков. — Надо уловить основное отличие этой резолюции от предыдущих. Она должна сказать новое слово. Наши резолюции представляют одну линию поднимающуюся. Градация 26 июля — 27 января — 19 июля — недоделанное, недосказанное вследствие грубого жеста Горемыкина. Должно теперь итти crescendo, считаясь с возможностью разгона и вложить все в первые выступления. Намеченная программа бледна, для резолюции — много. Нужно выразить кратко и выпукло не отношение к войне, а указание, что значит:

все для войны. Ругать правительство надоело. Нужна новая мысль: ответственное министерство. Формула «доверия» ни в каком государственном праве не значится. Все утверждают, что министерство доверия то же, что ответственное министерство, лишь только война кончится. Говорю искренне и убежденно: другого выхода для России нет. Мне известно, что наверху заговорили об ответственном министерстве: нам не поверили. Иначе вы страну не удовлетворите. Вашу формулу все забыли. Затем надо сказать о манифесте 17 октября: 10-летие. Надо отметить и роль блока, его существование. Должны быть речи блока: не должно быть личных и фракционных обид. Надо показать, что есть партия, но не «партия войны» Горемыкина. Роспуск Думы до срока должен найти отражение. Не детализировать на 15 пунктов и нете вопросы, а более яркие. Вопрос о Госуд. совете, что он может сказать относительно настроений, которые нужно подчеркнуть. Хочу итти теперь прямой дорогой: страна достаточно созрела, экзамен выдержала. Бояться, как бы не повредить войне, не приходится.

Шидловский. — Форма наших занятий: не материал для ораторов, а выработка резолюции: блюдо, а не соус. Обсудив, как будем мыслить, получили бы ряд положений для обсуждения блока в целом и фракций. Момент для одного выступления всего блока не настал: достаточно общего тона речей и одной резолюции. Это был бы «ход с козырного туза».

Я. — Против изменения лозунга на «ответственное» министерство. Мои доказательства [16]).

Меллер-Закомельский. — Для Госуд. совета неудобно — агитация «Земщины». (Поддерживает меня.)

Львов В. — Цель резолюции — привлечение широких слоев. Блок этого достиг. Согласен со мной, что изменение программы блока может разбить блок. Резкость тона отшатнет. Поэтому резкость нежелательна. Против «ответственности» министерства. Программа блока— новый манифест 17 октября. Дайте ей войти в широкие массы. Даже умеренными нашими кругами воспринимается (Самарская губ.). Все собрание было правое, либеральные представители уездов отсутствовали. В результате против трех встали все за земскую резолюцию.

Меллер. — Трудно, не имея резолюции, вводить поправки. Важно отметить, что спокойствие общества вызвано — патриотизмом, а не мерами правительства. Россия проявила громадный патриотизм, несмотря на меры правительства, благодаря войне.

Ефремов. — Формула перехода должна быть краткая. Поэтому дело идет не только о тоне, о яркости и резкости, а о существе

понятий. Разногласие между Шульгиным и Дмитрюковым не в тоне, а в существе. Нужна краткость и яркость понятий. Поддерживает безусловную необходимость внесения «ответственного министерства». Надо сказать больше, чем в июле. Почти повсеместно ясно, что конфликт с короной. Обывательскому пониманию напрашивается ответственных министров [17]), а не монарха. Объясните юридическое основание министерства доверия. Может отколоть левых отсутствие этого, если отколет правых — присутствие. После того как формула «министерства доверия» ни к чему не привела, надо признать, что была сделана ошибка, и дважды ее повторять нельзя. Можем ли длительно воспитывать мысль обывательских кругов? Если ориентировка направо, согласен с В. Н. Но наша ориентировка на среднее течение. К кому будет обращена резолюция? Если сохранить Думу от подводных камней, одно. Если попасть в тон с настроением более широких кругов, другой тон. Придавать значение резолюциям съездов два месяца назад и не придавать значения резким осуждениям этой формулы неправильно. В речах можно указать, что это не слагается в законченный вид парламентаризма. Но заменить положение, в котором министры выгоняются, таким, в котором они уходят, когда им не оказано доверие при существовании блока.

Шидловский.— Тогда блока и не будет; надо будет создавать другой. Блок слишком дорогая и ценная вещь. Ускорять темпы основных требований было бы политической ошибкой. «Ответственное министерство» вас тоже не спасет от ожидаемых вами событий. Очень просит не нарушать объединения, которое уже оказало ценные услуги.

Гримм. — Нельзя упускать из виду, что основная задача — борьба с личным режимом. Необходимость министерства доверия (страна и определенная программа) — формула имеет громадное значение. «Ответственное министерство» такой резкий шаг вперед, что это уже не эволюция. Не осложняйте требованиями, которые могут вызвать разногласие. В нашей группе мы можем воспроизвести формулу перехода с намеченным содержанием и собрать 30 голосов для внесения. Какое будет меньшинство, нельзя сказать. Объединение вокруг программы — видимость, но ее надо поддерживать и не разрушать численным подсчетом. Поэтому ко внесению резолюции надо отнестись с осторожностью. Если 50 человек, то стоит. Меньше — политический результат нежелателен.

Меллер. — Несомненно, раздадутся новые речи (Гучков, Трубецкой, Рябушинский, я — что не есть «ответственное» министерство).

Ефремов. — Если взгляд правилен, надо проводить. Меньшинство должно уйти. Предрешать не могу. Говорить за товарищей не могу. Не смогу, как бы красноречиво не приводил доводы, не смогу убедить товарищей не вносить «ответственного» министерства и не говорить в речах об этом. Что может дать для предотвращения революции? А министерство доверия?

Дмитрюков. — Я не выставлял категорических требований, а говорил только, что надо сделать подготовку к переходу, который наступит скорее, чем многие ожидают. До окончания войны этого пирожного попробовать не придется. В «министерстве доверия» нет определенного содержания. После войны — придем, но если находите вредным упоминание — не настаиваю, потому что сохранение блока важнее.

Доклад поручен мне.

У Меллер-Закомельского 9 ноября [1915 г.].

Обсуждение моего проекта.

Шульгин. — Затеривается чувство предстоящих опасностей от сахара и т. п. мелочей. Нас могут упрекнуть, что об армии вы не думаете, смотрите академически и не заботитесь о том, что горит.

Шидловский. — «Внутреннее раздвоение» — неудачно: предполагает раскол направо и налево. Мы все едины, почвы у правительства нет. «Разруха» неправильное выражение, покрывающее слишком многое. «Расстройство», а не разруха. Предлагаю разъяснить обывателю вопросы, близко его затрагивающие.

Стемпковский. — Надо связать вопросы дороговизны (и железнодорожной разрухи) с тем, что они не хотят действовать вместе с обществом.

Львов. — Согласен: это такое же катастрофическое явление, как прежде недостаток снабжения армии.

Шульгин. — Поставить дальнейшее (дороговизна и т. д.) в причинной связи с остальным.

Стемпковский. — Например, мы требовали земства, они отказали, а между тем земство могло бы помочь.

Меллер. — «Спокойствие страны зиждется на патриотическом чувстве» и исходило из наших указаний.

Гурко. — Причем ему имеются пределы.

Законодательная программа блока.

Я. — Развиваю основную мысль.

Шидловский соглашается.

Стемпковский настаивает на внесении единовременного военного налога.

Гримм. — Законопроект о военной цензуре и о подоходном налоге — в рассмотрении. Есть управление в порядке статьи 87 — уравнение в правах крестьян (передано в другую комиссию). Отдых торговых служащих (был возвращен в Госуд. думу из Госуд. совета) — рассматривается вновь по существу. Волостное земство (внесено в порядке думской инициативы). Кооперативы (в комиссии).

Ефремов. — Надо пойти дальше. Комиссии или не переизбирать или переизбирать. Дать кратчайший срок; еще до созыва Думы подготовить комиссионные доклады, чтобы могли пройти в комиссиях в одно заседание, не давать картины длинных речей, провести быстро, все сроки истекли, можно в одном заседании признать желательность и до рождественских каникул провести законы. Желательно, чтобы Госуд. совет подоходный налог провел.

Шидловский. — Едва ли блок теперь мог бы служить междуфракционным органом для подготовки в комиссиях. По каждому специальному вопросу есть во фракциях специалисты. Согласен со мной, что мы должны иметь налицо багаж нашей программы: 1) вопросы организации общества; 2) случайные — почтово-телеграфное проведено по 87 статье; нас упрекали, что выставляем «частные вопросы». Я имею полное право сказать, что и другие были бы проведены, если бы были готовы.

Львов. — Приход, по предложению Папкова. Государь — резолюция: «Совершенно согласен; необходимо немедленно провести». Уменьшение ценза уже предполагается. Хвостов предполагает сейчас же по открытии Думы внести.

Стемпковский. — Легко провести расширение избирательных прав в члены управ.

Ефремов. — Это в виде поправок к нашему проекту.

Шульгин. — Правительство готовит министерство здравия (Рейна). Надо провести.

Меллер. — Министр внутр. дел — яро против него.

Шульгин. — М-me Бернар ездит в Париж и лично привозит шляпки. Не одни шляпки. Золото уплывает. Новые юбки в 12 аршин материи.

Гурко. — Это — вопрос конвенционных тарифов. Против наших союзников.

Общее заседание 12 ноября [1915 г.].

Мой доклад о резолюции[18]).

Шульгин. — Предлагает прибавить — вследствие тягостного впечатления, произведенного особым совещанием военным. Борисов (представитель ж. д.) заявил, что уголь в Петербург доставить нельзя; положение катастрофическое. Необходимо объединение в одних руках и мин. пут. сообщения. Гучков прибавил: надо, чтобы он был в ставке и подчинялся главнокомандующему, оттуда правил. Решено — немедленно доложить государю, чтобы он лично председательствовал в этом заседании. Если этот взгляд отвергнут, то это надо включить в резолюцию.

Васильев. — В совещании о топливе мы слышали, что из Донецкого каменно-угольного района можно вывезти 80 миллионов. Дефицит в 15 миллионов пудов. Нужно 120 миллионов. Больше 105 миллионов не берутся. В резолюции необходимо отметить, к чему привела деятельность особых совещаний.

Крупенский.— Краски гораздо гуще. Не только топливо, но все снабжение армии. Кони мрут, потому что не кормят. Привезти фураж,— люди лишатся одежды. Нет плана. Принято единогласно: 1) ехать в ставку доложить, 2) председательствовать — услышать правдивое слово...[19]).

Годнев. — Топлива в Москве и Петрограде — на 10—15 дней. Разруха полнейшая. Неизвестно количество вагонов в армии, перевозят свеклу. Нужно указать, что Госуд. дума предвидит это, и только при известных условиях можно избежать катастрофы.

Бобринский. — В открытом заседании.

Годнев. — Скрывать нечего. Не доставляют ежедневно 1800 вагонов (вм. возможных 3200 — всего 1400).

Родзянко. — Менее всего склонен лично к секретам; гласность полезна в мирное время. Но засвидетельствование с кафедры о предстоящей катастрофе — произведет тяжелое впечатление в России. Работы идут. Главный корень в военном управлении: полевое управление отдало все фронту. Я вступил в переписку с Алексеевым.

Меллер. — Возвращает к рассмотрению схемы резолюции.

Родзянко. — Было бы желательно, чтобы известно было, что блок тоже присединяется к мысли о единстве власти.

Опочинин. — Мы должны отзываться в резолюции на все жизненные вопросы, в том числе и на вопрос о перевозках. Изложить так, чтобы не открывать тайны, а ука-

зать на одну из задач управления под № 8: задача по упорядочению железнодорожного дела.

Львов В. — Сообщенное должно быть центром резолюции, фокусом лучей. Резолюция носит характер спокойный: резюме трех месяцев, более характер политический, чем военный. А теперь стоит вопрос военный. Только что наладили снабжение армии; теперь другой вопрос, столь же острый. Мы должны забить в набат, как забили в набат 19 июля. Это не блоковая, а всей Думы резолюция.

Ржевский. — Присоединяется к Львову, но не ограничивается одними железными дорогами. Министерство земледелия не выработало плана и находится в состоянии хаоса. Следовало бы картину представить в Госуд. думе. Может быть, в другой резолюции.

Крупенский. — Предлагает читать по пунктам. Недопустимо возвращаться к вопросу амнистии. Сказали раз, — ничего не добились — повторять не надо. Поляки отошли от нас — это ошибка — не повторять. Присоединяется к Ржевскому и Львову. Что ждет Россия: говорят о болестях [20]), которые несравненно выше. Но открыто в резолюции говорить нельзя. Только говорить об ужасных вещах перед врагом.

Родзянко. — Резолюция должна быть, и чем ярче выразить настроение страны, тем лучше. Все должно покрываться войной. Но меня смущает следующее: с начала войны я постоянно находился в общении с Горемыкиным: единственный ответ мне в глаза — это не дело правительства, а е. и. в. Имейте это ввиду. Хование за спину монарха — обыденное дело. То же встретите и теперь. Если будет Горемыкин, то что помогут резолюции? Яркие политические лозунги рискованно выставлять: «глава правительства — государь император».

Я. — Протестую.

Опочинин. — Тоже недоумевает. Где граница между политическими и военными вопросами? Например, закрытие кооперативного комитета? Или законодательство о подоходном налоге? Или отношение власти к рабочим? Одно высокопоставленное лицо негодовало, что не было забастовки на заводе, чтобы выделить неблагонадежные элементы. А вчера — бумага из министерства земледелия, что министерство внутр. дел не только не содействует доставке сапог, но мешает. Это — вопрос политический? Мне непонятно, как можно отделить политические вопросы от военных. Так ли бы шла война, если бы полити-

ческие вопросы стояли иначе? Никак нельзя остановиться на резолюции военной. Мы охолостим резолюцию.

Ефремов. — Соглашается со мной. Политический характер резолюции необходим, потому что дефекты в перевозках, топливе, продовольствии не потому, что был министром Рухлов, и не устраняются потому, что стал Трепов. Дело в системе. Даже и указания военного характера суть политические. Но и не с этой точки зрения, а как П. Н. Милюков, общественной. Мы тогда, когда и П. Н. М., будем иметь другую резолюцию.

Львов. — Я предлагал две резолюции: военную и гражданскую. Но здесь есть политические принципы, вытекающие из них, и программа. А там на первой сцене война, а политические лозунги вытекают, как последствие.

Годнев. — Убедился, что последняя часть—перевозки военные — всецело вытекает из политического положения. Один человек, без ведома мин. пут. сообщения, без сношения с Советом министров, провел (Данилов) совершенно незаконное положение. Отсюда все и началось. Без политической части это всецело одобрение правительства с начала войны. Вы желаете раскланяться перед Советом министров. Если не повторите, значит, признаете, что ошибались. Стучите и отверзется. Главное в нашей резолюции — политическое содержание, хотя бы в самых корректных выражениях.

Я. — Не нужно двух резолюций. Аргументация Львова и есть аргументация нашего проекта. Все выводится из войны.

Крупенский. — Самое больное то положение, в котором Россия находится. Если амнистия — причина, выносите, но как объяснительная записка, — а если начнете с амнистии, а в конце пробормочете про жел. дор.?

Васильев. — Теперь условия те же, как когда заключался блок. В военном отношении улучшились, но в экономическом отношении хуже. Партии объединились на политической программе, на том, что Совет министров не на месте. Может быть, центр тяжести должен указывать на то положение, в котором находится страна.

Шульгин. — Крупенский выдернул одну амнистию. Если бы сказать: дайте амнистию и победим Германию, действительно странно. Но там это между другими. Эти господа сделали шаги вперед (Плеханов): отчего же быть глупее, чем они? Но согласен, что нужно несколько переместить центр тяжести. Что разруха железных дорог — из бездействия Совета министров, это ясно, но это надо развить подробнее.

Споры возгораются на 7 пункте.

Ефремов. — Опасно придавать чрезмерное значение сменам лиц Но мы указали на необходимость перемены системы, и подчеркивать перемену лиц не следовало бы. А надо было бы указать, что на требование изменения системы последовало назначение лиц, ничего в системе не меняющее.

Львов. — Совсем не то. Мы должны ответить, что на единодушное желание частичной смены системы — последовало ухудшение. Хвостов понял, что нельзя — и хотел сделать жест навстречу. Но назначен он — по нижегородским подвигам. Уход Кривошеина чисто политический и должен быть отмечен. Мысль верная: в ответ на общественное требование — система ухудшилась, заменена произволом.

Стемпковский. — Главным образом, нет единства. Один министр закрывает, другой открывает мастерские.

Стахович. — Если резолюция должна выразить мысль страны, то как можно говорить, что нельзя упоминать. Это заботит страну не меньше жел. дорог.

Бобринский. — О церкви необходимо упомянуть. Предлагает формулу: «Только что совершившиеся дела в церкви указывают на необходимость восстановления управления церкви по законам каноническим».

Опочинин. — Весь народ этим заинтересован. Даже не примыкавшие к нам круги.

Львов. — «Раскрепощение церкви» из-под опеки государственной власти.

Шульгин. — Нас будут провоцировать, чтобы мы высказались; им это и нужно (конфликт).

Бобринский. — Они боятся?

Шульгин. — Марков 2-й может наговорить прикровенных слов, которые выведут из себя Львова. Нужно дать себе слово проводить вопрос в границах.

Ковалевский Е. — Если можно, при другом поводе — взгляд блока при смете.

Годнев. — Нельзя отделять; сказать следует тут же. Церковь поддерживает все безобразия государства и наоборот.

Я. — Можно сказать о впечатлении, произведенном уходом Самарина.

Львов. — Против отдельной резолюции. Все реформы церкви жизненно тесно связаны, как бы мы ни отделялись теоретически. Пусть церковь знает, из каких рук получает то, что ей надо.

Ковалевский Е. — Соглашается.

Бобринский. — Но не связывать с личностью Самарина.

Ковалевский Е. — Нельзя подчеркивать финансовые затруднения. Можно говорить только о временных затруднениях. Подчеркнуть общую слабость неполезно.

Опочинин. — Можно сказать о «неподготовленности» в прошлом и затруднении в теперешнем.

Стемпковский. — «Разрухи» нет. Всего много, а подвезти нельзя.

Опочинин. — Металла немного. Кожи нехватит.

Ржевский. — Не доказано, что Донецкий бассейн может дать достаточно угля.

Я. — Здесь напоминается о необходимости организации страны.

Ефремов. — Не согласен, что нельзя ярко упоминать о существующих дефектах, нельзя не говорить, что министерство привело к такой разрухе. Если бы я был уверен, что теперь министерство блистательно выведет из затруднений, распустите Думу, действуйте диктаторски, но я глубоко убежден, что без изменения системы управления не помогут французские миллионы. К этому выводу нельзя притти без указания на крах, к которому привело правительство. В «Голосе» напечатан доклад Шаховского.

Стемпковский. — Скажите: «вполне устранимая при другом распорядке».

Ефремов. — Удобно ли (амнистия) упоминать о патриотических шагах крайних левых? Лучше: в то время, когда те пошли, правительство не становилось на этот путь.

Ефремов. — Введение к 8 пункту. Включить мысль, что отмеченное теперь спокойствие не результат мер Горемыкина, а плод патриотизма населения.

Бобринский. — Надо сказать: «вопреки». Единственно непатриотическая группа — Совет министров.

Стемпковский. — Следует ли очень успокаивать?

Меллер. — Раз резолюция должна быть выражением страны, и если говорят, что нервировала только Дума, — уместно в декларации ее сказать, что «Россия в сознании важного момента, проникнутая ...но нельзя считать, что спокойствие...»

Стахович. — В резолюцию этого нельзя вводить.

Бобринский. — (О народностях). В Лондоне Массарик сказал ужасную вещь: в России только видимое единство народов. Мы должны сказать, что все народности России в течении войны доказали полное единство, а потому невозмож-

ны ограничения (латыши, армяне), основанные на недоверии.

Львов. — 3-й пункт сделать первым.

Бобринский. — Нельзя ли иначе выразить? Такое правительство, при котором перестанут думать.

Я. — Это сакраментальная формула.

Меллер. — Группа центра меня обязывает объяснить, что министерство доверия не есть ответственное в смысле парламентарном.

Стемпковский. — Правительство победы?

Ефремов. — Напоминает, что в комиссии высказал сомнение, что фракция прогрессистов едва ли убедится, что «ответственное министерство» можно не предлагать. Сомневаюсь, что блок дозволит внесение самостоятельной формулы, и опасается, что, несмотря на необходимость бережно относиться к блоку, принуждены будут выйти из блока.

Бобринский. — Почему не внести поправку?

Ефремов. — Тогда не будет стремления выйти из блока.

Ковалевский Е. — Это даже выгодно, в смысле доказательства, что наше министерство не парламентарное.

Шульгин. — Поставить на более видное место железнодорожную разруху.

Меллер. — Объединение гражданской и военной власти входило в нашу программу.

Опочинин. — Как дальше будет вырабатываться окончательная редакция? Надо поручить двум — трем выработку редакции для внесения во фракцию. На таком проекте легче объединиться. Что касается размеров, не надо слишком сжимать в ущерб ясности. Мы составляем для широкой публики. Переходные периоды для публики необходимы.

Я. — Предлагаю декларацию.

Ржевский. — Это тем удобнее для вас, что тогда мы не вносим поправку.

Ковалевский Е. — Предлагает внести абзац о внешней политике. И в английском и во французском парламентах говорили остро.

Госуд. дума

1. Посылает привет армии, которая несмотря на все потери, на временный недостаток в снарядах, стойко задерживает врага и бодро ждет наступления. Благоговейно преклоняется перед памятью павших героев. Свято помнит о долге народа — обеспечить их семьи, успокоить больных и увечных.

2. Признание заслуг союзной армии и флота.

3. Несмотря ни на что, страна ждет победы и твердо в нее верит, с негодованием отбрасывает всякие намеки на возможность преждевременного мира.

4. Но чем продолжительнее война, тем яснее в сознании народа необходимость дружно сплотиться, изыскать в своей среде новые силы и средства.

5. Госуд. дума указала для этого пути и способы; движимая сознанием национальной опасности, она сплотилась, отложив партийные распри, и сказала правительству свое единое мнение.

6. Мнение это было поддержано страной, в полном единомыслии с Госуд. думой, и глубоко потрясенная неожиданным и беспричинным роспуском Госуд. думы, страна единодушно и настойчиво добивалась скорейшего созыва законодательных учреждений.

7. Между тем, в ответ на это, члены правительства, готовые пойти навстречу желаниям страны, были удалены, страна повергнута в тяжелое состояние внутреннего раздвоения, ослабляющего дисциплину и тем более опасного, что оно сопровождается экономической разрухой, — следствие неумелых распоряжений власти и пренебрежения общественными элементами,— и быстро возрастающими финансовыми затруднениями.

8. Госуд. дума утверждает, что при подобных условиях длящееся разъединение власти и населения опаснее, чем когда-либо, и что для усиления средств сопротивления, нужного для конечной победы, настоятельно необходимо принятие средств, уже многократно указанных Госуд. думой и общественными организациями:

а. В путях высочайшего милосердия — акт забвения старых политических преступлений;

б. осуществление мер, необходимых для внесения умиротворения в среду народностей, населяющих Российскую империю;

в. создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием и способных решительно изменить приемы управления, разрушившие народное единство и вселяющие вражду и чувство необеспеченности (личности и имущества);

г. проведение этим правительством законодательных мер, способствующих организации страны и указанных в программе думского большинства.

19 ноября [1915 г.].

Читается проект текста моего и Шульгина [21]).

Опочинин. — Вставить в перечень церковную реформу: «Освободить церковь от посторонних влияний».

Переходят к чтению по статьям.

Маклаков. — Зачем «в лице большинства»?

Я. — Это декларация блока.

Капнист. — Проще говорить прямо от Государственной думы. А на странице 3-й большинство уже указано.

Опочинин. — Если от блока, то: «в лице объединившегося большинства». Но лучше перейти на 3-й странице: «в лице своего объединившегося большинства».

Стахович. — Поддерживает Маклакова и Капниста: весь текст — предложение Госуд. думе.

Опочинин. — «Окончательный исход» красивее «исхода войны».

Шебеко. — За «предложения» (от врагов) вместо «предположений» (от самих).

Капнист. — «Отвергает всякую возможность».

Ковалевский М. — Когда «преждевременен»? Отвергаем «сепаратный».

Васильев. — «Преждевременен» по отношению к «прочному».

Ковалевский Е. — Говорить о «сепаратном мире» нетактично: страна не знает.

Шульгин. — Против «отвергает» — мир заключает государь.

Шидловский. — Предлагает: «...22) вместо «предложения».

Ковалевский М. — Решительно против фраз: о «великом споре». В эти «дни» — это совпадает с германским ожиданием от победы на Балканах.

Опочинин. — «Единение» вместо «объединение».

Львов. — Зачеркнуть «австро».

Ефремов. — Против «срединной» и «всего мира». «Государственные» задачи — неясно.

Я. — Защищаю. Нужно и «серединная» и «во всем мире».

Ефремов. — Настаивает. Впечатление героя Достоевского — по всем предметам и арифметике.

Ковалевский М. — Заграницей истолковали в смысле панславизма. Здесь прямой намек на панславизм: «вековые задачи» и «объединение». Говорится о самоопределении, а не об объединении.

Ковалевский Е. — Против «австро».

Шульгин. — Разбить на две части: «главенство» в Европе и «влияние» во всем мире.

Опочинин. — Вместо «преклоняется» — «восхищается». «Оборона» — только пока враг не вышел? Вместо «продолжительности» — «длительность».

Ефремов. — Вместо «готова» — «не отступить перед борьбой, как бы она ни была долга». Против «верить своему правительству».

Ковалевский М. — Предпочло обособиться от общества. «Верить» может быть истолковано в смысле, что «врет». Надо «полагаться».

Ефремов. — Против «коварных расчетов». «Не забыло — и не желая». «Осталось спокойно» — лучше сказать: «сдержало порыв недоуменного негодования». «Недовольство» — добавить: «взаимном недоверии»; затаенное ослабление против «порыва» — «подъем народного духа».

Шидловский и *Ковалевский Е.* — Против усиления выражений. Нельзя «окрылить», «картиной».

Капнист. — Против всего отдела: не сказано, что «легко устранимся». Надо ослабить.

Опочинин. — Слишком резко «опасения» — «тревога».

Шидловский. — Это сильнее.

Шульгин. — Я не замазывал: не можем же мы говорить начистоту. Решайте.

Ростовцев. — Кое-что смягчить; но деятельность железных дорог и бессилие правительства справиться с агентами — надо усилить.

Ефремов. — Усилить начало: «нерешительное и бессильное, неспособно справиться». Далеко не доказано, что в такой декларации произведет худшее впечатление. Что финансы? Тихо или что народное представительство слепо? Добавить в конце, что все это исправимо при других условиях.

Ковалевский Е. — Фразу о финансах исключить (мнение фракции).

Васильев. — Прибавить, что все может быть устранено, и усилить. Через 10 дней станет всем ясно.

Ковалевский М. — Мы скажем о финансовых опасениях после займа в миллиард. Скажут: хорошо, что до Думы объявили заем. Если уже хотите сказать, то в смягченной форме: «Менее блестяще, чем можно ожидать ввиду несметных богатств».

Маклаков. — Тоже против финансового положения. Сказать положительное: Европу обманываем. Сказать так: страшно. Остальной материал может быть усилен. Надо сказать: «при таком управлении вы доведете...».

Шебеко. — Присоединяется к Маклакову. Противопоставить изобилие ресурсов. О «грозных последствиях» исключить.

Шингарев. — Возражает Ефремову: «управление» внушает опасение: дураки управляют. Несмотря на запасы в стране неискусное управление создает трудности, где есть изобилие. Искус-

ственные экономические затруднения создались дурным, неумелым управлением.

Шульгин. — Немцу все равно, от дурного управления или от чего другого происходит расстройство. Когда ослабим все, ослабим доказательство утверждения, что власть не справилась.

Шидловский. — Общество будет склонно дополнить своим ответом. Будет достаточно воспринято.

Шингарев. — Надо только, чтобы не было пробелов.

Опочинин. — А в нормальное время разве не необходимо («необходимо в мирное, особенно необходимо в военное время»)?

Ковалевский М. — Против «стройный порядок в стране».

Ефремов. — Ответственность Госуд. думы? Неправильно принимать на себя.

Ковалевский М. — «Сокровище победы» — общее место: могут и французы, и немцы, и турки. Очевидно, что с победой везде связывается представление о лучшем будущем. На ней не надо останавливаться.

Опочинин. — Исключить «несправедливую» — допускает справедливое недоверие.

Ефремов. — Разделить фразу: «все они доказали»... «правовые ограничения, основанные на недоверии, стали невозможны».

Капнист. — Неспокоен насчет евреев. Тут включаются евреи и немцы. Надо дипломатично избежать.

Шульгин. — Эта фраза дипломатическая. В нашей программе мы не совсем единомышленны. «На недоверии» — можно толковать; а которые основывают не на недоверии, а на других признаках.

Васильев. — Какой народ доказал свой непатриотизм?

Опочинин. — Евреи.

Ковалевский. — «Растить и лелеять» — значит нет стремления к победе.

Я. — Предлагаю вернуться к программе. Амнистия.

Стахович. — Начало фразы в конец: амнистия должна вытекать из заявлений Плеханова и т. д. Не может верховная власть отставать. Высказались не они, «участники», они в Сибири. Они не отказались от своего «государственного понимания», а признали, что задача момента — «любовь к родине».

Ковалевский М. — Тягостное впечатление: напомнил то, что писали об оставленных профессорах.

Опочинин. — Против «путей милосердия». «Акт милосердия». Взять точно круг лиц: как осужденных, так и административно сосланных не только за политические, но и религиозные преступления.

Стахович. — Слишком мягко.

Шульгин. — Лучше не употреблять.

Ефремов. — О заявлениях с.-д. надо переработать. С.-д. не поблагодарят — «мы служили всегда общенародному делу, а вы только теперь». Бороться с общим врагом.

Опочинин. — «Сильных доверием страны». Я нередко слышал, что эти слова не дают ясного понятия, что хотим. Как власть выяснит этих лиц? Где признаки, что лицо обладает доверием? Возражения вески, пока не вскрыт путь, которым могут быть указаны лица. Завтра государь скажет: «Согласен, где они?»

Шебеко. — Эта редакция наверно не разовьет упреков за «парламентаризм». На прошлой неделе в заседании центра нас укоряли, что требуем ответственного министерства. Нам ответили: кто же будет определять? Я сказал: не знаю, может быть, вы и правы; но наверное все знают, кто не заслуживает доверия. Тимашев не возражал.

Ковалевский М. — Не отступая от соглашения, можно несколько раскрыть: «лиц, поставленных доверием во главе организаций для борьбы с врагом».

Меллер. — На выражения казуистически нападают, желая нас втянуть на ложный путь. Обвинению, что это скрытая форма «ответственного», мы отвечаем в двух местах.

Ефремов. — Вставить: «свободных от безответственных (посторонних) влияний».

Я. — Мы гораздо больше от них требуем.

Шидловский. — Оставаться на старой редакции. На местах много соображений; одно из них — кого вы ведете? Когда я убеждал: никого: никто не верил: «не хотите сказать». К лозунгу привыкли. Привыкнут и к тому, что Дума не указывает лицо.

Опочинин. — Сказал не для того, чтобы вносить сомнения. Я внес эту фразу в смоленское земство и принято 9/10. Не среди благорасположенных вызывают сомнения.

Ковалевский М. — Вы подчеркиваете, что личных вопросов не поднимаете. С английской точки зрения вы осуждены: вы оппозиция для оппозиции. Укажите, для кого вы работаете; для тех, кто по выбору попал во главу общественных организаций.

Шидловский. — Если спросят, я назову ряд признаков доверия. Согласен, что в Англии так, но у нас иначе. В слабости нас упрекнуть нельзя. Перекраивать строй во время войны не будем.

Ковалевский М. — Я и подчеркиваю разницу. По английски — Родзянко и члены блока. А я советую князя Львова.

Львов В. — Спор стал принципиальным. Мы живем при монархическом строе. Главная решающая власть — верховная. Неделикатно и бестактно указывать имена. Пусть даже при парламентаризме — это фикция, но эта фикция свободы выбора.

Ефремов. — Напоминает о кооперативах, как о неиспользованной силе.

Ковалевский М. — Очень доволен подчеркиванием мелкой земской единицы. Забота о бедных в Англии — из прихода. Как обеспечить выходящих из лазарета?

Ефремов. — Необходимо всемерное насаждение и поощрение объединяющих творческие силы народа кооперативов.

Я. — «Решительным мерам». Что такое?

Шульгин. — Например, выселение половины населения Петрограда, прекратить железнодорожное движение.

Ефремов. — «Во время указать ошибки» — лучше отнести к стране: «чтобы она могла указать».

Шидловский. — Это приглашение страны к подаче голоса вне рамок.

Ефремов. — Не настаиваю. «Не преследуем цели захвата власти» — кто подозревает, не убедит. Лучше сказать положительно: «преследующую лишь одну цель».

У Меллера 26 ноября [1915 г.].

Состав ограниченный: только левые и С. И. Шидловский. Ждут В. В. Шульгина с нашей окончательной редакцией. До 11½ он не приходит. Обсуждают вопрос, какое значение имеет теперь декларация. Я заявляю, что это только материал, не обсужденный во фракциях, который еще может пригодиться для январской сессии, но никоим образом не может быть публикуем. Отсюда вопрос переходит к тому, какое значение имеет блок вообще.

Шидловский. — Заявляет, что теперь положение очень деликатное, и, чтобы сохранить блок, никоим образом нельзя поднимать рогатых вопросов.

Ефремов. — Как раз поднимает вопрос, не должен ли блок реагировать на отсрочку Думы и для этого созвать совет старейшин.

Шингарев. — Предлагает сговориться о политике в бюджетной комиссии.

Я. — Указываю, что блок пользуется огромным кредитом в стране, который обязывает поддерживать его существование, даже если он

есть только политическая фикция. Но есть возможность сговориться на узкой арене бюджетной комиссии, пока единственной, и там не разбиваться, а вести одинаковую линию. Сорвать блок — уступить правительству.

Шингарев. — Нас все ругают за то, что не сговорились в прошлом заседании (о сроке 15 декабря).

Ефремов. — Ставит вопрос о выходе из особых совещаний, говоря, что если опять откажут, то фракция может выйти из блока.

Шидловский. — В таком случае согласен обсуждать по существу.

Я. — Излагаю вчерашнее решение фракции. Выход нельзя связать с актом отсрочки. Присутствие полезно, оно нужно для информации, уход будет не понят страной и армией. Надо выдти в момент, когда все поймут и когда большинство фракций блока согласится.

Ржевский. — Согласен, что выход не свяжешь с указом, но оспаривает пользу; члены Думы «всосались» в работу, говорят уже о наших и ваших совещаниях, т. е. участвуют в ведомственных спорах. Не могут оказать влияния на избежание катастрофы, которая грозит относительно перевозок и топлива.

Ефремов. — Напоминает всю историю постановки его фракцией вопроса о выходе из совещаний. Указывает на ненормальность положения членов Думы; попытка подменить законодательство Думы, обсудив постатейно в совещаниях, а потом проведя по статье 87-й. По голосованию совещаний принимаются крупные мероприятия, ответственность за которые лежит на нас. Голосование тогда, когда председатель не хочет принять ответственности, а по другим вопросам председатель, «за недостатком времени», решает сам. Мы ответственности не боимся, но нам скажут: вы покрывали, скрывали от населения готовящуюся катастрофу. Это страшно. Эти соображения заставляют большинство фракции склоняться к выходу из совещаний. В сентябре нам говорили: если Горемыкин упрочится, тогда посмотрим. А теперь политическое положение еще не выяснилось. Думы нет, а совещания остаются. Контроль осуществляется делегациями. Если не теперь, то когда? Такой фразы (П. Н. М.): «Дума не созывается потому, что есть совещания» — никогда не будет сказано. Можно сказать: выхода нельзя объяснить с трибуны, и нельзя выходить вмолчанку. Это я мог бы допустить, но неправильно полагать, что все благополучно. Если бы было решение блока, мы ни минуты не колебались бы выдти. Это повлияло бы и на правительство, и оно задумалось бы перед несозывом Думы. Уход одной фракции может быть истолкован во вред тем, кто уходит. Фракция решила изложить эти соображения перед бюро блока, надеясь, что не встретит указания, что никогда такое решение принято не будет.

Гримм. — Это вопрос тактический при данных условиях, с технической точки зрения могут быть разногласия: нужно стремиться к согласованности, но не складывать оружия. Политические соображения: вводят в заблуждение народ. А уход — какое создаст впечатление? Ни от чего не обережет и может быть истолкован, что люди умывают руки и лишают себя возможности воспрепятствовать проискам. Если бы даже объективно было целесообразным (что сомнительно), общество не подготовлено. Принцип бойкота особенного сочувствия не встречает. Влияние на блок: теперь политическое значение и популярность блока очень велика. Блок — борьба и протест против личного режима. Все это — такой большой глас со стороны Думы и присоединившейся части Госуд. совета — производит большое впечатление. Этот вопрос о выходе может повлиять на крушение блока. Это было бы поражение для нас и триумф власти.

Меллер. — Мы страшны теперь, поскольку мы не уступаем. Мы менее страшны, чем им кажется; но разгонять Думу, менять министров, назначать членов Госуд. думы — все для борьбы с блоком. Мы занимаем сильную политическую позицию.

Шингарев. — Если бы мы вышли, правительство только было бы довольно. Слава богу, убрались. А к населению: вы видите, даже во время войны не хотят работать.

Маклаков. — А Хвостов со своей демагогией?

Шингарев. — Мы можем сказать: мы видели и сказали: вы довели! А уйдем и все начнется: Хвостов сочинит.

Маклаков. — А может быть, обойдутся без катастрофы?

Шингарев. — У Ефремова надежда, что правительство испугается, а население поддержит. То и другое — блуждающие огни. Я бы охотно ушел, но не понимаю, как оценит нас население и армия. Каждый день я вижу по несколько человек: одна тяга — ради бога, не сдайте, что-нибудь нам дайте. Сказать им: мы ушли. — Как ушли?!

Ефремов. — Вы, В. В., сказали, когда Поливанов придет, совещания развалятся.

Шингарев. — Если по армии пройдет, то тогда поймут.

Шульгин приносит декларацию в 12 часов ночи.

Маклаков. — Выход будет понят, несмотря на все доводы, как ответ на отсрочку.

Васильев. — До 15 января надо несколько раз собраться и составить материал о деятельности особых совещаний.

Меллер. — Мы делаем опыт, приглашая членов Госуд. думы в особых совещаниях. Не посещают. На второй раз не явятся. Если мотивировать: для обмена мнений о докладе в Думе, придут.

Шингарев. — Аргумент: какое поведение неопытно, нас подлавливают, иной раз мы комичны незнанием. Но все эти аргументы повторялись и относительно Госуд. думы. При бойкоте I и III Думы те же аргументы. Мы представители народа, а не техники. И в Думе нас обманывают, говорят, что мы штемпелюем законопроекты.

Ржевский. — Разница: там законодательные учреждения, а тут техническая область.

Ефремов. — И надо держаться в своей сфере, а не соваться в исполнительную сферу.

У Меллера 28 января [1916 г.] [23].

Меллер. — Напоминает о последних совещаниях перед перерывом. Главная цель определить тот standpunct, которым следует заняться обеим палатам.

Шидловский. — Докладывает совещание 3-го дня думских групп. Сообщает о видоизмененном тексте.

Я. — Излагаю заседание старейшин, принявшее законодательную программу блока.

Меллер. — До приезда Шульгина поговорим о создавшемся положении. Какое отношение блока к правительству? В каких тонах выступят ораторы?

Я. — Три гипотезы: признает, не признает блок, поищет средней дороги. Обоюдная разведка.

Меллер. — Там тоже разведка. Насколько возможна совместная работа? Горемыкину было объявлено: потрудитесь уйти вон. Теперь назначен Штюрмер [24]). Буде будет протянута рука — будем совместно работать. Насколько возможна совместная работа, будет зависеть, как он пойдет навстречу.

Бобринский. — Должны ли итти, если пригласит к себе? Мы — каждая фракция — суверенные государства: должны ли итти вместе и требовать, чтобы говорил со всеми?

Шидловский. — Надо реагировать не на слова, а на поступки. Штюрмер не ограничится приветствиями и окажется умнее. Но сам не сознает, что ему придется сделать в своей роли. На первое время будет легче вести переговоры, чем с Горемыкиным. Как отнестись к приглашениям до начала Думы? Большая ошибка не пойти. Горемыкин звал определенных членов Думы. Когда захотел поговорить о программе, отклонили. Отчего не пойти на раут? Штюрмер сделает

жест и поставит себе в кредит. Декларация будет набором слов: заключения будут гадательные. Только на поступках увидим, насколько наши дорсги сходятся.

Годнев. — Я говорил с лицами между его назначением и временем созыва Думы. Меня выпытывали, как отнесется Дума на то, если правительство окажет желание быть ближе с лицами, могущими оказать влияние. Если к более или менее видным членам придут и будут просить указаний. Я ответил, что сейчас веры нет. Если ко мне придут, я ничего не скажу: все выпытают, а затем обманут. Сказали: не ранее 22 февраля, потому что раньше нельзя узнать настроения. Я ответил, что, за исключением крайних левых, будут вести корректно. Сказали: тогда можно созвать и раньше.

Я. — 3-го. Они — 9-го или 10-го, решит председатель. Дело пойдет в затяжку и войдет в колею. Будут употреблять меры, как при дворе. Будут обещать, даже проведут через Думу нежелательные вещи, потому что «сзади Госуд. совет». «Ивану Логиновичу не могло быть прощено, что он не сумел даже этого предусмотреть: мог провести все, что нужно». О доверии к правительству речи не поднимали.

Я. — Рассказываю, что и со мной пытались. На раут не итти: продешевим.

Гурко. — Человек не деловой. Служил по церемониальной части. Всецело присоединяется ко мне. Плеве: не обращайтесь к Штюрмеру, а к мыслящему и пишущему аппарату: Гурлянду. У него — жизненный такт, умение разговаривать с людьми. По существу: мелкий шулер. Даже раут затеян с двумя целями; вторая преобладает над первой, важнейшей: se pavaner [25]): с супругой торжественно выдти. В Новгороде выходил последний... забрал гостей и уехал. По существу может уступить все. В Твери никакого дела не делал и оставил все третьему элементу. Левые говорили: пусть сидит. А на словах был дружен с правыми. Попал в Петроград. Политических убеждений нет никаких: готов хоть на демократическую республику. Прежде всего решить: при каких условиях удержится? Конечно, не благодаря блоку. Все, что ненужно для престижа, уступит, но поскольку не испортит репутации наверху. Фактически будет опираться на верхнюю палату и делать розовое лицо блоку. Если можно, заставить пойти на прецедент — разговор с представителями блока. Как начало, для крепости блока, нужно; итти на раут до этого — нельзя. Он пойдет на все, чтобы сохранить церемонию. Фактически правительство останется прежним, т. е. раздробленным. Надо придерживаться прежнего. Скандал делать нельзя; но могут быть разные отношения: открытое, скрытое, холодное, сдержанное. Восторгов не выражать. Усиленные аплодисменты немыслимы. Холодная сдержанность.

Меллер. — Хвостов и Белецкий докладывали очень высоко, что нужно вызвать конфликт с Думой, немедленно распустить и устроить выборы на новых началах. С этим надо очень считаться: это течение существует.

Ковалевский Е. — Если система осталась, то произошло изменение отношения верхов к Думе — под влиянием агитации среди солдат, антидинастической. Доложено было куда следует и решено переложить тяжесть на другие плечи. Учреждение, стремившееся взять власть, может служить громоотводом. Из нежелательного учреждения становится помощницей. Правительство станет очень уступчиво, надо учитывать положение благоприятнее, чем предыдущие ораторы.

Ефремов. — Изменения в правительстве не произошло; если в самих верхах произошло изменение, то надо быть увереннее. Надо сказать об ответственности правительства перед Думой. Никакого изменения системы, и существующее положение внутри стало хуже. Мы ближе к возможности катастрофы. Как можем мы занять выжидательную позицию? Она будет выгодна правительству и произведет впечатление, что мы готовы поверить. Ни в каком случае нельзя итти на раут. Если обратятся к блоку, единственный ответ: пока не принято первое положение, не о чем разговаривать. Выступления в Госуд. думе: мы не можем ответить неопределенными фразами на декларацию. Мы должны высказаться определенно. Это правительство не есть правительство общественного доверия.

Я. — Уживется или не уживется с Думой? От этого зависит, при положении, описываемом Ковалевским, сохранит или не сохранит власть. Мы укрепим его или ослабим, смотря по нашему поведению. Не договор, а параллелизм, — но без всяких обязательств. Сейчас на очереди не политика провокации, а политика умалчивания. Зависит от содержания декларации. Ряд фактов.

Годнев. — В 1902 г. решили привлечь духовенство на низах и выдвинуть приход. Штюрмер с этим вопросом 1901—02 гг. знаком (*Гурко*: «Очень»). Манифест 1903 г. 26 февраля (*Гурко*: «Он тут был ни при чем. Я сам писал его»): сближение с приходом (*Гурко*: «Там мельком. Я писал по программе, мне данной; вставил только: «Доверием облеченных»). Коренное требование, неприемлемое в блоке, вовсе не в программе. Противодействия программе не будет; разве для избежания противоречия: но не пропустит ни иоты, оставаясь в стороне. Если не повторять о «доверии», примут любую программу, но ровно ничего не сделают. Предложение Ефремова должно быть высказано: доверием не пользуются. Теперь сведения с фронта, — полиция сообщает о тревожном состоянии. Иначе Горемыкин сидел бы до сих пор. Затем политика выжидательная. На раут не ходить.

Маклаков. — Может быть, не ходить. Но интересен вопрос о первой встрече. Это определится сейчас. Не представляет себе декларацию, в которой было бы доверие. Если бы даже сказали, что принимают программу блока. Невозможно принять п. 1-й. Приходится быть почти холодными. Сдержанность обязательна. Но в недоумение приводит и предложение Ефремова, что в первый день надо сказать, что мы правительству не верим. Мы упустим возможность сделать это гораздо сильнее: это не будет вытекать из критики лица, а из предвзятого взгляда. Раз Горемыкина нет, нельзя. Далее, какие последствия? Сказать эту фразу на ветер, что работать не можем, непоследовательно.

Шульгин. — Становиться в позу невозможно. Что мы знаем о Штюрмере? Или красноречивая характеристика (сказать не можем) или что «правый». Но давно ли, ответят, вы сами ссорились? Теоретически закрывать дверь невозможно. И невыгодно — особенно с тем лицом, который мягко стлал. Мы должны быть еще мягче Штюрмера, ни в чем не уступая. Мы должны ответить, что с наслаждением пойдем на раут, но не можем до заявления, потому что не знаем, к кому едем. Подавать вид ершей, которые колются, и иметь вид самомнения неприступных богов — нельзя.

Гурко. — Страна этого не знает. Стране надо видимые факты.

Шульгин. — Итти на переговоры, но ничего не уступать.

Шидловский. — У меня тоже есть таинственный вельможа. Нужно исключить возможность принятия Штюрмера в блок. Программа там была истолкована, как внизу. «Кого вы проводите?» Это — заноза блока, вторжение в область моего права. Все приемлемо, кроме этого. Из-за существования этого пункта («они хотят себе присвоить право») — что вся программа неприемлема.

Бобринский. — Надо предупредить, чтобы не посылали приглашений.

Переходят к декларации. В общем одобрена [26].

У Меллера 2 февраля [1916 г.] [27].

Львов Г. Е. [28]. — Сообщает о цели заседания. На 25 декабря собраны представители 3-х фронтов. Комитет юго-западного фронта сообщил положение в армии. Работа так расширилась, что есть мысль снять звание «Красного креста» и сделать «отдел» краснокрестный. Проверили впечатления другими фронтами: положение одинаковое. Созвали совещание в Москве, решили составить общую записку — и в Москве — общую записку [29]. Три — четыре дня назад новое совещание определило, что при теперешнем отношении к правительству довести до победы нельзя; надо войти в соприкосновение вверх и вниз. Вверх — через блок. Предлагает заслушать записку.

Демидов. — Читает первую часть записки.

Львов. — Из постановки этих вопросов вытекают новые вопросы, которые мы решили вынести.

Шингарев. — Записка несколько переоценивает силы Германии и недооценивает наши. Нам нельзя наступать до осени 1916 г. Кадры недостаточно обучены, недостаточно ружей и патронов, тяжелой и легкой артиллерии. Неготовы и англичане. В Германии, повидимому, достигнули максимума. Переживает тяжелое время в экономическом отношении. Она вырезала свой скот. Нет жиров. Недостаток бензина и смазочных масел. Нет меди, свинца, марганца, хлопка. Из 1 500 пленных (в начале января) в районе Чарторийска — 30% без рубах. Через месяц все текстильные фабрики остановятся. Дезертирство пруссаков — просят хлеба. Знакомый врач в Копенгагене от берлинского профессора по внутренним болезням узнал, что врачи в Германии не знают, что делать; износился организм; новые формы прохождения болезней. Рост туберкулеза, детской смертности. Когда можно надломить Германию? Германия и Франция дошли до высшей точки летом; Англия и Россия — растет с сентября и июля. В 1917 г. мы достигнем апогея. Это — год крушения Германии. Никакого наступления, но и никакого отступления. При отступлении уничтожаются и источники питания и создается риск волнений. Не отступать и не наступать до осени. Архангельская дорога перешита; Мурманская дорога кончается осенью. Приходят все паровозы и вагоны из Америки, снабженные ружьями, патронами, тяжелыми снарядами. Количество бомб измеряется десятками миллионов. У нас только мяса нехватает. Остальное в изобилии: хлеб, овес, нехватает кожи; но возможны заграничные заказы. Металла нехватает, алюминия, никкеля, вольфрама, но могут быть ввезены. Нужны кожа, скот, устройство беженцев. Это — лирика, под которую надо подвести более прочный фундамент.

Шидловский. — Какая цель записки? Ее положения — не нарушая логики, можно притти к обратным: дальше воевать нельзя. Едва ли пришлось что-нибудь сделать. Для кого? Для неисправимых оптимистов или для неисправимых пессимистов? Не следует ни увлекаться, ни приходить в отчаяние. Записка изложена в слишком пессимистическом тоне. Во второй части обойдена молчанием мотивировка третьей части — «восстановление живого инвентаря».

Кишкин. — Шингарев не ответил на один вопрос: возможно ли выполнить наши желания? Истощение Германии ведет к экстраординарным усилиям. Сомневаюсь, чтобы мы могли не отступать. Рассчитывать на новую тяжелую артиллерию нельзя. Записка юго-западного

фронта ставит вопрос, что будет, если будем принуждены отступать. И Шингарев указывает на всю катастрофическую опасность. За эту зиму мы слишком успокоились. Если будем предвидеть отступление, смягчим последствия и предотвратим катастрофу. Тут начинается вопрос политики: правительство ничего не сделало, чтобы организовать тыл. Организация тыла должна быть передана общественным организациям.

Шидловский. — Согласен, но записка направлена от армии к стране и к правительству, а не от общества к армии. Она хочет напугать, сгущать краски.

Я. — Нужно объяснить причины, почему требуем выжидания. Надо подать надежду, а не отнимать ее. Вношу поправки. Не нужно обнаруживать свой собственный внутренний надлом и колебаться между двумя противоположными воззрениями (см. замечания Шидловского).

Федоров. — Пробел: борьба с заразными болезнями. Вопрос о продовольствии связан с посевами. Нам нужно быть готовыми к возможности прорыва. Надо предупредить страну. Записка есть обращение к Думе. Дума должна сказать о положении вещей и сказать с трибуны, что надо опереться на союзы.

Львов. — Мы не смотрели на записку, как исторический документ, а для своего круга. Мы ставили целью — поставить политическую проблему. Если тыл будет жить попрежнему, то победить, в сущности, нельзя. Мы наметили в Москве вопросы.

Кишкин. — Оглашает положения: «совещание, исходя из того положения, что государство не может быть разгромлено... Только при организации тыла... правительство оказалось неспособным. Победа может быть только при переходе... общественным учреждениям и министерство доверия. Строгая деловая критика поведения правительства. Сговориться с рабочими и с кооперативами. Заранее поставить предел компромиссов. В руки организации: грунтовые дороги, беженцы, продовольствие, пути сообщения. Легализация должна быть проведена без сужения деятельности. Союзы должны будить и бороться с инертным отношением к войне».

Я. — Разбираю 12 пунктов. Излагаю свой взгляд на «параллелизм» действий правительства и Думы. Не сговор, потому что невозможен.

Шингарев. — Произошел напрасный сдвиг: хотят и на нас подействовать в том же духе, в каком написана записка. Сразу после «фронтового» нападения — предъявлены нам требования и в неопределенной форме. Мы должны сказать: «Не отступать». «Вы, правительство, будете отвечать, если будет отступление». Власть — с пораженческими тенденциями. О политических требованиях согласен с П. Н., но предъя-

вляет встречное требование. Нельзя говорить о «пределе компромисса». Надо указать, где предел? А иначе это то же, что: не воруй, веди себя чистоплотно.

Кишкин. — Мы считали, что если правительство считает, что организация страны сейчас достаточна для победы, тогда надо итти на разрыв. Если признает, что недостаточна, тогда компромисс.

Маклаков. — Нас скомкали с той запиской. Если страна никому, кроме общественных деятелей, не доверяет, одно. Далее другое: в руки общественных организаций. Мы им верим; правительство не передает. Если государственная власть будет в наших руках, для меня спорно: это дело правительства. Теперь под видом общественных организаций— особое министерство. Одно продовольствие обнимает громадный ряд задач: посевы, скот, рабочие руки. Какие их конкретные предприятия? Нужно иметь план.

Щепкин. — Назначение записки — более узкое. Вопрос о тревожном положении, поднятый Главным комитетом, должен быть продвинут далее: к парламентским деятелям. Дальнейшее назначение зависит от вас. По вашему заключению, она должна быть пополнена данными, и тогда представить документ для сообщения в Думу, как материал, в блок или во фракции. Отсюда должен быть вывод, что в обществе должна быть поселена патриотическая тревога: тогда это сделает уже сама Дума. Что касается тезисов, это не рецепты или требования, которые одна группа ставит другой. Это материал для обмена мнений. Относительно «компромисса» — этот вопрос волнует всех общественных деятелей. Дума собирается в ответственный момент. Все говорили: вопросы должны быть разрешены в Госуд. думе. Есть течения среди общества: нужно сохранить хотя видимость работы Госуд. думы, для свободной кафедры. Другое течение: Дума потеряет значение, если будет бесславно существовать во имя самосохранения: такое положение недопустимо. Полезнее для страны даже роспуск Госуд. думы. Уполномочившие Кишкина держатся второго мнения. Сказать, в какой момент, как требует П. Н., нельзя. Сами сумеют найти. Можно ли вступить в переговоры? Никакое существование Думы без контакта невозможно. Переговоры — очередная задача настоящего момента. Достаточна ли программа блока? Разделяется всей Россией. Вопрос только: возможно ли осуществление? Здесь опять мы в заколдованном круге. Осуществление, конечно, теперь не будет проведено при теперешних отношениях с правительством. Если мало-мальски приличное волостное земство (а не какое бы то ни было).

Демидов. — Началось с того, что на фронте появилось ощущение, что армия брошена тылом. Мы видим, в чем брошена, а

помочь не можем. Да, это «лирика армии». Не считаться нельзя. Может быть, есть пессимизм, но для него есть и оправдание. «Мы думали, что Госуд. дума сильна. Но она разошлась, и больше у нас надежды нет». Возможность отступления есть. Что ответит страна? Только, чтобы страны выдержала, ибо, если это будет катастрофа, то это конец войны. Армия не знает о состоянии запасов. Когда приходится говорить со штабом верх. главнокомандующего, Иванова и т. д., то там только одно: снарядов мало. Мы не можем развивать ураганный огонь. Ружей мало; их совсем нехватает, и о патронах приходится думать. Может быть, и артиллерия будет, но ее нет. Тоже и пулеметов. Состояние дорог нельзя описать: полное отсутствие. Нечего скрывать: целых два корпуса недавно не могли отступить, были затоплены. Запасов, может быть, много в стране, но в армии нехватает. На просьбу отпустить 20 тысяч пудов сена... Относительно тыла: назревает новый фактор — до сих пор сами представители общественных и законодательных учреждений недостаточно объединены. Идея объединения должна распространиться на все живые силы: это единственный мирный выход. Слабость правительства и объединение страны дадут возможность фактически сломить сопротивление правительства, даже не сменяя его.]

Астров. — Мы хотели обратиться к блоку с концентрированными впечатлениями. Эта записка только подтвердила наш круг мыслей. От него отступать нельзя. Добавлением Шингарева не надо пополнять записки: объективное изображение не наше дело. В ставке не придают истощению Германии решающего значения. Внесем только еще больше разложение воли, при которой страна победить не может. Мы не можем сказать, что правительство обмануло. Мы с головой сидим в этом деле. Внушать излишнее спокойствие нельзя. Существует наличность транспорта, ведомственность организаций, апатичного настроения, с которым надо считаться. Тезисы Кишкина — не строго формулированы: не стоим во что бы то ни стало. Мы идем по линии политической: блок должен ответить, с чем нам вернуться в Москву. Хотим выслушать, с какими надеждами блок вступает, какой тон будет звучать. Если решительный, бодрый, уверенный и грозный, страна вспомнит то, что забыла. Если нерешительный, то — плохо. Насколько найдем в программе блока то, что необходимо? При катастрофических событиях мирная программа блока не удовлетворит. Нужно иметь в запасе программу беженства, продовольствия, путей сообщения, поправки к законодательным актам «особых совещаний»: мертворожденные, осужденные на смерть учреждения. Есть ли основание рисковать

с поправками? Если законодательным порядком будут поправки, пусть требуют от нас материалов. Сейчас объединяется совещание пяти министров: нечто совершенно незаконное. Но объединение совещаний необходимо: проект его у нас имеется. Общественные организации будут призваны, когда будет катастрофа. Поэтому мы не особенно жалеем, что у нас органической программы нет. До некоторой степени есть, но мы вынуждены были приурочить их к существующим органам. Сегодняшнее совещание должно дать ответ на то: нужно создать иное отношение к войне, вернуть к сознанию действительности. В Госуд. думе это должно быть сделано. Не знаю, ваши слова дойдут ли до глубины сознания населения. Относительно прессы — новые скорпионы. Придется итти на компромиссы. У нас ставится и вопрос о срыве законодательных учреждений. Вопрос о кооперативах поставлен на почву возможности реального осуществления. Временами чувствуется, что сердцевина организаций утомляется; Госуд. дума должна помочь, признав союзы. Госуд. дума недостаточно восприняла союзы. Что-то мешает контакту. Может быть, это субъективное ощущение, но не единичное.

Я. — Четыре вопроса: 1) компромисса, 2) программы, 3) легализации союзов, 4) отношения к рабочим и к кооперативам, (5) соединенного совещания, 6) положения прессы. Выделяю вопрос о беженстве. Что будет, если оно повторится? Потечет коренной элемент населения.

Кишкин. — Мы сегодня не ожидали перейти к конкретному обсуждению. Для докладов надо сговориться. Общение блока с общественными организациями должно вылиться в определенную комиссию с завтрашнего дня. Проекты легализации у нас есть: вопрос лишь, следует ли легализоваться при условиях, которые ставило правительство. Вопрос об особых совещаниях важен. Уже произошел раскол в блоке. Это — мертворожденное дитя: надо Госуд. думе выступить с определенными организациями. «Продовольственная управа». Соединенное совещание не надо делать. О рабочих и кооперациях — союзы меньше всего могут сделать. Вы должны дать им возможность организоваться: они будут пользоваться решительно всеми возможностями организации. Будут мешать нашей организационной работе. — Остальное — дело сговора с этими группами Госуд. думы.

Челноков. — Записка от армии? Что это значит? Какое имеем право?

Львов. — Мы понемногу затягиваемся, работаем совместно и можем говорить от имени армии. Демидов назвал и имена. Мы идем от армии к блоку. Для М. В. это не секрет (*Челноков* настаивает, что это — не от армии).

Демидов. — Здесь изложены слова Алексеева и Иванова. Подтверждено тремя командующими армиями. В первой редакции: «следующие слова командующих». Старались занести точные слова беседы. Я прочел записку Алексееву; он вычеркнул 4 строчки. В Киеве присутствовал Маклаков, просивший: собственных слов не выносить; скажите это от армии. «Германия крепнет» — слова ген. Дитрихса.

Челноков. — Это противоречит тому, что говорил Алексеев мне и Львову. Надо разграничить работу нашу и правительства. «Управа» — одно название недостаточно. Придется выяснить точно картину нужд с главнокомандующим и проект их разделения. «Транспорт» и т. д. мы выполнить не можем; должно быть поставлено во главе правительство. Иначе — самих себя обманывать. Надо поставить перед правительством картину его ответственности, а не перелагать на себя. Можем строить мосты, продавать из лавок, обделывать кожу. Но поставить снабжение, транспорт — не можем. Надо разграничить сферы действий и потребовать от правительства самостоятельности для нашей доли.

Меллер. — Отношение законодательных палат к союзам. В этой сфере союзы делали громадную ошибку. Со стороны блока принципиально союзы будут встречать всякую поддержку. Но мы взяли колоссальную ответственность. Правительство пользуется случаем обличать в неисправности. А в особых совещаниях члены не осведомлены и не находят, что ответить. За последнее время в ведомствах новая тактика (с пушками, с кухнями). Одна из главных заслуг сбить с позиции посредников. Теперь блондины и брюнеты приспособились. Земский союз получил заказ на кухни, сдал работу Пастору, материал получен, наши инженеры следили за заказом, кухни приняты по 800 рублей. Кухней уже нет; наступает время: является к нашему сдатчику представитель завсдов: кухни негодны, подлежат браку. Мы бракуем. А потом сданы не по 800 руб., а по 1 200 руб. Ведомство согласно на дефекты. Нам заявят: Земский союз оказался неисправным; пришлось переплатить. То же с болванками орудий.

Щепкин. — Предположения Н. П. о шагах блока могут вызвать только полное сочувствие. Такую тактику поймет и страна: если угодно, договаривайтесь с блоком. Если Дума будет открыта с указанием, что программа будет сохранена для организации страны. Не только отписка. Только — вопросы программы блока должны быть дополнены одним: в первом же заседании призыв к обществу относительно более интенсивной работы.

Шидловский. — Все — в качестве материала. Будьте осторожны со словом «блок». Наказ — мне и Милюкову. Не может быть наказа от целой организации к другой организации. Там может быть и д р у г о й материал. Здесь два слова: «о б щ е с т в е н н ы х д е я т е л е й» прибавлены к «мин. доверия». А нам предлагали: в с ю программу, кроме этого. Разрушить блок, — значит разрушить Думу как целое.

Шингарев. — В среде людей близких ясно, что ничего не выйдет, если власть не в наших руках. В блоке — сейчас же сомнение. Начнут бегать к Штюрмеру с заднего крыльца. Огорчил Кишкин: все совещания ни к черту негодны. З н а ч и т, н а д о у й т и? В Москве мы говорили: уходить нельзя. Хотите заменить «управу». Это — кружиться около одного места. В л а с т ь н е г о д н а. Но с ней приходится работать. Значит, и в совещаниях. Что выгодно ставить в Думе? Надо конкретизировать.

Алферов. — Надо организовать взаимную информацию.

Кишкин. — Точка зрения Шингарева пораженческая (что ничего делать не можем). Вы хотите поправлять в механизме. Особые совещания — дурной механизм. Мы делаем. Должна делать и Госуд. дума. Это не общее место.

Шингарев. — Вас нет в совещании о беженцах — и это ошибка Думы. Там, где вы представлены, ваше представительство не использовано.

Я. — Против обращения к стране об интенсивности работы (и о бодрости).

(Окончание следует.)

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Между 3 сентября и 28 октября 1915 г. в заседаниях бюро блока был, повидимому, перерыв. По крайней мере, в сохранившихся материалах нет никаких указаний, что в этот промежуток времени происходили какие-либо совещания блока. В прессе, близко стоявшей к основным фракциям, образовавшим блок, и наиболее заинтересованной в систематическом освещении деятельности блока, также нет сведений о блоке.

В данной публикации мы помещаем первоначально запись Милюкова о заседании, происходившем 25 октября. На нем присутствовали, с одной стороны, представители фракций Госуд. думы и Госуд. совета — кадетов и центра — (Милюков, Шингарев, Маклаков, Меллер), а с другой стороны, представители буржуазных общественных организаций — военно-пром. комитетов и Земского и Городского союзов (Челноков, Гучков, Львов Г. Е., Астров). Это заседание было посвящено: 1) общей оценке политического положения в России в 1915 г. и 2) установлению единой линии поведения буржуазии как в Думе, так и вне ее стен. В общую публикацию материалов о «прогрессивном» блоке мы вво-

дим эту запись, так как это заседание в значительной степени определяет характер настроений блока в конце 1915 и в 1916 гг.

2) Начиная с весны 1915 г., в силу тех условий, о которых мы говорили раньше (см. «Красный архив» т. L—LI, стр. 119), буржуазия проявляет усиленную активность по собиранию своих сил и политической организации. В особенности большую роль сыграли созданные ею Земский и Городской союзы, военно-пром. комитеты. Этим организациям нехватало оформления их устава и законодательного установления сферы действий. Об этом и хлопотали перед блоком представители этих организаций. Действительно, в первую же (февральскую) сессию этот вопрос был внесен в порядок работ Думы. Что касается съездов этих организаций, то они были назначены в Москве на 25—27 ноября, но по распоряжению правительства были запрещены.

3) Вел. кн. Михаил Александрович, брат Николая II; для буржуазии и капиталистических помещиков он был той фигурой, которая должна была заменить Николая II. Его жена, Наталья Сергеевна, урожд. Шереметьевская, по первому браку Мамонтова, по второму Вульферт.

4) Климович, Е. К., втечении 20 лет находился на жандармской службе; до 1 марта 1916 г. был московским градоначальником, а затем при А. Н. Хвостове был назначен директором департамента полиции.

5) Менажировать — направлять, руководить.

6) Moribundus — тот, кко должен умереть.

7) 11 марта 1801 г. — день убийства Павла I.

8) Осенью 1915 г. происходили перевыборы членов Госуд. совета, давшие усиление центра и беспартийной части «верхней палаты». Правое крыло Госуд. совета увеличилось всего лишь на 4 человека.

9) Месяц и число роспуска Госуд. думы в действительности были проставлены Горемыкиным на заранее подписанном царем бланке, и начало занятий обеих палат было намечено на ноябрь («не позднее ноября»). Буржуазия ждала открытия Думы 1 ноября, затем стала утешать себя мыслью, подсказанной черносотенной прессой, что занятия Думы могут начаться 30 ноября. На самом деле 27 ноября появился новый царский указ и рескрипт на имя председателей Госуд. совета и Госуд. думы об отсрочке занятий их на неопределенное время («впредь до окончания подготовительных работ по утверждению гос. доходов и расходов»). И хотя бюджетная комиссия Думы закончила свои работы в декабре 1915 г., никакого указа о Думе не было. Лишь разраставшееся революционное движение в стран заставило «верхи» наметить день открытия Госуд. думы и Госуд. совета на 9 февраля.

10) Так в подлиннике.

11) Так в подлиннике.

12) Так в подлиннике.

13) После указанных выше перевыборов в Госуд. совете количество членов, примыкавших к блоку, незначительно увеличилось и не достигало 50 человек.

14) Два неразборчиво написанные по-французски слова здесь опущены.

15) Reservatio mentalis — подразумеваемая оговорка. Обычно принятая формула иезуитского ордена, позволявшая произносившему ее давать формально клятву и в то же время считать себя в праве в любой момент ее нарушить — «греха не будет».

16) Доказательства Милюкова о недопустимости перемены лозунга «министерство общественного доверия» на лозунг «ответственное министерство» заключались в том, что он предостерегал против «перепряжки лошадей во время пе-

реезда через реку» и вообще советовал не «форсировать событий». Что касается строгости соблюдения своей программы, то однажды на совещании в Москве на вопрос о том, почему кадеты в программе ставят вопрос об ответственном министерстве, а в блоке проводят другую линию, Милюков отвечал: «Кадеты-партия — одно, кадеты в блоке — другое».

17) Так в подлиннике.

18) Тезисы доклада Милюкова см. Ос. отд. ЦИА, ф. № 155, д. № 5.

19) Опущено неразборчиво написанное слово.

20) Так в подлиннике.

21) Ни самого текста, ни тезисов его в настоящее время не найдено; тем не менее ввиду важности отдельных замечаний и возможности в дальнейшем нахождения указанных материалов приводится здесь запись прений по этому вопросу.

22) Опущено неразборчиво написанное слово.

23) Никаких записей относительно заседаний блока за время после 26 ноября до 28 января не сохранилось.

24) Горемыкин был уволен 18 января 1916 г., и на его место, по настойчивой рекомендации Распутина и Александры Федоровны, был назначен Штюрмер. Подробности см. «Переписку Николая и Александры Романовых», том IV, начиная с 5 января, и вводную статью к переписке М. Н. Покровского.

25) Se pavaner — кичиться, ходить гоголем.

26) На этом запись заседаний бюро блока в период подготовки к февральской сессии Думы кончается. Дальнейших записей среди бумаг Милюкова не сохранилось. Заседания бюро блока продолжались вплоть до открытия Думы (9 февраля) и в период сессии. Некоторые из них, судя по газетным сведениям, затрагивали очень важные вопросы, как, напр., окончательное мнение бюро блока об отношении к правительству, выработка формул перехода по отдельным вопросам и т. д.

27) В заключение публикации за этот период помещаем запись беседы, происходившей по инициативе, главным образом, Г. Е. Львова, между представителями буржуазных организаций и бюро блока.

28) Львов Г. Е., кн., крупный помещик, в годы войны «главноуполномоченный Всероссийского земского союза по оказанию помощи больным и раненым воинам»; во время переговоров среди буржуазных групп о кандидатуре в председатели Совета министров в случае, если окажется необходимым выставить кандидатуру, «пользующуюся доверием страны», всегда фигурировал Г. Е. Львов. Поэтому, когда власть в феврале 1917 г. оказалась в руках буржуазии, Г. Е. Львов стал председателем Временного правительства.

29) Так в подлиннике.

Из записной книжки архивиста.

Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке.

(1896 г.).

Печатаемое ниже письмо А. П. Моренгейма, царского посла в Париже, представляет дополнение к публикации «Проект захвата Босфора в 1896 г.», помещенной в XLVII — XLVIII т. «Красного архива», проливая дополнительный свет на франко-русские разногласия в вопросе о захвате проливов царской Россией. Но основной интерес этого документа заключается в том, что он вскрывает собственные захватнические планы французского империализма в Турции и вообще в странах мусульманского Востока в бассейне Средиземного моря. При полном пока отсутствии французских публикаций по данному периоду, этот документ становится особенно интересным. Впрочем появившиеся до сих пор томы французской дипломатической публикации представляют собой столь бесцеремонную фальсификацию, что с этой стороны и не приходится чего-либо ждать, так что нашим архивам еще долго суждено служить главным источником для разоблачения не только русского, но и союзного с ним французского империализма.

В упомянутой выше публикации мы уже отмечали, как французский империализм, стремясь к полному экономическому и политическому закабалению Турции французским финансовым капиталом, опасался, что царская Россия, захватив проливы, не только впутает Францию в бесконечные международные осложнения, но и помешает удовлетворению собственных захватнических аппетитов французского империализма, стремившегося тогда играть в Турции не вторую и не третью, а первую роль — не забудем, что тогда в смысле финансового и экономического влияния Франция бесспорно занимала в Турции первое место. Усиление германского влияния начинается только в следующие годы (с 1897—98 гг.). Французский империализм устами Ганото ставит вопрос не более не менее как о господстве Франции над всем бассейном Средиземного моря: «Становится все более и более вероятным, что в более или менее близком будущем главной ставкой в игре будет Средиземное море и его большой придаток — Красное море, являющийся путем из одного океана в другой. Там будут разыгрываться судьбы мира. Поэтому, если египетский и сирийский вопросы являются, по справедливости, самыми важными для Франции, она не спускает глаз также и с деятельности Англии в Марокко, где эта последняя только что получила концессию на постройку мола в Танжере — настоящем ключе к Средиземному морю». Марокко, затем — турецкие области — Сирия и Египет и побережье Красного моря — вот тот огромный территориальный комплекс, который притягивает, по словам самого французского министра иностранных дел, аппетиты француз_

ского империализма. Говоря, что «египетский и сирийский вопросы являются, по справедливости, самыми важными для Франции», Ганото отразил точку зрения определенных кругов французской буржуазии — именно колониальных кругов и интересы определенного этапа политики этой буржуазии — этапа, на котором (уже с 80-х годов) на почве борьбы за раздел последних кусков уже почти поделенного мира англо-французские отношения особенно напряглись, а франко-германские по внешности несколько смягчились. Вообще же говоря, с точки зрения общих интересов французского империализма в целом, здесь есть некоторое преувеличение. «Судьбы мира» он все же чаще предполагал решать не в борьбе против Англии в бассейне Средиземного моря, а в войне — реванше на полях Эльзаса и Лотарингии. Мысль о соглашении с Англией ради этой войны — за счет все тех же стран Востока, как нам уже пришлось отмечать в упомянутой статье в «Красном архиве», и тогда уже не была чужда французскому правительству и, в частности, тому же Ганото.

Письмо Моренгейма, написанное часто намеками и, надо добавить, очень скверным языком, представляет для читателя не-специалиста большие трудности для понимания. Поэтому считаем необходимым предпослать некоторые пояснения к отдельным местам печатаемого ниже текста.

Упоминаемая в начале письма экспедиция от 19 (7) ноября извещала об отказе царского правительства от данного, было, им согласия на расширение компетенции Управления оттоманского долга и от участия в нем русского делегата [1]). Ганото вполне правильно почуял при этом и общий поворот русской политики в сторону подготовки немедленного захвата проливов.

Дальше в письме говорится о телеграммах Шишкина от 25 (13) ноября, которые успокоили Ганото. Повидимому, дело идет о телеграммах, в которых Шишкин сообщал о согласии русского правительства на английское предложение (от которого оно раньше отказывалось) обсудить необходимые для Турции реформы и меры принуждения по отношению к Турции, чтобы заставить ее их принять. В истолковании этого шага Ганото, наоборот, видимо, ошибся: он ни в коем случае не означал отказа царской России от сепаратных выступлений и, напротив, входил в качестве необходимого составного элемента в нелидовский проект захвата проливов [1]). В соответствии с этим успокоение Ганото оказалось весьма кратковременным [2]), так что вывод Моренгейма, что этот «короткий кризис» франко-русских отношений «завершен», тоже оказался неверным, как явствует из документов, опубликованных в «Красном архиве» [3]).

Весьма любопытны места, относящиеся к египетскому вопросу. Речь идет здесь о полумиллиардной ссуде, которую египетское правительство (а фактически — английское, стоявшее за его спиной) взяло из кассы египетского долга на расходы по экспедиции для завоевания Судана. Комиссия египетского долга (большинством голосов английского, германского, австро-венгерского и итальянского представителей против голосов русского и французского делегатов) выдала эту ссуду. Франция и Россия перенесли дело в международный смешанный апелляционный трибунал в Александрии, где им удалось провести свой тезис о необходимости единогласных решений Комиссии долга и, следовательно, о незаконности выданной ссуды, которую египетское правительство принуждено

[1]) См. об этом «Красный архив», т. XLVII—XLVIII, стр. 52.

[1]) Там же, стр. 53.

[2]) Там же, стр. 54.

[3]) Там же, стр. 54 и 68.

было вернуть. Ганото развивает в беседе с Моренгеймом планы дальнейших действий, сводящихся к попытке наступления на позиции Англии в Египте путем финансового давления на египетское правительство через Комиссию египетского долга.

Из плана этого фактически ничего не вышло (он был сорван Англией, предоставившей Египту заем), но для понимания египетского вопроса, политики Франции в Египте и англо-французских взаимоотношений там всего за несколько лет до соглашения 1904 года план этот весьма показателен.

В. Хвостов.

Письмо царского посла в Париже бар. Моренгейма управляющему министерством ин. дел Н. П. Шишкину[1]).

Господин статс-секретарь.

Тотчас же по получении экспедиции от 7 (19) числа текущего месяца, которой ваше превосходительство почтили меня, я поспешил в тот же день выполнить возложенное на меня поручение к министру иностранных дел республики. Было бы очевидно бесполезным скрывать, насколько это было ему неприятно.

Несмотря на то, что он был в курсе того, что происходит в С.-Петербурге, это на него произвело в высшей степени сильное впечатление. Он мне сообщил тогда, что он уже, будучи очень встревожен дошедшими до него сведениями, написал, в качестве последней попытки, письмо графу Монтебелло [2]) для немедленного сообщения его вам, и он надеется, что ваше превосходительство сможете с ним познакомиться в понедельник 23 ноября. На основании сведений, очевидно, очень детальных и чрезвычайно алармистских, г. Ганото, как мне показалось, очень преувеличивал значение и последствия того, что он счел возможным определить, как «поворот политики». Я, конечно, привел самые убедительные доказательства, чтобы предостеречь его от слишком большой доверчивости к слухам, лишенным всякого правдоподобия; я напомнил ему насколько лучше он был настроен (inspiré), когда он так красноречиво ограничился противопоставлением всем подозрениям оппозиции собственных публично произнесенных слов его величества. Одним этим он заставил замолчать своих противников. Я мог только посоветовать ему поступить так же и по отношению к его собственным подозрениям.

Простой факт непринятия нами предложения послать нашего представителя в Комиссию оттоманского долга, по моему разумению, нисколько не заключает в себе всех тех последствий, которые он, кажется, склонен из него выводить. «Мне нет нужды, — ответил он, — утруждать себя этими выводами; об этом достаточно заботятся у вас, и я ежедневно нахожу доказательство этого, нисколько не скрываемое — и в качестве дозволенного отголоска — в важнейших органах вашей печати, несомненно, инспирированных известными инициаторами этой новой политики изоляции, которая не допускает кого бы то ни было третьего в ваши отношения с Турцией, которую вы хотели бы монополизировать [1]).

Имеется ли ввиду протекторат подобно тому, как в Египте или даже как в Тунисе? И взвесили ли вы все труд-

---

[1]) Перевод с французского. Подлинник хранится в Архиве революции и внешней политики (дело общей канцелярии мин. ин. дел, папка «Paris 1896», арх. № 139, листы 451—456).

[2]) Французский посол в Петербурге.

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

ности и учли ответственность? Если бы еще дело касалось только нас, только Франции, — в крайнем случае, я бы это понял и, может быть, не усмотрел бы в этом ничего для нас слишком неудобного. Но не забывайте же, что мы не одни и что вы имеете дело со слишком сильным противником. Если вас даже и впустят в Константинополь, то лишь для того — будьте в этом уверены, — чтобы не дать вам оттуда выйти, ибо в тот же самый день англичане с помощью итальянцев воздвигнут в Дарданеллах Гибралтар, который запрет вам всякий выход. К тому же случай этот п р е к р а с н о [1]) предвиден, и в предвидении всех этих событий, которые неизбежно последуют из-за разлада между нами, которому уже радуются и который учитывают наши общие противники, — итальянцы, отказавшись от Триполи и Албании, остановили свой выбор на Сирии, где они уже сосредоточили две дивизии своего флота в Смирне [2]), которую они займут немедленно, без единого выстрела. И вот в подобную-то авантюру известная партия, которую мы раз уже видели за работой перед вашей последней войной, хотела так, здорово живешь, бросить вашу страну! Нет, я хочу вам верить, и я предпочитаю быть уверенным, что она не одержит верха над советами разума и благоразумия, и я держусь за те слова императора, которые вы мне напомнили; я помню также и то, что он сказал лично мне. Только я предупреждаю вас, что в результате всего этого шума, поднятого по этому случаю иностранной прессой, которая при этом только следовала за вашей и который не замедлит вызвать эхо в нашей прессе, я жду новых запросов в палате, на этот раз со стороны радикальной партии, особенно со стороны слишком известного г. Думера — опасного противника, который в качестве министра финансов в кабинете Буржуа является [представителем всех наших держателей ценностей — больших и мелких, биржевых маклеров и т. п. И вы согласитесь, что я уже не буду иметь столь выигрышного положения. Вы сильно ослабили нашу партию, которую однако, как я смею думать, в ваших интересах поддержать».

После всего этого нетрудно угадать, как ему было представлено положение в С.-Петербурге, раз он мог притти к таким крайним выводам. Во всяком случае, это положение ему представлялось очень запутанным благодаря известным влияниям. Нужно ли вам также говорить, какое облегчение, какое благотворное успокоение произвели н а с л е д у ю щ и й д е н ь [1]) ваши телеграфные сообщения от 13 (25). Редко когда что-либо приходило так удивительно кстати. Г. Ганото сказал мне вчера (ибо это было вчера, в среду), что он рассчитывает воспользоваться моим сегодняшним курьером, чтобы отправить вашему превосходительству ответ на ваше письмо от 6 (18) текущего месяца. Я не знаю ни содержания этого ответа, ни содержания его письма к Монтебелло, о котором он должен был вас поставить в известность в последний понедельник. Они были написаны под очень различными впечатлениями, и я твердо надеюсь, что последнее письмо констатирует, что все вполне успокоилось и что этот короткий кризис завершился без больших трений. Пусть также наши так называемые органы общественного мнения не подстрекают попусту заграничные. Опасно так [легкомысленно] играть с подобным огнем.

Раз уж я начал говорить относительно прессы, я не премину сообщить вашему превосходительству о странном сообщении во вчерашнем «Фигаро», которое г. Ганото получил прямо из

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

[2]) Так в подлиннике.

[1]) Подчеркнуто в подлиннике.

редакции этой газеты и на которое он обратил мое внимание.

Оно — из Рима — помечено позавчерашним числом и, по словам г. Ганото, исходит из собственного кабинета короля, который ради таких сообщений поддерживает квази-личные отношения с г. Кальметтом, редактором этой газеты, который, в свою очередь, имеет прямые связи с г. Ганото. Я позволил себе при сем приложить это сообщение, которое г. Ганото сопоставляет с одной статьей «Italia Militare», где говорится, что правительство решило увеличить кредиты на морские вооружения на сумму свыше ста миллионов! Что касается Германии, «то кредиты, испрошенные на 1897—1898 гг., равняются 153,426,000 марок. Становится все более и более вероятным, что в более или менее близком будущем главной ставкой в игре будет Средиземное море и его большой придаток — Красное море, являющееся морским путем из одного океана в другой. Там будут разыгрываться судьбы мира. Поэтому хотя египетский и сирийский вопросы являются, по справедливости, самыми важными для Франции, она тем более не спускает глаз и с действий Англии в Марокко, где эта последняя только что получила концессию на постройку мола в Танжере — настоящем ключе к Средиземному морю. Чей мол — того и порт, и у того и сила! (or, qui dit môle, dit port, dit bort!). Франция это понимает, так как и сама действовала так же в Бизерте, чтоб сделаться действительной хозяйкой Туниса. Англия, повидимому, желает последовать этому примеру. Как бы то ни было, она уже встала там одной ногой и встанет и другой; она уже там, и пожелает там и остаться. Завладев Танжером и уже обладая Аденом, она будет госпожей обоих выходов и сможет менее интересоваться промежуточными опорными пунктами, имея возможность отрезать путь, кому она захочет. Я не представляю себе более серьезных вопросов, нежели этот; этот вопрос сильнее всего озабочивает Францию, и, казалось бы, он должен был бы не меньше занимать и Германию.

Г. Ганото сегодня менее обеспокоен той участью, которую ему готовит новый запрос об отношениях между Францией и Россией, но в качестве доказательства тех чувств, которые охватили страну, он прочел мне очень знаменательную статью, которую в тот же день поместил в «Matin» Г. Трарье, бывший министр последнего кабинета Рибо, под заголовком: «Почему бы нет?» и которая подготовляет поворот в сторону Англии, имея ввиду соглашение с ней, подобное соглашению с нами. Это, как вы знаете, старый тезис Шоторди, но весьма удивительно видеть его воспринятым в качестве подлинного принципа этими кругами [1]).

Возможно, что по приезде Монтебелло я смогу предварить эти строчки телеграммой, которая придаст им несколько ретроспективный характер.

Примите и проч. М о р е н г е й м.

P. S. Любопытно, что статья «Matin» мне в тот же день была прислана четырьмя различными лицами, оставшимися анонимными, — очевидно, своего рода предупреждение. Странный симптом волнения умов!

Переходя к вопросу о Комиссии египетского долга, г. Ганото находит, что решение, на котором остановилось правительство хедива — взять полмиллиарда для вложения в кассу долга из своего собственного бюджета, — имеет ту хорошую сторону, что позволяет выиграть время, но лишь при условии, что время это будет использовано для

---

[1]) К письму приложена упоминаемая статья, указывающая на рост англо-германских противоречий и предлагающая, ввиду наличия общего врага, заключение англо-французского соглашения, которое существовало бы параллелно с франко-русским союзом, дополняя его.

того, чтобы заставить саму Комиссию разрешить вопрос, может ли Египет, за которым отрицается право производить выдачи ссуд [1]), требовать права заключать займы, ибо, рано или поздно, он будет принужден прибегнуть к этой мере, чтобы сбалансировать свой сильно пошатнувшийся бюджет. И вот, в случае отрицательного ответа, который кажется несомненным, — по крайней мере, поскольку дело идет о необходимости единогласного решения Комиссии, — уже этой последней будет принадлежать задача изучить, когда этого потребуют обстоятельства, те условия, в зависимость от которых она поставит свое согласие. Таково мнение г. Луи, французского делегата [2]), к которому присоединяется правительство. Кажется, г. Луи старается обеспечить голос одного из членов прежнего, враждебного нам, большинства, но он не высказывается более ясно. Кредиторы не сделают ошибки. Г. Ганото мне подтвердил, что уж образовался банковский синдикат, который предложил свои услуги. Требуемые гарантии и условия конкурентов будут предварительно подвергнуты контролю полномочных держав, и всякие опасения относительно залогов территориального характера (hypothèque territoriale) были бы таким образом устранены с самого начала.

Господин министр иностранных дел соблаговолил ознакомить меня, строго конфиденциально, с интересным донесением г. Камбона, которое он вам, без сомнения, перешлет непосредственно с ближайшим курьером. Французский посланник в Константинополе сообщает там своему правительству сведения, полученные им, по его словам, из источника, вполне заслуживающего доверия, по поводу военной конвенции, которая, якобы, была заключена в прошедшем мае между Австрией и Румынией и согласно которой Румыния обязалась, в случае войны с Россией, сосредоточить на своей северной границе две дивизии под командой австрийского генерала, а остальная румынская армия под личной командой короля должна занять укрепленный лагерь под Бухарестом. Министр прибавил, что, с своей стороны, он не может гарантировать точности этих сведений, но что он считает необходимым придавать им значение, так как г. Камбону, очень осмотрительному в подобных случаях, несвойственно давать такой определенный ход слухам, которые ему не казались бы заслуживающими доверия.

Из того, что происходит во внутренних делах Франции, ничего не заслуживает нашего особого внимания. С трудом продолжается обсуждение бюджета — из-за обструкционных маневров радикалов, объединившихся с социалистами, но правительственное большинство держится хорошо и верно кабинету. И все-таки нельзя надеяться, что финансовый закон пройдет раньше рождественских каникул и таким образом страна будет избавлена от двенадцатого провизорного (месячного) бюджета [1]). Нельзя быть уверенным, что министерство благополучно выпутается по возобновлении январской сессии; подоходный налог, являющийся основанием финансовой системы г. Кошери, легко может стать, по мнению многих, камнем преткновения, против которого придется бороться кабинету. Эта неудача слишком сильно коснется лично министра финансов, чтобы не повлечь за собой, по крайней мере, частичное изменение министерства. Войдет ли г. Ганото в этом случае в новую комбинацию — это, очевидно, будет зависеть, главным образом, от состава

---

[1]) Видимо, из кассы управления.
[2]) В Комиссии египетского долга.

[1]) В подлиннике «Les douziemes provisoires soient epargnés au pays».

будущего кабинета, но отчасти, также, от его доброй воли, которая может оказаться уже и не той. что раньше. Все это — на волю случайностей калейдоскопа (au hasard du kaleidoscope)!

Примите и проч.

Моренгейм.

Из истории интеллигенции 60-х годов.

Автор печатаемого нами письма — известный публицист и литературный критик 60-х годов Варфоломей Александрович Зайцев. Начав свою литературную деятельность в 1863 г. в «Русском слове» Г. Е. Благосветлова, Зайцев очень скоро приобрел широкую известность как один из литературных представителей «нигилизма». Этому много способствовал боевой характер статей и библиографических заметок Зайцева. Ведя в «Русском слове» библиографический отдел и давая в нем ежемесячные обзоры вновь выходящих книг, Зайцев сумел превратить этот скромный отдел журнала в трибуну для проповеди материализма, атеизма и политического радикализма. Для врагов «нигилизма» имя Зайцева, наряду с именем Писарева, было одним из наиболее ненавистных. Консерваторы и умеренные либералы того времени не могли говорить о Зайцеве без скрежета зубовного.

Печатаемое нами письмо было послано Зайцевым 24 декабря 1867 г. его сестре Варваре Александровне Якоби, находившейся в то время в Женеве. Зайцев был очень дружен с сестрой, принимавшей, как и сам Зайцев, участие в революционном движении того времени. В 1861—1862 гг., живя в Москве, она была близко знакома с членами московского отделения тайного общества «Земля и воля» и, может быть, сама была его членом. В 1863 г. она привлекалась к ответственности по делу И. Андрущенко и др. Ей вменялось в вину содействие, оказанное ею побегу за границу Ивана Кельсиева, брата известного эмигранта В. Кельсиева. По недостатку улик Зайцева была Сенатом оправдана. Вскоре она, спасаясь от преследований отца, ярого реакционера, вышла фиктивно замуж за некоего кн. А. С. Голицына и уехала за границу. Там она познакомилась с известным впоследствии психиатром П. И. Якоби и, разведясь с Голицыным, вышла за него замуж. Поселившись в Женеве, она стала приглашать своего брата приехать туда. В ответ на это приглашение Зайцевым и было написано печатаемое нами письмо.

Письмо это было перлюстрировано. Копия его сохранилась в деле III отделения, 1 эксп., 1866 г. № 100, ч. 14 «О студенте Зайцеве» (Архив революции и внешней политики). Хотя письмо было не подписано Зайцевым, чиновники III отделения по содержанию письма без труда догадались, кто был его автором.

Для полного понимания письма Зайцева необходимо иметь в виду, что оно было написано в весьма тяжелое для Зайцева время. В конце 1865 г. он, вместе с Писаревым и Н. В. Соколовым, порвал с Г. Е. Благосветловым и прекратил сотрудничество в его журнале. Если он и не пострадал особенно от этого в материальном отношении (он славился как хороший переводчик и потому всегда имел много переводной работы), то уход из «Русского слова» болезненно переживался им вследствие того, что он, порывая с Благосветловым, лишался возможности вести самостоятельную литературную работу: других журналов, в которых он мог бы писать, в то время не существовало.

В апреле 1866 г., когда после покушения Каракозова по России широко разлилась волна «белого террора», Зайцев был арестован по распоряжению

председателя следственной комиссии гр. М. Н. Муравьева. Хотя к Каракозовскому покушению он не имел никакого отношения, ему пришлось более четырех месяцев просидеть в каземате Петропавловской крепости.

Выпущенный после этого на свободу Зайцев увидал начавшуюся реакцию в полном разгаре. Лучшие журналы того времени «Русское слово» и «Современник» были закрыты. Многие знакомые Зайцева оказались арестованными, а большинство из тех, кто остался на свободе, или спешили отречься от своего прошлого или притаились в ожидании новых репрессий.

«Политический сифилис», по выражению Герцена, принимал характер грозной эпидемии. В такой обстановке Зайцев не мог не чувствовать своего полного бессилия перед лицом торжествующей реакции. Уехать за границу становится его заветной мечтой, но полицейский надзор, которому он был подчинен по выходе из Петропавловской крепости, не давал возможности получить заграничный паспорт. Все это объясняет нам тот жестокий и безисходный пессимизм, которым проникнуто письмо Зайцева.

Крайне ценное для биографии и характеристики его автора, это письмо имеет и более общее значение. Настроение, под влиянием которого оно было написано, было характерно не для одного Зайцева, а для всего того слоя мелкобуржуазной интеллигенции второй половины 60-х годов, к которому принадлежал автор письма.

Б. Козьмин.

Я долго не писал вам, друзья мои, в приятной надежде увидеть вас. Я сделал все, что можно было, но все оказалось напрасно. Куда тут ехать к вам, когда, как я недавно узнал, даже мое пребывание в Лялине [1]) считалось опасным для государства, так что вся земская полиция была поднята на ноги искать в Вышневолоцком уезде якобы посеянных мною злых начал! Не знаю, много ли нашли плевел; полагаю, что жатва была не щедра и не обильна, так что далеко не стоила потраченной на нее бумаги. Но тем не менее вредоносность моя дознана, и признано, что дать мне повидаться с вами значит подвергнуть опасности священные начала гражданственности, собственности, религии и т. д. Опять, и на сей раз уже в казусном месте, спрашивали адрес маменьки — не знаю, зачем). [2]

А между тем мне очень хотелось побывать у вас, чтобы поговорить с тобой, моя милая девочка, потому что я тебя все представляю себе прежней Варенькой, девочкой дорогой. Я хотел тебе сказать, что не ожидал от тебя такой слабости, какую ты теперь выказываешь. Вы оба пишете, что потеряли в жизни цель и что теперь ни о чем заботиться не хотите. Друзья мои, если бы вам было по 45 лет, вы были бы правы. Но в 20 лет так говорить — это верх малодушия. Неужели вы друг друга настолько не любите, чтобы быть друг для друга вполне достаточною целью жизни, если бы вы были даже Афанасием Ивановичем и Пульхерией Ивановной, для которых не существует иных целей, кроме личных? Мне кажется, я, на вашем месте, как и на своем, потеряй я все добрые цели, мог бы просуществовать всю жизнь одними злыми. Я вообще не понимаю горя: это какая-то мертвечина; горе — чувство старости или тупоумия; но для свежего и умного человека, если бы даже вовсе не оставалось кого любить, есть отрада, цель и своего рода счастье в ненависти и злости. И притом для ребенка смерть есть самое лучшее, что с ним может случиться: ведь будь он жив, был бы или подлец или мученик. Ты желала бы для Оли своей судьбы? По крайней мере, я не пожелал бы своей своему сыну, если таковой будет. Вот для кого-нибудь из нас умереть неприятно: остается неудовлетворенным какое-то смутное чутье справед-

Б-ка Истфака М.Г.У.

ливости: что ж это такое, в самом деле, мучились, мучились и ни до чего не домучились — так и подохли. А впрочем и то все равно. Какая тут справедливость? Что за дело законам природы до жалкой инфузории, которая, немного потопорщившись, проглатывается своими соседями, которых чрез минуту постигает та же участь? А ведь в сущности все равно, что инфузория, что мы с тобой! Так только глупый, невежественный эгоизм в нас несколько вопиет и копошится, но надо же быть умнее самих себя.

Если бы у меня было любимое существо, которого будущность сколько-нибудь зависела от меня, я старался бы сделать из него подлеца. Пускай бы он, когда вырос, нашпионил бы на меня и тем составил бы себе карьеру: я нарочно дал бы ему на это материалы. Разумеется, это очень неприятно; но из двух зол — сохранить человека и погубить животное или сохранить животное и погубить человека, — надо выбирать меньшее, и потому надо роду отдать предпочтение перед видом. Но и в том и в другом случае для себя я потерял бы его, как потерял, например, тебя и, положим, Бессонова [3]). И то и другое неприятно, но я не настолько еще эгоист, чтобы предпочесть первое. Лучше пускай в моем сердце человек п о г и б н е т, зато сам будет счастлив. Странное было бы для меня утешение, если бы мой приятель умер от честности и голода. Но самое лучшее, конечно, чтобы он вовсе не существовал. По экономическому и политическому положению европеец стал китайцем: пора принять и миросозерцание китайское и праздновать смерть детей. А то плохо жить с европейскими понятиями в китайских условиях.

Когда я сидел в крепости, на меня находили неприятные думы: мне иногда казалось, что, верно, все вы сгибли. Если бы это оказалось правда, я по выходе из крепости первым делом отправился бы в Неву: благо было еще тепло! [4]). У меня созрел на этот счет решительный план. Но представьте себе, я теперь часто с сожалением думаю, отчего это так не случилось? Один я не хочу умирать, пока могу огорчить этим кого-нибудь. Но ничего не может быть лучше повальной смерти. Я давно перестал мечтать о социальных реформах и политических переворотах: я того мнения, что люди — все равно, что вши, которым природа предназначила жить на грязных головах и нигде более. Но если о чем мечтать с удовольствием можно, то это о какой-нибудь хорошей чуме или холере, не о такой, какая бывает у нас, а о такой, какой награждал господь людей в средние века.

Друзья мои, от души желаю я вам уехать, если еще есть возможность, на какой-нибудь Дарбадос. Бегите вы от этих я г у, от этих мерзких, вонючих, зверских тварей, которые называются людьми [5]). Если чему можно сочувствовать и чем можно наслаждаться, то это только природой. Она одна, чуждая нашего трагикомизма, в своем величественном равнодушии способна успокоить больную от любви и злобы душу, способна внушить человеку хорошие помыслы. Там можно и детей нажить и за них не бояться; можно и жить в благородном равнодушии и умереть без скрежета зубовного. Все остальное тем досаднее, чем пошлее, и тем пошлее, чем досаднее.

Насчет дел я ничего вам не могу сказать особенного. Статьи, какие угодно, присылайте — все найдет сбыт — как я писал в прошлом письме, особенно если будет по возможности водянистее и глупее. Деньги бы я вам послал тотчас — франков 600, но пока их у меня нет; надеюсь однако получить к Новому году и тогда вышлю. Писем от меня регулярно не ждите, потому что мне тяжело вам писать. Разве Леночку буду просить раз в неделю извещать вас, если уж маменька не может не беспокоиться обо мне [6]). Вот бы она хоть приехала сю

Индию! Впрочем вы верно не уедете: странные вы люди, должно быть, по молодости еще, особенно П. И. [7]) я совершено не понимаю. Скажи мне, Варенька, что он за человек? Верит он чему-нибудь, ждет ли чего-нибудь, хочет ли? Дай бог вам поскорее раскусить орех.

Если что забыл написать в ответ, то напомните; хлопотать о статьях буду, сколько хотите; могу, хотя сам никуда больше не пойду. Скоро буду печатать книжку. А что же бедная брошюра? [8]). На кого вы ее оставите?

Примечания.

1. Лялино — имение, принадлежавшее теще Зайцева Кутузовой в Великолуцком уезде Тверской губернии.

2. Зайцев имеет в виду III отделение. С 1865 г. мать Зайцева, Мария Федоровна Зайцева, женщина горячо любившая своих детей и умевшая жить их интересами, находилась под негласным бдительным надзором III отделения, подозревавшего ее в симпатиях к «нигилизму».

3. Кто такой Бессонов, нам определить не удалось. Возможно, что это — какой-то товарищ Зайцева по гимназии или университету.

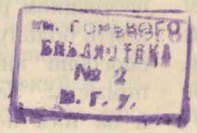
4. Зайцев был освобожден 21 августа 1866 г.

5. Ягу — у Д. Свифта в «Путешествии Гулливера» племя обезьяноподобных, отличающееся крайней нечистоплотностью, грубостью и жадностью к деньгам.

6. Леночка — жена Зайцева. Мать его в то время жила в Женеве при его сестре.

7. П. И. — Павел Иванович Якоби, муж сестры Зайцева.

8. О какой книге упоминает Зайцев, определить невозможно. Может быть, это была одна из переводимых им на русский язык книг. Равным образом, нельзя определить, о какой брошюре упоминает Зайцев.



Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.

1-я типография Огиза РСФСР «Образцовая». Москва. Валовая, 28.

Оглавление

Стр.

Несколько документов из царских архивов о **М. Н. Покровском** . . . . . 5—33

Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888—1903 гг.) С предисловием **А. Попова**. . . . . 34—124

Северо-Американские Соединенные Штаты и царская Россия в 90 гг. XIX в. С предисловием **Ф. Кельина**. . . . . 125—142

Прогрессивный блок в 1915—1917 гг. (Продолжение). С предисловием **Н. Лапина** . . . . . 143—196

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА

Письмо А. П. Моренгейма о французской политике на Ближнем Востоке Сообщил **В. Хвостов** . . . . . 197—203

Из истории интеллигенции 60-х годов. Сообщил **Б. Козьмин** . . . . . 203—206

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД

НА ЖУРНАЛ

ЗА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

ОРГАН АССОЦИАЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Год издания 5-й **6 номеров в год**

Задачи журнала: разработка проблем марксистской методологии в области естествознания, пропаганда метода диалектического материализма среди естественников, борьба с враждебными пролетарской идеологии течениями в области естествознания и точных наук (идеалистическими и механистическими), активное содействие практике социалистического строительства по линии естественных наук, организация научно-естественных марксистских обществ, освещение вопросов подготовки кадров, планирование научной работы, борьба за овладение техникой.

Отделы журнала: 1. Статьи. 2. Доклады в Коммунистической академии. 3. Трибуна. 4. Обзоры. 5. Критика и библиография. 6. Научная жизнь.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес. — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 2 РУБ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и киосками Партиздата, всюду на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД
НА ЖУРНАЛ

ИСТОРИК-МАРКСИСТ

ОРГАН ОБЩЕС[illegible]А ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ И ИНСТИТУТА ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ

Год издания 8-й **6 номеров в год**

Журнал ставит своей задачей дать марксистско-ленинскую разработку исторических проблем и вопросов исторического знания в области конкретной истории и ее методологии, а также методики преподавания исторических дисциплин. Одновременно журнал ведет непримиримую борьбу на два фронта со всеми и всяческими извращениями марксизма-ленинизма в области исторической науки и в частности уделяет особое внимание разоблачению контрреволюционных социал-фашистских и троцкистских теорий.

Журнал освещает актуальные вопросы под углом зрения максимального приближения к задачам социалистического строительства и задачам борьбы мирового пролетариата, дает хронику работ историков, в частности освещает работы над коллективными темами „История фабрик и заводов", и „История гражданской войны" и т. д.

В журнале уделяется достаточное место вопросам развития исторической науки за пределами СССР.

Журнал рассчитан как на историков, занятых научной и педагогической работой, так и на широкие круги активистов-общественников, аспирантов вузов и комвузов.

Особое значение имеет журнал для парткабинетов, методических бюро и комиссий, ведущих руководящую работу при Агитпропах по преподаванию истории классовой борьбы, истории партии в партшколах и др. учебных заведениях.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 15 руб., на 6 мес.—7 руб. 50 коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и киосками Партиздата, всюду на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях

Цена 2 р. 50 к.

С О Ц Э К Г И З

ПР ЕТ ПОДПИСКА НА 1932 ГОД

РХИВ

АЛ

ОРГАН ЦИК СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 11-й

6 КНИГ В ГОД

Отв. редакция: В. В. Адоратский, В. В. Максаков, М. Н. Покровский

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции, истории фабрик и заводов и гражданской войны.

Особенное внимание в 1932 г. будет посвящено опубликованию материалов по истории Октябрьской революции гражданской войны и интервенции.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 12 руб., на 6 мес. — 6 руб.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ И КИОСКАМИ СОЮЗПЕЧАТИ, А ТАКЖЕ ВСЮДУ НА ПОЧТЕ

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ

СОДЕРЖАНИЕ

Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны.—К истории Октябрьских дней в Петрограде.—Флот после Октябрьской победы.—Церковь и руссификация бурято-монгол при царизме.—Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов.—Из переписки С. М. и Н. М. Романовых в 1917 г.—Иностранные дипломаты о революции 1905 г.—Из истории рабочего движения в Караганде.—Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30-50 гг. XIX в.

ЦЕНТРАРХИВ

1932

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1932 г.

НА ЖУРНАЛ

Центрархива РСФСР

АРХИВНОЕ ДЕЛО

В 1932 ГОДУ ВЫЙДЕТ 4 ВЫПУСКА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год 4 р. 50 к. **на полгода 2 р. 50 к.**

Цена отдельного номера 1 р. 50 к.

„АРХИВНОЕ ДЕЛО“ ставит своей задачей научную разработку, на основе марксистско-ленинской методологии, основных проблем архивной теории и практики и освещение опыта советского архивного строительства в центре и на местах.

Журнал необходим в качестве руководящего пособия всем работникам центральных и местных органов ЦАУ СССР и РСФСР, а также работникам государственных, профессиональных и кооперативных учреждений и организаций. Журнал ставит своей целью привлечение передовых архивистов-ударников и актива архивной молодежи к глубокому изучению архивного дела, к наиболее полному овладению техникой архивных процессов, к преодолению нашей технической отсталости. Журнал должен стать для архивистов научно-технической энциклопедией, восполняющей недочеты их архивно-технической учебы и практики. В программу журнала, помимо научной проработки актуальных проблем текущего архивного строительства, входит всестороннее освещение положения архивного дела в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и организациях, методическая разработка вопросов архивной техники и рационализации производственных процессов, освещение деятельности Центрархивов союзных республик и состояния архивного дела за границей, вопросов архивного образования и общественно-профессиональной жизни архивных работников. В журнале широко поставлен отдел о работе местных органов ЦАУ, а также отдел библиографии (отзывы о книгах по архивоведению).

Подписка принимается: Москва, Центр, ул. 25 Октября, д. № 15, Центральное архивное управление РСФСР.

Редакционно-издательский отдел.

Тел. редакции 3-72-91.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ
(ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТИЙ)

1932

СОЦЭКГИЗ
1932

ПЕРВАЯ
типография Огиза РСФСР
«ОБРАЗЦОВАЯ».
Москва, Валовая, 28.

★

Уполномоченный Главлита № Б-28933.
Тираж 2440 экз. Заказ № 3389.
Сдано в производство 20/IX 1932 г.
Подписано к печати 16/I 1933 г.
Формат $72 \times 105^{1}/_{16}$. Объем $10^{1}/_{2}$ п. л.
В 1 печ. л. 40 000 п. зн.

ЦАРСКАЯ РОССИЯ и ПЕРСИЯ В ЭПОХУ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Развивая мысль о необходимости диалектического подхода к явлениям общественной жизни, Ленин еще во время дискуссии о профсоюзах подчеркивал: «Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования». Мы никогда не достигнем этого полностью, но требование всесторонности предостережет нас от ошибок и от омертвения». [1])

Нередко между тем случается, что те или иные исторические схемы, имеющие для известного времени значение лишь определенных рабочих схем, слишком надолго затвердевают в историографии в своем первоначальном элементарном состоянии и, затвердевая, превращаются в препятствие к полному и всестороннему охвату исторического процесса, к его диалектическому пониманию.

Такая опасность заложена, в частности, в той блестящей, приобревшей в нашей историографии почти что права гражданства, схеме, согласно которой вспыхнувший в начале XX века русско-японский конфликт рассматривается, как борьба царской России за обладание проливами. Когда царская Россия набила себе крупную шишку в своих дальне-восточных похождениях, немного передохнув и подкрепившись французскими миллионами, она, согласно этой схемы, вернулась к своим традиционным ближне-восточным занятиям. Англо-русское соглашение 1907 года являлось, согласно той же схемы, лишь «внешним образом» соглашением по средне-азиатским делам, по существу же было размежеванием с Англией по всем азиатским делам и для России означало получение визы на проливы.

Против расширенного понимания значения англо-русского соглашения, разумеется, никто возражать не станет, ибо всем хорошо известно, что одновременно было заключено соглашение с Японией о Манчжурии. Это неоспоримо. Но бесспорно также и то, что низведенная указанной схемой до степени второстепенного «внешнего» фактора средне-азиатская проблема вправе возвысить при этом свой голос и бросить нашей увлеченной блестящею схемою историографии упрек в недостаточно полном охвате исторического процесса.

Недавно вышедший I том III серии «Международных отношений в эпоху империализма», вскрывающий исключительную остроту англо-русских противоречий в персидском вопросе накануне империалистической войны, даже привел некоторых германских

---

[1]) Ленин. Собр. соч., 1 изд., т. XVIII, ч. 1, стр. 60.

историков к мысли о том, что вся внешняя политика царской России была прежде всего политикой «азиатской». Вопросу об этих противоречиях, вопросу о той самостоятельной политике, которую вел царизм в средне-азиатских делах, уделил, как известно, автор предисловия к тому же тому М. Н. Покровский особенно много внимания. Здесь в области персидских дел, совершенно ясно вырисовывался, по его мнению, тот факт, что «русский империализм», связанный в других районах по рукам и ногам путами международного империализма, «выступал от своего лица» и «бился за свои монополии». [1])

Проводившаяся царизмом накануне войны политика в персидском вопросе, данные о которой могут звучать, как новизна, для читателей I тома, имеет, разумеется, свою длинную историю.

О том, как персидская территория, начиная со времен Петра I, постепенно превращалась в ряд русских губерний, рассказано очень давно. О русско-персидских отношениях первой половины XIX в., о русской средне-азиатской экспансии второй половины того же века читатель найдет немало интересного и в нашей марксистской исторической литературе.

Но история русской политики в Персии и вместе с тем на других участках средне-азиатского фронта, начиная с 90-х годов прошлого века, оказывается в нашей историографии полузабытой страницей. Положение совершенно незаслуженное. Те возможности бесконтрольного хозяйничания русского консульского состава и русского генералитета в Персии, которые открываются перед нами недавно опубликованной дипломатической перепиской, относящейся к 1914 г., являются результатом и плодом всей предшествующей политики царизма в персидском вопросе. Это — достижения, которые дались далеко не сразу. Кой-что из истории предшествующих усилий царизма в этом направлении нам известно уже. Мы теперь знаем о том, как еще в 1879 г. подполковником ген. штаба Домантовичем была впервые сформирована персидская казачья бриагада, действовавшая под инструктажем русских офицеров. [2])

Мы теперь знаем о том, как царское правительство, начиная с 80-х годов, боролось с проникновением в Персию иностранных концессионеров, как в 1890 г. оно заставило шаха принять запрещение всякого железно-дорожного строительства в Персии на 10 лет, и как в 1900 году это «veto» было продолжено на новое десятилетие [3]). Мы знаем о том, что в 1897 году царское правительство учреждает свой Учетно-ссудный банк в Персии, финансирующий русско-персидскую торговлю, успешно борющийся с английским Шахиншахским банком и являющийся исключительно мощным орудием царской политики в Персии. Мы знаем также, что русское правительство в эту пору небезуспешно борется с Англией за займы Персии, как за средство укрепления своего влияния. Мы знаем о тех крупных успехах, каких достигает русская торговля в деле завоевания персидского рынка, даже о том, что русские товары проникают вплоть до Султанабада и Буруджирда,

---

[1]) См. «Международные отношения в эпоху империализма», серия III, т. I, стр. X—XI.

[2]) См. «Новый восток», 1923 г., № 4, «Очерк развития персидской казачьей бригады», стр. 390—402.

[3]) См. «Международная жизнь», 1924 г., № 4—5, «Страница из истории русской политики в Персии», стр. 133—164.

и даже о том, что в Султанабаде в 1903 г. можно было купить чай только производства русских фирм, получавших его с о. Цейлона и доставлявших его из России в красивых жестяных коробках через Решт на побережье Персидского залива [1]).

Мы знаем, наконец, не только о давней русской инициативе в деле строительства шоссейных дорог и телеграфных линий в Персии, но и о том, что в 1908 г. в российском министерстве ин. дел признается необходимым снять запрет с железнодорожного строительства в Персии и принципиально решается в положительном смысле вопрос о постройке Джульфа-Тавризской железной дороги. Вывоз русского капитала в Персию в форме железно-дорожного строительства относится к тому времени, когда активность русской политики не может вызывать никакого сомнения [2]).

Публикуемый документ — инструкция российского министра ин. дел вновь назначенному русскому посланнику в Тегеране — относится к 1904 году, к моменту, когда перед царским самодержавием уже обнаруживалась вся тяжесть положения, создававшегося для него на Дальнем Востоке, и когда вместе с тем еще не было видно выхода из безнадежной войны. Публикуемая инструкция интересна не только тем, что напоминает о громадной работе, проделанной царской Россией на персидском театре, о крупнейших здесь достижениях русского капитала — она интересна также и тем, что показывает, как в минуту кризиса и военной катастрофы царская Россия ни на шаг не сходит с занятых ею позиций в той области, где, по словам министра ин. дел, «замешаны ее действительные интересы». Публикуемая инструкция является прежде всего свидетельством о том, что работа, затеянная царизмом в Персии, была затеяна всерьез и надолго.

Вот как формулировал руководитель царского дипломатического ведомства основные цели, которые преследовал царизм в персидском вопросе: «... не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего строя... сделать Персию послушным и полезным, т. е. достаточно сильным, орудием в наших руках, — экономически сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов...»

Из директивных указаний, даваемых министром посланнику, читатель составит себе общее представление о том арсенале приемов и методов, какими по плану царского правительства должна была быть завоевана Персия — формы этого завоевания, во всяком случае, существенно разнились от известных форм первоначальной военной экспансии России на Среднем Востоке.

Характеризуя определяющуюся к началу 900-х годов новую «методу русского проникновения в Персию», автор одной из лучших популярных работ по истории англо-русского соперничества в Азии отмечает те «поистине изумительные результаты, к которым привела перемена политики России в отношении Персии... Вместо прежних угроз

---

[1]) См. Whigham, The Persian problem and examination of the rival positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian gulf, and the Bagdad railway. London, 1903.

[2]) Работы по постройке Джульфа-Тавризской железной дороги начались в 1913 г.

туземной власти, она делала ей самые выгодные предложения и оказывала всяческие услуги... Она проводила в этой стране дороги, организовала для нее регулярные войска, учреждала банки, давала ей взаймы, заводила предприятия, строила набережные — и из всего этого извлекала троякую выгоду: не прибегала к оружию, демонстрировала свое великодушие и получала от мирных отношений больше прибыли, чем могли бы ей дать вместе взятые война словесная и война с оружием в руках. Эта вновь примененная Россией в Персии метода за немногие годы более сделала для русской торговли и русского престижа, нежели все в течение трех четвертей века усилия дипломатии, опиравшиеся на политику силы и принуждения...» [1]). Не будем слишком строги к слишком увлекающемуся буржуазному историку-публицисту. Напомним о том, что рассматриваемые годы, уже не являются годами господства старого «культурного» капитализма: это были годы крутого перелома в мировой политике нарождающегося империализма, годы первого братанья английского и французского империализма во имя хищнического передела мира.

Симптоматично, что именно в эту пору в английской литературе подвергается критике утвердившийся со времен появления книги Керзона взгляд на южную часть Персии, как на сферу британских интересов, и доказывается мысль о необходимости распространения английского влияния на всю персидскую территорию [2]). Симптоматично, что именно в эту пору во французской журналистике развивается мысль о необходимости для Франции новых колониальных владений [3]).

Во всяком случае ясно одно: к началу XX века, приглядевшись к опыту борьбы своего исконного соперника в персидском вопросе, в том вопросе, с которым русская легкая и прежде всего текстильная промышленность связала жизненные свои интересы, царизм, хотя и с некоторым опозданием, переходил от традиционных элементарных методов физического воздействия к более совершенным и сложным приемам политики, свойственным той эпохе развитого капитализма, когда явственно начинает проявляться роль нарождающегося финансового капитала.

Указывая на «преобладание» в царской России «военного и феодального империализма», Ленин отмечал в то же время, что и в ней «капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии и Монголии». [4])

Касаясь вопроса о характере основных тенденций в персидской политике царизма, мы, разумеется, должны остерегаться того, чтобы не внести в трактовку вопроса перегибов и упрощенчества. По правильному замечанию М. Н. Покровского, нельзя русский капитализм представлять себе, как «одноцветное сукно» [5]). Нельзя таким же образом рисовать себе и его политику, в частности, в средне-азиатских делах.

---

[1]) См. д-р Руир «Англо-русское соперничество в Азии в XIXв.», стр. 55.

[2]) См. Whigham, op. cit.

[3]) См. Дарси: «100 лет колониального соперничества», журнал «Revue politique et parlementaire», от 10/V 1904 г.

[4]) Ленин, Собр. соч., 1 изд., т. XIII, стр. 99.

[5]) М. Н. Покровский, «Внешняя политика России в XX веке», стр. 10.

В том же самом архивном досье, где хранится публикуемая инструкция, имеется еще ряд документов, относящихся к той же эпохе, но касающихся ряда других, смежных с персидским, вопросов средне-азиатской проблемы. Из этих документов явствует, что к рассматриваемому времени в военном министерстве намечался план переброски войск (сначала в размере одной дивизии) из внутренних губерний в Туркестанский округ и сосредоточения их вблизи афганской границы. «Всемерное развитие нашей военной готовности, — писал в связи с этим министр ин. дел военному министру Сахарову, — в смысле усиления числа войск, скорейшего сооружения стратегических линий, особенно же ныне строющейся Ташкент—Оренбургской жел. дороги, вообще широкой и тщательной подготовки всего Туркестанского округа, является самой насущной потребностью не только в связи с событиями на Дальнем Востоке и возможными осложнениями и последствиями оных в будущем, но и в качестве единственно прочной основы... правильного развития политики нашей в Персии и прилегающих странах в размерах и условиях, сложившихся для нашей деятельности в этой части Азии за последние годы» [1]). Если верно то, что в этот период царизм рассматривал афганский вопрос преимущественно, как «пугало», как средство, дающее возможность в известное время оказывать известное давление на Англию [2]), то во всяком случае, верно и то, что в системе русского военно-феодального империализма находилось немало любителей употребления этого «пугала» и иногда злоупотребления им. Для характеристики настроений русских феодальных элементов в рассматриваемый период, — заметим, период намечающегося англо-русского сближения, — точнее, для характеристики настроений русской военщины, ее политических установок в средне-азиатском вопросе, чрезвычайно показательным является еще один документ, хранящийся в том же досье рядом с составленной в тонах «капитализма новейшего типа» деловой и осторожно «миролюбивой» инструкцией. Мы имеем ввиду письмо министра ин. дел военному министру от 21/IX 1904 года. Письмо это заслуживает того, чтобы привести его полностью.

«Пребывающий в С.-Петербурге великобританский посол, вовсе не имея ввиду придавать сообщению своему официальный характер запроса либо жалобы, тем не менее счел долгом совершенно частным путем довести до моего сведения о двух фактах, которые, по его мнению, могут только создавать препятствия к столь желаемому как русским, так и английским правительствами дружественному сближению.

Первый из этих фактов заключается в следующем: состоящий при вверенном сэру Гардингу посольстве великобританский военный агент Нэпорг, отправляясь путешествовать по России, проездом через Одессу посетил командующего войсками Одесского округа.

«Вы, конечно, не замедлите приехать и в Туркестан?» — спросил его барон Каульбарс. На утвердительный ответ майора Нэпорга командующий войсками довольно раздраженным тоном заметил, что он вообще удивляется тому, с какой

---

[1]) Архив революции и внешней политики, дело Перс. ст., № 4136, письмо Ламздорфа ген. Сахарову от 16/VIII 1904 г.

[2]) См. «Красный архив», т. X, «Англо-русская конвенция 1907 г. и раздел Афганистана», стр. 56.

легкостью наше военное ведомство разрешает англичанам посещать русские средне-азиатские владения; что, если бы от него зависело, то никогда ни один англичанин не проник бы в эти владения.

На просьбу Нэпорга разъяснить ему, почему у генерала составилось такое мнение, барон Каульбарс живо воскликнул: «Да ведь вы все англичане приезжаете к нам в Туркестан, чтобы собирать там все необходимые для вашего правительства сведения, и это нам совсем невыгодно, ввиду предстоящей в скором времени войны между Россией и Англией из-за преобладания в Средней Азии».

Второй случай был в Петербурге, Один из военных агентов иностранного посольства (сэр Гардинг не хотел назвать, какого именно) посетил по делу в главном штабе генерал-майора... [1]) Во время беседы с ним военный агент пристально смотрел на висевшую рядом карту Кореи.

«Напрасно вы присматриваетесь к карте Кореи» — заметил генерал, — «лучше взгляните на эту карту Средней Азии, где мы готовимся вскоре побить англичан».

Замечание это, повидимому, произвело настолько сильное впечатление на иностранного военного агента, что он непосредственно из главного штаба отправился в английское посольство, чтобы осведомиться, в какой степени справедливо известие о предстоящей войне России с Англией, так откровенно переданное ему лицом, занимающим выдающееся положение в военной иерархии.

Сообщая об изложенном для личного сведения вашего превосходительства, не могу со своей стороны не заметить, что при настоящих обстоятельствах представляется крайне неосторожным давать какой-либо повод к неудовольствию со стороны нейтральных держав, сохранение дружественных отношений с коими составляет предмет особой заботы императорского правительства».

Несколько лет спустя военно-феодальные мотивы громко зазвучали и в русской политике в Персии. Это случилось после окончания русско-японской войны и революции, до смерти перепугавшей русскую буржуазию и бросившей ее в объятия феодальной реакции, после образования «политически оформленного, общенационального союза политических организаций помещиков и крупной буржуазии» [2]), после того, как нерешенностью объективных задач революции [3]) для правящих классов актуализировался вопрос о колониальных захватах. Поводом для этого послужило загоревшееся от искры русской революции национально-освободительное движение в Персии. «Что Николай Романов во главе черносотенных помещиков и запуганных стачками и гражданской войной капиталистов неистовствует против персидских революционеров, — писал Ленин в 1908 г., — это понятно, и роль международных палачей не первый раз выпадает на долю христолюбивых российских воинов» [4]).

Что царская Россия занялась в Персии в известной момент привычным ей делом подавления революции, — это Ленин считал в порядке вещей. Известно, что дело «во-

---

[1]) Пропуск в подлиннике.
[2]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 248.
[3]) Там же, стр. 165.
[4]) Там же, т. XI, ч. 1, стр. 98.

дворения порядка» в Персии затянулось на многие годы и в течение всего этого времени прекрасно уживалось с прочими формами проникновения русского капитала в страну.

К 1914 г., как сказано выше, хозяйничанье в стране русского консулата, генералитета и прочих разновидностей представительства русского капитала достигло высокого «военно-феодального» напряжения.

От преподанных в инструкции 1904 г. методов действия мы можем таким образом констатировать к этому времени существенные уклонения.

В нашей исторической науке за последнее время в вопросе о природе русского империализма целый ряд казавшихся ранее неоспоримыми положений был подвергнут разрушительной критике. Вместе с тем было выставлено немало новых положений, порою взаимнопротиворечивых и оставшихся до сих пор спорными. Насколько известно, положение о том, что развитие русского империализма в период 1904—1914 гг. шло по восходящей линии, никем еще не оспаривалось. Будем его считать принятым и доказанным. Тем интереснее констатировать факт возрождения с течением времени в русской политике в Персии старых захватнических методов, методов зуботычин и рукоприкладства. Факт — не только интересный, но и глубоко поучительный. Вспомним, что «политическими особенностями империализма являются реакция по всей линии и усиление национального гнета» [1]), вспомним, что «финансовый капитал хочет не свободы, а господства» [2], вспомним о происходившем в царской России процессе сращивания финансового капитала с крепостническим государством [3]), вспомним, наконец, о том, что процесс этот сообщал русскому новейшему капитализму специфические черты военно-феодального империализма, что политика царизма в эту пору должна была «отличаться сугубой реакционностью и противоосвободительным характером» [4]).

Говоря о международном значении национально-освободительного движения в Персии и касаясь той полицейской роли, которую брал на себя в этом деле царизм, из «европейского жандарма» превращавшийся в «жандарма азиатского» [5]), Ленин считал необходимым особенно подчеркнуть «явно дружественный нейтралитет», занятый при этом английскою либеральною буржуазией. [6]) Недаром в своей резолюции «о нападении русского правительства на Персию» январская конференция большевиков 1912 г., протестуя «против разбойничьей политики царской шайки, решившей задушить свободу персидского народа», констатировала в то же время, что «всячески рекламируемый и поддерживаемый русскими либералами союз российского правительства с правительством Англии направлен прежде всего против революционного дви-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 323.

[2]) Там же, т. XIII, стр. 302.

[3]) См. выступление М. Н. Покровского по докладу т. Вапага на 1 Всесоюзной конференции о-ва историков-марксистов «Труды Первой Всесоюзной конференции историков-марксистов», т. I, стр. 383.

[4]) Ленин, Собр. соч., т. XII, стр. 99.

[5]) Там же, т. XI, ч. 1, стр. 144.

[6]) Там же, стр. 98.

жения азиатской демократии, и что этот союз делает английское либеральное правительство соучастником кровавых зверств царизма» [1]). Цитированная резолюция имеет в виду то международное положение, которое создалось после англо-русского соглашения от 18/31 VIII 1907 г. по делам Персии, Афганистана и Тибета. Вопрос о том, против кого это соглашение, как дипломатический акт, было направлено, достаточно ясен и не требует с нашей стороны комментариев. В оценке же этого акта с точки зрения того, что он нес с собою для его контрагентов и как он отразился на их непосредственных интересах в Персии, мы встречаем в литературе существенные расхождения. Если Е. В. Тарле, отражая точку зрения буржуазного либерализма, говорит при этом о «львиной доле в экономическом разделе Персии, доставшейся России» [2]), то Ф. А. Ротштейн склонен рассматривать соглашение, как поставленный России «капкан», как акт, который «связал Россию по рукам и ногам, не дав ей ничего взамен», который Англии «развязал руки не только для борьбы с Германией, но и для дальнейшего укрепления своего влияния как в Персии, так и по остальному Среднему Востоку» [3]).

Публикуемая инструкция, дающая для начала 900-х годов установку русской политики в Персии в развернутом виде, свидетельствует о том, что в ту пору всякие переговоры с Англией по персидским делам считались царским правительством нежелательными по той простой причине, что оно ставило своей задачей — и задачу эту считало вполне реальной — подчинение всей Персии в целом своему безраздельному влиянию. Публикуемая инструкция свидетельствует, следовательно, о том, что непосредственным интересам царизма в персидском вопросе, а вместе с тем его основным в этой области планам англо-русское соглашение наносило явный ущерб.

Публикуемая инструкция представляет, наконец, интерес еще в одном отношении— в отношении того, о чем в ней прямо не говорится. Она датирована сентябрем 1904 г., т. е. она составлялась в то время, когда дела на дальне-восточном фронте, встречавшие сочувствие лишь в одной европейской державе, настолько явно клонились к ущербу, что оставалось надеяться только на не проявившийся еще гений главнокомандующего или на теплые чувства германского императора, обещавшего поддержку в реализации подававшего столь мало надежды плана посылки на Дальний Восток великой балтийской армады. Инструкция эта составлялась после того, как было подписано и опубликовано англо-французское соглашение от 8/IV 1904 г. Даже иностранный обозреватель «Русской мысли» еще до опубликования соглашения, при появлении одних слухов о нем, счел необходимым поздравить тогда же Делькассе с счастливым окончанием искусно веденных переговоров и горячо солидаризировался с высказанною во французских газетах мыслью о том, что министр ин. дел Франции дал французской внешней политике «наиболее разумный толчек с момента заключения союза с Россией» [4]). А еще за год до того российский посланник в Пекине Лессар в своей записке, представленной в министерство ин. дел, намечая те последствия, какие должно иметь осущест-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 232.

[2]) См. Е. Тарле, «Европа в эпоху империализма», стр. 148.

[3]) См. д-р Руир, op. cit, предисловие Ф. А. Ротштейна, стр. 5.

[4]) «Русская мысль», апрель 1904 г. В. Г., «Иностранное обозрение», стр. 275—280.

вление багдадского проекта как для России, так и для Англии, доказывал тождественность интересов этих двух стран перед лицом германской опасности и настаивал на необходимости противопоставить Германии англо-русское соглашение по вопросу о постройке ряда железно-дорожных участков в Средней Азии [1]).

Наложенное царизмом на строительство железных дорог в Персии «veto», обусловленное политически всею совокупностью англо-русских противоречий на Среднем Востоке, автор инструкции сохраняет в неприкосновенности. Но этого мало. Обращает на себя внимание то беспокойство, которое проскальзывает в инструкции в связи с вопросом о строющейся Багдадской железной дороге. И что особенно интересно,— потому что характерно для периода неугасшей еще русско-германской «дружбы», потому что важно для определения степени зависимости русской политики от политики ее временного «друга» или «попутчика», — царское правительство надеется разрешить и этот кардинальный вопрос испытанными мерами саботажа.

Ведя борьбу на два фронта, продолжая традиционное, унаследованное от предыдущего исторического этапа, соперничество с Англией, подготовляясь к борьбе с опасностью германской, накануне своей военной и политической катастрофы, незадолго до своего вступления в Каноссу переговоров с Англией, царское правительство, с твердой убежденностью в исторической правоте своего дела, провозглашало право своего монопольного владения Персиею. Мы знаем, что в это же время оно собиралось сделать несколько шагов демонстративного характера в афганском вопросе, что к этому же времени относится предпринятая им небольшая дипломатическая диверсия в вопросе тибетском [2]). Но, если даже допустить, что политический пафос инструкции заключает в себе известную долю преднамеренности, обусловленной необходимостью предохранить российского посланника в Тегеране от всяких возможных и вредных английских попыток воздействия, то и при всем том остается несомненным твердое намерение царизма бороться за свои монополистические позиции в Персии до последней дипломатической возможности.

Нужды нет, что царская Россия была бедна капиталами, что в конечном счете этим экономически обусловливалась необходимость беспримерной в истории запретительной политики царизма в персидском железно-дорожном вопросе. Нужды нет; что Учетно-ссудный банк в Персии являлся филиалом Государственного банка, что дело вывоза русского капитала в Персию возглавлялось, как обычно, и как это имело место в более крупных размерах в Манчжурии — русской казной. Царская Россия, где, по словам Ленина, «страной управляла кучка крупных помещиков во главе с Николаем II в тесном союзе с магнатами финансового капитала» [3]), где, как уже отмечалось, происходило сращивание крепостнического государства с финансовым капиталом, имела прекрасный выход из затруднительного положения: «В Японии и России — говорил по этому поводу Ленин — монополия военной силы, необъятной территории или

---

[1]) Архив революции и внеш. пол., Перс. стол., записка Лессара от 14/IV 1903 г.
[2]) См. «Новый Восток», ст. «Россия и Тибет», № 18, стр. 101—119; № 20—21, стр. 33—54.
[3]) Ленин, Собр. соч., изд. 3-е, т. XX, стр. 510.

особого удобства грабить инородцев... отчасти восполняет, отчасти заменяет монополию современного новейшего финансового капитала».

Вопрос о ходе событий, приведших царскую Россию к продолжению и углублению только что закончившихся англо-французских переговоров, а вместе с тем к сдаче ею своих средне-азиатских позиций и одновременному вхождению в состав Антанты в качестве третьего члена ее, ждет тщательного документального освещения, как часть большой проблемы зарождения Анганты.

Сейчас мы только замегим, что тот удельный вес, какой принадлежал персидской проблеме во всей системе царской внешней политики, и та роль, какую он играл в большой проблеме Антанты, с необходимостью требует включения его даже в ту историческую схему, которая стремится найти кратчайшее расстояние от Константинополя до Порт-Артура.

Игнорирование персидской проблемы ведет к затушевыванию той самостоятельной роли русского империализма, которая с особенной выразительностью проявляется в истории царской политики, именно, на Среднем Востоке, и , именно, в предъантантовский период.

Удельный вес персидской проблемы в системе царской внешней политики доантанговской эпохи должен быть восстановлен во всем его историческом значении. К вопросу о значении персидской проблемы для последующего периода, как отмечено выше, наша историография уже проявила повышенный интерес.

Сейчас мы только скажем, что в дальнейшем все свое дело закабаления и ограбления Персии царизму приходилось осуществлять уже не самостоятельно, но по согласованию с английским империализмом, охотно предоставлявшим царизму в известные моменты роль вышибалы, но все более сужавшим размах его работы.

Заостряя внимание на вопросе поднимавшегося на Востоке национально-освободительного движения, Ленин в октябре 1908 г. писал: «Суть того, что происходит теперь на Балканах, в Турции, в Персии, сводится к контрреволюционной коалиции европейских держав против растущего демократизма в Азии». И тогда же он намечал первую, стоящую перед революционным пролетариатом задачу: «Сорвать маску с игры дипломатов всех стран и показать наглядно, воочию, все факты, свидетельствующие о подлой роли всех союзных держав, всех одинаково, как непосредственных выполнителей функций жандарма, так и пособников, друзей, финансистов этого жандарма» [1]).

Когда, после Октябрьской революции, разоблаченный до-гола царизм потерял всякую возможность составления каких бы то ни было инструкций по персидским делам, быстро разоблачать себя стал и английский империализм, пытавшийся монополизировать дело ограбления персидских трудящихся масс. А вместе с тем не мог не пойти «семимильными шагами» [2]) вперед и процесс разоблачения всей системы мирового им-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. I, стр. 139 и 145.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XIII, стр. 393.

периализма, держащего в кабале колониальные и полуколониальные народы Востока. Начавшееся прежде всего под британской короной решительное загнивание мирового капитализма ведет к дальнейшему ускорению и логическому завершению этого процесса.

А. Попов.

Инструкция А. Н. Шпейеру [1]).

30 сентября (13 октября) 1904 г.

Секретно.

М. г. Алексей Николаевич,

Высочайшим доверием государя императора вы призваны на ответственный пост российского чрезвычайного посланника и полномочного министра при дворе его величества шаха. Предшествующая служба ваша в Тегеране и ознакомление с дипломатической перепиской последних лет по делам Персии в существенной мере облегчат вам разработку и посильное разрешение главнейших, связанных с жизненными интересами нашими в стране этой вопросов, последовательному обзору коих посвящена настоящая инструкция.

Многосложная деятельность императорского представителя в Персии связана ныне с особыми трудностями в зависимости не столько от местных условий, сколько от общего политического положения. Война, возникшая на Дальнем Востоке, и затруднения, переживаемые Россией, не могли не отразиться в Персии и сказались прежде всего усиленной агитацией враждебных и соперничающих с нами элементов, старавшихся, не разбирая средств, всячески преувеличить постигшие нас неудачи и доказать персианам, что великий северный сосед потерял для них всякое значение.

Для борьбы с распространявшимися заведомо ложными слухами в Тегеране была организована доставка и распространение телеграмм торгового-телеграфного агентства, стоящего в зависимости от министерства иностранных дел, и принят ряд других мер при посредстве российских консульских учреждений. Одновременно министерство иностранных дел, как в указаниях своих миссии в Тегеране, так и в сношениях с другими ведомствами по персидским делам, неуклонно придерживалось того основного принципа, что Россия не может и не должна итти назад и отказываться от активной деятельности там, где замешаны ее действительные интересы, особливо, когда намеченные цели частью уже были достигнуты. В результате персидское правительство не замедлило убедиться в отсутствии каких бы то ни было

---

[1]) Архив революции и внешней политики, фонд мин. ин. дел, Персидский стол, дело № 4136.

перемен на почве отношений России к Персии- даже в вопросах финансовых, так как оно получило возможность воспользоваться минувшей весной нашей денежной помощью на неотложные бюджетные надобности.

Наконец, благодаря сделанным в Лондоне представлениям, и быть может, в связи с некоторыми военными мерами предосторожности, принятыми в Средней Азии, великобританский посланник в Тегеране, стоявший во главе резко направленной против России агитации, значительно переменил и смягчил свой образ действий.

Вполне признавая значение результатов, достигнутых спокойной твердостью и последовательностью нашей политики, которых, само собой разумеется, нам надлежит неукоснительно придерживаться и впредь, — с другой стороны, твердо уповая на то, что с помощью божьей дальнейшее развитие окончания военных действий в полной мере восстановит престиж России повсеместно в Персии, нельзя не считаться с одним неблагоприятным явлением, более или менее длительного характера, а именно — с известным стеснением нашей свободы действий по причинам как политическим, так и финансовым, которое может задержать правильное развитие преследуемых нами целей. Допуская вероятие попыток прежде всего со стороны Англии использовать это обстоятельство к своей выгоде и точно не зная заранее, в каком направлении таковые будут осуществляться при настоящих политических обстоятельствах, я полагаю необходимым, для ближайшего выяснения характера вашей деятельности в Тегеране, прежде всего остановиться на общих началах русской политики в Персии.

Главная цель, которая преследовалась нами, в зависимости от исторических условий, различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целость и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию, без нарушения однако как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя. Другими словами, наша задача — политически сделать Персию послушным и полезным, то-есть достаточно сильным, орудием в наших руках, экономически — сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов, причем тесное соотношение и взаимодействие политических и экономических результатов, уже достигнутых нами, создаст ту прочную почву, на которой мы должны развивать плодотворную деятельность нашу в Персии.

Задача эта, сама по себе не легкая и достижение которой возможно лишь современем, затрудняется еще необходимостью вести упорную борьбу с Англией — нашим всегдашним политическим соперником на почве Азиатского материка. Борьба эта велась неустанно со времени заключения Туркманчайского договора. [1]) Два момента из этой борьбы, а именно так называемые «соглашения» 1834 и 1888 гг., служат поныне предметом постоянных ссылок со стороны англичан, которые стараются на их основании определить взаимные отношения наши в Персии. Вам хорошо известно, что в обоих случаях дело сводилось к заверениям, сделанным как с той, так и с другой стороны совершенно добровольно и относившимся к обстоятельствам данной минуты.

В 1834 г. вопрос шел о выборе наследника шахского престола между несколькими соперничавшими кандидатами и об очищении от русских войск занятых в обеспечение уплаты контрибуции персидских областей, причем как Англия, так и Россия заявили о своем намерении уважать целость и неприкосновенность персидской территории [2]).

В 1888 г, мы подтвердили этот последний пункт, с другой стороны присоединились к пожеланию лондонского кабинета избегать политики антагонизма в вопросе обоюдных торговых интересов в Персии и [3]), наконец, категорически отклонили вмешательство англичан в Хорасанское разграничение.

Не касаясь в подробностях обстоятельств, сопровождавших переговоры 1834 и 1888 гг., почитаю долгом выяснить, что в обоих случаях, с точки зрения императорского правительства, центром тяжести вопроса было установление принципа неприкосновенности персидских владений; всякое же распространительное толкование происшедшего обмена мнений и попытки либо придать ему общее значение, в смысле некоторого condominium'а России и Англии в Персии, либо географического определения обоюдных сфер влияния, само собой ра-

---

[1]) По мирному договору между Россией и Персией, заключенному 10/22 февр. 1828 г. в Туркманчае, Россией отторгались от Персии ханства Эриванское и Нахичеванское. Вместе с тем договором предусматривалась свобода плавания для русских военных и торговых судов по Каспийскому морю. Договор устанавливал также порядок русско-персидской торговли, который в дальнейшем продолжал сохранять свою силу до заключения русско-персидского торгового договора в 1891 г.

[2]) Соглашением с Россией 1834 г., подтверждавшим неприкосновенность персидской государственной территории, Англия стремилась гарантировать себя от опасности русской экспансии к побережью Персидского залива, в районе которого в последующие годы она проводит энергичную политику «мирного проникновения».

[3]) По тексту маркиза Салисбюри: «fully in accord... as to the desirability of avoiding a policy of antagonism in the question of commercial interests of England and Russia in Persia». (Прим. в подлиннике).

зумеется, являлись коренным нарушением вышеуказанной главной задачи нашей и потому ни в каком случае не могли быть допущены. Не следует упускать из виду, что заявления, сделанные нами в 1888 г., отнюдь не служили заключительным словом, а лишь отдельным звеном в целом ряде переговоров с англичанами, не приведших к положительным результатам, — самый же запрос Англии, вызвавший наше заявление, был сделан, повидимому, по наущению шаха Наср-эд-Дина [1]), опасавшегося захватов с нашей стороны в Хоросане. Что англичане сами не в состоянии были придать желательного им толкования происшедшему в 1888 г. обмену мнений, лучшим тому доказательством служит усиленная деятельность их в Персии, начавшаяся непосредственно после 1888 г. [2]), главным выразителем коей был известный сэр Друммонд Вольф. Все старания этого государственного деятеля вовлечь Россию в определенное соглашение с Англией по персидским делам не имели и не могли иметь успеха по причинам, изложенным выше и лежавщим в основе исконной русской политики. Ныне, по прошествии почти 15 лет, можно сказать, что лихорадочная погоня за всякими концессиями и правами, которой англичане, вопреки собственным заявлениям 1888 г., старались возместить свою неудачу и обеспечить себе преобладающее положение в большей части Персии, также не привели к намеченной цели. Как на главное средство для быстрого насаждения английского влияния рассчитывали на железные дороги, но постройка их была отложена сначала до 1900 года, затем до 1910 года [3]). Иные предприятия, как,

---

[1]) Царствование Наср-эд-Дина относится к периоду 1848—1896 гг.

[2]) В 1888 г. Англия добивается от персидского правительства предоставления «Новому лондонскому восточному банку» права выпуска банковых билетов и производства своих операций в главнейших городах Персии. В 1889 г. основывается «Имперский персидский банк» («Шахиншахский»), сливающийся с «Лондонским восточным банком», сосредотачивающий в своих руках поставку серебра для персидского монетного двора и приобретающий роль крупного орудия английской политики в Персии. В 1888 г. Англия добивается открытия судоходства по реке Каруну, имеющей для Иранского плоскогорья большое торговое значение. В 1890 г. Английский банк приобретает транспортную концессию (братьев Линч) с правом постройки шоссейных дорог Тегеран — Ахваз и Буруджирд — Исфагань. В 1901 г. австралийцем д-Арси приобретается нефтяная концессия, превращающаяся впоследствии в гигантскую англо-персидскую нефтяную компанию («Anglo Persian Oil C°»). К 1902 г. относится заключение новой англо-персидской конвенции для установления телеграфной сети между Европой и Индией, что давало Англии возможность иметь в центре Персии свои учреждения и своих агентов.

[3]) Вопрос о приступе к жел.-дорожному строительству в Персии обсуждался на заседании Особого совещания 4/16 февраля 1890 г. и был решен в отрицательном смысле. В соответствии с этим мин-вом ин. дел была дана директива российскому посланнику в Тегеране Бюцову добиться от шаха обязательства не выда-

например, табачная монополия [1]), потерпели полную неудачу, другие либо остались неиспользованными, либо, как плавание по Каруну, не дали ожидавшихся выгод. Даже вполне жизнеспособное учреждение, Шахиншахский банк [2]) не выдержал серьезно конкуренции русского банка [3]), как только последняя возникла, и мог до известной степени удержать свое положение лишь в силу совершенно исключительных, предоставленных ему, преимуществ, особенно по выпуску бумажных денег.

С другой стороны, благодаря целому ряду принятых нами мер, по преимуществу экономического и финансового характера, к которым я буду еще иметь случай подробно вернуться в настоящей инструкции, положение России за последние годы не только значительно упрочилось в Северной Персии, но нам удалось стать твердой ногой также и на Персидском заливе [4]).

Достигнутые нами успехи во владениях шаха, наряду с затруднениями нашими на Дальнем Востоке, естественно, могут побудить Англию к развитию своей активной политики в Персии, на что уже имеются, как сказано выше, различные указания. Нам, конечно, нет оснований преднамеренно обострять существующий в Азии между Россией и Англией антагонизм, но, если будут сделаны попытки связать Россию каким-либо непосредственным соглашением специально по персидским делам, то вся только что изложенная в общих чертах предшествующая политика наша в Персии вполне определенно ука-

---

вать никому никаких железнодорожных концессий втечение 10 лет, т. е. до 1900 г. 27/X—8/XI 1890 г. шах подписал требуемое обязательство. Заинтересованная в сохранении буферной роли Персии Англия отнеслась сочувственно к наложению запрета на железнодорожное строительство в Персии. В 1899 г. шах выдал русскому правительству новое собственноручное обязательство о продлении запретного срока до 1910 г. Выдачею этого обязательства было обусловлено предоставление Россией Персии займа.

[1]) К 1890—1892 гг. относится неудачная попытка персидского правительства установить табачную монополию (наподобие турецкой) путем передачи всего сбора табака и торговли им в концессию английскому предпринимателю.

[2]) См. прим. 2 к стр. 16.

[3]) «Учетно-ссудный банк Персии» открыт в 1897 г. по концессии 1895 г. Имел отделения в Джульфе, Энзели, Исфагани, Казвине, Мешеде, Нустретабаде, Реште, Тавризе, Тегеране, Барфруше, Хамадане, Керманшахе, Себзеваре и Урмии. Широко распространив район своей деятельности, приобретая концессии, реализуя русские займы и финансируя русско-персидскую торговлю, банк являлся одним из главнейших орудий царской политики в Персии.

[4]) Следует иметь в виду установление пароходных рейсов между портами Черного моря и Персидского залива, а также учреждение генеральных консульств в Басре и Бушире, где содержался особый казачий отряд и имело постоянную стоянку русское военное судно.

зывает нам единственный возможный в подобном случае путь, которого нам оставалось бы только неуклонно держаться, под опасением при ином способе действий коренным образом нарушить основные наши задачи. Не следует упускать из виду, что один факт вступления в переговоры с Великобританией может причинить очень серьезный вред, подорвав доверие к России, которое мы, несомненно, сумели внушить персианам, тогда как при настоящем отношении шаха и его правительства к Англии последняя в области доверия ничем не рискует.

Если старания англичан будут направлены на получение новых концессий, прав и преимуществ, то для противодействия в этом отношении мы можем опираться не только на значительно упрочившееся по сравнению с 1888 г. положение наше в Тегеране, но и на целый ряд ограничительных обязательств шахского правительства, подробно указанных в инструкциях предместникам вашим т. с. Аргиропуло и д. с. с. Власову, в силу коих выдача всевозможных концессий частью прямо запрещена, частью значительно затруднена, и которые подтверждены были в самое последнее время (июль 1904 г.) циркуляром Мушируд- Доулэ [1]) миссиям в Тегеране. Что касается менее важных текущих вопросов, где сталкиваются наши и английские интересы, то последовательное и твердое отстаивание преследуемых целей не замедлит, по бывшим примерам, доказать как персам, так и англичанам неослабное внимание наше к защите своих прав и обеспечить за ними таковые в более или менее продолжительный срок.

Наконец, на крайний случай каких-либо агрессивных мер со стороны англичан в Сеистане, где за последние годы деятельность их приобрела особенно активный характер, нами принимаются меры военной предосторожности в Средней Азии, дабы быть готовыми ко всяким случайностям.

Переходя к непосредственным отношениям нашим с Персией, и прежде всего к Каджарской династии, следует указать, что личное значение Музаффер-эд-Дина за восьмилетнее его царствование успело вполне выясниться. Слабовольный и подтачиваемый болезнью, всецело поглощенный заботами о личном своем благополучии, проявляя участие в делах правления лишь редкими порывами, царствующий шах однако в значительно большей степени, чем его покойный отец, проявил последовательность и верность в стремлении снискать благорасположение России, сознавая, что в затруднительных обстоятельствах он может рассчитывать только на нашу помощь. Внутри страны и даже среди собственной семьи шаху не удалось поднять особенно

[1]) Министр ин. дел Персии, один из крупнейших персидских феодалов.

высоко свою власть. Сказалось это между прочим в том значении, которое за последнее время вновь приобрел принц Зилли-Султан [1]), сохранивший, несмотря на немилость, постигшую его в последние годы жизни Наср-эд-Дина, значительные денежные средства и при помощи их сильную партию среди персидского духовенства. Поведение Зилли-Султана, прибывшего минувшей весной в Тегеран на совещание губернаторов и пользовавшегося демонстративным покровительством английского посланника, казалось настолько подозрительным, что императорская миссия в связи с полученными затем тревожными сведениями о состоянии здоровья шаха, признала нужным заблаговременно выработать, по соглашению с командиром персидской казачьей бригады, полковником Чернозубовым [2]), те меры, которые должны быть приняты на случай смерти Музаффер-эд-Дина в видах беспрепятственного перехода власти к велиагду, правителю Азербайджана, Мохаммеду Али мирза. Оставаясь на законной почве, то-есть признавая его наследником престола и содействуя тому самому лицу, которое шах при жизни сам назначил, мы побудим, вероятно, и Великобританию воздержаться от происков в пользу других претендентов и сделаем зависящее от нас, дабы избежать осложнений и междоусобий в Персии, ныне более чем когда-либо нежелательных и опасных. Помимо того велиагд является для нас наиболее подходящим кандидатом на престол, ибо в Тавризе он не только доказал неизменное внимание свое к столь значительным в Азербайджане интересам России, но и проявил заметную склонность ко всему русскому, изучив даже при содействии приближенного своего учителя, г. Шапшала [3]), в достаточной степени русский язык. Вследствие сего и принимая в расчет будущее, императорское правительство со своей стороны старалось установить наилучшие отношения с наследником персидского престола и минувшей весной содействовало ликвидации и сосредоточению на более льготных условиях в Учетно-ссудном банке

---

[1]) Принц Каджарской династии, старший брат Музаффер-эд-Дина, губернатор Исфагани, сторонник английской ориентации.

[2]) Персидская казачья бригада была образована в 1897 г. по контракту, заключенному шахским правительством с подполковником русского генерального штаба А. И. Домантовичем. Первоначально бригада была сформирована из иррегулярной кавалерии мухаджир. Инструкторами состояли русские офицеры. Полковник Чернозубов был назначен начальником бригады в 1903 г. Персидская казачья бригада сыграла впоследствии, под командованием полк. Ляхова крупнейшую роль в персидском революционном движении: с ее помощью был разогнан первый меджлис; в дальнейших событиях, находясь под командованием то русских, то английских, то персидских офицеров, она продолжала играть ту же ярко реакционную роль.

[3]) Позднее состоял в штатах российского м-ва ин. дел.

всех долговых обязательств великагда, гарантировав ему одновременно секретным соглашением немедленную выдачу соответствующей ссуды на случай чрезвычайных событий и необходимости экстренно выехать из Тавриза.

Заботы об охранении авторитета законной власти являются постоянным стремлением нашим не только в вопросе династическом, но и в отношении органов центрального управления в Тегеране. Достаточно сильное и устойчивое правительство, без которого немыслимы плодотворные и надежные политические сношения, обеспечивает нас от смут и неурядиц Персии и сохраняет в должном подчинении и зависимости те окраины, расшатать связь коих с центром особенно стараются англичане. Тщательно избегая столкновений и обострения в области непосредственных отношений между Россией и Великобританией, мы сделали одним из главных приемов нашей политики противодействие происках англичан чрез посредство шахского правительства, ставя ему на вид собственные интересы и выгоды Персии.

На совокупности всех вышеизложенных разнообразных причин основывается стремление наше поддерживать тегеранское правительство и стоящее во главе его ответственное лицо — кто бы оно ни было, лишь не прямой противник России. Не следуя примеру англичан и избегая несоответствующих общим нашим задачам интриг за или против данного государственного деятеля, мы продолжали при преемнике Атабек-Азама, Везири-Азаме, оказывать сему последнему нашу поддержку, тем более, что родство его с шахом и энергичный характер давали нам основания видеть в его управлении элементы устойчивости, имеющие для нас столь важное значение. С этой точки зрения, в случае, если оправдаются возникшие за последнее время слухи о возможной отставке принца Эйн-уд-Доулэ [1]), возвращение на пост первого министра Атабек-Азама — единственного, повидимому, серьезного кандидата — явилось бы и для нас наиболее желательным исходом, ввиду его авторитета, государственного опыта и главное — ясного понимания того значения, которое ныне принадлежит нам в персидских делах.

Вашему превосходительству известно, что в ноябре 1902 г., незадолго до отказа своего от власти, Атабек-Азам высказал покойному д. с. с. Власову глубокое убеждение в неизбежности для Персии при современном положении дел искать союза с Россией и зондировал нашего представителя по этому вопросу. В подобном союзе, правильно поставленном, конечно, нельзя не усмотреть того последнего шага, который всецело и окончательно обеспечит нам достижение наших основных целей, и потому мысль эта в принципе удостоилась высочай-

[1]) Премьер-министр и министр вн. дел Персии в рассматриваемое время, сторонник английской ориентации.

шего одобрения государя императора; практически однако осуществление союза представлялось преждевременным, главным образом на том основании, что по соседству с персидскими границами мы не располагали еще достаточно внушительными силами, которые обеспечивали бы отдаленные южные области Персии от всяких посягательств и, следовательно, освобождали бы от риска наши союзные обязательства. Вследствие сего, не уклоняясь от сделанного Атабек-Азамом предложения, мы ограничились предварительными объяснениями, не приведшими к определенным результатам, ибо первый министр, видимо, сам сознавал близость своего падения.

Продолжая постепенно усиливать свое положение сооружением Ташкент-Оренбургской железной дороги и другими специально военными мерами, мы ныне, по соображениям общеполитического характера, приступили к усилению наших войск в Средней Азии, руководствуясь при этом однако и требованиями нашего положения в Персии, покоящегося, конечно, в основе своей на тех силах, коими мы можем его отстаивать. В самом деле, допуская даже, что Атабек-Азам, выступив с предложением союза, желал отчасти упрочить свое личное пошатнувшееся положение, мысль его лишь отвечала постепенно назревавшим жизненным требованиям и опиралась на прочные, реальные основания, которые мы в дальнейшем ходе событий не могли не принять в расчет, тем более, что усиливавшаяся активная политика Великобритании ускоряла наши решения на этом пути. Отметив как явление симптоматическое предложение о помощи, сделанное нам шахом после начала русско-японской войны, следует упомянуть, что со своей стороны мы делали все от нас зависящее, чтобы поддержать в его величестве уверенность в неизменном расположении России; когда же минувшей весной происки английского посланника в Тегеране дошли до угроз насильственными мерами, шаху было заявлено, что императорское правительство попрежнему стоит на страже неприкосновенности его территории.

Настоящая политическая минута, конечно, не представляется достаточно благоприятной для заключения союза с шахским правительством; к тому же общие мероприятия по упрочению нашего положения в этой части Азии еще далеко не доведены до конца, — вследствие сего, не касаясь ныне тех окончательных форм, в коих могло бы быть установлено более тесное единение между Россией и Персией, поручаю вам самую мысль об оном положить в основу предстоящей вам деятельности. Благоприятную почву для подготовительной работы в этом направлении вы найдете как во многих слабых сторонах внутренней жизни Персии, так и в необеспеченности ее от внешних опасностей.

Яркий пример органического, основанного на разнообразных и глубоких причинах, стремления к сближению с Россией, ради ее помощи и защиты, при котором Персия, естественно, должна все более и более подпадать нашему влиянию, являет собой возбужденный в самое последнее время Везири-Азамом вопрос о реформировании русскими инструкторами, при денежном содействии — ссуде нашего банка, некоторых частей персидских войск, настоятельно необходимых для поддержания авторитета центральной власти как внутри страны, так и в тех пограничных округах, связь коих с Тегераном заметно ослабевает. План первого министра шаха требует подробного секретного соглашения и, будучи, по существу, повторением лишь в более узкой форме мыслей его предшественника, возник вполне естественным путем, ибо, с одной стороны, персидские финансы находятся в значительной зависимости от принятых перед Россией обязательств, а с другой — единственная надежная сила Персии, казачья бригада, создана трудами русских офицеров.

Хотя план этот имеет и для нас громадное политическое значение, ибо им устраняется единственная серьезная опасность со стороны англичан в Персии — возбуждение смут для вмешательства и захватов в те моменты, когда наша свобода действий оказалась бы чем-нибудь связанной, — однако вопрос, возбужденный Везири-Азамом не вышел еще из стадии предварительного изучения; министерства иностранных дел и военное, каждое с точки зрения своей специальной компетенции, признали благоприятное разрешение оного крайне желательным; с министерством же финансов пока еще не достигнуто соглашения.

Если затруднения денежного свойства задержат развитие вопроса о русских инструкторах, то последний, отвечая, повидимому, назревшей потребности, может вновь возникнуть в более или менее близком будущем. Осуществление означенной мысли, по мнению моему, вполне достижимо даже в настоящее время при соблюдении надлежащей осторожности, а именно — командируя русских офицеров постепенно, сначала в один пункт, расположенный ближе к нашей границе, затем через известный срок в другой и так далее, избегая всего, что могло бы придать этой командировке характер общей реорганизации и увеличения численности персидской армии, и наконец, по примеру персидской казачьей бригады, отправляя обученные части под командой одних персидских офицеров в те области, где присутствие их в данный момент было бы наиболее необходимо. Более широкая постановка дела, не отвечая плохому состоянию персидских финансов, могла бы представить неудобства внутреннего и внешнего свойства, а с другой стороны не соответствовала бы нашим собственным ин-

тересам, ибо вообще в вопросе о всяких коренных реформах, — если бы в Персии нашлись, вопреки ожиданиям, необходимые на то средства и правительство, способное провести их, — наша цель вовсе не сводится к тому, чтобы итти, по меньшей мере, на неизвестное и брать на себя активную роль в заботах о полном возрождении этой страны. Не только подобная задача, но всякое прямое вмешательство во внутренние персидские дела вызовет неминуемо против нас ненависть населения, нанесет существенный вред нашим интересам и, создав неожиданные осложнения международного характера, может послужить серьезным препятствием к достижению наших непосредственных целей.

Переходя к обзору главнейших текущих дел и останавливаясь прежде всего на пограничных отношениях, считаю долгом указать, что в общем руководстве оными мы стремимся сочетать исконное благорасположение к Персии с твердой защитой наших законных прав. В Закавказском крае постоянные разбои и нарушения границы со стороны азербайджанцев в высшей степени неблагоприятно отзывались на порядке и спокойствии наших собственных владений, вследствие чего, высочайше утвержденными 2 декабря 1894 г. и дополненными 27 июля 1903 г. правилами, чинам пограничной и охранной стражи предоставлено переходить персидскую границу при преследовании разбойников и продолжать таковое до полного уничтожения шайки, принимая одновременно требуемые военными условиями меры против местных жителей, виновных в укрывательстве бежавших преступников. Изложенная крайняя мера хотя и вполне отправдывается совершенно ненормальным положением на границе и бесплодностью всех наших представлений шахскому правительству, объяснимою отчасти полным его бессилием, отчасти всегдашним расположением Каджарской династии к родственным азербайджанским племенам, — не замедлила вызвать недоразумения с Персией в виду карательной экспедиции, предпринятой в минувшем декабре отрядом пограничной стражи на персидское селение Таджикент. В уважение к представлениям персиан императорское правительство приостановило в марте 1904 г. действие упомянутых правил, но затем, получив подробные донесения о всех обстоятельствах дела, отменило назначение смешанной комиссии для расследования таджикентского инцидента и одновременно, в виду возобновившихся на границе разбоев, поручило поверенному в делах в Тегеране вновь войти в переговоры по существу вопроса, указав персидским министрам, что, не усматривая практической пользы от проявленной уступчивости, мы вынуждены будем восстановить в силе правила 1903 г., если не убедимся в искреннем желании Персии итти нам навстречу в стараниях наших установить порядок на Закавказской границе.

В дальнейшем ведении настоящего дела вам надлежит руководствоваться изложенным заявлением и стараться склонить персидское правительство к принятию со своей стороны мер для обуздания разбоев, быть может, даже, в крайнем случае, совместно с нами и при известной помощи с нашей стороны, если этим путем или иными средствами, которые, быть может, вы изыщете на месте, удалось бы избегнуть крупных мер, всегда нежелательных, но часто вынужденных и неизбежных.

Другой беспокойный элемент — туркмены на Закаспийской границе в последнее время гораздо более, чем нам, причиняли хлопот персидскому правительству, которое вынуждено было предпринять военные экзекуции в кочевьях непокорных племен, особенно джафарбайцев, противившихся открытию на своей территории персидской таможни. Руководствуясь принципом полного невмешательства во внутренние дела Персии, особенно в таком вопросе, который мог отразиться на спокойствии туркмен русскоподданных, министерства иностранных дел и военное пришли в июне с. г. к соглашению об образе действий, коего нам впредь надлежит держаться, а именно уклоняться от принятия туркмен в русское подданство, не препятствуя однако временному переходу их в наши пределы, под условием соблюдения полного порядка и воздержания от набегов на персидские поселения.

Еще один вопрос — об армянской агитации, имеющий также и общее значение, ибо пропаганда эта проникла даже в Тегеран и явно сказалась там за последнее время в крайне враждебной России форме, находится в тесной связи с пограничными делами, так как движение это, несомненно, проникает в Персию из русских пределов, главным образом через Решт, хотя в сем последнем городе видным его поборником является английский нештатный консул Черчилль. По сему поводу признаю необходимым прежде всего привлечь ваше внимание на своевременность установления более правильного и широкого наблюдения за начавшимся в Персии армянским движением при посредстве наших консульских учреждений, а равно других учреждений и лиц, к содействию коих императорская миссия может прибегнуть. Этим путем надлежит получить недостающие нам ныне точные сведения о целях, средствах, способах действия, связях и организации армянской пропаганды в Персии, для принятия нужных мер пресечения в прилежащих русских областях. Что касается борьбы с нею в пределах самой Персии, то вопрос требует тщательного изучения, к коему вам следует ныне же приступить по прибытии на место служения. В принципе нам, конечно, следует избегать обострения отношений, так как армяне являются полезным проводником нашего экономиче-

ского влияния и посредником в торговле; вместе с тем, казалось бы, на основании имеющихся пока сведений, что многочисленный, зажиточный элемент среди русскоподданных армян, часто занимающих почетные должности в русских колониях и материально заинтересованных в связанных с нашим покровительством преимуществах, едва ли относится сочувственно к пропаганде, которая основана на отвлеченных для него политических мечтаниях и представляет вместе с тем осязательные невыгоды и опасности. Быть может, (на этой почве), при надлежащем такте и умении, удалось бы создать серьезную преграду деятельности агитаторов. Что касается возможного содействия нам со стороны персидского правительства или отдельных персидских властей, то этот щекотливый вопрос требует самого осторожного обращения и предварительного точного установления, насколько столь неудобная нам армянская пропаганда содержит в себе опасные и нежелательные для Персии элементы.

Положение дел на границе владений шаха с Афганистаном и Белуджистаном имеет для нас менее важное политическое значение, чем непосредственные пограничные вопросы между Россией и Персией, ибо в восточном районе деятельность наша приходит в ближайшее соприкосновение с деятельностью англичан. Последними достигнуты нижеследующие результаты: правители Каината и Сеистана, братья Шефкет-уль-Мульк и Хишмет-уль-Мульк, подкуплены и подчинены влиянию Англии; та же система подкупа во всех видах и одновременного застращивания широко применяется во всем Персидском Белуджистане; от Кветты до Кухи-Мелик-Сияха на Сеистанской границе, с целями стратегическими и торговыми, проложен караванный путь, ныне переделываемый в железнодорожный; на основании конвенции 1901 г. с персидским правительством сооружен телеграф от Тегерана через Кашан, Иезд, Керман до Кухи-Мелик-Сияха, где и соединен с индийскими телеграфными линиями. В числе мер, принимаемых для поднятия английского престижа, надлежит отметить прибытие в Сеистан экспедиции майора Мак-Магона, с военным конвоем до 1 000 человек, для завершения трудов разграничительной комиссии Голланда; продолжительное — свыше года — пребывание столь значительных сил в области не может не внушать серьезных опасений, тем более, что представитель Персии в настоящем разграничении — Ямини Низам подкуплен и сделался послушным орудием в руках англичан; для противодействия нам на севере в Турбети-Хейдари открыто английское консульство, снабженное конвоем сипаев и медицинским персоналом, при помощи коих уже сделана попытка установить нечто вроде санитарного надзора наподобие нашей противочумной охраны. Наконец, англичане пользуются как средством да-

вления и захватов в Сеистане афганцами, в руках которых находится верхнее течение Гильменда, то-есть ключ ко всей оросительной системе наиболее плодородной части области.

Вообще в отношении афганских дел следует иметь ввиду, что в 1900 г. мы в окончательной форме заявили Англии о невозможности для нас, в силу изменившихся исторических условий, продолжать отказываться впредь от непосредственных сношений с Афганистаном; означенной свободой действий, которую мы себе вернули, конечно, можно будет воспользоваться и в сфере афгано-персидских дел, если к тому представится благоприятный случай.

Основным нашим стремлением в Сеистанском вопросе было, поддерживая возможно лучшие отношения с Хишмет-уль-Мульком и местным населением, для помощи коему устроена амбулатория при российском консульстве, всячески укрепить власть шаха на этой окраине и упрочить связь ее с центральным правительством. Благодаря нашим стараниям улучшены почтовые сношения между Мешедом и Нусретабадом, а равно устроена между ними телеграфная линия, находящаяся под нашим негласным контролем и не подлежащая соединению с английской линией на Керман [1]); открыта, по нашей инициативе, персидская таможня в Сеистане с бельгийцем-управляющим во главе [2]), значительно стеснившая бесконтрольное до того хозяйничание англичан и индийских торговцев на границе; приняты меры к развитию торговых сношений с Сеистаном, причем первые опыты в этом направлении дали настолько благоприятные результаты, что Учетно-ссудный банк признал возможным командировать для развития дела постоянного уполномоченного в Нусретабад (он же и пред-

---

[1]) Помимо указанной линии, в русской эксплоатации с 1884 г. находилась телеграфная линия Астрабад-Чикишляр.

[2]) В 1897 г. шахское правительство пригласило бельгийца Науса для организации по европейскому образцу персидских таможенных сборов, производившихся до того по откупной системе. В 1898 г. Наусу в виде опыта были переданы таможни в Керманшахе и Тавризе. В 1899 г. Наус стал во главе всего таможенного дела Персии. Тогда же был опубликован шахский декрет о введении 5% пошлины на все экспортируемые и импортируемые товары. Царское правительство, заинтересованное в обеспечении платежей по займам поступлениями таможенных доходов, настаивало на отмене откупной системы. Вместе с тем оно настаивало на заключении таможенной конвенции, которая достаточно защищала бы русские торговые интересы. Русско-персидская торговая конвенция, отменявшая соответствующую статью (3-ю) Туркманчайского договора и составленная в интересах русской торговли, была подписана 27/X—9/XI 1901 г. и опубликована 14/27 февраля 1903 г. Невыгодная для торговых интересов Англии, она вызвала попытку реванша со стороны последней, поспешившей с своей стороны заключить тогда же (9/22 февр. 1903 г.) торговую и таможенную конвенцию с Персией.

ставитель Петербургского агентства). В видах поднятия престижа вице-консульства в Сеистане, министерство иностранных дел озаботилось увеличением его конвоя до размеров конвоя английского консульства, а равно вошло в сношение с военным ведомством о прикомандировании офицера к названному вице-консульству и о назначении офицера в Турбети-Хейдари, со званием консула, впредь до того времени, когда представится возможным учредить там законодательным путем штатное консульство.

Наконец, в качестве компенсации за выданную англичанам в 1901 г. концессию на постройку телеграфа Тегеран — Керман — Кухи-Мелик-Сиях, мы потребовали от Персии допущения трех русских телеграфистов на означенную линию. Дав в принципе согласие на эту меру, шахское правительство обусловило однако оную, из опасения английских протестов, принятием наших телеграфистов на персидскую службу, на что мы не могли согласиться. Вопрос этот остается доныне открытым; по ближайшем изучении оного на месте вы могли бы представить свои соображения о дальнейшем его направлении, приняв во внимание желательность допущения русского телеграфиста из находящихся в распоряжении миссии, помимо керманской линии, еще в Бендер-Бушире, на каковой почве, быть может, окажется удобным войти в компромисс с персами.

Продолжая руководить по намеченному выше общему плану деятельностью русских представителей на восточной окраине Персии, вам надлежит в случае, если вопрос о русских инструкторах в персидской армии не получит благоприятного разрешения, подготовить выполнение одной меры, которой мы придаем серьезное политическое значение, а именно — усиление и распространение на юг, по возможности до Сеистана, кордона противочумной охраны, установленной нами со времени развития чумной эпидемии в Индии на северном участке Хоросанской границы с Афганистаном, во избежание установления подобной охраны на нашей собственной границе с Персией в Закаспийской области. Противодействие шахского правительства, опасавшегося протеста англичан, и неблагоприятная общая политическая минута задерживают пока приведение означенной меры в исполнение. Старания ваши должны быть направлены к тому, чтобы постепенно убедить персов в полной солидарности в данном случае наших интересов и в несомненных выгодах, доставляемых нашей охраной на этой границе самой Персии. Переход инициативы в настоящем деле к шахскому правительству значительно упростил бы и облегчил нашу задачу. Что касается племен персидского Белуджистана, то деятельность консульских учреждений наших в Сеистане и Кермане должна постепенно распространяться и на эту область, при-

чем вы могли бы, когда признаете своевременным, поручить названным консулам совершать поездки к проживающим по соседству со вверенными их наблюдению округами ханам. Пользуясь фактическими данными и сведениями, которые будут поступать в ваше распоряжение, вам следует стремиться к тому, чтобы вообще установить с шахским правительством возможно откровенные отношения по делам этой окраины и дружескими советами, сообразованными с условиями времени, наиболее целесообразно и осторожно направлять его деятельность к поддержанию авторитета центральной власти во всем согласно с нашими видами.

Хотя из основных преследуемых нами в Персии целей вытекает по существу единообразная политика наша на всех персидских окраинах, однако владения шаха, расположенные по Персидскому заливу, имея более открытую и доступную границу, чем западная и восточная, представляют нам более широкое поле активной деятельности. Вашему превосходительству хорошо известны достигнутые нами за последние годы на этом поприще политические и экономические результаты, вполне обнаружившие всю неосновательность английских притязаний на исключительное преобладание в Персидском заливе даже в торговом отношении, чему нагляднейшим доказательством служит подделка русских клейм, к которой прибегают ныне английские фирмы на своих товарах. Нет никакого сомнения, что неудачные общие условия последнего времени особенно неблагоприятно отразились на нашем положении именно в этом районе, который переполнен явными и тайными агентами англичан, располагающими многочисленными связями и всячески распространяющими находящиеся под английским влиянием арабские и индо-персидские газеты, наполненные всевозможными тенденциозными сведениями насчет России. Не следует однако упускать из виду, что достигнутые нами успехи вовсе не имеют поверхностного, случайного характера, а опираются на прочную почву — тяготение к России всех элементов, многократно испытавших тяжелый гнет неумеренных притязаний Великобритании, как в крупных политических вопросах, так и в обыденной жизни. Шахское правительство, боящееся не без оснований за целость своих владений в Персидском заливе, за авторитет своей власти и за свое достоинство, местные правители, вроде Мухаммерского шейха Хазаля, или власти, как например Лингэский каргузар Сеид-уд-Салтанэ, неоднократно страдавшие от столкновений с Англией, ставшие убежденными ее противниками, — наконец, население в своей массе, за исключением лиц, связанных материальными интересами с англичанами и состоящих под их покровительством, пошли навстречу и сочувствовали, либо содействовали русским начинаниям, усматривая в них противовес Велико-

британии. При таких условиях, мы, во всяком случае, можем всецело восстановить наше положение, даже пошатнувшееся от серьезных внешних причин, если тяготеющие к нам в районе Персидского залива элементы убедятся, что мы не отказываемся от начатого дела и не оставим на произвол судьбы принесенных уже жертв.

На основании вышеизложенного мы должны, последовательно развивая уже имеющиеся налицо наши политические и экономические начинания и не задаваясь пока новыми широкими планами, осуществлять в ближайшем будущем те меры, которые могут почитаться вполне назревшими, подготовленными и надлежаще разработанными путем сношений с другими заинтересованными ведомствами. К таковым мероприятиям могут быть отнесены: открытие отделения Учетно-ссудного банка в Бендер-Бушире, не только безусловно необходимое для развития торговых сношений России с югом Персии и для правильных расчетов по оным, но и с нетерпением ожидаемое местными торговыми классами, не исключая многих английских фирм, сильно страдающих от существующего доныне монопольного произвола Шахиншахского банка; постоянное пребывание в водах Персидского залива русского военного стационерного судна, в настоящее время специально сооружаемого для означенной цели, и назначение на должность санитарного врача при персидской таможне в Бендер-Аббасе русского врача на основаниях, установленных для французского врача в Бушире, получающего содержание в равных частях от персидского, французского и русского правительств. Разрешение этого вопроса, по которому уже последовало принципиальное согласие шаха, задерживается соображениями экономии персидского таможенного ведомства; вам надлежит озаботиться скорейшим благоприятным окончанием означенного дела, причем аргументом при объяснениях с г. Наусом вам могли бы служить как интересы правильного санитарного надзора в заливе, от которого Персия извлечет лишь выгоды, так и уступчивость, проявленная нами при разработке вошедшего в силу 19 августа (1 сентября) с. г. нового персидского таможенного устава, предусмотренного 5 статьей русско-персидской торговой декларации 1901 г.

Вполне разработанным должен также почитаться вопрос об учреждении русского консульства в Бендер-Аббасе. Порт этот, расположенный у входа в Персидский залив и посещаемый всеми русскими судами, как военными, так и торговыми, совершающими рейсы в залив, обслуживает не только прилегающую береговую полосу и ближайшие острова, но и целиком шесть внутренних персидских округов, из которых три — Ларистанский, Керманский и Бамский — имеют большое экономическое значение, а равно части округов Иездского, Сеистанского и Персидского Белуджистана. Интересы нашего судоход-

ства и заботы о развитии русской торговли в этой части Персии сами по себе являлись бы вполне достаточным основанием для учреждения консульства в Бендер-Аббасе, но соображения политические еще более побуждают признать эту меру неотложно необходимой. Помимо целей общего характера, однородных с результатами, достигнутыми уже нами в Буширском и Басорском районе, то-есть уменьшения уступчивости местных властей и населения английским домогательствам и принуждения самих англичан к значительно большей умеренности, Бендер-Аббас имеет важное значение как наблюдательный пункт. Порт этот, являющийся объектом особых вожделений англичан, до 1869 г. находился в спорном владении Персии и в известной мере зависел от Оманских шейхов; в самое последнее время означенные шейхи, по наущению и при содействии Англии, захватили соседние острова Тумб и Абу-Муса, — факт, не лишенный серьезного симптоматического значения, в равной мере, как и старания англичан развить свою военную станцию Базиду на западной оконечности острова Кышма, к северу от названных двух островов, занятием коих обеспечивается ее тыл. При таких условиях пребывание русского консула в Бендер-Аббасе представляет настолько серьезную важность, что, как я надеюсь, осуществление этой меры в скором времени не встретит непреодолимых препятствий, несмотря на всю необходимость соблюдать ныне крайнюю сдержанность в испрошении кредитов из средств государственного казначейства.

Наконец, почитаю долгом указать на одно предложение, которое могло бы быть осуществлено в более отдаленном будущем, выждав подходящее к тому время. Для пользы русского дела на юге Персии было бы желательно, чтобы императорский посланник в Тегеране совершил, — конечно, в подобающей внешней обстановке, — поездку по берегам Персидского залива. Помимо громадного нравственного значения с общеполитической точки зрения, в смысле наглядного установления равноправности России и Англии и показания того значения, которое мы придаем нашим интересам в этих краях, подобная мера для наших консульских представителей, агентов из туземных жителей, для всех лиц, так или иначе входящих в соприкосновение с русским элементом, будет иметь самые благоприятные последствия в смысле объединения и упрочения их деятельности, поднятия их личного престижа и более осязательного сознания важности той работы, коей они причастны, хотя и в разной степени и различными путями. Само собой разумеется, что для осуществления изложенного предположения необходимо выбрать удобный во всех отношениях момент и подвергнуть мысль эту исподволь предварительной тщательной разработке, каковую я и поручаю вашему вниманию.

В ближайшем соотношении к делам Персидского залива находится также вопрос о более правильной постановке нашего консульского представительства в Ахвазском округе, где мы имеем лишь нештатного консульского агента, несмотря на громадное экономическое значение этого округа; в отношении сего последнего вопроса я, равным образом, пока ограничусь постановкой его на очередь к изучению.

В заключение настоящего краткого обзора политических задач и интересов наших во владениях шаха, считаю не лишним в нескольких словах коснуться западной границы Персии. Значение для всего шиитского мира священных городов Кербелы и Неджефа, расположенных в районе этой границы, и влияние тамошних муштеидов на внутренние персидские дела вполне оценено англичанами, которые не брезгают никакими средствами, до подлогов включительно, чтобы использовать его в своих выгодах, хотя обычная английская система подкупов менее всего достигает цели в такой среде, как фанатичное шиитское духовенство. Достаточно упомянуть однако о поддельном акте отлучения от ислама Атабек-Азама и о последних попытках английского воздействия на муштеидов с целью вызвать брожение среди шиитов Закавказья, чтобы надлежаще осветить значение наблюдательной деятельности за этими происками со стороны наших консульских учреждений в Багдаде и Керманшахе, общее руководство которой возлагается на вас. Значение последнего из названных двух пунктов усугубляется еще как личностью местного генерал-губернатора, известного принца Ферман-Ферма [1]), так и той ролью, которая может выпасть на долю этого города в будущем, с проведением Багдадской железной дороги, в смысле проникновения германского торгового, а, может быть, и политического влияния в Персию. Сообразуясь с означенным обстоятельством, мы отклонили от себя, несмотря на заискивание Ферман-Ферма, всякое участие в принадлежащей ему концессии на дорогу Ханекин — Керманшах — Хамадан, самому сооружению которой мы постарались воспрепятствовать в Тегеране, ибо подобный путь мог бы лишь облегчить доступ Германии на внутренние персидские рынки [2]).

---

[1]) Губернатор Керманшаха, крупный феодал, сторонник английской ориентации.

[2]) Как явствует из тел. Неклюдова из Парижа от 18/31 мая 1906 г. за № 44, в 1905 г., когда царское правительство отклонило просьбу шаха о предоставлении займа, и когда Англия также не пошла этой просьбе навстречу, Германия устроила шаху заем в 25 милл. марок. И тогда же в компенсацию за заем шахским правительством была обещана германской компании концессия на продолжение в Персии до Керманшаха или Хамадана шоссейной дороги, строившейся от Баг-

Что касается пограничных инцидентов, периодически возникающих между Турцией и Персией, то, следуя традиционной политике нашей, мы стараемся улаживать таковые непосредственными представлениями в Тегеране и Константинополе без всякого участия англичан.

Переходя к обсуждению экономической политики нашей в Персии и не вдаваясь в известные вам подробности достигнутых за последнее пятилетие результатов, коими мы по всей справедливости вправе гордиться, укажу, что таковые покоятся на трех главных основаниях: торговой декларации 1901 г. с последующими к оной актами, займах, выданных персидскому правительству, и концессионных правах.

Изменяя однообразную пятипроцентную таможенную пошлину, установленную ст. 3 особого Туркманчайского акта, на более сложный конвенционный тариф, мы кроме собственных фискальных выгод достигли установления в Персии такого таможенного режима, который, будучи гарантирован особой секретной статьей от изменений помимо нашего согласия, фактически покровительствует категориям и сортам товаров, по преимуществу ввозимых из России, и одновременно устанавливает ряд льгот, вроде отмены подорожного сбора, общих для всей торговли. Отчасти благодаря последнему обстоятельству, а главным образом ввиду состоявшегося при нашем содействии принятия Турцией тарифа 1901 г. и отказа ее от самостоятельного турецко-персидского Эрзерумского торгового трактата, Англия, наиболее заинтересованная из остальных держав, пользовавшихся лишь правом наибольшего благоприятствования, вынуждена была примириться с совершившимся фактом и заключить одинаковое с нашей декларацией соглашение.

На тех же самых основаниях проведена была нами разработка предусмотренного в декларации персидского таможенного устава, вошедшего в силу 19 августа (1 сентября) с. г. Как на пример можно указать на допущение нами строгих карательных мер против морской контрабанды, которые значительно поднимут престиж шахской власти в Персидском заливе, не распространяясь однако, по особому секретному соглашению, на Каспийское море, определенно-признанное ныне принадлежащим России.

Достигнув правильной, выгодной и законченной постановки торговых сношений наших с Персией, каковая постепенно облегчит

дада по персидской территории; вместе с тем германская пароходная компания «Гамбург — Америка» получала для своей линии Гамбург — Персидский залив порт или угольный склад на персидской территории.

нам преобладание на персидском рынке, нам остается только следить за сохранением и развитием полученных результатов, поддерживая бельгийскую администрацию таможен в точном применении тарифа и устава. Такая поддержка тем более целесообразна, что она обеспечивает аккуратное поступление таможенных доходов, большая часть коих идет на платежи по выданным Персии займам [1]); вместе с тем, хотя последние и обусловлены, в случае недостаточности означенных доходов, установлением русского контроля над таможнями, однако введение такового было бы совершенно нежелательным вмешательством во внутренние персидские дела, вследствие чего и с этой точки зрения наиболее желательной для нас является бельгийская администрация, видимо, стремящаяся действовать с нами по возможности рука об руку.

Основное преимущество, выговоренное нами при заключении персидских займов, а именно обязательство Персии не прибегать помимо нас к долгосрочной чужеземной финансовой помощи, естественно, привело шахское правительство к необходимости обращаться за нашей поддержкой во всех своих затруднениях. Обстоятельство это, в связи с требованиями общего положения, созданного осложнениями на Дальнем Востоке, побудило министерства иностранных дел и финансов подвергнуть обсуждению в особом совещании под моим председательством вопрос о финансово-экономической политике нашей в Персии. Соображения, высказанные по сему поводу, хорошо вам известны из журнала упомянутого совещания, вследствие чего я ныне могу ограничиться перечнем установленных общих выводов, удостоившихся высочайшего утверждения в 12-й день июня с. г., снабдив таковой некоторыми указаниями практического характера. Выводы эти сводятся к пунктам:

1) Отклонять, по возможности, всякие просьбы персидского правительства о денежной помощи.

2) Допускать ссуды денег лишь в самых исключительных случаях, по особо важным соображениям политического и экономического характера и при наличности достаточных гарантий.

---

[1]) Первый персидский заем в России на сумму в 22 500 000 руб. был заключен в 1900 г., во время первого путешествия Музаффер-эд-Дин шаха в Европу. Второй заем на сумму 1 млн. руб. из 5% с уплатой в 75 лет был заключен в России в 1902 г. Согласно статей 14 и 13 контракта о персидских займах Россия получала на десятилетний срок монопольное право на реализацию всех внешних займов, выпускаемых персидским правительством. В виде гарантии за уплату русских займов были заложены доходы всех персидских таможен, за исключением таможен Фарса и Персидского залива, и было выговорено условие, что, в случае недостаточности этих доходов, Россия может установить в таможнях свой контроль и свою администрацию.

3) Не домогаться никаких новых концессий, не оправдываемых собственными выгодами дела.

4) Развивать и усовершенствовать существующие в Персии русские предприятия — банковое, дорожное, транспортное и проч.

5) Противодействовать развитию железнодорожного строительства в Персии.

6) Принимать участие в расширении телеграфной сети, как дополнительного к дорожным сооружениям предприятия.

Изложенные руководящие начала обладают значительной эластичностью, безусловно необходимой в столь сложном и живом деле, которое, конечно, не может быть включено в строго ограниченные рамки. В главных основаниях эта программа точно согласована с определенными выше общими задачами и целями нашими в Персии, следовательно, применение оной на деле должно в каждом частном случае исходить из соображений о сих последних, принимая в расчет и те средства, коими мы располагаем в данную минуту.

Вследствие сего, в сознании необходимости неуклонно продолжать начинания наши в Персии, несмотря на последовавшее сокращение кредитов по росписи 1904 г., был сохранен в значительной мере отпуск денежных средств на главнейшие предпринятые нами сооружения, а именно: 3 500 000 рублей на Джульфа — Тавризскую [1]) и Казвин — Хамаданскую [2]) дороги и 400 000 рублей на оборудование Энзелийского порта [3]), причем императорской миссии в Тегеране поручено озаботиться мерами к беспрепятственному продолжению означенных работ. Одновременно нами достигнуто было подтверждение шахским правительством силы концессии на страховое и транспортное дело в Персии, принадлежащей ныне Учетно-ссудному банку и в частях переуступленной им товариществу из наиболее солидных русских акционерных обществ, ведущих таковые операции.

Придавая особое значение всей совокупности дорожной и транспортной деятельности нашей не только в силу непосредственных экономических для нас выгод, но и с политической точки зрения, как

---

[1]) Концессия на проведение шоссейной дороги Джульфа — Тавриз — Казвин была получена Учетно-ссудным банком Персии в 1902 г. В 1913 г. была получена концессия на постройку параллельной ей Джульфа — Тавризской жел. дороги.

[2]) Концессия на постройку шоссейной дороги Казвин — Хамадан и Казвин — Тегеран, с правом взимать пошлины на протяжении всей дороги, была выдана в 1893 г. «Персидскому Страховому и Транспортному об-ву», во главе которого стоял Поляков.

[3]) Концессия на сооружение Энзелийского порта была выдана в 1895 г. об-ву Энзели — Тегеранской дороги с правом взимать пошлину со всех заходящих в порт судов.

средству удовлетворения насущных потребностей местного населения и борьбы с наветами англичан, возлагающих на нас ответственность за отсутствие железных дорог в Персии, поручаю постоянному вниманию вашему всяческое содействие означенной деятельности, а также надзор за правильным развитием оной, ибо серьезные упущения в этом деле могут лишь самым нежелательным образом отразиться на престиже русского имени и не должны быть ничем оправдываемы ввиду жертв, приносимых нашей казной.

В области дорожных дел увеличивающиеся торговые сношения с Персией выдвигают постепенно новые вопросы, подлежащие тщательному изучению; в числе таковых имеется важный принципиальный вопрос, для правильного разрешения коего вам следует собрать необходимые данные при помощи подведомственных вам консульских учреждений, по возможности с участием агента министерства финансов. Дело сводится к нижеследующему: нужно ли нам облегчать проникновение русских товаров из северной Персии через пустынные местами центральные области на юг страны или же в сей последней части шахских владений мы должны довольствоваться исключительно путями, ведущими от побережья Персидского залива? Так, например, относительно Кермана, выгоднее ли направлять туда наши товары обычным путем из Бендер-Аббаса или стараться сделать это из Мешеда, рискуя одновременно способствовать нежелательному движению английских товаров на север?

Признавая важное значение почтово-телеграфного дела в Персии для наших экономических интересов и в качестве подспорья к дорожной и транспортной деятельности, мы достигли в последнее время соединения персидских телеграфных линий с русскими в четырех новых пунктах: Гумбети-Кабусе, Чатлы, Баджгиране и Артыке, причем некоторые недостававшие участки на персидской территории закончены при нашем содействии; дальнейшее соединение линий предположено в Астаре, с доведением весной будущего года до названного города телеграфа, сооружаемого ныне персами из Ардебиля. Минувшим летом было подписано соглашение, вошедшее в силу 1 августа, о понижении такс на телеграммы, обмениваемые между Россией и Персией, и значительно увеличено число пунктов, принимающих и отправляющих телеграммы на русском языке. Наконец, ввиду отказа шахского правительства от откупной системы в почтовом деле, с передачей последнего в ведение бельгийской таможенной администрации, оказалось возможным разработать проект почтовой конвенции с Персией, переданный ныне в Тегеран; в случае, если бы ко времени прибытия вашего на место служения соглашение по сему предмету еще не состоялось, вам надлежит упо-

требить все старания к скорейшему благоприятному разрешению вопроса.

Установив в настоящей инструкции тесное соотношение и взаимодействие политических и экономических задач наших в Персии, в большинстве случаев неразрывно связанных между собой, почитаю долгом заметить, что такое единство русского дела налагает на вас, высшего представителя России в этой стране, обязанность не только самому руководствоваться, но и руководить деятельностью непосредственно подчиненных вам учреждений и лиц в духе строгого единения и дружной совместной работы всех без исключения русских людей, трудящихся на пользу общего дела. Всякое указание ваше, как бы компетентно и основательно оно ни было в силу одного вашего положения и наибольшей осведомленности о намерениях и решениях центрального правительства, тем легче и скорее, без праздных и вредных препирательств, найдет себе применение на практике, чем большим доверием и взаимным благорасположением проникнуты будут отношения русских деятелей в Персии к представителю своего правительства. С другой стороны, на почве тех же отношений вы можете найти весьма полезные источники осведомления и даже, при надлежащем умении и такте, элементы негласного содействия в непосредственной вашей работе. Все вышеуказанное вполне применимо, лишь в соответственно меньшем масштабе, к любому из подчиненных вам дипломатических и консульских чинов, и от настойчивости ваших стараний будет зависеть развитие и упрочнение всего уже существующего и сделанного в этом направлении. Само собой разумеется, что при быстром росте разносторонней деятельности нашей в Персии и увеличении числа временных и постоянных агентов многих наших ведомств и учреждений изложенное отношение к оным официальных представителей императорского правительства может становиться лишь все более целесообразным и плодотворным. Не касаясь черезчур очевидных результатов, кои достигаются этим путем при сотрудничестве с чинами министерства финансов или военного ведомства, приведу пример из области чисто специальной, медицинской. В сфере этой деятельности за последнее время создана в Тегеране амбулатория Общества востоковедения и учреждена должность русского врача при персидской казачьей бригаде. При содействии и общем руководстве с вашей стороны, персианам легко может быть внушено уважение и должное доверие к нашему медицинскому персоналу, причем, помимо общей пользы, означенный результат, в связи с уходом старшего лейб-медика шаха, англичанина Адкока, замененного расположенным к России врачом французской миссии Шнейдером, дал бы вам при удобном случае возможность провести наиболее подходящего из русских

врачей на придворную шахскую службу, каковое обстоятельство принесло бы и несомненную политическую пользу.

По всяким вновь возникающим вопросам вам необходимо будет испрашивать указаний императорского министерства, не принимая на себя самостоятельных решений.

Как ни сложны и многообразны на первый взгляд предстоящие вам в Персии задачи, которые по необходимости могут быть намечены в инструкции лишь в общих основных чертах, позволительно надеяться, что, положив в основу своей деятельности осторожность, последовательность и твердость, при строго систематической и проникнутой указанным вам направлением разработке стоящих на очереди вопросов, вы с честью выйдете из всех могущих представиться затруднений на пользу и славу дорогой нам России.

Ламздорф.

К ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЕЙ В ПЕТРОГРАДЕ.

(Из материалов Петроградского Военно-революционного комитета.)

«Да, вожди Центр. исполн. комитета ведут правильную тактику защиты буржуазии и помещиков», — так расценивал В. И. Ленин на страницах «Рабочего пути» деятельность мелкобуржуазных руководителей 1-го ЦИК Советов в конце сентября 1917 г. [1]).

Эта оценка эсеровских и меньшевистских героев контрреволюции осталась целиком справедливой и в октябрьские дни, когда разбитая на голову буржуазия попыталась 29 октября взять реванш руками этих самых, до конца преданных ей, мелкобуржуазных вождей.

Как известно, Керенский еще утром 25 октября бежал из восставшей столицы навстречу двигавшимся на Питер войскам, якобы «верным Временному правительству и революции».

Таких войск в действительности не оказалось, — Керенскому удалось двинуть на Питер всего лишь несколько неполных сотен казаков из пресловутого III конного корпуса ген. Краснова, — армия, жаждавшая мира, в значительной мере большевизированная, не пожелала итти за неудачным кандидатом в русские Бонапарты.

И если казакам Краснова 27 и 28 октября удалось почти без сопротивления занять Гатчино и Царское село, то это обстоятельство, по свидетельству самого ген. Краснова, следует отнести исключительно за счет неорганизованности и полной небоеспособности частей местных гарнизонов, численно превосходивших казаков и настроенных, конечно, далеко не в пользу Керенского. С прибытием на гатчинский фронт крепких матросских и красногвардейских отрядов, «победоносное» продвижение на Питер казаков закончилось.

В то время, когда красновский отряд продвигался по направлению к Петрограду, в самом городе плелись нити контрреволюционного заговора. Душой заговора был образовавшийся в ночь на 26 октября «Комитет спасения родины и революции», состоявший из представителей тех же эсеро-меньшевистских мелкобуржуазных слоев (гор. думы, предпарламента, союзов служащих и т. п.). Входили в него и такие видные представители буржуазии, как гр. Панина и Набоков.

Комитет спасения с самого момента своего возникновения занял резко агрессивную позицию по отношению к правительству Советов. Преступный организатор контр-

---

[1]) Ленин, Собр. соч., 3 изд., т. XX, стр. 239.

революционного восстания, он уже 27 октября обрушивается на большевиков в опубликованном в газетах «Воззвании к гражданам Российской республики».

«Гражданская война, начатая большевиками, грозит ввергнуть страну в неописуемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю... Всероссийский Комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане: не признавайте власти насильников. Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции».

Организаторы восстания переоценили свои возможности и силы: они надеялись вовлечь в авантюру отдельные части гарнизона, захватить Смольный и ударом в тыл войскам Петроградского военно-революционного комитета оказать поддержку красновским казакам, как именно и было заранее договорено с Керенским. Однако, кроме юнкеров и ударников, за ними никто не пошел. Кроме того, благодаря аресту в ночь на 29 октября члена Комитета спасения эсера Брудерера, в руки Военно-революционного комитета попал план восстания и дислокация предполагавшихся в выступлению частей. Это побудило заговорщиков начать восстание немедленно, нарушив установленный с Керенским срок.

В ту же ночь юнкера Владимирского училища с оружием в руках вышли на улицу. Они заняли телефонную станцию, почтамт, Михайловский манеж, где захватили 3 броневика.

Рано утром Комитет спасения разослал по всем адресам телеграмму, за подписями председателя Совета республики Авксентьева, председателя Комитета спасения Гоца, комиссара ВКС при командующем армией спасения Синани и члена военной комиссии ЦК эсеров Броуна, с призывом «оказать всемерную поддержку комиссарам и офицерам исполнять приказы командующего армией спасения Полковникова и арестовывать всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета».

«Всем воинским частям, — говорилось далее в телеграмме, — опомнившимся от большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказывается стягиваться в Николаевское инженерное училище и Инженерный замок. Всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер».

Войска Военно-революционного комитета с раннего утра 29 октября были стянуты к Владимирскому училищу и осадили его со всех сторон. На предложение сдаться восставшие ответили пулеметным огнем. Завязавшийся бой, повлекший с обоих сторон большие потери, продолжался весь день. Только с введением в действие артиллерии юнкера сдались в $3^1/_2$ часа дня.

Характерный эпизод передает в своих воспоминаниях участник боя т. А. Соловьев [1]). После поднятия юнкерами белого флага о сдаче матросы приблизились к стене училища и были предательски встречены ружейными и пулеметными залпами. Тогда артиллерия, стрелявшая до того холостыми, начала бить боевыми снарядами; матросы бросились на

[1]) «Пролетарская революция», 1926 г., № 9.

штурм. Озлобленные предательством, они пустили в ход штыки, пока юнкера не прекратили огня и не сдались уже окончательно.

Остальные юнкерские училища, Инженерный замок и ударники во дворце Кшесинской сдались без боя.

С юнкерами — верной опорой Временного правительства — было покончено. Оставалось покончить с Керенским.

«Попытка Керенского — это такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова,— резюмировал В. И. Ленин на совещании полковых представителей петроградского гарнизона вечером 29 октября события этого дня, — но момент теперь трудный... Мы не можем ждать и не можем ни одного дня терпеть восстания Керенского. Если корниловцы организуют новое наступление, — им будет отвечено так, как сегодня ответили на восстание юнкеров» [1]).

Восстание 29 октября провалилось самым жалким образом, ибо массы, даже путем обмана, не были вовлечены в него.

Блестяще оправдался прогноз, данный В. И. Лениным в половине сентября, когда он еще скрывался от юнкеров Керенского в подполье: «Сопротивление буржуазии против безвозмездной передачи земли крестьянам, против подобных же преобразований в других областях жизни, против справедливого мира и разрыва с империализмом, такое сопротивление, конечно, неизбежно. Но чтобы сопротивление дошло до гражданской войны, для этого нужно хоть какие-нибудь м а с с ы, способные в о е в а т ь и победить советы. А таких масс у буржуазии н е т и взять их ей неоткуда» [2]).

Заговорщики 29 октября нашли эти массы — горючий материал для зачинания гражданской войны — в лице кулачества и верхушек казачества юга России, куда они бежали, разбитые революционной армией под Петроградом.

Настоящая публикация взята из подготовляемого Центрархивом сборника документов «Петроградский Военно-революционный комитет».

Материалы, вошедшие в публикацию, хранятся в Центральном архиве Октябрьской революции (фонд № 1236, оп. 1, дд. №№ 3, 4, 5, 10, 21, 23, 39, 60; оп. 2, дд. № 14, ч. 1 и № 15).

Они представляют собой, главным образом, черновики и отпуска. Донесения в ВРК — записи в отдельной тетради, делавшиеся, очевидно, сотрудниками ВРК на основании доставлявшейся информации.

В подборе материала для публикации принимала участие С. С. Соркина.

Вл. Елагин.

---

[1]) Ленин, Собр. соч., т. XXII, стр. 317.

[2]) Ленин, Собр. соч., т. XXI, стр. 207.

Протокол заседания Петроградского Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. [1])

1. а. Постановлено: поручается Скрыпнику [поговорить] со штабом, Устинову — поговорить с комиссаром об охране Смольного [2]).

1. Информация: со ст. Бологое: имеется Военно-революционный комитет, готовый отправить в распоряжение Петроградского Военно-революционного комитета войска и продовольствие.

1. Постановлено: не разрешать свиданий сегодня (в Петропавловке?), чтобы не отвлекать караул от более важного.

2. Информация: международный телеграф в наших руках.

2. Постановление: выдать 6-му запасному саперному батальону 30 револьверов.

Закрытое заседание.

3. Постановление: арестовать делегацию от Керенского [3]), агитировавшую в 1 казачьей дивизии.

4. Постановлено: отправить двух делегатов (для информации) на фронт.

5. Постановлено: немедленно передать штабу о надзоре за проходящими баржами.

6. Постановлено: снять с очереди (временно до прихода делегации) вопрос о внушениях фронту (о переходе к наступательным действиям) [4]).

7. Постановлено: чтобы штаб возможно чаще издавал приказы (в интересах информации нашей армии).

8. Постановлено о делегатах: одного делегата [отправить] на фронт — тов. Скрыпника.

9. Постановлено о продовольствии: создать продовольственный отдел. Члены [отдела]: Анцелович, Левин, Иоффе.

3. Информация: $3^1/_2$ ч. дня. Взято Владимирское училище и пр. Идут матросы. Настроение превосходно.

10. Постановлено: отказать в выдаче оружия ЦК Крестьянского союза. Нужно самим.

11. Постановлено: в связи с поступившим заявлением о предполагающейся забастовке железнодорожников, по заслушании доклада представителя ЦК жел.-дор. союза, требующего выдачу пропуска для

---

[1]) По рукописному экземпляру (АОР, ф. № 1236, оп. 2, д. № 14, [ч. 1, лл. 5—6).

[2]) Слова: «Устинову... Смольного» вписаны.

[3]) Слова: «делегацию Керенского» вписаны над зачеркнутым: «восставших казаков».

[4]) Последние два слова вписаны.

поездки той же делегации к Керенскому с целью предотвращения наступления его войск на Петроград, решено устроить закрытое совещание одного Военно-революционного комитета.

Постановлено: не входя в обсуждение цели поездки делегации железнодорожников к Керенскому, выдать пропуск для поездки.

12. Постановлено: просьбу думы о нерасстрелянии юнкеров передать начальнику. Собственного постановления не выносим ввиду неофициального характера делегации.

13. Постановлено [1]).

14. Постановлено: слухи о пьянстве и грабеже всех солдат [2]) во дворце [3]) крайне преувеличены. Так как комендант шоферской базы [4]) старый, который пропагандирует шоферов остаться нейтральными, то решено предоставить [5]) шоферскому союзу самому [6]) управлять шоферским делом под контролем коменданта Зимнего дворца.

15. Постановлено: поступило обращение к солдатам-михайловцам о необходимости обезоружить находящихся там юнкеров. Решено дело передать в штаб.

16. Постановлено: на вопрос делегации думы, согласны ли [мы] на объединение Советов РС и кр. деп. с [7]) Советом республики, мы отвечаем в порядке частной информации, что — нет. Официально дело относится к ЦИК.

Информация: в 9 ч. веч. собрание представителей полков.

Обращение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г.

№ 1619.

К населению города Петрограда.

В то время, как темные банды, руководимые Керенским, пытаются прорваться к Петрограду, в самом городе наемники и прислужники контрреволюции организовали заговор. Их план состоял в том, чтобы в ночь с 28-го на 29-е захватить все важнейшие пункты в городе и выпустить из Петропавловской крепости арестованных министров. Заговорщики, не имея никакой опоры ни в гарнизоне ни в рабочем населении, надеялись исключительно на внезапность удара. Но план

---

[1]) Постановление по п. 13 в подлиннике отсутствует.

[2]) Последние три слова вписаны.

[3]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «ложны».

[4]) Слово: «базы» написано над зачеркнутым: «отряда».

[5]) Слова: «решено предоставить» написаны над зачеркнутыми: «назначить комендантом базы коменданта Зимнего дворца».

[6]) Далее в подлиннике зачеркнуто: «управиться».

[7]) Далее зачеркнуто: «Комитетом».

их оказался своевременно раскрыт комиссаром Петропавловской крепости, прапорщиком Благонравовым, благодаря революционной бдительности красногвардейца, имя которого будет установлено. В центре заговора стоял так называемый Комитет спасения. Командование войсками было возложено на полковника Полковникова. Его ордера подписывались отпущенным на честное слово бывшим членом ЦИК Гоцем. Таким образом против власти, установленной Всероссийским съездом советов и принятой подавляющим большинством Петроградского Совета раб. и солд. депутатов, жалкие и презренные заговорщики, наемники буржуазии, помещиков и генералов, готовили руками корниловцев разбойничий удар.

Извещая об этом население Петрограда, Военно-революционный комитет постановляет: арестовать замешанных в заговоре лиц и предать их военно-революционному суду.

Военно-революционный комитет.

Обращение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г.

К революционному гарнизону Петрограда.

Товарищи солдаты, будьте на страже! Все воинские части должны быть немедленно приведены в боевую готовность. Дело свободы в ваших руках, товарищи!

Председатель Военно-революционного комитета
Н. Подвойский.

Объявление Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г.

Ко всем гражданам г. Петрограда.

Настоящим г. Петроград и его окрестности объявляются на осадном положении. Всякие собрания и митинги на улицах и вообще под открытым небом запрещаются впредь до особого распоряжения. Трамвайное движение совершается беспрепятственно.

Председатель Военно-революционного комитета
Н. Подвойский.

Приказ по Петроградскому военному округу 29 октября 1917 г. [1])

Волею Революционного правительства я назначен главнокомандующим по обороне Петрограда.

Приказываю всем штабам, управлениям продолжать свою обычную работу так, как она велась всегда. Гражданам столицы объявляю,

[1]) «Воля народа» 31 октября 1917 г. № 159.

чтобы за порядок в столице они не беспокоились. Будут приняты беспощадные меры к восстановлению его, если таковой будет нарушен врагами революции.

Призываю матросов, солдат, рабочих и весь революционный пролетариат быть живым примером гражданской дисциплины.

Главнокомандующий по обороне Петрограда
подполковник Муравьев.

Приказ командующего Петроградским военным округом 29 октября 1917 г. № 1791.

Авиационным частям Петрограда.

Предписываю авиационным частям привести в боевую готовность все боевые аппараты. Четырем аэропланам на рассвете быть на корпусном аэродроме и ждать распоряжений. Остальным быть готовыми в резерве и ждать распоряжений.

Командующий Петроградским военным округом
подполковник Муравьев.

Помощник главнокомандующего Антонов.

Приказ начальника штаба Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1546.

В штаб Красной гвардии.

Спешно.

Военно-революционный комитет приказывает выслать 50 человек[1]) для охраны блиндированного поезда с военным грузом на Царскосельский вокзал — Боровая улица.

Красногвардейцам войти в контакт с Красной гвардией «Сев.-акционерного о-ва», охраняющей поезд от посылки на помощь Керенскому.

Начальник штаба К. Механошин.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1574.

Т.....[2]) корабля «Диана».

Предписывается вам вступить в распоряжение коменданта Смольного института.

---

[1]) На подлиннике помета: «Послано 40 человек».

[2]) Фамилия в подлиннике не вписана.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1597.

В 6 саперный запасный батальон.

Военно-революционный комитет предписывает вам немедленно командировать в распоряжение т. Толкачева четыре команды телефонистов с приборами для установки на расстоянии 20-ти верст.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1598.

В запасный электротехнический батальон.

Военно-революционный комитет предписывает вам немедленно командировать в распоряжение т. Толкачева четыре команды с прожекторами.

Председатель

Секретарь

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1653.

Коменданту Смольного института.

Военно-революционный комитет дает распоряжение принять броневик от коменданта города Колпино товарища Панова и поставить к нему усиленную охрану.

Председатель

Секретарь

Отношение Военно-революционного комитета исполнительному комитету Обуховского завода 29 октября 1917 г. № 1661.

Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения исполнительного комитета Обуховского завода, что 10-ти дюймовое орудие, принадлежащее 2-й отдельной Морской тяжелой батарее поезд [1]) и находящееся в настоящее время на Обуховском заводе, никому не выдавалось без ведома батарейного комитета.

Председатель

Секретарь

---

[1]) Так в подлиннике.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1611.

1. Ввести в помещение телефонной станции дополнительный отряд.

2. Отобрать у служащих подписку в беспрекословном выполнении требования Военно-революционного комитета.

3. Кто откажется — немедленно удалить со станции.

4. Кто будет чинить препятствия — немедленно арестовать.

Военно-революционный комитет.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1697.

Исполняющему должность комиссара Фролову.

Военно-революционный комитет предписывает вам немедленно с получением сего совместно с комитетом отобрать у юнкеров Михайловского артиллерийского училища орудия и хранящееся в цейхгаузе огнестрельное оружие. По исполнении немедленно выступить в полной боевой готовности по Московскому шоссе к Чесменской богадельне.

Председатель Лазимир.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1738.

Начальникам Красной гвардии заводов Розенкранц, Металлического, Феникс.

Разоружить юнкеров Михайловского артиллерийского училища, все припасы и оружие принять по описи и передать в распоряжение штаба Красной гвардии.

Копию описи предоставить в Военно-революционный комитет.

Председатель

Секретарь

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917. № 1738.

Ввиду массовых заговоров, выливающихся в открытые выступления среди юнкеров петроградских военных училищ, согласно приказа главнокомандующего Петроградским военным округом и постановления Военно-революционного комитета от 28 сего октября, предписывается юнкерам Николаевского кавалерийского училища немед-

ленно по получении сего сдать все имеющееся на руках и в запасе холодное и огнестрельное оружие с припасами в распоряжение Военно-революционного комитета.

Председатель Б. Лазимир.

Отношение Военно-революционного комитета Морскому военно-революционному комитету 29 октября 1917 г. № 1760.

Военно-революционный комитет просит передать с юзостанции телеграмму в Гельсингфорс Центробалту: приготовить миноносец и ждать распоряжений.

Удостоверение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1764.

Настоящее удостоверение выдано товарищу Зофу в том, что Военно-революционным комитетом поручено ему вербовать при помощи заводских комитетов, районных советов и штабов Красной гвардии отряды рабочих для рытья окопов.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1744.

В батальонный комитет 4-го жел.-дор. батальона и комиссару Чижову.

Немедленно откомандировать 2 роты ж.-д. батальона с шанцевым инструментом для устройства окопов [1]) против войск изменника революции Керенского в Красное село в распоряжение поручика Назарьева.

Председатель

Секретарь

Отношение Военно-революционного комитета комиссару Петропавловской крепости 29 октября 1917 г. № 1717.

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов просит выдать для команды формирования полевых радиостанций пять револьверов и триста штук патронов к ним.

Председатель Садовский.

Секретарь Механошин.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «между Петроградом II и фарфоровым заводом».

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1773.

Начальнику караула при Михайловском артиллерийском училище.

Предлагается вам допустить комиссара Военно-революционного комитета Галкина к осмотру помещений Михайловского училища совместно с лицами, которым он найдет нужным это разрешить.

Председатель

Секретарь

Распоряжение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1765.

В гв. запасный саперный батальон.

Прислать завтра утром к 8 часам утра к Московской заставе, около Путиловской ветки (Забалканский проспект), 20 человек опытных инструкторов по рытью окопов.

Председатель

Секретарь

Отношение Военно-революционного комитета Центральному комитету Балтийского флота 29 октября 1917 г. № 1770 г.

Военно-революционный комитет при Петроградском Совете раб. и солд. деп. просит срочно отправить т. Михаила Лашевича на миноносце из Гельсингфорса в Ревель.

Председатель

Секретарь

Распоряжение Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1773.

Профессиональному союзу пекарей.

Военно-революционный комитет предлагает вам прислать немедленно [1]) отряд пекарей в Смольный институт для того, чтобы войска, прибывшие на помощь революционному Петрограду, не остались без хлеба.

Председатель

Секретарь

---

[1]) Вписано над зачеркнутым: «30 с/октября с/1917 г.»

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1772.

Помощнику коменданта Зимнего дворца прапорщику Гервас.

Комитет приказывает выдать предъявителю сего . . . . . [1]) имеющиеся в Зимнем дворце ручные бомбы (150—200), для передачи в распоряжение штаба Красной гвардии.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1781.

Комиссару ВРК в Петропавловской крепости.

Военно-революционный комитет приказывает отправить 4 броневых машины на фронт против Керенского по указанию т. Доссер.

Председатель

Секретарь

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1782 [2]).

Коменданту Петропавловской крепости.

Выдать через т. Вахрамеева: 1) 2-му Балтийскому экипажу 2 броневика с полным вооружением, несколько полевых орудий и пулеметов, 2) Рев. морскому комитету 800 винтовок, 50 000 патронов и 15 револьверов с патронами [3]).

Председатель Садовский.

Секретарь Дзержинский.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1794.

Военно-революционный комитет постановил приказать всем полкам, всем воинским частям установить связь с Военно-революционным комитетом, а комиссаров обязать ежедневно давать отчеты.

Председатель

Секретарь

---

[1]) В подлиннике пропуск.

[2]) На другом экземпляре того же приказа помета рукою Дзержинского: «Отменено».

[3]) Подлинник написан рукою Дзержинского.

Приказ Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1794.

Помощнику комиссара по снабжению Рабочей гвардии и войск на подступах к Петрограду.

Предписывается немедленно получить из окружного интендантства продукты, необходимые для продовольствования Рабочей гвардии и войск, сражающихся на подступах к Петрограду, в количестве по расчету на 8 тысяч человек на один день: консервы, хлеб или галеты, масло, крупа, сахар, чай. В принятии продуктов выдать расписку. В случае отказа, промедления, отклонения или каких-либо отговорок со стороны окружного интендантства или каких-либо его чинов предписывается вам затребовать воинскую часть, арестовать сопротивляющихся, взять из склада необходимые продукты, составив обо всем акт. Действовать срочно, незамедлительно. О времени исполнения предписания уведомить.

Председатель

Секретарь

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1801.

Юдзентовичу.

Мобилизовать мотоциклистов.

Предписание Военно-революционного комитета 29 октября 1917 г. № 1813.

В штаб Красной гвардии Выборгского района.

Предписывается тов. Петрову выдать три тяжелых машины для перевозки орудий в Петропавловскую крепость.

ДОНЕСЕНИЯ ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОМУ КОМИТЕТУ.

Керенский в Гатчине. Силы — дивизия донцов, бригада артиллерии, 1 осадный полк (часть его). Есть известия, что подходит несколько [1]) эшелонов артиллерии; есть сведения, что двигается 3 корпус, корниловский полк [2]).

---

[1]) Далее зачеркнуто: «полков».

[2]) Далее зачеркнуто: «уссурийцы».

Донесение комиссара Центральной телефонной станции Яковлева.

1 ч. ночи, 29/X.

Перехвачен разговор по телефону о том, что будто бы Керенский двигается к Забалканскому проспекту. Просят немедленно прислать броневик и пищи на 80 чел., иначе угрожают бросить работу.

29/X, 1 ч. ночи.

1 запасный полк [1])— в роте 10 человек. Помещение обширное; продовольствие имеется.

1 запасный полк, хоть он находится в незначительном числе, выступит по первому призыву Совета.

---

1 час ночи, 29/X.

При складе огнестрельных артиллерийских припасов назначенный комиссаром прапорщик Василевский не является с 28 октября с утра. Сейчас там наблюдает за выдачей огнестрельных припасов Буздарин, член рабочей секции, который просит смены. Работает 2 дня без отдыха и помощника.

---

4 ч. 55 м. утра.

Дежурный член полкового комитета сообщает по телефону из офицерской электро-технической школы: на Инженерной улице появились юнкера, повидимому, Николаевского училища, в количестве 60 человек. Вооруженные, ходят и задерживают солдат и зовут с собой. Вероятно, направляются к Михайловскому манежу.

Лебетин.

29/X, 5 ч. утра.

Владимирское училище.

Ночью захватили сонных и обезоружили сводную роту, стоявшую у Большого проспекта [2]). Идет стрельба в районе Большой Гребецкой — от 5 до $8^1/_2$ ч.

29/X, 9 ч. 30 м. утра.

Михайловский манеж занят юнкерами; сейчас едут туда пулеметчики Литовского полка.

---

8 ч. утра, 29/X.

Ст. Фарфоровая. 80 вагонов с солдатами. Солдаты напились и угрожают арестом стоящим там красногвардейцам. Просят прове-

[1]) Далее зачеркнуто: «количество ск..»

[2]) Далее зачеркнуто: «теперь».

рить этот факт и принять меры, так как на станции Сортировочной имеется много спирта.

---

8 ч. утра, 29/X.

Союз транспортных рабочих, по распоряжению транспортного отдела при Смольном, послал лошадей к Путиловскому заводу, лошади туда пришли, но нет сведения, что делать, просят прислать человека на автомобиле для распоряжения Гольцману.

---

8 ч. 55 м. утра, 29/X.

Товарищ Корнилов, комендант Рождественского района, доводит до сведения, что для успешного отражения войск Керенского [1]), находящихся в Царском селе, следовало бы поставить один из четырех дредноутов «Полтава», «Гангут» «Севастополь», «Рюрик», на коих имеются дальнобойные орудия, не доезжая Петрограда, между Сергиевым и Петроградом.

Он же предлагает, если возможно, достать длинных досок несколько тысяч и несколько [десятков тысяч] кованных гвоздей, для отражения набега кавалерии, набитые гвоздями доски... [2]).

29/X, 9 ч. 15 мин. утра.

Юнкера из Михайловского манежа ушли с броневыми [3]) машинами и заняли центральную [4]) телефонную станцию. В манеже ни одного офицера. Машины стоят. Командный состав необходим.

29/X, 9 ч. 45 мин.

Делегат от Вильманстрандского Совета Р и СД Уваров [доносит].

С казаками дела налажены. Вильманстрандский Совет взял власть в свои руки. Настроение очень спокойное. Слышал, что двигаются эшелоны против Керенского. Финны возмущены тем, что под их фирму [5]) производится провокация.

29/X, 11 ч. 30 м. утра.

Петроградская школа прапорщиков инженерных войск занимается шпионажем [6]). Юнкера одеты большей частью в студенческую одежду и в солдатские шинели 6 запасного баталиона.

На Шпалерной улице продают брошюры и газеты юнкера школы прапорщиков инженерных войск. Ю д и н.

---

[1]) В подлиннике ошибочно: «Корнилова».

[2]) Донесение не закончено. На документе схематический рисунок досок, утыканных гвоздями.

[3]) «Броневыми» вписано.

[4]) «Центральную» вписано.

[5]) Так в подлиннике.

[6]) В подлиннике: «работают в шпионажестве».

У них вынесена резолюция, чтобы работать во всех городах России в этой области.

Просят на вокзалы юнкеров Петроградской школы прапорщиков не пропускать.

---

12 ч. 30 м. дня.

Комиссар междугородной телефонной станции тов. Бруно сообщает, что как будто станция захвачена кадетами, и просит проверить слухи (а если так, то просит дать охрану, так как им нужно сменить товарища Гроздева).

---

1 ч. 20 м., 29/X.

Идет стрельба из Инженерного замка по направлению к цирку Чинизелли. Просят... [1])

---

12 ч. 30 м.

Комиссар Балтийского и Варшавского вокзалов сообщает, что все необходимое по укреплению позиций сделано.

Подробное [2]) донесение будет сделано немедленно.

29/X, 12 ч. 30 м.

На Обводном канале состоится народное собрание. Где будет собрание и в котором часу, неизвестно. Надо послать разведчиков. Кажется, собрание будет контрреволюционным.

Телефонограмма.

12½ ч. дня, 29/X.

Комендант Зимнего дворца и секретарь Преображенского полка доводят [до сведения], что ночь прошла спокойно, за исключением случая с караулом Преображенского полка в Михайловском [3]) манеже, о коем донесено. Охрана дворца усилена. Прапорщик Преображенского полка Янин назначен помощником коменданта по строевой части Зимнего дворца. Подпоручик Минкин назначен помощником комиссара в [4]) Преображенском полку. Преображенский полк просит от имени Военно-революционного комитета не допускать газет контрреволюционного характера [5]), стоящих на стороне Керенского и Корнилова. Преображенский полк просит Военно-революционный комитет разрешить ему прислать своего делегата в Военно-револю-

---

[1]) Донесение не закончено.
[2]) «Подробное» вписано.
[3]) Далее зачеркнуто: «училище».
[4]) Далее зачеркнуто: «Зимнем».
[5]) Далее зачеркнуто: «агитирующих».

ционный комитет. Корнет Покровский, подтверждая это ходатайство, просит Военно-революционный комитет вызвать из каждого полка по одному представителю для [1]) установления координации действий [между частями] гарнизона Петрограда.

Адъютант Гервас.

Телефонограмма от члена Военно-революционного комитета Герасимова.

29/X, 1 ч. 25 м. дня.

В 12 часов отряд кронштадтцев в 440 чел. [2]) отправился в Петроград. Прибудет к Николаевскому мосту к 2 часам. В 2 часа из Кронштадта отправилась часть Красной гвардии в 150 человек, прибудет в 4 часа.

Просят встретить и озаботиться о расквартировании.

29/X, 1 ч. 30 м. дня.

У Сенной слышны выстрелы в районе почтово-телеграфной станции. (Публики очень мало на улицах.) Юнкерами обезоружен грузовик, везущий бензин. Автомобиль с бензином взят. На Исаакиевской площади стоит один юнкерский [3]) броневик (хороший).

29/X, 2 ч. 15 м. дня.

Командир 2 стрелкового полка просит прислать 2 грузовых автомобиля для перевозки патронов. Настроение спокойное. Ждут распоряжений. За Московской заставой, фабрика «Скороход»..... [4])

29/X, 2 ч. 20 м. дня.

26 октября в Пскове еще был местный гарнизон, но 27-го туда прибыли казаки, которые заняли город; город в руках контрреволюционеров. Гарнизон на стороне Военно-революционного комитета, но не в состоянии противодействовать казакам. У казаков мало патронов; пытаются скупать у местного гарнизона, который не дает им их. Телеграфисты и чиновники на стороне казаков. В Гатчине введено военное положение и смертная казнь. Юнкера разгоняют [5]) даже небольшие группы человек [6]).

---

[1]) Далее зачеркнуто: «связи».
[2]) «В 440 чел.» вписано.
[3]) «Юнкерский» вписано.
[4]) Донесение не закончено.
[5]) Далее зачеркнуто: «всякое скопление».
[6]) Так в подлиннике.

В Луге есть 5—6 дальнобойных орудий, которые могли быть использованы войсками Керенского.

Латышские полки задержаны в Пскове. Недалеко от Пскова железнодорожный путь между Гатчиной и Петербургом [1]) разобран.

29/X, 3 ч. дня.

Международная телефонная станция в наших руках. Поставлен караул — 4 солдата и 11 красногвардейцев.

---

3 ч. дня, 29/X.

1-й Донской казачий полк. Мерзинин сообщил, что к ним прибывает делегация от войск Керенского и агитирует, чтобы полк присоединился к ним, — в полку получается колебание.

---

3 ч. 10 м., 29/X.

С Путиловского завода доносят, что там слышна ружейная стрельба и артиллерийская. Доносят в 3 часа 20 мин. Делаются [1]) ли какие-либо меры?

В Семеновском полку делегат от 1-го Донского казачьего полка сообщил, что в их полк явились делегаты от Комитета спасения революции и предлагали им деньги, если они только выступят против Совета.

3½ ч. дня, 29/X.

Комиссар Финляндского вокзала доносит, что требовали 50 000 патронов на Балтийский вокзал. Надо послать требование Военно-революционного комитета на патронный завод. Требование, [посланное в 11 ч. веч., до сего времени не исполнено.

---

3 ч. 10 м. дня.

Комендант Районного совета 1-го Городского района сообщил, что [2]) 29/X в 12 часов дня какой-то броневик открыл стрельбу по Совету.

29/X, 3½ ч.

Комиссар Медведев сообщает, что Измайловский полк двигается на позицию, и просит прислать на станцию Александровское самокатчиков.

3½ ч. дня, 29/X.

В Семеновском полку собралось 380 человек, поэтому они не могут дать подкреплений для взятия Михайловского манежа.

---

[1]) Так в подлиннике.
[2]) Далее зачеркнуто: «тов. Мих...»

3½ ч. дня, 29/X.

Секретарь Хомяков, Преображенского полка, сообщает, что напали юнкера на караул, стоящий около военного министерства (Мойка, 67). Караул не сдается и просит помощи.

29/X, 4 ч. дня.

Служащий, секретарь по отделам Полюстровской управы Бжостек, политический эмигрант, сообщает, что комиссар участка милиции Полюстровского района не признает Временного военно-революционного комитета и, получив телефонограмму от Комитета спасения, организует автомобильную связь для секретных сообщений с Комитетом спасения.

29/X, 4 ч. 22 м. дня.

Бывший агент [1]) уголовного розыска, 31 Сибирского стрелкового полка, Колодников сообщает, что хлеб — до 35 000 нагруженных верблюдов — отправляют из Акмолинской области и Атбасарского уезда в Турцию, киргизы совместно с казаками; казаки: акмолинские и атбасарские; киргизы: башкингирские, саракингирские и каракингирские. (Было подслушано им в г. Петропавловске, Акмолинской области, по Полковой ул, в д. № 42, около 10 сентября с. г. все вышесказанное.) Нагружают на одного верблюда от 18 до 30 пудов.

Колодников находится по Глазовой ул., д. 11, кв. 16.

Обещает в этом отношении принимать горячее участие [2]).

Было заявлено Керенскому, в министерство продовольствия, — Черевикину и начальнику контр-разведки, но мер никаких не принято.

---

5 ч. 25 м., 29/X.

Житель Царского села, Хордикайнен, сообщает, что он вышел из Царского села в 12 ч. дня 29 октября. Город занят войсками Керенского, которые находятся у вокзала большинством [2]), войск в городе 300 ч., всего с окрестностями 5 000 [2]). Войска ведут себя позорно, забирают от крестьян скот и все съестные продукты, за которые расплачиваются записками. В городе осталась часть Совета, человек 8, и часть войск (приблизительной цифры не знает). Во время вчерашней стрельбы: с ихней стороны убито было .... [3]), среди пострадавших 2 или 3 детей. Один снаряд попал в лазарет местного гарнизона.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «военный».

[2]) Так в подлиннике.

[3]) В подлиннике не дописано.

6 ч. веч. 29/X.

Делегат от Революционного комитета Ржевского Совета Р и СД передает приветствие от ржевского гарнизона. Стоящие там 15 войсковых частей, среди коих есть казаки, единогласно признали Революционный комитет. Революционный комитет готов во всякую минуту притти на помощь Петроградскому совету.

---

29 октября, 6 ч. 20 м. веч.

Товарищ Устинович сообщает, что комиссар Царскосельского вокзала Гаврилов, Антонов и прочие, бывшие арестованные юнкерами, освобождены [1]). Телефонная станция и прилегающие к ней дома от контрреволюционеров очищены.

---

9 ч. веч., 29/X.

Комиссар [2]) охраны Государственного банка сообщает, что в $7^1/_2$ ч. он позвонил по телефону. Барышня сказала, что за ее спиной стоит юнкер со штыком и поэтому она соединить не может.

$9^1/_2$ ч. веч., 29/X.

Помощник коменданта гор. Петрограда сообщает, что комиссар г. Петрограда Нестеров и его помощник Елкин целый день не являлись.

Донесение.

9 ч. 37 м. веч. 29/X.

В 2 ч. дня, 29/X, я получил приказание от коменданта Петропавловской крепости прап. Тер-Арутюнянца взять Инженерный замок, телефонную станцию и главный почтамт. Так как я имел сведения из частных слухов, что главный штаб находится в Инженерном замке, то с него я решил начать [3]) выполнение возложенной на меня задачи.

Выставив оцепление из Красной гвардии и солдат Павловского полка, я установил на Марсовом поле [4]) четыре трехдюймовых орудия.

Намереваясь послать парламентеров к неприятелю, я пошел в полковой комитет Павловского полка [5]) позвонить в Инженерный замок [6]) по телефону, но в этот момент из Инженерного замка прибе-

[1]) «Освобождены» вписано.
[2]) Перед этим словом зачеркнуто: «я св... на центральной станции... охр...»
[3]) Далее зачеркнуто: «свое».
[4]) Далее зачеркнуто: «имеющиеся».
[5]) «Павловского полка» вписано.
[6]) «В Инженерный замок» вписано.

жали два писаря, которые заявили, что юнкера все разбежались, оставив без людей все оружие.

Приняв все меры предосторожности, я послал отряд солдат для проверки показаний писаря. Результаты осмотра: покинутая комната с массой разбросанных в беспорядке винтовок и патронов; оказались также пулеметы и бронированные автомобили, один из них — знаменитый «Ахтырец», вооруженный трехдюймовой пушкой. В числе арестованных полковник Муфель [1]). По взятии Инженерного замка, я получил сведения, что телефонная станция уже взята.

Подпоручик Найдевен....[2])

В ком[нате] по спр[авкам], на Инженерной, 4, — саботаж. Солдатам не выдают пропусков.

29/X, 10 ч. веч.

На Петербургской стороне вследствие бомбардировки Павловского училища во многих прилегающих домах выбиты стекла.

Население волнуется. Создается погромное настроение. Необходимо спешно принять меры. Районный комитет предлагает пригласить стекольщиков и вставить стекла, [взяв их] из зимних рам. Кроме того необходимо поставить охрану около магазинов, в которых также выбиты стекла, — иначе будет погром.

Донесение товарища из районного комитета Петербургской стороны.

29/X, 10 ч. веч.

Следует обязательно озаботиться тем, чтобы немедленно были посланы на телефонную станцию телефонистки, так как до сего времени мы не имеем возможности разговаривать по телефону.

Донесение.

29/X, 10 ч. веч.

По предписанию Военно-революционного комитета тт. Михельсон, Лебедев и Крапивенский отправились на городскую телефонную станцию для предотвращения кровопролития. Придя на станцию, они уже не застали там юнкеров, которые уже сдались 2-му Балтийскому флотскому экипажу. В момент нашего прихода [3]) на телефонной станции матросов сменили кексгольмцы, которые несли там караул. Этот караул отнесся к нам и нашим документам с недоверием, намереваясь нас задержать. Потом пришли матросы, которые требо-

---

[1]) В подлиннике: «Муфелев».

[2]) Окончание фамилии неразборчиво.

[3]) «Нашего прихода» вписано.

вали, чтобы нас отправили во 2-ой Балтийский [1]) экипаж, где уже находились забранные на телефонной станции юнкера, с которыми матросы обещали расправиться — побросать за борт.

Мы же были отправлены в полковой комитет с конвоем Кексгольмского [2]) полка, откуда с председателем поехали в Смольный.

Просим принять меры для предотвращения жестокой расправы.

В числе матросов присутствуют пьяные матросы. Было 9 ч. 30 мин.

Телефонограмма с завода «Феникс» от члена заводского комитета Романова.

Принято 29/X, 10 ч. 30 м. веч.

Юнкера Михайловского артиллерийского училища (Нижегородская улица) [3]) сдались. Оружие вывозится штабом Красной гвардии с Московским полком. Один автомобиль уже нагрузили. В училище производится обыск.

Донесение от Московской заставы от Революционного штаба.

29/X, 10 ч. 55 м. веч.

Требуются санитарные автомобили. Возможно больше: много раненых. В направлении Петергофского шоссе слышны крики «ура». Требуется также артиллерийская подмога, так как, по имеющимся непроверенным сведениям, в распоряжении Керенского имеется бронированный поезд.

Донесение механика Тарана по телефону.

10 ч. 55 м. веч., 29/X.

На станции Кушелевка уже 8 часов стоит поезд с нашими войсками. Они задерживаются благодаря провокационному сообщению железнодорожного комитета о том, что железнодорожный мост на соединительной ветви Финляндской ж. д. разведен. Механик Таран, в ведении которого находится этот мост, категорически утверждает, что мост не разведен и не был разведен. Он просит прислать комиссаров для того, чтобы поезд был немедленно отправлен; просит также, чтобы посланные комиссары предварительно зашли к нему. Он живет в домике около моста через Неву за Невской заставой, около церкви Скорбящей.

Комиссар нужен и на станцию Глухоозерская, откуда... [4])

---

[1]) Далее зачеркнуто: «флотский».

[2]) В подлиннике: «Кененбергского».

[3]) («Нижегородская улица») вписано.

[4]) Конец донесения отсутствует.

29/X, 12 ч. ночи.

Тов. Товбель сообщила, что в Гренадерском полку состоится завтра, в 9 часов утра, митинг с представителями от города, который будет направлен против нас. Необходимо послать нашего оратора, — по возможности, гласного думы. На этом митинге, как было сказано с кафедры думы, будет решен вопрос, как быть гренадерам дальше.

[[12 ч. 22 м. ночи, 29/X.

Комиссаром Николаевской ж. д. Шамсовым] сообщается, что Исполнительным комитетом Николаевской ж. д. получена телефонограмма от Всероссийского комитета спасения революции:

«Командующий войсками Всероссийского комитета спасения революции Синани приказал войскам Петроградского гарнизона не выполнять никаких распоряжений Революционного большевистского комитета, разоружать и арестовывать комиссаров, разоружать шайки, принять [1]) решительные меры к подавлению восстания». Приглашает железнодорожников помочь [2]).

Исполнительный комитет [Николаевской] железной дороги держится нейтрально. Телеграмма ими исполнена не будет.

Просит дать смену. Исполнительный комитет дороги [находится] во дворе прибытия поездов, большое белое здание.

Был услышан разговор двух солдат из команды разведчиков, которые говорили о том, что был послан броневой автомобиль через Охту окружным путем. Кроме того из их разговора выяснилось, что горит Гатчина. Они утверждают, что отсюда были посланы разведочные части и прошли к войскам Керенского. Они слезли у Смольного и отправились в 9-ю сотню по Тверской улице.

Показания М а л ы г и н о й (из ком. 14-а)

29/X.

Комиссар [3]) почт и телеграфов Выборгского районного совета заявляет, что телеграммы с Финляндского вокзала посылать нельзя. Надо их отправлять через центральный телеграф.

Донесение из Царского села.

28-го, после полуночи, была занята войсками Керенского радиостанция. Сегодня, 29-го, послал по радиотелеграфу 6 воззваний с при-

---

[1]) «Принять» вписано.

[2]) «Железнодорожников помочь» вписано.

[3]) Перед этим словом зачеркнуто: «телегр... член Выборгского».

зывом не подчиняться Исполнительному комитету Всероссийского съезда советов. Царское село объявлено на осадном [1]) положении.

От Царского села отошли без боя.

Казаков в Царском селе от 3 до 4 сотен. Керенский находится там же. Казаки заявляют, что сражаться с главными [2]) силами они не хотят. Царскосельский Совет раб. и солд. деп. находится в Пулкове.

Радиотелеграф всецело в руках Керенского; его радиотелеграммы передаются повсюду.

29/X, 10 ч. веч.

3 Литейного подрайона старший милиционер из Пскова выехал 27 октября в 12 ч. ночи и следовал в Петроград, куда и прибыл в $12^1/_2$ ночи сего числа. В Пскове я узнал, что 25—26 октября все главные штабы и телефонно-телеграфные централи [2]) были в руках Псковского совета, но 27 октября утром прибыли туда казаки Дикой дивизии в незначительном количестве, которые по приказанию Керенского удалили из штабов и централей [2]) войска Совета и сами заняли означенные места. Железнодорожный состав классных чинов [2]) все на стороне Керенского и произносят [3]) в разных местах речи за Керенского, а низшие служащие на стороне Военно-революционного комитета. В Луге Совет Р и СД обезоружен и арестован. В Гатчине мы стояли около пяти часов вчера вечером, там я от известного в латышских кругах [4]) Амптмана-Бредита узнал, что Керенский вместе с Корниловым и Михаилом Александровичем находятся в Гатчине и штаб их помещается в Гатчинском замке. Действуют они все совместно. Город Гатчина объявлен на военном положении, а также учрежден революционный суд. Всякое сборище свыше 3-х человек воспрещено. В распоряжении Керенского находится одна казачья Дикая дивизия и гатчинские юнкера. Солдаты пехотинцы в душе на стороне Военно-революционного комитета, но они одни не в силах подняться и сорганизоваться и находятся в ожидании лучшего момента.

Ст. милиционер [подпись неразборчива].

NB. Имеются сведения, что все латышские стрелковые полки 25 октября выехали с фронта в Петроград для защиты Петроградского совета, но по дороге войсками Керенского задержаны.

Ст. милиционер [подпись неразборчива]

---

[1]) «Осадном» вписано над зачеркнутым «военном».
[2]) Так в подлиннике.
[3]) В подлиннике «производят».
[4]) В подлиннике «в латышском круге».

Из Царскосельского вокзала солдаты 4-го стрелкового полка просят принять меры к тому, чтобы дать им направление и довольствие.

Тов. Левицкий, отправленный [1]) на помощь [2]) на телефонную станцию, 150 чел. и 8 пулеметов [3]) с Балтийского вокзала [4]). Они просят установить связь.

Предложение для Петрограда.

В ночное время появляются [5]) провокационные выстрелы — необходимо для этого завести дежурный мотор; мотор следует реквизировать... [6])

Тов. Хохлов [доносит]. По последним сведениям, идут эшелоны из Ревеля и Выборга. Передавал форт Ино.

Из Выборга около 4000. Один уже прошел форт Ино, с 1000 идут из Выборга [7]).

29/X.

Вчера ночью приезжала Уссурийская [казачья] делегация узнать, в чьих руках власть. Узнав, что в руках Совета, [казаки] заявили, что выступать не будут.

---

[1]) «Отправленный» вписано.
[2]) «Помощь» вписано над зачеркнутым: «Балт..»
[3]) Так в подлиннике.
[4]) «С Балтийского вокзала» вписано.
[5]) Так в подлиннике.
[6]) Далее одно слово неразобрано.
[7]) Так в подлиннике.

ФЛОТ ПОСЛЕ ОКТЯБРЬСКОЙ ПОБЕДЫ.

Кронштадские и гельсингфорские матросы, широким потоком влившиеся в ряды поднявших восстание питерских рабочих, оказали значительную боевую помощь при ликвидации диктатуры буржуазии. Соглашательский Центрофлот, открыто перешедший в Октябрьские дни на сторону контрреволюции и вошедший в состав «Комитета спасения революции и родины», был по директиве правительства распущен. Отношение матросских масс к уничтожению этой общефлотской «демократической» организации подтвердило лишний раз окончательный отход масс от эсеров и меньшевиков.

Победа пролетариата вызвала со стороны всей контрреволюции уже в ноябре ряд попыток свергнуть Советское революционное правительство. Активные контрреволюционные выступления (наступление на Петроград красновских казаков, восстание в Петрограде юнкеров) сочетались с саботажем.

Такая тактика была применена и морским министерством и командованием флотов. Этому надо было положить конец. Произведенные аресты и увольнения, введение в б. морском министерстве и закрепление во флоте института комиссаров отрезвляюще подействовали на часть офицерства.

Особенно подчеркивал свое непризнание советской власти штаб Балтийского флота, во главе с командующим демонстративно отказавшийся признать управляющего министерством капитана I ранга М. Иванова, назначенного на эту должность Совнаркомом.

В этой обстановке саботажа и контрреволюционных планов и действий командования и офицерства Военно-морской революционный комитет наметил созыв Всероссийского съезда моряков флота. Политическая обстановка требовала концентрации всех сил революции, где одно из первых мест принадлежало морякам.

18 ноября (по ст. стилю) 1917 г. в Петрограде в д. № 18 по Максимилиановскому пер. открылся 1-й Всероссийский съезд моряков военного флота. Созыв съезда и его деятельность значительно содействовали закреплению авторитета «коллегиального министерства» — Верховной морской коллегии. Съезд, большинство делегатов которого составляли большевики, подчеркнул свою готовность всемерно поддерживать советскую власть. Как отнесся съезд к советской власти, видим из принятой им резолюции, в которой заявлялось, что «вся мощь военного флота будет верно и стойко поддерживать власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эту единственную власть, давшую нам и землю и волю и смело идущую навстречу скорому миру». Эта резолюция была принята большинством 159 человек против 2 при 19 воздержавшихся.

Свое основное внимание съезд сосредоточил на политических вопросах, одновременно с этим разрешив и ряд текущих вопросов, имевших актуальное значение для

флота. К ним относится утверждение проекта реорганизации на новых началах управления флотом и морскими учреждениями, сюда же следует отнести и создание так наз. «Совета 20», приведшего к упразднению Адмиралтейств-совета.

Выступление на съезде тов. В. И. Ленина подчеркнуло значение и роль флота в Пролетарской революции.

Касаясь создавшейся обстановки, саботажа буржуазии и интеллигентских буржуазных кругов, подчеркивая необходимость «практически учиться управлять страной», Ленин говорил: «В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс; в этом отношении флот показал себя как передовой отряд [1]).

1-й Всероссийский съезд флота, как и 2-й съезд Балтфлота занял определенную большевистскую позицию, включив без всяких колебаний в свою работу ряд сложнейших и ответственных политических и организационных вопросов строительства нового — Красного флота.

Сильное впечатление произвел съезд и на командный состав, убедившийся еще раз в своей полной беспомощности и бессмысленности своих контрреволюционных планов внутри флота. Матросская масса стояла за советскую власть, она делала все, чтобы укрепить диктатуру пролетариата, выполняя директиву Ленина, которую он через 1-й съезд дал флоту в отношении закрепления союза рабочих и крестьянства. «Пусть флот,— говорил Ленин, — посвятит все свои силы тому, чтобы этот союз остался основой государственной жизни; если этот союз будет крепок, никто не сломит дело перехода к социализму» [2]).

А. Дрезен.

Протокол № 1 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 18 ноября 1917 года [3]).

Заседание открывается в 14 часов председателем Морского военно-революционного комитета тов. *Вахрамеевым*.

Тов. *Вахрамеев*. — Я, товарищи, от имени Морского революционного комитета приветствую представителей революционного флота. (Аплодисменты.)

Товарищи, вы приехали сюда в самый торжественный момент, в тот момент, когда русский революционный народ взял власть в свои руки для того, чтобы проводить ту борьбу, о которой мечтают народы всего мира, борьбу за социализм. Мы, товарищи, должны создать новую программу, чтобы весь механизм государства действовал не на пользу какой-то кучки, а на пользу трудящихся масс. Вот над этой задачей вам, товарищи, придется поработать!

---

[1]) В. И. Ленин. Соч., 3 изд., т. XXII, стр. 102.
[2]) Там же, стр. 102.
[3]) ЛОЦИА. Стиль в заголовках старый.

Предлагает собранию выбрать президиум для съезда из 6-ти человек.

Председателем был избран тов. *А. Баранов* (154 гол.), тов. председателя *Е. Блохин* (93 гол.), тов. председателя *А. Платонов* (75 гол.) и три секретаря: *В. Лемехов* (70 гол.), *Р. Кронберг* (69 гол.) и *Э. Двойных* (60 гол.).

Президиум занимает в 14 ч. 45 м. свои места.

Председательствующий *Баранов*. — Товарищи, в ответственный тяжелый исторический момент мы собрались сюда обсудить вопросы государственной важности и вопросы, касающиеся новой бытовой жизни. Вы, товарищи, знаете, что в первые дни великой русской революции победила буржуазия руками демократии и фактически стала у власти. В Октябрьскую революцию победили солдаты, матросы, рабочие и крестьяне. Мы стали у власти. Сам народ вышел победителем и взял власть в свои руки в лице Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Я, товарищи, уверен и надеюсь, что та власть, которая сейчас существует, только она способна созвать Учредительное собрание и разрешить вопрос о мире. Мы должны поддержать эту власть, которая ведет борьбу с вековыми угнетателями.

Я надеюсь, что в этом среди нас не будет разногласия, и мы ее единодушно поддержим! (Аплодисменты.)

Председательствующий Баранов предлагает принять для собрания регламент, который большинством голосов принимается.

Затем он предлагает принять порядок дня, предложенный Военно-морским революционным комитетом.

Порядок дня первого Всероссийского съезда военного флота. 1) Выборы президиума (председатель, 2 товарища, 3 секретаря). 2) Текущий момент и о власти. 3) Доклад членов Военно-морского революционного комитета: а) Деятельность Центрофлота (тт. *Штарев, Евдокимов* и *Марусев*). б) Военно-морской революционный комитет (тов. *Вахрамеев*). 4) Доклад Верховной морской коллегии о реформах в морском ведомстве (тт. *Дыбенко* и *Иванов*). 5) Выборы в Центральный исполнительный комитет С Р С и Кр. Д и в Верховную морскую коллегию. 6) Доклад тов. *Любицкого* о деятельности Украинской рады. 7) Текущие дела.

Единогласно принимается, но вносится добавление в п. 2 — по вопросу о власти, что большинством принимается.

Входит тов. *Раскольников*, который встречается бурными аплодисментами.

Председатель предоставляет слово тов. *Раскольникову*, который докладывает, при каких трудных условиях пришлось работать при подавлении контрреволюции в дни 24 и 25 октября.

Входят в зал заседания представители Военно-морской коллегии тов. *Дыбенко* и тов. *Иванов*, которые встречены шумными аплодисментами, переходящими в овацию.

Председательствующий предоставляет слово тов. *Иванову*.

Тов. *Иванов* освещает свою политическую платформу. Выражает благодарность за приветствие и просит оказать в его работе поддержку, что и выражается собранием шумными аплодисментами.

Тов. *Дыбенко* докладывает о деятельности морского ведомства, освещает несправедливость бюрократии морского ведомства и как факты приводит следующее: лучшие транспорта министерство предполагало отправить в Англию.

Тов. *Штарев* вносит следующее предложение:

«Мы, представители Всероссийского съезда военного флота, во имя борьбы за народные идеалы, во имя русской революции, во имя всеобщего единения трудового народа, во имя прекращения кровавой бойни, во имя Интернационала, мы, 1-й Всероссийский съезд военного флота, постановили поднять на всех судах Всероссийского военного флота вместо Андреевского флага флаг Интернационала в знак того, что весь русский военный флот как один человек встал на защиту народовластия в лице Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов».

Предложение принимается единогласно.

Вносят предложение решить, на какое время красный флаг поднимается.

Тов. *Дыбенко* делает разъяснение, что красный флаг поднимается на время заседания съезда, а в дальнейшем Андреевский флаг будет заменен республиканским.

Вносится предложение почтить память павших борцов за революцию вставанием. Собрание встает и поет похоронный марш.

В 20 часов 15 минут при пении марсельезы заседание закрывается до следующего дня.

Председатель *А. Баранов.*

Секретарь *Р. Кронберг.*

Протокол № 2 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 19 ноября 1917 года.

Заседание открывается в 11 часов, председателем *Барановым.*

Председатель оглашает телеграмму, полученную из Берлина в 4 часа 15 минут.

«Берлин, 1/XII. 4 часа 15 минут.

Правительству Российской республики.

Главная комиссия рейхстага единогласно присоединилась к заявлению государственного канцлера от 29/XI о его готовности обсудить русское предложение мира, причем гр. Хертлинг заявил: вчера русское правительство дало из Царского села радио-телеграмму, подписанную народным комиссаром по иностранным делам г. Троцким и председателем народных комиссаров г. Лениным, направленную правительствам и народам воюющих стран, в которой оно предлагает в ближайший срок вступить в переговоры о приостановке военных действий и всеобщем мире.

Я готов заявить, что в делавшихся до сих пор известными предложениях русского правительства заключаются пункты, которые могут быть приняты за основу переговоров, и что я готов вступить в таковые, как только русское правительство пришлет уполномоченных для того представителей.

Я надеюсь и желаю, чтобы эти стремления приняли определенную форму и принесли мир.

Статс-секретарь Кюльман.

Народный комиссар по иностранным делам».

Председатель оглашает поступившее заявление о выборе делегации из 5 человек на похороны жертв революции, павших в дни 24—25 октября.

Предложение единогласно принимается.

Поступает предложение поручить [представительство на похоронах] желающим, что собрание принимает. Желающими оказываются следующие: Степанов, Котков, Быстров, Матвеев, Куценко и Шамшов, которым поручается на братской могиле сказать горячее слово от Всероссийского военного флота.

По дальнейшему пункту порядка дня — о текущем моменте и об отношении к власти — выступает т. *Любицкий:*

Товарищи, когда совершилась первая революция, у нас во флоте не было того единения, которое есть теперь, не было определенного отношения к власти. Только единичные личности понимали, что наша революция не может ограничиться тем, что сбросит Николая II и установит буржуазную республику. Балтийский флот с первых дней занял правильную позицию. У нас исторически прогрессивным классом является не буржуазия, а рабочий класс. Этого не поняли наши социалисты-соглашатели. Политика буржуазного правительства дала нам наступление 18-го июня, а партию, которая одна говорила, что наступление невозможно, — эту партию называли изменниками и шпионами. Теперь мы видим, какие это изменники. Народные массы

поняли, что старое правительство не может действовать в интересах народа. Отсюда революция 25-го октября. Говорят, что это авантюра. Нет, это не авантюра, а революция, это восстание масс. Оттого оно и было безкровно. А соглашатели, вместо того, чтобы помочь безкровной передаче власти народу, с первого дня срывали съезд. Нельзя играть революцией. Нельзя коалировать с Авксентьевым. Допустили ли бы эти господа переговоры о мире? Никогда! Величайший героизм со стороны партии большевиков — взять на свои плечи бремя власти.

Пока будет существовать русский флот, возврата к старому нет!

Тов. *Платонов* (председатель Черноморского съезда). Я буду говорить от имени Черноморского съезда, выразителя [настроения моряков] Черного моря. Товарищи, буду краток, после речи докладчика — текущий момент освещен.

В первые дни у власти у нас была буржуазия, но она долго не удержалась, далее была коалиция, которая лопалась, как мыльный пузырь. Отчего же? А вот отчего. Мы говорили: землю — земельным комитетам. Для чего? Для того, чтобы весь народ имел хлеб — рабочий у станка, солдат в окопах, матрос на судне, крестьянин в деревне, но коалиция вместо хлеба дала нам голод и голод. Второе — мы говорили контроль над производством. Коалиция кормила нас завтраками, нас саботировали, мы страдали. В Донецком бассейне капиталисты не открывали новых копей. Угля нехватало, железные дороги и заводы останавливались, и мы получали промышленный голод. Третье — с первых дней [революции] мы говорили о мире. Что же делало правительство? Оно, в лице Терещенко, собиралось ехать в Париж для того, чтобы вырабатывать условия продолжения войны. Вместо мира нам предлагали лить кровь ручьями, поэтому мы говорили: долой их и вся власть Советам, как в центре так и на местах! (Аплодисменты.) Мы, товарищи, творцы дворцов, всех богатств, творцы железных дорог, имеем право на власть, она должна с первых дней революции принадлежать нам. Никто лучше нас не сумеет удержать эту власть.

Оглашается резолюция Черноморского съезда.

Резолюция

1-го Обще-Черноморского флотского съезда.

Заслушав и обсудив доклад т. *Зинченко* о Втором Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов при участии крестьянских депутатов и прения по текущему моменту, Черноморский флотский съезд признает [1]) позицию, занятую Съездом в вопросе о переходе

[1]) В подлиннике: «принимает».

всей власти к Советам, вполне правильной. Признавая Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов вполне правомочным, Черноморский флотский съезд считает вновь избранный Центральный исполнительный комитет Всероссийского съезда советов единственным источником власти. В то же время Черноморский флотский съезд, находя уход меньшинства преступным (ибо этот уход повел к разделению единой революционной демократии на два враждующих лагеря и привел к тяжким формам гражданской войны), предлагает представителям меньшинства занять оставленные для них места в избранном вторым Всероссийским съездом Центральном исполнительном комитете. Черноморский флотский съезд, в грозный час борьбы революционной демократии с буржуазией за власть, когда сплочение сил революционной демократии есть единственное условие победы революции, призывает всех матросов, солдат, рабочих и крестьян тесно сплотиться вокруг своих Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и поддержать их в борьбе с контрреволюцией!

Председатель Черноморского съезда Платонов.

Секретарь Зайцев.

Тов. *Вахрамеев.* — Не буду говорить о текущем моменте, я хочу обратить ваше внимание, что все комитеты, вся армия давно уже высказалась за власть Советов. Уже часть флотов Балтийского и Черноморского также высказались, но нужно эти отдельные голоса слить воедино и могучим голосом сказать о нашем отношении к власти революционного пролетариата, приветствовать и поддерживать ту власть которая защищает наши интересы.

Поступает предложение закрыть прения.

Против высказывается т. *Ермак.* — Хотя вопрос ясен, но прекратить прения нельзя, может быть, есть противники власти Советов. Лучше ограничить время, но дать им высказаться, иначе будет насилие и при голосовании не будем знать настроения и взглядов меньшинства. Я верю, что у нас нет трусов, которые могли бы скрыть.

«За» говорит т. *Куценко.* Ставится на баллотировку и большинством отклоняется.

Тов. *Штарев.* — Все вы говорили о советской власти, но что же будет дальше? Все говорят, что она будет до Учредительного собрания, но я далеко не уверен. Вы не высказались о том, что согласны ли вы поддержать эту власть до полного осуществления ее лозунгов. Этот вопрос не освещен, а он — самое главное. Я знаю, что здесь даже есть противники советской власти, потому что интересы сталкиваются с интересами. В Черноморском флоте есть раскол. Вчера мы послали туда красный флаг, а там еще висит флаг Рады.

Поступает предложение ограничить время ораторам 5 минутами (большинством 70 против 48 при 7 воздержавшихся принимается.)

Тов. *Решетов.* — Нужно чтобы власть была обще-демократической, составленная из всех социалистических партий. Настоящая власть тоже рухнет, если ее не поддержит революционная демократия, а если поддержит, то она будет крепка.

Тов. *Юртаев.* — Наш флаг всегда будет авангардом русской революции. С прискорбием слышу, что в Черноморском флоте висит два флага. Для этого лилась кровь наша? Кровь должна, как цемент, спаять нас. Пославшие меня сказали мне твердо: власть Советам! До каких пор мы будем поддерживать ее? — До полного осуществления наших лозунгов. Когда это будет — я сказать не сумею.

Тов. *Ермак.* — Я — левый социалист-революционер и признаю, что власть должна принадлежать всем трудящимся, а не одним большевикам и социалистам-революционерам. Я согласен с революцией, но прибавлю, что власть должна принадлежать всем трудящимся.

Тов. *Двойных.* — Я говорю не от какой-либо партии, а как представитель воздушной станции бухты «Нахимовой» Черноморского флота. Товарищи говорили о лидерах большевиков и эсэров. Мы идем за партией не из-за лидеров, а потому, что эта партия выражает интересы трудового народа. Не надо спорить из-за лидеров: Чернова, Церетели, Ленина и других. Мы должны отшатнуться от партий, не оправдавших наших надежд. Если большевики не оправдают наших надежд, мы их бросим. Мы идем за ту партию, которая отражает и защищает интересы трудового народа. Не надо верить в личность, а смотреть на их дела: если они изменят нам, то мы их бросим. Власть Советам нужна, потому что Советы есть трудовой народ, и мы должны поддерживать настоящее правительство, пока оно идет с нами.

Тов. *Штарев* (представитель корабля Балтийского моря «Севастополь»).— Мы все спорим о власти. Как добыли власть матросы, крестьяне, рабочие? Вернемся назад, к первым дням революции, когда многие не знали, к чему примкнуть. Я считаю, что матросы, особенно Балтийского флота, есть истинные борцы за свободу. Гучков, Милюков и другие могли только временно быть в правительстве, пока мы не успели сорганизоваться. Мы шли неуклонно к власти и теперь должны разобрать, как эту власть установить. Сейчас в силе партия большевиков, и этому есть оправдание в ходе революции. Социалисты-революционеры не пристали ни туда ни сюда; для революции нужен характер и характер твердый, железный. Вопрос для нас ясен. Посмотрим на выборы в Учредительное собрание. Там идет половина кадетов, и они будут решать судьбу земельного вопроса и других.

Власть должна быть железная. Я был беспартийным, но ход событий заставил меня стать большевиком.

Тов. *Яковлев* (представитель Сибирской флотилии). — Я буду говорить от Сибирской флотилии, а не от партии. Товарищи балтийцы и черноморцы — здесь у центра, у мозга революции, а мы далеко не успели высказаться так определенно. Два месяца тому назад наша флотилия высказалась за власть Советам. Мы получаем часто непроверенные сведения, но все-таки ощупью шли мы правильно. Мы понимали интересы народа снизу, а не сверху. Если Учредительное собрание не будет выразителем народных интересов, то мы опять скажем: власть Советам!

Тов. *Буданов* (представитель Николаевского порта Черного моря). — Здесь говорили о расколе в Черноморском флоте. Нечего удивляться расколу в Черноморском флоте, который так далеко от центра революции. Мы питались только буржуазной печатью, печать демократическая доходила до нас редко. Коалиционная власть невозможна. Страну вели к гибели и разгрому армии не большевики, а буржуазия. Я знаю факты, когда на румынском фронте офицеры устраивали оргии и кричали: «да здравствует прорыв фронта — в этом наша победа!».

Тов. *Волошин*. — С тех пор, как мы свергли Николая, у нас есть желание и воля народа, которые мы и будем проводить в жизнь. Мы должны сказать, что у нас нет кумиров, а есть наши товарищи — Ленин и др., близкие по духу, которых мы и уважаем. Учредительное собрание нам дать ничего не может, если мы сами не будем работать. Мы должны работать не покладая рук. Власть должна принадлежать Советам.

Тов. *Марусев*. — Товарищи, кто создал власть Советов? — Мы. Кто создал революцию? — Народ. Что такое Советы? — Народ. Но не старые Советы, которые были наполовину кадетские, а нынешние. Мы прошли эпоху буржуазной революции и вступили в период социальной революции. Надо поддержать настоящую власть. Без нашей поддержки она тоже рухнет. Надо толкать ее по пути социализма, и, если она сойдет с этого пути, мы ее бросим и пойдем сами.

Тов. *Ермак* предлагает выразить доверие настоящему правительству и приветствовать его. Крушения этой власти не должно быть, ибо ее поддерживает народ, и небольшая кучка [несогласных] должна уйти прочь.

От *Каспийской и Урмийской флотилии*. — Я представитель Каспийской и Урмийской флотилии. Я прибыл от четырех с половиной тысяч товарищей из далекой Турции со следующим наказом: вся власть Советам и полная поддержка правительству народных комиссаров.

Раньше у нас были разные партии, теперь есть только одна — крепкая, сильная, которую сама жизнь назвала партией большевиков. Меня также просили передать поклон и горячий привет тем, кто шел вперед в октябрьские дни.

Тов. *Морозов* (от Чудско-озерской флотилии). — Мне наказали передать вам привет. Мы за ту партию, которая сейчас стоит у власти и которая стоит за народ. Стыдно стоять за ту власть, за которою не пойдет пролетариат. Если Учредительное собрание не будет отражать нашей воли, мы первые пойдем против него.

Представитель Северного Ледовитого океана. — Мы, представители дальнего севера, имеем наказ: власть Советам. Хотя мы и оторваны от всех морей, но идем, товарищи, вместе с вами.

Тов. *Баранов* берет слово не как член президиума, а как член Центрального комитета Балтфлота.— Товарищи, вы переживали первые дни русской революции, светлые и радостные дни, вы видели, что вы одержали громадную победу, вы сбросили ту кучку негодяев, ту кучку бродяг, которая безответственно продавала нашу Россию, которая довела Россию чуть ли не до гибели. Вы радовались, что нет больше Николая, но вы, как и многие, не учитывали, что власть из рук Николая перешла в более крепкие руки, которые и до сих пор держат ее на Западе не путем палок, а путем затемнения масс, — в руки буржуазии. Мы радовались, товарищи, но наша радость постепенно стала пропадать. Появилось недовольство той властью, к которой вначале было доверие и уважение. Я помню аплодисменты Керенскому, я помню, как мы возносили на пьедестал наших кровных классовых врагов. Это происходило от нашего непонимания. Вы помните недовольство, которое выразилось в стычке 21-го апреля? — Это [произошло] потому, что власть не могла проводить того, что было надо народу. Народ хотел мира без аннексий и контрибуций. Милюков тоже хотел мира «без аннексий и контрибуций», но проливы все-таки нам. Вы видели дальше, как политика правительства начинает терять доверие. Почему же? Когда разгорается великий котел русской революции и на одном берегу встают угнетатели, а на другом угнетенные, то смешно искать средней линии. Этой линии быть не может. Одновременно враждуя и соединяясь, — нельзя вести борьбу, — это значило бы действовать за весь народ в интересах буржуазии. Вы помните совещание в Москве, где не были допущены большевики, где большинство не отражало настроения народа? Все эти совещания созывались, чтобы так или иначе поддержать политику Церетели и Чернова, которая уже проваливалась. Этого им не удалось, сознание масс говорило противоположное.

Список ораторов исчерпан. Оглашается следующая резолюция:

«Всероссийский съезд военного флота, обсудив вопрос о текущем моменте и о власти, постановил:

1) Горячо приветствовать товарищей народных комиссаров за их преданность интересам трудового народа — последовательную настойчивость в деле окончательного разрыва цепей рабства и угнетения. Съезд во всеуслышание заявляет, что всей своей мощью военный флот будет верно и стойко поддерживать власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, эту единственную власть, давшую нам и землю и волю и смело идущую навстречу скорому миру. Вместе с тем съезд заявляет, что и впредь власть должна быть создана только из представителей тех партий, которые показали свою непоколебимую преданность революции и народу не на словах, а на деле.

Всероссийский съезд военного флота ни на минуту не сомневается, что рабочая и крестьянская власть, опирающаяся на могучие плечи всего трудового народа, быстро сумеет одолеть всех тех врагов революции, которые бесстыдно предают интересы народа своим саботажем и стараются подорвать власть рабочих и крестьян. Всероссийский съезд военного флота клеймит несмываемым позором оборонческие партии правых эсэров и меньшевиков, эти партии прислужников буржуазии, окончательно смешавшиеся с рядами самых откровенных черносотенцев. Съезд с пренебрежением отмечает жалкий враждебный выкрик этих обанкротившихся политиканов по адресу истинной демократической власти Совета народных комиссаров.

Да здравствует власть революционных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует социальная революция! Да здравствует Третий Интернационал!»

Предлагается поименное голосование. Собранием таковое принимается.

Результаты поименованного голосования: за резолюцию — 160 представителей; против — 2 представителя (Александр Белоусов — Черного моря, минная школа, Яков Ипатов — Балтийского моря, 2 дивизион подлодок); воздержались — 28 представителей (Аким Мацута — Черного моря, Иосиф Бугарский — Приамурской флотилии, Яков Башилов — Балтийского моря, Федор Сироватский — Черного моря, Федор Аднолько — тоже, Трофим Яценко — тоже, Артемий Решетов — тоже, Василий Рыбка — тоже, Яков Шашков — тоже, Трофим Христыч — тоже, Иван Степанов — тоже, Стефан Суховой — тоже, Исаак Матвеев — Петроградского гвардейского экипажа, Сергей Зубов — тоже, Борис Соколов — тоже, Павел Юртаев — Черного моря, Дмитрий Еремин — Балтийского моря, Георгий Коваленко — тоже, Никифор Сомусенко — тоже, Алексей Дмитриев — посыльного судна «Освободитель», Иосиф Рулькевич — Черного моря,

Сергей Сакс — тоже, Ларион Тюрен — тоже, Павел Емец — тоже, Федор Ялыгин — Балтийского моря, Федор Кутарев — тоже, Митрофан Попов — воздушной станции «Килен бухта», Павел Замковой — тоже).

После оглашения результатов поименного голосования заседание в 15 часов 45 минут закрывается до следующего дня.

Председатель *А. Баранов.*
Секретарь *Р. Кронберг.*

Протокол № 3 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 20 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 10 часов председателем *Барановым.*

На повестке дня вопрос о деятельности Центрофлота (докладчики тов. *Штарев* и тов. *Евдокимов).*

Тов. *Штарев.* — Идея создания Центрофлота зародилась в период формирования Центральных комитетов всех морей, когда стала ощущаться необходимость в создании общей организации для всех морей. Личный состав Центрофлота вначале был из тех лиц, которые были в комиссиях Юрковского и Савича-Лебедева, а потом уже были влиты новые члены со Съезда советов р. и с. д. и делегаты, посланные от 1-го Балтийского флотского съезда.

Касаясь деятельности Центрофлота с момента его образования до 4 сентября, т. е. до приезда некоторых представителей от Балтийского и Черного морей, можно отметить только одно явление — «корниловщину», — когда на местах можно было говорить, что Центрофлот подает признаки какой-то жизни. Затем от корниловщины до 4 сентября деятельность Центрофлота можно охарактеризовать одним словом «бездеятельность». С 4 сентября до Демократического совещания деятельность выразилась в том, что остро стоявший квартирный вопрос создал конфликт. Морской министр Вердеревский поставил этот вопрос на принципиальную точку зрения о власти и тем прикрывал незаконные действия начальника генерального штаба Егорьева, который, живя на частной квартире и получая за нее квартирные деньги, до 1 января 1918 года оставил за собой всю 20-комнатную казенную квартиру, пустовавшую до того момента. Эта квартира послужила предметом для конфликта, который вылился в предъявлении ультимативных требований со стороны вновь прибывших товарищей черноморцев. Ликвидация этого конфликта служит аргументом к общей деятельности Центрофлота, заключающимся в том, что Абрамов и Гоц, ведя переговоры, поставили дело в такую плоскость,

что, якобы, при третейском суде в лице Гоца Центрофлот выйдет с достоинством из создавшегося конфликта. На самом деле Центрофлот был поставлен перед фактом снятия Центрофлотом своих требований предварительно перед тем, как Временному правительству — снять свое постановление о роспуске Центрофлота, которое было ответом на предъявленное требование Центрофлота. Такое решение вопроса аннулировало всю правоту и достоинство Центрофлота, чего многие представители Центрофлота не допускали. Но вопрос был решен так, несмотря на настояния, в первую очередь, Балтики, а затем и других морей, на требованиях Центрофлота.

В вынесении этого конфликта на Демократическом совещании, где оказано было также противодействие и невнимание к создавшемуся кризису власти в морском ведомстве в связи с телеграммой Вердеревского во все моря о роспуске Центрофлота [1]). Флоты не могли допустить подобного роспуска, не соглашаясь с Вердеревским, как представителем Директории, ведшим политику, не отвечающую чаяниям всего флота.

Граф Каннист, Егорьев и др. не уступали самому Вердеревскому, и их заботы были — не улучшить боевую мощь флота, а касались главным образом политики. Отсюда Центрофлот слушал и ждал, что скажет Керенский да Вердеревский. Могли ли они при такой политике осуществить в себе народный контроль? Нет, не могли. Затем Центрофлот открыто перешел на сторону Керенского. Он подписался под резолюцией Комитета спасения. Для меня была ясна политика и жизнь Центрофлота, и я был убежден, что кто-то должен притти и разогнать этот Центрофлот, Центрофлот, оторвавшийся от масс и пустой по содержанию. Центрофлот, вместе с Гоцем стоявший на платформе старого Исполнительного комитета советов крестьянских депутатов, мог ли быть терпим? У Центрофлота было желание созвать Всероссийский съезд военного флота, но не было желания исполнить, несмотря на неоднократные требования Балтики. Съезд был необходим, и он, наконец, собрался, в лице вашем, решить задачи флота, решения которых нельзя было ждать от Центрофлота.

Тов. *Евдокимов*. — Будучи в Центрофлоте, пришлось видеть работу Центрофлота, и для меня было ясно, что он пошел по неправильному пути. Центробалт сделал замечание Центрофлоту, заявив, что Центрофлоту следует зорко следить за всеми делами по реорганизации морского ведомства, как выборной демократической организации. Когда было ясно, что Центрофлот идет вразрез с требованиями масс, что Центрофлотом руководит кучка журналистов, — опять Центро-

[1]) Так в подлиннике.

балт предупредил Центрофлот телеграммой. Приехав на 2-ой Всероссийский съезд советов солдатских и рабочих депутатов, мы старались выяснить дефекты Центрофлота, чтобы при контроле его работы, как представителя 2-го Всероссийского съезда, делегатами которого мы являлись, нам это право контроля принадлежало, ибо Центрофлот именовался при Центральном комитете совета рабочих и солдатских депутатов. 2-м Всероссийским съездом советов солдатских и рабочих депутатов было дано всероссийскому флоту 40 мест, и Центрофлот самовольно взял себе из них 6 мест, на что нами, съехавшимися от Балтийского и Черного и Каспийского морей, был заявлен протест; председатель Абрамов не протестовал, — очевидно, сознал свой незаконный поступок. Центрофлот мог просить себе одно место у съезда, как центральная организация, но не оставлять, без согласия приехавших депутатов, себе места. Приехавшие делегаты вошли во 2-ой съезд советов от лица всероссийского флота, объединились и выработали один наказ. Центрофлот, когда узнал, что помимо его собираются и вырабатывают наказ, запротестовал, заявляя, что без центральной организации мы не могли вырабатывать наказ. Но мы им заявили, что мы приехали с наказом с мест: «Вся власть Советам!», а потому изменять данному наказу не можем, потому что Центрофлот стоит на другой политической платформе, и мы слушаем только пославших нас выборщиков. Вот тут-то Центрофлот и понял, что ему не повлиять на нас, в особенности на Балтийский и Черноморский флот, — тогда он обратился к товарищам, приехавшим с окраин, которые вначале и пошли за ним. Они были из числа колеблющихся, но потом, когда с каждым днем выяснялась политика Центрофлота, его авторитет падал среди перешедших на его сторону товарищей-делегатов. Произвела сильное впечатление следующая картина: приходим на собрание 1 августа [1]). Центрофлот вошел уже в Комитет спасения, ибо была его подпись на воззваниях, расклеенных по улицам Петрограда, а здесь обсуждался только вопрос о вхождении в Комитет спасения. Не ясно ли после этого, что, как и было указано тов. Штаревым, что кучка журналистов имеет большое касательство в делах Центрофлота и что большинство членов Центрофлота подпали под влияние кучки членов, которые вершили дела без ведома этого большинства и не считались с меньшинством? На последнее указывает еще и следующее обстоятельство. Когда нами были приняты дела Центрофлота, то первое, на что мы обратили внимание, это — печати, которые были одного наименования в нескольких экземплярах. Для чего же, спрашивается, было при Центрофлоте несколько печатей? Печать — документ, из юри-

[1]) Нужно читать: «1 ноября».

дической организации, который должен строго охраняться. Войдя в Комитет спасения, Центрофлот, несмотря на роспуск, продолжал еще свою вредную работу, возбуждая массы, внося рознь между ними, ведя вредную агитацию против новой власти народа.

В заключение скажу: по заслугам был разогнан Центрофлот, и мы спокойно совершили это дело, исполняя требование наших выборщиков, ибо надо было в корне пресечь всякую вредную работу, стоящую на пути новой власти народа, власти, которую утвердил и признал 2-ой всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов.

Объявляется перерыв на 10 минут.

Заседание возобновляется по докладу о деятельности Центрофлота.

Тов. *Вахрамеев.* — Мне приходится выступать перед вами, товарищи, когда не остыли еще винтовки в Петрограде и в его окрестностях. Выступая от Военно-морского революционного комитета, должен сказать, что организация образовалась случайно. Мы думали, что наша высшая морская организация поддержит нас, но она пошла не с нами, а с лидерами — Гоцем, Авксентьевым и Даном — и пошла против нас. Тогда Центральным исполнительным комитетом съезда советов рабочих и солдатских депутатов, как организации революционной, нам была дана директива расправиться с той организацией, которая идет против народа, которая не выражает мнения масс. Мы, в числе 10 человек, приехали на собрание Центрофлота и сказали собранию Центрофлота, что вы не выражаете чаяния масс, не идете под лозунгом «вся власть Советам», а потому такая организация массам не нужна, и, по постановлению Центрального исполнительного комитета съезда совета рабочих и солдатских депутатов, Центрофлот считается распущенным, а посему тот, кто будет работать с нами останется, а тот, кто не подчиняется советской власти, пусть уходит. И с нами осталось вначале всего 6 человек: тт. Штарев, Макшанчиков, Зейлин, Стаселюк, Берг и Кудряшев, потом присоединилось еще всего 16 человек, остальные пошли в Комитет спасения. Ясно, что человек заблуждается, и мы говорим такому человеку: «Уходи». Мы приехали бороться не с 40 человеками, а с тысячами, но эти ушедшие в Комитет спасения не успокоились, а вели в казармах вредную агитацию против народной власти, пользуясь старым документом, как членов распущенного Центрофлота. Тогда из Смольного получен был приказ убрать их совсем из Петрограда. Так окончилась деятельность Центрофлота. Работы было чрезвычайно много, а нас было всего 9 человек. Надо было послать и под Красное и в Гатчино против Керенского и матросские отряды в Москву уничтожить контрреволюцию.

Дальше я коснусь нашего отношения к морскому министерству. Вердеревский предъявил нам ультиматум, что он будет работать, если в министерство не будут введены новые лица. Такой ультиматум мы должны были принять, ибо мы боролись еще на улицах, и мы приняли его единогласно. Наше министерство работало, когда другие министерства не работали, и тов. Ленин говорил мне: «Матрос не только та живая сила, которая может брать, а еще и дипломат».

Далее тов. *Вахрамеев* рассказывает, как юнкера заняли телефонную станцию и как несколько матросов отразили их окончательно и затем заняли ее; затем высказывается о проявленной деятельности тов. Дыбенко в морском министерстве и как лиц, осмеливающихся саботировать, арестовывали, и заканчивает, что главный из саботажников граф Капнист арестован и отправлен в Петропавловскую крепость (рукоплескания).

Перерыв на обед.

Заседание в 15 часов возобновляется.

Тов. *Платонов* (делегат от Черноморского съезда). — Мы послали делегатов в Центрофлот с наказом: «Вся власть Советам». Что же делали наши товарищи в Центрофлоте? Возились в архивах, совершенно оторвались от масс. Подошли события переворота 24—25 октября, и Центрофлот оказался расколовшимся. Когда вышел петроградский гарнизон и матросы Балтийского флота на защиту революции, большинство Центрофлота, вместо того, чтобы стать в ряды с Советами, заняло нейтральную позицию, а потом вступило в ряды Комитета спасения и повело агитацию против восставших солдат, рабочих, матросов и крестьян, распространяя свои взгляды. И вот почему роспуск Центрофлота был неизбежный и правильный, пресекая тем самым гражданскую войну. Наш делегат Центрофлота, вернувшись на Черноморский съезд, доложил о происшествии, и резолюция Черноморского съезда будет лучшим здесь доказательством того, как выборщики отблагодарили за грязную работу своих выборных Центрофлота.

Оглашается резолюция:

«Заслушав и обсудив доклад тов. Собина о Всероссийском Центрофлоте, Черноморский флотский съезд осуждает поведение большинства Центрофлота, примкнувшего к Комитету спасения революции, который занял явно враждебную позицию против Советского правительства и тем самым способствовал расколу в рядах демократии, и потому считает Всероссийский Центрофлот распущенным».

Тов. *Сладков*[1]). — Обвиняет Центрофлот за его оборонческую политику и контрреволюционные действия.

---

[1]) В подлиннике: «Солодков».

В защиту Центрофлота тов. *Богданов* говорит, что, хотя он виновен, но распустить его было невозможно, это — выборная организация и роспуск — покушение на народовластие.

Тов. *Шашков* протестует против домашнего ареста.

Тов. *Любицкий*, доказывая правильность позиции Военно-революционного комитета, распустившего в Октябрьские дни Центрофлот, между прочим, сказал: противники роспуска указывали, что Военно-рев. комитет своей мерой подорвал идею народовластия. Но это неправда. Вы помните, что, когда правительство Керенского хотело разогнать Центрофлот, весь флот единодушно встал в защиту Центрофлота, ибо в поползновениях Временного правительства мы усмотрели попрание основного принципа самоуправления. Но когда Военно-рев. комитет распустил Центрофлот? Он сделал это тогда, когда последний занял так называемую нейтральную, а по существу, контрреволюционную позицию.

В Октябрьские дни Центрофлот распространял воззвания, в которых сказалось явно враждебное его отношение к лозунгу: «Вся власть Советам» и к революционному движению, направленному к свержению буржуазного Временного правительства.

Для всех было ясно, что Центрофлот оторвался от масс и не только не отражал воли своих избирателей, но преступно ее искажал. В решительный момент восстания Центрофлот грозил подрывом единства и революционного энтузиазма флота, и единственным способом пресечь в самом зародыше его «работу» был именно роспуск. И Военно-революционный комитет, поступая так, творил истинную волю революционных моряков. (Бурные аплодисменты.)

Поступает предложение, ввиду ясности вопроса, прекратить прения. За — 97, против — 19 и 5 воздержавшихся.

Председатель объявляет о прекращении прений и просит вносить резолюции. Поступает три резолюции.

Резолюция тов. Марусева.

1-й Съезд всероссийского военного флота, заслушав доклад членов Военно-революционного морского комитета о деятельности Центрофлота в дни переворота 24—25 октября, когда весь сознательный пролетариат восстал, как один человек, против лживой политики правительства Керенского, высшая матросская организация, оторвавшаяся от масс, перешла на сторону буржуазии, на сторону контрреволюции в лице пресловутого Комитета спасения родины и революции, который покрыл себя несмываемым позором. Часть этого позора легла и на Центрофлот, а потому клеймим позором членов Центрофлота, которые

изменили своим выборщикам и приветствуем Военно-революционный комитет, который, разогнав Центрофлот, не дал затоптать в грязь революционное знамя моряков.

Резолюция тов. Блохина.

По вопросу о Центрофлоте Всероссийский съезд военного флота, заслушав доклад членов Военно-морского революционного комитета, постановил: приветствовать тех из товарищей, истинных передовых борцов за революцию, кто, оставаясь верен революции, своим выборщикам, отстаивал наши интересы и не позволил запятнать и опозорить революционное знамя матросов, которые в дни великих событий 24—25 октября остались на своих местах и твердо защищали интересы всех трудящихся масс в борьбе с предателями и душителями революции. Честь и слава борцам за свободу, борцам за интересы народа, за мир, за свободу, за землю и волю! Тем же товарищам, которые в критический момент, во время борьбы за наши права, за права своих выборщиков, открыто перешли во вражеский лагерь и стали в оппозицию, им Съезд всероссийского военного флота выносит строгое порицание, а представителям на местах предлагает потребовать от них отчета и предоставляет право поступить с ними по своему усмотрению.

Резолюция тов. Карпова.

Заслушав доклад товарищей Штарева, Евдокимова и Марусева о деятельности Центрофлота и находя его односторонним и неполным без представления документальных данных, Съезд представителей всероссийского военного флота постановил: вызвать телеграфом с мест разъехавшихся бывших членов Центрофлота и принять от них полный доклад, на основании документальных данных, для проверки. Съезд выделяет соответствующую комиссию.

Председатель дает высказаться по мотивам голосования.

Тов. *Карпов*. — Товарищи, здесь ни более, ни менее я слышал не докладчиков, а прокуроров, которые винили Центрофлот за его деятельность, не имея документальных данных, поэтому я предлагаю голосовать за третью резолюцию.

Тов. *Шашков* изъявляет желание выслушать обвиняемых.

Тов. *Платонов*. — Товарищи, вам говорят, что нет документальных данных, но я думаю, что решение Черноморского съезда это одно доказательство, бюллетени, выпущенные Центрофлотом, с воззванием к населению поддержать Комитет спасения родины и революции, за подписью Абрамова, — другое доказательство, почему предлагаю перейти к голосованию и голосовать за первую резолюцию.

Вносится предложение о поименном голосовании, которое отклоняется 60 голосами против 55, при 16 воздержавшихся.

Голосуется три резолюции: за первую — 135 голосов, за вторую — 16 голосов и за третью — 3 голоса. Проходит резолюция тов. Марусева.

Поступают поправки:

1) Добавить к словам «знамя моряков» — «красное знамя моряков».

2) «Пролетариат» заменить словами: «всех трудящихся».

3) В словах «мелкой буржуазии» слово «мелкой» исключить.

Поправки голосуются; за исключением второй принимаются.

Резолюция голосуется в целом и принимается единогласно при 6 воздержавшихся.

Председатель *Баранов.*

Секретарь *Кронберг.*

Протокол № 4 заседания I-го Всероссийского съезда военного флота 21 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 час. 30 мин. дня председателем *Барановым.*

На очереди доклад народного комиссара тов. *Дыбенко* о реформах в морском ведомстве.

Председатель предварительно предлагает собранию выслушать текст воззвания, в котором флот обращается ко всей России. Предложение принимается.

Воззвание.

Товарищи солдаты, крестьяне и рабочие! Пробил великий, исторический час, час, открывающий новую страницу мировой истории в деле борьбы рабочего и крестьянского класса. И то, что было идеалом и стремлением трудящихся масс всего мира, мы Октябрьской революцией сделали реальной действительностью. Мы, русский трудовой народ, раздавили нашу поработительницу — буржуазию и объявили себя хозяевами земли русской.

Но торжествовать победу еще рано. Черная рать грабителей капиталистов всех стран еще сделает попытку, путем ли продолжения войны или путем расстрелов или арестов, задушить нарождающуюся мировую революцию, а тем самым и народовластие России. Но эти душители свободы встретятся со сплоченной массой трудящихся, и мы верим, что последние выйдут победителями.

Товарищи и граждане, совершенный нами переворот и требование немедленного мира вызывают сочувствие и поддержку трудящихся

всех стран и, с другой стороны, ненависть и злобу капиталистов всех стран. И таким образом мы, революционная демократия России, зажигаем пожар мировой социальной революции во имя счастия народов всех стран и всех наций.

Мы, представители всего российского военного флота, во всеуслышание заявляем, что можем и готовы сражаться не только с авантюристом Керенским и монархистом Калединым, но мы также готовы вести упорную борьбу с французским, английским и германским правительствами капиталистов, если они встанут на путь сопротивления разгорающейся мировой революции. И тогда, когда на горизонте загорается заря международного социализма, мы, представители матросов русского военного флота, обращаемся к вам, товарищи солдаты, крестьяне и рабочие, с горячим призывом сплотиться единым тесным революционным фронтом, чтобы дать жестокий отпор врагам грядущей мировой революции.

Мы знаем, что предстоящая борьба тяжела, но мы верим, что в этой великой международной борьбе мы, трудящиеся, непобедимы, ибо на нашей стороне сила и право. Долг каждого крестьянина, солдата и рабочего, как представителей угнетаемого класса, приготовиться к великой борьбе за мир и социальную революцию, за Интернационал.

Мы к этой борьбе готовы и громко, на весь мир, провозглашаем: да здравствует братство народов! (Шумные и продолжительные аплодисменты.)

Председатель. — Только что принятое вами единогласно воззвание сплотило нас воедино. Это показывает то стойкое единодушие, которое царит среди всех нас. (Эти слова, произнесенные с большим подъемом, вызывают новый гром рукоплесканий.)

В зале появляется в это время народный комиссар по военным и морским делам тов. *Дыбенко*, управляющий морским ведомством тов. *М. Иванов* и мичман тов. *Раскольников*, встречаемые оглушительной овацией.

На трибуну всходит *Дыбенко*. Раздаются бурные аплодисменты, переходящие в овацию.

Дыбенко. — Первый этап русской революции, свергнув царизм, дал возможность установить некоторый контроль над деятельностью безотчетного правительства. Октябрьская революция, совершенная пролетарскими массами, дала возможность не только контролировать, но самим взять в свои руки управление всеми делами государства, в частности — морским ведомством. Мы переменили нашу роль толкачей неподатливого правительства на роль устроителей нового, свободного государства. (Шумные аплодисменты.)

Я в кратких чертах коснусь тех реформ, которые должны быть проведены в морском ведомстве. Схема организации управления такова. Во-первых, учреждается Военно-морская коллегия, в состав которой входят: комиссар, выборный и утвержденный 2-м Всероссийским съездом советов рабочих и солдатских депутатов, ответственный перед ЦИК; при нем два техника, приглашаемые для управления морским ведомством. Эти три лица образуют собой исполнительный орган, проводящий в жизнь декреты и законы, относящиеся к флоту. При Военно-морской коллегии учреждается Политическое бюро, состоящее из семи человек по назначению Военно-морской коллегии. Функции бюро: контроль при сношениях с иностранными державами и сконцентрирование всей политической жизни флота. Этот отдел существовал и раньше, но его деятельность сводилась на деле не столько к тому, чтобы правильно и беспристрастно освещать события, происходящие в Европе и России, а также внутреннюю жизнь нашего флота, сколько исполнять капризы начальников министерства и их личные мнения, индивидуальные настроения выдавать за действительные факты и настроения масс. Достаточно для примера указать на то, что бывший управляющий морским министерством Лебедев о манифестациях 18 июня сообщил, как о манифестациях, прошедших под флагом поддержки Временного правительства. Между тем вам прекрасно известно, какой характер в действительности носили эти манифестации. Наша задача — создать бюро, которое точно и беспристрастно информировало бы о жизни флота и всяких политических событиях, а не играло бы роли осведомителя о вкусах и желаниях отдельных людей. (Аплодисменты.) Затем,—из среды вашего съезда выбираются 20 представителей, которые, входя в состав ЦИК советов р. и кр. д., образуют собой Морскую секцию, которая призвана заменить собой Адмиралтейств-совет и исполнять законодательные функции.

Далее тов. *Дыбенко* осветил те задачи законодательного характера, касающиеся важнейших преобразований в русском военном флоте, которыми в ближайшую очередь придется заняться названной Морской секции. Реформы эти коснутся, главным образом, нашего торгового флота, а также аннулирования ряда военных заказов, причем интересы нескольких сот тысяч рабочих, занятых на 68 заводах работами по этим заказам, не будут нарушены.

Затем тов. *Дыбенко* переходит к вопросу об остальных реформах в морском ведомстве. Для заведывания делом заготовок и снабжения всех портов материалами и продовольствием, а также для выполнения административных функций учреждается управление всероссийским военным портом. В него входят два представителя по избранию флот-

ского съезда, один комиссар по назначению коллегии, командир порта и 2 представителя центрального комитета порта. Распределение и прием заказов для морского ведомства прочих заводов морского ведомства будут возложены на особое управление заводами морского ведомства, состоящее из двух представителей по избранию съезда, одного комиссара по назначению коллегии и двух представителей Всероссийского центрального комитета рабочих и служащих заводов морского ведомства. Расследование злоупотреблений по морскому ведомству, а также злоупотреблений по закупке судов и транспортов за границей, составит задачу учреждаемой Верховной следственной комиссии. В состав ее входят 5 представителей флотского съезда: комиссия заменит собой таковую же комиссию, работающую под председательством Грузенберга. Наконец, учреждается институт комиссаров в отделах и управлениях морского ведомства. Нужное количество или приглашается и назначается Верховной морской коллегией, перед которой комиссары ответственны. Функции комиссаров — контролирование и санкционирование всех постановлений, проходящих через отделы и управления, а также содействие точному и быстрому их исполнению.

В заключение тов. *Дыбенко* указал на намечающиеся мероприятия по реорганизации в управлении морским ведомством в целях упрощения его. Реформы будут проводиться также в штабах командующих флота в видах полной демократизации учреждений флота. При штабах отдельных командующих будут находиться комиссары, в компетенцию которых войдут не только чисто хозяйственные функции, но и политические и оперативные; без согласия комиссаров ни одно распоряжение не получит силу.

По заслушании доклада были открыты прения и оглашена схема организации управления морским ведомством.

СХЕМА ОРГАНИЗАЦИИ УПРАВЛЕНИЯ МОРСКИМ ВЕДОМСТВОМ.

1) Верховная морская коллегия.

Комиссар, выбранный и утвержденный Вторым всероссийским съездом советов и ответственный перед ЦИК, при нем 2 техника, приглашенных для управления морским министерством: один из них —управляющий морским министерством, второй — его помощник.

Желательно подтверждение обоих вакансий Всероссийским съездом флота.

2) При коллегии Политическое бюро.

Таковые параллельно образуются при штабах командующих флотами.

Состоит из 7-ми членов по назначению Верховной морской коллегии.

Функции: правительственный контроль при сношениях с иностранными державами. Сконцентрирование всей политической жизни флота.

3) Морская секция при ЦИК Советов.

Состоит из 20 представителей, избранных съездом.

Функции: законодательные — заменяет собой Адмиралтейств-совет.

4) Управление всероссийским военным портом.

Состоит из 2-х представителей, избранных съездом; одного комиссара по назначению коллегии, командира порта и 2-х представителей Центрального комитета порта.

Функции: заготовки и снабжение всех портов материалами и продуктами и административная часть.

5) Управление заводами морского ведомства.

Состоит из 2-х представителей, избранных съездом: 1) комиссар по назначению коллегии, 2) представ. Всероссийского центрального комитета рабочих и служащих заводов морского ведомства.

Функции: Распределение и приемка заказов для морского ведомства, прием и увольнение служащих и рабочих заводов.

6) Верховная следственная комиссия.

Состоит из 5-ти представителей, избранных съездом.

Функции: расследование злоупотреблений по морскому ведомству, расследование злоупотреблений по закупке судов и транспортов заграницей, в частности (заменяет собой комиссию Грузенберга).

7) Институт комиссаров в отделах и управлениях морского ведомства.

Нужное количество лиц приглашается и назначается Верховной морской коллегией. Комиссары ответственны только перед коллегией.

Функции: контролируют и санкционируют все постановления, проходящие через отделы и управления, способствуют точному и быстрому их исполнению.

Заслушав доклад и схему организации морского ведомства на новых началах, 1-й Всероссийский съезд военного флота постановил:

Вышеприведенную схему организации утвердить, с пожеланием народному комиссару нашему товарищу Дыбенко настоящую схему провести в жизнь и совместно с представителями Всероссийского военного флота приступить к плодотворной работе на благо нашего революционного флота и родины.

Со стороны некоторых ораторов были высказаны возражения против назначаемости комиссаров, в которой ими усматривалось нарушение основного принципа выборности. Тов. *Дыбенко* разъяснил, что комиссары должны назначаться, во избежание тех трудностей, с которыми сопряжено смещение их, когда они занимают те или иные посты по выборам и таким образом считают для себя единственным контролирующим органом ту организацию (в данном случае съезд), которая их выбрала. Для того, чтобы дать возможность Военно-морской коллегии, а равно и Морской секции при ЦИК сменять комиссаров в тех случаях, когда деятельность последних идет вразрез с желаниями центральных органов флота, необходимо, чтобы комиссары назначались и были ответственны перед этими органами. Организации же, а в особенности съезды, избирающие комиссаров, лишены возможности в каждый нужный момент собраться и переизбрать своих ставленников. А так как Военно-морская коллегия и Морская секция при ЦИК являются полномочными органами всероссийского флота, то можно предоставить им назначать комиссаров по своему усмотрению.

Тов. *Карпов.* — Товарищи! Мы все здесь стоим за власть народа. Одним из основных и главных лозунгов народовластия является выборность всех должностных лиц и чиновников. В предлагаемом проекте управления морским ведомством все комиссары по отделам морского министерства (являющиеся такими же чиновниками) будут назначаться сверху, а не выбираться из среды флота; даже в самом важном отделе — политическом, по предлагаемому проекту, все члены также будут назначаемы сверху, почему этот отдел вовсе не будет выражать политической жизни флота. Таким образом предлагаемый проект противоречит основной идее народовластия — выборному началу. Я протестовал против упразднения Центрофлота, как выборной организации, — ведь за свои действия должны отвечать люди, входящие в организацию, а не сама организация. Если допустить, что ответственна организация, то нужно было бы упразднить и Исполнительный комитет Всеросс. сов. крест. депутатов, члены которого также не выражали мнения своих выборщиков перед Октябрьской революцией, но Исполнительный комитет существует, — не нужно было и нам уничтожать выборную нашу организацию. Я предлагаю вам, товарищи, голосовать против предлагаемого проекта и выбрать

комиссию для разработки нового проекта на истинных демократических началах. Я, во всяком случае, буду голосовать против этого проекта.

Затем ставится на голосование схема реорганизации морского ведомства, предложенная тов. *Дыбенко*. Схема принимается подавляющим большинством.

Затем оглашается резолюция с выражением благодарности всей Морской коллегии за ее деятельность:

«Выслушав доклад народного комиссара по морским делам тов. Дыбенко, 1-ый Всероссийский съезд военного флота горячо приветствует Морскую коллегию в лице народного комиссара по морским делам тов. Дыбенко, управляющего морским министерством тов. Иванова и его помощника тов. Ковальского, благодарит за совершенную ими работу и желает в дальнейшем успеха в их тяжелой работе на пользу русского военного флота».

Ставится на голосование, принимается единогласно, при одном воздержавшемся.

После сообщает тов. *Дыбенко* о том, как протекала Октябрьская революция в Балтийском флоте, и о деятельности нынешнего управляющего морским министерством, капитана 1-го ранга М. Иванова, и предлагает его произвести в контр-адмиралы. Затем поступает предложение произвести в следующий чин тов. Раскольникова и тов. Вахрамеева. Собрание, под бурные аплодисменты, принимает предложение о производстве в следующие чины указанных лиц, которым устраиваются горячие овации. Поочередно тт. Иванов, Раскольников и Вахрамеев, растроганные той встречей, которую им устроил съезд, выступают и благодарят за производство, подчеркивая, что, хотя отныне во флоте упраздняются всякие чины и ордена, но чинами, которыми их наградила демократия в лице съезда, они будут всю жизнь гордиться.

По поводу внесенного одним из участников съезда предложения о производстве тов. Дыбенко последний заявил:

«Самый высокий чин, которым может обладать человек, это чин борца за свободу и раскрепощение угнетенных классов. Во имя этих идеалов я борюсь и буду бороться, и это сознание — самая ценная для меня награда». (Шумные аплодисменты, переходящие в овацию.)

В зале появляется тов. *Невский*, которого собрание встречает долго несмолкаемыми аплодисментами.

Тов. *Невский* приносит приветствие съезду от имени Центрального комитета Военной организации.

Съезд, в свою очередь, поручает тов. Невскому «приветствовать Военную организацию и передать ей, что флот не дрогнет в минуту

опасности, что встать на защиту дела социальной революции он в любой момент готов и ждет, когда его позовут».

Тов. *Дыбенко* на поступивший к нему запрос о курсах мичманов военного времени разъясняет, что морские военно-учебные заведения вообще и в частности курсы мичманов военного времени будут упразднены.

— Этих мичманов, — сказал тов. *Дыбенко*, — может заменить любой матрос, прослуживший 3—4 года. Военные школы служили не столько для дела, сколько для чисто декоративных целей. В таких заведениях свободная страна не нуждается, и огромные средства, которые они поглощали, будут употреблены на более полезные цели и в первую голову — культурно-просветительные. (Бурные аплодисменты.)

Затем поясняет выборы в Морскую секцию при ЦИК СРС и КД и предлагает принять декрет об отзыве своих представителей:

Проект декрета.

Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных. Это основное принципиальное положение истинного демократизма, относясь ко всем без исключения собраниям представителей, относится также и к Учредительному собранию.

Пропорциональная система выборов, будучи более демократичной, чем мажоритарная, требует более сложных мер для осуществления права отзыва, то-есть действительного подчинения народу его выборных. Но всякий отказ на этом основании от проведения в жизнь права отзыва, всякая задержка в проведении его, всякое ограничение его было бы изменой демократизму и полным отречением от основных принципов и задач начавшейся в России социалистической революции. Пропорциональная система выборов требует лишь видоизменения формы права отзыва, отнюдь не его отстранения.

Так как пропорциональная система выборов исходит из партийных группировок населения и осуществление выборов предоставляет организованным партиям, то всякое крупное изменение в соотношении сил классов и в отношении классов к партиям, в особенности же расколы внутри значительных партий, необходимо вызывают потребность в перевыборах по тому избирательному округу, где несоответствие между волей разных классов и их силой, с одной стороны, и между партийным составом выборных, с другой стороны, явно и не-

сомненно. Истинный демократизм требует при этом безусловно, чтобы назначение перевыборов не зависело от одного только перевыбираемого учреждения, т. е. чтобы интересы удержания своих мандатов выборными не могли противодействовать осуществлению воли народа на отзыв его представителей.

Поэтому Всероссийский ЦИК советов раб., солд. и крестьянских депутатов постановляет:

Советы раб. и солд. депутатов, а равно и советы крестьянских депутатов каждого избирательного округа имеют право назначать перевыборы во все городские, земские и вообще во всякие представительные учреждения, не исключая и Учредительного собрания.

Советы имеют также право назначать срок перевыборов. Самые же перевыборы происходят обычным порядком, на строгих основаниях пропорциональной системы выборов.

Ставится на голосование и единогласно принимается.

Объявляется перерыв на 10 минут.

После перерыва открываются прения по выборам 20-ти представителей в ЦИК советов раб., солд. и кр. деп., при котором они образуют особую Морскую секцию.

Тов. *Волошин.* — Товарищи, мы из себя представляем одну дружную семью. Мы не должны голосовать по морям, по фракциям, — голосовать как матросы, а не как партии и не как фракции.

Тов. *Рыбьяков.* — Я не хочу защищать пропорционального представительства, но я уже говорил, что для более авторитетного представительства органа надо иметь представительство от мелких единиц. Мое предложение — прежде всего представить каждую из мелких флотилий, для чего выбрать по одному представителю, а остальных добавить из общего собрания. Дальние местности в такие минуты, как этот переворот, когда пропускались только телеграммы одного содержания, события освещались ложно, являются совершенно оторванными. Представьте себе положение людей, которые являются совершенно оторванными. Благодаря неправильному освещению событий я сам был противником большевиков. Если у них будет здесь свой человек, они будут знать, что он их известит.

Тов. *Шашков.* — Я в принципе не против выборов по фракциям, но думаю, что фракционных выборов в такую коллегию не может быть. Там не нужно ораторов, а нужно техников, которые своими силами могли бы сооружать то, что нужно. Он должен быть хорошим работником. Черноморцы не могут утвердить выборы по фракциям (возгласы: «Не говорить от всего Черноморского флота»). Тов. *Шашков* настаивает на выборах от флотилий.

Тов. *Богданов.* — Я буду держаться принципа выборов от всех морей, вопрос о фракциях отпадает, мы приняли резолюцию всеми против двух, следовательно, у нас все — одной фракции. Я не хочу, чтобы были нарекания на местах, я держусь за пропорциональные выборы. Кроме того я считаю, что нельзя выбирать на долгое время.

Тов. *Куценко.* — Если выбирать от фракций, то это надо было сделать вначале, надо было разбиться на фракции и выбирать по числу представителей. От флотилий тоже не годится, потому что есть большие и мелкие флотилии, надо выбирать по одному от каждого моря, а остальных от собрания. Это принцип не новый, так выбирались представители на съезд.

Вносится предложение прекратить прения, которое большинством принимается.

Председатель. — Имеются четыре предложения. Первое: выбирать из общего собрания независимо от морей: второе: от морей (пропорционально), третье: от фракций; четвертое: сначала от морей и флотилий по одному, а остальных из общего собрания.

Поступает пятое предложение: произвести выборы на местах.

Председатель разъясняет, что это предложение не зависит от всех остальных, а поэтому его следует голосовать после. Голосование дает следующие результаты: за первое 21, второе 38, третье 54 и четвертое 51.

Таким образом прошло предложение производить выборы по фракциям.

Председатель предлагает разбиться на фракции и каждой фракции наметить своих кандидатов. Собрание волнуется. *Председатель* говорит о недопустимости со стороны авангарда революции тормозить работу. Товарищ *Шашков* говорит, что большинства нет, потому что голоса разбились, и просил второе предложение переголосовать. Тов. *Любицкий* говорит, что он уполномочен партией большевиков просить переголосования, потому что при переголосовании будет еще больше большевиков.

Тов. *Ермак* подтверждает это и говорит, что некоторые голосовали за два предложения. Переголосовываются два последних предложения. Третье дает 84, четвертое 72.

Любицкий объясняет технику выборов. Все фракции должны внести свои списки, каждый из них голосуется, и по числу полученных голосов распределяются выбранные.

Объявляется перерыв на $^1/_2$ часа для составления списков. После перерыва делается заявление от группы меньшинства, что если их кандидаты в количестве 6 человек по числу морей не будут приняты, то они голосовать не будут.

Председатель протестует против ультимативности этого требования. Поступило предложение голосовать открытым голосованием, причем проверить мандаты и удалиться назад товарищам с совещательными голосами. Предложение принимается.

Производится голосование, причем для правильности отчета отбираются мандаты.

За список большевиков голосуют 116, за внефракционных —59. Сообразно с этим большевики получают 13 мест, а внефракционные 7.

По первому проходят следующие 13 лиц: *А. Баранов* (Балт. флот), *Штарев* (Балт. флот), *Платонов* (Черном. флот), *С. Баранов* (Балт. флот), *Кронберг* (Балт. флот), *Марусев* (Балт. флот), *В. Лемехов* (Балт. флот), *Кирьяк* (Черном. флот), *Павлухин* (Белом. флот), *Морозов* (Чудская флотилия), *Пендюрин*, *Фортученко* и *Рыбьяков*.

По второму списку проходят следующие 7 человек: *Волошин*, *Тихомиров*, *Богданов*, *Сакс*, *Кузьмин*, *Степанов* и *Буданов*.

Заседание в 20 ч. 40 минут закрывается до следующего дня.

Председатель *Баранов*.

Секретарь *Кронберг*.

Протокол № 5 заседания I-го Всероссийского съезда военного флота 22 ноября 1917 года.

Собрание возобновляется в 14 часов.

Председателем *Барановым* оглашаются и утверждаются протоколы за 18 и 19 ноября.

Входит председатель народных комиссаров тов. *Ленин*. (Собрание встает и устраивает шумную овацию.)

Речь тов. *Ленина* [1]).

Председатель *Баранов*.

Секретарь *Кронберг*.

Протокол № 6 заседания I-го Всероссийского съезда военного флота 23 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 часов 15 мин. председателем *Барановым*.

На повестке текущие дела. Приступают к выработке порядка дня.

После многих внесенных предложений, из которых некоторые отвергаются собранием, принимается следующий порядок дня:

1) Заявление Центробалта.

---

[1]) Текст этой речи опубликован в XXII томе сочинений В. И. Ленина 3 изд., стр. 98—102.

Заявление Центрального комитета Балтийского флота от 22 ноября 1917 г.

1) Обсудив вопрос по отношению Областного комитета и Советов и ввиду того, что масса постановлений от упомянутых комитетов аннулирует постановления Центробалта, что вводит дезорганизацию во внутреннюю жизнь флота, постановили послать одного члена на Съезд всероссийского военного флота с пояснением и настаиванием о разграничении сферы деятельности. Причины, побудившие Центробалт обратиться на Съезд, следующие: Советы осмеливаются назначать сроки и процентное указание в увольнении морских команд, чем вносят дезорганизацию в дружные ряды моряков.

2) Осмеливаются требовать от командующего флотом, всецело контролируемого Центробалтом, всевозможных отчетов по вооружению и продолжению работ по вверенному комфлоту фронту.

3) Советы вмешиваются изменять постановления Центробалта для жизни и быта морских команд, чем справедливо возмущают личный состав флота, который с глубоким негодованием присылает бесконечные делегации в Центробалт с протестом против действий некомпетентных армейско-рабочих организаций по военно-морским делам Балтики.

Председатель [подпись].

Секретарь М. Янович.

2) Создание Всероссийской продовольственной флотской комиссии.
3) О перевыборах членов ЦК.
4) О переводе Николая в Кронштадт.
5) О матросском жалованье.
6) Наказ членам Центрального исполнительного комитета.

После составления порядка дня по текущим делам в 19 часов объявляется перерыв на 2 часа.

В 21 час. 15 минут председатель объявляет заседание продолжающимся.

Открываются прения по заявлению Центробалта.

После долгих прений оглашается резолюция, которая подавляющим большинством принимается.

Резолюция 1-го Всероссийского съезда военного флота.

Заслушав доклад делегата Центробалта по разграничению действий и функций Центральных морских комитетов и других общест-

венных организаций, Первый всероссийский съезд военного флота постановил:

1) Центральные морские комитеты, как чисто морские организации, ведают и распоряжаются автономно всем инвентарем флота, портов, морских построек и личным составом флота, без всякой зависимости от прочих общественных организаций в чисто боевом и хозяйственном управлении.

2) По всем же политическим и общегосударственным вопросам работают в полном контакте с местным Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, имея в том совете морскую секцию.

Вносится предложение составить комиссию из всех специалистов, которая бы приготовила весь материал о матросском жаловании.

Предложение принимается большинством голосов.

Вносится другое — для сокращения времени, чтобы в комиссию вошли желающие члены, что принимается.

Желающими оказываются: фельдшер Васильев, кочегар Ермаков, минный машинист Январев, комендор Позорин, строевой Ватов, радио-телеграфист Чернокусатый, баталер Кузолин, писарь Быстров, машинист Максимов, подводник Вилемицкий, электрик Серебрин, гальванер Мясин, сигнальщик Харамеев, содержатель Юртаев, минер Одеологов.

В 24 часа заседание закрывается до следующего дня.

Председатель *Баранов.*

Секретарь *Кронберг.*

Протокол № 7 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 24 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 часов 30 мин. председателем *Барановым.*

Оглашается воззвание к населению г. Петрограда.

Воззвание

1-го Всероссийского съезда военного флота к гражданам г. Петрограда.

В великие грозные дни, когда классовая борьба приняла самые серьезные формы, когда от каждого рабочего, солдата и матроса требуется самая тесная сплоченность и полное напряжение сил, к вам, граждане города Петрограда, рабочие, солдаты и матросы, мы, Первый всероссийский съезд военного флота, обращаемся с горячим призывом. Товарищи! Не вносите дезорганизации в сплоченные ряды угнетен-

ного народа, чем вы играете в пользу нашим вековым врагам. Вы, товарищи-петроградцы, доказали столько преданности, выдержки и стойкости революции. Вы много оставили своих товарищей на баррикадах в борьбе с вековым врагом социализма. Вы так стойко отразили контрреволюцию, возглавленную Корниловым! Вы так мужественно умирали под Пулковым в борьбе с авантюристом Керенским! Вы так много заслужили славы в борьбе за благо угнетенного народа! Неужели, товарищи, после столь упорной и дорого стоящей нам борьбы, вы не в состоянии устоять против последнего и самого опасного врага? Вы, столь крепкие в борьбе за социализм, не можете устоять против губительного пьянства, от разгрома винных складов? Нет, товарищи, мы уверены, что вы не запятнаете борцов революции столь позорным клеймом. Мы надеемся, что действия наших врагов, направляющих вас на это позорное и губительное дело, не удадутся.

Товарищи! Мы, Всероссийский съезд военного флота, клеймим несмываемым позором тех, кто, несмотря на серьезность момента, предается пьянству, разгрому винных погребов и разным другим бесчинствам. Мы заявляем, что этим людям нет места в почетных рядах борцов за трудовые интересы, и заявляем, что в противном случае мы не остановимся перед самыми суровыми мерами в борьбе с этим злом.

Члены редакционной комиссии: В. Томирдиаров, С. Медведев, Н. Маркин, П. Зубанов, П. Чукмасов и Ермак.

Воззвание принимается единогласно.

Вносится предложение выработать наказ комиссии 20-ти при Центральном исполнительном комитете, большинством принимается, и в комиссию входят: *Томирдиаров, Маркин, Ермак, Зубанов и Чукмасов.*

На повестке дня — создание Всероссийской продовольственной комиссии, по которому и открываются прения.

Докладчик тов. *Ерчук.* — В своей речи он указал, что для урегулирования продовольственного дела необходимо создать на местах смешанные продовольственные комиссии, которые ведали бы продовольствием. В заключение высказал, что только таким путем мы можем добиться правильного распределения продуктов.

Тов. *Калев.* — Поддерживает предложение Ерчука, указывая, что все такие продовольственные комиссии должны быть в связи между собою.

Тов. *Марусев* и *Калев.* — Предложение внесенное тоже поддерживают.

Тов. *Долгов.* — Выступает против внесенного предложения.

Тов. *Сулименко.* — Указал, что в гор. Севастополе уже таковая продовольственная комиссия имеется и в своих руках содержит все продовольствие.

Вносится предложение, ввиду ясности вопроса, прекратить прения.

Собрание большинством принимает.

Председатель предлагает вносить резолюции.

Резолюции.

1-й Всероссийский съезд военного флота, обсудив вопрос о создании Центральной советской продовольственной комиссии и параллельно с этим о создании таковых же местных советских комиссий, постановил:

1) Все продовольственное дело в центре должно находиться только в руках народного комиссара по продовольствию и коллегии при нем, составленной из представителей от частей флота, армии, рабочих и крестьян.

2) В коллегию при народном комиссаре по продовольствию делегировать 3-х представителей от всероссийского военного флота.

3) В военных портах всех морей надлежит образовать смешанные выборные продовольственные органы при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов из представителей всех воинских частей, рабочих и всего остального гражданского населения.

После оглашения резолюция ставится на голосование и 169 голосами, при 7 воздержавшихся, принимается.

Председатель объявляет перерыв на 10 мин.

В 17 часов 30 минут заседание объявляется продолжающимся.

На повестке дня вопрос о перевыборе членов Центрального исполнительного комитета на местах.

После недолгих прений была внесена резолюция, которую принимают подавляющим большинством:

I-й Всероссийский флотский съезд, выслушав доклад о перевыборах членов Всероссийского исполнительного комитета на местах равным, прямым и тайным голосованием, принципиально приветствует это предложение, но по техническим соображениям находит невозможным быстро провести его в жизнь и тем самым осуществить принципы выборности, а поэтому 1-й Всероссийский съезд военного флота решил перевыборы членов Центрального исполнительного комитета СРС и КД, избранных Съездом, произвести на 2-м Всероссийском флотском съезде.

Члены, не отражающие интересов их избирателей, могут быть отзываемы Центральными комитетами морей на основании принятого декрета.

На повестке дня перевод Николая II в Кронштадт.

Тов. *Максимов.* — Высказался за перевод Николая II в Кронштадт.

Поступает предложение снять с повестки дня, что подавляющим большинством принимается.

Председатель переходит к следующим очередным делам — о матросском жаловании.

После долгих горячих прений собрание высказалось за передачу этого пункта в Морскую секцию при Центральном исполнительном комитете СРСД.

Срочное заявление: ввиду того, что приглашают членов Центрального исполнительного комитета на заседание и 4-х из президиума, закрыть заседание до следующего дня.

Собрание принимает, и в 19 часов заседание закрывается до следующего дня.

Председатель *Баранов.*

Секретарь *Кронберг.*

Протокол № 8 заседания 1-го Всероссийского съезда военного флота 25 ноября 1917 года.

Заседание возобновляется в 13 часов 45 минут председателем *Барановым.*

Оглашаются протоколы от 20, 21, 22, 23 и 24 ноября. Протоколы принимаются единогласно.

Выступает тов. *Вахрамеев* и докладывает собранию, что с 24-го на 25-е ноября 1917 года Морской революционный комитет сложил свои полномочия, а он вступает комиссаром в политический отдел. Теперь, если что-нибудь нужно от морского ведомства, то есть такие отделы, где есть назначенный ответственный заведующий, а если что-нибудь нужно срочно, то обращаться в Совет (двадцати), избранный при ЦИК Советов СР и КД.

По срочному вызову на корабль, тов. Каро снимает свои полномочия по управлению портами, что и принимается единогласно. На место Каро, по управлению портами, выбирается т. Томирдиаров 99 голосами.

Тов. *Павлухин* вносит резолюцию об укомплектовании команды Белого моря:

1-й Всероссийский общефлотский съезд, заслушав доклад тов. Павлухина о замене и укомплектовании флотилий Северного Ледо-

витого океана, а также принимая во внимание особо тяжелые условия плавания и жизни на постах и батареях побережья Северного Ледовитого океана, постановил: 1) команда флотилии Северного Ледовитого океана, подлежащая замене, как пробывшая время, установленное комитетом врачей от 1 августа с. г. в Мурманске, должна быть немедленно заменена и острый некомплект специалистов должен быть пополнен. 2) Центр. комитет флота Северного Ледовитого океана обращается с запросом в Центральный комитет морей об имеющихся свободных, а также и желающих специалистах, для замены и пополнения острого некомплекта команд флотилии. 3) Центральным же комитетом морей, по получении соответствующего запроса из Центрального комитета Ледфлота, организовать и отправить партии специалистов из желающих, а также по назначению, для замены и пополнения некомплекта флотилии Ледфлота.

Резолюция большинством принимается.

Приступили к выборам в Центральную продовольственную комиссию и избираются: Джезец 94 гол., Орлов 71 гол., Чукмалов 42 гол.

Объявляется перерыв на 15 минут. После перерыва оглашается заявление от линейного корабля «Полтава» следующего содержания:

«Президиуму Всероссийского съезда военного флота.

Мы команда линейного корабля «Полтава», заслушав извещение т. Мясина и т. Чалкина, а также доклад т. Сиднева, где выяснилось, что т. Богданов, наш представитель на означенном съезде, не выполняет волю своих выборщиков, ввиду чего мы решили немедленно его отозвать и вместо него избрали т. Матчина. И. Богданова же просим не считать представителем от нашего корабля.

Председатель Минаев.

Секретарь М. Боборыкин».

Заслушав заявление, собрание вместо Богданова в ЦИК советов р. и с. депутатов избирает тов. Уткина.

Редакционная комиссия вносит инструкцию и наказ.

Инструкция

от 1-го Всероссийского съезда военного флота для членов Морской секции Центрального комитета Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

1) Все 20 членов секции ответственны: а) перед своими избирателями, б) перед партией, если таковой выдвигалась их кандидатура. в) перед ЦИК Всероссийского съезда РС и КД.

2) Избиратели в любое время имеют право отзывать своего представителя, заменив его вновь избранным.

3) Партия не имеет права отзыва членов, а только доводит до сведения избирателей о его неблагонадежности, чем снимает с себя ответственность за возможные последствия со дня ее заявления.

Финансирование.

1) Члены Морской секции Всероссийского ЦИК СРС и КД получают денежное содержание наравне с прочими членами ВЦИК.

2) Все денежное содержание, получаемое членами до зачисления их на денежное довольствие членов ВЦИК, отпадает после зачисления на членское довольствие.

Примечание. В случае, если кем из членов и будет получено в двух местах, то они обязаны сдать один из них в казначейство.

О деятельности членов.

1) Все члены Морской секции ВЦИК СРС и КД не могут оставлять своих мест без замены их другими членами с места (за исключением особо важных случаев) с согласия членов 20-ти.

2) Для продуктивности работы каждый член должен иметь одну прямую обязанность и только в исключительных случаях постановлением Совета 20-ти обязан принять на себя две или более обязанностей, впредь до замены его другим членом.

Примечание. Совету 20-ти разрешается широкое право кооптации.

Наказ

1-го Всероссийского съезда военного флота.

1) О вооружении матросов в частях и при увольнении в запас.

2) О положении судовых и береговых комитетов.

3) Об уравнении харчевыми суммами береговых и судовых команд.

4) Об учетниках.

5) Об обмундировании команды флота.

6) О пересмотре жалованья матросов и офицеров.

Примечание: При уравнении низшие оклады должны быть повышены за счет высших.

7) И все вопросы, вызываемые впоследствии местной жизнью.

Все это Съезд поручает разработать и провести в жизнь выделяемому из Съезда во ВЦИК СРС и КД Совету 20-ти и иметь ввиду, что предстоящему 2-му Всероссийскому съезду военного флота должны

дать полный отчет о всей своей деятельности как хозяйственной, так административной и политической.

Члены редакционной комиссии [подписи].

Инструкция принимается по пунктам; по каждому пункту дается одному против, другому за — высказаться: каждый пункт ставится на голосование по отдельности.

После продолжительных прений ставится на голосование в целом и принимается единогласно.

В зал заседания входит тов. *Сокольников*, которого приветствуют бурными аплодисментами, переходящими в овацию. Тов. *Сокольников* делает доклад о перемирии, сообщая подробности деятельности делегации в Брест-Литовске.

После доклада вносится предложение, чтобы 250 экз. протоколов Съезда разослать по местам и высылку поручить Морской секции, что большинством принимается.

В 18 часов 30 мин., при пении марсельезы и «Смело, товарищи, в ногу», 1-й Всероссийский съезд объявляется закрытым.

Председатель *Баранов*.

Секретарь *В. Лемехов*.

ЦЕРКОВЬ И РУССИФИКАЦИЯ БУРЯТО-МОНГОЛ ПРИ ЦАРИЗМЕ.

За год до начала империалистической войны министерство внутренних дел, по департаменту духовных дел иностранных вероисповеданий, запросило иркутского губернатора о причинах повального отпадения бурят от православия и перехода их в буддизм (ламаизм). Губернатор ответил, что причиною этого «печального» явления послужило будто бы «отсутствие у отпавших иноверцев — священных книг и богослужения на их родном языке; славянского же языка и богослужения на этом языке буряты не понимают».

По содержанию этой переписки синодом был запрошен иркутский архиепископ Серафим, приславший обширный доклад, который печатается ниже.

Из этого доклада архиепископа Серафима видно, что после революции 1905 г. буряты стали оказывать самое решительное сопротивление руссификации, которая производилась царским правительством при активнейшем содействии церкви. Используя царские манифесты и некоторые льготы в области так. наз. «свободы совести», вырванные пролетариатом у царизма в 1905 г., буряты стали отказываться от сношений с православными миссионерами, прекратили взносы на содержание их станов-храмов и церковных школ, сжигали православные иконы и т. д.

В своем цинично откровенном докладе Серафим дает исторический очерк «христианизации» бурят, из которого видно, что до 1827 г. (а руссификация бурят началась с XVII века) удалось обратить в православие не более 250 бурят. В этом же году удалось подкупить и крестить старшину рода ламу Барханова. За переход в православие и соблазн на это сородичей лама Барханов получил пару лошадей с упряжью и фаэтон с колокольчиками. «О подобной роскоши, — говорит Серафим, — в Тункинском крае до того времени и понятия не имели». В 1841 г. миссионерам удалось подкупить самого заседателя Степной думы, Бордоя Порушенова, который добился затем выделения одновременно с ним крестившихся 800 бурят из сферы управления Степною думою и создания специальной Тункинской «инородческой управы», где Бордой Порушенов сделался царьком.

Губернские власти, по откровенному признанию Серафима, крестили бурят в расчете, что «если крещен в русскую веру — значит, уже не бурят, а русский..., что крещеные сольются с русскими интересами и навсегда забудут свое тяготение к родственной им соседней Монголии... Епархиальная власть, идя навстречу за-

ботам власти гражданской о руссификации инородцев, — невольно [?!] становилась на ее точку зрения...»

За принятие православия буряты освобождались царским правительством на три года от платежа податей. От имени самого царя высылались крестившимся бурятским управителям (зайсанам, даргам, заседателям Степной думы и т. д.) значительные денежные суммы, ордена, медали, расшитые золотом кафтаны, драгоценные браслеты, серьги; производили их в офицерские чины, предоставляли всяческие льготы и т. п.

С 1866 г., по открытии в Иркутске отделения «Православного миссионерского общества», «тех инородцев, которые не желали принять крещение, крестили силою, при помощи полицейских чиновников и родовых инородческих властей». Архиепископ Вениамин предложил 21 марта 1878 г. генерал-губернатору Сибири «предписать кому следует отобрать у ламаита Лобсонова его жену с детьми и передать последних для крещения миссионеру, если он не захочет креститься и сочетаться с нею браком по-христиански».

По получении от миссионера списков скрытых от крещения детей бурят и жен крещеных инородцев, — царская полиция сгоняла этих бурят, по списку, в одно место, где миссионеры и совершали насильственное крещение. С другой стороны, некоторые буряты, в целях получения подарков, костюмов, продовольствия и т. п., позволяли над собою проделывать обряд крещения несколько раз.

Миссионеры стали силою отнимать у крещеных бурят их божков, бурханы, онгонов и т. п., а потом буряты приходили к миссионерам на квартиры за этими божками. «Ценные бурханы, золотые, серебряные, в большинстве случаев возвращались, причем миссионер брал выкуп; не ценных божков, как вещественное доказательство, миссионер оставлял у себя, наделяя бурят небольшою деревянною святою иконою... Было время, когда на миссионеров возлагали большую надежду, как на лучших поставщиков бурханов, онгонов и прочих принадлежностей шаманского и ламского культов».

В устраиваемых миссионерами школах, куда насильственно загоняли детей бурят, учитель не понимал языка учеников, а ученики — языка учителей. Миссионеры воровали у детей бурят казенные пайки, показывали в отчетах начальству мертвые души, пьянствовали, вымогали у населения деньги и продукты, терроризировали их доносами полиции и т. п.

Всей этой конъюнктурою очень ловко пользовалось ламаитское духовенство, устраивавшее в своих дацанах пышные службы, пение на бурятском языке, обслуживавшее бурятское население врачебно-шаманской помощью и т. п. Это же ламаитское духовенство, играя в руку феодалам и буржуазии Монголии, пыталось, опираясь на угнетательские верхушки бурятского родового управления, организовать пан-монголо-бурятское движение бурятских масс.

Архиепископ Серафим удостоверяет, что при таких условиях царский миссионер опускал руки и в оправдание свое говорил: «звонить бесполезно, потому что никто на звон не отзовется; служить же в пустом храме скучно и бесполезно — одна непроизводительная трата свечей, просфор и вина». И, пишет архиепископ Серафим, «когда разразилась гроза 1905—06 гг., оказалось, что дело, повидимому, правильно организован-

ное и прочно поставленное, не имело под собою прочного основания. Здание оказалось построенным на песке: подул сильный ветер, и от него ничего не осталось...»

В интересах спасения буржуазии и цеховой самообороны от следующей грозы архиепископ Серафим, резюмируя, как он пишет, историческую действительность, в своих заключительных тезисах предлагает в основу дальнейшей деятельности «положить новые принципы».

Эти «новые принципы», по словам Серафима, были выработаны на сибирском миссионерском съезде в Иркутске в 1910 г.

Сущность этих «принципов» выражена в основных законах Российской империи: «Свобода веры присвоется не только христианам иностранных вероисповеданий, но и евреям, магометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят бога всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование российских монархов и моля творца вселенной об умножении благоденствия и укрепления силы империи».

Национально-революционное движение среди угнетенных народностей императорской России было предметом большого беспокойства для царского правительства. 9 сентября 1909 г. председатель Совета министров П. А. Столыпин писал на имя обер-прокурора синода Лукьянова: «Для народа христианского столкновение с мусульманским миром знаменует не религиозную борьбу, а борьбу государственную, культурную. Этим объясняется тот успех который получила за последнее время панисламская пропаганда, успех которой у нас в России имеет особо важное значение... Нельзя не иметь ввиду, что почти вся многомиллионная масса русского мусульманства охватывает многочисленные народности, принадлежащие, за немногими исключениями, одному тюркскому племени, говорящему, хотя и на разных наречиях, но на одном языке. Нельзя далее упустить из виду и того, что наше пятнадцатимиллионное мусульманство населяет, живя почти в одном месте, громадные пространства, имеющие свои, далеко не забытые, исторические и культурные традиции... Очевидно, что при таком положении мусульманский вопрос в России не может не считаться грозным... Государство наше, действовавшее во все времена в тесном единении с церковью, и в данном случае не может и не должно обособляться от нее. Поэтому, по моему убеждению, работа правительства в Поволжье и, в частности, в Казанском крае должна прежде всего итти рука об руку с православною церковью. Только в этом случае можно рассчитывать на вящий успех в деле» [1]).

Царизму было о чем беспокоиться. По переписи 1897 г. «инородцы» в России составляли 57% всего населения. В этой «тюрьме народов» надо было усилить полицейские мероприятия по руссификации.

Поэтому по духовной полиции и был отдан приказ созвать в Казани в 1910 г. миссионерский съезд для борьбы с панисламизмом, а в Иркутске Всесибирский миссионерский съезд для борьбы с национально-революционным движением среди нацменьшинств Сибири.

---

[1]) Центр. архив Октябрьской революции, фонд № 3661, д. № 790.

На Всесибирский съезд были командированы крупнейшие специалисты от духовной жандармерии: тайный советник Скворцов, сотрудник для поручений при обер-прокуроре синода, редактор «Миссионерского обозрения», «Колокола» и т. п., священник Иван Восторгов, возглавлявший в Москве «Союз русского народа», сотрудник московской охранки, консультант царского правительства по делам внешней миссии в Манчжурии, Японии, Корее, Монголии и т. п., расстрелянный, как социально-опасный элемент, в 1918 г. по постановлению ВЧК; известный миссионер и церковный специалист по борьбе «с социализмом» профессор Айвазов и т. д.

Этот Иркутский съезд заслушал десятки докладов миссионеров Сибири и принял ряд реакционнейших постановлений: об учреждении на территории нацменьшинств Сибири монастырей, женских и мужских, в целях руссификации путем обращения в православие, но более «дипломатичными» методами; о борьбе с социалистическими учениями; об организации специальных черносотенных братств; о воспрещении преподавания в школах на языках нацменьшинств; об отпуске усиленных субсидий из казенных средств на дело внешней и внутренней миссии и т. д.

Одновременно Иркутский съезд постановил обратиться в синод с настойчивой просьбой спешно канонизировать «мощи» давно умершего иркутского архиерея Софрония. Архиепископ Серафим писал в своем докладе: «Бурят должен знать, что, если не теперь, то, по крайней мере, ранее были великие люди — герои среди христиан вообще и р у с с к и х в ч а с т н о с т и»...

Роль такого «великого человека», «героя», «просветителя язычников» решено было дать играть трупу фаворита имп. Елизаветы Петровны епископа Софрония, который при жизни с исключительной жестокостью даже для миссионера управлял Иркутской епархией, настроил бурятам на их средства массу церквей, часовенок, церковных школ и который прошел по бурятской стране с крестом и кнутом в руках.

Царизму, согласно издревле установившейся практике, нужно было создать и среди сибирских язычников центральный православный фетиш, обвеять его мистикою чудес и цельбоносности, окутать жизнь такого обожествленного фетиша житийными повествованиями о «святой жизни» и «праведной смерти», поставив действительную историю о классовой роли этой личности вниз головой, вверх ногами. Агиография ведает этими методами одурачивания трудящихся масс с исключительным искусством и многовековым опытом.

Коммерческие и политические расчеты подсказывали помещикам и капиталистам выгодность таких фетишей — в виде кусков трупов и «особо чтимых» икон у больших торговых трактов, ярмарочных мест, в административных центрах и т. д.

Это хорошо понимали и иркутские купцы, поставлявшие на бурят мануфактуру, хлеб, порох, примитивные орудия производства, сахар, табак, водку и т. п. Поэтому цензовая Иркутская городская дума обратилась 4 ноября 1914 г. к царскому правительству с просьбой ускорить канонизацию епископа Софрония.

27 февраля 1916 г. сам генерал-губернатор Сибири требовал от министерства внутренних дел ускорения этой канонизации.

И эту канонизацию осуществил первый Московский поместный собор после Октябрьской революции 18 апреля 1918 г.!

Борьба с Октябрем заставила сибирскую контрреволюцию использовать не только средства православной церкви, но и силы ламаизма.

Как мы видим из публикуемого здесь отношения главноуправляющего по делам вероисповеданий в совет министров адмирала Колчака, «распространение большевизма.. не дало возможности Бандидо-Хамбо-Ламе не только осуществить... задания [речь идет о разработке плана его контрреволюционной деятельности за счет средств, получаемых Колчаком от союзников-интервентов], но даже прибытия в свою постоянную резиденцию».

Бандидо-Хамбо-Лама теократический царек бурятской Сибири. Он являлся прямым агентом империализма, и это открыто признают колчаковское главное управление по делам вероисповеданий и колчаковские губернаторы Енисейской и Иркутской губерний, — все вместе домогавшиеся, в видах облегчения несения тяжести своих полицейских функций, принятия содержания Бандидо-Хамбо-Ламы за счет колчаковской кассы.

И колчаковский совет министров журнальным постановлением 2 октября 1919 г. постановляет отпускать ежемесячно на подкуп этого царька, для борьбы с национально-революционным и социалистическим движением среди бурят, двадцать тысяч рублей.

В 1920 г. Колчак был сметен Красной армией, а союзные войска интервентов принуждены были освободить Сибирь. В 1922—23 гг. была создана Бурято-Монгольская автономная советская социалистическая республика. Страна бурят из бесправной, угнетавшейся царями и попами народности стала братской социалистической республикой.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Центральном Архиве Октябрьской Революции.

И. Шпицберг.

Доклад иркутского архиепископа Серафима на имя тов. обер-прокурора синода П. С. Даманского от 6 октября 1913 года. № 3811 [1]).

Ваше превосходительство,

милостивый государь!

Во исполнение письма вашего от 3 мая сего 1913 года, за № 5171, по вопросу о причинах значительного втечение ряда лет количества отпадения от православия в буддизм иноверцев бурят Иркутской губернии честь имею сообщить следующее.

Из имеющихся в распоряжении иркутского епархиального начальства статистических данных массовое отпадение от православия в

[1]) Публикуется с сокращениями (ЦАОР, фонд № 3661, д. № 814).

буддизм имело место главным образом среди инородцев, населяющих Иркутский уезд, ведомств Торского, Коймаровского и Харибятского в пределах Тункинской миссии.

До 1905 года в этих трех ведомствах числилось крещеных до 10 000 инородцев обоего пола. Начиная с 1905 года, за исключением самой незначительной части (несколько десятков), все крещеные инородцы буряты этого края перешли в буддизм (ламаизм) и остаются в нем и по настоящее время. Это отпадение от православия совершилось вслед за обнародованием высочайших указов 17 апреля и 17 октября 1905 года, коими населению Российской империи дарована религиозная свобода, а для числящихся «православными», но в действительности исповедующих веру своих предков язычников — полнейшая возможность отчисления и перехода из православия в язычество. Неокрепшее, не утвердившееся в христианской вере, инородческое население Иркутского уезда (Тункинского края), только крещеное, но неоглашенное, не утвержденное в истинах христианства, поняло эти указы, как полное позволение и даже желание высшего русского правительства перехода от христианства в язычество и именно в ламство. Этот переход фактически и осуществлен был крещеными инородцами края в том же году, несмотря на краткий срок, истекший после издания вышеуказанных указов. Кочевые крещеные инородцы буряты всех миссионерских станов Тункинской миссии Иркутского уезда решительно отказали миссионерам крестить своих новорожденных детей; прекратили свое обращение к миссионерам напутствовать св. тайнами больных; умерших стали погребать по языческому обряду, решительно отказывались от погребения по обряду православной церкви; св. иконы или возвращали миссионерам или вовсе уничтожали; отказались от своих прежних обязательств содержать миссионерские станы-храмы, школы миссионерские и дома миссионерских причтов; и ранее весьма редкие посещения христианских богослужений совершенно прекратили; на увещания миссионеров не обращают никакого внимания, решительно отказавшись даже вступать в какую бы то ни было беседу с миссионерами по вопросам религии и религиозным нуждам.

Фактически порвавши всякую связь с христианской религией и ее представителями — местными миссионерами, буряты всех трех ведомств даннаго края решили официальным порядком оформить свое отпадение от православия в язычество. Представители Торского, Коймаровского и Харибятского ведомств, как выборные доверенные, вместе с местными инородческими деятелями, во главе со штатными ламами Кыренского дацана, наряду с обсуждением вопроса о желательных реформах для инородцев, принципиально вырешили вопрос и о переходе из православия в ламство, как религию предков, религию

национальную. Заготовлялись общественные приговоры, ходатайства, производились опросы, отбирались подписи желающих возвратиться в веру бурятскую — национальную. Инородческая масса, под влиянием усиленной агитации, под давлением сильных и в том или другом отношении авторитетных сородичей, официально примкнула к новому движению, и в числе подписавших приговоры оказалось почти все кочевое крещеное инородческое население Тункинского края. Правда, таковым приговорам не дано было законного движения. Но вместо этих приговоров, вслед за ними, поступали многочисленные прошения от отдельных лиц и отдельных семейств об отчислении от православия в ламство. Увещания миссионеров лиц, подавших прошения, не имели успеха; их или не слушали или категорически отвечали: «так род велел», «я веры христианской не знаю», «я падаль ем» и т. п.

В 1875 году иркутский архиепископ Вениамин в своем отчете об Иркутской духовной миссии за 1874 год утверждал, что «отпадение крещеных бурят в язычество в том смысле, как это бывает, например, с крещеными евреями или магометанами, быть не может потому одному, что сами крещеные буряты верят в превосходство христианства над своей верой». Таким образом, пятьдесят лет тому назад создалось уже убеждение, что христианство среди бурят пустило уже глубоко свои корни, что связь христианства с бурятами окрепла и что миссия Иркутская вполне обеспечена в своем дальнейшем поступательном развитии.

События 1905 и 1906 гг. фактически доказали всю ошибочность этого убеждения.

История Тункинской миссии может служить фактическим подтверждением вышесказанного и достаточно верным объяснением печального факта поголовного отпадения крещеных бурят от христианства.

В 1827 году крещеных инородцев во всем Тункинском ведомстве насчитывалось не более 250 человек. В то время инородцы крестились в г. Иркутске и по принятии христианства приписывались к крестьянскому или мещанскому обществам, где и оставались навсегда. Первым из влиятельных инородцев Тункинского края принял св. крещение инородец 1-го Куркутского рода Кяхтинского улуса лама Барханов, по крещении Лука. Крещение совершено по благословению преосвященного Михаила в Иркутской Прокопиевской церкви протоиереем А. Бобровниковым 21 апреля 1827 года. За принятие христианства Барханов иркутским губернским начальством, без всякого общественного приговора, утвержден был в должности родового старосты. В знак особой привилегии тем же начальством Барханову подарена была пара лошадей с упряжью в фаэтоне и с колокольцами. О подоб-

ной роскоши в Тункинском крае до того времени и понятия не имели. В свой улус Барханов возвратился в сопровождении священника Баторова и крестил в его роду до 40 человек обоего пола при энергичном участии самого вновь утвержденного и обласканного начальством родового старосты Барханова. Означенные лица были крещены священником Баторовым под давлением влиятельного старосты, а не по убеждению со стороны священника.

В 1830 году преосвященный иркутский Ириней командировал в Тунку и отдаленный Окинский край казначея иркутского архиерейского дома иеромонаха Нифонта для проповеди евангелия среди бурят шаманистов и ламаитов: миссия иеромонаха Нифонта имела громадный успех, если судить по количеству крещеных. Но очевидно, вся деятельность этого случайного миссионера состояла только в крещении тех, которым было приказание со стороны местных властей.

Бурятские родоначальники — тайши, заседатели Тункинской степной думы, шуленги и старшины, оставаясь сами язычниками, оказывали внешнее содействие иеромонаху Нифонту в крещении бурят, разумеется, не по убеждению в превосходстве христианства пред язычеством, а из-за страха пред высшей губернской властью, которая предписывала им оказывать содействие. Можно с уверенностью говорить, что эти пособники иеромонаха Нифонта уговаривали своих сородичей креститься только для начальства, для виду, строго внушая по существу не изменять религии предков.

Новокрещеным о. Нифонт выдавал виды, т. е. билеты, в которых обозначались все необходимые сведения для причисления их к приходским церквам, при которых они по причислении и вносились в исповедные росписи.

После о. Нифонта с 1831 года по 1841 год епархиальное начальство как бы не обращало внимания на распространение и утверждение христианства в этом крае. За этот десятилетний период не было командировок священников с миссионерскими целями. За это время всего крещений было не более двадцати. Эти двадцать приняли крещение или в Тунке или ездили в Иркутск. Не посылая в край миссионеров временных, случайных, епархиальная власть была озабочена постановкой дела миссии на прочных началах учреждением штатов постоянных миссионеров.

По представлению преосвященных Михаила и Мелетия, государь император в 18 день июля 1833 года высочайше соизволил, по докладу обер-прокурора святейшего синода, для усиления миссионерских действий в Иркутской епархии, учредить, с жалованьем от казны, несколько миссионеров бесприходных, с тем чтобы миссионеры эти исключительно занимались проповедью слова божия инородцам. Но

несмотря на высочайшее соизволение об учреждении миссионерских штатов, миссионерские станы не могли в скором времени образоваться, — очевидно, по недостатку или материальных средств или по неимению интеллектуальных сил.

Первый стан открыт был только в 1850 г. при Ниловой пустыне и второй — при Гужирской Троицкой церкви, в казачьем селении.

Между тем высшая гражданская власть придавала большое значение обращению инородцев в христианство. Выходя из того положения, что с принятием инородцами христианской религии успешнее пойдет дело руссификации края, что крещеные сольются с русским населением, будут жить русскими интересами и навсегда забудут свое тяготение к родственной им соседней Монголии, губернская власть взяла под свое покровительство крещение Тункинских бурят и, смотря на это дело, как на дело, главным образом, государственное, употребляла все зависящие от нее меры и средства к возможно большему привлечению инородцев в лоно христианской православной церкви. Чтобы быть русским, нужно креститься в русскую веру. Если крещен в русскую веру, значит, уже не бурят, а русский.

И епархиальная власть, идя навстречу заботам власти гражданской о руссификации инородцев, невольно становилась на ее точку зрения. Главное внимание обращается на внешнюю сторону миссионерского делания, т. е. на возможно большее количество крещений, причем и средства употребляются, главным образом, внешние: крещение совершается по совету, по поощрению, по соблазну, по настоянию и под давлением той или другой власти.

Священники крестили тех, которых приводили к ним те или другие агенты гражданской власти, в большинстве случаев без всякого предварительного оглашения.

В 1841 году крестился заседатель Тункинский степной думы Бордой Порушенов. Крестным отцом его был иркутский губернатор Пятницкий. Порушенов в следующем 1842 году убедил принять крещение до 800 человек обоего пола по всему Тункинскому краю. Факт говорит сам за себя. По убеждению вчерашнего язычника принимают крещение в один год 800 человек язычников при отсутствии постоянных, специальных священников-миссионеров. Последующие события говорят за то, что и сам Порушенов воспринял крещение и склонил к тому же массу сородичей не без корыстной цели, а быть может исключительно с корыстью.

До 1829 года крестившихся бурят правительство заставляло селиться в русские деревни, с каковой целью сделан был выдел земель и угодий. Так образовались селения Тибельтинское, Еловское, Тальское, отчасти Гужирское, Затунка и Тукуран. Мера — необходимая для

ограждения новокрещеных от их сородичей-язычников, которые всячески стесняли и притесняли крещеных, смотря на них как на изменников не только вере предков, но и самому родному племени. Означенная мера могла иметь значение только тогда, когда крещеных инородцев был немного, — следовательно, могла иметь характер только временный.

По жалобе Порушенова на Тункинского тайшу Хомакова и прочих некрещеных родоначальников, стеснявших крещеных своих сородичей, и по его просьбе, все крещеные инородцы Тункинского края по распоряжению губернского начальства были отделены от Степной думы. Иркутская казенная палата указом иркутскому земскому суду от 26 октября 1844 года, за № 16640, приказала открыть для крещеных бурят особое правление под названием «Тункинская инородная управа» с выделением таковых инородцев из ведения Тункинской степной думы. Головой этой управы был назначен Порушенов. Самолюбивый и честолюбивый заседатель Степной думы, Бордой Порушенов, завидовавший сильному тайше Хомакову, принял крещение и склонил к тому сотни своих единомышленников, очевидно, с целью самому стать во главе такого же управления, во главе коего стоял его соперник Хомаков.

Действуя на честолюбие влиятельных родоначальников, власть склоняла рядовых инородцев к крещению разными льготами и подарками. За принятие христианства все инородцы на три года освобождались от платежа податей. Иркутская казенная палата в указе 1844 года в п. 4-м требует от иркутского земского суда донести ей, сколько инородцев и кто именно за переход в православие находится на льготе от платежа податей и с какого времени дана им такая льгота. За порядком перехода крещеных в ведомство управы и за освобождением их от податей строго следили как губернатор Пятницкий, так и генерал-губернаторы Руперт и Муравьев. В том же 1844 году губернатор Пятницкий пишет тайше Заигею Хомакову «о пожертвовании государем императором 2000 рублей ежегодно на подарки бурятам, приемлющим св. крещение, по обычаю христианскому. О таковой монаршей милости спешу дать знать вам, г. тайша, чтобы вы объявили подведомственным вам бурятам». Льготы и подарки, раздаваемые притом от высочайшего имени, с одной стороны, пример и воздействие влиятельных родоначальников — с другой, не могли не оказывать желаемого влияния на простую и особенно бедную бурятскую массу.

Власть тайши над инородцами в данное время была очень велика, его авторитет среди бурят был громадный; масса беспрекословно повиновалась ему и легко за ним шла, куда бы он не повел их.

Губернская власть вполне правильно рассчитывала, что с принятием крещения самим тайшей поголовное крещение всех бурят будет обеспечено. И вот губернская власть всеми средствами старается повлиять на тайшу-язычника Заигея Хомакова, чтобы он сам крестился и своим примером увлек к тому подведомственных его инородцев края. Губернатор Пятницкий в 1843 г. пишет названному тайше, что «тайша Харикской думы Иринчин Доржеев Дамбуев с родовичами воспринял св. крещение, и за это государь император высочайше повелеть соизволил произвести его в есаулы, с причислением к Сибирскому линейному казачьему войску. Об этом объявляю вам и всем прочим бурятам, как высоко ценит государь император приемлющих св. крещение. Поэтому и вас прошу принять старание к распространению православия в вашем ведомстве. От примера вашего, тайша, зависит многое, потому я надеюсь, что вы первый покажете пример своим родовичам принятием православия».

Генерал-губернатор Муравьев предписывает отобрать подписки как от тайши Хомакова, так и от прочих родоначальников в том, чтобы они оказывали содействие в распространении веры христианской, а не препятствовали бы оному. Архиепископ иркутский Нил предписывает священнику Тункинской церкви Кострову «обратиться к тайше с напоминанием о тех людях, которые согласны принять св. крещение, прося притом его принимать в деле крещения возможное участие». Очевидно, что некоторые, преимущественно бедные, из бурят, соблазнившиеся льготами и подарками, изъявили желание принять св. крещение, но опасались сделать решительный шаг, или не видя примера в своих начальниках или ввиду тайного запрещения со стороны последних. И вот гражданская и церковная власти обращаются к тайше — язычнику, прося его содействия в деле крещения подчиненных ему язычников-бурят. Тайша, ввиду неоднократных просьб, напоминаний и внушений со стороны властей, конечно, не мог открыто противодействовать крещению и даже разрешал некоторым из своих сородичей, а может быть и приказывал, креститься, чтобы не навлечь на себя неудовольствия и гнева администрации. К более решительному воздействию на своих сородичей и к личному принятию христианства, несмотря на неоднократные просьбы и внушения властей, тайша не приступал, очевидно выжидая солидной для себя компенсации, осторожно взвешивая могущие произойти от того выводы как для себя, так и для своих единоплеменников. Компенсация была обещана и дана, и тайша принял крещение в 1857 году с сыном своим тайшею же Дамбою, вместе со всеми родовыми старостами, в городе Иркутске, а народ — при его доме в речке Таэты. Восприемниками отца тайши, его сына Дамбы и их жен были их императорские вели-

чества государь император Александр II и государыня императрица Мария Александровна. Ко дню крещения обоим тайшам от государя императора в знак особого благоволения были посланы кафтаны, на воротниках и рукавах шитые золотом, а их женам золотые серьги и брошки; тайше-отцу кроме сего за содействие ко крещению 1000 человек пожалован орден св. Владимира 4-й степени; заседателям и старостам высочайше пожалованы были серебряные кортики. Честолюбие Хомакова было удовлетворено: он получил несравненно более того, что получил его соперник Порушенов.

Светские и духовные власти, держась прежней системы руссификации инородцев чрез крещение, потребовали от новокрещеных обязательного крещения новорожденных детей. Это новое требование, исполнение которого сопряжено было с беспокойством, хлопотами, издержками, не приносившие притом никаких материальных выгод, встречено было новокрещеными с некоторою подозрительностью.

Чтобы гарантировать себя от предполагаемых неприятностей, новокрещеные начинают или скрывать свою принадлежность к христианству, объявляя себя некрещеными, или скрывать новорожденных детей, отдавая их в языческие семьи, а при невозможности сего, выдавать своих детей за детей родственников язычников. Ввиду такого отрицательного отношения бурят к обязательству крещения своих детей, начинается насильственное крещение младенцев против желания и воли родителей. Гражданская власть губернии, оказывая свое содействие власти духовной в деле крещения инородцев, начинает дело о скрытии крещеными инородцами своих детей, об уклонении их от крещения младенцев. Агентам полиции предписывается принимать все меры к побуждению крещеных бурят обязательно крестить своих детей. В 1849 году начальник губернии предписал заседателю иркутского окружного суда Скрыпочкову принять меры к побуждению тех родителей из бурят, кои, быв сами крещены, оставляют детей некрещеными. При этом для крещения последних Скрыпочкову было поставлено в обязанность обращаться к священникам. Преосвященный Нил, сообщая о таком распоряжении губернской власти тункинскому священнику, исполнявшему в то время обязанности миссионера всего Тункинского края, от 29 ноября 1849 года, предписывает: «давая о сем знать, предписывается вам напомнить Скрыпочкову о сделанном ему начальством поручении и действовать всемерно к просвещению некрещеных детей. О последующем донести рапортом к концу сего 1849 года». Скрыпочков, сообщая тому же священнику о возложенном на него губернатором поручении «принять меры к побуждению крещеных инородцев Тункинского ведомства, дабы они непременно представляли детей своих к крещению», просит священника

сообщить, какие именно те инородцы, которые не представляют к крещению своих детей. В 1852 г. военный губернатор и гражданский губернатор предписывают иркутскому земскому суду поставить в строгую обязанность участковых заседателей содействовать священникам к непременному крещению детей крещеных инородцев.

Строгие предписания высшей администрации, энергичные репрессии отдельных представителей власти, насильственное крещение местными священниками, при сильном пособничестве властей, постепенно возбуждали среди инородцев чувство антипатии к новой вере и даже вражду к ее представителям священникам.

Между тем, среди инородцев края возникла, стала развиваться и крепнуть противоположная пропаганда ламства. Из сопредельной Монголии все чаще стали появляться в край ламы для исправления треб среди ламаитов-бурят, останавливались подолгу, разъезжая из улуса в улус. Из временно приезжих они постепенно становились постоянными жителями края, вели усиленную пропаганду буддизма, в силу национального и религиозного родства все более и более усиливались в своем влиянии на инородцев, завоевывали их доверие и симпатии. Свою пропаганду ламы ставят на прочных началах: местных бурят начинают обучать монгольской и тибетской грамоте и прочей ламской премудрости. Из своих учеников, по прохождении ими известного курса учения, ламы образуют новые кадры уже местных усердных своих помощников и поборников буддизма. Приобретая степень ламского священства или от своих учителей лам или в монгольских буддийских монастырях, они становятся ламами уже местными, своими, близкими, родными, приобретают еще большее влияние на своих сородичей и ведут усердную подпольную агитацию против чуждого им христианства.

Гражданская и духовная власти употребляли некоторые меры к предохранению инородцев края от ламского влияния. За выходцами из Монголии — ламами следили, чтобы они подолгу не заживались в улусах, чтобы не посещали тех инородцев, которые еще не исповедывали ламскую веру, и чтобы отнюдь не занимались пропагандой буддизма среди шаманистов и крещеных.

Так, в 1845 году архиепископ Нил предписывает священнику Тункинской церкви Закомельскому: «Из донесения пограничного пристава к г. иркутскому губернатору усматривается, что ламы, приезжающие в последнее время для исправления треб, находились только в Торском и Коймаровском улусах, где буряты держат ламскую веру. Там провели они до 20 дней. Вследствие чего предписывается донести: 1) точно ли в означенных только улусах проживали и действовали наезжие ламы; 2) в улусах тех давно ли посеяно ламство и

каким образом; 3) действие лам на прочих бурят в чем состояло? Наконец, согласно учиненным распоряжениям губернатора, старайтесь вместе с пограничным приставом следить за самоволием их и доносить обо всем начальству».

Иркутское губернское правление особым распоряжением запрещает ламам бродяжничать в ведомстве Тункинских бурят. Это распоряжение губернского правления прописывается в указе духовной консистории от 3 сентября 1845 года.

Наезжие ламы были неуловимы, буряты всячески их скрывали, что давало широкий простор тайной ламской пропаганде и увеличению самого количества лам в крае.

Убедившись, что лам уже не выселить из края, правительство старается, по крайней мере, ограничить число их, прикрепить их к одному месту, запрещая разъезды по бурятским улусам. Это стремление нашло себе выражение в «Положении о ламском духовенстве 1854 года».

Положение дало ламам прочную организацию, обеспечило их материальное положение, наделив их землей, распределив между ними их доходность, получаемую от требоисправлений, продажи буддийских изображений и проч. При Кыренском дацане было открыта ламская школа, в которой уже не тайно, как ранее, а открыто, — официально, стали обучаться дети местных бурят и приготовляться к приобретению разных степеней буддийского священства. Правда, «Положением» число штатных лам было ограничено, ограничено было и их право свободного объезда бурятских улусов. Но на деле было далеко не так. Наряду с немногими штатными ламами проживали в дацане и в улусах те же ламы, но только под другими разными титулами.

Первые миссионерские станы были утверждены в 1850 году в Ниловой пустыне, с жалованием миссионеру 296 руб. и псаломщику 98 руб., и в 1852 году при Гужирской Троицкой церкви, с жалованием миссионеру 320 р., диакону 190 р., дьячкам по 100 р. Но в этих станах долгое время не было постоянных миссионеров.

Еще в 1834 г. архиепископ Мелетий представляет св. синоду на уважение, сколь благодетельно было бы для незнающих русского языка бурят открыть богослужение на монголо-бурятском языке. И представляя на сей конец сделанный протоиереем А. Бобровниковым перевод вечерни, утрени и литургии, просил о поручении оного для пересмотра кому-либо из знающих монгольский язык и, затем, о напечатании книги для церковного употребления.

Св. синод от 30 сентября 1852 года предписал: принять к церковному употреблению сделанный протоиереем Бобровниковым пере-

вод на монголо-бурятский язык вечерни, утрени и литургии, согласуя оный по возможности с славянским текстом.

24 июля 1853 года архиепископ Нил доложил св. синоду, что важнейшие последования служебника и требника им переведены, песнопения обихода, переложенные на ноты, изучаются под руководством назначенного в бурятский Гужирский приход регента, все переводы, писанные вчерне им самим, переписываются набело славянскими, для удобочтимости, письменами и будут своевременно представлены св. синоду.

«Служебник и требник» на монгольском языке напечатаны были в С.-Петербургской синодальной типографии в 1858 г. Означенный перевод, несмотря на все старания переводчиков, не мог считаться удачным главным образом потому, что язык этого перевода — древне-монгольский, с тибетскими идиотизмами, весьма мало понятный бурятам Иркутской губернии, в виду чего перевод встречен был без особенного доверия и не мог быть введен в богослужебную практику. «Переводы, — писал впоследствии миссионер из бурят священник Чистохин,—не пошли в ход благодаря тому, что в то время не было подготовленных монголистов, да и самые переводы были сделаны на чисто монгольском языке, недоступном для простого народа; миссионеры же, не зная языка и читая переводы преосвященного Нила, коверкали их и ломали, как умели. Понятно, прочитанный таким образом перевод производил лишь смех в слушателях. Однажды в детстве я слышал, как миссионер читал литургию Иоанна Златоустого в переводе архиепископа Нила, и он прочитал: «Шоно нохой» вместе: «шагнактуй»— славянское «вонмем» У миссионера из одного слова вышло в отдельности два: шоно-волк, а нохой-собака. Из этого видно, до чего можно исказить слово без знания языка, а книжный язык буряты понимают лишь тогда, когда его читают тихо и правильно».

В 1866 г. в Иркутске открыто «Иркутское отделение православного миссионерского общества». В Иркутском, Балаганском и Верхоленском уездах открываются миссионерские станы, при которых строятся храмы и школы для бурятских детей, в стан назначаются особые священники-миссионеры. В частности, в Тункинском крае при архиепископе Парфении открыты и устроены станы — Шимковский, Коймаровский и Гужирский, а при архиепископе Вениамине — Жымыгитский, Мондинский и Окинский. Непосредственное руководство по миссии поручено было особому лицу со званием начальника миссии, учреждены были должности помощников начальника миссии, впоследствии миссионерских благочинных, по одному для трех уездов.

Инородческое население Тункинского края в половине своей в это время числилось уже православным, т. е. было крещено, хотя и продол-

жало жить по старой вере, по обычаям ламаизма и шаманства. Крещеные буряты вступали в брак с язычниками, последние женились на крещеных. Детей своих крещеные всеми силами старались скрыть от крещения. Смешанные браки крещеных с некрещеными давали возможность крестить все большее и большее количество бурят. Тех инородцев, которые не желали принять крещение, крестили силою, при помощи полицейских чиновников и родовых инородческих властей. Также крестили и скрываемых от крещения детей крещеных родителей. К насильственному крещению побуждали миссионеров начальники миссии и епархиальное начальство. Так по рапорту миссионера Шимковского стана о. Берденникова о том, что крещеные инородцы не крестили своих детей, а некоторые вступают в брак с язычниками по языческому обряду, последовала следующая резолюция архиепископа Вениамина: «Обязанность миссионера убеждать, а если, несмотря на все убеждения, не согласятся исполнить законного требования, в таком случае прибегать к силе закона через Степную думу или чрез земскую полицию смотря по удобству» (1876 г. августа 4 дня). Некрещеный бурят вступил в брак с крещеной бурятской и имеет от нее детей, которых не желает крестить. Архиепископ Вениамин по этому делу просит генерал-губернатора Восточной Сибири: «предписать кому следует отобрать у ламаита Манзаракши Лобсонова его жену Дорию Захубун с детьми и передать последних для крещения миссионеру, если сам Лобсонов не захочет креститься и сочетаться с нею браком по-христиански» (1878 г. 21 марта). Дело убеждения, воздействия нравственного для миссионера или не подсилу или же кажется ему очень сложным и хлопотливым, почему он и прибегает к легкому для себя и более верному средству: к помощи полицейских или местных инородческих властей. Всесильные в то время земские заседатели по приказанию губернатора и генерал-губернаторов оказывают миссионерам всяческое свое содействие и решительно принуждают местных инородческих властей в точности исполнять свои распоряжения.

Получивши от миссионеров список некрещеных, скрытых от крещения детей и жен крещеных инородцев, земские заседатели сгоняют таковых в одно место, где и совершается огульное крещение детей вместе с взрослыми (отнош. зем. засед. 3 уч. ирк. округа 3 декабря 1874 г.). В том же направлении действуют и тайши, побуждаемые к тому высшей властью (указ ирк. дух. консист. 12 марта 1887 г., чтобы тайши не противодействовали крещению инородцев, а всячески оказывали свое всесильное к тому содействие).

Со времени архиепископа Парфения началось устранение от занятия должности тайши бурят-язычников и назначение на эту долж-

ность крещеных бурят. Так, в письме архиепископа от 7 мая 1871 года сказано, что, по распоряжению гражданского начальства, дело об избрании тайши возвращается с тем, чтобы избрали христианина. В другом письме его же говорится: «Поздравьте Трапезникова, что он назначен тайшею на три года. Попросите его, чтобы он постарался о делах миссии». Впоследствии на должность родовых старост стали избирать только из крещеных инородцев и утверждать по отзывам о них миссионеров, а некрещеных — устранять от занятия таковых должностей. Лиц, оказывавших содействие в крещении бурят, т. е. всякого ранга властей, попрежнему награждали подарками, медалями и орденами.

Новокрещеным инородцам попрежнему давалась трехлетняя льгота от платежа повинностей. О даровании этой льготы миссионеры представляли особые списки в иркутскую казенную палату чрез начальника миссии. При архиепископе Парфении новокрещеным выдавались деньги — на маленьких по 20 коп., а на взрослых — от одного до пяти рублей на человека; кроме того щедро раздавались платки, халаты, рубашки и т. п. Эти подарки были большою приманкою для бурят. При крещении целой семьи, особенно многолюдной, одних денег приходилось на семью от 30-ти и более рублей. Из-за получения денег многие охотно принимали крещение, а некоторые крестились по два и по три раза. Бедным новокрещеным раздавали кирпичный чай — по кирпичу или половине на человека, а также раздавался хлеб.

Взамен полученных подарков при крещении, пособий единовременных, буряты должны были ежегодно натурой или деньгами платить на содержание миссионерских станов, давать отопление и прислугу для храма, школы и домов причта. Эта новая повинность не могла быть приятной для бурят, служила причиной неудовольствий как среди крещеных, так и язычников, потому что разлагалась не на крещеных только, а и на язычников, шла в общую раскладку. Само собою разумеется, что язычники в этом новом налоге винили своих сородичей крещеных и всячески стесняли их.

Крещеные инородцы попрежнему продолжали почитать изображения своих языческих божеств, которыми в изобилии наделяли их ламы. До архиепископа Парфения на это явление не обращали почти никакого внимания, смотрели как бы сквозь пальцы. В этот же период делались распоряжения об отобрании у крещеных инородцев предметов их языческого религиозного почитания. В силу распоряжений миссионеры являлись в юрты крещеных бурят, силой отнимали у них «бурханов» и «онгонов». Потом буряты приходили к миссионерам с просьбой возвратить отнятых бурханов и онгонов. В этом случае

миссионеры поступали, руководясь различными соображениями: ценные бурханы (золотые и серебряные) в большинстве случаев возвращались, причем миссионер брал выкуп; не ценные, как вещественное доказательство, миссионер оставлял у себя, наделяя бурята небольшой дешевенькой св. иконой. Само собой разумеется, что буряты всячески скрывали своих бурханов от розыска миссионеров, и полицейская мера не могла привести к желаемым результатам.

Крещеные буряты попрежнему продолжали иметь и почитать предметы языческой религии; вместо отнятых приобретали другие, но только тщательнее скрывали их от взоров миссионеров. Было время, когда на миссионеров возлагали большую надежду, как на лучших поставщиков «бурханов», «онгонов» и прочих принадлежностей шаманского и ламского культа. Генерал-губернатор Фредерикс советовал при устройстве Русского музея обратиться к миссионерам, кои в лучшем виде и в большем количестве могут доставить все принадлежности по отделу шаманства и ламаизма.

По повестке миссионера родовые старосты в назначенную юрту сгоняли крещеных инородцев для исповеди и св. причащения. Кратко сказавши, для чего он прибыл к ним, миссионер в такой юрте отправляет великопостные часы, читает молитвы пред исповедью и затем приступает и к исповеди. Буряты безучастно слушают непонятное чтение и пение, живо устают, садятся или выходят, курят, разговаривают. На исповеди — неискренне отвечают на вопросы священника, боясь ответственности за свои грехи, в сущности не понимая, для чего требуют всего этого от них и для чего их оторвали от обычных занятий. На следующий день — тоже непонятное краткое богослужение, заканчиваемое св. причащением. Впечатление и в этот день такое же, что и в предыдущий. Выполнение тяжелой повинности для той и другой стороны заканчивается, наконец, к обоюдному удовольствию. Христианский долг исполнен. В большинстве случаев непосредственно за выполнением долга тут же предлагается угощение.

Очень важною пособницею для миссионера в его просветительной деятельности должна быть правильно организованная и вполне оборудованная школа для детей инородцев. Школы, действительно, были открыты при всех миссионерских станах; учреждены были при этих школах и пансионы на десять детей в каждой.

Бурятские улусы, при малочисленности населения, в большинстве разбросаны на целые версты и даже десятки верст. При таком характере бурятских поселков (улусов) школа естественно всегда и везде должна быть очень отдаленною от юрт, так что посещение детьми школы или очень затруднительно или совершенно невозможно. При таких условиях в школе могли обучаться только дети тех родителей, которые

могли содержать их в пансионе. Но и помимо этого миссионерская школа не могла завоевать симпатии инородцев еще и по следующим причинам. Эти школы в большинстве случаев не имели собственного здания, они ютились в одной из комнат дома священника-миссионера; в этом же доме ютился и так называемый пансион. Теснота помещения, отсутствие более или менее сносной школьной мебели, наглядных пособий и сносных учебников — не могли служить достаточной приманкой для бурятского населения. Убогая по внешней обстановке, миссионерская школа была еще беднее по своему внутреннему содержанию, по постановке учебного и воспитательного дела.

Неудивительно, что в жизни миссионерской школы имели место такого рода явления. Посещает школу ревизующее лицо. Начинает разговаривать с учащимися, предлагает им вопросы. Дикари тупо смотрят в лицо вопрошающего, и ни одного звука на слова вопрошающего. Ревизующий в недоумении обращается за разъяснением к учителю и получает ответ, что дети не понимают по-русски. Ревизующий просит учителя поговорить с ними, но, к крайнему своему удивлению, получает совершенно серьезный ответ: «Я бурятского языка не знаю». Учитель русский не знает бурятского языка, а ученики-буряты не знают русского языка.

С большими усилиями втечение 4—5 лет удавалось немногих избранных научить грамоте, т. е. русскому чтению, письму и счету. Бурятского мальчика со слов обучали христианским молитвам и краткой священной истории: учитель говорил непонятные для учеников слова, а они повторяли их за ним до тех пор, пока не запоминали. Таким путем добивались того, что втечение нескольких лет бурятские мальчики твердо запоминали молитвы, краткую св. историю, бойко читали на память, не понимая ни одного слова из заученного.

Пансионеры помещались в большинстве случаев в кухне у миссионера, иногда не имели даже нар для спанья и располагались на полу. Семья миссионера тяготилась этой обузой и употребляла все усилия к сокращению числа пансионеров и срока их содержания, стараясь хотя что-либо сэкономить в свою пользу от получаемых на пансион денег. Неприглядная обстановка, скудность содержания, иногда грубое обращение были причиной того, что дети под разными предлогами уходили из пансиона и целыми неделями проживали в родных улусах. К возвращению беглецов в большинстве случаев мер никаких не предпринималось, потому что такие отлучки были не безвыгодны для семьи миссионера. Само собой разумеется, что по отчетам все обстояло благополучно: законное число пансионеров регулярно регистрировалось, и аккуратно получались за их содержание деньги. Были такие миссионеры, которые втечение нескольких лет не

имели в своем пансионе ни одного пансионера, получая в то же время деньги на полный комплект да еще прося прибавки, ссылаясь на дороговизну содержания. При некоторых станах, при которых нет русского населения, школа состояла только из пансионеров. При полном отсутствии таковых школа совершенно не функционировала, хотя содержание на школу, на пансионеров и жалованье учителям получалось исправно.

С начала девятидесятых годов иркутская миссия вступила в третий период своей жизни и деятельности.

Прежние льготы для новокрещеных прекратились; благотворительность миссии в виде выдачи подарков, белья, одежды, чая, хлеба и, главное, денег, теперь также уже отошла в область преданий; высшая гражданская власть губернии в лице генерал-губернаторов и губернаторов совершенно прекратила свое содействие в деле привлечения бурят к принятию крещения; вслед за высшими властями и местные ее агенты совершенно отстранили себя от какого-бы то ни было участия в помощи миссионерам. Это последнее обстоятельство как нельзя лучше учтено и использовано было бурятами Тункинского края. Не видя более давления со стороны гражданского начальства, они почувствовали свободу и, не будучи предрасположенными к христианству, вскоре встали в оппозицию к нему, хотя пока тайную. Крещеные стали усиленно скрывать от миссионеров своих детей; розыски в большинстве случаев не приводили к желаемым результатам благодаря бездействию местных властей. В юртах крещеных инородцев свободно начали появляться предметы буддийского религиозного культа, не скрывавшиеся даже и пред миссионерами; иконы снимались со стен и снова появлялись только к приезду миссионера или по его просьбе и в его присутствии. От исполнения христианских обязанностей под разными предлогами буряты начали усиленно уклоняться. Ламские семьи начали непомерно умножаться за счет семей крещеных. Ламы и местные и приезжие из Монголии усилили свою пропаганду; они в буквальном смысле наводняли бурятские улусы, подолгу жили в них, устно и письменно — путем листков тибетской священной литературы и всевозможных священных изображений — пропагандируя свою национальную религию. Кыренский дацан обогащается, расширяется, число его насельников — лам увеличивается, в его школе без всякого опасения с какой бы то ни было стороны получают подготовку более сотни молодых людей в духе ламаизма и монголо-бурятского национализма. Кроме дацана, в населенных улусах несфициально устраивается нечто вроде молитвенных домов, в которых ламы тайком, хотя и открыто, совершают богослужение, привлекая массы молящихся.

Распропагандировав тункинских бурят, ламы отсюда свободно переносят свою деятельность среди бурят уездов Балаганского и Верхоленского. В последнем уезде они усиленно распространяли ламаизм среди как бурят-шаманистов, так и среди крещеных, располагая всеми средствами бурят к возбуждению ходатайств об открытии здесь дацана.

Гужирским станом в 1870 году заведывало до последнего времени одно и то же лицо. Продолжительная его служба в этом стане дала ему возможность освоиться с языком и бытом бурят. Как благочинный всей Тункинской миссии этот миссионер мог бы иметь большое значение в деле поступательного развития миссионерского дела в этом крае.

Он был учеником архиепископа Парфения и половину своего миссионерского служения прошел под руководством архиепископа Вениамина. На дело миссии он смотрел глазами архиепископа Вениамина и строго придерживался принятой последним системы. Поддерживая всегда дружеские отношения с местными властями, пользуясь поддержкой высшей власти епархиальной и губернской, он прежде всего и главным образом заботился о возможно большем количестве присоединяемых к православной церкви бурят, того же требуя и от подведомых ему миссионеров. К принятию христианства привлекал он язычников не силой убеждения внутреннего, не словом миссионерской проповеди, а средствами внешними — авторитетом христианства, как религии государственной, религии, которую исповедует великий государь русский и его высшие сановники; он всегда развивал пред бурятами мысль, что государю угодно, чтобы все его подданные были одинаковы с ним по вере, т. е. христианами, что государь и высшее начальство недовольно отказами бурят от принятия крещения. На местных инородческих властей он воздействовал таким же путем: с одной стороны, запугивание строгою, тяжелою ответственностью за несочувствие делу миссии, с другой — обещание наград и действительные ходатайства о награждении податливых лиц, все это в широких размерах практиковалось этим миссионером. Посещая улусы своего стана, присутствуя на .....[1]) всех ведомств Тункинского края как благочинный, он всегда и везде являлся главным образом как представитель русской высшей власти, с авторитетом власти, и не столько церковной, сколько гражданской. Далее этого в большинстве случаев он не шел. Цель при существовавшей в то время системе достигалась. С внешней стороны, так сказать, показной, тункинская миссия процветала; тысячи инородцев регистрировались христианами.

С девятидесятых годов миссия должна бы была изменить свой характер и тактику, встать на новый путь. Миссионеры отчасти со-

[1]) Неразборчиво.

знавали это, видели необходимость нового направления в своей деятельности, но выбраться на этот новый путь по собственной инициативе не были в состоянии без толчка сверху, без внешнего руководительства.

Несколько отрадное явление за этот период представляет учреждение в 1892 году при Миссионерском комитете переводческой комиссии для перевода священных, богослужебных и религиозно-нравственного содержания книг на бурятский язык. До сего времени в распоряжении агентов русской среди бурят миссии не было соответствующей литературы как на русском, так и на бурятском языках. Между тем нужда в подобной литературе была существенная. Помимо хорошо составленных учебников и учебных пособий необходимо было широкое распространение среди бурят книжек и брошюр религиозно-нравственного содержания, исторических, бытовых и т. п. Кроме св. евангелия в полном объеме весьма полезным было бы распространение отдельных рассказов из евангельской истории и из истории деятельности св. апостолов, сказания о св. мучениках, героях христианства, жития христианских и в особенности русских св. подвижников, знаменитых св. миссионеров, отдельные рассказы из русской истории, в которых рельефно изображается величие русского христианского народа и русского государства. Бурят должен знать, что, если не теперь, то, по крайней мере, ранее были великие люди—герои среди христиан вообще и русских в частности. Русские былины с их героями-борцами с враждебными злыми силами, русские сказки, действуя на воображение детей степей и гор, незаметно приохотили бы бурят к чтению книжек и брошюр русского издания, и такое чтение могло сделаться любимым занятием падких до таких расказов. Распространение книжек и брошюр, в которых в положительных типах изображается жизнь культурного русского народа, как нельзя более поднимет в глазах бурят авторитет русский, возбудит естественное желание и стремление перенести в собственную жизнь прочитанное в книжке и брошюрке. Дитя природы, в душе мечтатель и, по-своему, поэт, бурят в то же время и человек жизни действительной; он любит и умеет смотреть на вещи с практической, утилитарной точки зрения. Поэтому в высшей степени важно было распространение среди бурят книжек, брошюр и листов чисто житейского практического содержания, т. е. относящихся к различным отраслям хозяйства, по огородничеству, птицеводству, скотоводству, молочному хозяйству, коневодству, земледелию и всевозможным ремеслам. Такие книжки-брошюры должны бы быть просто, но серьезно изложены. Бурят — человек чуткий. Серьезная, основательная статейка покажет ему, что с ним не шутят, не смеются над ним; что на него смотрят тоже как на человека серьезного, что

ему желают дать основательное руководство, знание, действительно полезное для него. Такой литературе он сам пойдет навстречу, с удовольствием будет брать, хранить и распространять ее. Имея в руках такую полезную и разнообразную литературу, он совершенно правильно оценит ее и не будет с жадностью голодного набрасываться на литературу заграничную — тибетскую. Этой-то насущной нужды и должна бы была дать удовлетворение переводческая комиссия. Но для этого важного и очень сложного дела требуются большие силы интеллектуальные и средства материальные, правильная организация, с определенной, строго выработанной, программой. Основанная в 1892 году переводческая комиссия в составе только четырех человек с ежегодным бюджетом в 500 рублей не могла, разумеется, развернуться так, чтобы осуществить, хотя бы в минимальных размерах, то, что должно было войти в ее задачи и программу. Комиссией изданы следующие переводы: 1) «Огласительное поучение готовящимся ко св. крещению язычникам», 1886 г., ц. 25 коп.; 2) «Чин божественныя литургии св. Иоанна Златоуста, с переводом на наречие Северо-Байкальских бурят», 1896 г., ц. 40 коп.; 3) «Последование о исповедании и чин, егда случится вельми скоро больному дати причастие», 1898 г., ц. 25 коп.; 4) «Первоначальный учебник русского языка для бурят», 1896 и 1900 г.; 5) «Правдивое слово к бурятам», 1901 г.; 6) «Книги для чтения в бурятских школах с приложением русско-бурятского и бурятско-русского словаря», 1903 г.; 7) «Священная история ветхого и нового завета», 1908 г.; 8) «Св. евангелие от Матфея», 1909 г.; 9) «Некоторые церковные песнопения в переводе на бурятский язык», перевод Забайкальской духовной миссии; 10) «Столетие 1812—1912 года»; 11) «Св. евангелие от Марка, на бурятском и русском языках», 1912 г., ц. 50 к.; 12) «Букварь для обучения грамоте в бурятских школах»; 13) «Чтение о св. христианской вере, изложенное в беседах с бурятами»; 14) «Житие св. Николая, епископа Мирликийского», 15) готовящийся к изданию перевод евангелия от Луки.

Этого небольшого количества трудов и изданий переводческой комиссии, притом уже запоздавших в своем появлении, конечно, было недостаточно для того, чтобы помочь делу Иркутской миссии и спасти Тункинскую миссию от полнейшего краха, даже при условии, если бы миссионеры пожелали как следует воспользоваться этими изданиями.

Совокупность всех выше изложенных обстоятельств создала такое положение Иркутской миссии, которое неминуемо должно было привести ее и действительно привело к печальному концу.

Когда разразилась гроза 1905—06 гг., оказалось, что дело, повидимому, правильно организованное и прочно поставленное, не имело под собой прочного основания. Здание оказалось построенным на почве зыбкой, на песке: подул сильный ветер, и от него ничего не осталось.

Когда перед глазами миссионеров раскрылось действительное положение вещей, когда почти все крещеные инородцы Тункинского края открыто заявили, что они не христиане, что они таковыми никогда и не были, что они и их предки всегда исповедывали языческую религию и жили по обрядам этой религии, а не христианской, что связи с христианством у них нет никакой, что они не имеют никакого понятия о христианстве и слышать о нем не желают, что не от их доброй воли зависела регистрация их в числе членов христовой церкви, — миссионеры оказались в безвыходном положении. У них не оказалось никаких средств к тому, чтобы собрать своих разбежавшихся овец, — и они остались пастырями без стада.

Резюмируя все вышеизложенное, на основании исторической действительности, необходимо приходим к следующим положениям, объясняющим факт массового отпадения бурят от христианства в язычество в Иркутской епархии и, в частности, в Тункинском крае.

До шестидесятых годов бурят крестили массами без предварительного оглашения при содействии гражданских и местных инородческих властей, поощряя последних подарками, наградами, а иногда принуждая их к тому силой.

Буряты принимали крещение или по принуждению со стороны местных властей или из-за подарков и различных льгот.

Крещеные буряты, живя среди своих сородичей язычников, ничем не отличались от них, спокойно жили по верованиям и обрядам язычества.

В семидесятых и восьмидесятых годах систематически осуществлялся принцип: поскорее и побольше окрестить бурят, чрез крещение сделать их русскими.

С открытием станов, постройкой храмов, школ и причтовых домов буряты привлекаются к материальному содержанию зданий, принадлежащих стану, что порождает сильное неудовольствие среди бурят.

Миссионеры прибегали к внешним средствам для привлечения бурят к исполнению ими христианских обязанностей и крещению детей, к помощи полиции и местных инородческих властей: силою отбирают иногда очень ценные, языческие бурханы и онгоны.

Миссионеры и миссия держатся пока благодаря покровительству и внешней поддержке высшего губернского и местного начальства. Не только единичные, но и массовые случаи крещения бурят, благодаря внешнему влиянию, совершаются в широких размерах.

В девятидесятых годах и до последнего времени положение миссии изменилось. Содействие миссии со стороны гражданской власти губернии прекратилось. Льготы за крещение, подарки в виде белья, одежды, хлеба и денег прекратились.

Буряты быстро учитывают перемену направления в ходе миссии и по-своему реагируют на это явление: желающих креститься не оказывается (нет материальной выгоды), крещеные совершенно уклоняются от исполнения христианских обязанностей под разными предлогами и усиленно скрывают от крещения своих детей.

Так называемое освободительное движение в России и высочайшие указы 17 апреля и 17 октября 1905 г. дали возможность ламам довести до конца давно начатое и умело подготовлявшееся дело. Вышеозначенные указы ламы разъясняли бурятам в смысле не только разрешения некоторым из них возвратиться к религии предков, но даже в смысле повеления всем бурятам иметь только одну бурятскую веру, т. е. ламаизм.

Пропаганда лам, сосредоточенная ранее только в Тунке, как местности, пограничной с Монголией, с населением почти только бурятским и, следовательно, более удобной, сделавши свое дело, не остановилась в своем поступательном движении. Агенты ламаизма и монголобурятского национализма уже перенесли свою деятельность и в среду балаганских и верхоленских бурят. Если в настоящее время не замечается здесь движения, аналогичного с тункинским, то это не значит, что его совсем и нет здесь.

При усилении ламской агитации, при их энергии, тактичности и ловкости возможен и здесь поворот в пользу религии, под знаменем которой может совершиться объединение всех бурят, о чем так усиленно и горячо мечтают, говорят, в пользу чего с необыкновенной энергией и последовательностью работают здесь поборники идеи монголобурятского национализма.

Свои нужды, свои pia desideria Иркутская миссия подробно изложила на бывшем в 1910 году в Иркутске Сибирском миссионерском съезде. Все постановления съезда, касающиеся Иркутской миссии и представленные в 1910 г. в св. синод, необходимо рассмотреть в возможно непродолжительном времени, все их провести в жизнь.

Архиепископ иркутский Серафим.

Доклад в совет министров Колчака главного управления по делам вероисповеданий от (?) 1919 г. № 65 об отпуске ежемесячного пособия Бандидо-Хамбо-Ламе [1].

Бандидо-Хамбо-Лама, назначенный на должность особым указом верховного правителя летом текущего года, есть духовный и вместе с тем политический вождь и глава всего монгольского населения Урянхайского края. Влияние и значение Бандидо-Хамбо-Ламы не ограничивается указанной областью: оно простирается и на бурятское население всей Восточной Сибири. В бытность Бандидо в Омске уже был предрешен вопрос о принятии на счет казны содержания самого Бандидо и управления при нем, причем дано было задание Бандидо-Хамбо-Ламе, по приезде в Урянхай, разработать материал и представить соображения по данному вопросу, необходимые главному управлению по делам вероисповеданий для составления и проведения в законодательном порядке особого положения об управлении Урянхайским краем с соответствующими штатами сего управления. Однако политические обстоятельства: распространение большевизма в части Урянхайского края, с занятием некоторой территории последнего, не дали возможности Бандидо-Хамбо-Ламе не только осуществить выше указанные задания, но даже прибытия в свою постоянную резиденцию. Вынужденный силою обстоятельств скитаться по разным местам Восточной Сибири, Бандидо-Хамбо-Лама оказался в тяжелом материальном положении, о чем свидетельствуют донесения как самого Бандидо-Хамбо-Ламы, так и гг. управляющих Енисейской и Иркутской губерниями и комиссара края г. Федорова. Вследствие этого местные власти в счет имеющего быть казенного содержания Бандидо вынуждены давать ему заимообразно авансы из имеющихся в их распоряжении кредитов, и всего таким образом было выдано 62 500 руб.

Признавая важное религиозно-политическое значение, какое связано с личностью и рангом Бандидо-Хамбо-Ламы, а также безвыходность его материального положения и неудобство ставить главу Урянхайского края в зависимость от случайных заимообразных пособий, главное управление по делам вероисповеданий считает ассигнование особого кредита для Бандидо-Хамбо-Ламы делом в политическом смысле неотложным, а потому и имеет честь ходатайствовать перед советом министров об отпуске на вторую половину 1919 г. на содержание Бандидо-Хамбо-Ламы и при нем управления ежемесячного пособия в сумме 20 000 рублей.

Заместитель главноуправляющего профессор П и с а р е в.

---

[1]) ЦАОР, фонд № 140, мин. вн. дел, д. № 6-7, 1919-1920 гг.

Постановление совета министров Колчака об отпуске средств на расходы по управлению духовными делами ламаитов Урянхайского края от 2 октября 1919 г.

Настоящее постановление вступает в силу и подлежит обнародованию без утверждения верховным правителем в силу указа верховного правителя от 27 августа 1919 года.

Председатель совета министров П. Вологодский.

Об отпуске средств на расходы по управлению духовными делами ламаитов Урянхайского края.

Совет министров, по представлению главноуправляющего по делам вероисповеданий, журналом октября 2 дня 1919 года, постановил:

Впредь до утверждения штатов отпустить авансом в распоряжение Бандидо-Хамбо-Ламы урянхайского духовенства двадцать тысяч рублей на расходы по управлению духовными делами ламаитов Урянхайского края.

Директор канцелярии совета министров Д. Жабицкий.

Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов.

Публикуемые здесь документы продолжают серию документов, напечатанных в XXXIX т. «Красного архива» («К процессу Адриана Михайлова, Веймара и др.»).

Откровенные показания и раскаяние Адриана Михайлова (а также О. Натансон) рисуют характерную черту в том переломе, какой совершился в революционном народничестве, оформившись в расколе «Земли и воли». Однако было бы ошибочным предполагать, что раскаяние Адриана Михайлова есть выражение пропагандистских тенденций кругов, не пошедших за народовольцами. Признание террора ошибочной тактикой, отходом от непосредственной борьбы за социализм, как утверждали чернопередельцы, вовсе не вело к откровенным показаниям и раскаянию, как это можно было бы заключить из поверхностного рассмотрения данных документов.

В шаге Адриана Михайлова (как и ряда других) сказалась черта многих буржуазных демократов, испугавшихся революционной тактики и в своем испуге доходивших вслед за либералами до прямой поддержки самодержавия.

Когда Адриан Михайлов говорит, что террорист это человек, совершающий убийство по принципу, возводящий террор в систему, то он выражает этими словами отрицание революционной тактики, отклоняющей путь компромисса, стремящейся к решительному доведению борьбы до конца.

Народовольческая тактика объективно отражала нараставшую борьбу крестьянства против господства крепостников. Народовольцы не видели только путей этой расправы, не знали, в какую форму облечь эту «плебейскую» расправу над помещичьим самодержавием.

Эту форму дал только пролетариат и его партия, осуществившие союз пролетариата и руководимого им крестьянства и возглавившие его борьбу против самодержавия.

Когда чернопередельцы осуждали народовольческую тактику, они исходили при этом из анархического противопоставления социалистической пропаганды политической борьбе. Часть чернопередельцев, убедившись в том, что социалистическая пропаганда среди рабочих неразрывно связана с политической борьбой, покинула почву анархизма и встала на путь марксизма (Группа «Осв. труда»), в то время, когда другая часть либо вернулась в лоно народовольчества, либо прямо отошла в той или иной форме от революционной работы.

Когда Адриан Михайлов осуждал народовольческую тактику (нужно иметь в виду, что речь идет о начальном периоде развития этой тактики), он осуждал ее с точки зрения буржуазного либерала, убоявшись перехода народовольческой террористической тактики в крестьянскую революцию и оформивши свой отход откровенными показаниями.

И. Н.

Рапорт прокурора С.-Петербургской судебной палаты гр. Лорис-Меликову от 15 мая 1880 г. № 889 [1])

Секретно.

Арестантское.

Господину главному начальнику Верховной распорядительной комиссии.

На основании параграфа 22 высочайше утвержденного 7 марта 1866 г. мнения Государственного совета имею честь представить при сем вашему сиятельству прошение содержащегося в С.-Петербургском доме предварительного заключения Адриана Михайлова.

Прокурор судебной палаты [подпись].

Прошение Адриана Михайлова на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 14 мая 1880 г.

Его сиятельству главному начальнику Верховной распорядительной комиссии генералу-от-кавалерии генерал-адъютанту графу Лорис-Меликову

приговоренного к смертной казни
Адриана Федорова Михайлова

Прошение.

Ваше сиятельство! Суд признал меня виновным в принадлежности к преступному сообществу, совершившему в последние годы ряд самых тяжких, самых ужасных преступлений, принесших так много зла России. Во все продолжение заседаний суда я неоднократно заявлял суду и старался доказать полное отсутствие всякой солидарности между моей любовью к русскому народу и убеждениями людей террора, людей кинжала, револьвера и динамита, людей, заменивших разумное человеческое слово орудиями смерти. Суд, приговорив меня к смертной казни, показал, что он не поверил моим заявлениям, между

---

[1]) Архив революции и внешней политики.

тем как мое поведение на суде и мое настоящее прошение к вашему сиятельству могли бы показать мою полную искренность.

Ваше сиятельство! Если и вы не верите полной искренности моего заявления, что я не участвовал не только фактически, но даже нравственно в тяжких преступлениях, совершенных в последние годы людьми, которых я считаю, и до последней минуты буду считать, злейшими врагами русского народа, — то пусть и меня постигнет кара правосудия, назначенная людям, с которыми у меня нет ничего общего. Но и тогда, ваше сиятельство, я обращаюсь к вашим чувствам гуманности и великодушия, о которых я так много и так часто слышал втечение восьмилетнего своего пребывания в Ставропольской гимназии от товарищей своих, горцев Терской области, и прошу вас разрешить мне в последний раз и навеки проститься с многолюбящей и так много выстрадавшей, пережившей такие мучительные минуты семи дней судебного заседания, сестрой моей.

В полном доверии к вашим чувствам остаюсь

Адриан Михайлов.

Дом предварительного заключения.

Мая 14 дня 1880 года.

Прошение Н. Ф. Михайловой на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 14 мая 1880 г.

Его сиятельству господину председателю Верховной комиссии графу Лорис-Меликову

дочери умершего титулярного советника Надежды Михайловой

Прошение.

Смертный приговор, произнесенный несколько часов тому назад над братом моим, Адрианом Михайловым, не оставляет мне для сохранения мне дорогой жизни другой надежды, кроме надежды на милосердие высокопоставленного лица, облеченного монаршим доверием. Не обладая ни красноречием, ни опытностью, которые были бы нужны в деле такой важности, тем не менее осмеливаюсь думать, что простой безыскусственный голос, идущий из глубины растерзанного сердца, найдет себе отзвук в сердце вашего сиятельства и склонит вас благосклонно внять мольбе о предотвращении удара, который, поражая моего брата, поражает и меня.

Молю ваше сиятельство о сохранении молодой двадцатишестилетней жизни, молю не за него только, но и за себя. Лишившись роди-

телей еще в ранней молодости, я привыкла видеть свою семью в двух братьях, оставшихся вместе со мной сиротами.

Старший брат, бывший опорой семьи, погиб во время последней кампании на том же малоазиатском театре войны, который был свидетелем подвигов вашего сиятельства. Со смертью его вся любовь моя сосредоточилась на последнем, младшем брате, заботу о котором отец, умирая, завещал мне, в то время еще шестнадцатилетней девочке. Насколько хватало моих сил, я старалась исполнить отцовский завет, и трудовая, безрадостная моя молодость озарялась надеждой, что брат, когда подрастет, в свою очередь, будет опорой моей старости. Не сбылись эти надежды, но не о своей, отныне бесприютной жизни скорблю я; радостно понесла бы я и далее свою скромную жизненную долю, если б мне только дано было знать, что я не в конец одинока в мире, что мальчик, завещанный мне отцом и в которого я вложила самую горячую привязанность моего сердца, еще живет и дышет, что он может еще изведать и чистые радости бытия и добрые чувства, словом — все те блага, надежду на которые одна смерть отнимает бесповоротно.

Покорно приняла я смерть старшего брата и в печали своей находила утешение в мысли, что он умер, исполняя свой долг. Теперь, лицом к лицу с новой грозящей мне утратой, я не имею другого утешения, кроме надежды, что эта смерть и этот исполненный долг старшего брата — эта первая утрата сестры — зачтутся милосердием к младшему брату.

Ваше сиятельство! Жизнь Адриана Михайлова в ваших руках. Не сочтите за дерзость с моей стороны, если я осмеливаюсь надеяться, что вы с высоты той власти, которой облечены, снизойдете к мольбам и горести одинокого и безвестного существа, обращающегося к вам в страшную, роковую минуту.

Дочь умершего титулярного советника Надежда Михайлова.

14 мая 1880 г.

С.-Петербург.

Прошение О. А. Натансон на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 14 мая 1880 г.

Его сиятельству г-ну главному начальнику Верховной распорядительной комиссии

жены бывшего студента Ольги Александровой Натансон

Прошение.

Приговором Петербургского военно-окружного суда, состоявшимся 14 сего мая, я признана политической преступницей, в силу чего

определено, по лишении меня всех прав состояния, сослать в каторжные работы на заводы сроком на шесть лет. Подчиняясь вполне этому приговору относительно юридической его силы, я приемлю ныне смелость ходатайствовать перед вашим сиятельством о смягчении наложенного на меня судом наказания. Основанием такой моей почтительнейшей просьбы служит крайне болезненное мое состояние, которое состоит в начинающей развиваться чахотке и сильном малокровии, что может быть удостоверено по надлежащем медицинском освидетельствовании меня. Мне еще остается принести вашему сиятельству положительное заверение в том, что почти двухгодичное предварительное заключение в крепости и, наконец, самая кара заставили меня изменить мои убеждения.

Я отрекаюсь от всех моих прежних помыслов и действий и даю обещание последующей моей жизнью загладить мое прошлое.

Жена бывшего студента Ольга Натансон.

С.-Петербург. Мая 14 1880 года.

Прошение сие верю подать защитнику моему коллежскому секретарю Скачилову. Ольга Натансон.

Рапорт коменданта С.-Петербургской крепости гр. М. Т. Лорис-Меликову от 15 мая 1880 г. № 363.

Секретно.

Господину главному начальнику Верховной распорядительной комиссии

Рапорт.

Написанное на имя вашего сиятельства содержащимся в С.-Петербургской крепости осужденным политическим преступником Адрианом Михайловым прошение имею честь при сем представить вашему сиятельству.

Комендант генерал-адъютант барон Майдель.

Секретарь [подпись].

Прошение Адриана Михайлова на имя гр. М. Т. Лорис-Меликова от 15 мая 1880 г.

Его сиятельству

главному начальнику Верховной распорядительной комиссии генералу-от-кавалерии генерал-адъютанту графу Лорис-Меликову

приговоренного к смертной казни

Адриана Федорова Михайлова

Прошение.

Ваше сиятельство! Суд признал меня виновным в принадлежности к преступному сообществу, совершившему в последние годы ряд

самых тяжких, самых ужасных преступлений, принесших так много зла России. Во все продолжение судебных заседаний я неоднократно заявлял суду и старался доказать полное отсутствие всякой солидарности между моей любовью к русскому народу и убеждениями людей террора, людей кинжала, револьвера и динамита, людей, заменивших разумное человеческое слово орудиями смерти. Суд, приговорив меня к смертной казни, показал, что он не поверил искренности моих заявлений, между тем как все мое поведение на суде и настоящее прошение к вашему сиятельству должны бы подтвердить правдивость моих слов.

Ваше сиятельство. Если и вы взглянете на меня глазами суда и не поверите полной искренности моего заявления, что я не только фактически, но даже нравственно не участвовал ни в одном из преступлений, совершенных в последние годы людьми, которых я считал и до последней минуты буду считать, злейшими врагами русского народа, то просить ваше сиятельство пощадить мою молодую жизнь значило бы оскорблять ваше чувство справедливости, и пусть надо мной совершится кара правосудия, назначенная людям, с которыми у меня нет ничего общего.

Но и тогда я обращаюсь к чувствам гуманности и великодушия вашего сиятельства, о которых я втечение восьмилетнего пребывания моего в Ставропольской гимназии так много и так часто слышал от товарищей своих, горцев Терской области, и прошу ваше сиятельство разрешить мне в последний раз и навеки проститься с многолюбящей, много выстрадавшей втечение девятнадцатимесячного моего предварительного заключения, пережившей мучительные минуты восьмидневного заседания суда, сестрой моей Надеждой Федоровой Михайловой, для которой я после смерти на театре войны в Малой Азии брата, штабс-капитана 73 Крымского пехотного полка Ивана Михайлова, был единственной надеждой в жизни. В полном доверии к чувствам вашего сиятельства остаюсь приговоренный к смертной казни

Адриан Михайлов.

1880 года, мая 15 дня.

Петропавловская крепость.

Всеподданнейший рапорт коменданта С.-Петербургской крепости от 15 мая 1880 г. № 356.

Его императорскому величеству

коменданта С.-Петербургской крепости

Рапорт.

Из числа перемещенных 4-го текущего мая из крепости в С.-Петербургский дом предварительного заключения на время заседания

суда, бывшего в здании судебных учреждений, одиннадцати политических подсудимых арестантов: доктор надворный советник Орест Веймар, технолог Леонтий Бердников, студент Московского университета Лейба Левенталь, дворянин Леонид Буланов, дворянин Василий Трощанский, дочь губернского секретаря Мария Коленкина, дочь поручика Александра Малиновская, жена бывшего студента Ольга Натансон и именующаяся вдовою губернского секретаря Ольгою Витаньевою, как невозвращенные по окончании суда обратно в крепость, исключены из списков содержащихся в оной.

Генерал-адъютант барон Майдель.

№ 356.

15 мая 1880 года.

С.-Петербург.

Всеподданнейшее прошение Н. Ф. Михайловой от 16 мая 1880 г.

Ваше императорское величество
всемилостивейший государь.

Припадаю к священным стопам вашего величества с мольбою о помиловании моего брата Адриана Михайлова.

В прошении, поданном им на имя его сиятельства графа Лорис-Меликова уже по произнесении приговора суда, он торжественно заверяет, что непричастен к преступлению, в котором обвинялся; то же самое и столь же настоятельно повторял он и мне во время последнего свидания, которое я имела с ним уже после того, как был произнесен приговор, осуждающий его на смертную казнь. Не смею возвышать свой голос против приговора суда, но, если мне, как сестре, заменявшей ему мать с детства, дозволено будет сказать слово в пользу его искренности, осмеливаюсь свидетельствовать перед священною особою вашего императорского величества, что знаю моего брата за человека, не способного запятнать свою совесть низким запирательством в ту торжественную минуту, когда он готовится покончить все счеты с жизнью.

Осмеливаюсь молить ваше императорское величество о даровании жизни моему брату и при этом молю и за себя, так как он остается единственною моею привязанностью в жизни, после того, как старший брат смертию своей запечатлел свою преданность царю и отечеству во время последней кампании.

С детства учили меня, что у бога милости много; в настоящую тяжкую для меня минуту подкрепляю себя надеждою на милость того, кто провозгласил, что не отделяет милость от правосудия.

С чувством глубочайшего благоговения имею честь именоваться вашего императорского величества

верноподданною Надеждою Федоровою Михайловой, дочерью титулярного советника.

16 мая 1880 года.

С.-Петербург.

Жительство имею: Пески, Большая Болотная улица, д. № 17, кв. 19.

Всеподданнейший доклад гр. М. Т. Лорис-Меликова от 16 мая 1880 г.

Петербургский военно-окружной суд, рассмотрев дело об Адриане Михайлове, Оресте Веймаре и других лицах, преданных мной военному суду по обвинению в принадлежности к социально-революционной партии, приговором, состоявшимся 14 сего мая, постановил:

1) сына титулярного советника Адриана Михайлова и 2) именующего себя сыном надворного советника Владимиром Сабуровым, по лишении всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение;

3) дворянина Василия Трощанского, 4) надворного советника Ореста Веймара и 5) технолога Леонтия Бердникова, по лишении всех прав состояния, а Веймара и имеющихся у него знаков отличия и чинов, сослать в каторжные работы в рудниках: Трощанского на 20 лет, а Веймара и Бердникова на 15 лет;

6) мещанина Лейбу Левенталя, по лишении всех прав состояния, сослать в каторжные работы в крепостях на десять лет;

7) мещанку Марью Коленкину, 8) жену бывшего студента Ольгу Натансон и 9) именующую себя вдовой губернского секретаря Ольгой Витаньевой, по лишении всех прав состояния, сослать в каторжные работы на заводах: Коленкину на 15, Натансон на 6 и Витаньеву на 4 года;

10) дочь поручика Александру Малиновскую, по лишении всех особенных прав и преимуществ, сослать на житье в Тобольскую губернию и

11) дворянина Леонида Буланова сослать на житье в Тобольскую губернию, без лишения прав и преимуществ.

Означенный приговор я утвердил 16 сего мая и обратил к исполнению.

Всеподданнейше докладывая о сем, имею счастие представить составленный, по данным мне вашим императорским величеством вчерашнего числа повелениям, проект предложения Петербургскому

военно-окружному суду о всемилостивейше даруемом подсудимым смягчении их участи.

Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов [1]).

16 мая 1880 г.

Письмо Адриана Михайлова гр. М. Т. Лорис-Меликову [2]).

Ваше сиятельство.

Со дня вашего посещения жестокие нравственные мучения не оставляют меня. Мне больно, граф, что вы, которого я считаю спасителем не только моей жизни, но и жизни дорогой моей сестры (так как за моей казнью непременно последовало бы ее самоубийство), до сих пор продолжаете, как я заметил это по вашему лицу, думать, что я террорист. Мне больно, граф, что человек, которому я обязан спасением двух жизней, считает меня единомышленником людей, которых я, социалист, признаю злейшими врагами социализма. Все время после вашего ухода я думал, каким бы образом разубедить вас в этом, и остановился на следующей мысли. Вы с большим доверием относитесь к моему лучшему другу Алексею Оболешеву, а он может подтвердить все, что я сейчас скажу вам. Со второго же дня после убийства генерал-адъютанта Мезенцева на всех социалистических «улицах и перекрестках» обсуждался вопрос: как относиться к подобного рода фактам? И везде, где мне приходилось бывать и говорить по этому поводу, я горячо отстаивал мысль:

1) что русские социалисты суть слуги русского рабочего люда и потому деятельность их может быть плодотворна только в среде этого люда;

2) что если факты, подобные убийству г.-а. Мезенцева, повторятся и будут совершаться по принципу, систематически, то такие убийства будут самоубийством русского социализма;

3) что социалисты, ставши на путь политических убийств, превращаются в чисто политических деятелей и при обыкновенном ходе дел вызовут реки крови, а только при каких-нибудь

---

[1]) На подлиннике помета: «Государь император изволил одобрить представленный проект и всемилостивейше повелел: «Адриану Михайлову даровать жизнь и сослать в каторжную работу в рудниках на 20 лет». 16 мая 1880 г. Генерал-адъютант граф Лорис-Меликов».

[2]) На письме пометы карандашом: «Получено от Лорис-Меликова». —«Совершенно секретно, в особое дело о Михайлове». «В. Н. Ц... без записи в журнал. 18/VI».

исключительных для господ террористов обстоятельствах они могут добиться политических перемен; но, так как

4) при настоящих экономических условиях русский мужик не в состоянии воспользоваться политическими переменами, то всякая сила, употребленная в эту сторону, есть не только загубленная сила, но и употребленная во вред интересам русского народа, и

5) социалисты, ставши на путь политических убийств, eo ipso становятся врагами русского рабочего люда, врагами русского социализма.

Человек, на другой день после убийства Мезенцева отстаивающий публично подобные мысли, менее всего террорист.

Вы на это сказали мне: «Раз я принимал участие в убийстве г.-а. Мезенцева, я террорист».

Нет, граф, тысячу раз нет! Террорист это человек, совершающий убийства по принципу и возводящий их в систему. Я же совершил преступление отнюдь не потому, что г.-а. Мезенцев — шеф жандармов, а потому, что воображение мое разожгли рассказами о жестокостях, совершенных над политическими арестантами, в которых будто бы повинен один г.-а. Мезенцев и никто другой; но и тут я долго отбивался от всякого участия [1]) и на другой же день отстаивал мысль о гибельности для социализма таких фактов, если они будут совершаться по принципу.

Следовательно, мое преступление имеет вполне политически-личный характер и потому подходит под действие 279 ст. воин. уст. о нак., согласно высочайшему указу от 9 августа 1878 г., а не под 249 ст. ул. о нак., куда вполне подходят террористы. А я не террорист, потому что участием в преступлении, против возведения которого в принцип я восставал всеми силами души, я не думал добиться каких либо перемен.

Объяснюсь на примере. Если бы кто-либо из «погонцев» известного подрядчика Варшавского явился ко мне и возбудил меня рассказами о всем, что они претерпели, и как на единственного виновного во всех бедах указал на г. Варшавского, то я мог бы увезти убийц г. Варшавского, но назвал бы злейшими врагами русского рабочего люда вообще и погонцев в частности всякого, кто сказал бы, что это убийство должно стать началом целого ряда их и что этим путем можно служить интересам народа.

Но ведь хотя я не допускал повторения таких преступлений, хотя я совершил его под влиянием увлечения, тем не менее я сознательный

---

[1]) Когда-нибудь убийца расскажет вам, чего стоило ему убедить меня.

сообщник убийц? Да, это правда, граф, и я вполне заслужил наказание, но не желал бы, чтобы имя мое поносилось как имя террориста; пусть друзья мои, когда меня не станет, узнают, что, совершивши преступление, на которое я никогда не смотрел глазами террористов, я теперь, видя, какую бездну зол повлекло за собой это преступление, считаю день 4-го августа 1878 г. позорнейшим днем своей жизни. Я и просил суд наказать меня по 279 ст. в. уст. о нак. единственно для того, чтобы примирить с своей памятью друзей своих, и теперь наверно проклинающих терроризм.

Могу ли я быть террористом, единомышленником людей, не остановившихся перед покушением на цареубийство? Нет, граф, и еще раз нет! Из своего знакомства с русским мужичком я вынес убеждение, что он не разумеет никаких монархий и республик, централизаций и федераций и что весь его политический кодекс заключается в следующем: существует «Русь-матушка», существует «царь-батюшка», и от второго для первой исходит всякое благо. И вдруг социалист, желающий быть слугою серой «Руси-матушки», поднимает руку на ее «царя-батюшку»! Да злейший враг социалистов не мог бы придумать ничего худшего для подрыва дела социализма среди русского рабочего люда! Я понимаю еще социалиста-фальсификатора «золотых грамот», мог бы понять социалиста-самозванца, явившегося где-нибудь под именем особы августейшей фамилии, но я решительно не постигаю социалиста—политического убийцу по рассчету, по принципу. По моему глубокому убеждению, это просто на просто конституционалист, а так как социализм русский никакого дела с политическими формами не имеет, то террорист, называющий себя социалистом, есть самозванец, и партия господ террористов, присвоившая себе название «Русской социально-революционной партии», называет себя так самозванно, как самозванен и пресловутый «Русской социально-революционной партии исполнительный комитет», который сам себя избрал, сам себя на все свои действия уполномочил. Итак — я социалист, и с точки зрения социализма, помимо общечеловеческой, считаю деятельность террористов преступной.

Вы видите, граф, что я рассуждаю логически, а следовательно — пишу в здравом уме, а следовательно — я не террорист.

Моя судьба решена, граф: 20 лет тюрьмы не вынесет никто, и следовательно, кто бы я ни был, я человек уже безвредный; наказание, назначенное мне благодаря вашему слову, я считаю крайне мягким; разыгрывать мне из себя социалиста-народника, если бы я не был таковым, слишком поздно, — а потому вы поверите мне, граф, если я скажу, что единственная причина, побудившая меня отнять у вас на

чтение этого письма часть дорогого для вас времени, состоит в том, что мне страшно тяжело думать, что человек, спасший мне жизнь мою и не менее дорогую для меня жизнь сестры, продолжает причислять меня к лику людей, от солидарности с которыми я отрекся п у б л и ч н о.

В заключение, граф, позвольте в вас приветствовать человека, который п е р в ы й на всем пространстве русской истории нашел действительные меры для излечения самых болезненных явлений русской общественной жизни. Если вам эти слова покажутся лестью, то укажите мне в русской истории хоть одного государственного человека, действовавшего в аналогичных условиях подобно вам! Ведь теперь малейший шаг со стороны террористов будет их самоубийством, ибо от них отшатнутся даже те политики, на которых сознательно или бессознательно работают господа террористы! Вот почему, граф, еще немного времени, — и террористы сами собою «измором выйдут».

Мои чувства к вам и за себя и за меня выразит вам сестра моя. Это теперь ходячая хвалебная песнь вам; при пылкости ее натуры она выцарапает глаза всякому, кто в ее присутствии дурно отзовется о вас. Кстати, я должен покаяться пред вами в одной отвратительной мысли, которую я допустил относительно вас. При вашем первом посещении вы, сказав, что подписали приговор, спросили меня: «Знаете ли вы, что ваша сестра здесь и знаете ли, что с ней?» Мне вдруг представилось, что ее посадили в тюрьму, чтоб этим путем заставить меня говорить. Это и было ближайшей причиной моего обморока; вот почему, очнувшись, на ваши вопросы я мог только ответить: «Сестра»... Простите меня, граф, что я хоть на минуту мог допустить в голову такую гадкую, отвратительную мысль о вас. Но в то время у меня голова совсем кругом шла.

Обязанный вам жизнью, обязанный вам спасеньем от невольного убийства сестры своей

А д р и а н М и х а й л о в.

P. S. Если вы найдете нужным, то я согласен на обнародование теоретической части этого письма с моим именем. Я думаю, что если бы социалисты-народники не были «байгуши» и имели в своих руках возможность публично изобличать самозванство террористов, то эти последние давно бы сократились или, по крайней мере, показали, кто стоит из их спиной.

Из записной книжки архивиста.

Из переписки С. М. и Н. М. Романовых в 1917 г.

Автор публикуемых ниже писем — вел. князь Сергей Михайлович Романов, занимавший в 1915—1917 гг. должность генерал-инспектора артиллерии при верховном главнокомандующем.

Адресат — родной брат его, вел. кн. Николай Михайлович, генерал-адъютант, числившийся по гвардейской пехоте, но предпочитавший военной службе занятия генеалогией некоторых аристократических фамилий и писание биографий своих династических предков. В начале империалистической войны он провел несколько месяцев на фронте, затем, вернувшись в Петроград, занялся, по личной инициативе, разработкой программы будущей мирной конференции, надеясь на ней председательствовать. Накануне Февральской революции Николай Михайлович возглавлял возникшую на почве страха за судьбу династии великокняжескую оппозицию режиму Николая — Александры — Распутина. После Февральской революции он вошел в оживленные сношения с некоторыми членами Временного правительства (Львовым, Керенским и др.), подчеркивая свой полный разрыв с павшим режимом и даже изображая себя его жертвой. Повидимому, он претендовал сыграть некоторую роль в развертывавшейся революции и, как это видно из публикуемых здесь писем, непрочь был даже выставить свою кандидатуру на выборах в Учредительное собрание.

Большая часть печатаемых ниже писем падает на март-май 1917 г., когда Сергей М. Романов, застигнутый революцией в ставке, жил, не имея разрешения на въезд в Петроград, в Могилеве. Последние три письма посланы в августе из Петрограда, куда автор был вызван в связи с начавшимся судебным процессом б. военного министра В. А. Сухомлинова.

В письмах рассеян ряд любопытных штрихов, ценных для характеристики отношения к революции как самих корреспондентов, являвшихся представителями свергнутой династии, так и некоторых лиц, перенявших на время верховную власть в стране — Львова, Керенского, Гучкова и др. Хотя автор писем пишет, что еще в начале февраля он был уверен «в близком конце всего» и что для него «не было никакого сюрприза в случившемся» (письмо от 9 марта), однако этот «отныне свободный гражданин», как он сам себя называет (письмо от 9 апреля), переживал развертывавшиеся события очень тревожно. В этой тревоге ясно обозначаются страх за «жену» (после революции б. великий князь решается так ее назвать) — М. Кшесинскую, выгнанную революционным народом из ее роскошного особняка и открыто обвинявшуюся во взятках за услуги по артиллерийскому ведомству, возглавлявшемуся автором писем, неприятная перспектива и самому предстать к ответу перед новой властью за многочисленные злоупотребления по тому же

ведомству, угроза остаться без средств в связи с ликвидацией доходов от уделов и т. д.

Однако Сергей Михайлович пытается делать счастливое лицо при плохой игре и изображает себя человеком, которому революция принесла то, чего он всю жизнь добивался: «Наконец, я могу, — пишет он в пасхальном письме к брату, — открыть ту картину нашего ведомства, против которого я столько лет воевал». В непубликуемом здесь письме Керенскому, по назначении последнего военным министром, Сергей Михайлович писал: «Двенадцать лет я боролся за правду, честность и справедливость, но при старом режиме произвола и абсолютизма, борьба была весьма трудная и подчас совершенно бесплодная... Увы! Мой голос тонул в омуте режима»... Но, «наконец, и мы, великие князья, достигли равноправия наравне со всеми русскими гражданами...» Керенский положил на письме «достигшего равноправия» б. вел. князя следующую резолюцию: «Просить Чрезвычайную следственную комиссию Бальца ускорить расследование о злоупотреблениях в Артиллерийском управлении эпохи [разрядка редакции] Сергея Михайловича Романова». Учтивый «министр революции» не решился сказать о личной ответственности б. великого князя за то, что творилось в его ведомстве разными авантюристами, а лишь об эпохе, когда все это происходило. И естественно, что Керенский Сергею Романову и Кшесинской представлялся «светлой личностью», «очень светлой головой и приятным собеседником»; при посещении ставки Керенский провел с автором писем целый час, и они «очень приятно болтали», причем Керенский посоветовал ему посидеть еще в ставке и не показываться некоторое время в столице, чтобы «желтая пресса не начала опять писать какие-нибудь статьи».

Однако покровительство Керенского, Гучкова, Львова и других не принесло Сергею Михайловичу улучшения его судьбы. Политическая ситуация на фронте и в тылу складывалась неблагоприятно для вожаков империалистической буржуазии. Керенский уже к началу мая, по выражению автора писем, «устарел». Миллионы одетых в военную форму рабочих и крестьян не хотели продолжать войну за идеалы Милюкова и К-о. Совершенно естественно, конечно, что это вызывает бешеное раздражение б. великого князя. Уже в мае он ясно видит, что лозунги Ленина и большевистской партии гораздо понятнее и ближе солдатским и рабочим массам, чем шовинистическая трескотня на фронтовых и тыловых митингах «главноуговаривающего» Керенского и его присных. Он предвидит, что Учредительное собрание введет в б. царской России республиканский строй; Николая Михайловича он считает республиканцем. Но этот «отныне свободный гражданин» не может победить в себе отвращения ко всякому иному строю, кроме автократического, и убежден, что «если республиканское правительство начнет вводить порядок, оно рухнет через очень короткое время» (письмо от 10 мая). Представитель выродившейся династии, сидевшей на шее многомиллионного народа втечение трехсот лет, аттестовал этот самый народ так: «Теперь, что солдат, что мужик — все равно, — все они, обуреваемые алчностью, составляют 150 миллионов дикарей». «Русский человек, — продолжает он, — до того некультурен, до того дик, что он в настоящее время способен только на две жизни: или под палкой твердой власти, в страхе наказаний, — или же в полной анархии под девизом — бери и хватай все, что не твое... Всякое понятие о приличии испарилось».

Как видит читатель, для этого матерого феодала народ, разбивший, наконец, цепи помещичье-буржуазной эксплоатации, был стадом двуногих

зверей, которым нужен был только кнут и палка. Закономерность развертывавшейся под руководством большевистской партии революции была ему совершенно темна и непонятна. Он видел во всем происходившем лишь хаос, борьбу человеческой алчности, бунт «дикарей» против «законов человечества», под которыми он разумел право помещичье-буржуазного класса на эксплоатацию трудящихся деревень и городов.

Очень любопытна тирада в письме от 10 мая: «я совершенно не понимаю идей главарей с.-д., — говорит Сергей Романов,— иллюзия ли у них или неразвитость. Ведь они же люди с образованием, — как же они не понимают, что творится». Объяснять участие в революции «неразвитостью» и недоумевать перед наличием сочувствия революции со стороны людей с «образованием» — это тот предел политического невежества и умственного убожества, который характерен для представителей разбитых революцией эксплоататорских классов. Публикуемые письма являются новым свидетельством того, что члены романовского «семейства» в своем интеллектуальном и моральном убожестве и в неумении правильно разобраться в политической обстановке страны, недалеко ушли от главы династии и его супруги, руководившихся в последние годы, перед Февралем, безграмотным колдуном Распутиным с его «русской смекалкой», указывавшей коронованным вырожденцам пути спасения от надвигавшейся революции, но все таки не спасшей их от гибели.

А. С.

1.

1917 г. 9 марта.

Мой милый Николай.

Меня очень огорчило то, что ты сказал Драке, «отчего я тебе ничего не писал в Грушевку»... Неужели ты можешь думать, что я либо тебя забыл, либо нарочно тебе не писал, чтобы не компрометировать себя? Очень больно думать, что ты такого гнусного мнения обо мне. Мы так всегда были дружны с тобою, а в особенности последнее время, когда я во всем был с тобой солидарен. Ведь причины моего молчания так просты, — в Петрограде я был на конференции [1]) и не имел буквально ни одной свободной минуты: каждый день заседания, иногда два в день; между заседаниями и каждое утро ко мне приходили либо иностранцы, либо наши артиллеристы, а по вечерам — обеды. Вернулся сюда, а тут накопилось столько дел, что каждый день я был занят.

Кроме того я прекрасно знал, что тебе пишет масса людей, и ты все время в курсе всех вопросов. Я был так занят, что утренних газет ни разу не удалось прочесть. Вот видишь, как это просто, и сомнений в моей дружбе к тебе быть не может.

Теперь я тебе сообщу, что здесь происходило. Когда Ники [2]) сюда приехал, я был болен простудой и лежал в кровати. Вышел из дому только 1 марта, так что — что происходило у него, я точно не знаю, но, по рассказам, он ни с кем не разговаривал. Об отъезде его в ночь с 27-го на 28-е я узнал только 28-го в 10 утра (в этот день я первый раз встал). Днем 1 марта уже узнали, что поезда не пропускают, и они блуждают между «Бологоем» и «Дном». Все очень волновались. Бедный Алексеев ужасно страдал. Родзянко говорил с ним по аппарату, что необходимо немедленное отречение в

---

[1]) В конце января — начале февраля 1917 г. в Петрограде происходило очередное совещание представителей союзных главнокомандующих, пришедшее к заключению, что военные операции 1917 г. должны иметь решающий характер, а потому наступательные действия на зап. и вост. фронтах должны вестись с максимумом средств.

[2]) Николай II приехал в ставку, после двухмесячного отсутствия, 23 февраля.

пользу Алексея с регентством Миши. Сейчас же все сообщалось Рузскому для передачи царю по приезде во Псков. Прямых сношений с поездом не было. Время шло и шло. Из Петрограда приходили все более и более тревожные сведения, но до Пскова еще не доехали. Наконец, доехали. Началось ожидание приезда в Псков Гучкова и Шульгина. Алексеев сообщил Рузскому для доклада царю о необходимости отречения в пользу Алексея. Все главнокомандующие, вплоть до Н. Н. [1]), телеграфировали в Псков то же самое.

Началось томительное ожидание решения. До поздней ночи я сидел с массой офицеров в телеграфной комнате в ожидании решения. Наконец, пришла телеграмма, что акт отречения подписан. Все вздохнули, но остались ожидать следующей депеши с изложением манифеста. Когда же пришла телеграмма об отречении в пользу Михаила, мы все ахнули, так как все знали, что это противозаконно.

Конец после этого был уже ясен. Ночью Родзянко сообщил Алексееву, что отречение опоздало, а днем сообщили, что Миша временно отказался. Я сейчас же вызвал Сандро [2]) к аппарату и советовал привезти сюда М. Ф. [3]) Я уже был уверен, что М. Ф. приедет только для прощания с сыном. Вчера она с ним простилась, и его увезли в Царское.

Сегодня М. Ф. уехала с Сандро в Киев, где спокойно. М. Ф. разрешено жить, и местные общественные власти ей гарантировали неприкосновенность. Очень надеюсь для бедной старушки, что ее никто не тронет. Тяжело было на нее смотреть; она еще не вполне отдает себе отчет в создавшемся положении.

Вот в кратких словах все, что произошло здесь. Сандро и я мы совершенно спокойно смотрим на будущее и почти уверены, что нас уберут с фронта, но сами подавать в отставку не имеем права в настоящее время, так как служим и по закону не имеем права. Сегодня все присягнули на верность Российскому государству и Временному правительству. Во всех армиях настроение бодрое.

Марков мне в письме передал твое поручение о том, чтоб все мои служащие, живущие во дворце и при запасном доме, и моторы, стоящие в гараже, прекратили бы свои сношения с домом на Петроградской. Не знаю, чем вызвано такое твое желание. Я этим ужасно огорчен, и мне очень было больно узнать об этом. Ты знаешь, как я привязан к Вове [1]) и как я горячо люблю и как он ко мне привязан. Ты знаешь, что я живу с Малечкой [2]) 22 года (это не в смысле физическом, но живу одним домом и одними средствами). Конечно, ты понимаешь, как я волновался и беспокоился за их целость. Мне кажется, я мог бы рассчитывать на твою дружбу, и рассчитывал на тебя, что в случае большой опасности для них я могу обратиться к тебе с просьбой уберечь их. Какое тяжелое разочарование для моих братских чувств, я всегда смотрел на тебя как на самого близкого ко мне брата! Не знаю, что и думать.

— * —

Сию минуту привезли твое письмо. Оно меня еще более разволновало и огорчило. Ты меня опять отделяешь от

---

[1]) Николай Николаевич, главноком. войсками на Кавказе (с 25 авг. 1915 г.); 2 марта 1917 г. вновь назначен Николаем верх. главнокомандующим, но 9 марта был уволен от этой должности Врем. правительством.

[2]) Александр Михайлович, вел. князь, зять имп. Марии Федоровны.

[3]) Мария Федоровна, вдова имп. Александра III.

[1]) Сын Сергея М. Романова и М. К. Кшесинской.

[2]) Кшесинская, М. К., балерина.

себя и Сандро и все укоряешь. В начале письма я объяснил мое молчание. Сандро был в Петрограде в конце конференции, и после его разговора с А. Ф. [1]) я был совершенно уверен в близком конце всего, и для меня не было никакого сюрприза в совершившемся.

То, что ты пишешь о Малечке, прямо ужасно. Я не знаю, кто против нее озлоблен, и причины этого озлобления кроются только либо в личных счетах по сцене, либо во вздорных слухах. Я клянусь перед образом, что за ней нет ни одного преступления. Если ее обвиняют во взятках, то это сплошная ложь. Все ее дела вел я, и я могу представить кому нужно все самые точные данные, какие деньги у нее есть и были, откуда они поступили. Я знаю, что ее дом грабили и грабят; воображаю, сколько дорогих и художественных вещей пропало! Неужели ты не веришь твоему брату, который клянется, а веришь слухам, которые распускают злонамеренные люди? Что было мое, все должно перейти Вове. И что же теперь мы — нищие из-за слухов, распускаемых неизвестно кем! Я думаю, что, раз ты хорош со всеми, я мог бы обратиться к тебе за защитой, но теперь, после получения письма, я окончательно убедился, что ты для меня пропал. Ты пишешь, что, если я приеду, чтобы я не смел с ними видеться. Что же я подлец — я брошу свою жену (гражданскую) и своего мальчика? Нет, я всю жизнь был честным и благородным, таким и останусь. Ты мне еще указываешь в письме, что я няньчился с делегатами конференции, а что, по-твоему, я должен был делать, раз я прислан ставкой для участия в конференции, так как самые главные вопросы были артиллерийские? Итак извиняюсь за длинное письмо. До свидания, если еще увидимся когда-нибудь. Крепко тебя обнимаю. Прости, если когда огорчил, но верь, что это было не умышленно.

Горячо любящий тебя твой брат
Сергей.

Сегодня приезжает Н. Н.

[1]) Александра Федоровна, императрица.

2.

1917 г. 17 марта.

Мой милый Николай.

Сердечно тебя благодарю за милое письмо. Драке мне все подробно рассказал. Сегодня приезжает Гучков, а завтра, говорят, Керенский. Жду с нетерпением их приезда, чтобы с ними поговорить, в особенности с последним. Ведь ты прекрасно знаешь, как я всегда возмущался тем, что̀ делало правительство, и в особенности нашим бюрократическим ведомством, и я с радостью выйду свидетелем по военным делам, чтобы, наконец, правда восторжествовала.

Я прекрасно понимаю создавшееся положение и не делаю себе никаких иллюзий. Сюда приезжает масса офицеров, и старых и молодых, которые приговорены к смерти своими солдатами, и все просят другого назначения, подальше от своей части. Между прочим, и наш Огарев и Гартман (Конная гвардия).

Ставку подвел ужасно Борис [1]) со своими собачонками. Давно уже вся ставка ненавидела и даже презирала, из-за них общее неудовольствие ставкой. Хотя все здесь служащие вполне поняли создавшееся положение и ведут себя очень хорошо. Особенно хорошо поняли нашу обстановку служащие в бывшем моем управлении. Одно меня ужасно огорчает, что ты не веришь мне, а веришь слухам и злостным инсинуациям газет. Много раз и прежде мы с тобой об этом говорили, и ты мне никогда не верил, говоря, что меня обманывают. В том письме я тебе клялся, что все неправда, что̀ говорят и пи-

[1]) Борис Владимирович, вел. кн., походный атаман всех казачьих войск при верх. главнокомандующем.

шут, но и тут ты мне не верил. В семейном отношении я все простил из-за Вовы. Ты уже читал, вероятно, опровержение службы об аресте. По поводу своего посещения Керенского Маля мне пишет: «Какая это светлая личность!» Ну, значит, делать нечего: тебя не убедить, — больше никогда и пробовать не буду.

Вчера был Гучков у меня, сидел более часа, очень интересно рассказывал и советовал куда-нибудь уехать и пока в Петроград не ехать, но я положительно не знаю, куда мне ехать. Если захочет какой-нибудь рабочий или недовольный офицер — за то, что я когда-нибудь не исполнил его незаконную просьбу, — и меня арестуют и посадят где-нибудь в тюрьму. Сегодня повидаю кн. Львова и Керенского, каждого отдельно, посмотрим, что они скажут, и тогда докончу письмо.

19/III.

Вчера приезжало правительство, все в восторге от их речей, но — кто покорил всех, так это — Керенский. Он побывал всюду и даже в моем управлении. Меня там не было, так как я в это время ожидал Керенского в штабе. Мое управление им очаровано, и его вынесли на руках. С ним я сидел целый час, и мы очень приятно болтали. Насчет моего приезда в Петроград он сказал, что считает — вполне возможно и безопасно. Но думает, что нужно подождать некоторое время, чтобы желтая пресса не начала опять писать какие-нибудь статьи. Он обещал вернувшись переговорить с Львовым и мне телеграфировать. Очень светлая голова и приятный собеседник. Буду ждать.

Совершенно неожиданным для меня явилось лишение нас содержания из уделов, так как это — в основных законах, пересмотр которых предполагается в Учредительном собрании. Я думал, что майскую треть мы получим и тогда постепенно можно будет все сократить, но теперь мне приходится содержать почти всех моих служащих, которых около 40 человек, вместе с женами. Все мои люди, призванные на военную службу, получали всю войну для их семей полное содержание. Теперь их придется лишить всего содержания, все это стоило 120 000, а теперь у меня будет всего 41 000 и Маля приблизительно то же. Могу себе представить ужасное положение братьев и Анастасии, у которых и этого не будет, так как у каждого лежит в Берлине по 800 000.

Керенскому я сказал, что вполне отдаю себя во власть правосудия в качестве подсудимого или свидетеля, как он пожелает. С особым удовольствием исполню это, так как не чувствую за собой никакой вины. Всю службу боролся с разрухой военного министерства и с черным войском, которое, к сожалению, и теперь забрало в свои руки Гучкова. Итак, надеюсь, до свидания. Да хранит тебя господь! Крепко обнимаю.

Твой брат Сергей.

Предлагаю взять «Заречье». Если откажешься, то передам кому-нибудь.

3.

Христос воскресе!

Милый Николай.

Поздравляю с праздником. Как видишь, я в точности исполняю твои советы и сижу здесь, несмотря на то, что меня страшно тянет поближе к Петрограду, дабы повидать Вову и Малю. Подробности разгрома в нашем доме прямо ужасны; у них у обоих украли все белье и все платье и все сапоги. Осталось только то, что было на них, и немного у прачки. Они живут в ужасных условиях. Вове нужно учиться, весною экзамены, и я отсюда ничего не могу распорядиться. Жду с нетерпением того дня, когда меня пустят.

Говорил много с князем Львовым и вынес очень приятное впечатление. Интересная статья была опять в «Биржевке» обо мне и Малечке. В мое время

Балтийскому заводу никаких заказов (артиллерийских) я не давал, фамилию Овчарова ни я, ни она никогда не слыхали, и секретаря у Мали никогда не было. Очень буду рад, когда, наконец, мне придется выступить либо в качестве свидетеля или обвиняемого. Наконец, я могу открыть ту картину нашего военного ведомства, против которого я столько лет воевал. Теперь, к сожалению, Гучков окружен исключительно молодыми офицерами генерального штаба, которые способны только разрушить все существующее, но ничего нового сотворить неспособны. Бедный Алексеев после министров опять на три дня слег, сегодня ему лучше. Да хранит тебя господь! Чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

4.

1917 г. 9 апреля.

Мой милый Николай.

Большое спасибо за твои последние два интересных письма. То письмо, которое ты лично передал кому-то на вокзале, я так и не получил и очень боюсь, не попало ли оно в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Живу я здесь очень хорошо и спокойно, в собрание не хожу и никого из ставки почти не вижу. Ко мне ходят только мои бывшие подчиненные. То, что ты пишешь о разговоре с Поливановым, меня нисколько не удивляет. Дважды видел здесь Гучкова и пришел тоже к заключению, что от него будет мало толка; он окружен всякими прохвостами из генерального штаба, большинство молодые, но не бывшие в строю на войне. Они вершат судьбы, они изгоняют людей, им лично несимпатичных. Омоложение армии заключается в том, что гонят старых, опытных и подчас талантливых людей и зачастую заменяют молодыми, бездарными интриганами и подлизами. Я знаю только про артиллерию, в которой последние перемены вызывают бурю негодований. К добру это не приведет. Я с болью в сердце наблюдаю, как постепенно разрушают то стройное и крепкое здание, которое я с таким трудом построил втечение стольких лет. Если мы до сих пор не были окончательно разбиты, то это только благодаря артиллерии, на которую до сих пор не распространялось тлетворное влияние генерального штаба. Теперь эти господа нам льстят и делают все, чтобы сравнять артиллерию с другими родами оружия и подчинить ее вполне себе. Во время войны артиллеристы все вынесут, но после войны все лучшие силы уйдут. Все чаще и чаще слышишь возгласы: «Ах, если бы не было войны, я бы все бросил и нашел бы себе другое занятие, хотя бы даже открыл какую-нибудь лавочку!» Армия гибнет и гибнет безвозвратно. Хорошо бы было, если бы Поливанов переехал со своею комиссией сюда в ставку и здесь пополнил представителями от армии, а то в Петрограде сидят только те, которые не желают более сидеть в окопах, а предпочитают сидеть в большом городе. В настоящий момент главную роль в судьбе России должна сыграть армия, и потому все стремление благомыслящих людей должно быть направлено [к тому, чтобы] сохранить армию, способную исполнять приказания Временного правительства. Иначе вся эта масса — 12 000 000 дезорганизованных людей — хлынет на восток и предаст все огню и мечу, и родина наша погибла. Извиняюсь за изложение моих мыслей, может быть, не вполне ясных, но исходящих от человека, горячо любящего родину и армию и отныне свободного гражданина.

Письмо везет Драке, который едет за вещами своей семьи, которую он решил оставить здесь. Я его устроил адъютантом к Алексееву; конечно, мне очень тяжело с ним расставаться, он такой преданный, прямой и честный мой друг. Марков стал совершенно рамоликом, и от него нет никакого

толку. В забастовке людей виноват тоже он. Конечно, я и не думал сразу всех прогнать, но держать всех я тоже не мог.

Пока, значит, я сижу здесь, но стремлюсь в Петроград, чтобы соединиться, наконец, с Малей и Вовой, и мечтаю провести где-нибудь вместе лето.

Чмок. Привет Молодовскому, Никите и Брюммеру.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

5.

1917 г. 16 апреля.

Милый Николай.

Вчера получил твои два письма. Большое спасибо. Очень благодарю, что ты повидал Малечку и поговорил с ней. Она мне писала, что очень довольна свиданием. Очень мало утешительного в твоем описании современного положения в Петрограде. С фронта тоже вести неважные. За март из войсковых районов убежало 700 000 человек. Есть части пехотные, в особенности из вновь сформированных, где почти целиком убежали некоторые полки. Затем большинство пехоты заявляет, что она грудью будет отстаивать натиск противника, но вперед ни шагу. Могу себе представить, какое все это должно производить впечатление на союзников! На северном фронте наши солдаты каждый день ходят к немцам за коньяком и затем дома напиваются в окопах. В артиллерии дезертиров почти нет, и она еще крепка духом...

Алексеев переехал в дом, где жил царь. Он отправляется на северный фронт. С Поливановым буду с удовольствием говорить, но, конечно, только в том случае, если он сам того пожелает и пришлет за мною или зайдет ко мне. Сердечный привет всем твоим. Чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

6.

1917 г. 25 апреля.

Мой милый Николай.

Большое спасибо за интересное письмо. Твои письма совершенно ясно рисуют картину происходящих событий. Невесело у вас в Петрограде. Здесь мы сидим, как в другом миру: все тихо, спокойно, на улицах полный порядок, солдаты все отдают честь военным, и только изредка встречаются ваши петроградские, которые нагло смотрят на офицеров и не отдают чести. Нарушают покой только вести с фронтов. Там нехорошо: пропаганда делает свое дело, дезертирство продолжается, и пехота не намерена более наступать. Во что все это выльется, одному богу известно. Я бы никуда отсюда не стремился, если бы меня не тянуло к Мале и Вове. Нам очень нужно повидаться, чтобы сговориться, как устроиться далее, как рассчитать наш бюджет. Вова держит теперь экзамены уже в 6 класс и пока все на 5. Мале я очень нужен для советов. Ведь 23 года она жила припеваючи под моим руководством, а теперь, когда случилась беда, она должна решать все сама. Ей сообщили, что теперь начали справляться о ее деньгах; она очень рада, потому что, наконец, выяснится, откуда у нее деньги. Это узнают, когда посмотрят в мои конторские книги. Сегодня я посылаю мое окончательное решение относительно моих людей Маркову; если тебя это интересует, то потребуй к себе этого рамолика с этим документом. Мне кажется, что мое решение правильное. Те из людей, которые здесь, дали мне подписку, что они с моим решением согласны. Вероятно, большинство петроградских дураков не будут согласны. Возвращаю письмо Ксении [1]). Очень жаль их и в особенности М. Ф.

[1]) Ксения Александровна, жена вел. кн. Александра Михайловича.

Очень одобряю твое решение поместить одну общественную организацию к себе во дворец. Как ты поступишь, чтобы оставить Василия у себя? Очень прошу, если можешь, устрой одновременно, чтобы мне оставили Ремеза, я без него пропал. Крепкий чмок.

Горячо любящий тебя брат
Сергей.

7.

1917 г. 3 мая.

Мой милый Николай.

События несутся с головокружительной быстротой, но безумцы живут скорее, чем благоразумный элемент. Боюсь, что Керенский, пользовавшийся месяц назад громадным авторитетом, теперь уже устарел, и развращенная армия вряд ли его послушает. Теперь что̀ солдат, что̀ мужик это все одно, и все они, обуреваемые алчностью, составляют 150 000 000 дикарей. Должно совершиться чудо, чтобы войска стали воевать, а остальные жить по законам человечества.

Очень интересно, чем кончится приезд всех главнокомандующих в Петроград. Как говорят, они уехали отсюда с каким-то твердым решением, оставшимся в тайне для всех. Это господа все очень решительные и за словом в карман не лезут. Возможен конфликт. В пятницу здесь собирается съезд офицерских делегатов от всех армий для образования союза офицеров армии и флота с исключительной целью поддержания мощи армии. Этот союз не нравится петроградским и московским офицерам, так как боятся потерять свое влияние на фронте. Здесь учредители надеются, что приедут настоящие офицеры, а то в столицах пока фигурируют прапорщики и разные тыловые мерзавцы и авантюристы. Нет ли у тебя подробностей, что̀ было в Айтодоре; неужели обыскивали М. Ф., Ксению и Сандро? Бедная старуха, что ей приходится переживать!

4/V. Сегодня никаких известий относительно правительства не имеем. О Малечке ведется следствие, и она радуется, что, наконец, все выяснится. Пока вызывали ее в банк, чтобы открыть ее ящик; она посылала поверенного, так как ящик пустой, и сообщила следователю точно, какие у нее деньги есть и откуда они к ней поступили. Очевидно, дело идет о взятках, которые брали другие под ее флагом. Вероятно, меня тоже скоро вызовут в связи с этим делом и делом Сухомлинова. Крепкий чмок.

Горячо любящий тебя брат
Сергей.

8.

1917 г. 10 мая.

Милый Николай.

Очень благодарен за твои интересные письма. Извиняюсь, что мои для тебя не выходят такими интересными. Сегодня я тоже посылаю письмо Георгию [1]) и в нем описываю все, что происходит на фронте. Теперь здесь съезд, и на съезде все это рассказывают. Скажи, что тебе написать именно, а то утомительно писать два раза то же самое. Я был совершенно уверен, что ты выставил твою кандидатуру в Учредительное собрание, и говорил об этом здесь уже давно. Не сомневался, что ты будешь голосовать за республиканский образ правления. Конечно, это идеал, к которому всякая страна должна стремиться. Но — и тут большое «но». Русский человек до того некультурен, до того дик, что он в настоящее время способен только на две жизни: или — под палкой твердой власти, в страхе наказаний, или же в полной анархии под девизом: бери и хватай все, что не твое. Вот теперь на железных дорогах вполне проявился инстинкт людей. Как они поняли свободу?

[1]) Георгий Михайлович, вел. кн., брат автора письма.

«Моему ндраву не препятствуй». Поезд не идет — убит начальник станции; поезд идет для него слишком тихо — отцепить половину вагонов, везущих провиант. Через двери войти в вагон нельзя — либо сломать дверь, либо разбить стекло в окне. Затем в их понятии свобода означает, что разрешается делать все, что пожелаешь. Всякое понятие о приличии испарилось. Вот, насмотревшись и наслышавшись всего того, что творится, я сильно сомневаюсь, чтобы народ понял бы, что такое республика. Конечно, на Учредительном собрании будет постановлено учредить республику. Но если республиканское правительство начнет вводить порядок, оно рухнет через очень короткое время. Я совершенно не понимаю идею главарей с.-д. — иллюзия ли у них или неразвитость. Ведь они же люди с образованием, как же они не понимают, что творится? Одним словом, без насилия не усмиришь дикарей. Крепкий чмок.

Сердечно любящий тебя брат

Сергей.

9.

1917 г. 25/V.

Милый Николай.

Давно не было случая тебе писать. За это время произошло много крупных событий. Последнее событие самое потрясающее, это — уход Алексеева. Все этим глубоко опечалены, и выразителем этой печали был офицерский съезд. Как только получилось на съезде известие об уходе Алексеева, члены съезда хотели уже посылать протест Врем. правительству, но затем воздержались от этого антидисциплинарного шага и послали президиум выразить от имени всей армии скорбь. С бедным стариком поступили нехорошо. Он усиленно отказывался от принятия поста, и его правительство уговорило остаться, а теперь его прогнали. Как раз накануне он говорил с делегатами-солдатами от фронтов и был выслушан с громадным энтузиазмом. Он принял известие об отчислении спокойно и желает только одного, это — чтобы его отпустили в отставку. Брусилов не пользуется популярностью среди массы военных. Керенский, как тебе известно, великолепно всюду говорил, и всюду был громадный подъем, но везде после его отъезда собирались митинги, и решалось все-таки не наступать. Пропаганда Ленина и большевиков для общей массы солдат гораздо заманчивее, чем слова Керенского и вождей. Сами солдаты говорят: «Нам дана свобода, даны все права и обещают дома землю, зачем же, видя впереди такую чудную жизнь, я буду умирать и не воспользуюсь новой жизнью?» Назначение сподвижника Сухомлинова генерала Лукомского начальником штаба верховного еще более всех повергло в грусть. Все поняли, что Керенский его выбрал по совету Баранов-ского, который был в штабе дивизии Лукомского и благодаря ему сделал карьеру. Это назначение показало, что все осталось по-старому, выдвигаются люди только по родству и знакомству. Вероятно, весь штаб верховного переменится, потому что большинство не желает служить с Брусиловым и Лукомским.

26/V.

Вчера Брусилов приехал и начал с того, что на станции поздоровался с почетным караулом словами: «Здравствуйте, товарищи георгиевцы». С ординарцем и вестовым поздоровался за руку, причем они, держа винтовки «на караул», чуть их не уронили от удивления. Его сопровождают Яхонтов, кн. Гагарин и кн. Куракин. Последние сразу стали держать себя некорректно, критикуя громко все, что здесь в ставке. Затем Брусилов составил приказ о вступлении, который предварительно послал на благовоззрение Керенскому. Этим поступ-

ком он сразу показал, что он не властный верховный, каким только и может быть такой высокий военачальник, а связанный по рукам и ногам клеврет Совета с. и р. д. При таких условиях армия не воскреснет.

Ты меня обнадежил 10 дней назад твоим чувством, что мне скоро можно будет вернуться, а до сих пор ничего об этом не слышно. Прошло уже три месяца со дня переворота, и мне кажется, что мой приезд вряд ли кого-нибудь обеспокоит. Все равно, когда начнется суд Сухомлинова, меня ведь вызовут — за две, три недели приехать. Ведь, если я буду свидетелем, мне надо подготовиться, а все дела, по которым я должен подготовляться,— в Петрограде. Если же я приеду за день-за два, то могу кое-что напутать, так как прошло уже много лет...

Готовишь ли что-нибудь для печати? От Малечки и Вовы никаких известий две или три недели. Повидимому, мы понесли громадные убытки, не менее $^1/_2$ миллиона, а может быть, и более. Привет всем твоим. Крепкий чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

Письмо везет Драке, который провожает Алексеева в Петроград.

10.

1917 г. 1 августа.

Мой милый Николай.

Неделя прошла совершенно спокойно. Все повеселели. Ты знаешь из газет, что самая сенсационная новость, несмотря на страшную тайну уже многим известная, это — отправление «полковника» [1]) со всей семьей в Сибирь. Сегодня ночью с экстренным поездом их увезли в Тюмень, а оттуда на пароходе в Тобольск. Они будут жить в губернаторском доме. Говорят, что это сделано для их сохранности. Считаю, что это очень опасный шаг правительства. Теперь проснутся все реакционные силы и сделают из него мученика. На этой почве может произойти много беспорядков. Правительство, повидимому, не учитывает последствий этого шага. Кроме того и сохранность их теперь более не обеспечена. Большевики легко могут завладеть чернью и солдатами Тобольска и тогда — конец. Насколько известно, едут туда Валя Долгорукий [1]) и Гендрикова [2]) и будто бы, вместо Помма, который не едет, Ильюша Татищев [3]).

Ирина [4]) была у Керенского с жалобой на обращение с ее бабушкой и матерью, и тот опять обещал все сделать. Но он много раз обещал, а на деле все остается по-старому и теперь стало еще хуже. М. Ф. и всю семью Сандро не выпускают за пределы Айтодора.

В клубе мои дела плохи, и я кончил играть в «15». Партия есть каждый день. Сердечный привет всем твоим. Чмок.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

11.

1917 г. 14 августа.

Мой милый Николай.

Пишу сегодня, так как завтра я вызван на суд Сухомлинова. В первый день я там уже был и просидел в свидетельской комнате одиннадцать часов. В зале суда был только 10 минут для принятия присяги. Сухомлинов очень состарился; она поблекла [5]).

[1]) Т. е. Николая Романова, б. царя.

[1]) Долгорукий, В. А., б. гофмаршал.

[2]) Гендрикова, А. В., б. фрейлина Александры Романовой.

[3]) Татищев, И. А., б. ген.-адъютант.

[4]) Ирина Александровна, жена кн. Ф. Ф. Сумарокова-Эльстон, дочь в. к. Александра Михайловича.

[5]) Находившийся фактически на свободе министр В. А. Сухомлинов был арестован после Февр. революции в апреле 1917 г., предан суду по обвинению в бездействии и превышении власти, в госуд. измене.

Какой ужасный разгром в музее папы; буквально все перевернуто и все ценное уворовано. По общему убеждению следственных властей, разгром продолжался несколько дней, и вещи вывозили через парадный подъезд. Через окно только влезли. Дверь на подъезд (внутренняя) была отперта и печати сорваны. Если вещи выносили через окно, то подоконник и карниз были бы сильно исцарапаны сапогами, а между тем там следы только одного или двух человек. На стеклянных колпаках от разных групп есть отпечатки пальцев и по ним надеются обнаружить воров... К вечеру проверили все вещи, и, оказалось, похищено сто двадцать, исключительно серебро и золото. Пропали все образа, картина Корреджио и почти все группы и покрышки от альбомов, а также все блюда. Стоимость пропавшего более ста тысяч.

Здесь опять ожидали 12 и 13-го беспорядков, но ничего не произошло. Теперь обещают беспорядки в 20-х числах августа. Вероятно, и тогда ничего не будет, а будут беспорядки опять неожиданно. Общий интерес сосредоточен на Москве. На процессе Сухомлинова публики почти нет; он более никого не интересует...

Сердечный привет всем твоим. Крепко обнимаю.

Горячо любящий тебя брат

Сергей.

12.

1917 г. 23 августа.

Мой милый Николай.

Катастрофа с Ригой совершилась. В настоящее время Петрограду ничего не угрожает, и можно предполагать, что осенью немцы далее не пойдут. Но в мае будущего года, очевидно, они пойдут на Петроград. Хотя и теперь, если им не будут оказывать сопротивления, они могут добраться до Ревеля, и тогда песенка Петрограда спета. Сегодня в клубе распространился слух, что будто бы арестовали Мишу [1]), но проверить не удалось. Много слухов ходит о болезни М. Ф., но непосредственного подтверждения не имею.

Власть попрежнему безвластвует, и хотя на словах она заявляет, что она независима, но в действительности все остается попрежнему в руках Советов. Настроение гарнизона, говорят, приносит свои плоды. Процесс Сухомлинова продолжается; меня допрашивали только раз и более не вызывали. Ты, вероятно, читал речь Родзянко, в которой он меня ругал. Мне это безразлично, но, казалось бы, что в настоящий момент он мог бы и не нападать на великого князя. Объясняю я эту выходку жаждой популярности. Только что был у меня Бирюков и подтвердил, что Мишу вчера арестовали в Гатчино домашним арестом. Для этого пришел туда л.-гв. Стрелковый полк. Арест совершен по распоряжению Керенского. Можно предположить, что после ареста кое-каких контрреволюционных организаций открыт был заговор, без участия самого Миши, клонившийся к его воцарению. По-моему, арест это неосторожный шаг правительства. Могли арестовывать контрреволюционные организации, но его не надо было трогать. Бирюков сообщил, что ты 26-го выезжаешь. Очень рад твоему приезду.

Крепко обнимаю. Горячо любящий тебя брат Сергей.

в служебных подлогах. Дело Сухомлинова слушалось в августе-сентябре 1917 г. в заседаниях сената с участием прис. заседателей. Сухомлинов был приговорен к пожизненной каторге, жена его, Е. А. Сухомлинова, привлеченная также в качестве обвиняемой, вердиктом прис. заседателей была оправдана.

[1]) Михаил Александрович, б. великий князь.

Иностранные дипломаты о революции 1905 г.

Печатаемые здесь документы, представляющие собой отрывки из дешифрованной царским правительством переписки между иностранными дипломатами в России и их правительствами, не дают исчерпывающего освещения отношения этих дипломатов к событиям 1905 г., но тем не менее они имеют несомненный исторический интерес. Являясь дополнением к помещенным ранее в «Красном архиве [1])» материалам на данную тему, настоящая публикация сообщает ряд новых подробностей, освещающих отношение дипломатических представителей капиталистических государств Европы и Америки к первой пролетарской революции. О каком бы то ни было сочувствии этой революции со стороны дипломатов, разумеется, говорить не приходится. Напротив, революция вызывает в них классовую ненависть и тревогу за судьбу иностранных капиталов, вложенных в предприятия на русской территории. На фоне отзывов, проникнутых ненавистью к борьбе русских рабочих и крестьян за свободу, выделяются своим относительно мирным тоном рассуждения кн. Беарн-Шалэ о сходстве между французской революцией 1789 г. и российской революцией 1905 г. и о том, что после «кризиса» «Россия призвана к значительному развитию и преобладанию в Европе, чем Франция, наверное, воспользуется в значительной мере». Но, например, американский посланник спешит одернуть корреспондента Томсона за его «слишком ярко окрашенные сообщения» о кровавой расправе царизма с рабочими 9 января. «Не забывайте, — говорит он, — что среди мирной толпы были люди, преследующие совсем другие цели, чем подача прошения... Пожалуйста, не увлекайтесь»...

На мостовых Москвы и Петербурга, Баку, Одессы, Варшавы, Лодзи и других крупных городов не высохла еще кровь рабочих, убитых во время демонстраций, баррикадных боев и «уличных беспорядков», а иностранные дипломаты уже подсчитывали материальный ущерб, понесенный их соотечественниками — капиталистами и составляли счета своих убытков для представления их царскому правительству. Они оценивали русскую революцию главным образом под углом зрения угрозы помещению иностранных капиталов в этой стране. Более того, революция являлась грозным очагом заразы, угрожавшим «незыблемым устоям» и других стран. Естественно поэтому, что дипломаты вздохнули несколько свободнее, когда революция была подавлена. Классовый инстинкт однако подсказывал этим представителям капиталистических держав, что победа, одержанная царским правительством над рабочими,— временная, что рабочий класс в России разбит, но не побежден. Они не могли не видеть, что в истории революционного движения русского пролетариата перевернута лишь первая, но отнюдь не последняя ее страница.

Документы воспроизводятся по подлинникам, хранящимся в Архиве революции и внешней политики.

Текст публикуемых документов подготовила к печати *Э. Тененбаум.*

1.

Выписка из письма американского посланника в С.-Петербурге, от 10 (23) января 1905 г., на имя корреспондента Томсона [1]).

[1]) См. «Красный архив», т. XVI, М. Г. Флеер, «Революция 1905—1906 гг. в донесениях иностранных дипломатов».

[1]) Заголовки здесь и далее — подлинника.

Любезный Томсон.

Я вполне понимаю вас и сочувствую тому, что вы высказали мне сегодня утром, но ввиду важных событий, происходящих на наших глазах, вы не должны слишком поддаваться впечатлению от виденных вами вчера сцен и посылать слишком ярко окрашенные сообщения. Не забывайте, что среди мирной толпы были люди, преследующие совсем другие цели, чем подача прошения. Войско было вызвано, чтобы действовать против этих людей, а вызов войска всегда уже сопровождается такими сценами, как вы видели. «Война — ад» и где бы ни выступал солдат — это уже война, а не мир, и впечатление будет всегда сильное на людей, нам подобных. Пожалуйста, не увлекайтесь...

2.

Выписка из письма австрийского посла в Петербурге барона Эренталя, от 16 февраля 1905 г., на имя графа Тун-Салм, в Монте-Карло.

Если разумно судить, то должны бы произойти еще большие и более ужасные дела, чем те, свидетелями коих мы были. Наверху нет головы, в правительстве нет людей, а внизу все в узах гипноза. Чисто по-русски сопротивление проявляется во всех кругах в решении: не работать и убивать время глупой болтовней.

В Манчжурии дела все идут косо. Гришенберг, который оставил свою армию и всю свою душу доверил какому-то журналисту, оставляется два раза императором к завтраку, — следовательно, он остается в милости, и Куропаткин тоже. Вот и есть — наши дела.

Здесь и в кругах реформ желают продолжения войны, и именно несчастной войны, чтобы император был принужден сделать уступки.

3.

Выписка из письма американского посланника Мак-Кормика, из Петербурга, от 13 (25) марта 1905 г., на имя американского посланника в Риме Мейера.

Надеюсь, что покончу с прощальными аудиенциями не только у государя, императрицы и императрицы-матери и у прочих чинов императорской фамилии во-время, чтобы уехать в среду с норд-экспрессом и быть в Париже в пятницу.

Здесь спокойнее, чем можно было надеяться две-три недели тому назад, и, насколько можно судить, ничто не требует вашего немедленного приезда тотчас после моего отъезда отсюда. Мне кажется, что, если бы вы указали департаменту на желательность свидания со мной в Париже, то президент с этим согласился бы и ваша инструкция могла бы быть изменена. Разные источники сведений недоступны вновь прибывшему в Петербург, и тут приходится встречаться с такими затруднениями, что мне казалось нужным подать вам мысль, выраженную в моей вышеупомянутой телеграмме. Поздравляю вас с тем, что вы обеспечили себя домом графини Клейнмихель; жаль только, что гостеприимной хозяйки нет в Петербурге, любезности которой все иностранные представители здесь всегда много обязаны. Жаль, что вы не можете заехать в Лондон достать нужный здесь мундир; ужасно обращают внимание при здешнем дворе на то, что нам кажется пустяками [1]).

4.

Перевод донесения великобританского посла в Петербурге Чарльза

[1]) Набранное разрядкой подчеркнуто в подлиннике; сбоку приписка. «Врет; сами американцы этим гордятся».

Гардинга, от 8 октября 1905 г. нов. ст., на имя великобританского министра иностранных дел лорда Лэнсдоуна.

В ответ на запрос, содержащийся в депеше вашей от 28 сентября за № 284, относительно того, решило ли русское правительство вознаградить своих подданных или подданных других держав за убытки, понесенные во время беспорядков в Баку, имею честь донести, что до сих пор министр финансов положительно отказывается от возмещения убытков русским или иностранным подданным, потерпевшим во время недавних бедствий. Все, что г. Коковцов предложил, это — ссуду на льготных условиях в 4 миллиона фунтов стерлингов на 12 лет из 4 или 5%. Русское правительство готово оказать эту помощь нефтяной промышленности, так как, благодаря остановке в производстве нефти, оно несет огромные потери, и торговля совершенно расстроена. Предложенная ссуда будет принята русскими компаниями, которые признают, что не имеют права требовать вознаграждения от своего правительства, но я слышал, что две очень значительные английские компании, а именно «Русская нефтяная компания топлива» и «Бакинская русская нефтяная компания» решили не воспользоваться этой ссудой, разве они убедятся, что другого удовлетворения добиться нельзя, и мне сообщено, что свои жалобы они посылают к вам для представления русскому правительству.

Я не сомневаюсь, что русское правительство ответит на эти жалобы так же, как оно уже ответило французскому и австрийскому посольствам и греческой миссии на их требование о вознаграждении за убытки, понесенные их подданными во время беспорядков в Ялте, Одессе и других местах, хотя на мой взгляд, обстоятельства, сопровождавшие беспорядки в Одессе и Баку, настолько различны, что ставят требование о вознаграждении на совершенно различную ногу. С полной справедливостью можно сказать, что в Одессе уничтожение товаров в доках и складах производилось бунтовщиками под защитой «Потемкина», русского броненосца, за действия которого вполне законно можно считать ответственным русское правительство. Факт, что экипаж открыто бунтовал в это время, является вопросом внутренним, до которого иностранным правительствам нет никакого дела, пока судно находится в русских территориальных водах. Уничтоженное имущество состояло большей частью из транзитных товаров, за которые не было уплачено русскому правительству каких-либо особых пошлин, кроме обыкновенных таможенных пошлин и расходов в доке.

Эти обстоятельства дают, на мой взгляд, достаточно оснований для требования вознаграждения за убытки, понесенные во время беспорядков в Одессе, но ответственность русского правительства в Баку еще гораздо больше, и требования потерпевших имеют еще большее основание.

Согласно сведениям, полученным мною из безусловно надежного источника, факт, что предстоит резня, был известен в Баку за несколько дней до начала беспорядков. За два дня до резни депутация от русских и иностранных нефтяных компаний являлась к генералу Фадееву, губернатору города, и указала ему на грозящую опасность, прося увеличить число войск в городе, так как в это время там было всего 1800 человек. Губернатор объявил, что нет причины беспокоиться, и отнесся несерьезно к предупреждениям депутации. Через два дня из 1800 человек 1000 человек были отправлены губернатором в Шушу, где произошли беспорядки; таким образом, в городе осталось всего 800 че-

ловек, и в полдень того же дня началась резня, продолжавшаяся несколько дней. Губернатор сам отвечал тем, кто просил защиты, что он имеет возможность защищать только иностранные консульства. Из этих фактов очевидно, что губернатор совсем не понимал своей ответственности, и благодаря тому, что он отправил более половины своих войск, он является вполне виновным и в беспорядках и в убытках, которые они вызвали. Между тем нефтяные компании имели вполне законное право на защиту ввиду огромных доходов, получаемых с них русским правительством. Мне сообщают, что с 1900 г. русское правительство получило с «Бакинской русской нефтяной компании» не менее 160 000 фунтов стерлингов пошлин и государственной арендной платы, тогда как за то же время акционеры не получили дивиденда, а однако защиту не дали и даже не предлагали. Что касается надежды, выраженной нефтяной компанией Шибаева в письме к вам от 16 сентября, на то, что правительство его величества поддержит ее требование о вознаграждении, позволяю себе выразить свое мнение, что благодаря русской национальности этой компании для посольства его величества является невозможным официально поддерживать это требование, направленное против русского правительства.

Французский посланник сказал мне, что получил инструкции действовать одинаково со мной во всем, что я буду предпринимать по указаниям вашим для поддержки британских требований о вознаграждении за убытки, понесенные в Баку. Французские претензии очень малы, они доходят только до 20 000 фунтов стерлингов.

5.

Выписка из перевода донесения румынского поверенного в делах в Петербурге, от 31 октября (13 ноября) 1905 г., № 727, на имя министра иностранных дел генерала Лаговари.

Либералы сознают, что все сделанные уступки были вырваны у царя общей стачкой, что настоящий победитель 17 октября это социальная рабочая партия [1]), поэтому они не решаются ни порвать окончательно со вчерашним союзником, ни вполне довериться новому, еще незнакомому, союзнику и предпочитают себе сказать, что их миссия должна быть исполнена в другую минуту. Ввиду этого затруднения собрать вокруг себя людей, готовых ему помочь, новый председатель Совета решился составить министерство из чиновников, могущих проникнуться современными идеями, о чем я уже сообщил вам шифрованной депешей за № 717.

С помощью этих более или менее опытных бюрократов граф Витте попробует восстановить порядок и провести выборы, несмотря на нападки со всех сторон, от которых у другого человека уже давно опустились бы руки. В обращении к благоразумной части населения, напечатанном сегодня в «Правительственном вестнике», новое правительство просит притти к нему на помощь в деле проведения реформ, что будет возможным только, когда в стране наступит успокоение. Каждый день происходит что-нибудь новое: после железнодорожной стачки общая стачка, еврейский погром, безобразный Кронштадтский бунт и, что еще ждет нас завтра, неизвестно. Реакционеры, борющиеся за свои места, будут продолжать доказывать государю всю бесполезность и опасность реформ, социал-революционеры будут продолжать свою агитацию, и среди всего этого Витте один едва ли одер-

[1]) Так в подлиннике.

жит победу, на которую он рассчитывал. Задача его гораздо труднее, чем это можно было предполагать...

6.

Выписка из копии секретной телеграммы из Петербурга, от 1 (14) ноября 1905 г., на имя Станчова в Софию.

Сообщения прессы, не исключая и здешней, принимайте с осторожностью. Кронштадтский бунт потушен. В провинции теперь тоже спокойно, но спокойствие это зловеще, как перед бурей. Общее положение, хотя и спокойно, но неясно. Витте не имеет возможности действовать решительно, потому что у него нет поддержки. Опасаются, что консерваторы возьмут верх и что последует военная диктатура, которая на время прекратит все, но в результате вызовет еще более шаткое положение.

7.

Выписка из письма британского консула в Ростове на Дону, от 6 (19) декабря 1905 г., на имя великобританского поверенного в делах в С.-Петербурге Спринг Райса.

В Тифлисе, как говорят, всюду валяются убитые, и продолжают драться. Я донес министерству иностранных дел об аграрном движении против немецких колонистов, в Азовской области — в Мариуполе, как слышно, снова начались беспорядки. В Юзовке сожгли склад товаров и было много митингов, но особенно серьезного ничего не было; я обещал туда выехать, как только меня вызовут, и в таком случае, может быть, не успею написать вам в министерство. Живем в постоянном страхе; одна надежда на казаков, которые так непопулярны во всех классах населения. Сегодня отправился нарочно в церковь и нашел там полный беспорядок; отгороженные места все были заняты, обычный войсковой парад внезапно отменен; очевидно, войска считают ненадежными. Торговля, естественно, совершенно замерла.

8.

Перевод донесения португальского посланника в Петербурге, от 10 (23) декабря 1905 г., на имя министра иностранных дел в Лиссабон.

Здесь анархия продолжает итти своим путем. Я даже думаю, что это продлится долгое время. Мне кажется, что это будет «тридцатилетняя революция». Один год уже прошел. Осталось еще только двадцать девять...

В Прибалтийских губерниях дела приняли такой крутой поворот, что уже чувствовалась возможность вмешательства. Здесь по-временам нами овладевает страшный пессимизм и кажется, что концом всего будет всеобщий грабеж. В такие дни поневоле думаешь о замене своего политическо-дипломатического поста более безопасным местом. Несмотря на это все же я уверен, что Петербург есть самое безопасное место из всей России. Разумеется, что речь идет лишь об относительной безопасности.

9.

Выписка из письма секретаря британского посольства в Петербурге Нормана, от 28 декабря 1905 г. (10 января 1906 г.).

Вы совершенно справедливо предполагаете, что все, что вы читаете в газетах о России, неверно. По-моему, все происшедшее до сих пор есть только начало, между тем многие и, насколько я могу судить, само правительство думают, что революция окончилась, потому что не удалось последнее восстание в Москве. По-моему, это

чрезвычайно близорукий взгляд; вполне очевидно, что хотя революционеры, конечно, разочарованы постигшим их в Москве неуспехом, но не теряют мужества и после короткого отдыха начнут снова усиленно пропагандировать свои теории, вызывая беспорядки во всей стране с целью низвергнуть правительство в политическом смысле и разорить его в финансовом отношении.

10.

Выписка из письма секретаря британского посольства в Петербурге Нормана, в Лондон. [Без даты.]

Все происходившие ужасы — дело не революционеров, а «патриотов», которые убивали и грабили с поощрением и деятельной поддержкой властей; это было последнее усилие бюрократии. Здешние власти никогда не посмеют этого сделать или допустить на глазах у всей Европы, но, конечно, верного вперед ничего сказать нельзя. Что подумал Сельвин о моем взгляде на финляндские дела, когда тотчас после моего письма произошла революция? Но надо признать факт, что Финляндия устроила свою революцию очень умно и без малейшего кровопролития; теперь они добились манифеста и получили все свои бывшие привилегии; если русское правительство сдержит свои обещания (я думаю, оно так и сделает), то Финляндия снова очень скоро станет довольной и спокойной страной, вполне благонадежной для помещения иностранных капиталов.

11.

Выписка из письма состоящего при французском посольстве в Петербурге князя Беарн-Шалэ в Париж. [Без даты.]

Россия переживает в настоящее время страшный кризис; очень трудно предсказать, какие потрясения ей придется еще вынести; раны ее глубокие и всеобщие, раны социальные, раны нравственные, политические, экономические. Вот каково современное положение этой огромной империи. Во многих отношениях положение России можно сравнить с положением Франции в 1789 г.; подобно тому, как во Франции тогда, теперь здесь требуют социальных реформ (прекращение привилегий, равенство всех в деле народного просвещения, в деле администрации и получения должностей); нравственных реформ (уничтожение взяточничества и пр.); политических реформ (учреждение парламентского строя, избирательные права и пр.); экономических реформ (новый передел земли, упорядочение отношений между помещиками и крестьянами и пр.) и, наконец, религиозных реформ (свобода вероисповеданий). Эта огромная программа, конечно, не может быть выполнена в несколько дней, но в то же время нужно опасаться, чтобы правительство, медля с ее проведением, не столкнулось с Думой и чтобы борьба двух властей не разоряла в течение долгого времени России, как она в свое время перевернула всю Францию.

Мы оба тем не менее очень рады, что находимся ныне здесь, и следим за происходящим с увлечением. Мне кажется, что после кризиса, более или менее продолжительного, более или менее бурного, эта страна призвана к значительному развитию и к преобладанию в Европе, чем Франция наверное воспользуется в значительной мере.

12.

Выписка из перевода донесения португальского посланника в Петербурге на имя министра иностранных дел в Лиссабон. [Без даты.]

Не следует, однако, думать, что настоящий разгром революционеров равносилен их уничтожению, потому что это не в характере русского быть настойчивым в деле, но зато он по характеру крайне настойчив в идее. Я даже полагаю, что настоящая революция, которая без нескольких дней продолжается целый год, превратилась здесь уже в местное болезненное явление и что Россия проживет с ней долго, неся ее в своем теле, причем это нисколько не будет ей мешать продолжать играть роль в мировой политике. Во всяком случае, настоящее положение было очень важно для политических революционеров, которые теперь намереваются заполнить пассивным сопротивлением время, нужное им для возрождения своих действующих отрядов.

Хотя победа и не принадлежит им, все же было бы необдуманно сказать, что она выпала на долю настоящего правительства. Достаточно припомнить, что репрессия опирается: на военную силу, на отмену данных свобод в большей части России, на указ от 2 (15) декабря относительно наказаний за забастовки, на новый закон о печати, на указ от 29 ноября (12 декабря), разрешающий властям введение военных законов, на указ от 14 (27) декабря, разрешающий начальникам железнодорожных линий объявлять их на положении усиленной охраны, на поощряемых доносах, на обысках квартир и нарушении тайны корреспонденции и на массовых арестах, — чтобы признать, что правительство графа Витте, воодушевленного лучшими намерениями, продолжает восстанавливать порядок по-полицейски, но этим самым оно должно постепенно отказываться от своей популярности и прибегать как раз к таким действиям, которых оно желало избегнуть. Кто теперь кричит о победе, так это сторонники старого режима. После отступления с пути, длившегося год, Россия опять вернулась на деле к абсолютному самодержавию, которое они защищают.

13.

Выписка из письма на бланке британского посольства в Петербурге. [Без даты.]

В настоящее время здесь мало нового. С политической точки зрения зима была скучная, возбуждение прошлого года ничем не поддерживалось. Пока не начнутся выборы в Думу и сама работа Думы, едва ли будет слышно о новых беспорядках. Россия вернулась к временам Плеве, тюрьмы во всей стране переполнены. Конечно, газетные известия о пытках — преувеличения, которые сочиняются, чтобы угодить современному вкусу ко всему сенсационному, но действительно полиция проявляет адскую деятельность, и быть русским — весьма незавидная судьба.

О конференции в России очень беспокоятся, так как с ней связан вопрос, получатся или нет деньги. Начинают догадываться, какие свиньи их «друзья и соседи».

14.

Выписка из перевода на бланке британского посольства в Петербурге, от 10 октября 1905 г. нов. ст., с подписью Н., на имя Спендера, в Италию.

Нет, я не думаю, чтобы Дума удовлетворила кого бы то ни было: либералы возмущены и разочарованы — удивляюсь последнему, — на что же они надеялись? Они смотрят на нее только как на орудие, посредством которого будут добиваться дальнейших уступок; я не верю, чтобы Думе пришлось долго просуществовать в своем теперешнем виде. Предвидеть будущее невозможно; оно кажется более загадочным, чем когда бы то ни было,

а еще труднее говорить об этом в письме, которое должно быть доверено почте. За исключением Кавказа, все было довольно тихо до последних дней, но теперь произошли кровавые столкновения в Москве, о которых мы здесь очень мало знаем; это, наверно, отразится в других городах, а также и здесь, и опять во всей стране воцарится анархия, как это было до заключения мира. Мир бесспорно немного все успокоил, по крайней мере, хоть временно.

15.

Выписка из перевода письма из Чехии, от 4 февраля 1906 г. нов. ст. на имя австрийского посла в Петербурге барона Эренталя.

Думу я представляю себе своего рода апрельской шуткой, которую себе позволят сделать высшие круги, если они к тому времени останутся еще у власти. Эта бедная Дума не будет абсолютно знать, что она должна делать, и если бы она когда-либо и вздумала высказать какое-нибудь желание, то ей уже как-нибудь внушат, что она этого делать не смеет. Хотя я Россию и считаю вполне поваленной наземь, все же я не могу, при своем инстинктивном недоверии, с каким я отношусь к каждому славянину, избавиться от подозрения, что за Сербией и Болгарией стоит Россия, иначе я не мог бы себе объяснить дерзость этих двух больших поместий по отношению к нам.

Из истории рабочего движения в Караганде.

Печатаемые ниже документы относятся к до сих пор ненаписанной странице истории рабочего движения в Караганде, ставшей теперь предметом забот и внимания трудящихся всего Союза.

Эти документы рисуют один из моментов революции 1905 года на далекой окраине Российской империи, а именно «всеобщую русско-киргизскую забастовку» в декабре 1905 г. на Успенском руднике в Караганде.

Как видно из документов, против забастовавших рабочих единым фронтом выступили представитель иностранного капитала, хищнически эксплоатировавшего природные богатства Казакстана (Успенский рудник принадлежал французу Карно), горная администрация и местная власть от верха и донизу. В условиях 1905 г. они рассматривали Успенскую забастовку как тревожный сигнал, боясь заразительности примера Успенских рабочих. Поэтому-то и администрация и управление рудника решили пойти на уступки рабочим, как это видно из приведенных материалов.

О почве, на которой возникла забастовка, дает ясное представление публикуемая здесь петиция рабочих и служащих. В ней подробно характеризуются правовые и материально-бытовые условия, заставившие рабочую массу активно выступить против капиталистической эксплоатации.

Особенно следует подчеркнуть в этой петиции то, что, несмотря на все старания царского правительства раздувать национальную вражду между трудящимися, рабочие Успенского рудника в 1905 году одинаково отстаивали в своих требованиях к администрации интересы как русских, так и казакских рабочих.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Центрархиве Казакстана (фонд окружного инженера Степного северного горного округа).

Н. Болотников.

1.

Донесение управляющего Спасским заводом Павловича окружному инженеру Степного се-

верного горного округа 16 декабря 1905 г.

Имею честь сообщить вашему высокородию, что на Успенском руднике имела место забастовка служащих и рабочих , при следующих обстоятельствах.

7 декабря в 6 часов вечера г. Фелль получил с Успенского рудника, без всякого сообщения, петицию от имени служащих и рабочих рудника, которая была подписана смотрителем Топорниным, штейгерами Невзоровым и Засыпкиным и всеми остальными служащими и рабочими, кроме конторщика Ивченко и фельдшера Костенко. Копия этой петиции при сем прилагается. По получении петиции г. Фелль послал письмо управителю Нельдинской волости Джаксеню Мустафину, в котором просил его прибыть на рудник утром 9 декабря, когда он сам рассчитывал быть там.

Ввиду беспорядков на Успенском руднике, могущих отразиться и на других промыслах, г. Фелль 8 декабря собрал всех рабочих Спасского завода, объявил им о происшедшем на руднике,объяснил, что по встречаемым ими недоразумениям они должны обращаться во всех случаях к администрации завода, в которой встретят искреннее участие и отношение. Рабочие единодушно заявили, что они довольны всем, не имеют никаких претензий и намерены продолжать работу попрежнему спокойно.

На следующий день, 9 декабря, г. Фелль выехал на рудник. Я был в отлучке в Акмолинске. Он пригласил с собою в подмогу для переводов и объяснений заводского врача г. Братцева. Как только что они приехали на рудник и остановились в помещении, квартира была оцеплена по распоряжению Топорнина сторожами, и они без разрешения его лишены были возможности на всякое сообщение. Вскоре затем к ним пришли Топорнин, Невзоров и рабочий Мартелаго [1]). Топорнин, не давая г. Фелль никаких разъяснений по поводу происшедшего, стал обращаться с ним в крайне оскорбительной форме, повышая голос и оскорбляя неуместными выражениями, причем дерзко требовал от него ответа на поданную петицию.

В ответ на его обращение г. Фелль вынужден был сказать Топорнину, что он самым фактом подписи присланной петиции уже устраняет себя от службы при руднике, а потому от продолжения службы он его увольняет. На это посыпались новые оскорбления с угрозами, после чего все трое вышли. Но вскоре вернулись Невзоров и Мартелаго и объявили им, что сейчас начинается забастовка. Немедленно же забастовщики прекратили действие насоса, машины и парового котла и заявили, что г. Фелль должен поставить сторожей, так как они более ни за что не отвечают.

10 декабря утром главари забастовщиков остановили г. Фелль и его спутникам отпуск провизии, овса лошадям, запретили киргизам отпускать уголь и воду, взяли из дома кухарку и подняли красный флаг над конторою рудника.

В тот же день после обеда г. Фелль с врачом г. Братцевым [делали] попытки говорить со всеми забастовавшими рабочими по поводу их действий, но Топорнин всеми мерами старался не допускать никаких сношений рабочих с ними. Затем была попытка говорить с выборными депутатами от рабочих, которым г. Фелль заявил, что он готов обсуждать вопрос о требованиях рабочих, если они откажутся от сделанного ими требования в 6-м пункте петиции, причем заявил, что несогласен вести переговоры, если в этом будет участвовать Топорнин, так как он считается уволенным от службы. На сделанное предложение выбор-

[1]) В других документах: «Мартылога».

ные от рабочих не согласились, и потому г. Фелль объявил им, что он вынужден их рассчитать, и предложил выехать с рудника, на что они также не согласились.

После этого ночью заметно было среди рабочих подозрительное возбуждение и волнение. Топорнин, очевидно, в целях поощрения рабочих к продолжению забастовки, выдал большинству их новые расчетные книжки с обозначением более выгодных для них условий, причем время выдачи книжек пометил 1 октября с. г. В книжках сделаны собственноручно им кредиты в больших суммах на получение товаров, припасов и проч.

11 декабря утром те же вожаки забастовки самовольно открыли магазин при руднике и стали выдавать своим приближенным товары и проч. по вновь выданным расчетным книжкам. Тут же слышались угрожающие возгласы с их стороны, что, когда они кончат здесь, то поедут на Спасский завод и Караганды и там сделают общую забастовку. Киргизы-рабочие, окружившие магазин, отказались получать от забастовщиков что-либо [1]).

В общем положение было серьезное. Около 11 часов дня на рудник прибыли Нельдинские киргизы и заявили, что они принимают на себя охрану шахт и всего имущества на руднике и что готовы продолжать работы. Вслед за ними явились киргизы Каркаралинского уезда Кызылтавской и др. волостей, которые также приняли участие в охране имущества рудника и дома, где помещался г. Фелль и др.

После чего вскоре явилось несколько человек русских рабочих и заявили, что они согласны работать. Вслед за этим явились вожаки забастовки и объявили, что забастовка кончена, просили защитить их от произвола рабочих и расчитать [1]). Из 32 человек, подписавшихся на петиции, 24 хотели остаться для продолжения работы, но г. Фелль согласился принять только 16 человек.

Вернувшись с рудника на Спасский завод, г. Фелль снова собрал рабочих и объявил им о происшедшем на руднике. Рабочие положительно заявили, что они не одобряют поведения забастовщиков и будут спокойно работать. Все дело забастовки было организовано лично смотрителем рудника Топорниным. Он же молодой человек, умный, читавший более, чем может попытать [2]).

Он создал доктрину: «свобода», по его убеждению, дает право на свободу от всех законов и юридических обязательств и что капитал представляет опасность, против которой все должны восстать на борьбу.

Я оставлю в стороне вопрос о степени ответственности Топорнина в деле организации забастовки на руднике, но думаю, что выдача и составление расчетных книжек, о которых я указал выше, составляют подлог, т. е. преступление уголовно-наказуемое, а потому управление завода имеет ввиду возбудить против него уголовное преследование.

---

[1]) Данные дознания, произведенного полицейским урядником 3-го участка Акмолинского уезда Кузнецовым, говорят совсем другое об этом факте (см. документ № 3). Администрация в первую очередь старалась внести разложение в ряды бастующих, выдав киргизам рабочим по 5 руб. каждому; на помощь администрации пришли Нельдинский волостной управитель, его кандидат, народные судьи и старшины. Киргизская администрация была подкуплена администрацией завода.

[1]) Совершенно неправильно. Из других документов видно, что Фелль согласился выдать забастовщикам за месяц вперед жалованье и сложить долги, лишь бы только уволенные рабочие и служащие дали слово не заезжать на Спасский завод.

[2]) Так в подлиннике.

Ввиду вышеизложенного желательно, если будет возможно, чтобы вы о поведении г. Топорнина непосредственно от себя довели до сведения правления Общества уральских горных техников, членом которого он состоит.

Управляющий Спасского завода
А. Павлович.

2.

Копия.

Петиция [1]).

Мы, служащие и рабочие Успенского медного рудника горнопромышленника К. Э. Карно, французского гражданина, сплотившись между собою для борьбы с капитализмом, на общем собрании 6 декабря 1905 г. пришли к тому заключению, что исполнять свои обязанности при существующих условиях жизни на руднике можем лишь в том случае, если эти условия будут улучшены, ввиду чего мы постановили требовать:

1) Немедленного понижения цен на все продукты, отпускаемые нам в плату, так как существующие в настоящее время цены считаем высокими и незаконными. Разъяснение бывш. присутствия по горнозаводским делам при горном департаменте (п. 2) говорит: «По смыслу закона (ст. 141-я уст. пром.) учреждение промысловых и заводских лавок отнюдь не должно иметь характера коммерческого, почему и оборот таких лавок должен быть рассчитан не на прибыль, а лишь на безубыточность операции» и т. д. (журнал № 3, ст. 6).

Что же мы видим здесь? Здесь происходит явное нарушение этого закона, так как магазин приносит ежемесячно чистого дохода 250 руб. в среднем, и, значит, он представляет коммерческое предприятие. Повышение же цен на продукты первой необходимости, как, например, на муку, происходит и оттого, что мука до привоза на рудник проходит через несколько рук: комиссионера, магазина Спасского завода, а потому и достигает такой чрезмерной цены, как один рубль за пуд, тогда как в г. Акмолинске стоимость ее 40 коп.

2) Повышения заработной платы месячным, поденным и подрядным: получающим до 50 руб. в месяц — 25%, а свыше 50 руб. — 15%.

3) Снабжения непромокаемою одеждою и обувью рабочих, работающих в мокрых забоях, от конторы рудника бесплатно согласно существующих законов.

4) Устройства в непродолжительном времени постоянного русско-киргизского училища по типу земских школ с 3 отделениями. При отдаленности нашего рудника от просвещенных мест, мы не имеем возможности дать своим детям не только порядочного образования, а даже и того, чтобы они умели читать и писать.

5) Немедленного улучшения помещений-казарм для киргиз-рабочих. Казармы без рам, с завешенными вместо стекол мешками, кошмами, вряд ли могут удовлетворять всем требованиям гигиены, а между тем администрация правления горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно относится, повидимому, к такому положению вещей слишком безучастно, так как только этим можно объяснить непосылание на рудник необходимого стекла, хотя требования на это стекло посылались слишком часто.

6) Уволить служащих Успенского медного рудника фельдшера Е. З. Костенко, конторщика М. А. Ивченко, как несогласных с нашими требованиями.

Подавая настоящую петицию правлению горнопромышленника французского гражданина К. Э. Карно, даем сроку для удовлетворения наших требований пять дней, считая с 7 декабря с. г.

[1]) Заголовок подлинника.

В случае неудовлетворения наших требований или промедления с ответом объявляем с 12 декабря полную всеобщую русско-киргизскую забастовку.

На том же собрании постановлено: отправить копию настоящей петиции для напечатания в столичных газетах.

Под настоящей петицией подписуемся. (Следуют 33 подписи рабочих и служащих, как за себя, так и за неграмотных).

С подлинным верно: управляющий Спасским заводом А. Павлович[1]).

3.

Из донесения полицейского урядника Кузнецова Акмолинскому уездному начальнику.

Главарем бастовавших киргиз рабочих был заводской староста Алимжан Байчигиров. Он уклонился от правдивых разъяснений относительно забастовки. Одинаково и от рабочих киргиз нельзя добиться ничего ясного и правдивого.

Полицейский урядник 3-го участка Акмолинского уезда Кузнецов.

Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30—50 гг. XIX в.

В настоящее время церковь в колониях, как известно, выступает в роли агента и проводника интересов финансового капитала, являясь одним из орудий в борьбе с национально-освободительным движением колониальных рабочих и крестьян. Задача служить орудием капиталистических интересов в колониальных и полуколониальных странах поставлена была впервые перед церковью в эпоху господства торгового капитала.

Если проследить деятельность русских православных миссионеров в Китае 30—40-х годов прошлого столетия, то нетрудно будет убедиться в том, что эти миссионеры, посылавшиеся в Китай с 1728 г. целой организацией, насчитывавшей в своем составе 10 монахов и известной под названием Пекинской духовной миссии, по сути дела представляли из себя коммерческую агентуру русского торгового капитала.

Появившаяся в февральской книжке 1930 г. журнала «Атеист» статья т. Барановского «Пекинская духовная миссия» затрагивает, главным образом, политическую роль миссии в Китае, рисует ее, как проводника политических директив правительства Николая I и Александра II, и автор ограничивается лишь упоминанием о том, что на миссии лежали обязанности собирать информацию торгово-экономического характера. На этой стороне деятельности миссии я и хотел бы остановиться, используя документы, отложившиеся в Петербургском главном архиве м. ин. дел и хранящиеся в Архиве революции и внешней политики.

Чтобы помочь русскому торговому капиталу укрепиться на китайском рынке, царское правительство обязывает миссионеров доставлять сведения о политическом положении Китая, об его экономике, — в частности, о положении сельского хозяйства и ремесл, — о потребительских вкусах китайцев, о торговых путях внутреннего Китая, о конкуренции европейского капитала и проч. Все это прикрывалось официальной обязанностью монахов распространять христианство. Облегчить всю эту поповскую работу ради барышей русских купцов можно было при помощи знакомства и связей с влиятельными китайскими чиновниками, близкими к правительству, почему такие знакомства поощрялись из Петербурга, посылавшего крупные суммы миссионерам для подкупа и взяток.

[1]) Петиция была переведена также на киргизский язык; под переводом имеются три подписи.

Информация, которую давали относительно экономики Китая русские миссионеры в Пекине, несколько приоткрывает завесу русско-китайских торговых отношений в 30-х и 40-х годах прошлого столетия, чрезвычайно скудно освещенных в русской экономической литературе, а главным образом, 1) позволяет судить о том, насколько ценна была эта информация для торгового капитала, и 2) свидетельствует о неплохом уменьи монахов разбираться в экономике русско-китайских отношений.

Поручения Пекинской миссии приобретали тем большее значение для русской торговли с Китаем, что условия последней были весьма своеобразны. В первую половину XIX столетия доступ в Китай русским купеческим караванам был затруднен, торговля была пограничной и носила меновой характер: ежегодно на 1—2 месяца съезжались в русском таможенном пункте Кяхте китайские и русские купцы, причем особо избранной купеческой комиссией составлялись правила, по которым устанавливались на каждый товар цены и обязательный обмен его на чай с запрещением покупать или продавать что-либо на деньги.

Как выполняли свои обязанности члены Пекинской миссии? Вполне естественно, что деятельность их связывалась с основным вопросом русской торговли с Китаем через Кяхту, с импортом чая. Из переписки министерства ин. дел с министром финансов Николая I Канкриным [1]) видно, что Пекинская миссия в 40-х годах дает сведения о пути, по которому следует чай в Кяхту. Путь этот идет из южно-китайской провинции Фуцзянь (близ острова Формозы), по внутренним ее рекам до Шанхая, оттуда морем до Тянь-цзиня, здесь происходила перегрузка чая на мелкие суда, идущие вверх по р. Байхэ до г. Тянь-Чжо, откуда чай идет караванным путем через г. Калган в Кяхту.

В начале 50-х годов этот морской путь, по донесениям архим. Палладия, заменяется целиком сухопутным: китайские купцы предпочитают доставлять чай в г. Калган и затем Кяхту караванным путем, так как китайские власти, — повидимому, не без влияния Англии, — стесняют торговлю по прежнему пути непомерно высокими таможенными пошлинами, а сухопутный путь позволяет обходить внутренние таможенные заставы.

Так как китайцы тщательно старались оберегать перед европейцами свои коммерческие тайны, то такие сведения, как информация о путях чайных караванов, облегчали кяхтинскому купечеству выяснение себестоимости доставляемого в Кяхту чая, а, следовательно, борьбу за более выгодный обмен русских изделий. С другой стороны, кяхтинское купечество не теряло надежды добиться у Китая разрешения на самостоятельную торговлю русским караванам внутри страны, и сведения о путях были весьма кстати.

В других случаях миссия считает своей обязанностью предупредить о неблагоприятных перспективах кяхтинской торговли, отмечая влияние крестьянских движений юга Китая на сокращение (застой) чайной торговли (разграбления чайных фирм на юге Китая, нападения восставших на чайные караваны). Такое предупреждение русское купечество получило от Пекинской духовной миссии в начале 1853 г., года значительного сокращения кяхтинской чайной торговли [1]).

Вот, например, донесение архимандрита Палладия (писанное симпатическими чернилами).

---

[1]) Отношение мин. ин. дел от 5 января 1848 г. № 24.

[1]) Сбыт изделий сократился с 6 400 000 до 2 000 000 р. (Носков, Кяхтинская торговля за последние 8 лет, СПБ, 1870г.).

«Пекин, 25/II 1853 г.

По слухам из Калгана, неблагоприятное влияние современных беспокойств в Китае на торговые обороты делается все более и более ощутительным. Китайские купцы, торгующие на Кяхте, понесли убыток на 2 000 000 лан (4 310 000 руб. сер.) по случаю разорения инсургентами торговой слободы Ханькоу и ограбления тамошних торговых домов, на которые купцы имели векселя. Из 200 000 ящиков чая, заказанных для Кяхты, доселе прибыла в Калган половина; о следовании же остальных партий чая ничего положительного неизвестно. Полагают даже, что, по случаю беспокойств на юге Китая, редкие из купцов в нынешнем году решатся сделать заказы чая в Фу-Цзянь, и потому к будущей [?] едва ли можно ожидать привоза новых чаев. Наведенный мятежниками страх на все пространство, прилегающее к низовью великого Цзяна, делает то, что транспорты уже перестали ходить через Хочуанскую провинцию...

Мало вероятно, чтобы шансийские купцы решили в столь смутное время рисковать своими капиталами...».

Особенное внимание Пекинская миссия в 30-х и 40-х годах уделяет вопросам сбыта в Китае изделий русской промышленности, пролагая ей через кяхтинских купцов новые пути на восток.

Вот что пишет в своем донесении ст. иеромонах Пекинской духовной миссии Вениамин Морачевич 3/VII 1836 г. (№ 13): «Судя по дорогим ценам зеркал, сюда из Кантона доставляемых, весьма было бы также выгодно отпускать в Китай и от нас оные... Полуаршинные... весьма идут к здешним туалетам... Пропорция в них вышины и ширины предпочитается квадратная»... Что сбыт русских мелких зеркал оказался осуществимым, об этом свидетельствуют следующие данные мин. ин. дел за период 1843—48 гг.: в 1843 г. через Кяхту в Китай было продано зеркал на 9 555 руб., а в 1847 г.— на 32 640 руб., т. е. сбыт увеличился, примерно, в 3 раза.

Из донесения начальника Пекинской миссии архим. Поликарпа от 2/VII 1843 г. видно, что миссию занимает вопрос о возможности сбыта в Китай бумажных изделий русской промышленности, ситцев и миткаля.

«Они [образцы ситцев, присланные министерством ин. дел в миссию], — пишет архим. Поликарп, — вполне удовлетворительны достоинством и шириной ткани и в последнем отношении представляют даже значительное преимущество перед английскими. Цвета же и рисунки ниже требований китайцев». Вместе с тем Поликарп сообщает, что европейцы в Китае, — в частности, англичане, — продают китайцам ситцы, отличающиеся непрочностью, но зато дешевизной, а главное — изяществом рисунка, выдержанном в китайском вкусе. Вот почему, по мнению Поликарпа, «потребность Китая в русском ситце всегда будет составлять предмет второстепенный... Главное место в торговле с ним бумажными изделиями должны занимать миткали крашеные и некрашеные, потому что употребление их китайцами, несомненно, обширное».

Эти замечания Поликарпа вполне оправдываются статистикой сбыта бумажных изделий в Китай, какой располагало министерство ин. дел. Достаточно указать на то, что десять лет спустя, в 1852 г., ситцы составляли ничтожный % в общем сбыте наших бумажных изделий в Китай, всего 0,002% (13 845 р.); 70% этого сбыта составлял вельвет, род полубархата, и никакие попытки правительства усилить экспорт ситца в Китай путем назначения (в 1845 г.) вывозной премии (по 6 рублей с пуда) не в состоянии были преодолеть английской конкуренции.

Иная картина с миткалем. Вот цифровые данные о росте сбыта русского

миткаля в Китай в 40-х годах: в 1843 г. продано на 1 475 руб., в 1844 г. — на 2 217 р., в 1845 г. — на 5 091 р., в 1846 г. — на 14 560 р., в 1847 г. — на 46 567 р.

Наряду с выяснением возможности сбыта русских товаров на китайском рынке, святые отцы следили за движением местных цен, и, напр., кризисы сбыта, падение цен, были предметом их особенного внимания. Здесь характерно, что методы, которые рекомендует духовная миссия для борьбы с кризисом сбыта, свидетельствуют о том, что миссионеры смотрели на Китай, как на колонию для отечественного торгового капитала. В упомянутом выше донесении от 3/VII 1836 г. иеромонах Морачевич сообщает: «Неизвестно, от случившихся ли втечение 5-ти последних лет частых и сильных в Китае и даже в России неурожаев или от совместничества [т. е. конкуренции] европейской торговли с нашей, но цены здесь на мануфактурные иностранные произведения упадают»... Несколько далее он говорит: «Китайский аршин нашего плису с трудом продается по 2 чина серебра; им завалены все большие и малые лавки; сукна наши, коих аршин стоит около 6 чин серебра, с трудом... находят себе покупателей по 3 чина».

Длительный характер указываемых автором донесения причин кризиса заслуживает того, чтобы на них остановиться. Глубокие пережитки феодального строя в тогдашнем Китае, засилье помещиков, закабаленность китайского крестьянина (малоземелье, кабальная аренда, налоги), климатические условия — были основными причинами, которые создавали длительный сельскохозяйственный кризис, периодические голодовки китайскаго крестьянства, а отсюда и кризис сбыта.

Не без основания Морачевич пытается связать экономику России 30-х годов с усиленным движением русской мануфактуры на китайский рынок, повлиявший известным образом, на цены. М. Н. Покровский относительно 20 годов XIX в. говорит следующее: «Крепостная Россия, с насильственно задерживаемыми в деревне натурально-хозяйственными порядками, не могла представлять собой рынка для столь бурно развивавшейся промышленности, — уже в конце 20-х годов внутренний рынок считался исчерпанным» [1]). Внутренний кризис сбыта обострялся неурожаями первой половины 30-х годов, о которых упоминает Морачевич. Так, проф. Рожков для знаменитой Прохоровской мануфактуры насчитывает в первой половине 30-х годов 3 кризисных и вместе с тем неурожайных года: 1831/32, 1832/33 и 1835/36, причем для кризиса сбыта он считает неурожай конечной причиной [2]).

Какие же методы рекомендует иеромонах Вениамин Морачевич для борьбы с кризисом? «Для поддержания выгоднейшего сбыта на Кяхте наших фабричных произведений весьма полезно было бы умерять их отпуск...».

Пролагая дорогу на китайский рынок русской фабрике, следя за движением цен на этом рынке, Пекинская миссия в половине 40-х годов предупреждает правительство об угрозе, которая в недалеком будущем может вырасти со стороны иностранного капитала в Китае, — в частности, со стороны английского, открывшего себе двери в Китай со времени Нанкинского договора (1842 г.). Поликарп (начальник миссии) отмечает, что успешный сбыт в Северном Китае нашего основного товара, туда ввозившегося, русских грубых сукон, драдедама, основанный, главным образом, на относительной дешевизне в 40-х годах русской шерсти

---

[1]) М. Н. Покровский. Внешняя политика, Сборник статей, изд. 1918 г., статья «Константинополь», стр. 21.

[2]) «Историк-марксист» 1927 г., т. 6, стр. 108.

по сравнению с западно-европейской [1]), может быть временным, и поэтому предлагает русской промышленности новый рынок сбыта — Западный Китай, менее доступный англичанам и более близкий к России [2]). Как известно, торговля с Западным Китаем завязывается в 50-х годах. Что касается английской конкуренции на китайском рынке, то она ярко сказалась в качестве одной из причин упадка кяхтинской торговли со второй половины 60-х годов, правда, не в том виде, в каком рисовал себе ее архим. Поликарп: кантонский чай, доставляемый англичанами морем, начинает вытеснять в России своей дешевизной кяхтинский чай, а это было одним из важнейших обстоятельств, повлекших за собой сужение торговых оборотов России с Китаем через Кяхту (следовательно, уменьшение сбыта русской мануфактуры), — и за 10-летие 1869—1880 гг. этот сбыт сократился больше чем в 2 раза [3]).

Все сказанное выше еще раз подтверждает всю лживость мнений буржуазных историков Пекинской духовной миссии об ее аполитичности, в частности, несостоятельность утверждения исследователя миссии иеромонаха Николая (автора 2-томного труда «История Пекинской духовной миссии» (Казань, 1887), который пишет, что миссия «не вмешивалась в политику, не интриговала при дворе богдыхана, не увлекалась и меркантильными целями» (стр. 12). Царское правительство, затрачивая средства на содержание миссии и поддержание ее деятельности, знало, что делало это не впустую: в лице миссии оно имело не плохо организованную, под мантией религии, систему не только политического, но и экономического шпионажа в стране, доступ в которую иностранцам в 30-х и 40-х годах представлял еще большие трудности.

Охвостье Пекинской духовной миссии, безвозвратно выброшенное Октябрьской революцией заграницу, продолжает свои старые традиции верного слуги капитала, являясь орудием антисоветской травли и агитации в руках иностранного империализма.

Г. Л.

---

[1]) По данным коммерческих отчетов МИД за 1850 г., цена русского мизерицкого сукна оказывалась на китайском рынке на 11% дешевле сукна бельгийского соответствующего сорта; цены соотв. 2—45 и 2—66 арш. Арх. МИД. СПБ. Гл. арх. П—3—1839, № 6, ч. II.

[2]) Донесение архим. Поликарпа от 20/IV 1844 г.

[3]) Арх. МИД. СПБ. Гл. арх. П—3, 1863—80, № 3. «Общие сведения о ходе сухопутной торговли России с Китаем через Кяхту».

Ответственная редакция: В. Адоратский. В. Максаков. М. Покровский.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Царская Россия и Персия в эпоху русско-японской войны. С предисловием *А. Попова* . . . . . 3—37

К истории Октябрьских дней в Петрограде. (Из материалов Петроградского Военно-революционного комитета). С предисловием *Вл. Елагина*. . . . . 38—62

Флот после Октябрьской победы. С предисловием *А. Дрезена* . . . . . 63—99

Церковь и руссификация бурято-монгол при царизме 100—126

Адриан Михайлов и гр. М. Т. Лорис-Меликов . . . 127—138

Из записной книжки архивиста

Из переписки С. М. и Н. М. Романовых в 1917 г. Сообщил *А. С.* . . . . . 139—150

Иностранные дипломаты о революции 1905 г. Сообщила *Э. Тененбаум* . . . . . 151—157

Из истории рабочего движения в Караганде. Сообщил *Н. Болотников* . . . . . 158—162

Пекинская духовная миссия и русско-китайская торговля в 30—50 гг. XIX в. Сообщил *Г. Л.* . . . . . 162—166

Издательство ЦК ВКП(б) Партиздат

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД
НА ЖУРНАЛ
ИСТОРИК-МАРКСИСТ

Орган Общества историков-марксистов и института истории Комакадемии

Год издания 8-й — 6 номеров в год

Журнал ставит своей задачей дать марксистско-ленинскую разработку исторических проблем и вопросов исторического знания в области конкретной истории и ее методологии, а также методики преподавания исторических дисциплин. Одновременно журнал ведет непримиримую борьбу на два фронта со всеми и всяческими извращениями марксизма-ленинизма в области исторической науки и в частности уделяет особое внимание разоблачению контрреволюционных социал-фашистских и троцкистских теорий.

Журнал освещает актуальные вопросы под углом зрения максимального приближения к задачам социалистического строительства и задачам борьбы мирового пролетариата, дает хронику работ историков, в частности освещает работы над коллективными темами „История фабрик и заводов“ и „История гражданской войны“ и т. д.

В журнале уделяется достаточное место вопросам развития исторической науки за пределами СССР.

Журнал рассчитан как на историков, занятых научной и педагогической работой, так и на широкие круги активистов-общественников, аспирантов вузов и комвузов.

Особое значение имеет журнал для парткабинетов, методических бюро и комиссий, ведущих руководящую работу при Агитпропах по преподаванию истории классовой борьбы, истории партии в партшколах и др. учебных заведениях.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — **15** руб., на 6 мес. — **7** руб. **50** коп.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА 2 руб. **50** коп.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: отделениями, магазинами и киосками Партиздата, всюду по почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1933 ГОД
НА ЖУРНАЛ

ЗА МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

ОРГАН АССОЦИАЦИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

Год издания 5-й — 6 номеров в год

Задачи журнала: разработка проблем марксистской методологии в области естествознания, пропаганда метода диалектического материализма среди естественников, борьба с враждебными пролетарской идеологии течениями в области естествознания и точных наук (идеалистическими и механистическими), активное содействие практике социалистического строительства по линии естественных наук, организация научно-естественных марксистских обществ, освещение вопросов подготовки кадров, планирование научной работы, борьба за овладение техникой.

Отделы журнала: 1. Статьи. 2. Доклады в Коммунистической Академии. 3. Трибуна. 4. Обзоры. 5. Критика и библиография. 6. Научная жизнь.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 12 мес. — 12 руб., на 6 мес.—6 руб.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА — 2 РУБ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ отделениями, магазинами и киосками Партиздата, всюду на почте, письмоносцами и уполномоченными по партпечати на предприятиях и в учреждениях

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ LIV—LV

СОДЕРЖАНИЕ:

Дневник П. Н. Милюкова. — Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. — К истории Московского военно-революционного комитета.—Царское правительство и процесс Бейлиса.

ЦЕНТРАРХИВ
1932

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Дневник П. Н. Милюкова. С предисловием *Я. Берзина* . . . . . 3— 48

Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г. С предисловием *Л. Телешевой* . . . . . 49— 79

К истории Московского военно-революционного комитета. С предисловием *Э. Рожена* . . . . . 80—161

Царское правительство и процесс Бейлиса. С предисловием *А. С. Тагера* . . 162—205

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ РСФСР

17926

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ—ШЕСТОЙ
(ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ—ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЫЙ)

54-55

1932

СОЦЭКГИЗ
МОСКВА 1932 ЛЕНИНГРАД

1-я ОБРАЗЦОВАЯ ТИПОГРАФИЯ ОГИЗА РСФСР ТРЕСТА «ПОЛИГРАФКНИГА». МОСКВА, ВАЛОВАЯ, 28.

*

Уполномоченный Главлита № Б-27326.
Тираж 3 200 экз. Заказ № 4772.
Сдано в производство 11/XII 1932 г.
Подписано к печати 9/IV 1933 г.
Формат 72×105$^{1}/_{16}$. Объем 12$^{3}/_{4}$ п. л.
В 1 п. л. 40 000 п. зн.
С.-Э. /п/№ 24.

Дневник П. Н. Милюкова.

По поводу дневника Милюкова.

Относящийся к весенним и летним месяцам 1916 года дневник П. Н. Милюкова, начало которого публикуется в настоящем номере нашего журнала, представляет интерес во многих отношениях. Несмотря на ряд внешних и внутренних недостатков, присущих этому дневнику (литературная необработанность, отрывочность и крайняя сжатость записей, местами доходящая почти до зашифрованности, выпячивание некоторых незначительных фактов и замалчивание других, более крупных), дошедшая до нас «поденная запись» признанного лидера буржуазной оппозиции и виднейшего идеолога русского империализма проливает новый, подчас совсем неожиданный свет на многие важные, но уже в значительной мере позабытые или вообще слабо освещенные в исторической литературе события периода империалистической войны и подготовки Февральской революции.

Главную часть этого дневника составляют заметки Милюкова за время его поездки заграницу в качестве члена русской «парламентской» делегации, посетившей, по приглашению союзных правительств, Англию, Францию и Италию в мае и июне 1916 года. Дополнением к этой записи являются подобные же путевые заметки, относящиеся ко второй заграничной поездке Милюкова (август — сентябрь того же года), когда он отправился в Англию в качестве «частного лица», по приглашению Кембриджского университета, для чтения лекций по балканскому вопросу и о Государственной думе, и когда он, воспользовавшись случаем, снова побывал также во Франции, а потом прочитал несколько лекций и в Норвегии [1]).

Во время своей первой, официальной поездки Милюков, несомненно являвшийся центральной фигурой делегации, участвовал на многочисленных приемах

[1]) Годом позже, в своем выступлении перед «Чрезвычайной комиссией Временного правительства», Милюков сам открыл одну специальную цель своей второй поездки заграницу. Эта поездка состоялась уже после роспуска Думы, приведшего к новому обострению отношений между правительством Штюрмера и думским большинством в лице прогрессивного блока. Оказывается, что Милюков использовал свое вторичное пребывание заграницей именно для собирания материала против Штюрмера. Собранные заграницей сведения дали Милюкову возможность обвинить Штюрмера в измене и в подготовке сепаратного мира с Германией, что и являлось гвоздем его знаменитой речи в Думе 1 ноября 1916 года. (См. «Падение царского режима», т. VI.)

и выступал с речами на банкетах и прочих торжествах, которые устраивались союзниками в честь представителей российского «парламента» (в делегацию входили члены обеих «законодательных палат», Государственной думы и Государственного совета), причем своей активностью и речистостью он явно оттеснял на задний план остальных участников делегации, в том числе и ее председателя, ограниченного и бестолкового Протопопова. Но Милюков не довольствовался участием в одних только официальных торжествах: он старался использовать свое пребывание заграницей для завязывания как можно более широких связей в разнообразных кругах «общественности» союзных стран, а попутно также и нейтральных государств, в которых ему приходилось останавливаться во время обеих заграничных поездок. В результате — бесчисленные «частные встречи» и «интимные беседы» почти со всеми виднейшими государственными и общественными деятелями Антанты и с целым рядом представителей других стран. Описание этих встреч и изложение важнейших бесед и составляет содержание публикуемого дневника.

Когда читаешь этот дневник, то прежде всего поражает широта размаха у путешествующего за границей лидера кадетской партии и прогрессивного блока. В длинном списке лиц, с которыми Милюков встречался и вел политические беседы втечение своего четырехмесячного пребывания заграницей, мы находим трех королей (британского, итальянского и норвежского) и президента французской республики Пуанкаре, а за этими главами государств следует нескончаемый ряд премьеров, министров, парламентских деятелей, дипломатов, журналистов, генералов, ученых, банкиров и т. д. Среди собеседников Милюкова, отмеченных в его дневнике, мы видим: в Швеции — министра иностранных дел Валленберга и разных промышленников и коммерсантов; в Англии — премьера Асквита, министра иностр. дел сэра Эдуарда Грея, затем Бальфура, Ллойд-Джорджа, лорда Брайса, сэра Арчера Никольсона, лорда Хардинга, кого-то из Ротшильдов, Сетон Уотсона, Уикхема Стида и др.; во Франции — премьера и министра иностр. дел Бриана, морского министра Лейга, бывших и будущих министров Ганото, Думера, Тардье, Эррио, генерала Гуро, Франклен-Буйона, профессоров Дюркгейма, Леви-Брюля, Баша, Сеньобоса, банкира Ротшильда и мн. др.; в Италии — премьера Саландру, министра иностр. дел Соннино, послов — британского Родда и французского Баррера, лиц королевской семьи и т. д. Наряду с этими широко известными или высокопоставленными лицами перед нами проходят в дневнике менее заметные фигуры: представители различных буржуазно-националистических организаций Польши и Чехии (среди последних — находившиеся тогда еще в изгнании Массарик и Бенеш), пропагандисты юго-славской иреденты (Трумбич, Супило), какие-то таинственные дельцы, выдающие себя за представителей армянского народа, не менее таинственные болгарские деятели, будто бы подготовляющие переход Болгарии на сторону Антанты, наконец — уже совсем подозрительные типы из мира международного шпионажа, доставляющие Милюкову различные «секретные сведения» (в том числе — доносы о связях Извольского с Германией). Но мало этого, — Милюкову, признанному вождю воинствующего империализма царской России, удается завязать сно-

шения также с социалистами Запада, притом не только с представителями правого, открыто шовинистического толка (Брантинг, Ренодель, Лафон, Муте), но и с так наз. интернационалистами (Линдгаген, Брайльсфорд, Лонге, Бризон). Если к этому добавить, что Милюкова принимали как своего человека (и, пожалуй, как свое будущее «начальство»), с ним беседовали интимно и ему открывали государственные тайны российские послы и посланники в столицах союзных и нейтральных государств (в Стокгольме — Неклюдов, в Христиании — Гулькевич, в Лондоне — граф Бенкендорф, в Париже — Извольский, в Риме — Гирс), что, кроме того, Милюков везде вращался также в среде патриотически настроенной верхушки русской политической эмиграции (в дневнике упоминаются встречи с Кропоткиным, Шкловским — Дионео, Амфитеатровым, Викторовым, Рубакиным, даже с Плехановым и др. [1]),— если учесть все это, тогда станет ясным, как широко использовал Милюков свои заграничные путешествия в целях создания всевозможных политических связей и какая огромная масса впечатлений и наблюдений сконденсирована в беглых и, к сожалению, слишком часто чересчур отрывочных заметках его дневника.

В многочисленных беседах, нашедших то или иное отражение в этом дневнике, на первом месте естественно стояли разнообразные вопросы, связанные с ходом империалистической войны и актуальными проблемами международной политики.

По хронологии дневника первым из этих вопросов выступает перед нами польский вопрос. Уже по дороге в Швецию о разрешении польской проблемы ведется спор между Милюковым и его коллегой по делегации графом Велепольским, представителем польской аристократии в Государственном совете. Повидимому, между ними нет глубоких разногласий по существу вопроса, оба собеседника, в сущности, являются сторонниками официальной программы царизма в этом вопросе и стоят за объединение

---

[1]) В докладе, который по возвращении делегации в Петроград Милюков делал в думской комиссии по военным и морским делам (19 июня 1916 г.), он на основании своих заграничных впечатлений давал следующую характеристику политической эмиграции:

«Наша эмиграция заграницей в значительной степени поредела, значительная часть ушла в армию, и часть там погибла. Таким образом, эмиграция представлена не густо и часто не лучшими своими представителями. Тем не менее, среди эмиграции заграницей ведется большая борьба мнений, борьба более яркая и острая, потому что она не стеснена цензурой. Правда, во Франции она стеснена, но наши эмигранты левого крыла перекочевали в Швейцарию и главным образом в Женеву. Там они ведут встречную борьбу. Что касается остальных, я должен сказать, что среди них распространено самое желательное для нас настроение... Мне приходилось в Риме беседовать с видным представителем нашей эмиграции Плехановым, и я должен констатировать, что политика парламентского прогрессивного блока находит всецело одобрение этого видного деятеля социал-демократии. (Голоса справа: Браво!). То же самое я выслушал от Кропоткина, которого я дважды посетил в его уединении на юге Англии. Затем ко мне приходили очень лево настроенные представители бывших социал-революционеров, ныне работающих в газете, называемой «Призыв», которые точно также весьма определенно высказывались за ту политику и за ту тактику, которую ведет в своих намерениях, в своих планах, в своей программе большинство Государственной думы». (См. Журнал комиссии по военным и морским делам Гос. думы IV созыва, ч. II, стр. 91—92, Ленингр. отд. Центр. истор. архива.)

всех польских земель под властью российского царя и за автономию Польши. Они не спорят даже о пределах этой автономии, и Милюков, например, оставляет без возражений слова Велепольского о том, что «общеимперское законодательство нужно определить в чертах вроде германского государства (союзного)». Значит, с этой стороны как будто все обстоит благополучно — тем более, что Милюков имеет возможность сослаться на Сазонова, будто бы разделяющего точку зрения кадет. Однако серьезное расхождение уже в этих беседах обнаруживается по другой линии, а именно по вопросу о том, каким путем должна осуществляться указанная программа. Велепольский, наслышавшийся за полтора года войны немало торжественных заявлений об освобождении Польши[1]), а на деле наблюдающий со стороны России продолжение прежней политики преследования по отношению к полякам, не склонен вполне доверять представителям русского империализма. Поэтому он так решительно настаивает на том, чтобы разрешение польского вопроса носило м е ж д у н а р о д н ы й характер, т. е., чтобы этот вопрос был включен в программу будущего мирного конгресса и таким образом осуществление автономии Польши получило гарантию со стороны Англии и Франции. Но вот с этим-то Милюков (также как и Сазонов) не может согласиться никоим образом: для него польский вопрос является исключительно вопросом внутренней политики России и к его разрешению не должны быть допущены даже дорогие союзники. С этой точки зрения не может сдвинуть его не только Велепольский, но и многие другие собеседники из среды политических деятелей союзных стран, с которыми Милюкову во время дальнейшего путешествия приходится обсуждать польскую проблему.

В беседах, относящихся к пребыванию Милюкова в Швеции, главное внимание уделяется проблемам шведо-русских и шведо-антантовских взаимоотношений, причем на первый план выдвигаются два наиболее острых конкретных вопроса того периода: о транзитной торговле предметами военного снабжения через Швецию и о судьбе Аландских островов в связи с укреплением их со стороны России вопреки постановлениям Парижского конгресса 1856 года. Наряду с этими вопросами выступает также финляндский вопрос, тоже получивший во время империалистической войны крупное международное значение. А над всеми подобными частными проблемами грозно поднимается общий вопрос о позиции Швеции, именно вопрос о том, сохранит ли Швеция до конца свой нейтралитет или же вступит в войну—разумеется, на стороне Германии.

Там же в Стокгольме, а потом в Христиании Милюкову приходится выдержать первые схватки с представителями буржуазного пацифизма, проповедующими «преждевременный мир», притом мир совсем одиозный в глазах убежденного империалиста— мир «без аннексий» и «без контрибуций». На борьбу с этими «лжеучениями», распро-

[1]) Велепольский, имевший связи в придворных кругах в годы мировой войны, сам принимал деятельное участие в выработке программы царизма по польскому вопросу, вел на эту тему разговоры с Николаем Романовым, подавал различные «записки» влиятельным членам правительства и т. д. В частности, он удостоился чести перевести по просьбе Сазонова на польский язык знаменитый «манифест» верховного главнокомандующего, изданный в августе 1914 года.

странение которых приписывалось германским агентам, Милюков у себя дома тратил много энергии с самого начала войны. Еще накануне отъезда заграницу он произнес в Думе (12 марта) большую речь, в которой, развивая максимальную программу русского империализма, грозно обрушился не только на сторонников циммервальдского движения (повод к этому выступлению подал меньшевик-оборонец Чхеидзе, тоже причислявший себя к циммервальдцам), но и на таких, с позволения сказать, пацифистов, как президент САСШ Вильсон и римский папа. Несомненно, эта резко воинственная и вызывающая речь, как и вообще позиция Милюкова в вопросах войны и мира была хорошо известна заграницей, поэтому западно-европейские пацифисты, как буржуазные, так и «социалистические», везде приставали к нему с разными каверзными вопросами, стараясь не то разоблачить, не то переспорить и переубедить его. Но Милюков оказался не трусом: любитель словесных боев, он во всех столицах, начиная с Стокгольма и кончая Римом, храбро отстаивает «правое и справедливое дело» Антанты против всяких пацифистских нападок и красноречиво доказывает необходимость довести войну «до логического конца», т. е. до полной победы над Германией.

С приездом делегации в Англию начинается полоса братания между представителями буржуазии двух союзных стран. Для Милюкова, неутомимого пропагандиста русского и мпериализма, там открывается особенно широкое поле деятельности.

Британское правительство встречает делегацию с большим почетом. Начинается эта встреча с демонстрации британской военно-морской мощи; в далекой шотландской бухте русским гостям показывают эскадру из 5 супер-дредноутов, собираются даже продемонстрировать перед ними весь Северноморский флот с главнокомандующим адмиралом Джеллико во главе. Однако этот план, — должно быть, экспромтный, — расстраивается в последнюю минуту по случайным причинам: повидимому, флот не ждал гостей из России, — оказывается, что их «нечем кормить», поэтому какой-то вице-адмирал старается поскорее сплавить делегацию дальше. Но это — случайная ошибка режиссуры, потом уже все идет как по маслу. До Лондона делегацию везут в королевском поезде, в котором гости получают «обильный завтрак и обед» (стало быть, Англия пока еще не на краю голода!), а по приезде в столицу начинается длинная серия приемов, раутов, банкетов, званых завтраков и т. д., и всюду прием самый радушный и почетный.

Первый номер программы — прием в Бекингемском дворце. Король и королева ласково беседуют с членами делегации: первый говорит на темы высокой политики, вторая — «о погоде, о пейзаже, о цветах и птицах». Дальше — правительственный банкет, затем следует прием в парламенте. На этих приемах как бы официально закрепляется смычка между представителями господствующих классов двух величайших империй. Потом обед у английских промышленников и коммерсантов из «Российской компании», основанной еще во времена Ивана Грозного: там в речах и разговорах обсуждаются перспективы расширения русско-британской торговли, — разумеется, в связи с планами вытеснения германского капитала из России в результате победоносной войны. На эту же тему Милюков потом подробнее беседует с министром

торговли Ренсименом. Потом устраивается поездка делегации в Энфильд с целью осмотра большой ружейной фабрики, — это министр военного снабжения Ллойд-Джордж демонстрирует перед представителями России блестящие успехи британской военной промышленности[1]). Эти успехи посетителям должны были показаться тем более поразительными, что царские генералы в это время продолжали гнать русских солдат в бой без винтовок и патронов...

Одновременно со всем этим идут всякие «частные» встречи и салонные беседы русских гостей с английскими общественными деятелями, журналистами, писателями и т. д. Лично для Милюкова эта часть путешествия заканчивается длинной и во многих отношениях весьма поучительной беседой с сэром Эдуардом Греем.

Милюков в восторге. Одна его речь (на банкете правительства) «произвела впечатление», другая (в палате общин) «встречена сочувственно», третья (у промышленников), о перспективах торговли, «производит сенсацию». На правительственном банкете нашелся англичанин, который даже сравнил Милюкова с Питтом. И когда автор дневника тут же добавляет от себя: «Русский Питт», то в этом сквозит не только известная Selbstironie, но и подлинное чувство удовлетворения.

В чем же смысл и значение всей этой шумихи? Чем была вызвана поездка парламентской делегации заграницу и какие цели преследовала она?

Для более или менее исчерпывающего ответа на этот вопрос требовалось бы восстановить перед глазами читателя всю обстановку того времени, как международно-политическую и военную, так и внутренне-российскую. Это невыполнимо в рамках настоящей вступительной заметки, и я волей-неволей вынужден ограничиться лишь некоторыми замечаниями.

К началу 1916 года военное положение союзников было очень тяжелое. На германо-французском фронте позиционная война требовала громадных жертв, но не открывала никаких перспектив на скорую победу. Присоединение Италии к союзникам (весной 1915 г.) не принесло последним сколько-нибудь заметного облегчения, между тем как вступление в войну Болгарии (осенью 1915 г.) на стороне германо-австрийской коалиции сразу же привело к полному разгрому Сербии. Галлипольская авантюра, предпринятая британским флотом по настоянию Черчилля, закончилась полной катастрофой. В результате колоссальных поражений, понесенных Россией в течение всей второй половины 1915 года, русские армии были обессилены и отброшены далеко вглубь страны.

Под влиянием подобных событий на фронтах военных действий ухудшилось и международное положение Антанты. Румыния отказывалась ускорить свое обещанное выступление и продолжала торговаться с союзными правительствами относительно

---

[1]) Между членами делегации существовало известное разделение труда. Милюков уделял главное внимание «высокой» политике, поэтому и в его дневнике мало места отведено проблемам чисто военного характера, военной промышленности и т. д. Работа делегации в этом направлении с исчерпывающей полнотой освещена в докладах Демченко, Энгельгардта, отчасти Шингарева, сделанных на вышеупомянутом заседании думской комиссии по военным и морским делам.

той доли военной добычи, которая должна была достаться ей после победоносного окончания войны. Трения между Грецией и союзниками достигли крайнего обострения, а на севере все более угрожающей становилась позиция Швеции, где влияние Германии было очень сильно. В довершение всего, со стороны нейтральных государств, прежде всего со стороны САСШ, все чаще стали повторяться попытки «сорвать» войну путем своего мирного посредничества.

Внутреннее положение России становилось все тяжелее. В результате поражений производились все новые мобилизации и все новые миллионы людей отрывались от производительного труда на полях и на заводах. Беспрестанная и бестолково организованная переброска военных частей, а также спешная эвакуация десятков губерний окончательно расстроили транспорт; в городах все острее чувствовалась продовольственная разруха. Летом и осенью 1915 года по всей стране, как предвестник грядущей революции, прокатилась огромная забастовочная волна. Усиливалось брожение среди крестьянства, росло недовольство среди мелкой и крупной буржуазии, непрерывно нарастало также обострение отношений между правительством и буржуазными организациями. Царское правительство окончательно доказало свою неспособность довести войну до победного конца и таким путем осуществить империалистическую программу русской буржуазии. Так наз. общественные организации буржуазии (военно-промышленные комитеты, городской и земский союзы), а вслед за ними и ее парламентское представительство в лице прогрессивного блока стали выступать с требованиями если не конституционных реформ, то, по крайней мере, создания «министерства доверия». Напуганная перспективой приближавшейся революции, придворная камарилья стала готовить уже более или менее конкретные планы сепаратного мира с Германией.

В такой обстановке и возникла идея о посылке парламентской делегации заграницу. Посылкой этой делегации русская буржуазия стремилась создать и укрепить — помимо царского правительства и через его голову — непосредственную и возможно тесную смычку с буржуазией союзных стран, дабы использовать помощь последней в борьбе с царизмом за те или иные реформы и за доведение войны до полной победы над Германией, а также в борьбе с пролетариатом, под руководством которого подготовлялась вторая революция.

Британская буржуазия, для которой прогнивший азиатский царизм уже давно казался не совсем подходящим партнером как в области мировой политики, так и в торговых и финансовых сношениях, и которая с тревогой воспринимала слухи о стремлении придворных и высших бюрократических кругов России к сепаратному миру с Германией, охотно шла навстречу стремлениям буржуазно-оппозиционных элементов России. Отсюда — целый ряд попыток британской дипломатии повлиять на внутреннюю политику царизма, отсюда и приглашение русской парламентской делегации в Англию, — приглашение, к которому присоединились также правительства Франции и Италии. Отсюда и тот подчеркнуто-почетный прием, который делегация встретила в Англии.

Обратите внимание на прием русской делегации в парламенте; он происходит как раз в день десятилетия Государственной думы. Что это, случайное совпадение

или за этим кроется определенный умысел? Верно, разумеется, последнее предположение. Совершенно ясно, что братание британского парламента с делегатами Думы по случаю юбилея последней должно было, по мнению организаторов этого братания, напомнить Николаю II и его министрам, что ответственнейший орган британской буржуазии солидаризуется с русской буржуазией в ее борьбе за расширение прав Думы, за конституционные преобразования, за укрепление русско-британского союза, за доведение войны до полного разгрома Германии. В торжественных речах, произнесенных в этот день в палате общин, чувствуются такие же опасения за судьбу IV Думы, какие десятью годами раньше, по случаю роспуска первой Думы, заставили британского премьера Кемпбелл-Баннермана демонстративно провозгласить лозунг: «Дума умерла — да здравствует Дума!»

Нужно заметить, что поездка русской парламентской делегации в страны Антанты была не первой и не единственной попыткой в указанном направлении. В начале 1916 года союзные страны посетила делегация русских писателей и журналистов с одним из виднейших кадетских лидеров — Набоковым — во главе (в делегацию входили, между прочим, А. Толстой, К. Чуковский и др.). В середине февраля в Петрограде состоялся шумный «банкет русско-английского сближения» под председательством Родзянко. С другой стороны — из стран Антанты постоянно приезжали в Россию представители союзной буржуазии, преследовавшие ту же цель: укрепить смычку с русской буржуазией и поддержать ее в борьбе против разных «темных сил», стремившихся к преждевременному или даже к сепаратному миру. Разве не знаменательно, что русская делегация по пути (в Стокгольме) встречается с Вивиани и Альбером Тома, едущими в Россию! Правда, последние были членами французского правительства и ехали с официальной миссией к царскому правительству, но ведь известно, что они (главным образом Тома) в России больше всего внимания уделяли сношениям с деятелями военно-промышленных комитетов и др. буржуазных организаций.

Посредством таких сношений поддерживалась и закреплялась та «связь англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России», и они больше всего содействовали оформлению того «заговора», о котором говорил Ленин в своем первом «письме издалека», как о важном факторе, ускорившем революционный взрыв в феврале 1917 года. Но нам известны, разумеется, далеко не все подобные попытки междусоюзного сближения. Между прочим Ленин в том же «письме» указывал, что «эту сторону дела, чрезвычайно важную, замалчивает англо-французская пресса», но к этому нужно добавить, что не менее упорно ее замалчивали и российские партнеры заговора. Этим и объясняется то обстоятельство, что наши сведения об упомянутых сношениях весьма скудны[1]).

[1]) О возникновении в руководящих кругах русской буржуазии плана апелляции к западно-европейскому «общественному мнению» приведены некоторые весьма интересные, но далеко не полные данные в книге Б. Граве «К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны», Гос. изд-во, 1926.

В частности, мы до сих пор знали очень мало относительно заграничной поездки «парламентской» делегации, которая, несомненно, была крупнейшим шагом в деле расширения и укрепления упомянутой междусоюзной связи. Как отчетный доклад Шингарева на открытом заседании Госуд. думы (20 июня 1916 г.), так и газетные статьи того времени заполнены одними только общими местами союзно-патриотического характера, и по ним нельзя получить правильного представления о деятельности делегатов заграницей и о действительных задачах и целях всей затеи.

В думской комиссии по военным и морским делам они говорили значительно откровеннее, но их доклады, запрятанные в секретный «журнал» комиссии, до сих пор были неизвестны более широким кругам. Выступая (летом 1917 г.) в Чрезвычайной комиссии Временного правительства, отдельные участники думской делегации (Милюков, Шингарев) уделяли много внимания протопоповской истории, но обходили молчанием вопрос о том, как они во время заграничной поездки подготовляли заговор с англо-французскими империалистами... «в интересах продолжения империалистской войны, в интересах еще более ярого и упорного ведения ее, в интересах избиения новых миллионов рабочих и крестьян России для получения Константинополя... Гучковыми, Сирии... французскими, Месопотамии... английскими капиталистами и т. д.» (Ленин). Молчанием обходил этот вопрос и Милюков в своей «Истории второй русской революции», написанной уже в послеоктябрьский период.

Настоящий «дневник» Милюкова, не предназначенный автором для опубликования и пролежавший около 15 лет спрятанным у его политических друзей в Академии наук, приподымает завесу — вернее, краешек завесы, скрывающей от наших глаз различные махинации как русских, так и антантовских империалистов. Дальнейший свет на события и проблемы того периода прольют другие документы, подготовляемые Центрархивом к печати, и в первую очередь доклады Шингарева и Милюкова в думской военно-морской комиссии. Эти документы вместе с дипломатической перепиской, включаемой в состав соответствующих томов издания «Международные отношения в эпоху империализма», несомненно, послужат ценным материалом для разработки многих важных проблем первой мировой империалистической войны и подготовительного периода второй российской революции.

Среди конкретного исторического материала, содержащегося в публикуемой ныне первой части дневника, несомненно, наибольший интерес представляет разговор Милюкова с Греем о «целях войны». В этом разговоре — кстати сказать, записанном Милюковым с особенной тщательностью, затронут ряд важнейших проблем мировой политики, которые помимо исторического интереса имеют большое актуально-политическое значение и в настоящее время. Поэтому милюковский «меморандум» заслуживает особенно серьезного внимания и должен подвергнуться обстоятельному разбору, но эта задача невыполнима в рамках настоящей вступительной заметки и к ней придется вернуться в другой связи.

Я. Берзин.

Состав делегации Государственной думы и Государственного совета заграницу в 1916 г.

В связи с обострением отношений между царизмом и либеральной буржуазией еще осенью 1915 г. в рядах «прогрессивного блока» возникла мысль о необходимости апеллировать к западноевропейской буржуазии и с этой целью послать заграницу авторитетную делегацию «общественных деятелей». Когда сведения об этих планах дошли до союзников (в Лондоне посредничал Дионео, в Париже—Белоусов), то первым откликнулось английское правительство, и уже в начале января 1916 г. английский посол Бьюкенен вел по этому вопросу беседы и с Сазоновым и с председателем Думы Родзянко. Подобные же неофициальные переговоры одновременно шли и в Париже и 30 (17) января Извольский телеграфировал Сазонову:

«Газетные телеграммы из Петрограда передают, что там возникло предположение о поездке будущей весной членов Думы в Англию для осмотра заводов, работающих для войны, а затем во Францию для осмотра фронта. Мне известно, что здесь этого очень желают, и я со своей стороны могу это лишь приветствовать».

На следующий день Извольский уже сигнализирует тревогу: как бы Франция не оказалась обойденной:

«Газеты воспроизводят ваш разговор с журналистами, в коем вы коснулись предстоящей поездки членов Думы в Англию, не упомянув при этом о посещении ими французского фронта. Если таковая постановка вопроса подтвердится, то я не сомневаюсь, что это вызвало бы здесь большое огорчение».

Тревога Извольского оказалась напрасной: было решено, что делегация должна посетить не только Англию, но также Францию и Италию.

Официальное приглашение членов Думы в Англию было передано Бьюкененом в марте месяце письмом следующего содержания, адресованным Родзянко:

«Господин председатель. Я уже имел честь сообщить вашему превосходительству словесное приглашение, с которым мое правительство обратилось к членам Думы с просьбой посетить Англию. Вместе с тем я не преминул его уведомить по телеграфу о том благоприятном приеме, который это приглашение встретило со стороны вашего превосходительства. Я только что получил ответ от сэра Эдуарда Грея, который просил меня уведомить вас, что предположенное вашим превосходительством время для посещения Англии вполне удобно для правительства его британского величества и что оно будет ожидать своих гостей после пасхальных праздников, которые в этом году приходятся на 10 (23) апреля. Выражая вашему превосходительству живейшее удовольствие, которое испытывает мое правительство в предвидении этого посещения, я предоставляю всецело на усмотрение вашего превосходительства выбор членов Госуд. думы, которые в нем должны принять участие».

Несколько позже подобные же приглашения были получены от французского и итальянского правительств.

В состав делегации вошли — от Госуд. совета: Васильев А. В., Велепольский С.И., Гурко В. И., Лобанов-Ростовский А. Н., Олсуфьев Д. А., Розен Р. Р.; от Госуд. думы: Демченко В. Я., Ичас М. М., Милюков П. Н., Ознобишин А.А., Протопопов А. Д., Радкевич А. А., Рачковский Ф. Ф., Чихачев Д. Н., Шингарев А. И., Энгельгардт Б. А.

Председателем делегации был избран А. Д. Протопопов.

Делегация выехала из Петрограда 16 апреля. Пробыв в Швеции с 17 по 20 апреля, а с 20 по 21 апреля в Норвегии, делегация 22 апреля прибыла в Англию. Здесь она была втечение двух недель (с 22 апреля по 7 мая). После этого делегация переехала во Францию, потом в Италию и снова вернулась во Францию. На обратном пути в Париже делегация разделилась: одна часть (Протопопов, Олсуфьев и др.) осталась заграницей, чтобы оказать содействие министру финансов Барку в заключении займа. На обратном пути Протопопов, остановившись в Стокгольме, вел переговоры с представителем германского правительства банкиром Варбургом по вопросу о заключении сепаратного мира между Германией и Россией. Другая часть (большинство деле-

гатов) вернулась в Россию накануне закрытия думской сессии. Подробные доклады о заграничной поездке делегации были сделаны Шингаревым, Милюковым, Демченко и Энгельгардтом на закрытом заседании думской комиссии по военным и морским делам. На заседании Думы в день ее закрытия (20/VI) с кратким сообщением о приеме делегации в союзных странах выступил Шингарев. Эта речь, предназначенная для широкой публики и содержавшая одни только патриотические общие места, а также ответное слово Родзянко, были использованы для публичной демонстрации полного единения союзников и их решимости довести войну до победного конца. Всем послам союзных держав, находившимся в дипломатической ложе, были устроены «бурные овации».

Приводим краткие сведения о членах делегации.

Васильев А. В., д. ст. сов., заслуженный ординарный профессор, президент Педагогической академии, вице-президент Общества славянского научного объединения. Член Госуд. совета по выборам; кадет, член «прогрессивного блока».

Велепольский С. И., граф, член Госуд. совета с 1909 г. по выборам от польских землевладельцев, крупный землевладелец; шталмейстер. Имел близкие связи с Романовыми; во время империалистической войны убеждал их дать Польше «автономию».

Гурко В. И., тверской уездный предводитель дворянства; член Госуд. совета по выборам от тверского земства; состоял в группе «правых»; в 1915 г. примыкал к «прогрессивному блоку».

Лобанов-Ростовский А. Н., князь, шталмейстер, крупный землевладелец и домовладелец. С 1902 по 1909 г. пом. статс-секретаря Госуд. совета, с 1909 по 1911 г. председатель Русского собрания. Член Госуд. совета от дворянства, состоял в группе «правых».

Олсуфьев Д. А., граф, камергер, землевладелец Саратовской губернии; с 1902 г. председатель Саратовской земской управы; в 1905 г. председатель саратовского отделения «Союза 17 октября»; в 1907 г. принимал участие в организации в Москве земского съезда для обсуждения местной реформы; член Госуд. совета по выборам от саратовского земства, состоял в группе «центра». В 1915 г. примкнул к «прогрессивному блоку».

Розен Р. Р., барон, гофмейстер, царский дипломат. В 80-х гг. XIX в.— ген. консул в Нью-Йорке, в 1893 г. — чрезвычайный посланник в Мексике, с 1895 г. — в Белграде, с 1899 г. — в Мюнхене, с 1901 г. — в Афинах, с 1902 г. — в Токио, с 1905 г. — в САСШ. Вместе с Витте в 1905 г. заключил «Портсмутский договор» с Японией. Член Госуд. совета по назначению, состоял в группе «центра».

Протопопов А. Д., камер-юнкер, крупный землевладелец и промышленник, предводитель дворянства Корсунского у. Член Госуд. думы 3 и 4 созывов, октябрист; тов. председателя Госуд. думы.

Ичас М. М., присяжный поверенный, куратор Виленского евангел.-реформ. синода; член Госуд. думы 4 созыва, член кадетской партии.

Милюков П. Н., публицист и историк, вождь либеральной буржуазии. Во время империалистической войны наиболее последовательный защитник максимальной программы российского империализма. Во время Февральской революции отстаивал монархию и романовскую династию. Один из основателей и председатель Ц. К. кадетской партии. В первом составе Временного правительства — министр ин. дел. После Октябрьской революции один из виднейших вождей буржуазной контрреволюции. Ныне белоэмигрант, издает в Париже газету «Последние новости».

Шингарев А. И., врач, земский деятель; член «Союза освобождения», потом кадет. Депутат Госуд. думы 2, 3 и 4 созывов; член Ц. К. кадетской партии. После Февральской революции во Временном правительстве Шингарев был сначала министром земледелия, а после 5 мая министром финансов.

Рачковский Ф. Ф., поляк, землевладелец. Член Госуд. думы 4 созыва; принадлежал к белорусско-литовской группе.

Энгельгардт Б. А., землевладелец, подполковник в отставке, окончил Академию генерального штаба. Член Госуд. думы 4 созыва, принадлежал к группе «центра».

Демченко В. Я., инженер путей сообщения, занимавшийся казенными подрядами, поставками и строительством домов; гласный Киевской городской думы и председатель Киевской уездной земской управы. Член Госуд. думы 4 созыва, националист.

Ознобишин А. А., камер-юнкер, бывший гродненский вице-губернатор. Крупный землевладелец; почетный мировой судья, член Госуд. думы 4 созыва, националист.

Чихачев Д. Н., камер-юнкер, быв. могилевский уездный предводитель дворянства, председатель Подольского с.-х. общества; почетный мировой судья. Член Госуд. думы 3 и 4 созывов, националист.

Радкевич А. А., чиновник Государственной канцелярии; крупный землевладелец. Член Госуд. думы 4 созыва, правый.

Подлинник публикуемого дневника П. Н. Милюкова хранится в Особом отделе Моск. центр. истор. архива. Дневник представляет собой три небольших записных книжки в клеенчатых переплетах. Записи сделаны преимущественно карандашом; многие разговоры и впечатления записывались Милюковым не сразу, а по истечении некоторого промежутка времени, вследствие чего расположение записей и даты не имеют последовательности, что затрудняет чтение дневника. В настоящей публикации материал расположен в хронологическом порядке, сокращенные слова дописаны, пунктуация местами исправлена.

Текст дневника и примечания подготовлены к печати Н. А. Лапиным под редакцией Я. А. Берзина.

ОТЪЕЗД В АНГЛИЮ.

Отъезд из Петрограда.

16 апреля 1916 г.

Кружок провожающих, щелканье фото-аппаратов, телеграмма Родзянко[1]), мой текст ответа, Палеолог[2]) не приехал проводить. Кулом-

---

[1]) Родзянко, М. В. (1859—1924) — председатель IV Госуд. думы, крупный помещик, камергер двора, член партии «Союз 17 октября». После Февральской революции вплоть до 6 октября 1917 г. Родзянко стоял во главе контрреволюционного «Временного комитета Госуд. думы». После Октябрьской революции был в Добровольческой армии, потом эмигрировал заграницу.

Как напутственная телеграмма Родзянко, так и ответ на нее делегации, подписанный Милюковым, Ознобишиным, Протопоповым и др., содержат лишь банальные напутственные фразы и выражения уверенности, что делегация выполнит свои «исключительно ответственные и важные цели поездки».

[2]) Морис Палеолог (род. в 1859 г.) — французский дипломат. В 1907—1912 гг. был посланником в Софии, с 1912 по 1914 г. — в Париже директором департамента политических и торговых дел мин. ин. дел. С 1914 по 1917 г. состоял послом в России. Проводник агрессивной политики французского империализма, Палеолог был одним из активнейших помощников Пуанкаре в подготовке мировой войны. — Как последовательный реакционер, тесно связанный с придворными кругами и с крайними правыми элементами царской России, Палеолог не мог не относиться «холодно» к делегации, в которой руководящую роль

зин[3]) (по словам бар. Розена) говорил, что он относится холодно к депутации; то же говорит и А. Д. Протопопов. Lindley и Carlotti были[4]). Протопопов говорит, что в Швецию нас не пустили намеренно[5]).

В дороге к Торнео.

17 апреля.

Пришел Розен, прочел письмо Рузвельта[6]) в ответ на его письмо о лиге нейтральных для посредничества («капитуляция» Германии). Письмо горячее: «Я против Наполеона в 1812 г., против Англии и Франции в 1856 г., за Россию в 1878 г., за Тройственное согласие 1914 г. Надеюсь, что Россия и в 1916 и в 1917 гг. поможет Англии».

Идея Розена (передает свой разговор с Харнером, только что приехавшим из Америки), что царь лично должен был в самом начале войны дать: 1) признание конституции, 2) автономию Польше, 3) автономию Финляндии и 4) равноправие евреев.

В Торнео разговоры на станции с комендантом. Отправляют от 70 до 110 вагонов, паровозов слишком мало, и они легкие, рельсы 18 *кг*. Нужно было бы 150. Неотправленные залежи — 8 тыс. тонн. Бывало до 15 тыс. В вагон нагрузка 600 пудов (10 тонн).

Вице-консул Вербицкий работает с 8 утра до глубокой ночи, говорит о шпионах, за которыми он устраивает разведку. Хозяин разменной конторы в Хапаранде, германский унтер-офицер, следит за приезжающими и телеграфирует по вечерам в Берлин. За Вербицким немцы тоже следят весьма внимательно. На разведку ничего не получает.

Город Торнео — бедный — между старым и новым руслом реки. Где провести железную дорогу? Вопрос существования города. И хотя постройка моста решена, но в наших интересах протянуть до конца войны.

играли оппозиционные фрондеры «прогрессивного блока». В своем дневнике он впервые упоминает о делегации лишь после ее возвращения (3 июля/20 июня).

[3]) Куломзин, А. Н. (1838—1924) — статс-секретарь, председатель Госуд. совета с 15 июля 1915 г. по 1 января 1917 г.

[4]) Линдлей — советник английского посольства в России. Карлотти — итальянский посол в России с 1913 по 1918 г.

[5]) См. прим. 25-е.

[6]) Теодор Рузвельт (1858—1919) — политический деятель САСШ[5]; с 1901 по 1909 г. был президентом республики. Был одним из наиболее последовательных представителей американского империализма. Во время мировой войны решительно выступал за участие в ней САСШ на стороне Антанты.

О «лиге нейтральных для посредничества» см. прим. 40-е.

Что идет из Швеции и в Швецию? Мы встретили поезда с серой («для финляндских заводов». Иронически) и с стальными листами. В Хапаранде стоят вагоны с хлопком. Автомобиль (15-й) «Красного креста» — для нас; для них — большое количество пеньки.

Переход по длинному деревянному мосту. В середине — будка и женщина, взимающая по 7 пенни. На одной стороне низкая линия изб Торнео, с другой — чистенькие домики Хапаранды и большое каменное здание нового отеля, в котором мы будем обедать. Входя в Хапаранду — ряд новых каменных амбаров для товаров. Первые шведские солдаты, в белого меха папахах, роста выше среднего. Отзыв офицера, визировавшего паспорта, и вице-консула одинаков: если они будут нашими врагами, то будут жестоки, холодны, неприступны чувству. Поживите со шведами, узнаете, что это за люди.

Обед в ресторане. Разговор с Велепольским. Он «не поехал бы в поездку, если бы не надеялся с нами сговориться» [7]).

Я: «Если с кем-нибудь м о ж н о надеяться сговориться, то с нами. Но, может, вовсе нельзя сговориться. Бывают такие трагические положения в жизни народов. Против вас, с одной стороны, 8 поляков, представлявших мемуар Бетману [8]), с другой Лемпицкий [9]) и др., дезавуировавшие Деговского».

---

[7]) С начала империалистической войны польская буржуазия и помещики разделились на два лагеря. Та часть, которая ориентировалась на русское правительство, была представлена братьями Велепольскими, Дмовским, Стан. Грабским, Ледницким, Рачковским, Замойским и др. Австро-германская «ориентация» возглавлялась Лемпицким, Наперальским, Снидельским, Чарторийским, Дашинским, Борном, Мареком, Сливинским, гр. Радзивилл, гр. Потоцким и др. Руссофильская точка зрения польской буржуазии полнее всего изложена в двух записках, поданных русскому правительству графами Сигизмундом и Владиславом Велепольскими (от 27 апреля и 19 мая 1915 г.) и в записке кн. Любомирского (17 мая 1916 г.). Все три записки настаивали на необходимости издания особого правительственного акта, который указал бы конкретно, как русское правительство предполагает провести в жизнь манифест Николая Николаевича Романова (См. сборн. документов: «Русско-польские отношения в период мировой войны», изд. Центрархива, 1926 г.)

С записками («мемуарами») аналогичного характера к германскому правительству обращались представители германо- и австрофильской ориентации.

[8]) Б е т м а н - Г о л ь в е г (1856—1921) — германский имперский канцлер с 1909 по 1917 г., ближайший сотрудник Вильгельма II в подготовке и ведении империалистической войны.

[9]) Л е м п и ц к и й, М. М., — горный инженер, автор многих трудов по горному делу. Член IV Госуд. думы, внепартийный национал-демократ, примыкал к «польскому коло». С начала войны Лемпицкий перекинулся к австро- и германофилам; в 1916 г., по настоянию членов «коло» и по заключению мандатной комиссии, был исключен из состава членов Думы.

Велепольский и Рачковский: «Мы, депутаты, избранные в 4 Думы, можем считать себя более авторизированными представителями».

Я: «Но и вы требуете международного акта и не довольствуетесь нашими обещаниями».

Велепольский: «В начале войны было бы достаточно, теперь нужно больше[10]). Скажите точно, что̀ вы хотите дать, а Англия и Франция пусть подтвердят. Это не международный акт в собственном смысле».

Я: «И на это мы не можем согласиться. С двух сторон — вы и поляки, оставшиеся в Варшаве, требуют одного и того же от различных воюющих сторон».

Велепольский: «Кроме нас есть германские и австрийские поляки, с которыми надо считаться. Лемпицкий не наш, целый год сидел в Стокгольме и получил думское положение».

Рачковский еще осенью считал, что его надо исключить и напечатать. Велепольский был против напечатания. Только в декабре поехал Дмовский[11]) и Платер[12]) в Лондон. Потом Добецкий[13]) и.....[14])в Стокгольм. За других они не ответственны.

Моими заявлениями Велепольский очень смущен, хочет поговорить подробно завтра.

---

[10]) Имеются в виду, с одной стороны, манифест, изданный в августе 1914 г. б. верх. главнокомандующим Николаем Николаевичем Романовым, а с другой стороны, заявление, сделанное мин. ин. дел Сазоновым с кафедры Госуд. думы в феврале 1915 г. Как манифест, так и заявление Сазонова намеренно были изложены в самой неопределенной форме. Так, в манифесте говорилось: «... Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя. Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении». В начале руссофильские представители буржуазной Польши с восторгом приветствовали подобные пустые и лживые заявления, но уже с весны 1915 г., и особенно после занятия Польши германскими войсками, польские руссофилы стали добиваться от царского правительства более определенных заявлений и, в частности, настаивали на включении польского вопроса в программу мира союзников.

[11]) Дмовский Ром. Вал. — публицист, редактор издававшейся в Москве «Газета польска»; лидер польской нац.-демокр. партии, крупнейший буржуазный польский деятель; лидер польского коло в Госуд. думе 2 и 3 созывов. В 1909 г. выпустил книгу: «Германия, Россия, Польша» ярко руссофильского характера. Во время войны Дмовский, как в Петербурге, так и в Лондоне и Париже выступал за автономную «Великую Польшу» в пределах Российской империи.

[12]) Платер Константин, граф. Во время войны проявил энергичную деятельность в Лондоне, Париже, Лозанне, где выступал за вмешательство союзников в разрешение польского вопроса.

[13]) Добецкий Евстафий — член Госуд. совета, «реалист», т. е. член буржуазно-помещичьей консервативной «партии реальной политики».

[14]) Пропуск в подлиннике.

Обед в большом отеле. Оттуда пешком целый километр по грязной дороге на станцию. «Питательный пункт» русского вице-консула. Нас провожает жена германского консула.

Станция Карунга.

На станции кавалеристы ухаживают за местными девицами. Появление священника вызывает сенсацию: за ним бегут: ryska prest— и у вагона быстро собирается кучка, видимо, настроенная недружелюбно. Но его не видать в вагоне, и кучка расходится.

По первым впечатлениям, отношение к нам населения нельзя назвать дружественным. Это скорее сдержанное и холодное любопытство.

18 апреля — 1 мая.

Просыпаюсь в Бодене. Унылая дикая местность. Примитивная морена. Снег не сошел. 260 метров над морем.

Разговор с Велепольским. Его уполномочили ехать поляки коло, реалисты, беспартийные и прогрессивный клуб (Свентоховский[15]) и Кониц[16]), собравшиеся в его квартире. Советовали ехать и французы, англичане и итальянцы (я сказал ему слова Карлотти, что неприятны для Квиринала хлопоты поляков в Ватикане). Он был и у Сазонова[17]), который сказал ему, что готовится приятный для поляков документ, который каждый день может быть опубликован[18]).

---

[15]) Свентоховский А. (род. 1859) — польский публицист и драматург. Во время войны стоял близко к буржуазной «народовой демократии».

[16]) Кониц Генр. Сам. — Присяжный поверенный, ред.-изд. еженед. «Судебная газета», член Госуд. думы 1 созыва. В период войны был юрисконсультом Варшавского коммбанка; в январе 1916 г. был арестован немецкими властями и выселен из Варшавы внутрь Германии.

[17]) Сазонов С. Д. (1861—1927)—царский дипломат, в 1910—1916 г.— министр ин. дел. Один из активнейших дипломатов Антанты, работавших по подготовке империалистической войны.

[18]) Повидимому, речь идет о проекте польской автономии, в этот период обсуждавшемся в Совете министров, который считал необходимым наметить ряд положений с целью установить «предел для слишком далеко идущих вожделений некоторых польских политических кругов и партий». Совет министров устанавливал, что польский край «не должен иметь чего-либо обособленного или отличного от империи в следующих отраслях государственного управления: армия и флот, международные сношения, финансовое управление, пути сообщения, почта и телеграф», но считал возможным допустить: а) некоторые льготы для католического духовенства (свобода катехизации, права прозелитизма, отмена «излишних стеснений» деятельности монастырей), б) возможность поступления поляков на государственную службу и занятие при некоторых условиях административных и судебных должностей, в) употребление в общественных учреждениях и местном самоуправлении польского языка, г) введение городского самоуправления, суда присяжных и некоторые другие мероприятия. Журналы заседаний Совета министров с поста-

В итоге — он участвует в экспедиции с целью своим присутствием показать, что официальные представители Польши остаются с Россией. Никакой «миссии» он не имеет. Конечно, будет говорить с своими поляками (и держать нас в курсе), но публично будет выступать солидарно. Его точка зрения: Россия может отказаться от Польши (от объединения ее). Чтобы это предупредить, и нужно международное заявление о целях России. Такое заявление предупредит l'enchère. Нужно иметь в виду случай нашей неудачи. В этом случае мы должны требовать, чтобы Германия сделала польский вопрос международным. «Буфер» для нас, а не для Германии.

Я возражал: «Мы не можем считаться с поражением, а если оно будет, не мы будем диктовать. Нельзя для поляков держаться позиции, что надо и от германцев и от русских добиваться одного и того же. Этим теряется позиция в России».

Велепольский говорил о неизбежности для поляков вести две политики. Но 8 или 9 поляков, представлявшие мемуар Бетману, представляют только самих себя. Им сказано: «Мы вам мешать не будем, но если вы выступите от имени польского народа, то опровергнем». Чарторийский, Наперальский, Снидельский с Берном (польская организация австрийская) ничего общего не имеем.

Я: «Платер однако говорил, что они заезжали, говорили с Ромбергом[19]), и он доставит на их обратном пути ответ из Берлина об экономической зависимости Польши от России». К папе пойду с визитом, но, если будет говорить о политике, буду склонять его к русской ориентации. Я сказал, что Сазонов в общих чертах согласен с нашей автономией[20]). Велепольский сказал, что общеимперское законодатель-

---

новлением «О главных началах будущего политического устройства Польского края» были представлены царю, но дело не получило дальнейшего движения.

[19]) Ромберг — повидимому, речь идет о бароне Ромберге, германском посланнике в Швейцарии.

[20]) Милюков, повидимому, говворит о кадетской платформе по польскому вопросу. Принятый конференцией партии к.-д. в 1915 г. «Проект закона об устройстве Царства польского» содержал следующие основные положения: «Царство польское, составляя нераздельную часть государства Российского, подлежит в означенных настоящим законом пределах действию общегосударственных законов и установлений». По этому проекту законодательная власть должна была осуществляться «императором в соединении с сеймом». Ведению сейма подлежали: «1) Законодательство по делам Царства польского, 2) установление и отмена всякого рода налогов, податей, пошлин, сборов и повинностей, за исключением акционерных и таможенных и казенных монополий, 3) рассмотрение и одобрение ежегодной росписи доходов и расходов Царства польского, 4) рассмотрение и утверждение ежегодных отчетов и т. д.». Для проведения в жизнь этих мероприятий требовалось утверждение их со стороны царского наместника и состоящего при нем правительственного совета. Споры между польскими и общего-

ство нужно определить в чертах вроде германского государства (союзного), чтобы не расходиться с планами Германии. Парчевскому [21]) советовали выйти из Думы, если войдет в университет. Позиция поляков (реалистов и т. д.) в Петрограде обсуждена и одобрена в Варшаве до ее падения, на совещании, на котором присутствовал и Парчевский.

Рассказ Лурье, директора-распорядителя общества «Авести», о петербургских порядках. Был случай купить 5 миллионов французского золота. Неклюдов [22]) послал 6 телеграмм, Лурье ездил в Петербург—дело застряло. Золото продано. — Завод, оборудованный на русские деньги, получил заказ — 150 тыс. стволов. Просят еще на 200 тысяч и предлагают купить оборудование. Завод Guskwarna в то же время торгуют немцы. Артиллерийское управление тянет дело и не желает давать заказа, пока не будет принят первый. Завод попадает в германские руки. — Никкель, нужный для исполнения русского заказа, 4 месяца задерживается из-за справок английского правительства и из-за недоверия, как бы не перепродали немцам. Завод старый и надежный. ✠ Франция мешает русскому заказу, а сама закупает производство завода на три года вперед.

Неклюдову никто не верит, к России относились сперва враждебно, теперь презрительно. М. Валленберг [23]): «У вас есть деньги, но нет порядка».

сударственными учреждениями подлежали разбору в «Верховном суде», в котором председатель и 4 члена должны были назначаться и 2 члена выделялись польскими судебными установлениями. Проект предусматривал употребление «местных языков» в делопроизводстве и в преподавании. Сношения же польских учреждений с общегосударственными, а также ответы на обращение российских подданных должны были производится на русском языке. Кроме указанных выше положений, проект включал отмену вероисповедных ограничений. (Особый отдел Центр. ист. архива, ф. № 366, д. № 18.)

Еще более куцой была платформа «прогрессивного блока» по польскому вопросу, принятая на заседаниях блока в августе 1915 г. В п. 4 этой программы значилось: «Одновременно с разработкой законопроекта об автономии Царства польского и его немедленным внесением в законодательные учреждения, устранение ограничений в правах поляков и пересмотр действующих узаконений о польском землевладении». (См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 135.)

[21]) Парчевский Альф. Иппол.,—автор исторических и этнографических исследований. Был членом Гос. думы всех четырех созывов; внепартийный национал-демократ, примыкавший к польскому коло. Во время оккупации умеренный активист-австрофил.

[22]) Неклюдов А. В.,—царский дипломат; с 1913 по 1917 г., был посланником в Швеции.

[23]) Валленберг, М.,—шведский министр ин. дел в кабинете Хаммершельда в 1915—1916 гг.; сторонник сохранения Швецией нейтралитета в мировой войне.

Представления Рейнгардта по шведским городам и чествования немецкого искусства всеми партиями [24]).

Везде лежит глубокий снег, покрывающий и Ume älf.

19 апреля — 2 мая.

Просыпаемся при солнце, снега нет, но прохладно. Члены Гос. совета в Krylbo отделяются и едут прямо в Христианию. Хорошенькая шведка разносит кофе. Приближаемся к Стокгольму.

У А. В. Неклюдова.

Я ставлю вопрос о нашем визите. Неклюдов: «Ваш визит должен носить частный характер, но прибытие нескольких (половины) желательно, и я хотел устроить мужской раут. Но вы задержались, а в субботу — все в экскурсиях и произносят речи 1 мая. Неловко, что «Бирж. вед.» напечатали, что вы приглашены. На это немцы ответили статьей в «Lokal Anz», «Berl. T.» и «Vossische Zeitung». Валленберг сказал мне, что остановил всякую полемику по этому поводу [25]).

Положение за последнее (время) не тревожнее, чем 3—4 недели назад, когда был конфликт между риксдагом и Хаммаршельдом [26]) по

---

[24]) Повидимому, речь идет о гастролях знаменитого немецкого театра Рейнгардта.

[25]) Вся эта история нашла свое отражение и в дипломатической переписке. В секретной телеграмме от 11 апреля (29 марта) Неклюдов доносил Сазонову: «Наша печать весьма некстати возвещает о каком-то визите членов Госуд. думы и Госуд. совета в Швецию, что уже здесь перепечатывают. Господа эти едут по приглашению в Англию и Францию. Было бы совершенно излишней дружелюбной манифестацией, если бы они все без всякого приглашения остановились здесь и сделали так сказать официальный визит шведскому риксдагу. Напротив того, было бы весьма полезным, если бы некоторые из них, меньше половины, задержались здесь дня на три, виделись у меня с здешними наиболее интересными политическими деятелями, завязали с ними доброе знакомство. Засим уже от шведов зависело бы пригласить русскую депутацию на обратном из Англии пути и оказать ей должный прием. Шведы и так уже слишком много о себе мнят, и чрезмерная с нашей стороны предупредительность может им показаться подозрительною навязчивостью. Мы с шведами искренно хотим быть в дружбе, но мы их не боимся. Вот каков должен быть наш лозунг».

Товарищ министра иностр. дел Нератов телеграммой от 18(5) апреля успокаивал Неклюдова: «Поездка членов законодательных учреждений. Предполагается заезд лишь некоторых из них в Стокгольм, в соответствии с разделяемым нами вашим мнением. Имена едущих будут вам сообщены дополнительно. Можете, если надо, в осторожной форме опровергнуть неправильное толкование шведской печати».

Но «слишком много о себе мнящие» шведы так и не догадались пригласить делегацию, которая и на обратном пути побывала в Стокгольме лишь «неофициально».

[26]) Хаммаршельд — министр-президент шведского правительства в 1915—1916 гг.

поводу lex transito. Англичане с экспортером Бильтом устроили наблюдение за прохождением товаров. Это вызвало протесты против «какой-то монополии». Но соглашение осталось в силе. В риксдаг внесен п р о е к т Hammarskiold'ом, путаником юристом — запутанный — все шведские подданные, которые дают иностранным державам сведения к их выгоде, могут преследоваться до 10 тысяч штрафа и трех лет заключения. В активистской печати это принято, как угроза Бильту. Все возражения производятся союзными посланниками. Мы обратились с идентичной нотой против закона, не согласованного с международными правилами («нештатные консулы»). Явился конфликт между правительством, которое требовало принятия закона, и оппозицией, которая не хотела. Грозили роспуском палаты, что могло грозить неопределенностью положения. Кризис уладили: палаты приняли закон, а Hammarskiold дал письменное обещание, что палата на лето распущена не будет. Мы этим дорожим: это de jure гарантия нейтралитета. Была учреждена постоянная комиссия при комитете обороны («тайная») из 3 активистов и 3 либералов, которой правительство должно сообщать все о внешней политике. Шансы мира скорее увеличились. Но есть и тревожные признаки, которые продолжают нас озабочивать [27]).

Сдержанное отношение населения — в порядке вещей. Настроение вообще неблагоприятное нам. Работа Германии интенсивна — дело 30 лет, особенно последние 5—6 лет. Захолустье Европы, Швеция дорожит связью с Европой: теперь же, вместо Франции, — Гер-

[27]) Вопрос о сохранении Швецией нейтралитета сильно озабочивал правительства Антанты во время империалистической войны. В «общественном мнении» Швеции преобладали германофильские настроения, проистекавшие, главным образом, из тесной экономической связи между Германией и Швецией. Но эти настроения питались также из других источников. С одной стороны, Швеция, не доверявшая мирным заверениям царских дипломатов, все время опасалась нападения России, в империалистических кругах которой существовали грабительские планы захвата северной части Швеции. С другой стороны, в Швеции во время войны постепенно возрастало недовольство Англией, которая, стягивая теснее кольцо блокады вокруг Германии, сильно подрывала шведскую торговлю.

Опираясь на подобные настроения, шведские «активисты», имевшие поддержку при дворе и в армии и работавшие в контакте с официальными и неофициальными представителями Германии, вели агитацию за участие Швеции в войне против Антанты.

Уже в самом начале войны (в августе 1914 г.) Англия, Франция и Россия официальной нотой гарантировали Швеции неприкосновенность как во время войны, так и после нее за сохранение ею нейтралитета. В дальнейшем подобные заявления правительствами Антанты делались неоднократно. Вообще вопросу о позиции Швеции уделялось много внимания в дипломатической переписке союзников, и она займет видное место в подготовляемых к печати томах публикации «Международные отношения в эпоху империализма», относящихся к периоду 1914—1917 гг.

мания. Особенно при дворе. Бернадотты [28]) — недалеки. Влияет королева Виктория, двоюродная сестра Вильгельма, которая не скрывает симпатий, хотя ведет себя безупречно. Риксмарскаль гр. Дуглас [29]) — майорат в Бадене, наследник служит в германской армии; прежде глава палаты господ, теперь — придворная должность. Пишет статьи об Аландских островах, брошюру «Alans is öre [30])».

Убежденные сторонники Германии — вся аристократия: предания времен Карла XII и Густава III. Все офицерство, почти поголовно. Несколько менее в армейской пехоте и во флоте. Большинство лютеранского духовенства, но примас Часальский — не активист. Значительная часть прессы, адвокаты и другие либеральные профессии, которые не принадлежат к либералам и социалистам. Народ не желает войны, не питает чувств к Германии. Большие сторонники мира — финансисты, владельцы промышленных предприятий. Они боятся германского засилия; народ не имеет торговых способностей; немцы снимут все сливки с богатств Швеции. Валленберг давно кредита искал во Франции (Banque du pays du Nord). Настоящих министров (Excellenz) два. Остальные — sous-sècretaires d'état. Присутствие Валленберга особенно важно. Желание скандинавского единения (Дания и Норвегия не за Германию) также удерживает. Свидание монархов в Мальме [31]) — ответ Валленберга на интриги Люциуса против него [32]). Но активистская пропаганда велика. Статья «Stockh. Dagbl.» на мотив: Англия — враг (полуофициоз); у Швеции хорошая армия и флот, который может действовать в шхерах — овладеть Аландскими островами, ибо высадка в Финляндию — целый план. Признак тревожный. Убеждение, что Россия стремится к Нарвику и овладеет магнитными рудами. Я приехал после истории Ассановича [33]), во встревоженное время. Боязнь за Боден — я

---

[28]) Бернадотты — королевская династия Швеции; наследники наполеоновского маршала Бернадотта, ставшего шведским королем (в 1818 г.) под именем Карла XIV.

[29]) Дуглас, — граф, госуд. маршал; сторонник усиленных вооружений Швеции, принадлежавший к группе шведских активистов. С 1895 по 1899 г. был министром ин. дел и горячо отстаивал унию Швеции и Норвегии.

[30]) Т. е. «Аландские острова наши».

[31]) Мальме — город на юге Швеции. В декабре 1914 г. здесь происходило свидание королей шведского, норвежского и датского для выработки соглашения о защите нейтралитета скандинавских государств во время войны.

[32]) Люциус — видный чиновник германского министерства иностр. дел; был советником германского посольства в Петербурге, в Албании, в Париже. Во время войны состоял посланником в Стокгольме и стремился вовлечь Швецию в войну против Антанты.

[33]) Ассанович — русский военный агент в Швеции; в ноябре 1913 г. был отозван по требованию шведского правительства, выдвинувшего против него обвинение в шпионаже.

думал — только предлог, чтобы вооружиться. Но убедился, что боязнь эта внедрилась; немцы вбивали это 30 лет. За последнее время скорее уменьшилось. Этому помогла постройка Мурманской дороги[34]. Даже в кругах активистов нам искренно желают получить проливы.

Финляндский вопрос: в аристократических и военных кругах мечтают о возвращении. Но даже активисты этого не желают: финны получили полное самосознание. Роль Швеции была бы трудна. Но есть скандинавский патриотизм: Финляндия считается страной скандинавской — и сочувствуют автономии. А шведы боятся руссификации и приближения к Швеции. Здешние выходцы из Финляндии (их орган «Aftonbladet» соединен с германской миссией, печатает всякие небылицы, распространяемые в Стокгольме). Валленберг говорил мне, что все благоразумные финны понимают, что революция Финляндии гибель для нее самой. Вербовка финляндской молодежи производится немцами, которые выманивают за деньги. Вербицкий рассказывал, что вначале, когда давались деньги на руки, многие проживали и возвращались из Швеции. Потом стали давать только в Malmö, в момент посадки. Последнее время стали сманивать финских лоцманов — более тревожный признак[35]).

---

[34]) Мурманская железная дорога была построена в 1915/16 г. главным образом по стратегическим соображениям; она должна была обеспечить России через незамерзающий порт беспрепятственное сообщение с союзниками, облегчить доставку военных материалов и т. д. Постройка этой дороги несколько ослабила напряженность шведо-антантовских отношений: во-первых, союзные державы, получив свободный путь в Россию, менее остро ставили перед Швецией вопрос о пропуске через ее территорию военного снабжения для России; во-вторых, шведская буржуазия пришла к заключению, что постройка этой дороги отдалит нападение России на Швецию с целью осуществить план захвата северной Швеции и завладения железнодорожным путем от Торнео через Боден к норвежскому портовому городу Нарвику на берегу Атлантического океана.

[35]) С началом войны среди финляндской буржуазии определились два лагеря — сторонников Антанты и сторонников Германии. Первые, прельщенные, главным образом, доходами от русских военных поставок и от больших строительных работ по укреплению финского побережья, готовы были простить царизму его давнишние издевательства над Финляндией и признать в Финляндии общероссийское законодательство. Сторонники Германии мечтали об использовании германских военных сил для борьбы против России и для отделения от нее. Уже с начала 1915 г. они стали вербовать среди финляндской молодежи группы добровольцев для германской армии. По планам финляндских активистов, эти обученные в Германии военному делу добровольцы впоследствии должны были возглавить борьбу Финляндии против царизма. В 1915 г. таким путем было набрано и отправлено в Германию до 2000 человек, преимущественно из буржуазной молодежи. В Голштинии в особом военном лагере из них был образован особый егерский батальон. Это движение, возглавлявшееся германофильскими активистами, не имело опоры в широких массах, но все же оно дало финляндской буржуазии ударные отряды,

Аландские острова — укрепление их — служат предметом агитации [36]). Я говорил неоднократно с Валленбергом: он соглашался, что Россия д о л ж н а укреплять во время войны, иначе это устранило бы границу, и желал бы после войны, чтобы Россия подтвердила о д и н-н а-о д и н, что никакой военной базы не хочет иметь. Официального протеста не было. В брошюрке требуется, чтобы у ш е л В а л л е н б е р г.

Это м о г л о б ы объединить Швецию? Мы им говорим, что Балтийское море не будет внутренним морем Германии и часть германского рынка перейдет к ним (металлургическая промышленность, телефон, электричество). Они постоянно говорят об этом — даже и активисты. Я приветствовал бы всякое устройство шведских предприятий в России. Я поддерживал перед министром ин. дел желание Валленберга (скупили марганец [37]) в Чиатурах — у нас предполагали, что это симуляция). Они потерпели неудачу. Я настаивал, чтобы там завести и о б р а б о т к у стали (Шингарев — нет железной руды).

которые она в 1917—1918 гг. использовала в своей борьбе с революционным пролетариатом Финляндии.

[36]) Аландские острова — важный стратегический пункт на Балтийском море; до 1809 г. принадлежали Швеции, по Фридрихгамскому договору отошли к России. По Парижскому договору 1856 г. Россия обязалась не возводить укреплений на Аландских островах и не содержать там военных или морских учреждений, но во время мировой войны она превратила эти острова в укрепленную базу. Это вызвало сильное возбуждение в Швеции, однако шведское правительство не решалось выступить с открытым протестом. Депешей от 24(11) августа 1915 г. Неклюдов сообщал Сазонову, что Валленберг завел с ним разговор на эту тему и, между прочим, заявил: «Шведскому правительству претило бы пользоваться нынешними военными затруднениями России, дабы выговаривать у нее какие-либо изменения в настоящем статус кво русско-шведских границ и пограничных отношений. Мы желали бы только иметь нравственную уверенность, что по окончании войны Россия пойдет навстречу нашему желанию относительно Аландских островов». Но царское правительство не желало давать даже этой «нравственной» гарантии, и на депеше Неклюдова Николай II собственноручно «начертать соизволил» резолюцию: «Подобного обещания давать нельзя». Однако, под влиянием разгрома на фронте, который в это время терпела Россия, Сазонов считал необходимым успокоить «общественное мнение» Швеции хотя бы лицемерными фразами и в письме от 23(10) сентября 1915 г. предложил Неклюдову заявить Валленбергу, что, «желая наладить самые тесные добрососедские отношения с Швецией, Россия, конечно, не имела ввиду создавать на Аландских островах чего-либо, направленного против Швеции, и вообще использовать их иначе, как в целях самообороны против Германии». Подобное заявление и было сделано Неклюдовым 14(1) октября, но, естественно, не могло удовлетворить Швецию и прекратить антирусскую агитацию шведских активистов, тесно связанных с руководящими кругами германского империализма.

[37]) Только немецкие предприятия. — *Прим. в подлиннике.*

25 миллионов золота (10 франков старого чекана мало их интересует). Новый заказ Guskwarna. Наше снабжение из Швеции и русский транзит — самый жгучий вопрос[38]).

Шведы прекратили в начале войны всякий транзит. Наконец, дело поставлено на почву обмена и компенсации — за каменный уголь, каучук, хлопок и т. д. каждые две недели 5—6 миллионов крон.

Шведы обязуются на несколько больше (полтора на уголь) и по принципу равноправности пропускают наши товары. Русинов дает список нужных нам товаров — и мы получаем транзит. Отдаем предпочтение обороне: у них станки. Тут происходят трения: все эти товары запрещены. Каждый раз лицензия: задерживают станки, за последнюю зиму провезли с первого января 850 станков, из них 567 транзитных[39]) — в самой Швеции заказные станки.

Перед визитом к Неклюдову беглая беседа с Lindhagen (бургомистр), Söderberg (редактор «Stockholms Dagblad»), Locken, M. Balch. Разговор заходит о Фордовской экспедиции[40]).

---

[38]) По вопросу о транзите предметов военного снабжения Швеция во время войны испытывала громадное давление с двух сторон. Союзники стремились через Швецию снабжать Россию снарядами, ружьями и т. д., в чем Россия крайне нуждалась, особенно после колоссальных поражений 1915 г., но в то же самое время они не допускали провоза в Германию через Швецию, как и через другие нейтральные страны, не только предметов военного характера, но также хлеба, нефти, хлопка и т. д. Германия, в свою очередь, давила в обратном направлении и, стремясь расширить транзит в свою пользу, за всякое послабление транзита в пользу России угрожала Швеции объявлением войны. Шведская буржуазия, желавшая наживаться на поставках обеим воюющим сторонам, не могла вполне угодить ни тем, ни другим. Отсюда непрерывные трения и конфликты, которые временно устранялись всякими компромиссными решениями (соглашения о контингентах, введение лицензий и т. п.), а потом возникали снова в более острой форме.

[39]) Французский транзит оплачиваем английскими поставками, а итальянский ..... [?] — *Прим. в подлиннике.*

[40]) В конце 1915 г. американский миллионер Форд объявил, что он берется по своей инициативе и собственными средствами прекратить европейскую войну. С этой целью им была организована из пацифистски настроенных профессоров, ученых и журналистов комиссия, которая намеревалась воздействовать на правительства и общественное мнение воюющих государств и склонить их к прекращению войны. Для поездки комиссии в Европу был приобретен даже специальный пароход. Комиссия или, как иронически называли ее буржуазные газеты, «Корабль мира», установила связи с парламентскими фракциями нейтральных стран, организовала в последних особые «Фордовские» комитеты, выпустила соответствующее воззвание, устроила в отдельных странах конференции, и затем 4 января 1916 г. большинство участников комиссии уехало обратно в Америку. В Австрии и Германии был проявлен значительный интерес к деятельности комиссии и с ней связывались надежды на скорое окончание войны, но в правительственных кругах Антанты сообщения о комиссии принимались холодно, а буржуазные газеты от-

Я с места в карьер называю ее «ошибкой». Слишком общие мысли, на которые все согласны, но которые ни на шаг не двигают вопроса. А конкретные вопросы не могут решаться нейтральными. Каждая воюющая сторона увидит в компромиссе попытку лишить ее плодов ее усилий. Дело может быть решено только оружием.

Линдхаген[41]): «Но могут же народы иметь свое мнение».

Я: «У каждого народа много мнений, а вы адресуетесь к одному виду, интернациональному. А теперь воюют именно народы».

Шингарев (вчитываясь в текст воззвания Форда): «А вы ничего не говорите об эвакуации областей, занятых у русских».

Линдхаген: «Они населены национальностями, которые должны получить свободу и от Германии и от России (поляки, литовцы)».

Я: «Там есть и русские. Но вот на этом примере я покажу вам разницу между вашей абстрактной и конкретной постановкой. Мы вводим свободу национальностей в партийную программу и боремся за нее. Но мы не примем ни того, чего вы желаете для поляков, ни того, чего вы хотите для армян. А что значит ваше желание, чтобы Германия имела «свободный доступ» к Ближнему Востоку? Ведь это и есть Берлин — Багдад. Какое значение при таком решении имеет «нейтрализация проливов»? Словом, при конкретных вопросах вы непременно впадаете или в ту или в другую сторону — или скорее в германскую односторонность. Во всяком случае, из двух тенденций Фордовской конференции я скорее согласился бы с сецессионистами, так как они хотят не печатных демонстраций, а консультаций специалистов с правительствами».

Седерберг: «Но как раз Vikfors и требовал включения «доступа к Востоку!» (хохочет).

Я: «Это и доказывает, что возможны только конкретные решения, относительно которых спор может быть решен только силой оружия».

Болч: «Действия конференции только начинаются. Она реорганизовалась, избрала комитет 12-ти, исключенные обиделись и вышли.

зывались о ней с явным недоброжелательством и насмешкой, особенно подчеркивая рекламный характер этого предприятия Форда.

В связи с этой «мирной экспедицией» пацифистами нейтральных стран, главным образом, Швеции, Норвегии, Дании и Голландии, была организована перманентная «конференция мирного посредничества», которая ставила себе целью «вступить в сношения с учеными и специалистами разных стран, не исключая и воюющих, исследующими вопрос о возможности скорейшего окончания войны». Центр этой «конференции» находился в Стокгольме. На ход мировой войны она не имела никакого влияния.

[41]) Линдхаген Карл — шведский политический деятель, сначала либерал, потом (с 1909 г.) социалист. С 1903 г. был бургомистром Стокгольма. Во время войны занимал пацифистскую позицию.

Я: «Где Розика Швиммер?»[42]).

Болч: «Она, к счастью, нас оставила. Ей давно надо было дождаться, что подданные воюющей державы не должны принимать участия».

(Седерберг потом говорит Ичасу, что он со мной согласен в моей критике фордовских постановлений).

После Неклюдова — разговор с Брантингом[43]), в присутствии его дочери-корреспондентки. Она спрашивает о трениях между союзниками.

Я высказываю восхищение перед англичанами, которые одолели свою старую привычку в интересах обороны. Мы все опоздали — и все нагоняем: французы—сентябрь 1914, англичане — войну 1915, мы июнь-июль 1915. Теперь мы достигнем зенита.

Брантинг соглашается, когда я говорю, что о д н а Германия готовилась, потому что у ней одной злая воля. Брантинг: «Не думаете ли вы, что такие тенденции и у других правительств?»

Я: «Я боролся сам против большой программы вооружения. Но теперь—раскаиваюсь—не возражал бы. Это необходимо для обороны; французы открыли нам глаза. Меня ввел в заблуждение Вильгельм. После лета 1911 года я думал, что он в состоянии бороться с шовинистами».

Брантинг: «Он вынужден был уступить давлению. Я в Германии слышал, что дело было решено в Потсдаме, где, по сговору с кронпринцем, Фалькенгайн, Мольтке и....[44]) подали в отставку. Вильгельм обнял кронпринца и признал себя побежденным»[45]).

Я: «Я представлял себе иначе психологию потсдамского уединения: разговор с самим собой избранника Промысла».

Брантинг: «Одно объяснение не исключает другого. Я вообще сторонник entente. Здесь они делают глупости. Вы слышали, вероятно, про нашу королеву и Дугласа. Интерпелляция об Аландских остро-

---

[42]) Швиммер Розика (Розита)—венгерская социалистка, жившая в Америке. Приехав в Европу, «откололась» от фордовцев, считая их позицию чересчур правой.

[43]) Брантинг Карл Яльмар (1860—1925)—лидер шведской соц.-демократической партии и один из виднейших вождей II Интернационала. Еще до войны был крайним оппортунистом. В годы войны — социал-шовинист англо-французской ориентации; участник Копенгагенской конференции социалистов нейтральных стран в январе 1915 г. В 1917 г. был министром финансов в коалиционном кабинете Эдена, оказавшего в 1918 г. поддержку белофинским палачам рабочего класса Финляндии. В 1920—1921 гг. был премьером, в 1924 г.—представителем Швеции в Лиге наций.

[44]) Пропуск в подлиннике.

[45]) Повидимому, речь идет о германском «Коронном совете» в Потсдаме накануне войны, на котором — согласно сведениям из различных антигерманских источников — при решении вопроса о мобилизации происходили драматические сцены. Эта версия до сих пор опровергается с германской стороны.

вах внушена им и написана, вероятно,... [46]) Я взял слово и возражал, потому и опоздал к вам. Я завтракал с Viviani и Albert Thomas [47]), которые оба будут у Неклюдова (я их уже не застал). На улице я встретил Валленберга и говорил ему, как он не конфискует № газеты (со статьей: «Серьезное слово о серьезном вопросе»). «Вы понимаете, что мне публично нельзя настаивать на конфискации».

Я говорю, что положение на Аландских островах временное и кончится с войной.

Беседа с Марковым (корреспондентом агентства).

Он обращает внимание на систематическую кампанию, приуроченную к открытию балтийской навигации. Сперва думали поймать шведское общественное мнение на Финляндию. Но скоро увидели, что Финляндия относится к шведам враждебно. Теперь перенесли на вопрос об Аландских островах. Это может быть серьезным. Шведы вообще нас не любят. Если подыскать соответствующую идеологию, они могут, в решительный момент, сразу склониться на сторону наших врагов.

20 апреля — 3 мая.

Просыпаюсь в Карльстаде. Солнце. Прелестный ландшафт. Культурная страна. Чистенькие домики. Фабрики. Озера. Приближаясь к границе, местность становится более дикой и безлюдной.

Норвегия.

Прелестная долина Гломмена. Широкая река, по которой плывут сплавляемые бревна, превращается в конце в озеро.

Христиания.

«Grand Hôtel», на этот раз дешевле (в Стокгольме — 36 крон). Покупки. Завтрак в ресторане. Художник из «Black and white».

[46]) Неразборчиво.

[47]) Французские министры Рене Вивиани (мин. юстиции) и Альбер Тома (мин. снабжения) находились в Стокгольме по пути в Россию, куда они направлялись — по словам Палеолога — с целью организовать содействие русской военной промышленности со стороны Франции, добиться от русского верховного командования посылки русских солдат на франко-германский фронт (Вивиани рассчитывал получить армию из 400 000 чел.), а также повлиять на царское правительство, чтобы оно проявляло больше уступчивости в переговорах с Румынией и чтобы оно дало твердые гарантии относительно разрешения польского вопроса. Во всех этих направлениях миссия не имела особого успеха, но зато французские эмиссары содействовали поднятию воинственного настроения среди либерального общества (особенно шумно прошел франко-русский банкет в Петроградской городской думе) и установили более тесный и непосредственный контакт с верхушкой русской буржуазии. Об этой поездке см. также «Красный архив», т. XV, стр. 223—229.

Веселое расположение духа. «Лорды»[48]), недовольные своим названием и нашим шумным настроением. Покупки.

Обед у Гулькевича[49]). Свидание с Олафом Броком и с Лудом. После обеда беседа с Ланге о международных настроениях и о междупарламентских возможностях. Я рассказываю о Studor и о комиссии Форда — соглашается, что воззвание Форда — ошибка. Рассказывает про организацию в Голландии. Я указываю, что и там есть общее с Фордом. — Утопические элементы (последний пункт — контроль внешней политики демократией, плебисцит — Эльзас). Он рассказывает про более умеренную организацию Брайана[50]) to enforce the peace, третий пункт которой совпадает с моей мыслью — юридической организации Европы и санкции. Разоружение. Мое предложение начать там, где нить была порвана — арбитраж, и прибавить вопрос о санкциях. Я указываю на основную трудность: на необходимость перешагнуть через порог — условия мира и на невозможность связывать требования международной организации с выработкой условий мира. Разоружение возможно только после решительной победы над Германией. Ланге рассказывает взгляды Квидде и Шюкинга[51]), что победа Германии вредна, но и поражение вредно, ибо воспитает чувство реванша. Лучше всего — ничья. Я решительно возражаю: когда будут стараться пополнять все военные пробелы — и вооружения, которые и без того развились со сказочной быстротой, пойдут еще дальше. Беседа прерывается.

Перед отъездом Васильев рассказывает разговор г-жи Ливстон с «пруссаком»: он говорит, что немцы знают о нашей поездке и хотят поймать Милюкова, и не советует ей, на прощанье, ехать на «Юпитере». Сомнения и смущенье «лордов», особенно Олсуфьева. Предложение Рачковского (?) послать телеграмму Родзянке: «Тонем, посылайте другую делегацию». Розен: «Потоплен корабль у Ньюкестля». Я

---

[48]) «Лорды» — ироническое название членов российской верхней палаты (т. е. Госуд. совета).

[49]) Гулькевич К. Н. — был назначен посланником в Норвегию незадолго до приезда делегации (7 апреля 1916 г.). До войны он был советником русского посольства в Италии, а затем в Турции, а с начала войны работал в министерстве иностр. дел.

[50]) Брайан Вил. Дженнингс — американский политический деятель, несколько раз выставлялся от демократической партии кандидатом в президенты САСШ. В 1912 г. президент Вильсон назначил его государственным секретарем (мин. ин. дел). Брайан считался пацифистом и отстаивал идею Лиги наций, но с тем, чтобы она не была направлена против доктрины Монроэ, этого основного догмата американского империализма.

[51]) Квидде и Шюкинг — германские профессора-пацифисты.

справляюсь в вечерней газете: потоплен с предупреждением, и команда доставлена невредимой в Ньюкестль. Гулькевич мне подтверждает, что у нас будет эскорт. Лорды: «Это еще страшнее». Телеграмма Лобанова и Гурко, заказавших особый поезд и просящих задержать отплытие «Юпитера» до $2^1/_2$ часов. Проводы и отъезд.

21 апреля — 4 мая.

Просыпаюсь перед Ohl (Hallingdals), в 4 часа. Горная долина, глубокий зимний (рождественский) горный и лесной пейзаж. Опять все в снегу.

В Бергене.

Оказывается, что мы едем на английском крейсере, а везет нас на него (2 часа и 25 верст расстояния) норвежская яхта (бывшая китоловная) — «Heimdal». Любезные офицеры приготовляют холодную закуску. Английский крейсер — «Donegal» — оказывается в верстах 20 южнее (против дер. Marsden) в шхерах. Принимают нас на катер. Рекомендации. Дают каждому каюту. Разговоры с офицерами.

Вечером капитан Fountaine устраивает для Розена, Протопопова, гр. Велопольского, Шингарева и меня обед с выпивкой... Капитан требует песен — и сам горланит. Приводил Ичаса.

22 апреля — 5 мая.

Просыпаюсь в каюте одного офицера, у берегов Шотландии. Едем не в Кромарти, как предполагалось, а на Оркнейские острова. Оттуда в Thurso—пересаживаемся на «Циклопа». Но на пути (через бухту, где стоит эскадра.....[51]) куда два госпитальных), нас возвращают посмотреть возвращение эскадры, которая ушла в 5 часов утра. Вернувшись видим 5 супер-дредноутов с «Queen Elisabeth» во главе. Вице-адмирал. Получаем приглашение подождать прихода остальной эскадры с Джеллико[52]). Возвращаемся. Задержка. Вице-адмирал с «Good hope» приезжает к нам: ему поручено спросить, хотим ли мы ждать эскадры (12 ч. 30 м.) или ехать на станцию, где нас ждет специальный поезд. По всему видно, что он предпочитает последнее: кормить нас нечем, холодно и т. д.

Мы решаем ехать в Лондон, суда поворачивают туда. Специальный поезд — королевский, обильный завтрак и обед. Выясняется из моего разговора с офицером, конвоирующим нас (конвои-

[51]) Неразборчиво.

[52]) Джеллико — в начале войны главнокомандующий британского «Большого флота», потом первый морской лорд адмиралтейства (т. е. товарищ морского министра).

ровал русских корреспондентов [53]), что «Donegal» ночью получил распоряжение переменить курс, потому что есть предположение, что вход в Invergordon минирован. В газете сегодня сообщено, что на одном рыбачьем судне, вышедшем из Бриндизи, у Гордона произошел взрыв. Розен полагает, что это была плавучая мина.

Если так, то, значит, германцы во-время осведомились, что мы идем не на «Юпитере», а на судне, пришедшем из Cromarty [53-а]).

23 апреля — 6 мая.

Утром в 9 часу приехали в Лондон. Встречает Вердельский [?] — племянник русского посла. Русскому посольству сообщено, что мы приедем в 5 часов, и не открыли секрета. Поэтому они проспали нас. Поездка с Шингаревым за покупками. Лекция Шкловского [54]) о Сервантесе. Вечер у Шкловского (я, Шингарев, Ичас, гр. Олсуфьев). Пение Шевелева.

24 апреля — 7 мая.

Утром 11 ч. 5 м. поездка в Брайтон к П. А. Кропоткину [55]). Выздоровел и бегает. Позвал наверх. Успел упомянуть о тревожном явле-

---

[53]) «Русские корреспонденты» — очевидно, делегация русских журналистов и писателей, которая незадолго до этого в целях патриотической пропаганды посетила Англию и Францию.

[53-а]) Историю переезда делегации с континента в Англию Шингарев в своем докладе думской военно-морской комиссии 19 июня 1916 г. излагает так:

«Оказалось, что английское правительство желало нас везти на специальном крейсере, и когда мы приехали в Берген на набережную, то оказалось, что нас привезли не на «Юпитер», а посадили на норвежскую королевскую яхту, переделанную в военное судно. Вышли мы в сопровождении двух норвежских миноносцев, часа два шли по шхерам, где оказался стоящим, очевидно, с любезного негласного разрешения норвежского правительства, английский крейсер. Этот крейсер повез нас дальше и должен был высадить нас севернее Ньюкестля в Кромарти, но ночью получили телеграмму, что в Кромарти неблагополучно, и мы были высажены на самой северной оконечности Шотландии, в Тюрсэ. Это изменение пути, как оказалось, произошло потому, что английские военные власти узнали, что в эту ночь около Кромарти неприятелем были разбросаны мины, и при их тралении произошел взрыв в том месте, где могли мы проехать; это указывало на то, что разведка неприятеля в достаточной степени организована, с одной стороны, а, с другой стороны, что и разведка англичан была достаточна для того, чтобы предупредить несчастный случай».

[54]) Шкловский (псевд. «Дионео») — русский журналист. В 80-х годах участвовал в народническом движении, был сослан в Якутскую область, откуда бежал в Англию. В эмиграции превратился в типичного буржуазного либерала, в течение многих лет писал корреспонденции из Англии в «Русские ведомости» и «Русское богатство». После Октябрьской революции — ярый контрреволюционер.

[55]) Кропоткин П. А. (1842—1921) — революционер - народник, один из виднейших теоретиков анархизма. Во время империалистической войны —

нии во французской социал-демократии — поддержка Циммервальдской резолюции [56]). Спросил о настроениях русских с.-д. Позвали вниз к завтраку. Разговор о военной опасности со стороны Финляндии.

Обед с кузиной Росс.

25 апреля — 8 мая.

Утром заказы платья. 14, Poultry, Wheeler. Купил сапоги. Снята фотография с группы Claridges. Я выбран оратором завтра и послезавтра. Заседание Русско-английского комитета в помещении посольства от 3 до 6. Я записал подробно протокол. Обед у Buchan [57]) с

социал-патриот антантовской ориентации. После Февральской революции приехал в Россию. После Октябрьской революции неоднократно заявлял о признании советской власти и пролетарской революции, но до конца жизни не мог освободиться от своих мелкобуржуазных взглядов.

[56]) Речь идет о манифесте против империалистической войны, принятом на Циммервальдской международной социалистической конференции в сентябре 1915 г. После позорного краха II Интернационала в начале мировой войны Циммервальдская конференция являлась первой попыткой объединить левые элементы социалистического движения разных стран для борьбы против империалистической войны. Так как последовательных революционных интернационалистов, группировавшихся вокруг Ленина, на конференции было немного, а большинство составляли разные колеблющиеся элементы (каутскианцы и троцкисты), то и манифест страдал непоследовательностью и недоговоренностью. Признавая империалистический характер войны, осуждая лживый лозунг защиты буржуазного отечества и указывая на то, что ряд партий II Интернационала нарушил свой социалистический долг, этот манифест однако не призывал пролетарит к революционной борьбе за свержение буржуазии, не выставлял лозунга социалистической революции, не вскрывал до конца предательства социал-шовинистов и лже-интернационалистов. Выдвигая основным лозунгом борьбу за мир, манифест не подчеркивал, что единственным путем к действительному миру является революционная борьба за социализм. Несмотря на половинчатость решений Циммервальдской конференции, она в условиях того периода все же являлась шагом вперед к действительной борьбе с оппортунизмом, к разрыву и расколу с ним, поэтому и большевики признали возможным поддержать циммервальдское движение и, в частности, подписать «страдающий непоследовательностью и робостью манифест» (Ленин). Однако крупнейшим достижением большевиков в Циммервальде было образование международной группы левых интернационалистов, которая стала известна под именем «Циммервальдской левой» и которую можно рассматривать как первый зародыш III Интернационала.

Французская социалистическая партия в целом стояла на социал-шовинистской позиции и не поддерживала циммервальдское движение. Отмеченное в тексте «тревожное явление», повидимому, относится к выступлениям отдельных социалистов и синдикалистов Франции (Бурдерон, Мергейм, Бризон), которые солидаризировались с умеренным большинством Циммервальда.

[57]) Бьюкен Джон — английский писатель. Во время войны служил в главном штабе британской армии во Франции, дослужился до чина полковника; в 1917—1918 гг. у Ллойд Джорджа заведывал бюро информации. Приобрел большую популярность своими авантюрными и детективными романами. Написал также по-

Balfour'ом[58]). Сижу наискось. Беседа с сестрой хозяина; не любит Диккенса; находит, что Лондон не изменился за время войны, сообщает что Buchan во время болезни написал detective story, а Buchan, восхваляет Егорова и спрашивает, кто были бы в России английские консерваторы. Только после обеда удается поговорить с Бальфуром, которого я вызываю на разговор о внутренней политике. Он дает характеристику Асквита[59]), как человека, неспособного быть администратором, лучшего в своей партии, но не на высоте требований минуты. Говорят о книге Oliver'a «Ordeal by cattle» (презентована мне Неклюдовым), находят, что много правды, хотя точка зрения — не политическая. Бальфур говорит очень откровенно и оговаривается, что был indiscreet.

26 апреля — 9 мая.

Начало официальных торжеств.

В три часа прием у короля в Buckingham Palace. Нас расставили полукругом: ближе к входной двери короля—Госуд. совет, впереди Розен и Олсуфьев. Двери распахнулись. Король вышел с королевой и остановился посреди нашего полукруга: прочел по бумажке речь. Первое впечатление: сходство с Николаем II. Потом — больше свободы, но и расхлябанность в движениях. Большие длинные шаги, странно неуклюжие. В разговоре, когда вдруг оживится, ржет. Говорил с каждым.

Со мной: я сказал, что имел честь быть представленным его отцу и что тогда уже завязывался узел теперешних отношений[60]). Он рассказал секрет: 4 года перед войной принц Генрих[61]) спрашивал его в близком разговоре, что сделает Англия в случае войны Германии с Фран-

---

пулярную историю империалистической войны, освещая ее с точки зрения воинствующего британского империализма.

[58]) Бальфур Артур Джемс—лидер английской консервативной партии, премьер-министр с 1902 по 1905 г. В 1915 г. вошел в коалиционный кабинет Асквита в качестве морского министра и на этом посту беспощадно проводил в жизнь блокаду Германии. Когда (в декабре 1916 г.) Ллойд Джорджу удалось свергнуть Асквита, вместе с которым ушел и Грей, Бальфур стал министром иностранных дел. В 1919 г. участвовал в заключении Версальского мира.

[59]) Асквит Герберт Анри — английский политический деятель, вождь либеральной партии, премьер с 1908 по 1916 г. Асквит принадлежал к так наз. «либеральным империалистам», содействовал укреплению англо-французской антанты и решительно поддерживал Грея в его работе по подготовке империалистической войны.

[60]) Английский король Эдуард VII, отец собеседника Милюкова, короля Георга V, принимал весьма активное участие в создании англо-французской антанты. Умер в 1910 г.

[61]) Принц Генрих — принц прусский, брат Вильгельма II, поддерживавший тесные сношения с родственной династией Кобургов, занимавшей британский престол.

цией и Россией. Он отвечал: «Станет, вероятно, на сторону последних». (Я потом просил через посла передать это в печати, но король сказал: «Нет, это была частная беседа».) Затем выразил уверенность, что необходимо бороться до конца: иначе (в один голос со мной) через 10 лет придется опять воевать. Поговорил о необходимости сближения для устранения взаимных недоразумений. Я сказал, что толки о недоразумениях значительно преувеличены, что статья в «Times», вызвавшая кампанию, неосновательна, что, конечно, везде массы плохо знают другие народы, но культурный класс России лучше знает Англию, чем Англия Россию [62]).

Поляку Рачковскому говорил, что дело посылки хлеба в оккупированную Польшу наладится. Ичасу говорил, что надеется на возвращение литовского города [?], и выражал удовольствие, что царь посетил Госуд. думу.

С королевой я говорил о плане нашей поездки, о моем желании остаться в Лондоне, чтобы повидать людей и поговорить с ними. Тема для нее, видимо, не интересная. С другими она говорила о погоде, о пейзаже, о цветах и птицах.

Еще раз обошли всех перед прощаньем и пожали всем руки.

Вечером в Lancaster Home правительство дает нам обед. Речь Асквита раньше сообщена, но на самом банкете добавлен отдел о Ближнем Востоке. То и другое он «говорил» по бумажке. Речь Гурко — повышенным тоном, произношение натянуто и не всегда отчетливое. Моя речь произвела впечатление, особенно концом, когда я обратил внимание на аллегорическую картину, на которой изображена победа христианства над мраком и подпись: «Veritas vincet, justitia vincet, Mars opprimatur!»

Асквит сидел спиной и говорил мне потом, что жалел, что не заметил, а то воспользовался бы сам. Другой англичанин сравнивал меня с Питтом, который воспользовался лучом солнца для эпизода в своей речи [63]). «Русский Питт»! Сидел между Никольсоном [64]) и Хардин-

---

[62]) Не установлено, о какой статье газеты «Times» идет речь. В этот период, в связи с неудачами союзников на разных фронтах, между ними постоянно происходили взаимные трения, а в печати, несмотря на строгости военной цензуры, время от времени появлялись сообщения и статьи со взаимными обвинениями. В частности, русская печать (особенно правая) обвиняла Англию за недостаточно энергичное ведение войны, а с английской стороны такие же обвинения делались по адресу России.

[63]) Повидимому, имеется в виду Вильямс Питт Младший (1759—1806), славившийся своим ораторским искусством.

[64]) Никольсон Арчер — английский дипломат. С 1906 по 1910 г. был послом в России; в 1910—1916 гг. в качестве помощника статс-секретаря (т. е.

гом [65]). Разговаривал с последним о лойяльности индийцев, которых он «прикармливал». После обеда интересный разговор с Бунзеном: он осторожно относился к вопросу о разделе Австрии [66]). Я говорил, что это — функция общего военного успеха и что решение австрийских вопросов сравнительно просто — при успехе.

27 апреля — 10 мая.

Десятилетие Думы. Утром прием и завтрак в палате общин — в тех же комнатах, как и в 1909 году [67]). Речь Лоутера [68]). Ответ Протопопова и моя речь. Встречена сочувственно. Ответ заместителя Лоутера. Потом ведут в Палату. Вопросы (в том числе Ginnel от Ирландии): почему туда не пускают членов Госуд. думы? [69]) Оттуда в палату общин. Завтрак в громадном холле, с разрешения короля, которому принадлежит эта «территория». В комнате возле он надевает регалии для процессии в палату лордов, где произносит тронную речь. Лорд-канцлер — председатель без власти — на «шерстяном мешке». Ведут на хоры, — слышим речь... [70]). Потом к Ллойд Джорджу [71]), которого аккапарирует Гурко. На наш вопрос, почему отказал в ружьях, говорит, что ничего не знает: напротив, готов помочь. Очень одобряет мое мнение, что с

товарища министра) по иностранным делам был правой рукой Грея в работе по подготовке империалистической войны.

[65]) Хардинг Чарльз — английский дипломат. Служил в России в 1898—1903 гг. в качестве секретаря посольства, в 1904—1906 гг. в качестве посла. С 1910 г. по 1916 г. был вице-королем Индии, в 1916—1918 гг. помощником статс-секретаря по иностранным делам.

[66]) Бунзен — английский дипломат. Перед началом мировой войны был послом в Австрии.

[67]) В 1909 г. заграницу ездила первая русская парламентская делегация во главе с председателем Думы Н. А. Хомяковым. Главной целью поездки было поднять престиж столыпинской России. Милюков тогда же писал, что «основным лейбмотивом, основной идеей, основным политическим значением поездки депутатов в Лондон и Париж было стремление доказать Европе, что Россия — конституционная монархия» («Речь», № 206 от 30/VII 1909 г.).

[68]) Лоутер Джемс — спикер (председатель) палаты общин.

[69]) Джиннель (Ginnel) — ирландский националист, депутат палаты общин. Задавая в парламенте приведенный Милюковым вопрос, он хотел обратить внимание «русских гостей» на политику национального угнетения, проводившуюся Англией по отношению к Ирландии. Ровно за месяц до этого (11(24) апреля) в Ирландии произошло крупное восстание, зверски подавленное английскими войсками («Кровавая пасха»).

[70]) Пропуск в подлиннике.

[71]) Ллойд Джордж — английский государственный деятель, начиная с 1905 г. занимавший министерские посты. В начале войны — министр финансов кабинета Асквита, потом министр снабжения и военный министр, а с 27 декабря 1916 г. премьер-министр.

наступлением надо подождать до осени: по его мнению, даже до следующего года, когда надо сразу, со всех сторон, во всеоружии нанести удар. Впечатление сильного человека, которого кругом побаиваются.

В 6 часов я иду в «Savoy» к Ливенсон. Приятный вечер: разговор о В. А. Маклакове: почему он не поехал? Провожаю в $10^1/_2$ на станцию «Waterloo». Оттуда в Bedford park к Шкловским. Там ждут, созвана компания, а нас никого нет. Мои слова, речи Шкловского, Рутцена, моя и опять Рутцена о 1-ой Думе. Ночью в 3 часа пешком в Shepherd's Bush, где находим автомобиль.

28 апреля — 11 мая.

Завтрак с vicompte de Jessè и его женой — учительница у Кулакова. Его предприятие: синдикат для сношений с Россией. В 3 часа в Kings College: везет профессор Burrows (случайная встреча с великим князем в вестибюле), который показывает аудиторию студентов, изучающих русский и славянские языки[72]). Речи мои и Васильева студентам. Я — о важности славянских студий, о том, что войны не было бы, если бы министры знали то, что знает Seton Watson . на комство с ним и с сербами. Профессор химии показывает опыты с бактеризацией торфа.

Вечером обед среди промышленников в «Russia Company» (1553). Приветствия governor, ответ Лобанова и мой — производит сенсацию. Я говорил экспромтом, без бумажки, об условиях для успеха английской торговли в России. Просили непременно записать для помещения в коммерческих газетах. Кругом все люди, связанные с Россией и говорящие отчасти по русски.

29 апреля — 12 мая.

С утра поездка в Enfield на ружейную фабрику. 8 тысяч ружей еженедельно — из 21 тысячи ружей, которые делает Англия. Рабочая плата от 2 фунтов (чернорабочие) до 5 фунтов (exilled mechanici), в среднем от 3 до 4 фунтов. Поднялась за время войны на 50-100%. Lunch в «Cecil Hôtel» — между представителем министерства иностр. дел и начальником одного из департаментов Ллойд Джорджа, который объясняет мне устройство ministry of munitions (на особой карточке). Говорит, подчеркивая, что L.-D. особенно охотно готов помочь амуницией России. Специально для союзников строится завод для пулеметов, который будет давать по 300 штук в неделю (в

[72]) Повидимому, речь идет о б. в. кн. Михаиле Михайловиче (втором сыне Михаила Николаевича), подвергшемся царской опале за морганатический брак; в 1893 г. он уехал в Лондон и в Россию более не возвращался.

[73]) Сетон Уотсон — английский журналист, специалист по вопросам Ближнего Востока.

Enfield по 6-ти, будет до 12, но хотят вовсе прекратить). Едем на фабрику fuses] (взрывателей), вновь устроенную на громадном поле (1/4; вторая 1/4 готова, третья и четвертая строится). Труд исключительно женский (в Enfield возьмут 2 тысячи женщин соответственно числу мужчин военного возраста, которых пошлют в полк. Плата поштучно. Производительность быстро сравнялась с мужской). Приспособление для взрывчатых веществ. Цеппелин был близко, но не нашел. Работают 100 тысяч fuses, будут работать 370 тысяч еженедельно. Другие части — по 100 тысяч, так что посылают свои главные части на другие заводы. Ллойд Джордж велел нам показать особенно общие размеры новых построек. Влезаю на вышку, смотрю кругом.

Возвращаемся в 6 часов к визиту великого князя. Специальный разговор, обращенный преимущественно ко мне и к Шингареву. Что мы имеем против Рутковского? Шингарев: непредставление счета; Саговский—человек, берущий взятки[74]). История с Мартенсом. Роль Ллойд Джорджа. Великий князь советует прямо переговорить с Ллойд Джорджем.

Обед в «Athenaeum» с лордом Вгусе[75]), Noel Buxton[76]) и депутатом Williams'ом[77]), с которым я встретился в Париже, на армянской конференции. Армянский вопрос — главная тема, но мы подходим к нему не сразу. Сперва перебираем германскую психологию войны. Брайс учился в Гейдельберге и не узнает теперь германского народа. Я рассказываю про книгу Нуппольда и высказываю предположение, что перемена с 90-х годов. Брайс видит перемену с 80-х, когда начинается новое течение, сменяющее либеральное, в Европе. Я ссылаюсь на Шиллера. Бекстон спрашивает об ответственности Вильгельма. Я излагаю свою теорию. Они утверждают, что Вильгельм был форсирован по возвращении из шхер военными, которые сказали ему, что уже поздно. Я доказываю, что не было поздно и что дело решено все-таки «божьим наместником на земле». Они спрашивают о переговорах Австрии в последние дни. Я указываю, что это для виду, чтобы

---

[74]) Рутковский и Саговский — агенты русского министерства финансов в Лондоне.

[75]) Брайс (Вгусе) Джемс — лорд, английский историк, юрист и государственный деятель. С 1886 г. занимал ряд ответственных должностей по дипломатической части. Пацифист на словах, в действительности—определенный империалист; во время войны был председателем антантовской «комиссии по расследованию немецких зверств во Франции и Бельгии».

[76]) Бекстон Ноэль (Noel Buxton)—либерал, после войны член рабочей партии, министр в кабинете Макдональда.

[77]) Вилльямс — английский социалист, член независимой рабочей партии. В годы войны стоял на пацифистской позиции и выступал с критикой политики вождей II Интернационала.

снять ответственность. По армянскому вопросу Брайс излагает теорию независимой Армении под протекторатом держав. Я излагаю свою: Великая Армения, автономная, под суверенитетом России, но без Малой Армении (Киликия, которая должна остаться в сфере средиземного влияния). Они указывают на важность Александреты для общего обмена и для оживления Армении. Я говорю, что для обмена мы стоим на Дарданеллах. Вопрос об аннексии и об аппетитах наших генералов. Я стою за возвращение к границам Сан-Стефанского договора, но за автономию остальной Армении, в размерах, не меньших того, что было обещано при турецком режиме. Они спрашивают, стремимся ли мы к Мосулу или только к Диарбекиру. Я говорю, что нам надо оставаться в Диарбекире. Мне показывают французский перевод моей речи об Армении и спрашивают, верен ли он. Совершенно верен [78]). (Доставил Нубар-паша [79]).

По дороге в посольство (русское) на раут Брайс спрашивает, останется ли Персия после войны, как теперь. Я соглашаюсь, что было бы печально и ненужно ее ограничивать далее.

В 11 часу в русском посольстве несколько новых знакомств. Аладьин [80]) и Арабажин [81]) (последний хлопочет о средствах для англо-русского журнала: я даю отрицательную рекомендацию через Шкловскую Хольбергу Райту [82]) и потом Муравьеву-Апостолу).

30 апреля — 13 мая.

Утром свидание с сербами. Босняк Трумбич [83]) рассказывает о кознях Италии [84]). При ней восстановилась австрийская подвозка по

---

[78]) Повидимому, это относится к речи, произнесенной Милюковым в Госуд. думе в феврале 1916 г. при обсуждении сметы министерства иностран. дел. В этой речи Милюков, развивая планы русского империализма, уделял особенное внимание армянскому вопросу. (Стенограф. отчет Госуд. думы 4 созыва, 4 сессия, стр. 3236—3261).

[79]) Нубар-паша — представитель армянской националистической буржуазии, франкофил.

[80]) Аладьин Алексей Фед. (р. 1873) — член I Госуд. думы, трудовик. После разгона Думы эмигрировал, долго жил в Англии. Во время войны — ярый империалист антантовской ориентации.

[81]) Арабажин — вероятно, известный русский литературный критик.

[82]) Райт Хольберг — английский ученый, много интересовавшийся русскими делами.

[83]) Трумбич — депутат Далматинского сейма, президент Юго-славского комитета, быв. мэрг. Спаллато. Во время войны вел агитацию за раздел Австро-Венгрии и создание великого юго-славского государства на основе федерации.

[84]) Вступление Италии в мировую войну (23 мая 1915 г.) было куплено союзниками ценой обещания громадных территориальных уступок — разумеется, за счет Австрии. Но при этом интересы итальянского империализма резко сталкивались с интересами сербского империализма, претендовавшего на те же австрий-

всему Далматскому берегу, не только между островами, но и в открытой точке у Трагира. Если бывает потопленное австрийское судно, то это непременно француз делает. Но французские суда, которые прежде доходили до Истрии, теперь держатся за Отрантским проливом. Затем — Игалия не хочет соединения сербов с хорватами и словенцами, и под «Великой Сербией» разумеют только присоединение Боснии, Герцеговины и Баната. Боязнь проникновения России к Адриатике продолжается. Хотят отделить славянские земли в Австрии от сербских дорогой Венгрии к Фиуме. В палате продолжает существовать джиолиттистское большинство, за которым правительство должно следовать. Джиолитти [85]) ждет момента — «спасти» Италию. Передает брошюры.

В $12^1/_2$ приходит Муравьев-Апостол, пишущий мемуары (странноватый русский дворянский тип), и расспрашивает меня о внутренней жизни России, о династическом вопросе и т. д. Немного опаздываю на завтрак к Runcimany[86]). Mss Donnet, устроившая свидание, встречает словами: «Эго-по русски». R. оказывается чистейшим фритредером. «Пока я у власти, пошлин не будет. Политика.....[87]) не встречает сочувствия. На парижской конференции правительств ничего не будет решено [88]). Но—по секрету, который я обязуюсь хра-

---

ские земли (в первую очередь на все Далматинское побережье). Начавшиеся на этой почве трения между Италией и Сербией продолжались втечение всей империалистической войны, достигли особенной остроты в первые годы после войны, в дальнейшем не раз приводили к весьма резким конфликтам и снова обострились в самое последнее время.

[85]) Джиолитти Джованни (1842—1928) — многолетний лидер итальянских либералов. В 1914—1915 гг. был противником вступления Италии в войну.

[86]) Ренсиман — английский либерал, министр торговли в коалиционном кабинете Асквита.

[87]) Неразборчиво.

[88]) В начале июня 1916 г. в Париже под председательством французского министра национ. экономии (торг., пром., земледелия) Клемантеля заседала экономическая конференция союзников. Кроме Франции в конференции участвовали представители правительств следующих государств: Австралии, Англии, Бельгии, Италии, России, Сербии и Японии. Программа занятий конференции касалась как мероприятий, относящихся ко времени войны, так и мероприятий для периода послевоенного. Задача конференции, по мысли ее руководителей — Англии и Франции, состояла в том, чтобы военный союз государств против Германии превратился в союз экономический.

Конференция вынесла ряд резолюций общего характера о таможенной политике во время и после окончания войны, о пересмотре торговых договоров и в частности о «наибольшем благоприятствовании»,об экономической независимости отдельных стран (России) от Германии и т. п. Никаких конкретных решений, главным образом из-за возникших разногласий между Англией и другими государствами по вопросу о свободе торговли, конференция не приняла.

нить,—он переговорил с Clementel'ем предварительно[89]): если хотите обезопасить себя впредь от наложения английских пошлин на ваши товары, заключите со мной договор на 30 лет на основе полной свободы торговли. Clementel исключает вина. На этой почве ведутся дальнейшие переговоры. Для Runciman'а—деньги надо тратить там, где их расход наиболее производителен. 1000 фунтов в России не произведут той производительной работы, как в Англии. Надо поэтому прилагать капитал к тем отраслям промышленности, которые естественно, а не искусственно, могут развиваться в данной стране. Такая пошлина создает частные интересы для ее защиты и повышения».

Я говорю, что однако надо исключить отрасли промышленности, необходимые для обороны, как металлургию, лекарства, красочные вещества и т. д. Упоминаю также (по просьбе Шингарева), что мы хотим покровительствовать превращению нашего сырья у н а с ж е в полуфабрикаты, вместо того, чтобы давать это делать Германии, а потому думаем обложить пошлинами некоторые предметы вывоза (сырье), в особенности лес. Кажется, это заявление приемлется без особого сочувствия: к схеме Ренсимана не идет. Я намекаю о ее прямолинейности; Р. подхватывает мое phantasie, характеризует себя queer crank[90]) — и тут же рассказывает, как французы ухватились за этого «чудака» и боятся его смены.

Я заговариваю о предмете моей речи в «Russia Company», об условиях успеха английской торговли в России. Относительно долгосрочного кредита Р. возвращается к своей теории помещения капиталов в невыгодном месте, но затем сообщает, что он ведет переговоры о соединении сильных банков (100 тысяч капитала мало: это в Англии цена одной ....[91]), надо 10 миллионов) для того, чтобы дать России долгосрочный кредит на коммерческих основаниях.

Далее Runciman рассказывает, что он сделал для армии, «без разговоров». Он скупил в Америке и во всем свете холодное мясо, получив возможность торговаться, так как у него одного были холодильники. Затем один из его товарищей купил дешево сахар.

Вечером обед у великого князя — запросто. Соседки играют дуэт, и я исполняю «Liebeslied» Крейслера.

1—14 м а я. В о с к р е с е н ь е.

Поездка на автомобиле с M. Davier [?] (уполномочен усилить блокаду), с м-me Donnet и с Шкловской. Беседа с Кропоткиным. Он по-

[89]) К л е м а н т е л ь (Clementel) — французский министр торговли в кабинете Бриана.

[90]) «Чудак».

[91]) Неразборчиво.

ложительно говорит о росте Циммервальдского настроения во Франции. Одобряет наш блок, как чрезвычайно важную вещь [92]). Рассказывает о недовольстве Ллойд Джорджем со стороны его бывших друзей и дает вырезку статьи . . . . .[93]) (или Гардинера?). Снимаю с него две фотографии. Возвращение по железной дороге. Серьезный разговор с m-me Donnet, которая сообщает о недовольстве Ллойд Джорджем в составе кабинета (Ренсиман, Грей, Асквит). Он, во-первых, не компетентен и часто говорит глупости, которые приходится брать назад. Очень деспотичен и амбициозен. Делает себе рекламу в Европе. Перешел на сторону Нортклифа [94]) (потом Steed [95]) говорит, что в начале войны он был где-то около Ramsay Macdonald [96]), но, как умный человек одумался).

Вечер у Шкловских, — приезжает, по внушению Donnet, сперва танцовщица Romberg, потом и Donnet. Нет настроения.

2—15 мая.

Утром в $9^1/_2$ у Seton Watson. Расспрашивает подробно о решении национальных вопросов при заключении мира. Во всем нет разногласий со мной, за исключением польского вопроса. Ему очень не нравится, что я объявляю невозможным решить польский вопрос интернациональным актом. По его мнению, англичане с этим не помирятся. Но он все-таки хочет, чтобы я увидал Стида (он очень настаивает, чтобы Триест был свободным портом).

Дальше еду к Грею [97]). Разговор с Греем записан ниже. Завтрак в «Criterion» с Brailsford'ом [98]) и Noel Buxton. Brailsford спрашивает о

[92]) «Наш блок» означает «прогрессивный блок».

[93]) Неразборчиво.

[94]) Нортклиф, лорд (раньше: Альфред Гармсворт) (1865—1922) — английский «газетный король». Владел рядом распространеннейших бульварных газет («Дейли Мейль» и др.), а также крупнейшим из консервативных политических органов «Таймс» и пользовался громадным влиянием в мелко- и крупно-буржуазных кругах Англии. В 1916 г. вел кампанию против «нерешительного» и «медлительного» Асквита и подготовил приход к власти «энергичного» Ллойд Джорджа.

[95]) Стид (Steed) Цихкем (род. 1871)—один из влиятельнейших английских журналистов, специалист по вопросам международной политики. С 1896 по 1913 г. был корреспондентом «Таймса» в Берлине, Риме и Вене, с 1914 по 1919 г. редактором отдел внешней политики в той же газете, в 1919 стал гл. редактором ее.

[96]) Макдональд во время войны стоял на буржуазно-пацифистской точке зрения и изредка выступал с критикой английской довоенной дипломатии, приведшей к мировой войне; за это он подвергался известной травле со стороны последовательных империалистов.

[97]) Грей Эдуард (впоследствии лорд Грей) — английский дипломат. С 1892 г. служил по министерству иностранных дел; с 1905 г. по декабрь 1916 г. был министром ин. дел.

[98]) Брейлсфорд Генри Ноель—английский публицист, много занимавшийся вопросами восточной политики. Вначале либерал, потом

Константинополе. Когда я говорю, что дело решено соглашением, они очень огорчаются. Публика ничего не знает. Грей никого не спросил. Нельзя лишать Германию сферы ее экономического распространения, если хотят прочного мира. Я говорю, что это — немецкая точка зрения: Берлин—Багдад, а что наша точка зрения должна быть—загородить им дорогу. Он несколько успокаивается, когда я оставляю за турками их этнографическое ядро — запад Малой Азии. Можно ли будет немцам заключить с ними торговые соглашения? Я: «Это — дело союзников. Почему вы не заботитесь о Германии в Марокко, а заботитесь о Германии в Константинополе? Проливы — цена нашего союза. Но я согласен на частную нейтрализацию». Спрашивают про армянский вопрос. Повторяю то, что сказал Брайсу. С польским вопросом—опять недоволен Брейлсфорд. Как устранить Европу от решения, если присоединятся германская и австрийская часть? Я говорю, что территория должна быть определена международным актом, но не внутреннее устройство. Разговор об Ирландии.

Вечер кончается театром («The kiss for Cinderella») с Шкловской.

2—15 мая.

10 $^1/_2$. Свидание с сэром Греем. Сказал ему, что разговор будет частный и что я передам его только Сазонову.

Я оговорился, что, конечно, окончательные условия мира зависят от степени военного успеха, но что, все же, надо иметь представление о возможном в будущем, на случай постановки того или другого вопроса.

Грей прямо перешел к требованиям Англии. Мы обязаны честью перед Бельгией; затем мы желаем иметь дорогу из Египта в Индию; на европейском континенте у нас нет желаний. Вопрос о колониях германских — дело наших Dominions. (Я: «Но вы будете их поддерживать? Может быть, вы возьмете Гельголанд?»). Грей: «Не нужно поднимать этих вопросов, пока не выяснится окончательная победа. Для Франции первое необходимое условие — Эльзас и Лотарингия, для вас — Константинополь и проливы. Что сверх этого, зависит от степени успеха войны».

Я. «Но непосредственно дальше стоит вопрос о разделе Австрии и Венгрии, без которого нельзя решить польского, сербского и румынского вопроса».

Грей. «Сербия получит Боснию и Герцеговину».

Я. «А вопрос о Хорватии и словенцах?».

член независимой рабочей партии. Во время войны занимал пацифистскую позицию.

Грей. «Это дело преимущественно России поднять этот вопрос при случае и дело внутреннего соглашения этих народов».

Я. «Сазонов в этом случае имеет личное мнение, что разрушать Австрию опасно, так как австрийцы и германцы усилят Германию, а лучше их связать славянами».

Грей. «Присоединения австро-германцев Германия никогда не хотела, так как это ослабит Пруссию».

Я. «Как вы рассчитываете to crush Prussian militarism?»

Грей. « Я надеюсь, что после войны, первой неудачной после трех выигранных Бисмарком [99]), Германия сама поймет, что для нее невыгодно руководство Пруссии. Я жду глубоких перемен во внутреннем настроении».

Я. «Я тут имею сомнения, ввиду крайнего различия между вами и германцами во взгляде на личность и на государство. А рассчитываете ли вы ввести Германию опять в семью народов на началах нового международного права? Только вы одни можете это сделать».

Грей. «Я к этому стремился до войны и вернусь к этому, как только выяснится наша победа. Я надеюсь, что можно будет обязать народы отдавать свои споры на обсуждение согласившихся на это держав».

Я. «А санкции?»

Грей. «Санкции — объявление войны государству, которое не послушается. Относительно ограничения вооружений я надеюсь не столько на прямые предложения, которые не имели успеха, сколько на косвенные обстоятельства, которые приведут к этому. Я не могу думать, чтобы такая война, как настоящая, не оставила последствий— хотя бы при общем истощении».

Я. «Что вы думаете об армянском вопросе?»

Грей. «Вы произнесли речи в Думе, которые вызвали здесь шум [100]) (то же мне говорил Бенкендорф [101]). Сазонов мне пишет о своем желании аннексии. Мы должны сообразоваться с вашими желаниями, это — дело России».

Я. «Где, вы думаете, должна итти на севере Месопотамии граница наших сфер влияния?»

Грей. «Я этого не могу сказать без карты».

Я. «Тут есть естественная граница: где кончается равнина и начинаются горы».

---

[99]) Бисмарк Отто (1815—1898) — крупнейший государственный деятель Пруссии, потом Германии; с 1871 по 1890 г. германский канцлер.

Три выигранные им войны: 1) война (в союзе с Австрией) против Дании в 1864 г., 2) война против Австрии в 1866 г. и 3) война против Франции в 1870—1871 гг.

[100]) Вероятно, Грей имеет в виду речь Милюкова, упомянутую в прим. 78.

[101]) Бенкендорф Александр Константинович, — гофмейстер, русский дипломат, был послом в Англии с 1902 по 1916 г.

Грей. «Мы согласны на то, чтобы Армения оставалась под властью России».

Я. «А притязания других союзников?»

Грей. «В восточной Малой Азии вы встречаетесь только с французскими. Итальянские западнее (Адалия)».

Я. «Что вы думаете о польском вопросе?»

Грей. «Это — дело России. Мы, конечно, желали бы, чтобы она сама дала полякам автономию, но вмешиваться не можем».

Я. «Польский вопрос, и по-нашему, есть внутренний русский вопрос: мы настаивали, чтобы правительство поставило, не дожидаясь военных событий. Я могу сказать, что Сазонов теперь согласен на наш проект, построенный, в общем, по образцу вашего homerule. Но мы против упоминания о внутренней конституции Польши в международном акте. Самое большее — указание границ территории».

Грей. «В международном акте должно быть упомянуто только то, что интересует всех нас. Из поляков у нас был Дмовский.»

Я. «Они теперь настаивают на независимости и на международном признании. Но мы так далеко итти не можем».

Грей повторяет, что они идут тут за Россией и что внести в международный акт что-нибудь неприятное для союзника значит — ослабить этот самый акт.

Я. «Возвращаясь к вопросу о разделе Австрии, я все-таки нахожу, что этот вопрос, не стоя в первой очереди, стоит в ближайшей. Может быть, неосторожно выступать с ним публично, но нужно быть с готовыми решениями, говорили ли вы об этом в палате?»

Грей. «Мы теперь должны думать о победе. Говорить о разделе Австрии теперь неудобно. Это придет с решительной победой».

Я. «Имели ли вы сведения от Массарика[105]) о желаниях чехов?»

Грей не помнит мемуара Массарика и говорит, что тут компетенция должна принадлежать России.

---

[102]) Массарик Томас (р. 1850) — чешский политический деятель, ученый. Во время империалистической войны Массарик в буржуазных кругах Антанты вел пропаганду за создание независимого чешского государства. После войны — президент Чехо-словацкой республики.

В тексте речь идет, повидимому, о «конфиденциальной записке» Массарика, поданной французскому правительству в феврале 1916 г. В этой записке он, допуская для независимой Чехии установление монархического строя, рассматривал три возможных варианта: 1) передачу чешского престола представителю династии Романовых, 2) выбор принца из какой-либо другой союзной страны, 3) личную унию с «Великой Сербией». Но в той же записке он указывал, что все-же предпочтительнее было бы создание республиканской Чехии, — в таком случае республиканская Франция получила бы преобладающее влияние в новом государстве.

Я обращаю внимание на то, что вопрос о Чехии для нас легче, потому что тут не идет речи о стратегической границе (как относительно Польши). «Что вы думаете о Румынии?»

Грей. «Она получит Трансильванию, когда пойдет с нами, — и наверное пойдет с нами, когда выяснится военное положение».[103])

Я. «Как стоит дело в Швеции? Я нашел там большое обострение».

Грей. «Да, они подняли вопрос об Аландских островах. Сазонов дал заверение, что разоружит после войны. Германия хочет втянуть их, в связи с летней кампанией, о которой говорят и здесь».

Я. «Есть ли шансы на появление вашего флота в Балтике?»

Грей. «Эти вещи мы предоставляем держать в секрете нашему адмиралтейству, не всегда обсуждаем их даже в военном совете».

Я. «Шведы очень недовольны вашим усилением блокады».

Грей. «Мы этим заставляем их давать вам ввоз. Мы старались быть примирительными, но все же необходимо, чтобы не пропускать в Германию продуктов».

О настроении Германии *Грей* говорит, что признаки перелома уже налицо. Они рассчитывали [добиться] скорого успеха, как в первых трех войнах, ошиблись и хотят лучше кончить, чем продолжать бесплодную войну два года.

Я. «Турки пробовали заключить отдельный мир?»

Грей. «Да, но не официально, а через всяких лиц[104]). Мы сказали им, чтобы они обратились к России, так как война началась с нападения на нее. Мы не можем сговариваться, с риском разойтись с нашими союзниками».

---

[103]) В начале войны Румыния осталась нейтральной, но это не помешало румынскому правительству с Братиану во главе начать немедленно переговоры с союзниками о своем вступлении в войну против Австрии — конечно, за хорошую цену, которую должна была заплатить побежденная Австро-Венгрия. Одновременно румынские дипломаты вели также переговоры с Германией, обещая сохранить нейтралитет — за весьма значительные территориальные уступки со стороны Австрии.

Предложения Антанты румынским политикам показались соблазнительнее (союзники могли обещать больше, потому что они предлагали Румынии не свои, а австрийские и венгерские земли), но переговоры союзников с Румынией затянулись на два года, — сначала вследствие неуступчивости России, которая хотела оставить себе самой и своей союзнице Сербии большую часть ожидавшегося «австрийского наследства», а потом вследствие поражений, понесенных Россией как на германском, так и на австрийском фронте. Вступив, наконец, в войну (27 августа 1916 г.) Румыния вскоре была раздавлена германскими войсками и весной 1918 г., заключила сепаратный мир с Германией.

[104]) Во время войны государственные деятели Турции не раз неофициальными путями делали предложения союзникам о заключении сепаратного мира, но союзные державы оставляли подобные предложения турок без малейшего внимания,

Я. «Думаете ли вы, что нужно сделать после войны перемены во внутреннем устройстве Персии?»

Грей отвечает рассказом о немецком влиянии там; о том, как немцы убедили персов, что мы разбиты, и как кстати было наше наступление там (эти две последние темы уже в автомобиле).

Время, назначенное *Греем*, проходит, и я откланиваюсь, но он задерживает еще на $^1/_4$ часа вопросом: «Теперь я вас спрошу, что вы думаете о Болгарии?»[105])

Я. «Я считаюсь болгарофилом, знаю положение и думаю, что мы сделали тут ошибки. Бухарестский мир показал Болгарии, что мы не можем осуществить ее национальных аспираций, а Германия и Австрия ей обещали — и теперь осуществили программу гр. Игнатьева — русскую программу 1878 года».

Грей. «Но нельзя было убедить Сербию согласиться».

Я. «Нужно было заставить, как мы сделали осенью, когда уже было поздно».

Грей. «Сербия и тогда не соглашалась. Трудно заставлять, когда из-за нее война».

Я. «Послушайте, ведь война из-за сербской грандомании; ведь Австрия могла думать, что подвергается серьезной опасности, потому что Сербия поставила не более и не менее, как вопрос о разделе Австрии»[106]).

главным образом под влиянием царской России, которая, стремясь к захвату Константинополя и проливов, даже разговаривать не желала о каких бы то ни было решениях турецкой проблемы компромиссным путем.

[105]) Оставшись в начале войны нейтральной, Болгария, подобно Румынии, долго торговалась с обеими воюющими коалициями, добиваясь как от той, так и от другой стороны максимальных территориальных приобретений за счет других балканских стран, главным образом Сербии. Союзники, стремясь привлечь Болгарию на свою сторону, были не прочь удовлетворить ее требования, но во-первых, они наталкивались на упорное сопротивление Сербии, а также Румынии и Греции, и во-вторых, между ними самими выявились глубокие разногласия по всем конкретным вопросам балканской политики, поэтому переговоры затянулись на целый год. Германия и Австрия находились в более выгодном положении: они могли обещать Болгарии не только Сербскую Македонию, но и чуть ли не всю Сербию. Непрерывные победы Германии на русском фронте и неудача английских операций в Дарданелах ускорили решение вопроса в пользу австро-германской коалиции — в октябре 1915 г. Болгария вступила в войну на ее стороне.

Вся эта история переговоров союзников с балканскими государствами, представляющая собою один из интереснейших и важнейших моментов империалистической войны, будет подробно освещена в издании «Международные отношения в эпоху империализма» (тт. VI—X).

[106]) Убеждая Сербию уступить Болгарии Македонию хотя бы в пределах сербо-болгарского договора 1912 г., союзники за это обещали Сербии громадные территориальные компенсации главным образом за счет Австрии (Боснию, Герце-

Грей. «В России убеждены, что виноват больше Фердинанд [107]), чем болгарский народ?»

Я. «Пока политика Фердинанда успешна, народ с ним. Но я не сомневаюсь, что при первых неудачах руссофильские чувства болгарского народа возьмут верх, и что мы можем вернуть Болгарию себе, обещав сохранить за ними Македонию. В пределах 1912 года плюс Ускюб, но минус Ниш, Вранье и Пирот».

Грей. «Конечно, нельзя сохранить за ними Ниш».

Я. «У вас есть два авторитета: Бекстон и Сетон Ватсон. Бекстон поехал в Софию, не получив от вас полномочий на уступки. При этих условиях не хотят ехать, а если бы дали уступки тогда, я был бы всемогущ в Софии, и Болгария не пошла бы против нас».

Я указываю на часы. Грей благодарит за интересную беседу, довозит меня в автомобиле до своего office (в Whitehall) и потом посылает шофера со мной в Claridges.

3 мая — 16 мая.

Завтрак с сотрудниками «Nation». За обедом Massingham [108]), председательствует sir Edwin Pears [109]), который сводит беседу к Константинополю. Он пугает тем, что для России же будет хуже. Я не согласен. Меня просят печатно ответить на его статью в «Nation».

говину, часть Далмации, часть Баната), отчасти за счет Албании и Греции. Но сербские империалисты, считавшие себя естественными наследниками всех славянских земель Австрии и Венгрии, до самого последнего момента (осень 1915 г.) упорно отказывались платить за ожидавшиеся для нее приобретения какими бы то ни было уступками Болгарии. В результате — окончательный переход Болгарии на сторону австро-германцев и немедленный и полный разгром Сербии болгарскими, австрийскими и германскими войсками.

[107]) Фердинанд (Кобургский) — царь Болгарии (по 1918 г.), германофильская политика которого сыграла известную роль в переходе Болгарии на сторону австро-германской коалиции. Определялась эта политика не только его личными симпатиями и династическими связями, но также его ненавистью к Романовым, которые в 80-х годах противились его избранию на болгарский престол и впоследствии всегда третировали его как выскочку.

[108]) Мессингам — видный английский журналист; примыкал к радикальному крылу либералов, после войны перешел к рабочей партии. Многолетний редактор радикального журнала «Нэшен» (Nation).

[109]) Пирс (Pears), сэр Эдвин (1835—1919)—английский общественный деятель и журналист, либерал. Приобрел большую популярность в 70-х годах корреспонденциями из Константинополя о турецких зверствах в Болгарии.

Новые материалы о Гаагской мирной конференции 1899 г.

Дневник военного министра Куропаткина и доклад министра иностранных дел Муравьева о его заграничном путешествии в 1898 г. являются дополнением к опубликованным в т. L—LI «Красного архива» материалам по истории первой Гаагской конференции. Если дневник Куропаткина содержит ряд крайне интересных подробностей по поводу составления циркулярной ноты царского правительства о созыве конференции по ограничению вооружений, а также ряд данных, характеризующих подлинное отношение к последней военного ведомства и самого Николая II, — то доклад Муравьева является весьма ценным источником для понимания общей политической обстановки того времени, особенно при сопоставлении его с данными, сообщаемыми Куропаткиным в своем дневнике.

Из дневника мы узнаем, что инициативу созыва конференции Куропаткин всецело приписывает себе, так как де в основе ее лежит его предложение о заключении военной конвенции между Россией и Австрией, запрещающей этим странам перевооружать свои армии в течение известного времени. При этом Куропаткин подчеркивает, что по этому поводу он ни с кем не советовался и «сам дошел до этой мысли». Тем более интересными представляются рассуждения этого «миротворца» о том, при каких условиях он считал возможным «сделать многое в пользу мира». Момент этот, по его словам, наступит только тогда, когда Россия займет Босфор и, став твердою ногою на проливах, «положит основание конфедеративному союзу славянских земель между собой» и с Россией, что со своей стороны ускорит распад Австрии. Тогда,— рассуждает далее Куропаткин, — можно будет немецкие земли Австрии отдать Германии, обязав последнюю возвратить Франции Эльзас и Лотарингию. Наиболее же благоприятным моментом для нанесения удара Германии является, по его словам, «неизбежная в будущем война Германии с Англией и Америкою за промышленные и колониальные интересы». Поэтому, — заканчивает он свои рассуждения в беседе с Николаем Романовым,—надо ждать. «Начало будущего века, быть может, увидит вопросы эти решенными».

Неудивительно поэтому, что единственным практическим выводом, к которому приходит Куропаткин, направляясь во Францию и Австрию для обсуждения вопросов, связанных с предстоящей «мирной» конференцией, является следующий:

«Раз только отдельные соглашения с Австрией не могли состояться, то мы фатально вынуждены будем принять скорострельную пушку, и России надо готовиться к тяжелой жертве; к расходу в 120 милл. рублей.» На все эти рассуждения своего военного министра Николай Романов, судя по записям дневника, ограничился замечанием, что он много советовался по этому вопросу с Александрой Федоровной и что последняя, «на его взгляд, высказала верную мысль, что нам необходимо перевооружить нашу армию скорострельными пушками, дабы доказать другим державам, что мы подняли вопрос об уменьшении вооружения не потому, что сами настолько истощили свои средства, что и не можем далее продолжать вооружения». О необходимости ввести новые пушки Александра Федоровна и сама говорила Куропаткину. «Очевидно, со слов государя», — добавляет последний в своем дневнике. — «Государь прислушивался к нашему разговору».

Таким образом, и Николай Романов и его военный министр считали необходимой предпосылкой конференции по разоружению перевооружение русской армии!

Из всех записей Куропаткина, относящихся к вопросу о созыве международной конференции по ограничению вооружений явствует, что роль его в этом деле ограничилась предложением проекта соглашения с Австрией, из которого вырос проект обращения ко всем державам с предложением приостановить вооружения. В дальнейшем министерство иностранных дел взяло дело в свои руки, и в дневнике Куропаткина мы не находим никаких данных, почему, получив «высочайшее одобрение» еще в марте — апреле 1898 г. и будучи утверждено Николаем Романовым в июле того же года, обращение это состоялось только 24 (12) августа[1]). Единственное указание, которое дает нам по этому поводу дневник, это заявление Муравьева, что «именно теперь, когда мы делаем решительные шаги на Дальнем Востоке, весьма будет важно дать фактическое доказательство нашего миролюбия в Европе».

Блестящую характеристику дневника Куропаткина, в равной степени приложимую и к первым годам его деятельности на посту военного министра[2]), читатель найдет в предисловии М. Н. Покровского к дневнику Куропаткина за 1902—1904 гг.[3]).

Исключительное значение для понимания подлинных замыслов отдельных империалистических держав того времени имеет второй из публикуемых нами документов — доклад министра иностранных дел Муравьева. Как Муравьев, так и Куропаткин были отправлены в Париж и Вену непосредственно вслед за вручением державам циркуляра 24 (12) августа 1898 г. Выбор этих двух столиц был, повидимому, вызван крайним напряжением отношений между Россией и Англией на почве дальневосточных дел. Царское правительство хотело, с одной стороны, убедиться в прочности союзных отношений с Францией, особенно после неблаго-

[1]) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 66.

[2]) Куропаткин был назначен в январе 1898 г. управляющим воен. мин-ством, а в апреле того же года военным министром.

[3]) «Красный архив», т. II, стр. 5—8. Ср. «Воспоминания» Витте, т. I, стр. 127.

приятного впечатления, произведенного там циркуляром 24 (12) августа, а с другой, удостовериться в невозможности для Австрии в настоящий момент напасть на Россию.

Муравьев приехал в Париж, вслед за Куропаткиным[1]), в момент самого разгара Фашодского кризиса, в октябре 1898 г. Из опубликованных в настоящее время в Германии и Англии документов явствует, что европейский мир находился тогда под угрозой войны, причем положение обоих противников было следующим. Влиятельные круги Англии считали момент наиболее благоприятным для войны с Францией, которая позволила бы разрешить все спорные вопросы как с Францией, так и, главным образом, с Россией на Дальнем Востоке[2]). На чем основывали свои расчеты шовинистические круги Англии? Прежде всего на боевой готовности английского флота, а затем на трудности для Франции в тот момент вести войну в связи с непрекращавшимся внутренним кризисом и разложением во французской армии[3]). К тому же в Англии, если верить опубликованным документам, мало опасались вмешательства России в войну[4]).

Для создания себе благоприятной международной обстановки на случай войны Англия в этот момент усиленно ищет союзников. Так, 21 (8) августа английский посол в Берлине Лэшель в беседе с Вильгельмом II зондировал почву о возможности заключения с Германией соглашения, направленного против России. Получив отказ Вильгельма, Лэшель заявил о готовности английского правительства начать переговоры о заключении оборонительного союза с Германией на случай нападения двух держав на одну из договаривающихся сторон. Вильгельм II ответил, что будет ждать формального предложения, но что считает этот проект вполне приемлемой основой для дальнейших переговоров[5]). Продолжение этих переговоров из опубликованных документов неизвестно.

Почти одновременно с этим 7 сентября (26 августа) в Нью-Йорк прибыл английский министр колоний Чемберлен, являвшийся одним из главных сторонников войны, который в беседе с журналистами говорил о желательности заключения англо-американского союза и заявил, что «в интересах Соединенных штатов было бы занять Филиппинские острова, дабы не быть исключенными из решения китайского вопроса» (депеша российского посланника в Вашингтоне Кассини от 2 октября (20 сентября) за № 21[6]).

Нельзя не отметить, что Фашодский кризис принял наиболее острую форму как раз после вышеуказанных шагов английского правительства. Так, 9 сентября (28 августа) Сольсбери поручил английскому послу в Париже заявить француз-

[1]) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 81.

[2]) См. «Grosse Politik», Bd. XIV, II, № 3898, 3899, 3904, и «British Documents», v. I, № 123.

[3]) Дело Дрейфуса.

[4]) «Grosse Politik», Bd. XIV, II, № 3899, 3904 и «Brit. Doc.», v. I, № 123.

[5]) «Grosse Politik», Bd. XIV, I, № 3865 и «Brit. Doc.», v. I, № 122.

[6]) Архив революции и внешней политики.

скому правительству, что Англия не допустит обсуждения ее прав и прав Египта на Фашоду [1]).

Публикуемый ниже доклад Муравьева дает очень ясную характеристику позиции Франции в Фашодском кризисе. 15 (3) октября Делькассе, по словам Муравьева, выразил уверенность, что «спорный вопрос этот в скором будущем решится полюбовно и что, уступив свои права на Фашоду, Франция получит удовлетворение, а именно свободный доступ к левому берегу Белого Нила» [2]). О желании французского правительства избежать во чтобы то ни стало войны с Англией в этот момент, не исключая возможности ее в будущем для удовлетворения захватнических замыслов французского империализма, писал также и росс. посол в Париже Урусов в письме от 27 (15) октября 1898 г. Заявив Урусову, что он решил отозвать полк. Маршана из Фашоды еще до получения требования Англии, Делькассе сказал следующее: «Действуя так, я буду иметь преимущество избежать, во всяком случае, немедленного конфликта с Англией и избежать более чем возможного ультиматума с ее стороны. Я сказал в начале, что я избегну немедленного конфликта с Великобританией. Я подразумеваю под этим, что будущее, быть может, сулит нам конфликт, который нельзя будет предотвратить, так как англичане не будут удовлетворены решением Нильского вопроса. Наши же притязания останутся теми же и будут возрастать пропорционально нашей вынужденной уступчивости в настоящее время».

Что касается позиции России в Фашодском кризисе, то на основании поднятой тогда во французской прессе кампании против русского правительства, не поддержавшего, якобы, Францию в этом вопросе [3]), в специальной литературе преобладает мнение, что Россия отказала Франции в поддержке, вследствие чего последняя вынуждена была капитулировать [4]). Из доклада Муравьева мы узнаем как раз обратное. «Делькассе не только не обращался ко мне с подобным ходатайством, — пишет Муравьев, ожидавший просьбы Франции о поддержке, — но даже объявил мне, что он ни в коем случае не намерен ставить вопрос о Фашоде на почву нынешнего общеегипетского положения, а скорее думает придать ему чисто колониальный характер» [5]). О той же беседе Муравьева с Делькассе писал позднее товарищу министра Ламздорфу Урусов в депеше от 10 ноября (29 октября) за № 49 следующее: «В бытность его сиятельства гр. Муравьева в Париже инцидент в Фашоде принял уже неблагоприятный, хотя и не вполне угрожающий оборот, и опасения насчет намерений Великобритании уже возникли здесь: однако никто из государственных людей, с коими имел сношения наш министр иностранных дел, не обратился к нему с вопросом о том, как отнесется Россия к возможному нападению Англии на Францию. Ко мне с подобными запросами не обратился

[1]) «Brit. Doc.», v. I, №№ 189 и 191.

[2]) Ср. «Brit. Doc.», v. I, № 198, 203, 209, «Gr. Pol.», Bd. XIV, II, № 3902.

[3]) См. «Grosse Pol.», Bd. XIV, II, NN 3893, 3921, 3922, 3927, «Brit. Doc.», v. I, № 215.

[4]) Напр., книга Morrison B. Giffen «Fashoda», Chicago, 1930.

[5]) «Grosse Pol.», Bd. XIV, II, № 3924.

также никто из лиц, принадлежащих к официальному миру. Эта сдержанность объясняется отчасти известным чувством достоинства, отчасти знанием истинных политических обстоятельств». О том, что следует понимать под словами «знание истинных политических обстоятельств», говорит письмо Урусова от 25 (12) ноября: «решено избежать вооруженного конфликта, но полагают, что если Англия откажется от повода к ссоре с Францией, она обернется с той же целью в сторону России»[1]). Повидимому, французское правительство считало, что Фашода, в удержании которой Франция, в сущности была мало заинтересована,[2]) была только поводом для войны с франко-русским союзом. Соображение это представляется вполне вероятным, тем более, что создание повода к войне по отношению к России представляло большие затруднения хотя бы в связи с впечатлением, произведенным в английских общественных кругах царским обращением о созыве конференции по ограничению вооружений. Кроме того, как мы указывали в предыдущей статье, вооружения Англии продолжались и после того как Фашодский кризис был ликвидирован[3]).

Наконец, из доклада Муравьева мы узнаем, что в Париже было достигнуто между ним и Делькассе соглашение по вопросу о русской политике на Дальнем Востоке. В дневнике же Куропаткина мы находим дополнительные данные по этому поводу, а именно, что Делькассе согласился с проектом русско-английского разграничения сфер влияния в Китае, о котором говорил ему Муравьев.

Муравьев уехал из Парижа, увозя с собою заверения президента Фора, что «будет ли стоять у власти умеренное, радикальное или даже социалистическое министерство, внешняя политика Франции не изменится по отношению к России»[4]).

Не менее порадовало Муравьева и состояние, в котором он нашел Австрию[5]). «Австрия, — пишет он, — боится всех и каждого, сбыточного и несбыточного». Успеху же Австрии в случае вооруженного столкновения с Россией «никто не верит». К тому же выводу пришел и Куропаткин, приехавший в Вену вслед за Муравьевым. В беседе с ним австрийский военный министр говорил, что «они в 30 лет мало сделали для усиления армии, что отстали от нас», а также «жаловался на распространение социализма в армии; трудно бороться, приносят возмутительные воззвания». В связи с этим Кригхаммер решительно заявил, что Австрия не может разоружаться и, говорил с Куропаткиным о конференции «заискивающим тоном».

Что касается политических взаимоотношений с Австрией, то они формально регулировались достигнутым весною 1897 г. соглашением[6]), но фактически от-

[1]) Архив революции и внешней политики.

[2]) Ср. «Brit. Doc.», v. I, № 223.

[3]) Ср. «Красный архив», т. L—LI, стр. 69.

[4]) О пребывании Муравьева в Париже см. также «Grosse Politik», Bd. XIV, II, №№ 3891, 3892, 3896, 3897.

[5]) О пребывании Муравьева в Вене см. «Grosse Pol.», Bd. XIII, № 3528.

[6]) См. Pribram «The secret treaties of Austria—Hungary 1879—1914», v. I, p. 184 ss, а также «Grosse Pol.», Bd. XII, S. 296 ff.

ношения с начала 1898 г. резко ухудшились в связи с назначением верховным главнокомандующим сербской армии в январе 1898 г. вернувшегося в Белград бывшего короля Милана, рассматривавшегося царским правительством как ставленника Австрии. Так, в депеше от 24 (12) февраля 1898 г. за № 5 российский посол в Вене Капнист передал свою беседу с министром иностранных дел Голуховским, который заявил ему, что на жалобы Франца-Иосифа по поводу враждебных выступлений русской прессы, он, Голуховский, якобы, смог только ответить, что он не знает, «признаются ли еще действительными те общие основания, которые сообща были приняты в Петербурге в прошлом апреле — мае, или же признана их несостоятельность и они считаются устраненными». Кроме того царское правительство было встревожено слухами о возможности объявления Австрией аннексии Боснии и Герцеговины по случаю предстоящего юбилея 50-летнего царствования Франца-Иосифа (депеша Капниста от 7 июня (26 мая) за № 35), а также известиями о готовящемся заключении австро-сербской военной конвенции (депеша Капниста от 8 июня (27 мая) за № 39 и письмо его от 7 июля (25 июня). Все эти вопросы явились предметом обсуждения между Муравьевым и Францем-Иосифом, между ними было достигнуто словесное соглашение, которое повторило принцип сохранения status quo на Балканах и невмешательства России и Австрии во внутренние дела балканских государств. Муравьев, обещав воздействовать на русскую печать, со своей стороны поставил Австрии на вид поддержку ею Милана в Сербии, связав этот вопрос с вопросом о Боснии и Герцеговине.

Генералы оказались в своих переговорах более решительными. Как видно из дневника Куропаткина, они поделили Балканы на сферы влияния, причем, Куропаткин «внес поправку» в заявление австрийского военного министра о необходимости открыть проливы, что «Черное море должно быть наше, что Босфор нуждается в русской пробке, но что мы можем и подождать еще 60 лет, когда нас будет 250 милл. населения».

Запись Куропаткина от 24 (12) ноября о беседе обоих русских министров по возвращении их из заграничного путешествия относится к тому времени, когда вооружения Англии несмотря на ликвидацию Фашодского кризиса, продолжаются и царское правительство опасается, что они направлены против него[1]). Выразив Куропаткину надежду, что «ныне Англия до войны дела не доведет», Муравьев все же считается с возможностью таковой.

Как известно, 30 (18) ноября [2]) возобновились англо-русские переговоры по китайскому вопросу, причем англичане предъявили неприемлемые для России требования. Тем не менее 8 декабря (26 ноября) Чемберлен, глава воинствующей партии, произнес в Векфильде речь, в которой говорил не только о желательности,

[1]) 23 (11) ноября Урусов телеграфировал, что в Париже получены сведения от посла в Риме, что итальянский король рассматривает эти вооружения, как направленные против России (Архив революции и внешней политики). См. также «Grosse Pol.», Bd. XIV, II, №№ 3907 и 3911.

[2]) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 70.

но и необходимости соглашения с Россией по вопросам Китая (телеграмма росс. посла в Лондоне Сталя от 10 декабря (28 ноября). В той же речи Чемберлен заявил об отказе Англии от поисков союза с Германией. Это миролюбие Англии Муравьев в беседе с Куропаткиным 13 (1) декабря объяснил ухудшением положения в Индии, на северо-западной границе которой вспыхнуло в ноябре 1898 г. восстание, потребовавшее, по словам Муравьева, посылки 10 000 войск. К этому же времени Англия, повидимому, разочаровалась и в проекте союза с С.-А. Соед. штатами, которые 10 декабря (28 ноября) заключили Парижский мир с Испанией. В декабре 1898 г. уже намечалась возможность франко-английских переговоров[1]).

Из опубликованных в т. L — LI «Красного архива» документов явствует, что к этому времени царское правительство признало ненужность конференции по ограничению вооружений, предполагая одно время ограничиться простым совещанием экспертов[2]). Даже сам Николай Романов, согласившийся 11 января 1899 г. (30 декабря 1898 г.) подписать новое обращение к державам,[3]) в беседе с Куропаткиным 21 (9) января 1899 г. «раскаивался, что сделал этот шаг», и Куропаткину пришлось утешать своего монарха, что вероятнее всего конференция ни к чему не приведет и не нарушит плана русского военного ведомства на пятилетие, однако своим предложением Россия покажет свое «миролюбие».

Л. Телешева.

Из дневника А. Н. Куропаткина [4])

28 февраля [1898 г.]. Суббота.

Докладывал сегодня государю о положении вопроса о принятии в европейских армиях полевых скорострельных орудий. (В Германии и Франции приняты. У нас и австрийцев идут опыты, но пока неудачные. Германцы своими новыми пушками недовольны.)

Доложил, что для нас с принятием этих новых средств разрушения предстоит расход в 130 милл. руб. Для австрийцев до 100 милл. руб.

Доложил государю: не будет ли своевременно поднять вопрос о военной конвенции с Австриею, дабы ни нам, ни австрийцам не вводить в наши армии втечение 10 лет полевые скорострельные пушки? Сделал это заявление осторожно. Высказал, что государь, может быть, побранит меня за слишком смелую мысль. Государь, подумав, ответил горячо: «Вы меня, значит, еще мало знаете, если полагаете, что я вас за подобную мысль могу побранить. Я ей сочувствую. Я был долгое время и против принятия в нашей армии новых ружей». Мне затем пришлось осторожно указать государю, что такой почин есть первый шаг, если не к общему разоружению, то по крайней мере к временной приостановке

[1]) См. «Brit. Doc.», v. I, №№ 228, 240.

[2]) «Красный архив», т. L—LI, стр. 93.

[3]) Там же, стр. 96.

[4]) Особый отдел Моск. центр. истор. архива.

истощающих Европу расходов на вооруженные силы и средства. Указывал, что, делая такой великий почин, наш государь создает себе в потомстве всемирную память, что миллиарды, затрачиваемые ныне на армии, пойдут на увеличение благосостояния населения и что даже при полной неудаче сего почина государь явится окруженным ореолом мира.

Государь поручил мне переговорить с гр. Муравьевым. Прямо от государя отправился к Муравьеву. Рассказал ему, в чем дело. Принял очень сочувственно, даже радостно. Высказал мнение, что именно теперь, когда мы делаем решительные шаги на Дальнем Востоке, весьма будет важно дать фактическое доказательство нашего миролюбия Европе. Что он во вторник попросит у государя указаний и даст государю совет обратиться непосредственно к Францу-Иосифу (через Лихтенштейна [1]).

27 февраля.[2])

Послал записку, вернее — письмо, графу Муравьеву, в котором развил свою вчерашнюю мысль и изложил основание военной конвенции [3]). Написал горячо и убедительно.

Вспомнил, что вчера государь спросил меня: «Эта мысль вам самим пришла в голову? С Ванновским [4]) вы не советовались?» Ответил, что не советовался и сам дошел до этой мысли. Действительно, она явилась у меня при приготовлении доклада государю 27 февраля, когда я записывал в конспекте разные цифровые данные о полевых скорострельных орудиях и огромных, вызываемых перевооружением, расходах.

28 февраля.

В Госуд. совете граф Муравьев очень хвалил мое письмо об ограничении вооружений. Говорил, что многие выражения прямо пойдут в переговоры. Но, по его мнению, надо взять вопрос еще шире, а именно — привлечь к приостановке вооружений на 10 лет все континентальные государства: Германию, Австрию, Францию, Турцию, славянские государства. Англия останется изолированной.

Я оспаривал на основании трудности такого соглашения сразу и предполагал, что таковое гораздо легче достигнется, если будет сделан первый предложенный мною шаг: заключение конвенции с Австрией на 10 лет о невведении в нашу и австрийскую армию полевых скорострельных орудий.

---

[1]) Австрийского посла в Петербурге. *Примечание в подлиннике.*

[2]) Здесь в дневнике путаница в датах. Повидимому, правильно датирована первая запись, так как в 1898 г. 28 февраля действительно было в субботу.

[3]) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 70.

[4]) Бывший военный министр с 1881 г. С января 1898 г. член Госуд. совета.

11 июля. (Вторник.)

Государь показал мне доклад по министерству иностранных дел: заявление всем послам о необходимости приостановить вооружение и созвать для сего конференцию [1]). Этот доклад явился в развитие моего письма к гр. Муравьеву о соглашении с Австрией, дабы не приступать к перевооружению артиллерии. Я поздравил от души государя, высказав, что брошено в мировую ниву великое семя, что, хотя, быть может, придется и долго ждать, но плод, тоже великий, незаметно явится. Что шаг этот — исторически важный.

19 августа. Москва [2]).

За парадным обедом в министерском углу много беседовали с гр. Муравьевым. Говорили о декларации державам 12 августа о созыве конференции для приостановки вооружений. Муравьев передал мне, что государь проект сего заявления прочитал вслух государыне три раза. Мнения разных сановников разнообразны: большинство одобряет, но некоторые, напр. Игнатьев [3]), Ванновский и даже Обручев [4])— в сомнениях. Думают, что мы не выиграем.

Александр Петрович Ольденбургский [5]) ликует. Вообще впечатление еще не выяснилось. Все были застигнуты врасплох. Печать относится довольно сдержанно, но с радостными надеждами. Всего основательнее отнеслось «Новое время».

18 сентября. Ливадия.

За обедом сидел рядом с государынею. Она много разговаривала. Спрашивала мое мнение о циркуляре Муравьева, о финских делах [6]) и пр. Сказала, что государь делится с нею всеми своими заботами по этим вопросам. Сказала между прочим, что нам придется принять новые пушки. Очевидно, со слов государя. Государь прислушивался к нашему разговору.

21 сентября. Ливадия.

Сейчас государь уезжает на «Штандарте» в Севастополь и оттуда через Либаву в Копенгаген [7]). Государыня провожает до Севастополя.

[1]) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 66.

[2]) Николай Романов был в Москве по случаю открытия памятника Александру II, состоявшегося 28 (16) августа 1898 г.

[3]) Повидимому, имеется в виду гр. А. П. Игнатьев, член. Госуд. совета.

[4]) Обручев, Н. Н. бывш. начальник генерального штаба, член Госуд. совета.

[5]) Член Госуд. совета с 1896 г.

[6]) Речь идет о введении в Финляндии нового устава о воинской повинности, а также положения об устройстве управления финляндскими войсками, выработанных к весне 1898 г. особой комиссией при непосредственном участии Куропаткина.

[7]) По случаю смерти датской королевы Луизы 29 (17) сентября 1898 г.

Государь едет очень неохотно. Он все надеялся, что государыня Мария Федоровна сама посоветует ему не ехать. Но она прислала депешу, в которой значилось, что ей «отрадно» будет увидеть государя в Копенгагене. Поездка продолжится две недели. Государь берет меня с собою на «Штандарт» и свой поезд до Вилейки, откуда я поеду в заграничный отпуск до 1 ноября. Государь возложил на меня особое поручение к военному министру Франции Шануану, поручив условиться с ним относительно оснований, кои могут быть поставлены нами на конференции по уменьшению вооружений. Я сам предложил государю провести эти переговоры, указав, что французы могут считать себя обиженными, ибо не были предупреждены. По моему докладу, государь согласился, чтобы я ставил следующие основания:

1) Конференция отнюдь не призывается ныне же решать вопросы, затронутые в циркуляре 12 августа. Надо выработать программу и, быть может, собраться еще несколько раз.

2) Весьма важно однако, чтобы хотя первый шаг был сделан, дабы придать всему этому важному делу реальность.

3) Этот первый шаг, казалось бы, можно сделать по вопросу о непринятии или запрещении автоматических ружей, разных взрывчатых составов, воздушных шаров с целью сбрасывания сих составов и пр. Тут, казалось бы, возможно положить ограничение технике. Затем я высказал государю, что, раз только отдельные соглашения с Австрией не могли состояться, то мы фатально вынуждены будем принять скорострельную пушку и что России надо готовиться к тяжелой жертве: к расходу в 120 милл. рублей.

Государь мне сказал, что и Муравьеву он поручил переговоры по тому же вопросу с министром иностранных дел во Франции [1]).

23 сентября. Императорский поезд.

Вчера я имел длинный доклад относительно задач конференции по ограничению вооружения. Конспект доклада записан в малой записной книжке [2]). С моим взглядом государь согласился. С Шануаном, конечно, приказал говорить только о военной, гуманитарной и финансовой стороне вопроса.

Я проводил мысль, что лишь после занятия нами Босфора можно сделать в пользу мира многое. Тогда мы крепко станем относительно всех славянских земель и положим основание конфедеративному союзу славянских государств между собой и с нами. Тогда мы разрушим преследуемую Вильгельмом цель: включить в союз против нас Тур-

[1]) См. ниже стр. 67.

[2]) См. ниже стр. 59.

цию, охватить наши границы от Эрзерума до Полангена, заставить примкнуть к этому союзу Румынию и заставить славянские земли — Сербию и Болгарию — быть, по меньшей мере, нейтральными в случае европейской войны союза тройственного против держав двойственного союза — России и Франции. Появление наше на Босфоре ускорит распадение Австрии. Тогда возможно будет немецкие земли отдать Германии, обязав ее, в свою очередь, возвратить Франции Эльзас и Лотарингию. Доложил, что, по моему мнению, добровольно Германия не сделает этого. Оборонительные силы Германии так велики, что даже после распадения Австрии и образования союза славянских земель, действующего заодно с Россией и Францией, атака Германии может не иметь успеха. Все, в конце концов, будет зависеть от таланта и гения вождей двух сторон.

Удобная же минута для атаки наступит, если Германия ввяжется в войну с Англией и Америкой, что представляется вероятным ввиду перепроизводства в Германии промышленного и фабричного и необходимости посему искать все новые рынки.

Государь, между прочим, сказал мне, что много разговаривал и советовался с государынею Александрою Федоровною по вопросу об уменьшении вооружений, что государыня, на его взгляд, высказала верную мысль, что нам необходимо перевооружить нашу армию скорострельными пушками, дабы доказать другим державам, что мы подняли вопрос об уменьшении вооружений не потому, что сами настолько истощили свои средства, что и не можем далее продолжать вооружения.

Переписано из малой записной книжки.

Записано на поезде 22 сентября 1898 г., на котором государь следовал в Либаву и далее в Копенгаген на похороны бабки.

Доклад, сделанный мною государю по циркуляру 12 августа об уменьшении вооружений.

I.

Задачи циркуляра 12 августа могут быть определены подлинными строками циркуляра:

1) Положить предел непрерывным вооружениям.

2) Изыскать средства предупредить угрожающие миру несчастья (европейская война). Это долг всех государств.

3) Конференция и созывается для обсуждения сих важных задач.

4) Конференция подготовит результат лишь для грядущего века — 10 лет подготовительной работы.

II.

Как отнеслись к циркуляру державы?

1) Народы восторженно.

2) Правительства — недоверчиво. Восторг народов — преждевременный. Ожидают быстрых результатов. Толкуют о разоружении. Будет разочарование и реакция. Надо ее предупредить.

Недоверие правительств понятно, но источники его и причины различны.

1) Неожиданность циркуляра застала врасплох.

2) Не окончены старые счеты, не выполнены задачи (напр., возвращение Эльзаса и Лотарингии).

3) Недоверие к искренности русского царского слова.

Мы в России в лучших условиях, чтобы ограничиться лишь словами. Державы с парламентским режимом находятся в зависимости от общественного мнения. Не дадут кредитов.

Есть отдельные государи, как Вильгельм, которым такое заявление лично неприятно; он жаден к эффектам, популярности. Оставлен за флагом. Надо бросить мечтания подражать в Палестине Христу [1]).

III.

Какие выгоды и невыгоды ожидают различные государства при успехе задач конференции?

Для России.

Мы отстали в техническом отношении. Доклад [?] ноября прошлого года, на котором пометка государя: «Прочел с горечью».

Что будет через 5 лет? Отстанем еще более. Просили по расчетам Ванновского и Обручева прибавки на пятилетие к нормальным бюджетам 560 милл. рублей, дают прибавки лишь 130 милл. Ассигнование чрезвычайных кредитов на флот приостановило развитие нашей готовности на западной границе. Значит, с военной точки зрения приостановка вооружения выгодна для России.

С политической точки зрения вопрос складывается иначе. Не все необходимое для будущего развития и величия России исполнено: 1) не докончены задачи на Дальнем Востоке, 2) не исполнено выполнение особой задачи на Черном море (утверждение на веки веков на Босфоре). Надо обеспечить выполнение сих задач.

---

[1]) Имеется в виду поездка Вильгельма II на Восток, о которой было возвещено в газетах в сентябре — октябре 1898 г.

Франция.

Богата. Выносит военное бремя лучше других. Технически не отстает от Германии. В военном отношении может ждать. В политическом отношении до возвращения Эльзаса-Лотарингии не пойдет на заметную приостановку в вооружениях.

Огорчена специально как союзница, что скрыли от нее готовящийся важный шаг.

Германия.

Выносит относительно легко вооружения. Идет впереди других. Работает на своих заводах на другие государства. Дает толчок заводской промышленности: вооружения, кораблестроение.

Работы на армию и флот обеспечивают существование миллионов рабочих. Кроме того ни одна из держав не поставлена в такую тяжелую необходимость отчаянной самообороны: Франция ждет минуты для реванша.

Россия, с другой стороны, может угрожать самому существованию Германии.

Австрия — союзница недостаточно надежная: может оказаться и на славянской стороне.

Необходимо Германии добывать себе новые рынки и колонии и защищать их. Все обязывает Германию иметь грозные по силе и готовности армию и флот.

Какие Германия преследует планы?

Возможно, закрепить союз с Австрией. Протянуть правый фланг до Малой Азии. Это ей надо для самообороны. Всего более страшит Германию возможность для России образовать из славянских народов Балканского полуострова грозный южный фронт против Австрии.

Австрия. Италия.

Австрия изнывает под тягостью вооружения вместе с Италией. Обе державы хотели бы дружно избавиться от непосильного для них бремени, но их сторожит Германия. Цели Австрии и Италии просты: сохранить то, что имеют.

Англия.

По обширности задач ею преследуемых и по своему островному положению не может отказаться от развития своего флота.

Мелкие государства.

Будут рады и счастливы менее тратить на военное дело, лишь бы им гарантировали существующее для них международное и территориальное положение.

IV.

Что при такой обстановке можно ныне сделать?

1. По вопросу об уменьшении непрерывности вооружений.

Надо сравниться с другими. Поэтому нам придется роковым образом израсходовать 120 миллионов на полевую скорострельную артиллерию. Приходится, таким образом пока искать лишь возможности приостановки дальнейших вооружений и перевооружений.

Тут на первом плане будет готовящееся изобретение автоматической системы ружья. Не надо принимать его.

Второе: можно заняться вопросом об ограничении употребления взрывчатых составов: воздушные шары с динамитом и пр.

Третье: можно включить в программу конференции на будущее определение, хотя на известный срок, числительности армий, состава их, размера бюджетов.

2. По вопросу об отстранении опасности войны: трудно что-либо сделать, пока вышеперечисленные задачи не выполнены.

V.

Когда станет хотя отчасти возможно в будущем ограничение вооружений?

1. Когда распадется Австрия.
2. Когда мы займем Босфор.
3. Когда Франция получит Эльзас и Лотарингию.

Действительно, отдав Германии немецкие провинции Австрии, можно просить возврата Эльзаса и Лотарингии. Но добровольно Германия этого не сделает. Надо ждать удобную минуту, чтобы предъявить ей такое требование. Такая минута настанет при неизбежной в будущем войне Германии с Англией и Америкою за промышленные и колониальные интересы.

Надо ждать. Начало будущего века, быть может, увидит вопросы эти решенными.

Заключение.

Сделан (сообщением 12 августа) шаг исторической важности. Глубокое почитание народов навеки обеспечено самодержцу, взявшему на себя задачу оповестить миру о возможности иного мира, кроме разоряющего нас ныне так называемого вооруженного мира.

28 октября (9 ноября). Вена.[1]) (разговор с австро-венгерским военным министром ген. от кав. Кригхаммером).

Принял самым любезным образом. Указывал на необходимость видеться. Говорил о преимуществах нашего правления. Затруднен в деятельности двойственностью монархии, особыми командирами ландвера и гонведа. Прибавлю, четвертый начальник — главный штаб. Итого четыре лица во главе военного управления, независимы один от другого. Начальник канцелярии императора тоже докладчик по военным делам, особенно по личному составу. Жаловался на распространение социализма в армии. Трудно бороться: приносят в ранцах возмутительные воззвания.

Говорил, что у них от 250 до 300 000 человек ежегодно достигают призывного возраста, а берут всего 130 000, остальные поступают в резерв и очень плохо обучаются. Что они в 30 лет мало сделали для усиления армии, что отстали от нас, что поэтому им нельзя разоружаться. Им нельзя даже уменьшить вооружений. Говорил о разговоре с Муравьевым. Вопрос о ноте 12 августа его очень заботит, говорил по этому вопросу заискивающим тоном. Спрашивал меня: состоится ли конгресс и правда ли, что военные министры будут членами сего конгресса [2]). Уговаривал его помочь делу и помочь сделать первый шаг.

Говорил ему о ружьях автоматических. Согласен приостановить принятие их. Относительно принятия новой пушки высказал мнение, что он надеется обойтись без нового образца, приспособив существующую пушку до 11 выстрелов в две минуты. Ужасается огромному количеству потребных снарядов. Во Франции, по его словам, переходят к 4-х-орудийной батарее, и на каждое орудие будет 8—12 ящиков. Говорили о невыгодности даже после победоносной войны отрывать провинции от побежденной страны. Пример Эльзаса. Я указывал, что присоединение к нам, например Галиции не усилило бы нас (пришлось бы ждать реванша). Что само население оказалось бы после относительной свободы недовольно нашими исправниками. Он говорил, что Балканы надо поделить на сферы влияния линиею от Видина на Салоники на русскую и австрийскую половины. Что у них есть свои большие коммерческие интересы, что им необходим путь (условно оговорился) на Салоники. Говорил, что проливы надо нам открыть. Я поправил его: что Черное море должно быть наше, что Босфор нуж-

---

[1]) Запись в дневнике Куропаткина о его пребывании в Париже целиком совпадает с его докладом от 31 (19) октября, опубликованным в «Красном архиве», т. L—LI, стр. 81.

[2]) Ср. «Brit. Doc.», v. I, № 265.

дается в русской пробке, но что мы можем и подождать еще 60 лет, когда нас будет 250 милл. населения.

Он сказал, что они нуждаются в пропуске из Дуная в Америку и Средиземное море своих судов через Черное море и проливы.

Говорил, что читал мои труды. Помнит нападения на Австрию.

29 октября. (Разговор с начальником австр. ген. штаба фельдцейхмейстером бароном Беком).

Относительно конференции высказывался сдержанно. Говорил, что как же это пойдет с Англиею. Что она может все расстроить. Говорил, что балканское дело — пустяки [в сравнении] с надвигающимися вопросами египетским, африканским, американским, азиатским.

Я ему говорил, что и Кригхаммеру, что Европе надо соединиться вместе, дабы: 1) бороться против социализма и анархизма, 2) повелевать остальным светом.

Петербург, по возвращении из-за границы. 12 ноября.

Вчера вечером сидел у меня граф Муравьев. Вернулся из Ливадии. Государь здоров. Государыня несколько хворала.

Я советовался с гр. Муравьевым, что надо ожидать нам ввиду непрекращающихся вооружений Англии [1]).

Муравьев ответил, что он уверен, что ныне Англия до войны дела не доведет, но что она получила со всех сторон столько щелчков, мы имели так много успехов, что все может оборваться и по какому-нибудь неважному вопросу дело поставит ребром и пойдет на войну [2]).

Я указывал Муравьеву опасность, что против нас будут Англия, Германия, Австрия, Америка, Япония и, быть может, даже Франция, если ей возвратят Эльзас.

---

[1]) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 62.

[2]) Повидимому, Муравьев передал Куропаткину содержание письма росс. посла в Лондоне Сталя от 9 ноября (28 октября), не совсем правильно изложенное в дневнике. Сталь указывал, что «английское общественное мнение, не посвященное, не взирая на все «синие книги», во все затруднения, существующие во взаимоотношениях между державами, не усматривает в последних международных выступлениях Великобритании ничего кроме ряда неудач и унижений». В нем, по словам Сталя, все более распространяется убеждение, что Англия не занимает того положения, которое могли бы ей обеспечить ее мощь и ее внутренние ресурсы. Слишком мягкая политика Сольсбери, по мнению этих кругов, заставляет иностранные державы рассматривать Англию как неспособную на какой-либо воинственный шаг. Сталь предостерегал, что в дальнейших осложнениях с державами политика Англии может оказаться более крутой и менее примирительной, и советовал это учесть в переговорах с нею о Китае.

Муравьев возразил, что он может отвечать, что Франция останется с нами, что она ныне более чем когда-нибудь связана с нами, и что тоже отвечает, что Германия не пойдет на сближение с Францией. Когда объявили циркуляр 12 августа, то в Германии готовился почти ультиматум (по тону), что если на конференции Россия вздумает мирить Германию с Францией, то это будет принято как действие враждебное Германии [1]). Затем, по мнению Муравьева, Япония была бы довольна положением нашим в Корее, если бы не путались наши моряки и не явилось бы анонимное (вел. кн. Александр Михайлович) общество для эксплоатации северной Кореи. Муравьев высказал тоже мнение о том, что ныне англичане знают, что угрозы наши из Туркестана к стороне Индии не страшны.

Затем он рассказал, что наш так наз. Русско-китайский банк правильнее назвать Французско-китайским. Что только недавно Витте скупил большое число французских акций, что со стороны сего банка Муравьев и видит опасность. Англичане хотят ограничить район постройки в Китае железных дорог нами и банком, а банк имеет право и намерение даже перейти к югу от Желтой реки. Из-за ничтожной железнодорожной ветви на Инкоу может загореться война.

Я говорил Муравьеву, что мы не должны довести дело до войны, что мы слабы на всей азиатской границе и пока еще не имеем экономических интересов в Китае.

Муравьев говорил затем под секретом, что Вильгельм с пути из Иерусалима прислал государю в Ливадию депешу следующего содержания. «Между Англиею и Франциею война неминуема, что ты думаешь делать?» [2])

На эту депешу, по совету Муравьева, послан ответ, что таких сведений мы не имеем и что не знаем, что будем делать, пока нас не спросят заинтересованные державы [3]).

Через несколько дней государю пришла от Вильгельма другая депеша [4]), в которой сообщалось, что вооружения Англии направлены против России... Что ответил государь, Муравьев не знает, ибо в день получения этой второй депеши выехал из Ливадии [5]).

---

[1]) Ср. «Gr. Polit.», Bd. XIII, № 3526 и «Brit. Doc.», v. I, № 263.

[2]) Имеется в виду телеграмма Вильгельма от 28(15) октября («Gr. Polit.» Bd. XIV, II, № 3900).

[3]) Николай Романов ответил телеграммой от 3 ноября (22 октября), ibid., № 3905.

[4]) Повидимому, имеется в виду телеграмма Вильгельма от 10 ноября (29 октября), ibid., № 3916, а также №№ 3913 и 3914. См. «Переписку Вильгельма II с Николаем II», изд. Центрархива, 1923 г., стр. 31.

[5]) Николай Романов ответил только 14 (2) декабря письмом, в котором между прочим писал следующее: «Я надеюсь, что дерзкое поведение Англии про-

1 декабря.

Граф Муравьев сообщил мне: положение Англии ухудшается. Опасность разрыва с нами поэтому очень уменьшилась. Вооружения не были особенно грандиозны. Ухудшение происходит вследствие волнений на афганской границе. Посылают 10 тысяч войск (индийских). Искренно желают соглашения с нами.

Франция более чем когда-либо держится соглашения с нами. Он, Муравьев, уже говорил с Делькассе о разграничении сфер владений в Китае с Англией[1]). Делькассе вполне согласился, и Муравьев высказал, что французам выгодно, чтобы мы не ссорились с англичанами, ибо без ссоры мы более надежные союзники. Равно, если только мы ласковы с Германией, французы начинают ухаживать за нами. Наоборот, когда мы с Германиею в натянутых отношениях, французы становятся к нам требовательны.

Гр. Муравьев считает необходимым приостановить переговоры с Англией ввиду своего несогласия с С. Ю. Витте. Он, Муравьев, хочет говорить о зонах, ибо это нам выгодно, так как известные области твердо отдает в наши руки. Витте же боится определять зону нашего влияния, ибо опасается стеснить деятельность Восточно-китайского банка [2]).

Муравьев всюду вставляет слово — поддержание «независимости» Китая. Англичане непрочь вынудить нас к слову «неприкосновенность» Китая. На это слово он согласиться не может, ибо Манчжурия должна быть нашею.

1899 г.

9 января, в Царском Селе.

Государь во время доклада моего долго и горячо говорил о нахальном, резком отношении в Германии к его предложению об ограничении вооружений. Он высказал даже, что раскаивается, что сде-

---

длится недолго. В начале ее военных приготовлений казалось, что она относится к этому очень серьезно, но теперь, когда она увидала, что впечатление, которое она рассчитывала произвести на державы, было не так велико, как она надеялась, я уверен, что ее воинственное настроение скоро упадет. Я не думаю, что имеется много шансов для Англии заключить реальный союз с Соединенными Штатами против Европы вообще и России в частности, так как имеется слишком много противоположных интересов (Канада и разрастающийся вопрос о канале в Никарагуа). Несомненно, что англичане хотели бы натолкнуть американцев на нас в Китае. Это также не пугает меня, так как мы сидим крепко на суше в Порт-Артуре, и, сверх того, границы России соприкасаются с афганской границей. И Англия не должна забывать этого». (См. «Gr. Polit.», Bd. XIII, № 3529.)

[1]) См. ниже стр. 71.

[2]) См. об этом «Красный архив», т. XXV, стр. 122—123.

лал этот шаг. Я всеми силами старался убедить государя в необходимости относиться терпеливо к результатам великого шага, им сделанного. Что первоначально надо довольствоваться малым, но твердо верить в окончательный исторический результат мирных предложений государя.

12 января.

Я докладывал о готовящихся в Германии усилениях армии и параллельно с усилениями германцев с 1881 г. докладывал, что и нами сделано. Указал, что в численном отношении мы сделали даже более, но что германцы более нас сделали в артиллерии и технике. Что надо нам догнать их, что затем вообще в техническом отношении мы отстали далеко. Нет переносных железных дорог, мало железнодорожных батальонов, телеграфных частей, воздухоплавательных парков и т. п.

Я высказал затем мысль, что как ни опасно нам приостанавливать свои вооружения, но мы уже начали это дело, назначив всего 135 милл. на пятилетие сверх предельного бюджета вместо 560 милл., которые военное министерство рассчитало необходимыми. Что мы сильны оборонительно настолько, что на нас никто не нападет и что поэтому, если конференция не придет к благим результатам, то, не нарушая установленного плана на пятилетие, этим самым мы покажем наше миролюбие. Затем я высказал государю мысль, что если сбережения от ассигнований на военное министерство пойдут на великое дело улучшения положения 80 милл. крестьянской, особенно земледельческой, массы, то Россия, в конце концов, только выиграет, ибо корни ее станут крепче. Я высказал затем мысль, что предложение об ограничении вооружений и предложение Витте, изложенное в одобренном государем финансовом отчете Витте, относительно необходимости начать устройство крестьян [1]) во всех отношениях суть два предложения, одно другое дополняющее.

Государь высказал, прощаясь со мною, что он разделяет высказанные мною взгляды.

Всеподд. доклад министра ин. дел М. Н. Муравьева.

Севастополь, 30 (17) октября 1898 г. [2])

Во исполнение высочайшего повеления вашего императорского величества я прибыл в Париж 3 октября и в тот же день имел продол-

[1]) См. «Воспоминания» Витте, т. I, стр. 427 и след.

[2]) На докладе знак рассмотрения, поставленный Николаем Романовым, и помета: «Ливадия, 19 октября 1898 г.».

жительный разговор с французским министром иностранных дел. С первых же слов г. Делькассе объявил мне, что он убежденный сторонник русско-французского соглашения и что французская внешняя политика не только будет итти рука в руку с нашей, но что он поставит себе в обязанность исполнять все желания императорского правительства [1]).

Г. Делькассе улыбаясь сказал мне, что хотя нынешний кабинет и называется радикальным, но что подобная кличка в отношении к внешней политике решительно ничего не значит, что сам он по убеждению «non seulement antiparlementaire, mais même autoritaire» [2]).

За этим вступлением наша беседа коснулась современных политических событий и, как следовало ожидать, прежде всего предложенной нами конференции.

Г. Делькассе торжественно объявил мне, что французское правительство ни одной минуты не усомнилось в благорасположении нашем к Франции, будучи вполне убежденным, что мы не пожелаем чем бы то ни было ограничить ее самостоятельность в вопросе о ее будущности, что общественное мнение, увлеченное газетными статьями, более или менее направленными против нынешнего правительства, не дало себе сразу ясный отчет в великой мысли, лежащей в основе вышеупомянутого предложения, но что теперь вся Франция вполне понимает великодушную и высокую цель, которую преследует Россия, и что представителю Франции на имеющей собраться конференции будет строго предписано во всех отношениях поддерживать взгляды императорского правительства и даже подчиняться всем нашим желаниям.

Выразив моему собеседнику мою признательность за это сообщение, я сказал ему, что я нисколько не сомневался в здравом взгляде и сочувствии французского правительства и народа к великодушному предложению вашего императорского величества.

---

[1]) Кабинет Мелина, в котором министром ин. дел был Ганото, вышел в отставку 14 (2) июня 1898 г. В новом кабинете Бриссона, составленном 28 (16) июня, пост министра иностранных дел занял Делькассе. В депеше от 6 июля (24 июня) за № 23 Урусов, передавая содержание своей первой беседы с Делькассе, писал, между прочим, следующее: «Он напомнил, что он лично всегда был сторонником франко-русского союза, и за несколько лет до незабвенных дружеских манифестаций в Кронштадте и Тулоне он громко провозглашал взаимную пользу и потребность сближения между обеими державами». (Ср. «Brit. Doc.», v. I, № 183.) В Германии назначение Делькассе было встречено с большой тревогой. (См. «Gr. Polit.», Bd. XIII, № 3554 и прим. на стр. 241.)

[2]) «Не только настроен антипарламентски, но даже авторитарно».

Относительно Крита французский министр иностранных дел сказал мне, что, по личному его мнению, наступило время королевичу Георгу по удалении с острова турецких войск неожиданно там появиться в качестве генерал-губернатора [1]).

Я ответил Делькассе, что не могу дать ему насчет этого положительного ответа, не испросивши всемилостивейших указаний вашего императорского величества.

Перейдя к вопросу о предложенном нами назначении французского кардинала в римскую курию, г. Делькассе заявил мне, что намерен представить список из трех лиц на выбор Ватикану и что первым кандидатом на этом списке будет поставлен отец Шарметан [2]). Говоря

---

[1]) Кандидатура принца Георга греческого была выдвинута Россией в январе 1898 г. и была поддержана Францией, Италией и Англией, но встретила возражения со стороны Германии и Австро-Венгрии, которые в марте — апреле 1898 г. отозвали свои силы с Крита и тем самым вышли из концерта держав. В августе — сентябре 1898 г. в Кандии вспыхнуло восстание мусульман против оккупационных английских войск, в результате которого 4 державы предъявили Турции 4 октября (22 сентября) ноту с требованием вывести турецкие войска с острова, беря на себя его военную охрану. В письме от 12 октября (30 сентября) Урусов передал в Петербург свою беседу с Делькассе по критскому вопросу, во время которой последний, между прочим, заявил, что «неожиданное появление принца Георга в Кандии и признание его христианским населением генерал-губернатором разрешило бы все трудности и было бы благодеянием для всего мира», так как Франция и Италия поддержали бы Россию, а другие державы преклонились бы перед совершившимся фактом. В ответном письме Урусову от 20 (8) октября, имеющем помету Николая Романова: «Хорошо», Ламздорф сообщил, что царское правительство считает целесообразным «объявить, как скоро наступит для того благоприятная минута, о прибытии на остров королевича Георга в качестве верховного комиссара с полномочиями от 4 держав». При этом Ламздорф указывал, что назначение королевича верховным комиссаром не требует санкции Турции, тогда как предложение Делькассе о назначении его генерал-губернатором «повлекло бы снова нескончаемые переговоры с Турцией и, в случае отказа султана, поставило бы державы в самое затруднительное положение». 25 (13) ноября 1898 г. Георг был назначен верховным комиссаром Крита.

[2]) Письмом от 3 августа (22 июля) 1898 г. Урусов сообщил в министерство ин. дел, что в связи с отклонением папой кандидатуры оттоманского представителя в курии, Делькассе прилагает все усилия, чтобы добиться назначения французского кардинала, доведя таким образом число французских представителей до восьми. В депеше от 18 (6) августа за № 32 он сообщил со слов Делькассе о полученном от папы обещании назначить французского кардинала. В связи с этим Делькассе просил российское правительство указать желательного ему кандидата, добавив, что из клерикальной парижской среды до него дошел слух, «будто императорское правительство особенно благоволит к о. Шарметану». «В таком случае», — сказал Делькассе Урусову, — «он будет поставлен во главе кандидатов и, без сомнения, получит предпочтение». Со своей стороны Урусов сообщал Муравьеву, что Шарметан «слывет горячим приверженцем русско-французского сближения и мечтает о соединении православной церкви с католической».

о курии, Делькассе показал мне только что полученную телеграмму от папы, в которой выражается надежда, что французское правительство воспротивится выбору Рима как места заседания антианархического конгресса [1]).

Выбор Рима для конференции казался бы папе оскорбительным ввиду пребывания его святейшества в непризнаваемой им столице итальянского королевства.

Я счел возможным тут же заявить г. Делькассе, что мы готовы поддержать французское правительство, если оно согласится на ходатайство курии, и что, по моему мнению, конференции этой всего удобнее было бы собраться в Венеции.

Затем г. Делькассе коснулся жгучего для Франции вопроса — занятия французами Фашоды, на которую Англия, как на часть Судана, заявляет свои претензии.

Ознакомив меня в подробности с переговорами его с английским правительством по сему вопросу, Делькассе выразил убеждение, что спорный вопрос этот в скором будущем решится полюбовно и что, уступив свои права на Фашоду, Франция получит удовлетворение, а именно — свободный доступ к левому берегу Белого Нила.

Основываясь на газетных статьях, я предполагал, что г. Делькассе по этому вопросу будет просить нашей поддержки в переговорах с Англиею, но, повидимому, парижская печать неправильно передала взгляды правительства республики. Г. Делькассе не только не обращался ко мне с подобным ходатайством, но даже объявил мне, что ни в каком случае не намерен ставить вопрос о Фашоде на почву нынешнего общеегипетского положения, а что, скорее, думает придать ему чисто колониальный характер.

За день до моего отъезда из Парижа я вторично имел продолжительный разговор с французским министром иностранных дел, причем я вторично смог убедиться в бесповоротной его решимости согла-

---

Телеграммой от 25 (13) августа Муравьев известил Урусова, что «императорское правительство отнесется с удовлетворением к назначению кардиналом курии прелата, который, как о. Шарметан, имеет широкие взгляды и является открытым сторонником франко-русского союза». Поручая Урусову поставить об этом в известность Делькассе, Муравьев указывал, что это особенно важно в настоящий момент, когда плохое состояние здоровья папы заставляет предвидеть в ближайшее время созыв конклава. О выполнении этой инструкции Урусов известил Муравьева письмом от 1 сентября (20 августа) 1898 г.

[1]) В связи с убийством в Женеве австрийской императрицы Елизаветы итальянским анархистом Луккени 10 сентября (29 августа) 1898 г. итальянское правительство нотой, опубликованной 6 октября (24 сентября), обратилось к державам с предложением созвать международную конференцию по борьбе с анархическим движением.

совать внешнюю политику Франции с нашими взглядами относительно как общего положения дел в Европе, так и на Крайнем Востоке.

Не могу при этом не заметить разницу между бывшими моими переговорами с г. Ганото[1]) и нынешним министром иностранных дел. Тогда как первый не упускал удобного случая, чтобы намекнуть, хотя и весьма деликатно, о тех услугах, которые Россия могла бы оказывать Франции взамен ее дружбы, г. Делькассе ни разу об этом не упомянул и лишь только уверял меня в полной преданности Франции к России и желании ее во всем согласовать внешнюю свою политику с предначертаниями вашего императорского величества.

Президент французской республики, вернувшись 6 октября из Рамбулье, принял меня в тот же день. Выразив глубокую признательность французского правительства вашему императорскому величеству за приезд мой в Париж, он первым же делом коснулся вопроса о нашем циркуляре от 12 августа и почти в тех же выражениях, как и Делькассе, заявил мне о полной готовности французского правительства способствовать успеху великого дела. При этом г. Феликс Фор выразил некоторые сомнения об искренности согласия по сему делу великобританского правительства. Видимо, увлеченный настоящими затруднениями между Францией и Англией, он в пылу откровения [2]) сказал мне, что настоящий враг Франции — не Германия, а Англия. Что, как Англия является в Африке повсюду врагом Франции, таким же врагом является она по отношению к нам на Дальнем Востоке, — «ни России, ни Франции не следует этого забывать, и мы должны руководиться этим сознанием в нашей политике», присовокупил г. Фор.

Как бы для более осязательного доказательства, до какой степени ненависть к Англии укоренилась во французском населении, г. Фор рассказал мне, что внук его, 7-летний мальчик, узнав что он избран не всеми депутатами, сказал своей матери:

«Je comprend, — les députés, qui n'ont pas voulu de grand-père comme Président, sont des anglais» [3]).

Коснувшись только что прекратившихся во Франции стачек[4]) и призванного в Париж войска, президент республики сказал мне:

---

[1]) См. «Красный архив», т. XLII—XLIII, стр. 71.

[2]) Так в подлиннике.

[3]) «Понимаю, депутаты, которые не хотели иметь дедушку президентом, — англичане».

[4]) В сентябре — октябре 1898 г. в Париже вспыхнула стачка землекопов и строительных рабочих, к которой пытались примкнуть железнодорожники и рабочие металлургической промышленности. Бастовавшие требовали повышения заработной платы на 20%. Стачка кончилась частичным удовлетворением требований.

«Dites, je vous prie, à sa majesté l'empereur, que l'ordre a été retabli sans coup férir et que le peuple français est bon et sage avant tout. Nous avons des mécontents, mais ce mécontentement n'est nullement dangereux, la république est ancrée en France et ni les Orléans, ni les Bonapartistes ne peuvent l'ébranler, d'autant plus que ces deux partis se combattent et que les prétendants n'ont aucune importance. En cas d'une guerre victorieuse de la France il serait peut être possible, qu'un général, couvert de gloire, aspire à la dictature, je doute fort cependant qu'une ambition pareille puisse être courronnée de succès. Aussi longtemps, que je suis à l'Elysée, l'empereur peut compter sur le gouvernement français, — que le ministère soit modéré, radical ou même socialiste, la politique extérieure de la France ne changera pas à l'égard de la Russie. Croyez moi, la presse étrangère fait tout son possible pour nous discréditer aux yeux du monde, j'en ai la preuve à chaque instant. Vous connaissez la France et vous savez la valeur de ces calomnies. Je suis très heureux de votre visite et vous prie de présenter dès votre arrivée à Livadia mes hommages respectueux et affectueux à sa majesté l'empereur et à votre gracieuse souveraine» [1]).

На следующий день я обедал у президента, и тут я воочию убедился в правильности его взгляда на обаяние правительства и на малое значение разнородных партийных оттенков относительно представителей власти. Указав мне на одного из приглашенных, а именно на председателя муниципального совета, г. Фор назвал его самым ярым социалистом Парижа и, предложив мне с ним познакомиться, обратился к нему со следующими словами:

---

[1]) «Передайте, пожалуйста, его императорскому величеству, что порядок был восстановлен без кровопролития и что французский народ прежде всего отличается добротою и мудростью. У нас есть недовольные, но это недовольство отнюдь не опасно. Республика пользуется во Франции всеобщим уважением, и ни орлеанисты, ни бонапартисты не смогут поколебать ее, тем более, что эти две партии между собою борются и что претенденты не имеют никакого веса. В случае победоносной для Франции войны, может быть, и оказалось бы возможным, что какой-нибудь генерал, покрытый славой, стал бы претендовать на диктатуру, но однако я сильно сомневаюсь, чтобы подобного рода честолюбие могло увенчаться успехом. До тех пор, пока я нахожусь в Елисейском дворце, император может рассчитывать на французское правительство, — будет ли стоять у власти умеренное, радикальное или даже социалистическое министерство, внешняя политика Франции не изменится по отношению к России. Верьте мне, что иностранная пресса делает все для нее возможное, чтобы дискредитировать нас в глазах всего мира, — я встречаю тому доказательства на каждом шагу. Вы знаете Францию и знаете цену этим клеветам. Я очень счастлив вашему посещению и прошу вас передать, как только вы приедете в Ливадию, его императорскому величеству и вашей августейшей монархине мои почтительные и сердечные приветствия».

«Garenne, venez donc ici de suite, pour que je vous présente au ministre»[1]).

Социалист подобострастно подбежал к президенту и, видимо, был польщен его вниманием.

Впечатление, вывезенное мною из Парижа, вполне удовлетворительное, — я имел случай говорить почти со всеми выдающимися деятелями нынешнего правительства.

Из разговоров моих с военным министром я мог убедиться, насколько ген. Шануан остался доволен обменом мыслей с генерал-лейтенантом Куропаткиным, найдя вполне целесообразным четыре пункта, предложенные нашим военным министром [2]).

Выехав из Парижа, я 10 октября прибыл в Вену и на следующий же день отправился к австро-венгерскому министру иностранных дел. Граф Голуховский немедленно заявил мне, что император Франц-Иосиф примет меня в тот же день.

Разговор мой с графом Голуховским коснулся общих вопросов о наших отношениях к Австро-Венгрии, и меня поразил тот факт, что граф Голуховский не вдался в подробное обсуждение этих отношений. Мне невольно пришла в голову мысль, что мне придется выслушать от самого императора то, о чем не хотел со мною говорить его министр иностранных дел.

Предчувствие это меня не обмануло. Император крайне милостиво меня принял и, продержав полтора часа, говорил со мною по намеченной программе. Перед его величеством на столе лежал лист бумаги с обозначенными вопросами, который имею счастье представить при сем в копии вашему императорскому величеству [3]).

Выслушав благосклонно выражение моего глубокого соболезнования по случаю страшного несчастья[4]), постигшего императора, его величеству угодно было приступить немедленно к обсуждению означенных вопросов.

В ответ на первый — «Maintien du status quo territorial sur la presqu'île de Balkans»[5]) — я немедленно же ответил его императорскому величеству, что императорское правительство, по державной воле

---

[1]) «Гарени, подите-ка сюда, я вас представлю министру».

[2]) См. «Красный архив», т. L—LI, стр. 81.

[3]) При докладе имеется перечень ниже перечисленных в тексте пунктов, озаглавленный: «Résumé des quatres points, au sujet des quels sa majesté impériale et royale apostolique s'est prononcé dans sa conversation avec le comte Mouravieff» («Резюме четырех пунктов, по поводу которых его императорское и королевское апостолическое величество высказался в беседе с графом Муравьевым»).

[4]) См. стр. 70 прим. 1.

[5]) «Сохранение территориального status quo на Балканском полуострове».

вашей, государь, безусловно разделяет этот взгляд и постоянно действовало и действует в этом смысле.

Что касается второго пункта: «L'indépendance des différents états balcaniques par conséquent exclusion de toute ingérence dans leurs affaires de politique extérieure [1]) я счел долгом уверить императора Франца-Иосифа, что взгляды императорского правительства и в этом вопросе совпадают со взглядами венского кабинета.

Третий пункт:

Respect absolu et inviolabilité des droits acquis en vertu de traité de Berlin par l'Autriche-Hongrie en Bosnie et en Herzegovine, [2]) question, qui n'est ni peut rentrer dans le domaine de la discussion. Le ton et l'attitude de journaux russes se trouvant en contradiction directe avec ce principe il serait désirable au suprême degré tant dans l'intérêt du developpement pacifique des affaires en Orient que dans l'intérêt de l'entente amicale si heureusement établie entre l'Autriche-Hongrie et la Russie d'aviser à des moyens efficaces pour amener la presse russe à un langage plus correct et plus modéré» [3]).

Я счел необходимым более обстоятельно и особенно сдержанно ответить на это императору австрийскому. Я сказал, что взгляды России на положение Боснии и Герцеговины обусловлены Берлинским трактатом, но что я однако не могу со своей стороны не обратить внимание его величества на положение, в которое поставило Сербию незаконное возвращение в ее пределы бывшего короля Милана. Не говоря о том, что уже Милан открыто изменил своему честному слову [4]), я позволил себе заметить, что присутствие его в Сербии может довести страну до полного разорения. На это император довольно раздраженно ответил мне, что нынешнее правительство Сербии — единственное, с которым

---

[1]) «Независимость отдельных балканских государств и вследствие этого исключение всякого вмешательства в дела их внутренней политики».

[2]) Имеется в виду следующий пункт ст. 25 Берлинского трактата от 13 (1) июля 1878 г.: «Провинции Боснии и Герцеговины будут заняты и управляемы Австро-Венгрией».

[3]) «Полное уважение и ненарушимость прав, приобретенных Австро-Венгрией в силу Берлинского трактата в Боснии и Герцеговине, — вопрос, который не является и не может стать предметом для обсуждения. В виду того, что тон и позиция русских газет находятся в полном противоречии с этим принципом, было бы в высшей степени желательно как в интересах мирного развития событий на Востоке, так и в интересах дружеского согласия, столь счастливо установившегося между Австро-Венгрией и Россией, изыскать действительные меры, чтобы привести русскую прессу к более корректному и более умеренному способу выражения».

[4]) В 1889 г. Милан сербский отрекся от престола и, покидая Сербию, дал регенту и правительству обещание не возвращаться в королевство.

может иметь дело Австрия, и что представитель наш в Белграде Жадовский своим явным противодействием нынешнему положению дел нарушает принятый нами принцип о невмешательстве во внутренние дела государств Балканского полуострова [1]).

На это обвинение императора я счел необходимым ответить, что принятое г-ном Жадовским направление было вынуждено явным желанием Милана объяснить приезд нашего представителя в Белград в смысле примирения нашего с его незаконною деятельностью, объяснение, кое мы ни в каком случае допустить не можем.

К сожалению, — добавил я, хотя нам вполне известно, что австро-венгерское правительство не способствовало возвращению Милана, но, Милан, хвастаясь постоянно поддержкою Австро-Венгрии, убеждает своих приверженцев в справедливости этого вымысла и тем может еще некоторое время удержаться в Сербии. Развивая этот взгляд, я сказал императору, что пребывание Милана в Сербии может именно повести к тем осложнениям, которых Австро-Венгрия и мы так искренно желаем избежать.

В подтверждение моего мнения я передал его величеству слова, сказанные мне за обедом президентом французской республики: «Croyez moi, mon cher comte, le point le plus noir aux Balkans est la présence de Milan en Serbie, il n'y reste que pour se faire payer ses dettes — payons les à nous deux et qu'il s'en aille. «Oui, — dis-je au président, — mais cela serait toujours à recommencer, les dettes une fois payées, il en ferait de nouvelles et nous l'aurions de nouveau en Serbie» — «Eh bien, payons les toujours, — dit le président, — cela coutera toujours moins qu'une incendie sur la presqu'île des Balkans et lui à

---

[1]) Жадовский был назначен посланником в Белград в январе 1898 г., но отъезд его в Сербию был задержан до июня того же года. Деятельность Жадовского вызывала большое неудовольствие как в Вене, так и в Белграде. Ему, между прочим, приписывали заявление на официальном обеде при сербском дворе, что основная опасность для Сербии попрежнему угрожает со стороны Австро-Венгрии и что в момент общего переустройства на Балканах сербские притязания смогут быть удовлетворены только с помощью России, причем последние должны быть направлены в сторону Адриатики (письмо посла в Вене Капниста от 7 июля (25 июня). Телеграммой от 19 (7) июля Жадовский отрицал возводимые на него в этом смысле обвинения. Тем не менее в конце сентября 1898 г. король сербский Александр приехал в Вену и вызвал к себе Капниста для специальных переговоров о Жадовском. По словам короля, последний с самого своего приезда «дал себе слово оскорблять и задевать его где только можно». В связи с этим он просил передать Ламздорфу, что он не будет иметь никаких личных отношений с Жадовским, и настаивал на его отозвании (депеша Капниста от 13 (1) октября 1898 г.). В феврале 1899 г. Жадовский был уволен в отпуск, а в ноябре того же года был отозван из Белграда.

Belgrade, nous sommes constamment à la veille d'une semblable catastrophe»[1]).

Слова мои, видимо, произвели впечатление на императора, и он спокойно выслушал мои объяснения насчет нашей печати, в которых я старался доказать его величеству, что, отвечая на нападки заграничных газет, она нисколько не влияет на правительственные взгляды и не может служить отголоском русского общественного мнения; при этом я присовокупил, что вашему императорскому величеству благоугодно было повелеть мне еще летом обсудить с д. т. с. Горемыкиным [2]) вопрос о статьях наших газет, касающихся международных отношений, и что я лично, ознакомившись с управлением печати за границею, нашел, что австрийское Пресс-бюро учреждено на самых практических основах [3]).

Четвертый вопрос:

«Nécessité d'empecher et de reprimer d'un commun accord toute agitation dirigée contre les principes ci-dessus enoncés. Instructions à donner dans ce sens aux représentants de deux pays. Représentations sérieuses à adresser au gouvernement Monténegrin, lequel semble se prévaloir du récent don de 30 000 fusils[4]) et du langage des journaux russes pour nourrir une agitation systématique non seulement contre l'état de choses en Bosnie et Herzegovine, mais aussi contre la Serbie, agitation tendant en dernière analyse à l'union du royaume et de la Principauté

---

[1]) «Поверьте мне, дорогой граф, самым черным пятном на Балканах является пребывание Милана в Сербии; он там остается только для того, чтобы за него заплатили его долги,—заплатим их вдвоем и пусть он уходит». «Да,—сказал я президенту, — но тогда нам придется каждый раз начинать сначала: если его долги будут оплачены, он наделает новые, и мы будем его иметь снова в Сербии». «Ну, что же, оплатим их все-таки,— сказал президент,— это все же будет дешевле, чем пожар на Балканском полуострове, а пока он в Белграде, нам постоянно грозит подобная катастрофа».

[2]) Министр внутренних дел.

[3]) В депеше от 24 (12) февраля 1898 г. за № 5 Капнист, между прочим, сообщал о существовании в Вене особого бюро, «обязанность которого состоит в том, чтобы давать правительственный камертон по отношению к внешней политике. Каждый газетный редактор или издатель имеет доступ в это бюро и может в нем узнать руководящую ноту».

[4]) В Архиве Внешней Политики в деле П. А. № 3335 имеется письмо Куропаткина Муравьеву от 6 апреля (25 марта) 1898 г., в котором он сообщал о «высочайшем соизволении» на отпуск Черногории, согласно просьбе кн. Николая, 30 000 винтовок с патронами к ним и просил выяснить, на кого будет возложен прием вооружения. Приезжавший по этому поводу в Петербург адъютант князя Джуркович в апреле 1898 г. ходатайствовал «о новом отпуске оружия и военных принадлежностей». Однако 15 (3) июля Куропаткин известил Муравьева, что Николай Романов отклонил это ходатайство.

sous une même courronne, eventualité que nous ne saurions admettre en aucun cas» [1]).

Вопрос этот с неменьшею горячностью был возбужден императором Францем-Иосифом; отношения Австрии к Черногории, пожалуй, даже всего больше беспокоят императора в настоящее время. Недавно в одной черногорской газете прямо проповедывалось восстание Боснии и Герцеговины и воцарение в них второго сына князя черногорского.

Что касается подарка ружей князю черногорскому, я заявил его величеству, что подарок этот не имел никакого значения, чему лучшим доказательством служит то, что наше министерство иностранных дел узнало о нем лишь через шесть недель по отправлении ружей в Черногорию. Я, со своей стороны, доложил его величеству, что пребывание в Цетинье австрийского представителя, прямо враждебного князю черногорскому, не может благоприятно влиять на отношения княжества к австро-венгерской монархии; император ответил, что представитель этот будет отозван [2]). О постоянных будто бы происках князя черногорского относительно Сербии, упомянутых в четвертом же пункте, император не говорил.

До конца аудиенции император затронул вопрос о предлагаемой нами конференции и сказал, что он вполне ей сочувствует и что представителю Австрии будут даны указания в этом смысле.

При прощаньи император выразил свою признательность за приезд мой в Вену на основании высочайшего повеления вашего императорского величества и поручил мне передать вам и государыне императрице свое дружеское приветствие и почтение.

Впечатление, вынесенное мною из беседы с императором австрийским, следующее: дабы придать больше силы доводам австрийской дипломатии, граф Голуховский убедил своего монарха лично объясниться со мною по этим щекотливым вопросам, оставаясь сам в тени и полагая, что мне труднее будет отвечать императору, чем равному

---

[1]) «Необходимость воспрепятствовать и подавлять сообща всякую агитацию, направленную против вышеизложенных принципов. Инструкции должны быть даны в этом смысле представителям обоих государств. Серьезные представления следует сделать черногорскому правительству, которое, повидимому пользуется недавно подаренными ему 30 000 ружей, а также тоном русских газет для того, чтобы не только поддерживать систематическую агитацию против существующего порядка вещей в Боснии и Герцеговине, но и против Сербии,—агитацию, которая, в конечном счете, преследует цель объединить Сербию с княжеством под одной короной, — исход, которого мы не могли бы допустить ни в каком случае».

[2]) Австрийский представитель в Черногории Кучинский был отозван в апреле 1899 г.

мне министру иностранных дел. Не смею судить, насколько был прав в своих соображениях граф Голуховский; во всяком случае мне бы не пришлось услышать от него то откровенное заявление императора австрийского, что нынешнее правительство Сербии — единственное, с которым может иметь дело Австро-Венгерская империя. Это заявление дает нам полное право думать, что появление Милана в Сербии было далеко не неприятно Австрии. В день моего отъезда из Вены я снова виделся с графом Голуховским, который вскользь и в более сдержанных выражениях затронул четыре вопроса, о которых со мной говорил император Франц-Иосиф.

Убедившись во время дальнейшего моего разговора с ним, что идея о выборе Рима для заседания антианархической конференции исходила из Вены, я, согласно моему разговору с Делькассе, обратил внимание графа Голуховского на нежелательность этого выбора. Я предложил Венецию, но австрийский министр иностранных дел заявил, что в Венеции уже собирались второстепенные конференции — как-то: санитарные и другие — и что ему казалось бы полезным придать антианархической конференции более важное значение, чем те, которые собирались до сего времени в Венеции, и он предложил поэтому избрать Флоренцию местом съезда конференции. С этим заключением графа Голуховского я согласился и в этом смысле телеграфировал Ламздорфу [1]).

Нынешнее положение Австро-Венгрии представляется мне в кратких чертах следующим образом:

Австрия боится всех и каждого, сбыточного и несбыточного, она боится происков Черногории в Боснии и Герцеговине, боится происков Италии в Албании, боится происков той же Черногории в Сербии, а также взрыва национальных чувств в занимаемых ею провинциях, — взрыва, будто бы проповедуемого нашей печатью. У страха глаза велики, но страх этот тем более чувствуется в Австрии, что, по убеждению императора Франца-Иосифа, пришлось бы в каждом из этих отдельных случаев прибегнуть к вооруженной силе. Успеху же Австрии над

[1]) Телеграммой от 3 ноября (22 октября) Ламздорф известил Урусова, что Муравьев, считая необходимым поддержать австрийское предложение о выборе Флоренции местом работы антианархической конференции, поставил об этом в известность посла в Риме Нелидова. В ответ на это Нелидов сообщил следующее: «Венский кабинет, который, повидимому, сам предложил Рим, высказался в пользу Флоренции в довольно неопределенной форме. Ген. Пеллу (председатель итальянского совета мин.) ответил категорически, что выбор Рима решен окончательно и что конференция во Флоренции невозможна вследствие имевших там место анархических беспорядков, осадного положения и очень суровых репрессий. Французский посол не сделал никаких представлений против выбора Рима». Конференция состоялась в Риме 24 (12) ноября 1898 г.

нами никто не верит. При этом военные сферы Австрии, несмотря на истощенность государственной казны, желали бы усилить готовность к бою своей армии.

Как ваше императорское величество изволите усмотреть из прилагаемого у сего на благовоззрение ваше подлинного донесения нашего военного агента в Вене полк. Воронина [1]), австрийский генеральный штаб и главный его начальник генерал фон-Бек до сих пор недоброжелательно относились к предложенной нами конференции. Мое пребывание в Вене и разговоры с генералом фон-Беком, по словам полк. Воронина, переменили этот взгляд, и Австрия явится на конференцию безо всяких предубеждений.

Я также имел свидание в Вене с германским послом графом Эйленбургом, близким лицом императору Вильгельму [2]). После продолжительной беседы и данных мной объяснений насчет предложенной нами конференции граф Эйленбург заявил, что император с полнейшим сочувствием относится к нашему предложению — «тем более (как он выразился), что мой августейший повелитель желал бы сам положить предел постепенному разорению, причиняемому постоянной гонкой за новыми изобретениями и усовершенствованиями в области военной техники».

Граф Муравьев.

---

[1]) К докладу приложено письмо военного агента в Австро-Венгрии Воронина от 24 (12) октября за № 82. См. о нем «Красный архив», т. L—LI, стр. 69, прим. 1.

[2]) О беседе Муравьева с германским послом в Вене Эйленбургом см. «Gr. Polit.», Bd. XIV, II, №№ 3896, 3897.

К истории Московского Военно-революционного комитета.

(14 (1)—23 (10) ноября 1917 г.).

Публикуемый ниже документ представляет собой журнал исходящих бумаг Московского Военно-революционного комитета. Несмотря на свою неполноту (журнал содержит записи за 10 дней, между тем как Военно-революционный комитет существовал и действовал в течение двадцати дней) и ряд дефектов, на которых мы ниже остановимся, он несомненно является одним из важнейших документальных источников по истории Октябрьской революции в Москве. Ценность его тем значительнее, что большая часть документов, отложившихся в деятельности Московского Военно-революционного комитета, не сохранилась до наших дней. Ценность публикуемого журнала далеко выходит за рамки значения «журнала исходящих бумаг» обычного типа. По существу, это — дневник, дающий хронологическую канву многих событий, о которых не сохранилось никаких иных данных, кроме регистрации их в этом журнале.

Прежде чем перейти к характеристике недочетов публикуемого документа, как исторического источника, приведем несколько справок, относящихся к возникновению его и имеющих прямое отношение к происхождению этих недочетов.

В первые дни существования Московского Военно-революционного комитета (25—29 октября) делопроизводство организовано не было; не было машинисток, не хватало бумаги. Секретари Военно-революционного комитета вели протокольные записи заседаний; документы составлялись всеми участниками; регистрации документов не было. К организации делопроизводства было приступлено 27 октября, но предъявление ультиматума командующим войсками Московского военного округа полковником К. И. Рябцевым, входившим в состав Комитета общественной безопасности, и последовавший вслед за ним уход из здания совета «всего, что не необходимо» (по выражению В. П. Ногина; см. протокол заседания Московского Военно-революционного комитета 28 октября, «Красный архив», т. XXIII), привели к тому, что только после заключения перемирия, вечером 29 или утром 30 октября, было приступлено к организации делопроизводства, под руководством А. П. Розенгольца (см. секретарские записи заседаний Московского Военно-революционного комитета, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, д. 86г). За предшествовавшие дни документы составлялись сплошь и рядом в одном экземпляре

без копий (отпусков); копии, если они и были, зачастую снимались на бланках и снабжались и печатью и подписями, ничем не отличаясь от подлинных документов; документы сплошь и рядом выдавались без датировки, с «летучей» нумерацией или совсем без номера.

Кадра опытных делопроизводителей не было; выполнявшие их работу на практике октябрьских дней только учились тому, как надо вести делопроизводство.

Разграничения между делопроизводством Военно-революционного комитета и делопроизводством его штаба не было. Штаб, в оперативно-боевой горячке, свои документы в значительной части не проводил через делопроизводство Военно-революционного комитета, а вместе с тем, не имея собственной регистрации, выставлял «летучие» номера. Найти тогда полевые книжки, применение которых могло бы заменить регистрацию, не удалось, несмотря на поиски по магазинам.

Чистые бланки Военно-революционного комитета, снабженные печатями, были на руках и у членов Военно-революционного комитета и его штаба, и у отдельных их работников, что увеличивало количество документов, выдаваемых без сохранения копий, а тем самым делало возможной их регистрацию только в случае предъявления подлинного документа впоследствии.

Из этих предпосылок вытекают следующие недочеты, которые необходимо учитывать при пользовании публикуемым документом, как историческим источником.

1) В журнале не нашли отражения документы, выданные Военно-революционным комитетом в первые дни его работы, именно — за период с 25 по 31 октября старого стиля включительно, за исключением нескольких, как например, — удостоверение тов. Бабушкину (М. П. Томскому) на проезд в Петроград (запись № 489), заведомо внесенное в журнал после возвращения М. П. Томского в Москву. В этом причина, почему вполне сознательно журнал был начат не с первого, а с сотого номера; предполагалось, что число важнейших документов не превысит сотни и что их можно будет восстановить по выданным подлинникам.

2) В журнал включены документы, начиная с 1 ноября, хотя к составлению журнала было приступлено лишь 2 ноября, после получения подписанного В. В. Рудневым письма о капитуляции Комитета общественной безопасности; с уверенностью можно сказать, что ряд документов, выданных в охватываемый журналом период, отражения в нем не нашел. Во-первых, это произошло с рядом документов штаба Военно-революционного комитета, выпущенных с летучими номерами, чем объясняется двойственность нумерации. Во-вторых, число выданных чистых бланков с печатями, по указаниям самого журнала, достигает 202, не считая бланков, выданных раньше без всякой регистрации. В это количество (202) не входят 85 бланков междупартийной организации, наблюдавшей за выполнением договора о сдаче юнкеров, тоже снабженных печатью Московского Военно-революционного комитета. Вот те причины, по которым количество не записанных в журнал документов не поддается учету.

3) Ведение журнала задним числом, с занесением в него хотя бы только части не проходивших через делопроизводство Военно-революционного комитета документов (выдача чистых бланков с печатями), во-первых, вводит в записи элемент хронологиче-

ской неточности, с чем необходимо считаться. Так, например, приказ об устранении от должности начальника резервов подпоручика В. Г. Вяземского занесен под № 342, между тем как из дальнейших записей вытекает, будто бы Вяземский выполнял свои обязанности и после устранения. Объясняется это тем, что приказ об устранении был зарегистрирован вне очереди, как подлежавший немедленному выполнению, а накопившиеся до этого момента документы были занесены в журнал позже. Во-вторых, такое ведение журнала должен иметь в виду исследователь по отношению к распискам, имеющимся почти против каждой записи. Пока не были подготовлены все записи, лица, получившие документ на руки, не могли расписываться в журнале при его получении, расписки же на копиях (отпусках) ни одной не находим: следовательно, получатели документов расписывались значительно позже. Мы находим здесь расписки лиц, отдавших распоряжение о составлении данного документа, и исполнителей таких распоряжений, и получивших распоряжение доставить данный документ адресату, и, наконец, самих адресатов — исполнителей излагаемых в документах заданий.

4) Содержимое документов не записано в 11 случаях, причем только в одном из них (№ 196) против номера указано, что копия документа находится у секретаря штаба, в другом имеется расписка Г. А. Усиевича (№ 662). Возможно, что аналогичные пометы должны были быть сделаны и против других «бланковых» номеров. Кроме этих 11 случаев пропущены №№ 381—389 и №№ 591—599. Не исключена также возможность, что ведущие запись оставляли и «резервные» номера для занесения документов, прошедших, минуя делопроизводство Военно-революционного комитета.

5) Значительная часть записей не заключает в себе указаний адресата, что весьма затрудняет как розыск таких документов в архивных фондах, так и правильное отнесение разысканных документов к той или другой записи. Имеющиеся в журнале пометы-расписки только в некоторой степени (см. п. 3) облегчают эту задачу; так, например, подпись: «К. Розенталь» — может служить указанием на то, что в документе речь идет о требовании на оружие и боевые припасы или об их доставке, поскольку К. Розенталь ведал складом оружия при Военно-революционном комитете и выдачей вооружения.

6) На самом тексте журнальных записей находим календарные штампы на следующих записях: на записи № 278—2 ноября; № 531—3 ноября; № 558—4 ноября; № 695—5 ноября и № 817—6 ноября. Перед записью № 815 находим заголовок чернилами: «6 ноября». Очевидно, календарные штампы наложены по уже заполненному тексту не в момент производства записи, а лишь впоследствии. Кроме того, находим точную датировку, сделанную получателями документов №№ 578, 669 и 885—4 ноября, в тексте записи о выдаче чистых бланков М.Ф. Владимирскому и И. Нахгальцеву (№№ 911 и 912)—7 ноября и №№ 1010 и 1011— сделанную получателями —8 ноября.

7) Последняя запись журнала —№ 1027 — относится, очевидно, к 10 или 11 ноября, так как соответствует одному из постановлений Московского Военно-революционного комитета, вынесенных 10 ноября (см. секретарскую запись заседания 10 ноября, ЦАОР, ф. 94, оп. 1, д. 66); 10 ноября — день похорон жертв революции, следовательно, в этот день заседание состоялось вечером. Однако другие постановления

от того же числа отражения в журнале не нашли, хотя безусловно нуждались в документальном оформлении. На основании сличения других записей с архивными документами можно сказать, что в журнале с достаточной полнотой отображены документы по 7 ноября включительно.

Перечисленные недочеты затрудняли опубликование журнала исходящих бумаг Московского Военно-революционного комитета. Расшифровка этих записей стала возможной лишь в связи с подготовкой публикации систематизированного сборника документов Московского Военно-революционного комитета автором этих строк, так как только изучение этих документов сделало возможным комментирование отдельных записей журнала.

Особую трудность представила расшифровка подписей против каждой из записей; нерасшифрованными осталось лишь несколько фамилий.

При комментировании целевой установкой было указать документ, к которому данная запись относится, уточнить запись документов, содержание которых изложено неполно или неясно.

Ссылки на подлинные документы сделаны с указанием, где данный документ хранится. Все документы, на которые делаются ссылки, будут опубликованы в упомянутом выше сборнике, который выйдет из печати в ближайшем времени.

Э. Рожен.

Журнал исходящих бумаг Московского Военно-революционного комитета.

Исходящие бумаги.

100. Приказ оказывания тов. Леви содействия *). *Не выдано.*

101. Приказ тов. Леви реквизировать товар в гостинице, магазин Немчинова. *Передано.*

102. **). Временному революционному комитету «Десятки» о кооптации 2 членов в Военный революционный комитет. *Выполнено. А. Н.*

103. Приказ об отпуске школе авиации провианта. *Г. Типаев* [?]. *Возвращен и уничтожен.*

104. Удостоверение о переходе типографии «Новь» в распоряжение газеты «Социал-демократ». *Подбельский.*

105. Удостоверение на право ношения оружия. *В. Полонский.*

106. Приказ о доставке винтовок с Казанской [железной] дороги. *К. Розенталь.*

107. Тов. Шлихтеру о доставке продовольствия. *В. Смирнов.*

108. В городские бойни. Предписание отпустить 125 пуд. масла. *Г. Конст*[*антинов*].

---

*) В подлиннике слова: «Приказ... содействия» зачеркнуты.

**) Зачеркнуто: «Об утверждении тов.» «Ответ».

109. Удостоверение тов. Таубе в том, что она работает в отряде Красного креста. *Таубе.*

110. Удостоверение тов. Станкус в том, что она работает в отряде Красного креста. *Станкус.*

111. Удостоверение тов. Егоровой в том, что она работает в отряде Красного креста. *Егорова.*

112. Удостоверение тов. Корякину в том, что он работает в отряде Красного креста. *За неграмотного расписалась Егорова.*

113. Удостоверение тов. Томскому на право ношения оружия. *М. Томский.*

114. Приказ в Лефортово [прислать] пулеметы и оружие. *Кудрин.*

115. Приказ о выдаче удостоверения о приеме матросов. Игнатову *). *Е. Игнатов.*

116. Приказ Козину о реквизиции автомобилей. *Коз*[*ин*].

117. Отношение [в] заводской комитет завода АМО. *Козин.*

118. Приказ о выдаче всей полученной газеты на имя Московского комитета, также «Социал-демократ».

119. Назначен Соколов комиссаром. *И. Ант*[..?].

120. Приказ Военному революционному комитету о высылке войска. *Бричкина.*

121. Приказ об отчислении от должности Дебюсси, командира 55 пехотного запасного полка **). *И. Ант*[..?].

122. Приказ о выдаче револьверов.

123. Приказ Военно-революционному комитету Мыза-Раева. *В. Янович.*

124. Приказ Военно-революционному комитету железнодорожного узла. *К. Розенталь.*

125. 11 пропусков шведским подданным. *С*[*енин* или *Самсонов*].

126. Приказ Железнодорожному району. *Манцев.*

127. Приказ Сокольническому району направить людей в район ***) (кроме 30-ти человек). *Манцев.*

128. Приказ Кузьмину отвезти пулемет в Замоскворецкий районный совет рабочих депутатов. *Грачев.*

129. Приказ командировать шофера тов. Рутковского для приема и сдачи автомобилей. *Наседкин* ****).

130. Удостоверение на проезд по городу тов. Рутковскому.

---

*) Слово: «Игнатову»—в подлиннике написано карандашом вслед за распиской последнего.

**) Слова: «Дебюсси... полка» — вписаны карандашом перед словом: «должности».

***) Далее зачеркнуто: «людей».

****) Подпись Наседкина сделана слева №№ 129 и 130, поперек записи.

131. Приказ Военно-революционному комитету Авиационной школы произвести разведку в районе Кремля. *Колат* [?].

132. Приказ-поручение тов. Крейнесу озаботиться о помещении в одном из театров *) для жильцов [гостиницы] «Националь». *И. В. Крейнес.*

133. Пропуск на право проезда автомобиля.

134. Пропуск на право проезда автомобиля.

135. Пропуск на право проезда автомобиля **). *И. Матвеев.*

136. Заявление-запрос Военно-революционного штаба о числе убитых, раненых и арестованных и об обращении с задержанными товарищами, и требование прекращения жестокого обращения, снимая с себя ответственность. *Аскаров* [?].

137. Приказ-разрешение тов. Максимову на провоз 70 кулей овса от Саратовского вокзала до Рублевской насосной станции. *Луданов.*

138. ***) Удостоверение о праве проезда на автомобиле тов. Ротникову.

139. Удостоверение на право проезда на автомобиле тов. Кудрявцеву.

140. Удостоверение [на] право проезда на автомобиле тов. Серебрякову.

141. Удостоверение о праве проезда на автомобилях тов. Басинскому.

142. Удостоверение о праве проезда по городу на автомобиле тов. Голов[ч]енко. *Е. Головченко.*

143. Всем районам явиться на заседание в помещение Революционного штаба (двенадцать экземпляров). Подписи: Рогожский, Хамовнический — *Смирнов.* Замоскворецкий, Сокольнический — *Б*[..?] Басманный, Железнодорожный, Городской — *Полонский.* Выдано 18 пропусков. *Белимова.*

144. Приказ комиссару Басманного Военно-революционного комитета вскрыть и обследовать склад при Алексеевском военном училище.

145. Удостоверение-разрешение тов. Лапину на ношение оружия. *Лапин.*

146 ****). Выдано удостоверение тов. В. В. Сахарову на право реквизиции продуктов (три экземпляра на фамилии: Илюхина, Петрякову *****) и Нюшевскому). *В. Сахаров.*

---

*) Слова: «в одном из театров» — написаны над зачеркнутым: «помещения».

**) Далее зачеркнуто: «136. Приказ — поручение тов. Нахгальцеву встретить приехавших матросов». См. запись № 115.

***) Против №№ 138—142 одна общая помета: «Копий не было».

****) Слева против записи № 146 пометы: «Без копий».

*****) В подлиннике: «Петрокову».

147. Приказ о назначении тов. Морозова комиссаром в булочных *) Филиппова и Титова. *Б. Закс.*

148. Приказ-предписание тов. Есину, адъютанту штаба, контролировать солдат, отправляющихся на военные действия. *В. Есин.*

149. Удостоверение-предложение тов. Серебрякову производить обыск в д. № 7[по] Долгор[уковской ул.], где замечается сигнализация и производятся выстрелы. *Серебряков.*

150. Приказ-предписание тов. Кошману реквизировать 5 пишущих машин в квартире комиссара. *Есин.*

151. Приказ по войскам, действующим на Скобелевской площади, поставить на крышах прожектора. *В. Адрианов.*

152. Приказ первой запасной артиллерийской бригаде выслать немедленно гранат, патронов. *Самсонов.*

153. Удостоверение, что поручику Крылову поручается получить бомбы из 85 [запасного пехотного] полка. *Поручик Крылов.*

154. 155. Удостоверение Протопопову и Шерлин лично переговорить с ранеными и передать провизию в госпиталь. *За Протопопова Шерлин. Получила Шерлин.*

156. Приказ о назначении комиссаром телефонной станции тов. Пупко. *А. Тем[кина].*

157. Удостоверение о назначении членом следственной комиссии по делам военнопленных Никитина **). *А. Никитин.*

158. Приказ: тов. Демидову поручается охрана Алексеевского военного училища, и все приказания его должны беспрекословно исполняться. *Григорьев.*

159. Поручается тов. Нахгальц[ев]у ***) осмотреть Бутырскую тюрьму и распределить там арестованных и установить контроль. *И. Нахгальцев.*

160. Приказ о реквизиции бензина. *Б. Закс.*

161. Приказ комиссару Центральной каторжной тюрьмы об освобождении трех заключенных в данной тюрьме. *Матвей Гоберман.*

162. Военно-революционный комитет просит принять меры для вступления в исполнение своих обязанностей служащих Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги и обеспечения им свободного пропуска на место службы. *Е. Игнатов.*

163. Приказ об отпуске ежедневно обеда, ужина, чая, сахара и прочих продуктов на 23 чел. конной милиции старшему по команде [унтер] офицеру Степанову. *Голенко.*

---

*) В подлиннике: «булочной».

**) В подлиннике слово: «Никитина»—следует после слова: «комиссии».

***) В подлиннике: «Нахгольцу».

164. Удостоверение тов. Плеханову в том, что он назначается начальником караула по внешней и внутренней охране.

165. Приказ тов. Плеханову немедленно вступить в должность караульного начальника дома бывшего генерал-губернатора [дома Совета]. *Н. Плеханов* *).

166. 167. 168. Удостоверения на осмотр телефонной станции тов. Лоренцу, Кормокулову и Коржавину. *Н. Муралов.*

169. Заявление **) о выдаче оружия и патрон только за подписью Будзынского. *С. Будзынский.*

170. Приказ об отпуске 50 ящиков трехдюймовых гранат в распоряжение комитета. *Самсонов.*

171. Удостоверение, данное тов. Семенову, о том, что он есть начальник пожарной команды при штабе. *И. Семенов.*

172. Удостоверение, данное тов. Сальникову, о назначении его заведующим приемкой и группировкой донесений. *Кошман.*

173. Приказ Тверской части выдать немедленно одну колонку и 4 рукава, ствол, 4 п[овозки?], 1 лошадь. *Самсонов.*

174. Приказ: разрешается пропустить двинцев с пулеметом и продуктами на Тверскую улицу в дом Комиссарова. *С. Будзынский.*

175. Приказ принять в Бутырскую тюрьму пленных, взятых на телефонной станции 1/XI. *Г. Усиевич.*

175. Удостоверение в том, что К. С. Спиридонов, командированный на завод Шустова, как специалист-химик, заслуживает полного доверия. *Матвей Гоберман.*

176. Приказ отпустить с тов. Мирошниковым грузовой автомобиль, 3 мотоциклета одиночных, 2 с коляской и 2 для пулеметчиков. *С. Мирошников.*

177. Срочно, Симоновскому районному совету рабочих депутатов приказ немедленно отпустить патроны тов. Лысенко. *К. Розенталь.*

178. Удостоверение, что тов. Бутягин есть комиссар штаба. *Бутягин.*

179-а. Удостоверение в том, что Сава-Степняк делегируется в помещение Викжеля на собрание.

179-б. Военно-революционный комитет удостоверяет, что шоферу Рудковскому поручено принять броневик, идущий со станции. *Сава-Степняк* ***).

180. Приказ начальнику гарнизона Лефортовского района тов. Демидову разместить арестованных в Алексеевском военном училище в военной тюрьме.

*) Подпись Н. П. Плеханова относится к двум записям: №№ 164 и 165.

**) Так в подлиннике. Следует: «Приказание».

***) Подпись С. А. Сава-Степняка относится к записям №№179а и 179б.

181. Удостоверение в том, что тов. Демидов назначается штабом комиссаром Лефортовского района.

182. Приказ Военно-революционному комитету железнодорожного узла отпустить 300 винтовок тов. Рагозинскому. *К. Розенталь.*

183. Приказ: Военно-революционный комитет предлагает начальнику отряда Мыза-Раевского гарнизона всеми мерами остановить враждебный отряд юнкеров, движущихся по Николаевской железной дороге, вплоть до взрыва пути. *Миш*[...?].

184. Приказ Мыза-Раевскому Революционному комитету прислать немедленно 500 красногвардейцев, по возможности вооруженных. *М. Сапелов.*

185. В союз металлистов: Военно-революционный комитет просит союз металлистов откомандировать в распоряжение комитета несколько человек специалистов по починке автомобилей—грузовых и легковых. *И. Зор*[..?].

186. Пропуск. Разрешается беспрепятственный проезд автомобиля. *Г. Усиевич.*

187. Пропуск. Военно-революционный комитет разрешает прапорщику Жану перевозку вещей из его квартиры (Кудринская ул., д. № 1, кв. 35). *Г. Усиевич.*

188. Приказ о назначении тов. Жаворонкова комиссаром 3-го участка. *Прапорщик Жаворонков.*

189. Удостоверение о принятии от г. Суханова оружия.

190. Удостоверение о разрешении беспрепятственного передвижения автомобиля санитарной организации. *Вл. Янушевский.*

191. Управляющему Виндавской железной дорогой производить нормальные занятия. *Ин. Стуков.*

192. Приказ Военно-революционному комитету *) Московско-Казанской железной дороги об отпуске т. Сусову 300 винтовок. *Исполнить немедленно. В. Смирнов. К. Розенталь.*

193. Приказ заведующему бронированным автомобилем немедленно выехать к Никитским воротам для обстрела и потом на Театральную площадь. *Кошман.*

194. Приказ обстрелять Александровское военное училище. *М. Сапелов.*

195. Приказ Латышской секции Р. С.-Д. Р. П. дать охрану Красной гвардии в количестве 20 человек на телефонную станцию. *Пилацкая.*

196. [Содержание не записано]. Копия у секретаря штаба. *Вл. Янушевский.*

---

*) Далее зачеркнуто: «Виндавской».

197. Военно-революционным комитетом разрешается производить исправления телефонов Московско-Виндавской железной дороги и предписывать патрулям охрану производства работ. *П. Проскуряков.*

198. Пропуск революционным патрулям беспрепятственно проезжать по городу. 4 экземпляра. *П. Проскуряков.*

199. Приказ Городскому районному совету рабочих депутатов реквизировать столовую для служащих театра Совета рабочих и солдатских депутатов. *Б. Закс.*

200. Приказ 251 запасному пехотному полку немедленно прислать тов. Сипилину все излишние револьверы и патроны к ним. *К. Розенталь.*

201. Приказ Военно-революционному комитету мастерских тяжелой *) артиллерии скорее двинуть 2 тяжелых орудия на Театральную площадь. *Викт[ор Тихомирнов].*

202. Приказ-просьба к тов. Бобинскому немедленно явиться на совещание совета. *С. Пупко.*

203. Приказ Розенталю выдать 300 винтовок и 10 000 патрон Жлобе. *Д. Жлоба.*

204. Приказ комиссару боевой дружины привезти 150 вооруженных людей.

205. Приказ начальнику Мыза-Раевского отряда Николаевской железной дороги ввести отряд в здание Военно-революционного комитета, Скобелевская площадь. *Д. Жлоба.*

206. Приказ команде саперов, прибывших из Старицы: 250 человек — отправиться в Военно-революционный комитет — Скобелевская пл., остальные 100 человек — в Замоскворецкий совет. *М[..?].*

207. Московский Военно-революционный комитет ничего не имеет против печатания партийной литературы анархистов. *М[..?].*

208. Приказ Ржевскому Военно-революционному комитету немедленно выслать 5 000 солдат с пулеметами. *В. Перлин.*

209. Приказ команде, стоящей в Лихославле, немедленно выслать 150 солдат. *В. Перлин.*

210. Приказ сборной команде со старшим Кротовым отправиться на Театральную площадь. *М. Сапелов.*

211. 212. Приказ начальнику охраны. Доставлять сведения о составе людей и оружия, часовым не выпускать вооруженных людей и без письменного вида. *Андреев [Рожен].*

213. Приказ-поручение 100 чел. саперам отправиться в Замоскворецкий район. *В. Перлин.*

214. Приказ: Военно-революционный комитет поручает тов. Плеханову освободить анархистов из Таганской тюрьмы. *Н. Плеханов.*

---

*) В подлиннике: «тяжело осадных».

215. Приказ прапорщику Штродах принять командование у Никитских ворот.

216. Приказ прапорщику Гнедичу *) сдать командование у Никитских ворот прапорщику Штродах. *М. Сапелов* **).

217. В Совет рабочих депутатов Сущевского района копию заявления Балашева, где находятся деньги.

218 ***). Удостоверение. Разрешается поручику ****) Глинкину переночевать эту ночь в Москве, а завтра выехать по месту своего назначения. *Шевердин.*

219. Приказ Военно-революционному комитету 5-й мастерской 2 запасной автомобильной роты починить автомобиль. *Самсонов.*

220. Приказ комиссару штаба Бутягину сменить отряд в гостинице «Континенталь» и посетить гостиницу «Националь». *В. Перлин.*

221. Приказ начальнику Московской губернской тюрьмы об освобождении из-под ареста 8 человек. *Н. Плеханов.*

222. Приказ в Двинские мастерские. Военно-революционный комитет предписывает прислать 10 ратников немедленно. *Эрнст.*

223. Удостоверение в том, что т. Гинзбургу поручается перевести жильцов д. № 2 по Брюсовскому пер. в другое помещение. *Гинзбург.*

224. Приказ: Симоновскому районному военно-революционному комитету предлагают доставлять ежедневно 100 ящиков русских патрон, 25 — итальянских, 25 — берданочных и ручных гранат.

225. Начальнику Московской губернской тюрьмы приказание освободить С. С. Иванова. *В. Перлин.*

226. Начальнику станции Николаевской железной дороги — просят дать вне очереди билет II-го класса до Петрограда. *А. Додонова.*

227. Удостоверение тов. Давидовскому о том, что он состоит комиссаром 1 запасной артиллерийской бригады. Без копии. *Давидовский.*

228. Приказ: тов. Чумарину поручается отвести отряд в 15 человек в Чернышевский пер. к комиссару Крылову. *В. Перлин.*

229. Удостоверение Лупанову при комиссаре 5 батареи. *Давидовский.*

230. Приказ начальнику резерва Вяземскому поставить караул к броневому автомобилю, усилить караул у магазина на Тверской и 5 челов[ек] для подбора оружия. *М. Сапелов.*

231. Приказ В... *****).

---

*) Следует: «Гнедову».

**) Подпись: «М. Сапелов» — относится к №№ 215 и 217.

***) Зачеркнуто: «Туда же».

****) Далее зачеркнуто: «Галкину».

*****) В подлиннике не дописано.

232. Приказ Военно-революционному комитету Подольскому прислать 600 человек. *В. Перлин.*

233. Приказ Вяземскому отпустить 15 человек для отряда в Газетном переулке. *В. Перлин.*

234. Приказ полковому комитету 5 Саперного полка выслать 300 солдат с вооружением и провиантом. *Г. Баклаев.*

235. Приказ Ржевскому совету прислать революционные отряды с оружием и провиантом. *Баклаев.*

236. Приказ: реквизировать товары у Чичкина на Мясницкой поручается Чамару. *Орехов.*

237. Удостоверение тт. Слудскому и Алехину в том, что им поручено наблюдать за автомобилями. *Д. Федосов.*

238. Приказ Хрусталеву, Мельникову и Козодаеву проверить посты на Тверской. *И. Плеханов.*

239. Приказ командировать 15—20 человек для телефонных работ на центральной телефонной станции. *С. Л. Пупко.*

240. Удостоверение Твалишвили на право контролировать пропуска для входа в здание Военно-революционного комитета. *Ник. Твалишвили.*

241. Приказ Военно-революционному комитету 195 пехотного запасного полка оставаться пока в Москве по поводу обысков. *Сенин.*

242. Удостоверение прапорщику Сенину 195 запасного пехотного полка для проезда между Москвой и Павловской слободой. *С. Сенин.*

243. Приказ Благушинско-Лефортовскому Военно-революционному комитету доставить 6 индукторных телефонов и 6 катушек нового кабеля. *В. Адрианов.*

244. Удостоверение Ведерникову на право носить оружие.

245. Приказ Рогожскому районному совету арестовать Московского уездного воинского начальника Костицына. *В. Перлин.*

246. Приказ Вяземскому отправить 20 чел. в Газетный пер. в сопровождении Богданова. *В. Перлин.*

247. Удостоверение Розенгольцу в том, что он является секретарем Военно-революционного комитета.

248. Удостоверение Розенгольцу на ношение оружия. *А. Розенгольц* *).

249. 44 мандата на право передвижения по всем вооруженным частям. *Федотов.*

250. Пропуск Рыкунову на свободный проход по Москве.

251. Приказ Ананьину арестовать Кришталя. *Вл. Янушевский* **).

---

*) Подпись относится к двум записям: №№ 247 и 248.

**) Подпись относится к двум записям: №№ 250 и 251.

252. Приказ полковому комитету 1-го телеграфно-прожекторного полка отпустить с Шерикиным один прожектор, один генератор и две катушки кабеля. *В. Перлин.*

253. Приказ Ананьину сдать командование отрядом Кузьмину. *Кузьмин.*

254. Приказ Кузьмину взять командование отрядом, действующим в районе Страстного бульвара — Никитские ворота. *Кузьмин.*

255. Военно-революционный комитет предписывает Григорьеву провести делегацию от Алексеевского [военного] училища, направляющуюся в Александровское [военное училище], в зоне расположения наших войск. *Григорьев.*

256. Удостоверение Пупко на пропуск всюду и ношение оружия. *С. Л. Пупко.*

257. Приказ о реквизиции во всех частных и общественных учреждениях автомобилей, также бензина и масла, что поручается Кржевицкому. *Д. Федосов.*

258. Приказ о высылке милиции на центральную телефонную станцию. *С. Пупко.*

259. Военно-революционному комитету 1-ой запасной артиллерийской бригады для Украинского дивизиона: условия, на которых Военно-революционный комитет может принять сдачу противной стороны, и о винтовках. *Н. Муралов.*

260. Приказ отправить 3 роты 55 запасного [пехотного] полка в распоряжение штаба.

261. Пропуск для автомобиля № 733. *Б. Закс.*

262. Приказ начальнику резерва выделить всех знающих пулеметное дело в распоряжение Грачева.

263. Отношение Военно-революционному комитету мастерских тяжелой осадной артиллерии относительно присылки орудий. *Виктор* [*Тихомиров*].

264. Приказ Военно-революционному комитету железнодорожного Московского узла отпустить 300 винтовок У... *К. Розенталь.*

265. В Военно-революционный комитет Александровской железной дороги — подтверждение о недопущении в Москву казаков и кавалерийских войск. *Ильичев.*

266. Служащим и рабочим Московской телефонной сети о необходимости явки на службу служащих и рабочих. *С. Л. Пупко.*

267. Вяземскому совету рабочих и солдатских депутатов: Центральный Военно-революционный комитет просит принять меры к задержке частей казаков и кавалерийских войск. *Ильичев.*

268. Приказ Симоновскому району отпустить Упману патроны и, если можно, для браунингов. *К. Розенталь.*

269. Приказ Военно-революционному комитету 1-ой запасной артиллерийской бригады дать 16 лошадей с упряжью для перевоза артиллерийских орудий. *Орехов.*

270. Удостоверение Акакову на беспрепятственный проход по Москве и проживание на частной квартире. *Акаков.*

271. Приказ Военно-революционному комитету Московского железнодорожного узла выдать Рагозинскому *) 120 винтовок, в добавление к вчерашнему приказу. *К. Розенталь.*

272. Удостоверение Букрееву и его жене на беспрепятственный проход к убитому сыну в Яузскую больницу. *Вознесенский.*

273. Приказ первой роте **) о количестве людей, посланных в распоряжение штаба ***).

274. Пропуск на проезд автомобиля с 5 лицами в Мыза-Раево. *Акимов.*

275. Пропуск Вольскому на беспрепятственный проезд по железным дорогам. *Получил Ст. Вольский.*

276. 3 приказа о командировании людей. *Андреев* [*Рожен*].

277. Разрешение на оружие. *Орехов.*

2 ноября 1917 г.

278. 2 удостоверения на проезд по железным дорогам Виндаво-Рыбинской и Савеловской. *Могилевский*[?].

279. Приказ автомобильному отделу о предоставлении трех грузовых автомобилей Зар[ху?]. *И. Зарх.*

280. Разрешение на право ношения оружия Третьякову. *Третьяков.*

281. Приказ Военно-революционному комитету железнодорожного узла о винтовках. *К. Розенталь.*

282. Тов. Серебрякову на право ношения оружия. *Серебряков.*

283. Приказ двинцам об охране консульства аргентинского.

284. 5 приказов булочным Филиппова. *Ш*[*евердин*?].

285. [Записи нет].

286. Удостоверение домовому комитету Б. Дмитровка, 20, не подлежащему обстрелу. *Мог*[*илевский*?].

287. Удостоверение Данилову — помощнику начальника резерва. *Данилов.*

288. 7 приказов о прекращении артиллерийского огня. *Сенин.*

289. Освобождение Никитина. *Шевердин.*

290. » Селиванова, Упорова, Аксенова-Леонтьева. *Шевердин.*

*) Далее зачеркнуто: «180 винтовок».

**) Так в подлиннике, без указания номера и названия части.

***) Подпись неразборчива.

291. Бутягину об облаве в «Метрополе». *С. И. Азарх.*

292. Приказ принять команду № 59. *Подп*[..?].

293. Приказ Симоновскому району. *К. Розенталь.*

294. Приказ Реброву о приведении полуроты с Курского вокзала. *Штабс-капитан Ребров.*

295. В Симоновский район о выдаче 4 туш мяса и крупы. *Т*[..?] *).

296. Приказ Военно-революционному комитету железнодорожного узла о выдаче 300 винтовок. *К. Розенталь.*

297. Приказ об отправке телеграммы. *С. Сенин.*

298. 6 пропусков на право продвижения по городу. *С. Сенин.*

299. Пропуск на проезд на автомобиле. *Будзынский.*

300. Приказ 22-й [запасной] автомобильной роте—Ходынка—выделить 100 человек в распоряжение комиссара Красной гвардии Бутырского района. *Д. Жло́ба.*

301. Пропуск Савину и Завьялову в помещение телефонной станции **). *Усиевич.*

302. Приказ поручить Никитину организацию комиссии по делам арестованных. *Шевердин.*

303. Приказ не чинить препятствия в продаже газеты «Вперед». *А. Темкина.*

304. Удостоверение Меерович у в том, что он назначается комиссаром «Метрополя». *Сенин.*

305. О прекращении артиллерийской стрельбы. *С. Сенин.*

305а. [Содержание не изложено.]

306. Удостоверение Сорокину на ношение оружия. *И. Сорокин.*

307. В домовый комитет приказ не чинить препятствий деятельности меньшевистской организации. *Е. В. Ломтатидзе.*

308. Комитету 7-го тяжелого Украинского дивизиона. *Андреев* [*Рожен*].

309. Приказ отряду, охраняющему [редакцию и типографию газеты] «Вперед», не препятствовать выходу газеты. *Андреев* [*Рожен*].

310. В стачечный комитет типографии «Московского издательства» о реквизиции ее.

311. В контору типографии «Московского издательства» о ее реквизиции.

312. Приказ Ермакову. *Илья Ермаков.*

313. Получено от Чичкина масло. *Б. Закс.*

314. Приказ реквизировать сахар в бакалейной лавке, что поручается Кра[..?]. *Б. Закс.*

---

*) Далее зачеркнуто: «296. Пропуск на трех».

**) В подлиннике: «сети».

315. Приказ Исполнительному комитету Латышской организации двинуть батальон к совету. *К. Розенталь.*

316. Удостоверение Сапелову на право носить оружие. *М. Сапелов.*

317. Сухотину явиться в штаб. *Сенин.*

318. Приказ Еловикову произвести обыск и о результатах донести. *Еловиков.*

319. Удостоверение Тихомир[н]ову на право носить оружие. *Виктор* [*Тихомирнов*].

320. 191 запасному [пехотному] полку приказ исполнять приказы только Московского Военно-революционного комитета советов рабочих и солдатских депутатов. *Н. Муралов.*

321. Приказ выдать делегатам 191 запасного [пехотного] полка газет. *Н. Муралов.*

322. [Содержание не изложено.]

Буланову пропуска для входа и выхода. *К. Розенталь.*

323. Приказ Лефортовскому совету выдать снаряды. *К. Розенталь.*

324. Приказ комиссару Бутырской тюрьмы сместить коменданта, относительно продовольствия. *И. Нахгальцев.*

325. Удостоверение жене Усиевича. *Усиевич.*

326. Приказ Нахгальцеву встретить революционный отряд на Курском вокзале. *Нахгальцев.*

327. Приказ Военно-революционного комитета Игнатову встретить и разместить солдат, приехавших из Владимира. *Е. Игнатов.*

328. Приказ Булочникову отпустить Нахгальцеву обед на 2 000 чел. *Шевердин.*

329. Удостоверение Томскому на право носить оружие. *М. Томский.*

330. 50 чистых бланков с печатью под расписку Дудова. *Петр Дудов.*

331. Приказ Симоновскому районному совету отпустить патроны. *К. Розенталь.*

332. Удостоверение Нарбуту *) для охраны «Метрополя». *Виктор* [*Тихомирнов*].

333. Приказ караулу Государственного банка сдать Государственный банк комиссару.

334. Приказ Чиненову занять должность комиссара Государственного банка. *Виктор* [*Тихомирнов*] **).

---

*) В подлиннике: «Нибруту».

**) Подпись Виктора Тихомирнова относится к двум записям: №№ 333 и 334.

335. Приказ Пресненскому комиссару реквизировать продукты в Пресненском комиссариате.

336. Приказ реквизировать продукты в доме Комиссарова на Тверской ул. *Б. Закс* *).

337. Приказ [прапорщику] Лейге **) обезоружить юнкеров в Государственном банке. *С. Сенин.*

338. Удостоверение Соловьеву на право носить оружие. *В. Соловьев.*

339. Разрешение Стельмашенко на право носить оружие. *Стельмашенко.*

340. Разрешение Путраменту носить браунинг. *Путрамент.*

341. Приказ Колыванову реквизировать продукты. *Б. Закс.*

342. Приказ устранить от должности Вяземского.

343. Приказ, в случае наступления, действовать легкой артиллерией. *С. Сенин* ***).

344. Приказ в автомобильный отдел доставить достаточное количество автомобилей в распоряжение штаба. *М. Сапелов.*

345. Приказ об освобождении из гостиницы «Националь» 3-х лиц. *Могил[евский].*

346. Удостоверяется настоящим, что тов. Дебюсси временно делегиру[ется] на Гор. управ. расп[оряжение] Совет раб. в распоряжение Совета ****). *Дебюсси.*

347. Приказ о восстановлении работы на телефонной станции. *Б. Закс.*

348. Приказ: Военно-революционный комитет приказывает явиться прапорщику Крикуну в распоряжение Военно-революционного комитета 9-ой артиллерийской бригады. *С. Сенин.*

349. Пропуск. *А. Та[марин?]* *****).

350. Приказ начальнику артиллерии открыть огонь по Кремлю и приостановить наступление пехоты. *А. Т.* *****).

351. Приказ выдать представителю фабрично-заводского комитета фабрики «Бр. Крестовниковых» тов. Афанасию Якушину 2 ящика патронов. *Сенин.*

352. Приказ выдать представителю фабрично-заводского комитета фабрики «Бр. Крестовниковых» тов. Афанасию Якушину 50 штук винтовок для Красной гвардии на завод. *К. Д.*[..?].

---

*) Подпись Б. Г. Закса относится к двум записям: №№ 335 и 336.

**) В подлиннике: «Лие».

***) Подпись С. Сенина относится к двум записям: №№ 342 и 343.

****) Так в подлиннике.

*****) Подписи на №№ 349, 350 и 353 принадлежат одному и тому же лицу.

353. Военно-революционный комитет объявляет неприкосновенным и не подлежащим реквизиции *), со стороны революционных войск, имущество, принадлежащее английской авиационной миссии в Москве. *А. Та*[*марин*?].

354. Приказ выдать делегату 191 запасного пехотного полка газет — 100 штук «Социал-демократ» и «Известия» — 500 штук. *С. Сенин.*

355. Приказ Военно-революционному комитету Мыза-Раевского гарнизона выдать снарядов-шрапнелей, гранат различных калибров — 5 вагонов, угасительных снарядов — 15 штук, ручных гранат — 2 вагона, патронов 3-линейных — 3 вагона, бомб для бомбометателей и минометов — 2 вагона. *Вяземский.*

356. Военно-революционный комитет советов удостоверяет, что предъявитель сего есть действительно начальник охраны дом[а гостиницы] «Метрополь» Ян Наврот, коман. нач. [?].

357. Удостоверение, что предъявитель сего действительно начальник резервов штаба Военно-революционного комитета Вяземский. *Вяземский.*

358. Удостоверение, что тов. Шорин доставил на распоряжение Военно-революционного комитета 2 орудия 42-линейных. *О. И. Шорин.*

359. Приказ произвести обыск тов.. Сапелову и отобрать оружие. *М. Сапелов.*

360. Приказ-поручение заведующему хозяйством тов. Булочникову послать 56 [? запасному пехотному] полку в дом Пеликан, у Красных ворот, одну походную кухню с горячей пищей и 4 пуда хлеба для прибывших из г. Владимира. *Е. Ломтатидзе.*

361. Разрешение тов. Сапелову **) реквизировать у господ. Литвинова, по Масловке, № 6, 16 пудов пенз[ы]. *М. Сапелов.*

362. Приказ послать 12 штук гранат. *Вяземский.*

363. Немедленно приказ отпустить тов. Кашкову 200 русских винтовок для 1-й запасной артиллерийской бригады и патрон к ним.

364. Отправлена команда на «Метрополь» ***).

365. Выдано тов. Шлихтеру ****) 20 чистых бланков. *А. Шлихтер.*

366. Во Временный продовольственный комитет избраны в дополнение к членам бывшей Городской управы Шлихтер ****) и Закс. *А. Шлихтер.*

367. Удостоверение тов. Гоберману. *Матвей Гоберман.*

---

*) В подлиннике далее следует: «имущество».

**) В подлиннике: «Савельеву».

***) Подпись не разобрана.

****) В подлиннике №№ 365 и 366: «Шлихтель».

368. Приказ немедленно сдать члену Совета солдатских депутатов Путраменту имеющееся орудие и остаться до особого распоряжения. *Путрамент.*

369. Приказ отпустить 50 ящиков 3-линейных патронов для русских винтовок железнодорожному району Московского узла. *К. Розенталь.*

370. Выдано 12 чистых бланок товарищу Нахгальцеву. *И. Нахгальцев.*

371. Приказ реквизировать комиссару Калымову для восстановления работ телефонной станции стекла. *Б. Закс.*

372. Приказ отправить на [?] команду 16 человек. Начальник[?]. *Андреев* [*Рожен*].

373. Удостоверение тов. Денисову и 5 красногвардейцам на свободный проезд и перевозку походной кухни *).

374. Утверждение в должности комиссара 2-го Пресненского участка [милиции] Александра Константиновича Лейтмана. *М. Рыкунов.*

375. Утверждение в должности комиссара 1-го Пресненского комиссариата [милиции] Василия Николаевича Николаева. *М. Рыкунов.*

376. 11 пропусков на право выезда из Москвы больным, находящимся в госпиталях **).

377. Получены сведения об обстреле [французского] консульства.

378. Выданы заявления.

379. Приказ выслать роту телефонистов с двуколками и телефонным имуществом. *Самсонов.*

380. Приказ пропускать легковой автомобиль Аркадия Павловича [Розенгольца] с группой парламентеров по вопросу о заключении мира в Александровское военное училище, в губернскую земскую управу и обратно.

390. Удостоверяется, что тов. Григорий Коган ***) является членом штаба ***) Военно-революционного комитета. *М. Сапелов.*

391. Отпустить для Лефортовского районного совета рабочих депутатов 15 ящиков русских патронов. *К. Розенталь.*

392. Разрешение тов. Горбачеву носить при себе оружие. *В. Горбачев.*

393. Делегируется тов. Сергей Петрович Нацаренус в Петроград для сношения с Временным правительством. *С. Нацаренус.*

394. Выдать в штаб [Военно-революционного] комитета телефонное имущество и [командировать] прислуг — товарищу Старостину.

---

*) Подпись не разобрана.

**) В подлиннике: «городах».

***) В подлиннике: «Каган», «штабом».

395. Выдать тов. Старостину один грузовой автомобиль для доставки телефонного имущества. *Вл. Янушевский* *).

396. Удостоверение, что тов. фельдфебель Зуев является караульным начальником постов на Малой Бронной. *Зуев.*

397. Предложение выдать оружие домовому комитету тов. Визуну **). *Самс[онов?.].*

398. Удостоверение о прекращении грабежей. *С. Сенин.*

399. Приказ об освобождении из-под ареста тов. Упорова. *Я. Рудзутак.*

400. Выдано 10 штук [?] для передачи в Районные думы. *Пшенистов.*

401. Приказы об организации солдат и красногвардейцев против погромов. *Грачев.*

402. Приказ штаба для прекращения разгрома и насилий. *Я. Рудзутак.*

403 ***). Удостоверение товарищу Пальгунову на право ношения оружия и пропуска по городу. *Пальгунов.*

404. Удостоверение Военно-революционного комитета, что тов. Познанский есть начальник Красной гвардии ****). *Познанский.*

405. Приказ о поручении старшему милиционеру Куликову перевести 2 лошадей и 1 карету из владения Военно-революционного комитета *****). *М. Сапелов.*

406. Удостоверение уполномоченным товарищам Кошутину и Шидловскому произвести осмотр магазина на Тверской и арестовать виновных в погроме. *Кошутин.*

407. Приказ Военно-революционного комитета откомандировать 200 человек в Кремль для [несения] караула. *Самсонов.*

408. Удостоверение о смещении комиссара гражданской части и назначении временно Рогова ******).

409. Приказ покинуть гостиницу «Ливадия». *А.м[...?].*

410. Удостоверяет Военно-революционный комитет, что дан беспрепятственный пропуск для проезда [по] гор. Моск[ве]. *В. Смирнов.*

411. Приказ штаба Военно-революционного комитета о назначении комиссаром Кремля прапорщика Берзина. *Сухотин.*

412. Приказ принять команду 13 человек и охранять от погромов и буйств. *Шестопалов.*

---

*) Подпись В. П. Янушевского относится к двум записям: №№ 394 и 395.

**) В подлиннике: «Везуну».

***) В подлиннике цифра «403» написана вторично против записи № 402.

****) Так в подлиннике, вместо: «начальник штаба Красной гвардии».

*****) Так в подлиннике, вместо: «из усадьбы Московского совета».

******) Подпись не разобрана.

413. Приказ Военно-революционного комитета принять меры к установлению мирных переговоров. *С. Сенин.*

414. Удостоверение Военно-революционного комитета, что прапорщик Янушевский Влад. Пав. состоит членом штаба. *Вл. Янушевский.*

415. Приказ Военно-революционного комитета арестовать коменданта тюрьмы. *И. Нахгальцев.*

416. Приказ штаба Военно-революционного комитета принять командование над отрядом тов. Кузьмина.

417. Приказ штаба Военно-революционного комитета сдать командование. *Кузьмин* *).

418. Пропуск Военно-революционного комитета беспрепятственно в Кремль и обратно Берзиной. *А. М. Берзин.*

419. Выдано товарищу Смидовичу.

420. Разрешение Военно-революционного комитета на право ношения оружия Кинцу. *Я. Кинц.*

421. Разрешение Н. Ф. Преображенскому носить и хранить оружие.

422. Нарбуту о том же. *Оба удостоверения* [*получил*] *Н. Преображенский.*

423. Мандат на освобождение арестованных из Бутырской тюрьмы. *Сер*[*геев*?].

424. Приказ Военно-революционного комитета вести отряды из Сухаревского района. *С*[*енин или Самсонов*].

425. Удостоверение Пономар[еву], командированному для прекращения грабежей. *Пон*[*омарев*].

426. Выдано тов. Федотову 26 пустых пропусков. *Федотов.*

427. Разрешение Соколову [на] беспрепятственный вход в Кремль. *Соколов.*

428. Разрешение Колодееву [на] пропуск в Кремль. *Колодеев.*

429. Назначение тов. Тищенко начальником резерва. *Тищенко.*

430. Пропуск освобожденным пленным. *Гоберман.*

431. Об оказании содействия [в получении] хлеба делегатам гор. Владимира. *А. Додонова.*

432. Об оказании содействия [в получении] хлеб[а] делегатам из Владимира. *А. Додонова.*

433. Приказ Военно-революционного комитета сдать командование и заменить караул. *Годин.*

434. Приказ Военно-революционного комитета А. Г. Случ привести в порядок... [?]. *А. Монахов.*

---

*) Подпись двинца А. Кузьмина относится к двум записям: №№ 416 и 417.

435. [Поручение] присутствовать при сдаче оружия 5-й школой прапорщиков. *Панкратов.*

436. [Об] отпуске 1000 пудов хлеба для Военно-революционного комитета. *Д. Лиси[цын?].*

437. Назначается комиссаром Московского военного округа Николай Иванович Муралов. *А. Темкина.*

438. Приказ начальника *) Военно-революционного штаба о передаче Красной гвардии Александровского училища. *Я. Иванов.*

439. Приказ под командой прапорщика Упорова отправиться в Кремль и сменить пехотные части. *С. Сенин.*

440. Приказ окружному штабу. *Прапорщик Азарх.*

441. Командируется комиссар Пудов для [присутствования при] сдаче оружия [юнкерами]. *П. Пудов.*

442. Выдано 85 бланков с печатью Еремину. На бланках междупартийной организации для нейтрального пользования. Еремину. *А. Аросев.*

443. [Об] освобождении подданных иностранных держав. *В. Тверитин.*

444. Пропуск автомобиля председателя английской миссии.

445. Разрешение [движения] автомобиля. *И. Зеленский* **).

446. Разрешение привести в порядок Театральный отдел. *Самсонов.*

447. Приказ составить отряд из Красной гвардии и войск Замоскворечья. *Штродах.*

448. Разрешение проезда на автомобиле. [*Юнкер*] *Кобро.*

449. Назначение тов. Пальгунова комиссаром от Военно-революционного комитета. *Пальгунов.*

450. Экстренно приготовить лошадей с командой. *И. Нахгальцев.*

451. Выдано Козину 20 лис[тков бланков]. *Постников.*

452. Тов. Емельян командируется в комиссию для арестованных. *Емельян* [*Ярославский*].

453. Приказ караулу для обысков. *Вяземский.*

454. Тов. Муралов назначается членом Военно-революционного комитета. *Н. Муралов.*

455. Тов. Альтер назначается членом Военно-революционного комитета. *Муралов.*

456. Тов. Волгин назначается членом Военно-революционного комитета. *В. Волгин.*

457. Приказ отправить арестованных в Бутырскую тюрьму. *Шевердин.*

---

*) В подлиннике: «Шт[аба] В[оенно]-Револ[юционного] начал[ьника]».

**) Подпись И. Зеленского относится к двум записям: №№ 444 и 445.

458. Выдать билеты Попову с супругой. *М. Попов.*

459. Приказ начальника штаба Военно-революционного комитета Кузьмину занять должность коменданта здания совета. *А. Кузьмин.*

460. Прапорщик Марьясин назначается начальником отряда. *Прапорщик Марьясин.*

461. Приказ отпустить для Пресненского района 10 ящиков 3-линейных патронов. *К. Розенталь.*

462. Выдано Балашову 154 пропуска. *Балашов.*

463. Удостоверение экспедитору Городской управы Ухте на право выезда. *Шевердин.*

464. Приказ снять орудия и перевезти в Военно-революционный комитет. *Кулин*[?].

465. Пропуск Московскому губернскому продовольственному комитету на право проезда.

466. На право проезда грузового автомобиля *).

467. (4) **) Приказ организовать отряд в 20 человек для охраны порядка. *М. Сапелов.*

468. Удостоверение прапорщику Степанову на выезд в Минск.

469. Приказ прапорщику Высоцкому явиться в штаб. *Шевердин* ***).

470. Пропуск на беспрепятственный проезд легкового автомобиля ****).

471. Пропуск отряду в 50 человек, поступающему в распоряжение Пальгунова. *Борбашев.*

472. Приказ Петру Плечко вывести из Кремля автомобиль. *Шевердин.*

473. Приказ т. Маттосу производить обыски оружия. *Генженцев.*

474. Удостоверение т. Голубеву на ношение оружия. *Голубев.*

475. Удостоверение т. Петрову на ношение оружия. *Петров.*

476. Приказ-подтверждение пропускать всех граждан по улице.

477. Приказ внешним патрулям пропускать иностранных подданных из [гостиницы] «Националь». *С. Сенин.*

478. Пропуск на беспрепятственный проезд по городу автомобилям губернского комитета Красного креста №№ 2243, 677, 2256, 1303, 1697, 302, 636. *Могилевская.*

479. Приказ комиссару т. Бутягину сменить караул в Городской думе и потребовать солдат от т. Вяземского. *Бутягин.*

---

*) Подпись, общая для №№ 465 и 466, не разобрана.

**) Очевидно, было дано четыре аналогичных приказа.

***) Подпись С. Н. Шевердина-Максименко относится к двум записям: №№ 468 и 469.

****) Подпись не разобрана.

480. Приказ дивизионному комитету 1-го дивизиона 2-й запасной [тяжелой] артиллерийской бригады сдать все денежные суммы и книги т. Титоренко. *Титоренко.*

481. Удостоверение т. Пономареву для прекращения грабежей и делать обыски. *Пономарев.*

482. Приказ т. Вяземскому сменить солдат 22-й [запасной] автомобильной роты в Бутырском районе. *М. Сапелов.*

483. Приказ о назначении комиссаром Городского района т. Игнатова. *Е. Игнатов.*

484. Приказ о назначении т. Грачева начальником демобилизационного отдела. *М. Сапелов.*

485. Пропуск т. Савельеву провезти из Москвы до ст. Реутово 4 ящика патрон. *З. Хаз*[...?].

486. Приказ т. Кушелю собрать в бывшем штабе юнкеров на Никитской ул. оружие и доставить Военно-революционному комитету. *Кушель.*

487. Приказ т. Булочникову реквизировать помещение булочной Филиппова. *Булочников.*

488. Приказ коменданта г. Москвы ввести и разместить в казино [и] «Пикадилли» по 600 чел. солдат. *А. Кузьмин.*

489. Удостоверение т. Бабушкину на проезд в Петроград и обратно. *Томский.*

490. Приказ о назначении Е. К. Малиновской комиссаром всех московских театров. *Малиновская.*

491. [Содержание не записано.]

492. Приказ Сигизмунду Путраменту быть комиссаром временных мастерских телеграфного и телефонного завода инженерного ведомства *). *Путрамент.*

493. Приказ т. Никитину объехать все комиссариаты и обследовать места заключения. *Шевердин.*

494. Пропуск т. Линчеру на выезд из Москвы по Киево-Воронежской железной дороге. *А. Темкина.*

495. Приказ т. Серегину и Петровской реквизировать Дворянское собрание и институт благородных девиц. *Познанский.*

496. Удостоверение т. Ведерникову для присутствования в Александровском военном училище при сдаче оружия. *А. Ведерников.*

497. Приказ т. Вяземскому отправить пять человек для охраны [гостиницы] «Флоренция». *Вяземский.*

498. Приказ начальнику отряда по охране Кремля сменить караулы и поставить старшим Васильева. *Бутягин.*

---

*) Написано над зачеркнутым: «1 Моск. интендантского вещевого склада»

499. Удостоверение т. Богоявленскому присутствовать при сдаче оружия в Александровском [военном] училище. *Богоявленский.*

500. Удостоверение т. Голенко на ношение оружия. *Голенко.*

501. Удостоверение т. Сальникову о назначении его помощником коменданта Александровского [военного] училища. *Н*[...?].

502. Коменданту Кремля т. Берзину с препровождением пропусков для 40 пленных юнкеров и 12 офицеров. *Бричкина.*

503. Пропуск Павловскому для входа в помещение Большого театра.

504. Пропуск Курочкину для входа в Дворцовую контору в Кремле.

505. Пропуск Дворец-Дворецкому для входа в Дворцовую контору в Кремле.

506. Пропуск для входа в Большой театр (7 штук имя рек). *Малиновская* *).

507. Удостоверение т. Селипину на право собирания оружия в Александровском военном училище на Арбатской площади. *К. Розенталь.*

508. Разрешение тт. Шленову и Морозову входить в помещения Военно-революционного комитета и казарменные помещения. *Г. Усиевич.*

509. Приказ т. Кржевицкому **) реквизировать в манеже все исправные машины. *Д. Федосов.*

510. Приказ т. Кржевицкому **) реквизировать машины и бензин в Земском союзе. *Д. Федосов.*

511. Приказ выпустить всех юнкеров и офицеров без оружия из Кремля. *Емельян* [*Ярославский*].

512. Приказ т. Никитину о назначении его комендантом Городской думы. *Р. Орлова.*

513. Приказ т. Давидовскому отправиться с двумя легкими орудиями в Замоскворечье.

514. Пропуск т. Давидовскому для входа и выхода в Кремль и обратно. *Давидовский* ***).

515. Приказ т. Богоявленскому реквизировать все необходимые средства транспорта ****).

---

*) Подпись Е. К. Малиновской относится к четырем записям: №№ 503, 504, 505 и 506.

**) В подлиннике: «Крженицкому».

***) Подпись комиссара 5-й батареи 1 запасной артиллерийской бригады Давидовского относится к документам №№ 513 и 514.

****) Подпись не разобрана.

516. Приказ т. Ветрову о назначении его начальником конного резерва милиции.

517. Пропуск т. Ветрову для прохода и проезда по улицам и для входа в помещения Военно-революционного комитета.

518. Приказ начальнику конного резерва милиции выслать по городу 50 всадников. *Ветров* *).

519. Мандат т. Кустову о назначении его комиссаром в Московскую губернскую тюрьму. *Генженцев.*

520. Приказ передать в распоряжение т. Давидовского лошадей, числящихся за штабом. *Давидовский.*

521. Удостоверение гр. Горскому на вывоз из дома Комиссарова (уг. Тверской и Охотного ряда) пишущих машин, гектографа и проч. *Ив. Ив. Горский.*

522. Приказ об отпуске 20 ящиков шрапнелей и гранат для 3-дюймовых орудий. *Давидовский.*

523. Пропуск на выезд из Москвы т. Фрадкину по Курской железной дороге и на право получения билета вне очереди. *Фрадкин.*

524. Приказ начальнику конского запаса Сергиевского посада прислать 200 лошадей. *Вяземекий.*

525. [Содержание не записано].

526. Удостоверение т. Максимову для переговоров с прибывшими в Вязьму частями. *А. Темкина.*

527. Приказ председателю Центрального исполнительного комитета Александровской железной дороги Чернышеву о разборке пути между станциями Можайск и Вязьма. *Шевердин.*

528. Приказ Военно-революционного комитета Железнодорожного района об отпуске Замоскворецкому районному совету 3 000 винтовок. *К. Розенталь.*

529. Приказ Симоновскому районному совету рабочих депутатов об отпуске Замоскворецкому району 125 ящиков различных патронов. *К. Розенталь.*

530. Удостоверение т. Плеханову для переговоров с частями, прибывшими в Вязьму. *А. Темкина.*

3 ноября 1917 г.

531. Пропуск на выезд автомобиля № 279, принадлежащего Симоновскому совету рабочих депутатов **).

532. Удостоверения тт. Данилину и Блохину на проезд до Тулы и обратно ***).

---

*) Подпись Ветрова относится к документам №№ 516, 517 и 518.

**) Подпись не разобрана.

***) То же.

533. Ордер на производство обыска оружия в «Метрополе» и доставление в Военно-революционный комитет. *Петровская.*

534. Удостоверения (пять штук) для входа и выхода в Кремль для начальника телефонной станции при Военно-революционном комитете. *Старостин.*

535. Удостоверение солдатам на право въезда в г. Тамбов, как амнистированным. *Н. Иванов.*

536. Удостоверение на право проезда в г. Коломну амнистированным солдатам.

537. То же в г. Серпухов.

538. » » в г. Орел.

539. » » в Козлов. *С. М*[?] *).

540. Удостоверение на право ношения оружия т. Мельничанскому. *Г. Мельничанский.*

541. Пропуск автомобилю за № 2822. *А. Моисеев.*

542. Удостоверение т. Перлину о делегировании его в Александровское военное училище. *В. Перлин.*

543. Пропуск в Кремль т. Янышеву. *М. Янышев.*

544. Пропуск в Кремль т. Погодину. *Погодин.*

545. Удостоверение т. Розенгольцу в том, что он является секретарем Военно-революционного комитета. *Розенгольц.*

546. Пропуск автомобилю № 3278 **) в Кремль. *Найдов.*

547. Пропуск на автомобиль. *Пшенистов.*

548. Пропуска на 5 автомобилей т. Кошману. *Я. Иванов.*

549. Удостоверение т. Кошману на право пользования автомобилем. *Я. Иванов.*

550. Разрешение на право ношения оружия т. Огаджанову. *Огаджанов.*

551. Удостоверение т. Денисову на право производства расследования по делу Долинского. *В. Денисов.*

552. Срочная телеграмма в Бологое комиссару об одержании победы и просьба о помощи.

553. Просьба приготовить легковую машину в распоряжение начальника резерва Вяземского и Данилова. *Данилов.*

554. Пропуск со двора дома совета и по городу автомобилю ***).

555. Удостоверение т. Штродах об отобрании оружия и автомобилей у юнкеров Александровского [военного] училища. *Прапорщик Штродах.*

---

*) Неразобранная подпись: «С. М.»—относится к записям №№ 536, 538 и 539.

**) Первоначально: «2078».

***) Подпись не разобрана.

556. Удостоверение т. Наседкину на право ношения оружия. *Наседкин.*

557. Удостоверение т. Карташеву на право ношения оружия. *Н. Б*[...?].

4 ноября.

558. Разрешение произвести выплату рабочим администрации газеты «Русское слово». *С. За*[...?].

559. Заведующему лазаретом при Капцовском училище — приказ о свободном пропуске граждан Москвы. *Рогов.*

560. Разрешение в выдаче тела убитого Соколовского. Sokolo[w]-ska.

561. [Разрешение] реквизиции для нужд телеф[онной связи]. *С. Пупко.*

562. Военно-революционный комитет не препятствует *). *Н. Ворошилов.*

563. Разрешение ношения оружия Рыкунову. *М. Рыкунов.*

564 **). Назначение Вейсман секретарем комиссариата городского хозяйства. *А. Вейсман.*

564 **). Назначение комиссаром тов. Обух.

565. Назначение товарищей комиссаров городского хозяйства.

566. Назначение товарищей комиссаров городского хозяйства.

568. Поручается предс[тавителям] обыска не производить самочинно. *Ш*[*евердин*?].

569. Уполном[очить] пол[учить[бум[агу]. *А. Шув*[*аев*?].

570. Приказ полковнику Рябцову немедленно передать дела округа назначенному ком[андующим] тов. Муралову. *А. Темкина.*

571. Выдано 1 000 пропусков Бука [?]. *Бука*[?].

572. Пропуск командиру рот[ы, стоящей в гостинице] «Лив[адия»].

573. Разрешение матросу французу Бордаж и солдату Кюпер проезда до Киева. *Г. Усиевич* ***).

574. Удостоверение Сергею Крапильс для закупки материалов.

575. Разрешение [на] вход в помещения товарищу Вахману. *Хазанов* ****).

576. Москов. Сою[зу] Обществ. орган. выд. Рафаи[?] Дубров[?].

577. Приказ о[?] Терновск[?] м[...?] за н/9. *Терновский.*

578. Пропуск бельгийскому консулу Назе для беспрепятственного продвижения по Москве. *Ив. Назе. 4/XI 1917.*

579. Малевичу пропуск в Кремль. *Аронст.*

---

*) Запись не закончена.

**) Под № 564 зарегистрированы два документа.

***) Подпись Г. А. Усиевича относится к записям №№ 572 и 573.

****) Подпись Хазанова относится к записям №№ 574 и 575.

580. Давыдовой пропуск в Кремль. *Давыдова.*

581. Приказ Андрееву произвести расследование на Рублевской станции. *Андреев.*

582. Пропуск [на] выезд из Москвы Захарову. *Захаров.*

583. Постановление Военно-революционного комитета поставить охрану для [Городской] управы. [*М. Ф.*] *Владимирский.*

584. Разрешение Савельеву продлить срок для ремонта сбруи до 7/XI. *Хазанов.*

585. Торзиеву разрешение на свободный проезд от Москвы до Одессы.

586. Торзиеву право на получение отобранного револьвера. *Н. Торзиев* *).

587. Аронсту удостоверение на право ношения оружия. *Аронст.*

588. Приказ сняться с караула охраняющей Военно-революционный комитет 14 роте 55 запасного пехотного полка. *Хазанов.*

589. Пропуск в Кремль Малиникову. *В. Холщев* [?].

590. Удостоверение И. В. Лебедеву, как амнистированному, освобожденному из Бутырской тюрьмы.

600. Пропуск-разрешение на право проезда по городу на автомобиле. *Чайков.*

601. Пропуск на право проезда по городу автомобиля Московского городского продовольственного комитета. *Чайков.*

602. [Содержание не записано].

603. Приказ о назначении комиссаром продовольствия [войск] Осинского. *Осинский.*

604. Приказ перевезти оружие из Казенной палаты в Совет рабочих депутатов **).

605. Пропуск в Кремль Цубербиллеру, Талакину и Волкову для препровождения полкового штандарта. *Поручик Цубербиллер.*

606. Пропуск на право проезда по Москве и Кремлю К. Барсову.

607. Леон. Зворыкину.

608. Н. Новикову.

609. В. Новикову. *Владимирский* ***).

610. Силину.

611. Ольденбургу****).

612. [Содержание не записано]. *Г. Усиевич.*

613. Мамонову содержание № 610. *Владимирский.*

---

*) Подпись Н. Торзиева относится к записям №№ 585 и 586.

**) Подпись не разобрана.

***) Подпись М. Ф. Владимирского относится к записям №№ 606—611 включительно.

****) В подлиннике ошибочно: «Ольденборгу».

614. На право продвижения по Москве Григорьеву. *Григорьев.*

615. Пропуск в Кремль Негодину. *Л. Вит*[....?].

616. Усиев[ич]у на право ношения оружия. *Г. Усиевич.*

617. Пропуск автомобилю на проезд по Москве Городскому продовольственному комитету. *Чайков* *).

618. » » »

619. » » »

620. Удостоверение Левенсону, командированному на Рублевскую станцию. *Левенсон.*

800 пропусков в Александр[овское военное] училище. *Сел*[..?].

621. Разрешение на выпуск латышской газеты «Эхо родины». *Бричкина.*

622. Приказ Чернову осмотреть автомобили и испорченные отправить для ремонта. *Чернов.*

623. Удостоверение Клоку — комиссару по охране Московского окружного суда. *С. Клок.*

624. Удостоверение Попову — разрешение печатать в типографии газету «Деревенская правда». *Для Попова Ем. Ярославский.*

625. Пропуск на право прохода в свое помещение юнкерам 5-й московской школы прапорщиков в числе 50 человек. *Бричкина.*

626. Удостоверение Бобкову — уполномочен собрать сведения о количестве раненых. *З. Герасимова.*

627. Б. Ф. Ретлин — уполномочена производить кинематографические снимки. *А. Ретлин.*

628. Разрешение Марьяшкину на право иметь оружие. *Михаил Алекс. Марьяшкин.*

629. Удостоверение представителю Викжеля Верветченко на право входа в Александровское [военное] училище. *Я. Верветченко.*

630. Удостоверение представителю Викжеля Божикову на право входа в Александровское [военное] училище. *В. Божиков.*

631. Удостоверение Сухаренкову — как амнистированный подлежит возврату в часть. *Сухаренков.*

632. [Содержание не записано].

400 пропусков для Железнодорожного района. *Мальцев.*

633. Приказ об откомандировании Клока и 30 солдат на караул к окружному суду **).

634. Приказ т. Сковно об отобрании оружия в д. Баскакова № 1 в Дегтярном пер. *А. Сковно.*

---

*) Подпись Чайкова относится к записям №№ 617, 618 и 619.

**) Подпись не разобрана.

635. Приказ Канаеву о введении караула в помещение «Русского слова». *Канаев.*

636. Приказ Кузнецову о введении караула на Красную площадь. *Кузнецов.*

637. 10 пропусков. *И. Лобковский.*

638. Разрешение Лобковскому на право ношения револьвера. *И. Лобковский.*

639. В профессиональный союз печатников — просьба разрешить сверхурочные рабочие часы, с сообщением о реквизиции типографии Саблина. *Т*[...?].

150 пропусков в типографию «Известий» *).

640. Председателю Центрального исполнительного комитета Александровской железной дороги Чернышеву приказ о разборке пути у станции Можайск. *Шевердин.*

641. Удостоверение Анкудинову, что он явился в распоряжение Военно-революционного комитета 3/XI.

642. Удостоверение Бокареву в том же. *Анкудинов* **).

643. [Содержание не записано].

644. Приказ допустить в помещения Городской думы для заседания Совета районных дум. *Подбельский.*

645. Удостоверение Лисину, амнистированному, едущему в Кострому для явки в свою часть. *Лисин.*

646. Удостоверение Лобушеву на право провоза оружия на станцию «Электропередача». *Бричкина.*

647. Приказ о назначении Бутягина комиссаром [гостиницы] «Метрополь» и Городской думы. *Бутягин.*

648. Приказ Данилову о занятии [гостиницы] «Дрезден» и о назначении Данилова помощником коменданта. *Данилов.*

649. Соколову удостоверение о том, что реквизиции в Московской губернии без решения земельных комитетов являются недействительными (владелец имения близ Москвы) ***).

650. Удостоверения нейтральным комиссарам Викжеля, присутствующим при сдаче оружия в Александровском [военном] училище. *Бричкина.*

651. Приказ о назначении Владимирова помощником коменданта в Городскую думу. *За Владимирова Бур*[..?].

652. Приказ отпустить комитету рабочих при хрустальном заводе Дютфуа 1 000 пуд. нефти. *Бричкина.*

653. Разрешение Харикову въезда на родину. *Бричкина.*

*) Подпись не разобрана.

**) Подпись Анкудинова относится к записям №№ 641 и 642.

***) Подпись не разобрана.

654. Приказ о назначении Павловского управляющим Большим театром.

655. Приказ о назначении Правдина управляющим Малым театром.

656. Павловскому о принятии мер для приведения в порядок помещений Большого театра. *Протопопов* *).

657. Приказ об освобождении Синицкого из под ареста. *И. Казначеев.*

64 пропуска для штаба. *Н. Коган.*

658. Пропуск в Кремль митрополиту Платону. *П. Мостовенко* **).

659. Иудину.

660. Уткину.

661. Удостоверение Андрееву на право ношения оружия. *Бричкина.*

662. Пропуск Дудниченко, Гоману, Рачевскому, Гвоздиковскому, Беднякову, Коваленко, Бульонову, Лускареву, Васильковскому, Богородскому, Терехову, Тарилцихину на выезд из Москвы по распоряжению Муралова. *Сестра П. Шелег.*

663. Приказ о выдаче лазарету № 1300 необходимых продуктов из городских продовольственных учреждений. *Б. Закс.*

664. Удостоверение в том, что Военно-революционный комитет не препятствует наречению патриарха, но предостерегает от выходок провокаторов.

665. Удостоверение в том, что Военно-революционный комитет не препятствует причту кремлевских храмов установить свою охрану. *Томский* ***).

666. Удостоверение 1-й трудовой артели извозчиков — разрешение на отпуск 1 200 п. керосину для продажи населению. *П. Шалан*[..?].

667. Пропуск вице-консулу итальянскому Ломбардо для свободного передвижения автомобиля.

668. Пропуск по Москве вице-консулу Ломбардо Мажони. Majoni Lombardo ****).

669. Выдано 30 бланков с печатью секретарю Вейсман для Городского управления. *А. Вейсман. 4. XI.*

670. Комиссару станции просьба оказать содействие к выезду в Петроград американской миссии *****).

671. Удостоверение подпоручику Ткачеву в том, что он отправляется на родину до ст. Жмеринки. *Подпоручик Ткачев.*

---

*) Подпись Протопопова относится к записям №№ 654, 655 и 656.

**) Подпись П. Н. Мостовенко относится к записям №№ 658, 659 и 660.

***) Подпись М. П. Томского относится к записям №№ 664 и 665.

****) Подпись относится к записям №№ 667 и 668.

*****) Подпись не разобрана.

672. Удостоверение Заксу в том, что ему поручается выяснить вопрос о реквизиции дома Рахманова. *Шевердин.*

673. Приказ Бобинскому произвести следствие о зарытии трупа Бермана в доме № 13 по Поварской. *Бобинский.*

Выдано 16 пропусков тов. Магеровскому. *Д. Магеровский.*

674. Приказ отпустить 2 мешка соли Терновскому. *Терновский.*

Выдано 7 пропусков Удалову.

675. Пропуск из Москвы Резникову, Русину, Шевцову, Шванскому *), Соколовой. *Резник.*

676. Приказ освободить Курбатовский лазарет.

677. Пропуск лицам, работающим по выборам в Учредительное собрание.

678. Удостоверение Л. Б. Залкинду в том, что ему и сотрудникам разрешается свободный проход в Городскую думу.

679. В Транспортный отдел просьба выдать 2 автомобиля для комиссии по выборам в Учредительное собрание.

680. В Транспортный комитет просьба выдать 12 грузовых и 3 легковых автомобиля для Столичной комиссии по выборам в Учредительное собрание.

681. Пропуск Окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии для свободного продвижения по Москве и Московской губернии. Копии нет. *Альтер* **).

682. Удостоверение Гайлешу на право ношения оружия. *Гайлеш.*

683. Разрешение Бухарину на ношение оружия. *Н. Бухарин.*

684. Пропуск в Кремль Корнетову. *Корнетов.*

685. Удостоверение Ломову в том, что он является членом Военно-революционного комитета. *Виноградская.*

686. Удостоверение Розенталю, заведующему арсеналом Военно-революционного комитета. *К. Розенталь.*

687. Собранию рабочих «Московского листка» об условиях работы в типографии для федерации анархистов. *Мостов*[*енко*?].

688. Удостоверение Амосову в том, что ему поручено поехать в Вязьму для выяснения вопроса о разборке рельс и движения 22 и 21 эшелонов, идущих на Москву.

689. Всероссийскому исполнительному комитету железнодорожного союза просьба делегировать представителя в Военно-революционный комитет для связи. *А. М. Амосов* ***).

690. Разрешение на ношение оружия т. Генженцеву. *А. Генженцев.*

---

*) В записи № 889— «Иванскому».

**) Подпись И. М. Альтера относится к записям №№ 678—681 включительно, а возможно также и к №№ 676 и 677.

***) Подпись А. М. Амосова относится к записям №№ 688 и 689.

691. Разрешение на ношение оружия т. Ладогину. *Ладогин.*

692. Разрешение на ношение оружия т. Булочникову. *Булочников.*

693. Морозову, Сахарову, Тейтельбауму предложение принять срочные меры к функционированию комиссии по снабжению армии теплыми вещами. *Морозов.*

694. Разрешение на ношение оружия т. Муценек, Чокке, Энзиль. Копий нет. *Виктор* [*Тихомирнов*].

5 ноября 1917 г.

695. Ордера на производство обыска в номере артистки Генибор т. Андрееву и Бойцову. Копий нет. *Андреев.*

696. Военно-революционный комитет сообщает, что его представитель может явиться на совещание только к 11 час. *Бричкина.*

697. Военно-революционный комитет разрешает беспрепятственный вход в Кремль и обратный выход тов. Остроумову. Копии нет. *Остроумов.*

698. Военно-революционный комитет советов рабочих и солдатских депутатов удостоверяет, что квартира № 24 в доме № 10 по Малому Козихинскому пер., где проживает Г. С. Томме, заведующий конторой «Известий», обыску не подлежит. *Бричкина.*

699. Выдано 200 пропусков Сивакову. *Сиваков.*

700. Выдано 20 пропусков для автомобилей Михасику. *А. Михасик.*

701. В.-Р. К. М. С. Р. [Д.]просит предоставить материалы для снабжения армии и населения продовольствием. *Шерлин* [из «Красного креста»].

702. Приказ Военно-революционного комитета с поручением врачу Боголепову осмотреть и, в случае надобности, вскрыть труп М. Д. Бермана, находящийся в Солдатенковской больнице. *Бобинский.*

703. Пропуск: Военно-революционный комитет советов рабочих и солдатских депутатов настоящим разрешает предъявителю сего Аронович беспрепятственный выезд в г. Петроград. *Ломов.*

704. Предложение немедленно пропустить автомобиль Коломенской мастерской. *К. Д* [..?].

705. Комиссару Московского военного округа Муралову предписание дать распоряжение о выводе войск из помещений [дома] бывш. генерал-губернатора.

706. Удостоверение заместителю члена Военно-революционного комитета Мельничанскому. *Мельничанский.*

707. Приказ о прикомандировании в резерв штаба солдата Н. Плахина. *К. Дв.* [..?].

708. Удостоверение Рудневу П. П., что он отпущен в отпуск и освобожден из-под ареста. *К. Дв.* [..?].

709. Лефортовскому [районному] военно-революционному комитету просьба выдать сведения об арестованном Жучкове. *И. Жучкова.*

710. Приказ задержать Устинкина, начальника отряда Центрального штаба Красной гвардии. *В. К[арелин?].*

711. Экспедиции газеты «Социал-демократ» — просьба снабдить литературой солдат, присланных из Петрограда.

712. Экспедиции «Известий Военно-революционного комитета» — то же. *Додонова* *).

713. Приказ Автомобильному отделу предоставить 2 легковых автомобиля петроградскому отряду (1-й—Попову, 2-й—Николаевский вокзал, б. царский павильон). *Козин.*

714. Пропуск в помещения Военно-революционного комитета и на право продвижения по Москве американскому генеральному консулу г. Маддин Суммерс. *Л[..?].*

715. Дворянскому клубу — сообщение о реквизиции помещений и оставлении имущества в распоряжении Военно-революционного комитета. *Петровская.*

716. В депутатское дворянское собрание — содержание № 715.

717. В госпиталь № [..?]. *Петровская* **).

718. Пропуск М. Рыкунову на въезд в Троицкое.

719. Штабу Красной гвардии очистить помещение лазарета, занятое общежитием слушателей университета Шанявского, или освободить означенное помещение. *Альтер* ***).

720. Т. Михалевскому сообщение об организации двух следственных комиссий при Бутырской и Таганской тюрьмах, предложение переговорить о делегатах от нейтральных группировок, представленных в следственной комиссии. *А. Розенгольц.*

721. Разрешение вывезти тело убитого прапорщика Цветкова на ст. «Орехово-Зуево». *Цыбин.*

722. Госпитальному отделу Военно-революционного комитета — просьба взять из госпиталя Красного креста № ..., который реквизируется Военно-революционным комитетом, раненого казака. *Петровская.*

723. Удостоверение Кл. А. Коноваловой (секретарю инструкторских курсов) на право входа во все места и учреждения г. Москвы.

724. Пропуск г. Пыщик-Иванову на право выезда из Москвы до Вязьмы. *Альтер* ****).

725. [Н. Н.] Овсянникову—сообщение о том, что он делегируется в комиссию об арестованных и военнопленных. *Шевердин.*

---

*) Подпись А. А. Додоновой относится к записям №№ 711 и 712.

**) Подпись Петровской относится к записям №№ 716 и 717.

***) Подпись И. М. Альтера относится к записям №№ 718 и 719.

****) Подпись И. М. Альтера относится к записям №№ 723 и 724.

726. Г. С. Егорову право держать при себе оружие. *Егоров.*

727. Приказ, предоставляющий комиссару почты и телеграфов Подбельскому право реквизиции помещений, подвод, автомобилей и разрешение взять 2 автомобиля. 2 экземпляра. *Подбельский.*

728. Т. Смидовичу поручение выяснить дела заключенных в Сл. Каз.]?] Львова, Тихомирова и др. *Шевердин.*

729. Приказ т. Воронцову произвести обыск в доме № 13 по Никитскому бульвару ...*) пул. *А. Воронцов.*

730. Т. Виноградской — право ношения оружия. *Виноградская.*

731. В Автомобильный отдел — предоставить 4 грузовика Комиссии по выборам в Учредительное собрание. *Мулер.*

732. Телефонной станции — поручение пустить в дело в первую очередь «О-во электрического освещения 1886 года». *См*[..?].

733. «О-ву электрического освещения» — поручение привести в порядок освещение в помещениях Советов рабочих и солдатских депутатов. *См* [..?].

734. В Автомобильный отдел — гараж «Фиат» — просьба предоставленные им машины передать в распоряжение Военно-революционного комитета. *А. Розенгольц.*

735. Петровской разрешение носить оружие.

736. Серегину разрешение носить оружие.

737. Темкину разрешение носить оружие.

738. Дроздовой Ан. Петр. разрешение носить оружие. *Е. Н. Белимова* **).

739. Белимовой разрешение носить оружие.

740. Лобковскому разрешение носить оружие.

741. Редакции газеты «Вперед» — просьба поместить объявление Продовольственного комитета.

742. Редакции газеты «Социал-демократ»—то же.

743. Редакции «Известий Военно-революционного комитета» — то же. *А. Додонова.* ***).

744. Удостоверения Пятницкому и Сергееву, делегированным в комиссию по улажению конфликта на [Московско]-Курской железной дороге. *Пятницкий.*

745. Пшенистову — разрешение носить оружие.

746. Жарову—разрешение носить оружие *А. Пшенистов*****).

---

*) В подлиннике пропуск.

**) Подпись Е. Н. Белимовой относится к записям №№ 735—740 включительно.

***) Подпись А. А. Додоновой относится к записям №№ 741, 742 и 743.

****) Подпись Пшенистова относится к №№ 745 и 746.

747. Московскому комитету социал-демократии Польши и Литвы—предложение принять участие в междупартийном совещании по вопросу об организации власти. *Б[обинский?]*.

748. Комиссару почты и телеграфа т. Подбельскому — просьба облегчить Ф. Я. Цирулю разговор с Ташкентом *).

749. Московской организации РС-ДРП (меньшевиков)—приглашение на межпартийное собрание 6/XI в 3 час.

750. Московской организации Польской социалистической партии (Левица) — то же.

751. Московскому комитету социалистов-революционеров —то же.

752. Московской организации Бунда —то же.

753. Московской Латышской организации социал-демократов—то же. *А. Темкина* **).

754. Удостоверение Щербаку — отобран у него револьвер «Наган» революционными войсками. *Щербак.*

755. Разрешение на оружие Леону Гро. *Гро.*

756. Удостоверение Федосову — временно заведывающему Автомобильным отделом. *Д. Федосов.*

757. Вимбе — удостоверение — избран для организации похорон. *А. Вимба.*

758. Московской телефонной станции включить в первую очередь телефоны №№ 64-20, 64-21, 64-22, 64-23, 64-24, 64-25 и др. и заменить аккумуляторы повышения. *Е. Кузьмина.*

759. Удостоверение Переверзевой на право прохода во все правительственные учреждения. *А. Переверзева.*

760. Удостоверение Стукову, что он действует по приказу Военно-революционного комитета. *Ин. Стуков.*

761. Начальнику станции Москва Курской железной дороги — требование-предложение принять к перевозке 30 человек красногвардейцев. *Гинзбург.*

762. Разрешение на оружие С. Е. Смирнову. *Смирнов.*

763. Комиссару Подбельскому — просьба срочно под личным наблюдением отправить прилагаемую телеграмму. *А. Додонова.*

764. В Губернский Военно-революционный комитет — сообщение постановления о поручении Губернскому Военно-революционному комитету назначить уездного комиссара.

765. Покровскому сообщается постановление заседания Военно-революционного комитета 5/XI об образовании комиссии по установ-

---

*) Подпись не разобрана.

**) Подпись А. Ф. Темкиной относится к записям №№ 749—753 включительно.

лению взаимоотношений консулов и Военно-революционного комитета и о делегировании Покровского.

766. Удостоверение Покровскому — делегируется в комиссию по установлению взаимоотношений консулов и Военно-революционного комитета. *М. Покровский* *).

767. В штаб Московского военного округа — содержит № 765 и 2 пакета от консульства. *Я. Грицман.*

768. Комиссару по гражданской части Москвы Рогову — постановление заседания Военно-революционного комитета 5/XI об охране иностранцев наравне с остальными жителями Москвы. *Шевердин.*

769. В Автомобильный отдел — предоставить Серегину вне очереди автомобиль. *Хо*[..?].

770. В нейтральную социалистическую группу—сообщение постановления заседания Военно-революционного комитета 5/XI об организации при Таганской и Бутырской тюрьме следственных комиссий по делам юнкеров.

771. В Военно-революционный комитет Рогожского района — постановление Военно-революционного комитета 5/XI о образовании следственных комиссий при тюрьмах Бутырской и Таганской и предложение делегировать представителей в означенные комиссии. *А. Розенфельд.*

772. Военно-революционному комитету Бутырского района—то же. *А. Розенфельд.*

773. Пропуск Машечкину на право провоза до ст. Яхрома 20 штук винтовок, 3 ящиков патронов. *Машечкин.*

774. Разрешение на оружие Розенталю.

775. Военно-революционному комитету Симоновского района просьба освободить Вимбу, ввиду перегруженности работой, от его обязанностей в районе. *А. Вимба* **).

776. Удостоверение Розенталю — делегируется в комиссию по организации похорон. *А. Вимба.*

777. Издательству «Волна» — просьба отпустить т. Мегалинскому за наличный расчет литературы.

778. В типографию «Известий» — то же.

779. В типографию «Социал-демократа»—то же. *Мегалинский* ***).

780. Разрешение на оружие Николаеву. *А. Николаев.*

781. Разрешение на оружие Аматуни. *А. К. Аматуни.*

782. Разрешения на оружие Цельмину, Баузе, Страумет, Гросман, Берзин, Герман, Ласс, Гудель, Завин, Плудис, Кушель, Дерц,

*) Подпись М. Н. Покровского относится к записям №№ 765 и 766.

**) Подпись А. Вимбы относится к записям №№ 774 и 775.

***) Подпись Мегалинского относится к записям №№ 777, 778 и 779.

Сусау, Беков, Вильям, Берх, Павлун, Вымотрок, Юке, Антроп, Квесис, Земель, Мемен и др., указанным в списке.

783. Право ношения оружия И. Визуну.

784. » » » С. Визуну.

785. » » » Ларичев.

786. » » » Ягуков.

787. » » » Добржанский.

788. » » » Лубешников. *Визун.* *)

789. » » » Мельникову-Степанову. *Степанов.*

790. Счет Мегалинскому на 20 руб. за 2 000 экз. «Декретов Временного правительства». *Мегалинский.*

791. Разрешение на оружие доктору Баранову. *А. Розенфельд.*

792. Разрешение на оружие Блюмберг, Девинктель, Мартьянсон. *К. Розенталь.*

793. Приказ комиссии, рассматривающей дела заключенных в Бутырской тюрьме. *Шевердин.*

794. Приказ по интендантскому ведомству об исполнении всех распоряжений комиссара по окружному интендантству.

795. 796 **). Приказ 1 интендантскому пищевому складу — благодарность самоотверженным работникам, чиновникам склада, проявившим себя во время боев на улицах. *И. Нахгальцев* ***).

797. В штаб Московского военного округа прапорщику Упорову — приказ распорядиться расставить караул в помещении Городского продовольственного комитета. *А. Розенфельд.*

798. Заведующему московским отделом контроля бывшего министерства двора предписание сделать распоряжение об оплате расходов по ассигновкам за подписями Растопчинского и Васильевского.

799. Приказ — Л. В. Собинову поручается выполнение обязанностей уполномоченного Государственного Большого театра.

800. Приказ Южину-Сумбатову выполнять обязанности уполномоченного по Малому Государственному театру. *Малиновская* ****).

801. Право на оружие Давидовскому. *Давидовский.*

802. Право на оружие Мэсюлису. *Масюлис.*

803. Удостоверение т. Сергееву о назначении его комиссаром по транспорту. *Вл. Сергеев.*

804. Удостоверение А. Сазонову на право вывоза 6 ящиков из Москвы (ремни, кобуры, сумки походные). *Сазонов.*

---

*) Подпись: «Визун» относится к №№ 783 — 788, а возможно и к № 782.

**) Цифра: «796» — против записи № 795. Возможно, что выданы два экземпляра № 795.

***) Подпись И. Нахгальцева относится к записям №№ 794—796.

****) Подпись Е. К. Малиновской относится к записям №№ 798, 799 и 800.

805. Разрешение на оружие Безногову. *Безногов.*

806. Приказ комиссии по рассмотрению дел юнкеров, заключенных в Кремле и других местах, рассматривая дела, сделать постановления и привести их в исполнение. *Шевердин.*

807. Т. Смидовичу приказ рассмотреть дела юнкеров и принять соответствующие меры. *Шевердин.*

808. Стукову, Бухарину—приказ выехать в Петроград для переговоров с Советом Народных Комиссаров. *Шевердин.*

809. Начальнику ст. Москва — вне очереди выдать билет Стукову до Петрограда.

810. То же — Бухарину. *Ин. Стуков* *).

811. Военному штабу — снять и поставить внешний караул в Городской думе. *В. Козловский.*

812. Телеграфу станции «Подсолнечная» — объяснить непонятную телеграмму за подписью Архипова. *А. Пет*[..?].

813. Приказ т. Хрусталеву произвести обыск в Ляпинских **) меблированных комнатах ***). *Хрусталев.*

813. Удостоверение Усиевичу, члену Военно-революционного комитета, [на] право ношения оружия. *Г. Усиевич.*

814. Требование [от] «Нобель и К-о» на получение одной цистерны бензина. *Д. Федосов.*

6 ноября.

815. Пропуск в Кремль Хундадзе. *Хундадзе.*

816. Разрешения на оружие
1 — Грейберг Я. А.
2 — Земель А. Э.
3 — Пихнэ О. П.
4 — Огле Л. К.
5 — Лукстамп И. П.
6 — Антрох Я. Д.
7 — Мартинсон К. Д.
8 — Бита М.
9 — Луйс К. А.
10 — Энзин Я. Я.
11 — Аншенек Э. К.
12 — Крастынь Я. Я.
13 — Вайзад М. М.
14 — Яунозоль М. Я.
15 — Уласт И. А.
16 — Мангул П.
17 — Упит Э. К.
18 — Ленс Я. Я.
19 — Клявегок М. К.
20 — Озолин К.
21 — Вилнесу
22 — Дравенек К. И.

А. Энзиль.

817. Пропуск Бройде в военную тюрьму. *С. Бройде.*

818. Разрешение Автомобильному отделу выдать 3 грузовика для Московской по выборам в Учредительное собрание комиссии. *Мулер.*

---

*) Подпись Ин. Стукова относится к записям №№ 809 и 810.

**) В подлиннике: «Латинских».

***) Вся запись зачеркнута.

819. Крестьянам деревни Завидовки Вил. вол., Мих. уезда, Рязанской губернии, — согласно прилагаемому декрету Совета Народных Комиссаров, имение Войниченко поступает в распоряжение местного земельного комитета.

820. Пропуск Фельдману на вход в помещение телеграфа и выход из него. *Л. Фельдман.*

821. Удостоверение Калнину — вывезти для Подольского Совета рабочих и солдатских депутатов 100 ящиков патронов и 500 ружей.

822. Приказ отпустить Калнину 100 ящиков патронов для Подольского Совета рабочих и солдатских депутатов.

823. Приказ Военно-революционному комитету Железнодорожного [района] отпустить 500 русских винтовок со ст. Москва. *А. Калнин* *).

824. В штаб Красной гвардии — приказ перейти в комнаты за №№ 32, 33.

825. Разрешение т. Мунтянц вывезти в гараж фабрики бр. Мамонтовых сломанную машину за № 1284. *Лисенко.*

826. Разрешение изготовлять, начать товарищам наблюдение за изготовлением авиационных моторов на заводах Москвы.

827. Начальнику 2-х автомобильных мастерских разрешение выдать сломанный автомобиль «Оксхоль» Лямину.

828. Комиссару Московского военного округа — просьба разрешить вопросы, возбужденные Ляминым. *Получил А. Н. Лямин* **).

829. Приказ распустить собрание бывших гласных Московской городской думы, назначенное вопреки постановлению Военно-революционного комитета.

830. Удостоверение — командор линейного корабля «Гражданин» [Ф. Ф. Раскольников находится] в распоряжении Военно-революционного комитета. Ф. *Р[аскольников]*.

831. Комиссару Московского военного округа — просьба распорядиться о выводе войск из здания Совета рабочих депутатов. *Акерман.*

832. В штаб Военно-революционного комитета — просьба послать солдат для приведения в исполнение постановления [о роспуске собрания бывших гласных] думы городской. *М. Рыкун[ов]*.

833. В телефонную станцию — о стеклах: просьба прислать стекла для починки гостиницы «Дрезден».

834. Квартирмейстеру Смирнову — приказ об отведении Московской федерации анархистов-коммунистов 2-х комнат в гостинице «Дрезден». *Бармаш.*

---

*) Подпись А. Калнина относится к записям №№ 821, 822 и 823.

**) Расписка фабриканта А. Н. Лямина относится к записям №№ 826, 827 и 828.

835. Удостоверение Г. Л. Прейсман на право немедленно приступить к работе, но в отделе по выборам в Учредительное собрание. *Г. Л. Прейсман.*

836. В экспедицию «Известий» — просьба отпустить по 20 номеров «Известий» за дни революции.

837. Удостоверение О. Н. Тарабашиной для выяснения условий пропуска в Кремль. *Тарабашина.* *).

838. В заводской комитет завода Зингер, г. Подольск, — о выплате жалованья рабочим из казначейства **).

839. Удостоверение Бирюкову на право вывоза из Москвы 5-ти ящиков ремней, кобуров и походных сумок. *Получил Бирюков.*

840. Удостоверение Родионову в том, что он с 25/X по 5/XI сражался в рядах революционных войск. *Лисенко.*

841. Удостоверение [В. М.] Смирнову в том, что он делегируется Военно-революционным комитетом на межпартийное совещание.

842. Солдатскому комитету завода «Амо» приказ выдать 7 грузовых автомобилей в распоряжение Окружной по выборам в Учредительное собрание комиссии. *Альтер.*

843. В Ново-Екатерининскую больницу—разрешение Шомину на получение трупа своего сына. *Л. Ка*[*менев*].

844. Комиссару Московского военного округа—просьба выдавать матросам одежду и обувь и предоставить возможность помыться в банях. *А. Железняков.*

845. В лазарет Канцовского училища о помещении Васильева в этом лазарете. *И. Сорокин.*

846. Выписка постановления из журнала заседаний Военно-революционного комитета совета рабочих и солдатских депутатов от 6/XI 1917 г. Постановление об открытии буржуазной печати. *А. Темкина.*

847. Удостоверение т. Вимбе, что автомобилю № 417 разрешается выезд. *А. Вимба.*

848. В Автомобильный отдел разрешение на выдачу в распоряжение матросов автомобиля. *А. Железняков.*

849. Удостоверение о назначении комиссаром по иностранным делам Мих. Ник. Покровского. *Р. Орлова.*

850. Приказ Симоновскому районному совету рабочих депутатов немедленно дать т. Родзиминскому 15 ящиков русских патронов.

851. Приказ Военно-революционному комитету совета рабочих депутатов железнодорожного узла немедленно выдать т. Родзиминскому 200 русских винтовок. *П. Родзиминский* ***).

---

*) Подпись О. Н. Тарабашиной относится к записям №№ 836 и 837.

**) Подпись не разобрана.

***) Подпись П. Родзиминского относится к записям №№ 850 и 851.

852. Удостоверение т. Родзиминскому на вывоз из Москвы в Богородск 200 винтовок и 15 ящиков патрон. *П. Родзиминский.*

853. Две [бумаги]: заведующему автомобильным заводом «Амо».

854. » Заведующему 2-м центральным складом автоимущества. Кап[итан?] *Любарский* *).

855. Приказ о реквизиции помещения «Фиат» для гаража Военно-революционного комитета. *Д. Федосов.*

856. Товариществу «Дукс» просьба отпустить 200 пудов бензина для нужд Военно-революционного комитета. *Д. Федосов.*

857. Удостоверение т. Попову на право ношения и хранения оружия. *Попов.*

858. Удостоверение т. Комаринец о назначении его комиссаром по заведыванию городским хозяйством. *М. Комаринец.*

859. В Столичную по выборам в Учредительное собрание комиссию о делегировании т. Комаринца в эту комиссию. *М. Комаринец.*

860. Удостоверение т. Ф. Я. Цирулю на право ношения и хранения огнестрельного оружия.

861. Удостоверение Цирулю на получение вне очереди билета до Ташкента. *Ф. Я. Цируль* **).

862. В штаб Московского военного округа — приказ подпрапорщику Зайцеву не допускать митингов и собраний под открытом небом. *Г. Усиевич.*

863. Пропуск Максимовскому на выезд***) в Москву. *Влад. Максимовский.*

864. [Содержание не записано.]

865. [Содержание не записано.]

866. Комиссару ст. Москва Казанской железной дороги — разрешение выдать Воллейндт билет вне очереди до ст. Снежеток. *Андреев.*

867. В штаб Московского военного округа — приказ т. Заставе принять меры к недопущению митингов или собраний под открытым небом. *Застава.*

868. Удостоверение Рогожину на отпуск на 3 дня на ст. Лихоборы. *Рогожин.*

869. Пропуск Мовшовичу на беспрепятственный выезд из Москвы. *М. Рыкунов.*

870. Пропуск Тимофееву [на] беспрепятственный выезд из Москвы. *М. Рыкунов.*

---

*) Подпись кап. Любарского относится к записям №№ 853 и 854.

**) Подпись Ф. Я. Цируля относится к записям №№ 860 и 861.

***) Так в подлиннике.

871 *). Исполняющему должность управляющего канцелярией комиссаров Временного правительства по г. Москве — приглашение пожаловать в комнату № 5. *А. Сковно.*

872. В Автомобильный отдел—разрешение на получение 3 автомобилей для отдела по выборам в Учредительное собрание. *Г. Прейсман.*

873. Удостоверения Северьянову,

874. Вноровскому,

875. Харламову,

876. Жук в том, что они были арестованы в Александровском [военном] училище за отказ выступить против солдат. *Удост[оверения получил] А. Северьянов.*

877. Удостоверение Викентьеву в том, что он находится на службе Военно-революционного комитета.

878. Удостоверение Кубареву, устанавливающее факт отобрания у него оружия во время переворота. *Кубарев* **).

879. Комиссару ст. «Москва-Курская» — просьба заменить вагон в 3 купэ на вагон в 6 купэ. *Ю. Любицкий.*

880. Удостоверение Левинсону в том, что он назначается комиссаром по учреждениям министерства юстиции. *Левинсон.*

881. Выписка из журнала постановлений Военно-революционного комитета 6/XI — открыть свободный доступ в Кремль для работ в судебных учреждениях. *Левинсон.*

882. В лазарет (Леонтьевск. пер., д. № 12) о предоставлении ночлега в течение 4 дней солдатам Ковалеву, Коршунову, Егорову. *Ковалев Петр.*

883. Пропуск М. Томскому в Петроград по делам профессионального союза металлистов.

884. Удостоверение Викентьеву в том, что он откомандировывается в свою часть. *А. Викентьев.*

885. Комиссару ст. Москва, Николаевской железной дороги —поручику французской службы Анри на право получения билета вне очереди.

886. Капитану Шарпэнэ — то же.

887. Пропуск на беспрепятственный выезд в Петроград Шарпэнэ.

888. То же — Анри. *Шарпэнэ* ***).

889. Комиссару ст. Москва — Николаевской железной дороги — просьба отправить бесплатно в Петербург тт. Резникова, Иванского ****), Шевцова и Соколову. *Шевцов.*

---

*) В подлиннике следует слово: «Управ[ляющему]».

**) Подпись Кубарева, вероятно, относится и к записи № 877.

***) Подпись капитана Шарпэнэ относится к записям №№ 885, 886, 887 и 888.

****) В записи № 675: «Швапскому».

890. В Московское дворянское депутатское собрание — о предоставлении, по распоряжению Военно-революционного комитета, помещения Дворянского собрания Центральному совету московских профессиональных союзов. *А. Розенфельд.*

891. Разрешение Московскому дворянскому собранию вывезти свои дела из помещения депутатского собрания в другое помещение.

892. В Центральный совет Московских профессиональных союзов — предложение приступить к приемке помещения и описи имущества Дворянского депутатского собрания. *А. Розенфельд* *).

893. В Козловский Военно-революционный комитет — просьба оказать всяческое содействие делегатам Кумбакского совета рабочих депутатов.

894. В Воронежский Военно-революционный комитет — то же. *Е. П. Альперович* **).

895. Удостоверение Пискареву в том, что он назначен комиссаром гор. хоз. сал. [?].

896. Удостоверение Томкевичу — то же.

897. Андрюшину — то же.

898. Телешову — то же. *А. Монахов* ***).

899. Луданову — то же.

900. Монахову — то же. *А. Монахов* ***).

901. Комиссару транспортного отдела ****).

902. Удостоверение т. Егорову осмотреть типографию газеты «Русское слово» и ознакомиться с приходом и расходом. *Егоров.*

903. В Симоновский и Городской районы.

904. Удостоверение тов. Заксу в том, что он назначен комиссаром банков. *Б. Закс.*

905. Удостоверение тов. Федосову на получение из гаража Жемочкина 2 бочек автомобильного масла. *Д. Федосов.*

906. Удостоверение Мельничанскому в том, что он назначен комиссаром Московской складской таможни. *Мельничанский.*

907. Удостоверение Попову в том, что он назначен комиссаром банка. *Бричкина.*

908. [Содержание не записано.]

909. Удостоверение Селицкому на право носить оружие. *За Селицкого Розенгольц.*

910. Приказ заведующему оружейным складом от начальника резерва о выдаче оружия.

---

*) Подпись А. Розенфельда относится к записям №№ 891 и 892.

**) Подпись Е. П. Альперович относится к записям №№ 893 и 894.

***) Подписи А. Монахова относятся к записям №№ 895—900 включительно.

****) Подпись не разобрана.

911. 7/XI *) 1917 г. Выдано тов. Владимирскому (комиссару по городскому хозяйству) 50 бланков. *Владимирский.*

912. 7/XI **). Выдано тов. Нахгальцеву (комиссару по [Бутырской] тюрьме) 20 бланков с печатью. *И. Нахгальцев.*

913. В Московскую контору Государственного банка приказ о задержании выдачи денег. *Алех*[*ин*?].

914. Начальнику станции Москва (Николаевской железной дороги) просьба о выдаче проездного билета вне очереди до Петрограда Б. Г. Козелеву. *Б. Козелев.*

915. Удостоверение о том, что имения кн. Юсуповой реквизиции не подлежат. *Климочевский.*

916. Разрешение на право ношения оружия унтер-офицеру Ляху. *Лях.*

917. Комиссару Александровского военного училища просьба об отпуске т. Елину комплекта белья, обуви и т. д. *Чи*[..?)].

918. Удостоверение о принятии от Коломенской автомобильной мастерской 4 грузовых и 1 легкового автомобиля. *Комиссаров.*

919. Приказ начальнику Автомобильного отдела о подаче легкового автомобиля поручику Вяземскому. *Д*[..?].

920. Удостоверение т. Буянову о том, что он был в распоряжении штаба Красной гвардии до 6 ноября. *Буянов.*

921. В Следственную комиссию о снятии допроса с юнкера Рахманинова. *М. Рыкунов.*

922. Удостоверение т. Шленову в том, что ему предоставлено право произвести учет реквизированного. *Шленов.*

923. В штаб Московского военного округа просьба взять на себя выдачу пропусков в Кремль.

924. Московской организации Латышской объединенной секции РС-ДРП требование о немедленной присылке 40 красногвардейцев в распоряжение Военно-революционного комитета. *Ванаг.*

925. Заводскому комитету фабрики Гинзбург сообщение о том, что до 7/XI банки не открывались, и что приняты меры к уплате рабочим заработной платы.

926. То же заводскому комитету фабрики Неймана и Гинзбурга. *Заведующий Д. Четин* ***).

927. Пропуск тт. Попову, Боголепову, Шевердину-Максименко, Жилину и Заксу на беспрепятственный вход в Государственный банк. *Шевердин.*

---

*) В подлиннике ошибочно: «X».

**) В подлиннике ошибочно: «XII».

***) Расписка Д. Четина, вероятно, относится также и к записи № 925.

928. Приказ Т. И. Попову о принятии на себя обязанности комиссара казначейства, казенной палаты, Московской конторы Государственного банка, Государственной сберегательной кассы и т. д.

929. То же Б. Г. Заксу.

930. » » Д. П. Боголепову.

931. » » И. Я. Жилину.

932. » » С. Н. Шевердину-Максименко.

933. Приказ штабу Московского военного округа о занятии усиленным караулом всех входов в помещения Государственного банка. *Шевердин* *).

934. Удостоверение т. Розенталю о том, что ему поручается расставить охрану во всех московских банках. *К. Розенталь.*

935. Начальнику отряда Красной гвардии, расположенного в Александровском военном училище, выражение благодарности и разрешение вывести отряд из Александровского училища. *К. Б*[..?].

936. Коменданту Кремля приказ об освобождении 3-й роты юнкеров и офицеров по отобрании у них всего оружия. *К. Б*[...?].

937. Заводскому комитету «Динамо» сообщение о том, что банки до 7/XI не открывались, и что приняты меры к оплате заработной платы рабочим. *Г. Деженко.*

938. Разрешение на выдачу тела убитого А. П. Пекарского Ан. Ив. Газенегер. *Л. Камен*[ев].

939. Рабочим завода «Амо» сообщение о том, что банки до 7/XI не открывались, и что приняты меры к оплате заработной платы рабочим. *См*[...?].

940. Заводскому комитету завода Зингер сообщение о том, что до 7/XI банки не открывались, и что приняты меры к уплате заработной платы рабочим. *Залевский.*

941. Удостоверение В. М. Виноградову о том, что ему разрешена продажа социалистических газет на станциях железных дорог по линии Иваново—Кострома—Ярославль и др.

942. Удостоверение Ивану Виноградову на право распространения социалистических газет на станциях железнодорожной линии. *Виноградов* **).

943. В Городской ломбард разрешение Желанову и Блинникову на право выкупа вещей, срок которым истек 2/XI. *Блинников.*

944. Заводскому комитету фабрики Сусоколова сообщение о том, что банки до 7/XI не открывались, и что приняты меры к уплате заработка рабочим. *Фролов.*

---

*) Подпись С. Н. Шевердина-Максименко относится к записям №№ 928—933 включительно.

**) Подпись Виноградова относится к записям №№ 941 и 942.

945. В Транспортный комитет просьба о предоставлении Белостокскому военному госпиталю 1 грузового автомобиля на 3 часа на каждый день. *Б. Гуров* [*или Б. Буров*?].

946. Разрешение П. М. Харламову на провоз тела убитого студента В. Шелихова в г. Липецк.

947. В штаб Московского военного округа просьба принять срочные меры к устранению дезорганизации в работе. *Е. Цыбин.*

948. В экспедицию «Известий Совета рабочих депутатов» просьба о выдаче 200 номеров газеты «Известия» от 25/X по 8/XI тт. Бутанову и Тамразову. *И. Бутанов.*

949. Полковому комитету 55 пехотного запасного полка приказ об освобождении юнкера 3-й школы прапорщиков В. Ф. Бурылина. *Бурылин.*

950. Разрешение Розенарн-Лен на передвижение по г. Москве на автомобиле. *Мадсен.*

951. В штаб военного округа просьба оказать содействие В. Н. Шарашелидзе в отыскании отобранного у него оружия. *Шарашелидзе.*

952. Пропуск на беспрепятственный вход в Кремль представителям 21-го Финляндского стрелкового полка И. М. Бутанову и Тамразову. *Г. Тамразов.*

953. Удостоверение поручику Скобейко на право наведения справок и выяснения фамилий арестованных. *А. Скобейко.*

954. Нине Ивановне Гертель справка об уплате заработной платы рабочим. *Е. Цыбин.*

955. Комиссару по военному округу г. Москвы *) Н. И. Муралову просьба принять вне очереди для личных переговоров младшего унтер-офицера Шемаева. *Шемаев.*

956. Коменданту г. Москвы прапорщику Берзину приказ о выдаче постоянного пропуска в Кремль чинам окружного суда, судебной палаты, судебным следователям и т. д. [Подпись неразборчива; возможно: *Шевердин*].

957. Выписка из постановления заседания Военно-революционного комитета 6/XI по вопросу о посылке военной экспедиции в Калугу.

958. То же. *А. Темкина* **).

959. В экспедицию «Известий» просьба выдать представителю Аткарского Совета рабочих депутатов по 5-ти номеров газет, воззваний и пр. *Швырков.*

960. То же, представителю 187 дивизии, по 10-ти номеров. *Св*[...?].

---

*) Так в подлиннике.

**) Подпись А. Ф. Темкиной относится к записям №№ 957 и 958.

961. Приказ Автомобильному отделу о выдаче вне очереди 2 легковых автомобилей.

962. Приказ т. Пупко — о присылке монтера в Совет рабочих депутатов для проверки добавочных телефонов. *Кузьмин.*

963. Приказ комиссару телефонной сети Пупко — о получении из мастерской Лучева тов. Есину предметов обмундирования, заказанных для нужд телефонной станции. *В. Есин.*

964. Гражданину Скудину просьба уплатить рабочим гаража за дни забастовки с 13/X по 6/XI.

965. Удостоверение т. Козину о том, что он делегирован для передачи Скудину предписания Военно-революционного комитета за № 964. *Козин* *).

966. Разрешение М. М. Швыркову на свободный вход в Кремль. *Швырков.*

967. Удостоверение комиссару по иностранным делам М. Н. Покровскому на право проезда на передней площадке в трамвае. *А. Дод*[*онова*].

968. Комиссару Т. И. Попову приказ о принятии с Николаевского вокзала ценностей, прибывающих из Петрограда, и помещении их в Государственном банке.

969. В штаб Московского военного округа приказ о назначении караула для сопровождения перевозки ценностей с Николаевского вокзала в Государственный банк. *Шевердин* **).

970. Пропуск — о беспрепятственном проезде по городам России британскому подданному Роб. Дав. Эберкромбе. *P. O.* Abercromby.

971. То же. Британскому подданному Георг. Георг. Ленокс. D. Lenox.

972. В Московский городской продовольственный комитет просьба оказать содействие в получении провизии для команды матросов. *Ижевский.*

973. В Рабочую группу Продовольственного комитета препровождается заявление рабочих Семеновского цинковального завода и штамповально-лудильной фабрики Анисимова о добавочном пайке. *Е. Цыбин.*

974. Удостоверение т. [П. П.] Малиновскому на право принятия мер для устройства братской могилы жертв революции.

975. То же — т. Вимбе.

976. То же — т. Дикареву. *А. Вимба* ***).

---

*) Подпись двинца А. П. Козина относится к записям №№ 964 и 965.

**) Подпись С. Н. Шевердина-Максименко относится к записям № 968 и 969.

***) Подпись А. Вимбы относится к записям №№ 974, 975 и 976.

977. Сокольническому районному Военно-революционному комитету просьба оказать содействие *) гражд. Н. Девийгол. *А. Додонова.*

978. Заводскому комитету фабрики Ферман—препровождается для сведения и руководства копия отношения профессиональному союзу текстильщиков о возобновлении работ на фабрике Ферман, за № 979.

979. Профессиональному союзу рабочих текстильщиков предложение немедленно наметить по соглашению с заводским комитетом заведующего фабрики Ферман, после чего приступить к работе. *Д. Титов* **).

980. Удостоверение инженеру-технологу А. И. Таирову на право ношения и хранения охотничьего оружия и 2 револьверов. *А. Таиров.*

981. Пропуск в Кремль И. П. Машкову и 20-ти рабочим, под его ответственностью, для ремонта Успенского собора. *Д. В*[...?].

982. Пропуск в Кремль протоиерею Любимову и его ***) церковному собору для службы. *М. Ф. Владимирский.*

983. Комиссару Московского военного округа просьба принять т. Герштейна для выслушания доклада в связи с продовольствием Московской области и фронта. *Герштейн.*

984. Разрешение на право входа в Кремль регистратору-казначею государственных московских театров Ив. Тим. Полякову. *Ма*[...?].

985. В Хамовнический районный Военно-революционный комитет просьба расследовать инцидент по оскорблению ****) поручика Ангелеско. *А. Розенфельд* 4/XI.

986. Солдатскому командному комитету 2-ой Автомобильной запасной роты просьба отпустить т. Федосову бензину.

987. Т-ву «Дукс» просьба Кржевицкому *****) отпустить 10 пуд. масла для автомобильного отдела Военно-революционного комитета.

988. Заводскому командному ******) комитету завода «Амо» просьба отпустить 10 бочек бензина и автомобильного масла. *Д. Федосов* *******).

989. Разрешение взять труп убитого Петра Шитова — Никол. Васильченко. *Л. Ка*[*менев*].

990. Крестьянам Михайловского уезда Рязанской губернии сообщение, что Военно-революционным комитетом предложено штабу Московского военного округа принять меры против бесчинства солдат. [..?] *рысон.*

---

*) Далее зачеркнуто: «т. А. Додоновой».

**) Подпись Д. Титова относится к записям №№ 978 и 979.

***) Так в подлиннике.

****) Далее зачеркнуто: «румынского генерального консула».

*****) В подлиннике: «Крженицкому».

******) Так в подлиннике; завод был военизирован.

*******) Подпись Д. Федосова относится к записям №№ 986, 987 и 988.

991. Приказ Н. И. Захарову ехать на ст. Подольск в имение «Кузнечики». *В. Захаров.*

992. Пропуск Н. А. Серикову до ст. Подольск в имение «Кузнечики». *Н. Сериков.*

993. Пропуск Н. К. Рукавишникову на ст. Волоколамск и далее в деревню Середниково. *Н. К. Рукавишников.*

994. Пропуск Янышеву для приобретения, на нужды комитета, стекол и замазки. *М. Янышев.*

995. В штаб Московского военного округа просьба принять штабс-капитана Лунина. *Лунин.*

996. Удостоверение вольноопределяющемуся 5 Александропольского лейб-гвардии гусарского полка Ал. Коваленко о том, что он находится у начальника штаба в резерве Военно-революционного комитета и имеет право носить оружие.

997. Удостоверение Киселеву — о том же.

998. Удостоверение Ал. Егорову — то же.

999. Приказ начальнику резерва конной милиции о зачислении в списки конной милиции Коваленко. *А. Егоров* *).

1000. Комиссару ст. Москва просьба о выдаче внеочередного билета т. Игнатову до ст. Петроград.

1001. Комиссару [гор. Петрограда] — сообщение о разрешении т. Игнатову беспрепятственного въезда в Петроград.

1002. Удостоверение т. Игнатову о том, что он делегируется в Петроград Московским Комитетом Р. С.-Д. Р. П. и фракцией большевиков. *Е. Игнатов* **).

1003. Удостоверение т. Шугаеву на право входа на заседания совета. *Шугаев.*

1004. Клементьеву — то же. *Клементьев.*

1005. Удостоверение Ал. Матирову о том, что он находится на службе при штабе Военно-революционного комитета Московского совета рабочих и солдатских депутатов и имеет право на ношение оружия.

1006. Удостоверение солдату 312 пехотного полка Н. Плахину о том же. *Плахин* ***).

1007. Разрешение на беспрепятственный въезд в Петроград т. Штроберг.

1008. Комиссару ст. Москва просьба о внеочередном билете до Петрограда тов. Штробергу. *Штроберг* ****).

---

*) Подпись А. Егорова относится к записям №№ 996, 997, 998 и 999.

**) Подпись Е. Н. Игнатова относится к записям №№ 1000, 1001 и 1002.

***) Подпись Н. Плахина относится к записям №№ 1005 и 1006.

****) Подпись т. Штроберг относится к записям №№ 1007 и 1008.

1009. Пропуск на право проезда к Николаевскому вокзалу 2 автомобилей с 5-ю банковскими чиновниками. *Ландау.*

1010. Заводскому комитету рабочих С. Д. Кочеткова при с. Хатуни, Серпуховского уезда, препровождается отношение по делу Кочеткова, с просьбой прислать представителя для разбора дела.

1011. С. Е. *) Кочеткову препровождается заявление заводского комитета рабочих с заключением Военно-революционного комитета и просьба прислать представителя для разбора дела. *Ив. Щербаков 8/XI—1917* **).

1012. Комиссару Московского военного округа заключение Следственной комиссии по делу С. М. Дебюсси. *А*[...?].

1013. Комиссару Московского военного округа заключение Следственной комиссии по делу В. Г. Вяземского. *Чин*[*енов*?].

1014. Комиссару по Московскому военному округу тов. Муралову просьба принять вне очереди начальника отряда Петроградской Красной гвардии Клюге. *А. Клюге.*

1015. Телеграммы по городам России о назначении похорон жертв революции на 10/XI ***).

1016. Выписка из постановлений заседания Военно-революционного комитета 6/XI 1917 г. по вопросу о заявлении профессионального союза низших служащих больниц и т. д. *В. А.*[....] ****).

1017. Румынскому генеральному консулу сообщение о принятии мер по расследованию инцидента с поручиком Ангелеско. *А. Розенфельд.*

1018. Приказ в продовольственный склад при Военно-революционном комитете об отпуске продуктов для внутренней охраны из команды «двинцев». *Маскаев.*

1019. Удостоверение Пискареву и Орехову о делегировании их в распоряжение комиссара Военно-революционного комитета по банкам. *Пискарев.*

1020. Приказ караулу двинцев усилить караул у кладовых и контор Государственного банка.

1021. Комиссару почт и телеграфа Подбельскому приказ задерживать денежные пакеты государственных *****) банков.

1022. Начальнику станции [Москва] Московско-Курской железной дороги сообщение об отправке 70 чел. 82 пехотного запасного полка до г. Владимира. *Данилин.*

*) Так в подлиннике; см. запись № 1010.
**) Подпись Ив. Щербакова относится и к предыдущей записи.
***) Подпись не разобрана.
****) Окончание подписи оторвано.
*****) Так в подлиннике.

1023. Командиру 82 пехотного запасного полка сообщение об отправке 70 чел. 82 полка. *Данилин.*

1024. Начальнику станции «Нащекино» Виндавской железной дороги разрешение на въезд в Москву Анд. и Ник. Обух. *В. Обух.*

1025. Приказ [?].

1026. Удостоверение Смирнову. *Смирнов.*

1027. Удостоверение Костецкому. *Костецкий.*

ПРИМЕЧАНИЯ.

К №№ 100 и 101. В архивном фонде находим только распоряжение внешней охране Совета и патрулям беспрепятственно пропускать тов. Леви, за подписями члена Военнореволюционного комитета Н. И. Муралова и секретаря Красного креста М. И. Рогова, датированное 28 октября (ЦАОР, ф. МВРК, п. 1, л. 511).

К № 102. Временный комитет солдатских депутатов («Десятка») был избран 28 октября ст. ст. гарнизонным собранием ротных, полковых и бригадных комитетов взамен правоэсеровского Исполнительного комитета Совета солдатских депутатов, вошедшего в состав Комитета общественной безопасности. Состав «Десятки» твердо не установлен. В Московском Военно-революционном комитете работали из ее состава С. Я. Будзынский, С. А. Сава-Степняк и П. Н. Мостовенко. (Сб. «Очерки по истории Октябрьской революции в Москве», М. Владимирский, стр. 284). С. Я. Будзынский был избран кандидатом в члены Военно-революционного комитета в объединенном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября. Таким образом, вопрос о его кооптации отпадает. С. Я. Будзынский был солдатом 12-й роты 55 пехотного запасного полка, С. А. Сава-Степняк — 11-й роты 85 пехотного полка, П. Н. Мостовенко — солдатом 2-й мастерской 2-й запасной автомобильной роты.

По содержанию данный документ должен был бы быть отнесен к 28 октября. В документах, относящихся к этому числу, находим следующую запись:

«Придут члены «Десятки», часть их оставить при штабе Военно-революционного комитета, а часть—в Городской район к С. Я. Бобинскому. У них имеются свежие части». (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 66).

Возможно, документ № 102 был составлен не 28 октября, а лишь впоследствии — возможно, даже 1 или 2 ноября.

К № 103. Приказ об отпуске школе авиации провианта был отменен и изъят во избежание дублированного снабжения школы авиации, поскольку последняя состояла на довольствии военного ведомства и получала его по нормам от интендантства.

К № 105. В. Полонский был председателем Военно-революционного комитета Александровской (теперь Белорусско-Балтийской) железной дороги, о чем свидетельствует ряд донесений за его подписью о продвижении войск с фронта на Москву через Вязьму, опубликованных Г. Д. Костомаровым и Вл. Малаховским («Из истории Московской рабочей Красной гвардии», 1930, стр. 58 и 59).

К № 106. К. Розенталь заведывал складом оружия и его выдачей. С занятием Кремля юнкерами Военно-революционный комитет лишился базы снабжения винтовками и пулеметами. Благодаря активности железнодорожников были разысканы на Окружной железной дороге 16 или 18 вагонов винтовок, которые были доставлены на ст. Москва Казанской железной дороги. А. М. Аносов (сб. «От февраля к Октябрю», 1932 г., стр. 132) говорит о 22 вагонах винтовок, найденных на Казанской жел. дор. Что касается пулеметов, то за ними, по ини-

циативе автора этих примечаний были отправлены грузовики 22-й автомобильной роты в сопровождении двинцев в Тулу, откуда, получив при содействии Тульского комитета партии большевиков пулеметы, через сутки благополучно возвратились обратно.

К № 107. А. Гр. Шлихтер 29 или 30 октября был назначен комиссаром по разгрузке Московского железнодорожного узла (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 86 г), а 30 октября был назначен представителем Военно-революционного комитета в Городском Продовольственном комитете (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 86ж), взамен арестованного белыми Шеффлера (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 86д), против чего протестовало Московское бюро Викжеля (Всероссийского исполнительного комитета союза служащих и рабочих железнодорожников). В связи с этим протестом Военно-революционный комитет решил создать новую продовольственную организацию (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 86ж). Подробности о конструировании этой новой продовольственной организации находим в одной из секретарских записей заседаний Военно-революционного комитета, к сожалению, сохранившейся не полностью (ЦАОР, ф. МВРК, п. V).

К № 108. Г. Константинов—большевик; не смешивать с меньшевиком-объединенцем Константиновым, избранным пленумом Московских Советов 25 октября членом Военно-революционного комитета от меньшевиков-объединенцев.

К №№ 109—112. К организации своего Красного креста Военно-революционный комитет приступил еще до начала боевых действий. В его организации ближайшее участие принимал М. И. Рогов (см. примеч. к записям №№ 100 и 101). В руководстве работой Красного креста участвовали социал-демократка (не большевичка) Е. Шерлин и ее помощник — студент Протопопов (см. записи №№ 154 и 155 и примечание).

К № 113. М. П. Томский получил разрешение на оружие дважды (см. запись № 329).

К № 114. 31 октября в Лефортовском районе боевые операции были закончены: 30 сдались юнкера Алексеевского военного училища и кадетские корпуса, 31 были взяты Крутицкие казармы. Очевидно, в данном приказе речь идет о пулеметах и оружии, сданных юнкерами. В архивах (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 178) находим отпуск аналогичного приказа Симоновскому районному совету рабочих депутатов от 31 октября.

К № 115. Фотоснимок данного документа, датированного 1 ноября, опубликован Е. Игнатовым («Моск. совет. раб. деп. в 1917 г.», 1925, стр. 394).

К №№ 116 и 117. Отпуска этих документов см. ЦАОР, ф. МВРК, п. I, лл. 325 и 356; оба датированы 1 ноября.

К № 118. Приказ, очевидно, был адресован Московскому почтамту.

К № 119. Судя по расписке: «И. Ант»., поскольку такую же подпись находим в документах юридической комиссии Замоскворецкого районного Военно-революционного комитета (см. Музей революции, $ЦА_{10}$), данный приказ относится к Замоскворецкому району, именно — к 55 запасному пехотному полку, первым комиссаром которого был не Соколов, а Сокол; в архивных фондах находим донесение председателя полкового комитета 55 пех. зап. полка В. Соколова, а также характеристику последнего, данную С. Я. Будзынским (ЦАОР, ф. МВРК, п. I л. 155).

К № 120. Адресат данного приказа не указан. 31 октября были посланы приказы: Серпуховскому совету рабочих и солдатских депутатов о присылке 300 человек (Музей револ., $ЦА_9$), Ржевскому совету рабочих и солдатских депутатов о присылке «сколько возможно» пулеметов и солдат (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 158), Подольскому совету — о 1000 чел. (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, лл. 164 и

248). 1 ноября датированы приказы: Шуйскому Военно-революционному комитету о присылке 500 человек солдат в полном вооружении и снаряжении (Музей револ., ЦА$_9$) и Тверскому Военно-революционному комитету о присылке 57 и 196 пехотных запасных полков и тяжелого артиллерийского дивизиона (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 316). Запись № 120 может относиться или к приказу Ржевскому Совету от 31 октября или к приказу Тверскому Военно-революционному комитету от 1 ноября. Приказы о вызове отрядов из Серпухова; Люберец, Клина, Иваново-Вознесенска и др. в архивных фондах не разысканы; возможно инициатива их посылки исходила от мест, получивших директивы как от Областного бюро партии, так и от Окружного комитета партии, разославших своих представителей на места.

К № 121. Кадровый офицер С. М. Дебюсси, выборный командир расквартированного в Замоскворечьи 55 пехотного запасного полка, заняв по приказу Замоскворецкого Военно-революционного комитета здание Коммерческого института, допустил пьянство солдат найденным в лаборатории института спиртом, за что был отчислен от должности, а дело о нем было передано следственной комиссии Московского Военно-революционного комитета (см. записи №№ 364 и 1012 и примечания к ним).

К № 122. Еще 27 октября Московский Военно-революционный комитет предложил «Московскому складу крепостной артиллерии», точнее, эвакуированному из крепости Оссовец, сданной немцам, складу крепостной артиллерии, находившемуся в расположении 1-й запасной артиллерийской бригады, выдать все имеющиеся на складе револьверы — 2 500 штук (Музей револ., ЦА$_9$); комиссар 1-й запасной артиллерийской бригады прапорщик Исаев и В. С. Осипов на том же документе ответили, что солдаты, в случае увоза этого оружия, не остановятся перед разгромом бригадной организации, и что безболезненно может быть выдано только три ящика револьверов, предназначенных для лабораторной команды, на что нужен ордер Военно-революционного комитета.

Очевидно, данный приказ и явился оформлением этого ордера.

Кроме склада крепостной артиллерии, револьверы хранились: бывшего отдельного корпуса жандармов (9-миллиметровые браунинги) — в казначействе; для охраны ценностей Государственного банка (карманные маузеры) — в Государственном банке. Получение их стало возможным только после окончательного занятия Государственного банка (2 ноября), казначейства и Казенной палаты на Воздвиженке (3 ноября).

К № 123. В. Янович, расписавшийся в приеме данного приказа, — артиллерист. Очевидно, содержание приказа — требование на снаряды для артиллерии, которые и были на грузовиках доставлены из Мыза-Раево в Москву. Приказ этот следует отнести к 1 ноября, поскольку именно в этот день комиссар 1 запасной бригады прапорщик Исаев в своем докладе Московскому Военно-революционному комитету заявил, что у бригады снарядов больше нет, и Военно-революционным комитетом было постановлено: «Послать в Мыза-Раево автомобили грузовые за снарядами, а потом в бригаду» (см. секретарскую запись заседания ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л.л. 1 ч и 1в).

К № 124. Подпись К. Розенталя, ведавшего арсеналом Военно-революционного комитета и выдачей из него оружия, указывает на то, что приказ Воен. рев. комитету железнодорожного узла касался выдачи арсеналу винтовок (см. примечание к записи № 106).

К № 125. Отпуск приказа Военно-революционного комитета «Всем революционным войскам Московского гарнизона» «принять все зависящие меры к тому, чтобы

те здания, где помещается шведское генеральное консульство, по Брюсовскому пер., д. 6/8, не подвергались никаким опасностям со стороны революционных войск», подписанный Ин. Стуковым и Голенко, датирован 1 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, ч. I, л. 315), почему и выдача пропусков 11-ти шведским подданным должна быть отнесена к этому же числу.

К №№ 126 и 127. В «записи о событиях» председателя центральной ревизионной комиссии Викжеля П. Стефановского (сборник Истпрофтрана № 2, 1923 г.) находим следующую заметку, датированную 1 ноября: «15 час. 50 мин. Сообщено [члену Викжеля, большевику] Кравцу из (10-го) района [в помещении которого работал Военно-революционный комитет Железнодорожного района], что с поездом № 25 едут по Николаевской (железной дороге) 350 юнкеров, — и здесь уже готово 600 солдат, пулемет и госпиталь для сражения. По телефону же выяснилось, что это едут [из Твери] большевики-красногвардейцы. Кравец пошел с этим известием в район».

Оба приказа, очевидно, относятся к организации отпора ожидавшимся юнкерам, для чего были использованы прибывшие 1 ноября в Сокольнический район отряды из Мыза-Раевских огнескладов (500 чел.), из Мытищ (90 чел.) и Кольчугина (180 чел.) (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 346).

В архивном фонде находим повторный приказ от 1 же ноября за № 127 Мыза-Раевскому Военно-революционному комитету, а не Сокольническому району, с требованием прислать 500 человек, на который мыза-раевцы на нем же ответили, что отряд послан и больше послать они не могут (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 323) (см. также примеч. к записи № 184 и к записям №№ 203, 204 и 205).

К № 128. Из донесения Арутюнянца без даты (Муз. револ., $ЦА_{10}$) относящегося, повидимому, к 1 ноября и адресованного П. К. Штернбергу, видим, что пулемет, работавший в отряде, наступавшем к штабу Московского военного округа и храму Христа спасителя по Остоженке, «умолк». В отряд этот первоначально входили красногвардейцы Хамовнического района и солдаты 193 запасного пехотного полка; впоследствии туда прибыли красногвардейцы и рота 55 запасного пехотного полка, под командой прапорщика Я. А. Грицмана, из Замоскворечья, посланные туда распоряжением П. К. Штернберга. Очевидно, двинцу Грачеву дан был приказ доставить на Остоженку исправный пулемет взамен испортившегося.

К №№ 129 и 130. См. № 179 б.

К № 131. Приказ Московского Военно-революционного комитета гарнизону и районам не обстреливать летающие аэропланы датирован 31 октября под летучим № 83 (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 159). 31 же октября поступило донесение о результатах разведки в районе Воробьевых гор, подписанное комиссаром Авиационной школы В. Сухановым (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 222). Других документов о производстве воздушной разведки не разыскано, очевидно, авиаразведка в районе Кремля так и не производилась. В секретарской записи заседания Военно-революционного комитета 1 ноября находим постановление о «решительном наступлении на Александровское военное училище и Кремль, но против метания бомб с аэропланов и бомбардировки Городской думы». Вопрос о метании бомб с аэропланов обсуждался в этом заседании по докладу Ин. Стукова о решениях собрания представителей районных Военно-революционных комитетов и их штабов, решивших «мобилизовать все средства, как бомбы с аэропланов» ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 1 г).

В личном архиве В. И. Плята находим нижеприводимые документы, из которых видно, что Петровский Военно-революционный комитет не позднее 30 октяб-

ря оповестил расквартированные в районе части о том, чтобы не стреляли по аэропланам.

1) Военно-революционный комитет школы авиации в донесении № 55 от 30 октября 1917 г. пишет:

«В Петровский Военно-революционный комитет. Доносим, что ваше уведомление нами получено и содержание его принято к сведению: в помещениях команды будут вывешены таблицы, на которых будут обозначены условные световые сигналы. За комиссара школы А. Л ю ш и н с к и й. Председатель комитета (подписи нет). Секретарь К. Л. [....?]». (Подл. на пиш. маш.).

2) «Военно-революционному комитету Петровского комиссариата. Доношу, что ваше сообщение о сигнализации принято, и дано распоряжение караулу, чтобы по таковому не стреляли. 30 октября 1917 г. Комиссар парка склада П а р о н и н. Москва». (Подл. на пиш. маш.).

К № 132. Черновик этого документа — см. ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 7. В нем конкретно указаны театры «Зон» или «Альказар», находившиеся на площади у Триумфальных ворот на Садовой улице.

К №№ 133, 134, 135. Илья Ильич Матвеев, расписавшийся в получении этих пропусков — член Военно-революционного комитета Петровского района, избранный вместе с Е. Л. Афониным, В. Н. Глазовым и В. И. Плятом в ночь с 27 на 28 октября, после заседания 17 районных дум. Копия документа, направленного в Московский Военно-революционный комитет с просьбой об утверждении образовавшегося комитета — в личном архиве В. И. Плята. Очевидно, пропуска предназначались для Петровского Военно-революционного комитета.

К № 136. Запрос о числе убитых, раненых и арестованных был направлен в военный штаб Комитета общественной безопасности; сохранился в черновике, писаном чернилами, без подписей (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 357). Ответ не разыскан. Расписавшийся в его приеме Аскаров, очевидно,—представитель Красного креста при Комитете общественной безопасности.

К №№ 137 и 138. За этими номерами в архивных фондах находим: 1) подлинный приказ артиллерийскому отряду на Воробьевых горах прекратить стрельбу по Никитским воротам и перенести огонь на Кремль за подписью А. Я. Аросева и секретаря Самсонова (Музей револ., ЦА$_9$) и 2) приказ Рогожскому районному совету рабочих депутатов «выслать пулеметчиков в самом наибольшем количестве», за теми же подписями (ЦАОР, ф.МВРК, п. I, л. 312). Оба датированы 1 ноября.

К №№ 138-142. Данные пять удостоверений на право проезда на автомобиле, вероятно, были выданы для развозки по районам вызовов на совещание представителей районных штабов (см. запись № 143 и примечание).

К № 143. Очевидно, документ относится к 1 ноября, — к тому совещанию, о решениях которого докладывал Ин. Стуков в заседании Московского Военно-революционного комитета (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 1г и 1д) (см. примечание к записи № 131).

К № 144. Алексеевское военное училище сдалось 30 октября. Протокол о его сдаче — в Музее революции.

К № 145. В архивном фонде находим подлинный документ за подписями Н. И. Муралова и за секретаря Альтера, уполномочивающий Набгольцева (так в подлиннике, вместо Нахгальцева) произвести обыск в домах по Долгоруковской ул., из которых были произведены выстрелы по революционным войскам, за № 145 от 1 ноября 1917 г. (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 326). (см. запись № 149).

К № 146. С первых дней восстания снабжением всех вооруженных сил Московского Совета занимались С. С. Белоруссов, с развитием событий перешедший в Следственную комиссию в качестве ее председателя, В. В. Сахаров и Д. М. Певунов.

К № 147. Очевидно, речь идет о тех булочных, которые снабжали Московский Военно-революционный комитет хлебом, выпекаемым из муки, получавшейся из элеватора Казанской жел. дороги (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 110).

К № 148. Указание на то, что В. З. Есин был одним из адъютантов штаба Московского Военно-революционного комитета находим в одном из документов, хранящихся в Музее революции (Муз. револ., ЦА). В других документах находим указание, что В. З. Есин был назначен начальником связи с участками (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 34).

К № 149. Содержание документа, выданного за этим номером Л. П. Серебрякову, совпадает с документом, сохранившимся в архивных фондах, выданным на имя Нахгальцева (см. примеч. к записи № 145).

К № 150. Речь идет о конфискации пишущих машинок в квартире одного из комиссаров Временного правительства.

К № 151. Инициатором постановки прожектора на крыше одного из домов (дома № 29 по Тверской ул., рядом со зданием Совета) был прапорщик В. П. Янушевский.

К № 152. Черновая запись данного приказа сохранилась в архивных фондах, но в ней говорится не о патронах, а о шрапнели (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 21).

К № 153. Поручик Крылов командовал 3-м боевым участком (подступы к зданию Московского совета переулками со стороны Большой Никитской улицы). См. запись № 188.

К №№ 154 и 155. Социал-демократка Шерлин вместе с Протопоповым (кажется, студентом-медиком) работала в организованном Московским Военно-революционным комитетом «Красном кресте». Раненые красногвардейцы попадали во все лазареты и госпиталя, которых в Москве во время империалистической войны было громадное количество, причем сплошь и рядом попадали в совершенно враждебное белогвардейское окружение, о чем свидетельствуют, напр., воспоминания раненого 31 октября Н. И. Чебышева. О работниках Красного креста см. записи №№ 109—112.

К № 156. Подлинный документ, датированный 1 ноября, но за № 256 — в Музее революции ($ЦА_9$). О назначении С. Л. Пупко — см. секретарскую запись заседания Военно-революционного комитета 1 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 1б). См. запись № 256.

К № 157. О назначении А. Никитина организатором комиссии по делам арестованных см. повторную запись № 302. См. также запись № 289 и примечание.

К № 158. Охрана Алексеевского военного училища была возложена на В. П. Демидова, назначенного штабом комиссаром Лефортовского района (см. записи №№ 180 и 181). Расписавшийся в приеме данного приказа Григорьев — очевидно, П. Г. Григорьев, солдат 22 запасной автомобильной роты.

К № 159. 1 ноября в Бутырскую тюрьму были направлены взятые на телефонной станции юнкера. Ожидалось поступление военнопленных в еще большем количестве, в связи с чем Военно-революционный комитет приказал начальнику Бутырской тюрьмы «немедленно приготовить помещение для приема 1000 арестованных» (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 361; см. также запись № 175). Очевидно, на Нахгальцева было возложено наблюдение за выполнением этого приказа начальником Бутырской тюрьмы.

К № 161. М. Л. Гоберман, в то время красногвардеец, помнит только, что в период октябрьских боев выполнял поручения Н. И. Муралова, но какие — не помнит.

К № 162. См. примечание к записи № 191.

К №№ 164 и 165. Н. П. Плеханов, солдат из команды Кремлевского арсенала, член солдатской «Десятки». Подлинные документы не разысканы.

К №№ 166, 167 и 168. Лоренц, Кормокулов и Коржавин были посланы, как специалисты, для технического осмотра повреждений, произведенных обстрелом из бомбометов центральной телефонной станции, к ремонту которой было немедленно приступлено.

К № 169. Приказ о выдаче оружия и патронов «только за подписью С. Я. Будзынского, но без печати», был издан секретно и адресован «в отдел по выдаче оружия Военно-революционного комитета» (отпуск в Музее революции ЦА$_0$), т. е. К. Розенталю, и имел своей целью централизовать выдачу оружия, которая до того производилась весьма беспорядочно, так как распоряжения о выдаче оружия производились и членами Военно-революционного комитета, и работниками штаба; в последнем же работали и левые социалисты-революционеры и беспартийные, которые могли снабжать оружием и враждебные советам группы и организации.

К № 171. И. Семенов — профессионал-пожарник, руководил борьбой с пожарами, начавшимися на Тверском бульваре и у Никитских ворот. См. запись № 173.

К № 172. До 1 ноября регистрации поступающих в Военно-революционный комитет донесений не существовало, хотя и было организовано Разведывательное бюро, начальником которого был К. Г. Максимов, а его заместителем —двинец П. Ф. Федотов. 31 октября была сделана попытка завести эту регистрацию в виде хронологической записи под копирку всех донесений и сообщений в порядке их поступления, с тем, что один экземпляр поступал в штаб и к исполнителям, второй передавался в партийный центр, третий — должен был оставаться в Разведывательном бюро (см. ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 292, 322, 316, 319, 232, 290, 291, 321, 317 и др.). Сделано это было по инициативе и распоряжению Э. В. Андреева-Рожена. Этим путем количество «слепых» донесений (без дат, без указаний места и источника) было сведено до минимума.

К № 173. См. запись № 171 и примечание.

К № 174. Дом Комиссарова — на углу Охотного ряда и Тверской; в нем помещался Продовольственный городской комитет. См. запись № 336 и примечание.

К № 175. См. № 159 и примечание. № 175 в записи сдублирован: выданное же под этим номером удостоверение К. С. Спиридонову исходило от Н. И. Муралова или от Следственной комиссии. См. примеч. к записи № 161.

К №№ 176 и 177. Очевидно, и грузовик и мотоциклетки (№ 176) требовались для доставки и развозки патронов из Симоновских складов (№ 177). Подпись К. Розенталя свидетельствует, что патроны выписывались по требованию арсенала Военно-революционного комитета. В архивах имеется ответ 2 тыловой мотоциклетной мастерской на этот приказ (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 421).

К № 178. Ю. П. Бутягин, руководивший наступлением Красной гвардии на охотнорядском направлении, 1 ноября был назначен комиссаром штаба, в ведении которого находился весь сдаваемый белыми постепенно район. Об этом свидетельствуют запись № 220 (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 53) и отпуск приказа Родаеву отправиться на Театральную площадь в распоряжение Бутягина, датированный 2 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 429). Возможно, что последний документ записан в публикуемом журнале под № 364.

К № 179а. По инициативе Викжеля, 1 ноября около 3-х часов дня было созвано совещание представителей полковых комитетов, на котором от Викжеля участвовал А. А. Платонов («Запись о событиях» председателя ревизионной комиссии Викжеля П. Стефановского, Сборник Истпрофтрана № 2, 1923 г.). Мандат Сава-Степняку, очевидно, выдан для участия в этом совещании. По неопубликованным воспоминаниям члена Комитета солдатских депутатов фронта при Московском исполнительном комитете советов Данилина, на этом совещании выступал только что возвратившийся из Петрограда Л. М. Хинчук и приехавший с ним из Петрограда член Викжеля, фамилии которого Данилин не указывает. Очевидно, этим членом Викжеля был Я. Верветченко, впоследствии подписавший от имени Викжеля договор о сдаче Комитета общественной безопасности.

К № 179б. 31 октября в Савелово был командирован один из членов солдатской «Десятки» (см. запись № 102) — В. В. Артишевский за броневиками (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 170; п. II, л. 292, донесение в 10 час. 21 мин.), доставивший оттуда две броневых машины в Москву. Донесение о прибытии этих броневиков поступило в Военно-революционный комитет в 13 час. 56 мин. 1 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 247).

К №№ 180 и 181. См. запись № 158. Черновые наброски этих двух документов см. ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 341.

К № 182. См. запись № 271 и примечание.

К № 183. Очевидно, о выполнении данного приказа говорит следующий документ: «Мыза-Раевский артиллерийский склад. [Сообщил] Лебский. Отразили атаку белой гвардии в Лосиноостровской, взяли в плен 60 чел. офицеров, автомобиль. В Клязьме с 20 чел. занял телеграф. Завтра карательная экспедиция в 100 человек. Солдаты в Клязьме в числе 400 чел. на нашей стороне, против 180 офицеров и 80 [?] автомобилей. В Мызе-Раево—4 000; 600 чел. направлены в Москву. Тяжелая артиллерия—1 батарея. Пехота—190 полк в Клязьме. Солдаты не вооружены». (Запись каранд., ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 52). Приказ был вызван поступившими от Викжеля ложными сведениями об отправке подкреплений белым из Твери (см. примечание к записям №№ 126 и 127).

К № 184. Подлинный документ от 1 ноября носит летучий номер 127, подписи Н. И. Муралова и секретаря Голенко (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 323). На обороте его — сообщение комиссара Стефашкина о том, что раньше из Мыза-Раево было послано около 500 чел. и больше послано быть не может. Это сообщение получено Военно-революционным комитетом только 2 ноября в 11 час. 37 мин. (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 324), а в 11 час. 1 ноября поступило донесение из Мыза-Раево о том, что 31 октября отправлено в Сокольнический район 500 человек вооруженных и 14 бомбардиров с бомбами (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 303). 1 же ноября комиссаром Железнодорожного района А. С. Гусевым принята телефонограмма № 2 от комиссара Сокольнического района Ефремова о том, что Мыза-Раевский отряд в 500 человек, Мытищинский отряд в 90 человек и Кольчугинский отряд в 180 человек прибыли в Сокольнический район и отправлены в Сокольнические мастерские поужинать и отдохнуть, после чего будут отправлены в распоряжение Московского Военно-революционного комитета (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 346). См. примеч. к записям №№ 126 и 127.

К № 188. Р. И. Жаворонков, по его словам, был назначен комиссаром 3-го боевого участка во время фактически не состоявшегося перемирия 30 октября.

К № 191. Данный документ, очевидно, имеет отношение к конфликту, возникшему на Виндавской железной дороге, где рабочие избрали новый комитет, у которого тут же возник конфликт с прежним викжелевским комитетом. Конфликт

этот разбирался в Московском Военно-революционном комитете; для его разбора была образована специальная комиссия, в которую от Военно-революционного комитета вошел К. Г. Максимов; окончательное решение по этому конфликту было вынесено президиумом Московского совета 17 ноября. См. запись № 162.

К № 192. Очевидно, речь идет о вооружении отрядов, прибывших из Мыза-Раево, Мытищи Кольчугина. См. записи №№ 126, 127 и 184 и примечания к ним.

К № 193. См. примеч. к № 179б. Один из прибывших из Савелова броневиков — «Ахтырец» — рейсировал по городу, но активного участия в боях не принимал, так как был вооружен пулеметами особой системы, так что умеющих с ними обращаться пулеметчиков не нашлось. Его разъезды в районах боев оказывали лишь моральное воздействие на противника. Впрочем и отряд Военно-революционного комитета, занявший здание старого университета, при его появлении отступил, приняв его за броневик юнкеров (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, лл. 394 и 213; п. I, лл. 396 и 400).

К № 194. В архивном фонде находим черновик приказа «артиллерийскому отряду, действующему на Кудринской площади», обстреливать исключительно Александровское училище (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 80).

К № 195. О. Пилацкая, расписавшаяся в получении этого приказа, работала в Военно-революционном комитете Городского района.

К №№ 197 и 198. О злоумышленных повреждениях междугородной телефонной сети С. Л. Пупко (комиссар телефонной сети) делал доклад в заседании Военно-революционного комитета. Пропуск № 198 был выдан патрулям по выяснению повреждений и охране телефонных линий.

К № 201. Два шестидюймовых орудия были отправлены Мастяжартом (мастерские тяжелой артиллерии) из Лефортова, одно—на Театральную площадь, второе — по ошибке попало на Миусскую площадь, но оказались неисправными. 2 ноября была затребована смена этим орудиям (см. запись № 263; ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 420).

К № 202. С. Я. Бобинский, входивший в Военно-революционный комитет Городского района (угол 1-й Мещанской и Сухаревой площади, бывший трактир Романова), был начальником «запасного штаба», созданного по постановлению партийного центра, вынесенному в ночь на 28 октября, после предъявления командующим войсками округа полковником Рябцевым ультиматума о роспуске Военно-революционного комитета и сдаче Кремля. См. доклад члена партийного центра В. Н. Яковлевой на расширенном пленуме Московского Областного Бюро ЦК РСДРП (б) 9—10 ноября 1917 г.

К №№ 203, 204 и 205. Все три приказа, очевидно, относятся к прибывшим из Мыза-Раево, Мытищ и Кольчугина отрядам, всего 780 человек (см. примеч. к № 184). Отряды прибыли невооруженными и вооружались под руководством Д. П. Жлобы по распоряжению арсенала Военно-революционного комитета (№ 203). 150 человек из Мыза-Раевского отряда были привезены на Скобелевскую площадь (№ 204) и были введены в здание совета для несения охраны (№ 205).

К № 206. См. примеч. к записям №№ 234 и 235.

К №№ 208 и 209. Приказы Ржевскому Военно-революционному комитету и команде, стоящей в Лихославле, в архивах не разысканы. См. дальше запись № 234, приказ Ржевскому совету — см. примеч. к записи № 120.

К № 210. Речь идет о команде, сформированной из красногвардейцев разных отрядов в совете.

К №№ 211 и 212. Запись содержания двух документов слита в одну.

К № 213. См. запись № 206 и примечание к записям №№ 234 и 235.

К № 214. Подлинный приказ — см. ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 311. Основанием к нему послужило обращение секретаря федерации анархистских групп Льва Черного (Турчанинова); федерация, в лице Макарова, Э. Берзетиса, Хази Агова, Р. Эпштейна и М. Поповой, дала поручительство за арестованных за экспроприации для революционных целей: Витольда Ульбу, Сергея Маковеева, Вячеслава Тимофеева, Александра Родченко, шоферов Кулакова, Козлова и Лебедева и Рагэ (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 332). См. запись № 221 и примечание.

К №№ 215 и 216. Документ № 215—см. ЦАОР, ф.МВРК, п. I, л. 37; № 216—см. ЦАОР, ф. МВРК, п. I л. 313. В донесениях Московскому Военно-революционному комитету находим донесения Гнедова, а не Гнедича.

К № 218. В архиве находим документ, выданный поручику Глинкину 28 октября районным Военно-революционным комитетом Александровской железной дороги, за подписью В. Полонского, на беспрепятственный пропуск в направлении от здания районного совета (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 46). Очевидно, Глинкин отправлялся в свою часть, расположенную вне Москвы, возможно — на фронт. Расписка С. Н. Шевердина может служить указанием, что документ исходил от Следственной комиссии.

К № 220. См. запись № 178 и примечание. Черновик данного документа см. ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 52.

К № 221. Очевидно, это — оформление приказа Плеханову об освобождении анархистов из Таганской тюрьмы (см. запись № 214 и примечание).

К № 222. Красногвардейцев обмундировальных мастерских, эвакуированных из гор. Двинска, не следует смешивать с «двинцами» — фронтовыми солдатами, заключенными за большевизм в Двинскую тюрьму, а затем переведенными в Бутырскую тюрьму в Москве, откуда они были освобождены по требованию Московского Совета после голодовки.

К № 223. 1 ноября в Военно-революционный комитет явился заведующий хозяйственной частью госпиталя № 95 С. К. Дзуцов и представил ходатайство жильцов дома № 2 по Брюсовскому пер., в котором помещался госпиталь № 95 и курсы Культурно-просветительной лиги Московского Совета солдатских депутатов, о прекращении обстрела этого дома. С своей стороны, Дзуцов ходатайствовал о выводе госпиталя и курсов лиги из этого дома (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, лл. 327 и 350). Никаких документов о выполнении Гинзбургом возложенного на него поручения не разыскано.

К № 227. Отпуск удостоверения Давидовскому, как комиссару 5-й батареи 1 запасной артиллерийской бригады (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 328), датирован 1 ноября, без номера.

К № 228. В архивном фонде находим отпуск приказа «немедленно выслать 15 человек в помощь комиссару 3-го участка», в район которого входил и Чернышевский пер., — датированный 31 октября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 193), без указания адресата и исполнителя.

К № 229. См. запись № 227.

К № 230. См. запись и примеч. к №№ 179б и 193. Речь идет об одном броневике — «Ахтырце», так как второй сразу же пошел в ремонт.

К № 232. В архивном фонде находим приказ Подольскому совету р. и с. д. о присылке не 600, а 1000 человек, подписанный Н. И. Мураловым и А. Я. Аросевым, датированный 31 октября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 164 и л. 248 об.).

К №№ 234 и 235. См. записи №№ 206 и 208. Приказ о распределении прибывших из Старицы Ржевского уезда сапер 5 саперного полка (№ 206) зарегистрирован раньше приказа Ржевскому Военно-революционному комитету о высылке

500 солдат с пулеметами (№ 208), а также раньше приказа полковому комитету 5 саперного полка о присылке 300 сапер (№ 234). Приказ Ржевскому совету о присылке революционного отряда (№ 235), повидимому, повторный. Очевидно, после отправления приказа № 208 в Военно-революционный комитет явился делегат из Ржева или Старицы Г. Баклаев, которому на руки были выданы документы за №№ 234 и 235 для предъявления их непосредственно полковому комитету.

К № 238. В архивном фонде находим сводное донесение Хрусталева о проверке постов в ночь с 1 на 2 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 336).

К №№ 241 и 242. См. № 232 и примечание. 195 пехотный запасный полк был расквартирован в г. Подольске. Прапорщик 195 пехотного запасного полка С. Сенин прибыл вместе с присланным из Подольска отрядом. Так как приказ № 232 был послан в Подольск 31 октября, то вряд ли документы №№ 241 и 242 можно отнести к 1 ноября. Очевидно, они относятся к более позднему времени.

К № 243. В Благуше-Лефортовском районе был расквартирован 1 запасный прожекторно-телеграфный полк, а также находился военный телеграфно-телефонный завод. Индукторные телефоны требовались для проведения временных телефонных линий ввиду бездействия центральной телефонной станции, нуждавшейся в капитальном ремонте.

К № 245. Основанием к приказу об аресте московского уездного воинского начальника полковника Костицына послужило поступившее в Военно-революционный комитет донесение о том, что Костицин всех являющихся в управление воинского начальника солдат отправляет в отпуск домой (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 410).

К № 249. 44 мандата выданы были, очевидно, двинцам, проводившим организационную и политическую работу в военных частях; вряд ли эти мандаты предназначались для разведчиков Военно-революционного комитета. Двинец П. Ф. Федотов был помощником возглавлявшего Разведывательное бюро Военно-революционного комитета К. Г. Максимова.

К № 250. В последние дни боев М.В. Рыкунов участвовал в наступлении на Никитские ворота со стороны Садовой ул. вместе с красногвардейцами Красной Пресни.

К № 251. Меньшевик Кришталь вел контрреволюционную агитацию среди солдат и был арестован во избежание самосуда. Поскольку помнит комментатор, арест этот был произведен в первые дни восстания, когда меньшевики и др. вели агитацию среди солдат, прибывших на Скобелевскую площадь.

К № 252. См. запись № 151. Приказ об отпуске прожектора (№ 252) записан значительно позже приказа об его установке (№ 151).

К №№ 253 и 254. О. Ананьин — прапорщик 85 пехотного запасного полка; А. Кузьмин — двинец.

К № 255. Делегация от юнкеров сдавшегося Алексеевского военного училища явилась первоначально в Замоскворецкий район и оттуда была направлена в Московский Военно-революционный комитет, куда явилась как раз во время переговоров последнего с делегацией от «нейтрального» блока социалистических партий — В. П. Волгина, Романова, Ст. Вольского, Е. В. Ломтатидзе и Черенанова (см. секретарские записи заседаний МВРК 1 ноября, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 1ж и 1з). Миссия делегации от юнкеров окончилась успешно, поскольку ее выступление вызвало раскол в среде юнкеров Александровского военного училища. П. Г. Григорьев, которому было поручено провести делегацию юнкеров, — солдат 22-й запасной автомобильной роты.

К № 256. См запись № 156.

К № 262. Приказ о выделении всех знающих пулеметное дело в распоряжение двинца Грачева последовал после возвращения из Тулы отправленных туда за пулеметами грузовиков (см. примеч. к записи № 106).

К № 263. См. примеч. к записи № 201. В архивных фондах находим подлинное отношение за подписями Н. И. Муралова и Виктора, датированное 2 ноября без номера (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 420): «Присланные вами орудия непригодны, выдайте новый затвор. Сообщите также, почему не прибыло до сих пор орудие, направленное вами ошибочно на Миусскую площадь. Немедленно озаботьтесь присылкой его к совету». См. также запись № 358 и примечание.

К № 264. Вероятно, винтовки были отпущены Упману. См. запись № 268.

К №№ 265 и 267. Основанием к данному подтверждению послужило донесение Военно-революционного комитета Александровской железной дороги о двигавшихся с фронта эшелонах войск, посланных командованием фронта на выручку белых по Александровской ж. д. См. также запись № 267, а также примечание к записи № 106.

К № 266. См. ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 105а, б.

К № 269. Лошади, очевидно, требовались для перевозки орудий из мастерских тяжелой артиллерии в Лефортово, поскольку на документе, процитированном в примечании к № 263, находим ответ следующего содержания: «Сообщаю, что орудие есть, но нет лошадей и людей, замок от другого орудия не подойдет. Военный комиссар мастерских Ф и р с о в». Документ необходимо отнести ко 2 ноября.

К № 271. См. запись № 182. Запись устанавливает, что эти два приказа отданы в разные дни, т. е. 31 октября и 1 ноября, или 1 и 2 ноября.

К № 274. Мыза-Раево—базисные огнесклады, снабжавшие артиллерийскими припасами фронт, в 17 верстах от Москвы. В октябрьские дни снабжали революционные войска орудийными снарядами и ручными гранатами, прислали свыше 1 000 человек подкреплений, ликвидировали офицерско-юнкерские отряды в Лосиноостровской и Клязьме.

К № 275. Меньшевик Станислав Вольский, приехавший 1 ноября из Петрограда, в ночь с 1 на 2 ноября принимал участие в делегации «нейтрального» блока социалистических партий, приходившей в Московский Военно-революционный комитет (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 1д, 1е, 1ж и 1з). Пропуск на проезд мог быть ему выдан именно в это время. Выехал на Украину, очевидно, днем 2 ноября, поскольку участия в переговорах о заключении договора о сдаче Комитета общественной безопасности не принимал.

К № 283. Консульство Аргентинской республики находилось в Чернышевском переулке (дом на углу Тверской).

К № 284. Приказ — пяти булочным Филиппова, очевидно, предписывал им обеспечить выпечку хлеба в количестве, достаточном для пропитания прибывающих и ожидаемых подкреплений из провинции.

К № 288. В архивном фонде сохранился один из семи подлинников этого приказа (№ 288Е), адресованный Замоскворецкому Военно-революционному комитету (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 10; черновик — п. I, л. 430) и расписка в его получении (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 419.).

К № 289. Очевидно, приказ об освобождении заключенного Временным правительством в тюрьму члена Владимирского Совета Солдатских Депутатов Никитина. См. запись № 302 и примечание.

К № 290. Селиванов, Упоров и Аксенов-Леонтьев, повидимому, три офицера, арестованные военными властями и заключенные при карауле Московской

конторы государственного банка. О них Военно-революционному комитету сообщил 2 ноября назначенный в этот же день комиссаром Государственного банка И. Н. Чиненов (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 407). См. также переданное в тот же день через И. Н. Чиненова заявление прапорщика Упорова (ЦАОР, ф. МВРК, л. 415, 416).

К № 291. Гостиница «Метрополь» была взята утром 2 ноября, после артиллерийского обстрела.

К № 292. № 59 — очевидно летучий номер приказа. Возможно, что речь идет об отряде, прибывшем из Шуи, Владимира и Коврова 2 ноября. По словам Ю. П. Бутягина отряд этот прибыл на Театральную площадь после взятия «Метрополя», куда его привел подпоручик Вяземский. См. примеч. к записи № 326.

К № 294. См. примеч. к записи № 326.

К № 300. Приказ о выделении 100 солдат в распоряжение комиссара Красной гвардии Бутырского района, очевидно, был вызван слухами о появлении отрядов юнкеров и казаков в районе Зыкова, о чем сообщалось в донесениях членов Военно-революционного комитета Бутырского района В. С. Сергеева и Розовой (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, лл. 371 и 372). См. также донесение, полученное К. Г. Максимовым с Николаевского вокзала (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 448), и донесение Московского склада авиационно-воздухоплавательного имущества на Ходынке, датированное 2 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 422).

К № 302. См. записи №№ 157 и 289 и примечания к ним.

К №№ 303, 307 и 309. Все три приказа о том, чтобы не чинить препятствий деятельности меньшевистской организации (№ 307), выходу меньшевистской газеты «Вперед» (№ 309) и ее продаже на улицах Москвы (№ 303), были изданы Военно-революционным комитетом по просьбе делегации «нейтрального» социалистического блока (см. примеч. к записи № 275); особенно на этом настаивал отошедший от большевиков в 1917 году Станислав Вольский. Революционные массы все же приказам этим не подчинились, тем более, что газета «Вперед» не прекращала на своих страницах травли большевиков. Газету у газетчиков отбирали и тут же уничтожали, несмотря ни на какие приказы. Озлобление солдат против меньшевиков характеризуют следующие два факта: 1) если бы ведший контрреволюционную агитацию меньшевик Кришталь не был арестован (см. запись № 251), с ним покончили бы самосудом; 2) проходившего по Тверской ул. Л. М. Хинчука, тогда лидера московских меньшевиков, какой-то солдат хотел пристрелить только потому, что он — Хинчук, и привел бы свое намерение в исполнение, если бы этому не воспрепятствовал А. М. Тамарин.

К № 305. В архивном фонде сохранились расписки в приеме этого приказа, посланного с т. Труниным (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 625) с отметкой: «не исполнил», — против слов: «Устинский мост — Соколов».

К № 308. Документ не разыскан. Он имеет прямое отношение к документу, записанному под № 259.

К №№ 310 и 311. Типография «Московского издательств» — Б. Дмитровка, дом 26, во дворе которого помещалась так называемая «Ляпинка» (см. запись № 813). В этой типографии печатался ряд периодических изданий желтой прессы («Газета-Копейка», вечерняя газета, «Журнал для хозяек» и т. п.). Основателем «Газеты-Копейки» был. Вл. Анзимиров. Перед началом войны дело перешло в руки Н. Крашенинникова, реорганизовавшего его в товарищество на паях.

К № 316. Солдат М. Сапелов впоследствии, при организации советского штаба Московского военного округа, заведывал личной канцелярией командующего войсками Н. И. Муралова.

К № 317. В архивном фонде сохранился черновик этого приказа, писанный рукою левого социалиста-революционера поручика А. Владимирского (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 19). Прапорщик Сухотин, командовавший отрядом, действовавшим у Никитских ворот, был вызван для назначения начальником Охотнорядского отряда. Этот приказ должен быть отнесен к 1 ноября, поскольку в архиве находим донесение «командира Охотнорядского отряда прапорщика Сухотина», датированное 1 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 306).

К № 319. В. А. Тихомирнов, партийная кличка «Виктор», вместе с А. Я. Аросевым ведший работу в войсках Московского гарнизона, работал в штабе Военно-революционного комитета. На ряде документов находим его подпись, как секретаря.

К №№ 320 и 321. 191 пехотный запасный полк был расквартирован в Павловской слободе; в Москву прибыли его делегаты, чтобы выяснить положение дел.

К № 323. Лефортовский Военно-революционный комитет получил 60 зажигательных снарядов для своих орудий и намеревался обстрелять ими Кремль. Вероятно, именно эти снаряды были затребованы от него с целью избежать пожаров, тем более, что Лефортовский Военно-революционный комитет — в частности, комиссар В. П. Демидов — не выполнял приказов Московского Военно-революционного комитета о прекращении артиллерийского огня. Возможно также, что от Лефортовского Совета были затребованы снаряды к двум шестидюймовым орудиям, присланным по требованию Московского Военно-революционного комитета на Театральную площадь (см. записи №№ 201 и 263 и примеч. к ним), или же к 42-линейным японским гаубицам, затребованным из Лефортова (запись № 358).

К № 324. См. запись № 159 и примечание, а также № 415 и примечание.

К № 326. См. запись № 294. В архиве находим донесение членов Военно-революционного комитета Самокатного запасного батальона Истомина и Данилова от 2 ноября о прибытии на Курский вокзал 1 500 человек солдат с офицерами (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 413; см. также примечание к записи № 327).

К № 327. 1 ноября, на основании постановления Петроградского, Московского, Владимирского и Ковровского Военно-революционных комитетов, в 3 часа 20 мин. дня из Коврова с поездом № 27 были отправлены 9 вагонов, к которым на ст. Новки и Владимир были прицеплены еще вагоны с солдатами 82 пехотного запасного полка, при протестах представителей Викжеля (см. переговоры Московского бюро Викжеля с представителем революционных войск Губляром по прямому проводу из Коврова, Сборник Истпрофтрана № 2, 1923 г.). Из Коврова отправилось 400 человек с офицерами 250 пехотного запасного полка, с 10 пулеметами; из Александрова — 300 чел. 197 полка; из Владимира — см. записи №№ 1022 и 1023. Эти отряды прибыли на Курский вокзал и остановились в тоннеле, не доезжая до станции (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 413).

К № 328. Булочников работал в хозяйственной части Военно-революционного комитета. Обед предназначался для прибывающих из провинции отрядов (см. записи №№ 326 и 327).

К № 329. См. запись № 113 и примечание.

К № 330. Под расписку Петра Дудова были выданы чистые бланки для штаба Военно-революционного комитета. Не подлежит сомнению, что штабом до этого чистые бланки получались, но без регистрации.

К № 332. Тов. Нарбут принимала участие в октябрьских боях и была назначена начальником охраны здания гостиницы «Метрополь». См. запись № 356.

К №№ 333 и 334. В архивном фонде сохранились два донесения комиссара Государственного банка И. Н. Чиненова, датированные 2 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л.л. 407 и 417).

К № 336. См. запись № 174. Занявшие дом Комиссарова двинцы нашли в нем большие запасы продовольствия, заготовленного белыми.

К № 337. С 21 октября в Московской конторе Государственного банка стояли два караульных отряда: охранявший Государственный банк караул юнкеров и прибывший его сменить караул революционного 56 пехотного запасного полка под командой прапорщика Лейге (а не Лие). (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 221). Разоружение юнкерского караула было возложено на комиссара И. Н. Чиненова и было произведено прапорщиком Лейге без осложнений 2 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. л. 407 и 417).

К № 342. Подлинник — см. ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 426. Вопрос об устранении беспартийного подпоручика В. Г. Вяземского впервые возник в связи с отправкой им в Мызу-Раево приказа о доставке в Москву единовременно 12 вагонов разных снарядов (см. запись № 355). 2 ноября в «Метрополе» Вяземский был арестован комиссаром штаба Ю. П. Бутягиным, куда он привел подкрепления (см. запись № 1013). Во всяком случае все последовавшие дальше записи с расписками Вяземского, казалось бы, должны быть отнесены ко времени до его устранения, так же, как и выданное Вяземскому, как начальнику резервов, удостоверение (запись № 357).

К № 346. См. запись № 121 и примечание. Фактически дело Дебюсси было передано Следственной комиссии. Приказ же за № 346 был дан для того, чтобы не дискредитировать выборного командира полка, каковым был Дебюсси. Впоследствии Дебюсси был адъютантом начальника штаба Московского военного округа (см. запись № 1012).

К № 347. Назначенный комиссаром телефонной сети член Военно-революционного комитета С. Л. Пупко (см. записи №№ 156 и 256) принял самые решительные меры к охране и восстановлению работы центральной телефонной станции, о чем свидетельствуют записи №№ 166, 167, 168, 195, 197, 198, 239, 258, 266 и др.).

К № 348. Прапорщик Крикун, прибывший с фронта, подал в Военно-революционный комитет заявление с просьбой прикомандировать его к одной из московских частей.

К № 350. Приказ этот в архивном фонде не разыскан.

К № 354. См. записи №№ 320 и 321.

К № 355. См. запись № 342 и примечание.

К № 356. См. запись № 332. Очевидно, следует Нарбут, а не Наврот.

К № 357. См. запись № 342 и примечание.

К № 358. В документах Московского Военно-революционного комитета идет речь о 6-дюймовых орудиях; по крайней мере, Военно-революционный комитет требовал присылки таковых (см. записи №№ 201, 263 и примеч., а также примечание к записи № 323). Очевидно, 42-линейные гаубицы были присланы, за неимением 6-дюймовых орудий, для смены первоначально присланных, но оказавшихся негодными.

К № 360. См. записи №№ 327 и 328 и примечания. В доме Пеликан, у Красных ворот, был расквартирован 251 запасный пехотный полк, а не 56-й, помещавшийся в Покровских казармах (теперь имени Дзержинского).

К № 362. Двенадцать гранат — это то количество бризантных снарядов, которое было выпущено по «Метрополю», Городской думе и Кремлю орудиями,

первоначально расположенными на Театральной площади, а затем перешедшими на Красную площадь (указание Ю. П. Бутягина).

К № 363. В архивном фонде находим требование 1 артиллерийской бригады на присылку пехотной вооруженной части; подлинный приказ — не разыскан.

К № 364. В архивах находим отпуск приказа тов. Родаеву «отправиться с 60 человеками на Театральную площадь в распоряжение Бутягина» (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 129). О Ю. П. Бутягине см. записи №№ 178 и 220 и примечания.

К №№ 365 и 366. А. Гр. Шлихтер 30 октября был выделен Военно-революционным комитетом для работы в Московском продовольственном комитете как продовольственный комиссар гор. Москвы и окрестностей. До назначения В. С. Сергеева А. Гр. Шлихтер являлся и комиссаром по разгрузке Московского железнодорожного узла. 4 ноября А. Гр. Шлихтер был назначен губернским продовольственным комиссаром (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 9б).

К № 367. См. запись № 161 и примечание.

К № 368. См. запись № 492. Речь очевидно идет об орудии, стоявшем у здания Совета.

К №№ 374 и 375. См. секретарские записи заседаний Военно-революционного комитета 2 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 1 п).

К № 377. Подлинное письмо французского генерального консульства с надписью Э. В. Андреева-Рожена о посылке к зданию консульства караула — в Музее революции.

К № 379. Вызов роты телефонистов из 1 запасного телефонно-прожекторного полка имел целью связать все важные пункты временной (полевой) телефонной связью.

К № 380. Переговоры о сдаче Комитета общественной безопасности происходили 2 ноября в здании губернской земской управы на Садовой-Каретной ул. Автомобиль предназначался для представителей «нейтрального» социалистического блока (см. секретарские записи заседаний Военно-революционного комитета 1 ноября, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 1д, 1е, 1ж и 1з).

№№ 381—389 в журнале совершенно пропущены; пробела не оставлено; очевидно, описка делопроизводителя.

К № 393. См. секретарские записи заседаний Военно-революционного комитета (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 1с).

К № 399. См. примеч. к записи № 290.

К № 400. Запись непонятна; возможно — пулеметов. Пшенистов работал в штабе Красной гвардии.

К №№ 399, 402 и 403. В архиве сохранился документ следующего содержания: «В Военно-революционный штаб. Согласно ответу штаба на запрос о представительстве штаба Красной гвардии в Военно-революционном штабе, штаб Красной гвардии делегирует для присутствия в Военно-революционном штабе т. Гермагакрилидзе и его заместитель тов. Рудзутак. Начальник штаба Красной гвардии Я. М. Познанский». (Подлин. каранд., ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 280). Подлинник без даты, может быть отнесен к 27 или 28 октября. Других документальных указаний на работу Я. Э. Рудзутака и т. Гермагакрилидзе в штабе Военно-революционного комитета в архиве не находим.

К № 404. Документ о составе штаба Красной гвардии в октябрьские дни опубликован в сборнике материалов и документов «Из истории Московской Красной гвардии», 1930, стр. 78.

К № 405. Речь идет о парадной карете и лошадях, сохранившихся во дворе б. генерал-губернаторского дома с царских времен.

К № 408. М. И. Рогов остался постоянным комиссаром гражданской части. Оговорка: «временно», очевидно, была внесена впредь до утверждения этого назначения Петроградом. Документ должен быть отнесен к 3 или 4 ноября.

К № 411. Приказ о назначении прапорщика О. Берзина комиссаром Кремля был выдан на руки начальнику Охотнорядского отряда прапорщику Сухотину еще до занятия Кремля Красной гвардией, с тем, чтобы вручить его О. Берзину, находившемуся под арестом у юнкеров в Кремле. Кремль был занят 3 ноября.

К № 413. В архивном фонде сохранился черновик «приказа отряду, действующему на Остоженке и Пречистенке»: «в случае военных действий со стороны противника, отряд обязан принять все меры завязать с ними мирные переговоры. Но если переговоры о мире завязать им не удалось, или после переговоров противник наступает, то принять все военные действия для отражения противника» (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 44). Документ этот по своему содержанию должен быть отнесен к 3 ноября.

К № 415. Речь идет об аресте коменданта Бутырской тюрьмы, поскольку Нахгальцеву было поручено навести порядок именно в этой тюрьме (см. записи №№ 159 и 324).

К №№ 416 и 417. Двинец А. Кузьмин командовал отрядом, действовавшим на Страстной площади и на Тверском бульваре, являвшимся арьергардом отряда, действовавшего у Никитских ворот. См. записи №№ 253, 254, 459.

К № 418. Первый пропуск в Кремль был выдан матери прапорщика О. М. Берзина — А. М. Берзиной еще до занятия красногвардейцами Кремля.

К № 419. Очевидно, П. Г. Смидовичу были выданы материалы для переговоров с Комитетом общественной безопасности. П. Г. Смидович все находившиеся у него документы, относящиеся к переговорам, опубликовал в «Пролетарской революции» 1923 г., № $^{3}/_{21}$, причем в эту публикацию вошли как документы, относящиеся к переговорам 30 октября (во время перемирия), так и документы, относящиеся к переговорам 2 ноября.

К № 423. Данный приказ об освобождении арестованных из Бутырской тюрьмы, очевидно, относится к заключенным, обвиняемым в аграрных беспорядках. См. записи №№ 535, 536, 537, 538 и 539.

К № 424. Очевидно, вести отряды из Сухаревского района в наступление на Кремль. Именно в этом районе скопились отряды, прибывшие из провинции,— в частности из Клина.

К № 425. Пономарев — военный фельдшер.

К № 429. Тищенко был назначен начальником резервов на место устраненного подпоручика Вяземского (см. запись № 342).

К № 430. Речь идет о пленных, освобожденных по постановлению Следственной комиссии Военно-революционного комитета.

К №№ 431 и 432. Речь, очевидно, идет о выдаче хлеба отрядам, прибывшим из Коврова, Шуи, Александрова, Владимира, а не только из Владимира. См. записи №№ 326 и 327 и примечания.

К № 434. Расписка А. И. Монахова, секретаря правления центрального союза городских рабочих, назначенного 6 ноября одним из комиссаров по городскому хозяйству, служит указанием на то, что, очевидно, данный приказ относится к помещениям Городской думы, о разгроме которых в заседании Военно-революционного комитета 3 ноября докладывал А. Я. Никитин (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 4).

К № 435. 5-я школа прапорщиков сдалась лишь 3 ноября, к какому числу и следует отнести данное поручение. Школа эта находилась в Смоленском переулке.

К № 437. Назначение Н. И. Муралова состоялось 3 ноября; документ мог быть датирован и 4 ноября — днем вступления в командование.

К № 438. Приказ о передаче Красной гвардии Александровского училища, конечно, мог быть дан только после окончания полномочий нейтральных комиссаров, т. е. после 4 часов 4 ноября.

К № 439. Кремль был занят только 3 ноября.

К № 442. Речь идет о пропусках для нейтральных комиссаров, наблюдавших за выполнением договора о сдаче юнкеров.

К №№ 444 и 445. Все переговоры с представителями английской миссии в Москве было поручено вести И. Зеленскому.

К № 447. Прапорщику Штродаху было поручено организовать отряд из Красной гвардии и войск Замоскворечья для участия в разоружении юнкеров (см. запись № 555).

К № 449. Член солдатской «Десятки» П. С. Пальгунов, солдат 8-й роты 251 пехотного запасного полка, назначался комиссаром от Военно-революционного комитета при разоружении юнкеров.

К № 450. Речь идет о конном отряде для поддержания порядка в районе Александровского военного училища, где происходило разоружение юнкеров.

К №№ 455 и 456. Ни работавший в штабе И. М. Альтер, ни В. П. Волгин членами Военно-революционного комитета не были. Оба эти документа были составлены канцелярией по распоряжению Альтера. Документ № 455 был изъят Н. И. Мураловым по заявлению Э. В. Андреева-Рожена. Документ за № 456 был уже выдан к этому моменту В. П. Волгину. Последнему мог быть выдан только документ о том, что он является представителем «нейтрального» социалистического блока при разоружении юнкеров, на что находим указание в секретарских записях заседаний Военно-революционного комитета.

К № 459. См. записи №№ 416 и 417 и примечания.

К № 460. Назначение прапорщика Л. Е. Марьясина начальником отряда, занявшего гостиницу «Континенталь» на Театральной площади, очевидно, следует отнести к 1 ноября, поскольку 2 ноября он лично доставил в штаб Военно-революционного комитета донесение о действиях этого отряда (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, лл. 134 и 279).

К № 471. См. запись № 449 и примечание.

К № 472. Речь идет о грузовике, направленном 26 октября за оружием в Кремль, поврежденном орудийным выстрелом. Документ следует отнести к 3 ноября.

К №№ 474 и 475. Голубев — комиссар Басманного района (ЦАОР, ф. МВРК, п. II, л. 623, и «Известия МВРК» № 3 от 4 ноября); Петров — печатник, из Городского района.

К № 479. Городская дума была занята красногвардейцами 2 ноября. Караул должен был быть сменен 3 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 404).

К № 480. Речь идет о тяжелом артиллерийском дивизионе, расквартированном в с. Богородском.

К № 481. Запись повторная: см. запись № 425.

К № 482. См. запись № 429.

К № 483. Е. Н. Игнатов, вероятно, был назначен комиссаром гор. Москвы; комиссаром Городского района был В. Д. Тверитин («Известия МВРК», № 3 от 4 ноября).

К № 484. Работа демобилизационного отдела сводилась к отправке прибывших в Москву из провинции отрядов обратно. Грачев—двинец.

К № 486. Штаб юнкеров на Никитской помещался в кинотеатре «Унион».

К № 487. Булочная Филиппова на Тверской (в доме, где гостиница «Люкс») была уже в дни боев занята отрядами Военно-революционного комитета. Очевидно, или данный приказ относится к первым дням боев, или же речь идет только об оформлении реквизиции, произведенной явочным порядком.

К № 489. По словам М. П. Томского, он 29 октября отправился в Петроград по поручению партийного центра. Регистрация документа, очевидно, произведена лишь по его возвращении из Петрограда.

К № 490. Назначение Е. К. Малиновской комиссаром театров состоялось 3 или 4 ноября, поскольку в заседании Военно-революционного комитета 4 ноября слушался ее доклад, как комиссара театров (Мособларх, д. Моск. Губ. Исп. К-та Сов. Раб. и Кр. Деп. № 2, лл. 24, 25 и 29).

К № 492. См. запись № 368.

К № 493. Обследование тюрем в первую очередь имело целью освобождение заключенных, по распоряжению органов свергнутого правительства, революционеров.

К № 495. См. записи №№ 715, 716 и 717.

К № 498. Документ может быть отнесен не раньше, чем к 5 ноября.

К №№ 501, 502, 504, 505 и 506. Все эти документы должны быть отнесены не ранее как к 3 ноября.

К № 511. Данный приказ выпустить всех юнкеров и офицеров из Кремля выполнен не был. Юнкера из Кремля были выведены лишь 7 ноября. См. запись № 936 и примечание.

К №№ 513 и 514. Комиссар 5-й батареи Давидовский после занятия Кремля, во взятии которого он участвовал, с двумя орудиями был переброшен в Замоскворечье, где ожидалось наступление белых на Москву. В частности, муссировались слухи об ожидаемом налете казачьих отрядов. См. записи №№ 520 и 522.

К № 515. Очевидно, большевик М. Ф. Богоявленский, солдат 6-й роты 56 пехотного запасного полка.

К № 519. Назначенный комиссаром Московской губернской тюрьмы Ник. Кустов, как можно заключить из архивных документов, солдат 1 запасного телеграфно-прожекторного полка; входил в состав «Десятки».

К №№ 520 и 522. См. записи №№ 513 и 514 и примечание.

К № 521. Машинки и гектограф находились в помещении Московского городского продовольственного комитета.

К № 523. Б. М. Волин-Фрадкин выехал после победы над юнкерами за своей семьей, застрявшей в гор. Мценске.

К № 524. Лошади были затребованы для организации конного отряда для охраны города. Исполнителем данного приказа, очевидно, был начальник конного резерва милиции Ветров (см. записи №№ 516, 517 и 518).

К №№ 526 и 530. К. Г. Максимов и член солдатской «Десятки» Н. П. Плеханов были командированы Военно-революционным комитетом в Вязьму, куда начали прибывать головные эшелоны из числа 20 эшелонов, отправленных командованием фронта на поддержку Комитету общественной безопасности. Командированные доехали до Гжатска. Когда солдатам была разъяснена сущность происходящего в Москве, большинство из них оказалось на стороне советов. Об этом К. Г. Максимов делал доклад Военно-революционному комитету 5 ноября (см. секретарские записи, ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 11 и 12).

К № 527. Разборка путей между Вязьмой и Можайском была произведена с целью воспрепятствовать продвижению на Москву войск с фронта, следовавших

по вызову Комитета общественной безопасности. См. примеч. к записям №№ 526 и 530.

К №№ 528 и 529. См. примеч. к записям №№ 513 и 514.

К № 532. Ф. М. Данилин—член комитета депутатов фронта при Московском совете солдатских депутатов, солдат 13 Особого полка северного фронта; А. Д. Блохин — солдат 2 запасной автомобильной роты, один из членов солдатской «Десятки» (Временного комитета солдатских депутатов). По словам Данилина, его поездки в Орел, Калугу и еще в третий губернский город, название которого он не помнит, имели целью организацию советской власти на местах. Посылка автомобилей в Тулу за пулеметами состоялась в дни разгара боев, а не после их окончания и в ней участвовали двинцы и грузовики 22-й запасной автомобильной роты, (см. примеч. к записи № 106).

К № 533. При взятии гостиницы «Метрополь» было взято в плен только несколько человек (4—5) юнкеров и 4 пулемета. Остальные юнкера бежали ночью по Китайгородской стене, захватив с собой остальные пулеметы, число которых в дни боев доходило до двенадцати. Предполагалось, что юнкера переоделись и скрываются в гостинице «Метрополь» под видом ее жильцов, и что пулеметы и оружие тоже спрятаны в гостинице.

К № 534. Очевидно, начальником телефонной станции при Московском совете был Старостин.

К №№ 535—539. См. запись № 423 и примечание.

К № 540. Г. Н. Мельничанский, избранный собранием правлений профессиональных союзов, созванным 26 октября, в состав Военно-революционного комитета девяти профессиональных союзов («Девятка»), вошел в состав Московского Военно-революционного комитета в качестве заместителя члена Военно-революционного комитета (см. запись № 706). В первые дни боев Г. Н. Мельничанский был задержан юнкерами и до 2 ноября сидел арестованным первоначально в Александровском военном училище, а затем — в Кремле.

К № 542. Запись относится к 3 ноября.

К № 548—549. Прапорщик Кошман был назначен временным комендантом Александровского военного училища до передачи его Красной гвардии.

К № 552. Телеграмма в Бологое была послана комиссару отряда, посланного Петроградом на помощь Москве, И. С. Вегеру. В состав отряда входили 428 Лодейнопольский полк и отряд кронштадтских матросов. С этим отрядом прибыли К. С. Еремеев и Ф. Ф. Раскольников (см. Ф. Раскольников, «Питер и Кронштадт в 1917 г.» и А. Ильин-Женевский, «От Февраля к захвату власти»). Доклады руководителей отряда — см. секретар. записи заседаний Моск. Военно-революц. комитета 5 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 10, 11, 13 и 14).

К № 553. См. № 342.

К № 555. См. запись № 447.

К № 556. Наседкин—комиссар отряда, действовавшего на Б. Дмитровке, Петровке и Неглинном, по направлению к Театральной площади; солдат 1-го прожекторно-телеграфного полка.

К № 560. Соколовский—ученик школы живописи, ваяния и зодчества (список убитых, опубл. в «Изв. МВРК» № 3 от 4 ноября).

К №№ 564, 565 и 566. В подлиннике журнала под № 564 записаны два документа, но пропущена запись № 567. Состав временного совета комиссаров для заведывания городским хозяйством впредь до созыва районных дум был утвержден Военно-революционным комитетом 3 ноября (ЦАОР, МВРК, п. V, л. 6) одновременно с постановлением о роспуске Городской думы. Постановление опубликовано в «Из-

вестиях МВРК» № 3 от 5 ноября. Состав временного совета по городскому хозяйству: Б. С. Вейсброд, М. Ф. Владимирский, А. Я. Никитин, В. А. Обух; А. И. Вейсман была секретарем этого совета.

К № 570. Фактической передачи дел Московского военного округа полковником Рябцевым Н. И. Муралову не было. Дело ограничилось беседой Н. И. Муралова с К. И. Рябцевым вне стен штаба Московского военного округа. Рябцев вскоре был арестован в связи с делом капитана Наумова, взявшего из кассы штаба 58 тысяч рублей (см. заявление начальника отдела военных сообщений А. Владимирского в связи с арестом инженера Мастрюкова, Мособлархив. МВРК № 1).

К №№ 579 и 580. Была образована комиссия по охране памятников старины и искусства, во главе которой стоял П. П. Малиновский. Первоначально в этой комиссии работали художник Малевич (в то время—солдат) и Н.Г. Росетти. Очевидно, Давыдова тоже была работником этой комиссии.

К № 581. В секретарских записях заседания Военно-революционного комитета 4 ноября читаем: «В Рублеве на водопроводной станции беспорядки, столкновение с милицией грозит приостановлением воды в Москве. Делегировать Левинсона» (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. V). Член союза швейников, Андреев—член Следственной комиссии Военно-революционного комитета.

К № 588. Со снятием воинской охраны Московский совет охранялся Красной гвардией.

К № 603. В. В. Осинский-Оболенский был назначен комиссаром по продовольствию воинских частей постановлением Военно-революционного комитета 4 ноября (см. секретарские протокольные записи, «Красный архив», т. XXIII; ЦАОР, ф. МВРК, т. V, л. 9а).

К № 604. Речь идет или об оружии, сданном охранявшим казначейство и казенную палату отрядом юнкеров, под командой поручика Эгеблода (см. документы, опубликованные А. Я. Аросевым в его брошюре: «Как это произошло», 1923 г., стр. 52—54), или же о больших браунингах, калибра 9 мм, находившихся на вооружении отдельного корпуса жандармов и при его расформировании сданных на хранение в казенную палату.

К № 605. Речь идет о сдаче на хранение в Кремль старого царского штандарта одного из находившихся на фронте кавалерийских полков.

К №№ 606—611 и 613. К. Барсов, Л. Зворыкин, Н. и В. Новиковы, Силин, Ольденбург и Мамонов — очевидно, состав прибывшей из Петрограда делегации, имевшей целью убедиться в том, что распространявшиеся врагами советской власти слухи о полном разрушении «святынь» Кремля, нашедшие отклик и в партийной среде, лживы.

К № 620. См. примечание к записи № 581.

К №№ 629 и 630. Оба эти удостоверения должны быть отнесены к 3 ноября, поскольку Я. Верветченко и Божиков являлись представителями «нейтрального» Викжеля. Подпись Я. Верветченко как представителя Викжеля находим на договоре о сдаче Комитета общественной безопасности. Божиков присутствовал и выступал на заседании Военно-революционного комитета 30 октября при обсуждении вопроса о нарушении перемирия (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 86е).

К № 633. См. запись № 623.

К № 634. Подлинный приказ подписан самим же А. Сковно и датирован 4 ноября. Отпуск за подписью А. А. Сковно — см. Музей револ., ЦА$_9$.

К № 635. Помещения и типография «Русского слова» были окончательно реквизированы, и там начали печататься «Известия Московского совета».

К № 639. Типография Саблина перешла по наследству к Г. В. Саблину, по личной инициативе которого она и была реквизирована.

К № 640. Запись повторная: см. запись № 527.

К № 647. См. записи №№ 178 и 220 и примечания.

К № 649. Цель выдачи такого удостоверения владельцу имения Соколову неясна, поскольку одновременно не было дано указаний земельному комитету.

К № 650. Очевидно, документ должен быть отнесен к 3 ноября. См. запись №№ 629 и 630 и примечание. Однако возможно, что он выдан после окончания сдачи юнкеров, как свидетельство о выполненной работе. Число таких удостоверений не установлено.

К №№ 654—656. О Протопопове см. записи №№ 154 и 155 и примечание.

К №№ 658, 659 и 660. По уполномочию происходившего в Москве поместного церковного собора, 3 ноября к Военно-революционному комитету обратился член собора генерал Артамонов, настаивая на выдаче пропусков в Кремль митрополитам Тихону и Платону, епископам Дмитрию, Никандру и Гермогену, протоиереям Любимову, Станиславскому и Чернявскому, генералу от-инфантерии Артамонову, крестьянам Юдину, Уткину, Уздину и Касьянову. Как видно из данных записей, ходатайство было удовлетворено частично, хотя возможно, что все указанные Артамоновым лица прошли в Кремль под видом свиты митрополита Платона. См. записи №№ 981 и 982 и примечание.

К № 661. См. примечание к записи № 581.

К № 662. Пропуск выдан выписавшимся из госпиталей, о чем свидетельствует расписка сестры Красного креста Шелег.

К № 663. Отпуск этого документа — Мособларх, д. МВРК № 1.

К №№ 664 и 665. В сохранившихся протокольных записях заседаний Военно-революционного комитета соответствующих постановлений не разыскано. Разрешение причту кремлевских церквей иметь свою охрану (конечно вооруженную) свидетельствует о либеральности Московского Военно-революционного комитета.

К №№ 667 и 668. Отпуска этих документов — Мособларх, д. МВРК, № 1.

К № 673. Убитый в дни октябрьских боев солдат М. Д. Берман был жильцами д. № 13 по Поварской ул. похоронен во дворе дома. Тело его было вырыто и отправлено в Солдатенковскую больницу на вскрытие. Расследование производил С. Я. Бобинский. См. запись № 702.

К № 675. Очевидно, пропуск выдан был для проезда в Петроград делегации, приехавшей из Киева; в Москве делегация добивалась получения бумаги для киевских издательств. Русин — псевдоним сотрудника газет Майзелиса.

К №№ 677—681. Первоначально, до назначения комиссаром по выборам в Учредительное собрание Камаринца, Военно-революционным комитетом был делегирован для наблюдения за работой комиссии по выборам И. М. Альтер. См. записи №№ 858 и 859.

К № 687. Типография «Московского листка» была занята анархистами из группы братьев Гординых 25 октября (ЦАОР, ф. МВРК, п. I, л. 8).

К № 688. См. записи №№ 526, 527, 530 и 640, а также постановления Московского Военно-революционного комитета 4 ноября (Мособларх., д. И. К. С. Р. и Кр. Д., 1917 г., № 2, лл. 24, 25 и 29).

К № 689. В первоначальной протокольной записи заседания Военно-революционного комитета, датированной $4^1/_4$ часа ночи 4 ноября и относящейся, очевидно, к 3 ноября, находим представителя Викжеля в составе предполагавшегося

к созданию органа власти. Очевидно, точка зрения на состав органа власти изменилась, поскольку речь идет только о представительстве для связи. См. запись № 1000 и примечание.

К № 693. Комиссия по снабжению фронта теплыми вещами в этом составе была образована по постановлению Военно-революционного комитета 4 ноября в связи с получением телеграммы фронта об отсутствии теплой одежды (Мособларх, д. И. К. С. Р. и Кр. Д. № 2, л. 28). Отпуск данного документа — Мособларх, д. МВРК № 1.

К № 695. Обыск производили работавший в Следственной комиссии Андреев, член союза швейников, и красногвардеец с электрической станции (теперь МОГЭС) Бойцов. Артистка Генибор проживала в гостинице.

К № 696. Вероятно, данный документ имеет отношение к совещанию с представителями меньшевиков-объединенцев и левых социалистов-революционеров по вопросу о конструировании власти, состоявшемуся 5 ноября. Секретарские записи этого совещания—см. «Красный Архив», т. XXIII.

К № 702. См. запись № 673 и примечание.

К № 705. Соответствующее постановление Военно-революционного комитета — см. секретарскую протокольную запись 3 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 3).

К № 706. См. запись № 540 и примечание.

К № 708. Возможно, что в данном документе речь идет не о П. П., а о В. В. Рудневе — московском городском голове, председателе Комитета общественной безопасности.

К № 710. Судя по расписке: «В. Карелин» — речь идет о начальнике отряда Красной гвардии, организованного левыми социалистами-революционерами.

К №№ 711, 712 и 713. См. запись № 552 и примеч.

К № 714. Отпуск данного документа — в д. МВРК № 1 в Мособлархиве; датирован 6 ноября. В публикации Г. Д. Костомарова («Октябрь в Москве», 1932 г., стр. 153) — дата неправильная: 8 ноября; кроме того, фамилия консула напечатана неправильно.

К №№ 715, 716 и 717. См. записи №№ 890, 891 и 892. Отпуска этих документов — Мособларх, д. МВРК, № 1.

К № 720. Подлинный документ см. ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 116 с, датирован 5 ноября. Михалевский — член Московского комитета меньшевистской организации.

На обороте данного документа читаем и ответ на предложение командировать в следственные комиссии при Таганской и Бутырской тюрьмах для заключения дел лиц, арестованных в связи с событиями октябрьско-ноябрьских дней, по одному товарищу с правом решающего голоса специально по делам заключенных, следующего содержания:

«5 ноября в 6 ч. вечера нейтральная организация по ликвидации вооруженной борьбы в Москве, заслушав предложение Военно-революционного комитета от 5/XI за № 720 (на имя тов. Михалевского) и все обстоятельства дела по задержанию юнкеров Алексеевского училища после их освобождения из Александровского училища, постановили:

1. Категорически потребовать от Военно-революционного комитета немедленного освобождения юнкеров Алексеевского училища, задержанных после освобождения их из Александровского училища, чем грубо были нарушены и договор и технические условия по обезоружению юнкеров, причем даже прямой

приказ Военно-революционного комитета, отвеченный членом комитета в присутствии т. т. Николаева и Еремеева, не был выполнен.

2. На основании прямых указаний и условия мирного договора потребовать освобождения всех вообще пленных, содержащихся в разных местах заключения.

3. Потребовать опубликования фамилий всех задержанных и находящихся под стражей лиц.

4. Поручить выполнение настоящего постановления тт. Эмдину и Биценко.

Члены нейтральной организации: Михалевский, Эмдин [оба меньшевики], [далее две подписи неразборчивы], А. Биценко [лев. с.-р.]». (Подл. ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 116с.)

По договору о сдаче Алексеевского военного училища 30 октября (Музей револ.) все сдавшиеся юнкера обязывались не выступать с оружием в руках против советов. Часть юнкеров этого слова не сдержала и отправилась продолжать борьбу в Александровское военное училище. Этих-то юнкеров взяли под свою защиту меньшевики, объединенцы и левые с.-ры. Неразборчивые подписи, очевидно,— меньшевиков-объединенцев (интернационалистов).

К №№ 732 и 733. Поручение пустить в дело в первую очередь электрическую станцию адресовано на телефонную станцию, очевидно, лично комиссару телефонной сети, как председателю стачечного комитета союза городских рабочих.

К №№ 735—740. Все указанные лица были работниками аппарата Военно-революционного комитета, Ф. П. Серегин в октябрьские дни заведывал отделом районов штаба Красной гвардии (см. «Из истории Моск. рабочей Красной гвардии», 1930, стр. 78), а в связи с арестом ведшего запись в Красную гвардию Жарова, заключенного юнкерами в Кремле (см. воспоминания Жарова — «В Кремле», сборник «Октябрьские дни в Москве и районах», 1922, стр. 36—44), выполнял и его функции.

К №№ 741—743. Заслушав в заседании 6 ноября доклад комиссара по продовольствию А. Гр. Шлихтера о ложном сообщении Продовольственного комитета старого созыва в меньшевистской газете «Вперед» и правоэсеровской газете «Труд», об уменьшении хлебного пайка на $^1/_4$ фунта в связи с захватом власти большевиками, загрузившими Московский железнодорожный узел, Военно-революционный комитет постановил поместить в газетах официальное разъяснение по этому поводу от имени комиссара по продовольствию (см. секретарскую запись заседания 6 ноября— ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 23а и постановление ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 38).

К № 744. См. постановления Военно-революционного комитета 4 ноября в 7 час. вечера (Мособларх, д. И. К. С. Р. и Кр. Д. № 2, лл. 24, 26 и 29). В постановлении говорится о конфликте среди железнодорожников вообще, а не только на Московско-Курской жел. дороге. Конфликт разгорелся из-за избрания железнодорожными рабочими своих комитетов, стоящих на платформе власти Советам, против чего протестовал Викжель и организованные им прежде комитеты на местах.

К № 745. Пшенистов заведывал арсеналом Красной гвардии («Из истории Московской рабочей Кр. гвардии», 1930, стр. 78).

К № 746. Жаров ведал записью в Красную гвардию («Из истории Московской рабочей Красной гвардии», 1930, стр. 78). Был взят юнкерами в плен в Кремле, куда приехал за оружием (его воспоминания см. в сборнике «Октябрьские дни в Москве и районах», 1922, стр. 36—44).

К №№ 747, 749, 750, 751, 752 и 753. Как совещание с меньшевиками-объединенцами и левыми социалистами-революционерами, состоявшееся 5 ноября (см. запись № 696 и примечание), так и данное междупартийное совещание состоялись на основании постановления фракции Исполнительного комитета Московского совета рабочих депутатов совместно с Московским комитетом Р.С.-Д.Р. П.(б) 4 ноября, причем, как свидетельствуют данные записи, инициатива междупартийного совещания исходила от Военно-революционного комитета. Подробный отчет об этом совещании, закончившемся выходом из него меньшевиков и правых социалистов-революционеров (их заявления см. ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 133 и 134), опубликован в меньшевистской газете «Вперед», № 203 от 7 ноября 1917 г.

К № 757. См. записи №№ 775 и 776 и примечание.

К № 758. Приведенные в записи номера телефонов принадлежали коммутатору Московского совета.

К № 761. Об отправке обратно прибывших из провинции отрядов находим только записи №№ 761 (30 человек) и 1022—1023 (70 человек). Остальные отряды отправлялись обратно распоряжением организовавшегося 4 ноября штаба Московского военного округа.

К № 763. Текст телеграммы не разыскан. Вероятно, она касалась результатов переговоров 5—6 ноября с социал-соглашателями об организации власти и была отправлена в Петроград. См. примечание к записям №№ 747, 749—753.

К № 764. В записи постановлений Военно-революционного комитета 5 ноября находим поручение «т. Левинсону (президиуму Губернского Совета рабочих депутатов) подыскать кандидата в губернские комиссары (принято 2-мя против 1)» (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 35).

К №№ 765, 766 и 768. Доклад М. Н. Покровского о его переговорах с консулами, постановление об организации комиссии по иностранным делам и о назначении комиссаром по иностранным делам М. Н. Покровского, а его заместителем Лукина-Антонова находим в секретарской протокольной записи, озаглавленной: «Продолжение заседания 6 ноября» (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 23в). Постановление по этому докладу см. ЦАОР, ф. МВК, п. V лл. 38—40. Постановления от 5 ноября, как записано в данной записи, не разысканы. Возможна описка.

К № 769. Ф. П. Серегин — заведующий отделом районов Главного штаба Красной гвардии, что видно из Положения об организации этого штаба («Из истории Московской рабочей Красной гвардии», 1930, стр. 78).

К №№ 770, 771 и 772. См. запись № 720 и примечание. Постановление Военно-революционного комитета об образовании следственных комиссий при Таганской и Бутырской тюрьмах не разыскано.

К №№ 775 и 776. В сводке постановлений заседания Военно-революционного комитета «4 ноября 10 с половиной ч. веч». читаем: «Поручить тов. Илькшину составить комиссию по организации похоронной процессии с привлечением в нее тов. П. П. Малиновского и представителей районов» (Мособларх, д. М. Губ. И. К. С. Р. и Кр. Д. № 2, л. 28). В сводке постановлений заседания Военно-революционного комитета 7 ноября (утреннее), опубликованной в «Известиях М. В.-Р. К-та» № 7 от 10 ноября, находим: «Тов. Вимба, тов. Малиновского, тов. Дикарева уполномочить для организации похорон». Т. о., записи №№ 775 и 776 сделаны не раньше чем 7 ноября. См. записи №№ 757, 974, 975 и 976.

К № 780. См. примечание к записи № 648.

К № 793. См. записи №№ 770, 771 и 772 и примечание и запись № 807 и примечание.

К №№ 794, 795 и 796. Эти приказы опубликованы в «Известиях Московского Военно-революционного комитета» № 4 от 7 ноября, следовательно, запись, вероятно, относится к 6 ноября.

К № 803. В. С. Сергеев, комиссар Бутырского района, утвержден комиссаром по транспорту постановлением Военно-революционного комитета от 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 35).

К № 804. Ремни, кобура, сумки походные предназначались для Красной гвардии.

К № 806 и 807. См. запись № 720 и примечание. Документ № 807 датирован тоже 5 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 116т).

К №№ 808, 809 и 810. О поездке Ин. Стукова и Н. И. Бухарина в Петроград к В. И. Ленину см. статью Ин. Стукова «Областное бюро и Военно-революционный комитет» (Сборник «Октябрьское восстание в Москве», 1922, стр. 44—45).

К № 811. Речь идет о снятии внутренних караулов, установленных, очевидно, после боев комиссаром гостиницы «Метрополь» и Городской думы Ю. П. Бутягиным (см. запись № 647).

К № 813. Ляпинские номера, во дворе дома № 26 по Б. Дмитровке, где помещалась типография «Московского издательства». См. примечание к записям №№ 310 и 311. Запись зачеркнута, как подлежащая проведению в секретном порядке.

К № 816. Только латышская с.-д. организация получила разрешения на оружие организованным порядком.

К № 819. Документ не разыскан.

К №№ 826, 827 и 828. Все эти документы выданы крупному московскому фабриканту А. Н. Лямину, занявшемуся в годы войны изготовлением и поставкой военному ведомству авиационных моторов.

К №№ 829 и 832. О роспуске собрания Московской городской думы находим сведения в начавших выходить с 8 ноября буржуазных газетах («Утро России» от 8 ноября). Заседание было назначено в здании Городской думы, после разгона перешло в помещение университета Шанявского на Миусской пл., где вынесло две контрреволюционные резолюции. Происходило оно 6 ноября, в 1 ч. дня. В этот же день Военно-революционный комитет по докладу М. Ф. Владимирского принял текст воззвания по поводу роспуска (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 23вг). Во главе отряда, посланного штабом округа, был Я. А. Грицман.

К № 830. Командор линейного корабля «Гражданин» — прибывший с отрядом кронштадтских матросов из Петрограда мичман Ф. Ф. Раскольников (Ильин). См. запись № 552 и примечание.

К № 831. Постановление о выводе войск из здания Совета состоялось 3 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 3).

К № 834. Постановлением Военно-революционного комитета 8 ноября квартирмейстером здания Совета и бывшей гостиницы «Дрезден» был назначен т. Певунов (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 48 и 49) Очевидно, запись более ранняя, поскольку в ней говорится о квартирмейстере Смирнове.

К № 835. Г. Л. Прейсман — секретарь отдела по выборам в Учредительное собрание, беспартийный.

К № 839. См. запись № 804 и примечание.

К № 841. В. М. Смирнов был делегирован Военно-революционным комитетом на междупартийное совещание всех социалистических партий, состоявшееся 6 ноября (см. записи №№ 747, 749—753 и примечания). Запись, очевидно, произведена позже.

К № 843. Незаконченная поднись Л. Каменева, так же, как и в записи № 989. См. № 938 и примечание.

К № 844. См. запись № 552 и примечание. А. Железняков — кронштадтский матрос, анархист. О нем см. Ф. Раскольников, «Кронштадт и Питер в 1917 г.» и А. Ильин-Женевский, «От Февраля к захвату власти».

К № 846. Постановление об открытии буржуазной печати было вынесено Военно-революционным комитетом в форме «декрета о печати» 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 45 и лл. 41 и 42).

К № 847. См. примечание к записям №№ 775 и 776.

К № 848. См. записи №№ 552 и 844 и примечания.

К № 849. Назначение М. Н. Покровского комиссаром по иностранным делам состоялось 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 23в).

К №№ 850, 851 и 852. После окончания боев в Москве усиленно вооружалась Красная гвардия подмосковных районов. Приведенные записи касаются Богородска.

К №№ 858 и 859. См. зап. №№ 564, 565 и 566 и примечание, а также примечание к записям №№ 677—681. Постановление о назначении Комаринца комиссаром по городскому хозяйству, а также комиссаром по выборам в Учредительное собрание состоялось 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V л. 23в, г).

К № 861. Как видно из отпуска, подписанного П. И. Кушнером и за секретаря А. А. Додоновой (Мособлархив, д. МВРК № 1), документ датирован 6 ноября.

К № 862 и 867. Запрещение митингов и собраний под открытым небом было вызвано попытками как «нейтральных» социалистов, так и кадетов из Городской думы организовать выступления против советской власти.

К № 871. Речь идет о вызове управляющего канцелярией б. комиссара Временного правительства по г. Москве Филатьева для сдачи дел комиссара.

К №№ 873, 874, 875 и 876. Данные лица получили такое удостоверение только потому, что за такими удостоверениями обратились лично. Масса же арестованных юнкерами по такому же поводу никаких удостоверений не получила. Очевидно, это были юнкера, отказавшиеся с оружием в руках выступать против советов. Отпуск этих документов—см. Мособлархив, д. МВРК, № 1.

К № 879. Ю. Любицкий — матрос из Петрограда, имевший задание обеспечить Петроград продовольствием. См. его доклад в Военно-революционном комитете 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 23д, е).

К №№ 880 и 881. Левенсон назначен комиссаром юстиции постановлением Военно-революционного комитета 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 23г).

К №№ 885, 886, 887 и 888. Военно-революционный комитет разрешал беспрепятственное продвижение по России агентам империалистических держав. Согласовывал ли он эти разрешения с народным комиссариатом иностранных дел,— не установлено. См. также записи №№ 970 и 971.

К № 889. См. запись № 675. Русин-Майзелис по получении вагона или двух бумаги, выехал с ними в Киев.

К №№ 890, 891 и 892. См. записи №№ 715, 716 и 717 о том же. Отпуск этих документов—Мособлархив, д. МВРК, № 1.

К №№ 895, 896, 897, 898, 899 и 900. Назначения Г. А. Пискарева, Томкевича, Андрюшина, А. Н. Телешева, Луданова и А. И. Монахова комиссарами городского хозяйства, очевидно, состоялись на основании решения совета районных дум (см. примеч. к записям №№ 564, 565 и 566), утвержденного Военно-революционным комитетом 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 41 и 42).

К № 901. Комиссаром по транспорту был В. С. Сергеев; утверждение его в должности состоялось 5 ноября; см. примеч. к записи № 803, а также ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 35.

К № 902. Удостоверение т. Егорову выдано на основании постановления Военно-революционного комитета от 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 23б, 41 и 42), ввиду сомнений, не будет ли убыточной эксплоатация типографии «Русского слова» в случае ее реквизации.

К № 904. Назначение Б. Г. Закса состоялось одновременно с назначением комиссарами Государственного банка И. Я. Жилина, С. Н. Шевердина-Максименко, Д. П. Боголепова и Т. И. Попова — 6 ноября (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 41). Вторично такое же удостоверение Б. Г. Заксу было выдано одновременно с выдачей его прочим комиссарам банка, — см. записи №№ 928, 929, 930, 931, 932.

К № 906. Назначение Г. Н. Мельничанского комиссаром таможни состоялось 7 ноября, что видно из опубликованной в «Известиях МВРК» № 7 от 10 ноября сводки постановлений заседания 7 ноября.

К № 907. См. примеч. к записи № 904.

К №№ 911 и 912. В данных записях твердо указан день выдачи бланков — 7 ноября.

К № 913. Приказ был вызван отсутствием в Моск. конторе Госуд. банка наличных мелких купюр денэнаков, прибытие которых из Петрограда ожидалось 7 ноября. См. №№ 925 и 926 и примеч.

К № 915. Речь идет о подмосковном имении Архангельское, рабочие и служащие которого, в числе 55 человек и 16 семейств призванных на войну, образовали комитет служащих и делегировали в Военно-революционный комитет одного служащего и двух солдат «для защиты достояния и интересов служащих». Подлинное ходатайство, за 44 подписями, — Мособларх, д. МВРК № 1. Это ходатайство и послужило основанием к выдаче документа № 915. Рабочие и служащие Архангельского оправдали доверие, сохранив эту музейную подмосковную в полной неприкосновенности.

К № 923. На штаб Московского военного округа впоследствии возлагались и другие обязанности, например, выдача денег вкладчикам банков с их текущих счетов, для чего штабу пришлось организовать специальный отдел во главе с Н. А. Прилуцким.

К №№ 925 и 926. Причин неоткрытия банков было две: 1) саботаж банковских служащих и 2) отсутствие бумажных денег мелких купюр. Банки открылись лишь по получении подкрепления из Петрограда. См. записи №№ 927, 928, 929, 930 и 931. См. примеч. к №№ 904 и 907, а также к №№ 986 и 969.

К №№ 927—932. См. примечание к № 904. В публикации Г. Д. Костомарова данный документ, датированный 7 ноября, передан не точно: вместо И. И. Жилина он адресован «И. Я. Ильину».

К №№ 933 и 934. Усиленная охрана Государственного банка и других банков вызывалась опасением эксцессов ввиду отсутствия денег и невозможности удовлетворить требования населения, а также ожидаемым поступлением подкрепления из Петрограда. См. примеч. к записям №№ 925 и 926.

К № 935. Подлинник этого документа, адресованный «Начальнику отряда Петроградской Красной гвардии, расположенному в Александровском училище», датирован 7 ноября, без номера.

К № 936. Подлинник этого приказа датирован 7 ноября. Освобождение должно было быть произведено «под подписку о том, что отныне они не будут

участвовать с оружием в руках против установившегося строя под властью Совета р. и с. депутатов». Отпуск с подписями — см. Мособларх, д. МВРК, № 1. В сборнике Г. Д. Костомарова («Октябрь в Москве», 1932, стр. 148) этот документ ошибочно датирован 1 ноября.

К № 937. См. записи №№ 925 и 926 и примечание.

К № 938. Речь идет о выдаче трупа командира 56 пехотного запасного полка А. П. Пекарского его родственнице. 28 октября Пекарский принимал активное участие в расправе юнкеров над солдатами 56 полка. Пекарский имел квартиру в Кремле и был убит после ухода юнкеров. Подпись Л. Каменева в получении этого приказа может иметь только одно объяснение: в проекте распределения работников Замоскворецкого района, не проведенном в целом в жизнь (ЦАОР, фонд МВРК), находим следующую запись: «Комиссары. 1 Якиманский — послать Вышинский. 2 Якиманский послать Лукьянов. 1 Серпуховский — Каменев, выдан мандат. 2 Серпуховский (далее зачеркнуто: «Щепит») послать (далее зачеркнуто: «Каменев»). 1 Пятницкий — Постоловский. 2 Пятницкий — послать Мамулин (далее зачеркнуто: «Шаховский»)». На основании этой записи можно предположить, что Л. Каменев расписался в получении разрешения на выдачу тела Пекарского, как комиссар 1 Серпуховского комиссариата милиции.

К №№ 939, 940, 944. См. записи №№ 925 и 926 и примечание.

К № 947. Причины, вызвавшие обвинение штаба округа в дезорганизации работы, не выяснены.

К №№ 948 и 952. Бутанов и Тамразов — делегаты 21 финляндского стрелкового полка, явившиеся в Военно-революционный комитет и передавшие ему резолюции фронтовых организаций, получили газеты для распространения на фронте и были допущены к осмотру Кремля, чтобы на фронте опровергнуть слух о его разгроме.

К № 953. Поручик Скобейко — адъютант капитана Подгурского, ведавшего национальными польскими формированиями, наводил справки об арестованных поляках с тем, чтобы под поручительство добиться их освобождения.

К № 954. Очевидно, справка касалась постановления Военно-революционного комитета о том, что предприниматели обязаны уплатить рабочим заработную плату за дни забастовки и восстания.

К №№ 957 и 958. Докладчиком по вопросу о посылке военной экспедиции в Калугу был И. С. Кизильштейн (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, л. 23б). Окончательная формулировка постановления — см. ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 38—40. Один экземпляр выписки был выдан штабу Московского военного округа, второй — командиру прибывшего из Петрограда 428 Лодейнопольского полка Потапову. Фактически экспедиция, ввиду сопротивления Викжеля, была отправлена в Калугу только к 28 ноября. Комиссаром этой экспедиции был А. В. Мандельштам, командиром отряда—А. А. Бурдуков, приехавший в Москву с румынского фронта 18 ноября.

К №№ 964 и 965. См. примеч. к № 954.

К №№ 968 и 969. 7 ноября в Москву прибыло денежное подкрепление Московской конторе Государственного банка. См. запись № 1009.

К №№ 970 и 971. См. примеч. к записям №№ 885, 886, 887 и 888.

К № 972. См. запись № 552 и примечание.

К №№ 974, 975 и 976. См. примеч. к записям №№ 775 и 776.

К №№ 978 и 979. На красильно-аппретурной фабрике Ферман в Ростокине рабочие требовали удаления с фабрики ее управляющего В. И. Морозова за недопустимо грубое обращение с рабочими. Владелец объявил фабрику закрытой. Только 13 ноября фабрика была пущена в ход совместными усилиями союза и фабричного комитета. (ЦАОР, ф. VI, лл. 4, 5 и 6).

К №№ 981 и 982. Православное духовенство было допущено к повседневному богослужению в кремлевских церквах. См. записи №№ 658, 659 и 660 и примечание.

К № 983. Продовольственник Герштейн докладывал Военно-революционному комитету о необходимости борьбы с мешочничеством. Со штабом военного округа он согласовал вопрос о посылке на места продовольственных отрядов. См. стенограмму 6 пленума Областного И. К. Советов, доклад Т. Рунова о продовольственном положении (ЦАОР, ф. 370, оп. 2, д. № 17, 1917 г.).

К № 985. См. запись № 1017. Расписавшийся А. Розенфельд, очевидно, поставил дату 4 ноября по памяти; документ был выдан не раньше 7 ноября, поскольку этим числом помечены №№ 911 и 912, причем М. Ф. Владимирский и И. Нахгальцев расписывались при получении чистых бланков.

К № 989. См. примеч. к № 843 и запись № 938 и примеч.

К № 990. Отпуск этого документа — Мособларх., д. МВРК, № 1. В письме указано, что крестьяне в праве произвести перевыборы уездной власти.

К №№ 991 и 992. Отпуска этих двух документов, за подписями П. Г. Смидовича и П. Н. Мостовенко и секретаря А. П. Розенгольца, без дат, — см. Мособларх, д. МВРК № 1.

К №№ 1000, 1001 и 1002. О целях своей поездки в Петроград Е. Игнатов сообщает, что Московский комитет Р. С.-Д. Р. П. и фракция Исполнительного комитета Совета делегировали его для защиты своей резолюции об организации власти, которая по существу являлась сколком такой же резолюции, принятой ВЦИК и проведенной в нем Каменевым и Зиновьевым вразрез с директивами Центрального комитета партии. (См. «Моск. Сов. Раб. Депутатов 1917 г.», стр. 416 и 417).

К № 1009. См. запись №№ 968 и 969 и примеч.

К №№ 1010 и 1011. Документы о конфликте рабочих с фабрикантом С. Кочетковым не разысканы.

К № 1012. См. записи №№ 121 и 346 и примечания к ним.

К № 1013. См. запись № 342 и примеч.

К № 1015. Постановление о назначении дня похорон — 10 ноября — состоялось 7 ноября («Известия МВРК» № 7 от 10 ноября).

К № 1016. Профессиональный союз низших служащих и рабочих в больницах возбудил вопрос об уплате им жалования по так называемой «плехановской» повышенной ставке за время забастовки в октябре. Военно-революционный комитет ходатайство это удовлетворил. (ЦАОР, ф. МВРК, п. V, лл. 41 и 42).

К № 1017. См. запись № 885.

К №№ 1022 и 1023. Данными документами устанавливается количество солдат 82 пехотного полка, прибывших с Ковровским эшелоном из Владимира. См. примеч. к записи № 327.

К № 1024. Разрешение было выдано на въезд детей В. Обуха в Москву.

К № 1027. В архивном фонде находим постановление от 10 ноября делегировать в Следственную комиссию при Военно-революционном комитете тов. Костецкого. (АОР, ф. 94, оп. I, д. № 66).

Царское правительство и процесс Бейлиса.

В XLIV т. «Красного архива» опубликована часть архивных материалов по ритуальному процессу Бейлиса, привлекшему к себе в свое время мировое внимание [1]). Там же в кратком вступлении нами дана и общая характеристика процесса и его значения.

Ниже мы даем новую серию документов, связанных с делом Бейлиса. Публикуемые нами документы извлечены из переписки синода министерства внутр. дел (и его департаментов), министерства юстиции и министерства иностранных дел. Это — переписка министров между собой, министров с их подчиненными, министерства иностранных дел с российскими заграничными представителями и одно письмо английского посла в Петербурге Джорджа Бьюкенена к министру иностранных дел С. Д. Сазонову.

Часть документов, помещенных ниже, относится к самому существу дела Бейлиса. Все они имеют секретный характер и с очевидностью свидетельствуют о том, что в своей секретной переписке большие и малые сановники не стеснялись говорить о вещах совершенно прямо. Из этих документов видно, что организаторы и руководители процесса прекрасно знали, что убийство мальчика Ющинского совершено воровской шайкой, что ритуальное обвинение выдумано, что еврей Бейлис в предъявленном ему ритуальном обвинении не виноват и что никакими фактами этого обвинения и нельзя доказать. В этом отношении особенно интересны донесение киевского митрополита Флавиана синоду и письмо министра внутренних дел А. А. Макарова министру юстиции И. Г. Щегловитову.

Дальше идут документы, характеризующие ту обстановку, в которой подготовлялся и слушался процесс Бейлиса: тут, с одной стороны, донесения киевской администрации о политических настроениях и весьма характерный циркуляр министра внутренних дел Н. А. Маклакова, приказ министерства внутренних дел об установлении филерского наблюдения за присяжными заседа-

---

[1]) См. «Красный Архив», т. XLIV, стр. 85—125, «Процесс Бейлиса в оценке департамента полиции».

телями и частная записка министра юстиции И. Г. Щегловитова, адресованная директору департамента полиции.

Далее идут документы, касающиеся, так сказать, «обслуживания» процесса: денежная расписка члена Госуд. думы Г. Г. Замысловского — лидера крайних правых, выступавшего в процессе гражданским истцом: его участие в процессе было оплачено департаментом полиции. Из собственноручных расписок проф. Д. П. Косоротова видно, что его экспертиза, благоприятная правительственной версии о наличности «ритуального» убийства, была также оплачена департаментом полиции. Из других материалов известно, что эта оплата произведена по личному распоряжению министра внутренних дел Н. А. Маклакова, основанному на разрешении царя. Далее помещено письмо другого правительственного эксперта проф. И. А. Сикорского, имевшего мировую известность в области психиатрии и давшего совершенно невежественное заключение по делу Бейлиса, вызвавшее негодование всего медицинского мира как в России, так и заграницей. В письме этом проф. Сикорский просит запретить критику его экспертизы, а следующее за этим письмом донесение харьковского вице-губернатора о закрытии Харьковского медицинского общества свидетельствует о том, с каким усердием эта просьба проф. Сикорского выполнялась.

Вслед за этим — два документа, относящиеся к третьему правительственному эксперту — ксендзу Пранайтису. Из письма российского посла при Ватикане Нелидова к министру иностранных дел С. Д. Сазонову видно, какие ухищрения были пущены в ход для того, чтобы сделать невозможным опровержение лжи ксендза Пранайтиса на самом процессе.

Переписка между товарищем министра внутренних дел В. Ф. Джунковским и министром юстиции И. Г. Щегловитовым показывает, насколько правительство было далеко даже от мысли обнаружить во всеобщее сведение правду об убийстве мальчика Ющинского.

Последняя часть публикуемых здесь документов представляет собой переписку министерства иностранных дел и касается двух моментов: во-первых, тех протестов, которые возбудил против себя процесс Бейлиса, и, во-вторых, постановки за границей театральных пьес и демонстрирования кинематографических фильм, относящихся к делу Бейлиса. Эта переписка свидетельствует о том, какое большое значение правительство придавало делу Бейлиса и как оно само воспринимало свое политическое поражение, связанное с провалом процесса. Попутно мы узнаем из этой переписки, что царское правительство не только заботилось о запрещении в Лондоне киносеансов, имевших своей темой процесс Бейлиса, но не в меньшей степени было озабочено тем, чтобы добиться запрещения постановки в Лондоне пьесы Бернарда Шоу «Великая Екатерина». Публикуемое письмо английского посла Джорджа Бьюкенена относится именно к этим двум домогательствам царского правительства. К ним же относится и переписка царского министерства иностранных дел, с одной стороны, с российским послом в Лондоне гр. Бенкендорфом и генераль-

ным консулом бар. Гейкингом, а с другой стороны, с департаментом полиции.

Подлинники публикуемых документов хранятся в Архиве революции и внешней политики: 1) дело синода № 127/9780—1911 г. «Об убийстве в г. Киеве мальчика А. Ющинского»: 2) дело департамента полиции № 4/1912 г. об убийстве в Киеве Андрея Ющинского; 3) дело департамента полиции № 124 А/1911 г. о покушении на председателя Совета министров П. А. Столыпина (копия); 4) дело особого Делопроизводства по выборам в Госуд. думу № 16/44/1912 г. «Киевская губерния»; 5) дело министерства юстиции № 1091/1911 г. об убийстве в Киеве Андрея Ющинского; 6) дело департамента полиции «Об убийстве в Киеве мальчика Ющинского», № 157/1911 г.; № 157 А/1911 г.; 7) дело департамента полиции № 142/1913 г. о Харьковском медицинском обществе; 8) дело департамента полиции № 131/1912 г. о пропаганде католицизма в России; 9) дело министерства ин. дел № 100/1912 г. об убийстве Андрея Ющинского; 10) дело Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства по расследованию обстоятельств, касающихся процесса Бейлиса [1]).

А. С. Тагер.

1. Донесение киевского митрополита Флавиана синоду от 31 марта 1911 г.

Долг имею донести святейшему правительствующему синоду о печальном случае — злодейском убийстве ученика приготовительного класса Киево-Софийского духовного училища Андрея Ющинского.

Упомянутый Ющинский, проживавший у своих родителей в Никольской предместной слободке, не явился 12 марта на уроки. Мать Ющинского 13 марта утром сообщила, что ее сын, отправившись накануне в училище на уроки, домой не возвратился. Ввиду чего правлением училища заявлено было в городскую полицию для принятия мер к его розыску. И только 20-го марта вечером сообщено было полиции, что в тот же день тело убитого Ющинского случайно было найдено на Лукьяновке, в пустопорожней усадьбе Бернера, в земляной пещере. Убитый находился в сидячем положении, со связанными назади руками, в нижнем белье, без обуви, с чулком на одной только ноге; вблизи были разбросаны: окровавленная блуза, фуражка, кушак и учебные тетради, по которым и установлена была его личность. При осмотре на месте, в присутствии властей, обнаружено было, что ему нанесено было в разные части тела острым орудием до 50 ран.

---

[1]) Публикуемыми документами отнюдь не исчерпываются архивные материалы, относящиеся к делу Бейлиса. Мы старались дать документы, наиболее характерные и типичные для различных моментов, относящихся к процессу. В беглой вступительной заметке и невозможно дать развернутого анализа печатаемых документов. Поэтому мы отсылаем читателя к специальному исследованию автора настоящих строк, которое посвящено делу Бейлиса, и, надо надеяться, в непродолжительном времени увидит свет.

Судебно-медицинское вскрытие в анатомическом театре показало, что убийца злодейски издевался над беззащитной жертвой. Затем, по требованию прокурорского надзора, произведено было вторичное вскрытие трупа Ющинского, в связи с чем арестованы были мать и отчим убитого. И первым и вторым вскрытием отвергнуто предположение о сексуальном и ритуальном характере убийства.

По личному заявлению начальника сыскной полиции, в руках властей имеются некоторые данные, и есть надежда обнаружить убийцу.

Тело убитого ученика Ющинского предано было земле 27 марта на Лукьяновском кладбище.

Флавиан, митрополит киевский и галицкий.

2. Шифрованная телеграмма начальника киевского охранного отделения подполковника Кулябко директору департамента полиции от 6 сентября 1911 г. № 492.

В связи с убийством Ющинского и покушением на жизнь премьер-министра статс-секретаря Столыпина с 6 сего сентября ожидается в Киеве еврейский погром, о чем для принятия предупредительных мер сообщено местной администрации. № 492.

Подполковник Кулябко.

3. Донесение начальника киевского губернского жандармского управления полк. Шределя на имя вице-директора департамента полиции Харламова от 28 января 1912 г. № 124.

Доверительно. Лично. В собственные руки.

Ваше превосходительство,
милостивый государь Николай Петрович.

18 сего января один из сотрудников еврейской газеты «Киевская мысль» Степан Иванович Бразуль-Брушковский подал на имя прокурора киевской судебной палаты заявление, в котором подробно изложил собранные им сведения «о действительных убийцах» мальчика Андрея Ющинского. Произведенным в порядке 261 ст. уст. угол. суд. (в копии при сем прилагаемым) расследованием помощником моим подполковником Ивановым (Павлом) не добыто положительно никаких данных, подтверждающих сведения, изложенные в заявлении Бразуль-Брушковского; участие же в этом заявлении известной вашему превосходительству жены бывшего чиновника Веры Владимировой Чеберяковой, поведение ее в настоящее время, в связи с другими данными, добытыми негласным расследованием, дают твердое основание предполагать, что убийство мальчика Ющинского произошло при участии названной выше Чеберяковой и лишенных прав уголовных арестантов Николая Модзелевского и Ивана Латышева, о чем ныне собираются сведения негласным путем.

К сему считаю необходимым добавить, что по делу о провокаторских действиях чинов киевского сыскного отделения, по каковому делу ведется дознание следователем по важнейшим делам киевского окружного суда Пуриком, экспертизой добыты данные, указывающие на то, что записка, найденная в вещах, закопанных на Лукьяновке и принадлежащих, якобы, убитому Андрею Ющинскому, была написана надзирателем киевского сыскного отделения Клейном, повидимому, с ведома б. начальника киевской сыскной полиции Мищука и при участии агентов сыскного отделения Падалки и Смоловика, почему в настоящее время есть основательные данные к тому, что указанные выше лица будут привлечены следователем Пуриком к следствию в качестве обвиняемых с принятием против них соответственной меры пр сечения.

А. Шредель.

4. Донесение начальника киевского губернского жандармского управления полк. Шределя на имя вице-директора департамента полиции Харламова от 14 февраля 1912 г. № 215.

Лично. Совершенно секретно. В собственные руки.

Ваше превосходительство,
милостивый государь Николай Петрович.

На письмо от 9 сего февраля за № 36 имею честь сообщить вашему превосходительству, что предварительное следствие по делу убийства в г. Киеве Андрея Ющинского в настоящее время вполне закончено, и, по утверждении обвинительного акта киевской судебной палатой, дело передано в 12 отделение киевского окружного суда. По делу вызывается со стороны обвинения 24 свидетеля, со стороны защиты — 150, и, кроме того, обеими сторонами вызывается значительное число экспертов.

К слушанию дело будет назначено, повидимому, в апреле или мае сего года и продолжится дней 10.

В настоящее же время дальнейшие розыски убийц Андрея Ющинского производятся исключительно помощником моим, подполковником Ивановым Павлом, при участии околоточного надзирателя киевской городской полиции Кириченко; розыски эти сосредоточены, главным образом, вокруг известной вашему превосходительству жены почтового чиновника Веры Владимировны Чеберяковой и непосредственно связанных с ней уголовных преступников, в большинстве лишенных прав или осужденных в каторжные работы; таковыми являются: Иван Латышев, Николай Модзелевский, Петр Сингаевский, Порфирий Лисунов, Петр Мосяк, Викентий Михалкевич и Борис Рудзинский.

В настоящее время раскрыт целый ряд краж со взломами, произведенных в Киеве членами этой шайки; ими были обворованы и два магазина с оружием.

Характерно, что с убийством мальчика Ющинского кражи совершенно прекратились, как равно прекратилось и посещение Чеберяковой поименованными выше грабителями, — нужно полагать, вследствие начавшихся розысков по делу Ющинского и некоторых предварительных арестов.

Возможно допустить, что мальчик Ющинский явился невольным свидетелем одного из преступных деяний членов этой шайки, с которым «из боязни, нужно было покончить».

Ныне, таким образом, подробно обследуется каждое ограбление, совершенное участниками шайки, и, по мере выяснения всех обстоятельств дела, дознания, производимые околоточным надзирателем Кириченко, направляются судебным властям.

Обвинение Менделя Бейлиса в убийстве Андрея Ющинского, при недостаточности собранных против него улик и всеобщем интересе к этому делу, приобревшему почти европейскую известность, может повлечь за собой большие неприятности для чинов судебного ведомства и вполне справедливые нарекания на допущенные при производстве следствия поспешность заключений и даже односторонность.

По делу о провокационных действиях чинов киевской сыскной полиции пока привлечены в качестве обвиняемых: бывший начальник киевского сыскного отделения Мищук и агенты Падалка и Смоловик, причем мерой пресечения избрано содержание их под стражей в киевской тюрьме.

На этих же днях, по получении уведомления от губернского правления, состоится постановление и о привлечении в качестве обвиняемого по тому же делу и надзирателя киевского сыскного отделения Клейна, который, по категорическому заключению экспертов, написал записку об участниках убийства Ющинского, обнаруженную в вещах, якобы, принадлежащих убитому; между прочим, виновность в этом деле Мищука усугубляется еще и тем, что надзиратель Клейн привезен был лично им из Петербурга и, таким образом, является его особо доверенным лицом.

По словам следователя Пурика, в недалеком будущем всем поименованным выше обвиняемым мера пресечения будет изменена, и они отданы будут под залог.

К сему считаю необходимым добавить, что бывший начальник киевского сыскного отделения Мищук, считая, что заключение его под стражу произошло под давлением прокурора киевской судебной палаты Чаплинского, неоднократно высказывал перед отправлением

в тюрьму, что по освобождении из-под стражи он лично «расправится» с прокурором палаты, что вполне допускают и лица, знающие мстительный характер Мищука, уроженца латышского края.

Об этом мною будет лично поставлен в известность киевский губернатор и прокурор киевской судебной палаты Чаплинский.

А. Шредель.

5. Донесение начальника киевского губернского жандармского управления полк. Шределя на имя вице-директора департамента полиции Харламова от 14 марта 1912 г. № 374.

Личное. Совершенно секретно.

Ваше превосходительство,
милостивый государь Николай Петрович.

На письмо от 5 сего марта за № 62 имею честь сообщить вашему превосходительству, что помещенная в газете «Речь» 25 минувшего февраля корреспонденция из Киева по делу Бейлиса, повидимому, основана на том, что около половины февраля сего года прокурором киевского окружного суда получено было из министерства юстиции распоряжение о доставлении к 21 февраля копий со всех протоколов следственных действий по делу Бейлиса; это распоряжение породило целый ряд слухов и предположений, что будто бы до министерства юстиции дошли сведения о полном отсутствии улик против Бейлиса; но таковые слухи, надо полагать, не имеют под собой почвы, а копии со всех следственных по делу Бейлиса актов нужны товарищу прокурора петербургской судебной палаты Випперу, который будто бы и выступит по делу Бейлиса в качестве главного обвинителя.

Здесь же считаю необходимым добавить, что имевшиеся против Бейлиса косвенные улики, как ныне выясняется, на судебном следствии совершенно отпадут; как ваше превосходительство изволили лично усмотреть в следственном производстве, главными свидетелями по обвинению Бейлиса являются фонарщик Шаховский и его жена; ныне Шаховский на вопрос околоточного надзирателя Кириченко, находящегося в распоряжении подполковника Иванова, заявил, что на суде он покажет только то, что он 12 марта 1911 года в 8 часов утра видел Андрея Ющинского на Лукьяновке вблизи квартиры Чеберяковой и что ему рассказывал Евгений Чеберяк, ныне покойный, что он видел, что какой-то человек, похожий на Бейлиса, 12 того же марта схватил Ющинского и потянул к усадьбе Зайцева; больше по делу он ничего не знает, а жена Шаховского категорически заявляет, что она по делу ничего не знает, а дала сведения по делу Бейлиса в пьяном виде агенту Вигранову, который ее же лично и напоил.

7 марта сего года состоялось распорядительное заседание суда, на коем рассматривались прошения защиты о вызове целого ряда свидетелей и экспертов, причем вызов большинства экспертов и свидетелей отклонен, — отклонен, между прочим, и вызов бывшего прокурора киевского окружного суда Брандорфа и судебного следователя Фененко; в числе других 72 свидетелей будет вызван и помощник мой подполковник Иванов.

Дело будет назначено к слушанию, повидимому, в первой половине мая текущего года.

Таким образом, пока нет оснований говорить о направлении дела Бейлиса к доследованию или к прекращению.

Негласное расследование по этому делу в последний период времени главным образом было направлено к обследованию связей жены почтового чиновника Чеберяковой с лицами преступного мира; при этом обследовании удалось раскрыть целый ряд краж со взломами, имевшими место в г. Киеве в период времени с конца февраля прошлого года до половины марта того же года, причем выяснены и участники этих краж, и целый ряд таких дел передан судебным властям; раскрытие краж этих нужно, безусловно, отнести к умелым и энергичным действиям околоточного надзирателя киевской городской полиции Евтихия Кириченко, почему я счел долгом обратить внимание киевского губернатора на полезную деятельность Кириченки для поощрения его служебного рвения.

Путем исключения тех лиц преступного мира, кои не могли принимать 12 марта 1911 г. участия в убийстве Ющинского ввиду содержания их или под стражей в тот период времени или же ввиду отсутствия их из Киева, приходится пока остановиться на обследовании деятельности уголовных арестантов Ивана Латышева, Бориса Рудзинского, осужденного в каторжные работы, а также находящегося на свободе, без определенных занятий, Петра Сингаевского. Показания этих лиц настолько разноречивы, что является необходимость обратить на них самое серьезное внимание; имеются вполне определенные данные, добытые расследованием, что поименованные три лица 13 марта прошлого года, т. е. на другой же день после убийства Ющинского, скорым поездом выехали из Киева в Москву, где 16 марта и были вместе арестованы в пивной ввиду того, что личности их, а равно и поведение вызвали подозрение у чинов местной сыскной полиции. Кроме этого расследованием собирались разного рода сведения по поручению товарища прокурора киевского окружного суда Карбовского, который также выступит в качестве обвинителя по делу Бейлиса, причем он будет касаться, главным образом, вопросов о ритуальных убийствах вообще.

Всем обвиняемым по делу Мищука мера пресечения изменена отдачей их под залог; в настоящее время предварительное следствие по этому делу сосредоточено, главным образом, на вопросе, кем именно была написана записка, обнаруженная в вещах, якобы, принадлежащих Андрею Ющинскому, а равно и кто именно писал письмо, присланное затем Кушниром из Подольской губернии. Показания Кушнира вообще не заслуживают никакого доверия, так как в короткий промежуток времени он их уже изменял три раза в самой существенной части, и судебному следователю приходится базироваться, главным образом, на заключении экспертов, но и тут встречаются большие затруднения; нужно сказать, что, ввиду некоторых разноречий, полученных при первоначальной экспертизе, судебным следователем было приглашено одновременно четыре эксперта, причем два заявили, что записка писана бывшим околоточным надзирателем сыскной полиции Клейном, а два другие — бывшим писцом и сторожем того же отделения Моисеенко, и, таким образом, решение этого вопроса опять-таки приходится отложить до производства экспертизы путем фотографическим.

О чем мною будет сообщено дополнительно.

А. Шредель.

6. Письмо киевского губернатора Гирса товарищу министра внутренних дел Харузину от 19 апреля 1912 г.

Совершенно секретно.

Милостивый государь
Алексей Николаевич.

В производстве киевского окружного суда в настоящее время находится начатое еще в марте прошлого года дело о мещанине Менделе Бейлисе, обвиняемом в соучастии в убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского. Дело это назначено было к разбору на май месяц, но снято с очереди и будет слушаться в течение одной из осенних сессий текущего года, причем, по имеющимся у меня сведениям, несомненно, окончится оправданием обвиняемого за невозможностью доказать фактически его виновность в совершении приписываемого ему преступления.

Процесс Бейлиса, как известно вашему превосходительству, приковал к себе всеобщее внимание не только в России, но и за границей, и потому разбор его будет представлять собою, несомненно, широкий общественный интерес, грозящий отвлечь внимание общества от всех прочих дел. С другой стороны, ожидаемый мною исход этого кошмарного дела должен произвести на русское население крайне тягостное, неприятное впечатление и, наоборот, в среде инородцев — и особенно

евреев — вызвать неописуемый восторг и радость по поводу столь благоприятного для них разрешения процесса, все время представлявшего собою серьезную угрозу еврейской части населения.

Принимая во внимание, что в то время, когда можно ожидать назначения к разбору дела Бейлиса, будут происходить в губернии выборы в Государственную думу, каковое обстоятельство вызывает необходимость принятия всяческих мер к ограждению русских избирателей от тяжелых нравственных потрясений, дабы дать им возможность спокойно и вполне сознательно отнестись к трудной и серьезной задаче предстоящих выборов в Думу, считаю долгом представить приведенные выше соображения на усмотрение вашего превосходительства на тот предмет, не будет ли признано соответственным назначить разбор упомянутого судебного дела не раньше как по окончании в губернии означенных выборов.

А. Гирс.

7. Шифрованная телеграмма киевского губернатора Гирса товарищу министра внутренних дел Харузину от 8 ноября 1912 г. № 899.

Упомянутые в телеграмме вашего превосходительства секретные письма и телеграммы министра, ваши и мои, относившиеся до минувших выборов в Государственную думу, равно последняя телеграмма, содержащая указания об уничтожении упомянутых переписок, мною лично сожжены сего числа. № 899.

Губернатор Гирс.

8. Письмо министра внутренних дел Макарова министру юстиции Щегловитову от 3 мая 1912 г. № 232 [1]).

Совершенно секретно,

Милостивый государь
Иван Григорьевич.

В производстве киевского окружного суда в настоящее время находится начатое еще в марте прошлого года дело о мещанине Менделе Бейлисе, обвиняемом в соучастии в убийстве христианского мальчика Андрея Ющинского. Дело это, назначенное к разбору на май месяц, в настоящее время снято с очереди и предположено к слушанию осенью текущего года. Есть основания полагать, что судебный процесс окон-

1) На подлиннике письма Макарова имеется резолюция Щегловитова: «Сообщить совершенно конфиденциально старшему председателю киевской судебной палаты, прося его содействия к удовлетворению просьбы министра внутренних дел».

чится оправданием обвиняемого за невозможностью доказать его виновность.

Процесс Бейлиса приковал к себе всеобщее внимание не только в России, но и за границей и, несомненно, будет представлять собою широкий общественный интерес. Возможный исход этого дела в смысле оправдания обвиняемого произведет на русское население крайне тягостное впечатление и, наоборот, в среде иноверцев и особенно — евреев вызовет ликование по поводу такого благоприятного для них разрешения процесса, все время представлявшего собою серьезную угрозу еврейской части населения.

В то время, когда можно ожидать назначения к разбору дела Бейлиса, будут происходить в Киевской губернии выборы в Государственную думу, для обеспечения правильного и спокойного хода которых необходимо принятие всяческих мер в ограждение русских избирателей от тяжелых потрясений.

Ввиду сего имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство, не признаете ли вы возможным со своей стороны распорядиться о назначении к слушанию дела Бейлиса не ранее окончания в Киевской губернии выборов в Государственную думу.

Макаров.

9. Письмо прокурора киевской судебной палаты Чаплинского вице-директору II департамента министерства юстиции Лядову от 28 мая 1912 г.

Многоуважаемый
Александр Васильевич.

Одновременно с этим письмом за № 2338 я представляю министру рапорт по делу Ющинского. В нем я излагаю причины, по которым я оставляю заявления Бразуль-Брушковского без последствия. Сообщенные им данные грубо подтасованы, явно нелепы и направлены к затемнению обстоятельств дела.

Я держусь взгляда, что судебная власть не может быть игрушкой в руках всяких проходимцев и не должна возвращать дела для доследования по явно нелепым основаниям. Но так как многие судебные деятели, в том числе и старший председатель, держатся иного взгляда, а именно — считают, что всякие новые сообщения, как бы нелепы по существу они ни были, должны получить направление в порядке 549 ст. у. у. с., то я счел долгом о своем распоряжении подробно и с мотивами донести министру, на тот предмет, если его высокопревосходительство не разделит моего взгляда, то имел бы возможность своевременно предписать мне передать сообщенные Бразулем сведения на обсуждение суда и палаты в порядке 549 ст. у. у. с.

Беда с этим делом: натиск ведется вовсю. Много лиц, занимающих солидное положение, принимают меры убедить меня, что дело Бейлиса должно быть прекращено, что таково желание нашего министра и т. д.

Я, конечно, не поддаюсь на эту удочку и гоню своих доброжелателей вон.

Сердечно преданный вам Г. Чаплинский.

Не откажите подробно доложить мой рапорт министру. Я придаю ему огромное значение, так как мой отказ предложить суду возвратить дело для доследования вызовет шум в жидовской прессе.

10. Отношение киевского вице-губернатора Кашкарова в департамент полиции от 2 сентября 1913 г., № 12250.

Совершенно секретно.

Вследствие телеграммы действительного статского советника Белецкого от 20 сего сентября за № 1090 [1]), уведомляю департамент полиции, что в целях предотвращения каких бы то ни было беспорядков в г. Киеве во время слушания здесь дела Бейлиса, обвиняемого в убийстве мальчика Ющинского, мною приняты следующия меры: образовано было совещание, при участии прокурора судебной палаты Чаплинского, прокурора окружного суда Запенина, начальника киевского губернского жандармского управления полковника Шределя, начальника киевского жандармского управления (полицейского) железных дорог и киевского полицмейстера. По детальном обсуждении в совещании вопроса об охране порядка в городе в дни судебного процесса, мною сделаны распоряжения: 1) Чтобы с 25 сентября до конца процесса во всех тех частях и кварталах города, где живут евреи, были усилены наряды полиции классных чинов и городовых. 2) На то же время назначить усиленный наряд городовых и классных чинов полиции на площадь у здания окружного суда для недопущения в этом месте каких бы то ни было демонстраций. 3) По соглашению с председателем окружного суда, вход в те помещения, где назначено слушать дело Бейлиса, совершенно изолирован от входов в другие помещения суда и будет охраняться усиленным нарядом чинов полиции. Внутри же помещения суда будет находиться все время наряд из помощника пристава, четырех околоточных надзирателей и 30 городовых.

1) Упомянутая в тексте телеграмма директора департамента полиции Белецкого, адресованная циркулярно губернаторам, была следующего содержания: «По полученным сведениям, в день судебного рассмотрения дела Бейлиса возможны однодневные забастовки рабочих, распространение прокламаций, устройство демонстраций. Благоволите принять меры к недопущению уличных выступлений».

4) Для поддержания порядка на улицах, в помощь городской полиции, из уезда вызваны конно-полицейские стражники для несения патрульной службы. 5) С штабом киевского военного округа я вошел в сношение о командировании на время процесса, в помощь городской полиции, трех сотен казаков, которые будут размещены в полицейских участках в целях своевременного призыва их для подавления беспорядков, на случай-бы таковые возникли. 6) По соглашению с начальником жандармского управления установлено наблюдение за деятельностью как правых, так и левых организаций, к недопущению со стороны последних вредной для общественного порядка и спокойствия агитации. Для выполнения сего наблюдения назначены, кроме чинов жандармской полиции, особые филеры. 7) Через особых филеров установлена охрана личности обвинителя по делу Бейлиса товарища прокурора петербургской судебной палаты Виппера и поверенного гражданского истца Замысловского. 8) Представителей правых организаций и представителей еврейского населения я вызвал к себе и предупредил, что никакие демонстративные выступления, массовые сходки или митинги по поводу дела Бейлиса допущены не будут. При этом представителю еврейского населения раввину Гуревичу было мною указано на бывший 22 сентября случай выступления одного еврея во Владимирском соборе, который, вслед за окончанием литургии, обратился к присутствовавшим с речью, в коей упрекал за недобросовестное возведение на еврейский народ навета о существовании ритуальных убийств. Раввин Гуревич заявил, что выступление это субъективное, не разделяемое еврейским населением, не стремящимся ни к каким открытым выступлениям в деле Бейлиса. Также мною было указано раввину Гуревичу на распространение среди евреев молитвы о Бейлисе, составленной раввинами, содержание которой вызывающе влияет на русское население. Несмотря на несомненное существование такой молитвы, что доказывается даже помещением текста ее в газете «Последние новости» в № от 23 сентября, по распоряжению временного комитета по делам печати конфискованном, раввин Гуревич заявил, что такая молитва среди евреев не распространяется. Представители правых организаций заявили, что среди правых направление дела Бейлиса в судебном порядке считается правильным, и потому никаких открытых массовых выступлений не предполагается. 9) Ввиду возможности массовых сходок, митингов или забастовок в высших учебных заведениях и в среде рабочих на фабриках и заводах, мною приняты соответствующие меры к охранению здесь порядка. 10) За периодическими изданиями печати мною установлено особое наблюдение в целях предотвратить помещение тенденциозных статей по делу Бейлиса и пристрастное освещение хода судебного следствия

в тех отчетах о заседаниях суда, какие будут помещаться в печати. В виде меры воздействия я решил своевременно налагать на редакторов сих изданий печати взыскания в высшей степени по обязательному постановлению г. начальника Юго-западного края за каждую статью, возбуждающую ту или другую часть населения или пристрастно, а тем более ложно, освещающую обстоятельства дела в смысле, вредном для общественного порядка и спокойствия. К настоящему времени некоторые повременные издания печати левого направления помещаемыми статьями по делу Бейлиса уже выказали попытку возбуждающе влиять на общество, стремясь доказать неправильность в направлении предварительного следствия, результатом которого явилось привлечение Бейлиса, и опровергнуть существование у евреев ритуала. За помещение такого содержания статей мною наложены в административном порядке следующие взыскания: а) на редактора газеты «Последние новости» Семяновского, за помещение в № 2159 от 16 сентября статьи под заглавием «Вера Чеберяк», штраф в 200 руб. или арест на полтора месяца; б) на редактора газеты «Киевская мысль» Тарнавского, за помещение в № 254 от 14 сентября статьи под заглавием «Дело Бейлиса», штраф в 300 руб. или арест на два месяца; в) на редактора газеты «Южная копейка» Аксенова-Шиканова, за помещение в № 965 от 14 сентября заметки «К делу Бейлиса», штраф в 300 руб. или арест на 2 месяца; г) на редактора газеты «Южная молва» Дубова за помещение в № 507 от 7 сентября статьи «Отголоски дела Бейлиса», штраф в 100 руб. или арест на 1 месяц; д) номер «Последних новостей» от 23 сентября, в коем помещены статьи «Профессор Троицкий о деле Бейлиса» и «Молитва о Бейлисе» временным комитетом по делам печати конфискован, с привлечением редактора к судебной ответственности. При этом присовокупляю, что, по полученным начальником жандармского управления агентурным сведениям, левые организации уверены в оправдательном для Бейлиса приговоре суда и потому никаких мер к тому, чтобы сорвать заседание суда, предпринимать не будут. Кроме города Киева, по полученным мною сведениям, возможно ожидать демонстративных выступлений в виде массовых сходок и митингов и в г. Бердичеве, в котором население в подавляющем большинстве еврейское. К недопущению здесь каких бы то ни было беспорядков в дни судебного процесса по делу Бейлиса мною предписано бердичевскому полицеймейстеру принять решительные меры.

И. д. губернатора вице-губернатор К а щ к а р о в.

11. Письмо киевского губернатора Суковкина на имя министра внутренних дел Маклакова от 9 октября 1913 г. № 12369.

Секретно.

Милостивый государь
Николай Алексеевич.

Получив телеграмму вашего высокопревосходительства в Биаррице 1 октября в 3 часа дня, я в тот же вечер прямым поездом выехал в Киев и в субботу, 5 октября, как уже имел честь донести вам телеграммой, вступил в управление губернией.

До настоящего времени в губернии все спокойно. В г. Киеве внимание всего населения сосредоточено на деле Бейлиса, за ходом которого напряженно следят как лица правого, так и левого лагеря. Хотя настроение населения в связи с этим делом, несомненно, повышенное, тем не менее ожидать каких-либо эксцессов с той или другой стороны пока, до объявления приговора, нет оснований, так как единственным поводом к выступлениям, по моему мнению, может явиться результат решения этого дела. В случае признания убийства мальчика Ющинского совершенным с ритуальной целью и обвинения в таковом Бейлиса есть основания опасаться беспорядков со стороны левых партий, главным образом со стороны учащихся в высших учебных заведениях и рабочих на фабриках и заводах, в предупреждение каковых мною будут приняты самые решительные меры. На случай же, еслиб Бейлис был оправдан, возможны выступления со стороны правых, которые, по имеющимся у меня сведениям, организовываются в этом направлении, но и по отношению к ним, в предупреждение еврейского погрома, я, конечно, приму самые решительные меры и, кроме того, намерен за несколько дней до объявления приговора пригласить к себе представителей всех правых организаций и предупредить их о недопустимости каких бы то ни было выступлений и о тех мерах, которые явятся последствием таковых. Если бы кто из них не подчинился моим требованиям, то я полагал бы главных агитаторов, по соглашению с начальником киевского губернского жандармского управления, на некоторое время подвергнуть задержанию в порядке охраны. Эта мера, допустимая только в особо исключительных случаях, несомненно, вызовет со стороны правых жалобы вашему высокопревосходительству, и потому я просил бы вас не отказать в сообщении мне, насколько вы проектируемую меру признаете целесообразною [1]). Как вашему высокопревосходи-

[1]) Против этих строк на подлиннике письма собственноручная резолюция Маклакова: «Как самую крайнюю меру — допустить можно. Лучше обойтись без нее. Если увещания и предупреждения не подействуют и погромная агитация не оборвется, надо задержать по охране». С этим письмом киевского губернатора интересно сопоставить выправленную самим Маклаковым редакцию публикуемого ниже циркуляра министра внутренних дел (см. стр. 177).

тельству уже донес управляющий губерниею вице-губернатор, в городе значительно усилены наряды городской полиции, из уездов вызваны полицейские стражники, и, по соглашению с командующим войсками, в распоряжение полицеймейстера поступили три сотни казаков. Помимо сего жандармскими властями установлена необходимая агентура и усилена филерская служба. Все эти распоряжения статского советника Кашкарова, сделанные согласно ранее данным мною ему указаниям, я, с своей стороны, признаю при настоящем положении дела пока достаточными и вполне целесообразными. На возбуждение обывателей, несомненно, имеет большое влияние прогрессивная печать, удержание которой от слишком резких выступлений представляется настоятельно необходимым. Ознакомившись с распоряжениями вице-губернатора в этой области, считаю долгом высказать, что хотя в некоторых постановлениях о наложении взысканий на редакторов газет применение обязательного постановления о печати не оправдывается содержанием инкриминируемых статей, и принятые управляющим губерниею меры являются, на мой взгляд, слишком строгими, тем не менее нельзя не признать, что этими мерами вся киевская прогрессивная печать поставлена в надлежащие рамки. Конфискацию киевским временным комитетом по делам печати номера газеты «Киевлянин» от 26 сентября, в котором помещена передовая статья о деле Бейлиса, я считаю произведенной крайне неудачно, так как, благодаря поздним распоряжениям, могло быть отобрано лишь незначительное количество номеров газеты, так что означенная передовая статья получила широкое распространение. Самая конфискация — первая за полувековое существование газеты — наделала много шума и обратила на статью редактора Шульгина гораздо большее внимание, чем она того заслуживала. Считая долгом сообразовать свои распоряжения со взглядами министерства и придавая вопросу о печати в данное время крайне серьезное значение, я вчера обратился к начальнику главного управления по делам печати с просьбой дать мне по этому предмету в связи с делом Бейлиса руководящие указания, сообщив таковые шифрованной телеграммой.

Н. Суковкин.

12. Циркуляр министра внутренних дел Маклакова от 9 октября 1913 г. № 1201.

Шифр. Губернаторам и градоначальникам[1]*).*

Ввиду повышающегося настроения на местах в связи с ознакомлением с подробностями слушае-

[1]) Слова, набранные разрядкой, вставлены собственноручно Маклаковым в представленный ему проект циркуляра. В скобки заключены слова, вычеркнутые в этом проекте Маклаковым.

мого дела Бейлиса [в связи с делом Бейлиса] вновь подтверждаю крайнюю необходимость принятия всяческих даже [хотя бы] самых суровых мер к предупреждению массовых насилий и беспорядков. Начальники полиции обязаны следить за провокаторами [евреями] из евреев и врагов строя, коим разгул племенной ненависти будет только на руку, полиция должна не допускать ни с чьей стороны никаких манифестаций и вызывающих выходок. Вменяю местным властям в безусловную обязанность [иметь] самое предупреждение всяких эксцессов, не говоря уже о погромах вообще. Малейшая вспышка бурной расправы, даже быстро потушенная, будет поставлена мною в вину местной полицейской власти.

Министр внутренних дел Маклаков.

13. Шифрованная телеграмма директора департамента полиции Белецкого начальнику киевского губернского жандармского управления полковнику Шределю от 17 сентября 1913 г. № 1053[1]).

Лично. Установите самое тщательное осторожное наблюдение за полным составом присяжных заседателей предстоящей сессии киевского окружного суда, во время коей предстоит слушание дела Бейлиса. Наблюдение ведите вплоть до начала слушания дела, инструктируйте филеров самым подробным образом, дабы наблюдение было проведено тонко и умело. Необходимо наблюдением осветить все сношения заседателей, возможность влияния на них лиц, заинтересованных так или иначе в исходе дела. О ходе наблюдения держите постоянно в курсе прокурора судебной палаты и докладывайте его превосходительству все данные, могущие дать судебной власти материал для суждения о настроении заседателей. Накануне разбора дела все подробности наблюдения донесите мне по телеграфу для доклада господину министру. Обо всем лично доложите губернатору, испросив, если в чем понадобится, содействие и ближайшие указания. Независимо от того примите тщательные меры охраны прибывающих из Петербурга для обвинения по делу Бейлиса товарища прокурора судебной палаты Виппера и выступающего гражданским истцом члена Государственной думы Замысловского.

Директор Белецкий.

---

[1]) Аналогичная шифрованная телеграмма была тогда же послана Белецким киевскому губернатору с предложением оказать полковнику Шределю полное содействие. Обе телеграммы посланы Белецким по личному распоряжению министра внутренних дел Маклакова, записанному Белецким собственноручно на листке блокнота. Текст телеграммы в точности соответствует этой записи.

14. Записка министра юстиции Щегловитова на имя директора департамента полиции Белецкого от 26 октября 1913 г. [1]).

Многоуважаемый Степан Петрович.

Сердечно благодарю вас за любезную присылку письма Любимова. Опасаюсь, что его ожидания не подтвердятся. Евреи, вероятно, восторжествуют.

Искренно преданный Ив. Щегловитов.

15. Расписка члена Государственной думы Г. Г. Замысловского [2]).

Две тысячи пятьсот (2 500) рублей получил 9 ноября 1913 г. от г. директора департамента полиции в возмещение расходов по делу Бейлиса.

Георгий Замысловский.

16. Письмо проф. Сикорского министру внутренних дел Макарову от 8 апреля 1912 г. [3]).

Ваше высокопревосходительство.

Я имел честь 4 апреля представить вам по почте номер газеты «Киевлянин», где напечатано мое письмо к редактору, в котором изложена ведущаяся в Киеве острая агитация по поводу дела Ющинского и моего в нем участия как эксперта (прилагаю газетную вырезку этого письма) [4]). По поводу этой агитации я обратился к киевскому губернатору с письмом (копию которого прилагаю [4]), прося губернатора принять меры против незаконных и крайне несдержанных нападок на экспертизу. Эти нападки, превосходящие своей резкостью и страстностью все, что встречается в столичной печати, производят гнетущее впечатление на русское население и возбудительно действуют (в дурном смысле) на еврейские массы, которые, руководясь газетными статьями, усматривают в самом возникновении дела Ющинского

---

[1]) Эта записка была написана Щегловитовым в ответ на присылку ему донесения из Киева чиновника департамента полиции Любимова от 23 октября 1913 г., кончавшегося словами: «Я лично верю, что приговор будет не в пользу евреев». См. «Красный архив», т. XLIV, стр. 112—114.

[2]) Расписка Замысловского, как и публикуемая ниже расписка проф. Косоротова, обнаружена после Февральской революции в несгораемом шкапу директора департамента полиции.

[3]) На подлинном письме рукой Белецкого сделана следующая помета: «Доложено 13/IV. Господин министр внутренних дел поручил снестись письмом с А. Ф. Гирсом, прося его воздействия, о чем письмом по поручению министра уведомить от меня проф. Сикорского в любезной форме».

[4]) Текст газетной вырезки и копии письма Сикорского губернатору нами не воспроизводятся за недостатком места.

злой навет на евреев, а в судебных экспертах видят главных виновников успеха предварительного следствия. Нападки на экспертов, в особенности на меня, носят зловещий характер, несмотря на мою популярность в городе как врача даже и среди евреев.

В то же время городским жителям рассылается бесплатно по городской почте и иным путем (целыми партиями) масса брошюр и книг, составленных крайне тенденциозно, ненаучно, злостно и в раздраженном тоне. Обе агитации ведутся планомерно. Остается неизвестным, какая организация руководит всем делом и зарегистрирована ли в губернском правлении.

Прошу ваше высокопревосходительство принять уверение в совершенном уважении и почтении.

Заслуженный профессор И. А. Сикорский.

17. Донесение харьковского вице-губернатора Масальского министру внутренних дел Маклакову от 4 ноября 1913 г.

На телеграмму от 2 ноября о представлении сведений о закрытии Харьковского медицинского общества и в дополнение словесного доклада, имею честь доложить вашему высокопревосходительству следующее.

Еще с первых чисел октября с. г. харьковские левые газеты «Южный край» и «Утро» стали ежедневно печатать статьи по делу Бейлиса демонстративно-антиправительственного содержания и, между прочим, многократно помещали известия о состоявшихся или будто бы готовящихся протестах учащейся молодежи в Петербурге и Москве в виде забастовок. Статьи эти имели несомненной целью как возбудить население против правительства, так и склонить местную учащуюся молодежь, главным образом студентов высших учебных заведений, к такой же демонстративной забастовке, но последние продолжали спокойно учиться. Тогда была сделана попытка подбить молодежь путем устройства трехдневной забастовки в Женском медицинском институте (состоящем в ведении Харьковского медицинского общества), но таковая продолжалась всего один день и тотчас прекратилась после объявления мной через директора института слушательницам-еврейкам (их большинство), что в случае неявки на занятия они, как проживающие вне черты оседлости лишь при условии занятий в институте, сами себя лишат права жительства и будут немедленно высланы из Харькова. То же самое было объявлено и евреям, студентам университета, и занятия не прерывались. Тем не менее либерально-революционные элементы, преимущественно евреи, повидимому, и после этого не оставляли мысли о демонстративном выступлении в

связи с делом Бейлиса. До меня стали доходить слухи о происходящих разговорах о «необходимости обществу реагировать», «заявить протест по этому делу». С другой стороны, и среди чисто русского, православного населения стало замечаться глухое недовольство шумом, поднятым евреями и левыми газетами; между прочим, незадолго до окончания процесса ко мне явился местный еврейский раввин и, указывая на конкретный случай прямых угроз евреям со стороны ломовых извозчиков, просил оградить евреев от избиения и погрома. Указав, с своей стороны, раввину на необходимость, чтобы евреи сами вели себя спокойнее и не раздражали русское религиозное население, я обещал защиту всем мирным жителям и верноподданным и, вместе с тем, во исполнение указаний вашего высокопревосходительства, усилил меры охраны по Харькову, установив в последние дни рассмотрения дела Бейлиса особые стражнические разъезды и даже лично объезжая город. Тем не менее, под влиянием поднятого евреями и левыми газетами шума, глухое брожение населения продолжалось. И вот в такое время Харьковское медицинское общество, не выждав даже окончания процесса, решило выступить с демонстративно-политическим протестом по делу Бейлиса. 26 октября, созвав экстренными повестками, под видом «закрытого» (очередного), публичное собрание членов общества и допустив массу публики, главным образом евреев и учащихся, Медицинское общество, в лице правления, предложило вынести политическо-демонстративную резолюцию по делу Бейлиса, причем никакого научно-медицинского обсуждения экспертиз по делу Бейлиса не происходило, а лишь была предложена и принята заранее заготовленная и публично оглашенная резолюция, каковая тотчас же была сообщена и напечатана в местных левых газетах и по телеграфу сообщена в такие же газеты Петербурга и Москвы. В заседании этом принимал участие председатель Медицинского общества, доктор еврей Брауншгейн и около 90 человек врачей, в том числе около 40—50 евреев (точно число пока еще установить не представилось возможным). Председательствование Брауншгейн поручил члену правления — русскому врачу Трофимову, объясняя впоследствии на мой вопрос, что, хотя он и участвовал в вынесении резолюции, но считал более удобным, чтобы председательствовал не еврей, а русский. Извещение о предстоявшем вышеупомянутом заседании общества полиции послано не было, причем правление впоследствии на мой запрос ответило, что оно не признает себя обязанным извещать в таких случаях полиции, так как считает подобные собрания, хотя бы и при участии посторонних лиц, непубличными, а «закрытыми» очередными, согласно 36 параграфа устава этого общества. Со своей стороны, усмотрев в данном случае нарушение Харьковским медицинским обществом 1 и 37

параграфов устава этого общества и 8-й ст. врем. правил о собраниях и имея ввиду, что по дошедшим до меня слухам, по примеру Медицинского общества, такие же демонстративные выступления можно было ожидать и со стороны других подобных учреждений, и что существование Харьковского медицинского общества, и раньше неоднократно выступавшего с политическими демонстрациями и близко стоявшего к революционному движению в 1904—1905 гг., в дальнейшем, при неопределенности устава, могло грозить общественной безопасности и спокойствию в смысле дальнейшего уклонения Медицинского общества с пути обсуждения специально научных медицинских вопросов на путь политических выступлений и увлечения на этот же преступный путь и учащейся молодежи и некоторой части местного населения, я счел себя вынужденным безотлагательно приостановить действие Медицинского общества и затем внести на рассмотрение губернского об обществах присутствия вопрос о закрытии этого общества. Харьковское губернское об обществах присутствие, рассмотрев подробно все обстоятельства дела и выслушав подробное же объяснение явившихся на заседание членов правления, большинством голосов постановило общество закрыть, причем правлению общества тут же было разъяснено, что закрытие общества вовсе не влечет за собой закрытия и всех подведомственных ему полезных медицинских учреждений (Женского медицинского института, Пастеровской и Бактериологической станций и т. д. и пр.), которые беспрепятственно могут функционировать впредь до утверждения нового устава и образования Медицинского общества по этому новому уставу.

К этому считаю нужным добавить, что Харьковское медицинское общество в настоящее время в своей среде не имеет каких-либо ученых или известных профессоров, а состоит почти исключительно из рядовых врачей, преимущественно евреев, которые и руководят всеми делами общества, причем многие местные уважаемые русские профессора и врачи заявили мне, что они перестали посещать это общество из-за захвативших его в свои руки врачей-евреев. Благодаря, вероятно, такому влиятельному преобладающему положению последних в Харьковском медицинском обществе, таковое неоднократно выходило из сферы специально медицинского ученого общества и занималось политическо-демонстративными выступлениями, ничего общего не имевшими с медицинской наукой: «о необходимости созыва народных представителей», «о реформе общественных учреждений», приветствовало первую и вторую Думу, выразило сочувствие выборгскому воззванию и т. п., а также стояло близко к революционному движению 1904—1905 гг., причем на противоправительственном банкете 5 декабря 1904 г. принимали участие и вышеупомянутые пред-

седатель правления доктор Брауншгейн и член правления доктор Трофимов.

И. д. губернатора вице-губернатор Масальский.

18. Расписки проф. Косоротова.

В счет четырех тысяч, назначенных мне на поездку в Киев в качестве эксперта по делу Бейлиса, две тысячи от директора департамента полиции получил 19 сентября 1913 г.

Тайный советник Д. Косоротов.

Две тысячи рублей получил.

Д. Косоротов.

19. Письмо проф. Косоротова на имя директора департамента полиции Белецкого от 22 октября 1913 г. [1])

Ваше превосходительство, многоуважаемый Степан Петрович, сего числа я возвратился из Киева и прошу вас об уплате остающейся части причитающейся мне суммы.

С истинным почтением

Д. Косоротов.

20. Письмо директора департамента духовных дел Менкина на имя директора департамента полиции Белецкого от 28 декабря 1912 г. № 12218.

Доверительно.

Милостивый государь
Степан Петрович.

Вследствие письма от 16 сего декабря за № 110110, имею честь сообщить вашему превосходительству, что в марте 1908 г., по распоряжению министерства, курату Ташкентского костела ксендзу Юстину Пранайтису был сделан управляющим Могилевской римско-католической архиепархией строгий выговор за присоединение из православия к католичеству, без соблюдения требований циркуляра министерства от 18 августа 1905 г. за № 4628, служившего в качестве десятника у военного инженера в уроч. Термезе Маркова и проживавшей на пограничном Нижне-Пянджском посту тульской мещанки Смирновой.

---

[1]) На письме помета Белецкого: «Доложено министру внутренних дел 28/X». Письмо и расписки проф. Косоротова, так же как и расписка члена Госуд. думы Замысловского, хранились в особом конверте с надписью: «Расписки в получении денег на секретные надобности».

Иных неодобрительных сведений о ксендзе Пранайтисе, кроме сообщенных департаментом полиции 9 декабря за 1894 г. № 6154, в делах департамента духовных дел не имеется [1]).

К сему считаю необходимым присовокупить, что ксендз Пранайтис известен департаменту как лицо, относящееся весьма несочувственно к евреям и, в частности, к их деятельности в Туркестанском крае. Будучи весьма осведомлен в вопросе о ритуальных убийствах, ксендз Пранайтис издал весьма ценный труд, касающийся иудейского учения, а в конце сентября сего года, по желанию г. министра юстиции, был вызван в С.-Петербург в качестве эксперта по делу о ритуальном убийстве в г. Киеве.

Евг. Менкин.

21. Письмо российского министра-резидента при Ватикане Нелидова на имя министра иностранных дел С. Д. Сазонова от 5/18 ноября 1913 г. [2]),

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

К недавно закончившемуся в Киеве громкому «делу Бейлиса» оказалась примешанною и римская курия.

Ваше высокопревосходительство, вероятно, уже обратили внимание на пространное письмо, опубликованное в газетах, с коим обратился к кардиналу статс-секретарю видный английский еврей лорд Ротшильд, прося подтверждения факта, будто римские первосвященники всегда отвергали существование ритуальных убийств, что де доказывается приложенными к письму выписками из двух документов, существование коих отрицалось будто бы экспертом киевского процесса ксендзом Пранайтисом.

В весьма кратком ответе кардинал Мерри дель Валь ограничился подтверждением точности приложенных к письму копий с хранящимися в Ватикане оригиналами и выражением надежды, что заявление его «послужит цели, преследуемой лордом Ротшильдом».

С этого ответного письма была одним здешним банкиром-евреем доставлена в императорскую миссию копия с просьбой засвидетель-

[1]) Упоминаемые в тексте «неодобрительные» сведения о ксендзе Пранайтисе относятся к случаю шантажа, в котором Пранайтис был уличен в 1894 г. Об этом случае была специальная переписка, которая уничтожена самим же департаментом полиции в 1912 г., т. е. тогда именно, когда Пранайтис был приглашен по желанию министра юстиции Щегловитова в качестве эксперта по делу Бейлиса.

[2]) Письмо Нелидова было Сазоновым доложено Николаю Романову. На подлинном письме в левом верхнем углу имеется поставленный Николаем знак рассмотрения. Никаких возражений и никакого неудовольствия письмо Нелидова не вызвало ни у министра, ни у царя.

ствовать подлинность несомненно своеручной подписи на ней кардинала статс-секретаря. Я согласился на эту просьбу лишь после того, как на доставленном мне списке было выставлено слово «Duplicata». Копия эта имела затем быть отправленной в Киев, но, очевидно, никакого значения иметь не могла бы, так как могла попасть в Киев лишь после произнесения приговора по делу Бейлиса.

Но обстоятельство это позволило мне завести об этом предмете разговор с статс-секретарем.

Кардинал подчеркнул, что в ответе своем лорду Ротшильду он ограничился чисто внешней стороной вопроса, подтвердив точность представленных ему копий, отнюдь однако не имев в виду высказываться по существу поставленного Ротшильдом вопроса. «В этом отношении, — говорил кардинал, — была в толковании приведенных документов допущена в печати явная натяжка. Одно дело запрещать, чтобы на евреев без достаточных улик было взводимо обвинение в ритуальном убийстве, и другое дело — отрицать, чтобы евреями когда-либо были убиваемы и даже замучиваемы христиане. Последнее церковь никак не может отрицать. А что касается, будто бы, авторитетного мнения «кардинала» Ганганелли, впоследствии папы Климента XIV, то оно представляет лишь частное мнение патера Ганганелли, тогда еще не бывшего даже кардиналом, и представленное им на суждение своих сотоварищей по должности «consulteurs du tribunal du Saint Office». Документ этот отнюдь не был предназначен для всеобщего сведения и должен был оставаться в делах названного присутствия. Но во время беспорядков 1848 года часть архива Saint Office была разграблена, а возможно также, что копия этого доклада Ганганелли могла остаться в делах бывшей нунциатуры в Польше. Лишь таким путем документ этот мог попасть в печать, в Дублине, и стать известным лорду Ротшильду.

Вышеизложенные объяснения кардинала Мерри дель Валя, представляя ныне интерес лишь чисто справочный, свидетельствуют однако о готовности курии при случаи угодить даже еврейству, если при этом можно обойти «существо» вероисповедных вопросов.

По поводу того же киевского процесса один из аккредитованных при Ватикане посланников уверял меня, будто кардинал Феррата (один из вероятных papabili) высказывал ему убеждение свое в действительном существовании ритуальных убийств евреями и указал ему на весьма обстоятельное по этому предмету ученое исследование.

В. Нелидов.

22. Письмо товарища министра внутренних дел Джунковского на имя министра юстиции Щегловитова от 11 декабря 1913 г. № 107724.

Совершенно доверительно.

Милостивый государь
Иван Григорьевич.

Выступавший в качестве свидетеля на судебном разбирательстве дела Менделя Бейлиса помощник начальника киевского губернского жандармского управления в г. Киеве подполковник Иванов, в бытность в С.-Петербурге в департаменте полиции, лично доложил, что, по имеющимся у него сведениям, на еврейские деньги наняты ныне для производства нового расследования, — конечно, в желательном для евреев направлении, — по делу об убийстве в г. Киеве мальчика Ющинского в связи с данными судебного следствия по делу Бейлиса, частные сыщики,—приехавший уже из Лондона английский сыщик и бывший начальник киевской сыскной полиции Рудой. Сообщая о сем вашему высокопревосходительству, обязываюсь уведомить вас, милостивый государь, что, несмотря, с одной стороны, на оттененную судебными прениями неблаговидность допущенных в этом деле приемов как добровольных частных сыщиков, так и полицейского сыска, и склонность, с другой стороны, некоторых слоев общества считать это дело, хотя в судебном отношении и законченное, все же далеко не исчерпанным по существу, министерство внутренних дел, с своей стороны, в целях успокоения чрезвычайно взволнованного этим делом общественного мнения и избежания всяких поводов к обострению на этой почве племенной вражды, не находит ныне, по окончании суда, целесообразным начинать через свои органы новое расследование по этому делу, если, конечно, вашим высокопревосходительством такое расследование не будет признано желательным. Вследствие сего и принимая во внимание доставленные подполковником Ивановым данные, имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство почтить меня уведомлением, в какой мере являются ныне, по окончании суда, законными частные попытки новых по делу об убийстве Ющинского розысков.

В. Джунковский.

23. Письмо министра юстиции Щеглозитова на имя товарища министра внутренних дел Джунковского от 17 декабря 1913 г. № 10795.

Совершенно доверительно.

Милостивый государь
Владимир Федорович.

Вследствие письма от 11 декабря 1913 г. за № 107724 имею честь уведомить ваше превосходительство, что для нового расследования дела об убийстве в г. Киеве мальчика Ющинского в распоряжении

министра юстиции не имеется решительно никаких данных. Что касается до упоминаемых в письме вашего превосходительства попыток частных лиц предпринять новые розыски по тому же делу, то, к сожалению, упомянутые розыски законом не воспрещены, хотя они по существу весьма нежелательны по такому делу, каким является дело Бейлиса. Вследствие этого я полагаю, что было бы в высокой степени полезно воспрепятствовать предпринимаемым розыскам, для чего надлежало бы, по моему мнению, установить самое строгое негласное наблюдение за действиями приехавшего уже из Лондона английского сыщика и, вместе с тем, предложить ему передавать все имеющие поступить к нему сведения прокурорскому надзору, с предварением, что он не имеет права никого вызывать к себе для допросов. Переходя засим к вопросу о предполагаемой деятельности, по дополнительному обследованию дела Бейлиса, бывшего начальника сыскной полиции Рудого, я считал бы соответственным предупредить последнего, что подобная его деятельность, по всей вероятности, возбудит местные страсти, а это обстоятельство может повлечь за собою высылку его из Киева.

Ив. Щегловитов.

24. Донесение генерального консула в Лондоне барона А. Гейкинга министерству иностранных дел от 23 апреля (6 мая) 1912 г. № 2969.

Сего числа в газете «Times» появился протест, при сем прилагаемый [1]), против обвинения убийц мальчика Ющинского в совершении этого убийства с ритуальной целью.

Протест подписан целым рядом видных деятелей Англии.

Хотя в этом протесте упомянуто о том, что протестанты воодушевляются истинной дружбой к России и не желают вмешиваться в ее внутренние дела, все-таки названный протест как раз имеет значение непрошенного и нежелательного вмешательства в дела русской империи.

Раз процесс ведется по законам страны, то эта легальная обстановка не может вызывать никаких протестов со стороны иностранцев.

Прокурорская власть решает, какую форму придать обвинению, и не только иностранцы, но даже частные русские люди не имеют права протестовать против этого.

Итак, к сожалению, приходится принять к сведению новое посягательство на наши внутренние дела со стороны англичан, подбитых к этому евреями.

В том же «Times» напечатано при сем прилагаемое в вырезке письмо еврея Самуэля [2]), свидетельствующее об удовлетворении ев-

[1]) Текст «протеста» не публикуется здесь за недостатком места.
[2]) Тоже.

реев вышеупомянутым протестом, причем г. Самуэль в своем письме еще прибавил выходку против России.

Генеральный консул бар. Г е й к и н г.

25. Письмо посла в Лондоне графа Бенкендорфа министру иностранных дел Сазонову от 25 апреля (8 мая) 1912 г.[1])

Господин министр.

Считаю долгом обратить внимание вашего высокопревосходительства на одно из наиболее странных выражений того, как некоторые представители английского общественного мнения могут увлечь английскую публику и как люди справедливые и умеренные мало приспособлены к тому, чтобы не поддаться подобному воздействию на них.

Вы заметите, конечно, что значительное число лиц, подписавших протест являются людьми большого достоинства и большой ценности. Эти их качества исключают возможность предполагать намерение произвести антирусскую демонстрацию. Это — выражение чувств, не отдающее себе отчета в том впечатлении, которое опубликование подобного документа может произвести в другом государстве. Тем более о нем следует пожалеть.

Я говорил об этом с сэром Артуром Никольсоном. Я прекрасно знал, что английское правительство совершенно бессильно воспрепятствовать подобным манифестациям, и я не сомневался, что он крайне сожалеет, что она имела место.

Поэтому я не придал своей беседе характера официального протеста. В разговоре, который имел совершенно конфиденциальный характер, я высказал сэру Артуру мое удивление и сказал ему, что это вызовет в России взрыв негодования.

Я не успел закончить своей фразы, как сэр Артур принялся сам развивать те же мысли и стал с горечью критиковать опубликованное воззвание, указывая, что целый ряд подписей не должен был бы фигурировать под ним. Он не понимал, на основании чего именно было составлено это воззвание, и спрашивал меня, что я знаю об этом деле.

Я ему ответил, что в точности не знаю решительно ничего, за исключением того, что мог почерпнуть из русской прессы, но что не следует удивляться тому, что это воззвание непоколебимо воспринято русской печатью не столько в связи с общим вопросом о «ритуальных убийствах», сколько в связи с конкретным процессом.

В действительности этот вопрос об еврейских ритуальных убийствах, возникший очень давно, ставится, как мне кажется, чаще

---

[1]) Перевод с французского.

всего по поводу патологических убийств; вопрос этот принадлежит к числу тех, которые вызывают чрезвычайное возбуждение в умах. Я совершенно не знаю, как этот вопрос поставлен перед нашим судом. Но если приговор суда так или иначе должен придать совершенному преступлению именно религиозный характер — и никакой иной, то я уверен, что общественное мнение, вообще весьма склонное к мысли о том, что налицо судебная ошибка, во всяком случае, откажется возложить ответственность на еврейскую религию или на весь еврейский народ. Так, несомненно, было бы в Англии.

Вы заметите, что «Times» предпосылает воззванию телеграмму своего корреспондента из Петербурга, которая лишает воззвание его смысла. Можно думать, что «Times» поступил так для того, чтобы отмежеваться от опубликованного воззвания.

А. Бенкендорф.

26. Телеграмма посла в Вашингтоне Бахметева министерству иностранных дел от 25 октября (7 ноября) 1913 г.

Депутация от американского духовенства явилась к Брайану с просьбой доставить государю императору подписанное епископом нью-йоркским, одним кардиналом, 21 епископом и 12 духовными лицами различных христианских вероисповеданий, прошение о прекращении дела Бейлиса и обвинения жидов вообще в ритуальных убийствах, но Брайан категорически отказался принять эту бумагу. Она тогда была послана мне, а я тотчас же вернул ее епископу нью-йоркскому по почте без всяких объяснений.

Бахметев.

27. Письмо товарища министра иностранных дел Нератова исп. д. председателя Совета министров Харитонову от 25 октября 1913 г. № 13993.

Секретно.

Милостивый государь
Петр Алексеевич.

Императорский посол в Вашингтоне уведомил министерство иностранных дел, что проживающими в Соединенных Штатах евреями предпринята новая агитация против России в связи с рассматривающимся ныне в киевском окружном суде делом Бейлиса. Агитация эта выразилась в многочисленных газетных статьях и сходках, устраивавшихся в некоторых местностях Соединенных Штатов, а также нашла отклик в конгрессе. В палате представителей депутат Саба, еврей, предложил резолюцию, требующую, чтобы американское правительство сделало императорскому правительству соответствующее представление. Такое же предложение внесено в сенат сенатором Луи Ашем.

До настоящего времени однако резолюции эти еще не обсуждались.

К сему гофмейстер Бахметев присовокупил, что, в видах опровержения ложных газетных известий, утверждающих, будто в деле Бейлиса обвиняется вообще все еврейство в совершении ритуальных преступлений, представлялось бы, быть может, желательным каким-нибудь путем осветить дело с правильной стороны и выяснить его истинное положение.

Об изложенном считаю долгом довести до сведения вашего высокопревосходительства на случай, если бы вами было признано желательным снестись с министром юстиции в целях помещения в органах печати какого-либо сообщения по настоящему делу.

О последующем имею честь покорнейше просить не отказать уведомить, с доставлением, в подлежащем случае, текста означенного сообщения.

А. Нератов.

28. Письмо председателя Совета министров Коковцова министру иностранных дел Сазонову от 11 ноября 1913 г.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Товарищ вашего превосходительства, гофмейстер Нератов, ссылаясь на сообщение императорского посла в Вашингтоне о предпринятой евреями в Северо-Американских Штатах агитации в связи с делом по обвинению Бейлиса в убийстве Ющинского, обратился к председательствовавшему, за моим отсутствием, в Совете министров статс-секретарю Харитонову с письмом от 25 минувшего октября, за № 13993, в коем возбудил вопрос о том, не представлялось ли бы желательным, в видах опровержения распространяемых по сему поводу ложных слухов, поместить в печати правительственное сообщение, выясняющее истинное положение означенного дела.

На сделанное, вследствие сего, сношение с министром юстиции — статс-секретарь Щегловитов отозвался, что ввиду последовавшего в отношении Бейлиса оправдательного приговора, приветствуемого всей еврейской печатью, он находил бы излишним помещать в печати какое-либо официальное сообщение по этому делу, так как подобное сообщение, вероятно, побудило бы евреев к новым выпадам.

Уведомляя об изложенном отзыве министра юстиции, мною в существе разделяемом, прошу вас, милостивый государь, принять уверение в отличном моем уважении и совершенной преданности.

В. Коковцов.

29. Донесение генерального консула в Лондоне барона Гейкинга министерству иностранных дел от 4(17) января 1914 г. № 92.

Отношением своим от 2(15) декабря 1913 г. генеральное консульство донесло во второй департамент о том, что в восточном лондонском квартале в еврейском театре на языке yeddisch идет пьеса, изображающая во враждебном для России виде судебное разбирательство дела об умерщвлении отрока А. Ющинского. Ввиду того, что эта пьеса на еврейском жаргоне, очевидно, была предназначена только для евреев, генеральное консульство не сочло возможным что-либо предпринять против этого несимпатичного начинания. Но евреи не ограничились этим, а составили кинематографическую ленту с этой пьесы и предполагали показывать ее в Мюзик-Холле на Оксфорд-стрит. Перед театром появилось изображение русского еврея в кандалах среди сибирского ландшафта, и при сем прилагаемая программа [1]) обещала разоблачить тайны преследования Менделя Бейлиса в России. В этой кинематографической ленте легко было предугадать попытку евреев воздействовать на английское общественное мнение в недружелюбном для России смысле. Вследствие этого генеральное консульство сочло своим долгом обратиться в Совет Лондонского графства (London County Council), от которого зависит разрешение всех представлений в music hall'ах, обращая внимание этого административного органа на очевидную тенденциозность предполагаемого представления, могущего повлиять на английское общественное мнение в нежелательном для России смысле, в то время как между двумя государствами существует entente в политическом отношении. Вследствие этого письма генерального консульства, при сем в копии представляемого, Лондонский графский совет распорядился о запрещении представления. Нельзя не отметить этот случай, как отрадный признак того, что англичане начинают понимать те узко-еврейско-националистические стремления, которыми воодушевляются евреи в Англии, всячески стараясь направить англию на Россию и отравить английское общественное мнение по отношению к нашему государству.

О вышеизложенном имею честь донести в департамент.

Генеральный консул бар. Г е й к и н г.

30. Копия письма генерального консула в Лондоне барона Гейкинга Совету Лондонского графства от 16 января 1914 г. № 58. [2]).

Прилагаю при сем программу сеанса, который должен состояться в ближайшее воскресенье и имеет своей темой «изображение пресле-

[1]) Текст программы здесь опущен за недостатком места.

[2]) Перевод с английского.

дований еврея Менделя Бейлиса», который обвинялся в совершении ритуального убийства, но был оправдан.

Фильм изготовлен с явным намерением вызвать дурное отношение к России. Так как политика Великобритании в настоящее время направлена на установление соглашения с Францией и Россией в международных вопросах, я не могу не думать, что предположенное представление не может рассматриваться как благоприятствующее. Русские евреи, допущенные в Великобританию, должны, по моему, проникнуться английской точкой зрения и не злоупотреблять пребыванием на территории Англии для враждебных выступлений против России.

Я думаю, что в интересах обеих стран было бы, чтобы фильм под названием «Преследование Менделя Бейлиса» не был показан в Великобритании. Я буду весьма обязан, если узнаю, что именно вы имеете ввиду предпринять в этом отношении.

Ваш покорный слуга А. Г е й к и н г, генеральный консул.

31. Письмо генерального консула в Лондоне барона Гейкинга директору 2 департамента министерства иностранных дел Бентковскому от 18(31) января 1914

Конфиденциально.

Милостивый государь
Альфред Карлович.

Свидетельствуя с благодарностью о получении телеграммы № 123, имею честь сообщить, что сего числа я получил из Лондонского графского совета уведомление, что этот совет не счел возможным воспретить демонстрирование кинематографической ленты, относящейся к Бейлису.

Генеральное консульство в этом деле не пользовалось никакой поддержкой со стороны императорского посольства. Г. советник посольства сообщил мне, что демонстрирование [illegible] ленты относится к политике и что г. посол, как и он, [illegible] от принимать никаких мер по сему делу. Но, во всяком случае, тот факт, что названная лента является поруганием над русским производством, изображая Бейлиса подвергающимся пыткам и ставляя во [illegible] весь этот уголовный процесс в извращенном виде.

Это дело, кроме своего конкретного значения, кажется, заслуживает быть рассмотренным и в принципиальном отношении. Поневоле поражаешься тем странным и возмутительным фактом, что даже в странах, правительства коих открыто дорожат тесно дружескими с Ро

й сношениями, как, например, Франция и Англия, допускается до-льно часто в драматических и кинематографических представлениях крытое глумление над Россией, тенденциозное исковеркивание фак-ов и самая беззастенчивая клевета, вдохновленная часто махина-иями русских подданных инородцев. Надо иметь в виду, что Россия все не единственная страна, в которой правительство производит дзор над такими представлениями. Такой надзор, например, произ-водится во Франции и Англии. В Англии каждая драматическая и оперная пьеса должна получить специальное разрешение от lord chamberlain'a, а театры-варьете и кинематографические театры стоят под надзором местного графского совета, от которого они получают на каждое представление особый «licence». Свое право разрешения или запрещения данного представления правительство использует без-апелляционно по соображениям этическим, политическим и общегосу-дарс енным. Лишь запросы в парламенте о причинах данного запре-щения составляют право контроля со стороны общественного мнения. Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что театральные и кинематографические представления, даже в таких либеральных стра-нах, как Франция и Англия, подлежат известному надзору со стороны в стей. А наши дипломатические представители за границей состоят в постоянных сношениях с этими властями, стало быть, они имеют воз-мо ность постоянно обращать внимание этих властей на случаи, в ко-торы на сцене попрана честь России тем или иным образом, и также не подле сомнению, что власти дружественных нам стран, вообще говоря, готовы итти навстречу русским пожеланиям. Предотвращение представл ий, роняющих достоинство России, желательно не только для общего поддержания занимаемого Россией международного поло-жения, для ограждения от покушения на доброе имя России, но и для предупреж я возникновения несимпатичного к России отношения со стороны общественного мнения. Это последнее обстоятельство очень важно, если принять в соображение, что в таких либерально-демокра-тических , как Франция и Англия, общественное мнение яв-ляется м фактором, определяющим направление политики русские представители, желающие сохранить хоро-шие сношения Англией, должны постоянно стараться предупреждать нежелательное воздействие на публичное мнение Англии, могущее вредить собственному государству. Так и поступают представители многих стран, внимательно следя за публичной жизнью Англии, в ко-торой они имеют свое местопребывание, опровержениями в печати и постоянным обращением к власти выражая свое мнение для оказания влияния на ход публичной жизни. Только Россия в этом отношении отличается чуть ли не от всех других стран тем, что дерзают возводить

на нее всевозможные обвинения и представлять ее в отвратительном свете для служения интересам врагов и ненавистников нашего государства.

В Лондоне даются в первоклассных театрах пьесы и показываются в кинематографических сеансах ленты, оскорбляющие русское чувство своей тенденциозной ложью и беззастенчивой клеветой. Таковы пьесы: «The Man who was» Редьярда Киплинга в «Haymarket Theatre», «The Open door» в «Lyceum Theatre», «The great Catharine» Бернарда Шоу в «Duke of Iork Theatre» и другие. Из кинематографических лент с тенденцией против России идет еще в настоящее время лента, изображающая судебное дело против Бейлиса. Спрашивается, отчего на долю России выпадает такой неприятный опыт? Чем она хуже других стран? Отчего именно она страдает от всех этих ядовитых покушений на ее доброе имя и честь? Не странно ли, что, например, Германия, пользующаяся в настоящее время несравненно меньшими симпатиями, чем Россия, не подвергается в Англии такому искусу? Не только в театрах и кинематографических сеансах не видно ничего открыто направленного против Германии, но даже в печати, при всем открытом недружелюбии, избегается клевета на эту страну. Ответ очень прост. Происходит это оттого, что Германия и германские представители умеют заручить себе уважение, прилагая всякое старание к достижению именно этой цели, тогда как Россия и ее представители отличаются философской беспечностью и инертностью. Volenti non fit injuria. Не может жаловаться тот, который согласился прямо или молчанием на причиняемый ему ущерб. Нельзя, к сожалению, не констатировать печального для нас факта, что с Россией и русскими за границей гораздо меньше церемонятся, чем с другими державами и гражданами оных.

Деятельность наших официальных представителей за границей должна быть направлена к тому, чтобы всячески поднимать престиж и уважение, коими должна пользоваться великая Россия и каждый отдельный гражданин этой могущественной империи. Всякое покушение на доброе имя России должно быть отвергнуто с должной энергией. К сожалению, в этом отношении на практике замечается совершенно неуместное снисхождение, или, лучше сказать, игнорирование нашими представителями нанесения вреда репутации России за границей.

Недавно давали в Лондоне новую пьесу Бернарда Шоу «The great Catharine», в которой лицо великой императрицы подвергается возмутительному надругательству. До разрешения пьесы цензор обратился к нашему поверенному в делах, прося сообщить, встречается ли с русской стороны препятствие к разрешению этой пьесы. Последовал ответ, что, хотя эта пьеса и несимпатична русскому чувству, он, поверенный в делах, не желает на себя брать вид цензора в Англии. Таким образом,

возмутительная пьеса об Екатерине Великой, к общему удивлению и негодованию всех русских в Лондоне, была поставлена на сцене.

Любимым оправданием несопротивления злу, оказываемому России заграницей сенсационной ложью, служит указание на желательность избежать создания рекламы данному предпринимателю или публицисту проявлением протеста или вообще официальным воздействием. Тот факт, что лицо, занимающееся клеветой на Россию и желающее ей таким образом вредить или нажить деньги, пользуется рекламой вследствие официального воздействия со стороны России — обстоятельство, совершенно чуждое делу необходимого отстаивания русских интересов. Это обстоятельство не должно оказывать влияния на исполнение официальных обязанностей, оно не может отрицать необходимости сопротивления, насколько это вообще возможно, всякому попранию чести России. Конечно, такое воздействие сопряжено часто с хлопотами и неприятностями, и избежание таковых кажется многим последним словом дипломатического искусства. Здесь смешиваются два совсем различных понятия, т. е. личное беспокойство и соблюдение вверенных данному лицу государственных интересов. Но, кажется, личное беспокойство не должно быть соображением, отвращающим данное официальное лицо от соблюдения вверенных ему государственных интересов всеми силами и напряжением всякой энергии.

Сообщая о вышеизложенном доверительным образом, я знаю, что высказываю справедливое мнение многих русских заграницей. Граф Бенкендорф велел мне сообщить, что если кто-нибудь сетует на невоздействие на английскую цензуру в случае оскорбления русского чувства в Англии, то он разрешает мне сослаться на него, как на виновника этого невоздействия. Это, конечно, для меня лично исчерпывает вопрос, но остается еще принципиальная сторона дела, заслуживающая, кажется, внимания нашего правительства.

Бар. Гейкинг.

32. Депеша посла в Лондоне графа Бенкендорфа в министерство иностранных дел от 23 января (5 февраля) 1914 г. № 167.

В ответ на отношение от 15 сего января за № 568 считаю долгом высказать мнение, что принятие мер к недопущению кинематографических представлений Франклина представляется мне едва ли целесообразным или даже выполнимым, поскольку дело касается провинциальных городов Англии.

Lord chamberlain's office пользуется известными правами цензуры для пьес, ставящихся на драматических сценах (и то лишь с нравственной и религиозной точки зрения сюжетов).

Цензорские же права Совета Лондонского графства, распространяющиеся на второстепенные театры (music halls), гораздо ограниченнее и менее определенны.

Кинематографическое представление «История преследования Бейлиса» получило здесь некоторую огласку лишь вследствие протеста, предъявленного генеральным консульством County Council'у.

Таковое официальное обращение в учреждение представительного характера неминуемо должно было возбудить особое внимание радикальной прессы и даже некоторых членов парламента, тем более, что цензорские права Графского совета вообще являются предметом постоянных с их стороны нападок.

Дальнейшие шаги со стороны императорского посольства способствовали бы только нежелательному рекламированию представлений Франклина, на деле не увенчавшихся успехом и не удостоившихся даже на короткое время внимания публики. Большие лондонские газеты о них даже не упомянули, и расчет Франклина эксплоатировать свое дело в провинции, по моему мнению, неоснователен.

Я не могу не сожалеть, что генеральный консул не обратился в посольство до предъявления своего протеста.

Я предложил бы ему воздержаться от официальных шагов, которые в результате не могли не вызвать некоторый интерес публики.

Считаю нужным заметить, что между императорским посольством и управлением lord chamberlain установились отношения, значительно облегчающие разрешение подчас щекотливых вопросов, связанных с театральными сюжетами, и до разрешения постановки какой-либо пьесы lord chamberlain даже нередко по собственной инициативе обращается в посольство с просьбой сообщить отзыв. Самоличные же и необдуманные выступления генерального консульства способны были бы затруднить разрешение подобных вопросов в будущем.

Возбуждение вновь вопроса о запрещении представлений в провинции, — после прекращения и полной неудачи их здесь, — придало бы им лишь значение, которого они не могли иметь в одном из многочисленных, совершенно второстепенных лондонских театров.

Я распространился на этот счет, будучи уверен, что императорское министерство разделяет мое мнение, что подобного рода вопросы, тем более в столице, должны зависеть прежде всего от усмотрения императорского посольства.

Граф Бенкендорф.

театральной критикой в печати и снята без всякого успеха. В вопросе о кино буду действовать согласно вашим указаниям.

Бенкендорф.

37. Письмо посла в Лондоне графа Бенкендорфа министру иностранных дел Сазонову от 10 (23) февраля 1914 г.[1])

Господин министр.

В целях выполнения инструкций министерства, преподанных в телеграмме от 3 (16) февраля с. г. № 271, и для того, чтобы быть в состоянии указать подлежащие запрещению картины, я поручил первому секретарю посольства ознакомиться на месте с подробностями спектакля.

Я прилагаю при сем доклад, представленный мне г. Томановским по этому вопросу [2]). Из него видно, что запрещению подлежала бы сцена с кнутом. Заключительная сцена, состоящая в жестах без слов, мне представляется слишком туманной для того, чтобы можно было протестовать против нее.

Из доклада вытекает, что отсутствует наиболее решительный аргумент в пользу административного вмешательства.

Я до сего времени был под впечатлением того, что представления эти претендовали на соответствие действительности; если бы это было так, то это было бы извращением, могущим ввести публику в заблуждение. Но в действительности это не так. На вопрос о том, много ли публики присутствовало на спектакле, г. Томановский мне ответил, что там было от 10 до 15 человек, включая и его самого. Это, по-моему, и является показателем успеха и влияния.

После этого я проверил у сэра Артура Никольсона, какова бы могла быть процедура вмешательства. Товарищ министра мне ответил, что решение зависит от Совета графства, не входящего в состав правительства и в отношении которого правительство не имеет иных возможностей, как предложить на его разрешение возникший вопрос. Это должно было бы быть сделано официально, что дало бы повод к обсуждению вопроса в Совете графства. Главным неудобством подобной процедуры явилась бы потеря посольством значительной части своего влияния, которое оно до сего времени могло оказывать на театральную жизнь и спектакли Лондона. Такой результат был бы тем более плачевным, что другие посольства, насколько я вижу, не смогли до сего времени оказывать подобного влияния.

Вы не откажете признать, что здесь на месте подобные инциденты воспринимаются иначе, чем на расстоянии, и что явное и официальное вмешательство по поводу эпизода, осужденного самой публикой, вс-

[1]) Перевод с французского.

[2]) См. ниже стр. 200.

все не соответствует принципам национального достоинства, справедливо положенным в основу инструкций министерства.

А. Бенкендорф.

38. Копия рапорта первого секретаря посольства в Лондоне на имя посла в Лондоне от 7(20) февраля 1914 г.

Вследствие данного мне вашим сиятельством поручения ближе ознакомиться с сущностью постановки кинематографических представлений, изображающих недавний киевский процесс Бейлиса, я лично присутствовал на одном из означенных представлений.

Из прилагаемой при сем программы представления, дающегося в настоящее время в одном из бесчисленных кинематографов на отдаленнейшей окраине города в Manor Park'е, явствует, что озаглавленное «большой драмой» представление это состоит из трех отделений, из коих два первых всецело принадлежат области фантазии и ни в каком случае даже не претендуют на передачу действительности, а именно: в первом из сих отделений на экране повествуется любовь студента-еврея к христианской девушке, по требованию коей и с целью жениться на коей он решается принять христианскую веру, при содействии католического (?) священника.

Родители его, возмущенные его вероотступничеством, возбуждают против него гнев местного еврейского населения, страсти коего разгораются до степени его избиения, а засим и до изгнания студента-еврея из места его пребывания.

Между первым и вторым отделением проходит 15 лет; молодой еврей, превратившийся за это время в о. Панкратия (?), воспылал ненавистью ко всему еврейскому племени и поклялся отомстить ему во что бы то ни стало. Он является вдохновителем «Тайного русского общества черной сотни» в устраиваемой сим последним подделке ритуального убийства.

Третье отделение, явно отступая от действительности в отношении местного колорита, однако более близко подходит к существу дела, изображая в трех картинах процесс Бейлиса, из коих одна под заглавием «The terrible knout» представляет мнимого Бейлиса, у которого силою пресловутого кнута, кстати сказать, применяемого в количестве одного лишь удара, в присутствии, якобы, полицейского чиновника, тщетно исторгается признание его виновности в убийстве Ющинского. Засим следует последняя картина: Бейлис оправдан и мысленно обращает свои взоры к стране (Англии? или Америке?), где нет деспотизма и где все равны.

Судя по впечатлению, вынесенному из сего представления, оно не возбуждает какого-либо особенного интереса в публике, сильно поре-

33. Письмо министра иностранных дел Сазонова послу в Лондоне графу Бенкендорфу от 30 января (12 февраля) 1914 г.

Милостивый государь
граф Александр Константинович.

Ссылаясь на отношение императорского посольства во второй департамент от 23 января (5 февраля) с. г. № 167 касательно демонстрирования в Англии кинематографической ленты под названием «История преследования Бейлиса», имею честь уведомить ваше сиятельство, что я вполне согласен с вами, что генеральному консулу надлежало снестись с посольством, прежде чем вступать по такого рода делам в непосредственные сношения с местными властями. С другой стороны, я затруднился бы согласиться с приведенными в означенном отношении соображениями относительно допущения подобных представлений в Англии.

Вопрос о представлениях в провинции и не возбуждался бы, если бы посольству удалось не допустить появления в самом Лондоне столь оскорбительных для России выступлений. Представление во второстепенном театре усугубляет лишь, по моему, его вредное значение, так как театры эти посещаются уличной толпой, не привыкшей относиться критически к предлагаемым ей зрелищам. К тому же кинематограф является более опасным орудием воздействия на публику, чем драматическое представление, а потому и может иметь больший успех в смысле распространения клеветы. С проявлением же этой клеветы мы должны бороться по примеру других правительств всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, так как искажение русских порядков не может не отозваться в весьма неблагоприятном для нас смысле на настроении общественного мнения, которое в Англии имеет чрезвычайно важное значение и оказывает немалое влияние на направление политики страны. С другой стороны, не следует упускать из виду и того впечатления, которое это производит на наше общественное мнение, неоднократно заявлявшее жалобы на недостаточную бдительность в этом отношении со стороны наших дипломатических представительств.

Поэтому предотвращение разного рода публичных выступлений, роняющих достоинство России, имеет в Англии, как впрочем и в других странах, существенное значение и является крайне желательным с точки зрения поддержания занимаемого Россией международного положения и для ограждения от покушений на доброе имя России.

Ввиду сего и придавая самое серьезное значение этим вопросам, я решил и не премину при первом же свидании со здешним великобританским послом обратить его внимание на допущение в Англии публичной клеветы на Россию и на желательность принятия со стороны вели-

кобританского правительства находящихся в его распоряжении мер для прекращения этого явления.

Вместе с сим имею честь покорнейше просить ваше сиятельство не отказать со своей стороны поддержать перед сэром Артуром Никольсоном мое обращение к сэру Д. Бьюкенену.

О последующем по сему поводу покорнейше прошу благоволить уведомить.

Сазонов.

34. Письмо великобританского посла в Петербурге Бьюкенена министру иностранных дел Сазонову от 2(15) февраля 1914 г. [1])

Ссылаясь на то, что вы высказали мне несколько дней тому назад по поводу пьесы Шоу «Великая Екатерина» и кинематографических сеансов по поводу процесса Бейлиса, Никольсон телеграфировал мне, что пьеса снята с репертуара, но что правительство не может контролировать творчества Шоу. Но если вы найдете нужным инструктировать Бенкендорфа, чтобы он точно указал те фильмы, которые явно ложны и подлежат запрещению по своему содержанию, то министерство иностранных дел войдет в сношение с местными властями, чтобы выяснить, могут ли они что-либо предпринять для того, чтобы запретить недопустимые картины. Только местные власти могут оказывать подобное воздействие в подобных вопросах посредством угрозы отказом в возобновлении разрешений тем театрам, в которых подобные вещи показывались.

Искренно ваш Джордж В. Бьюкенен.

35. Телеграмма министерства иностранных дел послу в Лондоне графу Бенкендорфу от 3(16) февраля 1914 г.

Бьюкенен сообщает, что пьеса Шоу «Екатерина Великая» снята великобританским правительством с репертуара. Меры же по отношению к кинематографической ленте о Бейлисе могут быть приняты лишь местными властями, в случае, если вы укажете точно великобританскому правительству места ленты, подлежащие запрещению.

Благоволите сделать соответствующее представление.

36. Телеграмма посла в Лондоне графа Бенкендорфа в министерство иностранных дел от 4(17) февраля 1914 г.

По справедливости я должен не столько исправить, сколько уточнить сообщение Бьюкенена. Лишь вследствие конфиденциальных переговоров с управлением lord chamberlain, когда Эттер был поверенным в делах, пьеса «Екатерина», хотя и с опозданием, исчезла со сцены. Пьеса эта, несмотря на имя автора, была встречена весьма сурово

[1]) Перевод с английского.

девшей к концу его и скорее насмешливо настроенной ко всей этой буффонаде, и едва ли приходится опасаться какого-либо вредного воздействия на английскую публику в смысле возбуждения антирусского настроения.

В заключение считаю долгом присовокупить, что, по крайнему моему убеждению, всякие дальнейшие настояния со стороны императорского посольства на принятие каких-либо мер пресечения означенного кинематографического представления могли бы только поддержать интерес к нему публики и этим самым послужили бы столь нежелательному его рекламированию.

39. Письмо товарища министра внутренних дел Джунковского министру иностранных дел Сазонову от 11 (24) февраля 1914 г. за № 166999.

Совершенно доверительно.

Милостивый государь
Сергей Дмитриевич.

Внимательным наблюдением министерства внутренних дел за всеми внешними событиями, возникшими в связи с известным процессом Бейлиса, а равно за крайним раздражением и озлоблением, охватившим по этому поводу еврейскую радикальную интеллигенцию как в самой России, так и особенно за границей, отмечено, что, потерпев, несмотря на все свои усилия вызвать в знак протеста уличные беспорядки и забастовки, решительную неудачу, международное еврейство успело развить, как посредством заграничной, недосягаемой для русских уголовных законов, прессы, помещавшей колоссальное количество крайне клеветнических статей, так и посредством распространения всяческих нелепых слухов, систематическую, неслыханную дотоле дикую травлю русского правительства, вышедшую даже за пределы обычной разнузданности, за одно только допущение возникновения на суде предположений о ритуальной подкладке дела. Поставив своей задачей воспитать в западноевропейских широких общественных кругах убеждение в каких-то человеконенавистнических замыслах русского правительства и не довольствуясь уже вышеуказанными для сего способами, еврейская ненависть, опираясь на свое финансовое преобладание и на легковерие широких масс европейской публики, не преминула прибегнуть к услугам падких на сенсацию театральных и кинематографических предпринимателей, коими и был организован целый ряд специально посвященных этому процессу представлений и спектаклей, не стеснявшихся уже абсолютно ничем и дававших, вопреки элементарному правдоподобию, на сцене и на экране картины изуверских истязаний и чуть ли не пыток.

Этот способ травли России и ее правительства достиг, по имеющимся у меня сведениям, своего кульминационного пункта именно в

Лондоне, быть может, именно потому, что из названного города исходил от помещавшегося там Центрального комитета поалей-ционистских (т. е. рабочих сионистско-социалистических) организаций призыв ко всем этим организациям вести агитацию по поводу процесса Бейлиса. Этим процессом однако не исчертываются сюжеты инсценируемых в Лондоне возмутительных с нашей точки зрения представлений и спектаклей, и наряду с этим делом очень часто за последнее время в лондонских театрах ставятся чрезвычайно оскорбительного для России содержания пьесы и драматические произведения, подвергающие тенденциозному и лживому глумлению и дорогие русским исторические образы. Зная, что английские законы открывают великобританским властям полную возможность воздействия на театральные и кинематографические представления, проживающие в Англии, и в частности в ее столице, русские подданные весьма, по имеющимся у меня сведениям, удручены совершенно безразличным отношением императорского российского посольства к ограждению чести и достоинства России от вышеуказанного постоянного поношения в театрах и кинематографах, в том числе даже первоклассных.

Несмотря на открыто свидетельствуемую подлежащими чинами великобританской администрации полную готовность ввиду дружеских отношений между Англией и Россией итти навстречу посольству, если бы последнее выразило пожелание о недопущении этих представлений, посольство не только никаких в этом направлении шагов не предпринимает, но даже отклоняет высказываемые, в видах особой любезности, по инициативе самих же английских властей, этого рода предположения.

Подобный мало понятный образ действий посольства, являющийся резким контрастом с энергией пребывающих в Лондоне дипломатических представителей остальных держав, умеющих, несмотря на холодные отношения своих правительств с правительством великобританским, ограждать достоинство представляемых ими народов от малейших на таковое вышеуказанного рода посягательств, не только оскорбляет престиж русского имени, но и создает проживающим в Лондоне русским и другим подданным затруднения, давая английской публике повод относиться к ним без должного уважения и с ними не считаться.

Имея в виду бесспорное значительное воспитательное влияние театра и кинематографа на публику и принимая во внимание, что при исторически сложившейся весьма важной роли общественного мнения даже в вопросах английской внешней политики подобная враждебная России беспрепятственная обработка широких слоев английского общества может иметь нежелательные для наших государственных интересов последствия, я об изложенном обязываюсь довести до сведения вашего превосходительства. В. Джунковский.

40. Письмо министра иностранных дел Сазонова на имя товарища министра внутренних дел Джунковского от 21 февраля (6 марта) 1914 г. № 16.

Совершенно доверительно.

Милостивый государь
Владимир Федорович.

Вследствие письма от 11 февраля с. г. № 166999 по поводу постановки на великобританских сценах враждебных России театральных и кинематографических представлений, имею честь уведомить ваше превосходительство, что высказанное в письме вашем предположение о совершенно безразличном отношении императорского посольства в Лондоне к ограждению чести и достоинства России от нападок и посягательств со стороны враждебных России элементов едва ли находит себе основание в обстоятельствах настоящего дела.

Действительно, по осведомлении о постановке в Англии некоторых враждебных России театральных и кинематографических представлений, наши установления в Лондоне не преминули незамедлительно довести о сем до сведения министерства иностранных дел, коим и были тотчас же, еще ранее получения помянутого письма вашего, предприняты надлежащие меры к недопущению в дальнейшем подобных представлений на английских сценах.

Независимо этого императорским посольством в Лондоне были, со своей стороны, сделаны соответствующие сношения с великобританским правительством, результатом которых явилось снятие с репертуара дававшейся в одном из более значительных лондонских театров пьесы Бернарда Шоу «Великая Екатерина».

Что касается до демонстрирования в Лондоне в одном из многочисленных мелких театров кинематографического представления под заглавием «История преследования Бейлиса», изображающего в извращенном и тенденциозном виде дело об убийстве Ющинского, то, как выяснилось из переговоров с великобританским правительством, какие-либо меры в видах прекращения демонстрирования сказанной ленты могли бы быть приняты лишь местными, а не центральными английскими властями, и притом лишь по отношению к отдельным частям ленты явно извращенного и оскорбительного для России характера.

Со своей стороны великобританское правительство высказало готовность войти по сему поводу в надлежащие сношения с указанными своими местными властями, от коих зависело бы разрешение означенного вопроса.

Ввиду сего императорскому посольству в Лондоне было дано предписание указать великобританскому правительству, какие места помянутой кинематографической ленты подлежали бы запрещению.

Ныне граф Бенкендорф уведомляет по сему поводу, что в целях ближайшего определения тех мест сказанного кинематографического представления, кои могли бы быть опротестованы пред великобританским правительством, им был командирован первый секретарь посольства в звании камергера Томановский. Из рапорта названного секретаря посольства, в копии при сем препровождаемого, усматривается, что, повидимому, лишь одно место пьесы, а именно «сцена с кнутом», может послужить поводом к протесту посольства, вся же пьеса в целом представляется настолько незначительной и нелепой по содержанию, что придавать ей какое-либо серьезное значение едва ли является возможным.

С другой стороны, из переговоров императорского посольства с товарищем великобританского министра иностранных дел выяснилось, что решение вопроса о запрещении представлений в Лондоне отдельных мест пьесы зависит исключительно от Совета Лондонского графства, учреждения выборного, по отношению к коему правительственные власти имеют лишь право предложения тех или иных вопросов на обсуждение. При этом протест с нашей стороны должен быть внесен посольством в форме официального представления, каковое неминуемо вызвало бы прения в помянутом совете.

Сообщая об изложенном вашему превосходительству, имею честь покорнейше просить не отказать сообщить ваше заключение по вопросу о том, насколько, при изъясненных выше обстоятельствах, представлялись бы желательными дальнейшие настояния императорского посольства в Лондоне перед великобританским правительством в видах запрещения означенного кинематографического представления.

Сазонов.

41. Письмо товарища министра внутренних дел Джунковского на имя министра иностранных дел Сазонова от 15 апреля (28) 1914 г. № 169713.

Доверительно.

Милостивый государь Сергей Дмитриевич.

Вследствие письма от 21 минувшего февраля за № 16, имею честь уведомить ваше высокопревосходительство, что, ввиду изложенных в означенном письме вашем обстоятельств, я с своей стороны не усматривал бы надобности в дальнейших настояниях императорского российского посольства перед великобританскими властями о запрещении кинематографических представлений, посвященных недавнему процессу Бейлиса.

В. Джунковский.

Ответственная редакция: { В. Адоратский, В. Максаков, М. Покровский

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ КОМАКАДЕМИИ—ЦЕНТРАРХИВ

АРХИВ ИСТОРИИ ПРОЛЕТАРИАТА

ТОМ ПЕРВЫЙ

(готовится к печати)

Архивная опись фонда департамента полиции.

ТОМ ВТОРОЙ

(печатается)

Систематический указатель материалов по истории пролетариата к архивной описи фонда департамента полиции. 1895—1917.

Под редакцией: **В. Невского, В. Максакова, А. Панкратовой, О. Чаадаевой, Б. Граве, К. Воиновой и В. Бухиной.**

СОДЕРЖАНИЕ

А. Формирование пролетариата.

1. Численность пролетариата. 2. Состав пролетариата. 3. Рынок труда.

Б. Экономическое положение пролетариата.

1. Заработная плата. 2. Рабочее время. 3. Условия труда. 4. Быт.

В. Рабочее движение.

1. Массовое движение. (Собрания, сходки, забастовки, фабричный террор, демонстрации, экспроприации, вооруженное восстание.)
2. Пролетариат и политические партии. а) Агитация, кружки, распространение литературы. б) Социал-демократы. Бунд. С.-р. ППС и „Пролетариат". Анархисты.
3. Профессиональное движение.
4. Взаимопомощь и кооперация.
5. Рабочие культурно-просветительные общества.
6. Рабочее представительство. (Гос. дума. Комиссия Шидловского. Военно-промышленный комитет. Страховые органы и др.)
7. Советы рабочих депутатов.

Г. Правительство и буржуазия в борьбе с пролетариатом.

Заказы направлять в отделения и магазины Книготоргового объединения государственных издательств.

Цена 4 руб.

СОЦЭКГИЗ

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1933 год
НА ЖУРНАЛ

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРГАН ЦЕНТРАРХИВА РСФСР

ГОД ИЗДАНИЯ 12-й

6 книг в год

Задачи журнала: публикация неизданных архивных материалов по истории внешней политики, империалистической войны, истории революционного движения, истории Октябрьской революции, истории фабрик и заводов и гражданской войны.

Особенное внимание в 1933 г. будет посвящено опубликованию материалов по истории Октябрьской революции, гражданской войны и интервенции.

Журнал необходим вузам, библиотекам, научным работникам, историческим и краеведческим обществам, отделам истпарта, педагогам, газетным работникам и др.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на год — 15 руб., на 6 мес. — 7 руб. 50 коп.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР 2 РУБ. 50 КОП.

Подписка принимается всеми отделениями и киосками Союзпечати, а также всюду на почте.